63,52(5)
A-35

[redacted]

„ПРОВЕРЕНО"

5/1973.

отпр. 27/VIII-41.

АЗІЯ.

63.529(5)
А 35
Библиотека Тобольского Государственного историко-архитектурного музея-заповедника инв. № 2536
Тоб. Окр. Б-ка № 16513

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ГЕОГРАФІИ

А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

2-ое, исправленное и дополненное изданіе.

1-е изданіе Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ ученич. библ. [illegible] гимн., муж. и жен., реал. уч., учит. инст. и [illegible]
Уч. Ком. М. Фин. одобрено для учен. [illegible] коммер. учебн. зав.

Цѣна 2 руб.

Изданіе Т-ва И. Н. Кушнерев[illegible] и К°
Москва—190[illegible]

Ранѣе вышедшіе географическіе сборники тѣхъ же составителей:

„Америка“.—Съ 56 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. М. 1901 г. Ц. 2 р. 25 к., въ изящ. пер. 2 р. 85 к. Уч. Ком. М. Н. П. *одобренъ* въ учен. библ. средн. и старш. возр. муж. и жен. гимн., реал. уч., въ библ. учит. инст. и сем. и въ безпл. народ. читал.—Учен. Ком. Мин. Фин. *одобренъ* въ ученич. библ. коммерч. учебн. зав.—Уч. Ком. Мин. Землед. *одобренъ* въ ученич. библ. подвѣдом. М-ву учебн. завед.

„Африка“.—Съ 46 илл. въ текстѣ и 16 на отд. л. М. 1902 г. Ц. 2 р., въ изящн. пер. 2 р. 60 к. Уч. Ком. М. Н. П. *допущенъ* въ учен. библ., старш. и средн. возр. гимн., муж. и жен., реал. уч., учит. инст. и сем. и въ безпл. народн. библ. и чит.—Учеб. Ком. М. Фин. *рекомендованъ*, какъ сборн., полезный для чтенія.

„Европа“.—Съ 72 илл. въ текстѣ и 23 на отд. л. М. 1902 г. Ц. 2 р. 75 к., въ изящ. пер. 3 р. 35 к. Уч. Ком. М. Н. П. *допущенъ* въ учен. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реал. уч., учит. инст. и сем. и въ безпл. народн. библ. и чит.—Учеб. Ком. М. Фин. *допущенъ* какъ пособіе для классн. и домаш. чтенія въ коммерч. учебн. завед.

„Австралія“.—Съ 42 илл. въ текстѣ и 10 на отд. л. М. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к., въ изящ. пер. 2 р. 10 к. Уч. Ком. М. Н. П. *допущенъ* въ учен. библ. средн. и старш. возр. гим., муж. и жен., реал. уч., учит. инст. и сем. и въ безпл. народ. библ. и чит.—Учеб. Ком. М. Фин. *допущенъ* въ ученическ. библ. коммерч. учеб. заведеній.

„Азіатская Россія“.—Съ 79 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. листахъ. М. 1903 г. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к. Уч. Ком. М. Н. П. *допущенъ* въ учен. библ. средн. учеб. завед., муж. и жен. (для старш. и средн. возр.) и городск. учил., въ библ. учит. семин. и инст. и въ безпл. народ. чит. и библ.—Учеб. Ком. М. Фин. *одобренъ* для пріобрѣт. въ ученич. библ. учебн. зав. вѣдомства М. Фин.

„Европейская Россія“.— Съ 70 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. листахъ. М. 1904 г. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.

А. Круберъ, С. Григорьевъ, А. Барковъ и С. Чефрановъ.—„Начальный курсъ географіи“. Со многими рисунками, цвѣтными картами и діаграммами въ текстѣ. М. 1903 г. Ц. 75 к. Уч. Ком. М. Н. П. условно *допущенъ* въ кач. учеб. руков. для сред. учеб. зав. Уч. Ком. М. Фин. *одобренъ* какъ руководство для коммерческ. учеб. заведеній.

„О. Шмейль.—Очерки изъ жизни растеній“. Перев. съ нѣм. С. Григорьева, Л. Синицкаго и С. Чефранова.—520 стр. со многими рисунками въ текстѣ и *38 цвѣтными таблицами*. М. 1903 г. Ц. 3 р. 75 к. въ изящн. переплетѣ 4 р. 50 к.

Н. Тарасовъ и С. Моравскій.—Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVШ вѣковъ. Съ *12 картинами* на отдѣл. листахъ. М. 1903 г. Цѣна 1 р. 25 к.—Уч. Ком. М. Н. П. *допущена* въ учен. библ. средн. учебн. завед. и для раздачи учащимся въ сихъ завед. въ награду, а также въ безпл. народн. читал. и библіот.—Глав. Упр. Воен. Учеб. Зав. *рекомендована* въ ротн. библ. старш. класс. кадет. корп. Учеб. Ком. М. Фин. *допущена* въ учен., средн. и старш. возр., библ. учеб. завед. вѣдомства М. Фин. и для выдачи въ качествѣ награды учащ. въ сихъ учеб. завед.

Р. Киплингъ. — Смѣлые мореплаватели. Повѣсть, *полный* перев. съ англ. А. Каррикъ. Съ 38 иллюстр. М. 1903 г.—Цѣна 1 р. 25 к., въ изящ. папкѣ 1 р. 50 к.—Уч. Ком. М. Н. П. *допущена* въ ученич., средн. и старш. возр., библ. средн. учеб. завед. и въ безпл. народн. читал. и библ. Учеб. Ком. М. Фин. *допущена* въ ученич., средн. и старш. возр., библ. учеб. завед. вѣдомства М. Фин.

Главный складъ изданій при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° **въ Москвѣ:** Пименовская, соб. д.; и отдѣленіяхъ: **въ С.-Петербургѣ:** Фонтанка, 117, типогр. М-ва Путей Сообщенія; **въ Кіевѣ:** Караваевская, 5.

Т.Ц.Н.Б.
по хронологическому каталогу № 2151.
91(5)
С-22
по системам каталогу
Тоб. Окр. Б-ка № 16513
Т. Ц. Б.
У-1р

АЗІЯ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ГЕОГРАФІИ

А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

ИЗДАНІЕ II,
исправленное и дополненное,
Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

1-е изданіе Уч. Ком. М. Н. П. **допущено** въ учен. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реал. уч., учит. инст. и сем.—Уч. Ком. М. Фин. **одобрено** для учен. библ. коммер. учебн. зав.

1937 г.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества **И. Н. Кушнеревъ и К°**, Пименовская ул., соб. д.
1904.

к ТМ-23929/242

Дозволено цензурою. Москва, 23 декабря 1903 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Японцы.—Азбелева 1
2. Бытъ сельскаго населенія въ Японіи.—А. Краснова 7
3. Образованіе и религія у японцевъ.—Его же 14
4. Токіо.—Гессе-Вартега 20
5. Уличная жизнь въ Токіо.—Его же 25
6. Японскій Бирмингамъ.—Его же 32
7. На японскомъ праздникѣ.—Тана 39
8. Корея.—Азбелева 48
9. Корейцы.—А. Д. 51
10. Въ корейской столицѣ.—Азбелева 55
11. Природа Манчжуріи.—П. Краснова 57
12. Населеніе Манчжуріи.—А. К. 61
13. Гиринъ.—П. Краснова 67
14. Сѣверный и южный Китай.—По Рихтгофену и Обручеву.—А. К. 73
15. Пекинъ.—Пясецкаго 77
16. Китайцы.—Обручева 88
17. Китайская національная кухня.—А. К. 97
18. Образованіе въ Китаѣ.—Гессе-Вартега 103
19. Религіи Китая.—А. К. 113
20. На водораздѣлѣ Желтой и Голубой рѣки.—Пясецкаго 119
21. На берегахъ Янъ-цзе (Хань-Коу).—Бородовскаго 127
22. Чай и его приготовленіе.—Кудинова 132
23. Гонгъ-Конгъ.—А. Краснова 143
24. Прогулка по китайскимъ ремесленнымъ кварталамъ.—Гессе-Вартега . . . 147
25. Монголы.—А. К. 156
26. Восточная Гоби.—Пржевальскаго 166
27. Охота за дикою лошадью.—Грумъ-Гржимайло 171
28. По восточному Туркестану.—Свенъ-Гедина 181
29. Притяньшаньскіе оазисы и ихъ обитатели.—Обручева 186
30. Восхожденіе на Мустагъ-ату.—Свенъ-Гедина 190
31. Сѣверный Тибетъ.—Пржевальскаго 197
32. У истоковъ Желтой рѣки.—Его же 202
33. Тангуты.—Потаниной 207
34. Ламаитскій монастырь въ Гималаяхъ.—А. Краснова 218
35. Изъ Калькутты въ Гималаи.—Его же 222

Стр.

36. Калькутта.—Его же 231
37. Индусы и ихъ религія.—Его же 237
38. Бенаресъ.—Фонъ-деръ-Лауницъ 242
39. День индусскаго крестьянина.—Лимбаха 252
40. Магометанскіе города Индіи (Агра и Дели).—А. Краснова 258
41. По сѣверо-западной Индіи.—Его же 267
42. Бомбей.—Его же 270
43. Индусская деревня.—Лимбаха 276
44. Цейлонъ и его населеніе.—А. Краснова 284
45. По Индѣйскому океану.—Зарубина 297
46. Сингапуръ.—В. Тихомирова 306
47. Два дня въ Сайгонѣ.—В. Крестовскаго 314
48. Въ Тонкинѣ.—Де-Воллана 325
49. Сіамцы.—Его же 330
50. Черезъ южный Сіамъ.—Его же 333
51. Банкокъ.—Его же 346
52. Тропическіе фрукты. По В. Тихомирову, А. Краснову и Э. Геккелю . . . 352
53. На западномъ берегу Суматры.—Куна 358
54. На Явѣ.—А. Краснова 368
55. У яванскаго императора.—Бакунина 383
56. На островѣ Люсонѣ.—Марша 395
57. Исламъ.—По В. Ирвингу и др. 404
58. Аденъ.—Зарубина 408
59. Аравійская пустыня и ея обитатели.—Пальгрэва 416
60. Джидда.—Перри-Фогга 426
61. Поѣздка въ Мекку.—Султанова 430
62. Красное море.—А. Елисѣева 440
63. Къ горѣ заповѣдей.—Насонова 444
64. Изъ Яффы въ Іерусалимъ.—Б. Корженевскаго 449
65. Іерусалимъ.—Коптева 451
66. Храмъ Гроба Господня.—Е. Маркова 454
67. Раздача священнаго огня.—Картавцева 464
68. Мертвое море.—Б. Корженевскаго 469
69. Бейрутъ.—Е. Маркова 475
70. Развалины Баальбека.—А. Елисѣева 478
71. Въ гостяхъ у сирійскаго помѣщика.—Б. Корженевскаго 483
72. По Малой Азіи.—Гроте 491
73. Въ армянской деревнѣ.—Его же 506
74. Поѣздка въ Багдадъ.—Перри-Фогга 512
75. Тегеранъ.—М—рскаго 519
76. Персидскій базаръ.—Уильса 525
77. Бытъ и нравы персіянъ.—Бѣлозерскаго 529
78. Въ персидской цырюльнѣ.—Уильса 537
79. Религіозныя мистеріи въ Персіи.—Его же 542

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ.

На отдѣльныхъ листахъ:

		Стр.
1.	Фузи-Яма (съ фот.)	1
2.	Обработка рисоваго поля въ Японіи (съ фот.)	8
3.	Гигантская статуя Будды (съ фот.)	25
4.	Улица въ Пекинѣ (съ фот.)	79
5.	Китаянки (съ фот.)	84
6.	Перевозка чая черезъ Гоби (съ фот.)	140
7.	Тибетецъ (съ фот.)	215
8.	Видъ въ Гималаяхъ	228
9.	Тэджъ въ Агрѣ (съ фот.)	266
10.	Въ горахъ Цейлона (съ фот.)	284
11.	Тамилка (съ фот.)	290
12.	Деревня на Цейлонѣ (съ фот.)	297
13.	Арабы (съ фот.)	426
14.	Бейрутъ (съ фот.)	480
15.	Въ турецкой деревнѣ (съ фот.)	488
16.	Въ персидскомъ домѣ (съ фот.)	530

Въ текстѣ:

		Стр.
1.	Японцы въ дождевыхъ плащахъ (съ фот.)	5
2.	Японцы за обѣдомъ (съ фот.)	11
3.	Видъ на Фузи-Яму (съ фот.)	17
4.	Японскій храмъ (изъ „Азіи“ Сиверса)	19
5.	Видъ города Кобе (съ фот.)	23
6.	Въ японской лавкѣ (съ фот.)	29
7.	Лавка фарфоровыхъ издѣлій (съ фот.)	36
8.	Видъ въ Японіи (съ фот.)	43
9.	Корейцы (съ фот.)	53
10.	Лессовыя образованія (изъ „Азіи“ Сиверса)	74
11.	Пекинская стѣна (съ фот.)	79
12.	Храмъ неба въ Пекинѣ (съ фот.)	85
13.	Китаецъ (съ фот.)	93
14.	Китайцы за обѣдомъ (изъ „Азіи“ Сиверса)	102
15.	Въ китайской деревнѣ (съ фот.)	123
16.	Китайскіе лодочники (съ фот.)	131
17.	Чайная плантація (съ фот.)	133

Стр.

18. Китайскій цырюльникъ (съ фот.) 151
19. Монголка (съ фот.) 159
20. Буддійскій монастырь близъ Урги (съ фот.) 163
21. Караванъ путешественниковъ въ Гоби (съ фот.) 177
22. Видъ въ Тибетѣ (съ фот.) 203
23. Тангутка (съ фот.) 211
24. Лама, одѣтый для богослуженія (съ картины В. Верещагина) 221
25. Индусъ (съ фот.) 232
26. Набережная въ Бенаресѣ (съ фот.) 243
27. Сожженіе покойниковъ (съ фот.) 245
28. На берегу священнаго Ганга (съ фот.) 249
29. Тэджъ въ Агрѣ (съ фот.) 261
30. Факиръ (съ фот.) 265
31. Индусскій почтальонъ (съ фот.) 269
32. Башня молчанія (съ фот.) 273
33. Морской берегъ близъ Коломбо (съ фот.) 285
34. Сингалезъ (изъ „Азіи“ Сиверса) 293
35. Сингалезская деревня (съ фот.) 296
36. У береговъ Сингапура (съ фот.) 304
37. Сіамская дѣвочка (изъ „Азіи“ Сиверса) 331
38. Ѣздовой слонъ (съ фот.) 341
39. Улица въ Банкокѣ (изъ „Азіи“ Сиверса) 347
40. Цистерны въ Аденѣ (съ фот.) 415
41. Мусульмане на молитвѣ (съ фот.) 429
42. Кааба въ Меккѣ (съ фот.) 437
43. Видъ на Синаѣ (изъ книги Эберса „Палестина“) 447
44. Яффа съ моря (съ фот.) 450
45. Евреи изъ Іерусалима (съ фот.) 453
46. Часовня Гроба Господня (съ фот.) 459
47. Мертвое море (изъ „Азіи“ Сиверса) 471
48. Арабское семейство (съ фот.) 477
49. Сирійка (съ фот.) 488
50. Дамаскъ (изъ „Азіи“ Сиверса) 490
51. Порталъ мечети въ Коніи (изъ книги Г. Гроте „Auf Türkischer Erde“) . . 491
52. Курды (съ фот.) 494
53. Въ долинѣ Саккаріи (съ фот.) 496
54. Турецкіе крестьяне (изъ книги Г. Гроте „Auf Türkischer Erde“) 497
55. Караванъ въ пути (изъ книги Г. Гроте „Auf Türkischer Erde“) 498
56. Улица въ Коніи (изъ книги Г. Гроте „Auf Türkischer Erde“) 503
57. Анатолійскіе турки (съ фот.) 505
58. Персидскій городъ (съ фот.) 529
59. Персидскій врачъ (изъ „Азіи“ Сиверса) 540
60. Персидскій мулла (съ фот.) 545

Японцы.

(А. Збелева.)

Мы приближались къ Нагасаки. Пройдя мимо скалы Паппенбергъ, съ которой японцы въ давнія времена сбрасывали первыхъ христіанъ-піонеровъ, мы вошли въ длинную узкую бухту. Направо и налѣво были прихотливой формы гористые берега, покрытые краснвою зеленью, среди которой тамъ и сямъ ютятся небольшіе красивые домики. Мы прошли самое узкое мѣсто, и передъ нами открылся громадный заливъ. Тутъ жизнь кипѣла ключомъ: цѣлыя сотни, а можетъ быть и тысячи торговыхъ кораблей всѣхъ націй дѣятельно заняты нагрузкой, выгрузкой и перегрузкой; между большими судами весело снуютъ оригинальныя маленькія японскія лодочки съ домиками-каютами посрединѣ и съ однимъ гребцомъ на кормѣ. Быстро несется такая лодочка, слегка переваливаясь съ боку на бокъ; на крышѣ каютки очень часто сидитъ пассажиръ-японецъ, поджавши подъ себя ноги и покуривая трубочку. Эти лодочки называются *фунэ*.

Подъѣзжаемъ къ пристани, выходимъ,—на насъ набрасывается цѣлая толпа полуодѣтыхъ японцевъ съ громкими криками: ша! ша! ша!.. Они одинъ передъ другимъ стараются протискаться къ намъ. Мы въ недоумѣніи, не можемъ понять, въ чемъ дѣло. Но все скоро разъясняется: это японскіе извозчики—и такіе, какихъ, навѣрно, нѣтъ нигдѣ во всемъ мірѣ.

Представьте себѣ, что здѣсь вмѣсто лошадей сами люди впрягаются въ оглобли. Что за причина этому? Неужели же японцамъ до сихъ поръ не пришло въ голову воспользоваться лошадью не только какъ вьючнымъ животнымъ, но и упряжнымъ?

Нѣтъ, это не потому; во всемъ виновата сама чрезвычайно гористая страна: она не позволяетъ прокладывать удобныхъ проѣздныхъ для колесъ дорогъ.

Въ городахъ улицы еще гладки, но постоянно идутъ то въ гору, то подъ гору. Кромѣ того, очень часто бываетъ, что по длинѣ улицы ради очень крутого спуска устраивается во всю ширину дороги каменная лѣстница. Въ Нагасаки такихъ улицъ очень много.

Теперь совершенно понятно, почему и въ городахъ нельзя имѣть такихъ же экипажей, какъ наши, между тѣмъ какъ японскій извозчикъ, довезя васъ до такой лѣстницы, очень вѣжливо проситъ васъ выйти и спуститься по лѣстницѣ пѣшкомъ.

Самъ онъ взваливаетъ колясочку на плечи и слѣдуетъ за вами. Спустившись или поднявшись по лѣстницѣ, вы спокойно продолжаете путь въ колескѣ, которая, очевидно, и дѣлается легонькою съ этою цѣлью; она очень изящной работы, въ два колеса, съ крытымъ верхомъ и только на одного сѣдока. Для облегченія извозчика во время бѣга коляска устроена такъ, что когда пассажиръ сядетъ въ нее и извозчикъ поднимете оглобли, то тяжесть сѣдока перевѣшиваетъ кузовъ назадъ, а извозчику приходится нажимать оглобли внизъ; такимъ образомъ коляска сама во время бѣга приподнимаетъ извозчика и значительно облегчаетъ его.

Японцы-извозчики, совершенно такъ же, какъ и наши, стоятъ на углахъ и вдоль улицъ, любезно предлагая свои услуги. Японцы называютъ ихъ „джинне-рик-ша“: это значитъ „человѣкъ-лошадь“, ша—это просто приставка. Вотъ почему они и кричатъ: „ша, ша“, когда предлагаютъ вамъ ѣхать.

Мало жалѣютъ себя эти японцы: они летятъ доброй, крупной рысью и только изрѣдка покрикиваютъ прохожимъ: „гоменнасай“, т.-е. „извините!“ Между тѣмъ это занятіе гибельно дѣйствуетъ на здоровье. Ни одинъ джиннерикша не доживаетъ до старости: учащенное, неправильное дыханіе во время частаго, быстраго бѣга, остановки въ разгоряченномъ состояніи на свѣжемъ воздухѣ—все это очень быстро разрушаетъ здоровье; они заболѣваютъ чахоткой, которая скоро сводитъ ихъ въ могилу. Въ джиннерикша идетъ только самый бѣдный людъ; однако въ столицѣ Токіо такихъ извозчиковъ насчитываютъ до 50.000.

Не успѣли мы стать на якорь, какъ корабль нашъ, точно мухи, облѣпили японскія лодочки, фунэ, и на палубѣ появилось множество японцевъ. Они съ улыбающимися веселыми лицами почтительно и глубоко раскланивались съ нами, приложивъ обѣ ладони къ колѣнкамъ, и, какъ знакъ глубокаго уваженія и великой радости по поводу встрѣчи съ нами, производили ртомъ шипящій звукъ, втягивая сквозь зубы воздухъ.

Замѣчательно комиченъ видъ японца въ его длинноломъ халатѣ и въ присѣдающей позѣ. Эти первые наши посѣтители были торговцы и ремесленники всевозможныхъ профессій; они пріѣхали предлагать свой товаръ и услуги. На столахъ нашей каютъ-компаніи (столовая) появились японскіе пироги и лакомства, носящіе общее названіе „кастэра“. Эти подарки выражаютъ здѣсь совершенно то же, что у насъ, русскихъ, хлѣбъ-соль. Названіе кастэра, собственно, испанское, и оно

ПРЕДИСЛОВІЕ къ I-му ИЗДАНІЮ.

Изученіе географіи никогда не достигаетъ своей цѣли, если ограничивается только усвоеніемъ учебника. Необходимо болѣе наглядное ознакомленіе съ различными странами, характеромъ ихъ природы и сложившимися подъ вліяніемъ этихъ природныхъ условій образомъ жизни и обычаями обитателей этихъ странъ. Такое ознакомленіе достигается путемъ систематическаго чтенія описаній и разсказовъ, наглядно иллюстрирующихъ то, о чемъ при прохожденіи курса приходится ограничиваться однимъ лишь краткимъ упоминаніемъ.

Наша географическая литература очень бѣдна книгами, которыя могли бы удовлетворить указанному требованію; имѣющіяся описанія путешествій разбросаны въ различныхъ изданіяхъ, преимущественно журналахъ, или же по своему объему и цѣнѣ далеко не всегда доступны, особенно для учащихся. Географическіе сборники, составленные изъ лучшихъ описаній, выбранныхъ изъ сочиненій наиболѣе извѣстныхъ путешественниковъ, могли бы оказать въ этомъ случаѣ большую услугу, давая уже готовый, т.-е. подобранный, а слѣдовательно и наиболѣе подходящій матеріалъ. Къ сожалѣнію, существующіе географическіе сборники не вполнѣ удовлетворяютъ своей цѣли. Лучше другихъ дѣло обстоитъ относительно Россіи; существующіе же сборники по внѣ-европейскимъ странамъ кратки и въ большинствѣ случаевъ устарѣли.

Предлагаемый сборникъ представляетъ попытку пополнить указанный пробѣлъ. На первыхъ порахъ мы остановились на Азіи, какъ части свѣта, наиболѣе замѣчательной по своей древней культурѣ и представляющей особенный интересъ для русскаго человѣка, но въ ближайшемъ будущемъ мы предполагаемъ выпустить въ свѣтъ подобные же сборники и по другимъ частямъ свѣта.

Такъ какъ въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ наши географическія свѣдѣнія объ Азіи, благодаря многочисленнымъ экспедиціямъ, значительно пополнились и, кромѣ того, многое измѣнилось въ жизни населяющихъ ее народовъ, то мы пользовались главнымъ образомъ сочиненіями, относящимися только къ двумъ послѣднимъ десятилѣтіямъ, и притомъ преимущественно сочиненіями русскихъ авторовъ.

Мы предпочли дать отрывки изъ путешествій, представляющіе каждый нѣчто цѣлое и самостоятельное, и по возможности воздерживались отъ составленія статей по нѣсколькимъ авторамъ или пересказа ихъ своими словами, такъ какъ при этомъ теряется оригинальность описанія и статья не передаетъ вѣрно того, что видѣлъ и чувствовалъ самъ

путешественникъ. Тѣмъ не менѣе большую часть вошедшихъ въ сборникъ статей пришлось подвергнуть нѣкоторымъ, необходимымъ въ видахъ краткости и ясности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Предлагаемая книга по своему содержанію разсчитана на широкій кругъ читателей; тѣмъ не менѣе главною нашею цѣлью было—дать матеріалъ, которымъ можно было бы иллюстрировать курсъ географіи при его прохожденіи въ школѣ путемъ класснаго и внѣклассnаго чтенія; но необходимо при этомъ замѣтить, что предлагаемый сборникъ не предназначенъ только для одного какого-нибудь возраста или класса, и дѣло преподавателя — распредѣлить этотъ матеріалъ, выбирая для класснаго чтенія тѣ или другія статьи и подвергая ихъ, въ случаѣ надобности, соотвѣтственнымъ сокращеніямъ.

Несомнѣнно, что въ нашемъ сборникѣ найдутся значительные пробѣлы и недостатки, и мы съ благодарностью примемъ всякое указаніе, которое поможетъ намъ исправить ихъ въ будущемъ.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить глубокую благодарность тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя оказали намъ въ той или другой формѣ содѣйствіе при выполненіи нашего труда.

Москва.
15 декабря 1899 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ ко II-му ИЗДАНІЮ.

Второе изданіе „Азіи“ появляется въ значительно дополненномъ и измѣненномъ видѣ. Прежде всего, такъ какъ Азіатской Россіи нами посвященъ отдѣльный сборникъ, то изъ настоящаго сборника исключены всѣ статьи, касающіяся русскихъ владѣній въ Азіи. Далѣе, всѣ остальныя страны Азіи мы старались, по возможности, представить съ желательною полнотой. Поэтому въ настоящее изданіе вошли статьи по Манчжуріи и по нѣкоторымъ частямъ Малайскаго архипелага, которые не были затронуты въ первомъ изданіи; значительно дополнены также Японія, собственно Китай, Индія, Азіатская Турція и Персія. Для этой цѣли намъ пришлось гораздо шире пользоваться иностранной литературой, чѣмъ въ первомъ изданіи.

Наконецъ, многія статьи значительно исправлены, а иныя и вовсе замѣнены новыми.

Въ подборѣ и обработкѣ статей мы руководились тѣми же задачами и принципами, что́ и въ остальныхъ нашихъ сборникахъ. Что касается до иллюстрацій, то намъ удалось, не удорожая изданія, значительно увеличить ихъ число, а многіе не совсѣмъ удовлетворительные рисунки замѣнить новыми. Почти всѣ новыя клише исполнены съ фотографій.

Москва,
16 декабря 1903 г.

прямо указывастъ, откуда взялись въ Японіи такіе вкусные пирожки и торты.

Что же сказать о наружности японцевъ? Не думайте, читатель, что японецъ хоть сколько-нибудь похожъ на китайца, котораго не рѣдкость встрѣтить въ Петербургѣ въ своемъ національномъ костюмѣ. Японцы ничего общаго съ этой націей не имѣютъ ни по языку, ни по типу лица, ни по костюму, ни по нравамъ и обычаямъ; у нихъ общая только религія буддизмъ, но и то не всѣ японцы признаютъ ее, а многіе придерживаются своей старой.

Въ общемъ лица ихъ въ сравненіи съ нашимъ красивымъ и благороднымъ типомъ кавказскаго племени, конечно, очень некрасивы, но они все-таки не лишены нѣкоторой пріятности, въ особенности благодаря своей подвижности, выразительности и умному взгляду. Волосы у всѣхъ японцевъ безъ исключенія чернаго цвѣта и зачесываются въ очень замысловатую и оригинальную прическу. Съ очень недавняго времени они стали бросать эту прическу и носить волосы коротко остриженными, какъ европейцы, хотя во внутреннія провинціи эта „цивилизація“ еще не проникла. Японки же почти всѣ продолжаютъ причесываться попрежнему. Прическа ихъ занимаетъ чрезвычайно много времени, а потому онѣ болѣе какъ два или три раза въ недѣлю и не причесываются. Это чрезвычайно нечистоплотно, тѣмъ болѣе что ради прически приходится мазать волосы густой и жирной помадой. Чтобы за ночь не смять головы, японцамъ пришлось изобрѣсти совершенно особенную оригинальную подушку: она дѣлается изъ дерева и по формѣ напоминаетъ стереоскопъ. Сверху эта подушка обивается чѣмъ-нибудь мягкимъ и во время сна подкладывается подъ шею. Голова такимъ образомъ остается на вѣсу, и драгоцѣнная прическа не портится. Я думаю, надо съ дѣтства привыкать, чтобы спокойно спать на такой деревяшкѣ.

Костюмъ японцевъ не менѣе оригиналенъ и интересенъ, чѣмъ прическа. Это просто халатъ, перевязанный поясомъ. Что можетъ быть неуклюжѣе такого наряда, а между тѣмъ на японцахъ онъ нисколько не рѣжетъ глазъ; на женщинахъ же даже кажется граціознымъ. Халаты эти японцы называютъ кимоно или керимонъ, смотря по нарѣчію. Они дѣлаются изъ прямыхъ кусковъ матеріи, которая рѣжется поперекъ и совсѣмъ не выкраивается. Халатъ имѣетъ только большіе отвороты и чрезвычайно широкіе рукава, которые шьются слѣдующимъ образомъ: берутъ два аршина матеріи, складываютъ ее на-двое и сшиваютъ, выходитъ такимъ образомъ аршинный рукавъ. Сверху этотъ рукавъ на четверть пришивается къ плечу халата, такъ что подъ мышкой образуется прорѣха; снизу же рукавъ съ обѣихъ сторонъ зашиваютъ на половину, отчего нижняя его часть представляетъ собою мѣшокъ и замѣняетъ японцамъ карманъ; въ немъ они носятъ все, что нужно дер-

жать подъ рукой, и между прочимъ хранятъ пучокъ тоненькихъ бумажекъ, употребляемыхъ вмѣсто носовыхъ платковъ. Если нужно что-нибудь достать изъ такого кармана или положить что-нибудь, то японецъ убираетъ руку въ рукавъ и затѣмъ уже опускаетъ ее на дно, гдѣ лежитъ всякая всячина. Воротъ халата большею частью шьется изъ другой матеріи и другого цвѣта.

Костюмъ женщины разнится отъ мужского только поясомъ: у мужчинъ шелковый шнурокъ, а у нихъ широкая (въ полъ-аршина) и длинная разноцвѣтная лента; она завязывается сзади громаднымъ пушистымъ бантомъ. Такой женскій поясъ называется по-японски—оби. Матерія, изъ которой шьются халаты, только шелкъ или бумага. Въ Японіи шелковичный червь—кормилецъ очень многихъ; масса народа занимается разведеніемъ тутовыхъ деревьевъ и собираніемъ съ нихъ коконовъ. Хлопчатника разводится также очень много.

До знакомства съ европейцами японцы не имѣли ни малѣйшаго понятія о паровыхъ и какихъ бы то ни было машинахъ. Всѣ матеріи ткались руками и почти такимъ же способомъ, какъ наши бабы ткутъ новину. А между тѣмъ посмотрите, что это за матеріи!—прочность ихъ несравнима съ нашими машинными, да и по красотѣ онѣ нисколько не уступаютъ имъ. Только за послѣднее время, и то въ очень ограниченномъ количествѣ, японцы стали заводить фабрики съ паровыми машинами. Вообще европейская цивилизація съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе измѣняетъ нравы, обычаи и костюмъ японцевъ: пестрота послѣдняго среди высшаго круга постепенно исчезаетъ, хотя все-таки женщины еще любятъ щеголять разноцвѣтными шелковыми халатами.

Наконецъ и самая обувь японцевъ не имѣетъ ничего общаго съ нашей: вмѣсто чулка или носка на ногу надѣвается рукавица. Вы улыбастесь, но это такъ: чулокъ имѣетъ совершенно форму рукавицы, т.-е. большой палецъ отдѣленъ, и это дѣлается по слѣдующей причинѣ: вмѣсто сапогъ или башмаковъ всѣ носятъ только деревянную подошву съ подбитыми подъ носокъ и пятку баклажками; чтобы такая обувь крѣпко держалась на ногѣ, къ подошвѣ, съ носка, прикрѣплена веревочка; отъ носка она идетъ пальца на два, а потомъ дѣлится на два конца, которые прибиты съ обѣихъ сторонъ пятки. Чтобы надѣть такой сапогъ, японецъ просовываетъ ногу между двумя задними веревочками, а переднюю, коротенькую, пропускаетъ между большимъ и вторымъ пальцами. Такимъ образомъ подошва отлично держится на ногѣ, хотя во время ходьбы постоянно шлепаетъ по пяткѣ. Подбойки подъ подошвой дѣлаются довольно высокія, такъ что грязь не можетъ запачкать чулка. Кромѣ такого рода башмаковъ, бѣдный классъ народа носитъ еще на босую ногу одну соломенную подошву.

Въ лѣтнее время всѣ японцы ходятъ большею частью съ непокрытой

головой. Защитой отъ дождя и солнца городскимъ жителямъ служитъ бумажный промасленный, съ бамбуковымъ остовомъ зонтикъ. Крестьянамъ, конечно, невозможно работать въ полѣ съ зонтикомъ, а потому мужики носятъ огромныя, плетеныя изъ бамбука шляпы; фасонъ ихъ очень похожъ на нашу перевернутую дномъ кверху хлѣбную чашку; бабы же повязываютъ голову кускомъ бумажной крашенины, совершенно такъ же,

Японцы въ дождевыхъ плащахъ.

какъ и наши крестьянки, когда онѣ концы платка завязываютъ на затылкѣ. Зимой всѣ безъ исключенія повязываютъ голову кусками шелковой матеріи.

Таковъ общій видъ одежды японцевъ. Во внутреннихъ провинціяхъ онъ сохраняется пока въ чистотѣ; но въ столицѣ и приморскихъ городахъ, открытыхъ для всѣхъ европейцевъ, благодаря постоянному сношенію съ послѣдними, очень часто можно встрѣтить комичную смѣсь

нашего костюма съ національнымъ японскимъ. Ничего не можетъ быть смѣшнѣе, какъ фигура японца, одѣтаго въ кимоно и съ цилиндромъ на головѣ, въ особенности когда этотъ японецъ важно идетъ по улицѣ, окидывая всѣхъ остальныхъ смертныхъ гордымъ взглядомъ и небрежно помахивая тросточкой. Встрѣчаются иногда и съ ногъ до головы одѣтые въ европейское платье, это чиновники въ высшихъ чинахъ. Жалко смотрѣть на такого японца, до того онъ смѣшонъ; ему, бѣдному, самому видимо неловко въ своемъ непривычномъ костюмѣ: онъ кажется только что вышедшимъ изъ толкучаго рынка, гдѣ онъ скорѣе навѣсилъ на себя, чѣмъ одѣлся въ совершенно несоотвѣтствующее его росту и фигурѣ старое мятое платье. Въ рукахъ у него дешевый европейскій зонтикъ, а на головѣ кое-какъ надѣтая шляпа. Ноги обуты иногда въ новомодныя ботинки, но непремѣнно со стоптанными каблуками, потому что японцы выбираютъ себѣ сапоги посвободнѣе, чтобы не затекала непривычная къ нашей обуви нога. Къ этому, чтобы дополнить картину, прибавьте торчащій изъ-подъ брюкъ, свѣсившійся на ботинку, носокъ. Но не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что всѣ безъ исключенія японцы такъ дурно носятъ нашъ костюмъ; тѣ немногіе, которые побывали въ Европѣ и пріобрѣли привычку къ европейскому платью, одѣваются элегантно и носятъ великолѣпно накрахмаленное бѣлье. Теперь, въ настоящую минуту, всѣ безъ исключенія государственные чиновники обязаны носить европейское платье. Сановники одѣваются въ мундиры, шитые золотомъ, въ родѣ нашихъ придворныхъ. Самъ императоръ, наконецъ, подавая примѣръ своимъ подданнымъ, перемѣнилъ свой національный нарядъ на фракъ, шитый золотомъ. Нужно сказать, что всѣ эти костюмы чрезвычайно не къ лицу японцамъ; они гораздо лучше казались въ своихъ родныхъ одеждахъ.

Но не пустое подражаніе европейцамъ заставило правительство перемѣнить костюмъ своего народа. Здѣсь совершается теперь то же, что происходило у насъ при Петрѣ Великомъ. Одежда очень часто, помимо насъ самихъ, производитъ рѣшительное вліяніе на нравы и обычаи. Японскій же императоръ рѣшилъ перемѣнить свою старую цивилизацію на европейскую, и потому перемѣна одежды была необходима. Всему неслужащему въ правительственныхъ учрежденіяхъ люду предоставлена на этотъ счетъ полная свобода, и мирные граждане сами слишкомъ торопятся сбросить съ себя удобные и широкіе халаты.

Бытъ сельскаго населенія Японіи.

(А. Краснова.)

До сихъ поръ еще Японія—страна крестьянства и мелкой кустарной промышленности.

Погруженный въ заботы о своихъ разнообразныхъ растеніяхъ, японскій земледѣлецъ круглый годъ, какъ жукъ, копается въ землѣ своего небольшого участка. У него нѣтъ, какъ у русскаго, тѣхъ длинныхъ періодовъ относительнаго отдыха, нѣтъ и страдной поры жаркихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ нашего крестьянства. На его поляхъ есть всегда дѣло, и если онъ имѣетъ короткія передышки, то это скорѣе среди лѣта, когда всѣ растенія растутъ и когда сама природа работаетъ за земледѣльца.

Обстановка и бытъ здѣшняго крестьянина опредѣляются его земледѣльческими занятіями. За исключеніемъ 2—3 городовъ, надъ которыми только въ послѣднее десятилѣтіе стали воздыматься трубы устраиваемыхъ по американскому типу фабрикъ, остальные города Японіи — большія деревни, и описаніе хорошаго деревенскаго дома не будетъ ничѣмъ отличаться отъ описанія дома городского; столицу Японіи теперь съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ нѣкогда Москву, можно назвать большою деревней. Съ другой стороны, несмотря на то, что почти всѣ постройки въ Японіи деревянныя, деревни японскія въ гораздо большей степени, чѣмъ наши, напоминаютъ города. Малое количество содержимаго крестьянствомъ скота, въ связи съ прирожденною чистоплотностью японскаго народа, является причиной, что деревни ихъ производятъ впечатлѣніе самыхъ чистыхъ дачныхъ мѣстъ Европы.

Здѣсь нѣтъ и помину о невылазной грязи, смѣшанной съ соломой и пометомъ, составляющей необходимую принадлежность русской степной деревни. Здѣсь не видно обыкновенно ни хлѣвовъ, ни бѣгающихъ по улицамъ животныхъ. Лишенные садиковъ въ нашемъ смыслѣ слова, снабженные балкончиками дома выходятъ, выстроившись въ рядъ, на узкую, безукоризненно чистую, прекрасно шоссированную или выложенную плитами улицу.

Эта улица составляетъ продолженіе такого же ровнаго и гладкаго, безукоризненно чистаго, но узенькаго, точно для велосипедистовъ назначеннаго, иногда усаженнаго эффектными старыми деревьями—соснами и криптомеріями — шоссе. Шоссе эти, равно какъ и улицы деревень, не предназначены для ѣзды на животныхъ, роль которыхъ исполнялъ и исполняетъ человѣкъ. Но японское правительство уже мечтаетъ замѣнить свои дороги конножелѣзнымъ сообщеніемъ, уже теперь начинающимъ распространяться въ окрестностяхъ Іокагамы, Міаношиты и др.

Дома японскихъ деревень деревянные. Тамъ и сямъ среди нихъ воз-

вышается каменная постройка съ окнами, закрытыми ставнями, по устройству напоминающими дверцы нашихъ несгораемыхъ шкаповъ. Это—несгораемые склады, гдѣ населеніе хранитъ свое драгоцѣнное имущество на случай пожаровъ, отъ которыхъ Японія страдаетъ не менѣе, если даже не болѣе, чѣмъ наше великороссійское крестьянство.

Постройка японская большею частью двухъэтажная; рѣже, у болѣе бѣднаго крестьянскаго населенія одноэтажная. Она не имѣетъ ни фундамента, ни стѣнъ. Это остовъ дома, бесѣдка съ задвижными бумажными стѣнами, но не домъ въ нашемъ смыслѣ слова.

Бѣдное населеніе имѣетъ соломенныя крыши съ крутыми скатами своеобразной формы. Но обыкновенно крыша, какъ и въ Китаѣ, дѣлается изъ изящной бѣлой и сѣрой фарфоровой черепицы. На гребнѣ крыши, если она соломенная, для украшенія, а на сѣверѣ, повидимому, и съ болѣе практическою цѣлью, сажаются растенія, обыкновенно присы или золотистыя лиліи, что придаетъ жилищамъ очень оригинальный видъ. Крыша далеко выдается надъ домомъ, предохраняя отъ дождя небольшую верандочку, которой обнесенъ домъ. Короткія сваи подпираютъ полъ, не дозволяя ему прикасаться къ землѣ. Чтобы войти въ домъ, надо подняться на одну или двѣ ступеньки, у которыхъ обыкновенно и оставляютъ обувь. Небольшая, подпираемая колоннами, иногда менѣе фута шириною, веранда отдѣляетъ отъ края пола раздвижныя стѣны дома, состоящія изъ большихъ рѣшетчатыхъ рамъ, затянутыхъ полупрозрачною навощенною бумагой. Эти рамы вставлены въ пазы, по которымъ онѣ могутъ двигаться, какъ задвижныя ставни, и образуютъ стѣнку только на ночь, когда ими задвигаются отъ воровъ или отъ нескромныхъ взглядовъ прохожихъ; на ночь ихъ задвигаютъ еще двумя рядами плотныхъ ставень. Настоящую досчатую стѣну японскій домъ имѣетъ съ одной или много съ двухъ сторонъ, и въ лучшихъ случаяхъ большія зданія бываютъ перегорожены на 2 или 4 части внутренними стѣнками. Обыкновенно въ потолкѣ и полу имѣются пазы, въ которыхъ двигаются такія же бумажныя или картонныя рамы, позволяющія перегородить внутреннее жилище на 2—4 или болѣе комнатъ. Онѣ всегда прямоугольны и около 2 метровъ длины и 3 ширины. Полы такихъ комнатъ устланы цыновками, вкладывающимися наподобіе подушекъ диванова нашихъ конножелѣзныхъ дорогъ. Эти цыновки и служатъ для сидѣнія, такъ какъ мебели въ японскихъ домахъ нѣтъ; въ лучшемъ случаѣ ее замѣняютъ плоскія, какъ блины, подушки.

Потому-то нѣтъ большаго неприличія, какъ войти въ японскій домъ въ обуви; это все равно, что у насъ залѣзть съ сапогами на диванъ. Дѣти ходятъ въ чулкахъ или босикомъ, наблюдая, чтобы ноги были въ чистотѣ; взрослые оставляютъ свою обувь при входѣ у порога, которымъ поднимается надъ землею полъ комнаты нижняго этажа. Благодаря та-

кимъ свойствамъ стѣнъ, въ японскомъ домѣ нѣтъ подраздѣленія комнатъ, какъ у насъ, на спальни, гостиныя и т. п., или, вѣрнѣе сказать, вставивъ перегородки, такія комнаты можно создать или уничтожить въ нѣсколько минутъ.

Въ каждомъ домѣ можно однако рѣзко отличить внутренніе, выходящіе въ садъ аппартаменты съ верандою, играющіе роль парадной комнаты, въ городахъ—лавки, въ деревняхъ—мѣстопребыванія семьи. Въ нихъ ведутъ небольшія сѣни. Часть этой передней половины дома отгораживается подъ кухню. Эта кухня японскаго дома не похожа на нашу. Здѣсь нѣтъ плитъ,—эта кухня есть лишь усовершенствованный домашній очагъ полудикихъ жителей сѣвера — айновъ. Это большой квадратный ящикъ, наполненный пескомъ и золой, въ которомъ разводятъ огонь и надъ которымъ въ потолкѣ виситъ крюкъ; на него вѣшаютъ котлы, чайники и другіе сосуды для варки кушаній или ставятъ ихъ на треножники надъ огнемъ. Потому не всякій японскій домъ имѣетъ трубу для выхода дыма, и это послѣднее обстоятельство, особенно зимою, присоединяясь къ холоду, сырости и неудобству, происходящему отъ отсутствія мебели, дѣлаетъ въ это время года японское помѣщеніе далеко не пріятнымъ жилищемъ для европейца.

Остальныя комнаты не имѣютъ печей. Зимою и осенью въ нихъ свирѣпствуетъ холодный вѣтеръ, и только небольшія жаровни, ставимыя въ комнатахъ, и ручныя грѣлки, носимыя въ карманахъ, предохраняютъ конечности отъ окоченѣнія. Эти японскія ручныя грѣлки начинаютъ распространяться и у насъ. Это небольшія жестяныя коробочки, содержащія тлѣющіе кусочки дерева, безъ дыма, очень медленно, но разливая пріятную, согрѣвающую руки теплоту. Онѣ въ зимнее время съ успѣхомъ замѣняютъ наши рукавицы. Стѣны комнатъ часто украшаются какемоно.

Какемоно—это длинная узкая полоса бумаги или матеріи, вѣшаемая на стѣну; на бумагѣ нарисована картина или написано изреченіе китайскаго философа или стихъ японскаго поэта. Послѣдніе отличаются лаконизмомъ. Эти стихи не похожи на стихи нашихъ поэтовъ, пускающихся въ подробности описанія чувства или природы. Въ противоположность живописи поэзія японцевъ старается дать только сюжетъ, который развить или пополнить предоставляется читателю. „Луна, темное голубое небо, стая журавлей, тянущихся къ югу“—вотъ примѣръ стиха такого поэта. Читателю дается тема поэтической осенней ночи, детали которой воспроизводитъ онъ самъ въ своемъ воображеніи. Артистически написанные іероглифами стихи какемоно не менѣе, чѣмъ хорошая картина, могутъ служить для украшенія комнатъ *).

*) У крестьянъ-бѣдняковъ, впрочемъ, въ послѣднее время начинаютъ распространяться аляповатыя лубочныя картинки, очень похожія на наши.

Такой типъ безъ различія имѣютъ всѣ дома. Только величина и тонкость отдѣлки отличаютъ жилище богатаго отъ дома бѣднаго, городское отъ селескаго. Обыкновенно дома разсчитаны на семейство изъ 4—5 персонъ, и стоимость дома не превосходитъ здѣсь 75—500 руб.

Японскія комнаты не отличаются ни удобствомъ, ни комфортомъ, въ нихъ нѣтъ мебели; здѣсь „не дѣлаютъ въ своихъ комнатахъ улицъ“, какъ зовутъ японцы европейское убранство домовъ. Единственное содержимое комнатъ—низенькій ящичекъ—миніатюра домашняго очага, въ которомъ тлѣетъ уголь для раскуриванія табаку, и пепельница—отрѣзокъ нетолстаго бамбуковаго стебля; въ одной изъ стѣнъ устраивается ниша, въ которую ставятъ вазы съ букетами, а за ними стѣна обыкновенно украшена какемоно. Въ другой половинѣ стѣны—ящичекъ, въ которомъ хранятся постельныя принадлежности. Эти послѣднія вытаскиваются лишь на ночь и состоятъ изъ небольшого свертывающагося матраца, ночного халата и деревянной подушки *). Большой фонарь **) и божница, стоящая въ углу, дополняютъ убранство комнаты. Верхній этажъ расположенъ подобнымъ же образомъ, но онъ ниже.

Пища японца—чисто вегетаріанская. Существеннѣйшіе элементы нашего стола: хлѣбъ, мясо, масло и молоко, отсутствуютъ. Просо и рисъ—главная пища крестьянина; затѣмъ слѣдуютъ бобы и клубни алоказіи и лотоса; соленая рѣдька и баклажаны—необходимая принадлежность стола; его дополняютъ орѣхи, каштаны, фрукты. У жителей внутреннихъ частей страны—яйца и соленая рыба, у прибрежныхъ жителей—морскіе продукты, рыба, раки, моллюски—главная пища. Столъ японца рѣдко состоитъ изъ горячихъ блюдъ; большею частью онъ составленъ изъ блюдъ теплыхъ и холодныхъ, подаваемыхъ въ изящныхъ деревянныхъ чашечкахъ на игрушечныхъ столикахъ, гдѣ каждому гостю отдѣльно сервируется ассортиментъ блюдъ изъ супа, рыбы, бобовъ и овощей, заѣдаемыхъ рисомъ и запиваемыхъ чаемъ. Обѣдъ сопровождается „саке“ — родомъ рисовой водки и соей — особой ѣдкой подливкой изъ бобоваго растенія.

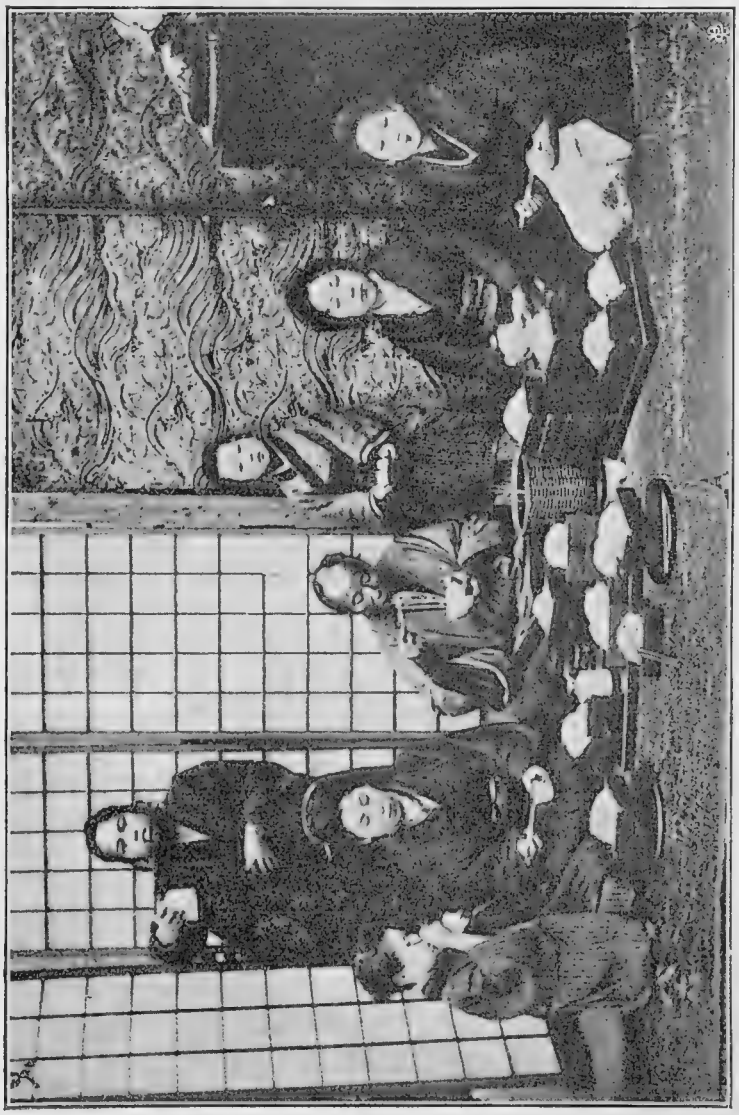
Женщина обыкновенно присутствуетъ за столомъ, не принимая участія въ трапезѣ. Она кладетъ кушанья на блюда, съ которыхъ ѣстъ гость; а украшать изящно подаваемыя блюда — цѣлая сложная наука, дѣлающая изъ накрытаго стола японской трапезы изящное для глазъ зрѣлище.

---

*) Теперь изобрѣтены, впрочемъ, подушки на пружинахъ, состоящія изъ небольшого цилиндрическаго валика, обшитаго матеріей и укрѣпленнаго на двухъ пружинахъ къ деревянной подставкѣ.

**) Въ фонаряхъ еще недавно горѣли масляныя лампы, металлическія, наполненныя масломъ чашечки, въ которыя клался вмѣсто фитиля кусокъ сердцевины одного дерева; теперь почти всюду вводятся керосиновыя лампочки.

Столъ японскаго крестьянина даже и не всегда состоитъ изъ риса. Обыкновенно это—смѣсь изъ одной части риса и 2 частей разваренныхъ пшеничныхъ, ячменныхъ и просяныхъ зеренъ. Но во всякомъ случаѣ или рисъ, или эта смѣсь составляетъ собственно пищу — все



Японцы за обѣдомъ.

остальное есть приправа или закуска. Надо ли говорить, что для ѣды, какъ и въ Китаѣ, служатъ палочки?

Отсутствіе скотоводства и дойныхъ животныхъ и молочнаго хозяйства сокращаетъ число земледѣльческихъ орудій и домашней утвари.

Во дворѣ японскаго мужика вы не увидите ни хлѣва, ни стойлъ, не услышите ржанія коня или мычанія коровы. Только пѣніе пѣтуха напомнитъ вамъ, что вы въ деревнѣ. Нѣтъ обычныхъ горшковъ, стоговъ сѣна и грудъ испачканной навозомъ соломы, въ которой роется своимъ рыломъ свинья. Здѣсь все дѣлаетъ и за все отвѣчаетъ человѣкъ. Его доходъ настолько ничтожный, что японскій крестьянинъ съ радостью идетъ на работу по 12—15 коп. въ сутки. И, несмотря на это, Японія все-таки производитъ впечатлѣніе страны счастливыхъ и довольныхъ людей. Улыбка не сходитъ съ устъ одѣтаго въ простую грубую одежду крестьянина. Трудъ, въ который онъ круглый годъ съ утра до вечера погруженъ, кажется, наполняетъ его существованіе и составляетъ его удовольствіе. Онъ оживленъ и веселъ всегда. Его вѣжливость обращенія поражаетъ европейца. Правда, японская привычка кланяться, сгибаясь на-двое, прикладывая ладони рукъ ниже колѣнъ, съ улыбкою и звуками „ссс“, или въ домѣ, когда человѣкъ сидитъ, склоняться до полу— производитъ въ первое мгновеніе впечатлѣніе приниженности; но не надо забывать, что въ странѣ, гдѣ нѣтъ стульевъ, гдѣ всѣ сидятъ, стоя на колѣняхъ, сама жизнь вызвала эти странныя формы вѣжливости. Стоитъ только ближе познакомиться съ японскимъ крестьяниномъ, и вы увидите, что тутъ нѣтъ и слѣда приниженности, наоборотъ—много собственнаго достоинства и внушенныя вѣковою культурою любезность и вѣжливость. Рядомъ съ вѣжливостью въ японскомъ крестьянинѣ поражаетъ масса эстетическаго вкуса. Воспитанный обыкновенно среди чудныхъ панорамъ необезображенной человѣкомъ природы, онъ съ дѣтства привыкъ цѣнить и любить прекрасное въ природѣ. Его культура мало портитъ природу. Онъ нигдѣ не видитъ обезображенныхъ, оголенныхъ утесовъ, обобранныхъ культурою голыхъ полей. Вездѣ виднѣется или рощица, или лѣсокъ стройныхъ деревьевъ, окружающихъ храмъ бога земледѣлія или другого мѣстнаго шинтускаго божества съ ведущими къ нему ступенями, украшенными воротами, или тамъ и сямъ разбросанныя причудливо развѣтвленныя деревья японской сосны.

Поля окаймлены полезными деревьями. Они не пустуютъ, такъ какъ здѣсь нѣтъ пара и одна культура спѣшитъ смѣнить другую, не зная однообразія нашихъ пустующихъ полей. Малоземельныя мелкія владѣнія и маленькіе участочки полей съ различными культурами придаютъ сельскому ландшафту Японіи совершенно отличный отъ нашего облика. Здѣсь нѣтъ монотонныхъ пространствъ юга Россіи, занятыхъ на цѣлыя версты однимъ и тѣмъ же растеніемъ, нѣтъ, наподобіе громадныхъ заплатъ, раскиданныхъ по холмамъ нашихъ крестьянскихъ полей. Здѣсь страна напоминаетъ или опытное поле какой-нибудь земледѣльческой фермы, гдѣ маленькіе участочки разнообразнѣйшихъ растеній постоянно чередуются другъ съ другомъ, или ботаническій или ягодный садъ съ

различными культурами красивых деревъ и кустарниковъ, расположенный въ обстановкѣ красиваго гористаго парка. Самая культура японская красива. Внизу на равнинѣ или въ долинѣ рѣки, наподобіе зеленѣющаго заливного луга, вы видите изумрудный газонъ рисовыхъ полей. Высокая зелень злака замаскировала низенькія террасы полей, и вамъ кажется, что это одинъ сплошной ярко-зеленый ровный газонъ, съ блескомъ и красотою котораго не можетъ состязаться ни одинъ изъ наиболѣе чисто содержимыхъ газоновъ лучшихъ парковъ Европы.

Не менѣе эффектны эти низы и осенью, когда они пожелтѣютъ и превратятся въ желтѣющія нивы со жнецами, обрамленныя темною зеленью сосенъ, таинственными рощами криптомерій или тамъ и сямъ раскиданными на склонахъ группами бамбуковъ, нѣжностью зелени своей, красотою ея и яркостью далеко превосходящихъ самыя эффектныя изъ группъ нашихъ плакучихъ ивъ, разводимыхъ въ садахъ богатыхъ помѣщиковъ. Не менѣе красива и разнообразна культура сухихъ нивъ и откосовъ—этихъ полей—террасъ, какъ виноградники лѣпящихся по склонамъ горъ, чередуясь съ группами лаковыхъ и восковыхъ деревьевъ, или рдѣющихъ красными плодами, или распространяющихъ благовоніе цвѣтовъ своихъ мандариновъ — этихъ рощъ, близъ вершины горъ опять смѣняющихся или зарослями вѣчно-зеленыхъ кустарниковъ, или раскидистыми соснами и бамбуками.

Здѣсь раннею весною вы видите поля знакомыхъ родныхъ хлѣбовъ, пшеницы и ячменя, желтѣющія нивы которыхъ составляютъ непривычный нашему глазу контрастъ съ распускающеюся зеленью цвѣтущихъ кустарниковъ. Не успѣютъ снять эти злаки и убрать покрывшійся стручьями рапсъ, какъ уже пестрая, чисто тропическая картина южныхъ культуръ ласкаетъ ваши взоры. Тутъ громадные щиты калоказій заставляютъ задавать вопросъ:— не имѣете ли вы передъ собою высадку изъ теплицы какого-нибудь садоваго заведенія.

Выше—какъ плющъ—покрылъ землю плетями своими сладкій картофель. Ниже—вѣтеръ колышетъ гряды съ пушистою соею, а тамъ поле лотоса, распускающаго свои громадные розовые благовонные цвѣты изъ водъ небольшого прудика, устроеннаго въ сѣни высокой заросли желтаго колѣнчатаго бамбука. Пройдемъ черезъ рощу между гладкими, точно лакированными колоннами и мы найдемъ пріютившійся за нимъ бумажный домикъ японскаго крестьянина, чистенькій, точно для отдыха туриста поставленный среди этой панорамы. Что жъ удивительнаго, что, окруженный этой природою, японскій селянинъ понимаетъ красоту ея и въ великомъ и въ маломъ. Его паломничества — это паломничества въ красивыя мѣста Японіи, гдѣ религія и природа соединяются въ одно цѣлое. Его садики, разбитые сзади дома, служащіе украшеніемъ внутренней парадной комнаты—это миніатюрный кусочекъ при-

роды. Въ каждомъ почти округѣ есть сады, славящіеся обиліемъ и красотою формъ или богатствомъ собранія излюбленныхъ японцами растеній. Сюда стекаются въ періодъ цвѣтенія ихъ, совпадающаго съ тѣмъ или другимъ праздникомъ тысячи народа. Они наслаждаются красотою этихъ растеній или создаваемой цвѣтущими деревьями панорамой.

На подмосткахъ подъ цвѣтущими глициніями, на верандахъ чайныхъ домовъ, расположенныхъ подъ каскадами, берега которыхъ алѣютъ пурпурною листвою кленовъ, оттѣняющихъ бѣлыя отъ снѣга вершины горъ, тысячи семей съ дѣтьми и подростками сидятъ, бесѣдуя о событіяхъ дня, распивая чай изъ своихъ крошечныхъ чашечекъ.

Кропотливая работа ухода за растеніями сдѣлала японскаго крестьянина трудолюбивымъ и мелочнымъ. Онъ не привыкъ, какъ китаецъ, цѣнить высоко ни время, ни деньги. Онъ можетъ тратить недѣли надъ отдѣлкою мелкихъ бездѣлушекъ, можно сказать даже ненужныхъ, но на которыя онъ смотритъ глазами артиста, не жалѣя трудовъ своихъ. Поэтому артистичность его видна всюду, начиная отъ орудія, которымъ онъ работаетъ, и кончая букетомъ, который украшаетъ комнату даже бѣднаго поселянина.

Японскіе селяне плохіе музыканты. Въ праздникъ вы не услышите звука инструмента или топота пляшущихъ паръ. Музыка — это дѣло женщины. Звуки кото и другихъ инструментовъ вы услышите въ чайномъ домѣ или въ театрѣ, представленія въ которомъ длятся цѣлыя сутки. Но это уже скорѣе развлеченія горожанъ. Они обычны для тѣхъ, кто ходитъ въ городъ, а для обыкновеннаго селянина доступны лишь въ рѣдкіе праздничные дни.

Образованіе и религія у японцевъ.

(А. Краснова.)

Японская семья обыкновенно не отличается многочисленностью. На долю японской женщины выпадаетъ не менѣе труда, чѣмъ на долю крестьянской женщины этого сословія въ другихъ странахъ, и трудъ этотъ носитъ такой же характеръ. Но японская женщина—скорѣе рабыня мужа. Она не смѣетъ обѣдать съ нимъ въ одно время и онъ можетъ ей дать разводъ въ какое угодно время. Впрочемъ, благодаря природной мягкости японскаго народа, положеніе женщины въ семьѣ здѣсь вовсе не такъ тяжело, какъ это можно думать, и дѣти въ значительной степени скрашиваютъ тяжелую, трудовую жизнь матери.

Дѣти японскія—предметъ нѣжной любви и заботъ со стороны родителей. Страна эта поистинѣ дѣтскій рай. Игрушки и забавы самыхъ

различныхъ родовъ — къ услугамъ молодого японца, какъ только онъ начнетъ сознавать окружающее. Около храмовъ, куда ходятъ на паломничество родители, стоятъ длинные ряды игрушечныхъ лавокъ, въ которыхъ родители запасаются всякою разностью передъ возвращеніемъ домой. Ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не изобрѣтено столько дешевыхъ, интересныхъ и забавныхъ игрушекъ, какъ въ Японіи. Рожденіе мальчика знаменуется особеннымъ празднествомъ. Въ маѣ, въ условленный день, двери дома, гдѣ семья увеличилась членами мужского пола, украшаются длинными шестами, на которыхъ по вѣтру развѣваются бумажныя модели исполинскихъ карповъ, эмблемы стойкости и неустрашимости.

Но уже въ раннемъ возрастѣ, 4—6 лѣтъ, независимо отъ сословія и состоянія японца посылаютъ въ школу. Теперь образованіе обязательно для всей націи. Учиться японцамъ приходится очень много. Хотя ихъ школы организованы на американскій образецъ, но имъ, кромѣ того начальнаго образованія, какое получаетъ гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, приходится бороться съ трудностями китайскихъ іероглифовъ, для перваго поверхностнаго изученія которыхъ потребно отъ 2—4 лѣтъ, и знакомствомъ съ иностраннымъ языкомъ—англійскимъ. Какъ извѣстно, каждому слову въ китайскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ іероглифъ. Потому число этихъ іероглифовъ громадно. Японцы сильно упростили китайскую систему письма, введя для иностранныхъ словъ буквы, соотвѣтствующія нашимъ слогамъ, и упростивъ правописаніе самыхъ іероглифовъ. Тѣмъ не менѣе и теперь изученіе буквъ составляетъ чуть ли не самую трудную часть японской науки. Дѣвочки учатся теперь въ начальныхъ школахъ съ мальчиками, но искусство убирать комнаты, стряпать кушанья и подавать ихъ преподается имъ отдѣльно.

Японская молодежь, можно сказать, переутомляется ученіемъ. Но это не уменьшаетъ ея любознательности. Едва научившись по-англійски, независимо отъ того, какое положеніе занимаютъ ихъ родители, стремятся они въ Америку, не отказываясь работать за грошъ, исполняя самыя грубыя и тяжелыя работы, только чтобы чему-нибудь выучиться и посвятить затѣмъ свои знанія родинѣ. Вотъ этимъ-то изъ народа вышедшимъ піонерамъ еще болѣе, чѣмъ 800 газетамъ, издающимся въ Японіи, обязана Японія быстрымъ ростомъ своей цивилизаціи. Не только мы, русскіе,—американцы поражаются, находя, напримѣръ, въ скромныхъ деревушкахъ въ горахъ вмѣсто такъ недавно еще господствовавшихъ здѣсь масляныхъ свѣтильниковъ электрическія лампочки, освѣщающія трапезу крестьянина.

Въ складчину покупается маленькая динамо-машина, приготовляемая кустарнымъ же путемъ въ странѣ, благодаря чему ея стоимость не превосходитъ 300 рублей, ею используется сила горнаго потока, и дере-

вушка имѣетъ освѣщеніе, о которомъ не смѣютъ еще мечтать многіе большіе города Россіи.

Все, что дорого и доступно немногимъ учрежденіямъ у насъ, японцы спѣшатъ удешевить и ввести въ народъ. Дорогіе химическіе вѣсы, хирургическіе инструменты, физическіе приборы, за которые мы переплачиваемъ тысячи иностраннымъ мастерамъ, они дѣлаютъ теперь уже сами, и что жъ удивительнаго, что кабинеты учительскихъ семинарій страны этой заставляютъ краснѣть за научныя пособія наши университеты. Жажда къ знанію и ученію у японской молодежи такъ велика, что юноши поступали на самыя низкія служительскія должности въ С.-Франциско или на пароходы, только чтобы выучиться чему-нибудь. Въ Америкѣ они готовы служить даромъ, только за столъ и помѣщеніе, лишь бы имъ давали 2—3 часа въ сутки для посѣщенія школы.

Ариѳметика, основы геометріи, исторія, начатки англійскаго языка или по крайней мѣрѣ умѣніе разбирать буквы, географія входятъ въ составъ преподаванія начальной школы. Вѣроятно молодой японецъ могъ бы вынести изъ своей школы несравненно больше, если бы обученіе его не затруднялось необходимостью изучать китайскіе іероглифы, на что уходитъ большая часть времени преподаванія. Между тѣмъ ими печатаются книги и газеты, съ ихъ помощью производится переписка.

Однако, не перо и чернильница, а кисти, тушь и флаконъ съ водою составляютъ письменныя принадлежности японца. На особенной каменной или деревянной, снабженной выемкой, карманной палитрѣ растираетъ ученикъ кусокъ туши и старательно выводитъ свои іероглифическія каракули. Тушь японская, какъ и китайская, какъ извѣстно, есть копоть отъ лампочекъ, въ которыхъ жгутъ масло. Ихъ копоть разводится въ водѣ съ клеемъ изъ костей кита и рыбнымъ клеемъ. Послѣ сложной процедуры растиранія, сушенія, толченія и скатыванія, полученное тѣсто формируется въ извѣстныя всѣмъ своимъ видомъ плитки, поддушается большею частью мускусомъ и сушится въ золѣ изъ рисовой соломы. Требуется большое искусство, нужно сказать больше, рисовальный талантъ, чтобы сумѣть красиво и четко написать письмо или бумагу японскими іероглифами, пишущимися сверху внизъ и съ лѣвой стороны бумаги на правую.

Религія и духовенство не играютъ такой видной роли въ жизни японца, какъ въ христіанскихъ странахъ запада. Его вѣра есть сліяніе трехъ религій: національной—шинтуизма, философской—конфуціанизма и буддизма, какъ въ Китаѣ; къ этому японецъ не прочь прибавить еще и то, что есть лучшаго въ христіанствѣ. Въ сущности онъ не приверженецъ ни одной изъ этихъ религій. Образованные классы поддерживаютъ ихъ ради формы. Народъ слѣдуетъ внѣшнимъ обрядамъ, диктуемымъ духовенствомъ, исповѣдуя свою собственную, общую всѣмъ

непросвѣщеннымъ земледѣльцамъ, вѣру. Суть религіи Шинту заключается въ боготвореніи силъ природы и невидимыхъ духовъ предковъ, въ особенности предковъ, ознаменовавшихъ жизнь свою какими бы то ни было выдающимися дѣяніями. Эта религія безъ философіи и нравственныхъ правилъ, лишь съ обрядами. Невидимые духи обладаютъ всѣми слабостями смертныхъ. Религія Шинту состоитъ главнымъ образомъ изъ легендъ о богахъ и герояхъ давнихъ временъ, легендъ, въ которыя теперь мало кто вѣритъ, но въ силу которыхъ, между прочимъ,

Видъ на Фузи-Яму.

микадо считается потомкомъ боговъ, почему обязанность правовѣрнаго японца—повиноваться его приказаніямъ безъ разсужденія.

Правительство и религія здѣсь одно, и микадо т.-е. императоръ является центромъ государства и церкви. Шинтуизмъ не имѣетъ однако заповѣдей, какъ другія религіи. Мораль и законъ, говорятъ шинтуисты, были изобрѣтены корейцами, такъ какъ они были безнравственнымъ народомъ, тогда какъ каждый японецъ будетъ поступать нравственно, если будетъ слѣдовать влеченію своего сердца. И вотъ

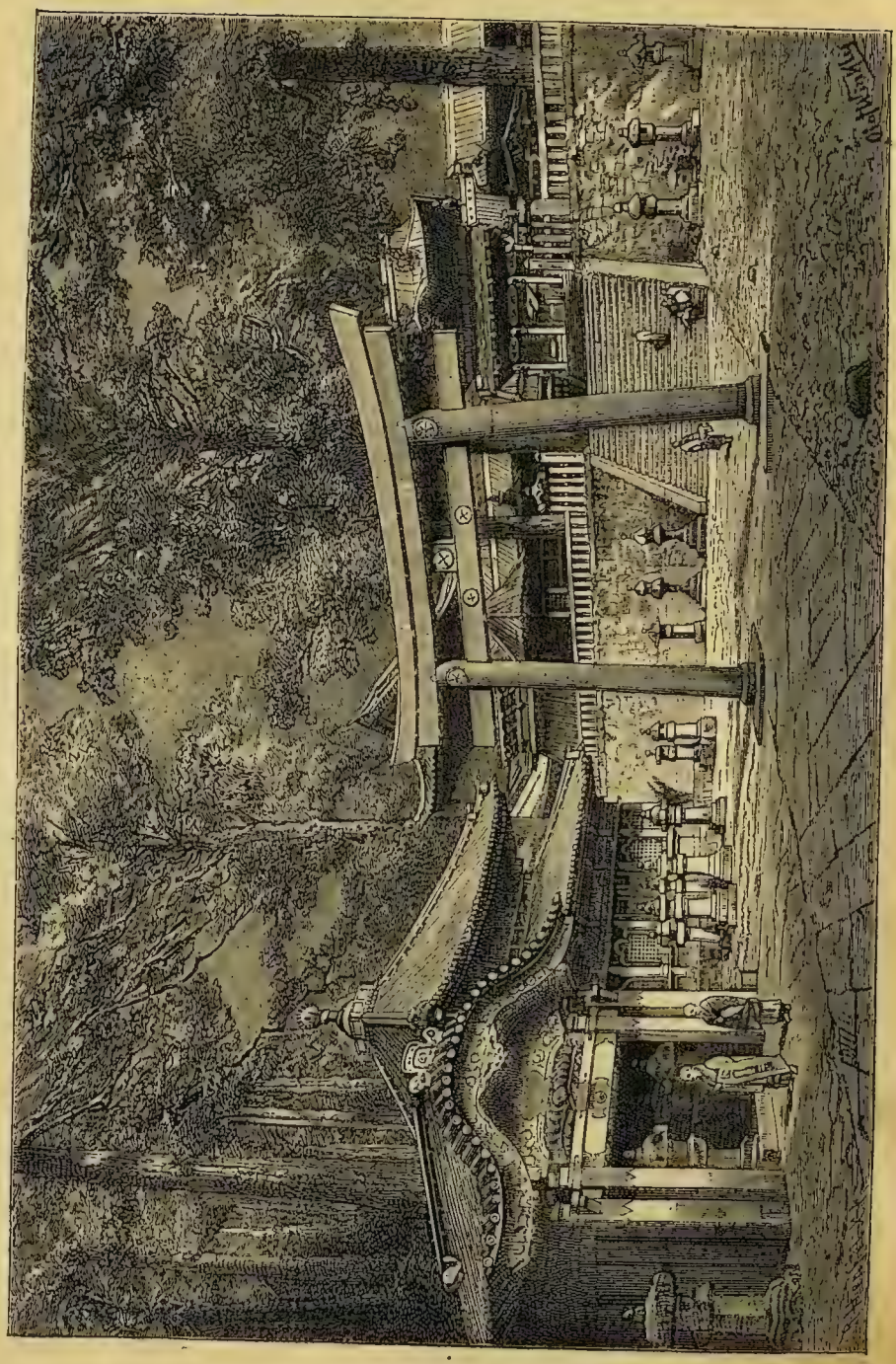
Японскій храмъ.

Библиотека ... 2536

о томъ, какъ сохранить это сердце чистымъ, и заботятся шинтуисскіе моралисты.

Поклоненіе богамъ шинтуизма есть поклоненіе силамъ природы, и, какой увлекательный характеръ оно носитъ, читатель можетъ судить по поклоненію богу солнца на вершинѣ Фузи-Яма, ежегодно устраиваемому лѣтомъ его поклонниками—пилигримами. Трудно себѣ представить что-нибудь грандіознѣе и красивѣе этой картины, открывающейся съ вершины трудно доступнаго вулкана. Пилигримы, одѣтые въ бѣлыя одежды, дѣлаютъ восхожденіе обыкновенно ночью при свѣтѣ факеловъ. Подъемъ совершается по горной, лишенной растительности, рыхлой почвѣ вулкана. На высотѣ 10.000 фут. обыкновенно вы вступаете въ поясъ облаковъ. Часто облака образуютъ два пояса, и, находясь между ними, вы имѣете облака или туманъ подъ ногами и надъ головою. Но вотъ въ адскомъ холодѣ и полумракѣ ранняго утра вы достигаете вершины. Туманъ разсѣивается мало-по-малу, и вы различаете глубоко подъ ногами неясные контуры суши и омывающія ее съ востока моря. Горизонтъ начинаетъ слегка свѣтлѣть. Туманъ таетъ, и вы начинаете все ярче и ярче различать контуры моря и земли, очертанія горъ и горныхъ группъ, далеко не достигающихъ вершинами своими высоты одиноко возвышающейся надъ страною Фузи. Являются наконецъ силуэты озеръ, раскинувшихся между горными группами; вы начинаете въ слабомъ утреннемъ сумракѣ различать лѣса и пашни и раскинувшіяся между ними селенія. И вотъ надъ этимъ моремъ, на небосклонѣ, вспыхнувшимъ лучомъ, сперва въ яркій пурпуръ, потомъ въ нѣжно-розовые оттѣнки по темно-голубому небу разукрашиваются облака. Другія, болѣе дальнія, нависшія надъ горами, кажутся комками бѣлой ваты. Низко надъ горизонтомъ полосы облаковъ становятся золотыми, цвѣта расплавленнаго золота, и вдругъ показывается верхній край солнечнаго диска. Дружный и торжественный гимнъ хора богомольцевъ привѣтствуетъ свѣтило. Страна въ нѣсколько минутъ неузнаваема. Море — это море расплавленнаго золота. Земля подъ ногами блеститъ зеркалами озеръ, причудливыми формами горъ, расположенныхъ на откосахъ лѣсовъ, полей и раскинувшихся между зелеными низинами серебристыми лентами рѣкъ. Вы видите одну изъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ странъ съ птичьяго полета.

Но обыкновенно эта дивная вдохновляющая васъ картина длится недолго. Черезъ полчаса подъ ногами вашими начинаютъ клубиться облака; сгущаясь, они образуютъ непроницаемое безбрежное море серебристаго пара, среди котораго, какъ на одинокой скалѣ среди безбрежнаго океана, стоите вы на вершинѣ Фузи, имѣя океанъ облаковъ подъ собою и голубой небосклонъ съ одиноко сіяющимъ на немъ дневнымъ свѣтиломъ.



Японскій храмъ.

По большей части посвященные духамъ храмы Шинту стоятъ всегда въ сторонѣ, гдѣ-нибудь на возвышеніи, въ рощѣ изъ красивыхъ вѣчно-зеленыхъ деревьевъ, откуда открывается красивая панорама. Любимыя деревья японцевъ—криптомеріи, кленъ, вишни—обыкновенно сгруппированы около такихъ храмовъ, привлекая во время цвѣтенія толпы посѣтителей. Шинтускіе храмы обыкновенно не имѣютъ идоловъ, а только нѣсколько зеркалъ. Эмблема богини солнца помѣщается внутри маленькаго, особой архитектуры деревяннаго домика, къ которому ведутъ ступени, и надъ ними возвышаются одни или нѣсколько каменныхъ или деревянныхъ воротъ, имѣющихъ форму буквы П, съ нѣсколько вогнутою верхнею перекладиною.

Народное поклоненіе духамъ храмовъ выражается совершаемымъ разъ или два раза въ годъ паломничествомъ, дающимъ возможность наблюдать красивые виды и присутствовать при религіозныхъ представленіяхъ.

Токіо.

(Гессе - Вартега.)

Хотя Японію и называютъ то Англіей, то Франціей азіатскаго Востока но столица ея, Токіо, вовсе не можетъ быть названа азіатскимъ Парижемъ. По своей величинѣ и по количеству своихъ жителей Токіо, правда, можетъ сравниваться съ Парижемъ, но по своему однообразію и общей физіономіи это, можетъ-быть, самый безобразный и бѣдный городъ на всемъ земномъ шарѣ.

Всякій иноземецъ, пріѣзжающій впервые въ Токіо, представляетъ себѣ этотъ городъ какъ средоточіе европейскихъ знаній и центръ иноземной культуры. До извѣстной степени это и вѣрно; но попробуйте убрать отсюда двадцать слишкомъ европейскихъ памятниковъ и виллъ, выстроенныхъ въ послѣднее десятилѣтіе, и знаменитый Токіо, эта столица дальняго Востока, превратится въ скверную деревушку. Напрасно будете вы здѣсь искать блестящихъ, оригинальныхъ построекъ, какъ въ древнихъ городахъ Индіи, или въ столицахъ Персіи, Египта, Сіама, Бирмы, или даже въ нѣкоторыхъ китайскихъ городахъ. Токіо даже не можетъ быть названъ однимъ изъ красивѣйшихъ и интересныхъ городовъ въ своей собственной странѣ. Своимъ расположеніемъ и постройками Токіо производитъ очень неблагопріятное впечатлѣніе. Это уже не японскій городъ и вмѣстѣ съ тѣмъ еще не европейскій; онъ переживаетъ теперь очень невыгодное для себя переходное время; когда это время пройдетъ, то эта древняя, чисто японская столица превратится въ самый обыкновенный городъ. Во всякомъ случаѣ это пре-

вращеніе произойдетъ только съ внѣшней стороны, такъ какъ, по счастію, у японцевъ достаточно здраваго ума, чтобы противостоять, и съ успѣхомъ, европейскому вліянію. И только именно это столкновеніе двухъ совершенно различныхъ культуръ и дѣлаетъ въ настоящее время Токіо такимъ интереснымъ и достойнымъ вниманія.

Какая изъ этихъ двухъ культуръ одержитъ верхъ, теперь еще нельзя сказать. Давленіе сверху здѣсь очень сильно; правительство дѣйствуетъ всѣми имѣющимися въ его распоряженіи значительными средствами; аристократія и капиталисты страны дѣйствуютъ за одно съ нимъ, частью изъ расчета, частью по симпатіи и убѣжденію. Но на внутреннюю жизнь народа они, къ счастію, еще не имѣютъ значительнаго вліянія; японцы въ общемъ какъ въ провинціи, такъ и въ столицѣ, что касается обычаевъ и костюмовъ, остались такими же, какими были и до европоманіи правительства. Токіо—это единственный городъ въ царствѣ микадо, гдѣ можно видѣть японскую жизнь въ европейской рамкѣ не только въ настоящее время, но еще многіе годы.

Токіо находится у устья рѣки Сумидогавы, широкой мелководной бухты Іеддо, но ея болотистые берега не допускаютъ къ нему большихъ морскихъ пароходовъ. Морская гавань Токіо—это лежащая въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу Іокогама, съ которой его соединяетъ желѣзная дорога. Отъ Сумидогавы идетъ широкій каналъ къ холмистой части города, гдѣ расположилось цѣлое море домовъ, при чемъ каналъ этотъ образуетъ собою два концентрическихъ круга или кольца. Во внутреннемъ кольцѣ находятся дворцы и сады императорской резиденціи.

Дворецъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, среди густого и обширнаго парка, окруженнаго обсаженной елями высокой гранитной стѣной, почти вертикально спускающейся къ низу. Все это мѣсто отдѣляется отъ прочаго города широкимъ рвомъ, наполненнымъ водой, и обширными стѣнами, которыя напоминаютъ кремлевскія стѣны въ Москвѣ. Во дворецъ ведетъ нѣсколько высокихъ гранитныхъ и чугунныхъ мостовъ, но проникнуть туда постороннимъ лицамъ нельзя: тяжелыя массивныя двери охраняются часовыми.

Во внѣшнемъ кольцѣ города находятся городскіе кварталы съ главными правительственными учрежденіями—министерствами; здѣсь же помѣщаются нѣкоторыя иностранныя посольства, дворцы и виллы сановниковъ и туземной аристократіи.

Наконецъ, за предѣлами этого круга, соединеннаго съ Сумидогавой и моремъ каналами, тянутся большія убогія деревни, постепенно слившіяся другъ съ другомъ и превратившіяся въ предмѣстья Токіо.

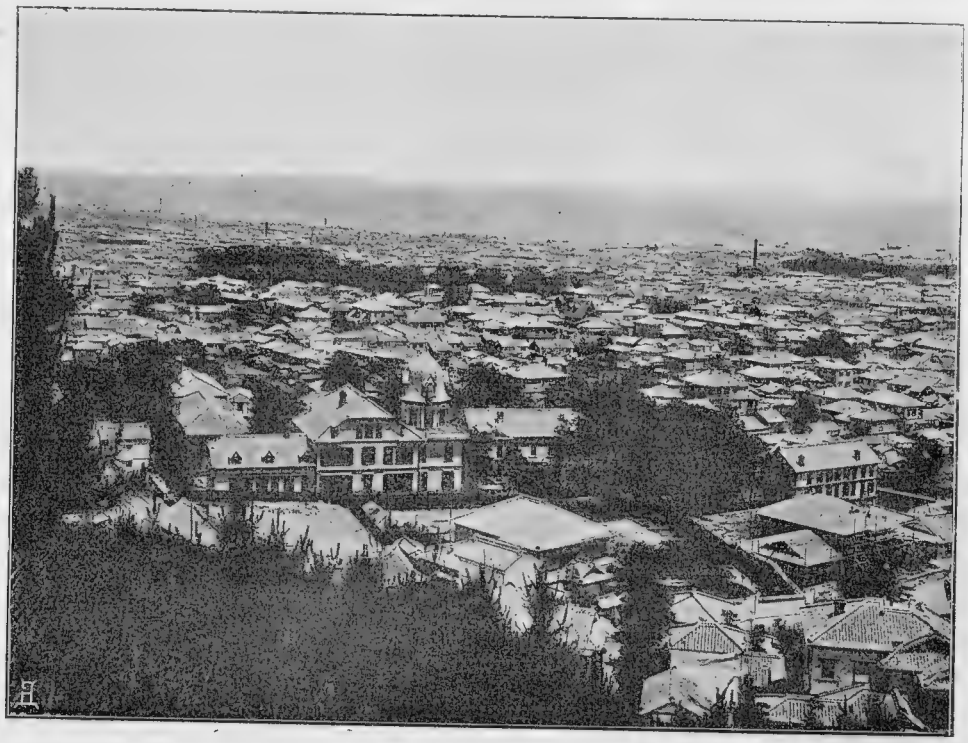
Японцы выстроили себѣ деревни и дома въ далекихъ долинахъ, находящихся въ центрѣ цѣпи окружающихъ прежнее Іеддо горъ; эти послѣднія при новыхъ постройкахъ не лишились и до сихъ поръ своего

украшенія—прекрасныхъ лѣсовъ. Лѣса эти частью превращены въ парки и рощицы при храмахъ и составляютъ гордость и украшеніе Токіо. Когда изъ Іокогамы пріѣзжаешь теперь послѣ часового пути по желѣзной дороги въ Токіо, то попадаешь на самый людный, вполнѣ европейскій вокзалъ, съ тою только разницею, что тутъ вмѣсто запряженныхъ лошадьми экипажей стоятъ въ ожиданіи сѣдоковъ рикши, ручныя телѣжки, въ которыя впрягаются японскіе кули. Но даже и эти рикши до нѣкоторой степени европеизированы. Кули носятъ синія куртки, плотно облегающіе панталоны и круглыя шляпы, а на рикшахъ—номера, какъ на нашихъ экипажахъ; швейцаръ въ европейской ливреѣ несетъ багажъ. Вы катите по широкимъ улицамъ мимо магазиновъ съ европейскими вывѣсками и европейскими же товарами и, наконецъ, подъѣзжаете къ окруженной садомъ гостиницѣ „Imperial“. Вы спите въ совершенно европейской комнатѣ съ электрическимъ освѣщеніемъ, обѣдаете въ великолѣпномъ залѣ, вамъ подаютъ европейскія блюда, и за весь пансіонъ вы платите, со всѣми накладными расходами отъ шести до восьми рублей въ сутки.

Изъ оконъ этого отеля, самаго элегантнаго не только въ Токіо, но и во всей Японіи, передъ вашими глазами разстилаются большія незастроенныя равнины съ разбросанными кое-гдѣ трехъ- или четырехъэтажными домами, пустынныя улицы безъ всякихъ построекъ и длинные ряды телеграфныхъ столбовъ съ натянутыми на нихъ сотнями проволокъ. Даже при первомъ осмотрѣ города, предметами котораго служатъ обыкновенно императорскій дворецъ и зданіе посольства, вы напрасно будете искать все то, что носитъ чисто японскій характеръ.

На широкихъ благоустроенныхъ улицахъ стоятъ газовые фонари, тамъ и сямъ виднѣется европейская вилла, окруженная садами: это—жилище какого-нибудь японскаго принца или иностраннаго посланника; на перекресткахъ улицъ стоятъ маленькіе, вѣжливые полицейскіе въ европейскихъ мундирахъ, часто съ очками на носу; люди, снующіе по улицамъ, одѣты по большей части такъ же, какъ мы; экипажи, кареты, военные—все какъ въ Европѣ. Когда я немного позже по одному случаю явился представляться къ микадо во дворецъ, то я и тамъ увидѣлъ нѣсколько комнатъ, устроенныхъ по-европейски, совсѣмъ какъ во дворцѣ какой-нибудь европейской владѣтельной особы. Единственное, что напоминаетъ здѣсь прогуливающемуся по городу европейцу о томъ, что онъ ходитъ по тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ властвовали прежніе японцы,—это укрѣпленія, окружающія резиденцію императора. Болѣе величественными бастіонами едва ли обладаетъ еще какая-нибудь крѣпость въ мірѣ. Эти стѣны, немного вогнутыя, вышиною отъ тридцати до сорока метровъ, составлены изъ такихъ огромныхъ плитъ, что нужно только удивляться, какъ могли эти маленькіе человѣчки нагро-

моздить ихъ въ такой массѣ безъ помощи машинъ или какихъ-нибудь другихъ новѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ. Вдоль этихъ стѣнъ тянется ровъ, шириною, а мѣстами и глубиною, отъ пятидесяти до шестидесяти метровъ; надъ нимъ потрудилась не одна сотня тысячъ людей въ теченіе многихъ лѣтъ. Поверхность воды во рвахъ бываетъ лѣтомъ покрыта цвѣтами лотоса, а надъ ними, на валахъ, растутъ огромныя старыя пиніи самой причудливой формы, съ длинными, достигающими земли, вѣтвями. Главная улица этой части города—„Джинза".



Видъ города Кобе.

Кто не былъ здѣсь, тому трудно представить себѣ, что такое Джинза, этотъ Невскій японской столицы.

На десятки верстъ тянется прямая какъ стрѣла, широкая улица, одна изъ самыхъ широкихъ въ Токіо, окаймленная по бокамъ двумя стройными рядами зеленыхъ деревьевъ, образующихъ вмѣстѣ съ рядами густо примыкающихъ другъ къ другу деревянныхъ двухъэтажныхъ домовъ гигантскія аллеи на всемъ протяженіи, пока видитъ глазъ. Тротуары и вся улица заняты толпами пѣшеходовъ, придающихъ необыкновенно оживленный и праздничный видъ всей этой улицѣ. Всѣ зданія заняты лавками. Разноцвѣтныя холщевыя вывѣски, драпирующія объ стороны

улицы на всемъ ея протяженіи, служатъ очень краснвымъ нарядным уборомъ для „Джинзы“, и, пока не присмотришься къ нимъ, кажется, будто весь городъ расцвѣченъ десятками тысячъ флаговъ. Посрединѣ улицы проложены рельсы конно-желѣзной дороги, но и самые вагоны разукрашены яркими красками и не портятъ всей этой яркой и пестрой картины. На всемъ своемъ протяженіи „Джинза“, какъ и прочія улицы Токіо, пересѣкается каналами. Ихъ здѣсь такъ много, что Токіо давно уже заслуживаетъ названіе „японской Венеціи“. Плоскодонные сампаны и джонки, въ изобиліи снующіе по городу по узкимъ каналамъ, пересѣкаютъ оживленную улицу и придаютъ ей своеобразный видъ.

Что особенно отличаетъ Токіо отъ всѣхъ японскихъ городовъ, такъ это массы солдатъ и военныхъ, снующихъ по улицамъ. Почти каждыя пять минутъ слышатся гдѣ-нибудь звуки полковой трубы. Вооруженные ординарцы вѣчно гарцуютъ на лошади, отряды молодыхъ солдатъ и новобранцевъ въ бѣлыхъ лѣтнихъ костюмахъ и въ плоскихъ, нѣмецкой формы, военныхъ фуражкахъ съ красными или желтыми околышами, такъ и мелькаютъ передъ глазами. Въ европейской военной формѣ японцы далеко не выглядятъ такими мелкими, сухопарыми и тщедушными, какими они кажутся въ своихъ кимонахъ.

Въ концѣ „Джинзы“, вѣрнѣе, въ концѣ всего этого моря лавокъ, вывѣсокъ, людей и деревьевъ, протянулся базаръ и различные рынки.

Я видѣлъ японскіе рынки въ Нагасаки, Іокогамѣ и Кобе, но ничто не сравнится съ токіосскими рынками. Лавокъ, лотковъ, продавцовъ, продавщицъ здѣсь такъ много, что становится просто непонятнымъ, гдѣ берутся покупатели для всей этой массы продуктовъ и товаровъ. А между тѣмъ здѣсь торгуютъ не только въ лавкахъ, но не упускаютъ ни одного свободнаго мѣста, гдѣ бы можно было торговать. Даже по краямъ тротуаровъ вплотную сидятъ (какъ и на Джинзѣ) продавцы съ лотками мелкихъ галантерейныхъ товаровъ, и приходится проходить буквально цѣлыя версты между шпалерами этихъ уличныхъ продавцовъ. Когда съ наступленіемъ вечера вся Джинза, рынки и лавки освѣщаются разноцвѣтными бумажными японскими фонариками, то вся эта часть города принимаетъ почти сказочный видъ. Ничего подобнаго нельзя встрѣтить, конечно, ни въ одномъ европейскомъ городѣ. Улицы точно залиты моремъ пестрыхъ огней, придающихъ фантастическій оттѣнокъ городу, стройнымъ рядамъ лавокъ и домовъ, деревьямъ и этимъ толпамъ малорослыхъ людей.

Японскія части города, лежащія внѣ обоихъ колецъ каналовъ, имѣютъ видъ деревень. Около трехсотъ тысячъ домиковъ расположилось на площади, равной по своей величинѣ Парижу, и образуетъ запутанную сѣть улицъ и переулковъ; только новые кварталы, выстроенные вокругъ устья Сумидогавы на отвоеванномъ у моря болотистомъ берегу,

разбиты на правильные квадраты, на манеръ американскихъ. Тамъ же находится и кварталъ иностранцевъ съ немногими живущими въ немъ купцами, множествомъ миссіонеровъ и церквей. Въ нынѣшней свободной „европейской“ Японіи запрещено было европейцамъ вплоть до 1898 года жить въ столицѣ по своему произволу; только европейцы, бывшіе на службѣ у японскаго правительства, пользовались преимуществомъ жить въ самомъ Токіо, всѣ же другіе должны были жить въ этомъ кварталѣ. Все это однообразное, густое, безцвѣтное и убогое море домовъ въ Токіо прерывается мѣстами маленькими холмиками съ густою растительностью, среди которой прячется небольшой храмъ, посвященный какому-нибудь божеству. Есть и два прекрасныхъ парка съ огромными старыми криптомеріями и соснами, съ длинными аллеями, усаженными яблонями, съ священными рощицами вокругъ храмовъ и съ прудами, усѣянными цвѣтами лотоса.

Уличная жизнь въ Токіо.

(Гессе-Вартега.)

Изученіе народнаго быта на улицахъ Японіи, зимою и лѣтомъ, день за днемъ, съ восхода солнца и до десяти или одиннадцати часовъ ночи, для иностраннаго туриста безспорно интереснѣе всѣхъ другихъ достопримѣчательностей столицы Японіи. Японская улица для европейца — своего рода музей, который покажетъ ему съ самой привлекательной стороны всю Японію—бѣдную и богатую, высшую и низшую,—Японію всѣхъ сословій и профессій.

Рано утромъ здѣсь можно видѣть всѣхъ за одѣваніемъ, въ предъобѣденное время — въ свѣтскомъ времяпровожденіи, послѣ обѣда—на прогулкѣ и вечеромъ—за развлеченіями.

Передъ отелемъ уже съ шести часовъ утра стоятъ оригинальныя японскія дрожки, „курума“, въ которыя запрягаются кули, и если я въ этотъ часъ выхожу на улицу, то меня неизмѣнно и обязательно привѣтствуетъ мой обычный курумайя и, держа шляпу въ рукахъ, задаетъ мнѣ все одинъ и тотъ же вопросъ: „сукоти о аруки иррагная?“ (не снизойдете ли до небольшой достоуважаемой прогулки?) Если бы я отказалъ ему, то этимъ я все-таки не избавился бы отъ двухъ другихъ курума, которые слѣдуютъ за мной по пятамъ, таская за собой свои телѣжки до тѣхъ поръ, пока я не рѣшусь кого-нибудь изъ нихъ взять.

Японцы не любятъ рано вставать. Въ шесть часовъ утра улицы еще совершенно пусты, почти всѣ дома закрыты, и только изрѣдка ви-

дишь женщинъ, подметающихъ передъ своимъ домомъ улицу. Японская полиція очень взыскательна, и всякое упущеніе влечетъ за собой немедленную кару.

Тротуаровъ на столичныхъ улицахъ нѣтъ; да они здѣсь и не такъ необходимы, какъ въ европейскихъ городахъ, такъ какъ въ Токіо почти нѣтъ ѣзды въ экипажахъ. Здѣсь всѣ ходятъ пѣшкомъ или ѣздятъ въ маленькихъ рикшахъ, которыхъ въ столицѣ больше сорока тысячъ. Поэтому-то здѣсь и легко держать улицы въ чистотѣ. Что не успѣваютъ подмести домовладѣльцы, то подбирается множествомъ куръ, которыхъ въ этотъ ранній часъ выпускаютъ на короткое время изъ клѣтокъ. На перекресткахъ стоятъ въ европейскихъ мундирахъ сонные полицейскіе; кули, съ длинными узкими кадками на спинѣ, бѣгаютъ съ озабоченнымъ видомъ изъ дома въ домъ, чтобы собрать накопившійся навозъ. Навозъ здѣсь считается очень дорогимъ матеріаломъ, потому что благодаря ему японцамъ удается унаваживать огороды и выращивать цѣнныя растенія. Въ болѣе бѣдныхъ кварталахъ обитатели нѣкоторыхъ домовъ платятъ за наемъ квартиры вмѣсто денегъ навозомъ. Это полезное примѣненіе городскихъ отбросовъ имѣетъ и свою дурную сторону. Въ Токіо до сихъ поръ нѣтъ водопровода, а колодцы не даютъ достаточнаго количества воды, и жители бѣдныхъ кварталовъ берутъ воду въ рѣчкахъ и ручьяхъ, которые, благодаря общеупотребительному въ странѣ искусственному орошенію полей, снова приносятъ въ городъ часть отбросовъ. Благодаря этому здѣсь часты эпидеміи тифа и холеры.

Но вотъ начинаютъ показываться деревенскіе жители и рыбаки, приносящіе на рынокъ свой ночной уловъ. Одни несутъ свои ноши на спинѣ, другіе везутъ ихъ въ ручныхъ телѣжкахъ; иногда видишь повозки, въ которыя запряжены лошади или быки, но главное грузовое сообщеніе совершается большею частью на плечахъ и спинахъ трудолюбивыхъ, работящихъ кули.

Постепенно пробуждаются и въ домахъ. Съ громкимъ скрипомъ и трескомъ отодвигаются въ сторону установленныя на ночь вокругъ веранды деревянныя перегородки.

Я медленно проѣзжаю мимо всѣхъ жилищъ и мнѣ удается проникнуть взоромъ въ самую интимную сторону домашней жизни японцевъ. Вотъ цѣлая семья усѣлась на мягкихъ и чистыхъ цыновкахъ и завтракаетъ. Родители и дѣти сидятъ на корточкахъ вокругъ чашекъ съ бѣлоснѣжнымъ дымящимся рисомъ и попиваютъ горячій чай изъ крошечныхъ изящныхъ чашекъ. Въ другомъ мѣстѣ японецъ лежитъ еще на своемъ матрацѣ и посасываетъ трубку, въ то время какъ женскій персоналъ дома уже за домашней работой: моетъ, чиститъ и стряпаетъ. Въ сосѣднемъ домѣ продавецъ рѣдкостей раскладываетъ свои сокровища. Въ другомъ домѣ молодая дѣвушка сидитъ на корточкахъ передъ зерка-

ломъ, пудритъ свое красивое личико и румянитъ губы, совершенно не стѣсняясь, точно она находится внутри четырехъ стѣнъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ страну проникла европейская культура, японцы уже не носятъ прежнихъ причесокъ; они отрѣзали свои косы, и щетинистые волосы не слушаются гребня. Только чиновники, аристократы и ученые носятъ бороды; а мужчины изъ народа гладко брѣютъ лицо. Какъ только эта работа кончается, они одѣваютъ широкіе кимоно, натягиваютъ на ноги бѣлые или синіе полотняные чулки, и весь ихъ туалетъ оконченъ.

Улицы все больше и больше наполняются народомъ, спѣшащимъ къ своимъ дѣламъ или на рынокъ.

Главную пищу японцевъ составляютъ рисъ, рыба и зелень. Мяса потребляется немного; вмѣсто него идетъ рыба, разнообразные сорта которой можно достать на здѣшнихъ интересныхъ и оживленныхъ рыбныхъ рынкахъ. Меня между прочимъ поражаетъ то, что закупкой нужной провизіи занимаются здѣсь мужчины. На рынкѣ все обходится замѣчательно чинно и спокойно, покупатели и продавцы низко присѣдаютъ другъ передъ другомъ, и такія сцены, какія разыгрываются на нашихъ рыбныхъ рынкахъ, здѣсь такъ же немыслимы, какъ и тѣ скверныя ругательства, которыя можно услышать у насъ. Въ японскомъ языкѣ вообще нѣтъ словъ, выражающихъ ругань, брань или проклятія.

Еще больше вѣжливостей расточаютъ японцы при встрѣчѣ съ знакомыми на улицѣ или въ домахъ.

Большая часть японцевъ до сихъ поръ ходитъ съ непокрытой головой; только солдаты, чиновники, студенты или элегантные дэнди носятъ головные уборы, и ихъ привѣтствія заключаются въ томъ, что они или отдаютъ честь, или вѣжливо снимаютъ шляпы, сопровождая это безчисленными поклонами. Поклоны и привѣтствія у японцевъ, даже изъ низшихъ классовъ, производятъ на европейца комическое впечатлѣніе. При лучшемъ состояніи улицъ они навѣрное опустились бы на колѣни другъ передъ другомъ. Теперь же они ограничиваются тѣмъ, что при встрѣчѣ останавливаются и только наполовину опускаются на колѣни. Въ этомъ положеніи они отвѣшиваютъ нѣсколько поклоновъ, потираютъ руками свои бедра и сквозь стиснутые зубы втягиваютъ въ себя воздухъ. Такъ стоятъ они одинъ передъ другимъ, пока одинъ изъ нихъ не рѣшается наконецъ продолжать свой путь; но, конечно, его въ этомъ случаѣ сочтутъ невѣжей, если только по своему общественному положенію онъ не выше того, ранѣе котораго онъ ушелъ.

Въ переживаемый нынѣ Японіей переходный періодъ на улицахъ Токіо встрѣчается весьма нерѣдко болѣе чѣмъ комичное смѣшеніе національныхъ костюмовъ. Консервативный элементъ Японіи, какъ и вездѣ, составляютъ женщины. За все время моего пребыванія въ царствѣ микадо

я ни разу не видалъ японки въ европейскомъ костюмѣ на улицѣ, въ театрѣ или чайныхъ домахъ; попадались только единичные случаи въ высшемъ столичномъ обществѣ. Даже отдѣльныя части костюма, какъ, напримѣръ, шляпы, ботинки, чулки и проч., не проникли еще къ японкамъ; и на улицѣ и у себя дома онѣ одѣваются еще совсѣмъ по-японски, обмахиваются бумажными вѣерами, курятъ маленькія трубки и сморкаются въ кусочки бумаги. Только одинъ европейскій предметъ удостоился вниманія японскихъ дамъ. Такъ, вмѣсто красивыхъ бамбуковыхъ зонтиковъ, обтянутыхъ пестрой бумагой, онѣ носятъ теперь большею частью наши европейскіе зонтики, крытые темной матеріей.

Студенты университета и даже школьники Токіо въ большинствѣ случаевъ носятъ европейское платье, и среди этого своеобразнаго, пестраго уличнаго движенія очень странно видѣть маленькихъ узкоглазыхъ японцевъ въ панталонахъ и башмакахъ, съ сумкой или связкой книгъ подъ мышкой. Маленькія же дѣвочки придерживаются, по примѣру своихъ матерей, красиваго національнаго костюма, и среди всѣхъ фигуръ, появляющихся все въ большемъ количествѣ на улицахъ съ наступленіемъ дня, самыя хорошенькія—это дѣвочки. Обыкновенно онѣ уже съ шести-семи лѣтъ нянчатся съ маленькимъ братишкой или сестренкой, еще не умѣющими ходить; послѣдніе привязаны къ ихъ спинамъ, но это не мѣшаетъ имъ весело рѣзвиться. Отсутствіе конпаго движенія и грязи на улицахъ позволяетъ имъ бѣгать возлѣ родительскаго дома. Иногда послѣ обѣда все-таки проѣзжаютъ по главнымъ улицамъ экипажи принцевъ или посланниковъ; но обыкновенно впереди бѣжитъ скороходъ и объявляетъ объ этомъ, предупреждая возможныя несчастья.

Улицы все больше и больше оживляются, а въ предъобѣденное время кажется, что поднялось на ноги все населеніе Токіо.

Появляются священники въ своихъ своеобразныхъ одеждахъ, съ пестрыми и блестящими медалями и въ облаченіяхъ, и никто изъ прохожихъ не обращаетъ на это никакого вниманія. Множество лавокъ въ нѣкоторыхъ улицахъ тянутся на разстояніи цѣлаго километра, при чемъ всѣ онѣ тѣсно примыкаютъ одна къ другой; хозяева выставляютъ со стороны улицы весь свой товаръ, въ видѣ принадлежностей дамскаго туалета, вѣеровъ, дѣтскихъ игрушекъ, фарфора, посуды, обуви, бумажныхъ фонарей и т. п. Всѣ эти лавочки переполнены покупательницами, и весь этотъ торгъ нѣсколькихъ тысячъ людей, вся дѣловая жизнь ихъ производитъ впечатлѣніе какой-то игры, развлеченія, точно въ этой далекой странѣ вовсе нѣтъ борьбы за существованіе, точно всѣ жители ея — рантьеры, безмятежно живущіе доходами со своихъ капиталовъ, и точно они занимаются торговлей только между прочимъ, для развлеченія, не разсчитывая на выгоды.

Доказательствомъ веселаго образа жизни японцевъ, любви къ развле-

ченіямъ, играмъ, сладостямъ служитъ то, что здѣсь масса разносчиковъ, которые запруживаютъ улицы изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю, какъ будто каждый день происходятъ матсури (праздники).

Чтобы ближе познакомиться съ японцами, я отпускаю своего возницу и отправляюсь пѣшкомъ побродить въ толпѣ. Но меня сейчасъ же окружаютъ другіе возницы и предлагаютъ свои услуги, „Рикша? Данна? О и де назай! Ирратаймасъ но дезака?“ (Не угодно ли вамъ рикшу, сударь? Вамъ не угодно ѣхать? Не угодно ли вамъ занять уважаемое мѣсто?).

Когда же я наотрѣзъ отказываюсь отъ ихъ услугъ, они извиняют-

Въ японской лавкѣ.

ся: „Вамъ угодно идти уважаемыми ногами?“ (Соре кара о ти агни де икимасъ?).

Въ Японіи все—„уважаемое“. Со всѣхъ сторонъ предлагаютъ разные товары, лакомства, мороженое и лимонады, и все это самымъ вѣжливымъ образомъ.

Вотъ „люджи-яки“ (сжигатель писемъ) съ пряными и сладкими пряниками, въ формѣ буквъ, звѣрей и разныхъ украшеній. Рядомъ съ нимъ „амейа“ (человѣкъ со студнемъ), который за мелкую монетку выдуваетъ дѣтямъ изъ трубки различныя фигурки изъ ячменнаго киселя (студня); далѣе, въ укромномъ уголкѣ, сидитъ на корточкахъ предсказатель

судьбы; передъ нимъ разостланъ на землѣ платокъ, а на платкѣ разложено пятьдесятъ маленькихъ палочекъ и шесть красныхъ и черныхъ деревянныхъ кубиковъ, посредствомъ которыхъ онъ предсказываетъ желающимъ грядущую судьбу; еще далѣе стоитъ разносчикъ съ липкими пряниками изъ бобовъ, стараясь обратить на себя вниманіе звуками гонга и бубенчиками; то же самое дѣлаетъ слѣпой „амма“ (массажистъ) посредствомъ свистка; за небольшую плату онъ готовъ кому угодно растереть тѣло. Вотъ важно выступаетъ врачъ въ очкахъ; его сопровождаетъ мальчикъ, неся съ собой ящикъ съ медикаментами и ступку; тутъ же робко бродитъ оборванный „эта“ (парія), или „ками-кудзуапрой“ (тряпичникъ), подбирая бамбуковымъ крючкомъ клочки бумаги или обрывки одежды, или охотникъ на воробьевъ осторожно пробирается вдоль домовъ съ липкой бамбуковой палкой въ рукахъ и съ удивительною ловкостью ловитъ неподозрѣвающихъ опасности птицъ.

Передъ входомъ въ храмы тѣснятся палатки, лотки съ игрушками, среди которыхъ сидитъ на корточкахъ артистъ, окруженный почитателями; у него мѣшки съ пескомъ, окрашеннымъ въ разные цвѣта; попеременно беретъ онъ горсти этого песку, разсыпаетъ его по землѣ, и у него выходятъ различные ландшафты, фигуры, орнаменты и т. п. Въ храмы то и дѣло заходятъ большею частью женщины и дѣвушки. Передъ тѣмъ какъ зайти, онѣ моютъ у колодца руки, потомъ медленно поднимаются по ступенямъ храма и даютъ своимъ богамъ знать о себѣ тѣмъ, что дергаютъ висящій съ крыши колоколъ. Послѣ того какъ раздается звонъ колокола, онѣ громко хлопаютъ въ ладоши и, согнувшись, прочитываютъ молитву. Послѣ этого онѣ извѣщаютъ боговъ новымъ хлопаньемъ въ ладоши объ окончаніи молитвы, бросаютъ на алтарь или въ стоящій поблизости деревянный ящикъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ и продолжаютъ свой путь дальше.

Въ обѣденный часъ улицы пустѣютъ, а въ лѣтнее время, между двумя и четырьмя часами дня, онѣ кажутся точно вымершими, развѣ только въ сильную жару увидишь женщинъ или дѣтей, поливающихъ улицы передъ своими домами, если ихъ не замѣняютъ высланныя городомъ спеціальныя фуры для поливки улицъ.

Трое или четверо черпаютъ воду изъ открытой бочки черпаками, укрѣпленными на длинныхъ шестахъ, и сильными взмахами разливаютъ ее по улицѣ; многія лавки завѣшаны прикрѣпленными къ крышѣ кусками синей или черной матеріи для защиты отъ солнечныхъ лучей. Позже, часовъ около пяти, уличная жизнь снова оживляется, начинается посѣщеніе чайныхъ домовъ и многочисленныхъ питейныхъ лавочекъ, гдѣ продается саке; эти послѣднія легко узнаются по прикрѣпленнымъ у входа сосновымъ вѣткамъ и большимъ раскрашеннымъ боченкамъ.

Съ наступленіемъ вечера всѣ опять высыпаютъ на улицу; тысячи

людей отправляются подъ сѣнь старыхъ огромныхъ сосенъ парковъ Шиба или Усно и располагаются тамъ на травѣ или въ чайныхъ домахъ, которыхъ множество вокругъ прудовъ съ лотосами и на берегу Сумидагавы; другіе нанимаютъ лодки, идутъ въ театры или клубы; на улицахъ постепенно зажигаются длинные ряды фонарей, изъ многихъ домовъ доносятся звуки музыкальныхъ инструментовъ и пѣніе; вездѣ кипитъ жизнь и веселье, точно у этихъ маленькихъ людей нѣтъ ни заботъ, ни труда, и вся эта столица царства микадо—не что иное, какъ модный курортъ въ разгаръ сезона.

Серьезное отношеніе къ жизни только тогда и проявляется на уличной физіономіи японцевъ, когда случается какая-нибудь катастрофа, какъ, напр., землетрясеніе: трубы, крыши, цѣлые дома рушатся, и испуганное населеніе выбѣгаетъ на улицу, или же когда на темномъ ночномъ небѣ появляются ярко-красные „цвѣты Іеддо“, т.-е. огненные языки пожара. Во всѣхъ частяхъ города можно видѣть высокіе столбы съ колоколами и лѣстницами, на верхушкѣ которыхъ сторожа постоянно и зорко слѣдятъ за тѣмъ, не покажется ли гдѣ дымъ или пламя. Какъ только они замѣчаютъ что-нибудь подозрительное, то сейчасъ же даютъ знать извѣстнымъ числомъ ударовъ колокола, въ какомъ кварталѣ пожаръ, и тотчасъ же среди беззаботнаго населенія начинается тревога. Всѣ быстро бѣгутъ домой; обитатели квартала, гдѣ произошелъ пожаръ, какъ можно скорѣе несутся къ себѣ, чтобы спасти свое имущество. Маленькіе домики, выстроенные изъ сухого дерева, съ бумажными стѣнами и соломенными цыновками, вспыхиваютъ какъ трутъ, и нечего и думать о спасеніи горящаго или сосѣдняго съ нимъ дома.

Токіо ужъ много разъ страдалъ отъ огня, и ежегодно и даже ежемѣсячно множество домовъ превращаются въ пепелъ. Ничего нѣтъ поэтому удивительнаго, что въ такихъ случаяхъ весь городъ въ тревогѣ; большая пожарная команда со своими фантастическими знаменами и касками спѣшитъ къ мѣсту происшествія, и даже въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ квартала перепуганное населеніе собираетъ свои пожитки, чтобы отнести ихъ въ болѣе безопасное мѣсто. Это не трудно сдѣлать благодаря несложности и простотѣ японской обстановки. Дѣвушки моментально скатываютъ тонкіе матрацы, соломенныя цыновки и одежду, женщины быстро бросаютъ въ какую-нибудь корзину посуду и кухонную утварь, мужчины вынимаютъ изъ пазовъ передвижныя стѣны изъ дерева и бумаги, и все это имущество помѣщается въ маленькой ручной телѣжкѣ. Только крыша и сваи, на которыхъ она стоитъ, остаются жертвами пламени, если пожарной командѣ не удастся локализировать огонь, разрушивъ опустошенные дома.

Японскій Бирмингамъ.

(Гессе-Вартега.)

Благодаря японско-китайской войнѣ Европа начала удѣлять восточной Азіи очень большое вниманіе. Неоднократно говорили и писали о тѣхъ опасностяхъ, какія грозятъ европейской промышленности со стороны соперничающей съ нею промышленности азіатскихъ странъ и преимущественно со стороны Японіи, которая за послѣднія десятилѣтія стала вполнѣ самостоятельной въ этомъ отношеніи и даже успѣшно выступаетъ со своими произведеніями не только на азіатскихъ рынкахъ, но и на европейскихъ.

Гдѣ же главный центръ молодой и уже могущественной промышленности этой далекой страны? Поѣздивши по Японіи, вы скоро будете достаточно освѣдомлены объ этомъ.

Когда вы ѣздите по Европѣ, то можете узнать близость городовъ по пропитанному дымомъ воздуху, по куполамъ церквей, по высокимъ трубамъ и большимъ фабричнымъ постройкамъ; въ Японіи же вы только тогда видите городъ, когда вы въ него совсѣмъ въѣхали. Сады и высокія деревья скрываютъ отъ взоровъ низенькіе и одноэтажные домики и воздухъ въ этихъ городахъ такъ же прозраченъ и чистъ, а небо такое же голубое, какъ въ деревняхъ. Японцы берутъ для отопленія только древесный уголь, а для этого не нужны трубы, которыя, къ счастью, совершенно неизвѣстны городамъ южной Японіи.

Поэтому путешественника очень удивляетъ, когда на своемъ пути вдоль восточнаго берега, между Іокогамой и Кобе (на разстояніи часового пути до Кобе), онъ видитъ на востокъ густыя облака дыма, точно отъ большого пожара. Подъѣхавъ ближе, онъ видитъ въ далекой равнинѣ множество обширныхъ фабрикъ, красные, многоэтажные дома со множествомъ оконъ и высоко вздымающимися трубами—зрѣлище, которое онъ привыкъ видѣть въ промышленныхъ мѣстностяхъ Германіи, но которое здѣсь кажется ему страннымъ. Затѣмъ онъ подъѣзжаетъ къ прокопченной дымомъ, темной и оживленной станціи, и кондукторъ объявляетъ, что поѣздъ прибылъ въ Осаку.

Осака—это японскій Бирмингамъ; это—молодая гордость молодой же японской промышленности и главный фабричный пунктъ восточной Азіи. Вмѣстѣ съ этимъ Оса́ка—второй въ странѣ городъ, по своей величинѣ, по числу жителей и богатству уступающій только Токіо.

Передъ вокзаломъ, среди тысячи дѣловыхъ людей, тѣснятся сотни курума съ запряженными въ нихъ кули.

Я сажусь въ одинъ изъ экипажей, говорю своему возницѣ: „Уядія джиютай“, и черезъ десять минутъ быстрой ѣзды по искривленнымъ

улицамъ Осаки я уже нахожусь въ единственной полуевропейской гостинницѣ этого города. Отель Джиютая и примыкающія къ нему другія постройки находятся на узкомъ и длинномъ островѣ, покрытомъ красивыми садами. Этотъ островъ находится посреди рѣки и соединяется съ городомъ широкимъ мостомъ, постоянно запруженнымъ народомъ; по рѣкѣ ходятъ взадъ и впередъ безчисленные пароходы, грузовыя барки и сампаны; берега густо застроены живописными многоэтажными домами, фасады которыхъ стоятъ въ водѣ на сваяхъ, и въ каждомъ этажѣ которыхъ находится обращенная къ рѣкѣ веранда, украшенная цвѣтами, фонарями и флагами. Въ домахъ, на верандахъ, на мосту и на рѣкѣ, — вездѣ кипитъ жизнь. Всюду, куда ни взглянешь, масса людей, и все исключительно японцы, очевидно еще нетронутые европейской культурой. За нѣсколько дней моего пребыванія въ Осакѣ я не встрѣтилъ ни одного европейца. Въ прежніе годы, когда японцы еще только устраивали свои фабрики, тутъ было много европейскихъ мастеровъ, приглашенныхъ японцами въ качествѣ руководителей. Но когда ихъ миссія была окончена, т. - е. когда японцы изучили европейское искусство, то европейскіе мастера были уволены.

Теперь же всѣ большія фабрики, появившіяся въ этомъ старинномъ японскомъ городѣ въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій, находятся почти исключительно въ японскихъ рукахъ; эти фабрики построены на японскія деньги, всѣ нужные европейскіе или азіатскіе сырые матеріалы обрабатываются исключительно японцами посредствомъ японскихъ же машинъ и въ готовомъ видѣ поставляются на рынокъ при посредствѣ японскихъ торговыхъ фирмъ, страхуются отъ всякаго рода несчастій въ японскихъ страховыхъ обществахъ и, наконецъ, японскими же пароходами развозятся по разнымъ портамъ не только своей страны, но и Китая, Индіи, Австраліи и даже Европы.

Въ послѣднее время одно большое японское общество пароходства установило правильныя пароходныя сообщенія: одно черезъ Тихій Океанъ въ Америку и другое — черезъ Суэцкій каналъ въ Европу, такъ что большое количество осакскихъ издѣлій проникаетъ въ Европу, не давая ни гроша заработка самимъ европейцамъ.

Но гдѣ же, однако, всѣ фабрики этого такъ быстро выросшаго японскаго Бирмингама? Вокругъ всей широкой рѣки и внутри города нѣтъ ни одной фабрики, и кто ожидаетъ увидѣть здѣсь телѣги для перевозки тяжестей или повозки, машины, рельсовые пути, набережныя съ элеваторами, на которыхъ работаютъ прокопченные рабочіе,—словомъ все то, что можно встрѣтить въ любомъ европейскомъ фабричномъ городѣ,—тотъ будетъ пріятно разочарованъ.

Рѣка, безчисленные каналы, улицы внутренней части города до самой крѣпости—все представляетъ собою чисто-японскую картину прежъ

нихъ временъ, и можно сказать, что ни Токіо, ни Кіото, ни какой-либо другой городъ Японіи, посѣщаемый иностранцами, не сохранился такъ, какъ Осака. Осака покорила европейскую культуру японскою, она усвоила изъ нея все ей необходимое, но все усвоенное приноровила къ японскому характеру; и по наружному виду своихъ улицъ, домовъ и людей, живущихъ въ нихъ, она осталась, очевидно съ намѣренной настойчивостью, совершенно японскимъ городомъ прежнихъ временъ.

За все время моего путешествія по Японіи я не видѣлъ ни одного города, гдѣ нравы жителей остались бы такими неприкосновенными и гдѣ было бы столько жизни, какъ въ Осакѣ. Въ этомъ отношеніи это самый интересный и достойный вниманія городъ во всей Японіи.

Городъ расположенъ на обоихъ берегахъ широкой рѣки и съ давнихъ временъ считается гаванью прежней столицы Японіи, — Кіото, съ которымъ она соединена нынѣ желѣзной дорогой и пароходнымъ сообщеніемъ.

Въ настоящее время Осака не можетъ считаться портовымъ городомъ, потому что она почти на три километра удалена отъ тинистаго устья рѣки въ глубокую бухту, такъ что морскимъ пароходамъ здѣсь невозможно пристать. Противъ Осаки, въ западной части бухты, которая не шире пятнадцати километровъ, расположились города-близнецы, Хіого и Кобе, и они, съ своей стороны, представляютъ собой Осакскій портъ; всѣ ея произведенія нагружаются здѣсь на пароходы, Осака же осталась совсѣмъ японскимъ городомъ.

Это, впрочемъ, бросается въ глаза съ перваго взгляда, стоитъ только прокатиться въ рикшѣ по улицамъ этого прелестнаго города.

Онъ распланированъ по-американски, въ видѣ шахматной доски; широкія, прямолинейныя улицы пересѣкаются подъ прямыми углами и, въ свою очередь, прорѣзываются такими же прямыми каналами, черезъ которые перекинуты горбатые деревянные мосты. Тутъ какъ будто смѣшались два города вмѣстѣ, при чемъ одинъ изъ нихъ состоитъ изъ каналовъ, соединяющихся почти тремя съ половиною тысячами мостовъ. Какой же изъ этихъ двухъ городовъ интереснѣе?

Днемъ, конечно, — городъ, находящійся на сушѣ, съ его кипучей жизнью и движеніемъ, съ безчисленными магазинами, которые тянутся въ нѣкоторыхъ улицахъ на разстояніи цѣлыхъ верстъ одинъ возлѣ другого, точно каждая изъ 162.000 семей города имѣетъ свой собственный магазинъ. Общее число жителей въ немъ равняется 752.000 человѣкъ, т.-е. на 300.000 человѣкъ больше, чѣмъ въ Бирмингамѣ.

Вездѣ, вверхъ и внизъ по улицамъ, мелькаютъ широко открытые магазины, такъ что, гуляя по улицѣ, можно видѣть не только выставленный товаръ, но и все, что дѣлается внутри.

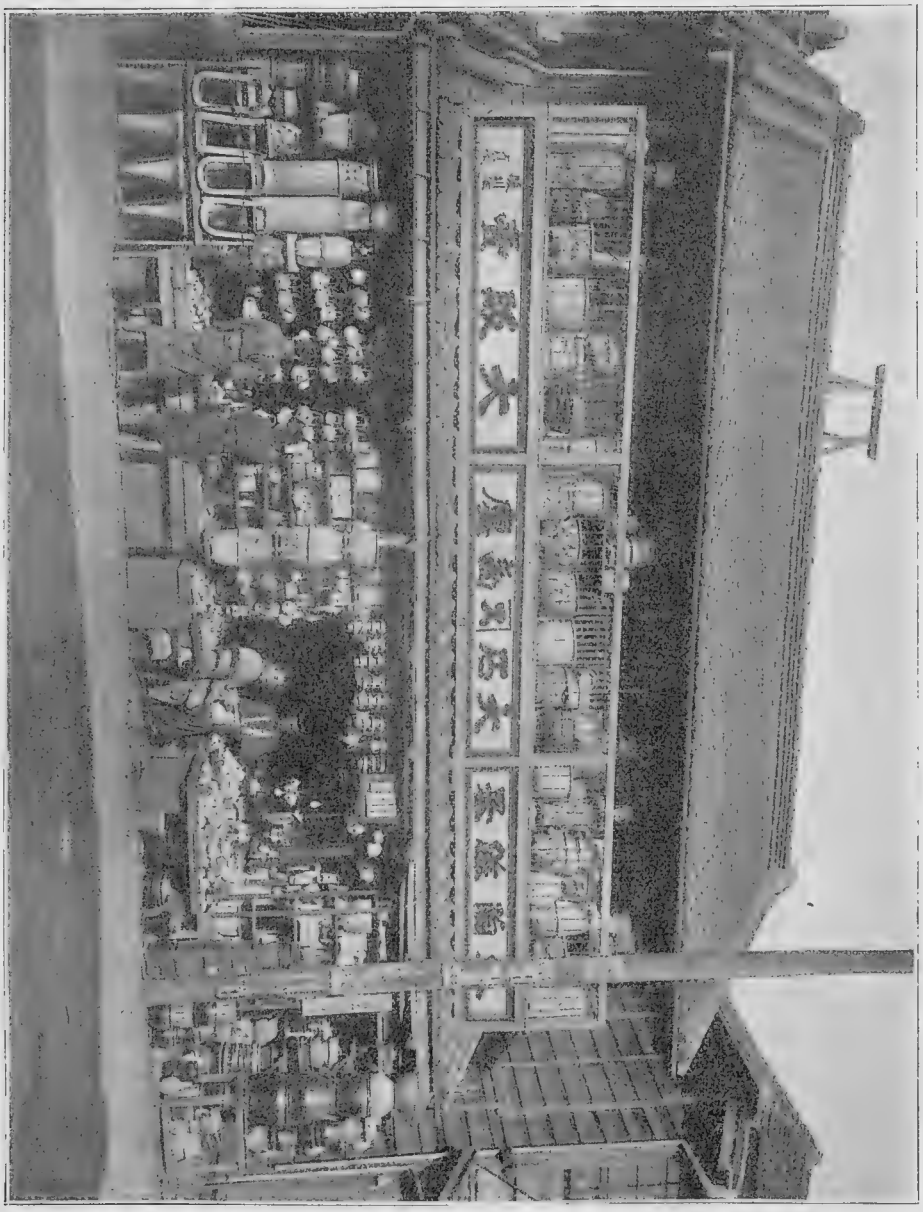
Но Осака не только рынокъ, а и кустарный городъ.

На улицѣ—торговля, а внутри магазиновъ—мастерскія. Эти мастерскія, особенно тѣ, въ которыхъ дѣлаются японскія вещи, остались попрежнему кустарными. Каждая семья работаетъ въ маленькой, низенькой, но открытой съ двухъ сторонъ доступу свѣжаго воздуха лавочкѣ; семьи работаютъ самостоятельно, а въ рѣдкихъ случаяхъ приглашаютъ одного или нѣсколькихъ подмастерьевъ со стороны. Тутъ зачастую можно видѣть, какъ въ знойное время года маленькіе, трудолюбивые японцы работаютъ, почти голые, руками, а иногда и ногами. Тутъ можно видѣть, какъ разрисовываются маленькіе вѣера, какъ рѣжутся ихъ бамбуковыя ребрышки и соединяются вмѣстѣ. Эти вѣера вывозятся по всему міру въ количествѣ сотенъ милліоновъ и именно изъ Осаки, и приносятъ не одинъ милліонъ барыша жителямъ города. Здѣсь можно видѣть, какъ плетутся нѣжныя, красивыя цыновки, какъ красятся посредствомъ индиго заготовленныя на фабрикахъ матеріи, какъ ткутся прелестныя шелковыя матеріи и золотая парча, какъ изготовляются зонтики изъ бамбука и бумаги; здѣсь можно наблюдать выдѣлку маленькихъ деревянныхъ бездѣлушекъ, ящичковъ и шкатулокъ разныхъ размѣровъ, но совершенно одинаковой формы, такъ что онѣ легко вкладываются одни въ другіе; тутъ же фабрикуются милліоны куколъ и разныхъ другихъ игрушекъ, бронзовыхъ фигурокъ, чашечекъ и сотенъ другихъ годныхъ для продажи вещей, которыя выдѣляются на европейскихъ рынкахъ нравятся намъ и заставляютъ насъ раскошеливаться.

Цѣлыми часами бродилъ я по этимъ кварталамъ, гдѣ господствуетъ кустарная промышленность, и не переставалъ удивляться ловкости и простымъ приспособленіямъ японскихъ ремесленниковъ. Благодаря огромному сбыту въ Европѣ и Америкѣ фабрикующихся въ Осакѣ бездѣлушекъ, спросъ на нихъ такъ возросъ, что кустари завалены заказами и не хватаетъ подростковъ для подмастерьевъ. Осака — нѣчто въ родѣ японскаго Чикаго, съ его погоней за деньгами. Только небольшое число художественныхъ производствъ уцѣлѣло отъ легкомысленнаго къ нимъ отношенія со стороны мастеровъ, — именно, фабрикація бронзовыхъ и фарфоровыхъ издѣлій. Въ магазинахъ рѣдкостей, въ Кобе и Іокогамѣ, часто предлагали мнѣ прелестныя вещицы этого рода. Бронза съ инкрустированными или выкованными фигурами, орнаментами, съ необыкновенно нѣжной эмалью,—всѣ вещи прелестной формы и тончайшаго издѣлія. Или показывали мнѣ прелестныя маленькія вазочки, чашки, пепельницы изъ тончайшаго фарфора, разрисованнаго узорами, изящество, миніатюрность и сочетаніе цвѣтовъ которыхъ недостижимы въ Европѣ.

Творцами этихъ произведеній, какъ мнѣ тогда сказали, были знаменитыя фирмы въ Осакѣ. Когда я посѣтилъ эти фирмы, чтобы познакомиться на мѣстѣ съ способомъ производства этихъ художественныхъ вещицъ, то увидѣлъ, что онѣ помѣщаются въ скромныхъ деревян-

ныхъ домикахъ, но у нихъ не было тутъ же открытой лавки, какъ у ихъ менѣе значительныхъ коллегъ. На запертыхъ домахъ, похо-



Лавка фарфоровыхъ издѣлій.

жихъ на обыкновенные частные дома, не было ни вывѣсокъ, ни какихъ-либо другихъ обозначеній фирмы. Даже когда меня впустили внутрь, я не замѣтилъ тамъ никакой выставленной вещи. Только пос-

лѣ долгой бесѣды и послѣ того, какъ я выпилъ нѣсколько чашекъ чаю, открылись сундуки и появились на свѣтъ Божій маленькія художественныя вещицы, завернутыя въ бумагу и шерсть. Ихъ церемонно поднесли показать мнѣ, точно это были брилліантовыя украшенія. Когда я спросилъ, гдѣ находится мастерская, то мнѣ показали крутую узкую лѣстницу, ведущую въ первый этажъ, гдѣ на полу сидѣли двое молодыхъ рабочихъ и разрисовывали маленькія фарфоровыя вазы и чашки; это-то и была знаменитая фабрика.

Въ Европѣ мастеръ, рисующій такъ прелестно на фарфорѣ, навѣрное былъ бы профессоромъ, сидѣлъ бы въ прекрасной мастерской и получалъ бы большой окладъ. Здѣсь же эти артисты — скромные молодые люди, работающіе по шестнадцати часовъ въ день, сидя почти нагишомъ, на корточкахъ, на полу и получающіе поденную плату въ одинъ іенъ (1 рубль); очень немногіе получаютъ больше, а большая часть рабочихъ, находящихъ примѣненіе своего искусства въ мелкихъ мастерскихъ Осаки, получаютъ не больше двадцати—двадцати пяти копеекъ въ день. И такихъ рабочихъ-мастеровъ насчитывается въ Осакѣ больше шестидесяти тысячъ. Лучшіе механики получаютъ здѣсь по рублю въ день; вышивальщики, надзиратели, рисовальщики, рѣзчики по дереву — 50 копеекъ; фабричные рабочіе среднимъ числомъ отъ двадцати до двадцати пяти копеекъ въ день, поденные рабочіе — тридцать пять копеекъ. Но еще меньшую плату получаютъ работницы. Больше всего платятъ вышивальщицамъ и рисовальщицамъ; онѣ получаютъ по двадцати копеекъ въ день; за ними слѣдуютъ надзирательницы и лучшія работницы изъ другихъ отраслей промышленности, получающія по пятнадцати копеекъ въ день; затѣмъ обыкновенныя работницы съ платой по десяти копеекъ въ день и, наконецъ, ученицы, получающія отъ пяти до пятнадцати копеекъ въ день.

Какъ мы видимъ, рабочая плата въ Японіи составляетъ четвертую или пятую часть того, что получаютъ рабочіе въ Европѣ, и если принять во вниманіе, что Японія по отношенію къ Азіи то же, что Англія по отношенію къ Европѣ, и что она соединена съ различными гаванями азіатскихъ странъ собственными пароходными путями; что разстояніе этихъ странъ отъ Японіи въ три или пять разъ меньше, чѣмъ разстояніе между ними и Европой, что составляетъ большую экономію въ перевозкѣ и страховкѣ; если мы примемъ все это во вниманіе, то намъ станетъ понятнымъ развитіе Японіи, какъ промышленной страны, и переполненіе азіатскихъ рынковъ японскими издѣліями и товарами.

Поразительные успѣхи японской промышленности нигдѣ такъ не бросаются въ глаза, какъ въ Осакѣ. Мѣстнаго населенія здѣсь давно уже не хватаетъ для выполненія всѣхъ работъ, и поэтому деревенскіе жители стремятся сюда со всѣхъ провинцій въ поискахъ за работой, ко-

торая въ городѣ все же лучше оплачивается, чѣмъ въ деревнѣ, какъ это замѣтно и въ европейскихъ промышленныхъ странахъ. Въ послѣдніе годы застроились совершенно новыя части города, и жалкіе деревянные домишки снимаются раньше, чѣмъ ихъ успѣваютъ выстроить. Цѣнность строительныхъ матеріаловъ въ этомъ разрастающемся городѣ возросла до того, что превышаетъ теперь втрое стоимость ихъ въ Токіо, а соотвѣтственно этому возросла и квартирная плата.

Но гдѣ же большія фабрики Осаки?

Въ оживленныхъ улицахъ этого большого города ихъ не видно. Онѣ помѣщаются главнымъ образомъ за городомъ, надъ грязными, скверно пахнущими каналами; это огромныя, совершенно европейскія постройки, устроенныя по новѣйшимъ образцамъ, гдѣ работаютъ самыя лучшія европейскія машины. Двѣ самыя большія фабрики принадлежатъ казнѣ, именно—арсеналъ и монетный дворъ. По мнѣнію знатоковъ, эти учрежденія нисколько не уступаютъ таковымъ же въ Европѣ. Какъ арсеналъ, такъ и монетный дворъ ведется исключительно японцами. Благодаря удивительному таланту въ подражаніи, эти маленькіе, привѣтливые и предупредительные японцы, во время своихъ научныхъ поѣздокъ въ Европу, прямымъ или косвеннымъ путемъ изучили методы нашего производства и, вернувшись къ себѣ домой, прежде всего постарались устроить такія же учрежденія у себя, чтобы не прибѣгать къ европейскимъ рынкамъ. То же самое можно сказать и относительно крупныхъ шерстопрядильныхъ фабрикъ, гдѣ скрипятъ сотни шестерней и дѣлаютъ пряжу изъ австралійской, индійской и даже египетской шерсти; эта пряжа во всей восточной Азіи, даже въ Индіи вытѣснила европейскіе продукты. То же можно сказать и о ткацкомъ дѣлѣ, пивоваренін, кожевенныхъ фабрикахъ, стеклянныхъ и т. под. Во время моихъ прогулокъ по Осакѣ я наткнулся даже на фабрику европейскихъ зонтиковъ, стальные прутья для которыхъ получались изъ Германіи, на мыловаренные заводы, на фабрики, изготовлявшія обувь, зубныя щетки и даже карманные часы. Хотя часовая фабрика и теперь, много лѣтъ спустя, все еще работаетъ въ убытокъ, но пройдетъ еще немного времени, и она достигнетъ такихъ же результатовъ, какъ спичечныя фабрики, окончательно вытѣснившія значительный ввозъ этого предмета въ восточную Азію.

Правительство японское всѣми силами поощряетъ отечественную промышленность. Въ центрѣ города находится роскошный промышленный музей, подобнаго которому нѣтъ, къ сожалѣнію, во многихъ большихъ европейскихъ городахъ. Такой музей имѣется въ каждомъ японскомъ городѣ, но изъ всѣхъ, которые мнѣ пришлось видѣть, самый полный въ Осакѣ.

Заплативъ за входъ незначительную плату въ нѣсколько копеекъ, я вошелъ въ большой паркъ съ группами деревьевъ и цвѣтниками, въ ко-

торомъ раскинуто было множество построекъ, совсѣмъ какъ на любой промышленной выставкѣ въ Европѣ, съ тою только разницей, что въ Осакѣ она постоянная. Въ этихъ зданіяхъ размѣщены въ систематическомъ порядкѣ всѣ производства города. Всѣ предметы распредѣлены съ большимъ умѣньемъ; на всякой, даже самой маленькой вещицѣ есть ярлычокъ, на которомъ обозначена ея цѣна, и ее можно сейчасъ же пріобрѣсти и унести съ собой.

Вечеромъ паркъ ярко освѣщается электричествомъ, на эстрадѣ играетъ военная музыка и тысячи японцевъ посѣщаютъ эту выставку, точно и эта выставка, и электрическое освѣщеніе, и вѣнскій вальсъ, и проч. нѣчто туземное, прирожденное, давно знакомое, а не совершенно чужое, только нѣсколько лѣтъ тому назадъ привившееся здѣсь.

На японскомъ праздникѣ.

(Т а н а.)

Палящій зной висѣлъ надъ маленькимъ японскимъ городкомъ, спрятаннымъ въ глубинѣ обширной и извилистой бухты, какими изрѣзаны всѣ берега Японіи. Было совершенно тихо, и даже море не освѣжало. На палубѣ парохода было душно, какъ въ не провѣтриваемой комнатѣ. Спокойная вода сверкала, какъ зеркало, и только нагрѣтая струя воздуха, переливавшаяся вдали, нѣсколько смягчала этотъ рѣзавшій глаза блескъ. Мы переѣхали на берегъ и на минуту остановились на дамбѣ, не рѣшаясь подняться вверхъ, по длинному, пыльному косогору, къ бѣлымъ домамъ города, привѣтливо выглядывавшимъ изъ зелени. Здѣсь, внизу, по крайней мѣрѣ не было пыли. Высокая башня маяка возвышалась на песчаной косѣ, бросая тѣнь почти до самой воды, и подъ защитой ея нѣсколько лавочекъ, торговавшихъ прохладительными напитками, гостепріимно открывали свои полотняные навѣсы.

Несмотря на ранній часъ, весь берегъ былъ покрытъ купальщиками. Мужчины и женщины раздѣвались въ легкихъ деревянныхъ купальняхъ, построенныхъ на твердой землѣ за линіей сыпучаго песка, и въ легкихъ купальныхъ костюмахъ изъ бѣлаго полотна сбѣгали вперемежку къ водѣ по узкимъ деревяннымъ переходамъ. Многіе были совершенно наги, что не мѣшало имъ весело полоскаться въ водѣ, играть и гоняться другъ за другомъ. Вода была такъ прозрачна, что тѣла купальщиковъ просвѣчивали сквозь нее желтыя и, казалось, безкровныя, и нырнувшій человѣкъ бѣлѣлъ въ глубинѣ даже издали, какъ большая странная рыба. Даже у самаго берега дно было волнообразное, и глубокія ямы смѣнялись широкими и мелкими банками. Надъ ямами молодые японцы

и японки плавали и рѣзвились съ несравненнымъ искусствомъ островитянъ, для которыхъ море составляетъ стихію не менѣе привычную, чѣмъ суша. Въ мелкой водѣ на банкахъ плясали и кружились хороводы съ беззаботнымъ весельемъ, которое вскипаетъ въ японцахъ при каждой общественной забавѣ. Тучи нагихъ ребятишекъ, тонконогихъ и пузатыхъ и, какъ будто слегка вытертыхъ сажей, разведенной въ маслѣ, со всѣхъ сторонъ собрались намъ навстрѣчу. Одни съ любопытствомъ осматривали насъ съ ногъ до головы, другіе принимались копошиться въ полусыромъ пескѣ, третьи снова бросались въ воду, крпками и жестами приглашая насъ послѣдовать ихъ примѣру. Мы, однако, не рѣшались послѣдовать этому гостепріимному приглашенію.

Десятка два колясочекъ стояли на набережной, но джинрикшей не было видно. Они прятались подъ навѣсомъ деревянныхъ будокъ, разбросанныхъ по разнымъ сторонамъ дороги.

Я нерѣшительно посмотрѣлъ на сыпучій подъемъ, круто уходившій вверхъ. По ровной улицѣ человѣкъ-лошадь бѣжитъ безъ особаго усилія, но каждый косогоръ представляетъ тяжелое испытаніе и для его спины, и вмѣстѣ съ тѣмъ для нервовъ непривычнаго европейскаго пассажира. На особенно трудныхъ мѣстахъ колясочка сбѣгаетъ назадъ, джинрикша сгибается до земли, дѣлаетъ зигзаги, кряхтитъ, стонетъ и, наконецъ, добравшись до вершины подъема, останавливается для минутнаго отдыха, ноги его дрожатъ конвульсивной дрожью, грудь дышитъ тяжело и часто, и онъ отираетъ съ лица потъ свободнымъ концомъ полотенца, препоясывающаго его чресла.

Мы предпочли, поэтому, несмотря на жару, воспользоваться собственными ногами для подъема къ городу и, освѣжившись въ ближайшей лавочкѣ тертымъ льдомъ и грушами, тихонько поплелись вверхъ, выбирая мѣста потверже и стараясь пользоваться каждымъ клочкомъ тѣни.

Маленькій городокъ имѣлъ праздничный видъ, такъ какъ это былъ день рожденья наслѣдника престола, и всѣ первенцы Японіи праздновали вмѣстѣ съ нимъ.

Фасады домовъ были украшены разноцвѣтными шкаликами и фонарями, которые къ ночи должны были засіять разноцвѣтными огнями. Надъ кровлями весело развѣвались изображенія рыбъ, искусно склеенныя изъ цвѣтной бумаги, округлыя снаружи и пустыя внутри. Они были такъ легки, что, несмотря на отсутствіе вѣтра, все-таки не падали внизъ и тихонько полоскались въ воздухѣ.

Кромѣ того, портъ Нанау въ это лѣто впервые открывался для иностранной торговли, и торжество открытія было пріурочено къ этому же дню. На главной улицѣ была воздвигнута арка изъ иммортелей, которая одновременно выражала пожеланія вѣчной жизни императорскому принцу и международной торговлѣ Нанау.

Праздникъ, однако, долженъ былъ начаться только къ вечеру, и въ ожиданіи этого многіе ремесленники и торговцы занимались своими обычными дѣлами.

Старыя бабы съ огромными бровями и волосами, небрежно скрученными въ пучокъ, мололи на ручныхъ жерновахъ вареные бобы, которые выходили изъ-подъ камня мягкими бѣлыми хлопьями, спадавшими въ деревянный чанъ, подставленный снизу. Изъ этихъ протертыхъ бобовъ приготовляется различнаго рода печенье, весьма популярное у японскаго простонародья. Изъ темной лавочки рядомъ вырывался острый, почти ядовитый запахъ. Она была заставлена глиняными корчагами съ нешироким, плотно обвязаннымъ горломъ. Одна корчага была открыта, и морщинистый японецъ помѣшивалъ длинной палкой жидкость, густую, черную и пахучую, какъ деготь. Это перегнивала и перекисала бобовая соя, любимѣйшая японская приправа, безъ которой не садится за столъ даже самый бѣдный поденщикъ или рыболовъ.

На маленькой бумажной фабрикѣ пять или шесть подростковъ, сидя на корточкахъ, прилежно чесали тупыми деревянными гребнями мягкую бумагу, чтобы придать ей такъ называемую „креповую струпстость“. Изданія, напечатанныя на этой бумагѣ, имѣютъ необыкновенно изящный видъ, но достигается это такой затратой труда, какую можно встрѣтить только въ Японіи.

Въ городѣ только шесть тысячъ жителей. Маленькіе домишки, съ бумажными перегородками и крышами изъ тонкой драни, походили другъ на друга, какъ двѣ капли воды.

Официальный праздникъ долженъ былъ открыться обѣдомъ на пароходѣ, и намъ слѣдовало вернуться пораньше; но мнѣ хотѣлось сперва посмотрѣть два древніе храма, Шинто и буддійскій, которые представляли обѣ главныя религіи Японіи.

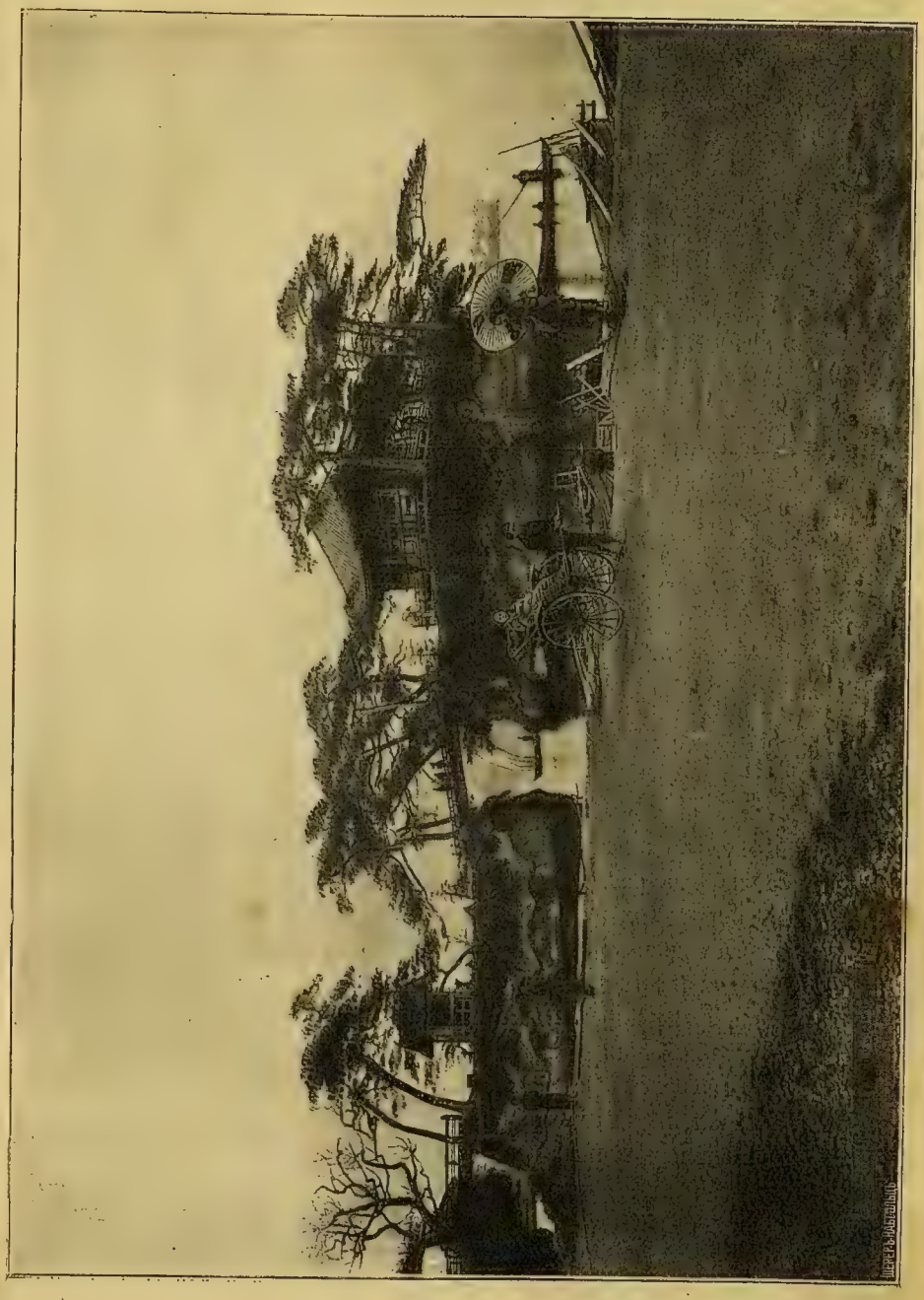
Храмъ Шинто отличался простотой. Это было деревянное зданіе съ очень скромной обстановкой. Въ особомъ отдѣленіи сохранялись причудливые стружки и свертки ткани, представлявшіе святыню. Молящихся было очень мало. На гладкомъ полу храма сидѣли на корточкахъ, въ созерцательной позѣ, двѣ или три женщины, поддерживаясь снизу руками, чтобы не упасть. Многія женщины, проходившія мимо и не имѣвшія времени остановиться, бросали на открытую эстраду пробитую посрединѣ желѣзную монету, стоимостью въ одну или двѣ десятыхъ копейки, и, не замедливъ шага, отправлялись далѣе. Другія бросали монеты въ источникъ, который вытекалъ на дворъ храма изъ небольшого гранитнаго водоема, прилаженнаго къ откосу горы. Предъ храмомъ стояла старинная арка странной формы, сложенная какъ будто изъ мшистыхъ бревенъ, которыя по ближайшемъ разсмотрѣніи оказались огромными кусками стараго гранита. Такія арки разбросаны по всей Японіи и счи-

таются святыней. Предъ аркой въ два ряда тянулись гранитные фонари, правильно выточенные и утвержденные на гранитныхъ же столбахъ; лампы въ видѣ открытыхъ каменныхъ чашъ были налиты масломъ и снабжены самой первобытной свѣтильней, свѣтившейся съ краю.

Буддійскій монастырь былъ богаче и затѣйливѣе. Онъ помѣщался въ старомъ саду, на склонѣ невысокой, но довольно крутой горы, которая вся составляла его владѣніе. Онъ былъ построенъ изъ камня и покрытъ крупной коричневой черепицей. Двѣ длинныя галлереи вели къ главному входу, который, какъ и въ храмѣ Шинто, представлялъ широкую полуоткрытую террасу. На переднемъ планѣ возвышалась огромная статуя Будды, сдѣланная изъ дерева и обложенная листами почернѣвшей бронзы, съ руками, сложенными на груди, и торжественнымъ покоемъ въ крупныхъ чертахъ лица, застывшаго въ неподвижномъ созерцаніи. У стѣнъ тянулись ряды безобразныхъ идоловъ, съ перекошенными лицами и широко раскрытой звѣриной пастью. Храмъ былъ пустъ. Только въ одномъ углу группа монаховъ сидѣла на землѣ предъ невысокимъ жертвенникомъ, гдѣ были укрѣплены двѣ восковыя свѣчи, и лѣниво бормотала молитвы, время отъ времени постукивая металлическимъ биломъ въ небольшой бронзовый колокольчикъ. Въ саду было тихо и прохладно. Между высокими деревьями мелькали лужайки, покрытыя зеленой травой и окаймленныя пестрыми цвѣтами. Аллеи, уходившія внизъ по косогору, были длинны и тѣнисты, и на поворотахъ иногда казалось, что причудливая фигура идола съ рогатой головой и огромными выпученными глазами сейчасъ покажется изъ зелени и начнетъ подниматься намъ навстрѣчу. Однако, вмѣсто идола мы нашли на одной изъ площадокъ молодого японца, который сидѣлъ на землѣ, скрестивъ ноги, и вычерчивалъ на аспидной доскѣ различные геометрическіе чертежи; это былъ ученикъ старшаго класса мѣстной нормальной школы, который готовился къ окончательному экзамену и не хотѣлъ сидѣть безъ дѣла даже въ этотъ праздничный день. Увидѣвъ группу иностранцевъ, неожиданно спустившуюся съ высоты въ его тѣнистое убѣжище, онъ, однако, не вытерпѣлъ и, заложивъ за спину аспидную доску, подошелъ къ намъ и вѣжливо поздоровался, даже присѣлъ по японскому обычаю, опустивъ книзу сложенныя ладони.

Нашъ новый знакомецъ выразилъ желаніе сопровождать насъ и повелъ насъ на городскую площадь, гдѣ, по его словамъ, долженъ былъ состояться дѣтскій праздникъ. Мы пошли по длинной улицѣ, къ счастью, полуприкрытой непрерывными навѣсами въ защиту отъ жары. На перекресткѣ собралась группа любопытныхъ. Батальонъ пѣхоты прошелъ мимо стройно, какъ на парадѣ, сверкая на солнцѣ дулами небольшихъ нарѣзныхъ ружей безъ штыковъ.

Маленькіе солдаты, одѣтые въ скромный мундиръ темнаго сукна, съ



Видъ въ Японіи.

узкимъ галуномъ на шапкѣ и странными эполетами, шли нога въ ногу, такъ дружно, какъ будто бы ихъ дрессировали лучшіе фельдфебеля изъ германской казармы. Мальчишки бѣжали сзади, но толпа не двигалась, ибо за солдатами слѣдовалъ другой кортежъ, болѣе живописный. Ради торжественнаго дня изъ Токіо была выписана труппа лучшихъ актеровъ, и теперь, по обычаю, она парадировала по улицамъ, какъ живая реклама, громко объясняя публикѣ сущность представленія, которое должно было состояться въ этотъ вечеръ. Впереди всѣхъ шелъ оркестръ въ бѣлыхъ кителяхъ, съ разнообразными духовыми инструментами. Они играли довольно плохо, но шагали такъ мѣрно, что одно время мы даже не могли опредѣлить, принадлежатъ ли они отряду, шедшему впереди, или театру, ѣхавшему сзади. Три десятка джинрикшъ, вытянувшись въ безконечную линію, везли въ колясочкахъ болѣе выдающихся актеровъ и актрисъ труппы. Актрисы все были молодыя и съ японской точки зрѣнія хорошенькія. Онѣ ѣхали съ открытыми лицами безъ грима и румянъ, но иныя, болѣе смуглыя, были набѣлены рисовой пудрой, лежавшей густымъ слоемъ на оливковыхъ щекахъ и тонкой, коричневой, точно плохо вымытой шеѣ. Время отъ времени стройная женская фигурка поднималаь на ноги и, произнося короткую, но трескучую рѣчь, разбрасывала направо и налѣво печатные листки, покрытые крупными квадратными письменами и похожіе на этикеты для мыла. Толпа внезапно хлынула назадъ. На площади стали пускать дымовыя ракеты, которыя взвивались на огромную высоту и неожиданно развертывались въ видѣ вѣтвистаго дерева или даже дракона съ протянутыми лапами. Дымовая фигура долго плыла по небу, медленно тая и расплываясь въ прозрачной синевѣ.

Большая часть площади была отгорожена веревочнымъ барьеромъ и раздѣлена на квадратные участки. Школьники обоего пола были въ полномъ сборѣ. Справа, подъ полотнянымъ навѣсомъ, на низенькихъ зеленыхъ скамьяхъ сидѣли дѣвочки въ яркихъ платьяхъ, размѣщенныя съ несравненнымъ искусствомъ, такъ что пестрыя ткани, затканныя разнообразными узорами, сливались и переливались, какъ огромный цвѣтникъ. Мальчики были собраны отрядами подъ предводительствомъ своихъ учителей. Они были въ легкихъ полотняныхъ костюмахъ, такъ какъ ожидался рядъ разнообразныхъ состязаній на призы, выставленные школами и частными лицами. Директоръ нормальной школы, низенькій пожилой японецъ, съ морщинистымъ лицомъ и маленькими, но еще живыми глазками, вышелъ на середину площади и сдѣлалъ знакъ. Отряды учениковъ одинъ за другимъ стали подходить, устанавливаясь съ трехъ сторонъ рядами такъ же стройно, какъ солдаты, недавно прошедшіе мимо. Когда всѣ сошлись, директоръ сказалъ короткую рѣчь, въ которой объяснилъ школьникамъ, что они должны чувствовать себя

счастливыми, празднуя нынѣшній день вмѣстѣ съ принцемъ, который носилъ такую же бѣлую рубаху и изучалъ тѣ же школьныя книги, что и они.

Состязанія открылись бѣгомъ взапуски. Школьники раздѣлились на группы, соотвѣтственно росту и возрасту, и на разныхъ участкахъ арены устроилось цѣлыхъ шесть состязаній. Маленькіе японскіе человѣчки изо всѣхъ силъ неслись впередъ, быстро перебирая босыми ножками по гладкому песку арены. Въ движеніяхъ ихъ сказывалась привычка къ играмъ и шалостямъ на вольномъ воздухѣ, выросшая у береговъ этого теплаго моря, среди полудикой природы и наивной полудеревенской культуры, и первобытная любовь къ тѣлесной рѣзвости, которую японская школа стремится развить всѣми разумными способами.

Возбужденные зрители тѣснились къ веревкѣ, ограждавшей арену, желая лучше видѣть, кто изъ быстроногихъ соперниковъ беретъ верхъ надъ другими. Вездѣ слышались поощрительные возгласы для обгонявшихъ и громкія насмѣшки надъ отставшими. Особенно неистовствовали джинрикши, ибо состязаніе въ быстротѣ бѣга задѣвало ихъ за самую чувствительную струну. Ихъ было здѣсь до тридцати, всѣ они заключали между собою пари за своихъ любимцевъ, впрочемъ, не на деньги, а на спартанскій обѣдъ изъ риса и овощей, спрятанный у каждаго въ подножкѣ колясочки. Бывшій съ нами переводчикъ тоже смотрѣлъ на бѣжавшихъ школьниковъ вобужденными глазами.

— Это наши молодцы!— съ гордостью говорилъ онъ.— Огонь! Еще лучше насъ!...

На пароходѣ приготовленія къ празднику были въ полномъ разгарѣ, и въ нихъ участвовала вся команда отъ капитана до послѣдняго поваренка, старалась создать что-нибудь причудливое и новое изъ незатѣйливыхъ принадлежностей и припасовъ, извлеченныхъ изъ трюма. На верхней палубѣ изъ кольевъ и длинныхъ досокъ были устроены столы, задрапированные вышитыми скатертями. Входъ былъ загороженъ неизбѣжной зеленой аркой. Мѣсто шкаликовъ занимали разноцвѣтные электрическіе рожки, такъ какъ этотъ каботажный пароходъ былъ устроенъ очень удобно и освѣщался электричествомъ даже во время стоянокъ. Въ разныхъ углахъ уже были установлены символическія фигуры, искусно сдѣланныя изъ самыхъ простыхъ предметовъ. Впереди всѣхъ гордо ѣхалъ велосипедистъ съ бумажной маской вмѣсто лица, привязанной къ европейскому сюртуку, слегка набитому соломой, чтобы не имѣть слишкомъ выпотрошеннаго вида. Колеса велосипеда изображались двумя неуклюжими спасательными кругами. Зато поза велосипедиста была самая побѣдоносная, и въ лѣвый уголъ его картоннаго рта была воткнута огромная сигара, какъ будто снятая съ вывѣски или съ газетной рекламы.

Обѣдъ предполагался упрощенный—изъ однѣхъ холодныхъ закусокъ, и гости должны были ѣсть стоя, ибо скамеекъ не было.

На второй палубѣ, отдѣленной небольшимъ мостикомъ, былъ устроенъ буфетъ для безплатной раздачи легкаго японскаго пива и теплаго рисоваго саки, тоже довольно безобиднаго напитка, болѣе похожаго на бѣлое вино, чѣмъ на нашу водку. Гости уже съѣзжались на огромныхъ плоскодонныхъ баржахъ, употребляемыхъ въ обычное время для перевозки клади. Каждая изъ нихъ, кромѣ пассажировъ, была переполнена полуголыми рыбаками и крестьянами, которые, чтобы пріобрѣсти право переѣзда, болтали спокойную воду десятками огромныхъ, странно изогнутыхъ веселъ. Всѣ эти мужики не имѣли даже надежды подняться на палубу, но ихъ привлекло любопытство и ожиданіе подачки со стола чиновниковъ и торговцевъ, которые являлись истинными героями торжества. Этихъ городскихъ нотаблей тоже было много, болѣе двухсотъ человѣкъ. Такъ какъ праздникъ долженъ былъ имѣть интернаціональный характеръ, то почти всѣ они пришли въ платьѣ европейскаго покроя, которое теперь имѣется для торжественныхъ случаевъ у каждаго уважающаго себя японца.

Иные сюртуки, впрочемъ, были сшиты изъ самой неподходящей матеріи, напримѣръ, изъ цвѣтного шелка или пестраго ситцеваго крепа; ихъ долгія полы съ глубокими слѣдами складокъ отъ долгаго лежанія въ сундукѣ и странные буфы на плечахъ напоминали развѣ издѣлія русскихъ уѣздныхъ портныхъ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка.

Благодаря отсутствію скамей, обѣдъ прошелъ совсѣмъ скоропалительно. Японцы торопливо ѣли и неумолкая разговаривали, передавали другъ другу флакончики съ соей, шумно смѣялись, какъ дѣти, и очевидно чувствовали себя счастливыми. Застольныя рѣчи смѣняли одна другую. Ораторы восхваляли преимущество свободной торговли для добрыхъ отношеній между народами и благодарили Микадо за то, что онъ далъ новое доказательство заботы о жителяхъ западнаго берега, открывъ портъ въ прекрасной бухтѣ, почему-то до сихъ поръ лишенной значенія и торговли. Наконецъ изъ буфета раздался звонокъ, возвѣщавшій сладкую возможность утоленія жажды. Гости торопливо хлынули на мостикъ, смѣясь и перегоняя другъ друга.

Повидимому, для бережливыхъ жителей захолустнаго города главная прелесть угощенія состояла въ его безплатности.

Гости пили съ невѣроятной быстротой. Черезъ десять минутъ всѣ были навеселѣ. Впрочемъ, саки и пиво даютъ легкое опьянѣніе и не побуждаютъ къ дракамъ и скандаламъ. Гости вели себя попрежнему прилично. Только разговоры стали шумнѣе, жесты развязнѣе, громкій смѣхъ не умолкалъ ни на минуту вокругъ импровизированной стойки.

Гребцы и рыбаки толпились въ лодкахъ вокругъ парохода, протя-

гивая руки вверхъ. Теперь пирующіе, утоливъ собственную жажду, были расположены къ щедрости. Черезъ бортъ повсюду летѣли яблоки, груши, полныя пивныя бутылки, растрепанные рисовые пироги. Люди въ лодкахъ ловили все это налету съ искусствомъ жонглеровъ. Мальчишки взбирались на скамьи и подпрыгивали вверхъ, навстрѣчу прилетавшимъ подачкамъ, чтобы опередить взрослыхъ.

Легкое опьянѣніе рисоваго вина уже проходило у многихъ. Лодки быстро наполнялись людьми и потянулись къ городу. На морѣ было тихо и темно. Но далеко сзади, у широкаго устья бухты, извилистой линіей мелькали безчисленные огоньки. То были рыбаки сосѣднихъ селъ, выѣхавшіе на ночной промыселъ, несмотря на національный праздникъ.

Мы поднялись по косогору вмѣстѣ съ толпой, большая часть которой отправилась въ театръ. Представленіе началось засвѣтло и должно было продолжаться далеко за полночь. Оно открылось исторической драмой, которая ко времени нашего прихода близилась къ концу. Мы попали необыкновенно удачно. Двое героевъ, братьевъ, отомстившихъ надменному князю за смерть отца, были осуждены совершить харакири, т.-е. распороть себѣ собственноручно животъ. Они сидѣли на эстрадѣ, покрытой бѣлымъ крепомъ въ знакъ траура, одѣтые въ длинное бѣлоснѣжное платье. Передъ ними лежали на столикахъ короткіе прямые кинжалы. Сзади стояли палачи, обнаженные до пояса, съ блестящими мечами въ рукахъ. За особымъ навѣсомъ медленно и печально наигрывала струнная музыка, вливая новую волну въ гнетущее настроеніе картины. Чиновникъ громкимъ голосомъ прочелъ приговоръ, потомъ впустили мать и невѣсту старшаго брата для послѣдняго прощанія. Женщины съ воплями припали къ подножію эстрады. Мать подползла къ младшему сыну и спрятала лицо въ широкихъ складкахъ его бѣлой одежды; невѣста стояла на колѣняхъ предъ своимъ возлюбленнымъ и яростно цѣловала его руки. Но лица осужденныхъ были суровы и спокойны. Повидимому, земныя привязанности и страсти уже не имѣли надъ ними власти. По знаку чиновника прислужники оттащили женщинъ. Осужденные взяли кинжалы и, обернувъ рукоять бѣлымъ платкомъ, направили себѣ въ грудь. Вся зала плакала. Женщины со стономъ отворачивались, чтобы не видѣть. Наши нервы тоже не могли вынести больше, и мы готовы были бѣжать отъ этого страннаго зрѣлища въ японскомъ вкусѣ.

Слѣдующая піеса была веселая комедія.

Достаточно насладившись театромъ, мы хотѣли посмотрѣть танцовщицъ, тоже выписанныхъ изъ столицы для этого вечера.

Мы выбрали, по совѣту бывшаго съ нами переводчика, танецъ Фоники Команъ, одной изъ героинь знаменитаго японскаго романа о бѣломъ знамени Кизо. Фоника была дочь одного изъ крестьянъ, принад-

лежащихъ роду Кизо, и, послѣ побѣдоноснаго нападенія рода Хейке, спасая бѣлое знамя Кизо, бросилась въ озеро.

Большая комната съ гладко вычищеннымъ поломъ была ярко освѣщена. Одна половина ея состояла изъ эстрады, застланной холстомъ. Публика сидѣла на полу, подостлавъ подъ себя небольшіе коврики или широкія плоскія подушки.

Артистка, миніатюрная, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка, вышла на сцену въ сопровожденіи двухъ музыкантшъ, которыя несли семисены,— старинные музыкальные инструменты въ родѣ гитары, но съ мѣдными струнами и металлическимъ звукомъ. Онѣ немедленно усѣлись по сторонамъ и тихо и грустно запѣли пѣсню Фоники, подыгрывая на семисенахъ.

Танцовщица встала среди эстрады и легкими движеніями изображала невинность и красоту Фоники. Мимика ея была выразительна, но немного наивна съ нашей точки зрѣнія. Напримѣръ, она дѣлаетъ видъ, что чешетъ и заплетаетъ косы, бѣлится, смотритъ въ зеркало. Пѣсня росла. Движенія танцовщицы стали шире. Она плясала священную пляску рода Кизо, чтобы изобразить преданность Фоники родовой святынѣ и ея преданіямъ.

Первая половина пляски прошла торжественно и стройно, изображая древнюю славу и богатство рода Фоники. Потомъ настали худыя времена, явились враги, и блескъ рода померкъ. Танцовщица рельефно изображала горе Фоники, ненависть ея къ врагамъ и страхъ передъ ихъ побѣднымъ наступленіемъ. Потомъ наступило бѣгство по озеру. Танцовщица короткими, извилистыми движеніями изобразила колебаніе волнъ и торопливый ходъ лодки. Потомъ была новая стычка, отразившаяся въ ужасѣ лица и стремительныхъ движеніяхъ пантомимы. Наконецъ Фоника, прижимая свернутое знамя къ груди, бросилась въ воду.

Трагическая пантомима кончилась. Музыка внезапно заиграла такой же негромкій, но быстрый и нелишенный игривости мотивъ.

Было уже за полночь, больше нечего было смотрѣть въ Нанау, и мы вернулись на пароходъ, который съ ранняго утра собирался тронуться въ путь, поперекъ Японскаго моря, прямо къ Владивостоку.

Корея.

(Азбелева.)

Долгое время, цѣлые вѣка, жили корейцы совершенно замкнуто; еще недавно всякому, будь то европеецъ, китаецъ или японецъ, угрожала смерть, еслибъ онъ вздумалъ поселиться въ качествѣ мирнаго земледѣльца на этой запрещенной землѣ.

Между Кореей и Китаемъ на границѣ существовала, по договору, широкая полоса земли, на которой никто не смѣлъ селиться; эта полоса была притономъ для китайскихъ и корейскихъ разбойниковъ, и горе было купеческому каравану, попавшему имъ въ руки. Всего лѣтъ двадцать пять тому назадъ китайскіе послы, ѣздившіе въ Корею поздравить короля съ его бракосочетаніемъ, не имѣли пристанища во время пути черезъ эту полосу, кромѣ ямъ, выкопанныхъ въ землѣ и прикрытыхъ рогожами; чтобы избѣжать нападенія волковъ и тигровъ, они должны были окружать свое становище горящими кострами.

Послѣднее время, однако, эта полоса стала постепенно заселяться, корейцы начали понемногу знакомиться съ другими народами и теперь, наконецъ, сознали необходимость завести торговыя сношенія съ европейскими государствами и рѣшились открыть для этого нѣсколько приморскихъ городовъ, между прочимъ и Чемуль-по, который находится какъ разъ посреди западнаго берега Кореи и всего верстахъ въ шестидесяти отъ столицы.

Когда мы подходили къ Чемуль-по, начинался приливъ, и корветъ несло теченіемъ все быстрѣе и быстрѣе, несмотря на то, что машина работала очень медленно. Скоро впереди, на глинистомъ берегу, показались бѣлыя пятнышки: это и былъ корейскій портъ, цѣль нашего путешествія. Мы стали на якорь очень далеко отъ берега, даже въ бинокль трудно было разобрать что-нибудь. Погода окончательно испортилась, заморосилъ дождикъ, совсѣмъ какъ у насъ въ Петербургѣ, и окружающій видъ сталъ еще сѣрѣе, еще унылѣе.

Черезъ день послѣ прихода корвета командиръ, чиновники, прибывшіе съ нами, и нѣсколько офицеровъ отправились въ столицу сухимъ путемъ, мы же поплыли вверхъ по теченію рѣки Гана.

Погода, на наше счастье, была великолѣпная: яркое и горячее солнце постепенно поднималось все выше и выше, но это не было утомительно, — легкій вѣтерокъ отлично освѣжалъ и бодрилъ насъ. Скоро мы миновали маленькіе острова и вошли въ проходъ между двумя рядами большихъ гористыхъ острововъ; на каждомъ шагу, по обѣимъ сторонамъ, встрѣчались старыя полуразрушенныя каменныя крѣпости и стѣны: это — остатки когда-то, быть-можетъ, и грозныхъ укрѣпленій, возведенныхъ корейцами для защиты отъ китайцевъ и японцевъ. Корея вѣчно находилась въ зависимости то отъ однихъ сосѣдей, то отъ другихъ, а то такъ и отъ обоихъ вмѣстѣ; много дани принуждена она была платить китайцамъ и японцамъ. Послѣднее время у нея появился еще новый сосѣдъ—это мы, русскіе, и съ нами ей приходится считаться. Въ настоящій моментъ Корея подвластна Китаю, причемъ зависимость ея выражается только тѣмъ, что она платитъ богдыхану ежегодную дань, а взамѣнъ этого получаетъ отъ него китайскій календарь.

Берега рѣки Гана мѣстами очень живописны; они окаймляются высокими разноцвѣтными скалами и горами. Вдали тянутся безконечныя цѣпи горъ; однѣ изъ нихъ покрыты густыми лѣсами, а другія совершенно голыя. Очень красивы и оригинальны мѣловые хребты; мѣстами цѣлые склоны ихъ сверкаютъ ослѣпительною бѣлизной на яркомъ солнцѣ. Корея вообще страна очень гористая, и горы ея богаты всякаго рода металлами. Золота много въ различныхъ частяхъ королевства, но добываніе его воспрещено, такъ же какъ и разработка серебра, подъ страхомъ строжайшихъ наказаній. Корейское правительство боится, что если соберется большое количество рудокоповъ, то трудно будетъ устроить надзоръ за ними; кромѣ этой боязни есть еще и другая: они думаютъ, что сосѣди, прослышавъ о богатствѣ Кореи, охотнѣе станутъ нападать на нее.

Мѣди и свинца также много въ Кореѣ; что же касается до желѣзной руды, то она, говорятъ, образуетъ цѣлыя горы, и сильные дожди увлекаютъ ее по склонамъ въ такихъ количествахъ, что достаточно собирать нанесенную дождевыми потоками руду, чтобы въ изобиліи снабжать заводы матеріаломъ для обработки.

Лѣса корейскихъ горъ состоятъ изъ вязовъ, ивы, березъ, сосенъ и елей, но нѣтъ бука и дуба. Вообще внутри Корея изобилуетъ лѣсами; почти весь строевой лѣсъ, употребляемый въ Пекинѣ и сѣверномъ Китаѣ, привозится изъ Кореи. Очень часто по берегамъ рѣки мы встрѣчали убогія корейскія деревушки; въ одну изъ нихъ мы зашли, желая достать какой-нибудь свѣжей провизіи: яицъ, курицу или мяса,—но попытка наша не увѣнчалась успѣхомъ. Корейцы приняли насъ непривѣтливо, объясняться съ ними было очень трудно; однако мы кое-какъ растолковали имъ, что намъ нужно, но когда дѣло дошло до расплаты, то они съ недоумѣніемъ смотрѣли на серебряный мексиканскій долларъ (около 2-хъ рублей), который находится въ обращеніи на всемъ азіатскомъ Востокѣ, и не хотѣли его брать. Такъ мы и разстались, ничего не получивши.

За три версты до конечнаго пункта нашего путешествія изъ-за поворота рѣки открылась очень красивая картина: оба гористые берега рѣки, которая здѣсь не широка, были сплошь покрыты бѣлыми домиками, живописно раскинутыми по склонамъ возвышенностей. Это ужъ была не деревня, а цѣлый городъ съ двадцатью тысячами жителей. Чѣмъ ближе мы подходили, тѣмъ болѣе возрастало наше любопытство. Бѣлые домики оказались просто глиняными мазанками съ соломенными крышами. Народа въ городѣ двигалось очень много: онъ копошился, какъ муравьи въ муравейникѣ. На рѣкѣ было большое оживленіе: сновали лодочки, и у незатѣйливыхъ двухъ-трехъ деревянныхъ пристаней шла оживленная нагрузка и выгрузка товара. Мы стали на

якорь невдалекѣ отъ берега; тутъ сейчасъ же собралась толпа корейцевъ и съ большимъ удивленіемъ смотрѣла на нашу флотилію.

Когда же мы съѣхали на пристань, то насъ окружили и смотрѣли, какъ на какихъ-то невиданныхъ заморскихъ звѣрей. Мы терпѣливо стояли на мѣстѣ и давали полную свободу разсматривать себя со всѣхъ сторонъ. Въ дѣлѣ осмотра корейцы очень похожи на нашъ простой народъ: глазамъ не вѣрятъ, до всего нужно дотронуться руками. Матерія, пуговицы, сапоги и въ особенности погоны ихъ странно удивляли.

Корейцы,

(А. Д.)

Несмотря на то, что Корея находилась долгое время подъ культурнымъ вліяніемъ Китая, бытъ ея народа представляетъ много своеобразнаго. Уже внѣшній видъ совершенно отличенъ: въ то время, какъ въ Китаѣ (и въ Японіи) замѣчается въ костюмахъ преобладаніе темныхъ (синяго и чернаго) цвѣтовъ, здѣсь, въ Кореѣ, въ одеждѣ народа преобладаетъ цвѣтъ бѣлый. Грязный народъ среди грязной обстановки и въ бѣломъ костюмѣ—одна изъ типичныхъ особенностей Кореи, по словамъ одного англійскаго наблюдателя. Фигуры корейцевъ,—замѣчаетъ тотъ же писатель, — при взглядѣ на нихъ издали, если онѣ неподвижны, можно принять за какія-то могильныя изваянія, а если онѣ движутся, то — за стаю лебедей. Одежда мужчинъ состоитъ изъ рубашки съ полуоткрытою грудью, широкихъ шароваръ, чулокъ и веревочныхъ (или изъ рисовой соломы) башмаковъ; сверху надѣвается куртка или халатъ съ широкими рукавами, подбиваемый зимою ватой; волосы собираются въ одинъ пучокъ и связываются шишкой вверху головы (у дѣтей и холостыхъ—свѣшиваются сзади косой); на голову надѣвается иногда шляпа съ большими полями, плетеная изъ камыша, бамбука или сдѣланная изъ лакированной матеріи и т. д., но такъ, что едва покрываетъ голову. Женщины носятъ по нѣскольку юбокъ, родъ корсета или широкаго пояса, доходящаго до груди, и накидку на плечахъ, не закрывающую груди, и зимою — тоже ватные халаты; прическа ихъ схожа съ китайскою, причемъ волоса зачесываются шиньономъ назади и на вискахъ. Высшее сословіе, чиновники, военные, одѣвается богаче и пестрѣе; у чиновниковъ одежда большею частью шелковая, голубого цвѣта съ желтымъ и краснымъ, у знатныхъ — еще съ золотыми украшеніями; солдаты и полицейскіе одѣты въ темносинія куртки съ лакированными черными шляпами, украшенными красной шишкой наверху и красною волосяною кистью сзади; въ костюмѣ жен-

щинъ и дѣтей преобладаетъ зеленый, розовый и др. цвѣта. Въ дождь носятъ еще непромокаемые плащи изъ вощеной матеріи желтаго цвѣта, сравнительно весьма дешевые и потому находящіе себѣ сбытъ и у насъ во Владивостокѣ. Дома крестьянъ и большей части жителей въ городахъ—мазанки, снаружи обложенныя камнями, которые, за неимѣніемъ или дороговизной извести, прикрѣпляются соломенными веревками къ составляющимъ остовъ дома рѣшеткамъ и обмазываются глиною; крыша соломенная, у богатыхъ черепичатая. Внутреннее помѣщеніе — маленькое, иногда имѣются два — зимнее и лѣтнее. Окна домовъ выходятъ во дворъ (обнесенный плетнемъ или камнемъ); вмѣсто стеколъ они оклеены бѣлой просаленной бумагой. На улицу обращены только небольшія отверстія для выхода дыма изъ печей, которыя чаще устроены внутри помѣщенія, но въ богатыхъ домахъ и казенныхъ зданіяхъ печи топятся снаружи, причемъ трубы ихъ (оклеенныя толстой бумагой) проходятъ поломъ по всему дому и выходятъ въ противоположной стѣнѣ. Вслѣдствіе того, что отверстія трубъ открываются на улицу недалеко отъ земли, стѣны домовъ снаружи закопчены и улицы утромъ и вечеромъ, даже въ Сеулѣ, заволочены дымомъ. Богатые дома въ городахъ—большихъ размѣровъ, каменные или деревянные, съ высокими черепитчатыми крышами, снабженными лѣпными украшеніями, и внутреннее помѣщеніе въ нихъ раздѣлено перегородками на нѣсколько комнатъ, стѣны коихъ оклеены бумагой или обоями, собственной, корейской, выдѣлки и весьма хорошаго качества.

Въ противоположность Китаю, не знающему сословныхъ привилегій, въ Кореѣ сословія выражены весьма рѣзко. Во главѣ общественной лѣстницы стоятъ дворяне, которыми замѣщаются всѣ сколько-нибудь важныя должности; они свободны отъ обязательной военной службы, пользуются разными другими привилегіями и владѣютъ крѣпостными (рабами); богатство ихъ опредѣляется, главнымъ образомъ, по состоящему при нихъ штату служителей и рабовъ и по количеству арендуемыхъ ими королевскихъ земель. Затѣмъ слѣдуютъ чуйны, родъ средняго класса, сравнительно немногочисленный; сюда относятся разные мелкіе чиновники, переводчики, королевскіе служители, доктора и т. п. Къ низшему классу относятся всѣ остальные: купцы, ремесленники, земледѣльцы, причемъ самую низшую ступень занимаютъ духовные, носильщики и рабы; рабство въ послѣднее время подверглось ограниченію, тѣмъ не менѣе рабы еще имѣются, какъ казенные (изъ преступниковъ и ихъ потомковъ), такъ и частные, у отдѣльныхъ дворянъ-помѣщиковъ.

Со времени воцаренія нынѣшней династіи, въ XIV в., буддизмъ утратилъ въ Кореѣ значеніе оффиціальной религіи и замѣнился у привилегированнаго сословія почитаніемъ Конфуція и его морали.

Буддійскіе жрецы были изгнаны изъ столицы и не имѣютъ права и теперь въ нее показываться; тѣмъ не менѣе, нѣсколько буддійскихъ

Кореицы.

монастырей еще сохранилось въ горахъ и даже въ окрестностяхъ Сеула, и, очевидно, они продолжаютъ пользоваться нѣкоторой поддерж-

кой со стороны народа. Но религія въ Кореѣ не играетъ большой роли; высшій классъ лишь въ болѣе важныхъ случаяхъ обращается съ жертвами къ сянъ-тей (небу, высшей силѣ), къ ся-тскъ (патрону Кореи), къ тѣнямъ предковъ, а народъ держится, повидимому, грубаго идолопоклонства и старается оградить себя отъ злыхъ духовъ, насыпая кучки камней на вершинахъ, вѣшая ленты и тряпки на деревья въ горахъ и ставя около деревень деревянные столбы, съ вырѣзанной на нихъ, на подобіе человѣческой, страшной и скалящей зубы головой. Впрочемъ, о религіозныхъ вѣрованіяхъ корейцевъ положительнаго извѣстно еще весьма мало. Одну изъ самыхъ существенныхъ нравственныхъ заповѣдей составляетъ почитаніе родителей, особенно выражающееся во внѣшнихъ признакахъ уваженія при жизни и въ продолжительномъ глубокомъ траурѣ послѣ ихъ смерти; неповиновеніе или оскорбленіе родителей считается едва ли не самымъ крупнымъ преступленіемъ, достойнымъ тяжкаго наказанія и даже смертной казни.

Корея, какъ государство деспотическое по преимуществу, можетъ служить наглядньмъ примѣромъ полнѣйшаго безучастія народа къ судьбамъ своей страны, руководимымъ дворцовыми интригами и борьбой партій въ средѣ привилегированнаго класса. Многовѣковый административный гнетъ и произволъ не могли не наложить своего отпечатка на характеръ народа, отличительными чертами котораго, по словамъ нѣкоторыхъ наблюдателей, являются недовѣрчивость, подозрительность, приниженность, вѣроломство, лѣнь и апатія. Впрочемъ, въ мнѣніи о характерѣ корейскаго народа не всѣ наблюдатели согласны между собою: иные находятъ въ немъ и симпатичныя черты, или приводятъ основанія для извиненія его недостатковъ. Такъ, относительно лѣни, нѣкоторые путешественники свидѣтельствуютъ, что корейцы съ большимъ стараніемъ обрабатываютъ свои участки и извлекаютъ изъ нихъ все, что можно добыть при данныхъ условіяхъ. Если же народъ и выказываетъ себя часто лѣнивымъ и непредпріимчивымъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что такое качество можетъ, во многихъ случаяхъ, объясняться его положеніемъ: напрасная предпріимчивость и трудъ безполезны, когда плодами ихъ трудно воспользоваться, и всякій достатокъ способенъ возбудить только алчность чиновниковъ. Что касается апатіи, то если у корейцевъ не всегда проявляется сознательная любознательность, за то любопытство развито сильно: русскіе путешественники, проѣзжавшіе по странѣ, осаждались всюду толпами туземцевъ, которые лѣзли въ фанзу, протыкали пальцами бумагу въ окнахъ, все разглядывали и щупали, отважно выдерживая даже палочные удары блюстителей порядка. Вообще народъ относится довольно радушно къ иностранцамъ, а высшій классъ, чиновники — отличаются вѣжливостью и посильнымъ гостепріимствомъ.

Въ корейской столицѣ.

(Азбелева).

Вотъ мы и около корейской столицы. Передъ нами огромныя ворота, обдѣланныя какимъ-то сѣрымъ камнемъ, на которомъ высѣчены очень прихотливые и не лишенные красоты узоры. Корейцы, должно-быть, крѣпко боялись, чтобы сосѣди не проникли въ ихъ столицу, и обнесли ее очень высокою и толстою стѣною; ворота запираются тремя парами дверей, сплошь окованными толстымъ желѣзомъ; чудовищные засовы снабжены не менѣе чудовищными по величинѣ замками. Каждый день въ извѣстный часъ ворота закрываются, и никто не можетъ ни войти, ни выйти изъ города. По правую сторону воротъ стоитъ большой камень съ высѣченною на немъ надписью, которая гласитъ, какъ мы потомъ узнали, что каждый кореецъ долженъ убивать всякаго иностранца, осмѣлившагося высадиться на ихъ полуостровъ. Сами корейцы называютъ свою столицу Ганъ-Янъ, но у европейцевъ она извѣстна подъ именемъ „Сеулъ“, что значитъ по-корейски просто „столица“. Въ Сеулѣ около 200.000 жителей, значитъ, городъ большой, а потому мы ожидали, что передъ нами откроется величественная картина грандіозныхъ старинныхъ построекъ; но мы были очень разочарованы, когда, вступивъ въ грязную, вонючую улицу, увидѣли рядъ простыхъ глиняныхъ мазанокъ съ соломенными и рѣдко черепичатыми кровлями, безъ оконъ. Около каждой мазанки заборъ и въ немъ небольшія ворота или калитка. Вдоль линіи домовъ тянутся канавки съ зловонною жидкостью; корейцы выводятъ всѣ нечистоты въ эти канавки. При такихъ условіяхъ наша прогулка не обѣщала быть привлекательною. Однако, какъ ни велико было разочарованіе, но по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, интересъ возбуждался все болѣе и болѣе. Улицы были довольно оживлены, народа сновало много и всѣ въ бѣлыхъ костюмахъ.

Скоро мы вступили въ торговую часть города. Здѣсь мы размѣняли доллары: за каждый долларъ мы получили по длинной колбасѣ корейскихъ денегъ. Читатель улыбается этому выраженію, но оно вѣрно: у корейцевъ нѣтъ другой монеты, какъ „кешъ“, цѣна котораго полкопейки на наши деньги, а такъ какъ стоимость доллара равна двумъ рублямъ, то за каждый долларъ мы получили по четыреста кешъ. Кешъ имѣетъ посрединѣ четыреугольное отверстіе, черезъ которое нанизывается на соломенную веревку; по мѣрѣ расхода денегъ веревка укорачивается и на ней завязывается новый узелокъ, чтобы монеты не сваливались.

Мы пустились въ путь, взваливъ на каждое плечо по такой денежной колбасѣ, разсчитывая накупить пропасть диковинокъ. Расчеты

наши однако оказались не вѣрны,—послѣ другихъ странъ Востока здѣсь рѣшительно не на чемъ остановиться. Въ лавкахъ служатъ приманкой бумажные вѣера, филигранное серебро, подсвѣчники, вышитыя наволочки, подушки, котелки для варки риса, плевательницы и тому подобная домашняя утварь, сдѣланная изъ чисто отполированной мѣди. Только послѣдняя, кажется, и сдѣлана руками корейцевъ, все же остальное привезено изъ Китая и Японіи. Мы тщетно разыскивали хоть что-нибудь интересное, выдѣлываемое дѣйствительно самими корейцами. Въ одной изъ лавокъ мы наткнулись на желѣзныя шкатулки съ серебряною инкрустаціей, такихъ мы еще нигдѣ не видѣли; это, наконецъ, оказалось дѣйствительно чисто мѣстнымъ произведеніемъ, и мы съ большимъ вниманіемъ принялись разсматривать его. Работа оказалась очень хорошею, а нѣкоторые рисунки серебряной инкрустаціи замѣчательно красивы. Ящики снабжены иногда очень хитрыми секретными замками, въ родѣ нашихъ устюжскихъ. Судя по страшной дороговизнѣ этихъ шкатулочекъ, корейцы очень высоко цѣнятъ свой трудъ и искусство. Базаръ или рынокъ не великъ и не можетъ похвастать оживленностью и многолюдствомъ. На немъ продаются самые заурядные предметы; въ одномъ мѣстѣ на соломенныхъ цыновкахъ грудами лежатъ фрукты, въ другомъ—овощи, въ третьемъ—посуда; но больше всего занимаются табачною торговлей. Корейцы—большіе любители покурить, и курятъ такъ же, какъ японцы, т.-е. изъ крошечныхъ трубочекъ съ дѣтскій наперстокъ величиной, и начинаютъ курить тоже съ ранняго возраста.

Почти всѣ фрукты привезены изъ Китая; они превосходнаго качества, въ особенности абрикосы и персики, и продаются очень дешево. Сами корейцы не занимаются садоводствомъ, потому что слишкомъ обильные лѣтніе дожди и частые туманы не благопріятствуютъ полному дозрѣванію плодовъ.

На одной изъ большихъ улицъ наше вниманіе было остановлено какимъ-то шумомъ; идущая публика спѣшила почтительно разступиться. Оказалось, что шесть корейскихъ слугъ съ громкими криками несли въ креслѣ-паланкинѣ важнаго чиновника. Костюмъ этого господина рѣзко выдѣлялся изъ всей толпы: онъ былъ сдѣланъ изъ шелковыхъ матерій яркихъ цвѣтовъ. На головѣ у него была огромная шляпа съ хвостами изъ разноцвѣтныхъ шариковъ на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно бываютъ ленты. Другой такой же сановникъ ѣхалъ верхомъ на лошади, богато украшенной разноцвѣтными погремушками. Разряженный вельможа сидѣлъ почти неподвижно на чрезвычайно высокомъ сѣдлѣ, какъ на какомъ-то возвышеніи, и едва поворачивалъ свою гордую голову. Все сѣдло расшито серебромъ, золотомъ и засыпано украшеніями. Самъ сѣдокъ не правитъ и не держитъ въ рукахъ поводьевъ,—

это слишкомъ унизительно для него,—а лошадь ведутъ подъ узды двое слугъ, четверо другихъ идутъ по сторонамъ лошади и всегда готовы поддержать господина, если бы тотъ, потерявъ вдругъ равновѣсіе, началъ валиться съ своего высокаго сѣдалища.

Самые высокіе и знатные чиновники переносятся по улицамъ въ чрезвычайно странныхъ экипажахъ какой-то смѣшанной системы: это не то тачка, не то носилки, не то кресло, вѣрнѣе—кресло-носилки, поставленныя на одно колесо. Чѣмъ знатнѣе лицо, тѣмъ большее число слугъ сопровождаетъ его. Очень часто знакомъ высокаго происхожденія вельможи служитъ то, что спинка его кресла покрыта леопардовою шкурой, которая играетъ большую роль во всѣхъ офиціальныхъ церемоніяхъ корейцевъ.

Среди уличной толпы большой интересъ представляютъ собою фигуры, одѣтыя въ траурный костюмъ изъ бѣлой пеньковой матеріи, опоясанный лентою или простою веревкою. Головы при этомъ почти совсѣмъ закрыты шляпами, очень похожими на опрокинутыя корзинки; шляпы эти доходятъ до плечъ и имѣютъ только выемку для лица. Снизу лицо закрывается деревяннымъ треугольникомъ въ видѣ вѣера, который находится въ рукахъ у корейца. Никто не смѣетъ заговаривать съ этими печальными фигурами, да и сами онѣ говорятъ мало, а безмолвно, съ сосредоточеннымъ видомъ, бродятъ по улицамъ. Французскіе миссіонеры очень часто пользовались таинственнымъ траурнымъ нарядомъ для того, чтобы путешествовать, скрываясь подъ защитою его отъ нескромныхъ вопросовъ мандариновъ, и заниматься безъ опаски обращеніемъ народа въ христіанство.

Во всей столицѣ мы не нашли ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго зданія; самыя красивыя изъ нихъ смѣшанныя корейско-китайскія и корейско-японскія и по характеру архитектуры, и по внутреннему убранству. Даже тѣ дома корейцевъ, которые носятъ громкое названіе дворцовъ, представляютъ изъ себя вообще простыя мазанки изъ глины, поднятыя на столбахъ и крытыя соломой.

Природа Манчжуріи.

(П. Краснова).

Манчжурія лежитъ между 54° и 40° сѣв. широты и 133° и 151° вост. долготы отъ Ферро, слѣдовательно на одной широтѣ со средней Европой; ея южная оконечность находится на одной параллели съ южной Италіей, южнѣе Константинополя, а сѣверная на широтѣ Москвы. По величинѣ своей Манчжурія немногимъ меньше, чѣмъ вся Западная Европа.

Несмотря на значительное протяженіе съ сѣвера на югъ и на то, что южная часть лежитъ въ теплыхъ широтахъ, климатъ Манчжуріи скорѣе суровый, нежели теплый, тѣмъ не менѣе по климату, какъ и вообще по характеру страны ее удобнѣе дѣлить на сѣверную Манчжурію и южную. Сѣверная идетъ отъ границъ Забайкалья до хребта Джанъгуанъ-цай-линъ и южная—далѣе до границъ Кореи и Квантунскаго полуострова. И въ той и въ другой части Манчжуріи лѣто жаркое, обильное грозами, въ южной переходящими въ тропическіе ливни. Въ сѣверной Манчжуріи съ августа мѣсяца устанавливается ровная погода съ умѣреннымъ теплomъ, въ сентябрѣ начинаются ночные заморозки и холодные и упорные вѣтры нагоняютъ холодъ. Могучее ледяное дыханіе Ледовитаго океана прохватываетъ путника насквозь, и никакая шинель, никакая бурка не устоитъ противъ знаменитыхъ хинганскихъ вѣтровъ. Хорошій романовскій полушубокъ или шуба-барнаулка—единственная надежная защита отъ ледяного дуновенія этого вѣтра. Мелкіе камешки, пыль и песокъ подымаются столбомъ и летятъ въ лицо путнику, еще увеличивая боль отъ холода. Между Хинганомъ и Забайкальемъ уже съ конца сентября начинаются морозы 10—15° R., а въ октябрѣ, ноябрѣ и по январь они доходятъ до 30—40° R. Безснѣжная зима царитъ надъ землей. Если выпадетъ иногда снѣжокъ, то такой жалкій, сухой, дѣлающій пейзажъ лишь еще болѣе печальнымъ и безотраднымъ. За Хинганомъ, этой высокой и угрюмой стѣной, теплѣе. Въ октябрѣ и даже въ началѣ ноября тамъ еще выдаются теплые, чисто лѣтніе дни и только ночные морозы холодятъ жилище. Эти заморозки становятся продолжительнѣе, и съ конца ноября зима вступаетъ въ свои суровыя права. И тутъ морозъ доходитъ до 30° R., что при сильныхъ вѣтрахъ дѣлаетъ климатъ весьма суровымъ. Но зима тянется недолго. Уже въ февралѣ солнце сильно пригрѣваетъ, днемъ уже тепло, а въ мартѣ наступаетъ ранняя весна. Она не сопровождается, какъ у насъ, разливомъ рѣкъ и прекращеніемъ сухопутныхъ сообщеній, напротивъ, рѣки начинаютъ высыхать и движеніе становится сомнительнымъ. На выручку водѣ начинаются грозы, сопровождаемыя страшными ливнями. Луга обращаются въ болота, а къ осени рѣки выходятъ изъ береговъ, съ ревомъ несутся на мосты, ломаютъ на пути всѣ препоны, размываютъ насыпи и полотно дорогъ. Къ сентябрю все опять успокаивается, наступаютъ заморозки, а за ними тихо шествуютъ и морозы.

За Джанъ-гуанъ-цай-линскимъ хребтомъ, у Гирина и далѣе на югъ къ Мукдену, лѣто длится дольше. Лишь съ первыхъ чиселъ ноября начинаются морозы и быстро срываютъ послѣдній листъ съ деревьевъ. Морозъ борется съ солнцемъ. По утрамъ температура спускается до 30° R., а днемъ, если нѣтъ вѣтра, на солнцѣ таетъ. Зима идетъ ровная, спокойная и длится недолго. Какъ только день пойдетъ на прибыль, солнце

прогрѣваетъ землю, и уже въ февралѣ маленькій, случайно выпавшій снѣжокъ темнѣетъ и таетъ. Въ началѣ марта зеленѣютъ поля и лѣса, и манза, земледѣлецъ, спѣшитъ запахать и засѣять нивы. Со средины лѣта погода портится, начинаются ливни, горныя рѣчки рвутъ и мечутъ, почва растворяется, дороги обращаются въ грязныя и липкія рѣки, и сообщеніе прекращается. Въ августѣ небо, словно наигравшись молніей, громомъ и тучами, вдругъ начинаетъ ласково улыбаться и, безмятежно синее, стоитъ надъ землею такое чистое и ласковое, загорающееся прозрачнымъ пурпуромъ на восходѣ и закатѣ. Наступаетъ лучшее время года въ южной Манчжуріи.

Въ общемъ климатъ въ Манчжуріи здоровый, ровный, съ массой свѣжаго горнаго и лѣсного воздуха, съ чистымъ небомъ и яркимъ солнцемъ.

Такія колебанія въ температурѣ между лѣтомъ и зимою и общая суровость климата всецѣло зависятъ отъ рельефа страны. Если издали посмотрѣть на карту Манчжуріи, то сразу выдѣляются какъ бы двѣ тарелки, поставленныя одна подлѣ другой: сѣверная Манчжурія, замкнутая горами Большимъ, Малымъ Хинганомъ и Джанъ-гуанъ-цай-линомъ, и южная съ большими хребтами Ляо-линъ и Ирхахунь, не допускающимъ въ нее свѣжихъ морскихъ вѣтровъ.

Всѣ горы Манчжуріи не доходятъ до полосы вѣчныхъ снѣговъ и украшены снѣжной короной лишь въ зимнее время. На всѣхъ, за исключеніемъ одинокихъ скалистыхъ сопокъ и каменныхъ предгорій, растутъ большіе дѣвственные лѣса, мѣстами вслѣдствіе частыхъ паловъ обратившіеся въ унылую тайгу. Наибольшей высоты достигаютъ вершины Большого Хингана и Джанъ-гуанъ-цай-линскаго. Ихъ хребты необыкновенно извилисты, бездна отдѣльныхъ хребтовъ отходитъ въ стороны, тянется десятки верстъ и постепенно сливается съ горизонтомъ. Вершины остры, склоны круты, а мѣстами каменистыя сопки недоступны. На перевалахъ горная порода обнажена и иногда на десятки саженъ подымается вверхъ глянцевитой отвѣсной стѣною. Горы Джанъ-гуаня еще болѣе дики, нежели горы Хингана. Вулканическая сила сжала темную кору, выпятила безобразный горбъ, морщину, мѣстами давшую трещины. Изъ этихъ трещинъ хлынулъ расплавленный минералъ, вылетѣли круглые черные камни и образовали мрачную, дикую базальтовую долину. Мѣстами горы такъ дики и мрачны, что затрудняешься представить, какъ онѣ образовались.

И рѣки въ Манчжуріи величественныя, широкія и спокойныя, напоминающія рѣки Сибири. Главныя изъ нихъ: Сунгари, судоходная болѣе чѣмъ на тысячу верстъ и связывающая такіе большіе центры, какъ Гиринъ и Харбинъ съ Амуромъ, судоходная Нонни, при которой лежитъ Цицикаръ, и сплавная Мудандзянь. Съ горъ и хребтовъ Хингана и другихъ горъ течетъ еще много маленькихъ ручьевъ и рѣчекъ, дающихъ

прекрасную питьевую воду, свѣжую и чистую какъ кристаллъ. Въ сѣверной Манчжуріи, въ болѣе низменной западной ея части есть нѣсколько громадныхъ озеръ, въ южной—горные хребты и отсутствіе равнинъ не даетъ возможности водѣ собираться большимъ количествомъ. Въ общемъ, даже при бѣгломъ обзорѣ Манчжуріи приходишь къ тому заключенію, что эта страна и богаче, и лучше по климату и природѣ, нежели сопредѣльная съ ней Сибирь. Тутъ много сибирскаго, сурового, но это суровое скрашено яркимъ солнцемъ, голубымъ небомъ и выглядитъ веселѣй.

Въ горахъ Хингана, въ долинѣ рѣки Хорголь, уже теперь воровскимъ способомъ намывается нѣкоторое количество золота, это золото находится, и навѣрно еще и въ большихъ количествахъ найдется и въ маломъ Хинганѣ, и на Ляо-линѣ и далѣе. Всюду можно видѣть буровато-красный золотоносный песокъ... И это, какъ говорятъ обрусѣвшіе манзы—„худо есть“. Потому худо, что тамъ, гдѣ есть хоть одна крупинка золота, человѣкъ ошалѣваетъ, имъ овладѣваетъ золотая горячка, руки у него трясутся, голова отказывается работать, глаза не видятъ. Онъ спѣшитъ „застолбить“ свой участокъ, составляетъ компанію и съ какимъ-то остервенѣніемъ моетъ и моетъ золото... и разоряется. А между тѣмъ тутъ же рядомъ лежитъ сереброносная свинцовая руда, есть залежи ртути, есть богатые подѣлочные камни, граниты, гнейсы, порфиры, базальты. Матеріалъ для грандіозныхъ построекъ валяется подъ руками, но его никто не видитъ. На Хинганѣ уже открыли залежи каменнаго угля, откроютъ навѣрно и еще, и безлѣсная сѣверная Манчжурія обогатится. Тутъ еще все не изслѣдовано. Лѣсистый Хинганъ напоминаетъ Уралъ. На немъ еще преобладаетъ дубъ и береза, да раскидистыя елки кое-гдѣ темными пятнами сквозятъ черезъ улыбающуюся листву зеленыхъ вѣтвей. На Джанъ-гуанѣ и на Ляо-линѣ мощные и кряжистые дубы смѣшались съ громадными кедрами, елями, пихтами, соснами, между ними протянули свои вѣтви каштаны, дикіе абрикосы и яблони, и виноградъ обвилъ ихъ цѣпкими стеблями. Здѣсь то же богатство флоры, что и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, и разнообразіе видовъ, цвѣтовъ и формъ. А тамъ, гдѣ горы широко раздвинулись, образовавъ просторныя долины, тамъ тысячи травъ выше роста всадника сдѣлали степи такими, о какихъ мы читали у Гоголя да у Генриха Сенкевича въ ихъ яркихъ картинахъ днѣпровскихъ степей далекаго прошлаго. Чего-чего тутъ нѣтъ! Лиловые присы, бѣлыя, желтыя и красныя лиліи, тюльпаны, фіалки, ковыль-трава съ бѣлыми метелками, чудныя кормовыя травы, травы такія густыя, что трудно идти, трудно продираться сквозь ихъ прочные, упругіе стебли... Лѣсъ травъ.

Въ густыхъ лѣсахъ Хингана бродятъ кабаны, волки и черный уссурійскій медвѣдь ищетъ добычи. Въ горной южной Манчжуріи еще изрѣдка

заляжетъ краснымъ пятномъ на уединенной скалѣ тигръ и, щуря желтые глаза и раздувъ бѣлыя бакенбарды, зорко смотритъ, ища добычи. Пятнистый барсъ порою крадется сквозь камыши, идетъ неуклюжій медвѣдь, ползаетъ енотъ, да рѣдко-рѣдко лиса-чернобурка пронесется по степи, раздувъ по вѣтру драгоцѣнный хвостъ. Есть и соболь, и выдра, и обыкновенная красная и пышная лиса-сиводушка. Благородный олень, изюбрь со своими пантами, дикая коза, или гуранъ—солидныя приманки звѣролова-охотника, а послѣдніе—довольно частая добыча даже и любителя-охотника.

Сѣверная Манчжурія такъ же угрюма и молчалива, какъ и Сибирь. Въ поляхъ не поетъ свою ласковую пѣсню жаворонокъ, не слышно ни соловья, ни рѣзкаго посвистыванья чижика въ лѣсной чащѣ. Въ полѣ и въ лѣсу южной Манчжуріи веселѣе. Синицы, сивороики, зяблики, чижи, свиристели, черные, красные и зеленые дятлы нарушаютъ тишину лѣса. Маленькіе задорные воробьи съ рѣзвымъ пискомъ носятся надъ полями и чѣмъ-то роднымъ, русскимъ отзывается отъ ихъ хлопотливой возни.

Орлы, соколы и ястребы, вороны съ высоты скалъ и неба зорко слѣдятъ за фазаньими выводками, за куропатками, рябчиками и тетеревами. Охота въ Манчжуріи еще только начинается, дичь не распугана, и охотнику приволье въ ея степяхъ и лѣсахъ.

И гнуса въ Манчжуріи меньше, чѣмъ въ Сибири. Маленькія черныя мушки и комары докучаютъ лѣтомъ жителю, но даютъ возможность жить.

Туземцы совсѣмъ не охотятся. Только любители сильныхъ ощущеній изъ манзъ-промышленниковъ ходятъ за пантами, за енотомъ и соболемъ, остальные лишь давятъ аркапами дикихъ козъ да бьютъ силками фазановъ.

Населеніе Манчжуріи.

(А. К.)

Количество населенія Манчжуріи сравнительно съ пространствомъ невелико, приблизительно до 8—12 милліоновъ. Болѣе густо населены: южная Манчжурія и средняя часть бассейна р. Сунгари; горныя же части страны, а также восточные и сѣверные округа населены довольно рѣдко. По составу населеніе распадается на три семьи: тунгузскую, монгольскую и китайскую. Первая группа является коренною въ большей части страны; къ ней относятся манчжуры, дауры, орочоны, манегры, гольды, солоны и, вѣроятно, также корейцы.

Коренные обитатели страны—манчжуры—составляютъ теперь не болѣе 5% всего населенія и въ значительной степени утратили воинствен-

ныя черты своихъ предковъ, покорившихъ въ XVIII столѣтіи Китай. Объясняется эта малочисленность манчжуръ тѣмъ, что нынѣ царствующая манчжурская династія, овладѣвъ Китаемъ, вынуждена была опираться преимущественно на свой родной народъ, вслѣдствіе чего манчжуры поставляли военные отряды какъ въ Пекинъ, такъ и въ другіе китайскіе города. Такимъ образомъ значительная часть самаго здороваго народа уже $2^1/_2$ столѣтія какъ уходитъ изъ страны въ разныя области Китая, а на мѣсто ихъ стали являться китайцы, постепенно водворяясь въ странѣ и женясь на манчжуркахъ, при чемъ происходившія отъ такихъ браковъ дѣти становились уже совершенными китайцами. Вмѣстѣ съ тѣмъ манчжуры усвоили себѣ постепенно и китайскую культуру и китайскій языкъ до такой степени, что на манчжурскомъ языкѣ говорятъ только при китайскомъ дворѣ да около 10% живущихъ въ Манчжуріи придворныхъ манчжуръ. Китайское вліяніе отразилось и въ одеждѣ и въ постройкахъ, во всей обстановкѣ быта, религіи и т. д.

Сначала китайцы допускались лишь въ южную Манчжурію, а сѣверная служила для китайцевъ лишь мѣстомъ ссылки, но мало-по-малу китайцы стали проникать и сюда, а съ водвореніемъ русскихъ въ Уссурійскомъ краѣ китайское правительство и само стало поощрять переселеніе китайцевъ, надѣляя колонистовъ землею на льготныхъ условіяхъ и давая деньги на постройку фанзы (дома) и на обзаведеніе земледѣльческими орудіями.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, китайское населеніе въ краѣ все болѣе и болѣе возрастаетъ, многія мѣстности, въ особенности въ южной Манчжуріи, уже густо заселены и прекрасно обрабатываются. На сѣверѣ болѣе густое населеніе группируется по широкимъ долинамъ рѣкъ, около значительныхъ центровъ, по мѣрѣ удаленія отъ которыхъ оно становится рѣже, деревни смѣняются уединенными фанзами и обработанныя поля переходятъ въ пустыню.

Главное занятіе жителей—хлѣбопашество. Фермы изъ двухъ-трехъ фанзъ окружены полями, засѣянными просомъ (чумиза, гаолянъ), ячменемъ, пшеницей, бобами, горохомъ, кукурузой, коноплей, табакомъ, макомъ и пр., разводятъ также для вывоза овесъ и нѣкоторые овощи—лукъ, чеснокъ, салатъ.

На югѣ къ этимъ культурнымъ растеніямъ присоединяются индиго, хлопокъ и фруктовыя деревья: яблоки, груши, абрикосы и виноградъ. На югѣ развито также шелководство, при чемъ гусеницъ выкармливаютъ листьями трехъ видовъ дуба и айлантоваго дерева.

Скотоводство, за исключеніемъ сѣверо-западной части, смежной съ Монголіей, развито слабо; въ большомъ количествѣ разводятъ только свиней. Рабочимъ скотомъ служатъ быки, рѣже ослы, мулы и лошади.

Запасовъ сѣна не дѣлаютъ и обыкновенно кормомъ служитъ просяная солома и распаренное просо (чумиза) и бобы (вмѣсто овса). Поля обрабатываются тщательно, и фанзы выглядятъ довольно аккуратно и опрятно содержимыми. Около деревень, фермъ, отдѣльныхъ фанзъ—вездѣ поставлены кумирни разнообразныхъ размѣровъ—отъ игрушечнаго домика въ 8—10 вершковъ, прислоненнаго къ стволу одинокаго дерева, до большого молитвеннаго дома въ 2—3 сажени вышиною, съ подвѣшеннымъ поблизости къ дереву мѣднымъ колоколомъ.

Но далеко не всѣ китайцы переселяются сюда съ семьями и прочно осѣдаютъ на новыхъ мѣстахъ, занявъ опредѣленный участокъ и обрабатывая его. Многіе, по преимуществу одинокіе или оставившіе семьи дома за великой стѣной, представляютъ крайне подвижной, оборотливый и неутомимый „бродячій Китай“. Все это ремесленный или просто рабочій людъ, одушевленный одною только цѣлью, одной завѣтной мечтой—сколотить копейку. Они охотно становятся мастерами на всѣ руки и, не задумываясь, бросаютъ любое насиженное мѣсто, узнавъ, что гдѣ-нибудь можно зашибить какимъ бы то ни было трудомъ нѣсколько лишнихъ грошей. Съ тремя копейками денегъ они не затруднятся затѣять какое-нибудь микроскопическое дѣло или игрушечную торговлю, и если въ результатѣ неустанной хлопотни, бѣготни и нелегкой работы въ концѣ дня они заработаютъ какой-нибудь чохъ или два (0,1—0,2 к.) прибыли, то считаютъ свое предпріятіе вполнѣ удачнымъ и будутъ рьяно продолжать его, пока не попадутъ на затѣю еще болѣе доходную.

Манчжуры сами по себѣ очень непредпріимчивы и весьма охотно предоставляютъ пришлымъ китайцамъ всѣ хлопоты и заботы въ области ремесла и торговли. Даже огородное хозяйство, занимающее, напримѣръ, вокругъ Нингуты и въ самомъ городѣ обширныя площади земли почти цѣликомъ находятся въ рукахъ китайцевъ. Въ большинствѣ случаевъ нѣсколько китайцевъ сообща, въ складчину снимаютъ огородъ въ аренду и тогда съ чисто воловьею выносливостью и муравьинымъ прилежаніемъ, не покладая рукъ трудятся наравнѣ со своими наемными рабочими.

Разумѣется, не одни только огороды привлекаютъ къ себѣ алчущія работы китайскія руки. Онѣ съ готовностью и усердіемъ берутъ на себя всякій доступный имъ трудъ, даже если онъ будетъ каторжно тяжелъ и невѣренъ. Какъ ни мало взыскателенъ китаецъ, онъ все-таки не чуждъ азарта наживы и въ заманчивой надеждѣ на богатое обогащеніе часто пускается въ рискованное странствованіе по безлюдной и бездорожной странѣ, гдѣ каждое ущелье, каждый кустъ грозитъ ему нешуточною опасностью. Съ котомкой на спинѣ, съ парою обѣденныхъ палочекъ, замѣняющихъ ему ложку и вилку, съ грубой мѣдной трубочкой за поясомъ для табака или опія, вооруженный топоромъ, китаецъ безбоязненно или, вѣрнѣе сказать, совершенно равнодушно уходитъ въ

глубь пустынныхъ и лѣсистыхъ горъ на поиски драгоцѣннаго женьшеня, которому здѣшняя медицина приписываетъ столько чудодѣйственныхъ свойствъ.

На этотъ неблагодарный промыселъ отправляются опять-таки компаніей, чтобы сообща устроиться на постоянной стоянкѣ гдѣ-нибудь въ недоступной глуши и оттуда выходить на поиски за кормемъ.

Очень часто компаніоны не возвращаются болѣе изъ дикихъ дебрей, да ихъ никто обыкновенно и не ждетъ и судьбой ихъ никто не интересуется. Никому нѣтъ дѣла, голодъ ли навѣки сковалъ ихъ трудолюбивыя руки, тигръ ли (ламаза) пожралъ беззащитныхъ скитальцевъ, или разбойники-хунхузы вмѣстѣ съ тяжело доставшейся добычей отняли у нихъ и жизнь. Привычная нищета вездѣ равнодушна къ будущему, но нигдѣ, кажется, это равнодушіе, этотъ холодный и вялый фатализмъ не проявляется съ такою силою, какъ среди бродячей китайской бѣдноты.

По узкимъ, чисто звѣринымъ тропамъ бредутъ обыкновенно искатели жень-шеня, или высоко цѣнимыхъ въ медицинѣ древесныхъ грибовъ, золотоискатели и разный другой людъ. Здѣсь ихъ частенько подстерегаетъ тигръ. Идти по такимъ тропамъ можно только другъ за другомъ. Звѣрь пропускаетъ мимо всю вереницу странниковъ и бросается обыкновенно на послѣдняго, поотставшаго отъ товарищей. Уцѣлѣвшіе спасаются поспѣшнымъ бѣгствомъ и все-таки продолжаютъ идти къ облюбованнымъ мѣстамъ, прекрасно сознавая, что каждый изъ нихъ можетъ во всякую минуту раздѣлить участь растерзаннаго товарища. По глухимъ дебрямъ Манчжуріи наберется не мало обглоданныхъ скелетовъ никому невѣдомыхъ или всѣми позабытыхъ жертвъ бродячей нищеты.

Кромѣ китайцевъ, пришлыми колонистами края являются корейцы. Ихъ особенно много въ пограничныхъ съ Россіей мѣстностяхъ; такъ, въ нашемъ Уссурійскомъ краѣ они давно уже составляютъ постоянную часть населенія; они арендуютъ тамъ землю у нашихъ казаковъ и переселенцевъ, но приливающая изъ европейскихъ губерній волна переселенцевъ вытѣсняетъ ихъ изъ Южно-Уссурійскаго края и они постепенно удаляются въ китайскіе предѣлы.

Кореецъ, несмотря на племенное родство, во многихъ отношеніяхъ прямая противоположность китайца. Насколько китаецъ дѣловитъ, расчетливъ, настойчивъ и уменъ въ дѣлѣ пріобрѣтеній, настолько кореецъ вялъ, беззаботенъ относительно будущаго, лишенъ промышленной смѣтки и равнодушно-терпѣливъ во всякихъ напастяхъ и нищетѣ, которая почти сопутствуетъ ему въ его какъ бы умышленно засаленной, пыльной и грязной обстановкѣ, кишащей міріадами насѣкомыхъ.

Кореецъ садится на землю прочно, онъ любитъ землю, это прирожденный пахарь, но въ умѣніи холить ее, увеличивать ея урожайность

за китайцемъ ему угнаться трудно, да и едва ли у него стало бы охоты на такую тщательную обработку, безъ которой китайское земледѣліе и представить себѣ невозможно. Если кореецъ получилъ такой урожай, какой дастъ ему возможность продлить свое существованіе до слѣдующей жатвы, онъ уже не печется о дальнѣйшемъ.

Среди корейцевъ людей достаточныхъ очень мало, громадное же большинство влачитъ нищенское существованіе; даже сельскохозяйственныхъ орудій у нихъ недостаточно для обработки цѣлинныхъ земель, такъ что корейцы выбираютъ себѣ земли уже бывшія подъ плугомъ, и чаще всего за половину или иную долю урожая обрабатываютъ китайскіе и манчжурскіе участки.

Торговля въ Манчжуріи, до занятія ея русскими, находилась преимущественно въ рукахъ китайцевъ да немногочисленныхъ мусульманъ-дунганъ. Дунгане—это прасолы Манчжуріи, и большая часть операцій по торговлѣ скотомъ сосредоточена въ ихъ рукахъ.

Торговлѣ, да и вообще успѣхамъ земледѣлія и культуры здѣсь сильно препятствуютъ хунхузы-разбойники изъ бѣглыхъ солдатъ, преступниковъ и бродягъ, которые занимаются на дорогахъ грабежомъ путешественниковъ и купцовъ, а въ населенныхъ пунктахъ нерѣдко совершенно разоряютъ хозяйство зажиточныхъ людей, обязывая послѣднихъ вносить постоянный налогъ или уводя ихъ въ плѣнъ и вымогая жестокостями крупный выкупъ. Въ восточной Манчжуріи для борьбы съ хунхузами богатые люди содержатъ караулы изъ вольнонаемныхъ солдатъ, а китайское правительство высылаетъ военныя команды для поимки разбойниковъ, которые въ случаѣ поимки (что бываетъ, однако, очень рѣдко) тутъ же казнятся и головы ихъ выставляются на деревьяхъ по дорогамъ. По большей части власти выступаютъ въ экспедиціи противъ хунхузовъ лишь по жалобѣ какого-нибудь селенія, слишкомъ ужъ раздраженнаго алчностью разбойниковъ. Наученные горькимъ опытомъ, поселяне рѣдко обращаются къ подобной защитѣ, которая часто обходится еще дороже разбойничьяго набѣга, а результатовъ, кромѣ истребленія всякой деревенской живности и фуража за нѣсколько дней военнаго постоя, обыкновенно никакихъ не даетъ. Хунхузы, какъ болѣе подвижные, лучше знакомые съ мѣстностью, часто лучше вооруженные, только въ исключительныхъ случаяхъ попадаютъ въ руки этихъ разъѣздовъ. Гораздо чаще они незамѣтно слѣдятъ за дѣятельностью своихъ враговъ и, какъ только тѣ рѣшаются наконецъ вернуться во-свояси, они вновь появляются въ деревнѣ и мстятъ своимъ жертвамъ за строптивость.

Таковы главныя составныя части населенія Манчжуріи.

Другія народности тунгузскаго корня немногочисленны и занимаютъ сравнительно лишь небольшіе участки на сѣверѣ страны. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ орочоны, манегры, гольды, находятся еще въ стадіи

охотниковъ и рыболововъ; другіе, какъ дауры и солоны, давно уже занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ.

Орочоны, живущіе по главному хребту Хингана, до сихъ поръ почти не признаютъ надъ собой никакихъ законовъ и фактически мало подчиняются китайской администраціи. Они селятся мелкими группами и даже отдѣльными семьями, обыкновенно въ шалашахъ, сплетенныхъ изъ травяныхъ жгутовъ или сложенныхъ изъ коры и вѣтвей; промышляютъ исключительно охотой, рыбной ловлей, а если случится, то и угономъ чужихъ стадъ. Всѣ орочоны неподражаемо владѣютъ своими длинными фитильными винтовками на сошкахъ: особенно удивляетъ монголовъ и китайцевъ то, что эти охотники бьютъ звѣря на бѣгу. Подати вносятся ими, такъ сказать, лишь по мѣрѣ собственнаго усердія: обыкновенно кто-нибудь изъ старшинъ, обуреваемый честолюбіемъ, собираетъ съ подчиненныхъ ему семей извѣстное количество пантовъ, мѣховъ, звѣриныхъ жилъ и т. д., везетъ эти подати цицикарскому цзянь-цзюню или генералъ-губернатору и возвращается домой награжденный за это чиновничьимъ шарикомъ.

Тѣ изъ орочонъ, которые живутъ по восточнымъ склонамъ Хингана, ближе къ устьямъ долинъ, уже много культурнѣе, и старшины ихъ назначаются нынѣ уже прямо властью цзянь-цзюня.

Что касается до дауровъ, то хотя они и живутъ земледѣліемъ, но запашки ихъ невелики и большимъ подспорьемъ хозяйства остаются охота и рыбная ловля. Изъ домашнихъ животныхъ разводятъ только свиней, какой-то особой, чрезвычайно мелкой породы, съ черной щетиной, да домашнюю птицу.

Дауры селятся всегда небольшими усадьбами и рѣдко по 4—5 семей вмѣстѣ. Жилище ихъ по первому взгляду напоминаетъ русскія избы, съ высокой двускатной крышей изъ теса или соломы; но одна изъ продольныхъ стѣнъ имѣетъ всегда во всю свою ширину рѣшетчатую раму, затянутую бумагой и служащую вмѣсто окна. Вокругъ избы плетнемъ огораживается дворъ съ огородомъ и хлѣвомъ. Внутренность избы раздѣлена обыкновенно на двѣ и рѣдко на три комнаты; въ первой, замѣняющей сѣни, кухню и кладовую, устраивается большая, но узкая кирпичная печь, на половину врытая въ землю; въ нее вмазанъ желѣзный котелъ, а дымъ проведенъ по горизонтальной системѣ трубъ, обходящей вокругъ всего дома подъ кирпичными широкими лавками; такія обогрѣваемыя снизу лавки называются „канами“. На людяхъ непривычныхъ спанье на канахъ всегда отзывается очень тяжело и скоро вызываетъ крайне тяжелыя формы ревматизма. Въ нѣкоторыхъ избахъ введена уже чисто китайская система топки; печь устроена снаружи, и жаль смотрѣть, какое громадное количество тепла непроизводительно пропадаетъ при подобной конструкціи печей. Вдоль комнатъ, подъ по-

толкомъ, протянуты жерди для развѣшиванія разной домашней утвари: въ одномъ изъ угловъ сложена груда одѣялъ, а болѣе цѣнные предметы хранятся въ прочныхъ китайскихъ шкапикахъ съ массивными мѣдными засовами и съ висячими замками. Посреди комнаты помѣщается глиняная стойка, на которой устроена жаровня для горячихъ углей.

Одежда, распредѣленіе домашнихъ работъ, положеніе женщины въ семьѣ и многое другое напоминаетъ соотвѣтствующіе порядки манчжуръ и китайцевъ. Въ религіозномъ отношеніи дауры—шаманисты.

Гиринъ.

(П. Краснова.)

Когда подъѣзжаешь къ Гирину, города почти не видишь. Бросаются въ глаза высокія сѣрыя фабричныя трубы монетнаго двора на правомъ берегу р. Сунгари, а затѣмъ цѣлое море маленькихъ деревенскихъ фанзъ, крошечныхъ кумирень, носящихъ не вполнѣ благозвучное названіе „мяо“, полей чумизы и гаоляна, огородовъ, постоялыхъ дворовъ, съ изображеніемъ деревянной рыбы на столбѣ и съ пестрыми обручами, висящими на палкѣ;—деревня такъ тѣсно обступила Гиринъ, что за ея постройками не видно длинной каменной зубчатой стѣны съ восемью воротами, съ башенками надъ ними; не видно и каменныхъ кумирень съ драконами у входа. Деревня затолкала, затѣснила городъ. По жесткой промерзлой и весьма пыльной дорогѣ въ безконечной вереницѣ двуколокъ, груженыхъ цыновками, ватой, ящиками и тюками и запряженныхъ то мулами, то лошадьми, то и тѣми и другими вмѣстѣ, привязанными тонкими веревочными постромками къ оглобельному кореннику, среди жалобныхъ криковъ погонщиковъ съ длинными бичами, кричащихъ на свое запряженное стадо: „у-о! у-о!“, въѣзжаешь по каменнымъ плитамъ въ ворота. За воротами сейчасъ же начинается громоздкая неуклюжая мостовая изъ тяжелыхъ обледенѣлыхъ досокъ и безконечный рядъ лавокъ.

Гиринъ—важный административный центръ, мѣстопребываніе дзянь-дзюня, этого полномочнаго генералъ-губернатора обширной гиринской провинціи, и большой торговый пунктъ, ведущій транзитную торговлю съ Монголіей, Манчжуріей, Забайкальемъ, Инкоу и Шанхаемъ. Среди бездны маленькихъ лавочекъ, ларей и хожалыхъ торговцевъ то тутъ, то тамъ подымается высоко къ небу черная лакированная доска, испещренная золотыми письменами,—это складъ шелка, тонкихъ вышивокъ, ваты; еще дальше виденъ толстый столбъ, покрашенный въ свѣтло-коричневую краску съ большими и пестрыми головами драконовъ, тор-

чащими въ разныя стороны,—это китайскій ломбардъ и банкъ. На улицахъ толкотня и сутолока. Бѣдные манзы въ синемъ и сѣромъ рубищѣ, въ ватныхъ штанахъ и туфляхъ на толстой и мягкой подошвѣ, идутъ взадъ и впередъ, то неся на коромыслѣ привязанныя на веревочкахъ коробки и сита съ разными лепешками, жаренымъ и печенымъ тѣстомъ, издающимъ отвратительный запахъ бобоваго масла, то слоняясь безъ дѣла по улицамъ; среди ихъ толпы, смуглой и грязной, то и дѣло степенно шагаютъ красивые мулы, везущіе тяжелую двуколку, или маленькія лошадки, съ ершикомъ подстриженными гривами, тянутъ большую арбу съ сѣномъ, соломой, стеблями гаоляна или досками; за ними нарядный мулъ везетъ двухколесный экипажъ съ полукруглымъ тентомъ изъ синей матеріи и со стеклянными оконцами, окрещенный русскими „фудутункой“, хотя въ такихъ щегольскихъ экипажахъ ѣздятъ и не одни фудутуны; въ окно фудутунки выглядываетъ намазанное лицо китаянки съ цвѣтами и серебряными гребенками надъ ушами; дальше катитъ рысью стрѣлковая повозка зеленаго цвѣта съ солдатомъ въ мохнатой шапкѣ, везущимъ русскую даму въ шляпкѣ и въ ротондѣ. Среди бѣдно одѣтыхъ манзъ съ пучками мѣха у ушей, на лбу и на затылкѣ и съ длинными косами, вдругъ появится толстый, упитанный китаецъ въ маленькой круглой шапочкѣ съ краснымъ гаруснымъ шарикомъ, въ шелковой, тканой узоромъ кофтѣ и синей юбкѣ, или на аломъ суконномъ сѣдлѣ прокатитъ иноходью чиновникъ съ чернымъ перомъ и прозрачнымъ шарикомъ на шапкѣ, за нимъ на такой же маленькой лошадкѣ мчится и его слуга въ шапочкѣ съ алою нитяною кистью на макушкѣ.

А кругомъ лавки. Вонючіе „чофаны“ съ кипяткомъ и жирными противнями, установленными толстыми каравайчиками тѣста, всякимъ варевомъ, пареной морскою травой, рисомъ и чумизой, лавки мясныя, лавки, возлѣ которыхъ висятъ длинныя и блестящія гирлянды золотисто-красныхъ и изумрудныхъ фазановъ, маленькіе зайчики и словно колоды приставлены замерзшія туши дикихъ козъ; рядомъ зеленныя съ капустой, морскою травою, рисомъ, зерномъ и рѣдиской, цѣлый рядъ кожъ, шкуръ лисьихъ и енотовыхъ, собачьихъ и кошачьихъ, цѣлыя шубы изъ сѣрыхъ кошекъ, шапки съ оторочкой мѣхомъ кота, енота, лисицы или черной собаки; сапоги, продажа рѣдкостей, издѣлій изъ нефрита, печатокъ, чернильницъ, трубокъ и трубочекъ, лавка жестяника съ цѣлымъ рядомъ фонарей, чайниковъ и ведерокъ, еще далѣе четырехугольный рѣзной ящикъ съ дракономъ обозначаетъ помѣщеніе серебреника. Здѣсь кропотливо выдѣлываютъ тѣ цвѣты причудливой формы, кузнечиковъ съ дрожащими усами или шевелящихся рыбокъ, которыми любятъ украшать свои жирные черные волосы китаянки; здѣсь же, ради русской моды, готовятъ спичечницы, бокальчики и портсигары съ изображеніемъ китайскаго дракона и надписью китайскими знаками любой русской фа-

миліи, при чемъ, такъ какъ почти каждый русскій слогъ отвѣчаетъ цѣлому ряду китайскихъ словъ, то любезный и привѣтливый мастеръ подберетъ непремѣнно хорошія слова: „божество“, „другъ“, „орелъ“, или что-либо въ этомъ родѣ.

Улица лавокъ упирается въ площадь. На площади стоитъ стадо муловъ, приведенныхъ для продажи; на возвышеніи раешникъ показываетъ толпѣ панораму китайскихъ картинъ на стеклѣ, манзы тѣсно обступили его, наваливаются другъ на друга, лѣзутъ на плечи сосѣдямъ и хохочутъ. Отъ площади бѣгутъ вправо и влѣво переулки. Ряды сѣрыхъ дощатыхъ заборовъ, а за ними низкія крыши каменныхъ фанзъ. Ни дать, ни взять уголокъ какого-либо нашего уѣзднаго или заштатнаго городишки. Въ переулкахъ замерзшіе потоки жидкости и обложенныя деревомъ канавки китайской канализаціи. Зима — все замерзло, а потому запаха никакого.

Переулокъ снова выходитъ въ улицу—и опять толкотня и лавки безъ конца. У маленькаго ларька толпа манзъ слушаетъ, какъ предсказатель, разложивъ на костяхъ судьбу человѣческую, предрѣшаетъ по нимъ будущее. Рядомъ торгуютъ книгами, еще дальше вся сѣрая кирпичная стѣна покрыта лубочными картинами. Тутъ и боксерская пропаганда, изображающая толстаго мясистаго китайца, обнаженнаго по поясъ и стоящаго съ засученными рукавами и окруженнаго солдатами. Солдаты стрѣляютъ въ него, но пули отскакиваютъ и падаютъ къ его ногамъ. Рядомъ изображенія китаянокъ, сценки семейной жизни. Большія торговыя конторы не имѣютъ выставки товаровъ, но ихъ дорогія ткани, выставки и костюмы бережно уложены въ картонныя и деревянныя коробки и поставлены на полкахъ въ заднихъ фанзахъ. Однако, заберитесь-ка въ такой магазинъ, васъ обступитъ толпа приказчиковъ, къ нимъ присоединится еще нѣсколько человѣкъ любопытныхъ и въ сопровожденіи ихъ вы проникнете въ заднюю фанзу. Тамъ теплѣе. На канѣ, на квадратной скамеечкѣ, станутъ раскладывать роскошныя матеріи, вышивки, все, что вы ни попросите... Ахъ, какія тутъ есть вышивки, какіе халаты, пестрыя курмы. Какіе хорошенькіе наушнички съ вышитыми на нихъ шелками павлинами или хорошими словами, какія дивныя полосы съ хризантемами и фазанами, расшитыми по черному и по бѣлому шелкомъ, какой штофъ съ тканными узорами, пестрыя одѣяла, гдѣ квадратики ткаты разноцвѣтными шелками и розовый уходитъ въ фіолетовый, а фіолетовый обращается въ зеленый. Пестро и нѣжно, пестро и чаруетъ глазъ неожиданными переливами тоновъ и красокъ...

Несмотря на обиліе лавокъ съ самыми разнообразными товарами, въ городѣ незамѣтно кипучей торговой дѣятельности. Не видно покупателей, а тѣмъ болѣе покупательницъ, возвращающихся обремененными свертками. Фудутунки, запряженныя мулами, везутъ китайскихъ дамъ

не въ магазины и ларц, а къ родственникамъ или къ знакомымъ въ гости. Лавки почти всегда пусты. Только офицеры да военныя дамы русскаго гарнизона ходятъ по магазинамъ, любуясь вышивками и закупая шелки. Торговля идетъ или оптомъ, или на дому, черезъ комиссіонеровъ, которыми кишитъ китайскій торговый городъ.

Вы еще спите или пишете свои впечатлѣнія, глядя, какъ суровый манчжурскій морозъ и яркое солнце расцвѣтило радугой окна, отразилось въ нихъ тысячью огней и бросило ихъ разсѣяннымъ свѣтомъ въ полутемную комнату, какъ въ сѣняхъ уже слышно шлепанье туфель, и къ вамъ всовываетъ свою голову солдатъ и говоритъ:

— Тамъ китаецъ пришелъ, ваше благородіе.

— Что ему надо?—спрашиваете вы.

— Товаръ принесъ,—отвѣчаетъ солдатъ.

— Ну, зови, — говорите вы, хотя отлично сознаете, что вы ничего не куните.

Дверь отворяется, и съ большимъ чернымъ узломъ въ рукахъ и розовой шапкѣ, огороченной соболемъ, входитъ купецъ.

— Здравствуйте,—говоритъ онъ по-русски и тянетъ вамъ свою грязную лапу. Затѣмъ онъ медленно развязываетъ узелъ и показываетъ вамъ хорошенькія чашечки, кипы шелковыхъ тканей, вышивки, жемчугъ изъ Сунгари... Цѣны ужасныя, но смѣло давайте половину и начинайте торгъ.

— Нэтъ, нельзя,—чуть не шолотомъ говоритъ купецъ;—моя не могу отдать. Этотъ жемчугъ не моя. Моя ходи, моя скажи, кто продаетъ, и сегодня приди и отвѣтъ давай...

— Я дамъ русскими деньгами,—говорите вы.

Это еще болѣе укрѣпляетъ торговца въ намѣреніи: „моя ходи, моя спроси“.

Русскій рубль въ Манчжуріи идетъ сильно въ гору. За него уже даютъ 1 руб. 40 коп. серебромъ китайскими долларами. Русскій бумажный рубль удобенъ китайскому купцу, онъ его легко можетъ увезти и онъ увѣровалъ въ его силу и легкость къ обмѣну на что угодно. Довѣріе къ русскому рублю полное, а потому товары за русскія деньги идутъ дешевле, нежели за китайскія.

Вечеромъ купецъ опять у васъ. Жемчужины уступлены. Не нужно ли еще чего? И такъ по домамъ разносятся товары и идетъ не видный, но обширный торгъ по всему Гирину.

Я познакомился въ Гиринѣ съ богатымъ купцомъ Нью. Я былъ у него въ гостяхъ, пилъ чай съ англійскимъ печеньемъ, ѣлъ виноградъ „дамскіе пальчики“, пилъ красное вино и шампанское, бесѣдовалъ съ его матерью, почтенной сѣдой старушкой, и его конфузливой намазанной молодой женой съ узкими и длинными полупрозрачными ушами и

съ дорогими жемчужными булавками въ волосахъ. Нью учится по-русски. У него на столѣ лежатъ толстые словари Попова — русско-китайскій и китайско-русскій. Ему очень хочется обрусѣть, одѣть русскій костюмъ, завести торговлю съ Россіей, но онъ боится. Говоритъ онъ по-русски еще неважно, медленно подыскивая слова.

— Русскій костюмъ удобный, работать можно,—говоритъ онъ,—китайскій костюмъ неудобный, работать нельзя; не этотъ мѣсяцъ, а мартъ моя ходи на Москва. Москва вези китайскіе товары—шелкъ, вышивка, костюмъ китайскій, на Москва продавай, въ Москвѣ купи стекло, желѣзо, ножи и другія вещи и ходи Гиринъ; Гиринъ продавай...

Подъ вечеръ я вышелъ на Сунгари. Она у Гирина имѣетъ около 300 саженъ ширины. По ту сторону синѣли горы, то округлыя, то угловатыя, утесистыя. Онѣ, эти горы, шли рядами; ближнія рисовались густыми темными тонами, дальнія блѣднѣли, тускнѣли, сливались съ небомъ. У самаго берега два солдата-китайца съ красными накидками и длинными мѣдными трубами издавали заунывные звуки — они учились.

Возлѣ лѣсныхъ дворовъ были поставлены груды бѣлыхъ массивныхъ гробовъ, черезъ улицу въ магазинахъ тоже были гробы, покрашенные въ бѣлую или красную краску и испещренные серебряными и золотыми узорами и письменами. Трогательный культъ предковъ имѣетъ въ себѣ много ужаснаго. Если китаецъ не имѣетъ средствъ съ должною пышностью устроить своему родственнику похороны, онъ, пока не накопитъ денегъ, выноситъ покойника въ гробу и ставитъ въ рощѣ, возлѣ могильныхъ холмиковъ. И я видѣлъ много такихъ гробовъ съ ихъ страшными обитателями въ окрестностяхъ Гирина, въ деревняхъ и селахъ. Мимо гробовъ, черезъ горбатый деревянный мостикъ, идущій надъ спускомъ къ рѣкѣ, мы прошли по набережной къ дворцу дзянь-дзюня. Всѣ ворота дворца прикрыты стѣнками отъ злого духа, на главномъ сводѣ изображены вычурные боги, напоминающіе бубновыхъ королей на старыхъ картахъ, и написаны хорошія слова—пожеланія долголѣтія, богатства и пр. Самого дзянь-дзюня нѣтъ: онъ уѣхалъ въ Харбинъ, но во дворцѣ его только что кончилось засѣданіе чиновниковъ.

Дворъ еще полонъ челяди. Одни стоятъ при лошадяхъ у длинной коновязи, другіе толпятся возлѣ синихъ суконныхъ паланкиновъ и фудутунокъ. На всѣхъ черныя кофты, на шапкахъ длинныя красныя кисти и у всѣхъ типичныя нахальныя лакейскія физіономіи. Въ ихъ толпѣ зубоскалитъ старый дзянь-дзюньскій солдатъ съ красной обшивкой и краснымъ знаками на груди и спинѣ. Подъ широкими воротами стоятъ сѣкиры и прямые ножи на древкахъ, большой барабанъ—знаки власти дзянь-дзюня.

Въ швейцарской сидитъ старый привратникъ. За воротами второй дворъ, въ немъ полуоткрытый залъ съ громадными поломанными крес-

лами — судилище дзянь-дзюня; тутъ же рядомъ, за дверками съ бумагой вмѣсто стеколъ, и канцелярія его превосходительства. Въ канцеляріи большой шкафъ съ маленькими книжками, печатанными на тонкой „китайской“ бумагѣ, надо думать законы и приказы, рядомъ кипа „дѣлъ“, писанныхъ тушью на бѣлой и красной бумагѣ, большіе и узкіе конверты, печати, чернильницы, кисточки и тушь. Правитель дѣлъ, немолодой китаецъ, съ поклонами и улыбкой встрѣтилъ и проводилъ насъ. За этой первой фанзой слѣдовалъ еще дворъ и тамъ помѣщеніе самого дзянь-дзюня. Направо отъ входа была его спальня, налѣво пріемная. Въ спальной въ глубинѣ былъ канъ и не ахти какое чистое генеральское красное ложе; по стѣнамъ въ рѣзныхъ рамочкахъ висѣли группы, гдѣ дзянь-дзюнь былъ снятъ съ русскими инженерами. Но въ окна были вставлены стекла и висѣли кисейныя занавѣски. Съ потолка свѣшивалась большая керосиновая лампа, а подлѣ кана выглядывала кнопка электрическаго звонка. Въ пріемной надъ дверью висѣло нѣсколько группъ, да на полу стоялъ громадный глобусъ. Вдоль стѣнъ были шкафики и на нихъ поставлены возлѣ зеркала двѣ вазы и нѣсколько бездѣлушекъ изъ нефрита. На полу былъ положенъ небольшой коверъ. Небогатая, непышная обстановка. Немногочисленные слуги провожали насъ изъ одной фанзы дворца въ другую. Отъ дворца однако получалось незавидное впечатлѣніе. Да, зданіе построено солидно. Сѣрыя кирпичныя стѣны толсты и прочны, но краски на вычурныхъ драконахъ, на стѣнкахъ и дверяхъ и выцвѣли, и полиняли, а штукатурка осыпалась—все бѣдно и голо. Дворецъ казенный, и, какъ видно, дзянь-дзюни не очень о немъ заботятся. На дворахъ и дворикахъ между фанзами отвратительная грязь и вонь. Всюду замерзшія лужи. Всюду запущено. Какъ будто все доживаетъ послѣдніе дни и ждетъ какого-то толчка и обновленія.

Мимо громадныхъ, аляповато сдѣланныхъ драконовъ мы вышли опять на набережную и пошли внизъ по рѣкѣ. Тутъ среди домовъ гиринской знати пріютилась наша почтово-телеграфная контора, а рядомъ надъ сѣрыми воротами висѣла вывѣска, гласившая по-русски: „Китайско-русская школа“. Мы прошли въ ворота. Классы кончились. Учитель русскаго языка ушелъ домой; учитель китайскаго съ пріятелемъ готовились обѣдать. Три ученика еще сидѣли въ классѣ съ красными партами и черной доской, утвержденной на канѣ. Русская азбука, тетрадки съ прописями, большія и тяжелыя китайскія чернильницы, тушь и китайскія линейки валялись на низкомъ табуретѣ. Двое изъ учениковъ были уже юноши лѣтъ по 18—20; они плохо говорили по-русски. Зато мальчикъ лѣтъ 15-ти пребойко и презабавно болталъ съ нами. Онъ объяснилъ, что его зовутъ Фуженъ-чанъ, потомъ по моей просьбѣ написалъ свое имя по-русски и мою фамилію по-китайски, объяснилъ, что

въ школѣ всего обучается 18 учениковъ, что до обѣда они занимаются по-русски, а послѣ обѣда китайскимъ языкомъ и что школа существуетъ съ прошлаго года. Всѣ трое вышли насъ провожать и вывели опять на набережную.

Солнце спускалось за горы. По небу разлилось море огня. Это море отразилось въ прозрачномъ льду рѣки Сунгари и алымъ заревомъ покрыло заборы и дома по берегу рѣки. Морозная туманная дымка затянула дали. Отъ этой дымки яркіе красные и оранжевые цвѣта стали бѣлѣе, пріобрѣли молочный, опаловый оттѣнокъ. Озаренные послѣднимъ свѣтомъ, меланхолично засыпали раскидистыя ракиты на берегу. Городъ утихалъ. Магазины затворялись. Приказчики, кто пѣшкомъ, кто верхомъ на маленькихъ лошадкахъ, спѣшили по домамъ. Кое-гдѣ мерцали огоньки, да съ пронзительнымъ крикомъ, неся на лоткѣ фонарь, проходили торговцы съ жареной курицей, приправленной пряными спеціями, этимъ любимымъ вечернимъ блюдомъ китайцевъ.

Сѣверный и южный Китай.

(По Рихтгофену и Обручеву, А. К.)

Могучая горная система Куэнь-Луня, пролегающая по окраинѣ Тибета и ограничивающая съ юга Таримскій бассейнъ и Цайдамскія равнины, въ своемъ продолженіи на востокъ, уже въ предѣлахъ собственнаго Китая, является барьеромъ, который раздѣляетъ Срединную имперію на области сѣверную и южную, весьма различныя по климату, почвѣ, растительности, даже животному міру и отчасти населенію. Этотъ хребетъ, носящій на китайскихъ картахъ названіе Цинь-линь-шаня, отдѣляетъ систему рѣки Хуанхэ, или Желтой, отъ системы другой великой рѣки, Янцзе, покрытыя лессомъ мѣстности сѣвера отъ лишенныхъ лессоваго покрова мѣстностей южнаго Китая. Сѣверо-западный Китай— это типичная страна лесса; нигдѣ болѣе на земномъ шарѣ лессъ не достигаетъ такой мощности, такого обширнаго распространенія, не играетъ такой роли въ человѣческой жизни, такъ что про эту страну, гдѣ всѣ пашни на лессѣ, всѣ жилища вырыты пещерами въ лессѣ, или сложены изъ лессоваго кирпича или сбиты изъ лессовой глины, гдѣ даже канъ, замѣняющій китайцу кровать, сдѣланъ изъ лесса,—про эту страну можно сказать, что человѣкъ, обитатель ея, родился на лессѣ, живетъ лессомъ и въ лессѣ находитъ себѣ могилу, въ томъ же желтомъ, сухомъ и пыльномъ лессѣ. Рѣка Хуанхэ, прорѣзывающая сѣверо-западный Китай, окрашивается лессомъ въ желтый цвѣтъ, соотвѣтствующій ея названію.

Лессъ представляетъ изъ себя буроватую землистую пористую массу, пронизанную мельчайшими пустотами и вертикальными каналами отъ истлѣвшихъ растительныхъ корней; благодаря этому онъ легко впитываетъ въ себя влагу какъ атмосферную, такъ и отъ естественныхъ или искусственныхъ водныхъ источниковъ, прорѣзывающихъ его и доставляющихъ подземное орошеніе. Подъ колесами телѣгъ и копытами животныхъ лессъ раздробляется въ пыль, тонкую и нѣжную, какъ пудра; эта пыль покрываетъ слоемъ въ нѣсколько дюймовъ всѣ дороги,

Лессовыя образованія.

пролегающія по лессовой почвѣ, при легкомъ вѣткѣ поднимается тучами вверхъ, а въ бурю заполняетъ воздухъ подобно желтому густому туману.

Смоченная водой, т.-е. послѣ дождя, лессовая пыль превращается въ липкую, скользкую грязь, и если въ сухое время года путешественникъ проклинаетъ пыль, стѣсняющую дыханіе и проникающую всюду, образуя густой осадокъ на лицѣ, волосахъ, одеждѣ, на листьяхъ деревьевъ и кустарниковъ, окаймляющихъ дорогу, то послѣ хорошаго дождя не менѣе непріятна грязь, липнущая комьями къ подошвамъ, копытамъ, колесамъ, такъ что непривычный человѣкъ выбивается изъ силъ, пройдя по лессовой грязи полверсты и поскальзываясь на каждомъ шагу.

Вѣтеръ постепенно сдуваетъ пыль съ дорогъ, движеніе телѣгъ и животныхъ образуетъ новую; такимъ образомъ въ теченіе столѣтій дороги постепенно врѣзываются глубже и глубже въ толщу лесса и наконецъ превращаются въ траншеи, глубиной въ нѣсколько саженъ, особенно на спускахъ и подъемахъ, съ почти отвѣсными стѣнками и дномъ настолько узкимъ, что двѣ телѣги или два каравана вьючныхъ животныхъ могутъ разъѣхаться только въ извѣстныхъ мѣстахъ, такъ что ямщики и погонщики, въѣзжая въ эти тѣснины, обыкновенно пронзительными криками извѣщаютъ о себѣ ѣдущихъ имъ навстрѣчу, которые и дожидаются на разъѣздахъ.

Другое свойство лесса — его склонность къ образованію отвѣсныхъ обрывовъ, въ связи съ его мягкостью и легкоразмываемостью — обусловливаетъ обиліе, развѣтвленность и неприступность овраговъ, врѣзанныхъ въ толщу лесса. Отъ каждой рѣчки, даже ручейка, отдѣляются по обѣ стороны овраги, развѣтвляющіеся до безконечности, подобно вѣтвямъ, сучьямъ и вѣточкамъ дерева, и всѣ эти овраги ограничены большею частью отвѣсными стѣнками или въ видѣ одного сплошного обрыва, или же состоящими изъ высокихъ ступеней, по нѣскольку саженъ каждая. Находясь на верхней ступени, видишь передъ собой исполинскій амфитеатръ, могущій вмѣстить милліоны зрителей, и просто не вѣрится, что этотъ амфитеатръ созданъ природой, а не человѣкомъ, который только воспользовался готовымъ и расположилъ свои пашни и селенія по ступенямъ.

По своему химическому составу лессъ — суглинокъ, въ составъ котораго входятъ известковыя частицы, кварцевыя зерна съ разсѣянными мелкими листочками слюды; кромѣ того, въ лессѣ попадаются мергельныя конкреціи и раковины наземныхъ моллюсковъ. Такому составу надо приписать необыкновенное плодородіе лесса всюду, гдѣ есть достаточное орошеніе. Кромѣ того, для обработки лессовой почвы достаточно незначительныхъ усилій лопаты или кирки. Благодаря такимъ свойствамъ лесса, въ Китаѣ съ давняго времени возникла интенсивная земледѣльческая культура, приближающаяся къ европейскому огородничеству. Китайская пашня образуется рядомъ параллельныхъ двускатныхъ грядокъ, въ вершинахъ которыхъ аккуратно посажены сѣмена. По мѣрѣ поднятія всходовъ грядки до трехъ разъ въ лѣто выпалываютъ для очищенія отъ сорныхъ травъ, а также съ цѣлью углубить борозды между ними и разрыхлить почву для большей воспріимчивости къ атмосферной влагѣ.

Таковы свойства лессовой почвы. Не менѣе интересно и происхожденіе лессовыхъ толщъ, достигающихъ въ провинціяхъ сѣвернаго Китая приблизительно двухсотъ саженъ мощности. Лессъ является окончательнымъ продуктомъ разрушенія скалъ, утесовъ и вообще горныхъ породъ центральной Азіи. Благодаря сильному колебанію температуры

въ теченіе дня, въ особенности осенью и весной, утесы распадаются на мелкіе куски, которые едва держатся на своихъ мѣстахъ, отдѣленные другъ отъ друга незамѣтными для глаза трещинами. Достаточно самаго слабаго удара, чтобы такой утесъ распался на кучу песка и дресвы. Въ то же время въ тѣни происходитъ химическое разложеніе; съ началомъ холодовъ къ числу разрушительныхъ дѣятелей присоединяется морозъ, и, такимъ образомъ, утесы раскалываются на болѣе мелкія глыбы, щебень и песокъ. Дожди смываютъ съ утесовъ и склоновъ часть продуктовъ вывѣтриванія. Но, въ виду небольшого количества осадковъ, выпадающихъ въ центральной Азіи, роль текущей воды при переноскѣ продуктовъ вывѣтриванія ничтожна, и преобладающее значеніе имѣетъ вѣтеръ, который уноситъ съ собой все, что въ силахъ поднять и что не прикрѣплено къ почвѣ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ солнечные лучи и морозъ работаютъ надъ разрушеніемъ горныхъ породъ и доставляютъ все новый матеріалъ, вѣтеръ сметаетъ его изъ пустыни и откладываетъ тамъ, гдѣ его сила быстро ослабѣваетъ отъ встрѣчи съ барьеромъ высокихъ горъ или отъ столкновенія со встрѣчнымъ воздушнымъ теченіемъ. При этомъ болѣе тяжелыя частицы осаждаются раньше, чѣмъ болѣе легкія пылинки, и даютъ начало сыпучимъ пескамъ, окаймляющимъ съ юга центральную Азію. Болѣе же легкія пылинки уносятся дальше и наконецъ осаждаются, прибитыя дождемъ, или встрѣтивъ болѣе густую травянистую растительность, препятствующую въ значительной степени вторичному поднятію опустившейся пыли. Въ теченіе тысячелѣтій скопляется эта мелкая пыль, и нѣтъ ничего удивительнаго, что изъ нея образовались толщи суглинка въ двѣсти саженъ и болѣе.

Вотъ эти-то толщи лесса и придаютъ такое своеобразіе сѣверо-западному Китаю, въ отличіе отъ южнаго, гдѣ за немногими исключеніями лессъ отсутствуетъ. Вмѣсто однообразнаго плато, разрѣзаннаго цѣлымъ лабиринтомъ долинъ, ущелій и овраговъ на горы и гривы столовой или округленной формы и обнажающаго въ обрывахъ только лессъ, горы обнаруживаютъ здѣсь неприкрытыя горныя породы, онѣ прорѣзаны глубокими ущельями и поросли богатой кустарниковой растительностью.

Не меньшее различіе между сѣвернымъ и южнымъ Китаемъ наблюдается и въ другихъ отношеніяхъ. Въ то время какъ сѣверный Китай имѣетъ вполнѣ континентальный климатъ съ рѣзко выраженнымъ различіемъ между зимой и лѣтомъ,—наибольшее количество осадковъ выпадаетъ здѣсь въ іюлѣ, наименьшее въ декабрѣ и январѣ, — въ южномъ Китаѣ климатъ болѣе измѣнчивый и осадки менѣе строго пріурочены къ опредѣленному времени года, хотя и здѣсь преобладаютъ лѣтніе дожди. Сѣверный Китай есть область пшеницы, проса, хлопчатой бумаги и стручковыхъ растеній, южный — страна риса, чайнаго дерева,

шелковицы, сахарнаго тростника. Правда, пшеница и стручковыя растенія распространены и на югѣ повсемѣстно, но не въ такомъ количествѣ, какъ на сѣверѣ. Въ сѣверной части Китая пашни расположены на поверхности лессоваго плато или по террасамъ долинъ до высоты 8.000 фут., на югѣ земледѣліе прекращается уже на высотѣ 2.000 фут., и только въ юго-западныхъ провинціяхъ, гдѣ лессъ замѣщаетъ красная глина, земледѣліе возможно по склонамъ горъ до болѣе значительной высоты. Пути сообщенія въ сѣверномъ Китаѣ представлены дорогами, пыльными въ сухое время года и грязными во время дождей; на югѣ, въ гористыхъ мѣстностяхъ, вмѣсто дорогъ мы находимъ тропы, извивающіяся надъ обрывами, съ крутыми каменистыми подъемами и спусками, переходящія по животрепещущимъ мостамъ черезъ горныя рѣчки или по балконамъ черезъ тѣснины. Для передвиженія въ сѣверномъ Китаѣ служатъ лошади, мулы, ослы, быки и верблюды; на югѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ съ этою цѣлью употребляютъ муловъ и лошадей, большею же частью товаръ и пассажиры передвигаются на вьючныхъ людяхъ: товары—на коромыслѣ или на спинѣ, пассажиры—въ носилкахъ. Подъ жгучими лучами солнца, въ дождь или въ холодъ, эти несчастные люди тащатъ на себѣ до 4 пудовъ груза, дѣлая по горамъ и долинамъ до 30 верстъ въ день и получая за это копеекъ 20 на своихъ харчахъ.

Зато въ южномъ Китаѣ громадное значеніе для сообщенія населенія имѣетъ развѣтвленная сѣть рѣкъ и каналовъ; на сѣверо-востокѣ судоходство хотя и возможно, тѣмъ не менѣе судоходныхъ рѣкъ мало и сообщеніе по нимъ производится на плотахъ и баркахъ самаго грубаго устройства. На сѣверо-западѣ судоходство немыслимо, такъ какъ рѣки выполняютъ здѣсь свои русла пескомъ.

Таковы главныя черты различія между южнымъ и сѣвернымъ Китаемъ; рѣзче всего онѣ выражены на сѣверо-западѣ, по склонамъ Цинь-линь-шаня. Тогда какъ къ его сѣвернымъ склонамъ прилегаетъ пустыня, на югѣ мы находимъ апельсины и пальмы. На востокѣ равнина сѣвернаго Китая переходитъ по обѣимъ сторонамъ горъ въ равнину южнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ стушевываются и различія: лессъ и культура хлопка проникаютъ въ южную часть Китая.

Пекинъ.

(Пясецкаго.)

До столицы остается всего одинъ переѣздъ. И какъ я доволенъ, что не вчера ночью, а сегодня утромъ мы выѣзжаемъ въ Бей-Цзинъ *).

*) Хотя описаніе Пекина въ статьѣ Пясецкаго и относится къ серединѣ семидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, но общій обликъ города и характеръ улич-

Утро стоитъ знойное. Мы проѣзжаемъ то улицами селеній, съ ихъ лавками, харчевнями и вывѣсками, то полями, мимо фермъ, кладбищъ и деревень, стоящихъ подъ тѣнью восточныхъ туй, можжевельниковъ и плакучихъ ивъ; и онѣ такъ часты, что, мнѣ кажется, я ѣду все по одному огромному имѣнію съ безчисленными хозяйственными и жилыми постройками.

Наконецъ, передъ нами открылась длинная улица предмѣстья Пекина, Дапъ-По, широкая, просторная, но очень грязная, по причинѣ недавнихъ дождей; а въ глубинѣ ея явилась и величественная стѣна столицы съ возвышающимся здѣсь надъ нею огромнымъ и оригинальнымъ бастіономъ. Въѣхавъ въ улицу предмѣстья, я сразу почувствовалъ рѣзкую перемѣну въ воздухѣ, который здѣсь наполненъ такими противными испареніями, что было бы хорошо на время потерять обоняніе; зато какая любопытная картина для глазъ, какая неизобразимая пестрота! Китайцы, почти исключительно мужчины, въ бѣлыхъ одеждахъ, полуголые или почти голые, снуютъ во всѣхъ направленіяхъ; разныхъ возрастовъ дѣти, старики, няньчащіе ребятъ, ослы, лошади, мулы—все слилось и толчется на мѣстѣ или движется съ шумомъ и гамомъ; всюду лавки съ разнымъ товаромъ, — отъ каменнаго угля, гробовъ и мяса до предметовъ туземной роскоши; дымятся харчевни и кузницы; продавцы всякой всячины ходятъ со своимъ товаромъ и стучатъ, поютъ или кричатъ каждый свое для привлеченія къ себѣ вниманія покупателей, другіе ѣдятъ и пьютъ. Жалкіе, отверженные гости на земномъ пиру — нищіе, съ страшными лицами и косматыми головами, выпрашиваютъ милостыню; посреди улицы упала и издыхаетъ лошадь; ревутъ или стоятъ спокойно верблюды, посматривая на все своимъ кроткимъ и нѣсколько надменнымъ взглядомъ и задумчиво пережевывая въ сотый разъ свою жвачку. Солнце ярко освѣщаетъ и печетъ своими лучами этотъ оживленный базаръ, эту шумную толкучку, этотъ муравейникъ, черезъ который мы проѣзжаемъ верхомъ, и все приближаемся къ высокой кирпичной стѣнѣ, пока совершенно скрывающей отъ насъ жизнь интереснаго города.

Теперь ясно, съ подробностями, рисуется передъ нашими глазами упомянутая величественная башня съ четырьмя рядами амбразуръ, изъ которыхъ должны бы грозно глядѣть на приближающихся жерла пушекъ; но всѣ амбразуры пусты, а въ двухъ или трехъ вставлены лишь деревянные щиты, на которыхъ нарисованы черные кружки съ краснымъ ободкомъ, долженствующіе изображать собою дула орудій и какъ

ной жизни мало измѣнились съ тѣхъ поръ; новыми фактами является только проведеніе желѣзной дороги къ Пекину, лучшее знакомство европейцевъ съ Запретнымъ городомъ и возведеніе новыхъ сооруженій на землѣ, предоставленной посольствамъ европейскихъ державъ, Японіи и Соединенныхъ Штатовъ.

бы объясняющіе, для чего сдѣланы въ башнѣ какъ эти, такъ и всѣ остальныя окошечки. Наконецъ, мы у основанія стѣны, служащей подножіемъ описанной башни. Окружающая Пекинъ стѣна такъ высока, что, стоя даже не очень близко къ ней, нужно сильно поднять голову, чтобы увидѣть ея верхній зубчатый край. У основанія ея вырытъ каналъ, который, такъ же какъ и она, окружаетъ столицу со всѣхъ сторонъ, и черезъ него здѣсь перекинутъ мостъ; за нимъ пошла гладкая дорога, сложенная изъ большихъ каменныхъ плитъ. Далѣе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стѣна образуетъ округленный поворотъ, эта дорога расширилась въ площадь, на которой толпился народъ и продавались фрукты и всякій старый хламъ.

Пекинская стѣна.

Обогнувъ упомянутый полукруглый выступъ стѣны, мы въѣхали черезъ гигантскія ворота, показывающія страшную толщину ея, во дворъ, который также обнесенъ со всѣхъ сторонъ стѣною, одинаковой высоты съ внѣшнею; на немъ растутъ деревья и стоитъ кумирня, изящная крыша которой покрыта желтой черепицей; и этотъ желтый императорскій цвѣтъ напомнилъ намъ, что мы находились въ резиденціи богдыхана. Изъ дворца повернули налѣво, черезъ другія ворота, и теперь вступили въ столицу *).

*) Такихъ воротъ для въѣзда въ нее и съ такими же башнями надъ ними существуетъ шестнадцать. *Примѣч. автора.*

Тутъ мостовая... читатель думаетъ, стала гораздо лучше, — нѣтъ, она кончилась сейчасъ за воротами, и за нею пошла просто земляная, пыльная дорога. Широкая улица, обставленная двумя непрерывными рядами одноэтажныхъ домиковъ, которые заняты исключительно лавками, была занята народомъ, пѣшимъ или ѣхавшимъ—по преимуществу верхомъ на ослахъ, гремящихъ надѣтыми на нихъ бубенчиками и оглашающихъ воздухъ своимъ отвратительнымъ ржаньемъ. Кромѣ двигающагося народа, на скамеечкахъ сидятъ подъ огромными зонтиками и навѣсами множество продавцовъ съ фруктами и разными готовыми кушаньями, разставленными въ чашкахъ или разложенными на лоткахъ, и все это, конечно, покрывается толстѣйшимъ слоемъ пыли, осѣдающей изъ воздуха, который переполненъ ею до густоты. Далѣе ряды лавокъ прервались, и въ улицѣ уже нѣтъ ни того многолюдства, ни того раздирающаго уши разнороднаго шума. Изъ воротъ невзрачныхъ и на видъ пустыхъ домовъ выглядываютъ жители—мужчины, а иногда и женщины, толстыя, набѣленныя и некрасивыя, а также хорошенькія, молоденькія дѣвушки; изъ разносчиковъ тутъ встрѣчались только продавцы цвѣтовъ.

Двигаясь далѣе, мы подъѣхали къ огромной, заново раскрашенной башнѣ, въ окраскѣ которой преобладалъ красный цвѣтъ. Она деревянная, на каменномъ фундаментѣ, въ которомъ черезъ перекрещивающіеся пролеты проходятъ крестомъ двѣ улицы. Кругомъ ея верхняго этажа обходитъ галлерея, подъ навѣсомъ изогнутой черепичной крыши, поддерживаемой деревянными колоннами; выше находится еще этажъ, меньшей вышины, безъ галлереи, а лишь съ одними окнами, закрытыми рѣшетками, и надъ ними вторая черепичная крыша, высокая и изящно отдѣланная. Отъ этой башни мы повернули направо въ другую улицу, и она представила самую любопытную картину, какую я когда-либо видѣлъ.

Средина улицы представляется возвышенною въ видѣ насыпи или вала около сажени вышины, такъ что ѣдущій здѣсь, особенно верхомъ, находится на значительной высотѣ и смотритъ на стоящіе по бокамъ одноэтажные дома нѣсколько сверху. Здѣсь опять почти каждый домъ выходитъ на улицу лавкою или магазиномъ, и фасады послѣднихъ отдѣланы съ поражающею, совершенно своеобразною роскошью: весь фасадъ дома, напримѣръ, представляетъ ажурную рѣзьбу по дереву, вызолоченную или только покрытую лакомъ; узоры ея чрезвычайно сложны и разнообразны: на однихъ домахъ изображены въ фигурахъ цѣлыя поэмы, другіе украшены букетами и гирляндами цвѣтовъ, красиво сгруппированными фруктами, или вѣтками и листьями, на третьихъ представлены разные звѣри, птицы и другія животныя или просто арабески того или другого стиля. Издали эти изящные фасады магазиновъ, особенно вызолоченные, чрезвычайно похожи на иконостасы нашихъ церквей. Раз-

сматривая подробности ихъ, дивишься искусству и терпѣнію рѣзчиковъ, а съ другой стороны приходишь къ заключенію, что, значитъ, эта рѣзная работа, которая у насъ такъ высоко цѣнится, здѣсь вовсе не дорога, если подобныя сокровища выставляются прямо на улицѣ, снаружи, гдѣ они подвергаются пыли и дождю.

Но вотъ другая характерная особенность Великой Столицы: рядомъ съ описанными блестящими и раззолоченными магазинами (или собственно напротивъ нихъ) тянется линія балагановъ, прикрытыхъ какими-то тряпками, въ родѣ одѣялъ нищихъ; а на землѣ повсюду грязь, соръ и всякая рухлядь; въ этомъ ряду помѣщаются мясныя, зеленныя и другія лавки, каждая со своими вывѣсками, самыхъ разнообразныхъ формъ, цвѣтовъ и значеній, а именно: висящія разноцвѣтныя доски съ надписями, бумажная бахрома, цвѣтныя перья, куски матерій, столбы съ различными фигурами и проч. И буквально нѣтъ ни одной сажени, на которой бы не было людей.

Далѣе мы подъѣхали къ новой стѣнѣ, но улица продолжалась, проходя чрезъ двойныя ворота Хоу-Мынь. Здѣсь на открытомъ воздухѣ, только подъ широкимъ навѣсомъ этихъ воротъ, расположенъ ресторанъ, ведущій, какъ видно, весьма оживленную торговлю. Вотъ какъ онъ устроенъ: въ промежуткѣ между двумя проѣздами стоятъ большіе столы съ разными горячими кушаньями, фруктами, чайниками съ горячей водой и множествомъ разной посуды: это—буфетъ. Въ другихъ мѣстахъ, по сторонамъ проѣзжей дороги, разставлены столики для посѣтителей, и многочисленная прислуга снуетъ на самой дорогѣ, перебѣгая отъ одного столика къ другому, выслушивая заказы и исполняя требованія гостей, которые тутъ ѣдятъ и пьютъ.

Мы проѣзжаемъ черезъ ресторанъ верхомъ и такъ близко отъ самыхъ столовъ, что того и гляди задѣнешь кого-нибудь изъ посѣтителей или стащишь у него ногою тарелку съ кушаньемъ. Тутъ же черезъ этотъ оригинальный ресторанъ безпрестанно проѣзжаютъ телѣги. Въ воздухѣ стоитъ пыль, кухонный чадъ и табачный дымъ; откуда-то пахнетъ опіемъ; всѣ говорятъ каждый свое, и каждый говоритъ, какъ кричитъ, потому что иначе даже ближайшій сосѣдъ ничего не услышитъ.

Черезъ эти ворота мы вступаемъ въ такъ называемый Императорскій городъ, т.-е. въ центральную часть Пекина, обнесенную со всѣхъ сторонъ особенной стѣной, а въ глубинѣ улицы, которую окаймляютъ съ боковъ низкія зданія казармъ для манчжурскихъ войскъ, тянется поперекъ розовая стѣна, окружающая, слѣдовательно, третій внутренній четырехугольникъ, такъ называемый Запрещенный городъ, — Цинь-чэнъ, и скрывающая отъ глазъ простыхъ смертныхъ всего міра таинственную обитель богдыхановъ—дворцы и сады Сына Неба, какъ вели-

чаютъ китайцы своего императора. Эта розовая стѣна наполовину облиняла, штукатурка ея обвалилась, по своему верхнему краю она одѣта темно-желтой эмалированной черепицей, во многихъ мѣстахъ перебитой и упавшей; а фундаментъ ея опускается въ воду канала, окружающаго Запрещенный городъ также со всѣхъ сторонъ.

Изъ-за стѣны видны лишь деревья да пзящныя крыши нѣкоторыхъ дворцовыхъ зданій, стоящихъ отдѣльными павильонами. Далѣе надъ стѣною поднимается невысокая, искусственно сдѣланная горка, на которой устроены три бесѣдки съ разнообразными крышами изъ синей и желтой эмалированной черепицы. Эта горка, какъ гласитъ исторія, вся состоитъ изъ каменнаго угля, представляющаго тотъ запасъ топлива, который былъ сдѣланъ для дворцовъ во время осады Пекина манчжурами. На ней же лишилъ себя жизни послѣдній императоръ минской династіи.

Итакъ, путешественникъ можетъ видѣть: только упомянутый каналъ съ мраморной оградой и нѣсколькими такими же мостами черезъ него, стѣну, верхушки деревьевъ, крыши нѣкоторыхъ зданій и упомянутыя три бесѣдки; но онъ не увидитъ изъ-за стѣны ни одного человѣка и не составитъ себѣ ни малѣйшаго понятія о совершающейся за нею жизни. А близость ея только усиливаетъ желаніе познакомиться со всѣми ея подробностями, и я чувствую себя неудовлетвореннымъ. Совсѣмъ не таково было мое представленіе, созданное по описаніямъ и китайскимъ картинамъ: я никакъ не представлялъ себѣ дворца китайскаго императора, во-первыхъ, въ такой степени скрытымъ за стѣнами; во-вторыхъ, не ожидалъ увидать вокругъ, вблизи самаго дворца, такой запущенности и упадка, такого неприбраннаго вида,—напримѣръ, разрушающихся старыхъ зданій, готовыхъ упасть деревьевъ, толпы пріютившихся тутъ же грязныхъ нищихъ и т. п. Я зналъ о разрушеніи и упадкѣ китайской столицы, но не думалъ, что они достигли такой степени.

На слѣдующій день я проснулся рано и, по усвоенному мною обычаю, спѣшилъ забраться на какой-нибудь возвышенный пунктъ, чтобы съ него осмотрѣть городъ и оглядѣться въ немъ. Мнѣ совѣтовали совершить для этой цѣли прогулку по стѣнѣ, раздѣляющей Пекинъ на два большихъ отдѣла — манчжурскій, или татарскій городъ и китайскій. Г. Поповъ, драгоманъ русскаго посольства, предложилъ быть моимъ руководителемъ, и мы отправились вмѣстѣ.

Пекинскія городскія стѣны имѣютъ тридцать футовъ вышины и двадцать пять ширины въ основаніи, кверху же нѣсколько суживаются; на нихъ всходятъ по особеннымъ, для этой цѣли устроеннымъ откосамъ или спускамъ, при входѣ на которые находятся всегда запертыя ворота, но за ассигнацію, равняющуюся нѣсколькимъ тысячамъ чохъ,

по пекинскому счету, а на наши деньги копейкамъ пятнадцати, привратникъ открылъ ихъ и пропустилъ насъ безъ всякихъ препятствій и предосторожностей. Скоро мы уже шли по широкой, одѣтой квадратными плитами, верхней площади стѣны, мѣстами густо заросшей травой и кустарникомъ, мѣстами покрытой цвѣтниками; и я, смотря оттуда на зелень почти непрерывныхъ садовъ, въ которыхъ мелькали крыши домовъ, забывалъ, что иду по стѣнѣ многолюднаго Пекина, а не по дорожкѣ въ какомъ-нибудь паркѣ.

Долго шли мы по стѣнѣ, все въ одномъ направленіи, и я все ожидалъ, когда же наконецъ откроется передо мною столица во всемъ ея величіи, о которомъ мнѣ такъ много разсказывали май-май-чэнскіе китайцы, да и не они одни.

Когда же я увижу зеркальныя воды ея обширныхъ прудовъ и чудеса китайской архитектуры, ея волшебные сады съ дворцами, балконами, мостами и бесѣдками, какіе являются европейцамъ въ ихъ воображеніи? Смотрю во всѣ стороны, ищу глазами того изящества, роскоши и красоты, какими щеголяютъ другія столицы, — ищу, но ничего говорящаго о нихъ, о резиденціи Сына Неба, не вижу.

Спутникъ наконецъ указалъ мнѣ на дворецъ богдыхана. Но я не хотѣлъ вѣрить ни его словамъ, ни своимъ глазамъ: до такой степени то, что было видно отъ дворца, не отвѣчало моему ожиданію и представленію; я досадовалъ на то, что видно такъ мало и что увидать остального невозможно ни подъ какимъ предлогомъ. Приходилось довольствоваться описаніями и создавать себѣ какіе угодно образы на слѣдующія темы: „Сѣни Обширнаго Міра“, „Сѣни Совершеннаго Спокойствія“, „Сѣни Прочнаго Мира“, „Спокойный Дворецъ Неба“, „Дворецъ Земного Отдохновенія“ или „Дворецъ Супруги Неба“, „Дворецъ Напряженія Мыслей“, „Храмъ Великаго Счастія“ и другія подобныя названія зданій Запрещеннаго города. Если же вы, читатель, придете на то мѣсто внутренней пекинской стѣны, гдѣ я стою въ настоящую минуту и откуда всего виднѣе доступныя части дворца, то вы увидите лишь слѣдующее: заросшую травою площадь, черезъ которую проходитъ вымощенная каменными плитами дорога, ведущая черезъ довольно неуклюжее зданіе, въ родѣ сарая съ тройными воротами, на слѣдующій дворъ; увидите этотъ дворъ, также обнесенный стѣною, также съ каменною дорогою посрединѣ и со вторымъ подобнымъ, но болѣе красивымъ зданіемъ, имѣющимъ также трое воротъ; за нимъ виднѣются сады, и между деревьями возвышается рядъ углубляющихся въ перспективу зданій, съ довольно огромными крышами желтаго, зеленаго и синяго цвѣтовъ. Вотъ и все; но и это малое доступно глазу наблюдателя лишь въ общихъ чертахъ, потому что большое разстояніе мѣшаетъ видѣть какія-либо подробности. А всѣ ворота назаперти.

Спутникъ мой указалъ еще на немногія лучшія зданія города, возвышающіяся надъ общимъ уровнемъ домовъ; но они отстоятъ очень далеко отсюда и виднѣлись въ туманѣ. Кромѣ же этихъ немногихъ зданій, глазу рѣшительно не на чемъ остановиться. Пекинъ, разсматриваемый съ высоты, даже вовсе не имѣетъ характера города, и только по уходящимъ въ даль стѣнамъ да отдаленности возвышающихся на нихъ башенъ и деревьевъ можно судить о его значительной величинѣ; видомъ же своимъ онъ скорѣе походитъ на пригородъ или подгородное село, весьма богатое садами, между которыми разсѣяны дома съ сѣрыми крышами и такія же ограды. Отсюда же можно видѣть, что Пекинъ стоитъ среди огромной равнины, на сѣверной и западной окраинахъ которой возвышается вдали хребетъ Инъ-шань.

Мы прошли верстъ пять вдоль стѣны, миновавъ нѣсколько устроенныхъ на ней домиковъ, въ которыхъ живутъ караульщики, для охраненія здѣсь... не знаю чего; при этихъ домикахъ находятся дворики, цвѣтники и содержатся нѣкоторыя домашнія животныя.

Стѣна настолько высока, что городской шумъ, когда находишься на ней, слышенъ слабо, а потому я черезъ нѣсколько времени услыхалъ странные, довольно нѣжные дрожащіе звуки, которые лились откуда-то сверху. Я долго искалъ ихъ источника, и спутникъ мой, замѣтивъ это, объяснилъ, что оригинальную музыку, которую я слышу, производятъ летающіе надъ нами вертящіеся голуби, благодаря особаго рода свисткамъ, прикрѣпленнымъ къ ихъ хвостамъ. Свистки эти дѣлаются изъ самаго легкаго матеріала, представляютъ большое разнообразіе въ величинѣ, формѣ и по числу свистящихъ трубочекъ, которыхъ бываетъ отъ трехъ до семи въ каждомъ; а принципъ вездѣ одинъ и тотъ же, т.-е. обыкновеннаго свистка; звуки же происходятъ отъ сопротивленія воздуха во время быстраго полета голубей. Для прикрѣпленія ихъ расщепляютъ одно изъ хвостовыхъ перьевъ и продѣвъ черезъ эту щель тонкую ножку свистка, имѣющую маленькую дырочку, вкладываютъ въ послѣднюю тоненькій клинушекъ въ родѣ колесной чеки. Первоначально, говорятъ, эти свистки имѣли другое назначеніе, а именно предохраненіе голубей отъ хищныхъ птицъ, а потомъ превратились въ оригинальные музыкальные инструменты. Пекинцы, какъ видно, большіе охотники до этой музыки, потому что почти во всѣхъ концахъ столицы раздается этотъ дрожащій мелодичный свистъ, не лишенный нѣкоторой прелести.

Возвращаясь назадъ, мы остановились у одной изъ башенъ, построенной надъ воротами, черезъ которыя проходитъ самая главная улица Пекина Хо-Да-Мынь. Она была переполнена людьми всякаго рода, и въ это время по ней проходила богатая похоронная процессія; мы остались тутъ, пока вся она не прошла передъ нашими глазами. Процессія растянулась по крайней мѣрѣ на версту, но она не пред-

Храмъ Неба въ Пекинѣ.

ставляла одной непрерывной массы людей, а всѣ участвовавшіе въ ней шли отдѣльными группами на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, каждая въ своей особенной роли: одни несли какіе-нибудь символическіе знаки—флаги, зонтики особаго рода, какъ выраженіе извѣстнаго

званія покойнаго; другіе имѣли въ рукахъ мѣдные „ло“, въ которые колотили весьма усердно палками, но даже звуки мѣди не могли заглушить раздирающаго душу воя наемныхъ плакальщицъ; третьи сопровождали два паланкина и экипажъ, принадлежавшіе умершему; четвертая группа, наконецъ, несла его тѣло въ гробу подъ балдахиномъ, уставленнымъ на огромныхъ тяжелыхъ носилкахъ. Въ этой послѣдней группѣ участвовало человѣкъ шестьдесятъ, которые всѣ были одѣты въ одинаковое платье зеленаго цвѣта съ большими кругами яркихъ цвѣтовъ. За гробомъ въ нѣсколькихъ повозкахъ ѣхали родственники и друзья покойнаго въ бѣлыхъ, т.-е. траурныхъ, одеждахъ. Это зрѣлище, печальное по своему существу, имѣло по внѣшнему виду скорѣе веселый торжественный характеръ: столько здѣсь было громкихъ звуковъ, столько блеска и яркихъ цвѣтовъ, необыкновенно оживлявшихъ картину; и самый катафалкъ былъ наряднѣе всего: онъ весь былъ обитъ пунцовой шелковой матеріей, а на верху и по угламъ имѣлъ позолоченныя украшенія, отъ которыхъ расходились на четыре стороны плоскія и широчайшія, также позолоченныя цѣпи, поддерживаемыя людьми.

Почти всѣ вещи для этихъ процессій берутся напрокатъ, какъ, напримѣръ, катафалкъ, символы, одежда для участвующихъ въ процессіи людей, точно такъ, какъ и самые эти люди нанимаются изъ уличныхъ нищихъ. Похороны для нихъ—истинный праздникъ, потому что въ этотъ день они будутъ накормлены и, кромѣ того, пройдутся по городу въ нарядныхъ одеждахъ. На свои тряпки или почти голое тѣло они надѣваютъ нарядное ярко-цвѣтное платье; украшаютъ свои большею частью паршивыя головы форменными шляпами и, довольные какъ своимъ щегольскимъ костюмомъ, такъ предстоящими „чы-фань“ (обѣдомъ) и денежнымъ вознагражденіемъ, они весело идутъ вдоль улицы, часто довольно откровенно смѣясь и заигрывая между собою.

Въ одну изъ другихъ нашихъ прогулокъ намъ довелось познакомиться съ однимъ изъ обычныхъ явленій пекинской жизни — съ поливаніемъ нѣкоторыхъ наиболѣе пыльныхъ столичныхъ улицъ. Какъ въ поливаніи улицъ вообще, такъ и въ китайскомъ способѣ производить его нѣтъ ничего особеннаго; но дѣло въ томъ, что здѣсь оно производится тою водой, которая собирается въ лужахъ, стоящихъ по сторонамъ упомянутаго выше средняго возвышенія. Эти лужи набираются во время дождей, и вода въ нихъ, постоянно пополняемая разными помоями и другими жидкостями, стоитъ цѣлое лѣто. Онѣ являются такимъ образомъ открытыми помойными ямами, и судите сами, какова должна быть въ нихъ вода. Отъ разросшихся водорослей она имѣетъ ярко-зеленый цвѣтъ и содержитъ огромное количество всякаго рода органическихъ примѣсей, которыя разлагаются въ ней и образуютъ раз-

личные газы, собирающіеся въ видѣ пузырей подъ пленкой, которая покрываетъ ихъ поверхность, такъ что подъ ней не сразу угадаешь присутствіе воды. Послѣдняя до того грязна и насыщена всякими гадостями, что кажется на видъ густою; пока она стоитъ неподвижно, такъ сказать, подъ своей корой, послѣдняя препятствуетъ газамъ выдѣляться и подниматься въ воздухъ.

И вотъ по вечерамъ, когда поднятая съ улицъ густѣйшая пыль стоитъ въ воздухѣ и душитъ людей, они принимаютъ противъ нея мѣры посредствомъ поливанія дороги... но чѣмъ?—только что описанной водой изъ упомянутыхъ лужъ! И не испытавъ того, что бываетъ слѣдствіемъ этой поливки, нельзя себѣ представить всего ужаса того смрада, какой распространяется тогда въ воздухѣ. Скажу только, что обыкновенный, то-есть всегда болѣе или менѣе зловонный воздухъ пекинскихъ улицъ показался бы чистѣйшимъ воздухомъ полей въ сравненіи съ тою удушающею и производящею тошноту атмосферой, какую производитъ это убійственное „гигіеническое мѣропріятіе“. Мнѣ кажется, что никогда прежде обоняніе мое не страдало въ такой степени, какъ здѣсь, въ этихъ улицахъ, во время или послѣ поливки ихъ; мнѣ казалось, что можно задохнуться здѣсь отъ зловредныхъ газовъ, и я старался какъ можно скорѣе, не дыша, проѣхать политое пространство.

А китайцы, повидимому, были совершенно равнодушны къ этой невообразимой вони и какъ будто вовсе не замѣчали ея. Вотъ странные или, скорѣе, несчастные люди! Имъ, разумѣется, не проходятъ даромъ подобные эксперименты надъ своимъ здоровьемъ и жизнью: частыя эпидеміи оспы и тифа уносятъ постоянно большое количество жертвъ, а глазными болѣзнями страдаетъ чуть не большая половина населенія.

Да, Великая Столица Востока требуетъ немедленнаго и радикальнаго обновленія... А во время оно въ ней была устроена замѣчательная система водосточныхъ трубъ и водопроводовъ, остатки которыхъ еще и теперь можно видѣть кое-гдѣ. Они представляются въ видѣ каналовъ, не очень глубоко лежащихъ подъ землей, но обложенныхъ каменными плитами, скрѣпленными цементомъ. Въ Пекинѣ все приходитъ въ страшный упадокъ, судя по тому, что здѣсь встрѣчаешь на каждомъ шагу,— рядомъ золото и грязь, дорогую рѣзьбу и падающія зданія, изящнѣйшіе мраморные барельефы и жалкія развалины; и остатки старины вездѣ величественнѣе, богаче, изящнѣе, чѣмъ позднѣйшія произведенія архитектуры и искусствъ.

Китайцы.

(Обручева.)

Наружность китайца въ большинствѣ случаевъ мало привлекательна. Оставляя въ сторонѣ немногочисленныя исключенія, мы у преобладающей массы находимъ лицо грязно-желтаго цвѣта, широкое и плоское, съ выдающимися скулами; носъ приплюснутый, глаза косо поставленные, узкіе, темно-каріе; ротъ большой и очень часто постоянно разинутый, что придаетъ всей физіономіи глупое выраженіе; растительность на лицѣ скудная, волосы черные, довольно жесткіе, заплетенные у мужчинъ въ косичку съ шелковымъ шнуромъ на концѣ для удлиненія ея, у женщинъ свернутые въ шиньонъ, фасонъ котораго мѣняется смотря по мѣстности. Мужчины бреютъ всю переднюю часть головы, виски и затылокъ, оставляя волосы на макушкѣ; голова свѣже-выбритаго и причесаннаго китайца производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто на макушкѣ приклеенъ небольшой парикъ съ косичкой. Во время глубокаго траура голову и лицо не бреютъ, въ обыкновенное же время эта операція и причесываніе косы производится разъ въ недѣлю или рѣже, такъ какъ требуетъ помощи цырюльника; поэтому прическа китайца, особенно простолюдина, обыкновенно растрепана. Ноги и руки у китайца не велики, а руки у лицъ привилегированнаго класса вооружены длиннѣйшими ногтями, прямо показывающими, что обладателю ихъ незнакома черная работа.

Одежда простолюдина-крестьянина, ремесленника и чернорабочаго состоитъ изъ короткой куртки, похожей на женскую кофту, но съ болѣе длинными рукавами, и изъ широкихъ неуклюжихъ шароваръ, обыкновенно обмотанныхъ у щиколки тесемкой. Это одѣяніе шьется изъ синей бумажной матеріи мѣстнаго производства и въ холодное время года подбивается ватой; лѣтомъ же многіе, особенно крестьяне, носятъ болѣе просторныя кофты и короткія шаровары изъ такой же матеріи, но бѣлаго цвѣта. Болѣе состоятельные люди, купцы, чиновники — поверхъ той же кофты надѣваютъ халатъ, спускающійся ниже колѣнъ, изъ тонкой матеріи синяго, сѣраго или чернаго цвѣта и сверхъ него еще одну кофту, съ рукавами или безъ нихъ; такой же халатъ и кофта составляютъ парадную одежду простолюдина, а у богатыхъ людей парадная одежда шьется изъ шелковой матеріи различнаго достоинства и цвѣта. Считается хорошимъ тономъ надѣвать поверхъ обыкновенныхъ шароваръ еще другія, короткія, также обвязанныя тесемочкой у щиколки и поддерживаемыя тесемочкой у пояса. Ноги обуты въ короткіе чулки, сшитые изъ бумажной матеріи и подбитые ватой въ зимнее время или сдѣланные изъ бараньяго мѣха; обувь состоитъ изъ туфель, сшитыхъ изъ бумажной матеріи, съ толстыми подошвами изъ кожи или войлока,

съ носками, нѣсколько загнутыми вверхъ. Парадная или дорожная обувь представляетъ сапоги на еще болѣе толстой подошвѣ, сшитые изъ бумажной плотной матеріи или изъ бархата чернаго цвѣта, тогда какъ подошвы бѣлыя; лѣтомъ простой народъ и солдаты носятъ обыкновенно сандаліи изъ соломы или веревокъ, очень легкія и удобныя для хожденія по горамъ, особенно во время дождя, когда обыкновенныя туфли быстро размокаютъ и портятся; вообще китайская обувь, кромѣ сандалій, тяжела и неудобна.

Головной уборъ при обыкновенной одеждѣ часто отсутствуетъ или состоитъ изъ синяго бумажнаго платка, обвязываемаго по-бабьи вокругъ головы, при чемъ и косичка обматывается поверхъ платка; поэтому безусый и безбородый китаецъ въ длинномъ халатѣ, туфляхъ и съ такимъ головнымъ уборомъ совершенно напоминаетъ бабу. Въ сильный жаръ или во время дождя простолюдины одѣваютъ соломенную шляпу съ широчайшими полями, которая замѣняетъ зонтикъ; приличнымъ головнымъ уборомъ считается круглая шапочка изъ чернаго тонкаго атласа съ черной, синей или красной шишкой, сплетенной изъ шелковыхъ нитокъ или конскаго волоса. При парадной одеждѣ полагается и парадная шляпа, лѣтомъ — соломенная въ видѣ шляпки гриба съ красной шелковой кистью, зимой — черная поярковая круглая, съ отогнутыми вверхъ полями и такою же кистью; у чиновниковъ еще съ шарикомъ различнаго цвѣта и состава — смотря по чину, а у высшихъ классовъ и съ павлиньимъ перомъ съ однимъ, двумя или тремя очками. Шляпы и шапки не снимаютъ и въ комнатахъ, а съ другой стороны крестьяне и чернорабочіе часто работаютъ цѣлый день подъ жгучими лучами солнца безъ всякаго головного убора.

Женская одежда состоитъ у всѣхъ классовъ изъ такихъ же шароваръ и кофтъ, какъ и у мужчинъ, только кофты нѣсколько длиннѣе; парадная же одежда представляетъ юбку, надѣваемую какъ передникъ, и болѣе длинную и широкую кофту съ широкими рукавами взамѣнъ узкихъ обыкновенной одежды. Послѣдняя шьется изъ такой же бумажной матеріи, какъ у мужчинъ, часто синяго, иногда краснаго или зеленаго цвѣта, парадная же одежда изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій, украшенныхъ еще обшивкой изъ лентъ и вышивокъ. Шиньонъ украшается цвѣтами и серебряными булавками и пластинками, обыкновенно же головной уборъ отсутствуетъ или замѣняется чернымъ платкомъ; шляпы носятъ только простолюдинки и не во всѣхъ мѣстностяхъ; серьги, кольца и браслеты, мѣдные и серебряные, рѣдко золотые, въ большомъ употребленіи, также бѣлила, румяна и сурьма для украшенія лица.

Вслѣдствіе китайскаго обычая уродовать женскія ноги обувь женщинъ отличается отъ мужской и состоитъ изъ бинта, которымъ крѣпко

обматывается изуродованная нога, и изъ миніатюрныхъ туфель съ совершенно остроконечнымъ носкомъ и подошвой, которая часто не длиннѣе вершка. Для китайца чѣмъ меньше ножка, тѣмъ выше цѣнится ея обладательница, и при заключеніи брачнаго контракта часто больше вниманія обращается на миніатюрность ноги, чѣмъ на красоту лица или достоинство характера; въ европейцѣ же эта изуродованная нога, лишенная икры и обмотанная бинтомъ отъ туфли до колѣна, возбуждаетъ только жалость и отвращеніе, напоминая скорѣй копыто животнаго, чѣмъ ногу человѣка.

Вообще, если китаецъ въ туфляхъ, въ длинномъ халатѣ съ косой похожъ болѣе на женщину, чѣмъ на мужчину, то китаянка въ обыкновенномъ костюмѣ—неуклюжихъ шароварахъ и мѣшкообразной кофтѣ—не представляетъ ничего граціознаго, привлекательнаго, а разряженная въ шелковое платье, густо набѣленная и нарумяненная напоминаетъ куклу съ безжизненнымъ, плоскимъ лицомъ. Изъ-за изуродованныхъ ногъ походка у китаянки некрасивая, козья, и при ходьбѣ китаянка для равновѣсія широко разставляетъ руки и балансируетъ ими, а старухи опираются на палку.

Такимъ образомъ уже внѣшній видъ китайца мало располагаетъ въ его пользу, но близкое знакомство съ особенностями этого народа еще увеличиваетъ это неблагопріятное впечатлѣніе. Не перечисляя всѣхъ положительныхъ и отрицательныхъ качествъ китайской расы, я остановлюсь только на тѣхъ, которыя особенно характеризуютъ ее.

Важнѣйшее изъ нихъ, именно то, которое создало и поддерживаетъ великую стѣну—въ переносномъ смыслѣ—ограждающую Китай отъ воздѣйствія на него европейской культуры, это качество—китайское самомнѣніе и убѣжденіе въ собственномъ превосходствѣ. Китаецъ увѣренъ, что все китайское лучше не китайскаго, и не въ состояніи представить себѣ, что на свѣтѣ есть что-либо другое превосходнѣе его роднаго. Воображая себя совершеннымъ, китаецъ естественно питаетъ отвращеніе къ мысли о преобразованіи, тѣмъ болѣе что непрошеннымъ реформаторомъ является „заморскій чортъ“, какъ въ Китаѣ величаютъ европейцевъ; на послѣднихъ китаецъ смотритъ со смѣшаннымъ чувствомъ любопытства и презрѣнія, какъ мы смотримъ на клоуна или фокусника, удивляясь ихъ ловкости, но не думая приравнивать ихъ къ себѣ. За европейцемъ китаецъ признаетъ практическую смекалку и техническія познанія, готовъ пользоваться его услугами для реорганизаціи арміи и флота, для устройства арсенала или фабрики, но онъ никогда не повѣритъ, что государственный строй въ Европѣ лучше, правосудіе устроено правильнѣе и гуманнѣе, философія и религія глубже и т. п. Консерватизмъ китайца переходитъ въ косность, онъ благоговѣетъ передъ старпной и черпаетъ въ ней указанія и совѣты

для настоящаго; онъ страшится реформъ, какъ бѣдствія, и оцѣпенѣлъ въ своей своеобразной культурѣ, давно отжившей свое время.

Второе качество китайца—его выносливость и неприхотливость. Несмотря на необезпеченность и бѣдственное положеніе большинства, несмотря на вѣчную упорную борьбу за существованіе, китайцы терпѣливо переносятъ настоящее, не тревожась о будущемъ; а когда приходится слишкомъ туго на родинѣ, они не прибѣгаютъ къ стачкамъ или бунтамъ, какъ европейскій рабочій, а эмигрируютъ въ другую провинцію или за границу, гдѣ являются грозными конкурентами для мѣстныхъ рабочихъ, такъ какъ хотя въ сноровкѣ и напряженности физическаго труда они уступаютъ бѣлой расѣ, но зато довольствуются такой ничтожной платой и такими мизерными условіями жизни, съ какими никогда не помирится бѣлый рабочій. И повсюду китаецъ не сливается съ пріютившими его иноплеменниками, а остается китайцемъ; вездѣ онъ устраиваетъ свои кварталы со своими хлѣвообразными жилищами и нечистотой, свои съѣстныя лавочки, кабачки и притоны для куренія опіума, вездѣ сохраняетъ свой національный костюмъ и привычки; и все-таки его тянетъ на родину, онъ эмигрируетъ безъ семьи и, накопивъ денегъ, возвращается назадъ, чтобъ умереть на землѣ своихъ предковъ; даже трупы китайцевъ, умершихъ на чужбинѣ, препровождаются на счетъ родственниковъ или благотворительныхъ обществъ обратно на родину.

Третье выдающееся свойство китайца—его миролюбіе; безстрастному, апатичному темпераменту китайца непріятно все рѣзкое, рѣшительное, быстрое, онъ предпочитаетъ полумѣры, отговорки и продолжительныя шумныя объясненія; онъ неохотно ссорится, въ случаѣ ссоры рѣдко вступаетъ въ драку, а угрожаетъ противнику, произнося страшныя проклятія и ругательства, и все издали; даже если ссора дошла до крайности, кровавая расправа случается очень рѣдко, противники таскаютъ другъ друга за косы, въ худшемъ случаѣ дѣло доходитъ до пощечинъ.

Вполнѣ понятно, что у такого мирнаго народа не могла возникнуть дуэль, и этотъ способъ возстановленія поруганной чести просто смѣшонъ для практичнаго китайца; чтобъ отомстить оскорбителю, онъ скорѣе лишитъ себя жизни на порогѣ его дома, зная, что этимъ вовлечетъ своего врага въ дорого стоящій процессъ или, если нѣтъ денегъ, то въ тюрьму, такъ какъ хозяинъ дома, у котораго найденъ убитый человѣкъ, подвергается въ Китаѣ подозрѣнію въ убійствѣ.

Китайцамъ незнакомы также буйныя и жестокія развлеченія въ родѣ бокса, боя быковъ, охоты, скачекъ, травли и т. п.; игры ихъ также отличаются мирнымъ характеромъ, — китайцы пускаютъ бумажнаго змѣя, играютъ въ перышко, въ карты, шахматы, шашки. Въ нѣко-

торыхъ мѣстностяхъ процвѣтаетъ оригинальный видъ спорта, именно — бой сверчковъ; эти своеобразные спортсмены ухаживаютъ за хорошими сверчками и гордятся ими словно скаковою лошадью, а на пари за того или другого бойца проигрываютъ или наживаютъ состоянія.

Понятно также, почему такъ плохо китайское войско; при общемъ миролюбіи народа и необязательности воинской повинности въ солдаты поступаетъ самый лѣнивый, негодный народъ, который предпочитаетъ бездѣліе труду и довольствуется скуднымъ солдатскимъ жалованьемъ; характерна китайская пословица: „изъ хорошаго желѣза не куютъ гвоздей, изъ хорошихъ людей не дѣлаютъ солдатъ“. Не питая въ большинствѣ случаевъ никакой любви къ военному ремеслу и не сдерживаемый суровой дисциплиной, китайскій солдатъ не бережетъ своего вооруженія, которое ржавѣетъ и портится, порохъ и патроны продаетъ на базарѣ, чтобы купить себѣ опіума; онъ не за тѣмъ идетъ на войну, чтобы подставить свою шкуру подъ непріятельскія пули, а чтобы пограбить мирныхъ жителей, непріятелю охотно показываетъ тылъ и дерется въ крайнемъ случаѣ, если не надѣется, что его въ плѣну пощадятъ.

Китаецъ очень упоренъ и настойчивъ въ преслѣдованіи намѣченной цѣли и умѣетъ обходить препятствія, которыя не въ силахъ побѣдить; это качество, въ соединеніи съ увертливостью и способностью къ пассивному сопротивленію, дѣлаетъ китайца недюжиннымъ противникомъ для болѣе нервнаго и порывистаго европейца. Потеря самообладанія въ глазахъ китайца, котораго трудно вывести изъ терпѣнія, есть нравственное пораженіе, а между тѣмъ терпѣливый и увертливый китаецъ способенъ вывести изъ терпѣнія европейца и тѣмъ унизить его въ своихъ глазахъ. Китаецъ, не желающій чего-либо исполнить, рѣдко откажется прямо,—это не въ его натурѣ,—а станетъ откладывать, отлынивать и забывать; если приступить къ нему очень рѣшительно, онъ притворится непонимающимъ, и никакія доказательства, никакая логика не помогутъ побѣдить его упрямства; въ концѣ-концовъ европеецъ разсердится и плюнетъ, т.-е. уступитъ китайцу и по китайскому выраженію „потеряетъ лицо“, это значитъ сознаться въ своей неправотѣ, уступить, унизиться; потерять лицо китаецъ больше боится, чѣмъ подвергнуться наказанію.

Лживость и неискренность—распространенныя среди китайцевъ свойства; богдыханъ обыкновенно получаетъ ложные доклады отъ своихъ министровъ и генералъ-губернаторовъ, которые въ свою очередь обманываются губернаторами, префектами и другими низшими чинами. „Циньбао“, официальная китайская газета, переполнена такою ложью и выдумками. Лживость администраціи дѣйствуетъ развращающимъ образомъ

на народъ, который пріучается къ неискренности и старается только половчѣе обмануть не только начальство, но и другъ друга, что влечетъ за собой подозрительность и взаимное недовѣріе. Неискренность китайцевъ проявляется часто въ желаніи обойти или замолчать сущность дѣла; говоря съ китайцемъ, никогда нельзя быть увѣреннымъ, что сказанное имъ есть его послѣднее слово,—напротивъ, чувствуется, что не все высказано и впереди предстоятъ еще переговоры о томъ же до безконечности. Китаецъ рожденъ быть дипломатомъ и въ сношеніи съ китайскимъ правительствомъ европейскіе дипломаты постоянно сталкиваются со всевозможными отговорками, экивоками и официальною ложью; оттянуть рѣшеніе непріятнаго дѣла, чтобы смягчить его сглаживающимъ дѣйствіемъ времени, къ этому стремятся китайскіе дипломаты, если отъ нихъ требуютъ вознагражденія убытковъ, наказанія виновныхъ и т. п. Самый языкъ китайца, съ его смѣшеніемъ частей рѣчи, безъ грамматическихъ формъ, съ одинаковымъ произношеніемъ іероглифовъ, обозначающихъ разнообразныя понятія, такъ что, не видя іероглифа, иногда трудно понять простую фразу,—все это способствуетъ туманности и неточности выраженія мысли.

Китаецъ.

На неискренности китайцевъ и на умѣніи скрывать свои настоящія чувства основываются и китайскія церемоніи; правилъ вѣжливости насчитывается 3.000, но ни у какого другого народа эти лицемѣрныя церемоніи не прикрываютъ столько равнодушія и затаеннаго эгоизма. Всѣ рѣчи, жесты и поступки китайца оплетены цѣлою сѣтью формальностей

и церемоній, неискреннихъ, скучныхъ и часто тяжелыхъ, которыя самимъ китайцамъ совсѣмъ не кажутся смѣшными, такъ какъ фальшь и неискренность такъ глубоко внѣдрились въ натуру китайца, что ему трудно понять и проявить искреннюю вѣжливость, основанную на простомъ уваженіи или симпатіи къ другому человѣку; чѣмъ образованнѣе китаецъ или чѣмъ выше его положеніе, тѣмъ онъ неискреннѣе; среди простого народа скорѣе можно встрѣтить правдиваго и неиспорченнаго постоянною ложью человѣка.

Европейца поражаетъ также матеріализмъ китайской расы, выражающійся тѣмъ, что китайцы почти исключительно бесѣдуютъ о деньгахъ и ѣдѣ: встрѣчаются ли два китайца на улицѣ шумнаго города или тихаго селенія, среди дороги или на постояломъ дворѣ, въ ихъ разговорѣ безпрерывно упоминаются деньги; на второмъ планѣ слѣдуетъ ѣда,— китаецъ любитъ поѣсть и поговорить о ѣдѣ; при встрѣчѣ, послѣ перваго же привѣтствія, состоящаго изъ вопроса: „хорошо ли?“ (т.-е. хорошо ли поживаешь), принято спросить: „кушалъ ли ты уже?“ Какъ будто въ этомъ состоитъ все блаженство жизни. Но этотъ вопросъ, показывающій, какъ высоко ставитъ китаецъ наслажденіе ѣдой, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ одну формальность, на которую необходимо отвѣтить утвердительно, т.-е. „я уже покушалъ“, въ свою очередь спросить своего собесѣдника: „покушалъ ли онъ“, — и получить тотъ же отвѣтъ; иногда, чтобъ убѣдиться, насколько искрененъ подобный вопросъ, я отвѣчалъ, что еще не ѣлъ ничего, но мой собесѣдникъ въ отвѣтъ выражалъ только свое сожалѣніе по поводу этого грустнаго обстоятельства и не думалъ предложить мнѣ зайти съ нимъ въ харчевню или угостить меня обѣдомъ.

Большинство китайскихъ жилищъ, даже у состоятельныхъ людей, характеризуется, на взглядъ европейца, не только отсутствіемъ комфорта, но даже важнѣйшихъ примитивныхъ удобствъ, отличающихъ жизнь культурнаго и осѣдлаго человѣка отъ жизни кочевника и дикаря. Большая часть китайскихъ домовъ возводится въ сѣверномъ Китаѣ изъ необожженнаго лессоваго кирпича или просто изъ глины, въ южномъ Китаѣ — изъ дерева или изъ бамбуковыхъ плетенокъ, обмазанныхъ глиной; кровля настилается или плоская, со слабымъ скатомъ въ одну сторону, изъ камыша, хвороста или соломы, покрытыхъ слоемъ той же глины, а въ дождливыхъ мѣстностяхъ дѣлается деревянная двускатная крыша, покрытая черепицей; но такъ какъ и въ сухихъ мѣстностяхъ сѣвернаго Китая иногда случаются проливные дожди, то бываетъ, что при этомъ размываются и падаютъ глиняные дома, а кровли протекаютъ сплошь и рядомъ во время дождя. Потолка въ китайскихъ домахъ обыкновенно не бываетъ, а если онъ есть, то состоитъ изъ бумаги или холста, натянутаго на жердочкахъ; окна со-

ставляютъ до нѣкоторой степени предметъ роскоши; у богатыхъ людей оконъ много и они большія, у бѣдныхъ имъ мало и они маленькія, а иногда и совсѣмъ отсутствуютъ, такъ что свѣтъ проникаетъ черезъ дверь. Особенно много такихъ примитивныхъ жилищъ въ провинціи Ганьсу и сѣверной Шеньси, но вездѣ и всюду окна заклеиваются бѣлой пропускной бумагой, такъ какъ фабрикація стекла китайцамъ неизвѣстна, несмотря на ихъ древнюю культуру; это, конечно, еще уменьшаетъ количество свѣта, попадающаго въ жилище бѣдняковъ. Двери дѣлаются деревянныя и обыкновенно вставлены неплотно и обилуютъ щелями, поэтому вѣтеръ и холодъ проникаютъ свободно въ китайское жилище не только черезъ щели въ дверяхъ и окнахъ, но и черезъ отверстія въ бумагѣ, дыры и скважины въ стѣнахъ и въ кровлѣ. Полъ у богатыхъ изъ обожженнаго кирпича, у бѣдныхъ—земляной; стѣны у первыхъ выбѣлены или оклеены бумагой, у вторыхъ—естественнаго цвѣта желтой глины, а кровля снутри покрыта слоемъ копоти и сажи, такъ что она блестяще-чернаго цвѣта. Половину каждой комнаты занимаетъ лежанка, обыкновенно сбитая изъ глины и поднятая на полтора аршина надъ поломъ; эта лежанка составляетъ главную мебель китайца; она покрывается соломенной, камышевой или бамбуковой плетенкой и служитъ кроватью и мѣстомъ для сидѣнья, работы, ѣды, для чего на нее ставится низенькій столикъ въ четверть аршина вышиной. Кромѣ этого столика, встрѣчается еще другая мебель: у болѣе богатыхъ—столы, кресла и скамьи грубой работы, шкафы, въ родѣ комодовъ, и сундуки; послѣдніе часто стоятъ на лежанкѣ, первые—на полу; въ углу на лежанкѣ сложены кучей войлоки, ватныя одѣяла и подушки въ видѣ валька, набитаго ватой или просяной шелухой (употребленіе птичьяго пера и пуха для подушекъ китайцамъ неизвѣстно); вечеромъ эта постель разстилается на лежанкѣ, гдѣ спитъ вся семья, при чемъ китайцы, подобно монголамъ, на ночь раздѣваются донага, оставляя на себѣ только вышеупомянутые нагрудники и набрюшники.

Отопленіе китайскаго жилья совершенно примитивно; настоящихъ печей нѣтъ, дрова и уголь вообще дороги, и топятся въ домѣ только очагъ, на которомъ приготовляется пища, и лежанка; послѣднюю топятъ соломой, хворостомъ или сухимъ навозомъ, набрасываемымъ въ топку подъ лежанкой, устье которой не имѣетъ дверцы, а труба часто плохо тянетъ, такъ что часть ѣдкаго дыма наполняетъ комнату, нагрѣваемую очень мало. Но китайцу нужно тепло только ночью, онъ любитъ спать на теплой, даже горячей лежанкѣ, а днемъ ходитъ въ ватномъ платьѣ и руки грѣетъ на жаровнѣ съ угольями. Дымъ и угаръ—обычныя принадлежности китайскаго жилища въ зимнее время; во избѣжаніе дыма во многихъ мѣстахъ топку лежанки устраиваютъ со

двора, между тѣмъ то же количество топлива при правильно устроенной печкѣ и отсутствіи щелей въ дверяхъ и окнахъ достаточно согрѣвало бы комнаты.

Такъ же примитивно и освѣщеніе домовъ: громадная масса народа довольствуется тусклой и коптящей масляной лампочкой, въ которой масло, выжимаемое изъ сѣмянъ хлопчатой бумаги, налитое въ черепокъ или чашку, горитъ при помощи фитиля изъ ваты или сердцевины одного растенія. У немногихъ можно встрѣтить толстыя сальныя свѣчи, также тускло горящія и требующія постояннаго ухода; стеариновыя свѣчи, русскія и англійскія, употребляются только богатыми, такъ какъ стоятъ отъ 50 до 60 коп. фунтъ.

Оригинальную особенность сѣвернаго Китая составляютъ пещерныя жилища, которыя могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: первая—пещеры въ обрывахъ лесса, вторая—пещеры на поверхности лессовыхъ плато. Въ обрывахъ лесса, какъ на днѣ долинъ, такъ и на террасахъ склоновъ, пещера вырывается въ видѣ сводчатаго коридора, въ полторы-двѣ сажени вышиной и въ двѣ-три шириной; глубина пещеры шаговъ 30—40; нѣсколько сосѣднихъ параллельныхъ пещеръ служатъ жильемъ для нѣсколькихъ семействъ и иногда соединяются поперечными ходами, обыкновенно же сообщеніе только снаружи. Устье пещеры закрывается стѣнкой изъ кирпича или глины, съ отверстіемъ для дверей, иногда для окна, а вверху подъ сводомъ для выхода дыма; у входныхъ дверей дѣлается лежанка для людей, такъ какъ здѣсь свѣтлѣе, въ глубинѣ—складъ хлѣба, домашняго скарба, а иногда вдоль стѣны придѣлываютъ ясли и тамъ помѣщается скотъ. Такъ же устроены и постоялые дворы пещерныхъ селеній, такъ что путешественники почуютъ въ одной пещерѣ со своими мулами, ослами и лошадьми, и воздухъ пропитанъ ароматомъ конюшни. Эти пещерныя жилища разбросаны порознь и группами на разныхъ высотахъ по террасамъ овраговъ и долинъ; тутъ же на террасахъ расположены пашни, скирды соломы и хлѣба, площадки для молотьбы, группы деревьевъ, и въ общемъ получается оригинальная картина населенной мѣстности, въ которой домовъ нигдѣ не видно.

Но еще оригинальнѣе вторая категорія пещеръ—на лессовомъ плато, гдѣ оно мало расчленено долинами и образуетъ площади въ десятки и сотни квадратныхъ верстъ, такъ что нѣтъ обрыва, въ которомъ китаецъ-земледѣлецъ могъ бы вырыть себѣ пещеры вблизи своей пашни. Вы ѣдете среди полей, садовъ, кумиренъ и тщетно ищете глазами жилье людей, воздѣлывающихъ эту землю; но вотъ, вблизи дороги, рядомъ съ ровной площадкой для молотьбы со скирдами соломы, изъ какой-то маленькой кочки, прикрытой черепкомъ отъ горшка, вьется дымокъ и выдаетъ присутствіе человѣка-троглодита. Подъѣхавъ къ

дымовой трубѣ, вы видите передъ собой ничѣмъ не огороженную квадратную яму въ 3—4 саж. глубиной; на днѣ ямы копошатся въ кучѣ навоза куры, играютъ дѣти, а въ стѣнахъ ея съ трехъ сторонъ вырыты такія же сводчатыя пещеры для жилья, какъ въ естественныхъ обрывахъ лесса; въ четвертой сторонѣ вырытъ косой корридоръ, ведущій довольно круто на поверхность земли и запираемый воротами; онъ служитъ входомъ и выходомъ для людей и животныхъ, проживающихъ въ пещерахъ, которыя пользуются, конечно, еще меньшимъ количествомъ свѣта, чѣмъ пещеры въ естественныхъ обрывахъ.

Вообще въ Китаѣ мало красивыхъ сооруженій, служащихъ для жилья; тѣ оригинальныя зданія и постройки, которыя часто приводятся въ иллюстрированныхъ описаніяхъ Китая, представляютъ большею частью храмы, кумирни, памятники, никому ненужныя ворота и арки, стѣны и башни, составляющія только украшеніе китайскаго пейзажа.

Китайская національная кухня.

(А. К.).

Китайцы истые матеріалисты, а потому вопросъ о томъ, чтобы сытно и вкусно покушать, играетъ первенствующую роль въ ихъ житейскомъ быту. По ученію китайцевъ, только хорошо насыщенный желудокъ способенъ къ сознательной, мудрой дѣятельности. Китайская фраза: „та хой чи“ (онъ умѣетъ кушать), очень характерно выражаетъ, что „онъ—человѣкъ умный“. А такъ какъ люди богатые, постоянно насыщающіеся мясомъ, въ пищевомъ отношеніи поставлены въ лучшія условія, чѣмъ бѣдный людъ, питающійся только мучною пищей, то такой бѣдный людъ считается недалекимъ по разуму. Пища громадной массы китайскаго населенія состоитъ изъ мучныхъ продуктовъ, среди которыхъ первенствующее значеніе имѣетъ рисъ, и уже приправою къ нему являются овощи и другіе продукты. Извѣстно, что Китай есть страна риса, и благодаря климату и умѣлости народа въ дѣлѣ земледѣлія этотъ злакъ растетъ всюду въ имперіи, а въ южныхъ губерніяхъ онъ даетъ ежегодно по два урожая. Для пищи китайцы любятъ рисъ преимущественно въ разсыпчатой кашѣ, которую они очень хорошо готовятъ на парахъ. Рисовая каша составляетъ столь существенную принадлежность китайскаго обѣда, что даже самое слово обѣдъ есть синонимъ слова каша. „Чи фань“—значитъ ѣсть кашу и обѣдать.

Мѣстности въ сѣверной полосѣ Китая представляютъ мало удобствъ для культуры риса, и оттого въ недостаточныхъ слояхъ населенія онъ здѣсь замѣняется другой крупой. Такъ, преимущественно для каши

китайцы употребляютъ пшено, чаще желтое. Бѣдные люди питаются кашицей изъ сорго, весьма тяжелой для пищеваренія, и разными горохами. Въ Пекинѣ извѣстны до 28 видовъ гороха. Изъ нихъ желтый горохъ идетъ преимущественно на приготовленіе сои, а мелкій зеленый на приготовленіе макаронъ. Мука гороховая и тоже кукурузная идутъ часто въ подмѣсь къ пшеничной мукѣ. Кукурузу ѣдятъ и въ сыромъ видѣ и въ кашицѣ. Кромѣ разнаго рода кашицъ, въ большомъ употребленіи лапша или просто кусочки тѣста, сваренные въ водѣ, и два сорта булочекъ и лепешекъ—первыя сваренныя на пару, вторыя испеченныя въ печкѣ; но даже этотъ хлѣбъ можно найти только въ городахъ и болѣе значительныхъ селеніяхъ.

Едва ли не наравнѣ съ рисомъ и пшеницей китайцы большіе охотники до картофеля. Нашъ обыкновенный картофель въ Китаѣ не растетъ, ему тамъ жарко, а замѣняется крупнымъ бататомъ (Ipomea batatas). Его клубни большіе, длинные, сѣрые или красноватые, мучнисты, сладки. Они хорошо варятся, но китайцы ѣдятъ ихъ и въ сыромъ видѣ. Отечество этого растенія—Филиппинскіе острова, откуда оно привезено въ Китай въ исходѣ прошлаго столѣтія. Онъ въ употребленіи во всѣхъ слояхъ населенія; но вслѣдствіе его дешевизны онъ почитается пищей очень простой; оттого даже въ небогатыхъ семействахъ его никогда не подадутъ къ обѣду при гостѣ.

Въ столѣ китайцевъ громадную роль играютъ различнаго рода овощи, какъ: капуста, рѣпа, огурцы, тыква, арбузы, дыни, чеснокъ и лукъ. Однихъ тыквенныхъ растеній, употребляемыхъ къ столу, здѣсь 20. Кромѣ приготовленія разныхъ салатовъ и приправъ къ кушанью, овощи и преимущественно ихъ корни, а также бобы въ небольшихъ ломтикахъ проквашиваются въ соленой соѣ. Это нѣкоторое подобіе пикулей; подъ названіемъ „соленаго овоща“ (сянь-цай) они всегда употребляются во время обѣда вмѣсто поваренной соли во всѣхъ сословіяхъ, отъ богачей до бѣдняковъ. Между различными сортами пикулей особенно славятся такъ называемыя „па-бао-сянь-цай“ (восемь драгоцѣнностей); послѣднія состоятъ изъ разныхъ бобовъ и другихъ овощей въ смѣси съ инбиремъ, но по своей дороговизнѣ употребляются для пищи только въ богатыхъ домахъ.

Мясныя блюда, какъ уже замѣчено выше, являются привилегіей богатыхъ; китайскій поселянинъ, чернорабочій, мелкій ремесленникъ пользуются мясной пищей развѣ только въ главный мясоѣдъ китайцевъ—первыя двѣ недѣли новаго года.

При всей своей неразборчивости въ пищѣ, доходящей до того, что китайцы ѣдятъ даже дохлую скотину, лошадей, павшихъ отъ разныхъ болѣзней, крысъ и собакъ, особенно черныхъ, считаютъ даже лѣкарственнымъ блюдомъ,— они въ общемъ чувствуютъ отвращеніе къ мо-

локу, молочнымъ продуктамъ и говядинѣ. Впрочемъ, говядину и коровье молоко всегда можно достать въ Пекинѣ и въ нѣкоторыхъ областныхъ городахъ Китая, гдѣ оно въ употребленіи въ войскѣ между манджурами.

Наиболѣе излюбленнымъ мяснымъ блюдомъ китайцевъ является свинина. Зато нельзя не отдать должной справедливости китайскому умѣнью отлично откармливать названное животное; мясо его дѣйствительно превосходное. Оно отличается своею бѣлизной и изобиліемъ нѣжнаго сала; въ откормленномъ животномъ тучность достигаетъ до того, что оно почти теряетъ способность движенія.

Играя одну изъ виднѣйшихъ ролей въ кулинарномъ искусствѣ у китайцевъ, это животное весьма распространено въ ихъ имперіи. Не будетъ несправедливо сказать, что въ Китаѣ что ни шагъ, то и свинья. Въ рѣдкомъ домѣ не найдете свиней съ поросятами, и это животное пользуется, подобно собакѣ, тѣми же правами гражданства,—свободно ходитъ даже по многолюднымъ улицамъ, что для него особенно заманчиво, такъ какъ улицы въ китайскихъ городахъ, и въ Пекинѣ въ особенности, представляютъ клоаки грязи, мусора и другихъ нечистотъ.

Кромѣ ежедневнаго употребленія свинины между богатыми китайцами, она требуется, какъ важнѣйшая принадлежность для пищи въ ихъ національномъ культѣ почитанія предковъ. Это поминаніе совершается въ ночь новаго года, когда въ каждомъ семействѣ считается необходимымъ поѣсть пшеничныхъ пельменей съ начинкой изъ свинины.

Кромѣ свинины, между китайцами пользуется почетомъ и баранина. Лучшихъ барановъ пригоняютъ преимущественно изъ монгольскихъ степей. Далѣе слѣдуютъ разнообразныя птицы, между которыми наиболѣе видное мѣсто занимаютъ фазанъ, домашнія утки, куры и цыплята.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ блюдъ, которыя издавна стали извѣстными въ Европѣ вслѣдствіе своей оригинальности, какъ-то: ласточкиныхъ гнѣздъ, трепанговъ, акульихъ плавниковъ и такъ называемой „морской капусты“. Ласточкины гнѣзда (по-китайски, янъ-цо, что значитъ заморское гнѣздо) представляютъ дѣйствительно гнѣзда особеннаго вида ласточки, которая водится на островахъ Остъ-Индскаго архипелага и Японіи и прикрѣпляетъ свои гнѣзда къ неприступнымъ скаламъ. Гнѣзда эти имѣютъ форму приблизительно половины полушарія, а вещество, изъ котораго они состоятъ, похоже на полупрозрачный, какъ бы волокнистый, плохо очищенный желатинъ, сухой и хрупкій; размоченное или разваренное оно сильно разбухаетъ, дѣлается болѣе прозрачнымъ и распадается на ленточки, въ родѣ вермишели или сильно разваренной вязиги. Это-то вещество и составляетъ самое дорогое кушанье богатыхъ людей въ Китаѣ.

По ихъ мнѣнію, оно весьма здорово и драгоцѣнно тѣмъ, что будто

бы очень долго сохраняетъ силы молодости. Относительно же того, что такое представляетъ вещество, изъ котораго ласточка дѣлаетъ свое гнѣздо, существовало долгое время разногласіе: нѣкоторые считали его за одинъ видъ морскихъ водорослей, выбрасываемыхъ прибоемъ на скалы, гдѣ ласточки и собираютъ его для изготовленія своихъ гнѣздъ; теперь же считается доказаннымъ, что вещество, служащее для постройки гнѣзда, есть продуктъ выдѣленія подъязычной слюнной железы самой ласточки.

Такъ какъ ласточкины гнѣзда привозятся въ Китай и такъ какъ добываніе ихъ сопряжено съ большими трудностями, то цѣнность ихъ очень велика; въ Китаѣ за фунтъ вполнѣ хорошихъ, крупныхъ и цѣльныхъ гнѣздъ надобно заплатить отъ 30 до 50 рублей. Въ кулинарномъ дѣлѣ ласточкины гнѣзда употребляются китайцами только для варки бульона, обыкновенно съ домашней уткой. Насколько китайцы лакомы къ ласточкинымъ гнѣздамъ, можно заключить по ихъ таможеннымъ отчетамъ, въ которыхъ обыкновенно показывается средній ежегодный ввозъ до 90 тысячъ нашихъ фунтовъ.

Въ Китаѣ съѣдается также огромное количество плавниковъ и заостренныхъ носовъ акулы. Ея плавники, будучи разварены, распадаются на волокна, по составу напоминающія вязигу; они легко переносятся желудкомъ и довольно питательны, но вкусъ безъ приправъ неопредѣленный. Въ супѣ же они имѣютъ видъ полупрозрачной вермишели, которую китайцы очень ловко таскаютъ своими палочками.

Вѣроятно, читателю извѣстенъ и трепангъ, принадлежащій къ морскимъ животнымъ голотуріямъ, или морскимъ кубышкамъ, или брызгалкамъ. Такъ какъ они съ виду похожи на большихъ толстыхъ піявокъ, то, можетъ быть, они подали поводъ къ мнѣнію, что китайцы ѣдятъ какихъ-то червей, что, впрочемъ, также не было бы преступленіемъ, если бы они ѣли ихъ даже живыми, — вѣдь ѣдимъ же мы живыхъ устрицъ. Трепанги живутъ въ моряхъ между полипняками, у береговъ Австраліи, Цейлона, Каролинскихъ, Молукскихъ и другихъ острововъ, а также у насъ въ Приморской области, на что указываетъ и китайское названіе Владивостока—Хай-шень-вэй, т.-е. „трепанговый округъ“. Видъ вареныхъ и нарѣзанныхъ трепанговъ всего болѣе напоминаетъ резинку, употребляемую для стиранія карандаша. Они почти не имѣютъ вкуса, упруги и потому трудно разжевываются, зато легко проглатываются и переносятся желудкомъ. Хорошаго въ нихъ самихъ ничего нѣтъ да и не за вкусъ цѣнятъ ихъ китайцы, а опять за приписываемое имъ свойство сохранять свѣжесть силъ до самой старости. За такое же свойство цѣнятся рога изюбрей и знаменитый жень-шень и еще многое, очень многое другое.

Что касается до „морской капусты“, то это—водоросль, плавающая

на волнахъ океана. Въ Китайскомъ морѣ она встрѣчается рѣдко, но ею изобилуютъ особенно сѣверная часть Японскаго моря и берега нашего Приамурскаго края. Сборомъ морской капусты занимается множество промышленниковъ, японцевъ, китайцевъ и русскихъ.

Напитки составляютъ у китайцевъ необходимую принадлежность при пищѣ.

На первомъ мѣстѣ изъ китайскихъ напитковъ надо поставить чай. Чай пьется ими у себя дома и внѣ дома, при занятіи на службѣ, при входѣ въ лавку и прочее. Было бы обидой для китайца, если бы, принимая его, не подать ему чашки чая. Но китайцы обыкновенно не пьютъ употребляемые нами черный и зеленый чаи. Эти чаи фабрикуются въ Китаѣ собственно для вывоза за границу. Они пьютъ только желтый чай. И хотя между желтыми чаями есть много сортовъ, но китайцы предпочитаютъ обыкновенный, простой желтый чай, наслаждаясь напиткомъ высшихъ сортовъ только ради дорогого гостя или по случаю особаго торжества. Извѣстно, что китайцы пьютъ чай въ небольшихъ чашкахъ безъ сахару и безъ всякихъ приправъ.

Изъ крѣпкихъ напитковъ китайцы употребляютъ водку двухъ сортовъ, именно: перегоняемую изъ зеренъ сорго и, во-вторыхъ, получаемую въ результатѣ броженія риса или мягкаго проса. Китайцы пьютъ водку непремѣнно подогрѣтою, теплою.

Если уже многія китайскія явства отличаются отъ нашихъ, то еще болѣе это различіе сказывается въ способѣ приготовленія обѣда и въ самой процедурѣ обѣда. Такъ большая часть кушаній, за исключеніемъ жаркого, варится китайцами на парахъ; всѣ кушанья подаются къ столу уже разрѣзанными на мелкіе кусочки. Къ обѣду не подается ни хлѣба, ни соли; взамѣнъ соли китайцы употребляютъ соленыя прикуски, о которыхъ уже выше была рѣчь; что же касается хлѣба, то и онъ является къ китайскому столу, но уже передъ окончаніемъ обѣда. Послѣдовательность въ смѣнѣ блюдъ болѣе или менѣе богатаго обѣда такова: сначала принимаются за фрукты и десертъ, потомъ подаютъ разное жаркое и соусы, затѣмъ супы и, наконецъ, вмѣсто закуски, булки, сладкія печенья и еще разъ десертъ.

Для обѣда у китайцевъ не требуется и нѣтъ за столомъ ни скатерти, ни салфетокъ, ни ножей, ни вилокъ, ни блюдъ, ни тарелокъ. Вмѣсто салфетокъ, необходимыхъ для обтиранія рта и пальцевъ, передъ приборомъ каждаго обѣдающаго имѣется пачка небольшихъ листковъ бумаги. Бумага мягкая, плотная, непремѣнно желтоватая. Она же замѣняетъ собой и носовой платокъ. Взамѣнъ нашего прибора ножей и вилокъ, при китайскомъ обѣдѣ употребляется орудіе,—нѣчто примитивное,—пара палочекъ, называемыхъ „куой-цзы“. Въ глубокую старину употреблялись „куой-цзы“ желѣзныя, а нынѣ въ общемъ употреб-

ленiи деревянныя, красныя или черныя, съ небольшимъ по пяти дюймовъ длиной. А ради шика употребляются „куой-цзы“ изъ слоновой кости съ серебрянымъ наконечникомъ. Такъ какъ всѣ кушанья подаются къ столу нарѣзанными, то обѣдающему нѣтъ ровно никакой надобности въ ножѣ. Держа пару „куой-цзы“ промежъ пальцевъ правой руки, китаецъ весьма ловко подхватываетъ ими пищу; даже беретъ ими разсыпчатую кашу, хотя до рта каждый разъ доходитъ не все взятое,

Китайцы за обѣдомъ.

упадая назадъ въ ту же чашку. Взамѣнъ нашей ложки китайцы употребляютъ нѣчто въ родѣ фарфороваго совка или ковшика.

Взамѣнъ блюдъ и тарелокъ употребляются только фарфоровыя блюдечки. На блюдечкахъ подаютъ къ столу кушанье и на такихъ же блюдечкахъ ѣдятъ его. Супъ подаютъ въ фарфоровой чашкѣ. По китайскому обыкновенiю, на обѣденный столъ всегда разомъ подаютъ по нѣскольку блюдечекъ болѣе или менѣе однородныхъ кушанiй, — иногда доходитъ до десяти,—разставляя ихъ по серединѣ стола симметрически. Для прибора обѣдающаго ставятъ такое же блюдечко. Обѣдающiй, не

упуская изъ руки „куой-цзы“, орудуетъ ими, беря съ блюдечекъ съ середины стола то одно, то другое кушанье, обмакиваетъ его въ сою и кладетъ на свою тарелку, или же, что бываетъ чаще, прямо въ ротъ, и по временамъ закусываетъ солеными прикусками. Постигшій до всѣхъ тонкостей искусство обѣдать обыкновенно остается въ теченіе всей трапезы безъ перемѣны, при одномъ и томъ же своемъ блюдечкѣ, несмотря даже на то, что хозяинъ или сотрапезникъ, ради особой любезности, собственноручно своими „куой-цзы“ кладетъ на его блюдечко кусочки того или другого кушанья. Если обѣдающихъ нѣсколько, то, вслѣдствіе взаимности угощенія, блюдечко порядочно переполняется разными кусочками кушанья, образующими своеобразный винигретъ. И за эту любезность требуется поклонъ, да еще взаимность, именно положить кусочекъ кушанья и хозяину и сотрапезникамъ. Кромѣ того, каждый кушающій гость, даже на самыхъ блестящихъ обѣденныхъ собраніяхъ, желая обнаружить свою учтивость, такъ сказать, тонкую благодарность кормящему его, считаетъ долгомъ разъ и два выразительно рыгнуть за трапезой. Это у китайцевъ своего рода шикъ; это — положительный признакъ, что рыгнувшій умѣетъ покушать.

Образованіе въ Китаѣ.

(Гессе-Вартега).

Какъ и въ мусульманскихъ странахъ, въ Китаѣ не приходится долго искать начальной школы; она еще издали даетъ о себѣ знать неистовымъ шумомъ и гамомъ. Просто удивительно, какой шумъ и гамъ могутъ поднять эти маленькіе, наголо выбритые пострѣлята шести-восьмилѣтняго возраста! Обыкновенно ихъ въ школѣ не больше двадцати-тридцати человѣкъ, но можно подумать, что ихъ, по крайней мѣрѣ вдесятеро больше: такія здоровыя у нихъ легкія. Съ ранняго утра до солнечнаго заката деруть они глотки безпрестанно, день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, — ни воскреснаго отдыха, ни каникулъ, этого золотого времени для европейскихъ школьниковъ, въ Китаѣ не знаютъ. Школьныя занятія начинаются вмѣстѣ съ новымъ годомъ, и незадолго до наступленія слѣдующаго новаго года курсъ заканчивается, чтобы возобновиться опять по окончаніи празднествъ. Такъ продолжается три, шесть, десять лѣтъ — сообразно со степенью учености, до которой желаютъ довести своихъ дѣтищъ родители. Учатъ вообще однихъ мальчиковъ; дѣвочекъ въ школы не отдаютъ; онѣ принадлежатъ семьѣ, дому, и рѣдко можно встрѣтить китаянку, умѣющую бѣгло читать или писать.

Во время своихъ прогулокъ по Кантону я желалъ ознакомиться и

съ первоначальными школами для дѣтей, но появленіе иностранца, пожалуй, слишкомъ смутило бы какъ учителя, такъ и учениковъ. Я поэтому сталъ искать случая понаблюдать за ними незамѣтно. Напротивъ одной изъ многихъ каменныхъ, многоэтажныхъ башенъ — ссудныхъ кассъ, которыя тамъ и сямъ вздымаются надъ моремъ остальныхъ строеній двухмилліоннаго города, я запримѣтилъ маленькій домикъ. Нижній этажъ занималъ хозяинъ-столяръ, день-деньской мастерившій ящики и сундуки, а верхній онъ отдавалъ въ наймы одному вольному учителю, у котораго обучалось до двухъ десятковъ косоглазыхъ китайчатъ. Мой переводчикъ выхлопоталъ у хозяина ломбарда разрѣшеніе провести одно утро въ первомъ этажѣ его крѣпкой башни. Я закрылъ тяжелыя ставни окна, приходившагося какъ разъ напротивъ школы, и сталъ наблюдать въ дырочку. Школьное помѣщеніе находилось отъ меня въ разстояніи какого-нибудь метра, и мнѣ отлично было видно все.

Учитель старикъ носилъ на носу очки невѣроятной величины, но читая глядѣлъ поверхъ ихъ. И всѣ учителя, какихъ я видѣлъ въ другихъ городахъ, носили очки, — не изъ-за слабости зрѣнія, а въ знакъ своей учености и ради пущей важности. Рядомъ съ учителемъ стоялъ столикъ, на которомъ лежала длинная, тонкая бамбуковая трость. Назначеніе ея не требуетъ поясненій; съ ней знакомы и ученики европейскихъ школъ. Въ одномъ углу у задней стѣны стояла въ метръ высоты отъ полу деревянная доска, покрытая китайскими іероглифами. Переводчикъ объяснилъ мнѣ, что на доскѣ была написана похвала Конфуцію. Въ другомъ углу я замѣтилъ намалеванную на бумагѣ страшную рожу—изображеніе бога мудрости. Какъ передъ доской, такъ и передъ рожей стояли горшечки съ пескомъ, въ которые были воткнуты курящіяся свѣчи. Остальная обстановка помѣщенія заключалась въ десяткахъ двухъ столиковъ и стульевъ для учениковъ. Сами ученики, выстроившись передъ учителемъ длинными рядами, громко выкрикивали за нимъ фразы, которыя онъ вычитывалъ изъ маленькой книжечки. При этомъ они махали руками и перепрыгивали съ ноги на ногу, такъ что длинныя косички болтались у нихъ на затылкахъ, словно маятники. Въ одной рукѣ каждый держалъ маленькую красную полоску бумаги, покрытую письменами, въ которую иногда и заглядывалъ. Время отъ времени вся длиннокосая ватага возвращалась на свои мѣста, вѣроятно, чтобы выучить наизусть только что слышанное отъ учителя. Въ сидячемъ положеніи дѣтямъ уже не такъ удобно было дрыгать ногами и махать руками, зато они вознаграждали себя, тряся головой, раскачиваясь туловищемъ и во все горло выкрикивая заучиваемое. Все это не мѣшало учителю въ очкахъ погружаться въ дремоту. Сначала онъ какъ будто всецѣло погружался въ лежавшую у него на колѣняхъ книжку, затѣмъ начиналъ кивать головой, какъ китайскій фарфоровый болван-

чикъ, и, наконецъ, крѣпко засыпалъ, несмотря на весь крикъ и гамъ вокругъ. Но вотъ, среди урока вошелъ какой-то запоздавшій ученикъ, и остальные привѣтствовали его такими оглушительными криками, что учитель проснулся. Гнѣвно взглянулъ онъ на запоздавшаго, который робко приблизился къ изображенію бога мудрости и сдѣлалъ передъ нимъ земной поклонъ, затѣмъ продѣлалъ то же самое передъ доской Конфуція и, наконецъ, передъ самимъ учителемъ. Послѣдній, однако, оказалъ ему самый немилостивый пріемъ: схватилъ за шиворотъ, положилъ поперекъ своихъ колѣнъ и отдулъ бамбуковой тростью безъ всякой пощады. Остальные ученики не смѣли поднять глазъ. Выучивъ урокъ, каждый подходилъ къ учителю, подавалъ ему красную бумажку и отрапортовывалъ содержаніе, при чемъ повертывался не лицомъ къ учителю, а спиной.

Послѣдній урокъ былъ письменный. Передъ каждымъ ученикомъ на столикѣ лежали тетрадочки изъ прозрачной бумаги, волосяная кисточка съ бамбуковой ручкой и стояло блюдечко съ тушью. Учитель роздалъ прописи, ученики подложили ихъ подъ послѣдній листочекъ въ тетрадкѣ (китайцы не только пишутъ вертикально, сверху внизъ, но и начинаютъ съ послѣдней страницы, а не съ первой) и принялись обводить тушью контуры знаковъ-словъ, просвѣчивавшихъ сквозь прозрачную бумагу. При этомъ они очень ловко держали все время руки на вѣсу, не кладя локтей на столъ. Исписавъ одну страницу, дѣти принимались за другую, а учитель все время переходилъ отъ одного столика къ другому, объясняя порядокъ черточекъ и знаковъ. Каждый изъ безчисленнаго множества знаковъ-словъ китайскаго языка состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ черточекъ и знаковъ, числомъ до тридцати и болѣе, и неправильное начертаніе хотя бы одного изъ послѣднихъ можетъ измѣнить смыслъ всего знака. Точно такъ же не все равно, откуда начать выводить знакъ—сверху, снизу или съ середины. Стоитъ начать неправильно, и начертаніе всего знака осложняется, точно такъ же, какъ осложнилось бы для насъ начертаніе какого-нибудь слова, если бы мы начали его съ буквы, находящейся въ серединѣ или въ концѣ. Около десяти часовъ утра ученіе было прервано на часъ. Мальчуганы собрали свои пожитки и разошлись по домамъ чинно, серьезно, а не съ веселымъ шумомъ и гамомъ, какъ наши школьники.

Школьное помѣщеніе опустѣло, и проводникъ мой повелъ меня туда. Столы и сидѣнья не были запачканы, исцарапаны, изрѣзаны, какъ въ нашихъ школахъ, но поражали опрятностью и порядкомъ. На столѣ учителя лежала книжка, изъ которой онъ черпалъ свою мудрость; ту же самую книжку я видѣлъ затѣмъ во всѣхъ школахъ въ Шанхаѣ, въ Нанкинѣ, во всѣхъ китайскихъ городахъ. Въ теченіе тысячелѣтій неизмѣнно переходитъ она изъ поколѣнія въ поколѣніе въ качествѣ пер-

источника всей китайской премудрости. Въ китайскомъ письменномъ языкѣ, какъ извѣстно, нѣтъ буквъ, но каждое слово, каждое понятіе выражается особымъ знакомъ. И просто нельзя надивиться, что тысячи милліоновъ китайскихъ школьниковъ, обучавшихся съ десятаго столѣтія по этой книжкѣ, начинали прямо съ философскаго ученія Конфуція вмѣсто азбуки. Первая фраза въ этомъ учебникѣ, называемомъ „Сянцзы-цзянъ“, читалась такъ:

Чжэнь-чжи цзу, синъ бу шань
Синъ-сянъ-цзинъ, си-сянъ-ѣтэнъ.

Изображено это было странными іероглифами, начертаніе которыхъ напоминало ходъ шахматнаго коня; каждый іероглифъ состоялъ изъ разныхъ точекъ и черточекъ, толстыхъ и тонкихъ, клинообразныхъ и выгнутыхъ, квадратиковъ, треугольниковъ, въ которыхъ и не разобраться было. Переводчикъ сообщалъ мнѣ смыслъ знаковъ, даже не глядя на нихъ; какъ и всѣ китайцы, отъ императора до послѣдняго ремесленника, и онъ выучилъ въ дѣтствѣ наизусть всю эту азбуку китайской грамоты. Смыслъ іероглифовъ сводится къ слѣдующему:

„Люди отъ рожденія по природѣ своей хороши,
Въ практической же жизни они сильно рознятся другъ отъ друга“.

Затѣмъ слѣдовали ученыя глубокомысленныя разсужденія о необходимости дѣтскаго воспитанія и о способахъ успѣшнаго его веденія и, наконецъ, нѣкоторыя основныя поученія. Напримѣръ:

Существуютъ три основныя силы: небо, земля, человѣкъ.

Существуютъ три источника свѣта: солнце, мѣсяцъ и звѣзды.

Существуютъ три рода узъ: между государемъ и чиновниками—справедливость, между сыномъ и отцомъ—любовь, между мужемъ и женою—согласіе.

Человѣчность, справедливость, приличіе, мудрость, истина; этихъ пяти главныхъ добродѣтелей надо держаться.

Рисъ, просо, стручковые плоды, пшеница, рожь и ячмень — вотъ шесть жизненныхъ продуктовъ, которыми люди питаются.

Обоюдная любовь между сыномъ и отцомъ, согласіе между мужемъ и женою.

Со стороны старшаго брата доброта, со стороны младшаго уваженіе; чинопочитаніе между старшими и младшими, дружба между товарищами, со стороны государя снисхожденіе, со стороны министра вѣрность.

Вотъ обязанности всѣхъ людей“.

Вотъ каковы изреченія, которыя всѣмъ китайскимъ мальчикамъ приходится зубрить наизусть, не понимая изъ нихъ ни единаго слова, такъ какъ написаны они на древнемъ китайскомъ языкѣ, который разбился теперь на многія нарѣчія, различающіяся между собой настолько же,

насколько нѣмецкій языкъ отличается отъ латинскаго. Что за мученіе было бы для европейскаго наборщика, никогда не видавшаго ни единаго китайскаго знака, если бы ему поручили набрать китайскую книгу. И все-таки его можно было бы считать счастливцемъ въ сравненіи съ юными сынами Срединнаго царства, которые, кромѣ того, обязаны еще знать и произношеніе каждаго изъ этихъ тысячъ знаковъ.

Тысячи знаковъ! Дѣло вѣдь не кончается книгой „Сянъ-цзы-цзянъ“. За этимъ первымъ учебникомъ слѣдуетъ второй, подобнаго же содержанія, съ новыми тысячами знаковъ, изъ которыхъ нѣтъ двухъ одинаковаго произношенія или значенія. Эта вторая книга составлена въ 502 г. по Р. Х. Когда же китайчата одолѣютъ ее, наступаетъ очередь „четырехкнижія“ и „пятикнижія“, содержащихъ величайшія сокровища китайской литературы.

Въ этихъ такъ называемыхъ девяти священныхъ книгахъ заключается 4,601 различныхъ значковъ-словъ, изъ которыхъ, однако, большая часть устарѣлыхъ. Большой словарь „Канъ-си“ заключаетъ 44,449 наиболѣе употребительныхъ изъ нихъ.

Только послѣ того, какъ китайскій мальчикъ выучилъ наизусть эти книги одну за другой, учитель объясняетъ ему смыслъ выученнаго, при чемъ самъ пользуется комментаріями Чу-фу-цзя, составленными во времена крестовыхъ походовъ. Вотъ основы знаній, сообщаемыхъ въ Китаѣ подростающему поколѣнію. Математика, географія, исторія, религія, собственный разговорный языкъ и какія бы то ни было прикладныя науки безусловно исключены изъ китайской воспитательно-образовательной программы, и даже люди, считающіеся у китайцевъ за величайшихъ ученыхъ, часто не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о материкахъ, не говоря уже объ отдѣльныхъ странахъ. Все, что находится за предѣлами Поднебесной имперіи, считается областью варваровъ, и только тѣмъ изъ мандариновъ, которые живутъ въ открытыхъ для европейцевъ торговыхъ гаваняхъ, извѣстно если не мѣстоположеніе, то хоть значеніе Германіи, Англіи и Россіи. Въ отношеніи всѣхъ самыхъ обыкновенныхъ предметовъ знанія, которые знаютъ, какъ свои пять пальцевъ, наши школьники самыхъ младшихъ классовъ, въ Китаѣ царитъ полнѣйшее невѣжество, какимъ наши школьники отличаются, напримѣръ, по части конфуціанской мудрости.

Китай не знаетъ государственнаго обученія, никакихъ государственныхъ или городскихъ школъ, принудительнаго обученія, курсовъ, дипломовъ, каникулъ. Но въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ есть извѣстное число частныхъ школъ; содержатся онѣ, по большей части провалившимися на государственномъ экзаменѣ кандидатами въ чиновники. Они получаютъ съ учениковъ отъ двухъ до пяти лапъ въ годъ (около 3 — 8 рублей) съ каждаго, что даетъ имъ, при наличности

двадцати-сорока учениковъ, отъ ста до полутораста ланъ годового дохода, а часто и меньше. Въ большихъ городахъ часто случается, что болѣе зажиточные родители, живущіе на одной улицѣ или въ одномъ кварталѣ, въ складчину нанимаютъ своимъ дѣтямъ домашняго учителя; случается, что это дѣлаетъ и отдѣльное богатое семейство, цѣлый ремесленный цехъ, купеческая гильдія, которые и отводятъ для учебныхъ занятій помѣщеніе въ своемъ домѣ или клубѣ. Распространенная въ Китаѣ благотворительность также поддерживаетъ не мало школъ, но обученіе во всѣхъ случаяхъ ведется по одной и той же программѣ. Въ высшихъ школахъ, открывшихся за послѣднее десятилѣтіе въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, напримѣръ, въ Кантонѣ, Шанхаѣ, Тянь-Цзинѣ, тоже не водится другихъ учебниковъ; самыми важными предметами считается тамъ изящный стиль, стихосложеніе и корреспонденція. Обученіе послѣдней сводится, однако, не къ искусству легко и ясно выражать свои мысли, но къ изученію наизусть возможно большаго числа стереотипныхъ оборотовъ и фразъ, въ которыхъ пишущій всячески унижаетъ себя и свою семью, адресата же возвеличиваетъ елико возможно. Вновь открытыя высшія учебныя заведенія и университеты въ Пекинѣ, Тянь-Цзинѣ и Нанкинѣ также нельзя разсматривать какъ таковые, но все же въ нихъ обучаютъ кое-чему побольше, нежели въ обыкновенныхъ китайскихъ школахъ: математикѣ, географіи, исторіи и прежде всего новымъ языкамъ. Если хотятъ, чтобы юноша усовершенствовался въ математикѣ, въ разныхъ мастерствахъ и искусствахъ, то его послѣ нѣсколькихъ лѣтъ обученія въ одной изъ вышеописанныхъ школъ отдаютъ въ ученье къ купцу или промышленнику. Единственнымъ же умственнымъ багажомъ, съ какимъ онъ вступаетъ въ жизнь изъ школы, является умѣнье читать и писать и то въ ограниченныхъ размѣрахъ, зависящихъ отъ числа лѣтъ ученья.

Низшія сословія довольствуются тѣмъ, что посылаютъ своихъ сыновей въ школу въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ; рабочіе, садовники, лодочники, кули, носильщики тяжестей, не дѣлаютъ и того. Вообще можно утверждать, что около 30 процентовъ населенія умѣютъ по крайней мѣрѣ подписать свое имя и прочесть простѣйшія надписи и вывѣски, отъ 10 до 20 процентовъ, глядя по провинціи, въ состояніи написать простое письмо, и только какихъ-нибудь 5 процентовъ кое-что смыслятъ въ языкѣ и въ литературѣ. Зато эти люди и пользуются величайшимъ уваженіемъ своихъ согражданъ. Большое уваженіе, съ которымъ китайцы относятся къ образованію, видно изъ того, что никто не можетъ сдѣлаться ни простымъ чиновникомъ, ни мандариномъ, ни министромъ, ни посланникомъ, не сдавъ экзаменовъ, по крайней мѣрѣ таковъ законъ. Всякій же, выдержавшій, даже если и не получаетъ мѣста чиновника, становится уважаемымъ лицомъ въ своемъ околоткѣ, освобождается отъ

тѣлеснаго наказанія, отъ преклоненія колѣнъ и битья челомъ передъ судьей и получаетъ право вывѣсить надъ входной дверью своего жилища доску съ обозначеніемъ пріобрѣтеннаго имъ ученаго званія.

Полагая, что въ совершенствѣ овладѣлъ всею премудростью, разсыпанной въ написанныхъ тысячу лѣтъ тому назадъ семи священныхъ книгахъ, китаецъ заявляетъ о своемъ желаніи подвергнуться испытанію на одномъ изъ публичныхъ государственныхъ экзаменовъ, которые производятся дважды въ три года въ областныхъ городахъ. На экзамены допускаются люди всѣхъ возрастовъ, молодые и старые. Самые экзамены письменные; особые, назначаемые провинціальнымъ правительствомъ чиновники, экзаменаторы, провѣряютъ и оцѣниваютъ письменныя работы кандидатовъ, сообразно ихъ достоинствамъ. Кандидаты, представившіе лучшія работы, обыкновенно одна десятая всего числа экзаменовавшихся, удостоиваются желаннаго шарика на шапку и званія „сю-цай“, что означаетъ: „геній въ почкѣ“.

Но это лишь первая и низшая ступень, ведущая на китайскій Парнасъ, только необходимое условіе, открывающее путь къ экзамену въ главномъ городѣ провинціи, бывающему разъ въ три года, обыкновенно въ сентябрѣ. Экзаменаторами являются члены пекинской Ханъ-линской академіи, этой китайской академіи наукъ, и назначаются самимъ императоромъ. Въ качествѣ же ассистентовъ присутствуютъ вице-губернаторъ провинціи и старшіе мандарины.

Всѣмъ европейцамъ, посѣщающимъ главные города провинціи, главнымъ же образомъ Кантонъ, Ханъ-чжоу и Нанкинъ, обыкновенно показываютъ большіе „испытательные храмы“. Я не могу хорошенько взять въ толкъ, такъ какъ, зайдя съ моимъ проводникомъ въ такую „храмшу“ въ Кантонѣ, я вообразилъ себя просто-на-просто на скотопригонномъ дворѣ. Это довольно обширная, ровная, заросшая сорной травой площадь, огороженная высокими старыми стѣнами. Широкая, неряшливо содержимая дорога ведетъ отъ однихъ входныхъ воротъ къ другимъ черезъ всю площадь, перерѣзывая ее на двѣ равныя части. По обѣ стороны этой дороги тянутся ряды какихъ-то низенькихъ хлѣвовъ, имѣющихъ въ ширину не больше трехъ шаговъ и отдѣленныхъ другъ отъ друга проходами въ два шага шириною. Въ одной изъ продольныхъ стѣнъ этихъ курьезныхъ построекъ находится до сотни крохотныхъ входныхъ отверстій; другая стѣна, глухая безъ оконъ, безъ дверей. Какая же это храмина? Я съ удивленіемъ освѣдомился относительно назначенія этихъ „хлѣвовъ“, и мой проводникъ предложилъ мнѣ войти въ одинъ изъ нихъ, черезъ крохотное входное отверстіе. Я очутился въ каморкѣ съ голыми кирпичными стѣнами. Ни оконъ, ни дверей, никакой мебели. Возлѣ двери и въ противоположной стѣнѣ я замѣтилъ неглубокія горизонтальныя ниши; полъ былъ покрытъ мусоромъ, изъ котораго

при нашемъ появленіи вышмыгнули ящерицы. Въ расщелинахъ стѣнъ копошились мокрицы и другая нечисть. Такой же видъ представляли и всѣ другія похожія на тюремныя кельи каморки. Дверь каждой каморки помѣчена нумеромъ, а проулки между самыми хлѣвами носятъ особыя названія.

Пройдя по лабиринту этихъ тысячъ каморокъ, мы добрались до противоположнаго входу конца площади и вышли черезъ вторыя ворота на маленькій дворъ, застроенный подобными же низенькими строеніями, но съ болѣе просторными помѣщеніями. Вотъ и все. Всѣ помѣщенія были пусты, заброшены. Лишь у большихъ входныхъ воротъ бродили сторожа и солдаты.

Совсѣмъ иную картину представляетъ „испытательная храмина“ во время сентябрьскихъ экзаменовъ! Внутри этихъ стѣнъ собирается тогда отъ пятнадцати до двадцати, а то и больше тысячъ народу, и вниманіе всей провинціи съ ея тридцатимилліоннымъ населеніемъ сосредоточивается на этой аренѣ ученыхъ состязаній. Еще за недѣлю до начала испытаній въ Кантонъ стекаются изо всѣхъ частей провинціи кандидаты со своими родственниками и друзьями, отыскиваютъ себѣ пристанища въ гостинницахъ или частныхъ жилищахъ и затѣмъ являются въ испытательную комиссію, гдѣ предъявляютъ удостовѣреніе въ своей личности. Испытательная комиссія помѣщается въ строеніяхъ маленькаго двора, гдѣ и проживаетъ въ теченіе всего мѣсяца испытаній. Императорскіе экзаменаторы, высшіе мандарины, сотни чиновниковъ, писцовъ, секретарей, солдатъ и сторожей наводняютъ пустовавшія доселѣ помѣщенія и дѣлаютъ всѣ нужныя приготовленія для экзаменовъ, въ которыхъ участвуютъ обыкновенно восемь—двѣнадцать тысячъ кандидатовъ, а иногда и больше, такъ что „испытательная храмина“ едва можетъ ихъ вмѣстить. Большая площадь приводится въ порядокъ, маленькія темныя каморки, которыхъ въ Кантонской „испытательной храминѣ“ 8653, тоже метутся, прибираются и приспособляются къ ученымъ занятіямъ. Приспособленія эти, впрочемъ, сводятся къ тому, что въ стѣнныя ниши вкладывается по широкой доскѣ; доска въ нишѣ у входа служитъ сидѣньемъ, другая въ нишѣ противоположной стѣны письменнымъ столомъ. Рано утромъ въ назначенный день кандидаты въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, друзей и слугъ собираются у входныхъ воротъ храмины; всѣ кандидаты нагружены платьемъ, одѣялами, съѣстными припасами, походными таганами, чайными чашками и прочею хозяйственною утварью, такъ какъ обречены оставаться въ отведенныхъ имъ крохотныхъ камерахъ въ теченіе слѣдующихъ девяти сутокъ, и только третью и шестую ночь имъ разрѣшается провести на свободѣ, внѣ строго охраняемой стражей „испытательной храмины“. Въ предѣлы ея никто не можетъ сопровождать кандидатовъ; послѣдніе прощаются

со своими спутниками у входа и одни вступаютъ въ ворота, таща на себѣ всѣ свои пожитки. Тутъ кандидатовъ подвергаютъ строгому обыску, нѣтъ ли при нихъ карманнаго изданія классиковъ или другихъ запрещенныхъ предметовъ. Послѣ обыска они являются къ мандаринамъ, которые вручаютъ каждому кандидату заштемпелеванный листъ бумаги, на которомъ помѣчено имя кандидата и нумеръ отведенной ему кельи. Затѣмъ кандидаты съ напряженіемъ ожидаютъ раздачи маленькихъ красныхъ записочекъ съ темами, которыя печатаются въ самой храминѣ. На эти темы кандидаты должны въ теченіе двухъ дней написать три сочиненія въ прозѣ и одно въ стихахъ. Ни одно сочиненіе не должно состоять болѣе, нежели изъ четырехсотъ, и менѣе, нежели изъ трехсотъ знаковъ-словъ, а число знаковъ въ примѣчаніяхъ или отмѣткахъ на поляхъ не должно превышать ста.

Сдавъ эти сочиненія, кандидаты могутъ безпрепятственно покинуть храмину на одну ночь. При возвращеніи ихъ снова обыскиваютъ и отводятъ имъ новыя кельи, гдѣ они въ теченіе двухъ дней пишутъ новую серію сочиненій, числомъ пять, на классическія темы. Третья серія сочиненій пишется въ теченіе слѣдующихъ трехъ дней; на этотъ разъ темы предлагаются экзаменаторами произвольныя и въ послѣдніе годы иногда современныя, какъ-то: по государствовѣдѣнію, отечественной географіи, математикѣ и т. п. Сдавъ и эту послѣднюю серію сочиненій, кандидаты свободны и могутъ оставить свои кельи. Но проходитъ еще нѣсколько недѣль прежде, чѣмъ они узнаютъ о результатахъ испытаній. Каждая изъ представленныхъ письменныхъ работъ, а число ихъ доходитъ до тридцати тысячъ, подвергается самому тщательному разсмотрѣнію, которое, во избѣжаніе всякихъ злоупотребленій и пристрастія, обставлено строжайшими формальностями. Прежде всего чиновники заклеиваютъ полосками бумаги выставленныя на работахъ имена авторовъ и отмѣчаютъ работы нумерами; такимъ образомъ экзаменаторы при чтеніи сочиненій уже не могутъ знать, чью работу они просматриваютъ.

Затѣмъ всѣ эти тысячи сочиненій переписываются красными чернилами, и мандарины третьяго класса приступаютъ къ просмотру всѣхъ рукописей. Признанныя лучшими поступаютъ уже на просмотръ высшихъ, назначенныхъ самимъ императоромъ экзаменаторовъ, но и послѣднимъ приходится имѣть дѣло, по крайней мѣрѣ, съ десятью процентами, т.-е. съ двумя-тремя тысячами сочиненій, написанныхъ 800—1.000 кандидатами. На долю каждой провинціи полагается лишь опредѣленное число учено-литературныхъ степеней; напримѣръ, на Гуанъдунъ всего 70—80, и императорскимъ экзаменаторамъ предстоитъ поэтому нелегкая задача указать изъ тысячи кандидатовъ 70—80 наиболѣе достойныхъ.

Приговоръ императорскихъ экзаменаторовъ не окончательный; они въ свою очередь представляютъ работы, удостоенныя ими степеней отличія, на судъ императорскаго прокурора, или цензора, который просматриваетъ ихъ и постановляетъ уже окончательное рѣшеніе.

Какъ мнѣ признавались сами китайскіе ученые, злоупотребленія на этихъ экзаменахъ, несмотря на всѣ строгости, все-таки бываютъ: сторожей подкупаютъ, запретныя книги проносятъ, а иногда даже и самыя сочиненія пишутся подставными кандидатами. Самихъ экзаменаторовъ не такъ легко склонить къ злоупотребленіямъ, такъ какъ виновные подвергаются строжайшей карѣ.

Принимая во вниманіе, съ какими большими расходами, утомительными путешествіями, подготовительными трудами и умственнымъ и физическимъ напряженіемъ во время самыхъ экзаменовъ сопряжено соискательство учено-литературныхъ степеней, подумаешь, что на долю удостоившихся этихъ степеней семидесяти-восьмидесяти счастливцевъ выпадаетъ что-то особенное, какая-то великая награда. Сидѣнье взаперти въ крохотныхъ, душныхъ каморкахъ въ самомъ дѣлѣ часто бываетъ прямо нестерпимымъ, и нѣкоторые кандидаты, постарше или послабѣе, не выносятъ испытанія. Смертные случаи отъ переутомленія весьма нерѣдки, и если смерть постигаетъ злосчастнаго кандидата въ самой „испытательной храминѣ“, для выноса тѣла умершаго проламываютъ главную стѣну, — входныя ворота по закону не открываются ни въ какомъ случаѣ. Многіе кандидаты неудачники не отчаиваются и подвергаются испытанію во второй, въ третій разъ, а то и больше, и иногда хоть подъ старость да удостаиваются таки степени „цзюй-жень“, т.-е. „произведеннаго человѣка“ (нѣчто вродѣ нашего „кандидата“).

Счастливецъ, стяжавшій такую честь, снаряжаетъ гонцовъ на свою родину, чтобы увѣдомить родныхъ о счастьѣ, выпавшемъ на долю его родного города или мѣстечка. Семья новоиспеченнаго цзюй-женя готовитъ на радостяхъ пиръ и расклеиваетъ на углахъ улицъ большіе красные плакаты, чтобы оповѣстить о знаменательномъ событіи всѣхъ друзей и знакомыхъ. Надъ дверью же собственнаго жилища счастливца вывѣшивается доска съ обозначеніемъ полученной имъ ученой степени. Богатые родные или земляки часто даже воздвигаютъ въ честь его тріумфальныя ворота.

А какихъ дѣйствительныхъ преимуществъ достигаетъ этотъ счастливецъ? Доходнаго, тепленькаго мѣстечка, высокаго сана или знаковъ отличія? Нѣтъ, только права занять когда-нибудь, пожалуй, еще черезъ много лѣтъ, скромную чиновничью должность!

Если цзюй-жень желаетъ пристроиться вѣрнѣе и скорѣе, онъ долженъ подвергнуться еще третьему роду испытаній, которыя происходятъ уже въ столицѣ, также разъ въ три года, обыкновенно ближайшею вес-

ною, вслѣдъ за провинціальными экзаменами. И пекинская „испытательная храмина“ не лучше провинціальныхъ, но участвующіе въ испытаніяхъ кандидаты считаются гостями императора и получаютъ въ теченіе всего срока своего томленія въ кельяхъ обильную казенную пищу, которая готовится тутъ же въ походныхъ кухняхъ. Но расходы по путешествію, которое беретъ иногда цѣлый мѣсяцъ времени, кандидатамъ приходится покрывать изъ своего кармана. Людей неимущихъ ссужаютъ для этой цѣли деньгами ростовщики, и когда такой кандидатъ получитъ постъ мандарина, онъ съ лихвой возвращаетъ свой долгъ. Самые экзамены въ Пекинѣ производятся такимъ же образомъ, какъ и въ провинціи, но только бываютъ труднѣе, и всѣ работы на заданныя классическія или философскія темы должны быть выполнены блестяще, а стихи быть безукоризненными.

Число кандидатовъ достигаетъ четырнадцати тысячъ, собирающихся изъ всѣхъ провинцій, но лишь одна десятая изъ нихъ удостоивается столь желанной степени „цзинь-ши“, „готовый ученый“, соотвѣтствующей нашей магистерской. Число степеней цзинь-ши строго опредѣлено для каждой провинціи, и всѣ, удостоивающіеся этой степени, обыкновенно скоро возводятся въ мандарины и получаютъ соотвѣтствующіе посты. Тотъ, кто не довольствуется и этой степенью, можетъ добиваться четвертой, для чего нужно подвергнуться еще одному испытанію, которое производится кандидатамъ въ заповѣдномъ Пурпуровомъ городѣ. Счастливцы, выдержавшіе и эти труднѣйшіе экзамены, становятся членами Хань-линской академіи и получаютъ титулъ поэтовъ и исторіографовъ императорскаго двора.

Религіи Китая.

(А. К.).

Господствующихъ религій въ Китаѣ три: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ. Задолго до появленія Конфуція религія китайцевъ уже представляла стройную систему. Она состояла въ почитаніи Тьянь—Неба, Шань-Ди—перваго государя и различныхъ духовъ (Шань). Между Тьянь—Небомъ, Ди—государемъ и Шанъ-Ди—верховнымъ владыкой нѣтъ никакого различія. Небо, какъ божество, не выказывается какимъ-нибудь чуднымъ путемъ, не проявляетъ особенной благосклонности къ однимъ или нерасположенія къ другимъ и познается только въ естественномъ ходѣ природы. Безгласно и просто, ни на минуту не прекращая своей дѣятельности, правитъ Небо вселенной, проявляя свое могущество въ дождѣ, въ сіяніи солнца, въ жарѣ и холодѣ, въ дыханіи вѣтра, въ смѣнахъ временъ года. Между явленіями природы и

жизнью человѣка существуетъ связь: государственное устройство совершается согласно законамъ природы.

Съ почитаніемъ неба, Шанъ-Ди и всеобщаго мірового порядка находится въ связи и почитаніе духовъ: имъ приписывается та же чудодѣйственная сила. Между духами различаютъ небесныхъ, земныхъ и духовъ предковъ. Почитаніе послѣднихъ наиболѣе распространено. По вѣрованію китайцевъ, жизнь не прекращается со смертью. Душа, лишившись своей тѣлесной оболочки, продолжаетъ существовать и оказывать таинственное вліяніе на живущихъ. Но, лишенная органовъ движенія, познанія, чувствъ, душа въ посмертномъ состояніи нуждается въ заботахъ посторонихъ. Эти заботы составляютъ кругъ обязанностей остающихся на землѣ: сына, внука, правнука и т. д., каждый изъ которыхъ, ставъ главою семейства, долженъ приносить жертвы всѣмъ восходящимъ членамъ рода, можетъ сноситься съ ними и пользоваться ихъ совѣтами, поддерживая такимъ образомъ непрерывное общеніе между самыми отдаленными поколѣніями. Только въ томъ случаѣ, если китаецъ умретъ не на родинѣ и тѣло его не будетъ возвращено китайской почвѣ, духъ его не успокоивается. Лишенный попеченія, голодный будетъ онъ рыскать въ невѣдомыхъ странахъ, пылая местью къ безпечнымъ потомкамъ. Поэтому-то китайцы такъ и заботятся, чтобы трупы ихъ умершихъ соотечественниковъ, хотя бы цѣною большихъ расходовъ, все-таки были возвращены на родину.

Души умершихъ должны имѣть свои мѣста собранія среди живущихъ, и для нихъ китайцы воздвигаютъ настоящіе храмы, устройство которыхъ вообще таково. Ворота и длинныя сѣни ведутъ въ открытый сверху, мощеный плитами дворъ, въ глубинѣ котораго, прямо противъ входа, помѣщается просторный залъ. Въ концѣ зала стоитъ длинный столъ, на которомъ расположены деревянныя таблички съ именами усопшихъ предковъ. Иногда эти таблички укрѣплены прямо на стѣнѣ. По таблічкамъ каждый китаецъ можетъ сосчитать всѣхъ своихъ предковъ съ большею легкостью, чѣмъ любой изъ нашихъ представителей знатныхъ родовъ.

Передъ собраніемъ предковъ въ важныя минуты собираются для совѣта члены того или другого семейства и разсаживаются по имѣющимся здѣсь стульямъ и скамьямъ. Многочисленныя явства ставятся передъ предками. Они невидимо вкушаютъ ихъ, вдыхая ароматъ блюдъ, который затѣмъ отправляются въ желудокъ смертныхъ. По стѣнамъ зданія написаны изреченія философовъ. Другая характерная особенность постройки—это большія каменныя доски, вдѣланныя въ стѣны, на которыхъ выгравированы безчисленные іероглифы именъ жертвователей на постройку храма.

Таковы въ общихъ чертахъ были религіозныя воззрѣнія китайцевъ

до Конфуція и такими же они остались и послѣ него. Конфуцій (551—478 г. до Р. Х.) не внесъ въ жизнь своего народа чего-либо новаго, что было бы плодомъ его внутренней и духовной работы. По его собственному признанію, его ученіе создано не имъ самимъ, а вытекаетъ изъ человѣческой природы, велѣніямъ которой слѣдовали древніе китайцы, жившіе за 22 столѣтія до христіанской эры.

Главное вниманіе Конфуція было обращено на обрядовую сторону религіи, области же сверхъестественнаго онъ избѣгалъ касаться. На вопросы о томъ, какъ слѣдуетъ поклоняться духамъ и что такое смерть, онъ отвѣчалъ уклончиво: „Когда не умѣемъ служить людямъ, то гдѣ ужъ умѣть служить духамъ. Духамъ надлежитъ приносить жертвы, какъ если бъ они присутствовали здѣсь. Если еще не знаемъ жизни, то какъ познать смерть". Вообще умъ Конфуція, какъ умъ истаго китайца, всецѣло привязаннаго къ непосредственно видимому и осязаемому, былъ чуждъ всего таинственнаго, всего, что выходитъ за предѣлы дѣйствительности, и въ то же время насквозь проникнутъ сознаніемъ важности нравственныхъ обязанностей человѣка. Сообразно съ этимъ и ученіе Конфуція носитъ характеръ житейской мудрости. Самымъ важнымъ въ глазахъ его является правильность отношеній между государемъ и подданными, родителями и дѣтьми, мужемъ и женой и т. д. при чемъ основой нравственности считается отсутствіе увлеченій, соблюденіе середины во всѣхъ поступкахъ и, какъ слѣдствіе этого, спокойствіе и невозмутимость. Человѣкъ не долженъ имѣть ни чрезмѣрной злобы, ни чрезмѣрной любви, не долженъ слишкомъ предаваться печали или радоваться, — однимъ словомъ, въ немъ должно быть полнѣйшее отсутствіе крайностей и увлеченій. Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ нужно избѣгать причинять другимъ то, чего себѣ не желаешь, чтобы иначе не нарушить спокойное и широкое теченіе общественной жизни. Справедливость и честность, послушаніе и почтительность къ старшимъ, кротость, терпѣніе и наконецъ вѣжливость—вотъ важнѣйшія добродѣтели.

Чтобъ укоренить свое ученіе въ умѣ народа, Конфуцій строго требовалъ исполненія обрядовъ (числомъ до 300) и церемоній (до 3000). Церемоніи являются сдерживающимъ началомъ; благодаря имъ человѣкъ знаетъ, какъ ему надо поступать въ извѣстное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и сумѣетъ вести себя прилично и съ достоинствомъ, избѣгая разнаго рода столкновеній, ссоръ и брани.

Путемъ, ведущимъ къ достиженію перечисленныхъ добродѣтелей, Конфуцій и его ученики считаютъ ученіе и самосовершенствованіе. Особенное значеніе имѣетъ изученіе исторіи и жизни святыхъ людей древности. Лица, призванныя управлять государствомъ, необходимо должны обладать познаніями, чтобы вести народъ къ счастію.

Ученіе Конфуція, будучи создано въ духѣ народа, вошло въ его кровь и плоть, и всякая попытка замѣнить отжившую старину новыми и лучшими учрежденіями всегда отвергалась съ презрѣніемъ китайцами, такъ какъ „князь мудрости (Конфуцій) все преподалъ, все сказалъ, все постигъ". Въ сущности всѣ китайцы, безъ различія вѣроисповѣданій—конфуціанцы по своимъ воззрѣніямъ, но въ частности его послѣдователями являются ученые и администраторы, болѣе или менѣе равнодушные къ религіознымъ вопросамъ, но для которыхъ познаніе классическихъ книгъ признается необходимымъ и даже обязательнымъ.

Съ внѣшней стороны религія Конфуція выражается въ жертвоприношеніяхъ и другихъ обрядахъ. Жертвы приносятъ небу, землѣ, умершимъ предкамъ императора, богамъ урожая, Конфуцію и другимъ мудрецамъ, геніямъ—покровителямъ ремеслъ и занятій, многимъ гражданамъ, оказавшимъ услуги государству, духамъ предковъ и т. д.

Императоръ исполняетъ необходимыя церемоніи чествованія духовъ въ сопровожденіи двора и чиновъ палаты церемоній, при чемъ самъ трижды преклоняетъ колѣна и дѣлаетъ 9 низкихъ поклоновъ, а остальныя обрядности выполняются сопровождающими его лицами. Императрица въ сопровожденіи двора приноситъ жертвы богинѣ шелководства, Юнзефѣ. Наиболѣе торжественныя церемоніи производятся дворомъ въ день зимняго солнцестоянія.

Въ конфуціанской религіи, въ противоположность буддизму и даосизму, нѣтъ ни священства, ни монашества. Служеніе духамъ исполняютъ оффиціальныя и административныя лица, а праху предковъ и домашнимъ богамъ приносятъ жертвы главы семействъ. По оффиціальнымъ китайскимъ свѣдѣніямъ, въ странѣ числится болѣе 1.500 храмовъ, посвященныхъ Конфуцію при экзаменаціонныхъ дворахъ, на которые расходуется ежегодно до 70.000 свиней, кроликовъ, овецъ и другихъ животныхъ для жертвоприношеній и до 30.000 кусковъ шелковой матеріи. Все это, разумѣется, поступаетъ въ доходъ прислугѣ, принимающей дѣятельное участіе въ чествованіи духовъ.

Второе мѣсто послѣ конфуціанства въ Китаѣ занимаетъ буддизмъ, насчитывающій изъ всѣхъ религій наибольшее количество послѣдователей среди обитателей Небесной имперіи, при чемъ эти послѣдніе принадлежатъ къ низшимъ классамъ населенія.

Буддизмъ, занесенный въ Китай впервые въ 61 г. послѣ Р. Х., подвергся здѣсь большому измѣненію.

Онъ включилъ въ свою церковь весь сонмъ китайскихъ божествъ и распался на рядъ сектъ совершенно своеобразнаго характера. Добрыя дѣла и праведная жизнь отошли на второй планъ, уступивъ свое мѣсто обрядности; ученіе о раѣ и адѣ загробной жизни играетъ здѣсь выдающуюся роль.

Буддизмъ имѣетъ въ Китаѣ множество мужскихъ и женскихъ монастырей. Въ буддійскомъ храмѣ можно найти массу идоловъ, начиная отъ идоловъ—хранителей храма и до трехъ изображеній Будды, настоящаго, прошедшаго и будущаго, и изображенія богини милосердія, увѣшанной всевозможными приношеніями. Буддійскіе священники, или бонзы не пользуются у народа большимъ почетомъ. Немаловажный доходъ имъ доставляетъ продажа предсказаній, различнаго рода принадлежностей для покойниковъ и особенныхъ пропусковъ для загробнаго путешествія, которые массами покупаются легковѣрными китайскими женщинами.

Третья религія въ Китаѣ—это даосизмъ, въ основѣ коей положено возвышенное ученіе философа Лао-цзы, непонятное для массы китайскаго населенія.

Суть ученія заключается въ выясненіи соотношенія между вселенной и Тао—невидимою и непостижимою сущностью всего. „Тао неощутимо, вы на него смотрите и не видите, вы его слушаете, но не слышите, вы пытаетесь коснуться его, но не можете схватить. Его нельзя выразить словами, оно непзмѣнно, оно бездѣйствуетъ, и тѣмъ не менѣе оно создало и небо и землю. Оно вѣчно и, являясь причиной и сущностью всего, никогда не исчерпывается и не устаетъ. Оно есть пустота, но изъ этой пустоты исходятъ и въ нее возвращаются, какъ къ своему первоисточнику, всѣ существа“.

По представленію Лао-цзы, природа человѣка сама по себѣ хороша, и тотъ, кто поступаетъ сообразно съ нею, будетъ имѣть въ себѣ Тао.

Ко всему внѣшнему, къ показной сторонѣ жизни, къ показной учености, къ грубой силѣ Лао-цзы относился отрицательно. Напротивъ, онъ проповѣдуетъ самоотреченіе. „Какъ воды текутъ къ мѣсту назначенія, оплодотворяя, очищая и освѣжая, такъ и мудрый правитель, если хочетъ стоять выше своихъ подчиненныхъ, долженъ какъ вода ставить себя ниже всѣхъ и всѣмъ благодѣтельствовать“. Обращаясь къ чиновникамъ конфуціонистамъ, онъ говорилъ имъ: „оставьте вашу мудрость и народъ будетъ въ тысячу разъ счастливѣе, бросьте вашу филантропію и судъ,—и народъ вернется къ сыновнему благочестію и состраданію“. Смиреніе, состраданіе и экономія—вотъ важнѣйшія качества человѣка. „Будучи сострадательнымъ, можно быть храбрымъ, будучи экономнымъ, можно быть щедрымъ, а будучи смиреннымъ, можно стать главою людей“.

По Лао-цзы, главною цѣлью праведнаго человѣка долженъ быть миръ; пускать въ ходъ оружіе онъ можетъ только въ случаѣ самой послѣдней крайности. „Истинно великій генералъ не долженъ любить войны, онъ не долженъ быть мстительнымъ и страстнымъ. Онъ назначаетъ сраженія, но предпочитаетъ не имѣть ихъ. Онъ лучше выждетъ нападенія, чѣмъ самъ начнетъ его. Если бы всѣ поступали такъ, не

было бы стремленія къ чинамъ, любви къ дракѣ и опустошеній, создаваемыхъ войной". Лао-цзы порицаетъ всякое насиліе, смертную казнь и вообще наказаніе. Лао-цзы учитъ не судить своего ближняго и воздавать добромъ за зло. Истинно хорошій человѣкъ любитъ всѣхъ, не отрицая никого. „Люди уважаютъ сильныхъ и презираютъ слабыхъ,— говоритъ Лао-цзы,—но изъ слабости часто возникаетъ сила и нѣжныя вещи дѣйствуютъ не хуже твердыхъ. Изъ всѣхъ мягкихъ частей на свѣтѣ самая мягкая—вода, но она сильнѣе, чѣмъ что-либо при разрушеніи твердыхъ камней".

Таково было ученіе Лао-цзы, легшее въ основаніе таоизма, но оно пришлось не по плечу современникамъ.

Въ концѣ-концовъ таоизмъ выродился въ самое глубокое идолопоклонство и суевѣріе. Матерія и силы природы, человѣкъ и его душа, все это было обоготворено. Появился цѣлый сонмъ божествъ и духовъ. Звѣзды, воздухъ, земля, рѣки и моря, города и деревни имѣютъ своихъ божествъ. Царю драконовъ, который представляетъ олицетвореніе воды и вообще влаги въ различныхъ формахъ, посвящены многочисленные храмы на берегахъ озеръ и рѣкъ. Змѣя является олицетвореніемъ этого божества и поэтому ей поклоняются и молятся во время наводненій. Многіе герои и ученые превратились въ сознаніи народа въ божества. Вообще всѣ суевѣрія, наиболѣе безсмысленныя, нашли себѣ пріютъ въ этой религіи, духовенство которой чрезвычайно невѣжественно. Оно раздѣляется на три главныхъ школы: одна посвящаетъ себя философскимъ умозрѣніямъ, другая ищетъ элексиръ, дающій вѣчную жизнь и талисманъ для превращенія вещества въ золото, уподобляясь алхимикамъ среднихъ вѣковъ, изъ среды третьей выходятъ заклинатели духовъ, различные маги и чародѣи. Они занимаются астрологіей, составляютъ гороскопы, вызываютъ и изгоняютъ духовъ, предсказываютъ будущее, лѣчатъ болѣзни, продаютъ различные талисманы и т. д.

Таоискіе священники считаются также знатоками Фенгъ-шуя, или науки о томъ, какъ располагать постройки и другія сооруженія, а также могилы, соображаясь съ рельефомъ мѣстности и свойствами почвы такъ, чтобы онѣ не были доступны вліянію злыхъ духовъ. Тѣло покойниковъ часто долгое время остается безъ погребенія, а иногда ихъ выкапываютъ даже изъ земли, чтобы похоронить въ болѣе удобномъ мѣстѣ. Въ настоящее время Фенгъ-шуй есть главный врагъ европейскихъ сооруженій, такъ какъ телеграфный столбъ тревожитъ Фенгъ-шуй, а желѣзная дорога осквернила бы многія мѣста, назначенныя для погребенія.

Культъ предковъ у таоистовъ превратился въ настоящее идолопоклонство; это уже не есть только благодарное сыновнее воспоминаніе объ усопшихъ родителяхъ; жертвоприношенія, совершаемыя здѣсь, имѣютъ реальное значеніе.

По воззрѣнію таоистовъ, душа человѣческая состоитъ изъ трехъ элементовъ, которые разъединяются въ моментъ смерти: одинъ изъ этихъ элементовъ — матеріальный — умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, другой—духовный—уносится въ эѳиръ, на звѣзды и т. д., наконецъ, третій (нѣчто среднее) остается при трупѣ въ могилѣ, сохраняя тѣмъ не менѣе способность переноситься куда угодно. Къ нему-то и относится культъ предковъ.

Души предковъ невидимыя постоянно блуждаютъ около своихъ потомковъ. Если они довольны приношеніемъ и почетомъ со стороны послѣднихъ, оказываемымъ каждый день, они защищаютъ ихъ отъ духовъ, помогаютъ имъ, ходатайствуютъ о нихъ передъ богами, они обезпечиваютъ имъ счастіе, здоровье и богатство; напротивъ того, будучи пренебрегаемы, они оставляютъ ихъ беззащитными противъ ухищреній злыхъ демоновъ, и неблагодарное семейство влачитъ свою жизнь въ несчастіи и позорѣ.

Въ отличіе отъ ученія Конфуція, таоизмъ имѣетъ духовенство, монаховъ и папу, въ чемъ онъ сходится съ буддизмомъ. Они совершаютъ службы различнымъ божествамъ и часто соединяются при этомъ съ буддійскими священниками.

Три религіи Китая: конфуціанизмъ, таоизмъ (даосизмъ) и буддизмъ не находятся во враждебномъ отношеніи другъ къ другу, но мирно уживаются рядомъ. Каждый изъ 400 милліоновъ обитателей Небесной имперіи, если онъ, какъ жрецъ или монахъ, не состоитъ въ болѣе близкомъ отношеніи къ одной изъ этихъ религій, безразлично посѣщаетъ ихъ храмы для поклоненія тому божеству, въ которомъ встрѣчается необходимость въ данную минуту, пользуется конфуціанскими обрядами для чествованія праха предковъ и изучаетъ конфуціанскія книги для сдачи государственнаго экзамена, представляющаго единственный путь къ занятію мѣста чиновника.

На водораздѣлѣ Желтой и Голубой рѣки.

(Пясецкаго).

Кончилось наше водное странствованіе. Теперь намъ предстоитъ длинная сухопутная дорога черезъ сѣверо-западный уголъ собственнаго Китая.

Вотъ что предстоитъ намъ пройти въ общихъ чертахъ: мы выйдемъ изъ бассейна р. Янъ-Цзы, перейдя черезъ хребетъ Цзунъ-Линъ-Шань, и, спустившись съ него, вступимъ въ бассейнъ другой громадной рѣки Китая—Хуанъ-Хо (Желтой).

Всходитъ солнце. На сине-голубомъ небѣ нигдѣ ни облачка, и воз-

духъ, послѣ недавнихъ дождей, такъ прозраченъ и чистъ. Всѣ уже встали и всѣ въ хлопотахъ, а маленькій дворикъ нашего дома весь загроможденъ вьючными сѣдлами съ привязанными къ нимъ многочисленными мѣстами нашего багажа.

Наконецъ, работа на дворѣ затихла на время; а въ третьемъ часу дня муравейникъ снова зашевелился, и китайцы-извозчики приступили къ вьючкѣ. Они всѣ въ соломенныхъ шляпахъ, съ такими широчайшими полями, что послѣднія, при тѣснотѣ, какая была на дворѣ, часто заходили краями другъ за друга и образовали какъ бы сплошной помостъ, такъ что, смотря на нихъ сверху, напримѣръ, съ лошади, ничего вокругъ себя не видишь, кромѣ шляпъ. Явились солдаты и офицеры, которые должны были конвоировать насъ; привели наемныхъ верховыхъ лошадей подъ нашими сѣдлами, и такъ какъ мы были готовы, транспортъ нашъ тоже, то мы рѣшили тронуться впередъ, чтобы избавиться отъ наскучившей суматохи и освободить другимъ мѣсто.

Съ нами отправлялись пѣшкомъ восемь человѣкъ конвоировъ изъ мѣстной полицейской команды, которымъ мы роздали въ руки разныя вещи, другія надѣли на себя и тронулись, едва пробравшись черезъ загроможденный дворъ. Но не просторнѣе было и на улицѣ, которая была не усѣяна, а просто набита народомъ, и намъ для проѣзда осталась лишь узенькая свободная тропинка; и то хорошо... Мы поѣхали по ней, оглядываясь на знакомые дома и прощаясь съ улицами города. Толпа стояла совершенно спокойно и только жужжала, какъ пчелиный рой; всѣ были почтительны: намъ не сдѣлано ни малѣйшей обиды, не крикнуто ни одного браннаго слова; нѣкоторые знакомые прощались и что-то кричали, махая руками. При такой обстановкѣ проѣхали черезъ весь городъ. Вотъ мы уже за его воротами, проѣзжаемъ предмѣстье; вотъ и нивы съ убранной или еще стоящей на корню пшеницей и хлопчатникомъ; а тамъ рисовыя поля сверкаютъ, какъ огромныя зеркала, положенныя на землю; ихъ только что наполнили водой и перепахиваютъ подъ нею, а по другимъ уже разсаживаютъ рисъ, бродя по колѣна въ водѣ. На гумнахъ идетъ молотьба цѣпами, такими же, какъ и у насъ, и такъ же, какъ и у насъ, маленькими группами людей, такъ что картина молотьбы невольно перенесла меня въ русскія деревни.

Теперь намъ была хорошо видна громадная равнина Хань-Чжунъ-Фу, знаменитая своимъ плодородіемъ, богатою растительностью и густымъ населеніемъ; китайцы, говорятъ, называютъ ее зеленымъ раемъ. Но, должно быть, она рай не для тѣхъ, кто здѣсь живетъ, потому что всѣ здѣшніе жители имѣютъ блѣдный, болѣзненный видъ; много людей съ больными глазами и даже почти или совсѣмъ слѣпыхъ...

Описываемая равнина такъ велика, что окраины ея, уходящія въ даль, недоступны глазу и, какъ кажется, упираются въ подножія отда-

лепныхъ горъ, замыкающихъ ее со всѣхъ сторонъ. Вся она испещрена разноцвѣтными полями, деревеньками, фермами и хорошенькими кумирнями, а также усѣяна группами деревьевъ, между которыми встрѣчаются невысокія вѣерныя пальмы (Chamaerops), персики и абрикосы, а въ густой древесной листвѣ воркуютъ горлинки, кричатъ удоды и другія птицы. Равнина изрѣзана густо обросшими зеленью каналами, по которымъ, журча, бѣжитъ чистая горная вода; черезъ каналы перекинуты каменные мостики на аркахъ, но безъ перилъ. Надъ водой перелетаютъ кулики, вьются стрекозы, бабочки, жуки и другія насѣкомыя. Воздухъ необыкновенно прозраченъ, но дышать имъ тяжело, потому что онъ переполненъ міазмами отъ удобреній.

Густота населенія здѣсь поражающая: куда бы ни обратился взглядъ, онъ непремѣнно встрѣтитъ человѣческое жилище и увидитъ людей, то занятыхъ уборкою хлѣба и сѣна, то обрабатывающихъ поля или ѣдущихъ въ носилкахъ, разглядитъ голыхъ или полуголыхъ дѣтей, бѣгающихъ около своихъ домовъ и, должно быть, цѣлые дни проводящихъ на солнцѣ, потому что цвѣтъ кожи у нихъ, какъ и у взрослыхъ, болѣе или менѣе коричневый.

Мы ѣхали, по временамъ останавливаясь, поджидая своихъ спутниковъ. Наконецъ, наша компанія въ полномъ составѣ... Въ первый разъ по этой равнинѣ ѣдутъ верхомъ восемь человѣкъ русскихъ, которыхъ сопровождаютъ верхомъ же нѣсколько китайскихъ офицеровъ; четыре солдата несутъ на носилкахъ главнаго изъ мандариновъ, сопровождающихъ насъ до ближайшаго города, и носильщики идутъ быстрѣе нашихъ лошадей. Далѣе слѣдуетъ конвой изъ восьми человѣкъ, одѣтыхъ въ форменное платье и шляпы и вооруженныхъ страннымъ на видъ, холоднымъ оружіемъ въ родѣ алебардъ, ножеобразныхъ копій и зазубренныхъ ножей; за ними идутъ шестнадцать человѣкъ пѣшей прислуги изъ полицейскихъ солдатъ, и за этой многочисленной группой людей тянется длинною вереницей транспортъ изъ тридцати вьючныхъ муловъ подъ нашимъ багажомъ. Подлѣ муловъ идутъ пѣшіе извозчики, загорѣлые и запыленные; тѣмъ не менѣе они закрываются отъ солнца и обмахиваются вѣерами, подобно нашимъ дамамъ.

Медленнымъ, но спорымъ шагомъ подвигался нашъ караванъ по равнинѣ; солнце просто жгло, несмотря на соломенныя шляпы съ широчайшими полями и вѣера, которыми мы запаслись на дорогу; жаръ спалъ только, когда солнце скрылось за горы. Въ это время мы подъѣзжали къ селенію, въ которомъ китайцами была приготовлена для насъ квартира, и всѣ уже считали сегодняшній переѣздъ оконченнымъ, надѣялись сейчасъ успокоиться и отдохнуть послѣ исполненнаго трудовъ и суматохи дня. Я подъѣхалъ къ одному большому дереву, котораго не могъ опредѣлить издали. Это была огромная стеркулія, и она какъ

оказалось, служила ночнымъ пріютомъ для множества большихъ и маленькихъ птицъ; тутъ былъ, можно сказать, цѣлый міръ пернатыхъ, и когда я сдѣлалъ выстрѣлъ по одной незнакомой мнѣ птицѣ, надо мной поднялся такой крикъ, какъ будто вдругъ цѣлый городъ проснулся. Тутъ были представители голенастыхъ, голубиныхъ, вороньихъ и другихъ породъ птицъ. Встревожившись, онѣ не думали улетать, такъ что подъ этимъ деревомъ натуралисту можно было сдѣлать богатое пріобрѣтеніе; но я съ грустнымъ сердцемъ долженъ былъ тотчасъ уйти отсюда, чтобы догнать удалявшійся караванъ. Ему, къ общему разочарованію, было объявлено, что здѣсь ночевать не останемся, а пойдемъ до слѣдующаго селенія, находящагося отсюда въ разстояніи пятнадцати верстъ!

Небо ужъ начинало темнѣть; голубая вечерняя мгла ложилась на равнину и одѣвала окаймляющія ее горы, къ которымъ мы приближались. На нихъ уже можно было различить обработанныя поля по тѣмъ горизонтальнымъ линіямъ, какими горы казались расчерченными въ своей нижней половинѣ. Еще засвѣтло переѣхали въ бродъ довольно широкій ручей, встрѣтившійся на дорогѣ, и потомъ рѣку, оказавшуюся Хань-Цзяномъ... Онъ здѣсь не широкъ, течетъ въ отлогихъ берегахъ и какъ ни мелокъ, а лодки по немъ все-таки идутъ и порядочныя.

И долго еще тащились мы въ ночномъ мракѣ и, наконецъ, достигли селенія, окруженнаго стѣной. Вступили черезъ ворота въ улицу и усталые мечтали объ отдыхѣ, о пріютѣ на ночь; но въ томъ-то и горе, что здѣсь никакого пріюта не было; пришлось еще отыскивать себѣ помѣщеніе, что ночью не неудобно только въ европейскихъ городахъ, стоящихъ на желѣзныхъ дорогахъ и имѣющихъ гостиницы, всегда открытыя и ожидающія пріѣзжихъ гостей. Хотя многіе изъ жителей села еще не спали, хотя многіе изъ нихъ выбѣгали на улицу съ зажженными лучиночками, встревоженные голосами, стукомъ копытъ и звономъ бубенчиковъ, висѣвшихъ на мулахъ, тѣмъ не менѣе найти себѣ квартиру мы не могли и, чтобы не оставаться всю ночь на улицѣ, принуждены были въѣхать на тотъ же постоялый дворъ, куда вводили нашихъ вьючныхъ муловъ.

Темная ночь. Стоимъ на тѣсномъ постояломъ дворѣ посреди муловъ и извозчиковъ. Каждый кричитъ свои одинаково непонятныя для насъ слова и проходитъ мимо со своими заботами; до насъ никому нѣтъ дѣла; вы спрашиваете, куда же пройти,—васъ никто не слушаетъ или слушаетъ да не понимаетъ, и, сказавъ что-то, уходитъ прочь. Я долго сидѣлъ на лошади, ожидая, что кто-нибудь явится взять ее, чтобы поставить къ мѣсту, и дождался, наконецъ. Одинъ изъ китайскихъ офицеровъ взялъ ее, а мнѣ указалъ, куда идти, прибавивъ: домъ плохой, домъ очень не хорошъ! Войдя по указанному направленію въ какое-то

большое пространство, ограниченное сверху соломенной крышей, а съ боковъ закопченными, пропитанными дымомъ, глиняными стѣнами, и предполагая, что это какой-нибудь проходной сарай, за которымъ находится чистый дворъ и на немъ домъ, я напрасно искалъ изъ него выходъ,— двери нигдѣ не было. Значитъ, этотъ-то грязный сарай, освѣщенный однимъ тусклымъ ночникомъ, въ одной половинѣ набитый до верху соломой, а въ другой—имѣющій широкую лежанку (канъ) человѣкъ на двадцать, и есть тотъ самый пріютъ, котораго мы ждали и о которомъ мечтали. Только эта лежанка, да отсутствіе яслей для животныхъ отличали его отъ помѣщенія дляословъ и муловъ.

Въ китайской деревнѣ.

Расположились на грязной лежанкѣ, даже не покрытой циновкой, какая обыкновенно имѣется въ самомъ бѣдномъ домикѣ, и, стараясь не думать о ночевавшихъ здѣсь вчера грязныхъ китайскихъ извозчикахъ, пожалуй, осыпанныхъ паразитами, мы улеглись на покой.

Встали рано, и хотя въ нашемъ салонѣ приличнѣе было бы жевать овесъ и сѣно, мы стали пить чай, который черезъ нѣсколько секундъ дѣлался мутнымъ отъ примѣси пыли, наполнявшей занимаемый нами хлѣвъ. Наши конвойные явились откуда-то, и, взявъ изъ нихъ трехъ, я поѣхалъ впередъ, надѣясь выиграть хоть немного времени. Эти мои спутники, несмотря на жару, бодро шагавшіе около меня, хотя и были

солдаты, но своими молодыми лицами безъ одного волоска на губахъ и бородѣ, своими широкими соломенными шляпами, широкой одеждой и косами, гораздо болѣе походили на нашихъ женщинъ, чѣмъ на воиновъ.

Мѣстность имѣла тотъ же характеръ, что и вчера: тѣ же горы, окаймляющія горизонтъ, оставляя въ немъ только одно мѣсто открытымъ,— гдѣ проходитъ долина Хань-Цзяна; та же равнина съ полями разнаго хлѣба. Только сегодня чаще встрѣчаются плантаціи мака, и на каждой маковой головкѣ видны надрѣзы, сдѣланные ножичкомъ для полученія губительнаго сока, — опіума. Дороги, которыхъ здѣсь много, мѣстами обсажены огромными прекрасными деревьями или густымъ, высокимъ кустарникомъ, такъ что по временамъ забудешься и думаешь, что ѣдешь какимъ-нибудь паркомъ.

Скоро мы приблизились къ горамъ. Онѣ въ этомъ мѣстѣ обработаны до самыхъ вершинъ, при чемъ многія поля выравнены террасами; почва на нихъ глинистая, желто-краснаго или зеленовато-сѣраго цвѣта, а невоздѣланныя пространства покрыты травой и мелкимъ кустарникомъ. На пути часто встрѣчаются селенія, отѣненныя роскошными вѣковыми деревьями, придающія имъ весьма живописный видъ; и особенно уютной и красивой показалась мнѣ деревенька, расположенная вдоль берега маленькой рѣчки; вся она скрыта въ зеленой тѣни тополей, между которыми мелькаютъ гранатовыя деревья съ ихъ прекрасными пунцовыми цвѣтами. На рѣчкѣ работала мельница, и нѣкоторые деревенскіе домики расположены также у самой воды.

Я остановился, чтобы полюбоваться симпатичной картиной тихой, никому невѣдомой жизни горсточки людей. Всѣ они были заняты хозяйственными заботами: женщины на берегу мыли бѣлье, колотя его вальками, точь въ точь какъ это дѣлаютъ наши прачки; другія толкли камешками въ каменныхъ чашкахъ пшеницу, превращая ее такимъ первобытнымъ способомъ въ муку для своего маленькаго домашняго хозяйства; а другимъ проявленіемъ малыхъ потребностей здѣшнихъ жителей являлись засѣянные пшеницей клочки земли около домовъ, не болѣе аршина или двухъ величиной. Неподалеку, подъ тѣнью дерева, два человѣка чистили убитую и повѣшенную на деревѣ за заднія ноги свинью, усердно колотя потомъ палками по ея кожѣ, имѣющей у китайскихъ свиней необыкновенную бѣлизну (мнѣ объяснили, что посредствомъ этого колоченія сало дѣлается рыхлымъ и нѣжнымъ). Вблизи бродили разныя домашнія животныя: куры, утки, цыплята, собаки, коровы и свинья съ поросятами.

Мы постепенно поднимались по дорогѣ и уже послѣ перваго поворота ея увидали себя окруженными со всѣхъ сторонъ горами. Но дорога не стала пустыннѣе: на ней безпрестанно встрѣчались пѣшіе китайцы

въ соломенныхъ шляпахъ и соломенныхъ башмакахъ, состоящихъ почти изъ однѣхъ подошвъ; у каждаго въ рукахъ былъ зонтикъ, который, однако, предназначался, какъ видно, на случай дождя, а не въ защиту отъ солнца, потому что люди несли его на плечѣ сложеннымъ, повѣсивъ на него верхнее платье и кисетъ съ табакомъ. Встрѣтилась одна хорошенькая женщина, проѣхавшая верхомъ на ослѣ, котораго велъ подъ уздцы мужчина; часто попадались навстрѣчу караваны муловъ, которые шли со своей ношей, по обыкновенію гремя бубенчиками. Они везли по преимуществу разныя лѣкарства и табакъ изъ Лань-Чжоу.

Дорога идетъ бокомъ живописнаго ущелья, по дну котораго съ звонкимъ журчаньемъ бѣжитъ и скачетъ ручей, а по бокамъ растутъ прекрасныя деревья грецкаго орѣха, тополи, айланты, діоспиросы и другія. Въ немъ во многихъ мѣстахъ пріютились домики, глиняные съ соломенными или черепичными крышами; кое-гдѣ торчатъ голыя скалы сланца, а надъ ними густо заросъ высокій кустарникъ разныхъ породъ, и изъ его непроницаемой чащи доносятся голоса разныхъ птицъ.

Мы то поднимались въ гору, иногда по изсѣченнымъ въ скалахъ лѣстницамъ, то спускались по такимъ же ступенямъ въ долины или проходили по извилистому ущелью.

Но вотъ небо заволокло тучами; горы нахмурились; изъ ущелья потянулъ сильный вѣтеръ, и термометръ упалъ до 19,5° Р., а намъ при этой температурѣ казалось холодно. Вѣтеръ шумитъ въ кустахъ и деревьяхъ, качая граціозныя гирлянды бѣлой китайской розы. Этотъ дико растущій кустарникъ взбирается на другіе кустарники и деревья, густо оплетаетъ ихъ своими длинными вѣтвями, осыпанными безчисленными бѣлыми цвѣтами и разливаетъ въ воздухѣ нѣжный ароматъ. Дорога вдругъ превратилась въ отлогую каменную лѣстницу, какъ бы сложенную изъ большихъ природныхъ плитъ, ужасно изрытыхъ. Лошадямъ чрезвычайно трудно взбираться по этой лѣстницѣ, да и не малая крѣпость нервовъ требуется также отъ тѣхъ, кто проѣзжаетъ здѣсь верхомъ, потому что съ лѣвой стороны дороги, отъ самаго ея края, почва круто опускается до дна глубокаго ущелья, по которому съ шумомъ скачутъ небольшіе водопады: оступись лошадь, поскользнись у ней нога — и ничего нѣтъ мудренаго, что слетишь вмѣстѣ съ нею на дно пропасти.

Мы поднялись благополучно по этой лѣстницѣ, и дорога пошла тропинкой, все въ гору; потомъ опять превратилась въ лѣстницу, и, поднявшись по ней, мы достигли вершины горы. Тутъ, подъ тѣнью роскошной растительности, стоитъ кумирня, портикъ которой образуетъ выступъ съ навѣсомъ, такъ что дорога проходитъ подъ нимъ, и ни одинъ путникъ не можетъ миновать его, потому что другого пути нѣтъ; потолокъ этого навѣса, поддержаго нѣсколькими деревянными столбами, расписанъ

самымъ пестрымъ и яркоцвѣтнымъ узоромъ. Въ кумирнѣ стоитъ идолъ; возлѣ него повѣшенъ колоколъ, въ который хя-шанъ (священникъ), живущій при кумирнѣ, ударяетъ нѣсколько разъ, когда кто-нибудь проходитъ или проѣзжаетъ мимо, приглашая этимъ къ пожертвованію; но въ пользу кого и чего, я не могъ спросить, потому что былъ одинъ.

Постоявъ на верхней площадкѣ и полюбовавшись глубокимъ ущельемъ, убраннымъ пушистою зеленью и полями, находившимися на другой сторонѣ его и лежащими еще выше меня, я поѣхалъ дальше,—теперь внизъ, по такой же лѣстницѣ и, спустившись, нѣсколько разъ оборачивался назадъ, чтобъ еще взглянуть на прекрасный видъ; смотрѣлъ и не могъ оторвать отъ него глазъ...

По дорогѣ чуть не на каждомъ шагу встрѣчаются то отдѣльныя жилища, то деревни. Жители ихъ—китайцы; но ихъ физіономіи иногда заставляли забывать о Китаѣ, а уносили мысль въ Россію, къ нашимъ мужичкамъ. Смотришь на эти загорѣлыя коричневыя лица, на эти крѣпкія мозолистыя руки и думаешь: нѣтъ, это не китаецъ,—желтый и слабый, какимъ представляло его воображеніе.

Но не похожа здѣшняя обстановка на нашу. Здѣсь красивая вѣерная пальма, колеблемая легкимъ вѣтромъ, качается своими тонкими листьями; въ воздухѣ разлитъ ароматъ душистыхъ цвѣтовъ; кругомъ вездѣ богатѣйшая растительность; всюду такъ красиво, что все бы перерисовалъ, если бы позволяло время...

Китайскіе солдаты съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ смотрѣли на мои занятія по части собиранія всякой всячины; но вскорѣ увлеклись сами и помогали мнѣ, чѣмъ могли. Были очень любезны и всѣ встрѣчавшіеся на дорогѣ туземцы, если представлялся случай оказать мнѣ какую-нибудь услугу. Напримѣръ, однажды я увидалъ на крутомъ склонѣ горы, невысоко надъ горой, одно интересное растеніе и попробовалъ достать его, что оказалось нѣсколько затруднительнымъ. Тогда одинъ изъ сидѣвшей подъ навѣсомъ скалы группы отдыхавшихъ китайцевъ-носильщиковъ, замѣтивъ мое намѣреніе, тотчасъ вскарабкался на скалу, сорвалъ его и любезно подалъ мнѣ, прежде чѣмъ я успѣлъ сказать одно слово просьбы.

День уже клонился къ вечеру, и мнѣ надо было спѣшить, чтобы не опоздать, а то ночью здѣсь ѣхать плохо, потому что дорога каменистая и очень неровная. Лошадь моя была голодна, утомилась и шла еще медленнѣе обыкновеннаго; поэтому я пошелъ пѣшкомъ, а погонщикъ повелъ ее въ поводу. Наконецъ, мы добрались до села, гдѣ мои спутники остановились на ночлегъ.

На берегахъ Янъ-цзе (Хань-коу).

(Бородовскаго).

За Нанкиномъ большая густота населенія обнаруживается присутствіемъ небольшихъ селеній и многочисленныхъ отдѣльныхъ фанзъ, расположенныхъ на низкомъ берегу подальше отъ рѣки, а на болѣе высокомъ и гористомъ вытянутыхъ у самой рѣки. Эти небольшіе поселки слѣдуютъ другъ за другомъ довольно часто, но въ нихъ лишь изрѣдка можно разглядѣть людей, и они кажутся пустынными.

Только вечеромъ передъ самымъ заходомъ солнца показывается около фанзъ рабочій людъ, возвратившійся съ полевыхъ работъ, да дѣти, съ громкими криками бѣгущія по берегу за пароходами, разнообразятъ довольно унылый пейзажъ. Иногда на берегу у самой воды виднѣются поля, покрытыя яркою зеленью растущаго на нихъ риса.

Мы плывемъ въ сравнительно малую воду, и потому берега кажутся довольно высокими. Въ концѣ августа или въ періодъ сезонныхъ дождей здѣсь бушуетъ сплошное море воды, на которомъ лишь незначительными точками выдѣляются китайскія поселенія. И теперь океанскіе пароходы съ осадкою въ 25 — 30 футовъ свободно идутъ вверхъ по рѣкѣ болѣе 1000 верстъ отъ ея устья. Какова же должна быть глубина этой рѣки во время разливовъ, если по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ Хань-коу, уровень воды колеблется до 54 футовъ. Нужно хоть разъ видѣть эту могучую рѣку, чтобы вообразить себѣ ту громадную массу быстро несущейся желтой воды, которую она вливаетъ въ океанъ, и тогда будетъ понятно то почти божеское почитаніе, которое питаетъ къ ней китайскій народъ. Немного страннымъ кажется названіе рѣки „Голубой“, когда вода ея имѣетъ цвѣтъ жидкаго кофе со сливками, но вѣдь мы еще до сихъ поръ не отрѣшились отъ старинныхъ географическихъ именъ въ Китаѣ, навязанныхъ намъ іезуитами, которые назвали эту рѣку „Голубой“, вѣроятно, въ противоположность Хуанъ-хэ, извѣстной подъ именемъ „Желтой“. Сами китайцы зовутъ рѣку „Великой рѣкой“ и имѣютъ на это полнѣйшее право, такъ какъ ни одна изъ рѣкъ сѣвернаго полушарія не можетъ конкурировать съ нею не только по длинѣ теченія, но и по глубинѣ фарватера.

Изъ острововъ этой рѣки особенною оригинальностью отличается островъ „Маленькая Сирота“. Представьте себѣ одиноко стоящую по срединѣ рѣки каменную скалу, высота которой болѣе 400 футовъ, а основаніе на линіи соприкосновенія съ поверхностью воды едва достигаетъ ста футовъ въ поперечникѣ. Этотъ столбообразный возвышающійся островъ только на вершинѣ покрытъ незначительной древесной растительностью, скрывающей въ зелени кѣмъ-то построенную буддій-

скую кумирню. Нельзя не удивляться энергіи и труду, которые потрачены на то, чтобы на эту недоступную головокружительную высоту проложить ступеньчатую тропинку и уже по ней поднимать привезенный по рѣкѣ строительный матеріалъ. Надо сознаться, что лучшее мѣсто для удаленія отъ свѣта найти было бы трудно; здѣсь надъ бездной несущейся воды, поближе къ небесамъ, буддійскій бонза, или отшельникъ, дѣйствительно можетъ отрѣшиться отъ всего земного и безпрепятственно погрузиться въ нирвану.

Вблизи этого острова рѣка нѣсколько разъ круто мѣняетъ свое направленіе, представляя изъ себя въ планѣ почти восьмерку. Подошедшія съ правой стороны довольно высокія, крутыя и дикія горы тѣснятъ ее, заставляютъ течь только по одному руслу и тѣмъ увеличиваютъ быстроту теченія, которое здѣсь достигаетъ семи узловъ въ часъ. Со стороны лоцмана здѣсь нужны громадная опытность и умѣніе, такъ какъ, благодаря измѣнчивости фарватера, приходится то и дѣло мѣнять направленіе и ходъ машины, работая то правымъ, то лѣвымъ винтомъ. Помимо быстроты теченія, мѣсто это замѣчательно еще своимъ многократнымъ эхо. Рѣзкіе звуки сирены или пароходнаго свистка повторяются въ дикихъ ущельяхъ горъ по нѣскольку разъ, доставляя не малое развлеченіе пассажирамъ.

Передъ самымъ Хань-коу мѣстность опять принимаетъ однообразный видъ обширной равнины, на далекомъ горизонтѣ которой виднѣются невысокіе холмы, красноватые тоны которыхъ непріятно рѣжутъ глаза. Здѣсь густота населенія уже даетъ себя знать значительно большимъ числомъ расположенныхъ вдоль рѣки поселковъ. Многочисленныя китайскія джонки, рыбачьи лодки, иностранные и мѣстные пароходы, цѣлыя пловучія деревни, воздвигнутыя на громадныхъ плотахъ—виднѣются на поверхности рѣки, которая здѣсь опять замѣтно расширяется.

Бросивъ якорь противъ набережной соединеннаго европейскаго квартала, мы стали ожидать пріѣзда агента Добровольнаго флота, который долженъ былъ выяснить, когда мы возьмемъ грузъ и какой. Интересное мѣсто представляетъ этотъ уголокъ Голубой рѣки, интересное въ томъ смыслѣ, что здѣсь, при впаденіи въ нее рѣки Ванъ-яна, сосредоточилось такое многочисленное и густое населеніе, какого болѣе не встрѣчается на Янъ-цзе, да и въ остальномъ Китаѣ не во многихъ мѣстахъ. Здѣсь лежатъ три большихъ населенныхъ пункта: областной городъ У-чанъ, имѣющій до 200 тысячъ населенія, городъ Хань-янъ, имѣющій до 300 тысячъ населенія, и предмѣстье послѣдняго Хань-коу-чженъ. Въ то время какъ самый У-чанъ-фу и Хань-янъ въ послѣднее время дѣлаются болѣе и болѣе захудавшими, хотя все же еще многолюдными городами, Хань-коу растетъ непомѣрно. Открытый для иностранной торговли по Тянь-цзинскому договору, онъ въ короткое время изъ

простого села обратился въ громаднѣйшій городъ съ почти милліоннымъ населеніемъ, хотя попрежнему не перестаетъ носить скромное названіе села. Путешественники весьма различно опредѣляютъ количество населенія этого уголка Китая. Одни говорятъ, что здѣсь сосредоточено не менѣе 6 милліоновъ душъ, другіе—что только немногимъ болѣе милліона. Провѣрить эти цифры хотя приблизительно невозможно, но кто хочетъ составить себѣ понятіе о количествѣ населенія въ Хань-коу, тому совѣтую посѣтить не европейскій кварталъ, а китайскій городъ, пройти его и выйти на берегъ довольно широкаго притока Янъ-цзе — Ханъ-цзана. Пусть не страшатъ его отвратительная грязь, вонь и мерзость лавокъ, улицъ и домовъ, постоянная суета, шумъ и давка: тѣмъ, что онъ увидитъ, вполнѣ вознаградятся непріятныя стороны такого путешествія. Начать съ того, что улицы Хань-коу нѣсколько иныя, чѣмъ въ Шанхаѣ. Узкіе коридоры, образуемые стѣнами довольно высокихъ китайскихъ лавокъ и домовъ, прикрытые сверху для защиты отъ палящихъ лучей солнца дырявой и во многихъ мѣстахъ разрушенной крышей, вымощенные плитами или каменными обломками послѣднихъ, никогда не вентилируемые движеніемъ вѣтра, который не имѣетъ возможности сюда проникнуть, наполненные съ ранняго утра до поздняго вечера толпою снующаго во всѣ стороны, вѣчно занятого народа,—они похожи на кишащій муравейникъ въ тотъ моментъ, когда послѣдній встревоженъ чьей-нибудь любознательной рукой. Миновавъ многочисленныя закусочныя, чайные дома, мастерскія, мы выходимъ на берегъ Ханъ-цзана, и представившаяся намъ здѣсь картина сразу даетъ понятіе о скученности и многочисленности здѣшняго населенія. Повсюду вверхъ по рѣкѣ, куда хватаетъ глазъ, виднѣются мачты китайскихъ лодокъ и джонокъ; маленькіе красные четырехугольные вымпела на мачтахъ развѣваются по вѣтру. На этихъ лодкахъ живутъ, родятся и умираютъ тѣ изъ многочисленныхъ сыновъ Китайской имперіи, которые не имѣютъ возможности заниматься земледѣліемъ, не имѣютъ куска земли и иныхъ средствъ къ жизни, кромѣ перевозки грузовъ, рыбной ловли и т. п. промысловъ.

Обыкновенно лодка такого китайца представляетъ изъ себя двѣ неравномѣрныя половины. Та, которая на кормѣ, очень маленькая, и въ ней живетъ все семейство хозяина; здѣсь же помѣщается домашній алтарь. Передняя же, большая, служитъ для груза и пассажировъ. Многіе китайцы не имѣютъ средствъ не только пріобрѣсти землю въ аренду или собственность, но даже и лодку. Эти нанимаются работниками къ лѣсопромышленникамъ и проводятъ вмѣстѣ съ семействомъ всю свою жизнь на громадныхъ плотахъ, которые ихъ хозяева сплавляютъ съ верховьевъ Янъ-цзе и которые мы такъ часто встрѣчали на своемъ пути. Эти плоты достигаютъ огромныхъ размѣровъ, и на нихъ обык-

новенно выстроена цѣлая деревня, даже обнесенная по краямъ заборомъ. Къ такимъ плотамъ привязано нѣсколько маленькихъ легкихъ лодокъ, на самихъ же плотахъ помѣщается скотъ, сѣно и хозяйственные запасы. Когда смотришь на эти пловучія постройки съ борта парохода, онѣ совершенно напоминаютъ маленькую деревню.

Плоты, суда и шлюпки столь густо стоятъ по рѣкѣ, что, кажется, по этому подвижному мосту бревенъ и палубъ можно перейти на другой берегъ. Невообразимый шумъ голосовъ этого человѣческаго муравейника слышенъ еще задолго до приближенія къ нему.

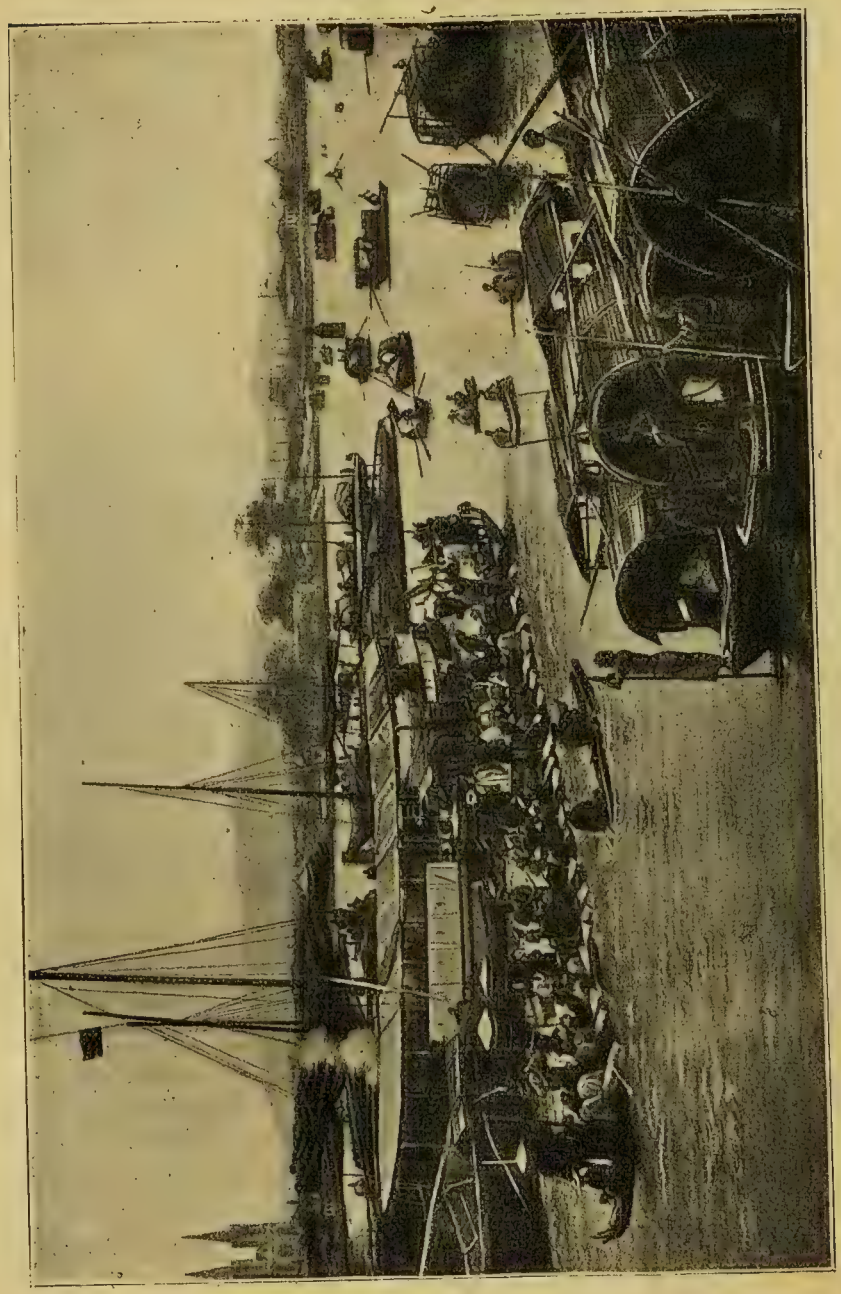
Сѣвши въ небольшую лодку, я было попытался проплыть на ней до устья рѣки, но, потолкавшись немного безъ малѣйшаго успѣха объ носъ и корму вблизи стоящихъ судовъ, принужденъ былъ отказаться отъ этого намѣренія и, сопровождаемый многочисленною толпой, вернулся въ городъ.

Оригинально отношеніе этой толпы къ европейцу. Много разъ каждый изъ китайцевъ въ Хань-коу видывалъ европейца, а между тѣмъ никогда онъ не пропуститъ случая посмотрѣть, а, если можно безнаказанно скрыться въ толпѣ, то и ругнуть заморскаго гостя. Этой участи, конечно, не избѣжитъ никто изъ европейскихъ посѣтителей китайскаго квартала. Случается, что какой-нибудь сорванецъ, помимо любимаго крика „инъ-гуй-цза“ *), швырнетъ вамъ подъ ноги камешекъ, любуясь вашимъ замѣшательствомъ, или сдѣлаетъ еще что-либо худшее. Во всемъ этомъ, однако, не слѣдуетъ видѣть желаніе обидѣть или причинить дѣйствительный вредъ; тутъ просто кроется желаніе подсмѣяться, и, конечно, въ подобныхъ шалостяхъ и выходкахъ не участвуютъ пожилые люди и старики. Нѣтъ сомнѣнія, что нужно имѣть крѣпкіе, привычные нервы, чтобъ безъ выраженія особаго неудовольствія выдержать подобную прогулку и не примѣнить какихъ-нибудь крайнихъ мѣръ, могущихъ здѣсь повести лишь къ самымъ дурнымъ послѣдствіямъ. Лучше не слѣдуетъ обращать вовсе вниманія на выходки толпы, которая впрочемъ къ намъ, русскимъ, въ Хань-коу, какъ и повсюду въ Китаѣ, относится гораздо лучше, чѣмъ къ другимъ европейцамъ.

Особенныхъ достопримѣчательностей въ Хань-коу, кромѣ интересныхъ чайныхъ фабрикъ, не имѣется. Европейскій кварталъ, расположенный вдоль берега, сильно напоминаетъ Шанхай. Съ окончаніемъ чайнаго сезона большинство европейцевъ уѣзжаетъ со своими семействами въ окрестности спасаться отъ здѣшнихъ жаровъ.

Европейское населеніе Хань-коу для насъ, русскихъ, интересно съ той точки зрѣнія, что во всемъ Китаѣ только здѣсь наши соотечественники сумѣли занять первенствующее значеніе, оттѣснивъ на

*) Заморскій чортъ.



Китайскіе лодочники.

задній планъ американцевъ, нѣмцевъ и даже англичанъ. Хотя прочіе европейцы и проявляютъ здѣсь самую оживленную торговую дѣятельность и, можетъ быть, даже являются численно преобладающими надъ русскими, но послѣдніе держатъ въ рукахъ чайный рынокъ Хань-коу, устанавливаютъ цѣны на чай и даютъ направленіе всему чайному дѣлу. Если припомнить, что Хань-коу торгуетъ почти исключительно чаемъ, то легко понять, почему именно здѣсь, а не гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ на Востокѣ, мы взяли перевѣсъ надъ прочими національностями.

Чай и его приготовленіе.

(Кудинова).

Чайное дерево, принадлежащее, какъ опредѣляютъ ботаники, къ породѣ камелій, растетъ не исключительно только въ Китаѣ, его успѣшно разводятъ въ Японіи и въ Индіи, но далеко не въ такомъ громадномъ количествѣ, какъ въ пресловутой странѣ чаевъ. Китай—это родина и царство чаевъ.

Самые лучшіе сорта чаевъ доставляютъ міру южныя провинціи страны, а именно: Цзянь-си въ Нинъчаускомъ округѣ. Средніе водятся въ провинціи Ху-бэ и Ху-нань въ мѣстечкахъ Цунъ-янъ, Янхоу-дунъ и Па-дэнъ, высокія горы которыхъ способствуютъ лучшей культурѣ чайнаго дерева. Худшіе сорта вывозятся изъ округа Сянь-тамъ.

Сколько заботъ и труда является на пути трудолюбиваго китайца-плантатора, пока онъ не выходитъ свои деревья настолько, чтобы они стали давать достаточное количество чайнаго матеріала. Я говорю матеріала, такъ какъ сорванный прямо съ дерева чайный листокъ при поверхностномъ анализѣ его нисколько не отличается отъ листка любого растенія ни видомъ, ни вкусомъ, ни запахомъ; словомъ говоря, въ немъ нѣтъ ничего чайнаго. Сорванный листокъ далеко еще не годенъ для питья и долженъ пройти длинный рядъ мытарствъ, пока не станетъ вполнѣ годнымъ для заварки его въ чайникѣ.

Посаженное сѣмя чайнаго дерева даетъ на первый годъ очень маленькій ростокъ съ нѣсколькими тощими листками, которые, впрочемъ, скоро обрываются, дабы дать болѣе средствъ развиться корню и штампу. На слѣдующій годъ деревцо становится уже крѣпче и растетъ быстрѣе; затѣмъ, на третій, когда оно достигаетъ вышины отъ $1^1/_2$ до 2-хъ аршинъ, деревцо пересаживается изъ питомника на плантацію; тутъ оно достигаетъ своего полнаго развитія и при хорошемъ уходѣ приноситъ ежегодно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ чайный матеріалъ.

Весьма красивый видъ представляетъ собою чайная плантація почти

во всякое время года, въ особенности же отрадно видѣть ее весною. Въ мартѣ мѣсяцѣ, когда свѣжая, нѣжная, какъ пухъ, зелень покрываетъ каждый кустикъ, каждое деревцо, когда южное солнце еще не успѣло раскалить воздухъ до такой степени, что людямъ трудно дышать и каждый лишній шагъ становится вамъ въ большую тягость, вы свободно взбираетесь на крутыя горы, съ половины и до верху унизанныя чайными плантаціями. Вотъ вы добрались до плантаціи одного владѣльца; она состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ чайныхъ деревьевъ, аккуратно подвязанныхъ и тщательно подрѣзанныхъ и обчищенныхъ. Каждое деревцо достигаетъ вышины двухъ или двухъ съ половиною аршинъ и

Чайная плантація.

сидитъ одно отъ другого въ разстояніи около полуаршина. Между растущими деревьями нѣтъ колючаго бурьяна: все выхолено, вычищено, и на протяженіи всей плантаціи взоръ вашъ не встрѣтитъ ничего могущаго компрометировать опрятность плантатора. Глядя на небольшой клокъ земли, принадлежащій какому-нибудь плантатору-китайцу, вы невольно задаете себѣ вопросъ: почему же люди, утопающіе въ грязи въ своихъ собственныхъ домахъ и лачугахъ, кладутъ такъ много труда, чтобы постоянно держать въ самомъ праздничномъ видѣ свои крохотныя плантаціи? Это не прихоть одного лица: чистота и порядокъ въ садахъ, огородахъ и на плантаціяхъ является общимъ правиломъ всего обширнаго Китая. Подойдя къ плетеному забору одной плантаціи, вы поражаетесь ея благоустройствомъ; далѣе, за межой, вы замѣчаете

стройные ряды также хорошо выхоленныхъ деревьевъ; все улыбается въ своей нѣжно-зеленой одеждѣ; но здѣсь деревья какъ будто пониже ростомъ—это болѣе юная плантація другого владѣльца. Вы поднимаетесь выше по узкой горной тропинкѣ, и за болѣе или менѣе высокими заборчиками вы видите безконечное множество чайныхъ плантацій, одну другой чище и красивѣе. Какъ вамъ легко дышится среди этой нѣжной зелени! Здѣсь нѣтъ цвѣтовъ, но зато нѣтъ и міазмовъ, господствующихъ всюду въ Китаѣ и такъ нещадно поражающихъ вашъ носъ въ особенности въ городахъ, биткомъ набитыхъ народомъ. Воздухъ полонъ аромата свѣжей зелени, а легкій вѣтерокъ несетъ съ собой пріятную прохладу. Вы взбираетесь до самой вершины горы, не чувствуя утомленія, а все окружающее только пріятно дѣйствуетъ на ваши чувства. Это большая рѣдкость въ Китаѣ: весь онъ какъ бы потонулъ въ массѣ всевозможныхъ удручающихъ человѣка неудобствъ, всюду торчащихъ когтей нищеты, поражающихъ всякаго, вновь пріѣхавшаго въ Китай и ставшаго лицомъ къ лицу со всѣми его прелестями. А тутъ эти горы, эти какъ бы изолированныя отъ всего Китая дѣти природы, возвышаясь къ небесамъ, уносятъ васъ отъ всего, что уже успѣло такъ наскучить внизу.

Весна—великое дѣло для китайца-плантатора, весна—это время его жатвы. Тревожно спится ему весеннею ночью, рано подымаютъ его мысли о своей плантаціи и, выйдя изъ жилья, онъ первымъ дѣломъ пристально смотритъ на небо, боясь увидать гдѣ-либо на горизонтѣ зловѣщую тучу, предвѣщающую ненастье. Непріятны плантатору въ такую пору холода и пасмурное небо; ему нужно солнце, такъ хорошо помогающее его питомцамъ развивать свои нѣжные, бархатистые чайные листочки. Каждый день бдительно наблюдаетъ онъ за ихъ развитіемъ, чтобы не упустить должнаго момента сбора, и не даетъ имъ загрубѣть и перерости опредѣленную норму. Но вотъ настаетъ пора сбора: листъ достаточно развернулся, достаточно выросъ и дальнѣйшее развитіе можетъ послужить только въ ущербъ его хозяину, ибо загрубѣвшій листъ теряетъ нѣжный ароматъ и цѣнится дешевле.

Въ день жатвы вся семья и наемники плантатора, вооружась бамбуковыми корзинами, расползаются по кустамъ собирать листья. Они общипываютъ ихъ дочиста съ каждаго дерева, и голыя вѣточки свидѣтельствуютъ о горькой участи чайнаго дерева, которому никогда не суждено долго щеголять въ своей нѣжной одеждѣ. Собранные листья складываются въ одну общую корзину цилиндрической формы, поставленную гдѣ-нибудь въ тѣни навѣса, чтобы солнце не высушило собраннаго матеріала. Впрочемъ, онъ не застоится. Изъ матеріала перваго сбора чайные фабриканты приготовляютъ лучшіе сорта чаевъ. Такъ какъ весенній листъ послѣ его выдѣлки чрезвычайно нѣженъ и

ароматенъ, то фабрикантъ тоже не дремлетъ: онъ торопится, знаетъ лучшія плантаціи и, тутъ же скупивъ всю жатву, отправляетъ матеріалъ на фабрику.

Всѣхъ сборовъ чайнаго листа бываетъ въ лѣто 3—4; но достоинства срываемаго листа становятся все хуже и хуже по мѣрѣ приближенія осени, хотя листъ собирается съ тѣхъ же деревьевъ. Изъ 4-го сбора приготовляютъ самые невкусные сорта чаевъ и преимущественно кирпичные. Впрочемъ, кромѣ разныхъ періодовъ лѣта и состоянія погоды, большое значеніе имѣетъ также порода дерева, и, какъ виноградная лоза, плохое дерево не можетъ дать даже раннею весной превосходнаго чая. Ощипавъ свою плантацію въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, китаецъ терпѣливо ждетъ, когда снова появятся листья на его деревьяхъ. Онъ снова поливаетъ и холитъ ихъ, и, дождавшись, опять обрываетъ листъ: это называется вторымъ сборомъ, и т. д. Крупныхъ плантаторовъ въ Китаѣ мало: тамъ слишкомъ дорога земля, и большинство, имѣя мѣсто для посадки нѣсколькихъ десятковъ деревьевъ, обезпечиваетъ свое существованіе на цѣлый годъ отъ продажи чайнаго листа, собраннаго три-четыре раза въ лѣто. Бѣдно живетъ плантаторъ съ семьей, питаясь рисомъ, овощами, рѣдко когда мясомъ, и работая притомъ на своей плантаціи съ утра ранняго до поздняго вечера, совершенно не жалѣя силъ и трудовъ. Такъ, въ знойное лѣтнее время китаецъ на собственныхъ своихъ плечахъ, обливаясь потомъ, таскаетъ на гору изъ рѣки воду для поливки деревьевъ, окапываетъ корни, воздѣлываетъ землю для посадки новыхъ деревьевъ и вообще круглый годъ имѣетъ очень мало времени для отдыха.

Другое дѣло фабрикантъ; этотъ работаетъ чужими руками, и на его долю выпадаетъ много свободнаго времени не только для отдыха, но и для удовольствія; къ тому же онъ и богаче плантатора. Накупивъ отъ разныхъ плантаторовъ достаточное количество матеріала, онъ начинаетъ выдѣлывать изъ него чай, доводя зеленый листъ до знакомаго намъ вида. Фабрики обыкновенно находятся въ городахъ. Наружнымъ видомъ онѣ совершенно не похожи на наши европейскія (какія бы то ни было) фабрики, вытянувшіяся и вверхъ и въ ширину, съ неимовѣрно колоссальными трубами, съ вѣчно движущимися внутри ихъ всевозможными колесами и вертушками, изъ-подъ которыхъ клубами валитъ паръ. Китайцы не знакомы съ паровой силой, а гдѣ требуется сила, тамъ они примѣняютъ просто-напросто свою собственную, человѣческую. Китайская чайная фабрика — это не что иное, какъ убогій, кое-какъ сложенный изъ сѣраго кирпича домикъ, или, вѣрнѣе сказать, сарайчикъ, въ которомъ вы не найдете и тѣни какого бы то ни было механизма. Грязные, полунагіе, а иногда и совершенно голые кули (рабочіе)—вотъ главный механизмъ фабрики. Пока матеріалъ еще не при-

несенъ на фабрику, они свободны и въ ожиданіи работы бродятъ по грязному двору, насквозь пропитанному отвратительными міазмами; одни болтаютъ между собой; другіе грѣются на солнцѣ, молча растянувшись на камышевыхъ цыновкахъ; покуриваютъ трубки; ловятъ насѣкомыхъ въ штанахъ, у кого таковые имѣются; лакомятся рисомъ и т. п.,—однимъ словомъ, очень пріятно проводятъ время. Куры, гуси и свиньи присутствуютъ тутъ же; послѣднія не желаютъ отставать отъ людей и также нѣжатся на солнцѣ. Обращая подъ его лучи то одну, то другую половину своего жирнаго тѣла, онѣ словно желаютъ доказать людямъ, что солнце создано отчасти и для нихъ. Вообще внутренняя часть фабрики и ея дворъ довольно-таки невзрачны. Наружный видъ очень простъ и далеко не изященъ, онъ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ домовъ, предназначенныхъ для одного только житья: такая же сѣрая стѣна, такое же большое окошко, заклеенное тонкой бумагой вмѣсто стеколъ, и такая же, какъ и у всѣхъ домовъ, неуклюжая дверь на желѣзныхъ петляхъ, выводящая жалобные звуки, когда ее открываютъ или закрываютъ; большею же частью дверь стоитъ открытая настежь. Надъ дверью болтается вывѣска, единственно могущая указать на то, что зданіе это — чайная фабрика; а хорошо знающій грамоту китаецъ, простоявъ нѣсколько минутъ передъ нею, прочтетъ начертанные по черному фону красные или золотые іероглифы, гласящіе, что сія чайная фабрика принадлежитъ какому-нибудь Богомъ хранимому Ченмы-юю или Мы-ю-Кону.

Самый процессъ фабрикаціи чая состоитъ въ слѣдующемъ. Чайный листъ, предварительно взвѣшенный, высыпается и громоздится зеленою кучей на разостланныхъ цыновкахъ, а дюжіе кули, взобравшись на эту кучу, начинаютъ мять ее своими мускулистыми ногами, пыхтя и обливаясь потомъ при этомъ моціонѣ.

Вошедшему въ сарай, незнакомому съ фабрикаціей чая европейцу, покажется весьма страннымъ такой балетъ безъ музыки. Чего добиваются эти люди, танцуя по какой-то зелени?—подумаетъ онъ. Но дѣло очень просто: такимъ путемъ извлекается острый эѳирный сокъ изъ листьевъ, что необходимо, иначе чай имѣлъ бы непріятный вяжуще-кислый вкусъ. Нельзя, конечно, увѣрять, чтобы ноги пляшущихъ по чайной кучѣ отличались чистотою. Я, кажется, не рекомендовалъ съ этой стороны ни двора, по которому гуляютъ работники вмѣстѣ съ курами, гусями и свиньями, ни самихъ работниковъ, которымъ принадлежатъ эти ноги.

Отъ долгаго тренія ногъ о листья, отъ ѣдкаго сока, выдѣляющагося изъ нихъ, у работающихъ долгое время китайцевъ образуются на ногахъ болячки, которыя, засыхая, покрываются струпьями. Струпья эти на второй или третій день, при дальнѣйшей пляскѣ китайцевъ по

чайному листу, срываются и смѣшиваются съ нимъ; кромѣ того, при неопрятности кули въ чай попадаетъ не малое количество еще разной дряни, принесенной на ногахъ со двора, не говоря ужъ о потѣ, который обильно орошаетъ кучу.

Послѣ довольно продолжительной пляски чайная куча становится значительно ниже ея первоначальной вышины. Всѣ листья размяты, мокры, и вся куча имѣетъ теперь уже совершенно другой видъ: листья стали нѣсколько темнѣе и словно смочены водою; тогда ихъ снимаютъ съ цыновокъ и, сложивъ въ цилиндрическія корзины, ставятъ на нѣсколько дней въ тѣнистомъ мѣстѣ, гдѣ чайный листъ начинаетъ бродить, почти разлагаться. Большое вниманіе обращается фабрикантомъ на то, чтобы не дать перебродить чаю, ибо отъ этого зависитъ его вкусъ и ароматъ. Во-время вынутый листъ отличается необыкновенно тонкимъ запахомъ, именно тѣмъ пріятнымъ, что торговцы называютъ розанистымъ. Послѣ броженія чайный листъ требуется хорошенько просушить. Для этого, раскинувъ его тонкимъ слоемъ на свѣжія, сухія цыновки, листья подвергаютъ вліянію солнечнаго жара. Солнце быстро дѣлаетъ свое дѣло: чайные листочки мало-по-малу высыхаютъ, свертываются отъ жара, и изъ зеленаго цвѣта переходятъ въ сизо-черный — частью отъ броженія, частью и отъ дѣйствія свѣта. Для просушки чая фабрикантъ выбираетъ самое жаркое время дня и, будучи безсиленъ въ борьбѣ съ тучами, усердно молитъ божество, спеціально завѣдывающее ими, сжигая ему и солнцу, въ видѣ жертвы, не одну гирлянду трескучихъ ракетъ.

Если же солнцу, по какому-либо случаю, не захочется оказать китайцу свою услугу и оно, не взирая ни на какую трескотню ракетъ, упорно прячется за облаками, то китаецъ вынужденъ прибѣгнуть къ другому роду просушки, а именно: онъ ставитъ рядомъ нѣсколько десятковъ корзинъ, сплетенныхъ изъ бамбука въ видѣ переломанныхъ цилиндровъ, т.-е. нѣсколько суженныхъ въ серединѣ, гдѣ помѣщается плетеная же выпуклая перегородка. Вышина каждой корзины достигаетъ 2 аршинъ, такъ что отъ середины или отъ перегородки корзины остается аршинъ пустого пространства книзу и столько же кверху. Въ верхнюю часть корзины высыпается фунтовъ 10 или 15 чайнаго листа, при чемъ она иногда покрывается крышкой. Подъ корзиной накладывается куча раскаленныхъ древесныхъ угольевъ, прикрытая толстымъ слоемъ золы, дабы умѣрить силу жара, ударяющаго въ выпуклую перегородку аппарата. Находящійся въ корзинѣ чайный листъ начинаетъ сохнуть и свертывается, но не такъ быстро, какъ на солнцѣ, и цвѣтъ его становится не сизо-черный, а получаетъ нѣсколько рыжеватый оттѣнокъ, что не нравится хорошему фабриканту. Хотя фабрикантъ и подвергаетъ весь свой чай во всякомъ случаѣ дѣйствію угольнаго жара

при выдѣлкѣ, но это дѣлается уже послѣ, при окончательной его отдѣлкѣ, и имѣетъ цѣлью не просушку листа, а скорѣе его поджариванье; это дѣлается, дабы придать чаю одинъ общій тонъ, если такъ можно выразиться. Китаецъ всячески старается избѣгнуть первоначальной основательной просушки листа способомъ поджариванія на углях, во-первыхъ, потому, что просушка не достигаетъ лучшихъ результатовъ: чай не можетъ, не пережарившись, высохнуть такъ же быстро, какъ на солнцѣ, а во-вторыхъ, и потому, что тутъ надо расходовать уголь, который въ Китаѣ продается очень дорого. Само собою, при всемъ этомъ каждому фабриканту пріятнѣе воспользоваться даровыми услугами солнца, и вотъ почему при выдѣлкѣ чая такъ усердно сжигаются одна за другой длинныя гирлянды трескучихъ ракетокъ.

Совершенно просушенный листъ на солнцѣ или на угольяхъ представляетъ собою довольно растрепанную кучу. Такъ какъ мялись и просушивались всѣ пріобрѣтенные фабрикантомъ листья вмѣстѣ, то нѣкоторые изъ нихъ, будучи длиннѣе, свернулись въ болѣе длинную трубочку; другіе—въ трубочку болѣе короткую; иные, самые юные листки, свернулись туго; нѣкоторые, побольше ростомъ, свернулись слабѣе или просто только сжались, такъ что замѣтно — величина между листками очень неровна, а потому и видъ всего вмѣстѣ или, какъ называютъ спеціалисты, уборка чая послѣ просушки очень не красива. Все какъ-то торчитъ и колетъ руку, если, забравъ чаю въ горсть изъ общей кучи, сжать его въ кулакѣ. Требуется придать чаю приблизительно болѣе ровную и мягкую уборку; для этого опять пускаютъ въ ходъ ноги, снова пляшутъ по цыновкамъ и рослые кули, и тщедушный мастеръ, и самъ фабрикантъ, приводя листки къ одному знаменателю. На сей разъ пляска по чаю менѣе продолжительна, чѣмъ въ первый; сухіе листочки стали хрупки и ломаются такъ легко, что при болѣе продолжительномъ и энергичномъ усиліи со стороны ногъ вся куча превратилась бы въ порошокъ. Послѣ непродолжительной пляски весь чай какъ-то сравнивается, становится значительно мельче.

Обѣ эти операціи, уже продѣланныя надъ чайнымъ листкомъ, значительно измѣнили его первоначальный видъ. Но искусный фабрикантъ сумѣетъ сдѣлать изъ одного сорта, имѣющагося у него теперь, сорта 3—4, а то и больше, смотря по листу, а отчасти и по желанію, при чемъ каждый сортъ будетъ имѣть свой самостоятельный видъ и вкусъ. Для этого онъ прибѣгаетъ къ просѣиванію чая чрезъ нѣсколько рѣшетъ. Сперва всю массу чая расторопные кули живо пропускаютъ сквозь большія рѣшета, дырочки которыхъ способны пропускать листки приблизительно одной величины; затѣмъ слѣдуетъ другое, покрупнѣе и т. д. Такимъ образомъ, послѣ просѣиванья чрезъ нѣсколько номеровъ рѣшетъ, получается уже нѣсколько сортовъ чая, разобраннаго на

разряды, по величинѣ листковъ; но это еще далеко не все. Положимъ, что въ отверстія рѣшета № 1-й проскакивали листки величиной въ одну линію, т.-е. самаго малаго формата, каковые должны быть болѣе молодые, считающіеся лучшими по вкусу и аромату; они юны, нѣжны и невелики, а потому они свернулись въ тоненькую трубочку плотнѣе другихъ и попадали въ отверстія рѣшета № 1, что отъ нихъ и требовалось. Но вмѣстѣ съ ними проскочили въ тѣ же мелкія отверстія рѣшета и части поломанныхъ листковъ, которые гораздо грубѣе и не могутъ быть такъ нѣжно душисты, какъ ихъ цѣльные товарищи; они проскочили лишь благодаря тому, что, будучи мяты ногами, сломались какъ разъ въ величину, способную проскочить въ отверстія рѣшета № 1-й. Но въ то же время они являются лишними, и хозяинъ, задавшійся мыслію изготовить первый сортъ своего чая безукоризненнымъ, заботится объ ихъ удаленіи. Тутъ онъ пускаетъ весь чай, вышедшій изъ перваго рѣшета, на вѣялку, которая очень добросовѣстно раздѣлитъ все по вѣсу. Вѣялка эта, хотя и безобразнаго вида, устроена такъ, что чай, насыпанный въ воронкообразный ящикъ, расположенный на верху ея, падая внизъ, внутрь, пролетаетъ мимо крыльевъ колеса, отъ вращенія котораго особой ручкой получается сильный вѣтеръ внутри аппарата, вслѣдствіе чего чай разлетается въ разныя перегородки въ слѣдующемъ порядкѣ: болѣе плотно свернувшійся и слѣдовательно болѣе тяжелый листъ падаетъ въ ближайшую перегородку и по отвѣсной доскѣ спускается вонъ изъ вѣялки, нѣсколько полегче листъ проносится во вторую, еще легче—въ третью и, наконецъ, въ четвертую вылетаетъ пыль и очень мелко перетертые листья. Такимъ образомъ услуга вѣялки та, что, кромѣ классификаціи листьевъ по вѣсу, она отбиваетъ еще пыль изъ всего чая.

Теперь мы видимъ, что изъ одного сорта чая, пущеннаго на вѣялку, является опять нѣсколько сортовъ; но обратимъ наше вниманіе все-таки на первый. Разсмотрѣвъ его, мы замѣчаемъ, что и вѣялка не непогрѣшима: она не умѣетъ отбирать корешки, т.-е. стебельки, неизбѣжно попадающіе въ первую перегородку по причинѣ ихъ сравнительно болѣе тяжелаго вѣса. Всѣ эти корешки очень искусно проскользнули черезъ дырочки рѣшета № 1-й, благодаря своему тонкому виду. Казалось бы, они не должны измѣнять достоинство чая, но люди, хорошо понимающіе толкъ въ чаяхъ, всегда сочтутъ ихъ присутствіе въ большомъ количествѣ совершенно излишнимъ и находятъ, что они придаютъ вяжущій вкусъ чаю, не давая отъ себя ровно никакой крѣпости. Этихъ непрошенныхъ гостей можно удалить единственно только посредствомъ отборки. Эта египетская работа принадлежитъ всецѣло женщинамъ и требуетъ большого терпѣнія. Усаженныя въ рядъ за длинный столъ, женщины получаютъ каждая по круглой плоской кор-

зинѣ въ видѣ подноса, оклееннаго тонкой бумагой, въ которую имъ насыпаютъ чай. Цѣлые дни проспиживаютъ онѣ, перебирая чай руками и вылавливая вышесказанные корешочки, прутики, иногда очень маленькой величины. Все это складывается въ отдѣльное помѣщеніе. Отобранные корешочки не должны пропадать, по мнѣнію фабриканта, и, собранные въ большомъ количествѣ, они или примѣшиваются къ низкимъ сортамъ чая или продаются на фабрику, вырабатывающую кирпичные чаи, гдѣ они очень исправно идутъ въ дѣло. За трудъ свой женщины получаютъ очень небольшую плату, а именно отъ 100 до 150 чохъ въ день, что въ переводѣ на наши деньги составитъ 10 или 15 копеекъ.

Разобранный и очищенный женщинами отъ лишнихъ невзрачныхъ чаинокъ чай почти готовъ; уборка его ровна и красива, почти всѣ листки пригнаны одной величины и плотности, остается только дать ему, какъ я ранѣе выразился, одинъ общій тонъ. Вотъ тутъ-то фабрикантъ и приступаетъ къ неизбѣжному поджариванію всего чая на угляхъ. Я уже описалъ эту операцію, назвавъ ее просушкой, и было бы излишне повторять ее снова, скажу только, что поджариванье чая и есть та же просушка съ тою только разницею, что чай, будучи уже сухъ совершенно, не держится фабрикантомъ очень долго надъ углями. Вмѣстѣ со своимъ помощникомъ фабрикантъ то и дѣло переходитъ отъ одной корзины къ другой, помѣшивая чай и наблюдая, чтобы все поджаривалось ровно и не приняло бы горѣлаго запаха. При этой операціи требуется большая сноровка, ибо пережаренный чай ничѣмъ уже нельзя исправить. Изъ этихъ корзинъ чай выходитъ тепленькій; онъ совершенно готовъ и теперь его ссыпаютъ въ сарайчикѣ, гдѣ-нибудь въ сухомъ мѣстѣ, преимущественно въ углу, отгороженномъ нѣсколькими досками. Иногда въ этой отгородкѣ смѣшиваются два-три сорта чая, которымъ посредствомъ поджариванья приданъ одинъ ровный тонъ, и вся эта сложенная въ углу сарая куча чаю, имѣющая кубическую форму, называется китайцами „гуандуй“; она лежитъ такъ, пока еще не готовы ящики, въ которые чай насыпаютъ для отправки съ фабрики на рынки, т.-е. въ Ханькоу, Кюкіангъ или Шанхай, гдѣ понемногу уже собираются покупатели—европейцы. Фабрикантъ назначаетъ размѣръ и количество ящиковъ и скоро въ мастерской подрядчика кипитъ работа.

Тонкія буковыя дощечки приготовлены еще заранѣе и стоитъ только, распиливъ ихъ въ опредѣленную величину, соединить вмѣстѣ. Работа не замысловатая, но надо видѣть, какъ быстро и ловко она идетъ у китайцевъ. Всякій работникъ имѣетъ тутъ свою спеціальность: одинъ подгоняетъ доски, распиливая ихъ по извѣстной мѣркѣ какой-то странной пилой, конечно, китайскаго изобрѣтенія и издѣлія; распиливъ, пе-

Перевозка чая черезъ Гоби.

редаетъ другому; тотъ съ помощью какого-нибудь, тоже весьма чудовищнаго на видъ, инструмента нарѣзаетъ пазы и передаетъ третьему, который сколачиваетъ доски въ ящикъ, скрѣпляя ихъ желѣзными склепками тоже китайской выдумки; четвертый оклеиваетъ ящикъ бумагой; пятый посредствомъ трафарета, кисти и алой краски выдѣлываетъ на всѣхъ лицевыхъ сторонахъ ящика какую-нибудь небывалую розу; шестой такимъ же способомъ прибавляетъ къ розѣ зелень и парящую надъ ней фантастическую бабочку и передаетъ ящикъ въ послѣднія руки—седьмыя по счету; эти седьмыя руки самыя грязныя, онѣ держатъ кисть, безпрестанно окунаемую въ какой-то мутный, но очень быстро высыхающій лакъ, а потому руки, соприкасаясь съ ящиками, сильно пачкаются о линяющія его стѣнки, и, мнѣ кажется, большого труда стоитъ отмыть все это съ кожи. Ящикъ, попавшій въ седьмыя руки, покрывается сплошь съ его розами и бабочками этимъ лакомъ, послѣ чего онъ готовъ вполнѣ, остается только вставить въ него особо приготовленную коробку изъ плотнаго листового свинца и отправить на фабрику.

Готовые ящики связываютъ вмѣстѣ по нѣскольку, прикрѣпляютъ къ двумъ концамъ бамбуковаго коромысла и взваливаютъ на мозолистыя плечи общипанныхъ кули, которые съ крикомъ во все горло „э-хо! аа-хо!“ тащатъ свою ношу до мѣста назначенія по узкимъ городскимъ улицамъ.

По полученіи ящиковъ на фабрикѣ начинается укупорка. Эта работа настолько спѣшна, что ею занимаются и день и ночь; ночью она особенно эффектна. На сей разъ знакомый намъ сарай освѣщенъ нѣсколькими плошками, въ которыхъ, шипя и треща, горитъ чайное масло; какой-то красноватый свѣтъ разливается всюду. Ненужныя теперь корзины и рѣшета, сваленныя какъ попало, громоздятся безобразной грудой, достигая до потолка. Отработавшая неуклюжая вѣялка стоитъ тоже гдѣ-нибудь въ сторонѣ и причудливая тѣнь ея, прыгая отъ мерцающаго пламени свѣтильниковъ, отражается на стѣнѣ чѣмъ-то совсѣмъ непонятнымъ. Большіе бумажные фонари, какъ свѣтлые пузыри, привѣшанные тамъ и сямъ къ потолку, покачиваются отъ легкаго сквознаго вѣтра и дѣлаютъ общій внутренній видъ сарайчика еще уродливѣе, а освѣщеніе еще фантастичнѣе. Возлѣ двери поставлена жаровня, а насыпанные въ нее горячіе уголья распространяютъ отъ себя еще новый оригинальный свѣтъ въ этой части сарая. И безъ того господствующая тѣснота увеличивается еще болѣе разставленными всюду рядами пустыхъ ящиковъ, предназначенныхъ для насыпки въ нихъ готоваго чая. Чумазые китайцы-рабочіе, съ криками, бранью и неумолкаемымъ говоромъ, суетясь въ этой тѣснотѣ и далеко не граціозно шагая черезъ ящики и разные предметы, разставленные всюду, дополняютъ

собой общую хаотическую картину. Свѣжему человѣку, пріѣхавшему изъ Европы и прямо вошедшему сюда, показалось бы, что самъ Вельзевулъ перевелъ на время если не весь, то часть своего ада именно вотъ въ это помѣщеніе, а услужливые его черти уже начали справлять здѣсь свое дикое новоселье. То и дѣло закидывая за спину докучливую косу, китайцы захватываютъ чай небольшими корзинами изъ общаго его помѣщенія и разсыпаютъ по ящикамъ, при этомъ время отъ времени они вскакиваютъ въ ящикъ, утаптывая чай ногами, чтобы онъ ложился плотнѣй. Китайцы не могутъ обойтись безъ того, чтобы всюду, гдѣ только можно, не пустить въ ходъ свои ноги, и теперь, утаптывая чай въ ящики, они словно позабыли, что ногамъ ихъ уже досталось не мало въ предыдущіе дни; на нѣкоторыхъ явились даже грязныя перевязки, ясно доказывающія необходимость замѣнить ножную работу чѣмъ-либо другимъ. Мелкая пыль отъ пересыпаемаго чая носится въ воздухѣ, ложась тонкимъ слоемъ на вспотѣвшее тѣло рабочихъ, и дѣлаетъ ихъ видъ еще болѣе подходящимъ къ образу слугъ Вельзевула; кромѣ того, пыль эта забирается и въ носъ, почему то здѣсь, то тамъ, безпрестанно раздается громкое чиханье.

Наполненный доверху ящикъ снабжается краснымъ ярлыкомъ, носящимъ у насъ названіе „карты“; онъ кладется сверху чая и гласитъ о необыкновенно пріятномъ вкусѣ и мягкости чая, именуемаго ну хоть бы „Ченмы-юй“ (фамилія фабриканта). Та же карта рекомендуетъ этотъ чай „многоуважаемому русскому купечеству“ самымъ безграмотнымъ русскимъ языкомъ. Но такая карта или ярлыкъ кладется въ ящики, предназначаемые спеціально для русскихъ, если же нѣтъ, то карта изготовляется съ отпечатанными на ней нѣсколькими китайскими буквами и съ изображеніемъ по большей части какого-то пѣтуха, одареннаго необыкновенно раскидистымъ хвостомъ и гордо поднятой вверхъ миніатюрной головкой. Послѣ карты съ рекомендаціей или пѣтухомъ накладывается крышечка изъ плотнаго свинца, которая тщательно припаивается къ свинцовой коробкѣ посредствомъ желѣзныхъ палочекъ, раскаляемыхъ докрасна на жаровнѣ. Затѣмъ ящикъ накрывается деревянной крышкой съ изображеніемъ и на ней тоже знакомаго намъ розана, надъ которымъ порхаетъ бабочка; крышка плотно приколачивается желѣзными склепками и гвоздями, а весь ящикъ завязывается бамбуковымъ ремнемъ. Вполнѣ готовый ящикъ ставятъ къ стѣнѣ, при чемъ ихъ осторожно кладутъ одинъ на другой въ 3 или 4 яруса.

Вотъ все, что производится на чайныхъ фабрикахъ, куда, какъ мы видѣли, поступаетъ зеленый листъ, являющій изъ себя не что иное, какъ сырой матеріалъ, совершенно еще не готовый для питья.

Гонгъ-Конгъ.

(А. Краснова).

Первое впечатлѣніе, производимое Гонгъ-Конгомъ, поразительно. Вы въѣзжаете въ прекрасную, длинную и узкую гавань, окруженную невысокими малиново-красными холмами. Это точно залитая моремъ долина холмистой страны. Холмы эти голы или зеленѣютъ немногими огородами, разведенными китайцами на этомъ характерномъ малиново-красномъ латеритѣ *). Въ глубинѣ порта, наполненнаго пароходами, военными кораблями, барками и китайскими джонками, видпѣется прекрасная набережная съ каменными многоэтажными домами, очень оригинальной архитектуры. Передніе фасады домовъ состоятъ изъ ряда арокъ, напоминающихъ арки нашихъ гостиныхъ дворовъ. Онѣ покрываютъ собою общія веранды, за которыми помѣщаются полутемныя комнаты жильцовъ. Такой характеръ имѣютъ дома какъ въ чистенькомъ европейскомъ, такъ и въ болѣе грязномъ, примыкающемъ къ нему, китайскомъ кварталѣ города. Этотъ послѣдній такъ набитъ населеніемъ, что дома кажутся громадными сотами или муравейниками, кишащими желтолицымъ народомъ. Вообще говоря, европейцы теряются здѣсь въ массѣ китайцевъ. Послѣдніе видны вездѣ какъ чернорабочіе, торговцы, лакеи, купцы. Въ европейской части ихъ не менѣе, чѣмъ въ туземной. Въ магазинахъ европейскихъ товаровъ, фотографіяхъ, мастерскихъ и гостиницахъ—вездѣ бѣлыя кофты, бритыя физіономіи, косы. Даже городовые здѣсь китайцы, въ оригинальныхъ конусообразныхъ соломенныхъ шляпахъ и съ палкою, какъ у полисменовъ Лондона. Хотя вездѣ виднѣются англійскія надписи, но въ узкихъ улицахъ преобладаютъ китайскіе іероглифы вывѣсокъ. Что же касается товаровъ, то только въ аристократической части города вы чувствуете себя въ Европѣ; въ остальныхъ улицахъ вездѣ господствуютъ китайскіе продукты или хаотическая смѣсь товаровъ англійскихъ и китайскихъ, въ которой послѣдніе играютъ преобладающую роль.

Но все же англичанамъ удается держать свою колонію въ чистотѣ и порядкѣ. Построенный на крутыхъ гранитныхъ скалахъ, Гонгъ-Конгъ имѣетъ мало прямыхъ улицъ. Большая часть ихъ круто поднимается въ гору, почему, какъ въ Китаѣ, вы не встрѣтите здѣсь экипажей, но только паланкины и носильщиковъ. Поднимаясь по одной изъ такихъ улицъ, вы попадаете въ чудный маленькій ботаническій садъ. Гонгъ-Конгъ имѣетъ чисто тропическую флору. За городомъ и садомъ фуни-

*) Красноземъ, происшедшій отъ разрушенія кристаллическихъ породъ, преимущественно гранита.

кулярная *) дорога, поднимающая васъ на вершину горы, идетъ черезъ сосновый лѣсъ, чтобы дать возможность затѣмъ съ высоты обозрѣть расположенный подъ ногами портъ съ его кораблями и джонками и пріютившимся на берегахъ залива городомъ. Несмотря на незначительную высоту горы, она часто закутывается туманами.

Осмотрѣвъ чудныя санаторіи, прекрасныя укрѣпленія и постройки города, туристъ обыкновенно проникается восторгомъ передъ дѣятельностью англичанъ. Но восторгъ этотъ у многихъ въ значительной степени охладѣетъ, когда они познакомятся ближе съ исторіей Гонгъ-Конга. Напомню ее въ нѣсколькихъ словахъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія торговыя сношенія европейцевъ съ Китаемъ шли исключительно черезъ Кантонъ. Англичане до 1833 года вели торговлю эту исключительно чрезъ посредство ость-индской компаніи; затѣмъ правительство назначило сюда резидентомъ лорда Нэпира, и съ этихъ поръ начались болѣе оживленныя торговыя сношенія. Но, къ сожалѣнію, однимъ изъ главныхъ предметовъ ввоза со стороны англичанъ былъ опіумъ, и чѣмъ оживленнѣе становились сношенія, тѣмъ большимъ количествомъ этой отравы англичане снабжали китайцевъ. Никакія строгія мѣры, предпринимавшіяся со стороны китайскаго правительства, не помогали. Тогда въ январѣ 1833 года былъ изданъ указъ, по которому всѣ иностранныя суда должны были быть выведены вонъ изъ форта, всѣ постройки, служившія для склада и продажи опіума, захвачены, а всѣ торговцы опіумомъ арестованы, какъ преступники. 26 февраля китаецъ, уличенный въ торговлѣ опіумомъ, былъ схваченъ и казненъ предъ лицомъ европейцевъ. Подъ страхомъ смерти торговцамъ было приказано выдать весь опіумъ, и подъ давленіемъ этихъ требованій тогдашній англійскій резидентъ капитанъ Эллiотъ собралъ весь бывшій въ рукахъ англійскихъ торговцевъ опіумъ и передалъ его китайцамъ. Количество его было такъ велико, что его оцѣнивали на сумму въ 6 милліоновъ долларовъ. Китайскій коммиссаръ присутствовалъ самолично при истребленіи опіума, который заставляли разлагаться подъ дѣйствіемъ воды и извести, и пока послѣдній ящикъ яда не былъ истребленъ, онъ не покидалъ Кантона.

Такой серьезный поворотъ дѣла былъ крайне непріятенъ для англичанъ, и съ этого момента они искали перваго удобнаго случая, чтобы вызвать китайцевъ на столкновеніе. Они собрали въ водахъ Гонгъ-Конга флотилію не менѣе чѣмъ въ 50 судовъ; высаживавшіеся на берегъ матросы задирали туземцевъ, затѣвали стычки и побоища, въ одномъ изъ которыхъ былъ убитъ туземецъ. Китайцы требовали удовлетворенія, и хотя англичане оштрафовали виновниковъ безпорядка

*) Двигающаяся посредствомъ каната.

небольшой денежной пеней, но это не могло удовлетворить китайцевъ. Посланный отъ китайскаго правительства комиссаръ Линь отрѣзалъ Макао отъ сообщенія въ европейцами. Англичане придвинули свой флотъ и, когда въ отвѣтъ появилась китайская флотилія, между ними завязалось сраженіе, кончившееся тѣмъ, что китайцы были отброшены. Англичане, видя, что начинается серьезное дѣло, вызвали изъ Индіи подмогу изъ 15 военныхъ судовъ, 4-хъ пароходовъ, 25 транспортныхъ судовъ и около 4.000 сухопутной арміи подъ начальствомъ Бринера. Они блокировали Кантонъ для того, чтобы „заставить богдыхана признать англійскую королеву независимой правительницей цивилизованной страны“, чтобы получить возмѣщеніе за потери, происшедшія отъ застоя въ торговлѣ, и, какъ пишутъ англичане, для обезпеченія дальнѣйшей безопасности, и ввоза опіума, прибавимъ мы отъ себя. Пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, англичане блокировали весь китайскій берегъ, ворвались въ Янтсекіангъ и высадились на островъ Гонгъ-Конгъ, который былъ ради перемирія уступленъ губернаторомъ Кантона—поступокъ, стоившій жизни этому послѣднему. Китайскій императоръ не желалъ однако уступать варварамъ. Военныя дѣйствія возобновились, кантонскія укрѣпленія были разрушены, былъ взятъ городъ Чинкіатъ-фу на Янтсекіангѣ, и англичане стали угрожать Нанкину. Тогда китайцы заключили миръ. Англичане добились разрѣшенія жить и безпрепятственно торговать всѣмъ чѣмъ угодно (а слѣдовательно и опіумомъ) въ городахъ Кантонѣ, Амоѣ, Фоучау, Нингпо и Шанхаѣ, и принудили китайскаго императора заплатить 6 милліоновъ долларовъ за истребленный въ Кантонѣ опіумъ и возмездіе за оскорбленіе британскихъ чиновниковъ. Кромѣ того, императоръ долженъ былъ уплатить британскому правительству три милліона за потери торговцевъ при войнѣ и 12 милліоновъ за издержки экспедиціи. Наконецъ, англичане получили Гонгъ-Конгъ. Китаю приходилось платиться за оружіе, поднятое имъ во имя самозащиты, притомъ отъ самыхъ несправедливыхъ посягательствъ. Съ тѣхъ поръ англійскій опіумъ широкою рѣкою льется въ Небесную имперію, расшатывая здоровье милліоновъ населенія, развращая его и разоряя. Правительство безсильно противъ подкупныхъ чиновниковъ, и ему не осталось теперь ничего, какъ выдѣлывать свой собственный опіумъ, чтобы сохранить въ странѣ хотя часть денегъ, утекающихъ въ карманы цивилизованныхъ развратителей народа. Послѣ торговли рабами это, пожалуй, самая позорная торговля въ мірѣ, которая лежитъ пятномъ на англо-саксонской націи.

Вотъ эта-то торговля и создала Гонгъ-Конгъ. Прекрасная гавань его сдѣлалась станціей для всѣхъ судовъ, и число ихъ, еще въ 1861 году не превышавшее 1.259, теперь уже превосходитъ 27.000. Отсюда выходятъ уже суда не только въ Англію и Китай, но въ Японію, Америку,

Австралію и Океанію. Это такой же узелъ пароходныхъ сообщеній Тихаго океана, какимъ Коломбо является для Индійскаго.

Но, какъ мы видѣли, населеніе города, хотя и созданнаго англичанами, по преимуществу китайское. На 10 тысячъ съ небольшимъ европейцевъ здѣсь не менѣе 210 тысячъ туземцевъ, принимая общую сумму населенія, по переписи 1891 года, въ 221.471 человѣкъ, т.-е. нѣсколько большую, чѣмъ у Харькова. Получая изъ переполненнаго милліоннымъ населеніемъ Кантона въ изобиліи рабочія руки и умирающихъ съ голода кули, англичанамъ не трудно было съ ихъ помощью голую скалу превратить въ цвѣтущій городъ Викторію. Это превращеніе кажется чѣмъ-то чудеснымъ для мореплавателя, въѣзжающаго сюда съ открытаго моря и видѣвшаго Кантонъ съ его пловучимъ густымъ населеніемъ. Но городъ этотъ, скрытый отъ глазъ моремъ, городъ, до котораго всего нѣсколько часовъ ѣзды, и является разгадкою чудесъ, творимыхъ на „голой скалѣ“ англичанами. Пользованіе этой рабочей силой, какъ извѣстно, вначалѣ было самое гнусное. Тысячи бѣдныхъ кули, являвшихся въ Гонгъ-Конгъ, подъ видомъ найма на работу, сажались на суда и отвозились въ качествѣ невольниковъ въ Перу и другія части Америки. Работорговля, едва кончившаяся на берегахъ Африки, грозила развиться на водахъ Тихаго океана. По счастію, ей скоро положенъ былъ конецъ. Она сослужила только пользу желтолицой націи. Теперь отъ Ванкувера и до Вальпарайзо китайская физіономія играетъ видную роль среди населенія Тихоокеанскаго побережья Америки. Почти вся команда судовъ пассажирскихъ и товарныхъ, пересѣкающихъ Великій океанъ, состоитъ изъ китайцевъ. Это—матросы, боцмана, кочегары, вѣстовые, а съ развитіемъ японскаго флота въ скоромъ времени будутъ вѣроятно и офицеры, и капитаны. Тихій океанъ, владычество надъ которымъ улыбалось англичанамъ, американцамъ и даже русскимъ, теперь становится все болѣе и болѣе mare nostrum для желтаго человѣка. Японскія компаніи уже пробуютъ конкурировать съ европейскими. Многочисленное китайское населеніе вы встрѣчаете, начиная отъ Зондскаго и Филиппинскаго архипелаговъ до заброшенныхъ въ глубь океана Сандвичевыхъ острововъ — и родившійся на Гонгъ-Конгѣ pidgin english *) широкою волной распространяется по Океаніи. Самый Гонгъ-Конгъ грозилъ сдѣлаться китайскимъ вертепомъ. Сюда шли всѣ тѣ элементы, которымъ было плохо въ Китаѣ. Пираты разбойничали въ сосѣднихъ водахъ, а въ городѣ даже среди дня безо-

*) Англійскій языкъ, подвергшійся измѣненію въ духѣ китайскаго языка. Трудныя англійскія слова замѣнены китайскими, обороты рѣчи китайскіе, буква r замѣнена l, произношеніе упрощено путемъ выбрасыванія трудныхъ буквъ и слоговъ, и, наконецъ, сокращенъ словарь, такъ какъ одному слову стараются придать возможно больше значеній.

пасность прохожаго не была гарантирована. Вертепы и игорные дома служили мѣстомъ стеченія переполнявшій городъ бунтливой китайской вольницы. Справиться съ этими элементами было не легко, и всякая иная администрація, кромѣ англійской, потеряла бы здѣсь голову. Англичане, однако, со свойственною имъ жестокостью, отыскали лѣкарство. Если совершался грабежъ и убійство, они хватали соотвѣтственное число ни въ чемъ неповинныхъ китайцевъ и приговаривали ихъ къ смертной казни, которая и исполнялась черезъ день, если въ теченіе этого срока не представлялись ихъ родственниками дѣйствительные виновники преступленія. Масса невинныхъ, конечно, дѣлалась жертвою такой жестокой мѣры, но, съ другой стороны, взаимное соглядатайство китайцевъ и терроризація ихъ сдѣлали то, что въ настоящее время безопасность европейца на улицахъ Гонгъ-Конга вполнѣ обезпечена.

Если Гонъ-Конгъ есть центръ, въ которомъ китайцы усвояютъ европейскій языкъ и идеи, то онъ начинаетъ въ свою очередь дѣлаться мѣстомъ, гдѣ европейцу удобно изучать китайскую жизнь и обычаи. Здѣсь масса китайцевъ, говорящихъ по-англійски, но живущихъ по-китайски. Вы можете завести съ ними знакомство, посѣщать ихъ дома, наблюдать ихъ обычаи, обѣдая, ѣсть супъ изъ птичьихъ гнѣздъ или акульихъ перьевъ. Они, англійскіе поданные, по наподобіе нѣмцевъ - колонистовъ въ Россіи, остаются во многомъ чуть ли не большими китайцами, чѣмъ подданные богдыхана, такъ какъ ихъ объединяетъ единство культуры.

Прогулка по китайскимъ ремесленнымъ кварталамъ.

(Гессе-Вартега).

Кантонъ является центромъ китайской промышленности; сотни тысячъ людей заняты здѣсь выдѣлкой и производствомъ всевозможныхъ предметовъ и товаровъ, которые развозятся и разносятся по всей странѣ на безчисленныхъ джонкахъ, лодкахъ, ослахъ и спинахъ носильщиковъ. Въ Кантонѣ проживаютъ самые искусные ремесленники, богатѣйшіе купцы; здѣсь и лучшіе магазины. Промышленность всѣхъ остальныхъ китайскихъ городовъ, въ какихъ только я побывалъ на сѣверѣ и на югѣ, представляетъ лишь слабую копію кантонской. Кантонъ въ этомъ смыслѣ истинная столица Китая, тогда какъ всѣ другіе города въ сравненіи съ нимъ не болѣе какъ провинціальные.

Какъ и во многихъ городахъ Европы, каждая отрасль промышленности сосредоточивается въ китайскихъ городахъ въ особыхъ кварталахъ. Вотъ улица, длиною отъ одного до двухъ километровъ, вся занятая лавками—мастерскими золотыхъ дѣлъ мастеровъ; лавки вообще

тѣснятся такъ близко одна къ другой, что я часто не зналъ, къ которой изъ нихъ принадлежитъ та или иная витрина. Завернувъ за уголъ, я попалъ бы въ кварталъ вѣерныхъ мастеровъ, еще дальше—въ кварталъ мебельщиковъ и т. д.

Одинъ домъ похожъ на другой. Нижніе этажи заняты лавками-мастерскими; переднихъ стѣнъ въ нихъ нѣтъ, ради лучшаго доступа въ помѣщеніе вообще скуднаго въ этихъ улицахъ дневного свѣта. Въ верхнихъ этажахъ самыя жилища. Передъ каждымъ домомъ болтается множество красныхъ, желтыхъ, золотыхъ и черныхъ вывѣсокъ, цѣлый лѣсъ вывѣсокъ, застилающій видъ и свѣтъ, погружающій улицы въ вѣчный полумракъ, въ которомъ проблескиваютъ золотомъ и яркими красками эти самыя вывѣски. Можно себѣ представить, что получилось бы, если бы въ какомъ-нибудь большомъ европейскомъ городѣ всѣ вывѣски, прикрѣпленныя горизонтально по стѣнамъ домовъ, оказались бы повѣшенными вдоль, на палкахъ и шестахъ, и болтались бы по воздуху. Въ этихъ улицахъ вѣчная сутолока, шумъ и гамъ; десятки тысячъ безбородыхъ, длиннокосыхъ, полуголыхъ фигуръ лѣзутъ изъ кожи въ погонѣ за работой, въ борьбѣ за существованіе.

Направо и налѣво въ маленькихъ, полутемныхъ сводчатыхъ помѣщеніяхъ безпрерывно раздается съ самаго ранняго утра до поздняго вечера стукъ молотка, визгъ пилы, удары топора, свистъ рубанка и проч. Вездѣ работаютъ такъ усердно, словно торопятся окончить самый спѣшный заказъ, который долженъ быть готовъ въ тотъ же день. Какое трудолюбіе! Какая неутомимость въ работѣ и въ творчествѣ!

Въ этихъ ремесленныхъ кварталахъ Кантона я никогда не видалъ людей праздными или отдыхающими, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они лежали холодными, неподвижными трупами подъ бѣлымъ полотномъ въ той же мастерской-лавкѣ, гдѣ провели въ работѣ всю жизнь.

Я былъ единственнымъ гуляющимъ, единственнымъ праздношатающимся среди всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ трудящихся людей, и меня самого тянуло сѣсть за работу вмѣстѣ съ ними. Разсматривая теперь десятки вещицъ, пріобрѣтенныхъ мной во время прогулокъ по Кантону, я такъ и вижу предъ собой этихъ полуголыхъ, обливающихся потомъ тружениковъ, молча, сосредоточенно сидѣвшихъ на сыромъ полу, вполнѣ уйдя въ свою работу. Своеобразный запахъ, свойственный всѣмъ предметамъ въ Китаѣ, и до сихъ поръ не выдохся изъ моихъ вѣеровъ, вышивокъ, тканей и разныхъ мелочей домашняго обихода. Стоитъ мнѣ развернуть одну изъ этихъ чудесныхъ вышивокъ, какъ меня обдаетъ острымъ, затхлымъ запахомъ—смѣсью опіума, чая и сандальнаго дерева. Созерцаніе китайцевъ за работой вызываетъ жуткое чувство. Что, если бы эти сотни милліоновъ трудолюбивыхъ людей побросали свои допотоп-

ныя орудія и взялись за наши современные инструменты и машины? Что, если бы въ сферѣ китайской промышленности явился свой Ли-Хунъ-Чанъ, который сумѣлъ бы обратить это неутомимое трудолюбіе, эти богатыя способности величайшей арміи работниковъ въ мірѣ противъ насъ, европейцевъ? Что, если бы въ Китаѣ завелись сотни фабрикъ, доменныхъ печей и литейныхъ заводовъ? Что сталось бы съ нами?

Эта мысль не шла у меня изъ головы, когда я видѣлъ китайцевъ за работой, и, въ качествѣ европейца, бѣлаго, я втихомолку благодарилъ Провидѣніе, которое, одаривъ китайцевъ прилежаніемъ, воздержностью, силою, способностью и ловкостью въ работѣ, лишило ихъ стремленія къ прогрессу.

Они доднесь продолжаютъ работать такъ же, какъ работали тысячи лѣтъ назадъ, подобными несовершенными, грубыми инструментами. Я покупалъ въ Китаѣ такія же фляжки, какія находятъ въ древнихъ египетскихъ гробницахъ въ пирамидахъ; эти фляжки Китай поставлялъ въ свое время всему свѣту, пока народы Запада съ ихъ новой культурой не выступили его соперниками и не вытѣснили его со всемірнаго рынка.

Консерватизмъ китайцевъ, ихъ уваженіе къ завѣтамъ старины надолго еще будутъ служить намъ защитой. Знаютъ же китайцы европейцевъ уже столѣтія, знакомы съ ихъ орудіями, машинами, практическимъ устройствомъ мастерскихъ десятки лѣтъ; бѣлые варвары познакомили китайцевъ со своими облегчающими трудъ и удваивающими производство ремесленными орудіями и машинами, но китайцы оставляютъ ихъ безъ вниманія, попрежнему работаютъ своими старыми, неуклюжими, тяжелыми орудіями, и работы ихъ выходятъ, пожалуй, лучше, тщательнѣе нашихъ со всѣмъ нашимъ прикладнымъ знаніемъ и практическими орудіями. Стоитъ взглянуть на китайскую бронзу, рѣзьбу по дереву китайскія лакированныя издѣлія, фарфоръ, мебель. Каждая вещь — дѣло рукъ одной семьи, можетъ быть одного человѣка, такъ какъ китайцы еще не знаютъ раздѣленія труда. Какой-нибудь Сянъ-Чжинъ или Хань-Шань, пожалуй, самъ вылѣпилъ модель для своей бронзы, самъ же приготовилъ сплавъ и самъ отлилъ вещь, самъ прошелся по отдѣльнымъ фигурамъ гравировальной иглой и самъ же покрылъ эмалью, вызолотилъ, закончилъ вполнѣ. Другой Сянъ-Чжинъ, пожалуй, не только заготовилъ дерево для мебели, но и составилъ узоръ, выткалъ по нему матерію для обивки, сдѣлалъ мебель, обилъ, украсилъ искусной рѣзьбой, покрылъ лакомъ. Правда, причудливо-странныя формы нѣкоторыхъ издѣлій часто вызываютъ у насъ, европейцевъ, улыбку, зато каждая вещь отличается извѣстнымъ стилемъ, выказываетъ индивидуальный вкусъ.

Машины ввозятся въ Китай уже пять десятковъ лѣтъ, и англичане приложили всѣ старанія къ ихъ распространенію, но китайцы пріобрѣтаютъ лишь такія, которыя увеличиваютъ ручную силу, и отвергаютъ тѣ, которыя замѣняютъ или совершенствуютъ ручной трудъ, какъ, напримѣръ, швейныя машины. Тысячи вѣеровъ, похожихъ одинъ на другой, какъ двѣ капли воды, выдѣлываются кусочекъ за кусочкомъ, пластинка за пластинкой, скрѣпляются, раскрашиваются и продаются все тѣмъ же работникомъ-одиночкой. Если при большихъ работахъ у него не хватаетъ рукъ, онъ пускаетъ въ ходъ ноги, и многіе китайцы дѣйствуютъ ножными пальцами съ большею ловкостью, нежели многіе бѣлые руками. Ловкость китайцевъ въ работѣ прямо поразительна; каждый ремесленникъ у нихъ положительно мастеръ на всѣ руки. Въ нѣкоторыхъ китайскихъ деревняхъ я не находилъ никакихъ лавокъ, и на мой вопросъ, откуда берутъ жители матеріи, обувь, домашнюю утварь, мнѣ отвѣчали: сами выдѣлываемъ.

Въ хижинахъ крестьянъ я видѣлъ старинные ткацкіе станки, передъ хижинами сидѣли женщины за шитьемъ одеждъ или торчали на корточкахъ мужчины за плетеніемъ сандалій. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда для выполненія какой-нибудь работы нужны особыя орудія, которыхъ въ деревнѣ не имѣется, деревенскіе жители прибѣгаютъ къ услугамъ странствующихъ ремесленниковъ. Въ Китаѣ и Кореѣ существуютъ бродячіе кузнецы, портные, башмачники, цырюльники.

Найдется гдѣ для такого ремесленника работа — мѣшокъ съ плечъ долой, вынулъ инструменты и за дѣло. На пути въ Су-Чжоу мнѣ случилось встрѣтить кузнеца, который какъ разъ готовился расположиться на дорогѣ со своей походной кузницей. Пожитки свои китайскіе бродячіе ремесленники возятъ не въ ручныхъ телѣжкахъ, какъ наши, европейскіе, а въ неуклюжихъ тачкахъ, или носятъ не на спинѣ въ котомкахъ и мѣшкахъ, а въ двухъ неглубокихъ корзинахъ, на длинномъ бамбуковомъ коромыслѣ. Мы не протащили бы такой тяжести и сотни шаговъ, а они шагаютъ себѣ съ ними десятки миль, какъ ни въ чемъ не бывало. Встрѣченный мной кузнецъ несъ на одномъ концѣ коромысла кузнечные мѣхи и безформенную глыбу желѣза, служившую наковальней; на другомъ же концѣ—тяжелую корзину со старымъ желѣзомъ и инструментами, угольнымъ мѣшкомъ, жаровней и глинянымъ горшкомъ, который вѣнчалъ всю корзину. Онъ положилъ наковальню на камень, посыпавъ его предварительно сырой землей, досталъ жаровню, наложилъ въ нее угольевъ, подложилъ огня и сталъ раздувать уголья мѣхами.

Затѣмъ онъ налилъ свой глиняный горшокъ водой изъ ближайшей канавки и бросилъ туда горсть спрессованныхъ морскихъ водорослей и варенаго риса. Тогда только я догадался, что онъ собирается сначала

пообѣдать. Мѣсиво это было съѣдено имъ съ такимъ аппетитомъ, какъ будто это было рагу изъ трюфелей. Тотъ же горшокъ съ водой послужилъ затѣмъ кузнецу при работѣ: въ него погружались для охлажденія разные желѣзные предметы, которые предварительно кузнецъ раскалялъ въ огнѣ. Въ городахъ эти странствующіе ремесленники остаются подольше, пріютившись гдѣ-нибудь у стѣнки и поджидая заказчиковъ.

Однажды я присутствовалъ при очень забавной сценѣ. Былъ какъ разъ большой праздникъ, торжество въ честь какого-то мѣстнаго свя-

Китайскій цырюльникъ.

того, и въ городъ стекалось много народа изъ окружныхъ деревень и мѣстечекъ. По главной улицѣ шелъ оборванный, растрепанный китаецъ, увидалъ на тѣневой сторонѣ улицы бродячаго цырюльника, присѣлъ возлѣ на корточки, стащилъ съ себя рубаху, бросилъ ее чинить бродячей уличной швейкѣ, а голову подставилъ цырюльнику. Немного погодя явился бродячій чеботарь и, какъ въ Англіи уличные чистильщики сапогъ, принялся упорно тыкать пальцемъ на войлочную обувь китайца. Послѣ долгаго крика и переговоровъ они, наконецъ, сторговались, китаецъ скинулъ башмаки, и чеботарь, усѣвшись рядомъ съ уличной швейкой, принялся ставить на обувь заплаты.

Кожа у китайцевъ далеко не въ такомъ ходу, какъ у другихъ народовъ, кожаной обуви почти не видно: бѣдные носятъ большею частью соломенныя сандаліи, а зажиточные — шелковую обувь на войлочной подошвѣ.

Во многихъ отрасляхъ промышленности китайцы, какъ сказано, несмотря на свои примитивные инструменты, не уступаютъ европейцамъ, если не превосходятъ ихъ; серебряныя издѣлія китайцевъ прямо восхитительны; ремесленники-одиночки сами создаютъ модели, выковываютъ и золотятъ великолѣпныя вазы, чаши и подставки для цвѣтовъ съ сотнями чеканныхъ фигурокъ, величиной въ одинъ-два сантиметра, но такъ сработанныхъ, что можно различить каждую черту лица, каждую складку одежды.

Еще тоньше, художественнѣе исполненіе чудесныхъ вышивокъ. Изготовленіемъ ихъ заняты въ Кантонѣ много тысячъ мужчинъ и женщинъ, такъ какъ вышивки эти въ массѣ вывозятся въ Европу, гдѣ находятъ отличный сбытъ. Какой-нибудь кусокъ вышивки работается иногда мѣсяцами; съ поразительнымъ искусствомъ вышиваютъ китайцы по шелку разныхъ птицъ, бабочекъ, цвѣты и проч. отъ руки, лишь глядя на рисунокъ, при чемъ самая вышивка выходитъ одинаково какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны, и нигдѣ не видно ни узелковъ, ни кончиковъ шелковыхъ нитей, которыя всѣ искусно прячутся. Чудеснѣйшія узорныя шелковыя матеріи ткутся на самыхъ простыхъ станкахъ. Китайцамъ до тонкости извѣстны также всѣ тайны окраски тканей, и—даромъ что они не имѣютъ понятія о химіи, какъ наукѣ—ихъ собственныя китайскія краски оказываются куда болѣе прочными, чѣмъ получаемыя изъ Европы. По части тонкой рѣзьбы по дереву, слоновой кости и камню китайцы положительно не имѣютъ соперниковъ. Съ какою ловкостью пользуются они въ своихъ работахъ изъ пестраго мрамора темными или свѣтлыми жилками, въ работахъ изъ дерева — каждымъ сучкомъ или наростомъ; изъ какого-нибудь узловатаго корня они мигомъ вырѣжутъ длиннобородаго божка, изъ многограннаго жировика — курьезнаго старичка; наросты и выступы матеріала служатъ скорѣе въ пользу, нежели на помѣху мастеру. Подобныя скульптурныя изображенія находятъ себѣ мѣсто надъ фронтонами домовъ, надъ воротами, дверями и по стѣнамъ жилищъ. Китайцы съ большимъ искусствомъ вырѣзываютъ и отдѣльныя фигуры и цѣльныя группы, такъ же искусно полируютъ ихъ, золотятъ и окрашиваютъ въ разные цвѣта; одного лишь не умѣютъ китайцы—соблюдать пропорцій въ изображеніи отдѣльныхъ фигуръ и перспективы въ сценахъ и группахъ.

Въ Кантонѣ я видѣлъ тысячи рисовальщиковъ на тонкой рисовой бумагѣ, составляющей особенность китайской промышленности. Эта такъ называемая „рисовая бумага“, ослѣпительно бѣлая, нѣжная и хрупкая,

отнюдь не бумага, а сердцевина разновидности хлѣбнаго дерева, которая осторожно извлекается изъ дерева и рѣжется тонкими широкими ножами на тончайшіе пласты. На этихъ пластинкахъ китайцы рисуютъ акварелью всевозможныя картинки: ландшафты, сцены изъ народной жизни, портреты, птицъ, звѣрей и пр.

Выдѣлка шелковыхъ тканей производится въ большинствѣ городовъ, не исключая и самыхъ маленькихъ, но нигдѣ не найдется ни одной ткацкой фабрики наподобіе нашихъ. Выдѣлка шелковыхъ тканей всюду кустарная; неуклюжіе ткацкіе станки являются величайшею драгоцѣнностью домашней обстановки въ каждой семьѣ. И все-таки бѣдные, невѣжественные китайцы умѣютъ выдѣлывать шелкъ куда лучше, нежели мы. Слова: шелкъ (цзе), сатинъ (сетумъ), чичунча (цзинша), пріобрѣтшія право гражданства во всемъ мірѣ, взяты съ китайскаго языка. Въ Нанкинѣ я отправился осматривать знаменитую императорскую шелковую фабрику, гдѣ шелкъ выдѣлывается въ огромномъ количествѣ для надобностей императорскаго пекинскаго двора и для жертвоприношеній предкамъ и богамъ. Требуется его не мало, такъ какъ въ одномъ Пекинѣ ежегодно сжигается при жертвоприношеніяхъ до 30.000 кусковъ шелковой матеріи. Вмѣсто фабрики я однако нашелъ цѣлый рядъ грязныхъ помѣщеній съ однимъ неуклюжимъ ткацкимъ станкомъ въ каждомъ, и на этихъ-то станкахъ выдѣлывались на моихъ глазахъ чудеснѣйшія шторныя ткани и камки, которыя возбуждаютъ такое удивленіе иностранцевъ, присутствующихъ на пріемахъ при пекинскомъ дворѣ.

Объ артистическомъ производствѣ фарфора въ Китаѣ извѣстно всѣмъ и каждому; изъ Китая искусство это перешло въ Корею и Японію, и теперь въ послѣдней производится фарфоръ, пожалуй, еще болѣе тонкій, нѣжный, нежели на самой родинѣ его пропзводства.

Бумага была извѣстна китайцамъ еще въ первомъ вѣкѣ до Р. Х., но и тогда, какъ теперь, они выдѣлывали ее изъ волоконъ бамбука, которыя толкутся въ ступкѣ и смѣшиваются съ волокнами хлопчатника. Сами китайцы считаютъ корейскую бумагу наилучшей. Столь же древняго происхожденія китайская тушь, изготовляемая не изъ каракатицъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые европейцы, но все изъ однихъ и тѣхъ же матеріаловъ: масла и сажи сосноваго угля.

Европейцы много разъ пытались пріучить китайцевъ къ болѣе дешевымъ способамъ выдѣлки различныхъ предметовъ, главнымъ образомъ, играющихъ видную роль въ вывозѣ въ Европу, но китайцы съ трогательнымъ упорствомъ остаются при своихъ старыхъ пріемахъ, бывшихъ извѣстными, пожалуй, еще во времена Конфуція. Можно было бы вообще отчаяться въ возможности расшевелить китайцевъ, вывести ихъ изъ ихъ закоснѣлости въ устарѣлыхъ пріемахъ производства, если бы не наплывъ дешевыхъ европейскихъ издѣлій, которыя, вытѣсняя своей

дешевизной предметы ручного производства, поневолѣ заставляютъ китайца взяться за умъ. Китаецъ слишкомъ расчетливъ, слишкомъ хорошій купецъ, чтобы держаться старыхъ традицій, если онѣ бьютъ его по карману.

Производство нѣкоторыхъ предметовъ онъ поэтому совсѣмъ оставилъ, замѣнивъ ихъ европейскими, другіе сталъ выдѣлывать по европейскимъ образцамъ. Такъ, напримѣръ, китайцы издавна занимались изготовленіемъ швейныхъ иголокъ, но, благодаря ручному способу изготовленія, иголки эти, конечно, не могли ни качествомъ, ни дешевизной сравниться съ европейскими. Какъ извѣстно, наши иголки укладываются въ маленькія черныя бумажки, и это сначала мѣшало ихъ распространенію въ Китаѣ. Добрыхъ китайскихъ дамъ отталкивалъ печальный черный цвѣтъ; будь же иголки завернуты въ красныя бумажки, онѣ были бы не прочь испробовать ихъ.

Бирмингемцы, конечно, поспѣшили уложить свой хрупкій товаръ въ красныя бумажки, и скоро китайцы такъ привыкли къ англійскимъ иголкамъ, что стали брать ихъ и въ черныхъ бумажкахъ. Китайскому производству иголокъ нанесенъ былъ, такимъ образомъ, сильный ударъ, но въ отдаленныхъ провинціяхъ китайцы все еще продолжаютъ сами ковать свои неуклюжія иголки.

Не замедлили китайцы научиться также цѣнить стекло, котораго совсѣмъ не знали до начала торговыхъ сношеній съ европейцами. Оконныя стекла замѣнялись у нихъ бумагой; зеркала употреблялись исключительно металлическія. Мало-по-малу они научились плавить стекло, и въ Китай стали вывозить изъ Европы ежегодно тысячи тоннъ стеклянныхъ осколковъ и битыхъ бутылокъ. Теперь же китайцы выучились плавить самый кремнеземъ и выдѣлывать стеклянную массу, почему ввозъ стекла въ Китай почти совсѣмъ прекратился. Китайцы только не умѣютъ еще выдѣлывать зеркальнаго стекла, зато такъ отполировываютъ свои металлическія зеркала, что они вполнѣ замѣняютъ имъ стеклянныя.

Очки также нашли широкій сбытъ въ Китаѣ. Пока еще ихъ попрежнему во множествѣ привозятъ изъ Европы, но китайцы уже начинаютъ изготовлять ихъ и сами, тѣмъ болѣе, что требованія, предъявляемыя китайцами къ очкамъ, совсѣмъ иныя, нежели у насъ въ Европѣ; по мнѣнію китайцевъ, чѣмъ стекла толще и крупнѣе, тѣмъ лучше. Вообще въ Китаѣ считается признакомъ хорошаго тона носить очки большихъ размѣровъ, и мандарины, чиновники, богатые купцы и китайскіе довѣренные (компрадоры) иностранныхъ торговыхъ домовъ— всѣ щеголяютъ въ непомѣрно большихъ очкахъ съ хрустальными стеклами, прикрывающими чуть не половину лица. Наши европейскія оптическія стекла поэтому для нихъ не годятся—черезчуръ малы, и въ Ки-

тамъ возникло собственное производство такихъ стеколъ, при чемъ вмѣсто нечистаго китайскаго стекла берется хрусталь, который и шлифуется по глазамъ заказчика въ его же присутствіи. Во время моей поѣздки вверхъ по Ян-цзы-цзяну пароходъ нашъ пристадъ въ Ву-ху, и тамъ на прогулкѣ я встрѣтилъ одного знакомаго моему проводнику китайца, только что назначеннаго секретаремъ мѣстнаго дао-тая. Господинъ секретарь и не замедлилъ сообщить намъ, что какъ разъ собрался къ оптику заказать очки для своихъ слабыхъ глазъ.

Ему, очевидно, было неловко показаться намъ въ своемъ новомъ званіи чиновника безъ очковъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, какъ онъ остановился у лавочки одного заготовщика очковъ, а когда два часа спустя мы опять столкнулись съ вновь испеченнымъ секретаремъ, на носу его уже красовались огромныя очки. Онъ съ улыбкой окликнулъ насъ и подѣлился сообщеніемъ, что очки ему какъ разъ по глазамъ. Я полюбопытствовалъ взглянуть черезъ эти колоссальныя круглыя стекла, и что же? они оказались плоскими, какъ оконныя стекла.

Вообще, приглядываясь къ промышленной жизни китайцевъ, я по всему замѣчалъ, что они упорно держатся своихъ старинныхъ пріемовъ и что чрезвычайно трудно заставить ихъ усвоить себѣ наши. Даже перебравшись за границу, напр., въ Санъ-Франциско, гдѣ имъ приходится жить и работать среди американцевъ, китайцы упорно держатся въ ремеслахъ своихъ старо-китайскихъ пріемовъ и продолжаютъ выписывать съ родины все необходимое изъ платья, домашней утвари и инструментовъ, вмѣсто того чтобы покупать болѣе дешевые и практичные предметы американскаго производства. Охотно пріобрѣтаютъ они лишь такіе предметы, употребленія которыхъ не знали до знакомства съ европейцами и въ пользѣ которыхъ успѣли убѣдиться.

Такимъ образомъ не составило большого труда ввести въ Китаѣ употребленіе керосина и керосиновыхъ лампъ; послѣднія стали теперь выдѣлываться уже въ самомъ Кантонѣ и расходиться тысячами по всей странѣ. Неизвѣстна была въ Китаѣ и наша желѣзная промышленность съ ея литейными заводами и машинами всѣхъ сортовъ, но прошло нѣсколько времени, и китайское правительство открыло въ разныхъ мѣстахъ страны арсеналы и машинныя мастерскія подъ управленіемъ иностранцевъ, которыхъ, однако, понемногу стараются замѣнить туземными техниками.

Въ настоящее время китайцы стремятся изучить у европейцевъ желѣзнодорожное дѣло, чтобы впослѣдствіи строить собственныя желѣзныя дороги.

Не взирая на крупныя изобрѣтенія, приписываемыя исторіей древнимъ китайцамъ, современные китайцы отнюдь не отличаются изобрѣтатель-

ностью. Зато въ нихъ замѣчается необычайная способность къ подражанію. Стоитъ имъ запастись образцами и проникнуть въ тайну выдѣлки предметовъ, въ пользѣ которыхъ они успѣли убѣдиться, для нихъ нѣтъ ничего легче, какъ начать выдѣлывать точно такіе же самимъ въ ущербъ европейской промышленности и торговлѣ.

Въ Гонгъ-Конгѣ, Шанхаѣ, Сингапурѣ и другихъ большихъ городахъ Восточной Азіи мелкая промышленность почти цѣликомъ перешла въ руки китайцевъ, такъ какъ европейцы не могутъ съ ними конкурировать. Даже обуваютъ и одѣваютъ европейцевъ въ этихъ городахъ по большей части китайцы, являющіеся весьма способными, добросовѣстными и крайне скромными въ своихъ требованіяхъ мастерами. Снимать мѣрки и по нимъ изготовлять бѣлье или платье китайцы не умѣютъ, но, какъ только я давалъ китайцу-портному на образецъ мое европейское платье, онъ въ кратчайшій срокъ и за поразительно дешевую цѣну изготовлялъ мнѣ точь въ точь такое же.

Въ Шанхаѣ и Сингапурѣ мнѣ въ теченіе сутокъ шили полные костюмы изъ очень хорошаго европейскаго матеріала за 10—12 серебряныхъ долларовъ. Надо только остерегаться давать длинокосымъ артистамъ въ маленькихъ мѣстечкахъ одежду, чиненную или съ заплатами, не то вы, навѣрное, получите вновь сшитый предметъ одѣянія съ точно такими же заплатами въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ.

Монголы.

(А. К.)

Широкое, плоское лицо, съ выдающимися скулами, приплюснутый носъ, небольшіе, узко прорѣзанные глаза, угловатый черепъ, большія оттопыренныя уши, черные жесткіе волосы, весьма рѣдкіе на усахъ и бородѣ, смуглый, загорѣлый цвѣтъ кожи, наконецъ плотное, коренастое сложеніе, большею частью при среднемъ, а иногда и при большомъ ростѣ—вотъ характерныя черты наружности каждаго монгола.

Одежда у всѣхъ обитателей Монголіи почти одинаковая и отличается только нѣкоторыми частностями.

Нижняя одежда монголовъ состоитъ изъ короткой съ косымъ воротомъ рубахи, сшитой изъ синей, сѣрой или голубой бумажной ткани (дабы), съ небольшими разрѣзами по бокамъ, у подола, и той же матеріи шароваръ. Зимою же носятъ овчинныя или теплые стеганые шаровары изъ дабы. Верхнюю одежду составляетъ широкій халатъ изъ синей, коричневой, а у ламъ изъ желтой или малиновой дабы.

Воротникъ, борты, подолъ и обшлага рукавовъ халата обшиваются у зажиточныхъ плисомъ. Застегивается халатъ на круглыя металлическія пуговицы, пришитыя на правомъ боку. На подолѣ, съ обоихъ боковъ, часто дѣлаются разрѣзы для удобнаго помѣщенія въ сѣдлѣ. Опоясывается халатъ бумажнымъ цвѣтнымъ поясомъ, на которомъ всегда висятъ ножны съ ножомъ и огниво на ремешкахъ или цѣпочкахъ, а сзади за поясомъ втыкается трубка. Кармановъ у халата не дѣлаютъ, а мелкія вещи, носимыя при себѣ, какъ-то: табакерку, кисеты съ табакомъ и т. п. монголы кладутъ за пазуху или за голенища, куда помѣщаютъ иногда трубку и кошельки съ серебромъ. Въ зимнее время монголы носятъ нагольные тулупы или халаты на бараньемъ мѣху, а въ путешествіяхъ, при сильныхъ морозахъ и вѣтрахъ, надѣваютъ еще поверхъ ихъ козьи дохи.

Женщины носятъ узкіе халаты, съ длинными рукавами и утолщеніемъ на плечахъ. Застегиваются они также на круглыя металлическія пуговицы, нашиваемыя по прямой линіи отъ подбородка внизъ. Поверхъ халата монголки надѣваютъ короткія безрукавки. Волосы свои онѣ разбираютъ на двѣ пряди, смазываютъ ихъ клеемъ и спускаютъ въ видѣ двухъ плоскихъ, лентообразныхъ локоновъ на грудь, сжимая эти локоны металлическими стяжками, или щемилками. Локоны украшаются бляхами, кораллами и лентами, а на голову монголки надѣваютъ маленькую ермолку съ тремя лопастями на краяхъ и отверстіемъ наверху. Въ ушахъ онѣ носятъ массивныя, большею частью треугольныя серьги съ различными привѣсками, на рукахъ—браслеты и кольца, а на шеѣ—кораллы и бусы.

Мужчины и женщины обуваются въ простые кожаные сапоги, похожіе на китайскіе, безъ каблуковъ, съ широкими, но короткими голенищами и толстыми войлочными подошвами, прошитыми ремешками и дратвою. Зимою на ноги одѣваютъ предварительно войлочные чулки, выдающіеся изъ голенищъ.

Головной уборъ у мужчинъ и женщинъ одинаковъ: коническая шапка, съ круглымъ мягкимъ шишакомъ на верхушкѣ и широкими, загнутыми кверху полями, отороченными снаружи мѣхомъ (лисьимъ, волчьимъ, рысьимъ) или плисомъ (у лѣтнихъ шапокъ). Зимою, въ сильную стужу, монголы отворачиваютъ ихъ, защищая себѣ лобъ, уши и затылокъ. Сзади спускаются съ шапки двѣ малиновыя или пунцовыя ленты, длиною вершковъ 10. Лѣтомъ, въ жары, вмѣсто шапокъ, монголы часто повязываютъ голову платкомъ узломъ на затылокъ.

Жилище монгола, кочевника, т.-е. его юрта (гэръ или гырь), равно какъ и киргизская, состоитъ изъ деревяннаго остова и войлочной покрышки. Различіе между той и другой заключается, главнымъ образомъ, въ формѣ верхней половины, которая у киргизскихъ юртъ сферче-

ская, а у монгольскихъ—прямая, вслѣдствіе того, что у первой—перекладины, поддерживающія верхъ, выпуклыя, и у второй прямыя. Затѣмъ другое существенное различіе обусловливается устройствомъ дверей: юрта монгола имѣетъ деревянныя, створчатыя двери, которыя всегда обращаются на югъ; киргизское же дверное отверстіе закрывается войлокомъ, спускающимся сверху на подобіе шторы.

Внутренность монгольской юрты болѣе богата утварью и скарбомъ, чѣмъ киргизской. Противъ входа въ юрту всегда располагаются божницы, представляющія изъ себя шкафики или шкатулки, на которыхъ помѣщаются кумиры и ихъ изображенія на бумагѣ или на тканяхъ; а передъ этимъ подобіемъ иконы располагаются металлическія чашечки (цокцо) съ водой, хлѣбнымъ зерномъ, сыромъ, творогомъ и проч. Тутъ же ставятся и искусственные цвѣты.

Вправо отъ божницы располагается широкая и низкая кровать съ войлочнымъ тюфякомъ и подушкой. Въ ногахъ ея, т.-е. отъ входа направо, помѣщается этажерка или шкафчикъ съ мелкою посудой. По лѣвую сторону входа ставится деревянный станокъ для вѣшанія кожаныхъ мѣшковъ. Затѣмъ, вдоль остальныхъ стѣнъ и свободнаго пространства располагаются деревянные ящики (абдра), вмѣщающіе домашній скарбъ, запасы хлѣба и проч., а зимой, кромѣ того, помѣщается мелкій рогатый скотъ, т.-е. ягнята и телята.

Утварь состоитъ изъ очага или тагана, представляющаго рядъ плоскихъ желѣзныхъ обручей, отъ 8 до 12 верш. въ діаметрѣ, скрѣпленныхъ между собою, параллельно, четырьмя желѣзными прутами, съ багровидными, выдающимися немного вверхъ концами, на которыхъ устанавливается обыкновенно котелъ; такая рѣшетка, въ 9—12 верш. высотою, допускаетъ свободный притокъ воздуха съ боковъ, а потому арагалъ (сухой скотскій пометъ) въ ней горитъ лучше, чѣмъ сложенный просто въ кучу; затѣмъ изъ мѣднаго ковша съ длинною деревянною ручкою, черпака изъ ивовыхъ прутьевъ или дэрису, метелки для обметанія казана, плоскаго деревяннаго блюда, деревянныхъ и рѣдко фарфоровыхъ чайныхъ чашекъ, корыта для вкладыванія мяса, вынутаго изъ котла, деревянной ступы для толченія проса и чая, деревяннаго же песта, корзинъ для сбора арагала и льда, деревянныхъ ведеръ, деревянной крышки на котелъ и иногда молотка изъ маральяго рога.

Обыденная жизнь монголовъ однообразна и бѣдна развлеченіями: въ монгольскихъ улусахъ рѣдко слышатся пѣсни, еще рѣже бываютъ игры. Путешественнику по Монголіи гораздо чаще приходится наблюдать различныя религіозныя отправленія и гаданія, весьма распространенныя въ средѣ обитателей страны. Народныя пѣсни уступаютъ мѣсто церковнымъ пѣснопѣніямъ, читаемымъ монголами, особенно же ламами, которые въ пути, сидя на верблюдѣ и покачиваясь равномѣрно, бормочутъ по

нѣсколько часовъ подъ рядъ свою шестисловную мистическую молитву: „ом-ма-ни-пад-ме-хумъ“.

Съ восходомъ солнца женщины доятъ скотъ и потомъ отправляютъ его большею частью съ подростками-мальчиками, а иногда и съ дѣвушками на пастбище, куда пастухи или пастушки слѣдуютъ всегда верхомъ на лошадяхъ.

Затѣмъ женщины готовятъ кушанье и занимаются шитьемъ. Вообще на монголкахъ лежатъ многія домашнія работы: приготовленіе кушанья, собираніе молока, дѣланіе сыра, масла, уходъ за новорожденными мелкими животными, шитье платья и проч. Онѣ трудятся гораздо больше мужчины, и эти нескончаемыя хлопоты по хозяйству поддерживаютъ въ нихъ постоянство энергіи, въ противоположность мужчинамъ, лѣнивая жизнь которыхъ измѣняется только періодически. Зато монгольскія женщины пользуются значительной долей самостоятельности: онѣ не безотвѣтныя рабыни своихъ мужей, а полноправныя хозяйки.

Монголка.

Мужчины большую часть дня, если нѣтъ спѣшной работы, проводятъ въ праздности, сидя у очага и покуривая трубки, или отправляются въ гости въ сосѣдній улусъ, и непремѣнно всегда верхомъ, хоть бы до этого улуса было нѣсколько сотъ шаговъ. Разъѣзды по гостямъ бываютъ особенно часты лѣтомъ, когда у монголовъ приготовляется кумысъ и гонится водка. Въ это время можно встрѣтить партіи подгулявшихъ монголовъ, путешествующихъ изъ улуса въ улусъ, но въ чрезмѣрномъ употребленіи спиртныхъ напитковъ ихъ однако нельзя попрекнуть. На праздникахъ при монастыряхъ устраиваются скачки, стрѣльба изъ луковъ и борьба, привлекающія туземцевъ цѣлыми тысячами. Охотники осенью и зимою соединяются въ партіи, устраиваютъ облавы на антилопъ, а весною, лѣтомъ и осенью охотятся въ одиночку на сурковъ.

Въ періодъ караваннаго движенія (съ августа по апрѣль) однообразная жизнь монголовъ, кочующихъ поблизости большихъ дорогъ, значительно оживляется: проходящіе ежедневно караваны доставляютъ имъ развлеченіе. Завидѣвъ караванъ, монголы тотчасъ садятся на лошадей и, подскакавъ къ нему, привѣтствуютъ путешественниковъ; затѣмъ начинаются нескончаемые разспросы. Увлекшись разговоромъ, нѣкоторые изъ любопытныхъ уѣзжаютъ очень далеко отъ своихъ улусовъ. Случается также нерѣдко, что монголъ, ѣдущій въ гости или за дѣломъ и встрѣтившійся съ караваномъ, поворачиваетъ назадъ и сопутствуетъ ему нѣсколько верстъ, единственно изъ желанія побесѣдовать съ проѣзжающими. Но ошибочно было бы такую страсть къ общенію считать характеристической чертой монгольскихъ нравовъ: ее слѣдуетъ, мнѣ кажется, приписать вполнѣ естественному влеченію къ разнообразію той монотонной жизни, которую ведутъ монголы въ своихъ малыхъ и уединенныхъ улусахъ.

По вечерамъ монголки опять доятъ скотъ, оставляя коровъ, барановъ и козъ на ночь около юртъ подъ защитою собакъ, иначе волки, которыхъ въ Монголіи множество, не преминутъ воспользоваться оплошностью владѣльца и, навѣрно, задушатъ нѣсколько штукъ. Въ эти часы, когда скотъ пригоняется къ улусамъ, окрестности ихъ оглашаются мычаніемъ коровъ и блеяніемъ барановъ. Потомъ все умолкаетъ и въ ночномъ сумракѣ только огоньки, просвѣчивающіе черезъ верхнія дымовыя отверстія трубъ, обозначаютъ собою присутствіе человѣческихъ жилищъ.

Пища монголовъ состоитъ главнымъ образомъ изъ мяса, молочныхъ продуктовъ, толокна и чая. Изъ мяса преимущественно употребляется баранина, говядина же гораздо рѣже, и какъ конину, такъ и верблюжье мясо ѣдятъ большею частью отъ павшихъ животныхъ. Затѣмъ громадное подспорье для небогатыхъ кочевниковъ представляетъ еще сурочье мясо. О количествѣ сурковъ, уничтожаемыхъ монголами, можно судить по тому, что черезъ г. Кобдо, не считая другихъ пунктовъ, въ иные годы вывозили до 500.000 шкурокъ сурковъ, мясо которыхъ съѣдалось номадами. Способъ приготовленія мяса весьма простъ и несложенъ: его бросаютъ въ котелъ и варятъ весьма недолго, безъ всякихъ приправъ, вынимая недовареннымъ, полусырымъ.

Молоко, какъ основной пищевой продуктъ, служитъ еще для приготовленія изъ него квашенаго молока, кумыса различныхъ сортовъ и масла. Квашеное молоко по-монгольски—арикъ, по-киргизски—айранъ; первый дѣлается изъ коровьяго, а второй изъ овечьяго молока, и кромѣ того монгольскій не вареный, почему цвѣтомъ бѣлѣе, а на вкусъ кислѣе киргизскаго. Кумысъ по-монгольски чигэнъ или гуниарикъ, т.-е. кобылій, повсемѣстно распространенъ и одинаково приготовляется. За-

тѣмъ масло. Всѣ эти продукты всегда содержатся въ кожаныхъ мѣшкахъ — коткуръ, висящихъ въ юртѣ на особой деревянной подставкѣ, налѣво отъ входа въ нее.

Чай въ Монголіи во всеобщемъ употребленіи и составляетъ для кочевника такую потребность, что ни одинъ номадъ не можетъ существовать безъ него и нѣсколькихъ сутокъ. Варятъ его двояко, въ зависимости отъ того, долженъ ли онъ служить простымъ питьемъ, или для болѣе существенной пищи. Въ первомъ случаѣ, кромѣ кирпичнаго чая и нѣсколькихъ чашекъ молока, ничего не кладется въ кипящую воду. Во второмъ же — добавляется еще сухое жареное просо и, наконецъ, масло или курдючное сало.

Водку монголы гонятъ изъ хлѣба или коровьяго кислаго молока. Независимо отъ приготовляемой, наибольшее количество ея пріобрѣтается покупкою у китайцевъ, для которыхъ торговля ею даетъ большіе барыши. Наконецъ, кромѣ всѣхъ перечисленныхъ продуктовъ, монголы употребляютъ еще зерна дикихъ растеній, собираемыя въ степныхъ мѣстахъ, а на высокихъ горахъ корни, называемые по-монгольски мякиръ.

Монголы вообще весьма добродушны, привѣтливы, въ широкой степени гостепріимны и честны. По характеру своему вспыльчивы, но злопамятность и месть не знакомы ихъ прямодушной натурѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ монголы упрямы, хотя легко поддаются обаянію лести. Словоохотливость имъ также присуща: на предложенный вопросъ, кромѣ прямого отвѣта, готовы сообщить много лишняго, при чемъ скорая рѣчь непрерывно льется изъ устъ добродушнаго номада.

На ряду со сказаннымъ, самую видную черту характера ихъ составляютъ лѣнь и безпечность, поддерживаемыя въ нихъ условіями ихъ пастушескаго быта. Правда, праздности монголы предаются только во время досуга, котораго у нихъ очень много; въ рабочее же время, т.-е. въ періодъ караваннаго движенія, номады способны трудиться неустанно въ теченіе долгаго времени. Безпечность же ихъ достойна замѣчанія, и нашему пресловутому „авось“ въ монгольскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ болѣе сильное „цугэръ“, отражающееся весьма невыгодно на ихъ благосостояніи. Не менѣе видную черту ихъ характера составляетъ трусость, получившая особенное развитіе въ средѣ обитателей, сосѣднихъ застѣнному Китаю. Развращающее вліяніе китайцевъ въ конецъ истребило въ монголахъ всякую воинственность и энергію духа, и даже халхасы совершенно утратили прежнюю удаль и отвагу. Не только въ этомъ отношеніи, но и вообще вліяніе китайцевъ отражается весьма пагубно на характерѣ кочевника, измѣняя его чрезвычайно сильно, такъ что жители окраинъ Монголіи значительно разнятся отъ обитателей средней части страны, и насколько послѣдніе, особенно простые монголы (хара-хунъ, по нашему — простолюдинъ) не испорчены, честны, просто-

душны и добры, настолько первые заражены хитростью, обманомъ и лицемѣріемъ.

Въ умственномъ отношеніи нельзя отнять у монголовъ чрезвычайной смѣтливости. Впрочемъ, она, подобно нѣкоторымъ другимъ чертамъ характера номада, получила одностороннее, исключительное развитіе и сводится къ умѣнію, благодаря отличному знанію своей родины, найтись въ самомъ безвыходномъ положеніи — предсказать бурю, чутьемъ опредѣлить мѣстонахожденіе колодца, по ничтожнымъ примѣтамъ отыскать заблудившагося коня или верблюда и т. д. Но внѣ круга обычной его дѣятельности монголъ не сумѣетъ проявить и сотой доли своей смѣтливости, которая, въ сферѣ его жизни и обстановки, неоднократно вызывала удивленіе путешественниковъ. Наконецъ, для полноты характеристики коренного обитателя Монголіи необходимо упомянуть о свойственномъ имъ любопытствѣ, доходящемъ до крайности, какъ результатъ, вѣроятно, чрезвычайнаго однообразія ихъ обыденной жизни.

Въ отношеніи религіи почти все населеніе Монголіи принадлежитъ къ буддистамъ и исповѣдуетъ ламаизмъ, составляющій господствующее въ странѣ вѣроученіе. Рядомъ съ нимъ существуютъ и ничтожные остатки шаманства, этой древнѣйшей религіи Азіи, замѣтно однако вымирающей, по мѣрѣ распространенія буддизма, пустившаго такіе глубокіе корни, какъ, быть можетъ, ни въ одной другой странѣ буддійскаго міра. Дѣйствительно, ученіе Будды сдѣлало громадные успѣхи, и уже спустя всего 50 лѣтъ послѣ постройки перваго въ Монголіи монастыря Эрдэни-цзу, оконченнаго въ 1586—87 гг., буддійское вѣроученіе охватило всю страну.

Въ лѣтописяхъ халхасовъ говорится, что съ этого времени вѣра Будды какъ солнце просіяла; животворные лучи ея согрѣли души халхасовъ и смирили ихъ жестокіе нравы: халхасы совершенно вступили на путь десяти бѣлыхъ добродѣтелей и стали весьма прилежны къ дѣяніямъ высокородныхъ святыхъ.

Богослуженіе въ Монголіи отправляется на тибетскомъ языкѣ и всѣ священныя ихъ книги также тибетскія. Самое служеніе совершается трижды въ день и носитъ названіе хураловъ малыхъ, т.-е. повседневныхъ, и большихъ, полагаемыхъ въ дни постовъ, покаянія и по праздникамъ. Призывъ ламъ къ служенію въ монастыряхъ Халхи, совершается обыкновенно помощью морской раковины, въ которую трубный звукъ подается трижды. Собравшись въ кумирню, ламы садятся на опредѣленныя, каждому присвоенныя мѣста и читаютъ нараспѣвъ установленныя молитвы. Иногда это монотонное чтеніе прерывается возгласомъ старшаго ламы, повторяемымъ или даже перекрикиваемымъ прочими изъ присутствующихъ. Затѣмъ бьютъ въ бубны или мѣдныя

Буддійскій монастырь близъ Урги.

тарелки, что производитъ еще большій шумъ. Молитвы, читаемыя во время повседневныхъ хураловъ, установлены одинаковыя для всѣхъ кумиренъ Монголіи; большіе же хуралы, совершаемые въ извѣстные праздничные дни и по разнымъ случаямъ, отличаются отъ малыхъ какъ большею пышностью самаго служенія, такъ и чтеніемъ особо установленныхъ для сего молитвъ. Но самая употребительная молитва какъ въ средѣ ламъ, такъ и кочевого населенія Монголіи, постоянно ими повторяемая, состоитъ всего изъ четырехъ словъ: омъ-ма-ни-пад-мехумъ. Объясненія ея однако до сихъ поръ не имѣется, несмотря на произведенныя уже попытки.

Во главѣ всей духовной іерархіи буддизма находится тибетскій далай-лама, имѣющій свое постоянное пребываніе въ Лассѣ. Второе по немъ лицо, равноправное по святости, составляетъ другой тибетскій святой—бань-цынь-эрдэни и третье — представляетъ ургинскій хутухта. Затѣмъ уже слѣдуютъ всѣ остальные гыгэны, живущіе въ разныхъ кумирняхъ Монголіи и раскинутые по всей странѣ. Общее число таковыхъ весьма значительно и простирается далеко за сто. Всѣ эти „гыгэны“ составляютъ земное воплощеніе святыхъ, до высшей степени усовершенствовавшихъ свою нравственную природу и никогда не умирающихъ, но только переходящихъ изъ одного тѣла въ другое. Поэтому точное ихъ наименованіе составляетъ „хубилганъ“, т.-е. перерожденецъ, или земное воплощеніе. Что же касается до названій: хутухта и гыгэнъ, то это ужъ титулы, жалуемые богдыханомъ монгольскимъ хубилганамъ при особомъ рескриптѣ и съ обязательною при этомъ выдачею золотой печати.

Сословіе духовныхъ, или такъ называемыхъ ламъ, чрезвычайно многочисленно въ странѣ. Помимо того, что подобное явленіе обусловливается ученіемъ Будды, самое достиженіе духовнаго званія не представляетъ затрудненій. Такъ, родители, обыкновенно по собственному желанію, еще въ дѣтствѣ предназначаютъ своего ребенка на подобное поприще, брѣютъ ему всю голову и одѣваютъ въ красную или желтую одежду. Послѣднее служитъ внѣшнимъ выраженіемъ будущаго назначенія ребенка, котораго, по достиженіи 8—10-лѣтняго возраста, отдаютъ въ кумирню для изученія грамоты и буддійской мудрости. По изученіи же, приблизительно къ 17 годамъ, полнаго круга богослуженія принявшіе обѣтъ большею частью возвращаются обратно въ свое селеніе въ качествѣ ламы, чтобы проводить тамъ однако обыденную жизнь простолюдина. Всѣ такого рода ламы числятся въ общемъ спискѣ данниковъ своего князя и такимъ образомъ ничѣмъ не разнятся отъ нихъ, неся на ряду съ ними и всѣ повинности. Наоборотъ, монастырскіе ламы, постоянно въ нихъ живущіе, вносятся въ особый монастырскій списокъ, веденіе котораго лежитъ на обязанности настоя-

теля, при чемъ включеніе желающихъ въ этотъ послѣдній производится съ большою осмотрительностью.

Религіозныя вѣрованія, какъ мы уже знаемъ, пустили въ средѣ номадовъ глубокіе корни. Въ не меньшей степени развито между монголами суевѣріе, вѣроятно какъ остатки шаманства. Различные черти и колдовство грезятся монголу на всякомъ шагу. Въ каждомъ неблагопріятномъ явленіи природы онъ видитъ дѣйствіе злого духа, въ каждой болѣзни—его же попущеніе. Нужно видѣть, насколько здѣсь распространены гаданье и различное колдовство. Въ этомъ искусствѣ упражняются не только всѣ шаманы и большая часть ламъ, но часто даже и простые смертные, кромѣ женщинъ. Гаданья производятся главнымъ образомъ на ламскихъ четкахъ, китайскихъ чохахъ и на лопаткѣ, конечно съ приговоромъ различныхъ заклинаній. Пропала ли у монгола скотина, — онъ тотчасъ же бѣжитъ къ гадальщику, чтобы узнать, гдѣ ему искать потерянное. Отправляясь въ дорогу, онъ гадаетъ о благополучіи пути и т. д.

Изъ обычаевъ монголовъ, весьма многочисленныхъ, болѣе другихъ обращаютъ на себя вниманіе: обыкновеніе всегда оріентироваться по странамъ свѣта, не употребляя словъ „право и лѣво“, а указанія на востокъ или западъ. При чемъ лицевою стороной у номадовъ считается югъ, но не сѣверъ, почему востокъ составляетъ лѣвую, а не правую сторону горизонта. Разстоянія измѣряются временемъ ѣзды на лошадяхъ или верблюдахъ и всегда въ условной формѣ, т.-е. столько-то сутокъ ходу на верблюдахъ и столько-то на конѣ. Для болѣе же точнаго обозначенія добавляется: „если хорошо ѣхать“ или „если тихо ѣхать“. Средній суточный переѣздъ въ Халхѣ считается: на вьючныхъ верблюдахъ—въ 40 вер., а на лошадяхъ—въ 60—70 верстъ. Скорость хода хорошаго верблюда простирается отъ 4—$4^1/_2$ вер. въ часъ, если животное навьючено, и отъ 5—6 вер. въ часъ при слѣдованіи безъ вьюка.

Заканчивая этнографическій очеркъ страны, считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніяхъ монголовъ къ Китаю. По отзывамъ большинства путешественниковъ и ихъ наблюденіямъ, монголы, въ массѣ, относятся весьма недружелюбно къ своимъ поработителямъ. Темные поборы, притѣсненія правителей и чрезмѣрные налоги ихъ вызываютъ негласный ропотъ, тѣмъ болѣе что всему этому покровительствуетъ китайское правительство или смотритъ сквозь пальцы, такъ же какъ и на эксплуатацію кочевого населенія расплодившимися въ Монголіи китайскими торговыми компаніями. Суда и расправы номадъ найти не можетъ, а при существующемъ взяточничествѣ его даже и не ищетъ. Вслѣдствіе всего этого непріязнь народа растетъ все болѣе и болѣе и пока сдерживается покровительствомъ, оказываемымъ богдыханомъ вліятельнымъ классамъ населенія, т.-е. духовенству и князьямъ.

Жалованье этимъ послѣднимъ, щедрые подарки, почести при дворѣ и наконецъ родственныя узы посредствомъ браковъ принцессъ царствующихъ династій съ князьями — вотъ главнѣйшія средства, къ которымъ прибѣгаетъ китайское правительство для удержанія князей въ полномъ себѣ повиновеніи. То же самое, но въ гораздо большей степени задабриванія, практикуется и относительно духовенства, въ особенности же относительно хубилгановъ, т.-е. святителей, и высшаго почетнаго ламскаго сословія.

Восточная Гоби.

(Пржевальскаго).

Сибирскій характеръ мѣстности, съ ея горами, лѣсами и обильнымъ орошеніемъ оканчивается возлѣ Урги и отсюда къ югу является уже чисто монгольская природа. Черезъ день пути путешественникъ встрѣчаетъ совсѣмъ иную обстановку. Безграничная степь, то слегка волнистая, то прорѣзанная грядами скалистыхъ холмовъ, убѣгаетъ въ синѣющую, неясную даль горизонта и нигдѣ не нарушаетъ своего однообразнаго характера. То тамъ, то здѣсь пасутся многочисленныя стада, принадлежащія монголамъ, юрты которыхъ встрѣчаются довольно часто, особенно вблизи дороги. Послѣдняя такъ хороша, что по ней можно удобно ѣхать даже въ тарантасѣ. Собственно Гоби еще не началась и переходомъ къ ней служитъ описываемая степная полоса, съ почвою глинисто-песчаною, покрытою прекрасною травой. Эта полоса тянется отъ Урги къ юго-западу по Калганской дорогѣ верстъ на двѣсти и затѣмъ незамѣтно переходитъ въ безплодныя равнины собственной Гоби.

Впрочемъ, и въ этой послѣдней мѣстность носитъ болѣе волнистый, нежели равнинный характеръ, хотя совершенно гладкія площади разстилаются иногда на цѣлые десятки верстъ. Подобныя мѣста попадаются около средины Гоби, тогда какъ въ сѣверной и южной ея части встрѣчается довольно много невысокихъ горъ, или правильнѣе холмовъ, стоящихъ то отдѣльными островками, то вытянувшихся въ продольные хребты. Эти горы возвышаются лишь на нѣсколько футовъ надъ окрестными равнинами и изобилуютъ голыми скалами. Ихъ ущелья и долины всегда затянуты сухими руслами потоковъ, въ которыхъ вода бываетъ только во время сильнаго дождя, да и то лишь нѣсколько часовъ. По такимъ сухимъ русламъ расположены колодцы, доставляющіе воду мѣстному населенію. Текучей воды не встрѣчается нигдѣ на всемъ протяженіи отъ рѣки Толы до окраины собственнаго Китая, т.-е. почти на 900 верстъ. Только лѣтомъ во время дождей здѣсь образуются на гли-

нистыхъ площадяхъ временны[illegible]я озера, которыя затѣмъ высыхаютъ въ періодъ жаровъ.

Почва въ собственной Гоби состоитъ изъ крупно-зернистаго красноватаго гравія и мелкой гальки, къ которой примѣшаны различные камни, какъ, напримѣръ, иногда агаты. Мѣстами встрѣчаются полосы желтаго сыпучаго песку, впрочемъ, далеко не столь обширныя, какъ въ южной части той же самой пустыни.

Подобная почва, конечно, не способна производить хорошую растительность, а потому Гоби очень бѣдна даже травою. Правда, по Калганской дорогѣ совершенно оголенныя пространства встрѣчаются довольно рѣдко, но зато вездѣ трава достигаетъ едва фута вышины и почти не прикрываетъ красновато-сѣраго грунта. Только иногда, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глина смѣнятъ гравій, или по горнымъ долинамъ, гдѣ лѣтняя влага болѣе задерживается почвой, является злакъ, называемый монголами дырису (Lasiagrostis splendens), растущій всегда кустами отъ 4 — 5 ф. вышиною и твердый какъ проволока. Здѣсь же иногда пріютится какой-нибудь одинокій цвѣтокъ, а если почва солонцевата, появляется бударгана (Kalidium gracile), любимый кормъ верблюдовъ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ лукъ, мелкая полынь, нѣсколько другихъ сложноцвѣтныхъ и злаковъ составляютъ преобладающую растительность пустыни. Деревьевъ и кустарниковъ нѣтъ вовсе, да и возможно ли имъ развиваться, когда, помимо всѣхъ другихъ неблагопріятныхъ физическихъ условій, зимніе и весенніе вѣтры бушуютъ здѣсь изо дня въ день съ такою силой, что даже вырываютъ съ корнемъ низкорослую полынь и, скручивая ее въ большіе снопы, катаютъ ихъ по пустыннымъ равнинамъ.

Населеніе въ собственной Гоби попадается несравненно рѣже, чѣмъ въ предшествовавшей ей степной полосѣ. Дѣйствительно, развѣ только монголъ, да его вѣчный спутникъ верблюдъ могутъ свободно обитать въ этихъ мѣстностяхъ, лишенныхъ воды и лѣса, накаляемыхъ лѣтомъ до тропической жары, а зимою охлаждающихся чуть не до полярной стужи.

Вообще Гоби своею пустынностью и однообразіемъ производитъ на путешественника тяжелое, подавляющее впечатлѣніе. По цѣлымъ недѣлямъ сряду предъ его глазами являются одни и тѣ же образы: то неоглядныя равнины, отливающія (зимой) желтоватымъ цвѣтомъ изсохшей прошлогодней травы, то черноватыя, изборожденныя гряды скалъ, то пологіе холмы, на вершинѣ которыхъ иногда рисуется силуэтъ быстроногаго дзерена (Antilope gutturosa). Мѣрно шагаютъ тяжело навьюченные верблюды, идутъ десятки, сотни верстъ, но степь не измѣняетъ своего характера, а остается попрежнему угрюмой и непривѣтливой... Закатится солнце, ляжетъ темный пологъ ночи, безоблачное небо за-

искрится милліонами звѣздъ и караванъ, пройдя еще немного, останавливается на ночевку. Радуются верблюды, освободившись изъ-подъ тяжелыхъ вьюковъ, и тотчасъ же улягутся вокругъ палатки погонщиковъ, которые тѣмъ временемъ жарятъ свой неприхотливый ужинъ. Прошелъ еще часъ, заснули люди и животныя, и кругомъ опять воцарилась мертвая тишина пустыни, какъ будто въ ней вовсе нѣтъ живого существа... Поперекъ всей Гоби, изъ Урги въ Калганъ, кромѣ почтоваго тракта, содержимаго монголами, существуетъ еще нѣсколько караванныхъ путей, гдѣ обыкновенно слѣдуютъ караваны съ чаемъ. На почтовомъ трактѣ, черезъ извѣстное разстояніе, выкопаны колодцы и поставлены юрты, замѣняющія наши станціи; по караванному же пути монгольскія стойбища сообразуются съ качествомъ и количествомъ подножнаго корма. Впрочемъ, на такіе пути прикочевываетъ лишь обыкновенно бѣдное населеніе, зарабатывающее отъ проходящихъ караванъ то милостынею, то пастьбою верблюдовъ, то продажею скотскаго сушенаго помета, такъ называемаго аргала. Послѣдній имѣетъ громадную цѣнность какъ въ домашнемъ быту номада, такъ и для путешественника, потому что составляетъ единственное топливо во всей Гоби.

Однообразно потянулись дни нашего путешествія. Направившись среднимъ караваннымъ путемъ, мы обыкновенно выходили въ полдень и шли до полуночи, такъ что дѣлали, среднимъ числомъ, ежедневно 40—50 верстъ. Днемъ мы съ товарищемъ шли большею частью пѣшкомъ впереди каравана и стрѣляли попадавшихся птицъ. Между послѣдними вороны вскорѣ сдѣлались нашими отъявленными врагами за свое нестерпимое нахальство. Еще вскорѣ послѣ выѣзда изъ Кяхты я замѣтилъ, что нѣсколько этихъ птицъ подлетали къ вьючнымъ верблюдамъ, шедшимъ позади нашей телѣги, садились на вьюкъ и затѣмъ что-то тащили въ клюкѣ, улетая въ сторону. Подробное изслѣдованіе показало, что нахальныя птицы расклевали одинъ изъ мѣшковъ нашихъ съ провизіей и таскали оттуда сухари. Спрятавъ добычу въ сторонѣ, вороны снова являлись за поживою. Когда дѣло разъяснилось, то всѣ воры были перестрѣляны, но черезъ нѣсколько времени явились новые похитители и подверглись той же участи. Подобная исторія повторялась почти каждый день во все время нашего переѣзда изъ Кяхты въ Калганъ.

Вообще нахальство вороновъ въ Монголіи превосходитъ всякое вѣроятіе. Эти, столь осторожныя у насъ птицы, здѣсь до того смѣлы, что воруютъ у монголовъ провизію чуть не изъ палатки. Мало того, они садятся на спины верблюдовъ, пущенныхъ пастись, и расклевываютъ имъ горбы. Глупое, трусливое животное только кричитъ во все горло да плюетъ на своего мучителя, который, то взлетая, то снова опускаясь на спину верблюда, пробиваетъ сильнымъ клювомъ часто большую

рану. Монголы, считающіе грѣхомъ убивать птицъ, не могутъ ничѣмъ отдѣлаться отъ воронов, которые всегда сопутствуютъ каждому каравану. Положить что-либо съѣдобное внѣ палатки невозможно: оно тотчасъ же будетъ уворовано назойливыми птицами, которыя за неимѣніемъ лучшей поживы обдираютъ даже невыдѣланную шкуру на ящикахъ съ чаемъ.

Вороны, а лѣтомъ коршуны были нашими заклятыми врагами во все время экспедиціи. Сколько разъ они воровали у насъ даже препарированныя шкурки, не только что мясо, но зато и столько же сотъ этихъ птицъ поплатились жизнью за свое нецеремонное нахальство.

Изъ другихъ пернатыхъ въ Гоби намъ встрѣчались пустынники (Syrrhaptes paradoxus) и монгольскіе жаворонки (Melanocorypha mongolica). Оба эти вида составляютъ характерную принадлежность Монголіи.

Изъ млекопитающихъ, свойственныхъ этой пустынѣ, можно назвать пока только два характерныхъ вида—пищуху и дзерена.

Пищуха, или, какъ монголы ее называютъ, *аготоно* (Lagomys Ogotono), принадлежитъ къ тому роду грызуновъ, который, по устройству своихъ зубовъ, считается близкимъ родственникомъ зайца. Самый звѣрекъ достигаетъ величины обыкновенной крысы и живетъ въ норахъ, выкапываемыхъ имъ въ землѣ. Мѣстомъ своего жительства пищухи выбираютъ исключительно луговыя степи, преимущественно всхолмленныя, а также долины въ горахъ Забайкалья и сѣверной окраины Монголіи. Въ безплодной пустынѣ этотъ звѣрекъ не встрѣчается, поэтому его нѣтъ вовсе въ средней и южной части Гоби.

Оготоно вообще замѣчательное животное. Норы свои эти звѣрьки устраиваютъ обществомъ, такъ что гдѣ встрѣчается одна такая нора, тамъ, навѣрное, найдутся ихъ десятки, сотни, иногда даже тысячи. Зимой, въ сильные холода, оготоно не показывается изъ своихъ подземныхъ жилищъ; но лишь только холодъ немного спадетъ, они вылѣзаютъ изъ норъ и, сидя у входа ихъ, грѣются на солнцѣ или торопливо перебѣгаютъ изъ одной норы въ другую. Въ это время слышится ихъ голосъ, очень похожій на писк обыкновенной мыши, только гораздо громче. У бѣднаго оготоно столько враговъ, что ему постоянно приходится быть настороже. Ради этого онъ часто только до половины высовывается изъ норы и держитъ голову кверху, чтобы не прозѣвать опасность. Лисицы, корсаки, волки, а всего болѣе сарычи, ястреба, соколы и даже орлы ежедневно уничтожаютъ безчисленное множество описываемыхъ пищухъ. Проворство крылатыхъ разбойниковъ на такихъ охотахъ изумительно. Я самъ много разъ видалъ, какъ сарычъ бросался сверху на оготоно такъ быстро, что звѣрекъ не успѣвалъ даже юркнуть въ свою нору. Однажды, на нашихъ глазахъ, подобную исторію продѣлалъ даже орелъ, бросившись, на пищуху, сидѣвшую у входа въ нору, съ высоты, по крайней мѣрѣ, тридцати или сорока саженъ.

Сарычи до того исключительно питаются пищухами, что даже мѣста своей зимовки въ Гоби сообразуютъ главнымъ образомъ съ количествомъ описываемыхъ грызуновъ. При извѣстной плодовитости этихъ послѣднихъ только подобное истребленіе препятствуетъ ихъ чрезмѣрному размноженію.

Въ характерѣ пищухи сильно преобладаетъ любопытство. Завидя подходящаго человѣка или собаку, этотъ звѣрекъ подпускаетъ къ себѣ шаговъ на десять и затѣмъ мгновенно скрывается въ норѣ. Но любопытство беретъ верхъ надъ страхомъ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ той же самой норы снова показывается головка звѣрька, и если предметъ страха удаляется, то оготоно тотчасъ же вылѣзаетъ и снова занимаетъ свое прежнее мѣсто.

Еще замѣчательность оготона, свойственная и нѣкоторымъ другимъ видамъ пищухъ, состоитъ въ томъ, что онѣ на зиму заготовляютъ себѣ запасы сѣна, которое складываютъ у входа въ нору. Сѣно это припасается звѣрьками обыкновенно въ концѣ лѣта, тщательно просушивается и складывается въ стожки, вѣсомъ отъ 4—5, а иногда даже до 10 фунтовъ. Такое сѣно служитъ пищухѣ какъ для подстилки логовища въ норѣ, такъ и для пищи зимою; но очень часто труды оготона пропадаютъ даромъ,—монгольскій скотъ поѣдаетъ его запасы. Въ такомъ случаѣ бѣдный звѣрекъ долженъ всю зиму пробиваться изсохшею травой, которую находитъ вблизи своей норы.

Замѣчательно, какъ долго оготоно можетъ оставаться безъ воды. Положимъ, зимою онъ довольствуется кое-когда выпадающимъ снѣгомъ, а лѣтомъ дождемъ; за неимѣніемъ послѣдняго является роса, хотя, впрочемъ, довольно рѣдкая здѣсь. Но, спрашивается, что пьетъ оготоно въ теченіе всей весны и осени, когда водяныхъ осадковъ на монгольскомъ нагорьѣ часто не бываетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, а сухость воздуха достигаетъ крайнихъ предѣловъ.

Распространеніе описываемаго звѣрька къ югу доходитъ до сѣвернаго изгиба Хуан-хэ; далѣе же онъ замѣняется иными видами.

Дзеренъ есть видъ антилопы, достигающей величины обыкновенной косули и свойственной гобійскому нагорью, притомъ восточной, менѣе пустынной его части. Впрочемъ, дзерены встрѣчаются и въ западной Монголіи, а также на озерѣ Кукунорѣ, гдѣ проходитъ южная граница ихъ распространенія.

Описываемыя антилопы всегда держатся стадами, въ которыя собираются иногда нѣсколько сотъ, даже до тысячи экземпляровъ. Но подобныя скопленія бываютъ лишь въ мѣстахъ, особенно обильныхъ кормомъ; всего же чаще дзерены встрѣчаются обществами отъ 15—20 или до 40 экземпляровъ. Избѣгая, по возможности, близкаго сосѣдства человѣка, они все-таки живутъ на лучшихъ пастбищахъ пустыни и,

подобно монголамъ, кочуютъ съ одного мѣста на другое, соображаясь съ количествомъ подножнаго корма. Подобныя перекочевки иногда производятся очень далеко, въ особенности лѣтомъ, когда засуха гонитъ дзереновъ на привольныя пастбища сѣверной Монголіи и даже въ южныя части нашего Забайкалья. Зимою глубокій снѣгъ принуждаетъ ихъ кочевать часто за нѣсколько сотъ верстъ, на мѣста малоснѣжныя или вовсе безснѣжныя.

Описываемый звѣрь принадлежитъ исключительно степной равнинѣ и тщательно избѣгаетъ гористыхъ мѣстностей. Впрочемъ, дзерены держатся и въ холмистыхъ степяхъ, въ особенности весною, когда ихъ привлекаетъ туда молодая зелень, скорѣе развивающаяся на солнечномъ пригрѣвѣ. Кустарниковъ и высокихъ зарослей травы дэрису они тщательно избѣгаютъ и только въ періодъ рожденія дѣтей, что происходитъ въ маѣ, самки являются въ подобныя мѣстности, чтобъ укрыть въ нихъ новорожденныхъ. Впрочемъ, эти послѣдніе уже черезъ нѣсколько дней послѣ появленія на свѣтъ вездѣ слѣдуютъ за матерью и бѣгаютъ такъ же быстро, какъ взрослые.

Голосъ описываемой антилопы можно услышать очень рѣдко; онъ состоитъ у самцовъ изъ отрывистаго, довольно громкаго рявканья. Внѣшнія чувства дзерена развиты превосходно. Онъ одаренъ отличнымъ зрѣніемъ, слухомъ и превосходнымъ обоняніемъ; быстрота его бѣга удивительная; умственныя способности также стоятъ на значительной степени совершенства. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, описываемыя антилопы не такъ легко даются своимъ врагамъ—человѣку и волку.

Охота за дзеренами очень трудна, разъ по осторожности самого звѣря, а во-вторыхъ, по чрезвычайной его крѣпости на рану.

Кромѣ человѣка, волки сильно истребляютъ дзереновъ, дѣлая на нихъ, по словамъ монголовъ, облавы цѣлымъ обществомъ. Наконецъ, между этими антилопами бываютъ по временамъ сильные падежи, чему я самъ былъ свидѣтелемъ зимою 1871 года.

Охота за дикой лошадью.

(Грумъ-Гржимайло).

Задолго до восхода солнца, часовъ около двухъ ночи, мы въ числѣ десяти человѣкъ вышли изъ лагеря и безъ шума пробрались къ заранѣе выбраннымъ мѣстамъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ вглядывался я вдаль, прислушиваясь къ малѣйшему шороху; но все было спокойно. Изрѣдка только раздавался писк какого-то мышенка или свистъ пу-

стынаго зайца (Lepus tolai). Сидѣть было холодно, а мертвая тишина природы и слабое лунное освѣщеніе располагали къ дремотѣ; мысли путались; чувствовалось, что засыпаешь.

На востокѣ заалѣла заря. Что-то стукнуло невдалекѣ... это шла антилопа кара-куйрюкъ; за ней, осторожно ступая, вышла изъ-за куста вторая, тамъ третья. Граціозныя животныя скользили какъ тѣни, чутко ко всему прислушиваясь. Они остановились недалеко, всего шагахъ въ 80-ти, но стрѣлять было нельзя. По словамъ муллы, сопровождавшаго насъ, лошади боязливы, и при малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ уносятся съ быстротою вѣтра, возвращаясь снова на водопой не ранѣе двухъ-трехъ дней; поэтому всѣмъ было воспрещено стрѣлять по чемъ бы то ни было, за исключеніемъ лошадей; мнѣ тоже поневолѣ оставалось только любоваться милыми антилопами, которыя на ходу пощипывали травку. Маленькій козликъ рѣзвился около матери: то становился на дыбки и прыгалъ вверхъ, то, разбѣжавшись, выгибалъ шею и ударялъ безрогою головкой въ грудь матери. Ружье, лежавшее у меня на колѣняхъ, скользнуло и ударило въ стволъ куста, за которымъ я сидѣлъ. Вѣтеръ былъ на меня, поэтому животныя не почуяли, но все же, недовѣрчиво озираясь, побѣжали рысцой по направленію къ ключамъ, скрываясь въ туманной дали.

Солнце взошло; было шесть часовъ утра, охотники стали одинъ за другимъ подниматься изъ-за кустовъ, распрявляя замлѣвшіе члены. Мы собрались. Никто не видѣлъ лошадей. Только одинъ казакъ сталъ насъ увѣрять, что видѣлъ какого-то страннаго звѣря, ни на что непохожаго.

На слѣдующую ночь охота возобновилась, охотники разошлись группами по озерамъ; но и эта ночь была неудачна. Однако мы не унывали. Осматривая днемъ водопои и тропинки, мы убѣдились, что лошади приходили на водопой уже послѣ того, какъ были покинуты нами засады.

Подошли онѣ съ подвѣтренной стороны, откуда мы ихъ и не ждали. Это открытіе такъ порадовало насъ, что мы еле дождались третьей ночи. Я съ двумя казаками занялъ мѣсто около крайняго восточнаго озера, другіе же усѣлись группами у сѣверныхъ озеръ. Въ девять часовъ вечера всѣ были на мѣстахъ.

Выбравъ себѣ засаду спиною къ озеру, передъ большими зарослями, я вырѣзалъ всѣ лишнія вѣтки, мѣшавшія движенію и стрѣльбѣ. Съ трехъ сторонъ меня окружалъ высокій кустарникъ, и только слѣва была широкая долина лога, вся блестѣвшая отъ кристалловъ соли: съ этой стороны я ожидалъ лошадей. Вечеръ былъ теплый и ясный, то и дѣло прилетали къ водѣ какія-то пташки; слышно было, какъ онѣ шлепались въ воду озерка... Пищали болотные кулики... но по мѣрѣ

сгущенія сумерекъ все затихало. Гдѣ-то недалеко пролетѣлъ громадный сычъ, оглашая воздухъ своимъ замогильнымъ крикомъ, послѣднимъ среди засыпавшей природы. Но вотъ послышался шорохъ, и по тѣни, скользнувшей по бѣлой пеленѣ лога, я узналъ тихо кравшагося къ водѣ волка.

Луна поднималась все выше и выше. Жутко было сидѣть одному среди потонувшихъ во мракѣ зарослей: въ кустахъ я не могъ ничего разсмотрѣть, не помогли и расчищенныя между ними пространства. Вдругъ почти надъ ухомъ позади меня раздался какой-то храпъ, похожій на хрюканье кабана. Морозъ побѣжалъ по кожѣ, и я, сжавъ въ рукахъ штуцеръ, сталъ тихо поворачиваться въ сторону слышаннаго звука, стараясь разглядѣть сквозь кусты тамариска нарушителя ночного покоя. Напрасно, все было спокойно, ни одна вершина кустовъ, рѣзко выдѣлявшихся на фонѣ чистаго неба, не колебалась. Прошло минутъ пятнадцать, такой же храпъ, но подальше, раздался со стороны, откуда я только что отвернулся. Звукъ былъ настолько страненъ, что я терялся въ догадкахъ.

Такъ продолжалось около часу, хрюканье слышно было то ближе, то дальше. Вдругъ гдѣ-то далеко-далеко раздалось давно желанное конское ржаніе. Сердце радостно забилось.

„Вѣрно пройдутъ мимо моей засады“, и я усѣлся получше.

Но время шло, ноги совсѣмъ одеревенѣли, а лошадей нѣтъ, какъ нѣтъ, и ни шороха, ни звука. Прошло не менѣе часа томительнаго ожиданія... Рѣзко щелкнулъ на озерѣ выстрѣлъ, и жалобный звукъ летѣвшей пули донесся до меня.

„Экая мерзость—промахнулся!“ чуть не вслухъ проговорилъ я.

Но вотъ второй, третій удаляющіеся выстрѣлы.

„Надо спѣшить: вѣрно ранилъ и преслѣдуетъ“.

Я выскочилъ изъ засады, бросился къ озеру и тутъ же наткнулся на двухъ казаковъ.

— Въ кого стрѣляли?

— Да вотъ, ваше благородіе, въ лошадей.

— Ну, а сейчасъ?

— Да въ нихъ же, вотъ онѣ стоятъ.

Дѣйствительно, въ трехстахъ шагахъ въ указанномъ направленіи, вытянувшись въ линію, стояло семь лошадей. При свѣтѣ луны онѣ казались какъ снѣгъ бѣлыми и стояли не шевелясь.

— Надо къ нимъ красться, а стрѣлять тутъ далеко.

— Да, ваше благородіе, мы и то пробовали, да жеребецъ ихъ уводитъ. Онъ прячется вонъ тутъ за кустами и за ними смотритъ; чуть двинемся, онъ сейчасъ начинаетъ чертить кругомъ и уведетъ табунъ.

— Стойте здѣсь, а я попробую.

И съ этими словами я опустился на колѣни и на четверенькахъ поползъ къ табуну. Не успѣлъ я отползти шестидесяти шаговъ, какъ съ фырканьемъ и храпомъ вылетѣлъ изъ кустовъ жеребецъ. Казалось, это сказочная лошадь — такъ хорошъ былъ дикарь! Описавъ крутую дугу около меня, онъ поднялся на дыбы, какъ бы желая своимъ свирѣпымъ видомъ и храпомъ испугать врага. Клубы пара валили изъ его ноздрей. Вѣроятно, вѣтеръ былъ неблагопріятный, и онъ меня не почуялъ, потому что, вдругъ опустившись на всѣ четыре ноги, онъ снова пронесся карьеромъ мимо меня и остановился съ подвѣтренной стороны. Тутъ, поднявшись на дыбы, онъ съ силой втянулъ воздухъ и, фыркнувъ, какъ-то визгливо заржалъ. Табунъ, стоявшій цугомъ, мордами къ намъ, какъ по командѣ, повернулъ кругомъ (при чемъ лошадь, бывшая въ головѣ, снова перебѣжала впередъ) и рысью помчался отъ озера. Жеребецъ, давъ отбѣжать табуну шаговъ на двѣсти, послѣдовалъ за нимъ, то и дѣло описывая направо и налѣво дуги, становясь на дыбы и фыркая.

Наконецъ, наши старанія увѣнчались успѣхомъ! Это было 1-го сентября,—день, который навсегда врѣзался у меня въ памяти. Въ четыре часа утра дежурный казакъ разбудилъ насъ и сообщилъ, что табунъ опять гуляетъ на прежнемъ мѣстѣ около песковъ. Зная, что лошади около пяти часовъ начинаютъ двигаться съ пастбища въ пустыню, мы живо собрались, и не прошло и получаса, какъ всѣ были на коняхъ. Двое казаковъ были назначены въ обходъ табуну, остальные должны были вытянуть цѣпь и загородить проходъ въ восточный рукавъ. До мѣста мы ѣхали рысью, казаки изрѣдка останавливались и, ставъ на сѣдла, высматривали, на мѣстѣ ли табунъ. Сойдя съ лошадей и спутавъ ихъ, мы осторожно вытянулись линіей, занявъ пространство около двухъ верстъ, и каждый по своему усмотрѣнію сталъ красться къ табуну. Каково же было наше удивленіе, когда, подойдя къ кустамъ, около которыхъ должны были быть лошади, мы увидѣли, что ихъ и слѣдъ простылъ. Вглядываясь въ даль, мы замѣтили тихо двигавшійся табунъ уже на первыхъ грядахъ песчаной полосы, верстахъ въ двухъ отъ насъ. Очевидно, лошадей мы не испугали, иначе слышали бы ихъ тревожное фырканье: способность ихъ не отдѣляться отъ предметовъ окружающей природы дала имъ возможность пройти мимо насъ незамѣченными. Неудача этой охоты произвела на меня крайне тягостное впечатлѣніе. Не разсчитывая, чтобы погода оставалась и на завтра ясною, я рѣшился одинъ попробовать счастья, а именно, отыскавъ слѣдъ табуна, увязаться за нимъ и нагнать его на отдыхѣ.

Предоставивъ людямъ продолжать охоту по своему усмотрѣнію, я повернулъ прямо въ восточный рукавъ въ томъ предположеніи, что ушедшій въ пески табунъ сдѣлаетъ дугу и пересѣчетъ избранное мною

направленіе. Отъѣхавъ версты три, я услышалъ за собою шумъ; оглядываюсь—вижу брата.

Очевидно, нами руководила одна и та же мысль, и оба мы одинаково досадовали на неудачи.

Я тщательно всматривался въ слѣды по краямъ тропинки, пробитой дикими лошадьми, какъ вдругъ увидалъ маленькій слѣдокъ жеребенка, который шелъ одиноко, пересѣкая нашу тропу. Я слѣзъ съ лошади и, ощупавъ слѣдъ, нашелъ, что онъ совершенно свѣжъ. Ощупываніе слѣда утромъ въ пескахъ гораздо надежнѣе, чѣмъ одно разсматриваніе: на глазъ всякій слѣдъ, болѣе одного вершка глубиною, кажется совершенно свѣжимъ. Итакъ, слѣдъ табуна былъ найденъ. Очевидно, лошади шли спокойно и вразсыпную. По слѣду мы скоро выбрались изъ трухлявой почвы рукава на сѣверный твердый берегъ. Тутъ къ маленькому слѣду присоединился большой, вѣроятно, принадлежавшій маткѣ. Мѣстами, попадая на твердую почву, слѣдъ исчезалъ совершенно; тогда братъ останавливался на послѣднемъ слѣдѣ; я же, описывая кругъ, отыскивалъ выходной изъ круга слѣдъ и, удостовѣрившись въ его вѣрности, двигался съ братомъ дальше. Шли мы очень быстро и такъ были увлечены, что трудно сказать, сколько часовъ продолжалось выслѣживаніе; но по нѣкоторымъ признакамъ видно было, что мы уже отъ табуна недалеко и нагоняемъ его. Передавъ лошадь брату и выйдя впередъ шаговъ на 300—400, я уже сталъ съ большею осторожностью подыматься на бугры. Наконецъ, съ одного изъ нихъ, шагахъ въ 800, я увидалъ табунъ въ восемь лошадей, въ числѣ ихъ и былъ жеребчикъ.

Лошади не шли гурьбой, а придерживались одной линіи. Своими движеніями и видомъ онѣ точь въ точь напоминали нашихъ домашнихъ лошадей, когда тѣ въ жаркій день тянутся одна за другой въ лѣсокъ или на водопой, или съ заходомъ солнца идутъ по деревнѣ, направляясь къ своимъ дворамъ. Лѣниво покачиваясь, помахивая хвостами и пощипывая попадавшійся камышъ, онѣ тихо брели. Тутъ уже приходилось быть насторожѣ.

Я снялъ сапоги, перестегнулъ патронташъ и, улегшись, слѣдилъ, когда послѣдняя лошадь перевалитъ за впереди лежавшій бугорокъ. Осторожно перебравшись ползкомъ черезъ гребень бугра, я поднялся на ноги, бѣгомъ добѣжалъ до слѣдующаго холма и всползъ на него. Много разъ я повторялъ этотъ маневръ, и два раза, благодаря удобному расположенію бугровъ, я подходилъ сзади къ табуну шаговъ на 100 — 120. Но я видѣлъ только крупы лошадей, поэтому стрѣлять не рѣшался.

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ меня чуть не открылъ жеребецъ; хотя онъ не былъ такъ бдителенъ, какъ ночью, но сохранялъ ту же привычку оставаться, спрятавшись въ кустахъ, и пропускать табунъ

шаговъ на 200—300 впередъ или выходить самому на то же разстояніе передъ табуномъ. Выползая на гребень, я такъ и вздрогнулъ, услыхавъ шагахъ въ тридцати зловѣщее фырканье, которое, къ счастью, раздалось по другую сторону гребня. Скорчившись, какъ возможно было, я припалъ къ землѣ, боясь вздохнуть.

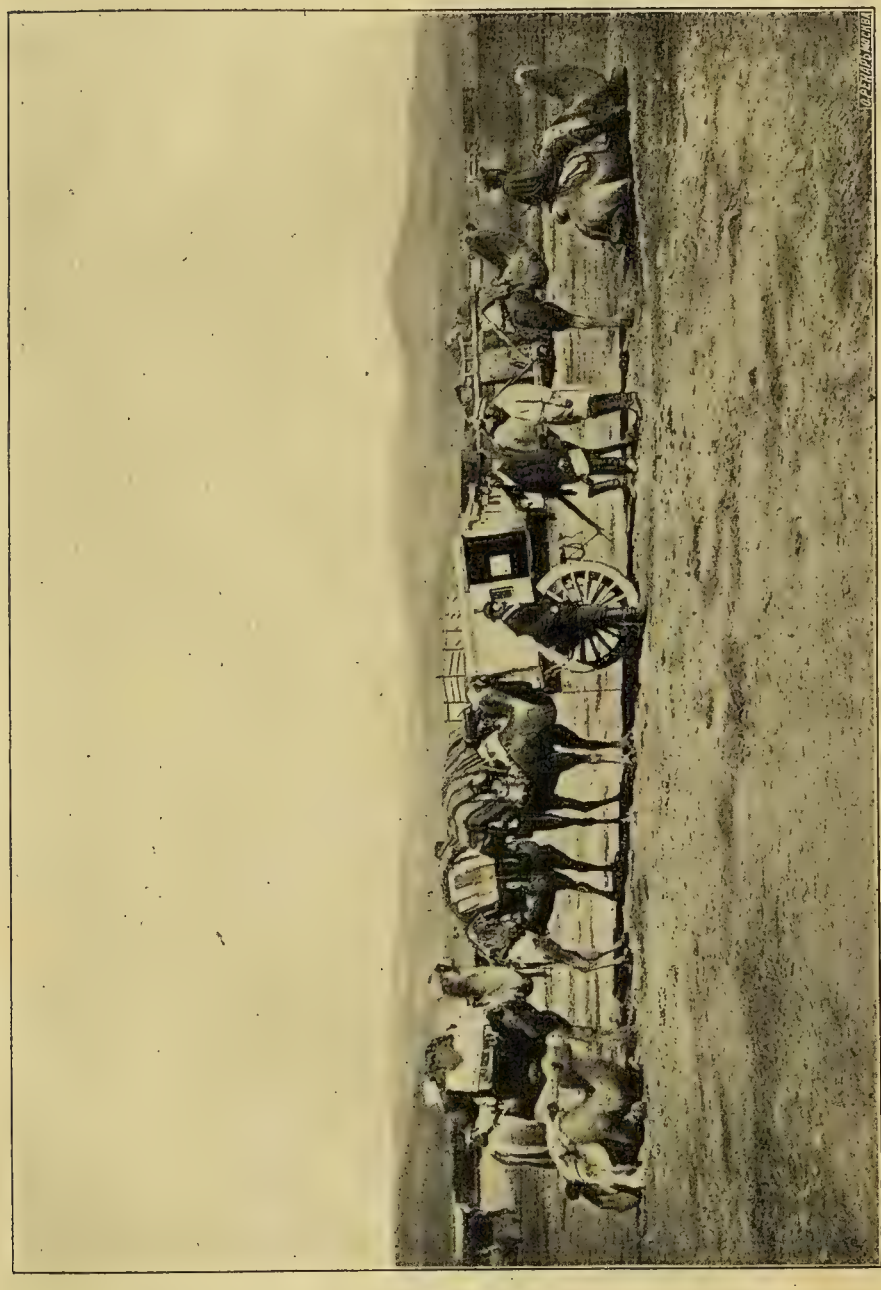
„Неужели всѣ старанія даромъ?“ мелькнуло въ головѣ.

Я тихонько сталъ всматриваться въ кусты, чтобы разсмотрѣть жеребца; о немъ я могъ судить только по легкому шороху, слышавшемуся спереди. Обойдя обѣ стороны и не почуявъ опасности, онъ успокоился и пустился догонять табунъ.

Пролежавъ еще минутъ пять, я покинулъ холмъ и вернулся къ брату. Мы условились, что онъ не будетъ двигаться впередъ, пока не услышитъ выстрѣла; затѣмъ прискачетъ ко мнѣ возможно скорѣе, чтобы дать лошадь, если придется догонять раненое животное.

Когда я снова вернулся на холмъ, то лошади были уже шагахъ въ пятистахъ. Опять приходилось ползти; я уже сильно усталъ. Отправляясь на охоту, я не пилъ даже чаю и впопыхахъ не взялъ папиросъ, но страсть охотничья превозмогла все. Было далеко за полдень. Догнавъ табунъ еще разъ, я сталъ искать глазами какого-нибудь холмика, къ которому можно было бы незамѣтно подползти и, опередивши, сбоку встрѣтить лошадей. Шагахъ въ 600 впереди я увидѣлъ гряду, тянувшуюся параллельно движенію табуна, длиною около ста саженъ. Это была послѣдняя возвышенность: впереди виднѣлось ровное пространство, покрытое саксауломъ, тамарискомъ и мѣстами рѣдкимъ и высокимъ камышомъ. Надо было спѣшить. Мысленно опредѣливъ тотъ кругъ, который я долженъ былъ обползти, я спустился съ холма, закинулъ штуцерный ремень за плечи и поползъ, что было силъ, въ обходъ. Жара и духота вблизи земли были ужасныя, на мнѣ не было сухой нитки, а колѣни и руки ныли отъ врѣзавшейся гальки. Наконецъ, я всползъ на вершину гряды. Оказалось, лошади прошли шагахъ въ восьмидесяти отъ гряды и въ эту минуту были далеко впереди. „Попробуемъ еще разъ погоняться съ ними“, подумалъ я и снова поползъ. Достигнувъ гребня, я увидѣлъ, наконецъ, лошадь въ профиль. Это была вторая съ конца. Безъ звука поднялъ я курки штуцера и, ставъ на колѣно, сталъ выдвигаться изъ-за маленькаго куста саксаула, прикрывавшаго меня. Лошадь стояла, спокойно обрывая листики камыша. Медленно поднявъ ружье, я приложился. Но утомленіе сказалось тутъ во всей своей силѣ: я съ трудомъ держалъ ружье, а отъ волненія и усталости руки и ноги дрожали какъ въ лихорадкѣ. Я чувствовалъ, что стрѣлять не могу. Спустивъ штуцеръ, я припалъ къ землѣ.

Прошло не болѣе полминуты; досада на слабость и усталость просто душила меня. Я поднялъ голову. У камыша стояла уже послѣдняя



Караванъ путешественниковъ въ Гоби.

лошадь. „Или сейчасъ, или больше сегодня не удастся“, подумалъ я. Собравъ всѣ силы, я быстро поднялся на одно колѣно и приложился. Штуцеръ не дрожалъ въ рукахъ. „Лѣвѣе, лѣвѣе... ниже, ниже...“ Грянулъ выстрѣлъ и отъ страху, что промахъ, у меня волосы стали дыбомъ. „Нѣтъ, вотъ красное пятно подъ самой лопаткой — попалъ... что же не падаешь?“ мелькнуло въ головѣ. Вдругъ лошадь рванулась и, сдѣлавъ дугу, стала другимъ бокомъ. Безсознательно я снова приложился и выстрѣлилъ. Лошадь упала на колѣни, но, быстро вскочивъ, рванулась впередъ, то падая, то снова подымаясь. „Скорѣе, скорѣе стрѣлять!“ и я судорожно вталкивалъ новые патроны въ ружье. Между тѣмъ табунъ круто повернулъ назадъ. Думая, что выстрѣлъ былъ спереди, онъ сначала рысью, а потомъ карьеромъ пронесся мимо меня. Боясь потерять уже раненое животное и помня крѣпкоранность травоядныхъ, я уже не обращалъ вниманія на лошадей, а то не одно бы животное осталось на мѣстѣ.

Я выскочилъ изъ куста и бросился къ моей жертвѣ. Всѣ ея старанія уйти были напрасны; обѣ лопатки были пробиты пулями, и хотя лошадь двигалась, но очень медленно. Двѣ новыхъ пули, изъ которыхъ одна перебила хребетъ, покончили дѣло. Лошадь упала на бокъ и осталась неподвижной. Не могу выразить того чувства радости, которое охватило меня. Минутъ черезъ десять подъѣхалъ братъ.

Мы подошли къ убитой лошади.

— Кто съ тобой стрѣлялъ?

— Да я одинъ.

— Удивительно быстро слѣдовалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ: я думалъ, не встрѣтилъ ли ты кого изъ людей. По правдѣ сказать, слыша такую канонаду, я сталъ сомнѣваться въ успѣхѣ, предполагая, что вы просто стараетесь хоть подшибить какую-нибудь лошадь изъ убѣгающаго табуна,—говорилъ онъ, разглядывая лошадь.—Какъ это ты такъ быстро заряжалъ ружье?

Разсматривая раны, причиненныя пулями животному, я сталъ сожалѣть, что упустилъ случай и не воспользовался моментомъ, когда выстрѣлъ озадачилъ табунъ и онъ стоялъ секунды двѣ-три, не шевелясь. Но мое волненіе находило оправданіе въ томъ, что предметъ охоты уже черезчуръ былъ рѣдокъ и чрезвычайной важности.

Полюбовавшись на красивое животное, мы рѣшили, что я останусь снимать шкуру, а братъ поѣдетъ въ лагерь и приведетъ людей, чтобы помочь мнѣ справиться съ работой. Было уже четыре часа. Я вооружился перочиннымъ ножомъ, который ужъ не разъ исполнялъ должность препараторскаго скальпеля, и энергично принялся за дѣло. Работа шла быстро, я хотѣлъ поспѣть къ пріѣзду людей, даже не воображая, что отъ мѣста, гдѣ была убита лошадь, до лагеря было около двѣнадцати верстъ!

Я уже вьючилъ шкуру и черепъ на свою лошадь, когда услышалъ почти одновременно четыре выстрѣла. Думая, что эти выстрѣлы—призывные, я отвѣтилъ изъ штуцера тѣмъ же. Черезъ нѣкоторое время я увидѣлъ вдали препаратора, артиллериста Жиляева, который быстро ѣхалъ ко мнѣ.

— Ваше благородіе,—закричалъ онъ, увидѣвъ меня, — казаки сейчасъ еще жеребца убили.

Надо было видѣть его радостное лицо при этомъ возгласѣ, чтобы понять, какъ отражались всякія наши удачи и неудачи на людяхъ. Полная отчужденность отъ родины связала насъ почти родственными узами, и интересы личные становились общими.

По пріѣздѣ брата въ лагерь извѣстіе, что лошадь, наконецъ, мною убита, вызвало общій восторгъ. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть и поздравить съ удачей; люди даже пріодѣлись почище, чтобы праздничнымъ видомъ ознаменовать этотъ день. Кто-то даже флагъ сдѣлалъ изъ лоскутка и воткнулъ около нашей юрты. Въ сопровожденіи трехъ казаковъ и препаратора братъ по нашимъ слѣдамъ пѣшкомъ добрался ко мнѣ. И вотъ, не доходя двухъ верстъ, одинъ изъ казаковъ увидѣлъ табунъ, стоявшій въ кустахъ; нѣкоторыя лошади лежали, другія стояли. Люди тотчасъ же спѣшились, и двое, послѣдовавъ моему примѣру — снявъ сапоги и все лишнее, поползли къ табуну. Залпъ изъ двухъ винтовокъ положилъ на мѣстѣ красавца жеребца: одна пуля попала въ високъ, другая перебила шейный позвонокъ. Тѣмъ не менѣе люди, перерядивъ винтовки, дали второй залпъ уже по лежавшему животному.

Собравъ охотничьи принадлежности, закуривъ, наконецъ, папиросу и выпивъ воды, я поѣхалъ посмотрѣть второй экземпляръ добычи нашей охоты.

Убитому жеребцу, судя по зубамъ, было около десяти лѣтъ. По строенію тѣла онъ имѣлъ статьи, отличающія нашихъ алтайскихъ лошадей, карабаховъ и финскихъ лошадокъ, т.-е. при сравнительно небольшомъ ростѣ—два аршина съ вершкомъ—лошадь отличалась шириною груди и крупа, широкой, массивной и короткой шеей, тонкими и изящными, какъ у скаковыхъ лошадей, ногами и широкимъ, круглымъ копытомъ. Голова казалась нѣсколько тяжелою сравнительно съ корпусомъ и имѣла широкій, красивый лобъ; линія вдоль лба къ ноздрямъ—прямая; верхняя полная губа нѣсколько заходила (нависала) надъ нижней, уши для такой массивной головы были слишкомъ малы. Хвостъ, хотя и не былъ покрытъ отъ самой сурѣпицы волосами, какъ у нашихъ лошадей, тѣмъ не менѣе былъ длиннѣе, чѣмъ у хулана. Цвѣтъ его близъ сурѣпицы былъ одинаковъ съ шерстью, покрывавшей весь корпусъ животнаго, конецъ же былъ черный. Лошадь не имѣла чолки, но

грива ся начиналась нѣсколько впереди ушей и шла до холки; длинные волосы приходились на середину гривы. Вообще, по бѣдности волосъ на гривѣ, хвостѣ и щеткахъ дикая лошадь напоминала текинскую. Оригинальною особенностью этого животнаго являлись жесткія, доходившія до вершка бакенбарды, шедшія по ребру нижней челюсти, начинавшіяся немного ниже ушей и соединявшіяся подъ мордой, не доходя до подбородка. Масть лошадей—каурая лѣтомъ и свѣтло-гнѣдая зимой—въ обоихъ случаяхъ съ почти бѣлыми подпалинами. Волосы на щекахъ и на лбу нѣсколько темнѣе, чѣмъ на остальномъ тѣлѣ; конецъ морды бѣловатъ. Спинной ремень очень слабо выраженъ и у лошадей въ зимнемъ уборѣ совершенно пропадаетъ. Ноги до бабокъ, а равно и грива—черныя. Грива свѣшивается на лѣвую сторону. Вообще шерсть короткая и гладкая, но у молодыхъ она курчавая. На всѣхъ четырехъ ногахъ мозоли.

Показавъ, какъ снимать кожу съ жеребца, я съ братомъ поѣхалъ домой, оставивъ казаковъ и препаратора доканчивать сниманіе шкуры. По пріѣздѣ въ лагерь, поздравленія посыпались со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ приказано было готовить ужинъ, и мы устроили праздникъ, конечно убогій по внѣшности, но отличавшійся удивительнымъ весельемъ.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи въ глубь Центральной Азіи намъ приходилось постоянно встрѣчать кулановъ и джигетаевъ. Сравнивая дикую лошадь съ двумя послѣдними, мы видимъ слѣдующее существенное различіе въ повадкахъ тѣхъ и другихъ.

Дикая лошадь—житель равнинной пустыни и выходитъ на пастьбу и водопой ночью; съ наступленіемъ же дня возвращается въ пустыню, гдѣ и остается отдыхать до полнаго заката солнца. Весною, когда въ табунѣ есть жеребята, она отдыхаетъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Дикіе же ослы — жители подгорныхъ странъ по преимуществу. Съ восходомъ солнца стадо ихъ выходитъ изъ горъ на пастбище и водопой, къ заходу же солнца возвращается обратно въ горы, гдѣ и ночуетъ. Они предпочитаютъ горы, покрытыя степною растительностью, вообще такъ называемые „сырты“, но водятся также и на пустынныхъ плоскогорьяхъ. Мы встрѣчали кулановъ и джигетаевъ массами, но мѣстъ ихъ постоянныхъ кочевокъ найти не могли.

Дикія лошади ходятъ большею частью гуськомъ, особенно когда уходятъ отъ опасности; куланы же и джигетаи, будучи испуганы, всегда толпятся и убѣгаютъ въ безпорядкѣ. Вслѣдствіе привычки лошадей ходить гуськомъ, тамъ, гдѣ онѣ водятся, идутъ глубоко протоптанныя тропинки; между тѣмъ тамъ, гдѣ водятся куланы и джигетаи, мы этого не встрѣчали. Однимъ изъ самыхъ отличительныхъ при-

знаковъ присутствія въ данномъ мѣстѣ дикихъ лошадей служатъ громадныя кучи помета близъ тропъ. Въ случаѣ опасности жеребецъ дикой лошади убѣгаетъ впередъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда въ табунѣ нѣтъ жеребятъ, да и тогда часто убѣгаетъ въ сторону и всѣми движеніями своими выражаетъ крайнее безпокойство; хулангъ же болѣе эгоистъ и мало заботится объ опасности, угрожающей всему стаду.

Хулангъ и джигетаи не ржутъ, а кричатъ, да и то весьма рѣдко. Дикая лошадь, наоборотъ, ржетъ звонко, и ржанье это совершенно схоже съ ржаньемъ домашней лошади; точно такъ же, когда дикая лошадь сильно испугана, то ея храпъ и фырканье напоминаютъ нашихъ лошадей.

Неоднократно приходилось слышать, что, кромѣ каурыхъ, бываютъ голубыя и пѣгія лошади. Голубыхъ мы совсѣмъ не видали. Пѣгихъ лошадей, намъ казалось, что мы видѣли, когда разсматривали табунъ съ двухъ или трехъ-верстной дистанціи; съ приближеніемъ же къ лошадямъ эта пѣгая окраска пропадала. Это можно объяснить, какъ мнѣ кажется, свѣтовыми эффектами. Немного взъерошенная отъ валянья шерсть или потемнѣвшій отъ омертвѣнія при линяніи волосъ не отражаютъ свѣта такъ же сильно, какъ гладкая шерсть и живой волосъ. Поэтому такія мѣста кажутся темными пятнами. Отъ свойства освѣщенія зависитъ, вѣроятно, и кажущаяся голубая окраска лошадей. Напримѣръ, намъ, при лунномъ освѣщеніи, лошади казались совершенно бѣлыми.

Монголами дѣлались неоднократныя попытки приручать дикихъ лошадей, но всѣ онѣ не имѣли успѣха; дикая лошадь не поддается вліянію человѣка, дичится его и не позволяетъ пользоваться собою. Ловятъ монголы лошадей весьма просто. Ко времени появленія жеребятъ, монголы о двуконь отправляются въ пустыню: найдя табунъ, они начинаютъ его преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока не набравшіеся еще силъ жеребята, обезсилѣвъ, не падаютъ. Ихъ тогда забираютъ и пускаютъ въ табунъ домашнихъ лошадей.

По восточному Туркестану.

(Свенъ-Гедина).

Перезимовавъ въ Кашгарѣ, я отправился въ февралѣ 1895 года къ Яркендъ-Дарьѣ на двухъ большихъ арбахъ (повозка на высокихъ колесахъ), которыя и довезли насъ до Яркенда. Наша задача состояла въ томъ, чтобы пересѣчь пустыню Такла-Маканъ до Хатанъ-Дарьи, отстоявшей на 300 клм. Я думалъ, что у подошвы Мазаръ-Тага, который тя-

нется черезъ всю пустыню, мы найдемъ богатую растительность, ключи и, быть можетъ, остатки древней культуры. Я предполагалъ отправиться оттуда въ Тибетъ. По этой причинѣ взятый нами багажъ былъ довольно объемистъ. Такъ какъ мы взяли съ собою еще воды на 25 дней, то наши верблюды оказались нагруженными весьма тяжело, когда 10 апрѣля мы покинули Яркендъ. Меня сопровождали четыре человѣка: мой вѣрный служитель Исламъ-бей, слѣдовавшій за мной до Урги въ Монголіи, Касимъ изъ Яркенда, Магометъ-шахъ оттуда же и мѣстный уроженецъ, Касимъ, часто скитавшійся въ пустынѣ для поисковъ золота. Въ мѣстностяхъ, прилежащихъ къ пустынѣ, существуетъ масса лѣнтяевъ, твердо увѣренныхъ, что рано или поздно они откроютъ тамъ неописанныя сокровища, остающіяся пока скрытыми подъ землею.

Въ продолженіе первыхъ тринадцати дней все шло хорошо, и мы могли каждый вечеръ получать воду, копая ямы въ землѣ. Вода была, правда, солоноватая, но верблюды могли ее пить. Наконецъ, мы достигли горъ, которыя, по нашимъ догадкамъ, должны были быть продолженіемъ Мазаръ-Тага, у подножія которыхъ лежало нѣсколько прелестныхъ небольшихъ озеръ. Въ тростникахъ гнѣздились утки и гуси; по берегамъ росли тополи, тамариски и тростникъ. Мы простояли здѣсь два дня, и воспоминаніе объ этомъ мѣстѣ долго оставалось въ нашей памяти, какъ о какомъ-то раѣ.

23-го мы продолжали нашъ путь. Послѣ двухчасовой ходьбы горы исчезли въ густомъ пыльномъ воздухѣ. Далѣе не видно было продолженія горъ; передъ нами простиралось теперь море пустыни, со своими дюнами, вышиною въ 30 метровъ. Караванъ сдѣлалъ стоянку у послѣдняго тамариска. Мы стали копать колодецъ, но воды не нашли. Я приказалъ запастись водою озера на десять дней, но убѣдился, къ сожалѣнію слишкомъ поздно, что ее взяли только на четыре дня. Касимъ объявилъ, что черезъ четыре дня мы достигнемъ мѣстности, въ которой будетъ снова колодезная вода, и такъ какъ его слова соотвѣтствовали указаніямъ существующихъ картъ, то я повѣрилъ въ ихъ точность.

На слѣдующій день поднялась страшная буря, и песокъ взвивался тучами надъ гребнями дюнъ; горизонтъ, весь въ пескѣ, казался намъ огненнымъ. Позади насъ остались послѣднія глыбы твердой глины; всюду виднѣлся теперь одинъ песокъ.

Исламъ-бей, съ компасомъ въ рукахъ, шелъ во главѣ, имѣя приказаніе двигаться прямо къ востоку—направленіе, которое всего скорѣе должно было приблизить насъ къ Хотанъ-Дарьѣ. Намъ приходилось дѣлать обходы, чтобы избѣгнуть наиболѣе трудныхъ для перехода песчаныхъ ущелій. Пустыня походила на замерзшее море, покрытое гигантскими волнами. Каждое утро тотъ же печальный пейзажъ развертыв-

вался передъ нами. Нигдѣ никакого признака жизни. Ни мухи, ни желтаго листа, гонимаго вѣтромъ.

26-го апрѣля пришлось бросить двухъ первыхъ околѣвшихъ верблюдовъ. Нашего запаса воды, при возможной экономіи, могло хватить еще на два дня, и мы ежеминутно надѣялись увидѣть конецъ песковъ. Но то была напрасная надежда! Если бы мы могли предвидѣть то, что насъ ожидало, было бы въ тысячу разъ лучше вернуться къ маленькимъ озерамъ. Уже къ вечеру мы примѣтили между дюнами полоску сухой глины и тотчасъ принялись копать колодецъ со всѣмъ рвеніемъ отчаянія. Люди раздѣлись донага и стали усиленно работать. На глубинѣ одного метра показался сырой песокъ,—и радость овладѣла нами. Всѣ звѣри, даже куры, толпились въ нетерпѣливомъ ожиданіи возлѣ ямы. Но на глубинѣ трехъ метровъ песокъ оказался снова сухимъ, и мы покинули нашъ колодецъ среди всеобщаго унынія. Чтобы поддержать силы изнемогающихъ верблюдовъ, мы принуждены были отдать имъ сѣно и солому, которыми были набиты ихъ вьючныя сѣдла, и весь нашъ запасъ хлѣба.

27-го мы замѣтили двухъ гусей, направляющихся къ сѣверо-западу, и при видѣ ихъ въ насъ опять проснулась надежда. Я шелъ теперь все время пѣшкомъ, чтобы какъ можно прямѣе подвигаться къ востоку. На горизонтѣ все тѣ же пески, которымъ не предвидѣлось конца; вездѣ гребни и цѣлыя цѣпи дюнъ, въ которыхъ можно было погрузиться съ головою. Мы болѣе ужъ не раскидывали палатокъ, хотя ночи были холодны и температура достигала часто только нѣсколькихъ градусовъ выше нуля, несмотря на то, что въ ясные дни она доходила приблизительно до 30°. Но когда 28-го числа насъ разбудилъ буранъ, весь нашъ лагерь былъ засыпанъ пескомъ, и многія вещи пришлось откапывать палками. Во время ходьбы насъ окутывали такія густыя тучи песку, что можно было думать, что надвигается ночь; небо было подернуто красноватымъ отблескомъ. Мы должны были идти тѣсной кучкой, ибо вѣтеръ моментально заметалъ слѣдъ, и того, кто отсталъ бы отъ остальныхъ, неминуемо ждала гибель. Сквозь тучи песку можно было разглядѣть только ближайшаго верблюда. Не слышно было никакого крика, только свистъ и шумъ взвѣваемаго вѣтромъ песка.

Въ теченіе этого дня палъ нашъ третій верблюдъ. Вечеромъ мы отобрали все, что можно было оставить изъ запаса провизіи, платья, ящиковъ и т. д. 29-го у насъ оставалось еще два литра воды; на слѣдующее утро я замѣтилъ, что они украдены. Верблюды получили въ послѣдній разъ свою порцію, состоявшую изъ всего нашего запаса масла. 1-го мая мы начали испытывать крайнюю жажду; я выпилъ стаканъ китайской водки, взятой для зажиганія очага. Этотъ напитокъ парализовалъ мои силы—я тащился далеко позади каравана подъ жгучими

лучами солнца. Звяканье колокольчиковъ ослабѣвало и мало-по-малу совершенно затихло; я шелъ по слѣдамъ моихъ людей, но, пройдя четыре съ половиною километра, увидалъ, что всѣ остановились.

Люди лежали распростертые на пескѣ, нѣкоторые плакали и взывали къ Аллаху. Улеглись также и верблюды, истощенные до послѣдней крайности. Намъ едва хватило силъ разбить палатку и расположиться въ тѣни ея. Мы раздѣлись съ намѣреніемъ проспать всю ночь. Была убита послѣдняя овца, и мы пили ея кровь. При заходѣ солнца, чувствуя, что силы ко мнѣ вернулись, я оставилъ ужасный привалъ въ сопровожденіи Ислама, Касима и пяти верблюдовъ; я бросилъ все, за исключеніемъ моихъ записокъ, инструментовъ, денегъ и немногихъ другихъ необходимыхъ вещей. Чтобы сберечь свои силы, я влѣзъ на верблюда, но все вскорѣ покрылось непроницаемымъ мракомъ, мы не могли видѣть, куда идемъ, и каждую минуту натыкались на дюны. Я зажегъ фонарь и пошелъ впереди, чтобы отыскивать болѣе удобную дорогу. До полуночи мы прошли только 4 километра; вскорѣ пришлось бросить еще одного верблюда, и силы Ислама были истощены. Видя, что конецъ близокъ, я рѣшилъ оставить все, взялъ съ собою Касима и направился къ востоку, ободривъ Ислама и внушивъ ему идти по нашимъ слѣдамъ, насколько ему позволятъ его силы. Такимъ образомъ послѣдніе остатки нашего каравана были покинуты въ темнотѣ, фонарь продолжалъ горѣть около Ислама, но скоро гряды дюнъ скрыли отъ нашихъ глазъ и этотъ слабый огонекъ.

Я взялъ съ собою только два хронометра, часы, компасъ, бумагу и мелкія вещи. Касимъ несъ буравъ для заложенія колодца, нѣсколько кусковъ хлѣба, курдюкъ барана и кусокъ свернувшейся крови. Этотъ жалкій запасъ провизіи не могъ однако служить намъ въ пользу, такъ какъ глотка и слизистая оболочка рта стали у насъ почти столь же сухи, какъ и кожа, и мы не въ состояніи были ничего проглотить. Чувство голода было заглушено всецѣло чувствомъ жажды, которое, въ особенности первые дни, такъ тягостно, что отъ него можно почти впасть въ безуміе. Но коль скоро тѣло перестаетъ давать потъ, наступаетъ быстрое истощеніе силъ, ведущее мало-по-малу къ окончательному кризису. Тѣмъ не менѣе я торопился, насколько могъ, идти съ Касимомъ къ востоку. Мы шли всю ночь, дѣлая безчисленныя остановки.

2-го мая въ 11 часовъ сдѣлалось такъ жарко, что наше зрѣніе стало мутиться; пришлось сдѣлать остановку на цѣлый день. Раздѣвшись донага, мы вырыли въ пескѣ яму до слоя, сохранившаго еще ночную свѣжесть, и легли въ нее подъ тѣнью нашей одежды, развѣшанной на киркѣ надъ нашими головами.

Съ 6 часовъ до ночи мы шли при лунномъ сіяніи. Послѣ кратковременнаго отдыха мы продолжали тащиться по этому желтому морю

песка, казавшемуся намъ безконечнымъ. 3-го мая Касимъ внезапно остановился, схватилъ меня за плечо и, уставивъ глаза, указалъ мнѣ на востокъ. Я сталъ всматриваться, но не открылъ ничего особеннаго. Своими соколиными глазами Касимъ замѣтилъ однако зеленѣющій тамарискъ. Съ этого момента вся наша надежда сосредоточилась на этомъ деревѣ. Достигнувъ его, мы возблагодарили Бога. Мы отдохнули тамъ минуту и затѣмъ, какъ животныя, стали жевать сочныя иглы тамариска. Изнуренные мы провели весь день съ 10 до 7 часовъ вечера подъ другимъ тамарискомъ. Вечеромъ мы достигли трехъ тополей, у корней которыхъ стали копать колодецъ, но силы намъ измѣнили. Мы зажгли большой костеръ, чтобы дать вѣсть Исламу.

4-го мая снова открывшійся передъ нами видъ безплодныхъ песковъ привелъ насъ въ уныніе. Въ самые жаркіе часы дня мы отдыхали подъ тѣнью тамариска. Въ 7 часовъ я одѣлся и сталъ звать Касима слѣдовать за мною, но онъ отвѣтилъ задыхающимся голосомъ, что у него нѣтъ больше силъ. Я двинулся одинъ, шелъ до часу ночи и, наконецъ, упалъ въ изнеможеніи у вновь встрѣченнаго тамариска. Немного спустя приплелся, шатаясь, Касимъ, и мы продолжали нашъ путь. Послѣ короткаго отдыха, 5-го мая, мы снова потащились черезъ силу. Касимъ казался безумнымъ, было страшно на него смотрѣть. На горизонтѣ показалась, наконецъ, темная полоса; это былъ лѣсъ Хотанъ-Дарьи. Но едва мы достигли его тѣнистаго свода, гдѣ все указывало на близость воды, силы покинули насъ, и мы не могли продолжать путь. Въ 7 часовъ вечера я взялъ рукоятку кирки вмѣсто палки и пошелъ лѣсомъ, мѣстами ползя на четверенькахъ. Касимъ остался недвижимымъ на мѣстѣ и лежалъ на спинѣ съ широко открытыми глазами и ртомъ.

Внезапно лѣсъ кончился, и передъ моими глазами открылась равнина, едва освѣщенная луной. Я сейчасъ же понялъ, что это русло Хотанъ-Дарьи. Но оно было сухо! Тѣмъ не менѣе я не могъ примириться съ мыслью о возможности погибнуть отъ жажды въ самомъ руслѣ рѣки. Я перешелъ ее и съ усиліями достигъ ея праваго берега, гдѣ въ темнотѣ вырисовывался густой лѣсъ и сплошныя заросли тростника. Мнѣ потребовалось пять часовъ, чтобы пройти три километра! Въ этотъ моментъ передо мною поднялась утка; я услышалъ плескъ и увидѣлъ, что нахожусь на берегу небольшой заводи съ чистой и свѣжей водой. Не стану терять времени на описаніе моихъ ощущеній и того, что затѣмъ послѣдовало. Достаточно сказать, что утоливъ свою жажду, я наполнилъ до краевъ мои сапоги, просунулъ палку въ ихъ ушки и возвратился къ Касиму, который былъ такимъ образомъ спасенъ въ послѣдній моментъ. Но онъ не имѣлъ силъ слѣдовать за мною, и я долженъ былъ одинъ продолжать свой путь къ югу русломъ рѣки въ

продолженіе трехъ дней и двухъ ночей, питаясь травою, покуда наконецъ 8-го мая я не встрѣтилъ пастуховъ и оказался уже внѣ опасности.

Ободренный нашими огнями Исламъ-бей дотащился до рѣки съ послѣднимъ верблюдомъ, который несъ мои записки, часть инструментовъ и китайскія деньги.

Притяньшанскіе оазисы и ихъ обитатели.

(Обручева).

Длиннымъ и высокимъ исполинскимъ клиномъ изъ русскаго Туркестана въ предѣлы Центральной Азіи глубоко внѣдряется Восточный Тянь-Шань, представляющій огромный барьеръ между холодной Джунгаріей и теплой Кашгаріей.

Пустынный южный склонъ Восточнаго Тянь-Шаня, бѣдный растительностью и проточными водами, окаймленъ вдоль подошвы полосой самой ужасной пустыни. Ручьи и рѣчки, образующіеся изъ снѣговыхъ и ключевыхъ водъ, большей частью исчезаютъ въ рыхлыхъ наносахъ уже въ небольшомъ разстояніи отъ подошвы хребта, и далѣе тянутся только сухія русла, поросшія скуднымъ кустарникомъ; такой же кустарникъ тянется по сухимъ русламъ временныхъ потоковъ, наполняющихся водой только изрѣдка. Въ промежуткахъ между такими руслами, часто на протяженіи десятковъ квадратныхъ верстъ, почва совершенно лишена растительности, и ея плотная, выметенная бурями поверхность усыпана мелкой и крупной галькой и щебнемъ темно-бураго или чернаго цвѣта, отъ покрывающаго ихъ лака пустыни. При соотвѣтствующемъ освѣщеніи пустыня сверкаетъ милліонами синеватыхъ огоньковъ, при другомъ—превращается въ унылое царство траура и смерти, въ которомъ глазъ не встрѣчаетъ ничего, кромѣ сѣро-желтой почвы и черныхъ камней; лишь кое гдѣ попадаются плоскія почернѣвшія горки или цѣпь холмовъ кирпично-краснаго цвѣта съ обдутыми вѣтромъ обрывами и выступами странныхъ очертаній.

Эта пустыня тянется вдоль подошвы Тянь-Шаня полосой верстъ въ 500 длиной и, съ сѣвера на югъ, около 40 верстъ шириной; на югѣ она окаймлена перерывистымъ поясомъ оазисовъ, населенныхъ китайцами, дунганами и тюрками. Бокъ-о-бокъ съ совершенно безплодной пустыней здѣсь находятся густо населенныя площади съ богатой растительностью и тщательно воздѣланными полями и садами. Мѣсто человѣку здѣсь указано самой природой, и оазисы расположены на ключахъ, пробивающихся изъ почвы. Человѣкъ только подмѣтилъ это обиліе воды въ близкихъ къ поверхности слояхъ почвы и выводитъ ее

на поверхность посредствомъ карысей, т. е. подземныхъ галлерей, которыя изъ простой водопроводной канавы близъ устья превращаются въ штольню и, врѣзываясь постоянно въ толщу наносовъ, тянутся подъ землей нѣсколько верстъ, собирая циркулирующія въ нихъ воды.

Климатъ притяньшанскихъ оазисовъ, благодаря высокимъ горамъ, защищающимъ ихъ съ сѣвера, отличается болѣе мягкой зимой сравнительно съ остальными областями Центральной Азіи, находящимися подъ той же широтой. Даже январскіе морозы не превышаютъ 20° и уже въ концѣ января термометръ въ тѣни послѣ полудня поднимается выше нуля; за то лѣтомъ жара очень сильна и температура въ 40—45 градусовъ въ тѣни не составляетъ рѣдкости. Осень наступаетъ поздно, и я имѣлъ возможность убѣдиться, какъ велика разница между Турфанскимъ округомъ и южной Джунгаріей, лежащей къ сѣверу отъ Тянь-Шаня; во второй половинѣ сентября въ Турфанѣ на деревьяхъ еще не было ни одного желтаго листка, днемъ жара до 33° въ тѣни, по ночамъ не менѣе 13° тепла; пять дней спустя въ окрестностяхъ Урумчи, всего на полградуса сѣвернѣе, я засталъ уже полную осень, совершенно пожелтѣвшую траву, листопадъ, ночные морозы.

Осадки въ притяньшанскихъ оазисахъ совершенно ничтожны: дождей и снѣговъ бываетъ очень мало и безъ искусственнаго орошенія земля не производила бы никакихъ культурныхъ растеній. Вѣтры часты и сильны, особенно весной, когда съ марта по май почти безпрерывно дуетъ западный вѣтеръ, часто переходящій въ пыльную бурю.

Коренное населеніе хамійскаго и турфанскаго оазисовъ составляютъ таранчи, народъ тюркскаго племени, но съ нѣкоторой примѣсью монгольской крови, отражающейся на ихъ наружности. Таранча средняго роста, обыкновенно сухопарый, по цвѣту кожи нѣсколько свѣтлѣе монгола; онъ хотя и смуглый, но безъ желтаго оттѣнка, свойственнаго монгольскому племени; лицо у него шире, чѣмъ у настоящаго тюрка, скулы больше выдаются, и глаза уже, но все таки среди этого народа немало красивыхъ лицъ, какихъ не сыскать среди монголовъ и китайцевъ. Растительность на лицѣ довольно густая, волосы обыкновенно черные и довольно жесткіе; мужчины брѣютъ всю голову по мусульманскому обычаю, а бороду и усы отпускаютъ; женщины сплетаютъ волосы въ двѣ или три толстыя косы, а лобъ отчасти закрываютъ гривкой. У женщинъ примѣсь монгольской крови выражается въ складѣ лица нѣсколько больше, чѣмъ у мужчинъ, но все-таки и между ними немало красивыхъ; онѣ также любятъ подводить рѣсницы и брови и употреблять румяна и бѣлила, но въ общемъ занимаются живописью на своемъ лицѣ гораздо меньше, чѣмъ китаянки. Мужская одежда состоитъ изъ рубашки, сшитой обыкновенно изъ домашней бѣлой бязи, такихъ же шароваръ, кожаныхъ туфель и тюбетейки; въ такомъ ко-

стюмѣ таранча щеголяетъ цѣлое лѣто у себя на дворѣ, въ саду или на пашнѣ. Отправляясь въ городъ или въ гости, онъ надѣваетъ еще мягкіе сапоги, а болѣе пожилые и степенные люди—халатъ на ситцевой или шелковой подкладкѣ, подпоясываемый кускомъ бязи или цвѣтного ситца въ нѣсколько аршинъ длиной. Зимой поверхъ рубашки надѣваютъ ватную кофту или ватный халатъ, подпоясываемый такимъ же образомъ, а на голову поверхъ тюбетейки—шапку съ мѣховымъ околышемъ.

Женскій костюмъ состоитъ изъ шароваръ, доходящихъ до щиколки и сшитыхъ изъ кумача, или изъ бѣлой бязи съ широкой вышивкой внизу; поверхъ шароваръ надѣвается рубашка длинная (ниже колѣнъ) и съ длиннѣйшими рукавами. Дѣвушки и молодыя женщины носятъ рубашки изъ краснаго ситца съ разводами или изъ кумача, а пожилыя изъ свѣтлаго, обыкновенно бѣлаго ситца съ мелкими цвѣточками. Всѣ эти ситцы и кумачъ привозятся изъ Россіи и находятъ себѣ большой сбытъ среди тюркскаго населенія Китайской имперіи; парадныя рубашки того же покроя шьются изъ китайской легкой шелковой матеріи Ноги обуваются въ расшитыя туфли на высокихъ каблукахъ; на головѣ носится такая же тюбетейка, какъ у мужчинъ, краснаго цвѣта у молодыхъ, синяго у пожилыхъ. Зимой поверхъ рубашки надѣваютъ ватную кофту, а болѣе богатыя халатъ и на голову шапку, обложенную мѣхомъ выдры; серьги и кольца изъ серебра довольно грубой работы въ большомъ употребленіи.

Выходя зимой изъ дому, и мужчины надѣваютъ шубы мерлушковыя, бараньи или козьи, а на ноги войлочные чулки; женщины часто носятъ мягкіе сафьяновые сапоги и поверхъ ихъ кожаныя калоши такого же фасона какъ мужскія.

Таранчи, какъ и вообще мусульмане, гораздо чистоплотнѣе монголовъ и китайцевъ; руки и лицо моютъ нѣсколько разъ въ день, особенно лѣтомъ, стираютъ также свои рубашки и шаровары: точно такъ же вся ихъ обстановка—посуда, постель, жилище, содержится въ гораздо большей чистотѣ, чѣмъ у китайцевъ. По своимъ нравственнымъ качествамъ этотъ народъ тоже гораздо выше своихъ сосѣдей. Таранчи трудолюбивы, выносливы, добродушны, общительны; но подъ гнетомъ китайскаго владычества въ нихъ начинаютъ уже внѣдряться дурныя качества, съ одной стороны забитость, съ другой — лицемѣріе, лживость и жестокость. Простой народъ болѣе или менѣе забитъ, а богачи и туземныя власти, по инстинкту самосохраненія, превращаются въ послушныхъ холоповъ китайской администраціи и, прислуживаясь ей, обираютъ своихъ единоплеменниковъ.

Женщины не носятъ покрывала, скрывающаго лицо, какъ у сартянокъ русскаго Туркестана, пользуются большой независимостью и вообще не

превращены въ домашнее рабочее животное. Хотя мусульманскій законъ разрѣшаетъ многоженство, но среди таранчей оно встрѣчается рѣдко, главнымъ образомъ у богатыхъ и у туземныхъ бековъ, имѣющихъ даже гаремы; разводъ совершается часто и безъ особыхъ формальностей.

Главное занятіе таранчей составляетъ земледѣліе и садоводство, поэтому они народъ осѣдлый. Жилища ихъ, подобно китайскимъ, дѣлаются изъ необожженнаго кирпича или прямо лѣпятся изъ глины; оконъ меньше, чѣмъ въ китайскихъ домахъ, часто комнаты освѣщаются только отверстіемъ, сдѣланнымъ въ потолкѣ. Половину комнаты занимаетъ низкая лежанка, подтапливаемая, по-китайски, снизу, но тяга усиливается хорошей трубой, такъ что нѣтъ того ѣдкаго дыма, какъ въ китайскомъ жилищѣ. Лежанка покрывается войлоками или даже коврами, въ углу ея сложены въ кучу ватныя одѣяла и подушки, разстилаемыя на ночь на той же лежанкѣ; лѣтомъ, впрочемъ, всѣ спятъ подъ открытымъ небомъ среди двора или на плоской кровлѣ дома. На лежанкѣ также стоятъ сундуки съ платьемъ и низкій китайскій столикъ, составляющіе единственную мебель таранчей, которые сидятъ по-турецки, поджавши подъ себя ноги. Почти въ каждомъ домѣ можно встрѣтить веретено или ткацкій станокъ, служащіе для приготовленія хлопчатобумажной матеріи — бязи; по вечерамъ, проѣзжая по улицѣ таранчинскаго селенія, во многихъ домахъ можно услышать пѣсню, не лишенную гармоніи; это поетъ таранчинка, при тускломъ свѣтѣ лампочки прядущая вату.

Куреніе опія, эта пагубная страсть, столь распространенная у китайцевъ, почти незнакома таранчамъ; они курятъ свой туземный легкій табакъ въ длинныхъ китайскихъ трубкахъ, иногда также накуриваются наши—наркотическаго вещества, приготовляемаго изъ цвѣточной пыли конопли; вина, какъ мусульмане, не пьютъ; обыкновенную пищу ихъ составляетъ хлѣбъ въ видѣ плоскихъ лепешекъ изъ пшеничной муки или кунака (особый сортъ проса); затѣмъ пилавъ изъ риса съ бараниной, иногда пельмени и домашняя птица. Вмѣсто вилки и ложки имъ служатъ пальцы и пригоршня, но этотъ примитивный способъ ѣды не производитъ на европейца такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ у монголовъ, такъ какъ руки передъ ѣдою моются. Лѣтомъ мясо замѣняется фруктами; арбузы, дыни, груши, персики, абрикосы и виноградъ истребляются въ большомъ количествѣ и сушатся также на зиму. Обыкновенное питье составляетъ зеленый монгольскій чай, который пьютъ часто съ молокомъ, но безъ примѣси масла и соли, и подаютъ въ высокихъ узкогорлыхъ кувшинахъ.

Джунгарія и Восточный Туркестанъ завоеваны китайцами въ прошломъ столѣтіи и съ тѣхъ поръ получили китайскую администрацію и заняты китайскими войсками. Завоеванію способствовали раздоры между

тюркскими и монгольскими племенами, населяющими эти провинціи. Для упроченія своего владычества китайцы поселили здѣсь много монголо-манчжурскихъ семей и китайскихъ мусульманъ (дунганъ), а часть тюрковъ изъ Восточнаго Туркестана была выселена въ Джунгарію, населеніе котораго до того было преимущественно монгольскаго и киргизскаго племени. Но эти мѣры все-таки не помогли; когда мусульманскій мятежъ, возникшій въ 1856 г. въ Юннанѣ, въ южной провинціи Китая, распространился на сѣверныя провинціи и достигъ громадныхъ размѣровъ, въ Джунгаріи дунгане взялись также за оружіе, соединились съ таранчами и прогнали китайцевъ. Затѣмъ въ Кульджинскомъ округѣ дунгане были въ свою очередь истреблены таранчами, и здѣсь образовалось самостоятельное султанство, глава котораго, Абиль-Оглы, принялъ высомѣрный тонъ въ сношеніяхъ съ пограничной русской администраціей; въ его владѣніяхъ происходили постоянные безпорядки, для подавленія которыхъ русскія войска заняли Кульджу въ 1871 году. Справившись съ возстаніемъ, китайское правительство опять начало упрочивать свое положеніе въ краѣ, устроило здѣсь генералъ-губернаторство съ резиденціей въ Урумчи, учредило военныя поселенія съ манджурскими и китайскими войсками, привлекло поселенцевъ изъ внутренняго Китая, надѣляя ихъ безвозмездно десятью десятинами земли на семью, пособіемъ въ 48 руб. на постройку дома, покупку земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота и сѣмянъ; отъ поземельной подати переселенцы освобождены въ теченіе трехъ лѣтъ. Этихъ пришельцевъ стараются селить между туземцами, чтобы уменьшить сплоченность послѣднихъ. И все-таки китайское владычество здѣсь непрочно, туземцы относятся къ нему весьма недружелюбно и, несмотря на вражду, питаемую другъ къ другу таранчами, дунганами, сартами, монголами и киргизами, всѣ эти туземныя племена сходятся въ ненависти къ китайцамъ.

Восхожденіе на Мустагъ-ату.

(Свенъ-Гедина.)

Въ восточной части Памира, въ китайскихъ владѣніяхъ, возвышается исполинскій Мустагъ-ата, — одна изъ величайшихъ вершинъ не только во всемъ Памирѣ, но, пожалуй, и во всей Азіи (7.860 м.). Мустагъ-ата въ переводѣ значитъ „Отецъ ледяныхъ горъ“, и дѣйствительно съ его вершины спускается десять большихъ ледниковъ, а его огромная снѣговая шапка видна отовсюду въ восточномъ Памирѣ.

Во время моего пребыванія въ 1894 году на Памирѣ моею цѣлью было между прочимъ попытаться взойти на вершину Мустагъ-аты.

Мы остановились въ долинѣ Тагарма, одной изъ лучшихъ памирскихъ долинъ, на высотѣ, уступавшей немногимъ изъ альпійскихъ вершинъ, и все время стерегли удобный случай взобраться на Мустагъ-ату. Но погода все ставила намъ препятствія. То шелъ снѣгъ, то градъ, то дулъ пронизывающій сѣверный вѣтеръ, отнимавшій всякую охоту стремиться въ высшія сферы, гдѣ вѣтеръ взвивалъ снѣгъ столбомъ. Бывало, что солнце улыбалось на минуту съ яснаго неба, но въ слѣдующую погода портилась и разстраивала всѣ наши планы. Бывало нѣсколько разъ, что мы уже навьючивали яковъ, дѣлили ручной багажъ между носильщиками и готовились выступать, какъ вдругъ начинался вѣтеръ и позволялъ намъ совершить, чтобы день не совсѣмъ пропалъ даромъ, лишь небольшую экскурсію на ледники. На этой высотѣ зима— ранній гость и времени у насъ въ запасѣ было немного; поэтому рѣшили на слѣдующій день быть готовыми во что бы ни стало отправиться въ походъ. Погода весь день стояла хорошая, но въ сумерки начался обычный градъ и вѣтеръ. Вершина Мустагъ-аты, только что ослѣпительно сіявшая своимъ снѣжнымъ вѣнцомъ, окуталась густыми облаками. День выдался чудесный, совершенно ясный, такъ что отъ самой подошвы видны были всѣ очертанія Мустагъ-аты, до мельчайшихъ подробностей, а самая вершина казалась близехонько; склоны заслоняли выступы и отроги, что и вводило въ заблужденіе. Въ воздухѣ не шелохнулось, на небѣ не было не единаго облачка. Мы отправились сначала черезъ ледникъ Ямбулакъ, медленно подымаясь по склону подъ лучами восходящаго солнца, потомъ дорога пошла по крутизнамъ въ тѣни до тѣхъ поръ, пока солнце не поднялось такъ высоко, что стало свѣтить намъ прямо въ лицо.

Подвигались впередъ пока еще быстро. Крутые склоны были всюду покрыты продуктами вывѣтриванья горныхъ породъ. Щебень былъ насыпанъ такъ густо, что убивалъ всякую растительность. Тутъ пришлось оставить двухъ яковъ, которые безпрестанно останавливались и задерживали насъ. Ѣхавшіе на нихъ киргизы пошли пѣшкомъ, по очереди ведя моего большого, чудеснаго яка, который безъ усилія пробирался между кучами щебня.

Въ 8 час. мы были на высотѣ Монблана и, немного спустя, достигли на высотѣ 4.950 м. снѣговой линіи. Вначалѣ снѣгъ попадался небольшими клоками между кучами щебня, затѣмъ разостлался сплошнымъ ковромъ, изъ-подъ котораго кое-гдѣ проглядывали отдѣльные камни. Снѣгъ былъ мелкозернистый и плотный, но безъ наста. Только, когда мы поднялись еще метровъ на 200 выше, снѣговой покровъ оказался покрытымъ тонкой, твердой корой: мягкая кожаная обувь моихъ людей не оставляла на ней никакихъ слѣдовъ; настъ только слегка похру-

стывалъ, но животныя ни разу не поскользнулись. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ снѣгъ становился глубже, но особенно большихъ сугробовъ еще не встрѣчалось. Причинами, мѣшающими образованію большихъ сугробовъ, являются обычный здѣсь сильный вѣтеръ, усиленное испареніе и легко обнажающаяся вѣтрами куполовидная форма рельефа. Снѣгъ сверкалъ на солнцѣ тысячами искръ, и я, несмотря на консервы съ двойными стеклами, сильно страдалъ отъ этого блеска, разлитаго повсюду кругомъ. Люди мои, у которыхъ совсѣмъ не было очковъ, жаловались, что у нихъ все вертится, а временами и совсѣмъ темнѣетъ въ глазахъ.

Приходилось все чаще и чаще дѣлать передышку. Я, пользуясь остановками, дѣлалъ наброски, производилъ измѣренія съ компасомъ и ориентировался. Мы слѣдовали непосредственно по краю высокой скалистой стѣны, откуда намъ открывался чудный видъ на весь ледникъ въ глубинѣ. Выше, въ ущельѣ, гдѣ оба его скалистые бока постепенно понижаются (по сравненію съ поверхностью ледника), нѣсколько расходятся и въ концѣ-концовъ сливаются съ округленнымъ гребнемъ, соединяющимъ обѣ высочайшія вершины группы Мустагъ-ата, ясно виднѣлось фирновое поле.

Посрединѣ теченія ледяной рѣки преобладаютъ продольныя трещины. Самыя большія идутъ въ ущельѣ, между скалистыми стѣнами, и доходятъ до оконечности ледяного мыса. На отвѣсныхъ стѣнахъ скалъ, вздымающихся назъ поверхностью ледника, почти на 400 м., нѣтъ никакихъ царапинъ или слѣдовъ стачиванья камней. Это и не удивительно: если бы они и существовали прежде, то давно могли быть сглажены процессомъ вывѣтриванья, который въ этихъ областяхъ по причинѣ рѣзкихъ перемѣнъ температуры идетъ энергично и безостановочно. Та часть горы, по которой мы пробирались, имѣла зубчатый, точно весь въ зазубринахъ край; выступы и выемки чередовались другъ съ другомъ, но движеніе льда было ни при чемъ въ ихъ образованіи, которымъ они обязаны исключительно процессу вывѣтриванья.

Склонъ горы спускается къ равнинѣ Су-баши подъ угломъ въ 22°, поэтому подъемъ сильно давалъ себя чувствовать въ этомъ разрѣженномъ воздухѣ. Снѣгъ становился какъ-будто все чище и ослѣпительнѣе, пасть весело похрустывалъ подъ ногами. Мы тихо подвигались впередъ, минуя одинъ уступъ за другимъ.

На высотѣ 5.100 метровъ трое киргизовъ оставили своихъ яковъ, увѣряя, что лучше итти пѣшкомъ. Они не прошли однако и двухсотъ метровъ, какъ въ изнеможеніи, жалуясь на сильную головную боль, упали на снѣгъ и заснули.

Я продолжалъ путь съ двумя остальными киргизами и двумя яками. Мои спутники также жаловались на страшную головную боль и почти

задыхались. Я чувствовалъ себя хорошо, если не считать ломоты въ головѣ, которая все увеличивалась по мѣрѣ подъема; одышку же я чувствовалъ только, когда слѣзалъ съ яка и принимался за наблюденія. Когда надо было опять влѣзать на сѣдло, я готовъ былъ задохнуться отъ этого небольшого усилія, и у меня начиналось сильнѣйшее сердцебіеніе.

Между тѣмъ поднялся свѣжій вѣтеръ съ юго-запада, мелкій снѣгъ закрутило вихрями, небо покрылось тучами. Мы всѣ такъ утомились, что рѣшили сдѣлать привалъ. Достали хлѣбъ, чай, топливо, чтобы развести костеръ, но стоило намъ взглянуть на ѣду, чтобы насъ затошнило; такъ никто ничего и не взялъ въ ротъ. Насъ мучила только жажда, и мы все глотали снѣгъ, даже яки проглатывали большіе комки.

Впдъ съ высоты 6.300 метровъ былъ поистинѣ восхитителенъ. Намъ открывалось черезъ хребетъ Сары-колъ все пространство до самаго Заалайскаго хребта.

Мы стали держать совѣтъ. День клонился къ вечеру, и становилось холодно; киргизы были такъ изнурены, что не могли итти дальше; яки пыхтѣли, высунувъ языки. Киргизы предупреждали отъ восхожденія по крутымъ, готовымъ обрушиться снѣжнымъ склонамъ, гдѣ яки своею тяжестью легко могли произвести обвалъ.

Съ грустью рѣшился я вернуться, и мы быстро заскользили внизъ по старымъ своимъ слѣдамъ.

Послѣ этого я еще два раза пытался подняться на Мустагъ-ату, и все безуспѣшно.

Взявъ съ собою все нужное на два дня, десять яковъ и шестерыхъ киргизовъ, я 16-го августа 1894 года въ четвертый разъ попытался взойти на Мустагъ-ату по тому же склону, по которому мы поднимались, но безъ успѣха, 18-го апрѣля и 6-го августа. Достигнувъ снѣговой линіи, мы отправились по старымъ нашимъ слѣдамъ, служившимъ намъ нѣкоторой гарантіей противъ несчастныхъ случаевъ. Тропу было ясно видно. Она шла зигзагами круто вверхъ, по краю правой стѣны ледниковаго ущелья.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и тропа оказывалась заметенной, но различить ее все-таки было можно. Во всѣ эти десять дней снѣгу здѣсь, слѣдовательно, не выпадало.

Мы посовѣтовались и рѣшили заночевать тутъ, около выглядывавшихъ изъ снѣгу небольшихъ каменистыхъ островковъ. Яковъ привязали къ сланцевымъ глыбамъ и затѣмъ киргизы расчистили, насколько было возможно, отъ щебня, повсюду покрытаго снѣгомъ, мѣстечко для юрты. Послѣдняя была очень миніатюрна; мѣста для спанья въ ней хватало всего на троихъ, дымового отверстія вовсе не было, конусообразный остовъ ея состоялъ попросту изъ жердей, связанныхъ верхними концами вмѣстѣ.

Какъ мы ни старались уровнять лопатами почву, юрта все-таки очутилась на покатости, и ее пришлось прикрѣпить арканами къ двумъ глыбамъ сланца. Вечеромъ въ теченіе часа дулъ слабый вѣтеръ, время отъ времени обдававшій юрту облаками крутящейся снѣжной пыли, набивавшейся во всѣ щели и отверстія нашего убѣжища. Киргизы поэтому обнесли юрту валомъ изъ снѣга.

Сначала мы чувствовали себя хорошо; мы развели большой костеръ; огонь отлично согрѣлъ насъ, и наши застывшіе члены отошли. Зато юрта наполнилась удушливымъ дымомъ, который ѣлъ глаза и медленно выходилъ въ открытое входное отверстіе. Снѣгъ на полу въ юртѣ растаялъ, но когда костеръ погасъ, все покрылось ледяной корой.

Киргизы начали жаловаться на головную боль, и двое стали проситься назадъ; я разрѣшилъ имъ это тѣмъ охотнѣе, что они, очевидно, не годились для дальнѣйшаго труднаго странствованія. Изъ другихъ болѣзненныхъ симптомовъ надо отмѣтить неумолчный звонъ въ ушахъ, нѣкоторую глухоту, ускоренный пульсъ, пониженіе температуры тѣла, полную безсонницу (вызванную, вѣроятно, головною болью, которая подъ утро стала нестерпимой) и, наконецъ, приступы одышки. Киргизы стонали всю ночь. Тулупы казались страшно тяжелыми, дышать въ лежачемъ положеніи становилось затруднительно, сердце билось неровными сильными толчками. На чай и хлѣбъ охотниковъ не нашлось, и когда насъ сразу охватилъ мракъ ночи, въ киргизахъ стало замѣтно глухое неудовольствіе. Они вѣдь не больше моего привыкли проводить ночи на высотѣ 20.000 ф., въ 21 разъ превосходящей высоту Эйфелевой башни.

Болѣе величественнаго мѣста стоянки у меня, однако, никогда не было; мы находились на покрытомъ снѣгомъ склонѣ одной изъ высочайшихъ горъ въ свѣтѣ, у подножія которой лежали окутанные покрываломъ ночи ледниковые мысы, ручьи и озера, и вмѣстѣ съ тѣмъ на порогѣ одного изъ самыхъ фантастическихъ ледяныхъ царствъ. Стоило сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы свалиться въ зіяющую голубую ледяную пропасть, глубиною въ 400 метровъ.

Я ожидалъ живописнаго заката солнца, но онъ не представилъ ничего особеннаго. Солнце сѣло въ облакахъ, озаренныхъ оранжевымъ сіяніемъ, которое горѣло и долго спустя послѣ захода солнца; на этомъ фонѣ горы Памира рисовались рѣзкими темными тѣнями. Вся долина Сары-колъ давно лежала окутанная тѣнями, когда солнце еще обливало прощальными лучами вершину Мустагъ-аты. Скоро и нашъ лагерь погрузился въ темноту; вершина горы еще горѣла съ минуту, словно огненный конусъ вулкана, затѣмъ померкла и она.

Я вышелъ ночью изъ юрты прогуляться и полюбоваться восхожденіемъ полной луны. Мы были недалеко отъ царства безконечнаго про-

стора, начинающагося за вершинами высочайшихъ горъ, и царица ночи сіяла здѣсь такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, что съ трудомъ можно было глядѣть на нее. Тихо, величественно плыла она надъ темными крутыми уступами скалъ на противоположномъ берегу ледника. Послѣдній лежалъ въ тѣни, глубоко въ пропасти. Время отъ времени слышался словно глухой выстрѣлъ трескавшагося льда или грохотъ оторвавшейся отъ края ледяного покрова глыбы.

Луна лила серебряный свѣтъ на нашъ лагерь и производила чисто-фантастическій эффектъ. Черные силуэты яковъ съ понуренными головами рѣзко выдѣлялись на бѣломъ снѣгу, неподвижные и молчаливые, какъ тѣ камни, къ которымъ они были привязаны; время отъ времени слышался только лязгъ ихъ челюстей или хрустѣніе снѣга подъ ихъ копытами. Трое киргизовъ, которымъ не хватило мѣста въ юртѣ, развели себѣ огонь между большими глыбами, а когда онъ погасъ, завернулись въ тулупы и прикурнули вокругъ, подогнувъ колѣни и уткнувъ голову въ снѣгъ, напоминая летучихъ мышей въ зимнее время.

Несмотря на яркій лунный свѣтъ, оріентироваться и различить мѣста въ долинѣ Сары-колъ было не легко. Съ трудомъ разглядѣлъ я орошенные ледниковыми ручьями луга и слабо очерченные контуры озера Малаго Кара-Куля. Все остальное вплоть до вершинъ горъ Памира сливалось въ общій хаосъ, въ которомъ нельзя было различить ничего.

Самая красивая картина рисовалась въ той сторонѣ, откуда свѣтила луна. Очарованный ею, я стоялъ какъ прикованный. Никакое перо или кисть не въ состояніи изобразить этой волшебной картины. Самый рельефъ окружающей мѣстности дѣлаетъ ее своего рода архитектурнымъ шедевромъ. Здѣсь тянется ущемленный между покрытыми снѣгомъ и льдомъ скалами голубоватый ледникъ, тамъ вздымается къ небу пятиглавый великанъ—гора. Скалистыя стѣны прямо передъ нами окутаны такимъ мракомъ, что съ трудомъ можно различить, гдѣ кончается свѣтлый ледяной покровъ, одѣвающій ея вершину, и гдѣ выступаютъ черныя скалы.

Налѣво, на нѣсколько сотъ метровъ выше нашего лагеря, купается въ лунномъ свѣтѣ фирновое кольцо ледника. По его темному гребню на юго-востокѣ прыгаютъ, окутанныя въ бѣлую дымку, горныя рѣчки. Легкія облака, гонимыя слабымъ южнымъ вѣтромъ, группируются около луны кольцами, отливающими цвѣтами радуги, вѣнцами и другими быстро смѣняющими другъ друга фигурами.

Забывая о холодѣ, стоишь, не въ силахъ оторваться отъ этой чудной, фантастической вереницы мелькающихъ, смѣняющихъ одинъ другой воздушныхъ образовъ.

Кругомъ тишина, эхо не откликается между скалистыми стѣнами по ту сторону. Рѣдкій воздухъ не шелохнется, нуженъ обвалъ лавины,

чтобы привести его въ сотрясеніе. Виденъ паръ отъ дыханія яковъ, но самаго дыханія не слышно. Они стоятъ неподвижно, не издавая ни звука. Странное ощущеніе овладѣваетъ душой. Какъ-то трудно усвоить себѣ, что подъ твоими ногами лежатъ четыре части свѣта и что если бы провести прямую линію вокругъ земного шара черезъ ту точку, на которой находишься ты, то линія эта срѣзала бы лишь нѣкоторыя изъ высочайшихъ вершинъ Азіи и Южной Америки. Здѣсь было преддверіе безмолвнаго, холоднаго, безграничнаго мірового воздушнаго океана!

Когда я вошелъ въ юрту, Исламъ-бай и Іехимъ-бай*) молча сидѣли, закутанные въ тулупы, возлѣ тлѣющаго костра. Мы всѣ трое стучали зубами отъ холода, снова развели костеръ, и юрта опять наполнилась ѣдкимъ дымомъ. Когда вечернія наблюденія были закончены, мы закутались въ тулупы и войлочные ковры, огонь погасъ, и только луна съ любопытствомъ заглядывала во всѣ щели юрты.

Казалось, конца не будетъ этой долгой, тяжелой ночи. Какъ мы ни ежились, упираясь колѣнами въ самый подбородокъ, невозможно было сохранить теплоту тѣла. Холодъ становился все чувствительнѣе, тѣмъ болѣе что юго-западный вѣтеръ съ часу на часъ усиливался. Никто глазъ не сомкнулъ во всю ночь. Только ужъ подъ утро я какъ-будто впалъ въ дремоту, но то и дѣло пробуждался отъ недостатка воздуха и дѣлалъ судорожныя вдыханія. Люди мои стонали, точно на ложѣ пытки, и не столько отъ холода, сколько отъ все усиливавшейся головной боли.

Наконецъ, взошло солнце, но озаренный имъ новый день оказался для насъ крайне неудачнымъ. Юго-западный вѣтеръ перешелъ почти въ ураганъ и взвивалъ густыя облака мелкаго снѣга. Киргизы, проведшіе ночь внѣ юрты, чуть не окоченѣли совсѣмъ и еле втащились въ юрту, гдѣ былъ разведенъ большой костеръ. Всѣ были больны, унылы, никто не говорилъ, никто не ѣлъ. Я даже едва дотронулся до чаю, котораго такъ и не удалось сдѣлать горячимъ. Яки не двигались, точно застыли на своихъ мѣстахъ съ вечера.

Вершина горы была окутана непроницаемой пеленой снѣжныхъ вихрей. Нечего было и думать продолжать сегодня подъемъ; это значило бы искушать Бога. Намъ пришлось бы пробираться въ ужасный буранъ по невѣдомой мѣстности, можетъ быть, усѣянной трещинами, и, чего добраго, заблудиться и погибнуть. Я сразу убѣдился въ невозможности покорить на этотъ разъ горнаго великана, но все-таки хотѣлъ испытать своихъ людей, велѣвъ имъ готовиться къ подъему. Никто не вымолвилъ слова, всѣ разомъ встали и начали приготовленія, но, видимо, были очень обрадованы, когда я отмѣнилъ приказъ.

Стоило кому-нибудь высунуть носъ изъ юрты, чтобы тотчасъ же

---

*) Сопровождавшіе путешественника киргизы.

живо спрятать его назадъ. Въ юртѣ, по крайней мѣрѣ, мы были защищены отъ вѣтра, который пронизывалъ до костей сквозь всѣ тулупы, мѣховыя шапки и валенки. Я однако крѣпко надѣялся, что вьюга уляжется къ полудню и можно будетъ продолжать подъемъ. Увы! она все усиливалась, и въ полдень стало ясно, что день пропалъ. Три киргиза должны были заняться уборкой палатки и навьючиваніемъ яковъ, а я, Исламъ и Іехимъ, напяливъ на себя все, что только нашлось подъ рукой, сѣли на яковъ и быстро покатили внизъ по сугробамъ. Яки неслись по крутизнамъ прямо безъ оглядки, ныряли, точно выдры въ сугробахъ, и, несмотря на всю свою тяжеловѣсность, ни разу не поскользнулись, не упали.

Сидя верхомъ на якѣ, чувствуешь себя ѣдущимъ въ сильныя волны въ валкой ладьѣ, и надо уже пенять на себя, коли не твердъ въ колѣняхъ. Часто приходится совсѣмъ опрокидываться назадъ, спиною на спину яка, и балансировать всѣмъ корпусомъ въ тактъ неожиданнымъ, но всегда ловкимъ, увѣреннымъ движеніямъ животнаго.

Какъ пріятно было, оставивъ за собою послѣдніе сугробы снѣга, снова завидѣть нашъ лагерь, лежавшій внизу въ глубинѣ. Тамъ ждали насъ давно желанный обѣдъ и горячій чай, вернувшіе жизнь нашимъ членамъ; затѣмъ мы улеглись каждый въ своемъ углу и заснули крѣпкимъ сномъ. Весь слѣдующій день мы однако чувствовали себя точно выздоравливающіе послѣ продолжительной болѣзни.

Сѣверный Тибетъ.

(Пржевальскаго.)

Грандіозная природа Азіи, проявляющаяся то въ видѣ безконечныхъ лѣсовъ и тундръ Сибири, то безводныхъ пустынь Гоби, то громадныхъ горныхъ хребтовъ внутри материка и тысячеверстныхъ рѣкъ, стекающихъ отсюда во всѣ стороны, выразилась и въ обширномъ нагорьѣ, наполняющемъ южную половину центральной части этого материка и извѣстномъ подъ именемъ Тибета. Рѣзко ограниченная со всѣхъ сторонъ первостепенными горными хребтами, названная страна представляетъ собою неправильную трапецію, грандіозную, нигдѣ болѣе на земномъ шарѣ въ такихъ размѣрахъ не повторяющуюся, столовидную массу, поднятую надъ уровнемъ моря, за исключеніемъ лишь немногихъ окраинъ, на страшную высоту отъ 13—15000 футовъ. И на этомъ гигантскомъ пьедесталѣ громоздятся, сверхъ того, обширные горные хребты, правда относительно невысокіе внутри страны, но за то на ея окраинахъ развивающіеся въ видѣ высочайшихъ стѣнъ. Словно стерегутъ здѣсь эти

великаны трудно доступный міръ заоблачныхъ нагорій, непривѣтливыхъ для человѣка по своей природѣ и климату и въ большей части еще совершенно невѣдомыхъ для науки. Легко видѣть, что громадная площадь этой страны остается почти совершенно невѣдомою и ждетъ своихъ изслѣдователей.

Много различныхъ невзгодъ поджидаютъ здѣсь европейскаго путешественника. Противъ него встанутъ и люди, и природа. Огромная абсолютная высота и вслѣдствіе того разрѣженный воздухъ, въ которомъ мускулы человѣка и вьючныхъ животныхъ отказываются служить какъ слѣдуетъ; крайности климата, то слишкомъ сухого, то (лѣтомъ) слишкомъ влажнаго; холода и бури, отсутствіе топлива, скудный подножный кормъ, наконецъ гигантскія ущелья и горы въ восточной части страны—вотъ тѣ препоны, бороться съ которыми придется на каждомъ шагу. Съ другой стороны, въ мѣстахъ обитаемыхъ туземное населеніе подозрительно или даже враждебно будетъ смотрѣть на невѣдомаго пришельца и несомнѣнно постарается если не уничтожить его открытою силою, то всякими способами затруднить дальнѣйшій путь. Совокупность всѣхъ этихъ причинъ и сдѣлала Тибетъ малоизвѣстнымъ до нашихъ дней.

Границами обширной площади, нами разсматриваемой, служатъ на сѣверѣ Куэнъ-лунь, а на югѣ сѣверная Гималайская цѣпь; съ запада же на востокѣ эта площадь простирается отъ Каракорума и его юго-восточныхъ продолженій до предѣловъ западнаго Китая. Восточная, меньшая по величинѣ, половина отмѣченнаго пространства по своему характеру рѣзко отличается отъ половины западной. Приблизительная граница такого дѣленія можетъ быть обозначена отъ озера Тенгри-норъ къ истокамъ Желтой рѣки. Къ западу отъ этой линіи залегаетъ сплошною массою столовидное плато, на своей поверхности почти вовсе лишенное рѣзкаго рельефа и не имѣющее, кромѣ небольшой восточной части, водъ, стекающихъ къ морю. Къ востоку же отъ проведенной черты всѣ воды текутъ къ океану, мѣстность понемногу теряетъ свой столовидный характеръ и исподволь превращается въ грандіозную горную страну, въ которой перемѣшиваются системы центральнаго Куэнъ—луня, китайскихъ и индо-китайскихъ хребтовъ. Здѣсь лежитъ страна тангутовъ и восточно тибетская провинція Камъ—обѣ весьма мало извѣстныя и, по всему вѣроятію, чрезвычайно богатыя разнообразіемъ какъ флоры, такъ и фауны.

Въ общемъ весь Тибетъ по природѣ дѣлится на слѣдующія части: южную, къ которой относятся высокія долины верховьевъ Инда, верхняго Сетледжа и Брамапутры; сѣверную, представляющую сплошное столовидное плато, и восточную, далеко вдающуюся внутрь собственнаго Китая. Трава въ сѣверномъ Тибетѣ всего лучше развивается тамъ, гдѣ почва глинисто - песчаная или чисто песчаная. На подобныхъ мѣстахъ являют-

ся, благодаря обильному лѣтнему орошенію, три-четыре вида злаковъ, кой-гдѣ лукъ, касатикъ и астрагалы; словомъ, здѣсь наиболѣе плодородныя пространства. Однако такихъ мѣстностей немного, сравнительно съ общимъ протяженіемъ страны. Въ большей ея части почва совершенно оголена, или только кое-гдѣ прикрыта рѣдкими кустиками злака въ дюймъ вышиною. Въ горахъ, изрѣдка и на высокихъ равнинахъ, встрѣчались намъ зимою изсохшія альпійскія формы растеній: кой-гдѣ, въ укрытыхъ мѣстахъ, иногда на высотѣ въ 15 тысячъ футовъ попадались крапива и мелкая полынь. Въ тѣхъ же горахъ вездѣ преобладаетъ тибетская осока вышиною отъ $^1/_2$—1 фута, твердая какъ проволока. Она образуетъ своими корнями обширныя кочковатыя болота. Монголы называютъ такія болота мото-ширикъ, т.-е. деревянными, по необычайной твердости покрывающей ихъ травы, о которую верблюды накалываютъ въ кровь не только свои губы, но даже толстѣйшія подошвы своихъ лапъ. Воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній совершенно невозможно на сѣверномъ тибетскомъ плато, слѣдовательно здѣсь невозможна и осѣдлая жизнь человѣка.

Тибетъ вообще представляетъ особую зоологическую область, но опять-таки въ животномъ царствѣ сѣверной части этой страны, подобно тому какъ и въ мірѣ растительномъ, мало можно встрѣтить разнообразія. Зато бѣдность видовъ вознаграждается чрезвычайнымъ обиліемъ въ особенности крупныхъ млекопитающихъ. Дѣйствительно, врядъ ли гдѣлибо на другомъ мѣстѣ земного шара, развѣ въ недоступныхъ европейцамъ земляхъ внутренней Африки и Ю. Америки, можно найти такое количество звѣрей. Встрѣчая по пути, иногда въ продолженіи цѣлаго дня, сотенныя стада яковъ, хулановъ и множество антилопъ, какъ-то не вѣрится, чтобы то могли быть дикія животныя, которыя при томъ обыкновенно довѣрчиво подпускаютъ къ себѣ человѣка, еще не зная въ немъ самаго злого врага своего. Невольно переносишься мыслію въ далекія первобытныя времена, когда подобную картину можно было встрѣтить и въ другихъ странахъ земного шара. А теперь только дикія пустыни Тибета да немногія иныя мѣстности нашей планеты пока еще уберегали неповинныхъ животныхъ отъ безпощаднаго уничтоженія ихъ человѣкомъ... Да, его вѣяніе страшнѣе и истребительнѣе всяческихъ невзгодъ природы! Ни холода и бури, ни скудный кормъ, ни разрѣженный воздухъ, ни сравнительное обиліе хищниковъ на плоскогорьѣ сѣвернаго Тибета—ничто это, конечно, далеко не можетъ сравниться съ тою роковою гибелью, которую несетъ для дикихъ созданій человѣкъ. Помимо отсутствія людей, какъ главной причины обилія крупныхъ млекопитающихъ въ сѣверномъ Тибетѣ, для звѣрей здѣсь важно богатство воды, чего нигдѣ нѣтъ въ пустынѣ Гоби. Скудость же подножнаго корма вознаграждается обширностью страны, по которой травоядныя животныя кочуютъ

съ одного пастбища на другое. На этомъ громадномъ пространствѣ обитаютъ не десятки или сотни тысячъ, но вѣроятно милліоны крупныхъ млекопитающихъ.

Между ними на первомъ планѣ стоитъ дикій якъ, немного отличающійся отъ домашняго.

На необозримыхъ высокихъ плоскогорьяхъ, изрѣзанныхъ горами, якъ находитъ благопріятныя условія своего существованія: обиліе воды, прохладу въ разрѣженномъ воздухѣ и обширныя пастбища. Однако послѣднія доставляютъ лишь скудный кормъ, главнымъ образомъ жесткую тибетскую осоку на мото-ширикахъ; помимо этихъ болотъ, если гдѣ-либо и выдается подобіе луга, то трава здѣсь мелкая, едва поднимающаяся отъ земли, до того изсушивается бурями, что пасущіеся яки принуждены не щипать, но лизать эту траву своимъ грубымъ языкомъ.

Старые быки бродятъ въ одиночку или по нѣсколько штукъ, молодые же встрѣчаются нерѣдко стадами. Охота на дикихъ яковъ въ высшей степени увлекательна. Охотникъ подкрадывается къ звѣрю на разстояніе близкаго выстрѣла. Онъ ставитъ, или, какъ говорятъ, бросаетъ на сошки свою винтовку, самъ припадаетъ къ ней и начинаетъ палить въ яка. Послѣдній обыкновенно выноситъ десятокъ и болѣе пуль, прежде чѣмъ не будетъ убитъ. Однако иногда, получивъ два-три удара, разсвирѣпѣвшій якъ бросается ужъ не отъ охотника, а прямо къ нему, но всегда дѣйствуетъ нерѣшительно, что, конечно, губитъ звѣря и спасаетъ стрѣлка. Рванувшись съ мѣста въ сторону охотника, дикій якъ самъ какъ-будто пугается своей смѣлости, пробѣгаетъ двадцать-тридцать шаговъ и останавливается въ нерѣшимости. Стрѣлокъ между тѣмъ не дремлетъ и пускаетъ въ него еще нѣсколько пуль. Якъ, постоявъ нѣсколько секундъ въ боевой позѣ, т.-е. съ опущенной головой и поднятымъ вертикально хвостомъ, снова бросается къ охотнику, но пробѣжавъ немного, опять останавливается. Якъ видимо слабѣетъ отъ полученныхъ ранъ. Движенія звѣря становятся менѣе порывистыми, голова никнетъ, туловище вздрагиваетъ. Еще нѣсколько минутъ предсмертной агоніи и могучее животное падаетъ на землю.

Далѣе, среди жвачныхъ животныхъ сѣвернаго Тибета слѣдуютъ красавицы антилопы двухъ видовъ: оронго и ада. Первая изъ нихъ встрѣчается гораздо чаще, нежели послѣдняя, и нерѣдко собирается въ большія стада. Затѣмъ здѣсь водятся два вида горныхъ барановъ: аркаръ и куку-яманъ. Наконецъ послѣднимъ представителемъ жвачныхъ сѣвернаго Тибета служитъ маралъ *), который въ небольшомъ числѣ водится въ горахъ Туга и за Таньла, но на самомъ плоскогорьѣ не найденъ. Изъ грызуновъ, въ описываемой странѣ, прежде всего слѣдуетъ назвать

*) Cervus sp.

пищуху, которая въ безчисленномъ множествѣ населяетъ луговые склоны горъ, другая же пищуха водится въ камняхъ или скалахъ и встрѣчается лишь изрѣдка. Затѣмъ слѣдуетъ сурокъ, или, какъ его монголы называютъ, тарабаганъ, норы котораго встрѣчались намъ на высотѣ въ 16.000 футовъ. Зайцы мѣстами чрезвычайно многочисленны, несмотря на то, что сильно истребляются четвероногими и пернатыми хищниками.

Среди хищниковъ право первенства принадлежитъ тибетскому медвѣдю. По величинѣ тибетскій медвѣдь съ нашего обыкновеннаго и отличается отъ него главнымъ образомъ качествомъ мѣха и окраской. Голова у него свѣтло-рыжая, туловище темно-бурое, ноги почти черныя. Онъ избираетъ своимъ мѣстопребываніемъ горные хребты, то дикіе и трудно доступные, какъ, напр., Бурханъ Будда, то болѣе низкіе. Въ особенности много медвѣдей за Тань-ла, гдѣ лѣтомъ звѣри эти ходятъ по десятку экземпляровъ вмѣстѣ, а въ зимнюю спячку залегаютъ цѣлыми обществами.

Никогда непреслѣдуемый человѣкомъ, тибетскій медвѣдь мало остороженъ и притомъ, какъ всѣ вообще животныя и люди центральной Азіи, весьма трусливъ по своему характеру. Впрочемъ, тибетцы разсказываютъ съ ужасомъ про этого звѣря, который послѣ спячки можетъ нападать даже на людей.

Обыденную пищу описываемаго медвѣдя составляютъ нѣкоторыя альпійскія травы, вѣроятно иногда и звѣри, которыхъ ему удается захватить врасплохъ, но болѣе всего пищухи; послѣднихъ мишка выкапываетъ изъ норъ.

Медвѣди, живущіе въ сѣверномъ Тибетѣ, спускаются въ августѣ на тамошнія солончаковыя равнины и проводятъ здѣсь два осеннихъ мѣсяца, питаясь ягодами одного тибетскаго растенія—хармыка. Къ зимѣ медвѣдь, подобно нашему, сильно жирѣетъ; въ спячку ложится въ началѣ ноября. Логовищемъ выбираетъ пещеры или навѣсы подъ скалами, обыкновенно обращенные къ югу. Если грунтъ не слишкомъ твердый, то выкапываетъ для себя небольшое углубленіе, въ которое настилаетъ корешковъ травы. Сонъ у него него крѣпкій и въ тихіе ясные дни онъ вылѣзаетъ погрѣться на солнцѣ.

Наконецъ, изъ отряда однокопытныхъ сѣверному Тибету свойственъ куланъ, пасущійся большими табунами по горнымъ долинамъ. Вотъ и всѣ представители здѣшнихъ дикихъ млекопитающихъ.

Крайняя невыгодность климатическихъ и вообще физико-географическихъ условій сѣвернаго тибетскаго плато дѣлаетъ эту страну непригодною для человѣка. Не говоря уже про жизнь осѣдлую, связанную съ большею или меньшею степенью культуры, въ сѣверномъ Тибетѣ по большей части невозможно или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно трудно жить даже кочевникамъ. Не найдется здѣсь достаточнаго корма для ихъ стадъ,

которыя не могутъ же, подобно дикимъ якамъ, куланамъ и антилопамъ, безпрестанно кочевать съ мѣста на мѣсто; трудно будетъ и самимъ номадамъ свыкнуться съ разрѣженнымъ воздухомъ, крайностями тепла и холода, сухости и влажности атмосферы; даже отсутствіе лѣтомъ топлива, въ свою очередь, поставитъ не мало затрудненій.

Вотъ почему на описываемомъ плато никогда не могли густо усѣсться номады, и земля эта до сихъ поръ остается по выраженію монголовъ, „гуресу гадзыръ“, т.-е. „звѣриною страною“ Однако абсолютнаго отсутствія человѣка въ сѣверномъ Тибетѣ нѣтъ. Внутри сѣвернаго тибетскаго плато кочуютъ небольшія орды, которыя номинально считаются подданными Тибета.

У истоковъ Желтой рѣки.

(Пржевальскаго.)

Въ рѣдкихъ случаяхъ, въ особенности въ наше время, доводится путешественнику стоять у порога столь обширной невѣдомой площади, какая разстилалась передъ нами изъ юго-восточнаго Цайдама. Прямо отсюда залегала мѣстность, гдѣ, за исключеніемъ лишь небольшой восточной части, никогда еще не ступала нога европейца. Да и для самихъ китайцевъ страна эта представляла полнѣйшую terra incognita.

Наиболѣе заманчивою, да кстати и ближайшею къ намъ частью невѣдомаго района былъ его сѣверо-восточный уголъ, гдѣ лежатъ истоки знаменитой Желтой рѣки Китая.

Мы поставили цѣлью предстоящей нашей лѣтней экскурсіи изслѣдованіе этихъ истоковъ и мѣстности далѣе къ югу, насколько окажется возможнымъ.

Чтобы попасть на плато Тибета, намъ необходимо было перевалить черезъ хребетъ Бурханъ-Будда, составляющій западную часть той горной окраины, которая высокою, двойною, мѣстами даже тройною стѣной ограждаетъ съ юга котловину Цайдама.

Хребты этой окраины принадлежатъ главному кряжу центральнаго Куэнъ-Луня. Бурханъ-Будда тянется съ запада на востокъ верстъ на 150 и имѣетъ всюду крайне дикій характеръ. Южный склонъ на плато Тибета, какъ обыкновенно въ окраинныхъ азіатскихъ горахъ, гораздо короче и сравнительно мягче, нежели обширный сѣверный скатъ въ Цайдамскую котловину. Нигдѣ описываемый хребетъ не переходитъ за снѣговую линію и лишь касается ея нѣсколькими вершинами своей восточной части. Весь хребетъ, какъ хорошо видно при ясной погодѣ, представляетъ собою подобіе гигантскаго вала, поднимающагося среднимъ числомъ отъ 6 до $7^1/_2$ тыс. футовъ надъ равнинами Цайдама.

Крайнее безплодіе составляетъ другую характеристику Бурханъ-Будда. Дикія, глубоко врѣзанныя ущелья бороздятъ сѣверный его склонъ. По нимъ иногда текутъ небольшія рѣчки, которыя по выходѣ изъ горъ тотчасъ же теряются въ почвѣ.

Переночевавъ въ день перехода черезъ Бурханъ-Будда недалеко за переваломъ, мы спустились на слѣдующее утро по южному склону въ долину. Итти съ верблюдами было довольно хорошо, хотя въ средней части спуска тропинка направляется по узкому ущелью. Окрестныя горы имѣютъ несравненно болѣе мягкій характеръ, нежели на сѣверномъ склонѣ того же Бурханъ-Будда. Зато тамъ нѣсколько плодороднѣе. На

Видъ въ Тибетѣ.

южномъ же склонѣ описываемыхъ горъ почва (лессовая) покрыта лишь разсыпанными, едва на вершокъ отъ земли поднимающимися кустиками кохіи (Kochia) и мелкими злаками. Здѣсь держатся и аркары.

Перейдя тотчасъ за долиною сквознымъ ущельемъ безводной въ то время рѣчки черезъ невысокій хребетъ, въ которомъ тангуты лѣтомъ копаютъ золото, мы начали опять полого подниматься на плато и вскорѣ очутились на высотѣ около 14 тыс. футовъ. Путь былъ трудный, ибо, помимо движенія въ разрѣженномъ воздухѣ, приходилось слѣдовать съ караваномъ, какъ и во всемъ сѣверномъ Тибетѣ, безъ тропинки, напрямикъ, нерѣдко по рыхлой глинистой почвѣ, изрытой безчисленнымъ

множествомъ норъ пищухъ, въ которыя верховыя лошади безпрестанно проваливались своими копытами. Безплодіе вокругъ было ужасное; почва большею частью была вовсе оголена, и лишь кое-гдѣ попадались небольшіе клочки кочковатыхъ болотъ или маленькія площадки тощаго злака. Влажная болотистая почва оттаяла въ это время не болѣе, какъ на одинъ футъ, по ключамъ лежали накипи льда, и небольшія озера еще были замерзшими. Намъ приходилось зябнуть хуже, чѣмъ зимою, въ сырой, морозной палаткѣ, безъ топлива. Ежедневно у кого-нибудь изъ членовъ отряда замѣчалась небольшая простуда или головная боль.

Несмотря однако на крайнее безплодіе мѣстности, съ подъемомъ нашимъ на высокое плато тотчасъ началось баснословное обиліе тибетскихъ звѣрей: дикихъ яковъ, кулановъ, антилопъ и др. Передъ нами явилась первобытная картина животной жизни, еще нетревожимой человѣкомъ. Послѣ долгой зимы звѣри теперь были исхудалые; нѣкоторые начинали линять, такъ что шкуры часто не годились для коллекціи; для ѣды же мы гнали съ собою изъ Цайдама небольшое стадо барановъ, мясо которыхъ несравненно лучше и питательнѣе звѣринаго. Ради всего этого охота была воспрещена казакамъ, да и сами мы по возможности отъ нея воздерживались.

Мы вышли къ восточному устью обширной болотистой котловины Одонь-тала, на которой лежатъ истоки знаменитой Желтой рѣки Китая.

На сѣверно-восточной окраинѣ Одонь-тала, гдѣ изъ сліянія двухъ главныхъ истоковъ родится Желтая рѣка, стоитъ невысокая гора. На вершинѣ ея сложенъ маленькій „обо“ *) и здѣсь ежегодно приносятся жертвы духамъ, питающимъ истоки великой китайской рѣки. Для этой цѣли наряжается изъ города Синина по распоряженію амбаня чиновникъ въ рангѣ генерала съ нѣсколькими меньшими чинами. Сюда же къ жертвенной горѣ стекаются въ это время монголы Цайдама и еще болѣе тангуты изъ ближайшихъ мѣстностей.

Оправившись немного съ дороги, посольство восходитъ на священную гору, становится возлѣ „обо“ и читаетъ присланную изъ Пекина на желтой бумагѣ за подписью богдыхана молитву, въ которой духи Одонь-тала упрашиваются давать воду Желтой рѣкѣ, питающей около сотни милліоновъ населенія Китая. Затѣмъ приносится жертва — изъ одной бѣлой лошади, бѣлой коровы, девяти бѣлыхъ барановъ, трехъ свиней и нѣсколькихъ бѣлыхъ куръ. Тѣмъ оканчивается вся церемонія. На Одонь-тала посольство проводитъ двое или трое сутокъ и возвращается обратно. Одновременно подобное же моленіе совершается и на озерѣ Куку-норъ.

---

*) Обо—буддійскій жертвенникъ изъ камней.

Утромъ 17-го мая перешли мы вбродъ нѣсколько мелкихъ рукавовъ Хуанъ-хэ и разбили свой бивуакъ на правомъ его берегу, въ трехъ верстахъ ниже выхода изъ Одонь-тала.

На слѣдующій день передъ вечеромъ я взошелъ на гору. Широкій горизонтъ раскинулся тогда передъ нами. Къ западу, какъ на ладони, видна была Одонь-тала, усѣянная ключевыми озерками, ярко блестѣвшими подъ лучами заходившаго солнца; къ востоку широкою гладью уходила болотистая долина Желтой рѣки, а за нею величаво лежала громадная зеркальная поверхность озера.

Для обслѣдованія, сколько возможно, видѣннаго озера рѣшено было на завтра отправиться въ разъѣздъ. Поѣхалъ я самъ съ двумя казаками. Провизіи мы взяли на трое сутокъ, захватили также съ собою и шубы на случай столь обычной въ Тибетѣ непогоды. Всѣми запасами была навьючена одна лошадь; три другія шли подъ верхомъ. До полудня мы сдѣлали 17 верстъ внизъ по долинѣ лѣваго берега Желтой рѣки и, встрѣтивъ хорошее, кормное для лошадей мѣстечко, остановились здѣсь на привалъ. Живо были разсѣдланы лошади, стреножены и пущены на траву; сами же мы собрали немного аргала, вскипятили на немъ чай и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо закусили привезенною съ собою бараниною. Въ ожиданіи, пока накормятся лошади, двое изъ насъ задремали, одинъ же оставался на караулѣ. Вскорѣ этотъ караульный разбудилъ меня и указалъ на двухъ медвѣдей, спокойно прогуливавшихся въ разстояніи отъ насъ немного болѣе версты. Сонъ мой какъ рукой сняло. Живо накинулъ я на плечи свое ружье и вмѣстѣ съ казакомъ отправился къ заманчивымъ звѣрямъ. Придя на мѣсто, гдѣ они были, мы встрѣтили, вмѣсто двухъ, четырехъ медвѣдей и убили двухъ изъ нихъ; третій, набѣжавшій съ испугу прямо на нашъ бивуакъ, былъ убитъ остававшимся тамъ казакомъ.

Намъ пришлось остаться ночевать на мѣстѣ привала, но такая задержка оказалась къ нашему благополучію. Послѣ хорошей и теплой, въ теченіе цѣлаго дня, погоды къ вечеру заоблачнѣло, а когда совсѣмъ стемнѣло, неожиданно поднялась гроза и притомъ съ сильною метелью. Громъ вскорѣ пересталъ, но метель, вмѣстѣ съ бурею отъ сѣверо-запада, не унималась въ теченіе цѣлой ночи. Къ утру снѣгъ выпалъ на одинъ футъ глубиною; сугробы же намело въ 2—3 фута. Я спалъ на войлокѣ въ ложбинкѣ, и меня совершенно занесло снѣгомъ. Подъ такою покрышкой было тепло, хотя и не совсѣмъ пріятно, когда таявшій отъ дыханія снѣгъ начиналъ затекать подъ бокъ и за шею. Казакамъ приходилось еще хуже, такъ какъ они поочередно караулили и сильно мерзли. Съ разсвѣтомъ едва-едва могли мы развести огонь изъ запаснаго съ вечера аргала. Напившись чаю и немного согрѣвшись, мы остались на томъ же мѣстѣ ждать, пока уймется метель и можно бу-

детъ съ ближайшихъ горъ осмотрѣть, по крайней мѣрѣ, ближайшія части озера. Однако метель не унималась, а наши лошади, простоявши на холодѣ безъ корма цѣлую ночь, сильно озябли. Поэтому въ 9 час. утра рѣшено было ѣхать обратно. Но не на радость былъ для насъ этотъ путь. Бѣдствовали мы еще цѣлыхъ пять часовъ: верховыя лошади безпрестанно спотыкались, идя по глубокому снѣгу, прикрывшему безчисленныя норы пищухъ; по временамъ мы залѣзали въ топкія болота, изъ которыхъ едва выбирались назадъ; рѣзкій сѣверо-западный вѣтеръ со снѣгомъ билъ прямо въ лицо, самый же снѣгъ блестѣлъ нестерпимо; направленіе пути пришлось угадывать чутьемъ, ибо по сторонамъ ничего не было видно.

Порядочно измученные вернулись мы лишь къ двумъ часамъ пополудни къ своей стоянкѣ. Здѣсь обогрѣлись и обсушились. Только нѣсколько дней потомъ у меня и у обоихъ казаковъ болѣли глаза отъ нестерпимаго снѣжнаго блеска.

Метель стихла къ вечеру; затѣмъ небо прояснилось, и къ утру грянулъ морозъ въ 23 градуса, на горахъ же, вѣроятно, еще болѣе. И это случилось 20-го мая подъ 35° сѣв. шир. Весь слѣдующій день зима вокругъ насъ была полная — все бѣло, ни одной проталины, санный путь отличный. Лишь къ вечеру снѣгъ немного стаялъ на южныхъ склонахъ горъ. Идти впередъ нечего было и думать, пока не сойдетъ снѣгъ, по крайней мѣрѣ, хоть въ долинахъ. Между тѣмъ наши верблюды не ѣли уже двое сутокъ, да и лошадямъ отпускалось лишь по три пригоршни ячменя утромъ и вечеромъ. Не сладко приходилось теперь и звѣрямъ, въ особенности антилопамъ, которыя, пробѣгая по обледенѣлому ночью снѣгу, рѣзали себѣ въ кровь ноги и, вѣроятно, легко доставались въ добычу волкамъ. Отъ холода и недостатка пищи погибло также много птицъ, въ особенности мелкихъ пташекъ.

Двое лишнихъ сутокъ провели мы на Одонь-тала въ ожиданіи, пока немного растаетъ столь некстати выпавшій снѣгъ и вьючнымъ верблюдамъ можно будетъ двигаться хоть съ горемъ пополамъ. Дѣйствительно, трудно приходилось нашимъ караваннымъ животнымъ по выходѣ изъ долины Хуанъ-хэ. Кормъ былъ крайне плохой, только прошлогодняя ощипанная дикими яками и твердая какъ проволока тибетская осока по кочковатымъ болотамъ; затѣмъ ледяная кора, покрывавшая ночью во многихъ мѣстахъ еще уцѣлѣвшій снѣгъ, рѣзала въ кровь ноги лошадямъ и въ особенности верблюдамъ. Не лучше было этимъ послѣднимъ шагать съ вьюками по обледенѣлымъ кочкамъ, или вязнуть въ растаявшей днемъ рыхлой почвѣ голыхъ площадей. Ползти намъ приходилось по-черепашьи, безпрестанно поправляя вьюки или поднимая падавшихъ животныхъ. Двое изъ нихъ — верблюдъ и лошадь — вскорѣ были брошены окончательно. Огромная высота и холодная дурная погода

отражались на нашемъ здоровьѣ головною болью и легкою простудой. Вѣроятно, отъ послѣдней у нѣсколькихъ казаковъ на лицѣ, преимущественно же на губахъ и ушахъ, появилась сыпь, которую мы прижигали растворомъ карболовой кислоты. Ходить много пѣшкомъ было весьма трудно, ибо одышка и усталость чувствовались очень скоро.

Погода, какъ и прежде, продолжала стоять отвратительная. Вообще въ теченіе двухъ послѣднихъ третей мая, проведенныхъ нами на плато сѣверо-восточнаго Тибета, лишь урывками перепадало весеннее тепло. Обыкновенно же стояли холода не только ночью, но и днемъ при вѣтрѣ или облачности. Солнце, стоявшее близъ зенита, если выглядывало изъ-за облаковъ, жгло очень сильно, но его лучи, вѣроятно вслѣдствіе разрѣженія воздуха, были весьма блѣдными, много похожими на свѣтъ полной луны; притомъ и ясное небо казалось голубовато-сѣрымъ. Обыкновенно вѣтеръ (всегда холодный) налеталъ порывами и нѣсколько разъ мѣнялся въ одинъ и тотъ же день; по ночамъ большею частью было тихо.

Тангуты.

(Потаниной.)

Тангуты населяютъ тибетское нагорье. Они дѣлятся на множество отдѣльныхъ племенъ, но не различающихся между собой по наружности и языку. Тангуты почти всѣ средняго роста, крѣпкаго сложенія, имѣютъ красновато-коричневый оттѣнокъ кожи, черные, прямые волосы и глаза черные, живые, иногда очень большіе. Наружностью и сильною впечатлительностью тангуты напоминаютъ цыганъ или итальянцевъ.

Тибетъ раздѣляется на шесть большихъ провинцій. Часть этихъ провинцій подчиняется китайскому правительству, жители другихъ подчинены своимъ наслѣдственнымъ князьямъ и, кромѣ того, всѣ тангуты признаютъ надъ собой власть духовнаго владыки, такъ называемаго далай-ламы, живущаго близъ столичнаго ихъ города Лассы, на горѣ Потала. Китайскій императоръ также считаетъ Тибетъ подвластной себѣ страной и держитъ въ немъ постоянно двухъ своихъ сановниковъ и небольшое количество войска. Въ Лассѣ, при далай-ламѣ, находится еще постоянно свѣтскій правитель, котораго называютъ *царь закона*. Онъ правитъ народомъ вмѣстѣ съ четырьмя выборными изъ народа правителями; всѣ они, а также и китайскій уполномоченный составляютъ верховный совѣтъ; кромѣ этого высшаго правительственнаго учрежденія, есть еще государственное казначейство и судъ.

Тибетъ, впрочемъ, еще такая первобытная страна, что административное устройство ея несложно. Подати собираютъ натурой — извѣст-

ную долю съ имѣющагося у хозяина стада, извѣстную долю урожая или товара. Сборы эти облегчаются тѣмъ, что отдѣльные владѣльцы собираютъ сами со своихъ подданныхъ и потомъ уже отъ себя вносятъ въ центральное управленіе.

Войска у тибетскаго народа очень мало, но зато, въ случаѣ надобности, весь народъ несетъ военную службу.

Многія тангутскія племена такъ дики или такъ воинственны, что постоянно живутъ разбоями; они или грабятъ сосѣднихъ китайцевъ и монголовъ, или нападаютъ на караваны купцовъ и поклонниковъ, идущихъ на поклоненіе къ далай-ламѣ и другимъ религіознымъ святынямъ. Особенно прославилось своимъ разбойничествомъ племя *голыковъ*. Они кочуютъ въ сѣверо-восточномъ углу Тибетскаго нагорья. Мы были въ Тибетѣ только въ самой сѣверной его провинціи, и лично намъ нападенія разбойниковъ не приходилось испытать; но, проходя отъ китайскаго пограничнаго города Синина къ богатому тангутскому монастырю Лабрану, намъ пришлось переходить горныя степи, на которыя выѣзжаютъ обыкновенно голыки пограбить путешественниковъ. Китайскія власти пограничнаго мѣстечка очень боялись, что разбойники нападутъ на насъ, и распорядились, чтобы двадцать китайскихъ солдатъ сопровождали насъ, и кромѣ того было приказано, чтобы двадцать тангутовъ, живущихъ въ ближайшей деревнѣ, также ѣхали съ нами черезъ опасныя мѣста. Мы нашли, что такой конвой изъ 40 человѣкъ уже слишкомъ великъ, притомъ китайскіе солдаты такъ униженно, становясь на колѣни, упрашивали, чтобы мы не брали ихъ на явную смерть, что мы увидали всю безполезность такихъ проводниковъ и отпустили ихъ; зато тангуты оказались настоящими охранителями. Изъ деревни съ нами выѣхалъ отрядъ человѣкъ въ двадцать подъ предводительствомъ опытнаго старшка. Всѣ они были вооружены съ ногъ до головы: въ рукахъ были пики, за спинами — ружья (кремневыя), за поясомъ — огромныя сабли. Въ отрядѣ были люди всѣхъ возрастовъ, даже мальчики; всѣ держались извѣстнаго порядка какъ въ дорогѣ, такъ и въ ночлегахъ; всю ночь содержался караулъ, и мы спали спокойно, просыпаясь лишь отъ протяжныхъ сторожевыхъ окликовъ нашихъ охранителей.

Во время дунганскаго возстанія въ Китаѣ, бывшаго въ 60-хъ годахъ, многія тангутскія деревни превосходно оборонялись отъ непріятеля. Въ горахъ, гдѣ были ихъ деревни, были построены укрѣпленные высокими глиняными стѣнами дворы, съ крѣпкими воротами; на высокихъ, удобныхъ для наблюденія, горахъ были разставлены караулы, которые, при видѣ непріятеля, зажигали солому, выставленную на шестахъ. Эти сигнальные огни извѣщали всю окрестность о нашествіи непріятеля. Въ это время женщины, дѣти и скотъ собирались въ укрѣпленные дворы, а мужчины брались за оружіе и отбивали непріятеля. Монастыри тан-

гутскіе также защищали свои стѣны. Всѣ молодые монахи должны были нести военную службу и содержать караулы. Разсказывали мнѣ также объ одномъ племени тангутовъ, что у нихъ во время войны за каждымъ воиномъ на войну должна итти женщина, его сестра или жена; она обязана заряжать во время битвы ружье и держать наготовѣ другое оружіе. Такъ какъ всѣ почти тангуты хорошіе охотники, мѣткіе стрѣлки, то понятно, что такой народъ, и не имѣя большого войска, можетъ хорошо воевать съ племенами, его окружающими.

Жилища у тангутовъ бываютъ трехъ родовъ. Одни племена, которыя кочуютъ со своими стадами, живутъ въ черныхъ шерстяныхъ палаткахъ, покрытыхъ матеріей домашняго приготовленія, сотканной изъ шерсти яковъ. Верхъ палатки бываетъ почти совсѣмъ плоскій, такъ какъ она укрѣплена на нѣсколькихъ деревянныхъ кольяхъ. Внутри изъ глины сбитъ небольшой очагъ, гдѣ разводятъ огонь; вокругъ стѣнъ набрасываютъ кучи хвороста, прикрывши его кошмами или шкурами, на которыхъ спятъ; иногда одинъ уголъ палатки занимаетъ мелкій скотъ.

Тамъ, гдѣ есть лѣсъ и возможно хлѣбопашество, тангуты живутъ въ деревянныхъ домахъ. Иногда это — огромная, грубо срубленная, почти темная изба, съ потолкомъ изъ накатника. Мѣстами постройки лучше, бываютъ верхніе этажи, или, по крайней мѣрѣ, лѣтнія свѣтелочки надъ одною частью дома. Иногда такія свѣтелочки соединены одна съ другой галлереями. Чаще всего тангутскія деревянныя постройки напоминаютъ курныя избы нашихъ бѣлоруссовъ. Внутри большой избы, направо или прямо отъ входа, устроены деревянныя нары. Передъ ними во всю ширину избы протягивается сбитый изъ глины очагъ съ печурками у самаго пола и вмазанными сверху котлами; а такихъ котловъ бываетъ три-четыре пары. Избы часто бываютъ раздѣлены деревянными перегородками до половины высоты комнаты на нѣсколько отдѣленій. У противоположной стѣны устроены ясли, и тутъ же стоитъ дойный скотъ. Бываетъ и такъ, что на дворѣ двѣ избы, а между ними укрытый со всѣхъ сторонъ темный скотный дворъ. Эти дворы, обычай тангутовъ селиться деревнями, околицы, загороженныя пряслами, и кругомъ деревни поля съ нашими сортами хлѣбовъ — съ овсомъ и гречихой — очень напоминали намъ въ Тибетѣ нашу родину.

Тамъ же, гдѣ хлѣбопашество и, слѣдовательно, осѣдлая жизнь возможны, а лѣсу нѣтъ, тангуты переняли китайскій способъ постройки — изъ сырцоваго кирпича. Въ городахъ или еще чаще въ монастыряхъ (такъ какъ городовъ въ Тибетѣ очень мало) дома бываютъ въ два и три этажа. Внизу дома всегда одно большое, неразгороженное помѣщеніе, гдѣ находится скотъ, и одинъ уголъ занимаетъ кухня съ очагомъ. Вверху устраиваются комнаты, съ деревяннымъ, гладко отструганнымъ поломъ и со множествомъ оконъ. Комнаты вверху раздѣлены

дощатыми перегородками. Иногда здѣсь стѣны и потолки покрыты живописью, а полы — коврами. Каждая тибетская постройка нѣсколько шире книзу и уже кверху; кромѣ того, въ большомъ обычаѣ въ одномъ концѣ дома надстраивать башенку или свѣтелку. Тангуты любятъ также устраивать балконы и галлереи. Часто они сидятъ на плоскихъ кровляхъ своихъ домовъ.

Мебели, даже и въ богатыхъ домахъ, бываетъ мало; спятъ на нарахъ, покрытыхъ коврами; сидятъ прямо на коврахъ. Въ комнатахъ есть только маленькіе, пестро раскрашенные столики, а иногда шкапы или полки для книгъ.

Посуда въ богатыхъ домахъ—металлическая, чаще изъ красной мѣди. Она украшена рѣзьбой, и ее выставляютъ на полкахъ. У бѣдныхъ посуда деревянная, а у кочевниковъ посудой служитъ и бараній желудокъ, и бычачій пузырь, и даже рога быковъ, — въ нихъ наливаютъ масло и молоко. Пищу варятъ въ желѣзныхъ котлахъ; посуду по большей части держатъ ужасно грязно.

Главную пищу тангутовъ составляетъ *дзамба;* это — поджаренный ячмень, смолотый въ муку. Ее ѣдятъ, обыкновенно подмѣшивая къ чаю; послѣдній составляетъ необходимую потребность всякаго тангутскаго семейства. Кочевники питаются больше молочными продуктами: заготовляютъ впрокъ сыръ — *чура,* похожій на высушенный творогъ. Богатые, конечно, ѣдятъ мясо, вареное и жареное, и въ пирогахъ; впрокъ мясо заготовляютъ, провяливая его на вѣтру. Во время дороги или послѣ длиннаго голоданья ѣдятъ мясо сырымъ, при чемъ его рубятъ какъ для котлетъ. Тангуты любятъ также вареный рисъ, овощи и зелень. Бѣдняки собираютъ для ѣды дикія травы и корни.

Одѣваются тангуты главнымъ образомъ въ овчинныя шубы, шьютъ также халаты изъ домашняго сукна; лѣтомъ носятъ одежду изъ бумажныхъ матерій, покупая послѣднія у китайцевъ. Шапки и воротники у шубъ предпочитаютъ дѣлать изъ бѣлой мерлушки; верхъ шапки обшиваютъ всегда чѣмъ-либо чернымъ или краснымъ; подкладку подъ воротниками тоже дѣлаютъ красную. Богатые кроютъ свои шубы и халаты яркими шелковыми матеріями или сукномъ и любятъ опушать ихъ рысьими и тигровыми мѣхами. Халатъ принято спускать съ праваго плеча, и часто при этомъ правая рука, правое плечо и часть груди остаются голыми; такъ же поступаютъ и женщины. Шубу и халатъ подпоясываютъ кушакомъ, при чемъ халатъ всегда мѣшкомъ виситъ сверхъ кушака и поддергивается такъ, что ноги выше колѣнъ остаются непокрытыми шубой. На ногахъ носятъ или сапоги кожаные, или цвѣтные чулки изъ матеріи, или же лапти изъ пеньки.

Волосы нѣкоторые тибетцы заплетаютъ въ косу, а жители провинціи Камъ распускаютъ по плечамъ, какъ наши священники. Молодыя

женщины заплетаютъ волосы во множество мелкихъ косичекъ или же носятъ двѣ косы, распущенныя по спинѣ, и у всѣхъ, какъ молодыхъ, такъ и старыхъ, бываетъ на косахъ множество всякихъ украшеній. Украшенія эти разнообразны до безконечности; иногда такой уборъ на косахъ виситъ до самыхъ пятъ и вѣситъ нѣсколько фунтовъ: тутъ найдутся и мѣдныя бляхи, и морскія раковины, и камни, и бисеръ, и вышивки шелками и шерстью по матеріи.

Тангутка.

Всѣ тангуты вообще очень любятъ украшенія: мужчины носятъ иногда серьгу въ ухѣ, а женщины бываютъ увѣшаны массою различныхъ украшеній; серьги ихъ иногда достигаютъ величины браслетъ, а браслеты и всякія подвѣски изобилуютъ даже въ костюмѣ бѣдныхъ тангутокъ; на поясѣ у нихъ висятъ всегда три крюка: одинъ—для ключей, другой—для игольника и всякой мелочи и третій — для поддерживанія подойника. Головные уборы знатныхъ тангутовъ бываютъ сплошь унизаны жемчугомъ, кораллами, изумрудами. Костюмы, особенно женскіе, очень разнообразны у различныхъ племенъ или даже у одного племени, но въ различныхъ деревняхъ.

Въ окрестностяхъ Лассы есть одинъ очень странный обычай или странная мода: тамошнія женщины покрываютъ свои лица черной краской, которую онѣ приготовляютъ изъ сажи и сока какого-то растенія. Это, впрочемъ, по увѣренію путешественниковъ, не мѣшаетъ тамошнимъ женщинамъ нравиться и быть хорошенькими. Женщины тибетскія

держатся свободно, онѣ полноправныя хозяйки въ домѣ и отличаются большою веселостью.

Женятся тангуты не рано, въ томъ же возрастѣ, какъ у насъ. На свадебныхъ пирахъ мужчины и женщины участвуютъ вмѣстѣ; они хоромъ поютъ старинную эпопею о царѣ Гэсэрѣ, при чемъ однѣ части поэмы поютъ мужскіе голоса, другія — женскіе. Есть, кромѣ поэмы о Гэсэрѣ, и другія пѣсни. Есть у тангутовъ также и пляски; послѣднія казались намъ неграціозными.

Кромѣ свадебныхъ пировъ, молодежь сходится также на посидѣлкахъ; иногда въ лѣтнія ночи собираются гдѣ-нибудь на лужайкѣ съ веретенами *); тутъ и работаютъ, и болтаютъ, и пѣсни поютъ.

Дѣтей тангуты очень любятъ, но берегутъ ихъ больше отъ злого глаза, а отъ грязи нисколько не берегутъ. Не знаю, моютъ ли они ихъ когда-нибудь. Въ видѣ ласки нѣжная мать намазываетъ сына или дочь коровьимъ масломъ; при сухости воздуха и обычаѣ ходить полуголыми это очень полезный обычай,—смягчаетъ кожу. Несмотря на любовь къ своимъ дѣтямъ, тангуты при обученіи и воспитаніи бьютъ ихъ, иногда довольно жестоко.

Покойниковъ своихъ сѣверные и восточные тангуты, живущіе въ лѣсистыхъ мѣстахъ, сожигаютъ, южные—бросаютъ на съѣденіе звѣрей и птицъ и сожигаютъ только лицъ почетныхъ. Въ столицѣ ихъ, Лассѣ, есть особый классъ людей, обязанныхъ убирать покойниковъ изъ города. Если у умершаго бѣдняка нѣтъ въ Лассѣ родственниковъ, которые позаботились бы о его погребеніи, то эти погребальщики обходятся съ трупомъ безъ всякаго почтенія: привяжутъ его веревкой и тащатъ черезъ весь городъ, волоча по землѣ. За городомъ есть особо назначенное мѣсто, гдѣ бросаютъ трупы; здѣсь грифы и другія хищныя птицы уже сидятъ въ ожиданіи своей добычи. Чтобы трупъ скорѣе былъ уничтоженъ, погребальщики разрубаютъ его на мелкія части. Тангуты думаютъ, что чѣмъ скорѣе будетъ уничтоженъ, убранъ съ лица земли этотъ, никому болѣе ненужный предметъ, тѣмъ лучше. Тѣхъ покойниковъ, которыхъ сожигаютъ, завертываютъ предварительно въ хлопчатую бумагу и обливаютъ масломъ; надъ остатками костей насыпаютъ земляной холмикъ.

Объ умершихъ молятся и дни ихъ кончины вспоминаютъ; иногда родные ради успокоенія душъ своихъ усопшихъ родственниковъ накладываютъ на себя разные обѣты, напримѣръ, не говорить въ теченіе сутокъ или нѣсколькихъ дней.

О характерѣ тангутовъ говорятъ путешественники очень различно: одни считаютъ ихъ мрачными, недовѣрчивыми, жадными и скупыми,

*) Шерсть прядутъ и мужчины и женщины.

другіе, напротивъ, считаютъ ихъ веселыми, преданными своимъ друзьямъ до самоотверженія, до ревности, а недовѣрчивыми считаютъ ихъ только съ чужими.

Мы, сравнивая тангутовъ съ другими извѣстными намъ кочевниками, находили ихъ очень негостепріимными. Киргизъ или монголъ всегда готовы принять путника въ свою палатку и раздѣлить съ нимъ свой обѣдъ и предложить чаю или молока, даже если это будетъ ихъ послѣдняя пища; не то съ тангутами. Злые, огромные псы всегда стерегутъ входъ въ ихъ палатку или привязаны у воротъ дома. Даже односельчане не входятъ на дворъ сосѣда безъ того, чтобы не вызвать хозяйку дома за ворота. Часто пришедшій долго кричитъ у воротъ, не смѣя войти въ нихъ, хотя бы они были отворены. Такъ строго соблюдаютъ тангуты то свое правило, что каждый домъ есть замокъ, неприступный для всѣхъ, кромѣ его обитателя. Паломниковъ, проходящихъ по тангутской землѣ, никогда не принимаютъ подъ кровлю частнаго дома; пищу тангуты имъ выносятъ на дорогу, но ночевать не пускаютъ.

Говорятъ, что тангуты склонны къ торговлѣ и что они хорошіе торгаши.

Музыку и пѣніе тангуты, повидимому, любятъ. Играютъ часто на флейтахъ; есть и струнные инструменты; струны перебираютъ зубомъ лани. Въ народѣ множество всякихъ сказокъ, басенъ, пѣсней и разсказовъ; между ними самая популярная поэма о царѣ Гэсэрѣ. Книги можно встрѣтить почти въ каждомъ тангутскомъ домѣ, но онѣ по большей части религіознаго содержанія. Грамотность между тангутами довольно распространена; въ знатныхъ семействахъ грамотны и даже начитаны бываютъ и женщины. Образованіе тангутовъ носитъ преимущественно религіозный характеръ.

Встарину въ Тибетѣ была вѣра въ добрыхъ и злыхъ духовъ. Каждая мѣстность, каждая рѣка, каждое озеро, каждое человѣческое жилье имѣло своего духа-покровителя; у всей страны былъ также общій покровитель. Религія тибетцевъ состояла въ заклинаніяхъ и призываніяхъ духовъ. Впослѣдствіи, въ VII столѣтіи нашей эры, тибетцы приняли новую религію отъ сосѣднихъ съ ними индусовъ, вѣру въ Будду Сакіямуни.

Легенды разсказываютъ, что Сакіямуни былъ индійскій царевичъ, по имени Сидхдарта, родившійся чудеснымъ образомъ; при рожденіи отцу его было предсказано, что Сидхдартѣ со временемъ будетъ принадлежать весь міръ. Отецъ окружилъ царевича роскошью, выстроилъ ему великолѣпный дворецъ, окруженный садами и рощами, и особенно заботился о томъ, чтобы сына его не коснулась никакая печаль и забота. Окруженный красавицей-женой, сыномъ, товарищами и преданными слугами, царевичъ Сидхдарта жилъ очень весело, но никогда не

оставлялъ своего дворца. Однажды царевичъ захотѣлъ посмотрѣть, какъ живутъ люди въ томъ городѣ, который находился вокругъ его дворца. Вышедши изъ южныхъ воротъ дворца, онъ встрѣтилъ больного калѣку; видъ его былъ жалокъ и непріятенъ. Царевичъ возвратился и пошелъ въ другія ворота; тамъ встрѣтилъ онъ дряхлаго старика, и эта встрѣча была ему непріятна; онъ пошелъ въ третьи ворота, но здѣсь ему встрѣтились похороны. Видъ мертваго человѣка поразилъ царевича еще болѣе. Тутъ только онъ въ первый разъ задумался о томъ, что земныя радости непрочны, что всѣхъ людей постигаетъ старость и смерть, а многихъ, кромѣ того, — болѣзни и нищета. Это такъ опечалило царевича, что онъ оставилъ дворецъ и сталъ вести жизнь пустынника, стараясь придумать средство помочь людямъ въ ихъ бѣдствіяхъ. Въ Индіи въ то время религія была браминская: это было язычество съ обширнымъ пантеономъ боговъ, съ очень разработаннымъ религіознымъ ученіемъ, съ богатой литературой и сильнымъ жреческимъ сословіемъ. Люди раздѣлялись на касты, и высшая изъ нихъ была каста браминовъ; простой народъ находился въ презрѣніи, угнетеніи и бѣдности.

Брамины вѣрили въ переселеніе душъ, т.-е. что по смерти душа человѣческая должна продолжать жизнь, переселяясь въ другое существо — въ человѣка или въ животное — въ томъ случаѣ, если она во время своей земной жизни не возвысилась, а, напротивъ, упала въ нравственномъ отношеніи. Чтобы достигнуть жизни блаженной, по мнѣнію браминовъ, надо было вести суровую, аскетическую жизнь, и они проповѣдывали умерщвленіе плоти, постъ, истязанія тѣла. Царевичъ Сидхдарта также изучалъ сначала браминскую религію и предавался самому строгому аскетизму, но въ этомъ онъ не нашелъ утѣшенія. Ему пришла мысль, что человѣкъ, для того чтобы не испытывать никакихъ горестей, не долженъ быть привязанъ къ радостямъ жизни и даже къ самой жизни, что если онъ будетъ равнодушенъ къ жизни и къ ея радостямъ, то ему и утрата этихъ радостей и жизни не будетъ мучительна. Послѣ этого онъ сталъ учить, что для спасенія людей нужна только чистая мирная жизнь, незлобіе, нестяжательность, любовь ко всему живущему и полное отреченіе отъ всѣхъ человѣческихъ страстей. Человѣкъ, отказавшись отъ страстей и отъ любви къ жизни, достигнетъ тѣмъ самымъ вѣчнаго покоя, т.-е. не будетъ больше рождаться въ этомъ мірѣ, а погрузится въ *нирвану*, т.-е. въ состояніе полнаго безчувствія, небытія. Ученикамъ своимъ онъ заповѣдалъ не жениться, чтобы не имѣть привязанностей, и, кромѣ самой необходимой пищи и одежды, не имѣть никакого имущества. Такъ и было: его послѣдователи образовали монашескія общины и жили, переходя изъ селенія въ селеніе, питаясь подаяніемъ. Однако, вскорѣ послѣ смерти Будды Сакіямуни, его ученіе, такое простое и ясное, затемнилось,—многое вошло

въ него изъ ученія браминскаго; у первыхъ же буддистовъ появилось ученіе, что Сакіямуни былъ собственно не первый будда, т.-е. не первый святой, посланный въ міръ для спасенія людей, что онъ былъ пятый, и послѣ него будутъ еще новые будды, что есть одинъ верховный, или первоначальный будда, такъ называемый Ади-Будда, который всегда былъ, есть и будетъ.

Буддисты вѣруютъ, что Сакіямуни, будучи человѣкомъ, достигъ божественной славы и по смерти погрузился въ нирвану, — слѣдовательно и сочувствовать людямъ не можетъ, но что онъ, какъ и другіе четыре будды, бывшіе до него, чтобы не оставить человѣчество безъ божественной помощи, при отходѣ въ нирвану, оставилъ послѣ себя какія-то божественныя существа: это — *бодисатвы*. По мнѣнію буддистовъ, бодисатвы, пребывая постоянно въ мірѣ духовъ, иногда воплощаются на землѣ, входя въ тѣло какого-нибудь новорожденнаго ребенка. Такимъ образомъ у буддистовъ появилось нѣсколько божествъ и множество перерожденцевъ, то-есть людей, въ которыхъ воплощаются боги.

Въ 14 столѣтіи въ сѣверномъ Тибетѣ, въ провинціи Амдо, появился ученый монахъ, или лама, Тзонкава, который проповѣдывалъ, что надо исправить религію, что монахамъ слѣдуетъ жить по-монашески, въ монастыряхъ, а не семейною жизнью, что слѣдуетъ учиться, изучать священное писаніе, изучать науки, чтобы духовнымъ лицамъ возможно было помогать людямъ, обремененнымъ житейскими заботами. Весь Тибетъ тогда раздѣлился: одни признавали Тзонкаву за святого и послѣдовали его ученію, другіе остались приверженцами старой вѣры. Тзонкависты стали носить желтую одежду, какъ это было принято индійскими буддистами, а старовѣры остались въ красныхъ одеждахъ, и духовенству своему дозволяютъ семейную жизнь.

По смерти Тзонкавы послѣдователи признали его святымъ. Вскорѣ послѣ этого тибетцы признали, что ихъ божественный покровитель, бодисатва, для поддержанія чистоты вѣры рѣшилъ воплощаться на землѣ въ видѣ земного правителя Тибета и всего буддійскаго міра. Съ тѣхъ поръ въ Тибетѣ появился Великій Лама, что въ переводѣ значитъ: *океанъ драгоцѣнности*. Намъ онъ извѣстенъ подъ монгольскимъ именемъ далай-ламы (далай—море по-монгольски).

Первый далай-лама родился въ царскомъ семействѣ, и первое время всѣ его преемники рождались въ той же семьѣ. Мы познакомимся съ тѣмъ, какъ находятъ далай-ламу теперь и какъ онъ живетъ.

Послѣ смерти далай-ламы тибетское духовенство, ламы, занимающіе главныя должности въ государствѣ, удаляются въ одинъ изъ храмовъ и, послѣ многихъ молитвъ, поста и чтенія священныхъ книгъ, они получаютъ откровеніе, что духъ божественнаго бодисатвы долженъ возро-

диться въ младенцѣ съ такими-то и такими примѣтами. Принеся благодарственныя молитвы за божественное откровеніе, ламы расходятся и оповѣщаютъ по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ о примѣтахъ будущаго далай-ламы. Когда въ народѣ разойдется вѣсть объ этомъ, многіе родители, имѣющіе у себя дѣтей подходящаго возраста, представляютъ ихъ на осмотръ ламъ, или извѣщаютъ объ этомъ ламъ, и они ѣдутъ въ домъ родителей ребенка убѣдиться, точно ли примѣты ребенка совпадаютъ съ указанными свыше. Наконецъ, въ одномъ мальчикѣ всѣ примѣты найдены, его берутъ во дворецъ вмѣстѣ съ его родителями, или по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ его матерью, которая кормитъ грудью новорожденнаго. Часто выборъ падаетъ на ребенка незнатныхъ и даже бѣдныхъ родителей.

Отецъ и мать обрадованы: ихъ сынъ — святой мальчикъ и будетъ въ то же время земнымъ владыкой Тибета.

Мать новорожденнаго окружаютъ ламы; они безпрестанно останавливаютъ ее, слѣдятъ за каждымъ ея шагомъ, особенно строго наблюдаютъ они за тѣмъ, что касается кормленія и ухода за ребенкомъ. Ламы ни на минуту не выпускаютъ съ глазъ ребенка, — имъ хочется убѣдиться, дѣйствительно ли въ него переселился духъ покойнаго далай-ламы; съ этою цѣлью ребенку часто показываютъ вещи покойнаго ламы: если ребенокъ тянется къ нимъ, если называетъ ихъ своими, когда ему показываютъ ихъ, монахи убѣждаются, что это дѣйствительно тотъ ребенокъ, котораго они ищутъ.

Когда ребенокъ начинаетъ понимать и говорить, его прежде всего учатъ произносить молитвы, и приставленные къ нему ламы начинаютъ его знакомить съ тѣмъ славнымъ прошлымъ, въ которомъ душа этого ребенка принимала участіе, живя въ своихъ прежнихъ воплощеніяхъ.

Лѣтъ 3 — 5 ребенка уже берутъ отъ матери, — его пора серьезно учить; мать же удаляютъ изъ дворца, дарятъ ей домъ, гдѣ она и продолжаетъ вести свой прежній образъ жизни.

Изрѣдка ей позволяютъ посѣщать сына, но это уже не ея ребенокъ, а монахъ, готовящійся принять посвященіе. Семи лѣтъ, если ребенокъ здоровъ и понятливъ, успѣлъ заучить нѣсколько молитвъ и выучить священную грамоту, на которой написано священное писаніе, и тибетскую, — его посвящаютъ въ монахи, прямо въ большой чинъ, и дѣлаютъ тогда же настоятелемъ главнаго монастыря въ Тибетѣ. Мальчикъ ведетъ суровую жизнь: онъ обязанъ поститься по своему званію монаха, долженъ участвовать въ богослуженіи и въ извѣстные дни принимать поклонниковъ и давать имъ свое благословеніе. Во время пріемовъ и во время богослуженія этого семилѣтняго настоятеля въ богатыхъ желтыхъ ризахъ, съ огромной, украшенной драгоцѣнностями, шапкой на

головѣ, сажаютъ на престолѣ, поддерживаемомъ золотыми львами; онъ сидитъ, обратясь лицомъ къ народу, ему кадятъ изъ золотой кадильницы куренія. Длинный рядъ его служителей, важныхъ ламъ, становится по обѣ стороны его кресла. Послѣ молитвы, обращенной къ бодисатвѣ, одинъ изъ священнослужителей подаетъ ему чаю, наливая изъ золотого чайника, другой подноситъ ему на блюдѣ рису; послѣ того, какъ священная особа возьметъ щепотку рису и выпьетъ чай, все оставшееся въ чайникѣ и на блюдѣ раздѣляется между присутствующими. Чай выпивается тутъ же съ величайшимъ благоговѣніемъ, а рисъ многіе благочестивые люди завязываютъ въ платокъ, чтобы отнести своимъ домашнимъ эту освященную пищу. Послѣ раздачи рису поклонники одинъ по одному подходятъ къ престолу, дѣлаютъ земной поклонъ передъ далай-ламой, а онъ притрогивается къ головѣ подходящаго особымъ жезломъ или чѣмъ-то въ родѣ колокольчика, сшитаго изъ шелковой матеріи, затѣмъ поклонники удаляются. Лицамъ, наиболѣе почетнымъ изъ среды поклонниковъ, далай-лама жалуетъ иногда шелковые платки.

Дворецъ далай-ламы представляетъ замѣчательное зрѣлище. Построенъ онъ на холмѣ; входятъ туда по дорогѣ, обсаженной съ обѣихъ сторонъ деревьями. Въ первомъ этажѣ большая неразгороженная зала; изъ нея выходъ на дворъ и со двора входъ во второй этажъ; здѣсь стоитъ огромная статуя бѣлаго слона, такая большая, что занимаетъ всѣ три этажа зданія; въ первой залѣ желающіе поклониться этому изображенію бога Майдары обходятъ вокругъ статуи, потомъ поднимаются на галлерею, которая идетъ вокругъ туловища слона, и, наконецъ, по галлереѣ третьяго этажа обходятъ вокругъ головы изображенія. Выйдя изъ зданія со слономъ, входятъ во дворецъ, гдѣ далай-лама принимаетъ поклонниковъ. На дворѣ этого дворца находятся пять намогильныхъ памятниковъ, поставленныхъ надъ тѣлами прежде жившихъ далай-ламъ. Между ними одинъ богато украшенъ золотомъ.

Съ этого двора открывается великолѣпный видъ на окрестности и городъ Лассу, лежащій у подножія холма. Всѣ описываемыя зданія построены по уступамъ холма Поталы, связаны между собой общими кровлями, лѣстницами, галлереями, и если смотрѣть на нихъ снизу, отъ подножія холма, то они представляютъ видъ какъ бы одного цѣльнаго зданія (они извѣстны подъ именемъ Краснаго дворца). Вокругъ по горѣ тѣснятся другія зданія храмовъ и монастырей.

Городъ, лежащій въ долинѣ на берегу небольшой рѣчки, тоже наполовину наполненъ храмами и монастырями; въ немъ находится только небольшое число частныхъ домовъ, принадлежащихъ знатнымъ лицамъ. Жилища купцовъ, безчисленныя гостиницы, назначенныя для пріема

поклонниковъ, посѣщающихъ Лассу со всѣхъ концовъ міра, и лавки находятся въ предмѣстьяхъ города. Кромѣ тангутовъ, въ городѣ живетъ много индусовъ-ремесленниковъ и торгующихъ кашмирцевъ; послѣдніе—мусульмане, для нихъ есть на окраинѣ предмѣстья мечеть. Главное оживленіе придаютъ городу толпы богомольцевъ: здѣсь можно встрѣтить и китайца, и жителя Россіи — бурята и монгола, и жителя жаркой Индіи, — всѣ они въ своихъ разнообразныхъ національныхъ костюмахъ составляютъ толпу на улицахъ и наполняютъ храмы. Особенно много народу стекается въ Лассу ко дню религіозныхъ праздниковъ; процессіи праздничныя здѣсь бываютъ великолѣпны и многолюдны.

Ламаитскій монастырь въ Гималаяхъ.

(А. Краснова.)

Буддійскій сельскій храмъ въ восточныхъ Гималаяхъ — деревянное зданіе, обыкновенно двухъэтажное, часто съ вогнутою крышей; во второмъ этажѣ находится спереди небольшой деревянный балкончикъ. Спереди въ храмъ ведутъ деревянныя двери, передъ которыми иногда поставленъ громадный вращающійся цилиндръ съ написанными на немъ молитвами. Богомолецъ, входя, вращаетъ цилиндръ этотъ,— и входныя необходимыя молитвы прочитаны. На дверяхъ храма или, чаще, справа и слѣва изображены стражи храма. Но кромѣ стражей четырехъ странъ свѣта, тутъ часто рисуется и другое еще болѣе уродливое изображеніе идоловъ — боговъ туземцевъ Тибета, включенныхъ ламаитами въ число своихъ божествъ. Таковъ, напримѣръ, красный дьяволъ Тзонъ, хранитель почвы.

На самыхъ дверяхъ рисуется колесо жизни или изображеніе всего буддійскаго ученія — единственное, что, кажется, осталось отъ ученія Будды во всемъ ламаизмѣ. Это колесо жизни представлено кругомъ, въ центрѣ котораго вы видите кольцо, состоящее изъ свиньи, пѣтуха и змѣи, держащихъ себя за хвостъ. Отъ этого круга идутъ отдѣленные каналами 6 сегментовъ, на которыхъ лубочными картинами представлены 6 состояній, въ которыхъ находится человѣческая душа во время своихъ воплощеній, именно: жизнь человѣка, животныхъ, такъ называемыхъ „претъ“ или тѣней, жизнь адскихъ существъ, жизнь титановъ и боговъ. Эти сегменты опять опоясаны кругомъ, гдѣ изображены люди въ 12 положеніяхъ жизни. Задача этихъ эмблемъ — наглядное изложеніе буддійскаго ученія. Кольцо изъ свиньи, пѣтуха и змѣи есть эмблема трехъ главныхъ пороковъ, губящихъ человѣка: глупости, гнѣва и стремленія къ физическимъ наслажденіямъ, которые буддистъ

долженъ въ себѣ побѣдить. Шесть сегментовъ показываютъ цѣпь воплощеній, изъ которыхъ не можетъ освободиться душа. Каждая изъ нихъ: боги, титаны, люди, животныя, тѣни или преты и, наконецъ, адскія существа, обреченныя на страданія; страданія эти наглядно иллюстрированы на изображеніи. Человѣческое существованіе само по себѣ есть цѣпь, изъ которой естественнымъ путемъ нѣтъ выхода: 12 фигуръ вокругъ картины изображаютъ различныя состоянія человѣческой души, а кругъ, составленный этими картинами, представляется разсѣченнымъ на части, такъ какъ Будда своею жизнью и ученіемъ разсѣкъ его, давъ исходъ въ „нирвану“, въ небытіе. Такимъ образомъ молящійся, вступая въ храмъ, проникается, такъ сказать, всѣми воспоминаніями объ основныхъ догматахъ ученія, въ основѣ котораго лежитъ воззрѣніе, что жизнь — рядъ несчастій и страданій, въ какой бы формѣ эта жизнь ни являлась. Главная причина этихъ несчастій есть желаніе жить, интересъ и любовь ко всему земному. А потому, чтобы уничтожить страданія, надо убить въ себѣ все, что дѣлаетъ жизнь привлекательной, убить любовь къ жизни. Для этого Буддой предложенъ путь, состоящій изъ восьми основныхъ правилъ: правая вѣра, правое чувство, правая рѣчь и поступки, образъ жизни и поведеніе, мысль и созерцаніе. Невѣжество есть источникъ несчастій; истинное познаніе жизни, отрицаніе ея есть единственный исходъ. Существуютъ десять заповѣдей буддійской вѣры; изъ нихъ четыре первыя соотвѣтствуютъ 6, 7, 8 и 9 заповѣдямъ Моисея; дальнѣйшія гласятъ: не пей крѣпкихъ напитковъ, не ѣшь ничего внѣ установленныхъ сроковъ, не употребляй украшеній и духовъ, не садись на высокія сѣдалища, не танцуй, не пой, не играй и не ходи на зрѣлища; не давай въ долгъ и не бери ни золота, ни серебра; пять первыхъ заповѣдей обязательны для мірянъ, а остальныя только для монаховъ. Главными добродѣтелями буддистовъ считаются: милость, нравственность, терпѣніе, предпріимчивость, размышленіе, знаніе.

Такова сущность ученія Будды. Но въ ламаизмѣ, даже въ томъ, который исповѣдуютъ жрецы, нравственныя мысли великаго учителя сильно затемнены послѣдующими ученіями. Явилось ученіе о раѣ, явились культы разнообразныхъ, совершенно чуждыхъ буддизму, боговъ; явились торжественныя церемоніи, заклинанія и т. п. При входѣ въ храмъ вы обязательно встрѣтите кого-нибудь изъ духовенства, лицъ, одѣтыхъ въ длинные коричневые халаты, съ четками въ рукахъ, въ небольшой шапочкѣ съ плоскимъ верхомъ и небольшой молитвенной мельничкой. На границѣ Тибета много монастырей. Монастыри эти, содержащіе по нѣсколько тысячъ монаховъ, имѣютъ строгую организацію. Во главѣ монастыря стоитъ обыкновенно лама, играющій роль настоятеля, подъ начальствомъ котораго состоятъ: 1) профессоръ богословія,

2) главный казначей, 3) экономъ, 4) инспекторъ, 5) регентъ хора, 6) завѣдующій одѣяніями, 7) водочерпій, 8) чайные распорядители. Къ этому же штату относится низшая прислуга: повара, служители, стражи, слуги гостиницы, врачи, художники и пр. — все, конечно, изъ монаховъ. Всѣ они содержатся въ строжайшей дисциплинѣ. За мелкіе проступки ограничиваются выговоромъ и увѣщаніями; а за большіе слѣдуетъ наказаніе плетью или палкой 100—150 ударовъ; въ случаѣ же неоднократнаго повторенія проступка слѣдуетъ исключеніе изъ монастыря. Въ самыхъ монастыряхъ монахи живутъ очень недурно, такъ какъ обыкновенно монастыри имѣютъ обширныя земли и деревни, дающія имъ хорошіе доходы; кромѣ того, добровольныя пожертвованія прихожанъ значительно увеличиваютъ ихъ средства. Цѣлыя арміи монаховъ отправляются во время жатвы собирать приношенія, и тогда зерно, кирпичный чай, масло, соль, мясо стекаются рѣкой въ монастырь. Денегъ подаютъ мало, такъ какъ Тибетъ вообще не богатъ монетою. Другими источниками доходовъ такихъ монастырей служатъ продажа заклинаній, предсказаній и т. п.

Храмъ въ монастыряхъ — это обыкновенно весьма значительной величины постройка, снабженная нерѣдко позолоченными куполами; около нея располагаются „ступы“, или надгробные мавзолеи, каменныя постройки, большею частью изъ бѣлаго мрамора, формою своею однако больше напоминающія исполинскіе колпаки, съ очень длинною ручкою, представляющею шпиль. Впрочемъ, и большинство сельскихъ храмовъ Сиккима представляютъ сравнительно невзрачную деревянную постройку, внутри которой помѣщаются идолы. Въ этой постройкѣ и совершаются всѣ главныя служенія ламаитовъ. Обыкновенно, войдя въ храмъ, вы видите въ глубинѣ его возвышеніе, надъ которымъ изображены три главныя божества буддистовъ; средняя фигура—Будда, сидящій въ его обычной позѣ, поджавъ колѣна. Передъ этими изображеніями, надъ которыми обыкновенно раскинутъ шелковый балдахинъ, разставлены различные предметы въ металлическихъ сосудахъ — вода, рисъ, хлѣбъ, цвѣты въ вазахъ и свѣтильники, маленькія плоскія мѣдныя чашечки, наполненныя масломъ, въ которыя вложены фитили. Выше находятся различные священные предметы, между прочимъ священныя книги, мечъ для отогнанія дьяволовъ и пара трубъ, сдѣланныхъ изъ костей человѣческихъ ногъ (онѣ приготовляются изъ труповъ преступниковъ съ нѣніемъ различныхъ заклинаній). На стѣнахъ нарисованы или развѣшаны написанныя на ткани изображенія боговъ (бурханы). Ламаитскія божества состоятъ изъ ряда буддъ, управляющихъ различными царствами загробныхъ міровъ и воплощающихся временно на землѣ. Вторую категорію божествъ составляютъ бодисатвы, или отраженія божественной силы буддъ—въ людяхъ, въ святыхъ и, наконецъ, въ ламахъ.

Однимъ изъ такихъ отраженій считается живущій въ Тибетѣ далай-лама. Затѣмъ идетъ безконечный рядъ боговъ покровителей, боговъ защитниковъ вѣры, демоновъ, божковъ и, наконецъ, мѣстныхъ боговъ и

Лама, одѣтый для богослуженія (съ картины В. Верещагина).

духовъ, своего рода домовыхъ, которыхъ населеніе настолько боится, что отводитъ имъ въ домѣ особый уголъ, куда остерегаются бросить какую-либо вещь, а обѣдая дѣлаютъ имъ возліянія. Прибавьте къ этому безконечный рядъ святыхъ и вы получите для ламаитской религіи такое

множество божествъ, какого не имѣетъ никакая другая и для изученія котораго мало цѣлой жизни. Личность Будды, учителя человѣчества, исчезла въ этой массѣ. Отъ него осталась только одна философія, малопонятная ламамъ, неизвѣстная народу. Какъ у всѣхъ буддистовъ, богослуженія ламаитовъ весьма длинны и сложны, со звономъ колокольчика, пѣснопѣніемъ, возгласами и чтеніемъ книгъ. Но они сопровождаются и адски оглушительной музыкой. Особенное впечатлѣніе производятъ на народъ довольно часто происходящіе предъ храмомъ танцы дьяволовъ, когда ламы, нарядившись въ безобразныя маски и разрисовавши свое тѣло, представляютъ то скелеты, то злыхъ духовъ, мучающихъ тѣло грѣшника. Дѣлается чучело этого послѣдняго, которое послѣ суда и признанія виновнымъ въ тѣхъ или другихъ прегрѣшеніяхъ раздираютъ на части.

Если принять во вниманіе, что почти въ каждой тибетской семьѣ одинъ изъ членовъ монахъ, нельзя не видѣть громаднаго вліянія духовенства на край. Такъ, число ламъ въ Сиккимѣ около 1.000 на 10.000 буддійскаго населенія Сиккима, такимъ образомъ на каждые 10—11 человѣкъ буддистовъ приходится по одному ламѣ. Они держатъ народъ въ постоянномъ страхѣ предъ демонами, поддерживая суевѣріе и выжимая громадный процентъ его доходовъ. Здѣсь лучше чѣмъ гдѣ-либо можно видѣть, какимъ тормазомъ для дальнѣйшаго развитія народа было его духовенство.

Въ то время какъ Китай и Японія развились въ культурныя и могущественныя государства, населеніе Сиккима и пограничнаго съ нимъ Тибета осталось на степени невѣжественныхъ и суевѣрныхъ земледѣльцевъ и пастуховъ, видящихъ спасеніе свое только въ заклинаніяхъ, амулетахъ и совѣтахъ ламы и въ указаніяхъ его на счастливые и несчастные дни.

Изъ Калькутты въ Гималаи.

(А. Краснова.)

Мы въ поѣздѣ желѣзной дороги; мы покинули жаркую и душную Калькутту и приближаемся къ высочайшимъ изъ Гималайскихъ вершинъ. Пока поѣздъ несся, приближаясь къ Гангу, передъ нами развертывалась картина выжженной индійской равнины; но когда мы, переѣхавъ черезъ Гангъ на комфортабельномъ пароходѣ, помчались далѣе къ сѣверу, къ горамъ, картина стала быстро измѣняться. Мы вступили въ область Тараи, жаркую и влажную часть бенгальской равнины,—область, которая, быть можетъ, одна соотвѣтствуетъ тому представленію объ индійской природѣ, какое господствуетъ въ нашемъ обществѣ.

По области, по которымъ проносится поѣздъ, слишкомъ культурны, чтобы дать возможность во всей красѣ наблюдать покрывавшіе ихъ нѣкогда джунгли. Вы видите по большей части только рисовыя поля, блѣдно-зеленыя, болотистыя, среди которыхъ здѣсь и тамъ, на буграхъ, какъ на островкахъ, пріютились индійскія деревушки съ выгнутыми соломенными кровлями хатъ и тощими кокосовыми пальмами. Долина Ганга, начиная съ Аллагабада, постепенно принимаетъ тропическій обликъ. Сперва являются вѣерныя пальмы; затѣмъ, дальше къ востоку съ увеличеніемъ влажности, одно тропическое дерево за другимъ спѣшатъ присоединиться къ свитѣ, окружающей человѣческія постройки, а на границѣ Бенгаліи, въ Тараяхъ, и манга, и высокій раскидистый бамбукъ, вѣрный спутникъ тропиковъ, и широкій листъ банана составляютъ необходимую обстановку деревни. Закрытые предгорьями, закутанные въ облака Гималаи отсюда не производятъ впечатлѣнія. Ихъ близость чувствуется только въ климатѣ. Воздухъ Бенгальскаго залива, жаркій и влажный во всѣ времена года, особенно же лѣтомъ, во время муссона, несется къ этой высочайшей въ мірѣ стѣнѣ и, встрѣчая на пути своемъ вѣчные снѣга и холодные склоны, постоянно сгущаетъ на нихъ пары свои въ непроницаемыя, густыя облака. Облака эти окутываютъ склоны, но и ниже на равнинѣ, гдѣ слишкомъ жарко для образованія этого тумана, воздухъ пресыщенъ влагою. Малѣйшаго пониженія температуры въ верхнихъ слояхъ атмосферы достаточно, чтобы вызвать ливни, и эти ливни уже въ маѣ достигаютъ прямо страшной силы и обилія влаги. Не отъ разлива рѣкъ, но исключительно отъ дождевой воды здѣшнія поля покрываются на нѣсколько футовъ водой. Рыбы плаваютъ теперь на рисовыхъ поляхъ, и пахарь смѣняетъ здѣсь борону и плугъ на рыбачью сѣть, чтобы ловить рыбу тамъ, гдѣ такъ недавно гулялъ его серпъ.

Болотистыя равнины дышатъ лихорадкой. Только зиму и раннюю весну рѣшаются жить здѣсь англичане, расчистившіе джунгли и разведшіе даже довольно значительныя чайныя плантаціи. Теперь, съ наступленіемъ дождей, они бѣгутъ вверхъ въ горы, оставляя работать только туземцевъ. Но и изъ этихъ способными переносить тяжелыя климатическія условія оказываются, повидимому, только черные туземцы; помѣси съ бѣлыми завоевателями здѣсь вымираютъ.

Почти нагіе рабочіе плантацій по красотѣ стана и его темному цвѣту напоминаютъ изящныя, отлитыя изъ чугуна статуи. Имъ нипочемъ тропическій полуденный зной края. Они работаютъ и движутся бодро въ самые жаркіе часы дня, нерѣдко лежа на самомъ солнцѣ, притѣняя свою голову, при 40° температурѣ, лишь распущеннымъ зонтикомъ — почти единственною принадлежностью костюма.

Джунгли Тараи—это лѣса разнообразныхъ тропическихъ широколист-

ныхъ деревьевъ, выросшіе на совершенно затопленномъ водою зыбкоболотистомъ грунтѣ. Эти джунгли перевиты ліанами, но не столько эти ліаны, сколько подлѣсокъ исполинскихъ травъ играетъ главную роль въ этихъ болотистыхъ лѣсахъ.

Здѣсь изъ топкаго грунта до двухсаженной высоты поднимаются высокія травы. Не рискуйте пускаться въ эти дебри: вы увязнете въ клейкомъ черномъ илѣ болотистой почвы, запутаетесь въ ліанахъ, висящихъ въ гнилóмъ, пропитанномъ болотными испареніями воздухѣ. Нѣкогда здѣсь кишѣли тигры и слоны. Послѣднихъ и доселѣ вы еще можете видѣть, какъ вьючныхъ животныхъ; что же касается тигровъ, то ихъ давно истребили англійскіе охотники, и вы безъ оружія спокойно можете ходить по дорогамъ или вдоль полотна желѣзной дороги, во многихъ мѣстахъ пересѣкающей такой джунгль. Зато насѣкомыхъ здѣсь миріады. Вечеромъ тысячи цикадъ наполняютъ воздухъ своимъ оглушительнымъ стрекотаніемъ, состязаясь съ лягушками древесными и болотными, то звенящими, какъ колокольчики, то ревущими, какъ быки. Миріады свѣтляковъ, какъ брильянты, усыпаютъ вѣтви деревьевъ и кустовъ. Я не говорю о комарахъ. Безъ полога здѣсь спать совершенно немыслимо, но на пологѣ этомъ громадные летающіе тараканы, массы различныхъ молей и другихъ ночныхъ бабочекъ будутъ биться и безпокоить васъ всю ночь.

Чайныя плантаціи, послѣ рисовыхъ полей и джунглей наиболѣе часто попадающіяся на равнинѣ, также сильно страдаютъ отъ насѣкомыхъ. Не менѣе 20 различныхъ враговъ чайнаго куста размножились на болотныхъ равнинахъ Тараи. Различныхъ породъ тли, красный паучокъ, гусеницы, сверлящія стволы, гусеницы, свертывающія листья, гусеницы, строящія домики, наконецъ гусеницы, просто объѣдающія листья, похищаютъ сборы у плантаторовъ.

Тамъ и сямъ среди этихъ голыхъ, объѣденныхъ, теперь заброшенныхъ и заросшихъ травою плантацій раскиданы соломенныя хижины рабочихъ, своимъ видомъ болѣе похожія на хлѣва.

Зато въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти плантаціи не тронуты, онѣ даютъ баснословные урожаи. Сборъ чая производится круглый почти годъ, приблизительно черезъ двѣ недѣли. Листъ чая здѣсь громадный, но приготовляется чай грубо и небрежно. Настой его черный съ какимъ-то шоколаднымъ налетомъ, видомъ напоминаетъ кофе, вкусомъ — чернила, такъ что даже низшіе сорта цейлонскаго чая могутъ показаться нектаромъ по сравненію съ этимъ напиткомъ.

Силигури—послѣдняя станція, гдѣ кончается вѣтвь желѣзной дороги, соединяющей восточные Гималаи съ Калькуттой. Начиная отсюда, вверхъ, до высоты семи тысячъ футовъ, ведетъ желѣзная дорога, представляющая чудо инженернаго искусства. По крутымъ гималайскимъ склонамъ

пара сильныхъ локомотивовъ везетъ васъ безъ всякихъ особенныхъ приспособленій. Правда, эти спереди и сзади поѣзда прицѣпленные локомотивчики представляютъ своего рода геркулесовъ, для которыхъ маленькіе пассажирскіе и товарные вагончики поѣзда не представляютъ затрудненій. Зигзагами идущая по склонамъ дорога имѣетъ громадные уклоны и, многократно возвращаясь почти къ тому же самому мѣсту, образуетъ вензеля, пересѣкаетъ свой путь; по временамъ поѣздъ даетъ задній ходъ, чтобы потомъ съ большею силой вскарабкаться на кручу; словомъ, это въ полномъ смыслѣ слова карабканье поѣзда на гору. По мѣрѣ того какъ поѣздъ взбирается все выше и выше, подъ вашими ногами постепенно развертываются все большіе и большіе горизонты индійской равнины. Вы спокойно сидите въ вагонѣ и любуетесь этой дивной панорамой. Эта панорама вставлена въ рамки одной изъ самыхъ пышныхъ тропическихъ флоръ. Начиная съ Силигури поѣздъ покидаетъ населенныя мѣста. Онъ вступаетъ въ область нетронутыхъ человѣкомъ дѣвственныхъ лѣсовъ, среди которыхъ единственными оазисами являются желѣзнодорожныя станціи. Притомъ лѣса эти не одинаковы. Оставаясь пышнымъ тропическимъ джунглемъ, они тѣмъ не менѣе измѣняютъ характеръ свой съ высотою, и потому взору ѣдущаго никогда не надоѣдаютъ картины этой буйной зелени.

Характеръ болотистаго джунгля тотчасъ пропадаетъ, какъ только мы начнемъ подниматься на первыя предгорья. Здѣсь лѣсъ чистый: всходы ротанговыхъ пальмъ и тройной ярусъ кустарника и подлѣска не мѣшаютъ видѣть почвы, заросшей немногими травянистыми растеніями. Такіе лѣса напоминаютъ лѣса сѣвера. Но породы деревьевъ чисто тропическія — громадныя смоковницы, исполинскіе бамбуки, ліаны, мыльное дерево, тикъ и различныя мимозы.

Съ поднятіемъ на высоту до 4.000 фут., число ліанъ увеличивается, и онѣ, какъ громадные канаты, обхватывая стволы, перебрасываются съ дерева на дерево. Стволы этихъ ліанъ также увиты свѣшивающимися орхидеями, перцами и дикою виноградною лозою. Особенно хороши орхидеи, укрывающія своею темною глянцевитою листвою самыя толстыя деревья, украшая ихъ стволы снизу доверху своими громадными листьями, наподобіе того, какъ плющъ увиваетъ колонны.

Подъ тѣнью деревьевъ здѣсь развиваются дикіе бананы, громадными своими листьями представляющіе рѣзкій контрастъ съ мелкою листвой кустарниковъ, среди которыхъ они вырастаютъ. Влажныя, затѣненныя ущелья—любимыя мѣста этихъ растеній. Не менѣе обращаютъ на себя вниманіе вырастающіе по опушкамъ изящные прямоствольные пандануса съ ихъ фонтанами пильчатыхъ листьевъ, достигающихъ 8 и 10 футовъ длины. Бамбуки видиѣются повсюду, и здѣсь ихъ стволы при основаніи достигаютъ толщины въ человѣческую ногу и до 100 футовъ вышины.

Папоротниковъ насчитывается отъ 20—30 видовъ, и между ними одинъ видъ древовидный—необыкновенной красоты и изящества; изъ другихъ растеній особенно часты апельсинныя и лимонныя деревья.

Съ высоты 4.000 ф. внѣшній видъ растительности опять мѣняется. Появляется ежевика съ желтыми плодами, чаще начинаютъ попадаться дубы съ великолѣпною вѣчно-зеленою листвой, и на вершинѣ гребня, на которомъ расположена станція Курзеонгъ, измѣненіе во флорѣ становится полнымъ. Здѣсь являются уже березы и клены и цѣлый рядъ растеній, напоминающихъ нашу флору, какъ фіалки, звѣздчатки, дикая ежевика и герань. Но съ этими сѣверными видами смѣшаны и даже преобладаютъ древовидные папоротники, бананы, орхидеи, пальмы, ротанги и фиги. Влажность воздуха позволяетъ имъ подниматься гораздо выше, чѣмъ въ другихъ областяхъ сѣвернаго полушарія, и мы встрѣчаемъ ихъ въ полномъ развитіи еще на 2.000 ф. выше Курзеонга. Луговая растительность пропадаетъ совершенно. Трудно себѣ представить болѣе величественную растительность. Прямые стволы строевого лѣса стройно поднимаются среди зелени, одни голые и чистые, съ сѣрою или коричневою корой, другіе буквально на футъ толщины обмотанные массой эпифитовъ, цвѣтовъ — особенно бѣлыхъ орхидей, иногда усыпающихъ стволы наподобіе снѣга. Отовсюду торчатъ вѣтви, то голыя, то одѣтыя листвой; нерѣдко ліаны, какъ канаты, перебрасываются съ дерева на дерево, раскачиваясь отъ вѣтра, отягощенныя пучками папоротниковъ и орхидей. Здѣсь всюду чувствуется влага и въ изобиліи появляются мхи и лишайники.

На высотѣ 7.500 ф., или, короче говоря, на высотѣ Дарджилинга, появляются благородные рододендроны съ громадными бѣлыми, обладающими тонкимъ лимоннымъ запахомъ, цвѣтами. Лѣса состоятъ на половину изъ дубовъ и каштановъ и изъ магноліи и лавровыхъ деревьевъ, къ которымъ примѣшаны гималайскіе сорта березъ, вязовъ, кленовъ, вишни, черешни, черемухи, яблони. Очень красивы громадныя деревья рододендроновъ съ яркокрасными цвѣтами. Эти влажные лѣса могутъ считаться типичными для подтропической флоры, когда эта послѣдняя является во всей роскоши и могуществѣ. Блуждая въ густой зелени заросшихъ разнообразною растительностью пышныхъ лѣсовъ, забываешь, что находишься на высотѣ 7.000 ф.

Только водянистыя ягоды и желуди являются продуктами такихъ лѣсовъ. Здѣсь не мѣсто фруктовыхъ деревьевъ, — они удаются плохо или даже не вызрѣваютъ вовсе. Не говоря о такихъ фруктахъ, какъ персики, виноградъ, сливы и фиги, даже обыкновенное яблоко почти не можетъ вызрѣвать въ Дарджилингѣ. Груши не удаются совершенно, абрикосы, гранаты не развиваются даже, какъ деревья. Персиковыя деревья хотя и растутъ, но плоды ихъ сваливаются зелеными и твердыми.

Еще недавно эта полоса была почти совершенно ненаселенной. Это было необъятное царство дремучаго лѣса, непролазнаго не только по густотѣ и буйности его растительности, такъ какъ ліаны изъ филодендроновъ и орхидей, заросли изъ древовидныхъ папоротниковъ и колючіе стволы пальмъ-ротанговъ дѣлали путь почти непроходимымъ, но и по свирѣпствовавшимъ здѣсь лихорадкамъ. Кромѣ того, эта зона лѣсовъ представляетъ одинъ изъ самыхъ дождливыхъ пунктовъ земного шара. Здѣсь, по вычисленіямъ англійскихъ наблюдателей, выпадаетъ, выражаясь картинно, такое количество осадковъ, что если бъ они не стекали внизъ по склонамъ въ видѣ ручьевъ и рѣкъ, количество ихъ было бы достаточно, чтобы затопить 4-хэтажные дома или дать возможность плавать морскому военному судну.

Что же удивительнаго, что въ этихъ погруженныхъ въ туманы и сырость лѣсахъ не только все гніетъ и свирѣпствуетъ лихорадка, но отсюда бѣжитъ все живое — и люди и животныя. Яки тибетцевъ заболѣваютъ здѣсь чахоткой. Лошади и верблюды не находятъ подходящей для питанія травы, люди—мѣстъ для земледѣлія. Только выше, около Дарджилинга, вновь являются мѣста, годныя для поселенія, и здѣсь живутъ обитатели гималайскихъ высотъ, сильно отличающіеся отъ индусовъ. Эти надоблачные жители до постройки описанной нами желѣзной дороги сносились съ низомъ способомъ крайне оригинальнымъ. Убѣдившись въ непригодности зебу и слоновъ низа и яковъ, верблюдовъ и лошадей верха для сообщеній по лѣснымъ тропинкамъ, они остановились на овцѣ, какъ на единственномъ средствѣ сообщенія. Животныхъ этихъ, навьюченныхъ тибетскими товарами, сколько они могли поднять, гнали по горнымъ переваламъ, по узкимъ и туманнымъ тропинкамъ дѣвственныхъ лѣсовъ внизъ, въ этотъ лихорадочный Тараи, чтобы продать здѣсь эти товары, затѣмъ шерсть и, наконецъ, самихъ овецъ на мясо. Теперь желѣзная дорога въ какіе-нибудь два часа времени переноситъ васъ въ надоблачный міръ Гималаевъ, въ Дарджилингъ, на высоту 8.000 ф., переноситъ васъ въ совершенно новый міръ народностей, по костюму, по типу, по нравамъ и обычаямъ имѣющихъ весьма мало общаго съ жителями Индіи. Выдающіяся скулы, широкія лица съ плоскимъ носомъ, желто-коричневый цвѣтъ кожи, коса, азіатскіе халаты, переносятъ васъ въ обстановку Средней Азіи, въ калмыцкія степи, бурятскія кочевья, къ кочевникамъ Алтая, какъ двѣ капли воды похожимъ на всѣхъ этихъ непальцевъ, тибетцевъ и проч.

Среди этихъ народностей, столь различныхъ по своему внѣшнему виду и обычаямъ, расположилась столица англійскаго горнаго округа Сиккима—Дарджилингъ, являясь центромъ сбыта сырыхъ продуктовъ и мѣстомъ заработка для всего пестраго его населенія. Дарджилингъ лежитъ по ту сторону перевала. Расположенный на крутыхъ уступахъ

горъ, онъ представляетъ безконечно разбросанныя группы домиковъ. Вы не чувствуете, что находитесь въ надоблачныхъ высотахъ; напротивъ, въ ясные дни прямо передъ вами высится громадный, увѣнчанный вѣчными снѣгами хребетъ, способный даже съ этой громадной высоты произвести впечатлѣніе нашего Кавказа. Его снѣга, однако, блещутъ въ отдаленіи, полузадернутые голубоватою дымкой, отдѣленные отъ васъ цѣлымъ моремъ зеленыхъ лѣсныхъ вершинъ передового хребта, отсюда сверху кажущихся зелеными холмами, и глубокими, заполненными голубоватымъ воздухомъ и плавающими облаками долинами. Только глядя въ эти долины, сознаешь, на какой громадной высотѣ находишься.

Здѣсь змѣеобразно по склонамъ горъ извиваются прекрасно шоссированныя дороги и аллеи, около которыхъ вытянуты сады и парки хорошенькихъ коттэджей, которые такъ же хорошо нашли бы себѣ мѣсто въ какомъ-нибудь предмѣстьи большого города, какъ и здѣсь.

Лавокъ въ Дарджилингѣ немного, онѣ носятъ универсальный характеръ, и въ нихъ вы найдете всѣ предметы европейскаго комфорта. Между прочимъ, туристъ найдетъ здѣсь чудный выборъ фотографій ландшафтовъ и типовъ Сиккима. Въ нижней части города расположенъ базаръ, на которомъ толкутся туземцы, поражая пріѣзжаго разнообразіемъ лицъ и костюмовъ, пестрота которыхъ увеличивается примѣсью индійскихъ слугъ и приказчиковъ, въ ихъ національной одеждѣ, и солдатъ, вербованныхъ изъ непальцевъ, ростомъ и типомъ необыкновенно напоминающихъ японцевъ. На этомъ базарѣ вы найдете все, что нужно для культурной европейской кухни. Англичане научили туземцевъ разводить всѣ огородныя овощи. Тибетскія пастбища поставляютъ имъ сочные ростбифы и баранину, а поѣздъ гималайской желѣзной дороги ежедневно доставляетъ къ столу спѣлые манги, бананы, ананасы и другія произведенія тропическаго міра.

Большая часть домовъ выстроена изъ кирпича или камня и крыта желѣзомъ и вмѣстѣ съ окружающими ихъ садами, въ которыхъ тамъ и сямъ виднѣется крона низкорослой пальмы или букетъ бамбука,— производитъ на пріѣзжаго чарующее впечатлѣніе. Городъ имѣетъ нѣсколько церквей изящной архитектуры, обсерваторію и ботаническій садъ. Здѣсь даже издается маленькая мѣстная газетка и существуетъ нѣсколько клубовъ, гдѣ устроены площадки для игроковъ въ крокетъ и лаунъ-теннисъ и для другихъ любителей.

Но главное значеніе Дарджилингъ имѣетъ какъ санаторія и школьный центръ, гдѣ англійская молодежь, не достигшая университетскаго возраста, можетъ внѣ разслабляющаго вліянія южнаго зноя получать образованіе. Не менѣе десятка учебныхъ заведеній для лицъ обоего пола устроено въ этомъ городкѣ. При этомъ не оставляются безъ вниманія и туземцы. Здѣсь не менѣе 46 школъ для туземцевъ. Но не

столько это благоустройство и прекрасные, но очень, впрочемъ, дорогіе отели привлекаютъ сюда туриста,— главною приманкою для него являются чудныя окрестности города. Путешествуя по прекраснымъ дорогамъ, проложеннымъ среди непролазныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ, поднимаясь на высокіе пики до 11 тысячъ футовъ высоты и созерцая дивныя разстилающіяся передъ глазами панорамы, постигаешь только отсюда все величіе, всю мощь Гималаевъ, безъ малѣйшихъ жертвъ въ смыслѣ усталости или лишенія комфорта. Я сдѣлалъ нѣсколько экскурсій въ окрестностяхъ города, на расположенныя вокругъ него чайныя плантаціи, и поднимался на нѣкоторыя изъ сосѣднихъ вершинъ, чтобы полюбоваться на панораму хребта съ высочайшею изъ вершинъ міра, горою Эверестъ, какъ бѣлая снѣговая шапка высящеюся надъ снѣжною зубчатою стѣной Гималаевъ. Изъ самаго Дарджилинга видна только Канчинжинга, не менѣе эффектная гора, окруженная со всѣхъ сторонъ ледниками. Чудный видъ на нее открывается изъ сосѣдняго съ городомъ парка, буквально висящаго надъ голубой бездной, въ которой ниже васъ, на различныхъ высотахъ, плаваютъ облака, а на горизонтѣ, въ видѣ исполинской, закутанной въ голубую дымку стѣны, возвышается громада главнаго, увѣнчаннаго снѣгами хребта.

Поднимаясь выше Дарджилинга на высоту до 8.500 ф., мы вступаемъ въ полосу, гдѣ постоянно скопляются облака. Уже самый Дарджилингъ находится на ихъ уровнѣ.

Дѣлая прогулку въ коляскѣ по прекраснымъ дорогамъ, извивающимся вдоль карнизовъ и уступовъ надъ глубокими долинами, и любуясь чудными видами снѣгового хребта съ Канчинжингою во главѣ, житель Дарджилинга видитъ на одномъ уровнѣ съ собою, въ голубоватой дымкѣ воздуха, отдѣляющей его мѣстонахожденіе отъ удаленныхъ, какъ бы плавающихъ въ небесной дали хребтовъ, причудливыя формы облаковъ, постоянно измѣняющихъ свои контуры, то тая, то разрастаясь до цѣлыхъ тучъ. Особенно эффектно это бываетъ въ лунную ночь, когда, цѣлыми массами спускаясь съ какого-нибудь перевала, они таютъ затѣмъ на вашихъ глазахъ, превращаясь въ десятки серебристо-бѣлыхъ, полупрозрачныхъ, самыхъ причудливыхъ формъ существъ, которыя, то принимая формы людей, то фантастическихъ чудовищъ, проносятся передъ вами.

Выше эти облака обыкновенно прилипаютъ къ горамъ, создавая на ихъ склонахъ и въ ихъ лѣсахъ царство вѣчнаго тумана и сырости.

Это цѣлый міръ влажныхъ лѣсовъ изъ дубовъ и магноліи, смѣшанныхъ съ камфарниками. Восхитительны здѣсь магноліи. Подобно рододендронамъ, онѣ цвѣтутъ въ апрѣлѣ и маѣ и иногда бываютъ такъ усыпаны цвѣтами, что цѣлые склоны кажутся одѣтыми снѣгомъ. Есть виды, подобные имъ, съ пурпурными цвѣтами, образующіе громадные,

большею частью довольно безобразные стволы съ черною корою и неправильными вѣтвями, развивающими на концахъ пурпурно-розовые, усыпающіе почву своими лепестками цвѣты. На этихъ вѣтвяхъ, какъ бы желая скрыть ихъ безобразіе, обыкновенно развивается эпифитный рододендронъ. Здѣсь все еще царство ліанъ, съ толстыми, толще человѣческой ноги, стволами, увивающихъ всѣ деревья. Попадаются громадные клены со стволами до 18 фут. въ обхватѣ и прямая, усыпанная бѣлыми цвѣтами роза; но цвѣты эти лишены запаха. Кусты смородины здѣсь развиваются какъ эпифиты на стволахъ и вѣтвяхъ деревьевъ, свѣшивая оттуда свои ягоды. Почва лѣса заросла кустарникомъ выше человѣческаго роста, съ сочными вѣтвями и широкими блѣдно-зелеными листьями. Гортензіи играютъ здѣсь не послѣднюю роль. Но самою главною и характерною чертою этихъ лѣсовъ является развитіе громаднаго количества эпифитно растущихъ мховъ и лишайниковъ. И почва, и стволы, и вѣтви, и даже листья деревьевъ, въ ущербъ развитію этихъ послѣднихъ, закутаны въ толстѣйшія покрывала изъ мховъ. Съ вѣтвей, какъ у елей дальняго сѣвера, свѣшиваются длинныя бороды лишайника. Въ туманѣ лѣса эти толстые зелено-пушистые стволы, эти укутанныя мохомъ вѣтви создаютъ совершенно непривычное для глазъ фантастическое зрѣлище. И поразителенъ бываетъ эффектъ, когда изъ этой зелени косматыхъ, точно толстымъ слоемъ инея обросшихъ вѣтвей брызжутъ пурпуромъ или снѣжною бѣлизною букеты цвѣтовъ рододендрона, снѣжно-бѣлыхъ орхидей или магнолій, обрамленные темно-зелеными глянцевитыми листьями.

Выше 9.000 ф. мощность и оригинальность лѣсовъ убываетъ. Громадныя пространства ихъ зарастаютъ тонкимъ, частымъ, какъ тростникъ, бамбукомъ, дѣлающимъ ихъ дебри совершенно непроходимыми. Съ высоты 10.000 фут. вліяніе зимы выражено уже отчетливо. Въ серединѣ мая половина деревьевъ и кустарниковъ стояли еще голыми или только что развертывали листья. Бамбуки стояли безъ листьевъ. Акониты, ревень, смородина, лапчатка, шиповникъ, изящные мелкіе кустарники волчьяго лыка,—словомъ, знакомыя глазу сѣверянина формы являются на сцену, а на высотѣ въ 11.000 ф. встрѣчаются серебристыя пихты, стройныя, эффектныя гималайскія деревья, съ голыми до пяти саженъ отъ земли стволами и широкораскидистыми, совершенно горизонтальными вѣтвями темной хвои. Онѣ чередуются съ темными, вѣчно зелеными рододендронами. Подъ ними раскиданы кусты розъ, карликоваго можжевельника, березы, ползучей ивы, барбариса, горнаго клена, маленькихъ андромедъ и, главное, 3 или 4 вида ярко цвѣтущихъ кустарниковыхъ рододендроновъ—бѣлыхъ, ярко-красныхъ, розовыхъ, пятнистыхъ, сплошь, какъ наши азаліи, усыпанныхъ цвѣтами. Закутанная постоянно въ облака, эта мѣстность рѣдко даетъ возможность видѣть общую кар-

тину здѣшнихъ ландшафтовъ. Но если вдругъ разорвутся облака,— чудныя и дикія картины откроются глазамъ: нескрытыя болѣе дѣвственными лѣсами глубокія пропасти, страшныя ущелья съ безпорядочно наворочеными громадными скалами, точно дьявольскою силой набросанные камни, среди которыхъ торчатъ изломанныя, придавленныя, обросшія мхами, уродливыя деревья или ихъ сухіе трупы, напоминая своимъ видомъ какихъ-то чудовищъ. А надъ ними въ лазурной вышинѣ, между стаями облаковъ, виднѣются вереницы снѣжныхъ пиковъ главнаго хребта.

Калькутта.

(А. Краснова.)

Въ маѣ мѣсяцѣ Калькутта представляетъ настоящій адъ, и, проживъ въ ней нѣсколько дней, я понялъ, почему европейское населеніе бѣжитъ отсюда въ Дарджилингъ и другіе горные курорты Гималаевъ. Нигдѣ и никогда еще я не испытывалъ такой высокой температуры. На улицѣ воздухъ былъ настолько горячъ, что даже въ закрытой каретѣ оправа моихъ очковъ раскалилась до того, что прикосновеніе ея къ тѣлу вызывало боль. Когда въ гостиницѣ я хотѣлъ взять холодную ванну, изъ крана побѣжалъ почти кипятокъ, — такъ сильно была нагрѣта солнцемъ вода, протекавшая по трубѣ подъ кровлей зданія.

Улицы города имѣютъ видъ патріархальный благодаря простотѣ костюмовъ его обитателей. Обыкновенный костюмъ бенгальца очень красивъ. Правда, онъ состоитъ изъ одного куска матеріи, прозрачной и тонкой почти какъ кисея, но бенгалецъ умѣетъ въ нее драпироваться очень эффектно. Онъ опоясываетъ кусокъ вокругъ бедеръ и пропускаетъ продолженіе куска между ногъ, такъ что образуется родъ кисейныхъ панталонъ; остальной конецъ, довольно еще длинный, перебрасывается черезъ плечо въ видѣ плаща. Темно-коричневый цвѣтъ тѣла слегка просвѣчиваетъ сквозь складки кисеи; ея бѣлый цвѣтъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ темнымъ красивымъ лицомъ и шеей; грудь иногда прикрыта однимъ только этимъ кисейнымъ плащомъ, иногда же на нее накидывается тоненькая, хватающая лишь до бедеръ, кисейная рубашечка русскаго покроя, и въ этомъ костюмѣ бенгальскій джентльменъ— „бабу“, какъ ихъ здѣсь зовутъ, представляетъ изъ себя антично задрапированную фигуру, напоминающую вамъ времена классической древности. Въ этихъ костюмахъ вы видите здѣсь студентовъ университета, ординаторовъ клиникъ, купцовъ и интеллигентовъ въ театрахъ и собраніяхъ. Но на улицахъ простонародье значительно упрощаетъ этотъ костюмъ, до простого пояса стыдливости, и странно какъ-то на ступеняхъ

присутственныхъ мѣстъ и на тротуарахъ улицъ, имѣющихъ видъ улицъ европейскихъ городовъ, видѣть эти бронзово-коричневыя фигуры съ перекинутыми черезъ плечи полотенцами, переносящія васъ не то въ античныя времена, не то въ бани или купальное заведеніе. Но невыносимая жара оправдываетъ эту патріархальность даже въ глазахъ англичанъ. Жара такъ нестерпима, что въ дверяхъ лавокъ выстроены даже дудки изъ соломы, которыя обливаютъ водой черезъ каждый часъ, чтобы дать сырость и прохладу внутреннимъ помѣщеніямъ.

Индусъ.

Въ полуденные часы вы обыкновенно не видите бѣлыхъ на улицахъ города. Европейское населеніе прячется по домамъ, и только одни туземцы не боятся лучей

родного солнца. Здѣсь вы уже въ черной Индіи. Бѣлые и желтые тона обнаженныхъ тѣлъ сравнительно рѣдки, и фигуры шоколадныя, темно-шоколадныя, коричневыя и черныя, какъ сапогъ, наполняютъ улицы. Болѣе темныхъ людей въ Британской Индіи вы увидите развѣ только въ Мадрасѣ или на южной оконечности полуострова. Нѣтъ сомнѣнія, что бенгальцы — смѣсь индусовъ съ чернокожими дравидами,—смѣсь, въ которой индусскій типъ сказывается въ обликѣ лица и формахъ тѣла, тогда какъ климатъ оказалъ вліяніе на кожу. И, достойно вниманія, цвѣтъ кожи этого темнаго индійскаго населенія далеко, повидимому, не такъ устойчивъ, какъ у негровъ. Онъ, какъ и всякій загаръ, есть красящее вещество, образующееся подъ вліяніемъ солнца въ нашей кожѣ, имѣющее цѣлью предохранить ее отъ сильнаго жара, такъ какъ на этомъ темномъ фонѣ быстро идетъ испареніе пота, что охлаждаетъ кожу и избавляетъ ее отъ болѣзней, связанныхъ съ черезчуръ сильнымъ потѣніемъ. Онъ бываетъ не только у людей, но и у животныхъ. Рогатый скотъ Индіи, если его обрить, оказывается тоже чернокожимъ. Онъ можетъ, какъ и чернокожія индійскія лошади, переносить палящій зной индійскаго солнца безнаказанно, тогда какъ бѣлый скотъ Англіи, попадая въ Индію, подвергается болѣзнямъ. Проѣзжая по желѣзной дорогѣ, я всегда поражался, видя, что бѣлые и желтые индусы работаютъ всегда въ одеждѣ, тогда какъ черные крестьяне трудятся, имѣя на себѣ лишь поясъ стыдливости. Тутъ наглядно можно было видѣть, насколько черная кожа лучше приспособлена къ воздѣйствію солнца. Въ противоположность неграмъ, индусы на сѣверѣ линяютъ.

Калькутта — созданіе англичанъ, и Гангъ играетъ для нея ту же роль, что Темза для Лондона. Это артерія, по которой поднимаются пароходы грузовые и пассажирскіе для того, чтобы, приставъ къ шумнымъ и грязнымъ набережнымъ, выгружаться или нагружаться товарами, какъ то дѣлается въ Лондонѣ. Эти берега рѣкъ такъ же плоски и такъ же застроены разными пристанями, складами и прочими учрежденіями шумными, грязными, заваленными тюками товаровъ и запруженными громоздкими экипажами, среди которыхъ по засореннымъ рельсамъ пробирается конно-желѣзная карета. Отсюда два шага—и вы въ европейскомъ городѣ, съ мощеными улицами, прекрасными широкими тротуарами, электричествомъ и магазинами съ зеркальными окнами, гдѣ вы встрѣтите всѣ издѣлія роскоши и домашняго комфорта, какія вы привыкли видѣть въ окнахъ магазиновъ Великобританіи. Какъ въ Лондонѣ, здѣсь раскиданы роскошныя, напоминающія дворцы, постройки присутственныхъ мѣстъ и небольшіе скверы, первыя — не закопченныя фабричною пылью, но блещущія красотами англо-индійскаго стиля, вторые—украшенные группами высокоствольныхъ пальмъ и залитыхъ золо-

томъ и пурпуромъ красиво цвѣтущихъ тропическихъ деревьевъ. Кромѣ этихъ скверовъ, за городомъ, въ каждой его части, расположенъ большой садъ-паркъ. Громадной величины площадь отдѣляетъ этотъ паркъ отъ расположенной къ югу отъ города крѣпости, и только здѣсь глазъ можетъ наслаждаться широкимъ просторомъ, не загроможденнымъ зданіями. Тутъ обыкновенно въ послѣобѣденный часъ туристъ можетъ любоваться чудною картиной приближенія тропической грозы, когда со стороны моря на бѣлесовато-голубомъ небѣ начинаетъ, захватывая добрую половину небосклона, вырисовываться темная туча и на ней, какъ на громадномъ фіолетовомъ экранѣ, поминутно пробѣгаютъ разнообразныхъ формъ молніи. Это — какъ бы представленіе, такъ какъ туча рѣдко достигаетъ до города и еще рѣже разражается освѣжающимъ дождемъ.

Къ востоку отъ площади расположены тонущіе въ зелени дома и коттэджи англичанъ. Это — аристократическій кварталъ, соединяющій удобства и комфортъ англійской жизни съ обстановкой пышной тропической природы, съ ея лianами, орхидеями и кокосовыми пальмами въ садахъ. Какъ вездѣ на Востокѣ, европейцы живутъ отдѣльно отъ туземцевъ. Это—аристократія края, масса же населенія заполняетъ сѣверные громадные кварталы города.

Сейчасъ за англійскимъ городомъ вы вступаете въ узенькія, застроенныя бѣлыми домами, улицы индійскаго города,—улицы, изобилующія лавками со всевозможными товарами, которыми торгуютъ не только бенгальцы, но и китайцы, малайцы и бирманцы. Улицы постоянно оживлены и наполнены народомъ. Въ этой части города и на границѣ съ нею расположены всѣ главныя учрежденія, созданныя англо-индійской культурой. Здѣсь возвышается громадное зданіе Калькуттскаго университета (ни одинъ россійскій университетъ не имѣетъ такого), медицинскія коллегіи, магометанское медрессэ—духовное училище, нѣсколько госпиталей и церквей различныхъ національностей. Университетское зданіе Калькутты имѣетъ нѣсколько иное назначеніе, чѣмъ наше. Вы здѣсь тщетно будете искать тѣхъ кабинетовъ и лабораторій, съ которыми связано у насъ представленіе объ университетѣ. Въ зданіи Калькуттскаго университета читаются только лекціи и происходятъ диспуты. Студенты же натуралисты и медики занимаются практически или въ клиникахъ и лабораторіяхъ госпиталей, или, еще чаще, въ роскошныхъ музеяхъ, организованныхъ на городскія средства. Въ этомъ отношеніи Калькутта—второй Лондонъ. Здѣсь громаднѣйшее зданіе—индійскій музей—посвящено собраніямъ по естественной исторіи. Громадная коллекція окаменѣлостей, горныхъ породъ и минераловъ, въ связи съ полною геологическою библіотекой, не менѣе богатое археологическое отдѣленіе, изобилующее остатками буддійскихъ и другихъ древностей, и зоологическія коллекціи

Индіи составляютъ гордость этого музея; въ Калькуттѣ имѣется также экономическій музей, особенно интересный для путешественника, такъ какъ всѣ лучшія произведенія индійской работы и кустарныхъ издѣлій собраны здѣсь, давая понятіе о высокомъ вкусѣ и искусствѣ здѣшняго народа. Для ботаниковъ, къ ихъ услугамъ, коллекціи и гербаріи ботаническаго сада, который расположенъ въ отдаленіи отъ города, внизъ по рѣкѣ. Вы спускаетесь по мутному Гангу среди разныхъ складовъ, верфей, загородныхъ фабрикъ, дачъ и парковъ, пока, наконецъ, не достигнете громаднѣйшаго тропическаго парка, который по своей обширности и богатству флоры можетъ конкурировать только съ знаменитымъ садомъ въ Бейтензоргѣ на Явѣ.

Калькуттскій университетъ и связанныя съ нимъ учрежденія предназначаются исключительно для туземцевъ. Несмотря на то, что они представляютъ сколки съ такихъ же точно учрежденій англійскихъ, англичане предпочитаютъ посылать дѣтей своихъ для полученія высшаго образованія въ Лондонъ, чтобъ они не смѣшивались съ презираемыми туземцами. По отзывамъ самихъ англичанъ, туземцы учатся и знаютъ много, даже слишкомъ много, для того чтобы конкуррировать съ бѣлыми, изъ которыхъ сюда идутъ, конечно, далеко не лучшія силы. Но англичане сумѣли устранить эту конкурренцію, оплачивая трудъ кончившихъ курсъ въ индійскихъ университетахъ чиновниковъ и докторовъ $^1/_{10}$ жалованья, выдаваемаго кандидатамъ университетовъ европейскихъ; а такъ какъ поѣздка въ Европу связана для индуса съ большими неудобствами и расходами, то англійскіе кандидаты и доселѣ безпрепятственно сохраняютъ свое привилегированное положеніе.

Подобно Лондону, Калькутта изобилуетъ театрами, но почти всѣ они туземные. Индійскій театръ — это какъ бы переходъ отъ европейскаго къ театру дальняго Востока. Вмѣсто стульевъ, внизу помѣщается рядъ длинныхъ скамеекъ, на которыхъ босоногимъ посѣтителямъ, одѣтымъ въ описанные мною выше кисейные костюмы, не возбраняется и возлежать во время представленія. Въ антрактахъ разносчики разносятъ чай, крендели и другіе припасы. Часть театральныхъ ложъ, предназначаемыхъ для женщинъ, закрытыя, другія напоминаютъ наши, только убранство ихъ много бѣднѣе и хуже. Есть индійская опера, драматическія представленія, комедіи и водевили. Я былъ въ Калькуттѣ не въ театральный сезонъ и слишкомъ короткое время, потому могъ попасть только одинъ разъ въ такой театръ. Сюжетомъ видѣнной мною пьесы была одна изъ сказокъ „Тысячи и одной ночи“. Разговоры здѣсь постоянно чередуются съ пѣніемъ подъ аккомпанименъ оркестра. Эти индійскія мелодіи протяжны, имѣютъ чисто-восточный, не поддающійся описанію, характеръ, но не лишены музыкальности и могутъ съ удовольствіемъ слушаться европейскимъ ухомъ. Не зная языка, я не могъ судить объ

исполненіи актеровъ, дѣйствовавшихъ среди чисто-европейскаго характера сцены. Въ антрактахъ музыка европейскаго оркестра играла вальсы и кадрили. Публика держала себя весьма тихо и чинно, и порядокъ нарушали только англичане-туристы, громко разговаривавшіе въ ложахъ, игнорируя все окружающее. Въ фойе театра я съ удивленіемъ встрѣтилъ родъ маленькаго капища.

Болѣе удаленныя отъ центра улицы Калькутты уже носятъ чисто-азіатскій характеръ. Та же скученность маленькихъ лавочекъ съ разными разностями, та же неряшливость обстановки. Но кварталы эти громадны, и какъ въ Лондонѣ, такъ и здѣсь можно жить годы, не зная всѣхъ перекрещивающихся и перепутывающихся улицъ Калькутты. Калькутта европейская гораздо богаче памятниками различныхъ англійскихъ губернаторовъ и дѣятелей и храмами различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, храмами нерѣдко очень изящной архитектуры, но обыкновенно теряющимися въ массѣ другихъ зданій и построекъ. Калькутта расцвѣла благодаря англійской торговлѣ, и эта торговля и чисто-денежные интересы стянули сюда громадное населеніе. Потому склады, высшія и среднія учебныя заведенія, учрежденныя туземцами, а не храмы составляютъ достопримѣчательность города. Изъ послѣднихъ заслуживаетъ описанія только храмъ въ честь Кали, жены Сивы; онъ находится на берегу стараго русла Ганга, въ немногихъ миляхъ отъ Калькутты. Храмъ выстроенъ лѣтъ 300 тому назадъ. Паломники стекаются сюда массами во время праздника, этотъ праздникъ установленъ въ честь побѣды богини Кали надъ врагами, напавшими на нее подъ видомъ буйволовъ.

Первая часть празднества состоитъ изъ церемоніи приглашенія богини войти въ громадный, сдѣланный изъ глины, истуканъ и предшествующихъ этой церемоніи молитвъ, имѣющихъ цѣлью разбудить богиню, которая, какъ предполагается, спала передъ этимъ два мѣсяца. Затѣмъ слѣдуетъ самое празднество, длящееся 3 дня, во время котораго приносятся обильныя кровавыя жертвы. Въ Бенгаліи каждое божество имѣетъ своихъ излюбленныхъ животныхъ, которыя ему и приносятся въ жертву. Кали—приносятся корова и буйволъ, при чемъ возносятся мольбы о томъ, чтобы богиня даровала долгую жизнь, громкое имя, счастье, сыновей, богатство и исполненіе всякихъ желаній. Послѣ полудня, на четвертый день, духъ богини покидаетъ истукана, который и выбрасываютъ въ рѣку. Празднества сопровождаются длинными процессіями. Во время ихъ совершается переносъ длинныхъ бамбуковыхъ шестовъ и различныхъ бумажныхъ изображеній, съ музыкой и пляской. Другой праздникъ, установленный въ честь Кали, это тотъ, когда поклонники ея подвергаютъ себя всевозможнымъ истязаніямъ, втыкаютъ себѣ въ тѣло ножи, куски желѣза, прожигаютъ тѣло раскаленнымъ

металломъ или бросаются сверху на бамбуковую платформу, утыканную ножами, поставленными, впрочемъ, такъ, что они не втыкаются въ тѣло, но падаютъ подъ его тяжестью; все это происходитъ при громадномъ стеченіи народа.

Такимъ образомъ Калькутта, съ ея многолюднымъ населеніемъ, представляетъ странную смѣсь европейской науки съ ея учеными профессорами и послѣдними открытіями, съ одной стороны, темнаго языческаго невѣжества съ другой стороны.

Индусы и ихъ религія.

(А. Краснова).

Индусская семья по строю своему нѣсколько напоминаетъ великорусскую крестьянскую семью. Все управленіе, всѣ деньги, вся власть находятся въ рукахъ отца семейства или старѣйшаго члена семьи. Всѣ остальные находятся у него въ полномъ повиновеніи, играя роль дѣтей и батраковъ. Отецъ самодержавно управляетъ семьей; онъ придерживается старой религіи, старыхъ обычаевъ и врагъ новшествъ и непроизводительныхъ тратъ. Его жена—хозяйка въ домѣ: она стряпаетъ кушанье, командуетъ женскимъ персоналомъ дома, и отъ нея достается женамъ сыновей гораздо больше, чѣмъ нашимъ молодымъ крестьянскимъ женщинамъ отъ свекрови. Хозяйка вмѣстѣ съ дочерьми и золовками живетъ въ женской половинѣ дома, не выходя днемъ къ мужчинамъ. Сыновья—работники въ семьѣ, дочери—источникъ расхода. Этимъ опредѣляется отношеніе къ нимъ съ самаго рожденія. Сыновья распредѣляются отцомъ на работы по хозяйству или отправляются на заработки, но должны отдавать заработанныя деньги отцу. Родители выдаютъ дочерей замужъ и женятъ сыновей; 12-лѣтняя дѣвушка—уже невѣста.

Если бы не прирожденная мягкость индуса, положеніе женщины здѣсь было бы ужасно. Вотъ выдержки изъ наставленій женщинамъ: „Мужъ есть религія жены; онъ долженъ быть единственнымъ предметомъ ея заботъ и занятій; онъ долженъ составлять для жены все. Она должна думать и размышлять о мужѣ, какъ о Брамѣ. Его приказанія должны быть святы для нея, какъ наставленія Ведъ *). Мужъ жены долженъ быть ея богомъ. Когда онъ доволенъ, Брама доволенъ. Мужъ есть духовникъ и наставникъ жены, ея гордость, ея честь, источникъ ея счастья, основатель ея благосостоянія, ея небо, ея освободитель отъ печали и грѣха“. Поэтому женщина и ведетъ замкнутую жизнь, ея рожденіе

*) Священныя книги индусовъ.

есть несчастіе для нея и для семьи ея. Ея мечта—имѣть хорошаго мужа и хорошихъ сыновей, къ чему она и стремится. Она въ полномъ смыслѣ рабыня мужа, и въ высшихъ классахъ общества ее могутъ посѣщать только въ присутствіи сестеръ ея мужа; она не смѣетъ разговаривать съ мужемъ днемъ, обѣдать съ нимъ за однимъ столомъ. Не стоитъ, я думаю, и говорить о томъ, что она является предметомъ тиранніи для свекрови.

Но все-таки, говорятъ, эта жизнь есть рай по сравненію съ жизнью вдовы, не имѣющей дѣтей. А такихъ вдовъ множество, такъ какъ выдаютъ замужъ чуть не грудныхъ дѣтей. Ихъ положеніе такъ тяжело, что чуть ли не наилучшимъ исходомъ изъ него является самосожженіе. И хотя этотъ варварскій обычай и запрещенъ англійскими законами, но послѣ запрещенія (1830 г.) послѣдній случай его былъ сравнительно недавно—въ 1880 г. Остающіяся въ живыхъ вдовы получаютъ пищу только одинъ разъ въ день, при чемъ два дня въ каждомъ мѣсяцѣ онѣ не должны ѣсть ничего. Онѣ не имѣютъ права носить никакого украшенія, лишены всякихъ удовольствій. Преслѣдованія родственниковъ доводятъ иногда вдову до самоубійства.

Характерной чертой здѣшняго населенія является раздробленность его на касты, въ практической жизни играющая очень большую роль. Древнее раздѣленіе на 4 касты,—браминовъ, воиновъ, купцовъ и земледѣльцевъ,—съ теченіемъ времени измѣнилось. Массы людей, выбрасываемыя изъ среды этихъ кастъ, мало-по-малу составили новыя касты съ новыми традиціями и узаконеніями; число этихъ кастъ въ Индіи доходитъ теперь до многихъ сотенъ.

Каждая изъ этихъ кастъ обыкновенно имѣетъ свои традиціи, свои собранія, своего предводителя, напоминая въ этомъ отношеніи средневѣковые цехи.

Ни въ какой странѣ міра не придается такое значеніе происхожденію, какъ здѣсь. Оно опредѣляетъ занятія, заставляя людей извѣстнаго происхожденія заниматься одною спеціальностію; представители различныхъ кастъ, имѣютъ рѣзко очерченный типъ, какимъ у насъ является лакей, офеня, сапожный подмастерье, сидѣлецъ и т. п. Но въ то время какъ у насъ есть возможность представителямъ всѣхъ этихъ спеціальностей родниться между собой, бывать другъ у друга, обѣдать, даже мѣнять одну спеціальность на другую, здѣсь это невозможно; рознь здѣсь такъ велика, что даже, напр., сосудъ плотника, изъ котораго напьется прачка, уже осквернень, и онъ уже не можетъ пить изъ него. Хижина рабочаго, если въ нее войдетъ владѣлецъ плантаціи, будетъ также считаться оскверненной—и должна быть покинута. Только люди опредѣленныхъ кастъ могутъ служить у европейца прислугой, при чемъ тотъ, кто ходитъ за лошадью и управляетъ ею, уже не станетъ чистить

конюшни или рѣзать травы; тотъ, кто ходитъ за комнатой, не согласится стряпать или стирать и т. п. Вотъ почему бываетъ необходимо даже въ скромныхъ хозяйствахъ держать до 10 человѣкъ прислуги, но и тѣ дѣлаютъ меньше и хуже, чѣмъ одинъ или два европейца въ нашихъ странахъ, и только дешевизна рабочихъ рукъ позволяетъ мириться съ этими плохими работниками.

Въ каждомъ поселкѣ есть хоть одинъ браминъ, играющій роль домоваго и храмового жреца или домашняго учителя, такъ какъ преподаваніе здѣсь все въ рукахъ духовенства.

Онъ смотритъ за домашними божками индусскаго семейства. Онъ имъ молится, одѣваетъ и кормитъ ихъ. Онъ, а не члены семьи обязанъ возносить молитвы и умилостивлять домашнихъ пенатовъ. По его инициативѣ индійскіе боги отъ времени до времени „дѣлаютъ визиты“ въ крестьянскую семью. Лѣпится изъ глины идолъ и несется въ храмъ. Тамъ молятся и просятъ бога войти въ сдѣланное изображеніе, которое съ торжествомъ несется въ домъ, гдѣ и остается 2—3 дня, посвящаемые празднествамъ и торжествамъ, въ которыхъ, конечно, принимаютъ почетное участіе брамины. Затѣмъ чучело уносятъ обратно въ храмъ, духъ покидаетъ идола, и съ той минуты идолъ этотъ есть опять кусокъ глины, который бросаютъ въ рѣку, наподобіе того какъ у насъ сжигаютъ чучело зимой на масленицѣ кое-гдѣ въ захолустныхъ деревняхъ сѣверной Россіи.

Индусы не имѣютъ иныхъ священниковъ, кромѣ касты браминовъ. Подобно нашимъ раскольникамъ, они распадаются на массу сектъ и толковъ, настолько мало между собой имѣющихъ общаго, что трудно сказать, что люди, ихъ исповѣдующіе, принадлежатъ къ одной и той же религіи. Эти религіозныя секты имѣютъ въ основѣ своей почитаніе двухъ главныхъ божествъ—Вишну и Сивы.

Различныя секты отличаются другъ отъ друга знаками, накрашиваемыми бѣлою, красною или желтою красками на лбу. У секты Вишну преобладаютъ вертикальныя, у сиваитовъ горизонтальныя линіи.

Обыкновенно поклонники Вишну и Сивы имѣютъ различные храмы.

Сива—богъ разрушитель и созидатель—почитается какъ дарователь жизни. Съ культомъ Сивы обыкновенно связанъ культъ жены его Парвати или страшной богини Кали, изображаемой въ видѣ чернаго или краснаго идола со многими руками и съ ожерельями изъ человѣческихъ череповъ. Этой страшной богинѣ приносятся кровавыя, а въ былыя времена приносились и человѣческія жертвы. Сынъ Парвати, Ганеза—безобразное чудовище съ головою слона о трехъ глазахъ, одномъ клыкѣ и съ 4 руками; онъ особенно почитается купечествомъ.

Вишну—хранитель міра и для его обновленія и улучшенія неоднократно воплощался въ видѣ различныхъ существъ. Послѣднія изъ этихъ

воплощеній въ видѣ героя Рамы и, особенно, въ видѣ пастуха Кришны весьма почитаются народомъ. Похожденія перваго описаны въ извѣстной индійской поэмѣ Рамаянѣ.

Храмы Вишну отличаются отъ храмовъ Сивы отсутствіемъ увѣнчивающаго послѣдніе двузубца. Въ нихъ допускаются въ изобиліи ручныя обезьяны, кормимыя пилигримами.

Различныя похожденія всѣхъ этихъ боговъ изображаются въ видѣ мистерій, а главнѣйшія событія знаменуются храмовыми праздниками, нерѣдко сопровождающимися перенесеніемъ идоловъ изъ одного храма въ другой при громадныхъ стеченіяхъ народа. Эти религіозныя торжества и являются праздниками для народа, ради которыхъ онъ отрывается отъ своихъ дѣлъ. Кромѣ того, каждый индусъ хотя разъ совершаетъ паломничество къ святымъ мѣстамъ или священнымъ рѣкамъ Гангу и Джумнѣ, которыя боготворятся и въ честь которыхъ совершаются весьма эффектныя богослуженія. Эти-то праздники и являются единственными въ жизни индуса, а такъ какъ они не особенно часты, то это на руку плантаціямъ. Рабочіе на нихъ и не имѣютъ воскресеній, и работа мѣсяцами идетъ безпрерывно.

На ряду съ этими богами имѣется цѣлая масса боговъ, олицетворяющихъ силы природы, и боговъ покровителей селеній, изображенія которыхъ ставятся въ храмахъ.

Эти сельскіе храмы не отличаются величиной, и рѣдко вы между ними встрѣтите эффектное архитектурное зданіе. Храмы индусовъ обыкновенно являются созданіемъ нѣсколькихъ лицъ, построившихъ ихъ ради искупленія грѣховъ или для заслуги передъ богами. Богатый человѣкъ предпочитаетъ построить 7 маленькихъ храмовъ въ разныхъ мѣстахъ и разнымъ богамъ, чѣмъ одинъ большой. Да для того назначенія, какое имѣютъ индійскіе храмы, нѣтъ надобности въ большихъ постройкахъ. Здѣсь не собирается народъ, не совершается богослуженіе въ нашемъ смыслѣ этого слова. Индусъ, приходящій въ храмъ, ограничивается тѣмъ, что обойдетъ вокругъ него, сдѣлаетъ приношеніе жрецу, постарается взглянуть на находящагося въ храмѣ идола и, простершись передъ нимъ ницъ, вернется домой; поэтому большинство храмовъ бываетъ не больше 10—12 футовъ. Такой храмъ окруженъ внѣшнимъ дворомъ, обыкновенно четырехугольной формы, обнесеннымъ верандами и каморками для пилигримовъ. Въ глубинѣ двора помѣщается капище; оно раздѣлено на два отдѣленія: пріемную и собственно капище, въ которомъ находится идолъ. При входѣ въ послѣднее обыкновенно помѣщается колоколъ. Богослуженіе совершаетъ одинъ жрецъ; народъ при этомъ не присутствуетъ, такъ какъ для него оно не представляетъ ничего интереснаго и привлекательнаго. Брамінъ бормочетъ непонятные санскритскіе тексты и подноситъ богамъ дары. Само бого-

служеніе даже не столько состоитъ изъ молитвъ, сколько изъ ухаживанія за идоломъ, какъ за живымъ существомъ: его одѣваютъ, кормятъ, растираютъ маслами, выносятъ на воздухъ и т. п. Самъ идолъ—очень безобразное изображеніе изъ камня и глины.

Болѣе просвѣщенные индусы исповѣдуютъ такъ называемую Веданту, или основанное на Ведахъ ученіе о нравственности.

Однимъ словомъ, индійская вѣра, не имѣя господствующей церкви, представляетъ хаосъ сектъ и толковъ самаго разнообразнаго характера.

Подъ вліяніемъ этихъ религій и этой обстановки и выработались характерныя черты индусовъ. Каковы бы ни были вѣроучители, исторія показала въ этихъ всѣхъ сектахъ и религіяхъ, что мало-по-малу лишенная просвѣщенія масса снова впадала въ фетишизмъ, дѣлалась жертвой эксплуатаціи не менѣе невѣжественнаго духовенства, и что теперь только, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и распространеніемъ школъ, начинаютъ исчезать предразсудки, въ которыхъ коснѣютъ индійскіе народы. Уже теперь каждый округъ британскихъ владѣній въ Индіи имѣетъ школу, число безграмотныхъ быстро уменьшается и можно надѣяться, что эти школы подымутъ лучшія черты индійскаго народа, а недостатки подавятъ. Однако всей этой массѣ общи черты, отличающія ее отъ другихъ народовъ.

Всѣмъ индусамъ свойственъ фатализмъ. Ихъ судьба предопредѣлена богами и борьба противъ этого предопредѣленія, напримѣръ, въ случаѣ болѣзни, по ихъ мнѣнію, безполезна. Все зло, по общему мнѣнію, есть продуктъ Майи—самообмана, самообольщенія, заставляющаго человѣка забывать, что онъ и создавшее его божество—едино.

Всѣ безъ исключенія индусы вѣруютъ въ переселеніе душъ, въ многократныя возрожденія въ низшихъ и высшихъ степеняхъ и во временныя наказанія въ различныхъ отдѣленіяхъ ада, при чемъ описанія ихъ весьма напоминаютъ тѣ, которыя рисуются для нашего народа на лубочныхъ картинкахъ. Такъ, ябедниковъ помѣщаютъ въ кипящее масло; обидѣвшихъ лицо высшей касты будутъ грызть свиньи; оскорбившаго религіозныхъ нищихъ воткнутъ головой внизъ въ жидкую грязь. Убійца брамина будетъ собакою, осломъ, буйволомъ и т. п. Укравшій золото у священника тысячу разъ будетъ возрождаться въ видѣ паука, змѣи и т. п. Существо, разъ потерявшее человѣческій обликъ, должно пройти черезъ 8.000.000 возрожденій, чтобы получить его вновь, проходя черезъ стадію камней, растеній, водныхъ существъ, насѣкомыхъ, птицъ, животныхъ, людей низшихъ кастъ и браминовъ. Затѣмъ только оно сливается съ верховнымъ божествомъ Брамой.

Потому-то всѣмъ индусамъ обще также и воззрѣніе на смерть, какъ на избавленіе отъ золъ этой жизни, связанное съ надеждой на возрожденіе въ лучшей будущей. Но духу при этомъ приходится совершать

далекое путешествіе, пока не достигнетъ онъ береговъ Ганга. Поэтому великимъ счастьемъ считается умереть или быть сожженнымъ на берегу этой рѣки. Нѣтъ ничего удивительнаго, что по берегамъ Ганга, Джумны и другихъ его притоковъ путешественнику чаще, чѣмъ гдѣ-либо, приходится видѣть сцены сожженія покойниковъ.

Бенаресъ.

(Фонъ-деръ-Лауницъ).

Лучшій способъ видѣть религіозную жизнь Бенареса — это провести раннее утро, отъ зари до 9 часовъ, въ лодкѣ на Гангѣ, плавая то внизъ, то вверхъ по теченію. Лодки, или, вѣрнѣе сказать, маленькія барки, приспособленныя для катанья по Гангу, очень удобны: широкія, съ высокой палубой, устроенной надъ крытымъ помѣщеніемъ, куда можно скрыться отъ палящихъ лучей солнца. Четыре гребца, полунагіе темные индусы низшей касты, сидятъ внизу, внѣ крытаго помѣщенія и орудуютъ то веслами, то баграми. Раннимъ утромъ лучше всего быть на палубѣ, съ которой, сидя въ удобномъ плетеномъ креслѣ, часами можно безпрепятственно слѣдить за всѣмъ происходящимъ и на набережныхъ, и на лѣстницахъ, и въ водѣ. Необычайное зрѣлище представляется глазамъ наблюдателя: къ красивому, оригинальному и поэтичному примѣшивается много страннаго, непонятнаго и, повидимому, нелѣпаго.

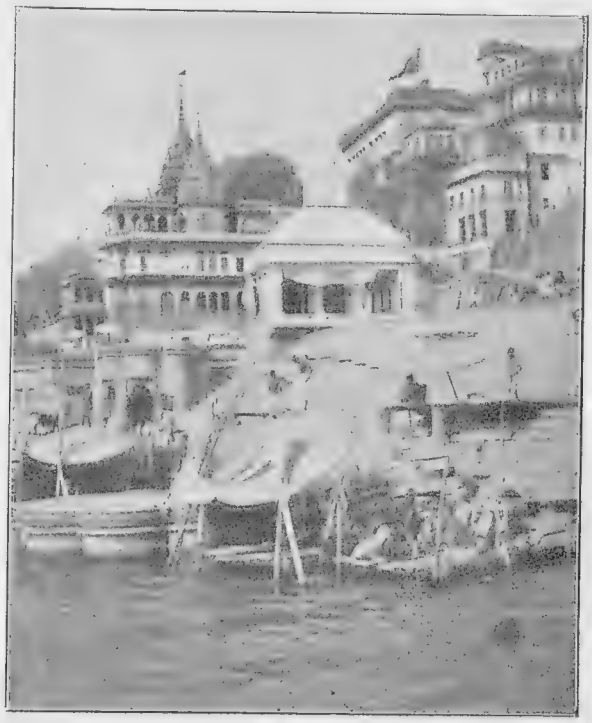
Мягкій полусвѣтъ ранняго утра только что поборолъ ночную тьму надъ „святымъ Гангомъ“. Невозмутимо величественно катитъ онъ свои мутныя волны мимо широкихъ каменныхъ лѣстницъ, опускающихся къ его водѣ съ лѣваго высокаго берега, на которомъ амфитеатромъ расположены дворцы, храмы, часовни, возвышаются конусообразныя крыши и купола стараго священнаго Бенареса.

Сонный бархатистый воздухъ пронизывается освѣжающими струйками вѣтра. Востокъ серебрится. Все просыпается: воркуютъ голуби на крышахъ, павлины расправляютъ свои красивые хвосты, сидя на высокихъ оградахъ; появляются обезьяны, направляющіяся къ садамъ и огородамъ за добычей. Надъ безконечными равнинами противоположнаго берега, высоко въ воздухѣ трепещутъ жаворонки, весело воспѣвая появленіе зари, — „вѣчно юной“, „нѣжно блестящей дочери неба“, „лучезарной сестры темной ночи, застѣнчиво-краснѣющей возлюбленной восходящаго солнца!“...

Всѣ жители Бенареса давно уже на ногахъ. Толпы индусовъ, мужчинъ и женщинъ, стремятся къ рѣкѣ, чтобы изъ воды привѣтствовать восходящее солнце.

Въ Индіи разсвѣтъ наступаетъ быстро, а имъ до восхода солнца такъ много надо совершить обрядовъ. Особенно браманамъ - жрецамъ предстоитъ много дѣла: вычистить зубы, выполоскать ротъ, поочередно прочистить то одну, то другую ноздрю, затѣмъ, зажавъ носъ, поупражняться въ задерживаніи дыханія, вымыть голову, завязать узломъ пучокъ волосъ на бритой головѣ, натереть тѣло пепломъ, разрисовать масляными красками особенные знаки на лбу *). На все это едва хватаетъ времени до восхода солнца.

Всѣ поспѣшно раздѣваются: кто на ступеняхъ каменныхъ лѣстницъ, кто въ каменныхъ будкахъ, кто подъ навѣсомъ на плотахъ, кто за развѣшанными простынями. Мужчины остаются въ набедренникахъ, женщины драпируются въ синія простыни, и вся толпа входитъ по поясъ въ воду.



Набережная въ Бенаресѣ.

Одни плаваютъ, другіе ныряютъ, барахтаются, всѣ чистятъ себѣ зубы палочками, полощутъ рты. Говоръ, смѣхъ, шумъ и гамъ!... Но вотъ брызнули первые лучи солнца. Шумъ смолкаетъ моментально, всѣ поворачиваются спиной къ городу и ожидаютъ появленія свѣтила. Лишь только начинаетъ оно выплывать надъ равниной, по ту сторону Ганга, вся толпа привѣтствуетъ его „приношеніемъ воды“: черпая воду руками, индусы подбрасываютъ ее по направленію солнца; чѣмъ дальше отлетаютъ брызги, тѣмъ лучше для вѣрующихъ,—пріобрѣтешь больше милостей; надъ толпою образуется ореолъ серебристыхъ водяныхъ брызгъ. Жрецы въ это время, неподвижно стоя надъ водою, сосредоточенно и торжественно шепчутъ

*) Три горизонтальныя линіи на лбу изображаютъ трезубецъ —, атрибутъ бога Шивы. Три вертикальныя линіи означаютъ три шага Вишны.

таинственный слогъ „а-у-м-омъ“. Затѣмъ обращаются они къ солнцу съ слѣдующимъ воззваніемъ: „мы обожаемъ благородный свѣтъ божественнаго Савитри*), да оживитъ онъ наши молитвы! Богатыми приношеніями и молитвой просимъ мы его благодѣяній. Воодушевляемые молитвой, направляемые мудростью, мы, жрецы, жертвами и гимнами славимъ божественнаго жизнедателя“.

Жрецы продолжаютъ молиться. „Во́ды,—говорятъ они, поливая себѣ макушку головы, — во́ды, дайте намъ силу и мощь; какъ любящія матери, благословите насъ и да проникнетъ въ насъ ваша святость! О, Гангъ, любимецъ Вишну, очисти насъ отъ грѣхорожденія и до смерти оберегай насъ, твоихъ служителей!“ Наконецъ приступаютъ жрецы къ особенному обливанію, называемому „освѣженіе богамъ, мудрецамъ и предкамъ“. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: жрецъ перекладываетъ свою священную нить на лѣвое плечо и, зачерпнувъ рукою воды изъ рѣки, разгибаетъ ладонь и пропускаетъ воду струйками между вытянутыми пальцами той же руки. Второй разъ священная нить должна окружить шею, а вода должна вытекать изъ ладони между большимъ и указательнымъ пальцами. Въ третій разъ нить перекладывается на правое плечо, и вода вытекаетъ опять, какъ въ первый разъ. Подобными обрядами занято все утро жрецовъ, отъ зари до полудня.

Вотъ темный, скелетообразный старикъ одной рукой усердно бьетъ себя въ грудь, другой поливаетъ себѣ голову. Дальше молодой индусъ сосредоточенно черпаетъ воду въ мѣдную чашку и многозначительно выливаетъ ее обратно въ рѣку, повторяя это движеніе много разъ. Рядомъ стоящій съ нимъ, поднявъ высоко руку, вливаетъ себѣ воду въ ротъ. Нѣкоторые дуютъ на воду, другіе по уши въ водѣ производятъ въ ней клокотаніе особеннымъ движеніемъ губъ.

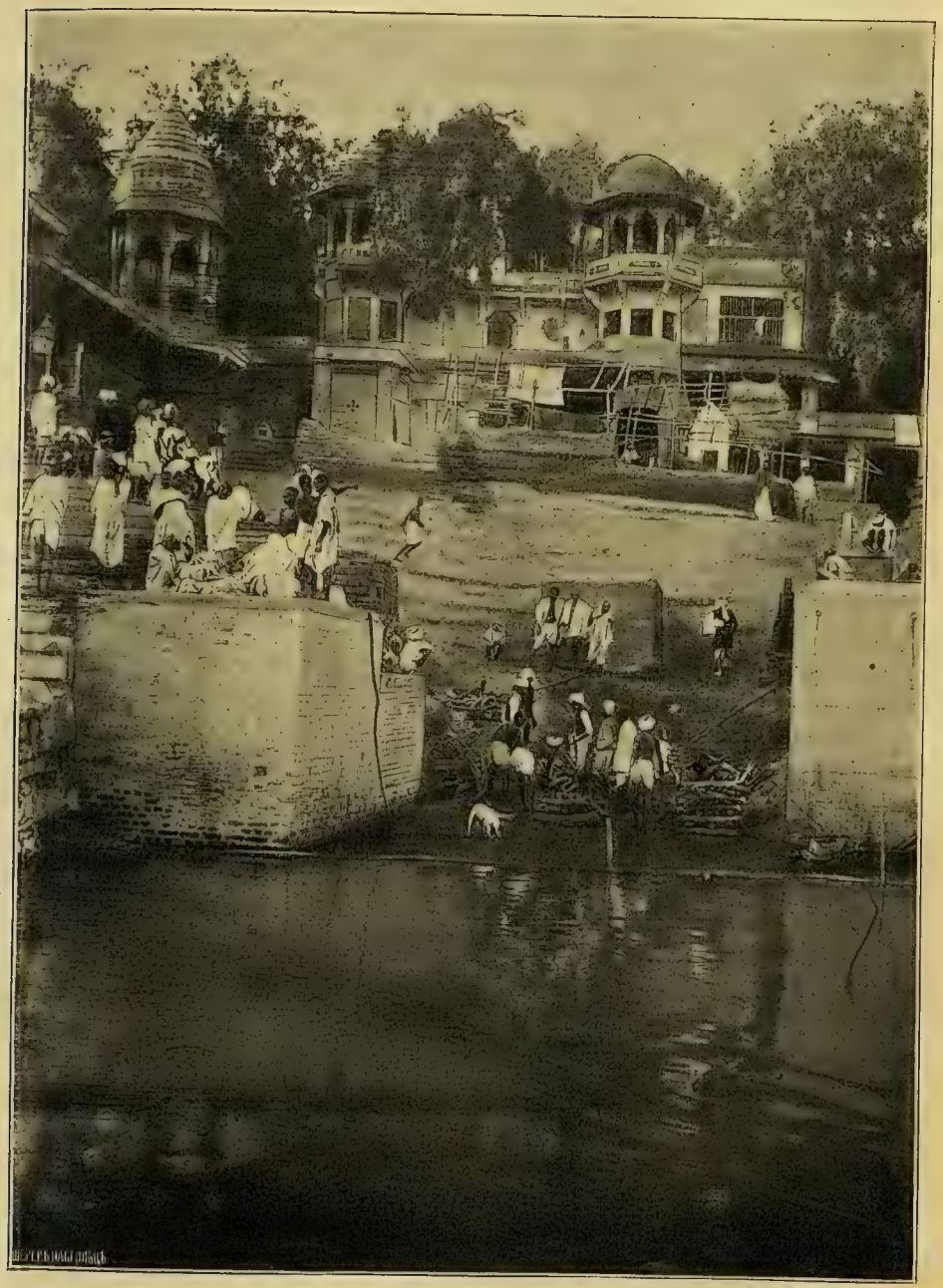
Посмотрите на этихъ худыхъ, сморщенныхъ старухъ: однѣ изъ нихъ продолжительно вертятся въ водѣ, другія, поднявъ руки къ небу, олицетворяютъ собою восторгъ.

Сидя на плотахъ и нашептывая молитвы, жирные бѣлые браманы съ лоснящимися гладко выбритыми головами, лѣниво похлопываютъ длинными вѣтками по водѣ, а надъ ними, на высокой набережной, среди сусты людского муравейника, неподвижно стоитъ съ приподнятой рукой, весь покрытый пепломъ, точно окаменѣлый, факиръ и воспаленными глазами упорно смотритъ на солнце.

Между толпою на набережной разгуливаютъ красивыя бѣлыя коровы; жрецы подбираютъ навозъ этихъ священныхъ животныхъ и смазываютъ имъ стѣны храмовъ и домовъ, — навозъ этотъ имѣетъ силу отгонять злыхъ духовъ.

---

*) „Савитри“—это одно изъ именъ солнца.



Сожженіе покойниковъ.

Вотъ опять жрецы, сидя на пяткахъ, таинственно перебираютъ пальцами, скрывъ руку въ мѣшечкѣ изъ красной фланели; условными знаками они умудряются изобразить всѣ сто восемь воплощеній Вишны.

Стройныя, задрапированныя женщины поднимаются по лѣстницѣ, съ мѣдными кувшинами на головѣ; другія спускаются къ рѣкѣ и бросаютъ въ нее длинныя гирлянды цвѣтовъ,—жасминъ, сирень, маргаритки; еще какіе-то ярко-желтые цвѣты уносятся теченіемъ мутныхъ волнъ, и между ними плывутъ и ныряютъ обугленные человѣческіе трупы. Тутъ же нѣкоторые индусы, по поясъ въ водѣ, съ наслажденіемъ пьютъ эту воду и наполняютъ ею большіе, мѣдные, шарообразные кувшины. Тутъ же моютъ бѣлье; тутъ же плещутся и играютъ безпечныя дѣти, а немного дальше, на берегу рѣки, пылаютъ костры.

Наша барка поровнялась теперь съ очень священной лѣстницей, однимъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ сжигаются трупы. Пахнетъ дымомъ, копотью и чадомъ. Въ окружающей обстановкѣ ни малѣйшей торжественности, берегъ даже отличается запущенностью: полуразвалившіяся ступени каменной лѣстницы, кое-гдѣ небрежно оборудованная набережная, полуразрушенная часовня, храмъ „бога спасенія“, не представляющій ничего особеннаго, и груды сложенныхъ дровъ, образующихъ фонъ картины. На первомъ планѣ, надъ самой водой, сидитъ на пяткахъ полунагой молодой индусъ и блаженно улыбается, — онъ видимо чѣмъ-то очень доволенъ: передъ нимъ трупъ его родителя, обернутый въ простыню, привязанный къ длиннымъ бамбуковымъ палкамъ и наполовину погруженный въ воду, ногами впередъ. Молодой человѣкъ вымачиваетъ его въ священной водѣ, пока складывается костеръ, на которомъ онъ сожжетъ его. Какъ любящій сынъ и набожный человѣкъ, молодой индусъ доволенъ и счастливъ, что можетъ исполнить завѣтную мечту покойнаго отца, сжечь его тѣло въ Бенаресѣ и опустить его кости въ Гангъ, въ эту священнѣйшую рѣку, по преданію истекающую изъ головы Шивы. Нѣтъ грѣха, несмываемаго Гангомъ, особенно подъ Бенаресомъ, гдѣ всякая пядь земли священна.

И тянутся къ Бенаресу длинныя вереницы паломниковъ вдоль рѣки, приносятъ сюда больныхъ и умирающихъ, приносятъ трупы или пепелъ своихъ покойниковъ. Съ древнѣйшихъ временъ, тысячелѣтіями продолжается тутъ все то же движеніе чающихъ спасенія. Болѣе сотни тысячъ пилигримовъ перебываютъ здѣсь въ продолженіе года, не считая тѣхъ, которые являются къ праздникамъ Рамлила и Дивала. Не обращая вниманія ни на свою слабость, ни на трудности пути, тащатся сюда со всѣхъ сторонъ Индіи еле живыя старухи, трясущіеся старцы, поддерживаемые иногда внуками, чтобы передъ смертью окунуться въ священныя волны Ганга, испить священной воды и умереть спокойно въ священныхъ стѣнахъ священнаго города. Бенаресъ главнымъ образомъ

привлекаетъ къ себѣ дряхлыхъ стариковъ и старухъ, но приходятъ и молодые, и здоровые, тутъ можно встрѣтить представителей всѣхъ возрастовъ, всѣхъ кастъ, и нищихъ, и богатыхъ, занятыхъ людей и праздношатающихся, воиновъ, земледѣльцевъ, купцовъ, жрецовъ, мудрецовъ и особенно много факировъ.

Въ былыя времена владѣтельные князья Индіи, раджи и махараджи, являлись сюда, сопровождаемые многочисленной свитой, и принимали дѣятельное участіе въ религіозныхъ празднествахъ и пышныхъ процессіяхъ, стараясь превзойти другъ друга богатыми пожертвованіями въ пользу храмовъ и жрецовъ. Многіе изъ индусскихъ князей выстроили себѣ тутъ дворцы, но въ нынѣшнія времена большинство изъ нихъ рѣдко обитаемы.

Число же остальныхъ пилигримовъ, говорятъ, увеличилось за послѣдніе годы. Каждое утро смѣшиваются они съ коренными жителями Бенареса, совершаютъ обряды то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, по очереди обходятъ всѣ достопримѣчательности и погружаются въ воду во всѣхъ священныхъ мѣстахъ. По утрамъ всюду у воды болѣе или менѣе много народа; но есть особенно излюбленныя лѣстницы, на которыхъ временами буквально кишмя кишатъ несмѣтныя толпы индусовъ. Тутъ ежедневно налицо около 25.000 однихъ жрецовъ, проживающихъ въ Бенаресѣ, а представителей остальныхъ кастъ можетъ быть и въ десять разъ больше.

И надъ всѣмъ этимъ необычайнымъ движеніемъ въ водѣ, надъ всѣмъ этимъ полунагимъ народомъ на лѣстницахъ, амфитеатромъ стоятъ оригинальныя строенія стараго города, растянувшагося вдоль берега Ганга на протяженіи восьми километровъ.

Общій видъ Бенареса чрезвычайно красивъ, особенно съ рѣки. Въ немъ болѣе полуторы тысячи храмовъ, и всѣ эти разнообразные куполы, большіе и малые конусы, съ ихъ кеглеобразными украшеніями, всѣ эти каменныя эмблемы пламени придаютъ ему необычайную оригинальность и живописность.

Картинность Бенареса обусловливается также изгибами рѣки и неправильностью ея береговой линіи. Берегъ не вездѣ одинаковой высоты и очень разнообразно спускается къ водѣ, то крутыми скатами, то пологостями и откосами, кое-гдѣ образуя отмели, въ другихъ мѣстахъ обрывы и отмоины.

Многоэтажные каменные дома съ балконами, галлереями и плоскими крышами громоздятся безъ всякой симметричности на неровной поверхности берега, образуя то ниже, то выше прихотливыя группы зданій, окаймленныхъ темной зеленью пышныхъ мангъ, перистой зеленью мимозъ и другихъ роскошныхъ деревьевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зданія надвигаются къ водѣ, въ другихъ они отдѣлены отъ рѣки садами или площадями, служащими для разгрузки привозимыхъ балокъ, каменныхъ

плитъ, сѣна, соломы и т. д. Набережная не представляетъ ничего правильнаго, всюду царствуетъ живительный безпорядокъ: рядомъ съ мраморнымъ дворцомъ видиѣется обвалившаяся стѣна, дикій обрывъ, поросшій кустарникомъ, въ которомъ прыгаютъ козы. Во многихъ мѣстахъ отмели употребляютъ для свалки дровъ и хвороста, пологій берегъ оставленъ въ своемъ естественномъ видѣ и его окружаетъ цѣлая флотилія лодокъ и барокъ съ высокими бамбуковыми мачтами. Въ другихъ мѣстахъ берегъ укрѣпленъ высокой каменной стѣной, отвѣсно погружающейся въ воду. Дальше устроены искусственныя набережныя съ каменными выступами. Сорокъ семь широкихъ каменныхъ лѣстницъ спускаются изъ города къ рѣкѣ, пересѣкаются площадками, на которыхъ возвышаются высокоглавыя часовенки и павильончики. Нѣкоторые дома и дворцы, выстроенные почти надъ самой рѣкой, отличаются необыкновенно высокими фундаментами, напоминающими крѣпостныя или тюремныя стѣны. Напротивъ, верхніе мраморные фасады этихъ зданій производятъ впечатлѣніе легкости и воздушности, благодаря непрерывному ряду большихъ оконъ безъ стеколъ; этому впечатлѣнію еще болѣе способствуютъ плоскія крыши, съ легкими павильончиками по угламъ, обнесенныя подобно террасамъ, изящными сквозными перилами. У подножія дворцовъ часто тѣснятся маленькія часовни съ миніатюрными портиками и высокими куполами, въ видѣ пламени; узкія каменныя ступеньки круто спускаются отъ папертей къ площадкамъ; ниже, поблизости къ водѣ, построено множество каменныхъ будокъ съ плоскими крышами, въ видѣ лежанокъ, на которыхъ индусы прохлаждаются послѣ купанья; для этой же цѣли въ другихъ мѣстахъ прилажены деревянные помосты. Въ водѣ, у самаго берега, безконечное число маленькихъ плотовъ, и всѣ эти пристройки, выступы, ступени, площадки, лежанки, террасы оживлены по утрамъ множествомъ народа, который копошится, гомозится, торгуетъ, закусываетъ, калякаетъ, прохлаждается, отдыхаетъ, мечтаетъ и философствуетъ подъ тѣнью громадныхъ зонтиковъ изъ цыновокъ. Какъ гигантскіе грибы на тоненькихъ ножкахъ, появляются всюду эти зонтики-щиты, по мѣрѣ того, какъ солнце начинаетъ палить.

Раннимъ утромъ воздухъ свѣжъ, чистъ и прозраченъ. Нѣжная дымка розовой дали придаетъ необыкновенную прелесть живописному берегу рѣки. Потоки солнечнаго свѣта теплой волной заливаютъ косыя площади широкихъ лѣстницъ, пестрѣющихъ народомъ. Утренніе лучи солнца красиво освѣщаютъ всѣ зданія города, играютъ и переливаютъ по свѣтлокаменнымъ рѣзнымъ куполамъ, оживляютъ пламеновидные верхи часовенъ, ярко горятъ на темнокрасныхъ конусахъ и башняхъ, скользятъ и искрятся по златоглавому храму „бога яда“, придаютъ стройность колоннадамъ, прозрачность периламъ, воздушность балконамъ и павильонамъ, придаютъ всему особенную свѣжесть и поэтичность.

Но вотъ солнце поднялось выше и все измѣнилось: при яркомъ освѣщеніи сверху картина теряетъ свое прежнее обаяніе, все становится рѣзче, грубѣе, тяжелѣе; обнаруживается грязь и неприглядность города; къ тому же при дѣйствіи палящихъ лучей солнца отовсюду подымаются зловонія: запахъ гніющихъ цвѣтовъ присоединяется къ дыму и копоти костровъ, къ удушливымъ испареніямъ грязныхъ улицъ и дворовъ, смрадныхъ прудовъ и колодцевъ.

Яркое, раздражающее отраженіе свѣта съ поверхности мутной рѣки

На берегу священнаго Ганга.

непріятно, утомительно дѣйствуетъ на глаза и на голову, ощущается потребность скорѣе войти въ тѣнь.

Набережная пустѣетъ; остается на рѣкѣ только работящій людъ, нагружающій барки.

Жрецы, а за ними пилигримы и толпа праздношатающихся, направляются къ храмамъ и часовнямъ для исполненія новыхъ обрядовъ. Жрецамъ надо теперь заняться мытьемъ идоловъ и окропленіемъ всѣхъ жертвоприношеній.

Быстрымъ и шумнымъ потокомъ разливается толпа по всѣмъ направленіямъ города, по всему лабиринту извилистыхъ, узенькихъ, сырыхъ, грязныхъ, полутемныхъ переулковъ, съ нависшими галлереями домовъ, съ рядами лавокъ и лавченокъ, безпорядочно заваленныхъ мѣдными издѣліями, главной спеціальностью Бенареса.

Кувшины, вазы, чашки, кубки, маленькіе алтари, идолы переполняютъ лавки и окружаютъ ихъ даже снаружи, на улицѣ. Вездѣ грязно, вездѣ тѣсно настолько, что экипажи немыслимы въ центрѣ города.

Почти всѣ храмы застроены частными домами или скрыты за высокими оградами и, чтобы разглядѣть ихъ оригинальные куполы, надо подняться въ верхній этажъ близстоящаго дома.

Несмотря на красоту города издали, вблизи онъ очень непригляденъ. Въ немъ нѣтъ ни одного особенно древняго зданія, хотя Бенаресу около трехъ тысячъ лѣтъ. Монголы, завоевавъ Бенаресъ въ 1194 году послѣ Р. Х., уничтожили всѣ бывшіе въ немъ храмы. Владычество монголовъ продолжалось нѣсколько столѣтій (до англійской оккупаціи въ 1775 г.), и понынѣ напоминаетъ оно о себѣ большой мечетью, воздвигнутой побѣдителями въ священнѣйшей мѣстности города, на фундаментѣ разрушеннаго имъ храма Шивы. Побѣдоносно парятъ и теперь высоко надъ всѣми куполами города два стройныхъ мусульманскихъ минарета; но побѣдоносность эта только кажущаяся: побѣжденные давно отомстили за поруганіе своей святыни и такъ застроили главный входъ въ мечеть, что мусульмане, какъ воры, должны прокрадываться въ нее черезъ узенькую боковую дверь.

Изъ индусскихъ храмовъ Бенареса самый почитаемый и болѣе всѣхъ посѣщаемый храмъ „бога яда“, „Бишешваръ“ — съ замѣчательнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ, золотымъ куполомъ. „Богъ яда“ тотъ же Шива, главное божество Бенареса. Но въ храмѣ „Бишешварѣ“ нѣтъ изображенія этого бога, а воздвигнутъ только простой коническій камень, которому и покланяются. Вѣрующій приноситъ въ мѣдномъ кувшинѣ немного воды изъ Ганга, обливаетъ ею камень, звонитъ въ висящій тутъ же колоколъ, чтобы обратить вниманіе бога на свое приношеніе, низко кланяется, бормочетъ тексты, нѣсколько разъ выкрикиваетъ имя бога, и, обмакнувъ палецъ въ красную краску, каждый поклонникъ ставитъ себѣ точку среди лба и отправляется дальше.

Въ храмахъ постоянное движеніе, постоянный шумъ; благоговѣйная тишина отсутствуетъ вполнѣ, входящіе и выходящіе безцеремонно громко разговариваютъ между собою: по понятіямъ индусовъ, шумъ усиливаетъ значеніе всякой религіозной церемоніи и пріятенъ богамъ.

Побывавъ въ главномъ храмѣ, толпа направляется къ другимъ, преклоняется передъ своими излюбленными богами и испрашиваетъ себѣ милостей по спеціальностямъ боговъ.

Тутъ богиня „Сидла“ избавляетъ отъ оспы; тамъ богиня „Гайри“ излѣчиваетъ отъ лихорадокъ; „Бараханъ-Деви“ уничтожаетъ опухоль рукъ и ногъ, а въ храмахъ „Шукарзешваръ“, посвященныхъ планетѣ Венерѣ, особенными молитвами выпрашиваютъ себѣ красивыхъ сыновей.

Вокругъ храма богини „Аннапурна“ собираются преимущественно нищіе, убѣжденные, что этой богинѣ поручено кормить ихъ. „Анна“ значитъ пища, „пурна“ — наполняющая. И дѣйствительно, пустые желудки наполняются здѣсь всякими съѣдобными жертвоприношеніями, присылаемыми богатыми людьми для раздачи нищимъ.

Въ одномъ мѣстѣ толпа покланяется изображеніямъ змѣй; въ другомъ навѣщаетъ священныхъ обезьянъ и угощаетъ ихъ сластями; въ третьемъ кормитъ священныхъ коровъ свѣжей травой и цвѣтами; въ четвертомъ подноситъ сахарныхъ собакъ идолу Шивы съ серебрянымъ лицомъ и четырьмя руками: богъ этотъ особенно покровительствуетъ собакамъ и ѣздитъ иногда на собакѣ невидимкѣ. Жрецъ этой часовни обмахиваетъ приходящихъ вѣеромъ изъ павлиньихъ перьевъ, этимъ отгоняя злыхъ духовъ, за что получаетъ подаяніе, собираемое имъ въ скорлупу кокосоваго орѣха.

Толпа обходитъ священные пруды и колодцы, въ которыхъ обитаютъ боги. Одинъ такой прудикъ отличается особенно гнилой водой, которая, однако, пользуется преимуществомъ очищать людей отъ самыхъ ужасныхъ грѣховъ. Со всѣхъ сторонъ Индіи являются кающіеся преступники и за дорогую плату жрецамъ получаютъ позволеніе погрузиться въ эту гнилую воду. Жрецъ сопровождаетъ преступника, съ нимъ вмѣстѣ сходитъ въ прудъ, читаетъ тамъ извѣстныя молитвы, повторяемыя грѣшникомъ, послѣ чего уже получается отрѣшеніе отъ всѣхъ грѣховъ.

Народъ бросаетъ въ колодцы и пруды множество цвѣтовъ, сладкое печенье, фрукты, рисъ, сандалъ и вливаетъ туда молоко. Жрецы усердно поливаютъ всѣ эти приношенія священной водой изъ Ганга и этимъ ускоряютъ процессъ гніенія. Воздухъ въ городѣ зараженъ всюду, но самая ужасная атмосфера паритъ надъ знаменитымъ „Колодцемъ Знанія“, обитаемымъ Шивой. Легенда гласитъ, что когда монголы разрушили храмъ этого бога, то идолъ его по собственному влеченію выбралъ себѣ этотъ пріютъ. Съ тѣхъ поръ индусы приносятъ ему такія обильныя жертвы, такъ усердно и при этомъ такъ неряшливо поливаютъ ихъ водой, что большія лужи стоятъ вокругъ колодца и слякоть облипаетъ ноги посѣтителей. Наплывъ народа и толкотня здѣсь невообразимые; постоянно являются новыя группы на смѣну уходящимъ, все вновь приносятся свѣжіе цвѣты и всыпаются въ колодецъ.

Надо побывать въ Бенаресѣ, чтобы понять, до чего подавляюще дѣйствуетъ запахъ гніющихъ растеній, никогда не сметаемыхъ и только вновь окропляемыхъ водой. Ноги скользятъ по липкой грязи изъ раз-

давленныхъ цвѣтовъ, покрывающихъ улицы. Съ опасеніемъ двигаешься по всѣмъ этимъ грязнымъ извилистымъ переулкамъ, и всюду вновь натыкаешься на маленькіе алтари среди улицы, вокругъ которыхъ грязь еще гуще! Въ Бенаресѣ поразительно много идоловъ и всѣмъ имъ болѣе или менѣе преподносятъ цвѣты. Почти на всѣхъ перекресткахъ, надъ многими дверьми, почти на всѣхъ углахъ домовъ устроены ниши, въ которыхъ возсѣдаютъ уродливые боги, выкрашенные то въ красный, то въ синій цвѣта. Ганеза — божокъ со слоновой головой, Кали — съ ожерельемъ изъ человѣческихъ головъ, Гануманъ, царь обезьянъ, и масса другихъ боговъ, многорукихъ, многоногихъ, многоголовыхъ!..

Нѣкоторыя стѣны храмовъ и домовъ разукрашены грубо намалеванными громадными фигурами боговъ и животныхъ.

Голова кружится отъ этого безмѣрнаго нагроможденія уродливыхъ формъ, становится дурно отъ зловоній, отъ толкотни и тѣсноты, отъ всего этого снующаго народа, отъ грязныхъ факировъ, отъ гримасъ обезьянъ. Васъ оглушаетъ говоръ толпы, воркованіе безчисленныхъ голубей, шумъ во дворахъ храмовъ, грохотъ барабановъ, звонъ колокольчиковъ, неистовое выкрикиваніе именъ излюбленныхъ боговъ, бормотаніе жрецовъ, которые къ тому же утомляютъ своимъ назойливымъ попрошайничествомъ; каждый изъ жрецовъ старается привлечь чѣмъ-нибудь вниманіе иностранца, набрасываютъ на него капканы, т.-е. гирлянды изъ цвѣтовъ, — поэтичный индійскій обычай при пріемѣ гостей, превращенный алчными жрецами въ вымогательство денегъ.

Съ облегченнымъ сердцемъ, точно пробуждаясь отъ лихорадочнаго сна, выходишь, наконецъ, изъ этого удручающаго лабиринта на широкую улицу, прорѣзывающую туземный городъ во всю его длину. Садишься въ экипажъ и отъѣзжаешь въ европейскій кварталъ; въ немъ много простора, какъ во всѣхъ англо-индійскихъ кварталахъ; широкія аллеи, паркъ, отдѣльно стоящіе одноэтажные дома, окруженные садами, англійская церковь, маленькое кладбище съ клумбами цвѣтовъ, казармы, школы, университетъ. Но несмотря на то, что все чисто, что сады благоухаютъ, что отель, въ которомъ вы остановились, въ трехъ верстахъ отъ туземнаго города, васъ продолжаетъ преслѣдовать тошнотворный запахъ гніющихъ цвѣтовъ!... Вы не можете отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія, запахъ этотъ примѣшивается ко всему, лишаетъ васъ аппетита и сна, —однимъ словомъ, отравляетъ вамъ существованіе.

День индусскаго крестьянина.

(С. Лимбаха.)

Поутру раньше всѣхъ—„съ пѣтухами“—поднимается хозяйка. Въ Индіи она главная рабочая сила, руки, а подчасъ и голова семейства.

Мужъ чувствуетъ себя царемъ творенія и поэтому считаетъ покой первымъ долгомъ гражданина.

Это не значитъ конечно, чтобы на его долю не выпадали нѣкоторыя заботы. Напримѣръ, индусская женщина только въ очень рѣдкихъ случаяхъ пашетъ или боронитъ: ея прикосновеніе можетъ осквернить борону и плугъ, эти священныя орудія земледѣлія. Такъ же рѣдко случается, чтобы женщина правила телѣгою съ быками. Это работа легкая и не исключаетъ мечтательнаго покоя. Въ южномъ Деканѣ сплошь и рядомъ случается, что дорога оказывается загороженной — на пути стоитъ телѣга съ сладко спящимъ возницей. Для индуса въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ жизнь извозчика является идеальной. Ѣздитъ онъ большею частью ночью, и чудесно спится ему на высокой телѣгѣ, нагруженной мѣшками хлопка. Днемъ скотъ кормится, т.-е. поѣдаетъ свою охапку соломы, или пасется на лѣсной прогалинѣ, а погонщикъ, плотно закусивъ и насладившись дымомъ грошовой сигары, предается желанному покою. Разумѣется, здѣсь все время идетъ рѣчь о крестьянинѣ-собственникѣ, живущемъ доходами со своей земли,—поденщикъ (кули) ежедневно добываетъ свой хлѣбъ цѣною тяжелаго труда.

Итакъ, почти всѣ хозяйственныя заботы падаютъ на долю женщины. Первой заботой индусской крестьянки является совершеніе туалета. Индуска причесывается не каждый день, зато посвящаетъ много времени уходу за своимъ ртомъ: она полощетъ его, откашливается, отплевывается, потомъ тщательно чиститъ зубы кусочкомъ мелкаго дерева, содержащаго какое-то вяжущее, очень полезное для десенъ вещество. Вообще всѣ индусы слѣдятъ за своими зубами. Къ сожалѣнію, зубамъ сильно вредитъ постоянное жеванье листьевъ бетеля съ орѣхами арека и гашеною известью, отъ которой зубы черезъ годъ уже начинаютъ крошиться. Поэтому у старикова рѣдко встрѣчаются хорошіе зубы.

Послѣ совершенія первой части туалета—вторая совершается позже, послѣ обѣда—индуска приступаетъ къ уборкѣ дома. Полъ въ хижинѣ земляной, поэтому, понятно, простое мытье водою неудобно. Но у хозяйки уже имѣется запасъ коровьяго навоза, собраннаго утромъ послѣ угонки скота въ поле или наканунѣ вечеромъ на улицѣ или пастбищѣ. Женщины собираютъ навозъ съ удивительнымъ усердіемъ. Каждая хочетъ набрать больше всѣхъ. Не обходится безъ споровъ и ссоръ, если двѣ-три сборщицы набросятся разомъ на особенно большую кучу. Порою сборъ бываетъ такой обильный, что иная ловкая женщина набираетъ не одну, а нѣсколько корзинъ. Въ такомъ случаѣ она складываетъ излишекъ большими кучами по краю улицы, пока не кончитъ сбора и не снесетъ домой послѣдней корзины. Случается иногда, хотя сравнительно рѣдко, что такая куча расхищается въ отсутствіе ея владѣлицы; но горе злодѣйкѣ, застигнутой на мѣстѣ преступленія! Она получитъ

богатое воздаяніе словами, а то и дѣйствіемъ. При сборѣ помета женщины обнаруживаютъ поразительную ловкость: поддерживая на головѣ наполненную навозомъ корзину, онѣ скатываютъ ногою пласты помета, ногою же поднимаютъ его съ земли и потомъ рукой взбрасываютъ въ корзину.

Собранный пометъ размѣшивается съ водою и образуетъ жидкое тѣсто, которымъ индуска мажетъ полъ хижины прямо руками или пучкомъ травы; часто вымазываются также и стѣны на высоту около метра. Европейцамъ такой способъ уборки кажется неопрятнымъ и противнымъ, но онъ имѣетъ свое основаніе: слой навозной жидкости служитъ защитой отъ многочисленныхъ безплатныхъ „жильцовъ“ дома.

Покончивъ съ уборкой пола, нѣкоторыя женщины рисуютъ на лѣстницѣ передъ дверью какой-нибудь священный знакъ красной краской въ защиту противъ злыхъ силъ. Послѣ этого индуска отправляется за водой къ ближайшему пруду, если только у нея во дворѣ нѣтъ собственнаго водоема. Обыкновенно, водоемы имѣются только у зажиточныхъ людей, такъ какъ ихъ приходится рыть очень глубоко; вытаскивать воду изъ такихъ колодцевъ дѣло не легкое, и обыкновенно это дѣлаютъ двѣ женщины вмѣстѣ. Вокругъ горла мѣднаго или глинянаго сосуда обвязывается веревка, перекинутая черезъ блокъ надъ колодцемъ. Женщины тянутъ сосудъ изъ колодца, упираясь всею тяжестью тѣла и поперемѣнно, то одна, то другая, перехватывая веревку руками. Наполненные сосуды ставятся—одинъ на голову, при чемъ поддерживается рукой, другой на бедро и лѣвая рука обвивается вокругъ его горла. Но по большей части крестьяне добываютъ необходимую воду изъ естественныхъ водоемовъ и прудовъ, лежащихъ вблизи всякой деревни. Въ этихъ прудахъ собирается вода, стекающая съ окрестныхъ холмовъ и возвышенностей послѣ сильныхъ, сопровождаемыхъ грозой ливней. О чистотѣ такой воды говорить не приходится. Прежде всего приходящія къ пруду женщины входятъ по колѣна въ воду, моютъ въ ней ноги, посуду, полощутъ ротъ, плюютъ; кромѣ того, четвероногіе обитатели деревни постоянно избираютъ эти пруды мѣстомъ своего купанья и грязнятъ воду немилосердно.

Эти пруды служатъ не только водохранилищами, они представляютъ собою въ то же время нѣчто въ родѣ мѣста для собранія или клуба индусскихъ женщинъ, которыя также не прочь поболтать о деревенскихъ новостяхъ и сплетняхъ, какъ ихъ европейскія сестры.

Натаскавши воды, крестьянка принимается готовить обѣдъ своему супругу и повелителю. Обѣдъ крестьянина въ южномъ Деканѣ составляютъ просяныя лепешки изъ собственной муки (въ зажиточныхъ домахъ, а также въ торжественныхъ случаяхъ просяныя лепешки замѣняются пшеничными). Изъ муки съ водой приготовляется довольно густое тѣсто,

которое раскатывается наподобіе тѣста для лапши. Этотъ тонкій пластъ складывается вчетверо и снова раскатывается, такъ что получаются четыре ничѣмъ несвязанныхъ слоя. Приправой къ этимъ лепешкамъ служатъ тушеные овощи, очень вкусно приготовленные съ саломъ и различными пряностями.

Пока жена занимается утренними хозяйственными работами, встаетъ мужъ. Онъ совершаетъ свой туалетъ, какъ и его жена. Только для лучшаго очищенія рта и глотки онъ съ нѣсколькими друзьями прибѣгаетъ къ помощи самодѣльной сигары, которая дѣлается изъ свернутаго манговаго листа, наполненнаго табакомъ и обвязаннаго травинкой. При куреніи этой сигары сложенныя ладонями другъ къ другу руки курильщика играютъ роль мундштука. Дымъ частью выдыхается, частью проглатывается. Крѣпкій индійскій табакъ дѣлаетъ свое дѣло: со всѣхъ сторонъ поднимается усиленное откашливанье и отплевываньe — и первая часть туалета закончена.

Если въ этотъ день нѣтъ никакой особенной полевой работы, въ скоромъ времени на верандахъ у лавокъ, около ратуши или школы собираются группы оживленно бесѣдующихъ мужчинъ. Между тѣмъ поспѣваетъ обѣдъ, и каждый мужчина возвращается въ свой домъ. Во время ѣды индусъ не терпитъ никакой помѣхи. Послѣднее и самое дѣйствительное средство противъ надоѣдливыхъ и непріятныхъ посѣтителей—это слова: „я обѣдаю!“ Они замѣняютъ европейское: „нѣтъ дома“. Индусъ рѣшается ѣсть въ присутствіи постороннихъ только въ крайнемъ случаѣ, но охотно наблюдаетъ за тѣмъ, какъ ѣстъ европеецъ.

Европейца поражаетъ невѣроятное количество пищи, которую индусъ можетъ поглотить въ одинъ присѣстъ. Наблюдая за гостями на свадебномъ пиру, легко повѣрить, что обычное мнѣніе индусовъ, утверждающее, что человѣческое тѣло—большой мѣшокъ, наполняющійся во время ѣды, не совсѣмъ несправедливо. Зато индусъ можетъ необыкновенно долго голодать и при этомъ исполнять кое-какую, хотя бы и ничтожную на взглядъ европейца работу. Такъ, напримѣръ, бѣдняки поденщики въ обѣденное время съѣдаютъ совершенно ничтожное количество пищи, и только вечеромъ, передъ сномъ, получаютъ сытную ѣду; при этомъ они весь день работаютъ не ѣвши. Изумительна также ловкость, съ которою индусъ ѣстъ руками не только хлѣбъ и рисъ, но и перечный соусъ, которымъ рисъ политъ. Все это онъ продѣлываетъ такъ чисто и аккуратно, что вовсе не нуждается въ салфеткѣ. Вообще, не слѣдуетъ черезчуръ ужасаться индусскаго обычая ѣсть руками, такъ какъ у индуса руки чисто моются до и послѣ ѣды; точно такъ же полощется ротъ и моется все лицо. Такъ же чисто полощется и моется посуда, въ особенности латунная.

Тарелки бываютъ большею частью изъ латуни; онѣ похожи на наши

большія тарелки, но безъ плоскаго края. Въ дорогѣ и въ торжественныхъ случаяхъ индусъ употребляетъ вмѣсто тарелки чисто вымытый кусокъ банановаго листа. Послѣ ѣды индусъ полощетъ ротъ и горло и пьетъ воду. Удивительно, что при этомъ индусъ не подноситъ ко рту сосудъ съ водою, а очень искусно плещетъ воду въ широко открытый ротъ на нѣкоторомъ разстояніи. Основаніе этого обычая лежитъ въ повѣрьи, что слюна человѣческаго рта нечиста и малѣйшее количество ея, попавшее во время питья на сосудъ, оскверняетъ его. На основаніи этого же повѣрья курильщикъ, какъ сказано выше, не беретъ свою сигару въ ротъ. Послѣ обѣда индусъ жуетъ неизбѣжный бетель и предается сладостному отдыху.

Посмотримъ на послѣобѣденныя занятія женщины. Теперь на первомъ планѣ стоитъ добываніе топлива и корма для скота. Если поблизости отъ деревни находится лѣсокъ или кустарникъ, нѣсколько женщинъ отправляются вмѣстѣ собирать сухое дерево, какъ для собственнаго употребленія, такъ и на продажу болѣе зажиточнымъ односельчанамъ. Такое коллективное собираніе дровъ имѣетъ въ виду не только удовольствіе сборщицъ, но и защиту отъ дикихъ звѣрей, которыхъ пугаетъ шумъ, поднимаемый женщинами.

Интересно наблюдать своеобразную походку, нѣчто среднее между шагомъ и рысью, которой идутъ мужчины и женщины, когда несутъ большую тяжесть; эта походка соединяетъ ритмичность движенія съ быстротою. По большей части она сопровождается пѣніемъ.

Во внутреннемъ Деканѣ ощущается большой недостатокъ лѣса, поэтому топливомъ служитъ коровій пометъ. Онъ собирается вышеописаннымъ способомъ, потомъ изъ него дѣлаютъ руками большія лепешки, бросаютъ ихъ съ силой объ стѣну, такъ что онѣ прилипаютъ и висятъ до тѣхъ поръ, пока онѣ, высохнувъ на солнцѣ, не отвалятся и не сдѣлаются годными для топки. Въ благопріятное время года такія лепешки заготовляются массами и складываются толстыми рядами. Величина этихъ рядовъ составляетъ гордость хозяйки дома. Сухой коровій пометъ хорошо горитъ и даетъ долго держащееся тепло, какъ древесный уголь.

Заготовивъ топливо, индуска приступаетъ ко второй части своего туалета—купанью, или, вѣрнѣе, мытью тѣла. Индусы любятъ горячее купанье, настолько горячее, что европейцы побоялись бы ошпариться. Но обыкновенно вода берется изъ большого сосуда, который постоянно стоитъ на солнцѣ и нагрѣвается въ достаточной степени. Индусы не знаютъ ничего, похожаго на ванну. Купающійся, почти не прикрытый одеждой, стоитъ на „купальномъ“ камнѣ на дворѣ и поливаетъ себя изъ маленькаго ковша одной рукой, а другой основательно третъ свое тѣло; часто можно видѣть, какъ мужъ сидитъ на полу и растираетъ себя обѣими руками въ то время, какъ жена льетъ на него воду. При купаньѣ

моются также и волосы, которые въ нѣкоторыхъ кастахъ мужчины и женщины носятъ почти одинаковой длины; послѣ купанья распущенные волосы сохнутъ на солнцѣ вмѣстѣ съ малымъ количествомъ одежды, имѣвшейся на тѣлѣ купальщика.

Какъ уже сказано выше, женщина убираетъ свою голову не ежедневно, а смотря по потребности и ощущенію—одинъ или два раза въ недѣлю. При этомъ требуется помощь подруги. Причесывающаяся женщина садится на землю, подруга становится сзади и заботливо, прядь за прядью, распускаетъ волосы, которые не заплетены въ косы, а просто туго закручены и сильно спутаны отъ спанья въ прическѣ. Затѣмъ подруга основательно расчесываетъ распутанные волосы острой деревянной гребенкой и снова скручиваетъ ихъ. Когда прическа окончена, подруги мѣняются мѣстами.

Послѣ купанья, намоловъ муки къ слѣдующему дню и набравъ коровьяго помета, индуска занимается приготовленіемъ корма для скота. Луговъ въ нашемъ значеніи этого слова въ Индіи нѣтъ. Пастбище представляетъ необработанную землю, покрытую низкорослой травой и кустами. Особенно замѣтно отсутствіе полевыхъ цвѣтовъ. Въ травѣ изрѣдка мелькаютъ мелкіе цвѣточки; богатствомъ цвѣтовъ отличаются только кустарники и деревья. Трава на этихъ пастбищахъ такъ коротка, что срѣзать ее дѣло не легкое. Нѣсколько длиннѣе она въ тѣнистыхъ и влажныхъ мѣстахъ. Въ прибрежныхъ мѣстностяхъ лучшая трава растетъ по краямъ рисовыхъ полей, гдѣ ее и срѣзаютъ послѣ жатвы.

Между тѣмъ наступаетъ вечеръ; со всѣхъ сторонъ сходятся стада съ пастбища. Но прежде всего они спѣшатъ не къ родимому хлѣву, а къ пруду, гдѣ скотъ купается и утоляетъ свою жажду. Купанье безусловно необходимо для буйволовъ, которые часто цѣлыми часами лежатъ въ прудахъ или илистыхъ лужахъ, частью съ тѣмъ чтобы освѣжиться, частью чтобы прикрыть себя слоемъ ила для защиты отъ надоѣдливыхъ насѣкомыхъ. Если возможно, они забираются въ воду такъ глубоко, что на поверхности видны только носъ и глаза. Изобиліе паразитовъ служитъ причиною того, что скотъ терпѣливо переноситъ на себѣ присутствіе воронъ и другихъ птицъ, поѣдающихъ насѣкомыхъ. Птицы обыскиваютъ уши, поклевываютъ около носа, цѣпляются за хвосты: скотъ терпѣливо сноситъ все. Наконецъ, скотъ въ хлѣву и снабженъ кормомъ. Солнце зашло.

Теперь, пока женщины готовятъ ужинъ, мужчины собираются, пользуясь вечерней прохладой, въ храмѣ или подъ большой смоковницей, вокругъ которой часто устраивается каменная или дерновая скамья. Здѣсь индусскій поселянинъ пріятно проводитъ время: онъ весело болтаетъ съ пріятелями, острить и забавляется, какъ умѣетъ. Молодые люди упражняютъ свои мускулы борьбой или поднимая тяжелые камен-

ные шары. Затѣваются игры. По безчисленнымъ праздничнымъ днямъ жгутъ фейерверки, играютъ деревенскіе музыканты. Какой-нибудь богачъ угощаетъ приглашенныхъ у себя въ домѣ или на дворѣ гостей танцами,—одна или нѣсколько танцовщицъ танцуютъ часто до самаго утра. Странствующіе артисты даютъ театральныя представленія. Чтецы и разсказчики священнаго писанія проявляютъ свое искусство. Однимъ словомъ, вечернее время посвящается удовольствіямъ.

Восходитъ мѣсяцъ, люди уходятъ домой ужинать и спать. Теперь явственнѣе раздаются голоса животныхъ. Тамъ осленокъ мелодично возвышаетъ свой голосъ въ ночной тишинѣ. На другомъ концѣ деревни собираются стаи шакаловъ, чтобы совершить свой ночной обходъ по деревнѣ для основательной чистки улицъ и дворовъ отъ всего, имѣющаго какое-нибудь отношеніе къ убитымъ животнымъ. Но прежде чѣмъ войти въ деревню, они начинаютъ свой концертъ, способный навести ужасъ на новичка. Они затягиваютъ душу раздирающую пѣсню; словно полчище демоновъ или злыхъ духовъ, на всѣ голоса, отъ глубокаго контральто посѣдѣвшаго вожака стада до высочайшаго вибрирующаго фальцета полувзрослыхъ юношей; имъ вторятъ деревенскія собаки, доказывающія родство съ шакалами своимъ безконечнымъ лаемъ и воемъ.

Только два голоса звучатъ ужаснѣе этой ночной музыки—кошка и ея родичи конкурировать здѣсь не могутъ—это крикъ бѣшенаго шакала и ужаснѣйшій изъ ужасовъ—смѣхъ гіэны, ищущей добычу. Конечно, рычаніе пантеры возбуждаетъ страхъ (особенно если раздастся ночью около палатки, гдѣ путешественникъ лежитъ въ постели безъ всякой надежды на человѣческую помощь, какъ это испыталъ авторъ). Но это рычаніе при всей своей силѣ звучитъ естественно, а хохотъ гіэны имѣетъ въ себѣ что-то призрачное, сверхъестественное, и услышавшій его въ первый разъ вблизи человѣкъ холодѣетъ отъ ужаса.

Магометанскіе города Индіи.

Агра и Дели.

(А. Краснова).

Города Индіи можно разбить на два типа: города, созданные дѣятельностью европейцевъ, и города индійскіе, которыхъ почти не тронула рука западной цивилизаціи и главныя достопримѣчательности которыхъ — это постройки туземныхъ властителей, языческіе храмы, мечети и уличная народная жизнь.

Агра и Дели могутъ быть прекрасными представителями этихъ послѣднихъ. Оба эти города уже издали, на фонѣ желтой безжизненной равнины, обращаютъ на себя вниманіе куполами и минаретами возвышающихся среди нихъ мечетей. Форты обоихъ городовъ, расположенные на господствующихъ возвышенностяхъ, видны уже издали, и прямыя, пестрыя колонны минаретовъ, ихъ арки, вся ихъ архитектура производитъ то же впечатлѣніе, что наши самаркандскія мечети и гробница Тамерлана. Но разница въ художественности и отдѣлкѣ громадная. Здѣсь матеріалъ—камень-песчаникъ или бѣлый мраморъ. Первый представляетъ особую разновидность, легко рѣжущуюся пилою, даже ножомъ, позволяющую изъ выпиленныхъ пластинокъ вырѣзать нѣжныя ажурныя работы. Этотъ бѣлый и розовый строительный матеріалъ индійскіе архитекторы сумѣли сочетать необыкновенно изящно, придавая своимъ постройкамъ то полосатый, то клѣтчатый мозаичный характеръ, украшая колонны арокъ тонкою рѣзьбою, стѣны—изящными мавританскаго стиля горельефами, замѣняя окна тонкими, чисто кружевными пластинками изъ мрамора и песчаника. Ставъ на возвышенное мѣсто въ Агрѣ или Дели, вы увидите, что надъ массою невысокихъ и невидныхъ построекъ, какъ церкви въ Москвѣ, со всѣхъ сторонъ возвышаются эти красивыя пестрыя зданія мечетей, царскихъ усыпальницъ и дворцовъ, изъ которыхъ многія по архитектурѣ своей могутъ затмить лучшія изъ архитектурныхъ построекъ Европы.

Большинство построекъ—сквозныя зданія, состоящія изъ ряда арокъ. Это какъ бы стѣнки волшебной декораціи, окружающія обширные, уложенные мраморными плитами, дворы или садики, усыпанные яркими цвѣтами тропическихъ деревьевъ или кустарниковъ, снабженные водоемами и фонтанами. Эти дворы или сады съ трехъ или четырехъ сторонъ окружены крытымъ, поддерживаемымъ колоннами и арками коридоромъ, дающимъ тѣнь и служащимъ чѣмъ-то вродѣ веранды для небольшихъ въ его задней стѣнѣ сдѣланныхъ каморокъ. Одна изъ стѣнъ, окружающихъ дворъ, есть фасъ зданія роскошной архитектуры,—дворца или мечети, снабженнаго минаретами, куполами, ажурными стѣнками, арками, окруженными мозаикой или тонко-сдѣланными надписями изъ Корана. Уже на значительномъ разстояніи такая постройка кажется тонкой, ажурной, мозаичной вещицей, которую не только выстроить, но даже нарисовать кажется чудомъ терпѣнія и кропотливой работы. Розовато-коричневый и бѣлый цвѣтъ камня на вѣчно-ясномъ голубомъ небѣ дѣлаетъ эффектъ этой постройки-декораціи поразительнымъ, и народъ на площади, и растенія сада, усыпанные пурпуромъ гранаты, какъ золотомъ увѣшанныя желтыми цвѣтами бигноніи, пирамидальные кипарисы и розы переносятъ васъ въ обстановку волшебной фееріи. Часто противъ зданій, служа какъ бы воротами, ве-

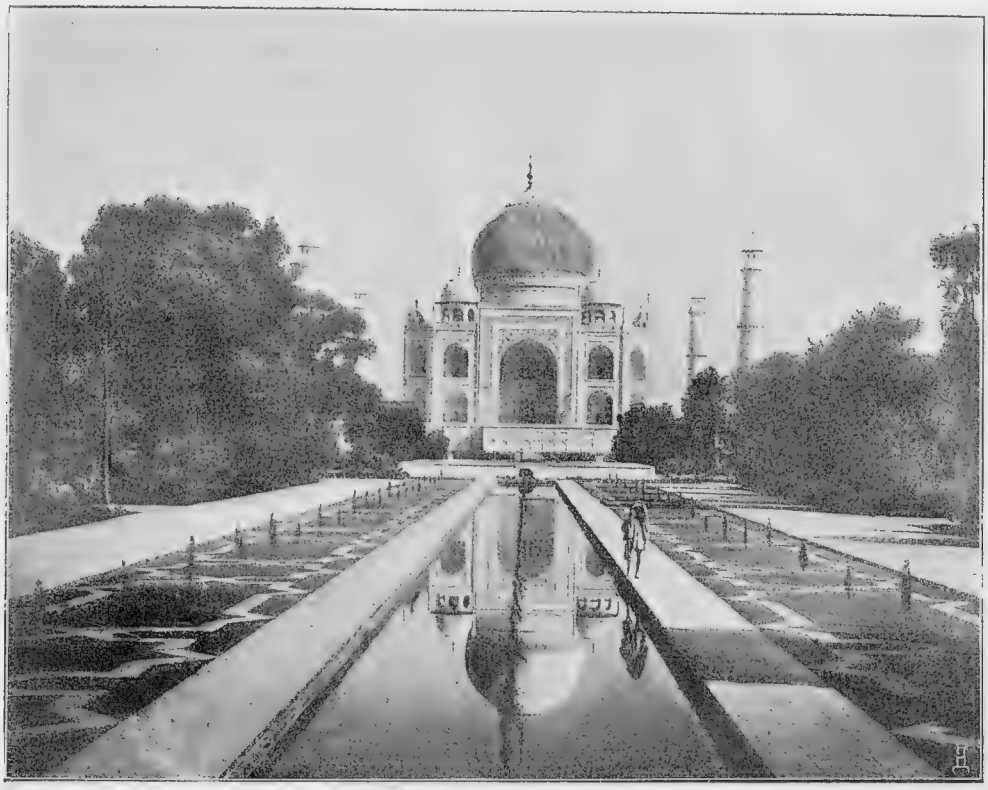
дущими во дворъ, выстроенъ, снабженный минаретами и мавританскаго стиля арками, такой же ажурный павильонъ. Самое зданіе, какъ я сказалъ, занимаетъ сравнительно небольшую часть пространства. Большая часть его приходится опять-таки на громадныя арки, служащія входомъ въ обширное, поддерживаемое колоннами, нерѣдко сквозное, увѣнчанное куполомъ помѣщеніе, занятое мечетью или парадною залой дворца. Въ первомъ случаѣ полъ выложенъ мраморными плитами особой формы—настолько широкими и длинными, чтобы стоящій на колѣняхъ и падающій ницъ молящійся магометанинъ могъ свободно помѣщаться на одной изъ плитъ. Колонны и своды изъ бѣлаго мрамора, небольшое мѣсто для муллы и родъ пюпитра для Корана—обыкновенно единственная обстановка такого помѣщенія. Если это дворецъ, его мебель немного обильнѣе и стѣны расписаны съ большою роскошью. До чего можетъ доходить послѣдняя, даетъ понятіе Диванъ-и-Хазъ въ Дели. И дѣйствительно, трудно себѣ представить зданіе болѣе красивое и эффектное.

Это громадной величины одноэтажный четырехугольный мраморный павильонъ, сквозной, поддерживаемый многочисленными колоннами. Потолокъ, стѣнки и четырехугольныя широкія колонны—всѣ расписаны изящными рисунками, изображающими цвѣты, растенія, листья, лепестки цвѣтовъ, ихъ тычинки,—все это инкрустація рѣдкихъ, дорогихъ и разноцвѣтныхъ камней, подобранныхъ подъ естественные цвѣта растеній. Золото и серебро, чередуясь съ мраморомъ, украшаютъ потолокъ. Полъ — чистѣйшій, блестящій, мраморный паркетъ. Такимъ образомъ бѣлоснѣжный мраморъ, тонкая и нѣжная мозаика изъ малахита, сердолика, ляписъ-лазури и золото составляютъ всю обстановку зданія. Кромѣ мраморнаго трона, здѣсь нѣтъ никакой мебели.

Диванъ-и-Хазъ и окружающія его зданія въ фортѣ Дели, несмотря на чудную ихъ архитектуру, далеко не такъ богаты затѣями, какъ такія же постройки въ фортѣ Агры. Здѣсь вы, ходя по запустѣлымъ дворамъ форта, живо переноситесь въ эпоху давно минувшей царской роскоши. Такъ, вы найдете здѣсь роскошную мраморную постройку—бани, гдѣ въ громадные бассейны проведена была вода рѣки Джумны. Она струилась здѣсь въ этомъ помѣщеніи, стѣны котораго, въ тысячахъ вставленныхъ въ нихъ зеркалъ, отражали разноцвѣтныя брызги искусственныхъ каскадовъ, падавшихъ между разноцвѣтными фонарями. Эти зеркала, мозаикой вставленныя въ стѣны, до сихъ поръ еще сохранились въ цѣлости.

Въ томъ же фортѣ, въ особыхъ комнатахъ за ажурными стѣнками помѣщались жены султана, а около пріемной залы отдѣльный дворъ вымощенъ черными и бѣлыми плитами, образуя громадную шахматную доску, на которой властитель ставилъ живыхъ людей, когда ему хотѣ-

лось играть въ шахматы, и они, одѣтые въ костюмы соотвѣтствующихъ фигуръ, двигались по мановенію его руки. Огромная мраморная пріемная зала дворца форта Агры, какъ и всѣ эти постройки, лишена мебели. Мраморный тронъ и нѣсколько мраморныхъ ложъ — единственная ея обстановка, и, выходя на веранду, съ которой открывается чудный видъ на рѣку Джумну, городъ и Тэджъ, о которомъ будетъ сказано ниже, вы должны садиться на плетеныя табуретки.



Тэджъ въ Агрѣ.

Правда, теперь всѣ эти постройки заброшены. Многія дворцовыя зданія и кіоски фортовъ Агры и Дели превращены въ конюшни, склады и казарменныя зданія. Меркантильная, святотатственная рука завоевателей пощадила только перлы архитектурнаго искусства, которые, надо отдать справедливость англичанамъ, поддерживаются въ извѣстномъ порядкѣ. Но отсутствіе уютности, которая свойственна нашимъ сѣвернымъ комнатамъ, повидимому, составляетъ характерную особенность индійскаго дворца. Здѣсь, въ тепломъ климатѣ, искали только тѣни. Обстановку давало небо и стѣны; на роскошь архитектуры зданія да

на пышную одежду и украшенія шли, повидимому, главные расходы— и потому съ именемъ почти каждаго изъ здѣшнихъ властелиновъ, особенно же съ именемъ Шахъ Джагана, связано множество мечетей, дворцовъ и кіосковъ.

Но если чѣмъ себя обезсмертилъ въ Агрѣ, на берегу Джумны, этотъ правитель, то это, безъ сомнѣнія, сооруженіемъ восхитительнаго Тэджа, громаднаго надгробнаго храма любимой женѣ своей, передъ изяществомъ и величіемъ котораго блѣднѣютъ лучшія изъ мраморныхъ построекъ Европы.

Черезъ изящной конструкціи ажурный павильонъ, сложенный изъ краснаго песчаника, играющій роль воротъ, вы входите въ большой паркъ изъ темныхъ, вѣчно зеленыхъ тропическихъ деревьевъ, усыпанныхъ душистыми или яркими пурпуровыми цвѣтами. Передъ вами, дѣля паркъ на двѣ половины, тянется прямой, какъ струна, выложенный мраморомъ каналъ, отчасти заросшій лотосами. Съ каждой стороны его рядъ пирамидальныхъ стройныхъ кипарисовъ на фонѣ пестраго турецкаго ковра изъ цвѣтущихъ лѣтниковъ. Между темною зеленью парка и этими рядами кипарисовъ идутъ аллеи, ведущія васъ къ громадному бѣлому зданію, эффектно выдѣляющемуся на темномъ фонѣ зелени и чудномъ голубомъ небѣ. На широкомъ мраморномъ, украшенномъ мраморными же перилами помостѣ возвышается не то храмъ, не то мечеть, бѣлая какъ снѣгъ, размѣрами не уступающая любому изъ большихъ соборовъ. Ее окружаютъ и съ ея стѣнъ поднимаются тонкіе, какъ свѣчи, длинные бѣлые минареты, стройностью и изяществомъ могущіе соперничать развѣ съ оттѣняющими ихъ темными кипарисами. Громадная арка съ заостреннымъ кверху сводомъ, окруженная мозаичными изреченіями изъ Корана, занимаетъ фасъ этого кубическаго мраморнаго зданія, увѣнчаннаго чудомъ архитектурнаго искусства—мраморнымъ, громадной величины куполомъ; къ нему примыкаютъ справа и слѣва меньшіе, увѣнчанные минаретами кубы съ такими же арками спереди.

Эффектъ и красота архитектуры зданія не поддаются никакому описанію, никакой фотографіи. Я видѣлъ лучшія зданія Европы и Америки, храмы Японіи, но я не знаю ничего, что могло бы быть поставлено въ параллель съ этимъ волшебнымъ храмомъ.

Внутренность Тэджа еще болѣе восхитительна, чѣмъ внѣшняя сторона. Войдя въ двери передней арки, стѣны которой, какъ и другихъ исполинскихъ арокъ, украшающихъ зданіе, состоятъ изъ ажурно-рѣзныхъ мраморныхъ досокъ, вы попадаете въ полумракъ увѣнчаннаго куполомъ, поддерживаемаго мраморными стѣнами и колоннами пространства храма, расписаннаго по бѣлоснѣжному фону мозаикой изъ разноцвѣтныхъ камней, изображающихъ цвѣты и растенія. На нѣкоторомъ возвышеніи, окруженный высокой мраморной рѣшеткой, стоитъ распи-

санный такими же инкрустаціями надгробный памятникъ—длинный бѣлый параллелепипедъ мрамора. Здѣсь только понимаешь, что такое мраморъ въ рукахъ ваятеля, насколько выше онъ, какъ строительный матеріалъ, всѣхъ другихъ камней.

Но храмами, надгробными мавзолеями и дворцами, повидимому, и исчерпывается архитектурное творчество жителей такихъ городовъ, какъ Агра, Дели и ближайшіе къ нимъ. Какъ отъ древнихъ городовъ Египта исторія не могла намъ оставить ничего, кромѣ заросшихъ пальмами бугровъ глины, среди которыхъ возвышаются исполинскія статуи, обелиски, пирамиды и проч., такъ и въ Индіи разрушительная рука времени оставляетъ на память потомкамъ только остатки храмовъ или мечетей.

Современный Дели, подобно Каиру, повидимому, постоянно мѣнялъ свое мѣсто. Въ бытность мою въ этомъ городѣ я посѣтилъ расположенную въ 12 миляхъ отъ него высокую башню, воздвигнутую однимъ изъ правителей для жены своей, чтобы она могла оттуда видѣть воды священной Джумны. Башня эта, не особенно изящная, представляющая какъ бы пучки цилиндрическихъ трубокъ, поставленные одинъ на другой, имѣетъ 35 саженъ высоты, что въ тѣ времена, когда еще не было Эйфелевыхъ башенъ, было, особенно для Индіи, единственною въ своемъ родѣ высотою. Всѣ 12 миль мы ѣхали между нескончаемой серіей безформенныхъ, большею частью сравнявшихся съ землею развалинъ, среди которыхъ тамъ и сямъ возвышались изящной архитектуры мечети, большею частью покинутыя, ставшія жилищемъ птицъ, полуразрушенныя или еще сохранившіяся настолько, что онѣ могли служить убѣжищемъ нѣсколькимъ нищимъ-святошамъ. Казалось, рука опустошенія пронеслась надъ громадной, густо населенной столицей, сравнявъ ее съ землею, покрывъ ее зарослями похожей на осину дальбергіи и оставивъ на память о бывшемъ величіи только эти мечети, эту башню и зарытую въ землѣ недалеко отъ нея громадную желѣзную колонну.

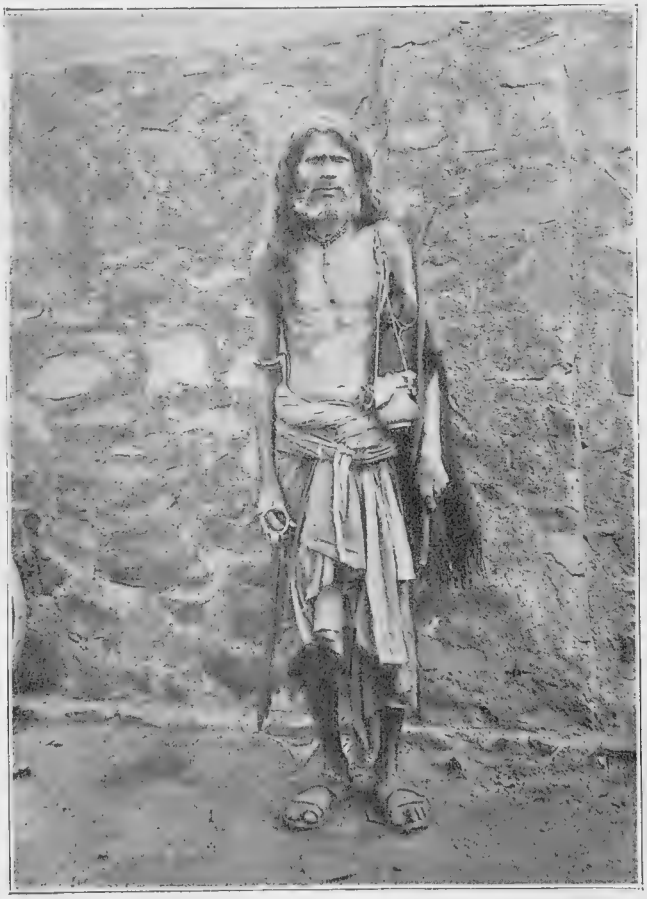
Народъ, который создалъ произведенія искусства, единственныя въ мірѣ по своей величинѣ, числу и изяществу, и теперь, какъ во времена стародавнія, отдавъ всѣ свои силы и таланты Богу и богамъ земнымъ, своимъ властелинамъ живымъ и умершимъ, не сдѣлалъ для себя самого ничего, не могъ развить въ себѣ самыхъ скромныхъ потребностей и живетъ въ тѣсныхъ, негигіеничныхъ, зловонныхъ постройкахъ, заставляющихъ европейца избѣгать сосѣдства туземцевъ и селиться гдѣнибудь на окраинѣ города, гдѣ обыкновенно и расположены всѣ европейскіе отели. Дома Агры, Дели и вообще всѣхъ посѣщенныхъ мною городовъ сѣверо-западной Индіи каменные, двухъэтажные, нѣкоторые изъ нихъ украшены балкончиками съ перилами изъ того же ажурно-вырѣзного краснаго песчаника Агры, но все-таки эти кубическіе дома-ящи-

ки тѣсны, низки, лишены мебели и всякихъ удобствъ, представляя маленькія, душныя и темныя каморки, которыя въ нижнемъ этажѣ обыкновенно заняты лавками, какъ и вездѣ на Востокѣ, совершенно открытыми на улицу и позволяющими видѣть прохожему, что въ нихъ продается и что дѣлается, хотя обыкновенно, если вы хотите видѣть что-либо хорошее, надо войти во вторую внутреннюю комнату, гдѣ вамъ сдѣлаютъ выставку.

Улицы индійскихъ городовъ всегда оживлены, большею частью пѣшимъ босоногимъ народомъ всѣхъ оттѣнковъ кожи—отъ чисто-бѣлаго до темно-коричневаго. Большинство носитъ бѣлые тюрбаны на головѣ и длинныя бѣлыя, необыкновенно легкія одежды съ рукавами. Но многіе ограничиваются однимъ широкимъ покрываломъ, обмотаннымъ вокругъ бедеръ, оставляющимъ верхнюю половину прекрасно сложеннаго тѣла совершенно голой. У многихъ черезъ шею перекинута веревка, тройной шнуръ, который носить имѣютъ право только брамины. У другихъ вы видите на лбу знаки, нарисованные красною или желтою краской, также означающіе принадлежность къ высшей кастѣ. Смотря по тому, является ли носитель этихъ знаковъ поклонникомъ Вишну или Сивы, и знаки эти не одинаковы. У однихъ это красная точка, у другихъ—поперекъ лба проведенная линія или нѣсколько красныхъ или желтыхъ линій, иногда придающихъ физіономіи чисто дьявольскій видъ, хотя въ общемъ лица народа осмысленныя и очень красивыя. Изрѣдка попадается на улицѣ совершенно голый, увѣшанный четками и бусами, вымазанный золой, съ длинными всклокоченными волосами факиръ. Эти факиры, про которыхъ пишутъ такъ много чудеснаго, въ громадномъ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ юродивыхъ. Какъ и къ нашимъ юродивымъ, народъ относится къ нимъ съ уваженіемъ, даетъ дорогу и подаетъ милостыню, не ожидая просьбы со стороны самого факира. Многіе производятъ впечатлѣніе идіотовъ или дармоѣдовъ, но зато другіе имѣютъ во взорѣ что-то невыразимое: это взглядъ генія, взглядъ человѣка, увлеченнаго идеей до помѣшательства. Одно выраженіе лица такого факира выдѣляетъ его изъ тысячъ окружающаго его народа, и смотря на него, понимаешь то мѣсто изъ легенды изъ жизни Будды, гдѣ говорится, что даже предубѣжденные противъ него аскеты поклонились ему, видя необычайное выраженіе лица его. Эти глаза, дѣйствительно, могутъ гипнотизировать хоть кого, и что же удивительнаго, что подобные факиры заставляютъ легковѣрную толпу видѣть то, что имъ прикажутъ. Впрочемъ, между факирами этого сорта попадаются и самопстязатели, могущіе поразить и европейца и напоминающіе въ этомъ отношеніи аскетовъ древнихъ временъ: факиры, проращивающіе ногти согнутыхъ пальцевъ черезъ ладонь или держащіе руки поднятыми, пока онѣ не окоченѣютъ и не отсохнутъ,—не

рѣдкость и теперь. Но, я полагаю, излишне говорить, что большинство чудесъ, имъ приписываемыхъ (кромѣ зарыванія себя въ землю на нѣсколько дней, что дѣйствительно бываетъ), относится къ области выдумокъ и басенъ.

Улицы города большею частью узки, застроены маленькими лавчонками, представляющими мало привлекательности для европейца. Дешевые предметы первой необходимости, съѣстные припасы и кушанья играютъ здѣсь главную роль. Вегетаріанцы-индусы питаются чрезвычайно легко, и здѣсь, на сѣверо-западѣ, въ области пшеницы, какіе-то крендельки, тѣсто изъ муки и творога и жареные на растительномъ маслѣ пирожки играютъ главную роль въ этихъ съѣстныхъ лавкахъ. Какъ дешевы эти продукты, читатель можетъ уже судить по тому, что ихъ покупаютъ цѣною не денегъ, но раковинъ, которыя здѣсь въ ходу и которыхъ даютъ около десятка на мѣдную монету цѣной около копейки.



Факиръ.

Другою характерною чертой здѣшней торговли является обиліе посудныхъ лавочекъ, продающихъ маленькіе глиняные горшечки, вмѣщающіе въ себя около $^3/_4$ стакана воды. Здѣсь, гдѣ населеніе состоитъ наполовину изъ магометанъ, наполовину изъ индусовъ и гдѣ эти по-

слѣдніе раздѣляются на множество кастъ, при чемъ высшая каста считаетъ для себя оскверненіемъ не только пить изъ одной посуды, но даже соприкасаться съ человѣкомъ другой касты или религіи, такого рода посуда является прямо необходимостью. Попросите вы напиться, вамъ наполнятъ водой такой сосудъ, но, утоливъ свою жажду, вы обязаны, бросивъ его на землю, разбить его въ дребезги, такъ какъ соприкосновеніе съ нимъ осквернитъ всякаго порядочнаго индуса, ибо изъ всѣхъ оскверняющихъ веществъ слюна человѣка и кожа животнаго считаются самыми погаными. Поэтому верхъ эмансипаціи индуса, когда онъ рѣшится надѣть ботинки.

Улицы города тѣсны, узки и, подобно русскимъ городамъ, лишены растительности. Двухъэтажные каменные дома не производятъ впечатлѣнія богатства. Европейскихъ зданій нѣтъ. И въ Агрѣ и въ Дели они разбросаны въ формѣ коттэджей, тонущихъ въ зелени въ сторонѣ отъ города, и для нихъ и для туристовъ только въ городѣ помѣщаются болѣе богатые магазины шалей, мѣдныхъ издѣлій причудливой индійской работы и тонкихъ ажурныхъ и мозаичныхъ работъ изъ камня — искусство, оставшееся по наслѣдству отъ строителей Тэджа и другихъ замѣчательныхъ построекъ города. Оно не вырождается, и за грошевыя цѣны вы можете здѣсь пріобрѣсти работы, могущія привести въ восторгъ европейца.

Такимъ образомъ, Агра и Дели сохраняютъ еще туземный, нетронутый характеръ, хотя характеръ этотъ все-таки не индусскій, а магометанскій. Въ то время, какъ восхитительныя мечети даютъ тонъ панорамѣ города, храмы индусовъ почти не выдѣляются изъ частныхъ зданій, невзрачны и не заслуживаютъ вниманія. Оно и неудивительно. Пока страна, гдѣ расположены эти два города, была населена индусами, Агра представляла ничтожное мѣстечко. Но, какъ извѣстно, послѣднія 11 столѣтій (съ 646—1761 г.), предшествовавшихъ захвату страны англичанами, магометанское населеніе Азіи, въ лицѣ ея тюркскихъ народовъ, дѣлало постоянные набѣги на Индію, — и, если имъ не удалось завоевать страну совсѣмъ и сдѣлать всю Индію магометанскою, имъ удавалось основывать государства на сѣверо-западѣ полуострова и утвердить тамъ свою вѣру. Дели и Агра были одними изъ центровъ этого магометанскаго владычества.

Агра оставалась такимъ центромъ вплоть до захвата англичанами и въ 1857 году была однимъ изъ главныхъ пунктовъ возстанія противъ завоевателей. Что касается Дели, то хотя этотъ городъ, повидимому, происхожденія очень древняго и основанъ до Р. Х., но все, что относится до древнихъ эпохъ, лежитъ теперь въ развалинахъ, занимающихъ не менѣе 45 кв. верстъ. Эти развалины образованы, подобно развалинамъ Трои, остатками не менѣе 7 городовъ, основывавшихся и разру-

шавшихся въ теченіе долгаго періода его исторіи. Такимъ образомъ, и здѣсь все чисто-индусское совершенно стерто съ лица земли и уступило свое мѣсто созданіямъ магометанскаго зодчества, такъ какъ подобно Агрѣ, и Дели былъ резиденціей магометанскихъ правителей, съ именами которыхъ связаны лучшія постройки города.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ лицѣ Агры и Дели мы видимъ средне-азіатскіе города съ ихъ культурою и строемъ жизни, расцвѣтшими и разросшимися въ пышныя формы на тропической почвѣ Индіи. Настоящей индійской культуры здѣсь не ищите,—она подавлена магометанствомъ.

По сѣверо-западной Индіи.

(А. Краснова.)

Давно уже остались за нами Бомбей, Агра и Дели. Мы пересѣкли въ с.-в. направленіи Деканское плоскогорье, переѣхали обширную низменность, гдѣ Гангъ сливаетъ свои воды съ водами рѣки Джумны, направляемся къ подножію Гималаевъ, и на всемъ этомъ громадномъ протяженіи, за исключеніемъ развѣ ближайшихъ окрестностей Бомбея, ландшафтъ самый унылый, самый не тропическій. Около Бомбея, если бы не вѣерная пальма—высокоствольное дерево, заканчивающееся пучкомъ темныхъ вай, — мѣстность напоминала бы нѣкоторыя мѣстности Россіи. Буро-желтая почва всюду обнажена, травянистая растительность, какая на ней могла расти, выжжена лучами солнца такъ сильно, какъ она выгораетъ на сухихъ степяхъ далекаго юго-востока Россіи. Вся земля разбита на квадратные участки. На межахъ виднѣются деревья, во время нашего посѣщенія по большей части голыя, кромѣ многочисленныхъ мангъ съ ихъ продолговатыми цѣльнокрайними, глянцевитыми, толстыми, вѣчнозелеными листьями; онѣ разбросаны здѣсь повсюду. Чаще поле, особенно около дороги, обсажено растеніями, на первый взглядъ напоминающими блѣдно-зеленые кактусы, столбчатой формы, колючими и вѣтвистыми. Это индійскій молочай — безлистное растеніе, поразительно похожее на мексиканскіе кактусы. Оно употребляется здѣсь и какъ живая изгородь въ хуторахъ и деревняхъ. Бѣленькіе кирпичные домики этихъ деревень покрыты красной черепицей и тонутъ лѣтомъ въ зелени деревьевъ; теперь деревья эти стоятъ голыя, какъ наши позднею осенью. Тамъ и здѣсь подъ одинокимъ деревомъ, собравшись въ кучу, отдыхаетъ стадо коровъ съ рогами самой причудливой формы и величины. На горизонтѣ неправильными квадратными очертаніями — точно края какого-то, раздѣленнаго оврагами и ярами исполин-

ского нагорнаго берега рѣки — возвышаются горы западнаго Гатеса начала Деканскаго плоскогорья.

Выѣзжаете вы на плоскогорье—и Индія окончательно превращается въ Россію. Куда хватаетъ глазъ, тянется равнина, лишенная растительности, представляющая даль сѣрой, взрытой, жаждущей нивы,—равнина не оживленная ни селеніями, ни присутствіемъ человѣка. Какъ въ степяхъ Новороссіи, селенія прячутся въ рѣчныя долины. Ихъ не видно изъ поѣзда, такъ какъ маловодныя, текущія по каменистому лавовому дну рѣки рѣдко пересѣкаютъ дорогу. Кажется, что поѣздъ мчится по странѣ, превращенной человѣкомъ въ мертвенную пустыню. И онъ мчится по ней цѣлый день. Рѣже попадаются мѣстности съ раскиданными по нимъ группами деревьевъ — чахлыхъ приземистыхъ финиковыхъ пальмъ,—здѣсь это настоящая пародія на свою африканскую родственницу,—и мангъ. Эти деревья становятся многочисленнѣе по мѣрѣ того, какъ линія дороги приближается къ горамъ, тянущимся по сѣверной окраинѣ плоскогорья. Тутъ поѣздъ мчится среди невысокихъ горъ и холмовъ, но природа горъ этихъ совершенно особенная. Въ ней нѣтъ ничего того, что мы называемъ тропиками, Индіей, но она не лишена оригинальности.

Представьте себѣ нашъ южно-русскій лиственный лѣсъ (напр., Харьковской, Екатеринославской губерніи или Земли войска Донского) во время поздняго, очень засушливаго лѣта или очень сухой осени, когда отъ недостатка влаги и жары, а можетъ быть и ночныхъ морозовъ, девять десятыхъ деревьевъ потеряло свою листву. Лѣсъ болѣе высокій и густой, чѣмъ наши степные, но стоитъ совершенно голый, только тамъ и здѣсь возвышается деревцо, одѣтое полуосыпавшеюся желтою листвою или изрѣдка проглянетъ болѣе стойкій въ борьбѣ съ засухою зеленый кустикъ или деревцо. Сухо и пыльно. Почва между стволами заросла такимъ же безлистнымъ кустарникомъ, она засыпана шуршащею подъ ногами сухою листвою, не оживляемою ни зеленью травъ, ни цвѣтами. Нѣтъ здѣсь ни нѣжной ваи папоротника, ни скромнаго лѣсного цвѣточка. Нѣтъ обвивающихъ древесные стволы ліанъ тропическаго лѣса, не видно сидящихъ на вѣтвяхъ эпифитовъ, ни пальмовыхъ кронъ, ни широкаго листа лѣсного банана. Вы въ обстановкѣ нашего степного лѣса осенью, но только вмѣсто косыхъ лучей солнца, вмѣсто холоднаго вѣтра здѣсь жарко, знойно, и вы задыхаетесь въ духотѣ и пыли вагона.

Среди деревьевъ лѣса иногда возвышаются настоящіе исполины; особенно бросаются въ глаза дикія смоковницы съ пестрою, какъ у нашихъ чинаровъ, корою. На немногихъ деревьяхъ развертываются почки, чаще—явленіе весьма рѣдкое у насъ—ихъ вѣтви сплошь покрыты цвѣтами, не какими-нибудь скромными сережками, какъ у нашей ольхи

но крупными, красивыми цвѣтами—то въ видѣ огненно-красныхъ пятилучевыхъ звѣздъ, то кирпичнаго цвѣта мотыльковыхъ соцвѣтій, то въ видѣ бѣлыхъ, какъ у вишни, цвѣтовъ, осыпающихъ дерево точно снѣгомъ, то въ видѣ лимонно-желтыхъ букетовъ.

Поѣздъ несетъ васъ нѣсколько часовъ этими лѣсистыми горами, гдѣ мало селеній и станцій рѣдки. Затѣмъ горы кончаются. Равнина, сначала заросшая низкорослыми корявыми эритриніями (Erythrina), растеніями изъ семейства бобовыхъ, съ огненно-красными цвѣтами и стручьями, затѣмъ совершенно голая, говоритъ вамъ, что вы спустились на равнины Ганга. Равнина разбита на значительные квадраты полей, но поля эти сухи и безжизненны, рѣдко гдѣ попадается квадратъ несжатой пшеницы.

Индусскій почтальонъ.

Мѣстами поля эти обсажены зеленѣющими деревьями, поразительно похожими издали на нашу осину. Въ другихъ мѣстахъ сѣдая нильская акація, точно запыленная висящею въ воздухѣ пылью, и не менѣе сѣрый тамарискъ напоминаютъ вамъ нильскіе ландшафты.

Таковы картины природы, развертывающіяся изъ оконъ вагона передъ путешественникомъ, ѣдущимъ изъ Бомбея въ Агру и Дели въ маѣ мѣсяцѣ. Позднимъ лѣтомъ, когда подуетъ ю.-з. муссонъ и прольются благодѣтельные дожди, страна оживится, по оросительнымъ каналамъ

польется животворная влага на изсохшія поля и они зазеленѣютъ посѣвами. Но теперь, когда мы ѣхали, страна носила всюду, кромѣ горъ, грустный, отталкивающій характеръ пустынности и оскудѣнія, такъ что тотъ, кто рисуетъ себѣ Индію пышною тропическою страной, видя ландшафты эти, почувствуетъ горькое разочарованіе.

А между тѣмъ вы мчитесь по странѣ этой окруженные комфортомъ, незнакомымъ европейцу. Вагоны, въ которыхъ вы ѣдете, раздѣлены каждый на два купэ съ двумя длинными, расположенными вдоль стѣнки сидѣньями и двумя такими же спускающимися на ночь сверху. Каждая скамья назначается одному пассажиру; такимъ образомъ въ помѣщеніи, въ которомъ въ Европѣ помѣстили бы дюжину пассажировъ по крайней мѣрѣ, ѣдутъ не болѣе 4-хъ человѣкъ, и они могутъ свободно ходить между скамьями. Для освѣженія воздуха въ каждой изъ стѣнокъ вагона вдѣлано плетеное колесо, захватывающее воду; вращая это колесо, вы всегда можете придавать воздуху влажность и смягчать сухость врывающагося въ вагонъ вѣтра, знойнаго и пыльнаго. Не-европейскую публику возятъ въ третьемъ классѣ, гдѣ ѣздятъ только туземцы и куда не сядетъ ни одинъ англичанинъ.

Станціи довольно часты; въ городахъ вокзалы не хуже нашихъ столичныхъ, если даже не лучше этихъ послѣднихъ; въ деревняхъ небогатая станція снабжена палисадниками изъ эффектно цвѣтущихъ деревьевъ и кустарниковъ. На станціяхъ, какъ и въ Россіи, васъ ожидаетъ или обѣденный столъ, или услужливые разносчики, предлагающіе мѣстные плоды—необыкновенно сладкіе и ароматные индійскіе апельсины, формою напоминающіе мандарины, но чаще всего лимонадъ и содовую воду, замѣняющіе здѣсь воду жаждущему путешественнику. Всѣ эти продукты привезены сюда изъ большихъ городовъ, главнымъ образомъ — изъ Бомбея.

Бомбей.

Въ Бомбеѣ, какъ и вообще въ городахъ, облюбованныхъ англичанами, туриста привлекаетъ скорѣе европейская, чѣмъ туземная часть ихъ. Первая—это уголокъ благоустроеннаго англійскаго города, съ чистыми, прекрасно вымощенными улицами, элегантными экипажами, роскошными магазинами и скверами, блещущими чудными экземплярами тропической флоры. Громадная площадь обнесена здѣсь аллеей изъ исполинскихъ индійскихъ смоковницъ съ ихъ свѣшивающимися сверху пучками корней, придающими этому оригинальному дереву столько поэзіи и эффекта. Имѣя чудные строительные матеріалы подъ руками, дешевыхъ рабочихъ и великолѣпные образцы индійскаго зодчества, англи-

чане создали совершенно особенную англо-индійскую архитектуру. Въ то время, какъ магометанскіе властители Индіи направляли народныя силы и собранныя богатства на сооруженіе мавзолеевъ, мечетей и дворцовъ, англичане употребили ихъ на постройку общественныхъ зданій и вокзаловъ. Эти зданія здѣсь отличаются такой величиной и изяществомъ, заимствовали такъ много мѣстныхъ чертъ архитектуры, что для англійскихъ кварталовъ города являются не меньшею достопримѣчательностью, чѣмъ храмы для туземныхъ. Они далеко оставили за собою всѣ лучшія зданія этого рода, видѣнныя мною въ Европѣ и Америкѣ. Какъ въ своихъ родныхъ городахъ, и здѣсь англичанинъ не обошелся безъ того, чтобы не снабдить свой городъ хорошимъ паркомъ съ зоологическимъ садомъ изъ мѣстныхъ животныхъ. Такіе парки видѣлъ я во всѣхъ большихъ городахъ англійскихъ колоній, но въ Бомбеѣ, гдѣ растительность парка составляютъ пальмы и пышныя тропическія деревья, его дополняютъ индійскіе кіоски и музей, и этотъ паркъ особенно великолѣпенъ. Эти музеи, эти роскошные сады, гдѣ большинство растеній снабжено латинскими названіями, эти подобныя дворцамъ зданія общественныхъ учрежденій доступны для всѣхъ, и по вечерамъ вы видите массы народа, пользующіяся этими благами культурной обстановки. Въ Бомбеѣ вы найдете роскошныя зданія библіотеки, университета, школы рисованія и ряда коллегій, госпитали и клубы, и наконецъ, весьма интересный музей общества испытателей природы, музей интересный для туристовъ тѣмъ, что въ немъ, помимо научныхъ собраній, имѣются живые экземпляры всѣхъ рѣдкихъ ядовитыхъ животныхъ Индіи и ея гадовъ, дающіе полное представленіе объ опасности, которой подвергается жизнь путешествующаго по джунглямъ. Маленькія зеленыя смертоносныя змѣйки, по цвѣту совершенно не отличаемыя отъ окружающей ихъ листвы, скорпіоны и фаланги всевозможныхъ цвѣтовъ и размѣровъ, громадныя кобры и другія ядовитыя крупныя змѣи и всевозможныя хищныя животныя содержатся здѣсь въ изящныхъ терраріяхъ.

Улицы англійскаго города, помимо образцовой чистоты и порядка, на нихъ господствующихъ, отличаются отъ улицъ египетскихъ и южноевропейскихъ городовъ полнымъ отсутствіемъ нищенства и попрошайничества, этихъ отвратительныхъ навязываній никому ненужныхъ услугъ и выпрашиваній бакшиша, которыя отравляютъ существованіе путешественника въ средиземно-морскихъ странахъ Южной Европы и особенно въ Египтѣ. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что въ Индіи пролетаріата—масса, и голодовки населенія чуть не нормальное явленіе. Между тѣмъ передъ балкономъ вашей гостиницы являются только жонглеры и фокусники, заклинатели змѣй, за нѣсколько мелкихъ монетъ показывающіе тѣ чудеса, которыя прославили Индію на всѣ концы образованнаго міра.

На улицахъ англійской части Бомбея вы видите мало европейцевъ и чрезвычайно много туземцевъ, большею частью обнаженныхъ до пояса или одѣтыхъ въ бѣлыя, изъ тонкой, какъ кисея, матеріи, одежды, съ красными тюрбанами на головахъ. Громадный процентъ этихъ людей принадлежитъ къ многочисленному штату прислуги англичанина. Десять-двѣнадцать человѣкъ прислуги здѣсь не рѣдкость: это нормальное число въ порядочномъ домѣ. Даже англійскій рядовой солдатъ имѣетъ здѣсь своего лакея, который чиститъ ему лошадь и амуницію. Въ виду того, что содержаніе человѣка обходится въ Индіи гроши, жалованье же здѣсь ничтожное (3—5 р. въ мѣсяцъ красная цѣна лучшему слугѣ), тѣ обязанности, которыя выполняетъ у насъ легко одинъ человѣкъ, здѣсь распредѣляются на цѣлый штатъ прислуги. Прислуга эта большею частью ничего не дѣлаетъ и обсчитываетъ при удобномъ случаѣ своихъ господъ, но врядъ ли какой вельможа въ современной Европѣ окруженъ каждую минуту такимъ штатомъ прислуживающихъ людей, какъ англичанинъ въ Индіи. Даже во время путешествія вы пользуетесь услугами трехъ, четырехъ лицъ.

Трудно представить себѣ зрѣлище болѣе странное, чѣмъ, напримѣръ, обѣденный залъ бомбейской гостиницы. Вы сидите въ громадной комнатѣ, гдѣ за длинными столами расположились обѣдающіе въ опредѣленные часы за табльдотомъ гости. За каждымъ изъ нихъ стоитъ довольно безобразная, потная, черная фигурка въ бѣломъ халатѣ съ краснымъ тюрбаномъ на головѣ, въ неподвижной позѣ. Такое же точно число столь же черномазыхъ лакеевъ бѣгаетъ съ кушаньями, которыя однако, даются не гостямъ, а лакеямъ, а тѣ уже ставятъ ихъ передъ господами. Наконецъ, около стѣнъ стоятъ или сидятъ столь же многочисленные нагіе „пункамены“, т.-е. индусы, вся обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы дергать за шнуры, качающіе подвѣшенныя къ потолку пунки или панки, производящія вѣтеръ, безъ котораго можно бы буквально свариться въ душной и жаркой, наполненной массой ненужныхъ людей комнатѣ.

Идете вы спать въ вашъ номеръ,—и вы опять не обходитесь безъ нѣсколькихъ людей. Является водоносъ, чтобы наполнить вашу ванну. Въ индійскихъ гостиницахъ каждый номеръ имѣетъ ванну: это необходимая принадлежность англо-индійскаго дома. Если вы, хотя дважды въ день, не примете ванны, вы будете чувствовать себя совершенно разслабленнымъ въ этой банной атмосферѣ, покрываясь испариной. Къ вашей комнатѣ, обыкновенно, ничего, кромѣ бѣлыхъ стѣнъ и кровати не содержащей, приставленъ еще слуга для уборки. Но онъ убираетъ все, кромѣ постели, которую убирать долженъ вашъ собственный слуга, располагающійся спать на полу корридора, у дверей вашей комнаты.

Въ такихъ англо-индійскихъ городахъ, какъ Бомбей, туземная часть

отдѣлена отъ англійской. За исключеніемъ соблюденія общихъ правилъ порядка, требуемыхъ полиціей, эта часть города живетъ своею жизнью, представляя характерное для Азіи кишѣніе пестрой толпы на улицахъ, узкихъ, застроенныхъ бѣлыми двухъ-трехъэтажными каменными домами. пестро разукрашенными балкончиками и лѣпными украшеніями. Но характерныя черты народной индійской жизни здѣсь какъ-то менѣе выражены, чѣмъ въ чисто туземныхъ городахъ. Храмы, какъ и въ

Башня молчанія.

городахъ магометанскихъ, не выдѣляются изъ массы построекъ. Въ Бомбеѣ они даже недоступны для европейцевъ, и здѣсь обыкновенно только „башня молчанія“ привлекаетъ туристовъ.

Башня молчанія находится на вершинѣ холма, занятаго виллами богатаго парсійскаго населенія города и кладбищемъ, которымъ и служитъ эта башня, или, вѣрнѣе, три башни. Какъ извѣстно, парсы, наиболѣе интеллигентное и способное къ торговлѣ изъ туземнаго населенія Бомбея племя, суть потомки изгнанныхъ изъ Персіи поклонниковъ Ормузда и Аримана. Они поселились въ западной Индіи и сохраняютъ

тамъ до настоящаго времени свою религію, несмотря на то, что быстро заимствуютъ отъ европейцевъ науку и европейскую цивилизацію. Въ Бомбеѣ даже женщины парсійскія получаютъ образованіе въ чемъ-то въ родѣ института. У нихъ есть благотворительныя общества, рабочіе дома для бѣдныхъ. Подобно тому, какъ нѣкогда на родинѣ, они носятъ длинныя, ниже колѣнъ, бѣлыя одежды, панталоны и сверху европейскаго покроя пальто. На голову они надѣваютъ шапочку изъ бархата, шитую золотомъ, въ родѣ тѣхъ, какія носятъ наши крымскіе татары. Какъ послѣдователи религіи Зороастра, парсы считаютъ грѣхомъ осквернять стихіи прикосновеніемъ мертвыхъ тѣлъ. Поэтому они не хоронятъ въ землю и не сожигаютъ своихъ мертвецовъ, но отдаютъ на съѣденіе птицамъ. Башни молчанія и являются для этого спеціально приспособленными погребальницами. Наибольшая изъ этихъ башенъ имѣетъ 25 футовъ высоты и 267 футовъ въ окружности. На разстояніи 8 ф. отъ грунта есть отверстіе, около $5^1/_2$ кв. ф., по которому несущіе покойниковъ люди поднимаются внутрь зданія. Здѣсь устроены амфитеатромъ ряды продолговатыхъ ящиковъ, наибольшіе, около наружнаго края,—для мужчинъ, далѣе для женщинъ и въ центрѣ—для дѣтей. Похоронная процессія поднимается по дорогѣ, ведущей къ вершинѣ, гдѣ она останавливается около особаго павильона, съ котораго открывается восхитительный видъ на Бомбей и его окрестности, тонущія въ зелени вѣерныхъ пальмъ. Процессія эта обыкновенно очень длинная. Впереди несутъ покойника бородатые люди; сзади идутъ родственники и знакомые попарно, въ бѣлыхъ одеждахъ. Они остаются у павильона. Только бородатые люди въ перчаткахъ и съ крюками относятъ покойника въ одну изъ тѣхъ башенъ и оставляютъ его совершенно нагимъ. Тогда туда слетаются коршуны, и черезъ два часа остаются одни кости. Кости эти потомъ смываются дождями въ отверстіе въ центрѣ башни, гдѣ онѣ быстро распадаются въ прахъ. Дождевая вода, ихъ смывающая, проникаетъ черезъ толстый слой угля и дезинфецирующихъ веществъ и уходитъ въ море. Къ башнямъ, кромѣ бородатыхъ носильщиковъ, никому не дозволено приближаться. Но вокругъ разбитъ восхитительный садъ, изобилующій цвѣтами и цвѣтущими деревьями, олеандрами и гарденіями, разливающими ароматъ розами и стройными, возносящими къ небу свои вершины, кипарисами. Это—очаровательное мѣсто для уединенія и размышленія или воспоминанія объ умершихъ.

Но кромѣ этого крайне оригинальнаго парсійскаго кладбища, Бомбей по народностямъ, кишащимъ на его улицахъ, представляетъ скорѣе какую-то пеструю смѣсь изъ всевозможныхъ племенъ и народовъ Индіи, чѣмъ чисто индійскій городъ. Наблюдать жизнь здѣсь всего удобнѣе на базарахъ, роскошныхъ, громадныхъ, крытыхъ желѣзомъ

зданіяхъ, не лишенныхъ интереса даже для натуралиста, такъ какъ здѣсь собраны всевозможныя рыбы Индійскаго океана и овощи, и фрукты тропической Индіи, цвѣты, употребляемые для жертвоприношеній, собранные въ оригинальные гирлянды и букеты,—все это содержится въ идеальномъ порядкѣ и чистотѣ. Здѣсь вы найдете отдѣльныя помѣщенія для продажи листьевъ бетеля, одного вида перца,—въ которые завертываютъ кусочки орѣховъ арековой пальмы и извести и жуютъ, пока слюна не сдѣлается кроваво-красной, зубы—черными, ротъ же какъ-будто окровавленнымъ. Манги, бананы, апельсины, виноградъ—здѣсь лучшіе въ мірѣ. Здѣсь толпится разнообразное населеніе, не менѣе пестрое, чѣмъ на улицахъ туземнаго квартала. Индусы изъ Гузерата, въ бѣлыхъ длинныхъ одеждахъ и съ красными знаками кастъ на лбу, часто почти обнаженные, арабы изъ Маската, персіяне, афганцы въ высокихъ бѣлыхъ чалмахъ, негры изъ Занзибара, парсы въ европейскихъ пальто и бархатныхъ, расшитыхъ золотомъ шапочкахъ, островитяне Малединскихъ острововъ, малайцы, даже китайцы, раджпуты, евреи, сипаи, европейцы перемѣшаны въ этой космополитической толпѣ, пестрой, разнообразной по костюмамъ, какъ всякая азіатская толпа, но слишкомъ разнохарактерной, чтобы дать цѣльное впечатлѣніе. Египетскія фески и арабскій покрой платья съ чалмою, индійскія легкія бѣлыя одежды и шапочки парсійцевъ пестрятъ въ глазахъ. Часто вы видите полуегипетскій, полуиндійскій костюмъ. Если не англичане, то прежніе жители португальцы оставили еще здѣсь по себѣ многочисленное смѣшанное населеніе. Населеніе это—фактъ достойный вниманія—гораздо черпѣе, чѣмъ тѣ туземцы, съ которыми вступили въ бракъ бѣлые португальцы. Они стремятся носить непремѣнно европейское крахмальное бѣлье,—хотя часто только рубашка и панталоны и составляютъ костюмъ такого португальца; при 41-градусной жарѣ и пыли трудно выдумать что-либо несообразнѣе этого костюма. Такъ же пестры и перемѣшаны между собою обычаи бомбейцевъ, путающіеся и смѣшивающіеся и мало-по-малу входящіе въ рамки англійскаго строя жизни. Поэтому не здѣсь надо искать чистыхъ чертъ индійскаго быта. Здѣсь онъ подавленъ новою англійскою культурою, столь безцеремонно нарушившею старые порядки и придавшею свой европейскій обликъ разрастающемуся городу, желающему, вопреки климату, какъ въ Англіи, засыпать въ 9 часовъ вечера и пробуждаться въ 8 часовъ утра.

Индусская деревня.

(Лимбаха).

На нѣкоторомъ разстояніи деревня южнаго Декана представляется путешественнику небольшою рощицей манговыхъ и тамариндовыхъ деревьевъ; отъ настоящей рощи она отличается только тѣмъ, что изъ густой листвы тамъ и сямъ поднимаются голубоватыя облачка дыма. Подъѣхавши ближе, путешественникъ замѣчаетъ отдѣльныя хатки, развалины одинокаго храма въ полѣ, но сама деревня все еще скрывается отъ глазъ. Это зависитъ отъ живой изгороди изъ древовидныхъ кактусовъ, агавъ или исполинскихъ молочаевъ. По своему назначенью эта изгородь соотвѣтствуетъ прежнимъ европейскимъ городскимъ стѣнамъ, такъ какъ она должна была защищать деревню отъ внезапныхъ набѣговъ разбойничьихъ шаекъ, налетавшихъ на своихъ маленькихъ, быстрыхъ лошадкахъ. Для бо̀льшей безопасности тропинки, проходящія сквозь эту изгородь, образуютъ извивы, замыкающіеся съ обѣихъ сторонъ высокимъ плетнемъ; такимъ образомъ въ изгороди образуется множество уголковъ, доступныхъ только со стороны деревни. Въ то же время эти изгороди защищаютъ лежащіе около домовъ огороды отъ скота, въ изобиліи пасущагося по полямъ на свободѣ; имѣй этотъ скотъ свободнымъ доступъ къ садамъ и огородамъ, они превратились бы въ пустыню въ самое короткое время.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ имѣется нѣчто въ родѣ форта — очень вмѣстительная башня, нѣкогда служившая послѣднимъ убѣжищемъ отъ разбойниковъ.

Путешественникъ, желающій посѣтить такую деревню, прежде всего отыскиваетъ „ратушу“ — присутственное мѣсто деревенскаго старосты, гдѣ онъ можетъ временно остановиться. Эта „ратуша“ стоитъ большею частью приблизительно посреди деревни. Передъ нею находится открытая площадь большей или меньшей величины, служащая мѣстомъ стоянки быковъ и повозокъ. Иного помѣщенія здѣсь и не требуется, особенно если на площади есть какое-нибудь большое дерево, подъ тѣнью котораго можно укрыться отъ жары.

Сама „ратуша“ большею частью имѣетъ видъ залы съ колоннами, огороженной съ трехъ сторонъ земляными стѣнами; четвертая сторона, выходящая на улицу, остается открытой.

Пройдемся по деревнѣ. Прежде всего мы попадаемъ на базаръ, или рынокъ. Рынокъ въ Индіи, въ противоположность нашему, представляетъ изъ себя не широкую, открытую площадь, а цѣлую сѣть маленькихъ улицъ и переулковъ, гдѣ мастерскія и лавки плотно жмутся другъ къ другу и построены такъ тѣсно, что одну лавку отъ другой отдѣляетъ только перегородка. И лавки, и мастерскія совершенно открыты на

улицу; по величинѣ онѣ напоминаютъ наши ярмарочныя палатки. Лавки приподняты надъ улицей аршина на полтора. Посреди помѣщенія сидитъ продавецъ, заложивъ ногу на ногу и держа на колѣнахъ счетную книгу. Вокругъ него амфитеатромъ расположено множество ящиковъ и жестянокъ, содержащихъ хлѣбъ и пряности, масло и сахаръ, нюхательный табакъ и лукъ, нитки и стеклянныя украшенія,— словомъ, все необходимое для домашняго обихода индуса. Все это расположено такъ, чтобы купецъ могъ доставать желаемое, по возможности не поднимаясь съ мѣста; если же ему все-таки приходится подняться, надъ его головою виситъ крѣпкій шнуръ съ кистью, за которую онъ можетъ ухватиться. Является покупатель и требуетъ на копейку нюхательнаго табаку или на три копейки сахару; купецъ завертываетъ требуемое въ большой древесный листъ или кусокъ газеты, крѣпко перевязываетъ грубою хлопчатобумажною бечевкой или лыкомъ и передаетъ покупателю; всѣ движенія его медлительны и важны, точно онъ дѣлаетъ какое-то необычайно серьезное дѣло. При этомъ часто случается, что покупатель недоумѣваетъ при видѣ малаго количества отпущеннаго ему товара. Онъ требуетъ прибавки, купецъ стоитъ на своемъ и завязывается безконечный споръ. Въ концѣ-концовъ купецъ прибавляетъ еще щепотку, снова завертываетъ товаръ и отдаетъ покупателю. Не такъ просто дѣло дѣлается тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о товарахъ бо́льшей цѣнности, напримѣръ, о матеріяхъ. Тогда обѣ стороны приглашаютъ сосѣдей въ эксперты, и споръ возгарается съ новою силой. Эксперты со стороны купца наперерывъ расхваливаютъ товаръ, противоположная сторона не находитъ достаточно сильныхъ выраженій для порицанія, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока одна изъ партій не пойдетъ на уступки.

Мастерскія позволяютъ всякому прохожему заглянуть во всѣ мельчайшія подробности производства (за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ обманываютъ покупателя). Можно наблюдать, напримѣръ, какъ золотыхъ дѣлъ мастеръ плавитъ и куетъ золото, или вытягиваетъ его въ тонкія нити, которыя потомъ искусно связываетъ и сплетаетъ. Здѣсь же можно видѣть, какъ мясникъ торгуетъ овечку у пастуха, какъ онъ перерѣзаетъ ей горло тупымъ, зазубреннымъ ножомъ, разрубаетъ мясо, дѣлитъ на мелкія, трехкопеечныя порціи внутренности, кожу и кости и т. д. Лучше не слишкомъ приглядываться ко всему этому, чтобы не потерять аппетита раньше времени. Мясники здѣсь—почти безъ исключенія магометане, покупатели мяса—магометане, европейцы и паріи.

Далѣе можно полюбоваться, какъ портной искусно пригоняетъ заплатку къ заплаткѣ, пока не получится прекрасная красно-зеленая или сине-желтая куртка. Если онъ къ тому же обладаетъ швейною машиной, любопытные массами окружаютъ его, стремясь подивиться на чудо

„Вплапри“ (Европа). Если эта швейная машина ножная, ея нижняя часть предусмотрительно прикрывается изящнымъ платкомъ, и многіе уходятъ, покачивая головой, въ полной увѣренности, что портной вступилъ въ сношенія съ духами, которые неуклонно и таинственно приводятъ машину въ движеніе.

Но такое отношеніе встрѣчается только въ болѣе или менѣе глухихъ деревняхъ; болѣе бойкій горожанинъ разсматриваетъ все до мельчайшихъ подробностей и затѣмъ отворачивается съ миной, говорящей: „не очень-то далеко ушли европейцы со своею мудростью, это и наши могутъ сдѣлать“.

Вообще всѣ мины и движенія головы и рукъ индуса такъ выразительны, гибки и цѣлесообразны, что европейскій ораторъ могъ бы свободно поучиться у индусской крестьянки и мимикѣ, и краснорѣчію. Рѣчь раздраженной женщины льется какъ бурный горный потокъ, безъ запинки, безъ перерыва, все возрастая въ быстротѣ и звучности, подобно лавинѣ, — она такъ и сыплется на противницу, заглушая ея возраженія. Съ другой стороны, индусъ, пока онъ не потерялъ самообладанія подъ вліяніемъ гнѣва, опьяненія или опіума, не позволитъ себѣ произнести ни одного некрасиваго, грубаго или неприличнаго слова.

Купля и продажа производится не только въ лавкахъ: продажа и покупка съѣстныхъ припасовъ и корма для скота совершается подъ открытымъ небомъ, передъ лавками. Торговецъ, а по большей части торговка, разстилаетъ на землѣ цыновку. На нее ставится корзина или горшокъ сала, связка травы или дровъ, а сзади на цыновку садится продающій. Такимъ образомъ выставляются на продажу куры, овощи, травы, рыба, дрова, также зерновой хлѣбъ и коренья. Между этими товарами попадаются цыновки съ предметами роскоши и туалета, напримѣръ: гребнями, зеркалами, бусами и браслетами, перстнями, серьгами, кольцами для продѣванія черезъ носъ, уховертками, всевозможными ящичками; далѣе встрѣчаются ножницы и ножи, перья, карандаши и т. п., — словомъ, въ общемъ получается такой пестрый хаосъ, что нужно употребить порядочно времени, чтобы въ немъ разобраться. Самый дешевый и плохой товаръ — большею частью бракъ — разносчики таскаютъ въ ящикахъ и корзинахъ изъ деревни въ деревню, съ рынка на рынокъ и продаютъ по такимъ ничтожнымъ цѣнамъ, что многіе европейскіе товары здѣсь можно купить дешевле, чѣмъ въ Европѣ. Если такая торговка или крестьянка заработаетъ 30 — 40 копеекъ въ день, она совершенно довольна.

Оставимъ базаръ и отправимся на дальній конецъ деревни. Тамъ гнѣздятся отщепенцы индусскаго общества: кожевники и башмачники, каменьщики, питающіеся крысами, кошками и собаками, странствующіе

кузнецы и корзинщики, настолько же необходимые индусскому обществу, насколько презираемые имъ. Тутъ же живутъ такъ называемые „ламбани“, по образу жизни и по одеждѣ напоминающіе цыганъ, одни изъ древнѣйшихъ обитателей Индіи; подобно нашимъ цыганамъ,—они занимаются мелкимъ воровствомъ, гаданіемъ, ворожбой и шарлатанствомъ. Среди этихъ отбросовъ общества попадаются удивительно красивые, совершенно свѣтлокожіе люди.

Загляпемъ теперь въ крестьянскую хижину и осмотримъ ея архитектуру, внутреннее устройство и обитателей.

Многіе крестьянскіе дома въ южномъ Деканѣ вовсе не имѣютъ дверей на улицу. Нѣчто въ родѣ коридора или сѣней ведетъ во внутренній дворъ, находящійся позади дома, и только съ этого двора идетъ парадная дверь въ самый домъ. Въ основѣ этого обычая лежитъ вѣрованіе индусовъ, требующее, чтобы входное отверстіе дома было направлено въ опредѣленную сторону. Дѣло въ томъ, что, съ одной стороны, „дурной глазъ“, котораго индусы очень боятся, можетъ вліять только въ томъ случаѣ, если попадаетъ въ домъ съ извѣстной, опредѣленной стороны, а съ другой—индусы вѣрятъ, что благословеніе здоровья входитъ въ домъ съ востока (о чемъ говорятъ и индусскія священныя книги). Въ этомъ между прочимъ выражается одно изъ поразительныхъ явленій индусской жизни—это тѣсная связь религіи со всѣми житейскими мелочами. Индусъ купается, ѣстъ, строитъ свое жилище согласно предписаніямъ религіи; туземные доктора лѣчатъ больныхъ по правиламъ священныхъ книгъ. Короче, всѣ поступки индуса предусмотрѣны и урегулированы религіей, правила которой большею частью исполняются строго. Иногда такое религіозное предписаніе имѣетъ гигіеническое основаніе: это наблюдается, напримѣръ, въ вышеприведенномъ обычаѣ постройки жилища. Въ южномъ Деканѣ западный вѣтеръ опасенъ для туземцевъ, такъ какъ нерѣдко приноситъ лихорадку, а восточный, напротивъ, обыкновенно неопасенъ. Поэтому, дѣйствительно, дверь на востокъ „открываетъ доступъ здоровью“.

Прежде чѣмъ войти въ домъ, осмотримъ повнимательнѣе дворъ. Если дворъ не очень тѣсенъ, на немъ можно встрѣтить, въ видѣ главнаго украшенія, нѣсколько большихъ тѣнистыхъ деревьевъ. Соединяя пріятное съ полезнымъ, индусъ сажаетъ у себя на дворѣ всего охотнѣе манговыя или тамариндовыя деревья. Недозрѣлые плоды манговаго дерева заготовляются впрокъ съ солью, перцемъ и другими пряностями и служатъ круглый годъ острою приправой къ рису; зрѣлые — составляютъ любимое лакомство индуса. Сердцевина тамариндоваго дерева—необходимая составная часть такъ называемой „перечной воды“ и остраго соуса,—„кэрри“ (отъ туземнаго слова „kara“— острый). Кромѣ этихъ деревьевъ, у индуса на дворѣ можно встрѣтить еще нѣкоторыя полезныя

деревья, напр., дынное дерево (Carica papaja), дающее вкусные плоды. Обыкновенно всѣхъ этихъ деревьевъ такъ много и они разрастаются такъ сильно, что деревня издалека кажется рощей.

Въ тѣни деревьевъ по всему двору растутъ сплошныя заросли различныхъ травъ и кустарниковъ. Кажется, точно хозяинъ бросилъ на землю пригоршню всевозможныхъ сѣмянъ и разшвырялъ ихъ по всѣмъ направленіямъ,—гдѣ что упало, тамъ и выросло.

По стволамъ деревьевъ, по крышѣ вьются длинныя плети огурцовъ, дынь, тыквы и всевозможные бобы; вся эта масса зелени почти совершенно закрываетъ сидящіе на землѣ овощи. Самымъ обыкновеннымъ овощемъ здѣсь бываетъ „багія“ (Hibiscus esculentus), недозрѣлые плоды которой идутъ въ пищу. Среди овощей разбросаны кустики жасмина, махровыя камеліи, лиліи, розы, а также табакъ, красный перецъ, хлопчатникъ и часто нѣсколько штукъ мака, сокъ котораго даетъ извѣстное одуряющее средство — опіумъ. Но это—товаръ запрещенный, такъ какъ добываніе опіума составляетъ монополію правительства. Въ этомъ хаосѣ всегда найдется одинъ-два куста рицинуса; здѣсь онъ служитъ не украшеніемъ, а полезнымъ растеніемъ, которымъ иногда засѣваются цѣлыя поля. Касторовое масло въ Индіи служитъ не только лѣкарствомъ, но оно идетъ также въ кушанье, какъ у насъ коровье или постное. Новичка въ особенности поражаетъ пышная зелень всѣхъ этихъ растеній даже въ сухое время года, когда всѣ окрестныя поля выжжены и голы. Дѣйствительно, растущія на дворѣ травы орошены обильно: среди двора находится камень, на которомъ колотятъ стирающееся бѣлье, намочивъ его предварительно въ водѣ; на этомъ же камнѣ домашніе, за неимѣніемъ бани, обмываютъ съ себя дневную пыль, потъ и жаръ. Вся вода послѣ мытья посуды и умыванья выливается на растенія, а такой воды въ индусскомъ хозяйствѣ не мало; по временамъ недопитая вода въ какой-нибудь мѣдной или глиняной посудинѣ выплескивается туда же, чтобы, согласно правиламъ браминской религіи, способствовать поддержанію жизни и тѣмъ заслужить льющему лучшій жребій въ послѣдующемъ воплощеніи.

Войдемъ, наконецъ, въ домъ, испросивъ предварительно позволеніе. Правильнѣе было бы сказать — войдемъ подъ крышу дома; главную часть индусскаго жилья составляетъ веранда, открытая съ внѣшней стороны или огороженная плетнемъ изъ расщепленныхъ стволовъ бамбука, сквозь широкія щели котораго свободно проходитъ воздухъ; въ такомъ случаѣ съ веранды на улицу видно все, но прохожіе могутъ только съ трудомъ различить происходящее на верандѣ. Въ домахъ, у которыхъ нѣтъ плоской крыши, эта веранда служитъ большую часть года не только гостиною, но и спальней; остальная часть дома представляетъ собою спальню для болѣе холоднаго времени года, кухню, кладовую для сбе-

реженія движимаго имущества и даже стойла для домашняго скота. Внутри дома совершаются только такія дѣйствія, которыя почему-нибудь должны быть скрыты отъ постороннихъ глазъ. По обѣимъ сторонамъ входа полъ веранды поднимается на 2—3 фута надъ поломъ прохода; онъ тщательно вымазанъ коровьимъ навозомъ или аккуратно прикрытъ цыновкой. Въ первомъ случаѣ приличіе требуетъ, чтобы при входѣ гостя на веранду передъ нимъ разстилался коверъ или цыновка, на которую его и просятъ присѣсть. Гость съ своей стороны долженъ оставить у веранды свою обувь, если онъ имѣетъ ее, но голова его остается покрытой. Послѣднее очень удобно, потому что въ крышѣ веранды иногда гнѣздятся многія непріятныя животныя, напр., скорпіоны и даже змѣи.

Внутреннее пространство дома дѣлится на двѣ неравныя части. Меньшее отдѣленіе, съ низкимъ поломъ, служитъ для ночлега скота; другое, большее, приподнятое надъ почвой на высоту около фута съ помощью слоя земли, представляетъ собственно жилое помѣщеніе въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ болѣе бѣдныхъ хижинахъ здѣсь находятся только двѣ штуки мебели: кровать и сундукъ. Кровать есть не что иное, какъ четырехугольный деревянный остовъ, фута три длиной и фута 4 $^1/_2$ шириной, затянутый вдоль и поперекъ кокосовыми веревками; на этомъ переплетѣ лежитъ шерстяной коверъ или толстый бумажный холстъ, или, наконецъ, нѣчто въ родѣ стеганаго одѣяла. Это одѣяло, гдѣ оно имѣется, представляетъ собою чрезвычайно любопытное рукодѣліе, сшитое изъ крошечныхъ лоскутковъ и подбитое хлопкомъ.

Въ сундукѣ, запертомъ болѣе или менѣе искуснымъ замкомъ, хранится все наиболѣе драгоцѣнное по части платья. Деньги по большей части находятся въ другомъ мѣстѣ, а иногда просто закапываются въ землѣ. Большинство индусовъ промѣниваютъ свободныя деньги на серебряныя и золотыя украшенія, которыя женщины носятъ въ волосахъ, на рукахъ, на шеѣ, въ ушахъ, въ носу или вокругъ бедеръ въ видѣ пояса.

Кухня въ индусскомъ домѣ представляетъ особое помѣщеніе, которое у туземцевъ стоитъ подъ одной крышей съ домомъ, но только примыкаетъ къ нему. Кухня—святая святыхъ жилища, куда рѣдко проникаетъ чужой. Въ кухнѣ хранится мѣдная или латунная, иногда глиняная посуда; здѣсь же стоятъ исполинскіе глиняные сосуды съ масломъ, саломъ, мукой и т. п. Хлѣбное зерно хранится въ бамбуковой корзинѣ, густо вымазанной внутри и снаружи коровьимъ навозомъ и покрытой сверху толстымъ слоемъ дерна; эта корзина обыкновенно стоитъ гдѣ-нибудь въ надежномъ мѣстѣ, иногда въ самомъ жиломъ помѣщеніи.

Въ кухнѣ (иногда на верандѣ) стоитъ ручная мельница, на которой работаютъ обыкновенно двѣ женщины за разъ. Ручная мельница состоитъ изъ двухъ круглыхъ камней, имѣющихъ около 1$^1/_2$ фута въ

поперечникѣ и дюйма 3—4 въ толщину. Нижній камень вкапывается въ землю. Посрединѣ его укрѣпляется деревянная втулка, на которой вертится верхній камень. На немъ около внѣшняго края устроенъ крѣпкій деревянный крюкъ, за который берутся вертящія мельницу женщины. Онѣ садятся другъ противъ друга и охватываютъ мельницу ногами. Зерно—пшеница или просо—высыпается въ воронкообразное углубленіе посреди верхняго камня, охватывающее деревянный стержень нижняго жернова. Молоть на такой мельницѣ довольно скучно и очень утомительно. Чтобы облегчить этотъ трудъ, женщины цѣлыми часами тянутъ свои монотонныя, часто тутъ же импровизируемыя пѣсни подъ тактъ вращенія жернововъ. Это мурлыканье составляетъ всю возможную бесѣду, — обыкновенный разговоръ требуетъ слишкомъ большого напряженія вниманія. Послѣ размола болѣе тонкая, болѣе грубая мука и отруби отдѣляются другъ отъ друга своеобразнымъ потряхиваньемъ на большой лопатѣ, сплетенной изъ бамбука, безъ ручки. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ крестьянъ имѣется большая деревянная ступка съ пестикомъ для отдѣленія риса отъ шелухи.

Крестьянинъ большею частью самъ строитъ свое жилище изъ глины. Въ концѣ сухого времени года, когда обнажается полузасохшее глинистое дно прудовъ, эту глину смачиваютъ водой и женщины переносятъ ее въ корзинахъ на мѣсто стройки, гдѣ мужчина начинаетъ выкладывать стѣны, сначала фута на два въ вышину. Когда этотъ рядъ высохнетъ, накладывается слѣдующій и такъ до конца. Глиняный полъ выкладывается мелкими камешками и плотно утаптывается Такъ же устраиваются возвышенныя части веранды. Для болѣе прочной стройки глина складывается въ большія кирпичныя формы на берегу пруда; и эти кирпичи просыхаютъ на солнцѣ, послѣ чего идутъ въ постройку и скрѣпляются еще глиной въ видѣ цемента. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дома строятся изъ грубыхъ, почти неотесанныхъ камней. Коньки и балки дѣлаются изъ грубо отесанныхъ древесныхъ стволовъ, а крыша устраивается изъ бамбуковыхъ жердей, на которыя кладутся расщепленные стволы бамбука, а сверху кладется черепица или просто трава.

Во внутреннемъ Деканѣ многіе каменные дома имѣютъ плоскія крыши; для этого на прочный накатъ насыпанъ слой земли, политый водой и плотно утоптанный. Вначалѣ эти крыши легко пропускаютъ воду, но съ теченіемъ времени становятся все болѣе непромокаемы и являются достаточной защитой отъ солнца. Къ сожалѣнію, онѣ въ то же время служатъ любимымъ убѣжищемъ всевозможныхъ червей и насѣкомыхъ.

Дома болѣе зажиточныхъ крестьянъ сильно разнятся отъ осмотрѣнныхъ нами, такъ же какъ и городскія строенія. Жилище богатаго крестьянина представляетъ собою цѣлую группу жилыхъ помѣщеній и

службъ. Помѣщенія для скота отдѣлены отъ жилища людей, что вовсе не мѣшаетъ любимому теленку или барану находить пріютъ въ жиломъ помѣщеніи. Всѣ постройки большею частью сгруппированы вокругъ двора. Богачъ охотно надстраиваетъ нѣсколько комнатъ вверхъ, такъ что получается родъ второго этажа. Въ этихъ комнатахъ онъ принимаетъ гостей и отдыхаетъ, такъ какъ здѣсь прохладнѣе, чѣмъ внизу. Въ городѣ почти всѣ богатые дома двухъэтажные, а царскіе дворцы имѣютъ три этажа и даже болѣе. Въ первомъ случаѣ всѣ такіе дома представляются настоящимъ лабиринтомъ комнатъ, комнатокъ, лѣстницъ и коридоровъ.

Вернемся однако къ нашему простому крестьянину. Основная задача индуса при постройкѣ дома (несмотря на его любовь къ свѣжему воздуху въ ночное время)—предоставить возможно малый доступъ воздуха и свѣта внутрь жилища. Поэтому окна имѣютъ видъ маленькихъ четырехугольныхъ отверстій, да еще зачастую закрытыхъ массивными досчатыми ставнями. Число ихъ, такъ же какъ и дверей, по возможности не велико. Гораздо больше значенія имѣютъ стѣнныя ниши, находящіяся въ большомъ количествѣ въ каждомъ домѣ и служащія складочнымъ мѣстомъ цѣлой массы самыхъ разнообразныхъ предметовъ и мелочей. Самыми важными нишами служатъ—ниша для лампы и ниша для изображеній боговъ.

Индусскія лампы, сдѣланныя изъ глины, латуни или бронзы, имѣютъ совершенно античную форму. Онѣ представляютъ собою плоскую, открытую чашу съ носикомъ, въ которомъ лежитъ самый обыкновенный хлопчато-бумажный фитиль. Въ бѣдныхъ семьяхъ жгутъ по большей части медленно сгорающее и трудно воспламеняемое масло, добываемое изъ различныхъ маслянистыхъ сѣмянъ собственнаго посѣва.

На дворѣ гдѣ-нибудь въ углу валяются земледѣльческія орудія крестьянина. Самыя важныя изъ нихъ плугъ и борона. Плугъ—просто кусокъ, вырубленный изъ какого-нибудь крѣпкаго колючаго дерева, при чемъ одинъ изъ сучковъ служитъ дышломъ, а крючковатый сошникъ сдѣланъ изъ ствола. Сзади оставлена ручка, за которую держится пахарь и управляетъ плугомъ. Борона—ворохъ крѣпко связанныхъ между собою колючихъ вѣтокъ. Для большей тяжести на ворохъ колючекъ наваливаются камни, а иногда садится самъ погонщикъ, и борона возится по полю вдоль и поперекъ.

Другое интересное земледѣльческое орудіе индуса—сѣялка, которая употребляется не вездѣ и не для всякаго посѣва. Она представляетъ собою нѣчто въ родѣ большихъ грабель, ручка которыхъ составляетъ дышло, въ которое впрягаютъ пару и больше воловъ. Зубья грабель сдѣланы изъ заостренныхъ, внутри полыхъ бамбуковыхъ палочекъ. Наверху въ особыхъ сосудахъ помѣщается зерно; сосуды эти имѣютъ во-

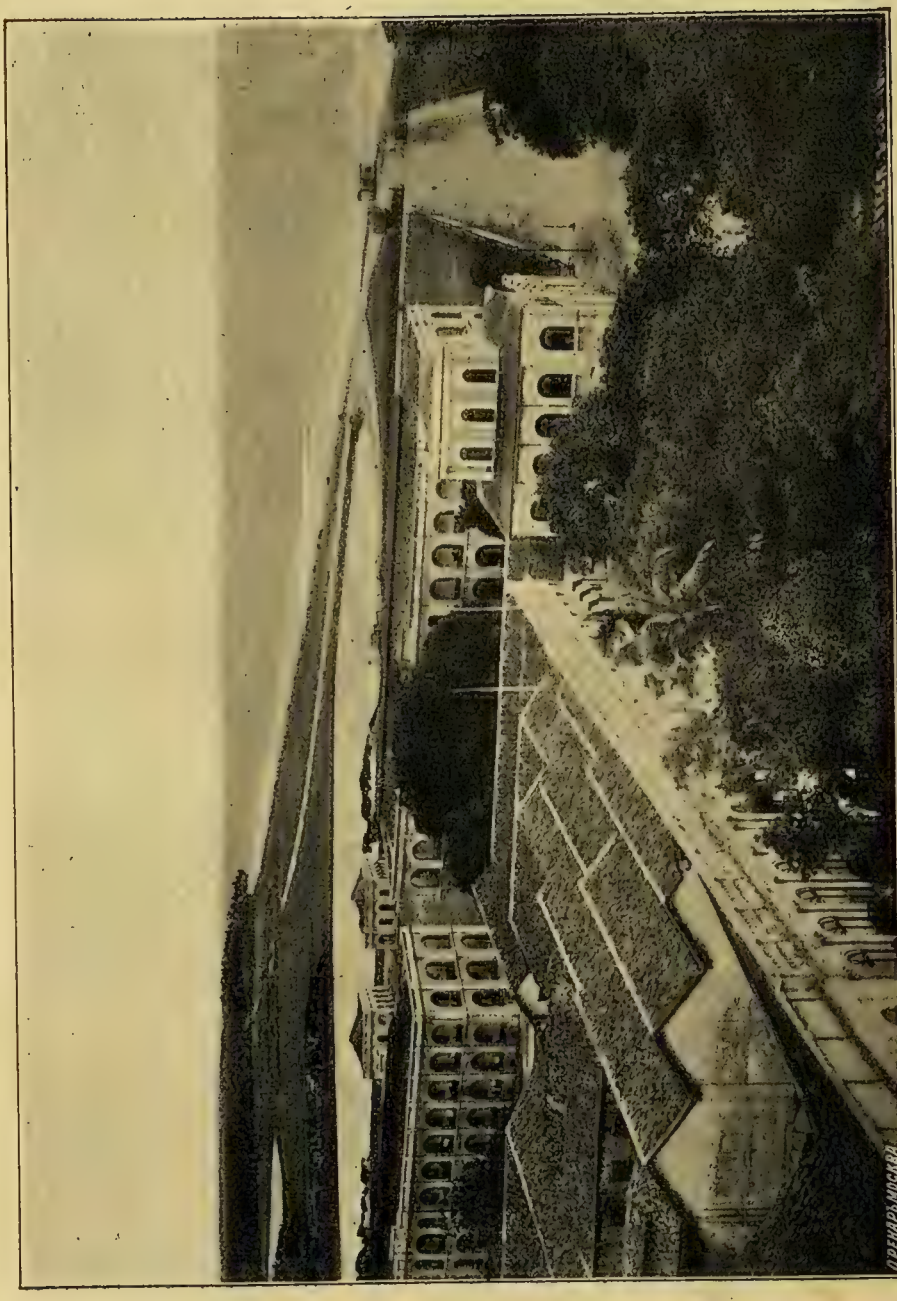
ронкообразныя отверстія, черезъ которыя сѣмена изъ сосудовъ постепенно стекаютъ въ вышеупомянутые зубья-трубочки. Зубцы проводятъ маленькія борозды и оставляютъ въ нихъ надлежащее количество сѣмянъ. Это устройство имѣетъ опредѣленную цѣль. Дѣло въ томъ, что крестьянинъ южнаго Декана засѣваетъ свое поле не однимъ какимъ-нибудь хлѣбомъ, а нѣсколькими сортами. Въ его распоряженіи одно только дождливое время, и онъ торопится использовать его для всего. Съ этою цѣлью онъ высѣваетъ на свое поле нѣсколько сортовъ хлѣба, поспѣвающихъ въ разное время. Чтобы сборъ ранняго хлѣба не помѣшалъ болѣе позднему, сѣмена высѣваются аккуратно рядами. Такъ сѣютъ главнымъ образомъ просо и хлопокъ; пшеницу разбрасываютъ прямо рукою, какъ и у насъ. Хлѣбъ срѣзаютъ обыкновенно небольшимъ серпомъ; коса здѣсь совершенно непзвѣстна.

Устройство рисовыхъ полей на прибрежьи, конечно, совершенно иное. Рисъ—растеніе болотное, и для хорошаго урожая ему надо стоять въ водѣ и илѣ вплоть до созрѣванія. Поэтому рисовыя поля представляютъ собою по большей части маленькіе участки, затопленные водой. Молодыя растеньица, выведенныя въ особыхъ „питомникахъ“, пересаживаются въ извѣстное время на поля, гдѣ рабочіе стоятъ по колѣна въ водѣ. Поле подготовляется заранѣе,— его распахиваютъ подъ водой, и молодые рисовые кусты разсаживаются рядами въ приготовленный такимъ образомъ илъ.

Цейлонъ и его населеніе.

(А. Краснова).

Жемчужина Индійскаго океана, островъ, на который, по преданію магометанской религіи, были сосланы Адамъ и Ева въ утѣшеніе за изгнаніе ихъ изъ рая, убѣжище индійскаго истиннаго буддизма, Цейлонъ въ настоящее время является центральной станціей всѣхъ судовъ, идущихъ въ Индію, Австралію и на дальній Востокъ, центромъ чайной и хинной торговли Англіи и тропической Швейцаріей для туристовъ, охотниковъ и археологовъ. Его заросшія дѣвственными лѣсами развалины городовъ, выстроенныхъ тысячелѣтія назадъ, его чудная тропическая природа, здоровый климатъ горъ, охота на дикихъ слоновъ, таинственные культы туземцевъ, а также полная безопасность и комфортъ путешествія создали ему громкую славу, вызвавъ многочисленныя и восторженныя описанія чуть ли не на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Что Цейлонъ въ значительной степени заслуживаетъ этой репутаціи, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Правда, есть острова съ болѣе чудною природой, какъ, напримѣръ, Ява, послѣ которой впечатлѣніе, оставляемое Цейлономъ,



Морской берегъ близъ Коломбо.

слабо, но мѣстности эти не такъ доступны для путешественника, какъ Цейлонъ.

Имѣя форму груши, соединенный отмелями съ материкомъ, занимая площадь пяти шестыхъ Ирландіи, геологически Цейлонъ представляетъ съ полуостровомъ Индостаномъ одно цѣлое. Это та же масса скалъ изъ гнейсовъ, различнымъ образомъ изогнутыхъ, размытыхъ, разрушенныхъ совокупною дѣятельностью моря и дождя. Море залило теперь низину, соединявшую горную группу Цейлона съ горами материка, и Адамовъ мостъ, по которому герой индійскихъ легендъ Рама перешелъ на островъ, теперь представляетъ проливъ; въ зависимости отъ господствующихъ вѣтровъ воды этого пролива стремятся то съ сѣверо-запада на востокъ, то обратно на западъ, производя всегда теченіе и зыбь, непріятную для проходящихъ черезъ проливъ маленькихъ пароходовъ, поддерживающихъ сообщеніе между Индостаномъ и Коломбо на островѣ. Въ недавнемъ геологическомъ прошломъ море стояло, повидимому, еще выше; это оно создало поясъ плоскихъ равнинъ, которыя окружаютъ горныя группы центральнаго Цейлона, спускающіяся со всѣхъ сторонъ къ этимъ равнинамъ невысокими холмами. Если подняться на одинъ изъ этихъ невысокихъ холмовъ, вы увидите, что онъ возвышается надъ громаднымъ ровнымъ моремъ лѣса, обрамленнаго голубымъ тропическимъ океаномъ. Но центральная часть острова гориста. Какъ во всѣхъ влажныхъ тропическихъ странахъ, граниты и сѣрые гнейсы, изъ которыхъ слагаются эти горы, рѣдко гдѣ выходятъ на поверхность. Развѣ въ болѣе сухой восточной части острова увидите вы голый камень, растрескавшійся громадными трещинами, которыя, сползаясь, даютъ начало пещерамъ и таинственнымъ пещернымъ храмамъ буддистовъ. Обыкновенно граниты эти глубоко вывѣтрены и, распавшись на глубину многихъ саженъ, дали кирпично-красный латеритъ, или красноземъ, поражающій каждаго пріѣзжаго съ первыхъ шаговъ его въ Коломбо. Кирпично-красная почва и блѣдно-зеленая растительность на фонѣ синяго моря— вотъ три краски, господствующія на островѣ, непривычныя для глаза сѣверянина, знающаго зеленое море, темную зелень и сѣрый или желтоватый тонъ почвы. Контуры цейлонскихъ горъ, какъ и всѣхъ тропическихъ горъ, тяжелы и неопредѣленны. Это неправильныя группы туповерхихъ горъ иногда причудливой формы, достигающія значительной высоты въ центрѣ и въ южной части острова, гдѣ возвышается знаменитый Адамовъ пикъ. Здѣсь мѣстами ландшафтъ горъ теряетъ свой мягкій характеръ, являются скалы и водопады, но вскорѣ они опять смѣняются маленькими холмистыми и лѣсистыми увалами. Горы занимаютъ около одной шестой части острова. Рѣки, орошающія Цейлонъ, незначительны.

Климатъ Цейлона опредѣляется его тропическимъ положеніемъ. При-

надлежа къ области муссоновъ Индійскаго океана, Цейлонъ, какъ и весь Индостанъ, находится подъ вліяніемъ юго-западнаго муссона, который на зиму смѣняется сѣверо-восточнымъ. Но муссоны эти оказываютъ уже малое значеніе на температуру временъ года острова, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ они достигаютъ Цейлона, пронесшись надъ теплымъ океаномъ, и лѣто и зима здѣсь мало разнятся по своей температурѣ, по крайней мѣрѣ въ прибрежной полосѣ (32,8° и 20,6° тепла—вотъ наибольшія крайности въ температурѣ Коломбо).

Другое дѣло—на высотахъ; здѣсь температура низка, значительно ниже, такъ что климатъ цейлонскихъ высотъ нѣсколько приближается къ климату подтропическихъ странъ. Большое вліяніе оказываютъ муссоны на распредѣленіе осадковъ. Оба они болѣе или менѣе влажные вѣтры, но, перелетая черезъ горы острова, становятся сухими и почти не приносятъ дождей, какъ большинство перелетающихъ черезъ горы вѣтровъ. Поэтому по климатическимъ условіямъ западные и восточные склоны не одинаковы. Зимою на востокѣ идутъ дожди, на западѣ сухо, лѣтомъ наоборотъ. Но такъ какъ юго-западный муссонъ теплѣе и влажнѣе, то онъ гораздо дождливѣе, и потому западная часть острова обильнѣе осадками, чѣмъ восточная. Наступленіе юго-западнаго муссона чувствуется уже за нѣсколько дней грозами на морѣ и затишьями. Затѣмъ эти грозовыя тучи налетаютъ на сушу, разражаются страшнымъ ливнемъ съ раскатами грома, устанавливается постоянная тяга воздуха съ юго-запада и ежедневно въ опредѣленное время, сначала утромъ, потомъ, запаздывая мало-по-малу, идутъ тропическіе ливни,— цѣлыя рѣки воды изъ разверзшихся хлябей небесныхъ. Къ осени они ослабѣваютъ и къ ноябрю, когда устанавливается сѣверо-восточный муссонъ, наступаетъ сухая и ясная погода, а дожди идутъ на противоположной сторонѣ острова, но вѣтеръ съ сѣверо-востока дѣлаетъ зимній сезонъ самымъ непріятнымъ на островѣ.

Прибой морскихъ волнъ, достигающихъ во время юго-западнаго муссона въ Коломбо ужасающей силы, къ осени ослабѣваетъ, и синее море даетъ вновь возможность любоваться картинами чуднаго солнечнаго заката въ его чудныхъ голубыхъ водахъ.

На горахъ эта разница во временахъ года не такъ рѣзка; здѣсь всегда туманно, пасмурно, сѣро и прохладно. Это климатъ, въ которомъ отдыхаютъ отъ жары англичане, но въ которомъ жутко и холодно туземцу. Климатъ этотъ здоровъ, и высоко расположенныя мѣстности могутъ служить санаторіей не только для цейлонскихъ европейцевъ, но и для индійскихъ. Рѣзка бываетъ разница и горнаго климата въ разгаръ муссона, когда съ западной, туманной и дождливой стороны вы вступаете на восточный склонъ, встрѣчая тамъ солнце, сухость, пыль и жаждущую блеклую растительность иного облика и характера.

Эта разница въ распредѣленіи дождя необыкновенно рѣзко сказывается на растительности острова, и вліяніе это не можетъ быть даже замаскировано человѣкомъ.

Большинство русскихъ путешественниковъ знакомо лишь съ западною частью острова. Обыкновенно они высаживаются въ Коломбо, пользуясь остановкой нашихъ судовъ, и затѣмъ ограничиваются экскурсіями въ ближайшихъ окрестностяхъ города или дѣлаютъ поѣздку внутрь въ Кэнди *), или посѣщаютъ наиболѣе густо населенную часть острова. Здѣсь, какъ и въ ландшафтѣ Японіи и Китая, глазъ наблюдателя видитъ, что всѣ низины покрыты клѣтками рисовыхъ полей, представляющихъ то зеркальную поверхность водъ, то яркую и изумрудную зелень молодыхъ всходовъ, то желтѣющую ниву; все же, что возвышается надъ уровнемъ этихъ низинъ, равно какъ и все побережье вплоть до полосы галечника, омываемаго прибоемъ бушующихъ волнъ океана, есть сплошной и густой лѣсъ. Этотъ лѣсъ состоитъ изъ прямыхъ, наклонныхъ или причудливо изогнутыхъ кокосовыхъ пальмъ съ ихъ темными кольчатыми стволами и пышными кронами раскидистыхъ блѣдно-зеленыхъ вай, прикрывающихъ гроздья орѣховъ въ человѣческую голову; скоро однако путешественникъ убѣждается, что онъ ѣдетъ не въ лѣсу, а въ густо населенной мѣстности, если хотите, сплошной деревнѣ, покрытой деревьями, что это не жилыя мѣста, а только рисовыя поля.

Если взять билетъ въ вагонъ желѣзной дороги и отправиться въ глубь острова, вскорѣ попадешь въ его менѣе культурную холмистую часть. Тутъ кокоса и риса становится меньше, они ограничиваются низами широкихъ рѣчныхъ долинъ. На кирпично-красныхъ склонахъ появляются чайныя плантаціи; онѣ окружены дебрями изъ цѣпкаго кустарника, усаженнаго кирпично-красными цвѣтами и темно-синими колосками. Около деревни группируются все тѣ же деревья, но тамъ и сямъ выглядываетъ изъ густой зелени крона вѣерной пальмы или еще болѣе пышной пальмиры, на листьяхъ которой еще и теперь, сшивая ихъ въ видѣ узкихъ длинныхъ тетрадокъ, пишутъ буддійскіе монахи и которая разъ въ 50 лѣтъ, выкинувъ пышную крону пушистыхъ бѣлыхъ цвѣтовъ, кончаетъ свое существованіе, отдавъ плодамъ всѣ свои соки.

Настоящихъ лѣсовъ и здѣсь нѣтъ,—они истреблены густымъ населеніемъ. Деревья, которыя уцѣлѣли, тонутъ въ густомъ непролазномъ кустарникѣ, въ свою очередь задушенномъ сотнями различныхъ цѣпкихъ и нерѣдко красиво цвѣтущихъ ліанъ. Чѣмъ выше будете вы подниматься, тѣмъ чаще и чаще такой джунгль будетъ уступать свое мѣсто плантаціямъ чая, и въ высокихъ горахъ плантаціи совершенно

*) Бывшая столица Цейлона.

завладѣваютъ пейзажемъ. Красота природы принесена здѣсь въ жертву культурѣ. Склоны обнажены. Куда хватаетъ взоръ, вы не видите ничего, кромѣ низкихъ, аккуратно подстриженныхъ кустиковъ и террасъ изъ красно-бурой почвы. Долины и крутые каменистые обрывы, пологія кручи и склоны безразлично покрыты ими, придавая ландшафтамъ, несмотря на разнообразіе рельефа, холодный, уныло-монотонный обликъ. Какъ змѣи, вьются здѣсь по склонамъ дороги. Тамъ и сямъ еще уцѣлѣли по краямъ дороги широколистныя, похожія на нашу ольху, хинныя деревья да группы чахлыхъ кофейныхъ кустарниковъ, распростершихъ горизонтально жиденькія вѣточки съ красными ягодами и поникшими листьями. Все здѣсь приносится въ жертву чаю, и чай завладѣваетъ всей территоріей. Только острыя маковки горъ пощажены рукою плантатора. Здѣсь впервые вы видите дѣвственный лѣсъ, но уже лѣсъ не жаркихъ тропиковъ, а лѣсъ царства туманной зеленой зимы.

Другая картина представится путешественнику, если онъ переѣдетъ на восточную сторону острова. Тотъ, кто привыкъ себѣ представлять Цейлонъ по его западнымъ берегамъ, между Коломбо и самою южною частью острова, тотъ не признаетъ въ немъ Цейлона, а скажетъ, что попалъ въ какой-нибудь сухой уголокъ Индостана. Латеритъ исчезаетъ. Сухая гнейсовая, близко къ поверхности лежащая, подпочва сверху разсыпалась на куски грубаго красноватаго, мало вывѣтрившагося камня. Такую почву даетъ гранитъ пустынь, но не жаркихъ и влажныхъ подтропическихъ странъ.

На этой сухой жаждущей почвѣ развилась пышная, но совершенно особенная флора. Рощи культурныхъ тропическихъ деревьевъ, чайныя плантаціи и вообще слѣды человѣческой культуры исчезаютъ по мѣрѣ того, какъ вы спускаетесь къ холмамъ, образующимъ восточныя предгорія главныхъ горъ въ центрѣ острова. Вы попадаете въ царство дремучаго дѣвственнаго лѣса, на громадныя протяженія совсѣмъ непроходимаго, занимающаго большую часть равнинъ и уваловъ востока. Это не тотъ дѣвственный лѣсъ тропиковъ, который мы привыкли представлять себѣ по описаніямъ Явы или Бразиліи съ эпифитами, орхидеями и папоротниками, растущими на деревьяхъ, промежутки между которыми заполнены травянистыми многолѣтними папоротниками, бананами и т. п. Здѣсь деревья растутъ необыкновенно густо, тѣсно сплетаясь другъ съ другомъ своими вѣтвями, но нѣтъ ни цвѣтовъ, ни травы, ни нѣжно-зеленыхъ кустарниковъ, земля и стволы деревьевъ совершенно голы, но они спутаны другъ съ другомъ безчисленнымъ множествомъ ліанъ, въ руку или даже въ человѣческую ногу толщиной, занимающихъ всѣ промежутки между стволами деревьевъ такого лѣса. Перепутанные узлами, перевитые точно штопоръ, перебрасывающіеся гирляндами, переплетаясь и развѣтвляясь, они своею темною деревянистою массою за-

полоняютъ всѣ просвѣты, всѣ промежутки сверху сильно затѣненнаго лѣса. Эта мрачная, сѣро-коричневая масса не позволяетъ видѣть дальше, чѣмъ на десять шаговъ, и не позволяетъ двигаться далѣе, чѣмъ на два-три шага въ сторону отъ дороги. Вы запутаетесь, заблудитесь и не выпутаетесь изъ этого лабиринта причудливо изогнутыхъ стволовъ. И все это покрыто шапкою изъ зелени, зелени мелкой, темной, кожистой. Здѣсь нѣтъ хвойныхъ породъ; преобладаютъ одни лиственныя деревья, то вѣчно-зеленыя, то съ временно опадающею листвой, желтѣющею отъ жары. Мѣстами лѣса рѣдѣютъ. На голой каменистой почвѣ выступающихъ холмовъ, на гнейсовыхъ плитахъ деревья не растутъ. Вы видите темную выгорѣвшую траву или разбросанные громадные экземпляры безлистнаго молочайника, замѣняющаго въ Азіи кактусъ, вѣтвистаго съ канделяброобразными, растопыренными вѣтвями. Если вы подниметесь здѣсь на холмъ, вы увидите выжженную, совершенно степную поверхность; подъ вами безграничное море деревьевъ, а вы топчете степную почву съ той же степной травой, что у насъ; какъ у насъ, стрекочутъ кузнечики, и въ лунную ночь вы можете себя въ воображеніи перенести на далекій степной сѣверъ. Кто скажетъ, что это Цейлонъ, царство кокосовыхъ пальмъ и тропическихъ деревьевъ?! И такіе лѣса сопровождаютъ васъ почти до Тринкомали, до берега океана.

Эта лѣсная глушь не всегда была пустынной. Когда-то орошавшія ее рѣки отводились въ пруды и обширныя культурныя площади были разбросаны среди лѣса. Громадные многолюдные города, монастыри и храмы, чудныя архитектурныя созданія перваго періода процвѣтанія буддизма возвышались среди этихъ городовъ. Нашествіе тамиловъ положило конецъ ихъ существованію. Брошенные жителями, они были забыты. Населеніе перешло на западные берега, и дѣвственные лѣса вновь покрыли мѣста, гдѣ жилъ человѣкъ. Только европейцы вновь обратили на нихъ вниманіе, и теперь прорубленныя въ лѣсахъ тропинки ведутъ археологовъ и туристовъ къ этимъ заросшимъ лѣсами городамъ. Тутъ, въ бывшей нѣкогда столицей Анурадапурѣ путешественникъ видитъ среди дикаго непролазнаго джунгля громадные бѣлые храмы, точно рукой волшебника выхваченные изъ какой-нибудь столицы индійскаго царства; эти зданія насчитываютъ болѣе двухъ тысячелѣтій.

Въ этихъ лѣсахъ Цейлона еще сохранилась та фауна Индіи, которая дѣлала страну эту привлекательною для охотниковъ. Здѣсь еще водятся дикіе слоны и на нихъ даже можно охотиться; здѣсь водятся шесть видовъ обезьянъ и множество летучихъ мышей, изъ которыхъ болѣе всего бросаются въ глаза такъ называемыя летающія собаки или летающія лисицы—громадныя летучія мыши съ физіономіями чрезвычайно похо-

жими на лисьи; онѣ иногда сплошь, какъ громадные фрукты, увѣшиваютъ деревья тропическаго лѣса. Маленькій губастый индійскій медвѣдь, робкій и скрывающійся въ лѣсахъ, бываетъ страшенъ только питающимся медомъ дикимъ жителямъ джунгля—ведасамъ, тогда какъ теперь почти истребленный леопардъ еще недавно наводилъ ужасъ и на земледѣльческое населеніе острова. Здѣсь не мало интересныхъ и оригинальныхъ птицъ, при чемъ особенное вниманіе обращаетъ на себя птица носорогъ, съ громаднымъ рогомъ на носу. Ибисы, аисты, фламинго составляютъ наиболѣе бросающихся въ глаза представителей этой пернатой фауны. Пресмыкающіяся Цейлона тоже весьма интересны. Поражаютъ своими размѣрами громадныя игуаны, достигающія пяти футовъ длины. Несмотря на свою величину, онѣ совершенно безвредны, такъ какъ питаются насѣкомыми; часто игуаны дѣлаются жертвами туземцевъ, охотящихся на эту ящерицу ради ея мяса, которое они кладутъ въ кушанье „кэрри“, и изъ кожи которой они шьютъ башмаки. Бѣгающія по стѣнамъ гекко, крокодилы, громадныя черепахи, поставляющія матеріалъ для тѣхъ гребенокъ, безъ которыхъ не обойдется ни одинъ сингалезъ, и очковая змѣя—наиболѣе обыкновенныя пресмыкающіяся Цейлона. Насѣкомыхъ громадное разнообразіе и изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе своею пестрою окраскою бабочки, одинъ видъ которыхъ бываетъ даже съ птицу величиной.

Населеніе острова представлено, если не считать европейцевъ, тремя различными по культурѣ и облику племенами. Это дикіе аборигены острова—ведасы, чернокожіе тамилы и красивые женоподобные сингалезы. Наименѣе многочисленные изъ нихъ—ведасы, хотя именно они представляютъ наибольшій интересъ.

Это—дикари въ полномъ смыслѣ слова, и врядъ ли теперь можно насчитать на земной поверхности много племенъ, которыя стояли бы на такомъ низкомъ уровнѣ культуры, какъ эти ведасы. Имъ подобны только бушмены и нѣкоторыя племена Австраліи. Живя въ дебряхъ лѣсовъ, не подпуская къ себѣ культурныхъ людей, ведасы считались долгое время расою, какъ бы переходною отъ человѣка къ обезьянѣ. Думали, что этотъ первобытный, живущій на деревьяхъ, народъ лишенъ способности смѣяться, не имѣетъ понятія о религіи, о семейныхъ узахъ и многихъ другихъ, свойственныхъ самымъ низшимъ племенамъ человѣчества культурныхъ началахъ. Дѣйствительно, эти люди не имѣютъ жилищъ, но ночуютъ наподобіе первобытныхъ людей каменнаго вѣка—троглодитовъ—въ пещерахъ или прямо подъ густыми деревьями, обкладывая себя сухими вѣтвями, чтобы по шелесту ихъ узнать о приближеніи дикаго звѣря. Далѣе умѣнія добыть себѣ огонь путемъ тренія кусковъ дерева и приготовить изъ гибкаго прута лукъ, тетивою котораго служитъ кора ліаны, изобрѣтенія ведасовъ не пошли, и тамъ, гдѣ имъ не

удается путемъ обмѣна съ сингалезами достать желѣзныхъ наконечниковъ для стрѣлъ, они стрѣляютъ заостренными палочками, какъ наши дѣти. Впрочемъ, имъ рѣдко приходится употреблять въ дѣло свое оружіе въ густыхъ и непролазныхъ дебряхъ дѣвственнаго лѣса. Они питаются обыкновенно плодами дикихъ деревьевъ и медомъ пчелъ, мало отличаясь въ этомъ случаѣ отъ обезьянъ.

Этотъ дикій народъ, отогнанный нѣкогда въ глубь горъ, послѣ гибели такихъ высоко культурныхъ городовъ, какъ Анурадапура, вновь размножился въ восточной части острова. Дикія дебри и варварскія племена смѣнили высокую цивилизацію, а теперь они сами отступаютъ передъ культурными начинаніями англичанъ, рубящихъ дѣвственные лѣса и проводящихъ новыя оросительныя канавы, возстановляя старые резервуары сингалезскихъ царей. Ведасы не поддаются этой культурѣ. Ихъ осталось не болѣе 2.000 на всемъ островѣ. Они быстро угасаютъ, дѣлаясь жертвой заразныхъ болѣзней или смѣшиваясь съ сингалезами. Только въ немногихъ пунктахъ ихъ заставили жить осѣдло, и только тамъ ихъ и можетъ наблюдать европеецъ.

Чтобы увидать ведасовъ, мнѣ пришлось проѣхать около 60 верстъ отъ ближайшаго селенія, по совершенно пустынному лѣсу въ двухколесной, запряженной зебу арбѣ и пройти около 20 верстъ пѣшкомъ въ сопровожденіи проводника сингалеза, прежде чѣмъ я достигъ тропинки, сворачивавшей въ сторону отъ дороги въ дѣвственный лѣсъ.

Никогда еще въ моей жизни мнѣ не приходилось ходить по такимъ тропинкамъ. Здѣсь листва прячется далеко наверху, а на уровнѣ съ вами вы видите густую, непролазную стѣну стволовъ прямыхъ, сучковатыхъ, искривленныхъ, изогнутыхъ, скрученныхъ въ видѣ пробочника, перекрученныхъ и перевитыхъ другъ около друга, сѣрыхъ, коричневыхъ, дѣлающихъ дебри лѣса непроглядными на разстояніи немногихъ шаговъ. По такой тропинкѣ мы шли версты четыре, пока передъ нами неожиданно не открылась небольшая прогалина, на которой возвышалось нѣчто въ родѣ шалаша. Это и было жилище ведасовъ.

Услышавъ приближеніе наше, все мужское населеніе разбѣжалось, оставивъ лишь двухъ женщинъ съ малолѣтними дѣтьми. Шалашъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказался состоящимъ изъ нѣсколькихъ грубыхъ цыновокъ, связанныхъ вокругъ вбитыхъ въ землю кольевъ. Вокругъ этого шалаша росла цѣлая коллекція культурныхъ растеній. Это была картина поля той доисторической эпохи, когда человѣкъ впервые познакомился съ полезными растеніями, но не изобрѣлъ еще орудій для воздѣлыванія земли. Наподобіе бурьяновъ на лѣсномъ пожарищѣ, между обгорѣлыхъ стволовъ возвышались здѣсь стебли кукурузы, маніока, сорго, краснаго перца, вилась тыква, бобы въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, борясь за обладаніе почвой съ туземными лѣсными растеніями.

Хижина дѣлилась на двѣ части. Одна ея половина, совершенно пустая, была занята женщинами, другая играла роль кладовой и въ ней на полкахъ стояло нѣсколько половинокъ бутылочной тыквы, наполненной зернами или медомъ дикихъ пчелъ,—очевидно запасы семьи. Больше никакой утвари или орудій въ жилищѣ не было. Вскорѣ недовѣрчиво и робко стали къ намъ подходить нѣсколько юношей, почти со-

Сингалезъ.

вершенно нагихъ, великолѣпно сложенныхъ и совершенно черныхъ. Если бы не нѣсколько плоскій носъ, черты лица этихъ юношей я назвалъ бы очень красивыми, роскошные же волосы придавали имъ еще больше привлекательности. Ничего обезьяноподобнаго, ничего нечеловѣческаго въ нихъ не было; напротивъ, ихъ можно было бы поставить

въ разрядъ красивѣйшихъ человѣческихъ типовъ. Видя, что мы не дѣлаемъ имъ вреда, они вошли въ хижину и усѣлись вокругъ меня.

Черезъ нѣсколько минутъ явился и самъ отецъ этой многочисленной семьи, въ которой я насчиталъ не менѣе 8 человѣкъ, изъ коихъ одни были совершенно черные и могли бы считаться за типичныхъ представителей дравидскаго племени, другіе имѣли коричневый оттѣнокъ и въ чертахъ ихъ лица и даже сложеніи замѣтно было нѣчто сингалезское. Отецъ семейства былъ высокій и очень сухопарый дикарь, который могъ бы служить прекраснымъ образцомъ лѣшаго для какой-нибудь русской сказки. Онъ, если хотите, дѣйствительно соотвѣтствовалъ тому представленію о дикарѣ, какое у насъ составилось въ обществѣ по описанію прежнихъ путешественниковъ. Всклокоченные сѣдые волосы, громадныя орбиты дикихъ, выпяченныхъ впередъ глазъ, впалыя щеки, обезображенная сѣдыми клочьями борода, длинныя, сухія, какъ палки, конечности, выпяченный животъ и сухая впалая грудь—все это придавало наружности старика ведаса что-то дикое и отталкивающее. Онъ былъ вооруженъ громаднымъ лукомъ. Въ его рукахъ было еще двѣ стрѣлы съ желѣзными наконечниками и на плечѣ родъ топора, сдѣланнаго, правда, изъ желѣза, но формою своею чрезвычайно еще напоминавшаго каменные топоры. Онъ кричалъ дикимъ голосомъ и энергично размахивалъ руками, имѣя крайне недружелюбный видъ; очевидно, онъ былъ недоволенъ, что я нарушилъ его покой. Но, видя мирное настроеніе сыновей и внуковъ, расположившихся вокругъ меня, онъ смягчился и вступилъ со мной въ разговоръ знаками, значеніе которыхъ обѣ половины, повидимому, понимали весьма трудно. Тѣмъ не менѣе, результатомъ было появленіе порціи меду дикихъ пчелъ и воды—единственнаго лакомства и богатства этихъ бѣдняковъ,—угощеніе, свидѣтельствовавшее, что даже и на этой, самой низкой ступени своего развитія человѣчество не чуждо правилъ гостепріимства. Впрочемъ посѣщенные мной ведасы были уже, такъ сказать, ведасы цивилизованные. У нихъ были жилища, чего нѣтъ у ведасовъ дикихъ; у нихъ начинается подобіе земледѣлія и они не бѣгутъ уже отъ лица культурныхъ сингалезовъ. Отъ этихъ послѣднихъ они научились цѣнить значеніе денегъ, и это обстоятельство помогло мнѣ купить у старика его оружье, которое онъ уступилъ мнѣ съ большой неохотой. Все, что я видѣлъ у этихъ дикарей, свидѣтельствовало, что они только культурой отличаются отъ другихъ народовъ Индіи. Ихъ сложеніе прекрасно, и если на нѣкоторыхъ фотографіяхъ они кажутся безобразными и исхудалыми, то виною тому ихъ жизнь и питаніе, а не особенности организаціи.

Послѣ ведасовъ наиболѣе древнимъ населеніемъ острова являются сингалезы. Крѣпкій, умный и способный къ прогрессу народъ этотъ принадлежитъ къ арійскому племени и представляетъ, повидимому, вы-

ходцевъ изъ сѣверной Индіи. Отдѣленный отъ единоплеменниковъ и закинутый на островъ, онъ болѣе, чѣмъ 2000 лѣтъ сохранялъ безъ перемѣны свой языкъ, свою вѣру и игралъ въ южной Азіи важную роль, такъ какъ короли сингалезовъ имѣли могущественные арміи и флоты, побѣждавшіе народы южной Индіи, Сіама и Камбоджи.

Въ высокихъ горныхъ областяхъ острова сингалезы представляютъ изъ себя рослое, мужественное племя, умѣвшее долго сохранять свою независимость. Напротивъ, на низменностяхъ побережья они имѣютъ весьма женоподобный видъ. Все: обликъ, костюмъ, прическа, характеръ, поведеніе, производитъ такое впечатлѣніе. Молодого сингалеза, если онъ носитъ національный костюмъ, очень легко принять за женщину. Длинные черные волосы зачесываются назадъ въ видѣ шиньона и содерживаются черепаховой гребенкой, какъ у нашихъ дѣвушекъ; коротенькая бѣлая кофточка и завернутый вокругъ бедеръ, какъ малороссійская плахта, и поддерживаемый кушакомъ платокъ составляютъ костюмъ сингалеза, безбородое лицо котораго съ женственными чертами довершаетъ иллюзію. Храбрость, доблесть имъ незнакомы, и солдатъ трудно было даже научить стрѣлять не отворачиваясь. Сингалезы недовѣрчивы, лживы и обладаютъ страстью къ мелкому торгашеству и попрошайничеству. Изъ всѣхъ англійскихъ колоній Коломбо единственная, гдѣ пріѣзжаго, какъ гдѣ-нибудь въ Неаполѣ, аттакуютъ просьбами, навязываніемъ ненужныхъ бездѣлушекъ, и ребятишки, хотя и хорошенькіе, какъ ангелы, назойливы, какъ дьяволы. Какъ индусамъ по крови, сингалезамъ не чужды кастовые предразсудки, но они далеко не такъ суровы, какъ въ Индіи, и обыкновенно къ ѣдѣ и характеру занятій сингалезы относятся безразлично. Кастовое различіе выступаетъ только въ вопросахъ о бракахъ, и даже разница въ состояніяхъ не можетъ побудить бѣдную дѣвушку высшей касты выйти за богача низшей.

Сингалезская хижина есть верхъ простоты и неуютности. Жаркая и постоянно одинаковая тропическая природа сдѣлала здѣсь домъ только временнымъ убѣжищемъ отъ дождя и мѣстомъ для сна, хотя обыкновенно, проѣжая раннимъ утромъ черезъ сингалезскую деревню, вы видите добрую половину населенія ея спящею передъ входомъ на открытомъ воздухѣ, закутавшись въ байковыя одѣяла. Хижина эта—глинобитный сарай безъ оконъ, съ земляннымъ поломъ и крытою пальмовыми листьями крышей. Соломенная циновка на полу, нѣсколько чашекъ—вотъ вся утварь и обстановка хижины бѣдняка, обыкновенно не имѣющей оконъ и получающей свѣтъ черезъ двери.

Только у достаточныхъ появляются деревянныя кресла и, по мѣрѣ проникновенія образованія, другіе предметы англо-португальскаго комфорта. Но здѣсь вы уже не имѣете ничего характернаго туземнаго,

все — заимствованное. Кромѣ того, эта обстановка свойственна горожанамъ, пригороднымъ жителямъ и плантаторамъ. Земледѣльческое же населеніе лишено всѣхъ предметовъ комфорта. Вареный рисъ съ перцемъ и ѣдкими кореньями, а главнымъ образомъ бананы и плоды кокосовой пальмы составляютъ основную пищу сингалеза. Небольшая жаровня замѣняетъ здѣсь кухню. Кофе, а въ послѣднее время чай, постепенно лишь входитъ въ употребленіе. Наконецъ, ни одинъ сингалезъ не обходится обыкновенно безъ бетеля—листьевъ перца, въ который завернутъ кусочекъ плода арековой пальмы, и табаку, который,

Сингалезская деревня.

пережевывая, туземецъ постоянно держитъ во рту, выплевывая ежеминутно отдѣляющуюся кроваво-красную слюну.

Сингалезы живутъ по большей части деревнями; въ горахъ такія деревни представляютъ изъ себя прямую улицу изъ домиковъ описаннаго выше характера, около которыхъ разбросаны чахлые бананы и тому подобныя растенія невысокаго роста. Напротивъ, внизу дома утопаютъ въ зелени растеній, главнымъ образомъ кокосовыхъ пальмъ и хлѣбныхъ деревьевъ, такъ что селеніе совсѣмъ скрывается отъ взоровъ. Въ большихъ деревняхъ и городкахъ вы непремѣнно увидите буддійскій храмъ, выстроенный изъ бѣлаго камня, и подлѣ исполинскую „ступу“—надгробный памятникъ надъ какою-либо реликвіей Будды, которымъ нѣтъ числа на Цейлонѣ; изъ нихъ самая замѣчательная—зубъ

его — заключена въ золотую оболочку и хранится, какъ величайшая святыня острова въ Кенди.

Третій элементъ туземнаго населенія острова—тамилы-завоеватели, вторгшіеся съ материка, живутъ большею частью на востокѣ острова и отличаются по типу довольно сильно отъ сингалезовъ. Это народъ, въ которомъ полное преобладаніе имѣютъ дравидскіе элементы крови. Ихъ цвѣтъ кожи — отъ темно-коричневаго до совершенно чернаго — какъ у негровъ. Если бы не тонкія, почти лишенныя икръ ноги, я назвалъ бы тамиловъ однимъ изъ наилучше сложенныхъ племенъ, и почти голые рабочіе на плантаціяхъ представляютъ живыя модели для статуй. Только нѣсколько широкій носъ портитъ профиль ихъ красивыхъ лицъ. Тамилы менѣе одарены способностями, чѣмъ сингалезы, но это мужественный, честный и работящій народъ. Число ихъ быстро возрастаетъ путемъ эмиграціи изъ Индіи.

Несмотря на свою скромную обстановку, сингалезы настолько обезпечены, что большинство не желаетъ наниматься въ рабочіе на плантаціи, и англичане должны были выписывать изъ Индіи тамиловъ, что продолжается и по настоящее время. Чайныя плантаціи острова обрабатываются здѣсь привозными рабочими, и только въ самое послѣднее время сингалезы появились въ рядахъ рабочихъ у плантаторовъ. Обстановка тамиловъ мало отличается отъ сингалезской. У рабочихъ она еще бѣднѣе, и одежда у нихъ совсѣмъ отсутствуетъ, если не считать грязной тряпки вокругъ бедеръ. По религіи часть тамиловъ магометане, другіе буддисты, но большая часть изъ нихъ сиваиты.

Наконецъ, въ городахъ кромѣ этихъ народностей вы встрѣтите массу другихъ, которыя представлены парсійскими купцами изъ Бомбея, торговцами драгоцѣнными камнями и издѣліями изъ слоновой кости, малайцами и европейцами различныхъ національностей.

По Индійскому океану.

(Зарубина).

Ласково принялъ насъ Индійскій океанъ. Мы ждали бурь, урагановъ, опасались даже нарваться на настоящій циклонъ, а между тѣмъ встрѣтили полнѣйшій штиль, такъ что первые 8—9 дней нашего плаванія по океану проходили скорѣе на увеселительную поѣздку. А между тѣмъ это былъ нашъ самый серьезный, самый большой, настоящій морской переходъ: намъ теперь предстояло по крайней мѣрѣ 17 дней пути, такъ какъ капитанъ рѣшилъ не останавливаться на островѣ Цейлонѣ, а идти прямо въ Сингапуръ. Нужно было перерѣзать весь Индійскій океанъ на

разстояніи 6.300 верстъ, т.-е. обогнуть одну шестую часть окружности всего земного шара.

Я не знаю ничего утомительнѣе и однообразнѣе продолжительнаго морского перехода. Это есть полнѣйшее отрицаніе самого себя; сначала, въ первые дни, интересуетъ все окружающее, но затѣмъ повторяются одни и тѣ же впечатлѣнія, и остальное время можно считать вычеркнутымъ изъ своей жизни. Человѣкъ ходитъ безъ дѣла, безъ цѣли слоняясь изъ угла въ уголъ, не имѣя развлеченій, не видя возможности заняться чѣмъ-нибудь отъ нестерпимой жары.

Я постараюсь описать теперь приблизительно нашъ день, какъ мы его проводили.

Утро, 8 час., мы пьемъ чай. Два офицера, смѣнившись съ вахты, выпиваютъ наскоро свой стаканъ и бросаются спать. У остальныхъ съ утра находится какое-либо дѣло, и такъ проходитъ часа два. Но— увы!— солнце поднимается выше и вмѣстѣ съ нимъ ртуть въ термометрѣ тоже поднимается выше, и начинаются наши мученія. Ночью бывало обыкновенно 23°, но уже къ 10 часамъ термометръ показываетъ 25—26° и, наконецъ, останавливается на 29 и 30°. Это въ тѣни, подъ двойнымъ тентомъ! Тутъ ужъ никакое дѣло нейдетъ на умъ, и я отъ души удивлялся своимъ товарищамъ, какъ они ухитрялись отстаивать вахты, особенно механики въ машинѣ, гдѣ жара доходитъ до 40—41° и разъ даже до 48° по Реомюру. Только и спасаемся, что водой съ краснымъ виномъ, которой истребляемъ невѣроятное количество. Одну воду нельзя пить подъ опасеніемъ дизентеріи. Даже читать не хочется отъ жары, и днемъ рѣдко увидишь кого-либо съ книжкой, несмотря на то, что дѣлать нечего и что на пароходѣ порядочная библіотека. Этой библіотекой завѣдывалъ я, и она доставила мнѣ много хлопотъ, такъ какъ во влажномъ, насыщенномъ парами воздухѣ Индійскаго океана книги покрывались плѣсенью чуть не каждый день. Въ каютѣ еще жарче, чѣмъ на палубѣ, и уже совсѣмъ нечѣмъ дышать.

Монотонно выкрикиваютъ каждый часъ или полчаса матросы, бросавшіе лагъ: „десять узловъ хода“, „девять и три четверти“, „десять съ половиной“. Отъ нечего дѣлать подойдешь къ нимъ и смотришь. Вотъ трое матросовъ отправились на ютъ; у одного въ рукахъ катушка съ намотанною на ней бичевой, у другого песочные часы. Веревка раздѣлена узлами и на концѣ ея находится небольшая трехугольная дощечка. Когда первая замѣтка коснется воды, переворачиваются песочные часы, и смотря по тому, сколько саженъ веревки вытравится за бортъ, въ то время какъ песокъ изъ одной воронки пересыплется въ другую (въ теченіе 15 секундъ), опредѣляютъ скорость хода. Потомъ чрезвычайно трудно бываетъ вытащить лагъ, несмотря на то, что легонькая дощечка вѣситъ нѣсколько золотниковъ,—такъ сильно отталкиваетъ ее назадъ движеніе парохода.

Зайдешь въ рубку; тамъ штурманъ отмѣчаетъ на картѣ пройденный путь. По обыкновенію, спросишь, гдѣ мы находимся и сколько миль остается. Но только отвѣты получаются все далеко не утѣшительные; вчера прошли 237 миль, осталось три тысячи столько-то. Конецъ пути еще далекъ. Со вздохомъ убѣждаешься въ этомъ и идешь скорѣе вонъ изъ рубки, такъ какъ она расположена рядомъ съ пароходною трубой, и сидѣть тамъ то же, что сидѣть въ печкѣ. Въ воздухѣ нѣтъ ни малѣйшаго вѣтерка, океанъ точно уснулъ и громадная масса воды не шелохнется. Изрѣдка только пронесется, сверкая серебристою чешуей, стадо маленькихъ рыбокъ *), а затѣмъ опять все покойно. Подъ конецъ теряется даже впечатлѣніе движенія; не имѣя никакой точки для сравненія, начинаешь думать, что не движешься впередъ со скоростью 17 верстъ, а стоишь неподвижно въ центрѣ какого-то очарованнаго круга. На всей обширной поверхности воды не видишь никого и чувствуешь себя какъ будто затерянымъ въ этомъ громадномъ пространствѣ. Зато какой интересъ является, когда увидишь какія-либо встрѣчныя суда. Всѣ вооружаются биноклями, стараются разсмотрѣть, парусное это судно или паровое, подъ какимъ флагомъ, дѣлаются предположенія о томъ, куда оно идетъ. Часто ночью, вдали на горизонтѣ, завидишь огонь, по цвѣту этого огня — будетъ ли онъ зеленый или красный — заключаешь, съ какой стороны отъ насъ идетъ встрѣчное судно. Теперь столкновенія судовъ стали рѣдки, благодаря разнымъ предосторожностямъ, а, кромѣ того, въ Индійскомъ океанѣ есть гдѣ разгуляться и не задѣвая другъ друга.

Самое скучное, самое томительное время отъ 11 часовъ утра до 5 часовъ прошло, и послѣ обѣда все понемногу начинаетъ оживать. Свободные отъ службы офицеры всѣ вышли наверхъ, и вѣстовые вынесли на палубу стаканы съ чаемъ. Океанъ гладокъ, какъ зеркало, и всѣ располагаются, какъ кому удобнѣе, не опасаясь пролить чай или уронить стаканъ. Солнце уже низко стоитъ надъ горизонтомъ. Чѣмъ дальше мы подвигались къ югу, тѣмъ раньше заходило солнце. Подъ экваторомъ день всегда равенъ ночи, и солнце восходитъ въ шесть часовъ утра, а заходитъ въ шесть часовъ вечера. Непередаваемы тѣ цвѣта, въ которые заходящее солнце окрашиваетъ море и небо. Какъ въ литографіи существуетъ зеленое золото, голубое золото, розовое золото, такъ и здѣсь каждый оттѣнокъ проступаетъ на какомъ-то огненномъ, золотистомъ фонѣ. Вотъ здѣсь хорошо бы нашимъ художникамъ изучать свѣтовые эффекты. По небу и морю точно два раскаленныхъ шара плывутъ навстрѣчу другъ другу, и на всемъ окружающемъ лежитъ горячій отблескъ прощальныхъ лучей солнца. Страшно быстро,

*) Exocoetus volitans.

идя по отвѣсной линіи, спускается солнце за горизонтъ. Вотъ оно коснулось его своимъ нѣжнымъ краемъ, поверхность свѣтящагося диска начала уменьшаться. Не успѣешь дойти до конца парохода, какъ уже, оборачиваясь, не видишь солнца. Оно освѣщаетъ теперь другія страны, и по спокойной поверхности океана начинаютъ разстилаться мягкія тѣни ночи. Чрезвычайно быстро наступаетъ ночь въ тропикахъ около экватора, хотя, впрочемъ, не моментально, какъ передаютъ нѣкоторые путешественники. Зари совсѣмъ нѣтъ, сумерекъ тоже, черезъ 12 — 15 минутъ уже темнѣетъ, а еще черезъ 10 минутъ наступаетъ полный мракъ, который казался намъ еще гуще отъ того, что въ то время были безлунныя ночи. Глубокая темнота царствуетъ до утра, и около шести часовъ, тоже безъ зари и разсвѣта, почти внезапно явится солнце и зальетъ свѣтомъ окрестность. Жаръ немного спадалъ ночью: термометръ показывалъ обыкновенно 22—23°, но бываешь чрезвычайно радъ даже этой относительной прохладѣ. Да и всѣ какъ-то чувствуютъ себя живѣе. Съ бака доносятся говоръ и смѣхъ, иногда обрывокъ какой-нибудь пѣсни; тамъ матросы, собравшись къ кружокъ, коротаютъ свои непродолжительные досуги. Изрѣдка раздается лай одной изъ трехъ собакъ, находящихся на пароходѣ, или прозвучитъ рѣзкое пѣніе пѣтуха, заключеннаго въ сообществѣ куръ и утокъ въ большомъ курятникѣ. Невольно мысль переносится на родину, но вмѣстѣ съ пѣніемъ пѣтуха раздается неумолчный гулъ отъ оборотовъ винта, а къ заунывному напѣву русской пѣсни примѣшивается однообразный плескъ волнъ Индійскаго океана.

Какъ хороши небо и море во время длинной тропической ночи! Не знаешь, чему отдать преимущество. Море все горитъ и блещетъ; массы голубовато-бѣлаго фосфорическаго свѣта виднѣются сзади кормы, и тысяча микроскопическихъ животныхъ, спокойный сонъ которыхъ потревожилъ быстрый бѣгъ нашего корабля, вспыхиваютъ блестящими искрами. Сверху потемнѣвшее небо смотритъ тысячью звѣздъ; по его окраинамъ въ разныхъ мѣстахъ ежеминутно вспыхиваетъ зарница, отдаленные отблески тропическихъ молній. Громъ мы слышали рѣдко, но зато не проходило ни одной ночи, чтобы молніи не бороздили неба. Тучъ совсѣмъ не бываетъ замѣтно, и только иногда струя электрическаго свѣта озаритъ бѣлую верхушку облака, гдѣ-нибудь на краю горизонта. Но сводъ неба прямо надъ нашими головами почти всегда оставался чистъ, и безчисленныя созвѣздія сверкали въ его темной глубинѣ, отражаясь въ спокойныхъ водахъ океана. Одни созвѣздія исчезаютъ, другія въ строгомъ порядкѣ выплываютъ надъ горизонтомъ и чувство безотчетнаго удивленія передъ этою чудесною гармоніей міровъ незамѣтно закрадывается въ душу.

Такъ шло время; сотни и сотни миль ежедневно оставались за нами,

а мы все неслись по обширному пространству Индійскаго океана. На шестыя или седьмыя сутки мы дошли до коралловыхъ острововъ Лакедивскаго и Маледивскаго архипелага, и слишкомъ треть пути уже легла позади. Маледивскіе острова означены на картѣ въ видѣ множества точекъ, и самое названіе ихъ означаетъ „безчисленные острова“.

Вскорѣ они исчезли изъ вида и опять передъ нами потянулась однообразная пустыня Индійскаго океана. Здѣсь, и далѣе къ югу, къ громадному резервуару Антарктическаго океана, Индійскій океанъ очень глубокъ и мы шли надъ настоящими безднами.

30 апрѣля я проснулся рано утромъ, удивленный какою-то особенною, странною тишиной. Постояннаго шума отъ оборотовъ винта не слышалось болѣе, и мы стояли недвижно среди безбрежнаго океана. Дѣло въ томъ, что отъ продолжительнаго дѣйствія паровъ и высокой температуры перегорѣла гуттаперчивая и кожаная обшивка между поршнями и цилиндромъ. Въ образовавшіяся отверстія выходили пары и работать машинѣ стало почти невозможно; рѣшено было остановиться на нѣсколько часовъ, пока механики перемѣнятъ обшивку. Погода понемногу начала портиться. Вѣтра попрежнему не было, но явилась откуда-то небольшая зыбь, и пароходъ нашъ слегка покачивало. Богъ знаетъ, что происходило въ это время въ отдаленныхъ частяхъ океана, откуда шла эта зыбь. Вообще въ то время, когда мы находились въ Индійскомъ океанѣ, никакъ нельзя было полагаться на погоду. Штиль, подобный тому, какой мы встрѣтили сначала, тутъ рѣдкость, такъ какъ муссоны не уступаютъ другъ другу безъ ожесточенной борьбы.

Намъ надо было, пользуясь штилемъ, по-добру, по-здорову добраться до Сингапура. Починка на пароходѣ уже близилась къ концу, когда одинъ изъ матросовъ закричалъ: „акула!“ Всѣ бросились къ борту. Дѣйствительно въ нѣсколькихъ футахъ разстоянія тихо подкрадывалось къ кораблю огромное чудовище. Мы сначала боялись спугнуть ее и шопотомъ передавали другъ другу свои замѣчанія, но бывалые моряки, мои товарищи, увѣряли меня, что нечего бояться ея исчезновенія. Сколько бы времени мы ни простояли, она не отойдетъ отъ насъ. Скорѣе можно ожидать, что ихъ соберется еще нѣсколько. Дѣйствительно, заштилѣвшія парусныя суда иногда по цѣлымъ недѣлямъ не могли отдѣлаться отъ акулъ, и нѣкоторые суевѣрные люди считаютъ это знакомъ чьей-либо близкой смерти. Отъ нечего дѣлать за акулой рѣшено было устроить охоту. Ей бросили кусокъ мяса, цѣлыя внутренности послѣдняго аденскаго барана, къ величайшему неудовольствію нашихъ собакъ. Акула помедлила нѣкоторое время, подплыла на нѣсколько шаговъ разстоянія, потомъ перевернулась вверхъ брюхомъ и стремглавъ бросилась на добычу. Въ струѣ воды быстро промелькнуло только бѣлое брюхо, а затѣмъ все исчезло. Черезъ нѣсколько минутъ акула

появилась уже съ другого борта. Наши моряки между тѣмъ не дремали. Въ машинѣ живо сковали толстый желѣзный крюкъ, къ которому плотно прикрѣпили крѣпкую бечевку. На крюкъ крѣпко нацѣпили кусокъ мяса и бросили его въ воду. Я жадно смотрѣлъ на всѣ эти приготовленія, радуясь при мысли, что мнѣ удастся присутствовать при этомъ интересномъ морскомъ спектаклѣ. Но спектакль не состоялся. Крюкъ должно быть бросили слишкомъ глубоко, или мясо было насажено не крѣпко, но только черезъ нѣсколько минутъ, когда вытащили веревку, мяса уже не оказалось. Акула сорвала его и ушла въ глубину. Укололась ли она или разсчитала, что лучше не связываться съ коварными людьми, но только ужъ больше не показывалась. Другой разъ, черезъ нѣсколько дней, уже на полномъ ходу парохода мы опять встрѣтили акулу, и она долго, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, гналась за нами. Я кидалъ ей галеты (морскіе сухари), но она или не замѣчала ихъ, или не обращала на нихъ вниманія. Попробовать же поймать ее было нечего и думать при быстромъ ходѣ. Потомъ мы уже ни разу не встрѣчали акулъ, и описаннымъ случаемъ ограничивается мое съ ними знакомство, о чемъ я очень жалѣлъ, такъ какъ, въ качествѣ натуралиста, хотѣлъ посмотрѣть на нихъ поближе.

Черезъ нѣсколько часовъ, когда я спокойно лежалъ и читалъ у себя въ каютѣ, наверху поднялась какая-то суматоха. Сначала я не обратилъ на это вниманія, но потомъ, такъ какъ она долго не прекращалась, я вышелъ на палубу узнать въ чемъ дѣло. Вышелъ и остановился въ изумленіи. Прямо на насъ, занявъ почти половину неба, шла огромная туча. Нижній край ея былъ совершенно теменъ, между тѣмъ какъ верхушка, закрывавшая солнце, освѣщалась его лучами багровымъ цвѣтомъ. Въ темной массѣ, въ разныхъ мѣстахъ, вспыхивали молніи, и къ морю тянулись широкія дождевыя полосы. Вода на горизонтѣ пѣнилась и бурлила; тамъ уже бушевалъ вихрь. Туча быстро плыла по небу, увеличиваясь по мѣрѣ своего приближенія. Что несла она намъ? Былъ ли это простой шквалъ, кратковременный вихрь съ дождемъ и грозой, столь частый лѣтомъ въ низкихъ экваторіальныхъ широтахъ, или она принадлежала къ свитѣ могучаго урагана, одного изъ тѣхъ циклоновъ, которымъ Индійскій океанъ обязанъ своею грозною извѣстностью. Въ этихъ случаяхъ барометръ становится общимъ оракуломъ, и офицеры часто бѣгали въ рубку смотрѣть на колебанія ртути. Если она опускается, и притомъ быстро, значитъ дѣло плохо; значитъ въ скоромъ времени придется бороться съ непобѣдимымъ врагомъ, который не отдаетъ легко своихъ жертвъ. По счастію, на этотъ разъ тревога оказалась напрасною, но все-таки были приняты нѣкоторыя мѣры предосторожности: получше закрѣпили паруса, закрыли вплотную трюмы, открытые во время ясной погоды для провѣтриванія, сняли

тентъ, который представлялъ значительную поверхность для вѣтра, убрали лишнія вещи съ палубы. Послѣ этого стали ждать шквала со спокойною совѣстью; ждать пришлось недолго. Быстро налетѣла гроза, и яростный порывъ вѣтра ударилъ въ бортъ нашего парохода, наклонивъ его на одну сторону. Сдѣлалось темно, и только молніи, безпрестанно появлявшіяся тутъ и тамъ, освѣщали на мгновеніе поверхность моря. Дождь лилъ какъ изъ ведра, такой дождь, какой можно встрѣтить только въ тропикахъ, и вода не успѣвала стекать по палубѣ. Волны заклокотали вокругъ парохода; разъяренный вѣтеръ срывалъ ихъ бѣлыя верхушки и далеко мчалъ по воздуху. Дождь лилъ почти горизонтально, такъ относило вѣтромъ дождевыя капли. На скользкой палубѣ оставаться не было возможности, вѣтеръ валилъ съ ногъ, и дождь пребольно хлесталъ въ лицо. Я долго стоялъ около люка, но наконецъ вода выгнала меня и оттуда. Наши сѣверныя грозы ничто передъ этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, столь же эффектнымъ, какъ и кратковременнымъ. Скоро туча умчалась въ другія области океана и черезъ четверть часа виднѣлась небольшимъ темнымъ пятномъ на горизонтѣ. Дождь пересталъ, и горячіе лучи солнца быстро высушивали мокрую палубу. Море успокоилось и лежало передъ нами слегка колеблющеюся массою, такъ какъ непродолжительный, хотя и свирѣпый вѣтеръ не успѣлъ развести значительнаго волненія.

Съ этого дня (1 мая) шквалы слѣдовали за шквалами. Рѣдкій день проходилъ, чтобы не потрепало нашъ пароходъ. Иногда тучи, какъ исполинскія рати, шли одновременно съ разныхъ сторонъ и потомъ соединялись въ сплошную пелену. По ночамъ бушевали грозы. Часто, бывало, проснешься отъ какого-то глухого шума. Наверху вдругъ раздастся топотъ многихъ ногъ или въ желѣзную обшивку парохода какъ палкой забарабанитъ дождь. Это налетѣлъ шквалъ. Я уже привыкъ къ нимъ, но зато бѣднымъ служащимъ доставалось, и вахты сдѣлались безпокойны. Никогда нельзя знать заранѣе, что произойдетъ, и потому необходимо приготовляться ко всему худшему. Къ тому же въ это время года и въ этихъ широтахъ часто свирѣпствуютъ ураганы, и мысль о нихъ не даетъ успокоиться въ ожиданіи даже простого шквала.

Путь нашъ близился къ концу. 3 мая мы проходили мимо острова Цейлона, и его священная гора, Адамовъ пикъ, подымалась изъ волнъ синеватымъ конусомъ. Скоро вершина Адамова пика исчезла изъ глазъ, и опять передъ нами разстилался одинъ безбрежный океанъ. Въ концѣ дня какое-то судно, направлявшееся къ сѣверу, по курсу въ Калькутту, дѣлало намъ сигналы. Но оно было довольно далеко отъ насъ и мы никакъ не могли разобрать эти сигналы. Морскіе сигналы состоятъ изъ сочетанія различныхъ флаговъ извѣстныхъ цвѣтовъ и формы. Очень

трудно наставить правильно подзорную трубу при постоянномъ сотрясеніи палубы отъ оборотовъ винта, и мы въ концѣ концовъ выставили сигналъ, кажется, означавшій: не понимаемъ.

Скоро ли покажется Сингапуръ? Мы уже 14 дней въ водахъ Индій-

У береговъ Сингапура.

скаго океана. Мы уже привыкли къ шквалamъ, къ проливному дождю, и тутъ же рядомъ къ жгучимъ лучамъ солнца, къ чарующей прелести тропической ночи, къ яркому блеску созвѣздій, къ тихому синему морю,

къ особенностямъ экваторіальной природы, къ этому отсутствію зари, ночи безъ сумерекъ и утру безъ разсвѣта. Все это безспорно хорошо, но 14 дней! Мы съ нетерпѣніемъ ждали землю. А еще предстояло нѣсколько дней пути. Къ тому же и провизія, которой мы не успѣли запастись хорошенько въ Аденѣ, была на исходѣ. Показались на свѣтъ Божій консервы, до того времени запрятанные въ глубинѣ кладовой.

6 мая, вечеромъ, мы увидали наконецъ маякъ Суматры и на слѣдующій день утромъ входили въ Малаккскій проливъ. Впрочемъ, этимъ проливомъ намъ надлежало идти около 3 дней, такъ какъ онъ простирается въ длину на 1000 верстъ. Первые два дня мы не видали береговъ, такъ какъ Малаккскій проливъ, отдѣляющій полуостровъ Малакку отъ острова Суматры, здѣсь довольно широкъ. Жара здѣсь была невыносимая и по ночамъ свѣченіе воды достигало необыкновенной силы. Только на третій день мы увидали низменный берегъ Суматры, покрытый роскошною растительностью; лѣса тянулись на цѣлые десятки верстъ, и сквозь темную зелень обыкновенныхъ деревьевъ высоко взлетали вверхъ стройные стволы пальмъ и развѣсистыя широкія кроны другихъ лѣсныхъ исполиновъ. Третій день плаванія Малаккскимъ проливомъ и 17-ый нашего пребыванія въ Индійскомъ океанѣ близился къ концу. Край неба горѣлъ огнемъ и золотомъ, и голубая поверхность воды лежала недвижима. Проливъ дѣлался все уже, и масса островковъ стала попадаться намъ навстрѣчу. Многіе изъ нихъ представляютъ простую скалу, поднявшуюся съ морского дна. Но подъ этимъ животворнымъ небомъ и скала покрывается роскошною растительностью. У подножія этихъ скалъ часто качались маленькія лодки и, спрятавшись въ густой массѣ деревьевъ, виднѣлись кое-гдѣ бѣлыя постройки малайцевъ. Очень красивы казались эти острова, когда мы проходили мимо; освѣщенные послѣдними лучами солнца, они купались точно въ расплавленномъ золотѣ, и ярко-фіолетовый фонъ ихъ гранитныхъ основаній рѣзко выдѣлялся на темной зелени лѣса. Но солнце закатилось; острова исчезли во мракѣ, страшно быстро покрывшемъ землю, и наступившая ночь застигла насъ уже у экватора. Еще нѣсколько оборотовъ винта и — конецъ пути. Мы прошли мимо массы судовъ, и наконецъ ровно въ 10 часовъ вечера 9-го мая мы бросили якорь на рейдѣ Сингапура, живописные холмы котораго, покрытые какими-то высокими деревьями, неясно выдѣлялись предъ нами изъ ночного мрака.

Сингапуръ.

(В. Тихомирова).

Первое, что останавливаетъ вниманіе, когда вы подходите къ Сингапуру со стороны ли Малаккскаго пролива или со стороны Южно-китайскаго моря,—это красота обширнѣйшаго естественнаго, всегда оживленнаго рейда. Самый городъ, малозамѣтный и частью разбросанный по холмамъ, пересѣченъ обширными пустырями и болотистыми низменностями и вездѣ подавляется роскошною, мѣстами буквально закрывающею его, тропическою растительностью.

Разнообразный флотъ, наполняющій Сингапурскій рейдъ, представленъ судами чуть ли не всѣхъ націй и величинъ. Здѣсь вамъ встрѣтятся колоссальные, всегда сверкающіе ослѣпительно бѣлою окраской корпуса, длинныя, низко сидящія въ водѣ паровыя военныя суда Англіи; весьма внушительные почтовые пароходы Франціи; громадные крутобокіе товаро-пассажирскіе пароходы; парусные, часто уже издалека рѣзко выдающіеся своими свѣтло-синими трубами трех-и двухмачтовые „купцы“. Вы увидите здѣсь нескладныя китайскія „джонки“ съ ихъ высокимъ, срѣзаннымъ косвенно, носомъ, украшеннымъ фантастическою рыбьею или драконовою головою съ двумя ярко-выведенными и раскрашенными по бокамъ его глазами, съ не менѣе высокою, разсѣченною посрединѣ кормою, одною, двумя или даже тремя бамбуковыми мачтами и неуклюжимъ тяжелымъ рогожнымъ парусомъ. Легкій паровой катеръ таможенной стражи смѣняется летящими изо всѣхъ силъ къ вамъ навстрѣчу малайскими открытыми, длинными и узкими „прау“ (челнокъ, лодка) и такими же по очертаніямъ, но снабженными посрединѣ легкимъ навѣсомъ изъ пальмовыхъ листьевъ лодками темно-бурыхъ, почти черныхъ индійцевъ—тамиловъ.

Всѣ эти китайцы, малайцы, индусы спеціально стерегли васъ въ качествѣ (если удастся) вашихъ будущихъ прачекъ, портныхъ, продавцовъ рыбы, морскихъ раковъ и такъ называемыхъ „рѣдкостей“, здѣсь очень нерѣдкихъ: весьма разнообразныхъ, порой очень цѣнныхъ въ научномъ отношеніи, коралловъ и раковинъ, которыми такъ богаты прибрежья Малакки и Сингапура. Весьма нерѣдко вмѣстѣ съ ними являются продавцы обезьянъ, тигровыхъ шкуръ, попугаевъ или другихъ птицъ и проч.; предлагаются, наконецъ, коллекціи превосходныхъ плетеныхъ креселъ-кушетокъ, столь необходимыхъ при долгихъ плаваніяхъ по Индійскому океану.

Ко всей этой пестрой этнографической живой коллекціи слѣдуетъ прибавить смуглыхъ, съ ястребинымъ носомъ и жгучимъ проницательнымъ взглядомъ, „парсовъ“ (гебры-огнепоклонники, главнымъ образомъ

изъ Бомбея), нерѣдко въ европейскомъ платьѣ, но всегда почти съ черною усѣченною фескою, безъ кисти, на головѣ и арабовъ изъ Адена, въ неизмѣримо пышныхъ, бѣлыхъ шальварахъ и кисейныхъ чалмахъ. Если мы присоединимъ ко всему этому еще золотисто-коричневаго сингалеза, нерѣдко съ весьма красивымъ, почти европейскимъ лицомъ, въ бѣлой женской коленкоровой кофтѣ, ситцевой юбкѣ, безъ панталонъ, съ гребнемъ на лбу и косою, связанною въ узелъ на затылкѣ, въ сандаліяхъ, то списокъ претендентовъ на ваши карманы будетъ полнымъ или почти полнымъ. Нужно ли говорить, что когда пароходъ станетъ наконецъ на якорь, по окончаніи всѣхъ обычныхъ оффиціальныхъ посѣщеній таможенныхъ чиновниковъ, портоваго врача и такъ далѣе, то вся эта пестрая, разноязычная, жаждущая наживы толпа хлынетъ по спущенному трапу на палубу, хотя огромному большинству, ее составляющему, придется возвратиться съ парохода все-таки ни съ чѣмъ.

Итакъ, мы наконецъ на мѣстѣ. Попасть въ городъ нетрудно. Рядъ одноконныхъ наемныхъ каретъ вытянулся вдоль набережной въ ожиданіи пассажировъ. Обладатели ихъ—индусы-тамилы, частью въ чалмахъ, частью съ длинными связанными на затылкѣ въ большой узелъ или свободно распущенными волосами, наперерывъ предлагаютъ вамъ свои услуги на ломаномъ англійскомъ языкѣ; глаза и зубы ослѣпительно сверкаютъ на темномъ фонѣ оживленныхъ шоколадныхъ лицъ. Тутъ же рядомъ къ вашимъ услугамъ „джиннерикши“, извозчики-лошади: желтобурые, губастые малайцы въ огромныхъ коническихъ, сплетенныхъ изъ „ротанга“ (пальмы-ліаны) шляпахъ; вся одежда ихъ состоитъ изъ одной короткой ситцевой юбки отъ пояса до колѣнъ. Вялые и апатичные, обыкновенно усердные курильщики опіума, они рѣзко отличаются своимъ типомъ отъ стройныхъ индусовъ-арійцевъ, съ ихъ оживленными, нерѣдко столь же красивыми, какъ и интеллигентными, лицами европейскаго типа.

Карета извозчиковъ Сингапура запряжена въ одну лошадь. Это—маленькій, безобразный и слабосильный пони. Улицы прекрасно шоссированы, но мелкіе пони такъ слабосильны, что извозчики только сначала, какъ и подобаетъ, сидятъ здѣсь на козлахъ: очень скоро они соскакиваютъ на землю и, держа вожжи въ рукахъ, бѣгутъ рядомъ съ экипажемъ.

Городъ Сингапуръ, возникшій исключительно ради потребностей и цѣлей торговыхъ, — узловая и притомъ крупнѣйшая станція большой морской дороги всего свѣта. По своему населенію онъ также является космополитомъ. Тонъ всему даютъ представители Англіи и Китая. Пришельцы индусы, тамилы по преимуществу, и коренные жители Малакки, малайцы, являются лишь рабочими, подъ общимъ названіемъ „кули“.

Китайцы здѣсь очень многочисленны; меньшая часть ихъ — богатые, нерѣдко колоссально богатые купцы, въ рукахъ которыхъ сосредоточена торговля, а несравненно большее число сыновъ Небесной имперіи — ремесленники и прислуга.

Перейдемъ теперь къ самому городу. Онъ разбросанъ по холмамъ и низменностямъ, какъ это было сказано выше. Посреди города протекаетъ узкая и мутная, но довольно глубокая рѣчка, — рѣкою ее все-таки не назовешь, — служащая границей европейской и китайской частей города. Городъ раздѣляется на участки — европейскій, китайскій, малайскій и индусскій. Каждый имѣетъ свои характерныя особенности.

Дома европейской части города представляютъ общераспространенный типъ англійскихъ колоніальныхъ построекъ далекаго Востока. Бѣлые или, вообще, свѣтлые, обыкновенно двухъэтажные, съ глубокими, идущими вдоль всей стѣны, крытыми балконами-верандами, всегда полутемными отъ далеко выдающагося навѣса-крыши, съ окнами безъ стеколъ, со ставнями изъ взаимно прикрывающихъ другъ друга деревянныхъ дощечекъ, окруженные роскошными деревьями и кустарниками и увитые ползучими растеніями, дома эти, вообще, уютны и относительно прохладны, нерѣдко также и весьма изящны. Вслѣдствіе постоянной заботы о сквозномъ вѣтрѣ и о защитѣ отъ жгучихъ солнечныхъ лучей дома окружены верандами; комнаты глубоки и очень высоки (во избѣжаніе духоты), при полномъ отсутствіи стеколъ въ окнахъ, — стекла здѣсь замѣняются ставнями, между раздвинутыми дощечками которыхъ можетъ свободно проходить воздухъ (къ сожалѣнію, въ Сингапурѣ онъ постоянно почти неподвиженъ); двери замѣнены завѣсами изъ рѣдкихъ сквозныхъ бамбуковыхъ пластинокъ, изящно расписанныхъ японцами-художниками; все это мѣры борьбы съ постоянною бѣдой — душною, истощающею силы атмосферой.

Въ общественныхъ зданіяхъ, гостиницахъ и клубахъ весьма могущественнымъ средствомъ для такой борьбы является перенесенная изъ Индіи и съ Цейлона „панка“: это — гигантскій вѣеръ, состоящій изъ ряда висящихъ съ потолка тяжелыхъ полотняныхъ шторъ, шнуры которыхъ соединены въ одинъ общій, находящійся въ рукахъ сидящаго въ сосѣдней комнатѣ китайца, который ихъ непрерывно дергаетъ. Нѣтъ болѣе исполнительныхъ и аккуратныхъ слугъ, какъ китайцы, однако и у нихъ иногда случается бѣда съ „панкой“: за обѣдомъ въ отелѣ, напримѣръ, случается, что ритмическіе размахи ея, постепенно ослабѣвая, вдругъ прекращаются совсѣмъ, и вслѣдъ за этимъ наступаетъ, такъ сказать, домашній циклонъ,— какъ бы подъ вліяніемъ быстро налетѣвшаго урагана, „панка“ начинаетъ махать неистово, наверстывая недавнее бездѣйствіе. Объясненіе въ томъ, что домашній акви-

лонъ-китаецъ, не справившись съ душною истомой, задремалъ и теперь, проснувшись или пробужденный вездѣсущимъ хозяиномъ, въ испугѣ спѣшитъ исправить свою оплошность неистовымъ дерганіемъ шнура.

Несмотря на близость моря, бичъ тропиковъ — москиты одолѣваютъ Сингапуръ, благодаря въ особенности его болотистымъ низменностямъ. Москиты — ближайшіе родственники нашимъ комарамъ. Укушеніе крошечныхъ враговъ, мало или даже совсѣмъ не замѣчаемое на первыхъ порахъ, влечетъ за собою припухлость, очень болѣзненную и сопровождаемую сильнымъ, иногда нестерпимымъ зудомъ, такъ что черезъ недѣлю, и даже еще дольше, лица, искусанныя москитами и обладающія раздражительною кожею, представляются какъ бы только что перенесшими оспу. Поэтому „москитная клѣтка“ является неизбѣжною принадлежностью всякой спальни: кровать помѣщается подъ рамою, на которой натянута бѣлая ткань въ родѣ рѣдкой кисеи. Куски этой же ткани спускаются со всѣхъ четырехъ сторонъ потолка рамки вплоть до полу. Полотнища эти подтыкаются очень тщательно и далеко вглубь со всѣхъ сторонъ подъ тюфякъ постели утромъ, тотчасъ послѣ ея уборки, и въ такомъ видѣ остаются цѣлый день до вечера.

Есть затѣмъ мѣстности, гдѣ москиты настолько безпощадны, что не ограничиваются одними ночными нападеніями, но, буквально, дѣлаютъ жизнь невыносимою даже и днемъ. Таковъ между прочимъ и Сингапуръ. Здѣсь приходится прибѣгать уже и къ такъ называемымъ „москитнымъ домикамъ“. Это тѣ же „москитныя клѣтки“, болѣе значительныхъ размѣровъ и снабженныя очень плотно затворяющеюся дверью. Стѣны такого домика обтянуты тою же сквозною бѣлою кисеей, какъ и клѣтки-постели. Дверь затворяется и отворяется возможно быстро и рѣдко, чтобы не впустить какъ-нибудь осаждающихъ ее постоянно извнѣ москитовъ.

Могущественнымъ союзникомъ въ борьбѣ съ москитами въ Сингапурѣ (какъ и на Цейлонѣ) являются домашнія (впрочемъ, поселяющіяся въ жилищахъ самовольно) особаго рода ящерицы, — гекко, великіе истребители и ловцы москитовъ, муравьевъ и всякихъ иныхъ отравляющихъ тамъ жизнь насѣкомыхъ. Эти оригинальныя, немного превышающія длину мизинца взрослаго человѣка, животныя — неизбѣжная принадлежность всякаго дома Сингапура. Пока свѣтло, ихъ не видно, но только что наступитъ ночной мракъ, на стѣнахъ, потолкахъ и даже зеркалахъ появляются десятками эти ящерицы, не стѣсняясь искусственнымъ свѣтомъ лампъ. Подобно мухамъ, онѣ одарены способностью не только ползать, но даже быстро бѣгать головою внизъ по потолкамъ и по стѣнамъ комнатъ. Отъ времени до времени ящерицы эти издаютъ своеобразный, громкій для такого маленькаго существа, ритмически

повторяющійся крикъ: „геко, геко“. Звукъ этотъ и послужилъ поводомъ къ обозначенію этихъ ящерицъ общимъ названіемъ „гекко“.

Разъ занявъ свои позиціи, ящерицы тотчасъ же предаются съ жаромъ охотѣ на москитовъ и другихъ насѣкомыхъ, во множествѣ привлекаемыхъ свѣтомъ лампъ черезъ открытыя двери и окна безъ стеколъ, не обращая никакого вниманія на людей и считая себя, очевидно, настоящими хозяевами; гекко то прямо преслѣдуетъ свою добычу, то подкрадываются къ ней и, вдругъ бросаясь впередъ, такъ сказать, на лету, приклеиваютъ зазѣвавшагося муравья, москита или жука къ своему, быстро выдвигаемому впередъ, липкому языку, который и препровождаетъ затѣмъ жертву прямо въ ротъ. Наблюденіе такой охоты, вслѣдствіе привычки ящерицъ къ людямъ и обилія ихъ очень легкое, вообще доставляетъ немалое удовольствіе. Не рѣдки при этомъ драматическіе эпизоды: то произойдетъ внезапно враждебное столкновеніе двухъ помѣшавшихъ другъ другу охотниковъ, то, несмотря на всю свою ловкость и способность бѣгать по потолку, какой-нибудь гекко, въ жару преслѣдованія, сорвется внизъ и свалится на кого-либо изъ присутствующихъ, или ударившись о край стола, мебель или прямо о полъ, даже оставитъ тамъ, въ видѣ печальнаго трофея, свой хвостъ, имѣющій, впрочемъ, способность вновь отрасти.

Совершенная безвредность этихъ домашнихъ ящерицъ, ихъ интересные нравы, польза, приносимая истребленіемъ докучливыхъ насѣкомыхъ— все это заставляетъ считать гекко другомъ человѣка. Оригинальна способность этихъ ящерицъ бѣгать по стѣнамъ и по потолкамъ такъ же легко и свободно, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, мухи. Причина этого такова. На каждомъ пальцѣ ящерицы снизу замѣчается двойной рядъ особыхъ пластинокъ, которыя въ спокойномъ состояніи плотно прикрываютъ одна другую, какъ черепица, но съ помощью особыхъ мышечныхъ пучковъ могутъ и приподниматься каждая сама по себѣ въ видѣ свода. Плотно прижавъ сначала свои пластинки къ гладкой поверхности, гекко поднимаетъ ихъ затѣмъ сводомъ, за исключеніемъ остающагося плотно прижатымъ края; возникаетъ такимъ образомъ рядъ безвоздушныхъ пространствъ, — и животное держится исключительно воздушнымъ давленіемъ на эти безвоздушныя пространства.

Торговый кварталъ европейской части Сингапура составляетъ самый центръ города. Прежде всего здѣсь бросается въ глаза предпочтеніе, оказываемое почему-то домовладѣльцами свѣтло-синему цвѣту, которымъ сплошь выкрашены зданія этой части города; такой цвѣтъ, благодаря вертикальнымъ лучамъ жгучаго солнца, особенно непроченъ: онъ скоро переходитъ въ очень неприглядный буро-желтоватый, такъ что синій Сингапуръ всегда является болѣе чѣмъ наполовину полинявшимъ.

Магазины, исключительно англійскіе, защищены по возможности глу-

бокими наружными колоннадами крытыхъ галлерей, образующихъ родъ непрерывно тянущихся верандъ, и все-таки здѣсь именно, т.-е. въ торговой части города жара, даетъ себя чувствовать особенно сильно, въ виду скученія сильно накаляющихся каменныхъ зданій и меньшаго обилія той могучей и разнообразной растительности, которою такъ богаты остальныя части города.

Здѣсь постоянно наблюдается сильное движеніе народа: индусы, малайцы, китайцы, сингалезы-торговцы, парсы и арабы-растовщики и мѣнялы, англичане въ качествѣ властныхъ и болѣе чѣмъ высокомѣрныхъ хозяевъ, а въ дни прихода почтовыхъ судовъ веселыя толпы отпущенныхъ погулять „на землю“ матросовъ—все это сливается въ толпу столь же пеструю, какъ и шумно-многоязычную.

Разнообразіе средствъ передвиженія еще болѣе содѣйствуетъ пестротѣ картины. Джиннерикши-малайцы, носильщики-китайцы и тамилы — двуногіе бѣгуны — перемежаются здѣсь съ экипажами частныхъ владѣльцевъ: крупныхъ капиталистовъ, купцовъ и консуловъ. Экипажи ихъ, обыкновенно парные, запряжены крупными, часто очень породистыми, вывезенными изъ Австраліи лошадьми, составляющими рѣзкій контрастъ съ крошечными и безобразными пони наемныхъ извозчиковъ-тамиловъ. А вотъ и старые цейлонскіе знакомые маленькіе, горбатые—и, если они типичны, чернаго цвѣта съ мелкими бѣлыми пятнами—бычки-бѣгуны, везущіе довольно скорою рысью, благодаря прекрасной мостовой легкую двуколесную коляску съ двумя и даже (считая кучера) тремя сѣдоками.

Запряженные въ громадныя двуколесныя, крытыя въ видѣ свода, сплетеннаго изъ кокосовыхъ листьевъ, фуры, мѣрно выступаютъ зебу-тяжеловозы, очень крупные, свѣтло-сѣраго и бѣлаго цвѣта. Они звенятъ и гремятъ мѣдными колокольчиками и круглыми бубенчиками своихъ ошейниковъ, а на длинныхъ ихъ рогахъ красуются мѣдныя кольца и вѣнчающіе ихъ мѣдные же шарики. Эти своеобразныя украшенія придаютъ быкамъ особо характерный, нѣсколько фантастическій видъ, такъ хорошо гармонирующій съ типичными и затѣйливыми орнаментами браманскихъ и буддійскихъ храмовъ и вообще со всею остальною индійскою обстановкой города.

Типичными для города являются браманскій и буддійскій храмы. Входная, суживающаяся постепенно кверху, башня перваго какъ бы стремится убѣжать въ небо своимъ остріемъ. Самый храмъ помѣщается въ глубинѣ пространнаго двора, обнесеннаго высокою каменною оградой. На дворѣ обширное зданіе, крыша котораго поддерживается толстыми колоннами въ четыре ряда; тутъ же большой водоемъ, и сложенный изъ бѣлыхъ камней жертвенникъ, гдѣ во славу и умилостивленіе индійской троицы вообще или спеціально грознаго Сивы и его страшной супруги Кали, украшенной ожерельемъ изъ человѣческихъ череповъ, предаются

закланію невинные козлята и ягнята. Самый храмъ украшенъ круглымъ бѣлымъ куполомъ. Въ глубинѣ его залы ниша, гдѣ возсѣдаютъ на тронахъ главные представители браманскихъ боговъ, окруженные второстепенными божествами.

Въ китайскомъ кварталѣ Сингапура мы встрѣтимъ ту же обстановку, которая всюду и вездѣ вносится съ собою китайцами. Тѣ же тѣсныя крытыя узкія улицы съ ихъ нечистотою и вонью, которыя здѣсь при удушающей жарѣ, конечно, еще ужаснѣе и невозможнѣе, чѣмъ въ самомъ Китаѣ; тѣ же характерныя вывѣски; типичная одежда, косы, походныя кухни, притоны для куренія опія. Уступка климатическимъ условіямъ состоитъ въ томъ, что работающіе на улицѣ и несущіе тяжести китайцы обыкновенно совсѣмъ обнажены до пояса.

Малайцы и индійцы (по большей части тамилы) ютятся въ своихъ кварталахъ. Жилища первыхъ — хижины, сохраняющія еще типъ свайныхъ построекъ. Полъ приподнятъ около метра надъ землей на деревянныхъ сваяхъ, оконъ и дверей нѣтъ, стѣны и крыши на бамбуковомъ остовѣ сплетены изъ сухихъ листьевъ кокоса, скрѣпленныхъ бамбуковыми пластинками. Индійцы живутъ въ небольшихъ глиняныхъ мазанкахъ также весьма первобытнаго устройства.

Всюду на рынкахъ продаются различные тропическіе плоды—мангустаны, манги, дуріаны, папаи, бананы и ананасы, которыми Сингапуръ по справедливости славится.

Кромѣ центральной торговой части, весь Сингапуръ утопаетъ своими, часто весьма разбросанными, зданіями въ густой тропической растительности, которая, впрочемъ, нерѣдко смѣняется очень непригляднымъ и, конечно, весьма вредными лужами стоячей болотной воды. За исключеніемъ такихъ неприглядныхъ мѣстъ, прекрасно шоссированныя улицы пробѣгаютъ между нависшими густымъ сводомъ аллеями роскошныхъ деревьевъ, позади которыхъ въ европейской т.-е. англійской, части города тянутся вездѣ прямыя, какъ стрѣла, и зеленыя, какъ изумрудъ, живыя ограды изъ низкорослаго, стриженаго щеткой бамбука; эти ограды отдѣляютъ отъ улицы дома, расположенные въ глубинѣ прилежащихъ къ дорогѣ садовъ.

Аллеи состоятъ изъ священныхъ смоковницъ и хлѣбныхъ деревьевъ. Громадные, отливающіе серебромъ своей листвы при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра дуріаны съ оригинальными плодами также невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе путешественника; манги, букеты громадныхъ, часто граціозно склоняющихся въ разныя стороны бамбуковъ и усыпанныя крупными ярко-красными цвѣтами такъ называемыя китайскія розы, въ изобиліи растутъ здѣсь въ видѣ очень большихъ деревьевъ. Высоко поднимаются надъ всѣми деревьями прямые, какъ стрѣла, тонкіе и стройные кольчатые стволы пальмы арека, оканчивающіеся ко-

роткими, какъ бы обстриженными, султанчиками своихъ 5 — 6 темно-зеленыхъ листьевъ, тогда какъ, наоборотъ, молодые кокосы широко раскидываютъ въ стороны пушистый свѣтло-зеленый вѣнецъ своихъ 12 — 15 листьевъ надъ невысокимъ, еще прямымъ, но уже несущимъ свои золотисто-коричневые орѣхи стволомъ. Наконецъ, здѣсь же встрѣчающіеся, разорванные въ клочки вѣтромъ, свѣтло-ярко-зеленые огромные листья банана, съ его пригибающими къ землѣ вершину сочнаго стебля массами золотистыхъ плодовъ, дополняютъ картину выдающихся растительныхъ формъ Сингапура. Особенно характерными являются затѣмъ невѣдомыя въ нашихъ странахъ, здѣсь же обычныя и неизбѣжныя, растенія эпифиты, часто неправильно причисляемыя не-ботаниками къ паразитамъ. Эпифитами называются такія растенія, которыя нуждаются въ другихъ лишь въ качествѣ опоры и мѣста жительства. Проникая своимъ корнемъ въ ткани коры дерева, эпифитъ пользуется послѣднимъ лишь для своего подкрѣпленія. Питаніе почерпаетъ онъ помощью листьевъ и многочисленныхъ воздушныхъ корней не изъ соковъ дерева—жертвы, какъ настоящіе, здѣсь тоже нерѣдкіе паразиты, а изъ насыщеннаго водяными парами окружающаго воздуха.

Въ Сингапурѣ гигантскіе стволы деревьевъ сплошь покрыты, нерѣдко на высоту весьма значительную, эпифитными папоротниками, то блистающими яркою сочною зеленью своей изящной, кружевной, мелко вырѣзанной листвы, то поражающими причудливостью своихъ грубыхъ гигантскихъ листьевъ. Въ однихъ случаяхъ папоротники эти напоминаютъ собою громадныя птичьи гнѣзда, въ другихъ же — часть удлиненныхъ кожистыхъ листьевъ, превышающихъ размѣры человѣческаго роста, поднимается параллельно стволу дерева, на которомъ поселился эпифитъ, прямо вверхъ, тогда какъ другая часть листьевъ, напоминающая очертаніями рога лося или сѣвернаго оленя, спускается по тому же стволу на землю съ высоты двухъ и даже болѣе метровъ.

Описаніе Сингапура заключало бы въ себѣ однако существенный пробѣлъ, если бы я не упомянулъ о его временныхъ, но тѣмъ не менѣе не особо рѣдкихъ посѣтителяхъ — тиграхъ. На самомъ островѣ постоянно держатся одинъ или иногда нѣсколько тигровъ, переплывающихъ проливъ, который отдѣляетъ островъ Сингапуръ отъ материка Малакки километра на два. Тигры эти между прочимъ охотятся на домашнихъ животныхъ, преслѣдуя въ особенности собакъ, составляющихъ ихъ любимѣйшее лакомство. Собаки, въ свою очередь, страшно боятся тигра, почуявъ котораго, поднимаютъ ужасный вой. Вторымъ любимымъ лакомствомъ тигра являются работающіе на плантаціи китайцы, тогда какъ на индусовъ и малайцевъ нападенія случаются рѣже. Бродя по острову, тигръ часто подходитъ къ окраинамъ города. Густо заросшіе пустыри между отдѣльными рѣдкими зданіями служатъ ему

хорошимъ убѣжищемъ и прикрытіемъ, откуда по временамъ онъ дѣлаетъ и болѣе дерзкія вылазки. Результатомъ послѣднихъ бываютъ облавы мѣстныхъ немвродовъ-англичанъ. Большіе сборы, торжественныя приготовленія и солидная выпивка являются обыкновенно началомъ и конечнымъ исходомъ такихъ охотъ, потому что тигръ всего чаще благополучно уходитъ лишь подальше отъ города или, въ крайнемъ случаѣ, переплываетъ обратно на Малакку, чтобы вернуться снова на островъ, какъ только прекратится обезпокоившій его безвредный шумъ охотничьяго похода.

23-го марта 1891 года произошелъ слѣдующій случай. На одной изъ окраинъ города, въ домѣ, принадлежавшемъ одному англичанину, въ половинѣ второго часа дня собаки вдругъ подняли на дворѣ отчаянный вой, привлекшій на себя вниманіе малайца-водоноса. Войдя въ кухню, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ, водоносъ нашелъ въ ней вмѣсто повара—тигра, который преспокойно съ большимъ кускомъ мяса въ пасти чинно и важно прослѣдовалъ въ дверь мимо него и исчезъ, унося весь запасъ, предназначавшійся для обѣда семьи домовладѣльца.

Этимъ характернымъ эпизодомъ городской жизни закончу я мои воспоминанія о Сингапурѣ.

Два дня въ Сайгонѣ.

(В. Крестовскаго).

Мы вступили въ Южно-Китайское море, пользующееся у моряковъ весьма дурной репутаціей, благодаря своимъ рифамъ, пиратамъ и тайфунамъ — ураганамъ китайскихъ морей и Восточнаго океана, въ которыхъ нерѣдко погибаютъ суда цѣлыми сотнями. Но сегодня оно къ намъ милостиво, если только это не предательская ласка, и встрѣчаетъ насъ полнѣйшимъ штилемъ. Водная гладь какъ растопленное стекло и неподвижно горитъ подъ вертикальными лучами солнца нестерпимымъ блескомъ, такъ что больно глядѣть на нее: рѣжетъ глаза и выступаютъ слезы. Движеніе нашего судна какъ бы выдавливаетъ эту стеклистую массу, гладкую поверхность которой слегка бороздятъ порой стаи маленькихъ летучихъ рыбокъ, выпархивающихъ изъ-подъ киля на воздухъ и снопами разлетающихся въ стороны. Ну и жара же сегодня! Въ половинѣ шестого часа дня, то-есть за полчаса до заката, Реомюръ показывалъ 38° на солнцѣ. Зато закатъ сегодня дивный! Горизонтъ на западѣ горитъ въ тяжелыхъ густо-лиловыхъ тучахъ, изъ которыхъ поминутно сверкаютъ зигзаги молній, и изъ-за этихъ тучъ по ясному небу раскинулись радіусами до самаго зенита снопы розовыхъ лучей и отъ нихъ вся

поверхность моря приняла перламутровой отсвѣтъ. Съ восходомъ солнца мы находились уже на полпути между Сингапуромъ и Кохинхиной. Въ 10 часовъ утра Реомюръ показывалъ 26° въ тѣни подъ двойнымъ тентомъ. Ужасная жара и ни малѣйшаго дуновенія въ раскаленномъ воздухѣ. Въ три часа дня небо заволокло тучами и подулъ легкій сѣверо-западный вѣтерокъ, а вскорѣ затѣмъ и небольшой дождикъ прыснулъ. Слава Богу, хоть чуточку освѣжило, есть чѣмъ дышать! А то этой ночью отъ недостатка воздуха я чуть было не задохся, проснувшись въ четвертомъ часу ночи со страшною тяжестью въ груди, шумомъ въ ушахъ и головною болью, такъ что долженъ былъ на цѣлый часъ высунуться въ окрытый иллюминаторъ, чтобы хоть сколько-нибудь отдышаться. Дождикъ скоро прошелъ, но сѣверо-западный вѣтерокъ, къ счастью, остался.

Закатъ опять великолѣпенъ и опять-таки являетъ собою новую, совершенно оригинальную картину. На этотъ разъ изъ-за громады облаковъ, которыя въ тропическихъ странахъ всегда массивны, самого солнца не видно. Облака перваго плана носятъ изсѣра-лиловую окраску, а дальнѣйшія заднія — совсѣмъ лиловую и за ними полнеба объято золотисто-розовымъ заревомъ. Минутъ двадцать спустя всѣ эти тоны сгустились, тучи на западѣ приняли еще болѣе темный лилово-сѣрый оттѣнокъ, и сквозь нихъ только въ трехъ-четырехъ мѣстахъ, какъ бы въ маленькія отверстія на громадной завѣсѣ, просвѣчивалъ огненно-багровый отсвѣтъ садящагося солнца. Хорошо, коли этотъ багровый свѣтъ не предвѣщаетъ намъ тайфуна.

Въ восемь часовъ утра мы подошли къ мысу св. Іакова на лѣвой сторонѣ устья Ме-конга. Мысъ этотъ представляетъ холмъ, поросшій травой и кустарникомъ, гдѣ на самой вершинѣ устроенъ маякъ, огонь котораго бываетъ обыкновенно виденъ за 28 миль отъ берега. Холмистый кряжикъ, на концѣ котораго стоитъ маякъ, тянется на протяженіи около версты вверхъ по устью, гдѣ изъ прелестной рощицы выглядываютъ два-три европейскіе домика подъ черепичными крышами, а выше по ту сторону деревни—французская земляная батарея.

Входимъ въ устье Ме-конга. Оно покрыто лагунами, между которыми извивается безчисленное множество рукавовъ и протоковъ, и занимаетъ нѣсколько десятковъ миль въ ширину. Намъ предстоитъ подниматься вверхъ по лѣвому руслу, которое имѣетъ до 12 миль ширины, но потомъ суживается до пяти миль. Правый берегъ его представляетъ низменность, покрытую кустарникомъ и предшествуемую большими отмелями, по которымъ ходятъ буруны, а налѣво тянется рядъ кудряво-зеленыхъ холмовъ, перемежающихся низменными лощинками и небольшими равнинами, гдѣ въ изобиліи растутъ разнообразные кустарники и роскошныя пальмы.

Лишь только вступили мы въ устье, вода сейчасъ же стала мутно-желтою, какъ бы глинистою, а на отмеляхъ, едва прикрытыхъ ею, она принимаетъ охристо-красноватый оттѣнокъ. Со всѣхъ сторонъ видны рыболовныя забойки, къ которымъ иногда пристаютъ парусныя рыбачьи лодки, чтобы забрать тамъ свою добычу, наловившуюся на разсвѣтѣ. Вотъ и рыбачьи деревушки видны, пройдя около 5 миль вверхъ по устью: одна вправо отъ насъ, на мыскѣ подъ холмомъ; другая нѣсколько выше, влѣво, на низменности; при ней находится бухточка, наполненная джонками и туземными лодками — сампангами, и рядомъ маленькое укрѣпленьице.

Противъ этой деревни разомъ обрывается цѣпь отдѣльныхъ холмовъ, отошедшихъ отъ лѣваго берега рѣки въ глубь материка миль на десять, и оба берега становятся теперь низменно плоскими, съ совершенно одинаковымъ характеромъ растительности: и тотъ и другой сплошь покрыты мелкимъ кустарникомъ со значительно обнаженными корнями, вслѣдствіе того, что грунтъ подъ ними постоянно подмывается. Издали на видъ эти кусты похожи на нашъ ольшанникъ и представляютъ огромныя заросли, надъ которыми лишь изрѣдка выдѣляются кое-гдѣ верхушки низкорослыхъ деревьевъ. Когда въ одномъ изъ самыхъ узкихъ мѣстъ рѣки мы подошли къ берегу саженъ на десять, то оказалось, что между этими зарослями произрастаютъ кустами перистыя пальмы, кокосовыя пальмы, юкки, драцены, ротанги, папоротники, бамбуки, но все это отличается своею низкорослостью. Вся эта растительность на болотистой почвѣ, это — здѣшніе джунгли, излюбленныя мѣста тигровъ и крокодиловъ, которыхъ, впрочемъ, мы не видѣли ни одного, хотя и пришлось простоять тутъ на мѣстѣ болѣе двухъ часовъ, въ ожиданіи пока морской приливъ не повыситъ на нѣсколько футовъ рѣчного уровня.

Принявъ въ себя устье широкаго протока Сонгъ-Віамъ-чу, рѣка суживается до 360 саженъ, но фарватеръ ея все еще стѣсненъ частыми мелями и перекатами, благодаря чему пароходъ можетъ пробираться между ними только съ большою осторожностью, самымъ малымъ ходомъ. Мѣстами берега прорѣзываются устьями протоковъ, рѣчекъ, ручейковъ, дренажныхъ и росительныхъ канавъ, отъ нѣсколькихъ саженъ до двухъ аршинъ шириной.

У береговъ иногда попадались намъ жилыя лодки обыкновеннаго китайскаго типа съ шалашами въ видѣ полукруглыхъ или двускатныхъ цыновочныхъ кровель, называемыя сампангами. На кормѣ у нихъ курятся костры, женщины варятъ обѣдъ, а голые ребятишки собираютъ по берегу валежникъ; мужчины же сидятъ на носу или подъ навѣсомъ и безпечно покуриваютъ свои крошечныя трубочки. Все это полуголое, темно-коричневое пловучее населеніе занимается, повидимому, дровосѣчнымъ и углеобжигательнымъ промысломъ: около такихъ сампан-

говъ на берегу постоянно видны были жиденькія дрова, сложенныя въ кубики, и кучки древеснаго угля.

Другой типъ лодокъ—это длинные, узкіе плоскодонные челны. Гребетъ только одинъ человѣкъ съ кормы, стоя, двухлопастнымъ весломъ. Главное назначеніе такихъ лодокъ ходить по узкимъ каналамъ, обводняющимъ рисовыя поля. Третій типъ—это большая лодка въ родѣ китайской джонки, но съ острымъ и возвышеннымъ носомъ. На ней три мачты; передняя, самая низенькая, помѣщается на концѣ носа. На каждой мачтѣ по одному цыновочному парусу: передній распускается прямо, средній вправо, а задній влѣво, что издали придаетъ судну видъ летящей гигантской бабочки или летучей мыши. Съ носа спускается деревянный якорь [въ видѣ рогули, а за кормой косой руль и долбленый челночокъ на буксирѣ. Характернымъ украшеніемъ судна являются двѣ черныя полосы по обѣимъ сторонамъ носа, въ которыхъ намалевано по одному бѣлому глазу съ чернымъ овальнымъ зрачкомъ, „чтобы судно видѣло, куда оно плыветъ, и чтобы злые духи моря, воплощенные въ акулъ и другихъ чудовищъ, думали, будто это не судно, а грозный драконъ съ распущенными крыльями“. На такихъ джонкахъ обыкновенно бываетъ до дюжины матросовъ, и занимаются онѣ перевозкой тяжелыхъ грузовъ и туземныхъ пассажировъ не только по всей рѣкѣ, но и по морскому прибрежью Кохинхины и Камбоджи.

Рѣка чѣмъ дальше, тѣмъ все излучистѣе, почему пароходу приходится дѣлать безпрестанные и нерѣдко очень крутые повороты. Безпрестанно приходилось давать самый малый ходъ, а то и вовсе останавливать машину и поминутно предупреждать о себѣ на поворотахъ пронзительными свистками аннамитскія лодки.

Въ одномъ мѣстѣ берега по обѣ стороны рѣчки очищены отъ кустарниковъ; лѣсъ выкорчеванъ, и почва осушена настолько, что служитъ теперь пастбищемъ буйволамъ. Намъ попалось два стада: одно паслось, а другое купалось въ зеленомъ болотѣ.

На расчищенномъ мѣстѣ построено нѣсколько хижинъ. Строительнымъ матеріаломъ, послѣ необходимаго дерева, послужили имъ главнѣйшимъ образомъ цыновки для стѣнъ и тростникъ для крыши. Иныя изъ такихъ жилищъ имѣютъ форму шалашей и нерѣдко устраиваются, какъ гнѣзда, на толстыхъ сучьяхъ сухого ствола, по одному и по два на одномъ деревѣ, для чего между пологими вѣтвями кладутся жерди и плетеный помостъ, а самый шалашъ строится на немъ изъ тычинъ и кроется камышомъ. Такія гнѣзда висятъ иногда надъ самой водой, и подъ ними стоятъ на привязи челны.

Здѣсь открываются и рисовыя поля, среди которыхъ виднѣются иногда на каналахъ хижины, построенныя на сваяхъ, въ родѣ сингапурскихъ, и чѣмъ дальше плывемъ мы, тѣмъ все чаще встрѣчаются

или стоящіе отдѣльно, или разбросанные тамъ и сямъ небольшими группами хижины и сарайчики всѣхъ родовъ. Мѣстность становится культурнѣе, попадаются небольшія луговины съ густою, сочною травой, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ праваго берега виднѣются отдѣльныя купы лѣсковъ и рощицъ высокорослыхъ деревьевъ. На рисовыхъ поляхъ идутъ какія-то сельскія работы. Вотъ попались два-три сампанга подъ французскими флагами. Это значитъ „административныя лодки“, гдѣ официальный флагъ означаетъ, что судно принадлежитъ какому-нибудь участковому старшинѣ, въ родѣ нашего волостного, или сборщику податей, или, наконецъ, полицейскому чину изъ мѣстныхъ уроженцевъ.

Чѣмъ дальше по рѣкѣ, тѣмъ все желтѣе и мутнѣе становится вода, и плыветъ по ней разная дрянь, въ родѣ клочковъ сѣна и сухихъ вѣтокъ, обуглившихся головешекъ, дохлыхъ собакъ, животныхъ, рыбныхъ отбросовъ и пр. Странное дѣло однако: водяныхъ птицъ совсѣмъ не видно, да и болотной дичи тоже. Изъ царства пернатыхъ пока замѣчаются только ястреба да коршуны, парящіе надъ джунглями или отдыхающіе на сухихъ вѣтвяхъ надъ самой рѣкой.

Въ началѣ третьяго часа дня, прямо передъ носомъ парохода, изъза джунглевой низменности, впервые завидѣли мы вдали верхушки большихъ корабельныхъ мачтъ и длинныя красныя кровли какихъ-то зданій. То Сайгонъ открывается.

Теперь уже на правомъ берегу рѣки виднѣются огромныя пространства рисовыхъ полей, за которыми мѣстами подымается большой дымъ: то аннамиты выжигаютъ джунгли подъ новые посѣвы. Вотъ опять засинѣли вдали невысокія горы, берега вдругъ раздались въ обѣ стороны, расширясь приблизительно на 750 саженъ. Безъ малаго десять верстъ шли мы этимъ широкимъ и почти прямымъ участкомъ Ме-конга, а затѣмъ круто свернули влѣво, опять извилисто-узкій рукавъ, на которомъ и стоитъ Сайгонъ. Здѣсь опять пошли луга и рисовыя поля, иногда залитые водой, и вразбродъ по нимъ тѣ же свайныя хижины. Городъ открывается все болѣе и болѣе, показываясь, сообразно излучинамъ рѣки, то съ лѣваго, то съ праваго борта нашего парохода. Желтыя и бѣлыя стѣны нѣсколько „казеннаго“ характера, да красныя черепичныя кровли, за которыми виднѣются кое-гдѣ зеленыя верхушки садовъ, да еще двѣ колокольни католическаго собора—вотъ его общее и, на первый взглядъ, далеко не картинное впечатлѣніе.

При входѣ въ портъ рѣка опять расширяется, образуя довольно большой бассейнъ, именуемый рейдомъ, гдѣ могутъ просторно располагаться военныя суда и самые большіе пароходы. Проходимъ мимо какихъ-то казенныхъ магазиновъ и угольныхъ складовъ и ровно въ три съ половиной часа пополудни останавливаемся, наконецъ, у пристани.

Еще не успѣли мы ошвартоваться *), какъ къ борту нашего корабля подошелъ богато украшенный въ китайскомъ вкусѣ рѣзьбой, лакомъ и золотомъ большой сампангъ съ роскошною каютой въ зеркальныхъ стеклахъ, занимающей самую середину лодки. Гребцы были одѣты въ форменныя матроски и въ маленькія китайскія шапочки, форму которыхъ всего ближе сравнить съ грибкомъ. За кормой сампанга развѣвался большой французскій флагъ изъ шелковой матеріи, полоскавшійся въ водѣ. Изъ каюты вышелъ и поднялся къ намъ на палубу адъютантъ сайгонскаго губернатора въ полной парадной формѣ, присланный поздравить нашего адмирала и передать ему приглашеніе на сегодня къ обѣду.

Пароходъ нашъ между тѣмъ сейчасъ же былъ окруженъ множествомъ сампанговъ, которыми управляли исключительно молодыя дѣвушки-аннамитки, работая веслами,— одна съ кормы, другая на носу. Гребутъ всегда стоя, и для этого существуютъ особыя приспособленія: высокія, около аршина, уключины и на борту особая приступка для упора ступни. Здѣсь я имѣлъ возможность разглядѣть нѣсколько ближе устройство сампанга. Каждая такая лодка покрывается въ средней своей части сплошнымъ навѣсомъ изъ цыновокъ или прошитаго тростника. Корма и носъ остаются открытыми и застилаются досчатыми полупалубами, подъ которыми устроены внутри маленькіе чуланчики для всякаго домашняго скарба. Переднее и заднее отверстія въ случаѣ надобности закрываются плетеными шторами. На кормѣ помѣщается кухня, гдѣ огонь разводится въ небольшомъ переносномъ очагѣ изъ обожженной глины. Здѣсь женщины стряпаютъ обѣдъ и приготовляютъ чай, и здѣсь же помѣщаются у нихъ подъ рукой всѣ принадлежности стряпни и вся утварь. Дно плоско, покрыто досками и застлано цыновками. У одной изъ боковыхъ стѣнокъ помѣщается иногда небольшой алтарикъ съ буддистскою статуэткой, украшенный нарядными картонажами, павлиньими перьями, вѣерами, искусственными цвѣтами и тому подобными предметами. Внутренность сампанга освѣщается кокосовою лампадой, а если нужно куда плыть вечеромъ, то на носу выставляется бумажный фонарь. Тутъ живутъ цѣлыми семействами, при чемъ самыми дѣятельными и работящими являются женщины. Въ носовой части каждаго сампанга, съ обѣихъ сторонъ, по наружной сторонѣ бортовъ, непремѣнно нарисованъ особый символическій знакъ — яйцо, какъ зародышъ всего сущаго. Оно соотвѣтствуетъ тѣмъ глазамъ, что рисуются на мореходныхъ джонкахъ, и составляетъ неизмѣнную принадлежность жилыхъ сампанговъ.

Рейдъ, какъ я уже сказалъ, довольно обширенъ, но на немъ да-

*) Пристать къ берегу.

леко не пестрѣетъ столько красокъ, какъ на Сингапурѣ. Для аннамскихъ и китайскихъ джонокъ отведено особое мѣсто, подъ берегомъ, который занятъ тамъ почти исключительно туземными постройками на сваяхъ, и по числу своему такія джонки далеко превосходили европейскія суда. Оживленіе рейду придавали только сампанги, сновавшіе по немъ во всѣхъ направленіяхъ. Какъ морская станція, Сайгонъ лежитъ слишкомъ въ сторонѣ отъ прямыхъ мореходныхъ путей, а потому суда, посѣщающія его, заходятъ сюда развѣ по какому-нибудь особому случаю.

Станціонная пристань и склады помѣщаются не небольшомъ островкѣ, не имѣющемъ даже сообщенія съ городомъ посредствомъ моста, и чтобы добраться до набережной, надо нанимать сампангъ.

Съѣхавъ на берегъ, мы не безъ труда докричались, наконецъ, „малабара“ (такъ зовутъ здѣсь извозчиковъ), уныло торчавшаго въ единственномъ числѣ на отдаленномъ углу набережной.

Въ Сайгонѣ путешественники столь рѣдки и даже притокъ французовъ столь малъ, что, по мѣстнымъ отзывамъ, не стоитъ содержать гостиницъ. Въ гостиницѣ, гдѣ мы остановились, тоже было очень скверно. Одно только удобство и есть — это балконъ-веранда, гдѣ можно посидѣть въ тѣни. Во внутреннемъ дворикѣ гостиницы устроенъ садикъ, гдѣ поразилъ меня запахъ мускуса, который особенно усилился съ наступленіемъ вечерней темноты, когда по этому дворику пошла ужаснѣйшая бѣготня и возня множества большихъ крысъ, ящерицъ и толстыхъ лягушекъ, скачущихъ высокими скачками. Все это подпольное населеніе находится въ вѣчной враждѣ между собою и не даетъ вамъ покою своимъ пискомъ и кваканьемъ. Вечерніе часы—это по преимуществу время его сраженій, ареной которыхъ служитъ дворикъ. Вообще съ наступленіемъ вечера въ нашихъ комнатахъ оказалось много постороннихъ жильцовъ (впрочемъ, съ ихъ точки зрѣнія, это, вѣроятно, мы были посторонними); черные тараканы-исполины поползли по постелямъ и по полу, москиты и ночныя бабочки цѣлыми эскадронами закружились около свѣчей, ящерки забѣгали по полу и по потолку; одна изъ нихъ даже шлепнулась ко мнѣ въ стаканъ и погибла во цвѣтѣ лѣтъ, ошпаренная горячимъ чаемъ. Залетѣла въ комнаты летучая мышь, которую долго не могли выжить. Но это еще что! Иногда забираются въ комнаты и болѣе опасныя гадины: черные скорпіоны, сороконожки, укушеніе которыхъ въ иныхъ случаяхъ ведетъ за собой даже смертельный исходъ, и ядовитыя змѣи. Поэтому, ложась въ постель, никогда не мѣшаетъ предварительно осмотрѣть ее, а равно и вставая, прежде всего освидѣтельствуйте внутри ваши туфли и осмотрите полъ и углы комнаты, иначе вы рискуете встрѣтиться съ очень непріятною гостьей. Чуть наступитъ вечерняя темнота, городъ уже оглашается громкимъ соединен-

нымъ концертомъ кузнечиковъ и лягушекъ. Послѣднія миріадами населяютъ рисовыя поля, и отъ ихъ кваканья въ воздухѣ просто стонъ стоитъ по всей окрестности. А къ этому еще присоединяется хриплое скрипѣніе гекко, напоминающее по звуку скрипъ нашихъ коростелей, но только гораздо громче и рѣзче. Стрекотанье кузнечиковъ и сверчковъ тоже весьма громко, но въ его однообразной нотѣ есть своя музыкальность, тогда какъ эти гекко продолжительностью своего скрипѣнья непріятно дѣйствуютъ вамъ на нервы.

Мы хотѣли было выйти на прогулку въ легкихъ костюмахъ, но насъ предостерегли не дѣлать этого. Мѣстные французы вечеромъ не выходятъ изъ дому иначе, какъ во фланели,—предосторожность далеко не излишняя, такъ какъ сырость здѣсь ужасная: почти всѣ дома покрыты грибовидными лишаями и зеленовато-черными потоками плѣсени, а въ воздухѣ сырость отзывается запахомъ мускуса и какихъ-то пряно-ароматическихъ растеній. Эта сырость пропитываетъ все ваше платье и грозитъ такою лихорадкой, отъ которой иные, даже и возвратясь въ Европу, уже во всю свою жизнь не могутъ отдѣлаться. Поэтому и французскіе солдаты, присылаемые сюда на службу не болѣе какъ на полтора года, ходятъ всегда въ суконномъ платьѣ; да и то, говорятъ, около четверти общаго числа ихъ становятся жертвами лихорадки и находятъ себѣ безвременную могилу. Впрочемъ, мѣстные обжившіеся французы, благодаря фланели, сохраняютъ здоровье и даже имѣютъ весьма бодрый видъ.

На слѣдующее утро, напившись кофе, мы отправились знакомиться съ городомъ. Надо было пользоваться утренними часами, пока еще гнетущій зной не согналъ все живое въ тѣнь, подъ закрытые навѣсы и въ глубину закупоренныхъ жилищъ. Сайгонъ стоитъ на красной глинистой почвѣ; шоссированныя улицы кажутся тоже красными, тѣмъ болѣе, что ихъ широкіе тротуары сложены изъ плитокъ обожженнаго кирпича, и красная пыль, покрывающая ихъ, при малѣйшемъ вѣтрѣ въ изобиліи садится на ваше платье и оставляетъ на немъ грязно-красноватые слѣды. Дома на главной улицѣ принадлежатъ, кажется, исключительно европейцамъ; по крайней мѣрѣ всѣ они строены въ европейскомъ вкусѣ изъ обожженнаго кирпича, въ одинъ или два этажа, нерѣдко съ каменными аркадами и непремѣнно верандами и палисадниками, и всѣ крытые черепицей. Кромѣ того, на каждомъ изъ нихъ торчатъ по два или четыре громоотвода, такъ какъ грозы здѣсь очень часты и разражаются съ неимовѣрною силой. Трехъэтажныя постройки являются уже какъ исключеніе, и то преимущественно на портовой набережной. Строенія расположены правильными улицами и довольно просторно. Въ садахъ и палисадникахъ при нихъ также нѣтъ недостатка: тамъ мѣшаются между собой бананы, бамбукъ, рицинусы, да-

туры и манговыя деревья, увитыя виноградомъ. Тротуары на нѣкоторыхъ улицахъ обсажены аллеями изъ тамариндовъ и бѣлой акаціи, быстро достигающихъ здѣсь весьма почтенныхъ размѣровъ. Прогуливаться въ тѣни подъ ихъ вѣтвями очень пріятно, но дѣло не обходится иногда безъ невольнаго испуга при встрѣчѣ съ древесною змѣей, которая, свѣсившись съ вѣтки, какъ хвостъ ліаны, покачивается надъ вашей головой. Впрочемъ, онѣ не ядовиты, хотя и кусаются. Водопроводныя канавы, цистерны и даже фонтанъ—все это встрѣчается по сторонамъ главной улицы, на которой въ то же время европейскіе обыватели не стѣсняются развѣшивать бѣлье для просушки. Главная улица образуетъ перспективу, замыкаемую въ концѣ католическимъ соборомъ, стоящимъ на площади.

Отъ собора мы направились въ торговую часть города, расположенную близъ порта, по набережной городского канала. Здѣсь большая часть домовъ двухъэтажные, съ верхними и нижними галлереями на колоннахъ или на аркадахъ. Нижніе этажи сплошь заняты лавками и магазинами, съ вывѣсками на китайскомъ и французскомъ языкахъ, но въ этихъ лавкахъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ магазиновъ, полное царство китайскихъ купцовъ и приказчиковъ. Малайцы и аннамиты удержались только на городскомъ базарѣ, да и то наполовину съ китайцами. Словомъ, что касается мѣстной промышленности, ремеслъ и торговли, то здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ Сингапурѣ, вы можете видѣть, какъ желтокожій человѣкъ оспариваетъ мѣсто у бѣлаго. Французъ въ Кохинхинѣ—это преимущественно чиновникъ, военный или агентъ какой-нибудь торгово-промышленной компаніи. Такихъ, которые остались бы въ краѣ навсегда, пріобрѣтя себѣ собственность, завели какую-нибудь плантацію или собственное дѣло и лично занялись бы хозяйствомъ, здѣсь пока еще немного. Даже и тѣ, что обзавелись уже кое-чѣмъ и выстроили себѣ дома, спѣшатъ продать ихъ, если только судьба посылаетъ имъ благопріятный случай возвратиться во Францію.

Портовый каналъ не широкъ: откосы его выложены плитнякомъ; по нимъ на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой спускаются къ водѣ каменныя лѣсенки; вдоль обѣихъ набережныхъ тянутся ряды деревянныхъ тумбъ съ желѣзными крючьями, за которые привязываются бичевы промысловыхъ сампанговъ, причаливающихъ къ откосамъ и выгружающихъ прямо на набережную кирпичъ, дрова, песокъ, мѣшки съ рисомъ, ананасы и иные сельскіе продукты. Сюда же, на набережную канала, выходитъ одною своею стороной и городской рынокъ, состоящій изъ шести сквозныхъ продолговатыхъ павильоновъ (по три въ рядъ), подъ двухярусными высокими и широкими крышами, съ отлично устроенной вентиляціей. Здѣсь на лоткахъ, открытыхъ столахъ и ларяхъ, установленныхъ правильными рядами съ продольными и по-

перечными проходами, продаются всѣ необходимые для жизни припасы: живность, овощи, бакалея, рыба, фрукты, а также свѣчи, посуда, дешевая мебель и пр. Въ числѣ живности, между прочимъ, фигурируетъ и крокодилье мясо, очень любимое аннамитами. Тутъ же помѣщается и своего рода „обжорный рядъ“ для туземной публики. Базаръ стоитъ на площадкѣ, обрамленной съ трехъ сторонъ разнокалиберными домами торговаго характера, гдѣ въ галлереяхъ подъ аркадами продаются разные мануфактурные товары, смѣсь европейской производительности съ азіатской и, преимущественно, китайской.

На базарѣ вы легче всего можете познакомиться со всѣми представителями мѣстнаго населенія: аннамитами, малайцами, китайцами и малабарскими индусами. Все это тутъ толчется, покупаетъ, продаетъ, закусываетъ, куритъ, жуетъ бетель и табакъ и узнаетъ всевозможныя повости дня, отчасти изъ мѣстной газеты, читаемой нѣкоторыми продавцами, а больше всего изъ устной передачи у чайныхъ и закусочныхъ ларей, служащихъ для туземцевъ своего рода клубами.

Аннамиты—мелкорослый и худощавый, что называется—жиденькій народъ, съ выгнутою поясницей. Судя на взглядъ, они должны быть слабосильны. Цвѣтъ кожи у простого народа темно-коричневый, у зажиточныхъ людей болѣе свѣтлый, съ разными оттѣнками, но преимущественно оливковый и всегда блѣдный; глаза узковаты и тусклы, лицо приплюснутое и безъ растительности, которая появляется уже въ преклонномъ возрастѣ, да и то весьма жидкая; зато волосы у нихъ на головѣ, черные отъ природы, и длинны, и густы; губы очень крупны и всегда кажутся окровавленными отъ привычки жевать бетель. Тотъ же складъ лица преобладаетъ и у женщинъ, только, конечно, нѣсколько смягченнѣе. Онѣ еще меньше, чѣмъ мужчины, такъ что кажутся дѣвочками. Костюмъ ихъ состоитъ изъ панталонъ и широкаго косоворотаго балахона-рубахи съ широкими рукавами. Преобладающія матеріи либо шелковый ластикъ, либо коленкоръ. Къ этому присоединяется иногда какой-нибудь яркій поясъ. Густые и длинные волосы гладко зачесываются назадъ и укладываются въ шиньонъ, заколотый шпилькой. Всегдашнюю принадлежность женскаго убора составляютъ ручные и ножные браслеты въ видѣ колецъ, у зажиточныхъ серебряные, а у простыхъ изъ желтаго стекла. Обувь, состоящую изъ остроносыхъ, загнутыхъ кверху туфель, носятъ только богатыя женщины, всѣ же остальныя предпочитаютъ ходить босикомъ и ногъ себѣ не уродуютъ по китайской модѣ. Нарядъ аннамитки дополняется иногда маленькою плоско-коническою шляпой изъ бамбука съ длинной шелковой кистью, которая болтается сзади почти до поясницы. На базарѣ, какъ и на сампангахъ, нерѣдко встрѣчаются женщины съ маленькими ребятами, которыхъ онѣ носятъ совершенно своеобразнымъ способомъ,

ухитряясь какими-то судьбами усаживать младенца къ себѣ на бедро и поддерживая его за спину рукой. При этомъ не употребляется никакого приспособленія, въ родѣ мѣшка или перетяжки, и какъ эти дѣти не соскальзываютъ и не расшибаются, я рѣшительно не понимаю. Мнѣ даже случилось видѣть, что мать, стоя на кормѣ сампанга, одной рукой работала весломъ, а другой придерживала своего малютку, который, держась за ея рубашку и откинувшись къ ней на ладонь, преспокойно себѣ спалъ, убаюканный мѣрнымъ качаніемъ ея корпуса при греблѣ.

Костюмъ мужчинъ тоже весьма несложенъ: на головѣ черная небольшая повязка, въ родѣ чалмы, прикрытая соломенной шляпочкой грибкомъ, затѣмъ черный или бѣлый балахонъ, но съ узкими рукавами, и бѣлые панталоны; на ногахъ плетеныя китайскія туфли. Это костюмъ людей зажиточныхъ, а рабочіе обыкновенно носятъ короткую безрукавную кофту и короткіе штаны выше колѣнъ, то и другое изъ коленкора; ноги всегда босы, на головѣ плетеный грибокъ или плосконическая шляпки. Питались они на базарѣ преимущественно рыбой и сырыми овощами: рѣдькой, огурцами, чеснокомъ, заѣдая все это стручковымъ перцемъ.

Мы зашли въ два-три магазина, гдѣ торгуютъ почти исключительно тонкинскими произведеніями. Чуть только я сторговалъ подносъ и нѣсколько статуэтокъ, около меня завертѣлись трое или четверо длинноволосыхъ мальчишекъ, лѣтъ десяти, двѣнадцати, весь костюмъ которыхъ состоялъ изъ однихъ бѣлыхъ штановъ и пояса, на которыхъ прикрѣплена была спереди кожаная сумочка съ мѣдными бляшками, служащая вмѣсто портмоне и кармана. На плечѣ у каждаго висѣла, словно щитъ, круглая плетеная корзина. Едва приказчикъ завернулъ мои покупки, къ нимъ разомъ протянулось восемь рукъ, на перебой старавшихся перехватить добычу. Купецъ было крикнулъ на мальчишекъ, но они обступили меня, строя умильно просящія рожицы, и, показывая на свои корзины, лепетали: „Capitaine, une corbeille! Bon capitaine! Voyez quel panier, capitaine!“ *) Намъ объяснили, что это особый типъ сайгонскихъ уличныхъ мальчишекъ-аннамитовъ, которые промышляютъ единственно тѣмъ, что носятъ за европейцами ихъ покупки; поэтому они всегда толкутся предъ лавками и на базарахъ, валяются на землѣ около аркадъ и навѣсовъ, не взирая на ужасный солнопекъ.

Съ десяти часовъ утра и до трехъ пополудни въ городѣ прекращается всякая дѣятельность: не только люди, но и домашнія животныя, изнеможенныя зноемъ до полнѣйшей апатіи, погружаются въ

*) „Капитанъ, вотъ корзинка! Добрый капитанъ! Посмотрите, какая корзинка, капитанъ!“

спячку, при чемъ въ домахъ тщательно спущены жалюзи. Магазины и лавки, за исключеніемъ нѣсколькихъ китайскихъ мелочныхъ лавчонокъ, въ это время тоже запираются, а на улицахъ рѣдко-рѣдко когда видны только рабочіе—кули, не знающіе, кажется, ни отдыха, ни усталости, да еще рѣже провлачитъ свои ноги европеецъ подъ бѣлымъ зонтикомъ, выгнанный изъ дому развѣ какой-нибудь крайней, безотлагательною необходимостью.

Около четырехъ часовъ дня надъ Сайгономъ стали собираться тяжелыя, грозныя тучи, что и заставило насъ поспѣшить домой, пока еще не хлынулъ тропическій ливень. Вечеръ провели на верандѣ гостиницы, поневолѣ слушая концертъ гекко, цикадъ и лягушекъ, такъ какъ ни концертовъ, ни театра въ Сайгонѣ давно уже не бываетъ. Сайгонъ ложится спать рано: въ девять часовъ вечера всѣ улицы уже пусты, и только кое-гдѣ мелькаетъ свѣтъ одинокой лампы изъ-за зелени палисадника.

Въ три съ половиною часа ночи пароходъ нашъ отошелъ отъ пристани и тронулся въ путь, при помощи опытнаго лоцмана, который безъ особыхъ приключеній, хотя и черепашьимъ шагомъ, благополучно вывелъ его мимо всѣхъ мелей и перекатовъ въ устье Ме-конга. Къ шести часамъ утра мы подходили уже къ мысу св. Іакова. Здѣсь пристала къ нашему борту казенная шлюпка съ форменными аннамскими гребцами и приняла отъ насъ исполнившаго свою обязанность лоцмана.

Утро вставало ясное, покойное, величественное. Пурпурно-огненное солнце, испуская столбы розоватаго свѣта, расходящіеся радугами по холодному небу, подымалось къ намъ навстрѣчу изъ-за сѣро-стальной глади спокойнаго моря, чуть подернутаго вороненою предутреннею рябью. Холодныя тѣни ночи какъ бы не успѣли еще совсѣмъ слетѣть съ него, а бѣлыя чайки и рыбачьи паруса уже тамъ и сямъ мелькали вдали надъ водами.

Въ Тонкинѣ.

(Де-Воллана).

Мы плывемъ по рѣкѣ. Берега неинтересные, низменные, вода шоколаднаго цвѣта, и только въ одномъ изгибѣ рѣки показалась оригинальная Слоновая гора. Берегъ всплошную усаженъ бананниками и низкорослыми пальмами. Обработка полей—какъ и въ Японіи. Всѣ эти страны получили свою цивилизацію отъ китайцевъ, и потому, куда ни поѣдете на крайній Востокъ, вездѣ одни и тѣ же пріемы земледѣлія. Рисъ, маисъ, овощи составляютъ главный доходъ хозяйства. Есть тутъ

и шелковица, и маслины, въ видѣ хозяйственнаго подспорья. Въ ходу небольшой плугъ, въ который запряженъ буйволъ. Культура посредствомъ разсады и грядковая система; на одномъ полѣ, какъ мнѣ говорили, получаются двѣ жатвы. Въ деревняхъ дома большею частью глиняные съ соломенною крышей, но есть кирпичные дома, что считается уже признакомъ богатства у аннамитовъ. Лучшіе дома все-таки принадлежатъ китайцамъ, представляющимъ изъ себя торговый и промышленный классъ. Французы въ Тонкинѣ не вмѣшиваются въ управленіе страной; все въ рукахъ мѣстныхъ туземныхъ властей, которыя страшно грабятъ. И тутъ существуютъ государственные экзамены для полученія степени и мѣста на государственной службѣ. Не вмѣшиваясь въ администрацію страны, французскіе резиденты должны слѣдить за полученіемъ налоговъ, но многіе изъ нихъ, не зная языка, находятся въ рукахъ переводчиковъ, которые являются посредниками между ними и туземнымъ населеніемъ. Такое посредничество не обходится, конечно, даромъ. Вслѣдствіе этого резидентъ, знающій мѣстный языкъ, имѣетъ большой авторитетъ среди населенія и пріобрѣтаетъ свободу дѣйствій.

Ганой, несмотря на то, что это большой городъ (150 тысячъ туземцевъ) и административный центръ Тонкина, производитъ довольно жалкое впечатлѣніе. На самой главной улицѣ между хорошими домами попадаются жалкія лачуги въ самой непригляднойобстановкѣ. Грязь, присущая туземному кварталу, разумѣется, тутъ. На нѣкоторыхъ улицахъ увидишь только продавцовъ сухихъ лѣкарственныхъ травъ, на другихъ продаютъ вяленую рыбу, далѣе улица гробовъ, бамбуковая улица, гончарныхъ издѣлій или циновокъ. Отовсюду несетъ какимъ-то своеобразныхъ запахомъ мускуса, вяленой рыбы и т. д. Въ городѣ еще много прудовъ или маленькихъ озеръ, покрытыхъ тиной.

Движеніе на улицѣ большое. Больше всего видишь джиннерикшей съ ручными колясками и такія же телѣжки, какъ и въ Китаѣ, съ колесами изъ одного куска дерева, неуклюжими и скрипучими, такъ что ихъ услышишь за цѣлую версту. Въ толпѣ среди грязи и рубищъ выдѣляются иногда пышныя носилки какого-нибудь мандарина или довольно миловидныя аннамитки съ красными губками. Тутъ же снуютъ продавцы живности, ловцы креветокъ съ бреднями въ рукахъ, женщины въ плотно облегающемъ черномъ капотѣ. Изъ-подъ ногъ иногда выскакиваютъ свиньи, которыхъ очень много вывозятъ изъ Ганоя. Въ лавкахъ можно видѣть людей, работающихъ безъ устали. Все это сидитъ или лежитъ на цыновкахъ и работаетъ буквально не только руками, но и ногами. У аннамитовъ большой палецъ ноги оттопыривается отъ остальныхъ, и это качество оказывается очень полезнымъ для многихъ работъ и между прочимъ для лазанія по деревьямъ. Часто вы видите аннамитовъ, держащихъ ногами какой-нибудь кусокъ дерева, который

они выпиливаютъ. Проѣзжая по улицѣ, я поинтересовался узнать, чѣмъ кормятъ въ дешевыхъ ресторанахъ, и убѣдился, что аннамитская кухня мало чѣмъ отличается отъ китайской или японской. Все тотъ же рисъ съ приправами рыбы, морскія раковины, свинина, птица, овощи, морская капуста и всякая гадость. Спеціальностью аннамитовъ является „нюокнамъ"—родъ сои, сдѣланный изъ разложившейся рыбы, соленой воды и пряностей. Надо, чтобы эта масса перебродила, и въ жидкомъ видѣ эта главная приправа аннамитскихъ блюдъ своимъ ѣдкимъ вкусомъ напоминаетъ сыры, дошедшіе до послѣдняго градуса гніенія.

За исключеніемъ немногочисленныхъ дикихъ народностей, разбросанныхъ по всей территоріи Тонкина, Аннама и Кохинхины, главнымъ населеніемъ можно считать въ этомъ краѣ аннамитовъ, принадлежащихъ къ желтой расѣ. По типу они очень похожи на японцевъ, но языкъ у нихъ не имѣетъ ничего общаго съ японскимъ. Костюмъ аннамитовъ состоитъ изъ курточки и шароваръ. Волосы закручены въ шиньонъ, а нѣкоторые носятъ тюрбаны. Носятъ и конусообразную шляпу изъ бамбука или соломы; женская шляпа еще больше и похожа на опрокинутый плоскій подносъ. Туземцы всѣ жуютъ бетель и имѣютъ черные зубы. Нравы, обычаи и весь складъ жизни являются копіей съ китайскихъ образцовъ. Китай въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ вліялъ на жизнь Аннама, съ которымъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ. При дворѣ въ Гюэ (столица Аннама) и теперь образованные аннамиты должны знать китайскіе письменные знаки. Аннамитскій разговорный языкъ похожъ на китайскій и такъ же, какъ и онъ, отличается разнообразными интонаціями, благодаря которымъ измѣняется значеніе даннаго слова. Эта пѣвучесть разговорнаго китайскаго и аннамитскаго языковъ составляетъ главное затрудненіе для иностранцевъ. Китайскій элементъ, какъ я говорилъ уже раньше, очень силенъ въ этихъ краяхъ. Китайцы проникли и проникаютъ въ эту страну двоякимъ путемъ. Мирное переселеніе китайцевъ совершается большими массами моремъ въ порты Аннама, и тогда китайцы посредствомъ браковъ сливаются съ туземцами. Но существуетъ и воинственное нашествіе китайцевъ съ сѣвера. Банды вооруженныхъ китайцевъ или такъ называемые „Черные флаги" изъ Юннана нападаютъ на мирное населеніе сѣвернаго Тонкина, уводятъ женщинъ и дѣтей, и тоже, посредствомъ браковъ, правда насильственныхъ, сливаются съ мѣстнымъ населеніемъ.

Ганой тоже претендуетъ на званіе большого города, и поэтому долженъ имѣть мѣсто для прогулокъ и катаній. Въ пять часовъ вся здѣшняя знать въ экипажахъ стремится къ большому озеру—„къ великому Буддѣ". Дорога идетъ отчасти вдоль рѣки по большой насыпи, обса-

женной деревьями. Постройка, въ которой помѣщается статуя Будды, очень небольшая и страшно запущена. Еще видны слѣды прежней роскоши. Колонны покрыты краснымъ лакомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выдѣляются инкрустаціи на черномъ деревѣ изъ перламутра. Бронзовая статуя не особенно велика (5 аршинъ). Будда изображенъ сидящимъ съ поднятою вверхъ рукою, и въ отличіе отъ китайскихъ и японскихъ Буддъ мы видимъ его съ бородою и съ усами. Въ пагодѣ есть еще изваяніе слона, и у входа стражами храма стоятъ четыре статуи въ богатыхъ одѣяніяхъ.

Въ Ганоѣ процвѣтаютъ кафэ и уличная жизнь. Въ нашей гостинницѣ, которую нельзя похвалить за удобство и комфортъ, громадная зала и большая веранда на улицу. Все это пространство уставлено маленькими столиками и въ извѣстные часы полно народа.

Вечеромъ мы отправились въ аннамитскій театръ. Театръ построенъ наподобіе европейскаго, но гораздо меньше. Есть только ложи перваго и второго ярусовъ. Въ репертуарѣ имѣются историческія пьесы и драмы. Много пьесъ балаганнаго характера. Часто дѣло идетъ о борьбѣ за престолъ или объ освобожденіи какой-нибудь принцессы отъ злого генія, похитившаго ее. Нѣкоторые актеры и актрисы являются въ страшныхъ маскахъ и изображаютъ какихъ-то чудовищъ. Мужчины играютъ мужскія и женскія роли. Костюмы очень богаты. Дѣйствіе слѣдуетъ за дѣйствіемъ непрерывной чередой, и грани ихъ отдѣляются другъ отъ друга только тѣмъ, что на сцену съ обѣихъ сторонъ появляется процессія со знаменами и при встрѣчѣ актеры испускаютъ какіе-то дикіе вопли. Игра актеровъ совсѣмъ не натуральна, много декламаціи, крикливости, и какія-то странныя судороги. Интересно, когда на сценѣ бываютъ танцы, которые отличаются большою плавностью. О граціи, въ европейскомъ вкусѣ, тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Что касается оркестра, то это какой-то хаосъ звуковъ тамтама и гонга разныхъ сортовъ; впрочемъ, среди этого безобразнаго шума попадается иногда мелодичная фраза, но, къ сожалѣнію, она утомляетъ васъ частымъ повтореніемъ.

Въ незнакомой мнѣ странѣ меня всегда интересуетъ деревенская жизнь, такъ какъ только тамъ можно узнать весь обиходъ мѣстнаго населенія. Мои кули уже съ разсвѣта ожидали меня съ маленькой колясочкой и, одѣтые налегкѣ, на босу ногу, какъ и всѣ аннамиты, быстро вывезли меня за городъ. По большой дорогѣ неустанное движеніе пѣшеходовъ. Можно наблюдать, такъ сказать, приливъ и отливъ поселянъ, несущихъ въ городъ для продажи свои произведенія. Въ городъ идутъ они нагруженные овощами, фруктами, птицей, бамбуками, кирпичомъ, глиняными издѣліями и матеріями. Все это несется или въ

корзинахъ на коромыслѣ, или везется въ тачкахъ съ колесомъ изъ цѣлаго куска дерева. Для перевозки тяжести не увидишь лошадей или рабочаго скота. Все люди и люди. Рабочій скотъ теперь занятъ на поляхъ. Въ одномъ мѣстѣ буйволъ по брюхо въ грязи и водѣ растаптываетъ глинистый грунтъ и тащитъ за собою грабли. Въ другомъ — буйволъ или коровенка пашетъ маленькимъ плугомъ. Немного дальше аннамитъ разрыхляетъ почву цапкою. Во многихъ мѣстахъ поселяне пересаживаютъ рисовую разсаду. Работа кипитъ вездѣ. Тутъ разбрасываютъ солому по полямъ, тамъ собираютъ ее въ кучу для топлива. Способы удобренія тѣ же, какъ и въ Китаѣ. Удобреніе собираютъ въ резервуары, и оттуда въ жидкомъ видѣ поливаютъ почву. Воду поднимаютъ изъ одной полосы въ другую съ помощью бамбуковаго ковша. Изъ города въ деревню идутъ большею частью съ пустыми корзинами, но попадаются иногда люди, которые несутъ товары въ деревню.

Но странно одно: деревень не видать. На большой дорогѣ попадаются какіе-то шалаши на тонкихъ жердочкахъ, прикрытые соломой или бамбукомъ. Все это устроено для проѣзжихъ, и въ каждомъ шалашѣ имѣется рисъ, чай, бетель, простыя глиняныя трубочки, фрукты, рѣдька и т. д. Устройство внутри самое простое. Вмѣсто стола возвышеніе изъ глины квадратной формы, а по бокамъ такія же скамьи изъ глины или камня. Все это прикрыто цыновками. Эти ресторанчики открыты только днемъ, ночью эти навѣсы безъ оконъ и дверей остаются пустыми, потому что хозяева ихъ идутъ въ свои деревни. Сначала я принялъ эти временныя помѣщенія за настоящую аннамитскую деревню. Недалеко отъ этихъ шалашей были какіе-то лѣса. Но вскорѣ я убѣдился въ томъ, что ошибся. Деревня въ Тонкинѣ устроена на особый ладъ. Она вся густо обсажена деревьями, бамбуками, окружена глубокими рвами, какъ настоящая крѣпость, и войти въ нее дѣло не легкое. Издали вы примете тонкинскую деревню за лѣсъ. Подойдите къ ней вплотную, и не узнаете, гдѣ тутъ войти. Входъ очень искусно замаскированъ вьющимися растеніями, и только свой человѣкъ среди этой чащи деревьевъ отыщетъ маленькую тропинку, которая ведетъ отъ одного дома къ другому. Въ тонкинской деревнѣ нѣтъ ничего похожаго на нашу улицу. Каждый домъ также представляетъ собою нѣчто въ родѣ крѣпости, окруженъ деревьями, рвами, и запутаться среди этого лабиринта домовъ очень легко. Какъ только стемнѣетъ, все населеніе деревни спѣшитъ въ деревню, входитъ въ одну изъ прогалинъ среди бамбуковъ, и входъ тщательно задѣлываютъ изгородью, а безопасность деревни поручается сторожу и собакамъ. Всѣ эти предосторожности устроены потому, что нападзды разбойниковъ здѣсь не рѣдкость, а французы администраторы помочь этому горю не могутъ, такъ какъ войска не хватитъ, да и разбойничество пустило слишкомъ глубокіе корни въ народѣ.

Желая познакомиться съ обстановкой поселянина, я пошелъ въ деревню. Собаки подняли страшный лай, когда я по извилистой тропинкѣ пробирался изъ одного дома въ другой. Дома большею частью изъ глины и покрыты соломой. Обстановка внутри очень бѣдная, что не мудрено при постоянныхъ набѣгахъ грабителей. Въ нѣкоторыхъ домахъ единственная роскошь состояла въ разрисованныхъ ширмахъ. Въ болѣе богатыхъ домахъ по серединѣ комнаты стоитъ широкая четырехугольная кровать, на которой аннамитъ спитъ и принимаетъ пищу. Питается онъ рисомъ съ помощью деревянныхъ палочекъ. Пищу онъ принимаетъ, лежа на возвышеніи, которое покрыто циновками. Это деревянное возвышеніе ставится перпендикулярно къ маленькой божницѣ, въ которой аннамитъ приноситъ жертву своимъ предкамъ. На этомъ деревянномъ возвышеніи помѣщается хозяинъ и почетный гость. Менѣе почетные члены семьи должны довольствоваться скамейкой передъ столомъ. Челядь и остальная семья находятся въ сосѣдней комнатѣ.

Въ религіозномъ отношеніи аннамиты мало чѣмъ отличаются отъ китайцевъ; напримѣръ, у нихъ такой же культъ предковъ. Аннамитка отличается порядкомъ и на ней лежитъ главная забота о семьѣ. Свадебные обычаи не сложны. Послѣ подарковъ жениха родителямъ невѣсты молодые садятся на циновку и жуютъ совмѣстно бетель.

Пока я расхаживалъ по деревнѣ, меня сопровождали любопытные и немного испуганные аннамиты. Зачѣмъ ему это нужно?—думали они, вѣроятно. Не новые ли поборы? Французское правительство, насколько это возможно, старается охранить населеніе отъ вымогательствъ мандариновъ, но это дѣло очень трудное, потому что туземцы еще подчинены своимъ властямъ и только въ крайнемъ случаѣ могутъ обращаться къ защитѣ французскаго резидента.

Сіамцы.

(Де-Воллана).

Первое, что бросается въ глаза при взглядѣ на сіамца,—это его костюмъ, до крайности простой и легкій. Обыкновенно онъ состоитъ только изъ „сампота“,—куска матеріи, опоясаннаго вокругъ бедеръ.

Женщины, кромѣ сампота, еще имѣютъ шарфъ, который накидываютъ на плечи. У мужчинъ вмѣсто этого имѣется бѣлый платокъ, которымъ они вытираютъ потъ, обвязываютъ голову или накидываютъ его на шею. Сіамцы высшихъ классовъ носятъ куртку со стоячимъ воротникомъ, и парадныя куртки дѣлаются изъ тяжелой шелковой матеріи и даже изъ индійской парчи. Послѣдній костюмъ въ этомъ климатѣ гораздо прак-

тичнѣе и красивѣе, чѣмъ наши мундиры, которые уже приняты сіамскимъ дворомъ.

По типу сіамцы мало отличаются отъ другихъ народностей монгольской расы, но между ними встрѣчаются люди съ правильными чертами кавказскаго типа. По росту и сложенію они очень напоминаютъ японцевъ. Они очень любятъ золотыя украшенія и разные талисманы.

Сіамская дѣвочка.

У богатыхъ дома уже на китайскій ладъ, изъ досокъ или изъ кирпича и покрыты черепицей. Домъ богатаго сіамца состоитъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ: одинъ для пріема, другой для женщинъ, для рабовъ и для кухни. Мебель въ домѣ отсутствуетъ. Въ сіамскомъ хозяйствѣ имѣются цыновки, нѣсколько лавокъ, потомъ деревянная эстрада выше пола, служащая вмѣстѣ съ тѣмъ постелью. Къ этому надо прибавить подушки, пологъ, корзины, мѣдную и глиняную посуду—и вотъвсе имущество сіамца. У богатыхъ сіамцевъ уже въ ходу рѣзная мебель китайскаго образца, ковры, дорогое оружіе и т. д.

Сіамская кухня отличается отъ китайской тѣмъ, что въ ней преобладаютъ пряности и пикантные соусы. Хлѣба они, подобно китайцамъ, не потребляютъ. Любятъ они и рыбу, достигшую разложенія и опущенную въ разсолъ. Къ этому они прибавляютъ перецъ, мяту, молодые ростки манговыхъ и апельсинныхъ деревьевъ. Они очень любятъ соленыя утиныя яйца, которыя заготовляютъ впрокъ, прикрывая ихъ массой золы и соли. Послѣ десяти дней солки яйца могутъ сохраняться

въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Обѣдъ происходитъ на полу на циновкѣ, и сіамцы ѣдятъ съ помощью палочекъ; простолюдины ѣдятъ руками всѣ изъ одного блюда. Церемоніалъ обѣда такой же, какъ и въ Индіи: прежде обѣдаетъ старшій въ домѣ, а затѣмъ домочадцы по старшинству и по порядку. Обѣдъ проходитъ въ полномъ молчаніи и кончается очень скоро. Самый употребительный напитокъ—чай, который вливаютъ въ рисъ. Чай пьется холодный и на китайскій ладъ. Крѣпкимъ напиткомъ считается рисовая водка. Продажа рисовой водки и опіума составляетъ монополію правительства и отдается на откупъ китайцамъ.

Сіамцы много курятъ и всѣ поголовно жуютъ бетель. Зубы у нихъ отъ этого совсѣмъ черные, но это считается въ Сіамѣ очень красивымъ. Сіамцы, подобно японцамъ, очень чистоплотны и купаются по нѣскольку разъ въ день.

Дѣтямъ выбриваютъ волосы на головѣ, оставляя маленькій кружокъ волосъ. Обыкновенно на этомъ кружкѣ они носятъ кольцо изъ бусъ. Когда ребенокъ становится взрослымъ, кружокъ этотъ сбривается, и это большой праздникъ къ сіамскомъ семействѣ. Послѣ этого мальчика обыкновенно посылаютъ въ ученіе бонзамъ. Юноша проводитъ нѣкоторое время въ храмѣ и даже дѣлается иногда бонзой. Китайцы, очень многочисленные въ Сіамѣ, подчиняются также этому обычаю. Несмотря на это, сіамцы смотрятъ съ презрѣніемъ на китайцевъ и берутъ съ нихъ извѣстную подушную подать; но это не мѣшаетъ китайцамъ обдѣлывать свои дѣла и забирать въ руки торговыя операціи страны. Нельзя также отрицать вліянія китайской культуры на сіамскіе нравы.

Сіамскій народъ называетъ себя „тай“, или свободными людьми; но въ странѣ этихъ „свободныхъ“ людей процвѣтаетъ рабство. Прокутился, проигрался человѣкъ и продаетъ себя въ рабство. Рабы цѣнятся около 60-ти тикаловъ (тикалъ—60 коп. на наши деньги).

Сіамскій языкъ, подобно китайскому, принадлежитъ къ семейству односложныхъ языковъ. Только слова иностраннаго происхожденія многосложны. Китайскій, аннамитскій и сіамскій языки отличаются обиліемъ удареній, интонацій и принадлежатъ къ пѣвучимъ языкамъ. Если по обилію интонаціи сіамскій языкъ подходитъ къ китайскому, то по своей азбукѣ онъ сходенъ съ языками Индіи. Въ сіамскомъ языкѣ очень много индусскихъ словъ, и образованные сіамцы обыкновенно знаютъ священный языкъ индусовъ.

Господствующая въ Сіамѣ религія—буддизмъ. Бонзы называются еще „пра“, т.-е. великіе. Одежда ихъ такая же, какъ и въ Цейлонѣ, т.-е. желтый плащъ, такой же самотъ, шарфъ и поясъ.

Лѣвое плечо у нихъ всегда обнажено. Голова бритая и выбритыя брови.

Когда кто хочетъ сдѣлаться буддійскимъ монахомъ, то его одѣваютъ,

какъ покойника, въ бѣлое и съ музыкой провожаютъ до монастыря. Для пріема надо быть здоровымъ, достигнуть двадцатилѣтняго возраста, получить согласіе родителей, не имѣть долговъ и быть въ здравомъ умѣ и твердой памяти.

Многіе дѣлаются монахами только на короткій срокъ. Умирающій долженъ снять съ себя желтую одежду, дабы смертью не осквернить ея.

Въ буддійскихъ монастыряхъ есть своя іерархія. Высшее духовенство находится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ принца, назначеннаго королемъ, и малѣйшее уклоніе отъ монастырскихъ правилъ очень строго наказывается. Правилъ этихъ безчисленное множество и если исполнять ихъ, то нельзя было бы жить ни одного дня. Буддійскій монахъ не можетъ варить риса, потому что въ рисѣ есть жизнь. Чтобы не убить какое-нибудь микроскопическое животное, они должны пить черезъ полотняную тряпку. Несмотря на строгость этихъ правилъ, монахъ только три мѣсяца въ году долженъ прожить въ монастырѣ, остальное же время онъ можетъ странствовать, гдѣ ему вздумается.

Многіе изъ монаховъ живутъ подаяніемъ. Приношенія бываютъ очень щедрыя и монахамъ живется очень недурно. Они пользуются большими привилегіями, не платятъ податей и избавлены отъ всякой барщины. Если рабъ захочетъ быть монахомъ, то господинъ даетъ ему свободу; это показываетъ, какимъ уваженіемъ и авторитетомъ пользуются монахи.

Черезъ южный Сіамъ.

(Де-Воллана.)

Чтобы видѣть знаменитыя развалины старинаго Ангкоръ - Ватскаго храма, находящіяся въ Сіамѣ, въ провинціи Семъ-Ракъ, надо подняться вверхъ по одному изъ рукавовъ Ме-конга, соединяющихъ нижнее теченіе этой громадной рѣки съ большимъ, но довольно мелководнымъ озеромъ; западная половина послѣдняго принадлежитъ Сіаму, а восточная—Камбоджѣ,—небольшому государству, находящемуся въ вассальной зависимости отъ Франціи.

По рѣкѣ и по восточной половинѣ озера мы плыли на пароходѣ, но западная часть его такъ мелка, что приходится продолжать путешествіе въ лодкахъ.

Еще солнце не вставало, когда наша лодка была готова. Мы стали усаживаться.

Надо было помѣститься кое-какъ въ небольшой лодкѣ; кто сѣлъ на ящикъ, кто на кулекъ. Холодно, сыро и темно; плывемъ очень тихо мимо низкаго бирега, заросшаго кустарниками. Рыбы въ озерѣ очень

много, и въ извѣстное время здѣсь для рыбной ловли собирается населеніе въ 50 тысячъ душъ. Рыбная ловля отдается правительствомъ на откупъ.

Наконецъ мы вошли въ узенькую рѣчку и съ трудомъ пробрались среди отмелей, кустарниковъ и нависшихъ надъ нами вѣтвей. Въ маленькой деревушкѣ, съ домами на сваяхъ, мы должны были пересѣсть въ крохотныя лодки, имѣющія форму нашей душегубки, только съ крышей; благодаря этой крышѣ, просто не знаешь, какъ устроиться. Захочешь сѣсть—стукаешься объ навѣсъ, а лежать тоже неудобно: не знаешь, куда дѣвать ноги.

Наше прибытіе всполошило все молодое поколѣніе деревни, столпившееся на берегу. Большинство отличается отсутствіемъ костюма; особенно бросаются въ глаза дѣти съ безобразно большими животами.

Воды мѣстами такъ мало, что лодочники влѣзаютъ въ воду и подталкиваютъ лодки. Мѣста ровныя; бываетъ и такъ, что ширина рѣки въ одну саженъ, а въ другихъ и того меньше, и лодочники маневрируютъ съ большимъ искусствомъ, чтобы не запутаться въ зарослях и кустарникахъ.

Вотъ черезъ рѣку переходитъ цѣлый транспортъ въ воловьихъ повозкахъ. Это какой-то богатый бирманскій купецъ, торгующій самоцвѣтными камнями.

Единственное развлеченіе доставляютъ намъ птицы всѣхъ родовъ — пеликаны, цапли, утки и т. д. Откуда только онѣ берутся, такое ихъ множество. Въ иныхъ мѣстахъ все бѣло, точно послѣ выпавшаго снѣга. При видѣ нашихъ лодокъ онѣ даже не трогаются и нехотя уступаютъ намъ свое мѣсто.

Часа черезъ четыре мы добрались до другой деревни, которая уже тянется вдоль по берегу въ теченіе нѣсколькихъ часовъ вплоть до самаго города Семъ-Рапа. Всѣ дома своими фасадами выходятъ къ рѣкѣ. Каждый домъ окруженъ садомъ, огородомъ и полями. Отойдите подальше отъ рѣки—и тамъ уже начинаются непроницаемыя джунгли. На каждомъ шагу попадаются водоподъемныя колеса для орошенія полей. Устройство этихъ колесъ очень простое: они снабжены бамбуковыми трубками, воспринимающими воду и выливающими ее въ длинный жолобъ. Колесо приводится въ движеніе рѣкой, и для этого рѣка перегораживается съ двухъ сторонъ плетнемъ; остаются такимъ образомъ очень узкія ворота, въ которыя не всегда удобно попасть. Какъ ни старается нашъ лодочникъ попасть въ ворота, но достаточно одного мгновенія, и лодка, унесенная теченіемъ, натыкается на плетень и тѣмъ же теченіемъ уносится обратно. И это удовольствіе на каждомъ шагу, потому что каждому нужна вода для орошенія полей и огородовъ.

Иногда по дорогѣ, среди убогихъ построекъ на сваяхъ, попадаются

дома богачей, пагоды, украшенныя башенками, обширные сады со стройными пальмами, подъ тѣнью которыхъ гуляютъ бонзы въ желтыхъ тогахъ.

Наконецъ мы добрались до резиденціи губернатора.

Я не хотѣлъ повѣрить сначала, что это домъ губернатора; это какая-то полуразрушенная изба на сваяхъ и подъ соломенной крышей. Полъ изъ плетенокъ, какъ у всякаго заурядnаго крестьянина, и вмѣсто лѣстницы какія-то тоненькія, кругленькія палочки, по которымъ еще не такъ скоро выучишься ходить. Туземцамъ съ босыми ногами еще ничего, а намъ въ башмакахъ еще надо привыкнуть къ такой гимнастикѣ.

Губернаторъ оказался очень непредставительнымъ. Костюмъ его состоялъ изъ грязной бѣлой куртки съ металлическими пуговицами и изъ сампота *). Ноги грязныя и босыя.

Намъ подали стулья, которые на зыбкой плетенкѣ оказались очень неудобными и неустойчивыми. Послѣ передачи письма отъ резидента я подарилъ губернатору нѣсколько бутылокъ вина, ликеровъ, и мой переводчикъ далъ ему наставленіе, какъ откупоривать бутылку шампанскаго. Губернаторъ тоже не остался въ долгу и угостилъ меня молокомъ кокосоваго орѣха—очень прохладительнымъ напиткомъ при здѣшней жарѣ. Одинъ изъ мандариновъ на колѣняхъ прочелъ губернатору письмо резидента, другой подавалъ ему бетель, а третій писалъ что-то подъ его диктовку. Я не могъ безъ отвращенія смотрѣть на губернатора, жующаго съ наслажденіемъ бетель и выплевывающаго кроваво-красную жидкость въ сосудъ, подносимый однимъ изъ мандариновъ.

Съ самаго перваго шага въ Сіамѣ уже начались затрудненія всякаго рода. И ѣхать-то нельзя сейчасъ,—нѣтъ повозокъ, людей тоже нѣтъ, да и маршрутъ надо измѣнить, и все въ этомъ родѣ. Надо было запастись прежде всего терпѣніемъ. Начались длинные разговоры; оказалось, что о Европѣ и Россіи губернаторъ имѣлъ очень смутное понятіе и воображалъ, что въ Россіи живутъ какіе-то великаны.

Простившись съ губернаторомъ, мы отправились въ отведенное намъ „сала“. Такъ называется навѣсъ на сваяхъ, открытый съ трехъ сторонъ. Четвертая сторона забрана очень примитивно тонкими прутьями.

Прощаясь, губернаторъ обѣщалъ приготовить повозки для насъ и для вещей черезъ полчаса, но проходитъ часъ, другой, а повозокъ все нѣтъ. Ужъ ночь спустилась надъ деревней, кое-гдѣ вспыхиваютъ огоньки, слышны какіе-то крики, а мы все ждемъ.

Взошла луна, и все сразу перемѣнилось: исчезла грязь, развалившіеся дома и все подернулось легкимъ флеромъ. Деревушка, утонувшая въ мягкомъ сіяніи луны, красивыя пальмы, рѣка, отливающая серебромъ—все такъ и просится на полотно.

---

*) Кусокъ матеріи, опоясанный вокругъ бедеръ.

Но вотъ началась запряжка, нагрузка.

Для вещей были приготовлены тяжелыя арбы, въ которыя запряжены были буйволы. Для меня и моего переводчика были заготовлены легкія двухколески, на которыхъ надо было сидѣть скрестивъ ноги, по-турецки. Удивила меня всего больше упряжка: вожжи проведены черезъ поздри бычковъ, очень маленькихъ, но чрезвычайно прыткихъ. Эти бычки тренируются для скачекъ, и какъ только мы сѣли, они понесли насъ съ мѣста въ карьеръ. Мимо насъ промелькнули укрѣпленный замокъ Семъ-Рапъ, весь окутанный тропическою растительностью, полуразрушенные бастіоны и башни. Затѣмъ исчезла деревня, и мы погрузились въ дебри тропическаго лѣса. И чѣмъ дальше, тѣмъ гуще и темнѣе становился лѣсъ. Только изрѣдка среди величавыхъ пальмъ выглянетъ луна, и на сердцѣ станетъ какъ-то легче. Но это не надолго, опять кромѣшная тьма и какъ-то жутко на душѣ. Остальныя повозки остались далеко позади, и мы одни, т.-е. я и мандаринъ, ѣдущій со мной, окруженные облаками пыли, бѣшено скачемъ по тропическому лѣсу, не обращая вниманія на громадные пни, колдобины, вѣтви и сучья, которые загораживаютъ дорогу. Мандаринъ гикнетъ какъ-то особенно, — и бычки несутся, точно за ними гонится цѣлый звѣринецъ.

Вдругъ луна освѣтила какого-то громаднаго звѣря, готоваго броситься на насъ. Къ счастію, это только каменный левъ, стоящій на стражѣ Ангкоръ-Вата.

Мой мандаринъ слѣзъ, и наше двухколеска загромыхала по каменнымъ ступенямъ лѣстницы.

Вотъ и знаменитое шоссе, приподнятое надъ окружающею мѣстностью на цѣлую сажень. Это широкое шоссе, выложенное крупными каменными плитами; а съ боковъ, тоже изъ цѣльнаго камня, сдѣлана стѣна, украшенная на всемъ протяженіи барельефами и изваяніями. Когда-то это шоссе тянулось на десятки миль, но теперь все заглохло въ могучихъ объятіяхъ тропической растительности. Въ здѣшнемъ климатѣ любое громадное зданіе изъ самаго прочнаго матеріала, изъ саженныхъ камней, въ нѣсколько лѣтъ, безъ ремонта, обращается въ груду развалинъ. Въ первый годъ по камню полѣзутъ разныя вьющіяся растенія; немного позднѣе вырастетъ маленькій кустарникъ, деревцо, которое корнями своими раздвигаетъ понемногу камни; еще нѣсколько лѣтъ, и постройку не узнаешь: своды провалились, и вмѣсто красивой башни передъ вами какой-то непонятный хаосъ. Проходя мимо бывшихъ построекъ, вы и не догадаетесь, что тутъ похоронены усилія многихъ поколѣній, что въ этой непроницаемой сѣткѣ ліанъ подъ тонкимъ слоемъ земли хранятся изваянія, барельефы и памятники давно погибшей цивилизаціи.

Какое-то трепетное чувство овладѣло мною, когда я въ первый разъ

при лунномъ свѣтѣ увидѣлъ красивые портики, колоннады и пирамиды Ангкоръ-Ватскаго храма. Я сознавалъ, что передо мной великое созданіе человѣческаго генія, въ родѣ Партенона, Баальбека, Луксора или Мадуры. И рядомъ съ этими чудными памятниками зодчества какіе-то жалкіе соломенные шалаши, обитаемые бонзами, которыхъ насчитывается до пятидесяти человѣкъ.

Развалины были совсѣмъ близко, видны были контуры величественныхъ зданій, но все это пришлись позабыть и позаботиться о ночлегѣ. Хорошо еще, что для ночлега оказался шалашъ, открытый со всѣхъ сторонъ. Цѣлый часъ, а можетъ быть и больше, пришлось въ темнотѣ прождать остальной транспортъ. А тамъ начали разводить огонь, варить рисъ, раскладывать тюфяки и распаковывать вещи. Люди суетились, хлопотали; собаки, разбуженныя необычнымъ шумомъ, лаяли безъ умолку. Наконецъ все стихло и погрузилось въ сонъ.

Утромъ я съ нетерпѣніемъ ожидалъ осмотра великолѣпнаго зданія. Своими размѣрами храмъ въ Ангкоръ-Ватѣ превосходитъ значительно Карнакскій храмъ въ Египтѣ. Сначала идетъ эспланада, окруженная громадными драконами о девяти головахъ, потомъ искусственный прудъ съ набережной; мостъ черезъ этотъ прудъ ведетъ къ красивой галлереѣ съ колоннами. Въ срединѣ этой колоннады три башни для входа и такія же башни у концовъ галлереи.

Пройдемъ еще мостъ въ тридцать саженъ, и передъ нами, на фонѣ яркой зелени бамбуковъ, кокосовыхъ пальмъ, вдругъ вырастаетъ сѣроватая исполинская, пирамидальная масса Ангкоръ-Ватскаго храма. Это не одно зданіе, а цѣлое собраніе колоннадъ, гопуррамовъ *), построенныхъ по одному гармоническому плану. Все это расположено террасами въ три яруса. Сначала четырехугольникомъ идетъ колоннада въ 340 саженей (85 саженъ съ каждой стороны) съ портиками по серединѣ и по бокамъ. Внутри ея вторая колоннада, съ четырьмя гопуррамами на концахъ, уже меньшихъ размѣровъ. Дальше внутрь, за ней, высокая лѣстница ведетъ къ третьей галлереѣ съ такими же башнями, а въ самомъ центрѣ возвышается высочайшій гопуррамъ.

Всѣ эти колоннады обработаны до малѣйшихъ подробностей. Стѣны, колонны, портики дверей, цоколи и своды—все снизу до самаго верху украшено барельефами. Это большею частью битвы, процессіи и сцены изъ Рамаяны. Нѣкоторыя фигуры отъ прикосновенія многочисленныхъ посѣтителей отполировались точно мраморъ. На другихъ изваяніяхъ видны слѣды красокъ и позолоты.

Все сооруженіе изъ цѣльнаго и массивнаго камня. Особенно искусно сдѣланы своды изъ подковообразныхъ камней. Крыша тоже каменная,

*) Башни, украшенныя барельефами.

съ красивыми рѣзными выступами. Чего тутъ только нѣтъ! Гирлянды цвѣтовъ, жемчугъ, арабески съ маленькими фигурками и тысячи мелочей, превращающихъ камень въ настоящее кружево. Выработка деталей составляетъ нѣчто изумительное. Грандіозные гопуррамы въ восемь этажей украшены сверху до низу статуями.

Проходя по одной изъ галлерей, мы уже издали слышали какое-то жужжаніе. Подходимъ ближе и оказывается, что надо сѣлать обходъ: вся пирамида занята безчисленнымъ множествомъ летучихъ мышей.

Пройдя первую колоннаду, мы вышли въ большой дворъ; отсюда четырнадцать лѣстницъ ведутъ на вторую террасу. Изъ главнаго выхода второй террасы и колоннады мы попали на дворъ меньшихъ размѣровъ и передъ нами выросли лѣстницы, по три съ каждой стороны. Сто четыре льва расположены по бокамъ лѣстницъ. Подняться по этимъ лѣстницамъ дѣло не очень легкое, если принять въ соображеніе, что ступени эти вышиной въ цѣлый аршинъ. Отъ времени ступени поразрушились и рискуешь каждую минуту сломать себѣ шею... Съ самой верхней галлереи открывается грандіозный видъ на всѣ эти колоннады, на искусственные пруды, мосты, обширный паркъ и безконечный тропическій лѣсъ.

Въ самой срединѣ возвышается пирамидальная башня въ формѣ митры, украшенная статуями боговъ и звѣрей. Высота этой башни 32 сажени *). Въ срединѣ ея маленькая пустая комната; это святилище. Въ одной изъ башенъ собраны статуи Будды и другихъ индусскихъ боговъ. Отсутствіе жилыхъ комнатъ показываетъ ясно, что это было не жилище царей, а колоссальный храмъ.

Грандіозные размѣры, безконечныя колоннады, роскошь и великолѣпіе аксессуаровъ, позолота—все это должно было дѣйствовать подавляющимъ образомъ на воображеніе паломниковъ. Да и теперь туземцы, глядя на Ангкоръ-Ватъ, говорятъ, что это построили не люди **), а боги.

Послѣ осмотра храма надо было поневолѣ сидѣть дома, то-есть въ шалашѣ, открытомъ со всѣхъ сторонъ, сидѣть на полу и заботиться о разныхъ мелочахъ. Прежде всего приходится думать о водѣ, которую надо пропустить черезъ фильтръ и потомъ вскипятить. Кокосовыхъ орѣховъ много, и лучшаго прохладительнаго напитка выдумать нельзя. Съ большимъ трудомъ добыли мы свѣжей рыбы и огурцовъ. Вотъ и весь завтракъ. Съ нашимъ китайцемъ-поваромъ все время происходятъ разныя приключенія: то онъ побранится съ кѣмъ-нибудь, то вдругъ провалится въ полу по поясъ, такъ что его съ трудомъ вытащишь. Какъ

---

*) То-есть почти столько же, сколько колокольня Ивана Великаго въ Москвѣ.

**) Ангкоръ-Ватскій храмъ выстроенъ исчезнувшею народностью—хмерами, которымъ принадлежала раньше Камбоджа.

уже сказано, полъ здѣсь сдѣланъ изъ тонкихъ прутиковъ, сплетенныхъ вмѣстѣ. Отъ времени прутики сохнутъ, теряютъ свою эластичность и расходятся. Вещи, если вы не остережетесь, такъ и проваливаются. Да и самъ бросаешь все ненужное внизъ, а тамъ цѣлая стая голодныхъ псовъ, которые ждутъ подачки.

Приходили къ намъ бонзы; всѣ они такіе жалкіе, голодные и пришибленные. Контрастъ слишкомъ рѣзокъ между ихъ жалкими шалашами, ихъ жизнью впроголодь и монументальными дворцами всемогущаго Брамы.

Все утро, пока я вставалъ, и позднѣе цѣлый день слышались заунывныя молитвы бонзъ, прерываемыя звуками тамъ-тама. Лишь къ полудню успокаиваются бонзы, и все окружающее повергается въ сонъ. Только куры и пѣтухи не могутъ успокоиться и поютъ во все горло. Днемъ жарко, а ночью въ шалашѣ очень и очень свѣжо, такъ что приходится запасаться нѣсколькими одѣялами.

Осмотрѣвши основательно Ангкоръ-Ватскій храмъ мы возвратились въ Семъ-Рапъ. Отсюда нашъ путь лежалъ на городъ Батамбагъ и дальше черезъ весь южный Сіамъ.

Выѣхали мы опять въ лодкахъ. Предупрежденный о моемъ пріѣздѣ, батамбангскій губернаторъ былъ такъ любезенъ, что прислалъ мнѣ навстрѣчу маленькій катеръ и цѣлую толпу безполезныхъ людей. Вмѣсто того, чтобы приготовить все, они, конечно, смѣялись, балагурили, а когда мы подъѣхали, то надо было еще нѣсколько часовъ разводить пары.

Берега рѣки низменные. Навстрѣчу намъ попадаются очень часто джонки и лодки. Вдоль рѣки непрерывное поселеніе, которое тянется въ теченіе четырехъ часовъ. Дома здѣсь какъ будто выше и богаче, хотя постройки такого же характера, какъ и раньше, на высокихъ сваяхъ.

Рыбы много, она такъ и прыгаетъ изъ воды. Мальчишки, составивши кругъ, плещутся въ водѣ и гонятъ всю рыбу къ человѣку, стоящему у берега съ сѣтчатымъ рѣшетомъ.

Изъ рѣки то и дѣло торчатъ головы буйволовъ, которые въ жаркое время дня по цѣлымъ часамъ пребываютъ въ водѣ. При видѣ лодки они бросаются въ сторону.

Въ 2 часа дня мы подошли къ Батамбангу; это довольно хорошенькій городокъ, расположенный на берегу рѣки. Въ обыкновенное время населенія около 25 тысячъ, но во время рыбной ловли число это значительно увеличивается.

Для меня было приготовлено помѣщеніе, открыто со всѣхъ сторонъ и выходящее прямо на улицу. Тутъ была поставлена кровать, диванъ съ твердою спинкой изъ дерева съ инкрустаціей и съ мраморнымъ сидѣніемъ (продуктъ самаго утонченнаго китайскаго вкуса). Собственникомъ этого помѣщенія оказался богатый китаецъ, держащій на откупу опіумъ, азартныя игры и спиртные напитки.

Оставаться въ такомъ помѣщеніи было почти немыслимо. Толпа туземцевъ, обрадовавшись даровому зрѣлищу, обступила этотъ красивый павильонъ, и избавиться отъ назойливости любопытныхъ нѣтъ никакой возможности. Поэтому вскорѣ по прибытіи отправился съ визитомъ къ мѣстному губернатору.

У воротъ крѣпости босоногая гвардія батамбангскаго губернатора отдала намъ честь, и мы въѣхали съ большимъ шикомъ въ обширный дворъ. Губернаторъ встрѣтилъ меня у подъѣзда своего дома въ мундирѣ со звѣздой. По всему видно, что онъ получилъ болѣе утонченное воспитаніе, чѣмъ его семъ-рапскій сосѣдъ.

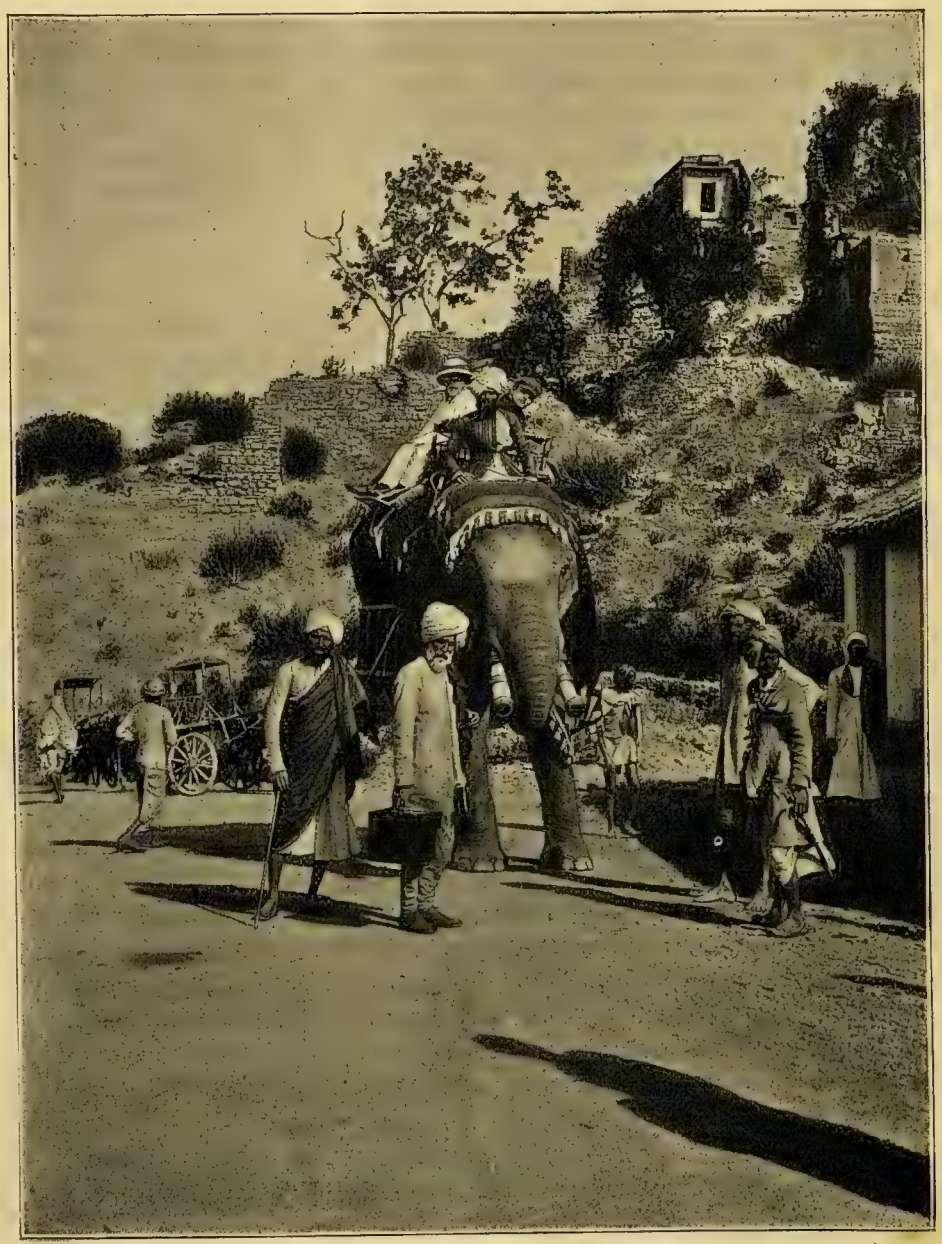
Да и помѣщеніе его гораздо роскошнѣе. Открытая зала съ колоннами довольно большихъ размѣровъ и построена на европейскій ладъ съ хорошимъ поломъ. Неизбѣжные плевательница и сосудъ для бетеля золотые, довольно тонкой работы.

Губернатору и мнѣ были поставлены стулья на особомъ возвышеніи. Остальные сидѣли полукругомъ на полу и почтительно внимали словамъ своего повелителя. Поблагодаривъ его за любезный пріемъ, я поднесъ ему свои подарки. Затѣмъ, наговоривъ другъ другу кучу любезностей, мы разстались. Я вернулся къ себѣ и началъ разбирать свои вещи.

Но только что я началъ устраиваться, какъ каждую минуту являлся гонецъ отъ губернатора; сначала одинъ внукъ принесъ на серебряномъ подносѣ сіамскія сласти (однѣ въ родѣ нашей нуги, другія похожи на желе); потомъ каждый часъ приносили что-нибудь: то стулъ, то лампу, то скатерть на столъ или диванъ.

Въ концѣ-концовъ губернаторъ простеръ свою любезность до того, что предложилъ мнѣ совершить путь черезъ всю свою провинцію на слонахъ. Я, разумѣется, согласился. Рѣшено было, что вмѣстѣ со мной поѣдетъ губернаторъ сосѣдней провинціи.

Еще солнце не вставало, какъ насъ уже ждали слоны для поѣздки. Громадныя животныя въ сумракѣ ночи казались особенно внушительными. Взбираться на слоновъ довольно трудно. Два человѣка подставляютъ вамъ подъ ноги доску или палку и на такой палкѣ поднимаютъ васъ на высоту. Нужны нѣкоторая ловкость и умѣніе, чтобъ ухватиться за цѣпочку, которая поддерживаетъ паланкинъ, и, поднявшись на рукахъ, встать на широкій затылокъ животнаго. Мой слонъ съ большими бѣлыми бивнями оказался очень сердитымъ. Но его выбрали для меня за его спокойную поступь. Сидѣнье устроено довольно удобно. Это небольшой диванчикъ съ элегантной крышей. Диванчикъ этотъ приходится поперекъ спины слона. Хотите сидѣть спокойно, то сядьте на середину и свѣсьте ноги на спину слона, или сидите на турецкій манеръ, но тоже въ серединѣ. Можно и лечь, но тогда ваше туловище, подобно маятнику, будетъ колыхаться сверху внизъ. Вожакъ сидитъ верхомъ почти на



Ѣздовой слонъ.

головѣ слона и упирается ногами въ веревочныя стремена. По временамъ онъ толкаетъ голой ногой длинныя уши слона. Въ здѣшнихъ мѣстахъ со слонами обращаются гораздо мягче, не гвоздятъ ихъ по головѣ, какъ въ Индіи, а только если слонъ провинится, то вожакъ попросту ударитъ его бамбуковой палкой по ушамъ или по чему попало. Кромѣ вожака, было еще два человѣка, сидѣвшихъ на крупѣ слона и поддерживавшихъ руками цѣпь, прикрѣпляющую паланкинъ.

Первое время мы шли въ совершенной темнотѣ, и я удивляюсь, какъ эти умныя животныя не сбились съ дороги. Въ деревняхъ всѣ еще спали, только ранніе пѣтухи привѣтствовали приближеніе зари. Собаки издали поднимали страшный лай, но при видѣ слоновъ поджимали хвосты и убѣгали.

Чѣмъ ближе къ разсвѣту, тѣмъ холоднѣй. Паръ поднялся съ рѣки, которая лентой вьется вдоль самой дороги. Мы все поднимались въ гору. Въ одной деревнѣ староста съ колѣнопреклоненіемъ поднесъ намъ кокосовые орѣхи. Въ одну минуту кокосъ былъ очищенъ и разрубленъ пополамъ. Въ свѣжемъ видѣ кокосовое молоко, дѣйствительно, вкусно и напоминаетъ оршадъ. Мы проѣхали еще нѣсколько деревень, въ которыхъ занимались вѣяніемъ и молотьбой.

Впереди шелъ мой слонъ, потомъ слонъ губернатора, а затѣмъ остальные. Шествіе красивое и внушительное; при нашемъ приближеніи поселяне или бросались ницъ, или прятались въ чащу деревьевъ, или по знаку губернатора на колѣняхъ подносили намъ что-нибудь. Мой слонъ понималъ каждое слово вожака и, когда мы входили въ лѣсную чащу, слонъ очень предупредительно хоботомъ обламывалъ вѣтки и даже вырывалъ маленькія деревья. Но, съ другой стороны, при видѣ сахарнаго тростника онъ непремѣнно остановится, возьметъ его и начинаетъ лакомиться. Для своего вожака, когда тотъ влѣзалъ къ нему на шею, слонъ очень граціозно подгибалъ свою ножку, дѣлалъ изъ нея нѣчто въ родѣ приступки. Во время жары слонъ дѣлается нетерпѣливымъ и начинаетъ сердиться. Найдя по дорогѣ длинную вѣтку, онъ обмахивалъ себя точно вѣеромъ, или просто обсыпалъ себя пескомъ, къ великому неудовольствію вожака, который награждалъ его за это бамбучиной.

Когда мы вошли въ рѣку, то слоны, несмотря на крики вожаковъ, безцеремонно окачивали насъ импровизированнымъ дождемъ.

Что слоны любятъ чистоту, я это замѣтилъ по одному маленькому факту. Когда слонъ проходилъ по одной балкѣ, то запачкалъ себѣ хоботъ. При первой возможности онъ вытеръ хоботъ мягкой травой, хотя и вызвалъ этимъ дерзкимъ поступкомъ новый окрикъ вожака.

Черезъ нѣсколько дней по выѣздѣ изъ Батамбанга началась безотрадная ровная мѣстность съ мелкимъ, чахлымъ, кустарникомъ и съ высокой травой. Нѣкоторыя мѣста выжжены подъ посѣвъ, по близости

котораго туземцы производятъ молотьбу волами. Но, странное дѣло! селеній нѣтъ,— видно, что поселяне приходятъ сюда только для работы. Вечеромъ эта равнина съ пожелтѣвшей высокой травой напомнила мнѣ нашу новороссійскую степь.

Когда смерклось, слоны остановились у рѣки. Начали развьючивать слоновъ; мы ночуемъ въ открытомъ полѣ. Люди стали разводить костры, готовить себѣ кушанье и, спутавъ слоновъ и буйволовъ, пустили ихъ въ степь. Повозки были поставлены полукругомъ, а за ними развели костры. Для ночлега я выбралъ себѣ сіамскую крытую двухколеску. Положивъ туда матрацъ и завѣсивъ выходъ пледомъ, я устроился въ этой импровизованной комнатѣ. Проснулись мы рано утромъ.

Весь день тянулась та же безотрадная степь. Огненное небо, желтая высокая трава, такая высокая, что въ ней безслѣдно исчезаетъ слонъ вмѣстѣ съ паланкиномъ. Кругомъ ни одного селенія. Только выжженная трава въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доказываетъ присутствіе человѣка. Иногда, и то очень рѣдко, мы встрѣчаемъ людей, но они имѣютъ какой-то жалкій, испуганный видъ.

Съ разсвѣта поднимается нашъ лагерь, туземцы умываются, но не принимаютъ пищи. Это дѣлается только на привалѣ въ 10 часовъ. Съ 10 до 3 часовъ всѣ отдыхаютъ. Затѣмъ отправляются въ путь до вечера. Вечеромъ, прибывши на бивуакъ, всѣ ужинаютъ.

Ужинъ у туземцевъ на китайскій ладъ: все тотъ же рисъ съ разными приправами. Кушанья подаются въ маленькихъ чашечкахъ. Сначала подадутъ весь обѣдъ старшему (губернатору), и когда онъ кончитъ, то начинаютъ ѣсть другіе, но соблюдая при этомъ по старшинству извѣстную очередь. Европейское вино и даже чай, приготовленный на русскій манеръ, очень нравятся туземцамъ.

Черезъ нѣсколько дней мы прибыли на границу батамабангской территоріи. Здѣсь пришлось распроститься со слонами и пересѣсть въ буйволовыя повозки. Губернаторъ утѣшилъ меня, что въ повозкахъ будетъ гораздо покойнѣе. Оно можетъ быть покойнѣе по хорошей дорогѣ, а при здѣшнихъ дорогахъ тряска ужасная, и васъ каждую минуту бросаетъ изъ стороны въ сторону.

Рѣка раздѣляетъ тутъ двѣ провинціи и, какъ бываетъ всегда, по рѣкѣ группируется населеніе. Тутъ я простился съ моимъ спутникомъ, губернаторомъ, и переправился на другой берегъ. Явился чиновникъ отъ мѣстнаго губернатора и объяснилъ намъ, что губернатору 72 года и что онъ страдаетъ лихорадкой. Я обѣщалъ ему лѣкарство, прося указать мнѣ ночлегъ и прислать людей для переноски вещей. Посланный исчезъ, а мы все ждемъ на берегу. Подходили, правда, къ вещамъ разные люди, подойдутъ, потрогаютъ ихъ, постараются ихъ поднять, убѣдятся, что тяжело, и уходятъ. А мы все стоимъ. Наконецъ я рѣ-

шаюсь на героическое средство: оставляю китайца при вещахъ, беру переводчика, который несетъ бутылку вина подъ мышкой, и мы отправляемся отыскивать губернатора.

Входимъ въ селеніе; жители въ страхѣ разбѣгаются; наконецъ добираемся до избушки на курьихъ ножкахъ. Это губернаторское палаццо. Самъ губернаторъ дѣйствительно дряхлый старикъ, въ райскомъ костюмѣ, съ тонкими чертами лица.

Знакомимся, и я подношу ему хины и вина. Онъ въ восторгѣ, и хочетъ пріютить меня въ своемъ палаццо. Приближенные совѣтуютъ губернатору лучше приготовить для насъ „сала“ на большой дорогѣ. Отправляемся туда усталые и голодные.

Послѣ долгаго ожиданія являются, наконецъ, вещи; я расплачиваюсь щедро. Туземцы удивлены, и самые храбрые изъ нихъ рѣшаются принести курицу (Сіамцы, какъ ревностные буддисты, никогда не рѣшаются рѣзать куръ, которыя по этой причинѣ совсѣмъ дикія. Продаютъ они куръ весьма неохотно, зная, что европейцы употребляютъ куръ въ пищу). И за курицу платятъ. Тогда они набираются смѣлости и приносятъ еще одну. Съ грѣхомъ пополамъ устраиваемъ ночлегъ. Но это еще не все; надо еще позаботиться о томъ, чтобы съ вечера были повозки. Новые переговоры, подарки губернатору,— и повозки приводятъ.

На другой день та же безотрадная картина. Степь,—и ни души кругомъ; хорошо еще, что на извѣстномъ разстояніи въ степи поставлены сала. Эти сала снабжены маленькимъ бельведеромъ, съ котораго можно садиться на слона.

Провизію каждый везетъ съ собой, но воды нѣтъ; есть какія-то лужи, въ которыхъ кишатъ піявки (мѣсяцъ спустя и этой воды не будетъ). Я приказывалъ своимъ людямъ не пить этой воды, но они не слушаются. Сготовитъ китаецъ рисъ, но какъ ни говоришь ему, что салфетку, которой вытираютъ посуду, не надо класть себѣ на голову, онъ все дѣлаетъ по-своему.

Единственнымъ наслажденіемъ является выпить стаканъ чаю, но и это не всегда удается. Послѣ долгаго ожиданія стаканъ чаю налицо, но полъ состоитъ изъ тонкихъ прутиковъ и ходуномъ ходитъ подъ ногами: малѣйшее неосторожное движеніе—чашка перевертывается, и вамъ приходится проститься съ чаемъ.

Отправляемся мы въ путь еще далеко до зари, часа въ два или три ночи, холодкомъ; къ девяти часамъ дѣлаемъ привалъ до трехъ часовъ и потомъ опять въ путь до темноты. Ради предосторожности зажигаемъ кругомъ сала костры, но къ утру люди засыпаютъ и костры потухаютъ.

Наконецъ-то начались лѣса и болота; однако, несмотря на это, пыль такая, что черезъ четверь часа человѣка узнать нельзя. Лѣсъ становится все гуще и гуще. Есть мѣста, гдѣ не видишь солнца. Богатство

растительнаго царства необычайное. Пальмы попадаются только въ маленькомъ видѣ, преобладаютъ лиственныя породы; и попрежнему ни одного селенія, ни единой души кругомъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней странствія мы добрались наконецъ до болѣе цивилизованныхъ мѣстъ. Въ Пакнамѣ, гдѣ я просидѣлъ нѣсколько часовъ на европейской телеграфной станціи, мы должны были опять пересѣсть на лодки, и можно было отдохнуть отъ пыли и тряски.

Въ лодкѣ я отдыхаю, любуясь берегами, на которые иногда выползаютъ крокодилы. Между ними попадаются очень большіе; очевидно, купанье въ рѣкѣ не совсѣмъ безопасно.

Ночь яркая, звѣздная, и лодка тихо плыветъ вдоль безмолвныхъ береговъ. По временамъ слышится аккордъ струннаго инструмента. Мнѣ объяснили, что это рыба, мѣстное названіе которой означаетъ „собачій языкъ“. Она прилипаетъ обыкновенно внизу подъ лодкой.

Когда стемнѣло совсѣмъ и явилась опасность наскочить на толстыя бревна, плывущія по рѣкѣ, мы бросили якорь.

Послѣ тридцати часовъ плаванія мы добрались до Питима. Въ поселеніи не больше ста жителей, въ томъ числѣ много китайцевъ; здѣсь уже была получена насчетъ меня телеграмма изъ Банкока и все начальство старалось быть очень любезнымъ; любезность выразилась въ томъ, что они стояли надъ душой и не покидали меня ни на одну минтту.

Гуляя по городу, часто слышишь звонъ цѣпей. Это все люди, осужденные за разные проступки и преступленія. Они свободно гуляютъ по городу и даже просятъ милостыню. Обыкновенно они ходятъ парами, и цѣпь прикрѣплена къ шеѣ и къ ногамъ.

Сала, въ которой я устроился, находится напротивъ зданія суда, и я, сидя у себя дома, могъ наблюдать, какъ вице-губернаторъ творитъ судъ и расправу надъ мѣстнымъ населеніемъ. Судъ сидѣлъ на особомъ возвышеніи. Ниже секретари въ согбенныхъ до земли позахъ. Около нихъ группировалась большая толпа. Тутъ же фигурировалъ, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, предметъ тяжбы—рабочій скотъ одного изъ тяжущихся.

Во время судбища мимо меня прошла большая процессія. Бонзы съ бѣлыми зонтиками и съ какимъ-то ящикомъ въ рукахъ шли на поклоненіе слѣду отъ ноги Будды. Къ вечеру бонзы остановились въ полѣ въ виду священной горы, и каждый изъ нихъ накрылся бѣлымъ зонтикомъ. Зрѣлище получилось оригинальное.

Вечеромъ во многихъ мѣстахъ зажглись огни, и вся мѣстность была точно объята заревомъ пожара. Оказалось, что это молотьба, но и вмѣстѣ съ этимъ мѣстное празднество. Во время работы собираются парни и молодицы; веселый смѣхъ и радостные крики оглашаютъ воздухъ, и въ это время парни выбираютъ себѣ невѣстъ.

Отсюда я могъ уже ѣхать на пароходѣ. Пароходъ попался маленькій, скверный и грязный, но выигрышъ времени громадный. Берега рѣки низменные, густо обсаженные кокосовыми пальмами, среди которыхъ тамъ и сямъ мелькаютъ убогія лачуги и пагоды.

Контрастъ между богатою и яркою растительностью и жалкимъ жилищемъ человѣка поразительный. Въ лѣсахъ, какъ говорятъ, водятся дикіе слоны, тигры, носороги и медвѣди. Видно много рѣчныхъ птицъ, пеликановъ, чаекъ и т. д., которыя не стѣсняются присутствіемъ человѣка. Павлины тоже не рѣдкость. Крокодиловъ особенно много въ этихъ мѣстахъ. То и дѣло слышишь крики: „смотрите, какой большой вылѣзъ! а вотъ и другой“!

Въ числѣ пассажировъ много бонзъ и на каждой станціи ихъ все прибываетъ.

Послѣ десяти часовъ плаванія пароходъ пришелъ въ городъ Патрію, замѣчательный большимъ заводомъ для очистки риса и для выдѣлки сахара изъ сахарнаго тростника. Городъ этотъ обладаетъ населеніемъ въ 10.000 ч.. Асфальтовая набережная, электрическое освѣщеніе, конка, громадные желѣзные амбары, всѣ новѣйшія приспособленія и машины—все это такъ не похоже на Сіамъ, на ту дикую страну, черезъ которую я только что проѣхалъ.

Въ тотъ же день, въ часъ ночи, мы вышли наконецъ въ море.

Банкокъ.

(Де-Воллана).

Въ четыре часа утра мы вошли въ Менамъ. Пейзажъ однообразный. Лачуги среди пальмовыхъ рощъ первое время кажутся очень красивыми, но потомъ эта картина быстро надоѣдаетъ своимъ однообразіемъ. Иногда на рѣкѣ вдругъ мелькнетъ маленькая душегубка, съ человѣкомъ въ желтой тогѣ, или точно вылитое изъ бронзы тѣло туземца въ сампангѣ.

Къ Банкоку воды Менама становятся все мутнѣе и мутнѣе, но рѣка уже кишитъ лодками, плотами, джонками и пароходами. Изъ зеленой бахромы тропическаго лѣса, состоящаго изъ кокосовыхъ, арековыхъ пальмъ, бамбука, кромѣ однообразныхъ сѣрыхъ плетенокъ, то тутъ, то тамъ выглянетъ или домъ въ европейскомъ стилѣ, окрашенный въ бѣлый или красный цвѣтъ, или ступа (часовня), блистающая на солнцѣ своей позолотой, или красивая пагода, вся точно осыпанная самоцвѣтными каменьями. Число построекъ, лодокъ, пирамидальныхъ храмовъ среди зелени цвѣтовъ все растетъ и растетъ. Вдругъ покажется бѣлая

стѣна съ амбразурами, а тамъ какой-то заводъ съ длинными трубами. Къ нимъ прилѣпились ярко-раскрашенныя джонки, съ двумя глядящими впередъ глазами, суда старинной конструкціи, съ бѣлымъ слономъ на флагѣ, цѣлый рядъ пловучихъ базаровъ, съ кишащей на нихъ толпой мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Кое-гдѣ слышатся гонги, тамъ-тамы и обрывки сіамской мелодіи. И такая панорама тянется на нѣсколько верстъ. Это предмѣстье Банкока — лучшая часть города на лѣвой сторонѣ Менама.

улица въ Банкокѣ.

Пароходъ идетъ очень медленно, лавируя между громадными пароходами, которые заняли средину рѣки. Каждую минуту какая-нибудь шальная душегубка или лодка такъ и лѣзетъ подъ колесо парохода. Береговъ не видно, они замаскированы цѣлымъ рядомъ маленькихъ домиковъ на плотахъ, устроенныхъ въ три или четыре шеренги. Громадное рѣчное населеніе Банкока не знаетъ другого жилья. Это — въ полномъ смыслѣ городъ, съ домами въ нѣсколько комнатъ, съ улицами, площадями, базарами и миніатюрными садами. За этими рѣчными домами тянутся на сушѣ скученныя постройки туземцевъ, выше ихъ

бѣлыя зубчатыя стѣны королевской резиденціи, золотыя верхушки дворцовъ и пирамидальные храмы, покрытые блестками и изразцами. Картина ослѣпительная по своему блеску; всѣ цвѣтные изразцы, блестки, хрустали, позолота на тонкихъ, высокихъ башняхъ такъ и горятъ подъ солнечными лучами. Тропическое солнце зажигаетъ то тутъ, то тамъ пурпуровый, бѣлый, синій, красный или голубой цвѣта, которые играютъ, точно бенгальскіе огни, на бѣлыхъ минаретахъ, осыпанныхъ хрусталями и стеклярусомъ.

Нѣкоторые путешественники говорятъ, что за отсутствіемъ дорогъ рѣчное сообщеніе является единственнымъ въ Банкокѣ, и что каждый долженъ имѣть свою лодку. Это вѣрно только отчасти. Кромѣ рѣчного сообщенія имѣются довольно хорошія дороги и такъ называемые „careta“ — недурные фаэтоны, запряженные въ одну или двѣ лошади. Кучерами обыкновенно бываютъ малайцы, не понимающіе ни слова по-англійски и очень безцеремонно обращающіеся съ пѣшеходной публикой.

Изъ гостиницы мы отправились по довольно узкому шоссе, окаймленному съ обѣихъ сторонъ домами европейской и туземной конструкціи. По этому шоссе пролегаетъ и конка. Банконъ можно справедливо назвать городомъ пагодъ. Такихъ пагодъ сотни, и на украшеніе ихъ было потрачено много труда, времени и несмѣтныя богатства страны. Среди туземныхъ построекъ, храмовъ оригинальной формы разбросаны дома европейцевъ. Многіе изъ такихъ домовъ, особенно гостиницы, банки, миссіи и консульства, отличаются монументальными размѣрами. Европейцевъ въ Банкокѣ нѣсколько сотъ человѣкъ на нѣсколько (около 400) тысячъ туземцевъ.

Проѣхавъ цѣлый рядъ узкихъ улицъ, въ которыхъ толпится народъ, мы попадаемъ въ совершенно иной міръ. Широкія, пустынныя улицы съ тротуарами, выложенными мраморомъ или гранитомъ, обширныя площади, красивыя постройки, казармы, храмы, дворцы, парки — все это королевская резиденція, окруженная, точно крѣпость, высокими, бѣлыми, зубчатыми стѣнами и занимающая площадь въ цѣлую квадратную милю, а можетъ быть и больше.

Самымъ богатымъ храмомъ въ Банкокѣ считается Пра-Кео. Этимъ именемъ называется цѣлая группа построекъ. У самаго входа стоятъ громадныя фигуры съ палицами въ рукахъ и бронзовыя фигуры фантастическихъ животныхъ. Надо пройти цѣлый лабиринтъ съ закоулками, лѣстницами, террасами, пестро раскрашенными башнями, чтобы придти къ главному зданію или пирамидѣ, украшенной снизу до самаго верху маленькими фигурками. Все это кончается шпилемъ въ 200 ф. высоты. Дорожка, ведущая къ храму, выложена мѣдными плитами и покрыта серебряными цыновками. Все это огорожено стѣной, которая украшена

аляповатыми рисунками изъ индійской поэмы Рамаяны. Въ центрѣ участка находится храмъ въ формѣ креста: тамъ король слушаетъ проповѣдь самаго стараго изъ бонзъ. Очень хороши двери съ инкрустаціями изъ перламутра. За этимъ храмомъ находится другой, стѣны котораго покрыты разноцвѣтными стеклами, а крыша золоченой черепицей.

Но самымъ интереснымъ надо считать тотъ, въ которомъ высшіе чины присягаютъ королю. Внутри зала имѣетъ 50 фут. ширины и столько же длины. Въ этомъ храмѣ хранится изумрудная статуя Будды; стоитъ она однако такъ высоко, что трудно узнать, изумрудная она или нѣтъ. Статуя вся увѣшана украшеніями изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, горящихъ тысячами огней, и окружена со всѣхъ сторонъ многочисленными приношеніями храму и цѣнными подарками королю его вассаловъ. Это большею частью деревья изъ чистаго золота, осыпанныя драгоцѣнными каменьями, золотые зонтики, значительной вышины, золотыя статуи Будды, ожерелья и украшенія всякаго рода. На этой горкѣ, уставленной такими богатствами совсѣмъ не кстати, красуются вдругъ лампы и стѣнные часы—вѣроятно, подарки европейскихъ государей. Въ одномъ Пра-Кео можно считать драгоцѣнностей на многіе милліоны. Очень эффектны стѣны, выложенныя мелкими блестками и золотой мозаикой. Колонны всѣ покрыты толстыми золочеными листами. Окна и двери всѣ покрыты инкрустаціями и лакомъ. Золоченыя „ступы“ чередуются съ такими, которыя снизу до самаго верху покрыты изразцами. Для большаго эффекта повѣшены бронзовые листья, которые отъ малѣйшаго колебанія воздуха звенятъ, точно маленькіе колокольчики.

Подражая Индіи, Бирмѣ, Китаю и даже Европѣ, сіамскіе архитектора старались превзойти своихъ предшественниковъ богатствомъ, великолѣпіемъ и разнообразіемъ украшеній.

Изъ Пра-Кео мы направились къ царскимъ конюшнямъ, въ которыхъ находятся такъ называемые бѣлые слоны. Слоновъ заставляютъ кланяться посѣтителямъ и за это имъ даютъ связку сахарнаго тростника. Эти слоны, альбиносы, немного свѣтлѣе обыкновенныхъ и обладаютъ нѣсколькими бѣлыми пятнами и красноватыми глазами, какіе бываютъ у альбиносовъ.

Въ другомъ храмѣ показываютъ громадную, лежачую фигуру Будды. Фигура эта длиной въ двадцать саженъ, сдѣлана изъ кирпича и покрыта золотыми листьями; Будда изображенъ лежащимъ на подушкѣ, опираясь на одну руку.

Храмовъ въ Банкокѣ безчисленное множество, и я никогда не кончу, если начну описывать даже самые главные. Многіе изъ нихъ, устроенные предшествующими династіями, пришли уже въ упадокъ. Несмотря

на это, архитектурныя подробности настолько хороши, что можно провести много дней, изучая въ одномъ мѣстѣ красивую форму пирамидальной постройки, а въ другомъ — кружевную отдѣлку изъ мрамора и гранита.

Изъ дворцовъ, храмовъ, напоминающихъ вамъ самое яркое, самое необычайное произведеніе фантазіи, мы переходимъ на базаръ въ тѣсныя улицы, со скользкими, липкими отъ грязи коридорами. Обозрѣть сампенгъ (базаръ) съ птичьяго полета невозможно. Надо войти въ этотъ лабиринтъ, пройтись пѣшкомъ по этимъ узкимъ закоулкамъ, вмѣшаться въ толпу и нюхать этотъ ужасный, удушливый воздухъ. Если вы въ первый разъ знакомитесь съ Банкокомъ, то всѣ сцены уличной жизни, всѣ столкновенія съ туземцами, природа, люди, постройки — все кажется ново, оригинально.

Начать съ того, что въ Банкокѣ собраны всѣ типы. Вы встрѣтите тамъ китайцевъ, съ голымъ торсомъ и длинной косой, сіамцевъ, съ сигарой въ зубахъ и самотѣ *), индусовъ съ энергическими лицами, красиво задрапированныхъ и въ высокихъ тюрбанахъ, женственныхъ сингалезовъ, съ гребнемъ въ волосахъ, сіамскихъ женщинъ, увѣшанныхъ браслетами, но въ скудныхъ облаченіяхъ, малайцевъ въ яркой національной одеждѣ, мавровъ съ почтеннымъ видомъ, въ бѣлыхъ одеждахъ и съ длинными бородами, и метисовъ всякаго рода. Одни кварталы здѣсь заняты индусами, которые держатъ здѣсь коровъ и продаютъ молоко, другіе кварталы исключительно китайскіе и такъ далѣе. На базарѣ преобладаютъ китайцы и, попадая туда, вамъ кажется, что вы гуляете по какому-то китайскому городу.

Запахи здѣсь, если можно такъ выразиться, съ ногъ сшибательные. Одинъ „капи“ что стоитъ. Это креветки, дошедшія до послѣдней степени разложенія. Въ такомъ же родѣ рыба, цѣнимая любителями и тоже достигшая извѣстнаго запаха. Вотъ идетъ цѣлый рядъ лавокъ, въ которыхъ продается только рисъ, потомъ идутъ рыбныя лавки. Дальше идутъ лавки съ зеленью и фруктами. Это — цѣлыя горы огурцовъ, рѣдьки, капусты и другихъ овощей, а также дуріановъ, манги, папаи и банановъ. Здѣсь же много ссудныхъ кассъ и лавокъ старьевщиковъ. Кромѣ того, тутъ продаются шляпы, башмаки для китайцевъ, шелковыя ткани, колечки изъ бусъ на голову, золотыя украшенія, деревянныя и позолоченныя модели храмовъ и статуй Будды. Рядомъ съ ними притоны для игры, въ которыхъ сіамцы за игрой въ карты проигрываютъ часто свою свободу. Въ мѣняльныхъ лавкахъ идетъ все время перезвонъ долларовъ.

Миновавъ нѣсколько узкихъ улицъ, кучеръ останавливается и при-

*) Національная одежда сіамцевъ.

глашаетъ васъ уже пройтись пѣшкомъ. Вы переходите маленькій мостикъ, черезъ одинъ изъ безчисленныхъ каналовъ Банкока, и видите передъ собой высокую скалу, испещренную бойницами, амбразурами, стѣнами, башнями и всѣми атрибутами крѣпости. При ближайшемъ разсмотрѣніи эта гора оказывается насыпной. Широкая дорога ведетъ до самой вершины скалы. Въ разныхъ мѣстахъ выросли громадныя деревья, и гора имѣетъ очень живописный видъ. На самомъ верху нѣчто въ родѣ павильона со статуями Будды. Оттуда открывается широкій видъ на Банкокъ, изрѣзанный во всѣхъ направленіяхъ каналами, на скученныя постройки съ черепичными кровлями, на золотые шпили храмовъ, на полосы яркой зелени и на широкій Менамъ, который серебристою лентой тянется къ морю.

Кругомъ множество пагодъ, храмовъ, ступъ, монастырей и павильоновъ для сожженія труповъ. Хищныя птицы, чуя добычу, и вороны, громко каркая, такъ и вьются здѣсь. Сойдите внизъ и пройдитесь вдоль павильоновъ, гдѣ сжигаютъ мертвыхъ. Вездѣ вы увидите слѣды недавняго сожженія или приготовленіе къ новой церемоніи. Въ одномъ павильонѣ я видѣлъ больного, котораго заботливые родственники уже заранѣе принесли въ эту обитель смерти. Больной лежалъ на цыновкѣ въ павильонѣ, открытомъ со всѣхъ сторонъ, и при немъ находился его близкій родственникъ.

Рядомъ съ пагодами есть и ресторанчики, торгующіе очень бойко своими товарами, лавки съ изображеніями Будды, съ амулетами; тутъ же и торговцы дровъ.

Перейдите опять мостъ и передъ вами уже совсѣмъ оригинальное зрѣлище. Люди тащатъ мертвеца и кладутъ его на землю. Это тѣло преступника, осужденнаго на смертную казнь. Трупъ бросаютъ на произволъ судьбы. Въ одну минуту налетаютъ туда коршуны, вороны, сплошною массой насѣдаютъ другъ на друга, ссорятся, дерутся, машутъ крыльями и работаютъ клювомъ. Откуда-то берутся собаки, голодныя и исхудалыя, и съ ворчаніемъ, огрызаясь на птицъ, стараются урвать кусокъ. Еще одинъ моментъ—и изъ чернаго клубка вдругъ выглянетъ начисто обглоданный скелетъ.

Это зрѣлище точно кошмаръ преслѣдовало меня даже и тогда, когда мы гуляли въ королевскомъ саду, въ которомъ на европейскій манеръ игралъ оркестръ музыки.

Мнѣ не хотѣлось уѣзжать изъ Банкока, не видавъ мѣстнаго театра. Сіамскій театръ принадлежитъ одному старому богатому мандарину, который старается ввести въ театръ разныя усовершенствованія и приспособить къ нему современные костюмы. Очень часто въ пьесѣ фигурируютъ европейскіе адмиралы и капитаны. Содержатель театра самъ сочиняетъ сценаріумъ. Представляютъ въ театрѣ преимущественно жен-

щины—все жены мандарина. Театръ небольшой, въ два яруса, но очень изящный. Половина нашего партера занята актрисами. Два выхода устроены тамъ, гдѣ у насъ сцена. Между этими двумя выходами помѣщена картина, которая мѣняется согласно дѣйствію. Музыка помѣщается сбоку, съ лѣвой стороны, правая же сторона и часть партера заняты публикой. Потомъ идутъ ложи второго яруса. Партеръ на нѣкоторомъ возвышеніи, и публика вся сидитъ на полу. Убранство театра очень роскошное, и костюмы очень богатые. На картинѣ, находящейся въ глубинѣ сцены, изображенъ дворецъ или лѣсъ съ ручейкомъ. Занавѣса здѣсь не полагается, и сцена все время открыта.

Театральное представленіе, или, вѣрнѣе, пантомима, продолжается иногда нѣсколько дней.

Сіамская музыка довольно пріятная, отличается мягкостью тона, и въ ней нѣтъ тѣхъ диссонансовъ, которыми изобилуетъ китайская или японская музыка. Сіамская музыка очень хорошо передаетъ грусть, жизнерадостное чувство и торжественное настроеніе души. У сіамцевъ, какъ мнѣ сказали, очень много музыкальныхъ пьесъ; музыкальныхъ инструментовъ большое изобиліе.

На этотъ разъ на сценѣ представлялось, какъ у одной королевы похищаютъ ребенка и изъ-за него возгорается война. Столицу разрушаютъ, убиваютъ короля и королеву. Потомъ оказывается, что ребенокъ попалъ къ дикому народу и тамъ выросъ, не зная о своемъ королевскомъ происхожденіи. На сцену являются посланцы въ богатыхъ одеждахъ, узнаютъ своего короля и раздаютъ подарки. Публика такъ и покатывается отъ смѣха при видѣ того, какъ посланцы объясняются съ дикими. Дикіе не понимаютъ того, что говорятъ посланцы, и не знаютъ, что дѣлать, напримѣръ, съ сампотомъ, и дорогую матерію наматываютъ себѣ на голову или накидываютъ на плечи. Дѣло не обходится безъ брани и драки. Публика, конечно, хохочетъ. Послѣ этого посланцы являются съ поклономъ къ королю, который не понимаетъ, что съ нимъ совершается. Онъ является потомъ въ царственномъ облаченіи, садится въ паланкинъ и при звукахъ музыки торжественно возвращается въ свое царство. Тамъ онъ награждаетъ вѣрныхъ слугъ, коронуется и т. д.

Тропическіе фрукты.

(По В. Тихомирову, А. Краснову и Э. Геккелю.)

Наши обыкновенные фрукты (яблоки, груши и т. п.), какъ извѣстно, совсѣмъ не могутъ расти или, по крайней мѣрѣ, вызрѣвать подъ тропиками. Зато здѣсь мы находимъ множество своихъ спеціально тро-

пическихъ плодовъ, которые настолько своеобразны, что стоитъ о нихъ сказать нѣсколько словъ; къ тому же многіе изъ нихъ, напр., кокосъ, бананъ, хлѣбное дерево, служатъ важнѣйшею пищей туземцевъ, замѣняя не только наши фрукты, но также наши овощи и даже хлѣбныя растенія.

Первымъ между всѣми плодами является здѣсь мангустанъ (Garcinia mangostana). Дерево само по себѣ очень красиво: высокій, покрытый бѣловато-сѣрою корой стволъ его обладаетъ развѣсистою кроной, богатою крупными, цѣльными, блестящими темно-зелеными листьями, дающими густую тѣнь. Сами вѣтви гнутся подъ тяжестью множества плодовъ, красно-бурый цвѣтъ которыхъ мало выдѣляется, впрочемъ, на общемъ темно-зеленомъ фонѣ. Плодъ округлой формы, величиною съ небольшое яблоко, сверху украшенъ черною 6—8-лопастною звѣздой, снизу—четырьмя свѣтло-зелеными лопастями остающейся чашечки. Съѣдобною, какъ и почти у всѣхъ тропическихъ плодовъ, является лишь средняя сочная мякоть. Наружная оболочка—плотная и кожистая—въ молодости ядовитая, въ зрѣломъ состояніи обладаетъ непріятнымъ, сильно вяжущимъ, терпкимъ вкусомъ. Шесть или восемь лучисто расходящихся изъ центра перегородокъ заключаютъ въ себѣ каждая по одному большому, очень горькому сѣмени; каждое сѣмя у зрѣлаго плода окружено бѣлою или слегка розоватою полужидкою мякотью. Послѣднюю только и ѣдятъ. Срѣзавъ верхнюю часть плода, ложечкою выбираютъ полужидкую мякоть, которая видомъ, превосходнымъ вкусомъ и плотностью напоминаетъ кисловато-сладкое мороженое. Сходство съ мороженымъ увеличивается еще и тѣмъ, что плоды держатъ постоянно на льду, но и при такихъ условіяхъ они остаются годными не болѣе 48 час. Итакъ, чтобы познакомиться со вкусомъ мангустановъ надо побывать самому на Цейлонѣ, Явѣ, Сингапурѣ и Малаккѣ; въ другихъ частяхъ земного шара ихъ найти невозможно.

Другой лучшій изъ тропическихъ плодовъ—манга (Mangifera indica), видомъ своимъ напоминающая желтую, нѣсколько сжатую съ боковъ сливу, величиною съ гусиное яйцо и даже значительно болѣе. Обремененное плодами дерево манги весьма красиво: густолиственная, темно-зеленая, развѣсистая вершина его украшена какъ бы связками золотистыхъ плодовъ, спускающихся на весьма удлиненныхъ ножкахъ съ вершинъ вѣтвей, которыя они граціозно пригибаютъ своею тяжестью. Красота и высокій ростъ дерева, богатая тѣнь, имъ доставляемая, вкусные плоды, всегда легко сбываемые на рынкѣ,—все это дѣлаетъ мангу любимѣйшимъ деревомъ городскихъ садовъ и бульваровъ Цейлона, Сингапура, Сайгона. Плодъ манги доставляетъ несравненно меньшій съѣдобный матеріалъ, чѣмъ это можетъ казаться съ перваго раза: наружная, довольно толстая кожистая оболочка его, непріятнаго вяжу-

щаго вкуса, въ дѣло нейдетъ. Вся срединная часть плода занята огромною косточкой, заключающей въ себѣ большое, очень горькое сѣмя. Промежутокъ между наружною оболочкой и косточкой выполненъ сочною оранжевою мякотью. Слой этотъ очень тонокъ. Кисловато-сладкій, онъ имѣетъ своеобразный ароматъ, отдаленно напоминающій запахъ свѣжей малины.

Папая (Carica papaya), описываемая обыкновенно подъ названіемъ „дыннаго дерева“, принадлежитъ также къ числу характерныхъ тропическихъ плодовъ. Величиною съ небольшую желтую дыню, чаще всего грушевидной формы, она съѣдается цѣликомъ, за исключеніемъ многочисленныхъ сѣмянъ, часто недоразвивающихся совсѣмъ у высшихъ породъ, что почитается большимъ достоинствомъ. Въ незрѣломъ состояніи плодъ ядовитъ; изъ надрѣзовъ его стѣнокъ обильно вытекаетъ въ это время густой, подобно молоку, сокъ. При созрѣваніи плода этотъ млечный сокъ пропадаетъ и плодъ становится безвреднымъ, вкуснымъ и сладкимъ, а у высшихъ культурныхъ плодовъ — слегка ароматнымъ. Дерево, дающее эти плоды, также замѣчательно во многихъ отношеніяхъ: стволъ его, чаще простой и неразвѣтвленный, въ 5 — 6 лѣтъ достигаетъ вышины 5 — 6 метровъ, оставаясь сочнымъ и настолько мягкимъ, что при небольшомъ усиліи можетъ быть срѣзанъ ножомъ; толщина его достигаетъ при этомъ поперечника руки взрослаго человѣка. Вершина голаго ствола украшена вѣнцомъ крупныхъ пальчатыхъ листьевъ, протягивающихся во всѣ стороны на своихъ длинныхъ черешкахъ, а подъ самою вершиной ствола, въ видѣ мелкихъ дынь или гигантскихъ грушъ, висятъ, также на длинныхъ ножкахъ, многочисленные золотистые плоды папаи.

Весьма характернымъ тропическимъ плодомъ является рамбутанъ (Nephelium Lappaceum). Это высокія развѣсистыя деревья съ неравноперистыми листьями, мелкими неказистыми цвѣтами, и очень оригинальными плодами; при урожаѣ они настолько обильны, что безъ подпоръ дерево не выдерживаетъ ихъ тяжести, несмотря на относительно незначительные размѣры самаго плода, достигающаго размѣровъ мелкаго яблока, удлиненно-яйцевидной формы. Вся наружная кожистая красно-бурая оболочка рамбутана покрыта длинными, мягкими, загнутыми на концахъ сосочками, напоминающими очень утолщенный волосъ. Съѣдобною является бѣлая, сочная, сладкая масса мякоти плода, окружающая большое центральное горькое сѣмя, заключенное въ свѣтло-сѣрой оболочкѣ. Рамбутанъ имѣетъ весьма ограниченное распространеніе; разводитъ онъ на Цейлонѣ, Малаккѣ и островахъ Малайскаго архипелага и подобно мангустану, благодаря особенной непрочности, доступенъ лишь жителямъ Индіи.

Дуріанъ—большое, очень высокое дерево, съ широкою, но не осо-

бенно тѣнистою вершиной. Листья у него овальные, гладкіе, сверху темно-зеленые, снизу бѣловатые. Плоды дуріана продолговатые, сплошь усажены очень острыми и твердыми деревянистыми шипами, нерѣдко достигающими цѣлаго сантиметра длиною. Падая при созрѣваніи съ весьма значительной высоты, плоды эти нерѣдко наносятъ значительныя поврежденія домашнимъ животнымъ и людямъ. Извѣстны даже случаи смерти отъ ушибовъ и пораненій ими головы и лица, что не мудрено при величинѣ плода, почти достигающаго размѣровъ человѣческой головы, тяжести его и высотѣ паденія. Деревянистая толстая оболочка усаженнаго шипами плода очень плотна. Благодаря густо торчащимъ во всѣ стороны шипамъ, плодъ дуріана нельзя взять въ руки, и онъ можетъ быть вскрытъ только крѣпкимъ, большимъ ножомъ. При внимательномъ наблюденіи можно замѣтить 5 очень узкихъ линій, расходящихся отъ ножки плода и снова встрѣчающихся у его вершины. Здѣсь нѣтъ шиповъ и линіи эти — створки, по которымъ плодъ самъ раскрывается на пять частей во время его зрѣлости. При вскрытіи плода распространяется тотчасъ же очень сильный и рѣзкій запахъ, весьма противный для непривычнаго. Онъ напоминаетъ, только въ гораздо болѣе сильной степени, запахъ чеснока. Запахъ этотъ такъ силенъ, что онъ распространяетси въ воздухѣ еще висящими на большой высотѣ на деревьяхъ зрѣлыми и созрѣвающими плодами дуріана, какъ въ этомъ легко убѣдиться въ концѣ іюня, проѣзжая по улицамъ города между садами, въ которыхъ очень часто и обильно встрѣчаются весьма любимые въ Сингапурѣ, особенно малайцами и китайцами, дуріаны. Каждый изъ пяти участковъ дуріана-плода представляется внутри въ видѣ какъ бы бѣлой или бѣло-розовой лодочки, содержащей 2—3 крупныхъ овальныхъ сѣмени, величиною равняющихся сѣмени конскаго каштана. Сѣмена эти облечены особою сочною, мясистою оболочкой. Оболочка эта бѣлая, слегка красноватая или же желтоватая, такъ сочна, что у плода вполнѣ зрѣлаго расплывается въ полужидкую массу, имѣющую плотность сметаны. Это единственная съѣдобная часть плода, которая какъ бы таетъ во рту и имѣетъ совершенно иной, дѣйствительно очень пріятный, слабый и тонкій ароматъ и сладко-маслянистый, едва острый вкусъ. Туземцы и китайцы страстно любятъ дуріанъ; европейцы же въ этомъ отношеніи дѣлятся на два противоположныхъ лагеря: одни говорятъ, что это нѣчто прямо невозможное, другіе становятся столь же страстными поклонниками своеобразнаго плода, какъ и туземцы.

Однимъ изъ самыхъ распространенныхъ тропическихъ плодовъ является кокосъ. Кто не читалъ о такъ называемомъ кокосовомъ молокѣ? Но насколько невѣрно это названіе! Вода кокоса — вотъ настоящее, вполнѣ соотвѣтствующее истинѣ, названіе этой жидкости. Сѣменное ядро созрѣвающаго, но еще далеко не достигающаго зрѣлости кокоса состоитъ

изъ относительно тонкаго, снѣжно-бѣлаго, плотнаго наружнаго слоя, своимъ нѣжнымъ вкусомъ напоминающаго лучшій миндаль, и слоя внутренняго, рыхлаго и нѣжно волокнистаго, на вкусъ сладковатаго. Этимъ внутреннимъ слоемъ ограничивается центральная, выполненная прозрачною безцвѣтною жидкостью, полость сѣмени. Жидкость эта и представляетъ собою то, что туземцы зовутъ „кокосовою водой“; ее они пьютъ, а два вышеописанные слоя сѣменного ядра ѣдятъ прямо или приготовляютъ изъ него различныя кушанья. Орѣхъ, достигшій предѣловъ своего нормальнаго роста, но еще не созрѣвшій, содержитъ въ себѣ болѣе двухъ большихъ стакановъ воды. Это—прозрачная, едва опалесцирующая жидкость. Ее-то и называютъ неправильно кокосовымъ молокомъ, потому что въ орѣхахъ, давно сорванныхъ и долго лежавшихъ, она, становясь непрозрачною, дѣйствительно принимаетъ видъ молока, получая при этомъ непріятный запахъ и прогорклый вкусъ,—въ такомъ состояніи она, понятно, ужъ негодна болѣе къ употребленію и въ такомъ именно видѣ и прибываютъ содержащіе ее орѣхи въ порты Европы, подтверждая ошибку самаго названія. Только что снятый съ дерева кокосовый орѣхъ срѣзывается у своего верхняго заостреннаго полюса ножомъ. Теперь остается только разлить по стаканамъ воду—и все готово! На первый разъ слегка сладковатая жидкость кажется нѣсколько приторною, но замѣчательная свѣжесть, дающая пріятную и столь желательную при томящей жарѣ прохладу, быстро миритъ съ этимъ неудобствомъ.

Отъ кокоса удобнѣе всего перейти къ плодамъ, носящимъ у туземцевъ имя „нанка“, т.-е. къ хлѣбному дереву. Ихъ болѣе пяти видовъ. Самый распространенный видъ хлѣбоплодника (Artocarpus integrifolia) даетъ вырастающіе прямо на стволѣ громадные продолговатые зеленые плоды, до аршина длиною, при соотвѣтствующемъ объемѣ. Иныхъ одинъ человѣкъ и не подниметъ. Изъ ихъ мелкихъ площадокъ, составляющихъ поверхность плода, при разрѣзѣ выдѣляется, какъ у нашихъ молочаевъ и фикусовъ, бѣлое молоко. Если такой плодъ разрѣзать, онъ окажется наполненнымъ крупными, болѣе чѣмъ съ бобъ величиной, зернами, обмотанными мякотью янтарнаго цвѣта. Мякоть эта богата сокомъ, слегка волокниста, нѣсколько напоминаетъ не то дыню, не то персикъ и съ сильнымъ банановымъ запахомъ. Его очень любятъ туземцы, почему куски плода, завернутые въ банановые листья, можно всегда найти на базарѣ и даже на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и въ мелкихъ лавочкахъ. Европейцы считаютъ плодъ хлѣбнаго дерева слишкомъ вульгарною пищей, и его никогда не увидишь за ихъ столомъ. Туземцы же потребляютъ его, и особенно другіе виды, какъ овощь. Разрѣзанные на куски и испеченные въ золѣ плоды хлѣбоплодника вкусомъ дѣйствительно напоминаютъ нѣсколько плохой пшеничный хлѣбъ.

Изъ плодовъ, извѣстныхъ въ Европѣ, прежде всего слѣдуетъ упомянуть бананы, или пизанги. Этотъ чудный плодъ тысячекратно вознаграждаетъ трудъ, положенный на его воздѣлываніе. Каждое банановое дерево несетъ гроздь плодовъ, тѣсно сплоченную изъ многихъ сотенъ. Это великолѣпное дерево, съ величественною кроной свѣтло-зеленыхъ висячихъ десятифутовыхъ листьевъ,—не болѣе какъ однолѣтнее растеніе. Красота банана соперничаетъ съ его неисчислимою пользой; онъ служитъ самымъ лучшимъ украшеніемъ индійскихъ хижинъ.

Бананы подъ тропиками такъ же обыкновенны, какъ у насъ картофель. Цѣлые углы базара бываютъ завалены громадными рядами съ этими то ярко-желтыми, то темно-зелеными, длинными или почти яйцевидными плодами. Ихъ продаютъ гроздьями, длиною превосходящими человѣческій ростъ. Существуетъ множество разновидностей банана. Самымъ лучшимъ сортомъ считаются маленькіе золотисто-желтые „дамскіе пальчики“, которые дѣйствительно не толще пальца изящной дамы и отличаются особенною сладостью. Напротивъ того, исполинскіе „водянистые“ бананы походятъ формой, размѣромъ и цвѣтомъ на крупный огурецъ и обладаютъ чрезвычайно освѣжающимъ, прохладнымъ сокомъ. Толстые „картофельные“ бананы, наоборотъ, цѣнятся за ихъ мучнистость и питательность; 3—4 штуками можно утолить голодъ. „Ананасные“—замѣчательны своимъ тонкимъ ароматомъ, а „коричневые“—своимъ прянымъ вкусомъ и т. д. Обыкновенно этотъ фруктъ ѣдятъ въ сыромъ видѣ. Подъ его несъѣдобной, легко сдирающейся кожей мягкое мясо сильно мучнисто и хотя таетъ во рту, но какъ-то заклеиваетъ горло. Новичку бананы скоро пріѣдаются, набиваютъ оскомину, но это потому, что ихъ не умѣютъ ѣсть. Лучше всего бананъ запивать водой. Тогда это незамѣнимый бисквитъ или мороженое, конечно если бананъ хорошаго сорта. Европейцы часто ѣдятъ его съ сыромъ — тоже оригинально и недурно; но туземецъ охотнѣе ѣстъ его варенымъ и печенымъ, дѣлая изъ его тѣста съ мукою пирожки. Особенно хороши бананы жареные въ маслѣ. По вкусу это совершенно наши пышки изъ кондитерской или, вѣрнѣе, тѣ ихъ внутреннія части, куда такъ скупо кладется пирожниками варенье. Они и по виду напоминаютъ пирожки—такъ выпучивается въ маслѣ ихъ наружная коричневая корочка. Ѣсть ихъ лучше горячими. На Явѣ этимъ кушаньямъ цѣна грошовая: на 1 коп. до 5 штукъ.

Второе мѣсто занимаютъ ананасы. Въ Сингапурѣ или Батавіи утромъ можно видѣть множество разносчиковъ, на длинныхъ кривыхъ коромыслахъ несущихъ цѣлыя пирамиды изъ связанныхъ вмѣстѣ этихъ плодовъ. Ихъ также много сортовъ. Цѣну ананасу узнаешь въ жаркіе дни, блуждая по лѣсу, — тогда, когда вы умираете отъ жажды, и вашъ спутникъ, обрѣзавъ ножомъ его шероховатую, колючую поверхность и

разрубивъ на восьмушки, подаетъ вамъ блѣдно-желтую мякоть. У зрѣлаго ананаса она таетъ во рту, какъ арбузъ, наполняя ротъ кисло-сладкою ароматною жидкостью. Въ тропическомъ лѣсу онъ играетъ ту же роль, что арбузъ въ степи, и тутъ только вы познаете его прелесть, а не за десертомъ, гдѣ 2—3 ломтика плода, очищеннаго и поблекшаго, не могутъ дать понятія ни о его обильномъ сокѣ, ни о его прохладительности.

Наконецъ, въ перечисленіи тропическихъ фруктовъ былъ бы большой пробѣлъ, если бы мы пропустили апельсины. Ихъ здѣсь въ продажѣ до десяти различныхъ видовъ. Самые крупные—„пампельмуссы“, съ человѣческую голову величиной, съ громадными долями, желтою и розовою мякотью, самый распространенный изъ всѣхъ апельсиновъ; затѣмъ идутъ кисловатые, съ зеленою кожей, сорта, соотвѣтствующіе нашимъ апельсинамъ, но во всемъ имъ уступающіе.

Лимоны здѣсь замѣняются маленькими, съ орѣхъ величиною, фруктами, съ очень кислымъ сокомъ.

На западномъ берегу Суматры.

(К у н а.)

Вечеромъ 20-го января впервые послѣ двухъ мѣсяцевъ плаванія увидѣли мы огни встрѣчнаго парохода. Быстрое уменьшеніе морской глубины указывало на приближеніе къ Суматрѣ, которая, дѣйствительно, показалась вдали утромъ 21-го января.

Небо было затянуто густыми дождевыми облаками, низвергавшими на насъ потоки ливня. Вскорѣ, однако, оно расчистилось, и, проходя мимо одного изъ самыхъ южныхъ острововъ, которые располагаются впереди западнаго берега Суматры, мы замѣтили вырисовывающіеся на голубомъ фонѣ неба высокіе конусы хребта Баризанъ. Волны улеглись, и мы вступили въ область моря, ограничиваемую Суматрой и расположеннымъ передъ нею рядомъ острововъ. Одновременно благодаря бурному сѣверо-западному муссону воздухъ сдѣлался настолько туманнымъ, что ночью пришлось подавать сигналы паровымъ свисткомъ.

Съ наступленіемъ утра туманъ разсѣялся, и передъ нами открылась картина, отъ которой трудно было оторваться. Горы Суматры поднимаются въ видѣ трехъ или четырехъ этажей, и надъ ними царятъ затянутые прозрачной голубоватой дымкой конусы вулкановъ. Долины скрыты отъ взоровъ завѣсою облаковъ, которыя поддерживаютъ постоянную сырость въ дремучихъ дѣвственныхъ лѣсахъ, спускающихся по склонамъ. Въ море выдвигается цѣлый рядъ коралловыхъ острововъ и

рифовъ, дѣлающихъ судоходство вблизи берега очень затруднительнымъ. Всѣ они, какъ и самый берегъ, покрыты густымъ лѣсомъ и по краю окаймлены пальмами, верхушки которыхъ склоняются надъ волнами моря. Взоръ не можетъ насытиться зрѣлищемъ этихъ островковъ: они положительно напоминаютъ плавающія корзины съ цвѣтами.

Вдоль южнаго склона хребта Баризанъ страна населена, повидимому, не густо, и, лишь приближаясь къ Падангу, мы замѣтили болѣе явственные слѣды дѣятельности человѣка.

Въ воскресенье, въ 5 часовъ дня, 22-го января, мы встали на якорь въ красивой бухтѣ Эммы на западномъ берегу Суматры. Съ Падангомъ и съ угольными копями въ горахъ гавань Эммы соединена желѣзной дорогой и представляетъ изъ себя естественный исходный пунктъ для богатствъ западной части острова. Весь заливъ, сѣверо-западный уголъ котораго обращенъ въ гавань, окруженъ широкимъ полукругомъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ до самаго моря. Отъ сѣверо-западнаго берега залива тянется возведенный недавно молъ, который защищаетъ отъ волнъ съ юго-запада и юга. Живыя колоніи коралловъ, между которыми снуетъ множество темныхъ морскихъ ежей, морскихъ звѣздъ и голотурій, покрываютъ дно бухты и въ хорошо защищенныхъ мѣстахъ образуютъ иногда настоящіе подводные сады и гроты, великолѣпіе красокъ которыхъ нельзя вообразить, обладая даже самой пылкой фантазіей.

Послѣ того какъ были окончены обычныя формальности и судно наше поставлено на якоря, я отправился уже вечеромъ въ Падангъ, чтобы получить столь долго ожидаемыя всѣми вѣсти съ родины.

Наступила уже ночь, и намъ казалось, что мы перенеслись въ какую-то сказочную страну, въ особенности, когда мы возвращались домой въ экипажѣ, управляемомъ малайцемъ: мы ѣхали черезъ густыя заросли пальмъ и бамбука при ослѣпительномъ свѣтѣ луны, мимо скрытыхъ въ кустарникахъ бамбуковыхъ хижинъ туземцевъ; въ воздухѣ мелькали міріады свѣтящихся жуковъ; все это сильно дѣйствовало на насъ послѣ нашего утомительнаго путешествія. Хотя мы и вернулись уже довольно поздно, всѣ наши сотоварищи еще не спали и съ ликованіемъ встрѣтили долго жданныя вѣсти изъ дому.

Падангъ представляетъ изъ себя типичный тропическій городъ, растянувшійся до безконечности. Онъ пересѣченъ по всѣмъ направленіямъ широкими и содержимыми въ превосходномъ порядкѣ улицами.

Жителей въ Падангѣ около 33,000, изъ которыхъ пять шестыхъ малайцевъ. Центръ торговли находится на правомъ берегу рѣки Падангъ: здѣсь расположены всѣ конторы и склады большихъ торговыхъ домовъ, а также консульства, различныя административныя учрежденія и обширные правительственные склады кофе. Естественный путь сообщенія въ

дѣловой части города доставляетъ рѣка Падангъ, которая отъ устья приблизительно на полтора километра вверхъ по теченію доступна для плаванія малайскихъ джонокъ. Вокругъ этихъ послѣднихъ, стоящихъ по обѣ стороны рѣки на якоряхъ, постоянно кишитъ жизнь полная движенія: съ нихъ безпрерывно выгружаются различные продукты береговой полосы и расположенныхъ около Суматры островковъ; такими продуктами является дерево, сахарный тростникъ, различныя смолы, копра, кокосовые орѣхи, рисъ, различные плоды и домашняя птица.

Къ торговому кварталу примыкаетъ китайскій кварталъ. Передъ своими домиками, построенными изъ камня и выведенными вслѣдствіе постоянныхъ землетрясеній лишь въ одинъ этажъ, торговцы-китайцы раскладываютъ со вкусомъ и умѣніемъ мѣстные и европейскіе товары. На ряду съ пріятными впечатлѣніями немало сохраняется у посѣтителя китайскаго квартала и менѣе пріятныхъ. Пыль и отвратительный запахъ—послѣдній въ особенности на рыбномъ и овощномъ рынкѣ—дѣлаютъ пребываніе тамъ мало завиднымъ, а лавочки для продажи опіума, около которыхъ сидятъ и курильщики этого зелья, позволяютъ познакомиться съ однимъ изъ ужаснѣйшихъ пороковъ человѣчества.

Отъ китайскаго квартала широкая улица ведетъ мимо мастерскихъ китайскихъ мебельщиковъ, мимо европейскихъ типографій и комиссіонныхъ конторъ въ европейскій кварталъ. Онъ носитъ характеръ огромнаго и благоустроеннаго парка. Широкія улицы его окаймлены по обѣ стороны кокосовыми пальмами и группами тропическихъ деревьевъ. Практичность голланцевъ сказывается уже въ постройкѣ ихъ домовъ, вполнѣ приспособленной къ тропическому климату. Дома эти почти исключительно построены изъ дерева, располагаются на метръ отъ почвы, опираясь на столбы, и покрыты крышами изъ пальмовыхъ листьевъ. Воздухъ можетъ свободно циркулировать подъ этими свайными постройками, и потому жилыя комнаты, несмотря на влажный береговой климатъ и частые тропическіе дожди, остаются сухими и относительно прохладными.

Въ центрѣ европейскаго квартала оставлено нѣсколько обширныхъ площадей, покрытыхъ дерномъ и производящихъ благодаря красивому виду на горы и городскіе сады, чрезвычайно симпатичное и уютное впечатлѣніе. Вокругъ нихъ располагаются клубы, превосходные отели, правительственныя учрежденія, судъ и огромный военный госпиталь.

Кто желаетъ быть подальше отъ городской суеты, тотъ найдетъ себѣ превосходное мѣсто для прогулокъ на сосѣдней горѣ Апенбергѣ и прилегающихъ высотахъ, гдѣ онъ можетъ наслаждаться зрѣлищемъ охраняемыхъ здѣсь и даже подкармливаемыхъ бананами обезьянъ и превосходными раскрывающимися передъ нимъ видами. Для любителя охоты представляется возможность поохотиться недалеко отъ города въ боло-

тистыхъ мѣстностяхъ, заросшихъ бамбукомъ, низкорослой перистой пальмой и панданусами, на безчисленныхъ птицъ и на дикихъ свиней.

Кого интересуетъ живописное смѣшеніе различныхъ племенъ, обитающихъ въ Падангѣ, тотъ не долженъ упустить случая побывать въ базарный день на базарѣ. Эта огромная площадь покрыта безчисленными лавочками, расположенными правильными рядами; по краямъ ея расположился цехъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Ихъ филиграновыя работы изумительно тонки. Съ ранняго утра приходятъ со всѣхъ сторонъ повозки, запряженныя длиннорогими суматрскими буйволами; повозки образуютъ длиннѣйшій непрерывный рядъ, и всѣ руки заняты выгрузкою изъ нихъ привезенныхъ товаровъ, которые раскладываются прямо на землѣ или въ лавочкахъ. Длинными рядами лежатъ на землѣ различные сорта овощей и превосходнѣйшіе тропическіе фрукты, производимые долиной Паданга. Бананы, ананасы, лимоны, апельсины, желтые плоды мангъ и дынныхъ деревьевъ лежатъ здѣсь вмѣстѣ съ мангустанами. Тутъ же лежатъ огромныя кучи дуріановъ, величиною съ голову. Здѣсь же приходится видѣть испанскій перецъ, вытянутые въ длину клубни бататовъ и служащіе для жеванія бетеля орѣхи араковой пальмы. Около мѣста продажи рыбы и мяса, которое подъ тропиками всегда уже замѣтно издали по запаху, находятся лавки продавцевъ соли. Неподалеку отъ мясного рынка располагаются также переносныя кухни, гдѣ туземцы ѣдятъ рисъ руками.

Особенно привлекательны ряды, гдѣ продаются очень дешево различныя плетеныя издѣлія, сдѣланныя нерѣдко съ большимъ вкусомъ. Тутъ же лежатъ груды черныхъ связокъ превосходныхъ веревокъ изъ волоконъ сахарной пальмы; въ горахъ ихъ употребляютъ также для устройства крышъ.

Страсть къ куренію сильно распространена, и всюду встрѣчаются лавочки табаку, который завернутъ обыкновенно въ листья низкорослой перистой пальмы. Лежатъ здѣсь также выложенные для продажи продукты деревьевъ, растущихъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ: камфара и бензойная смола, наконецъ гуттаперча, добываемая изъ гуттаперчеваго дерева.

Базару придаютъ своеобразную физіономію также снующіе всюду китайцы, которые навязываютъ всѣмъ китайскіе товары; съ другой стороны, мѣстные торговцы соблазняютъ своихъ соплеменниковъ различными европейскими бездѣлушками.

Кто не боится всѣхъ непріятностей, связанныхъ съ посѣщеніемъ базара, нестерпимой жары, аромата, исходящаго отъ буйволовъ, дуріана и разлагающейся рыбы, а также и толкотни, тому нигдѣ не найти лучшаго случая познакомиться ближе съ типами и жизнью народа.

Отъ гавани Эммы начинается цѣлая система узкоколейныхъ желѣз-

ныхъ дорогъ, которыя прежде всего служатъ для доставки каменнаго угля. Этотъ послѣдній добывается здѣсь въ горахъ, куда и проведена узкоколейная дорога; въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ она имѣетъ зубчатый путь. Небольшіе вагоны, сообразно съ климатическими условіями, хорошо вентилируются. Имѣются два класса, изъ которыхъ въ одномъ ѣздятъ преимущественно низшіе слои населенія, тогда какъ другимъ пользуются европейцы, богатые китайцы, зажиточные малайцы.

Трудно описать то богатство и разнообразіе ландшафтовъ и впечатлѣній, которыя положительно подавляютъ путешественника.

Перейдя черезъ язящный желѣзнодорожный мостъ, соединяющій берега рѣки Паданга, желѣзная дорога оставляетъ Падангъ и идетъ черезъ богатѣйшую воздѣланную низменность. Мѣстность имѣетъ характеръ парковаго ландшафта: искусственно орошаемыя рисовыя поля чередуются то съ хижинами, обсаженными пальмами и фруктовыми деревьями, то съ небольшими рощицами и болотистыми впадинами, заросшими низкорослыми перистыми пальмами, саговыми пальмами и пандапусами. Желѣзная дорога пересѣкаетъ затѣмъ нижнее теченіе рѣки, и приблизительно черезъ два часа по выѣздѣ поѣздъ направляется къ горамъ, надъ которыми рѣзко вырисовываются силуэты дымящагося конуса вулкана Мерапи и двойного вулкана Сингаланъ-Тандикотъ.

Вскорѣ затѣмъ станція, гдѣ мѣняется локомотивъ. Здѣсь желѣзнодорожный путь вступаетъ въ боковую долину—въ ущелье рѣки. Долина эта замыкается обрывистыми склонами горы Тандикотъ; зубчатый путь, извиваясь многочисленными изгибами и пересѣкая 8 разъ рѣчку, направляется къ ущелью. Склоны здѣсь покрыты дѣвственнымъ лѣсомъ, въ которомъ раздаются звуки адскаго концерта гиббоновъ-сіаманговъ (Hylobates syndactylus), то тамъ, то здѣсь у самой желѣзной дороги виднѣются древовидные папортники, то одиночные, то собранные въ группы, а въ глубинѣ ущелья бѣшено несется по трахитовымъ и шифернымъ обломкамъ скалъ рѣка Аней, берущая свое начало высоко въ горахъ. Мѣстами встрѣчаются еще остатки разрушенныхъ мостовъ и слѣды тѣхъ опустошеній, которыя были произведены здѣсь рѣкою вскорѣ послѣ открытія желѣзной дороги. Передъ глазами путника постоянно мѣняются картины, вызывающія нерѣдко невольный крикъ изумленія. То встрѣчается водопадъ, низвергающійся со скалъ недалеко отъ полотна, то сходятся тѣсно стѣны ущелья, то поражаютъ взоръ невиданные представители тропической флоры. Желѣзная дорога поднимается до 770 метровъ и оставляетъ ущелье лишь недалеко отъ селенія Падангъ-Пандіангъ. Здѣсь мы находимся уже на Падангскомъ плоскогорьѣ.

Падангъ-Пандіангъ представляетъ изъ себя поселеніе, не блещущее архитектурными красотами: небольшія хижинки,—четыреугольные каменные ящики, покрытые крышами изъ волнистаго оцинкованнаго желѣза,

производятъ довольно однообразное впечатлѣніе. Сопутствовавшій намъ голландскій чиновникъ объяснилъ, что въ видахъ опасности отъ огня послѣднее время было предписано примѣнять для крышъ желѣзо вмѣсто пальмовыхъ волоконъ. Какъ ни раціональна такая мѣра, все же должно замѣстить, что она въ значительной степени лишаетъ живописности деревни въ горахъ.

Прямо передъ глазами—огромный вулканъ Мерапи, который покрытъ почти до вершины лѣсомъ и отъ времени до времени испускаетъ изъ своего коническаго кратера темные столбы густого дыма.

Въ болѣе прохладномъ горномъ воздухѣ чувствуешь себя, послѣ того какъ побывалъ въ жаркой долинѣ, какъ бы возродившимся. У подножія горы можно совершить превосходную прогулку пѣшкомъ, а въ небольшой гостинницѣ „Мерапи“, блещущей голландскою чистотою и опрятностью, можно прекрасно устроиться.

Утромъ холодный душъ изъ горной воды освѣжаетъ необыкновенно, а послѣ прогулки пріятно подкрѣпиться неизбѣжнымъ мѣстнымъ кушаньемъ—рисомъ съ пикантными приправами, которыхъ около дюжины. Вечеромъ здѣсь очень хорошо сидѣть въ саду и наблюдать за движеніемъ живописной туземной толпы, пока не наступитъ ночь и не загорятся миріады свѣтящихся насѣкомыхъ, сообщающихъ окружающему невиданное великолѣпіе.

Юго-западный берегъ Суматры занятъ болѣе или менѣе крутыми хребтами, которые тянутся по всей долинѣ острова, параллельно другъ другу съ юго-востока на сѣверо-западъ въ три или четыре ряда. Главный хребетъ этихъ горъ и зовется Баризанъ. Эти горы покрыты лѣсомъ почти до своихъ гребней и иногда пересѣкаются поперечными долинами, по которымъ шумливыя горныя рѣчки сбѣгаютъ къ берегамъ. Кое-гдѣ горы отступаютъ далѣе отъ береговъ и образуютъ расширенныя поперечныя долины, покрытыя чрезвычайно плодородной наносной почвой и отдѣляющіяся иногда отъ моря второстепенными горными хребтами. Наиболѣе широкая изъ этихъ долинъ и представляетъ изъ себя богатыя окрестности Паданга; на малайскомъ языкѣ самое слово „падангъ“ означаетъ долину. Второстепенный хребетъ ея оканчивается упомянутою горою Апенбергъ. Надъ горными хребтами выдаются конусообразныя вершины вулкановъ, изъ которыхъ 8 дѣйствуютъ и по настоящее время. (Количество дѣйствующихъ вулкановъ здѣсь, впрочемъ, менѣе значительно чѣмъ на Явѣ, гдѣ имѣется ихъ 28, но зато на Суматрѣ гораздо больше потухшихъ вулкановъ, болѣе 50.) Самымъ высокимъ является вулканъ Индрахура, располагающійся на югъ отъ Падангскаго плоскогорья.

Мѣстами вулканическіе конусы сходятся тѣснѣе, образуя двойные вулканы, линія соединенія которыхъ направлена косо къ общему про-

дольному направленію хребтовъ. Это наблюдается какъ разъ на плоскогорьѣ Паданга. Послѣднему сообщаетъ особый отпечатокъ вулканъ Мерапи (вышиною въ 2.891 метръ) и противолежащій ему, также дѣйствующій вулканъ Спнгаланъ такой же высоты; къ нему тѣсно примыкаетъ, образуя его южную вершину, вулканъ Тандикотъ (немного ниже). Эти вулканы засыпали верхнія части рѣчныхъ долинъ своими продуктами изверженія и образовали возвышенное плато. Это плато представляетъ собой одно изъ древнѣйшихъ малайскихъ государствъ, отъ столицы котораго еще и посегодня сохранились наполовину вывѣтрившіяся развалины у склоновъ Мерапи. Населеніе здѣсь въ прежнія времена исповѣдывало браманскую религію, которая была вытѣснена исламомъ. Установлено во всякомъ случаѣ, что отсюда малайцы выселились, вслѣдствіе избытка населенія и перебрались на Малакку, откуда они распространились по всему Зондскому архипелагу.

На горномъ плато, образованномъ въ значительной степени скопленіемъ вулканическихъ продуктовъ изверженія, наблюдаются по склонамъ вулкановъ Сингаланъ и Мерапи глубокія трещины, происшедшія, по всей вѣроятности, вслѣдствіе вулканической дѣятельности и затѣмъ расширенныя благодаря разрушительной дѣятельности протекающихъ по нимъ горныхъ потоковъ; та же дѣятельность воды обусловила возникновеніе множества ущелій, съ вертикальныхъ стѣнъ которыхъ нерѣдко срываются горные ручьи бурными водопадами, разбивающимися въ водяную пыль.

Такимъ образомъ получаются виды, напоминающіе часто, несмотря на отличіе въ деталяхъ, альпійскіе ландшафты. Правда, снѣжныя вершины здѣсь отсутствуютъ и замѣнены вулканическими конусами, но журчащіе горные ручьи, обрамленные роскошною растительностью, водопады, зеленыя поверхности полей, засѣянныхъ рисомъ, и прячущіяся межъ кустами бамбука горныя деревушки, наконецъ, этотъ свѣжій и чистый горный воздухъ—все это невольно вызываетъ въ памяти тѣ впечатлѣнія, которыя когда-то были получены въ Альпахъ. Но когда выберешься изъ глубокихъ ущелій, взоръ останавливается на вулканическихъ кратерахъ, царящихъ надъ облаками и затянутыхъ фіолетовою дымкою, на рядахъ горныхъ вершинъ хребта Баризанъ и на голубой зеркальной поверхности большого озера, которое выполняетъ продольную долину, примыкающую къ плоскому плато.

Вывѣтривавшаяся вулканическая почва, значительная влажность воздуха и обильные осадки дѣлаютъ эту страну въ высшей степени плодородной; дѣвственный лѣсъ здѣсь оттѣсняется хорошо развитой культурой хлѣбныхъ растеній. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь культура риса. Поля, благодаря остроумной системѣ орошенія, постоянно находятся подъ водою и голландское правительство сильно заботится объ

улучшеніи орошенія. Поражаетъ та удивительная правильность, съ которою разсаживаются кустики риса совершенно прямыми рядами въ болотистой почвѣ. Рисъ, котораго туземцы различаютъ своимъ привычнымъ глазомъ не менѣе 14-ти сортовъ, собирается съ полей два раза въ годъ и нерѣдко до сихъ поръ вымолачивается самымъ примитивнымъ образомъ—прямо ногами людей.

Тутъ же находятся платанціи сахарнаго тросника, посреди которыхъ, прячась въ ихъ зелени, располагаются мельницы для размалыванія тростника. Мельницы эти приводятся въ движеніе буйволомъ съ завязанными глазами, который припрягается къ горизонтальному стержню и ходитъ по кругу; онъ приводитъ въ движеніе вертикальный валъ, на которомъ находятся выдающіеся спиральные обороты, входящіе между такими же оборотами другого вала. Между этими валами вкладываются стебли тростника и выжимаемый сокъ собирается въ подставленные плоскіе сосуды.

Какъ на низинахъ, такъ и на Падангскомъ плато богато развиты среди растительности пальмы. Нерѣдко здѣсь встрѣчается сахарная пальма, лубяныя волокна которой служатъ матеріаломъ для крышъ и хижинъ, тогда какъ надрѣзанные грозди цвѣтовъ ея даютъ высоко цѣнимый здѣсь сладкій сокъ. Рѣже встрѣчаются арековыя пальмы, плоды которыхъ жуются какъ бетель, и пальмя каріота со своими листьями, похожими на листья папорника. Господствующее положеніе, однако, занимаетъ здѣсь кокосовая пальма, которая достигаетъ необыкновенной высоты и образуетъ иногда настоящіе лѣса. Все плато производитъ впечатлѣніе парка, гдѣ зеленыя поверхности полей прерываются рощами, окружающими деревни. Роскошные кусты бамбука и вмѣстѣ съ ними гигантскія фруктовыя деревья, между листвой которыхъ свѣшиваются плоды—дуріаны, манги и мангустаны, иногда совершенно скрываютъ отъ взоровъ хижины туземцевъ, которыя замѣчаешь лишь подходя къ нимъ совершенно близко. Картина этой растительности оживляется еще эритриніями, цареградскимъ стручкомъ съ красными листьями на концахъ вѣтвей, и древовидными папортниками, которые придаютъ столько прелести тропическому лѣсу.

Человѣкъ какъ будто задался здѣсь цѣлью еще увеличить то чарующее впечатлѣніе, которое производитъ природа на чужестранца, и придалъ своимъ постройкамъ изящныя, положительно художественныя очертанія, какихъ не найти нигдѣ больше на всемъ Малайскомъ архипелагѣ. Хижины туземцевъ стоятъ всѣ на бамбуковыхъ сваяхъ и полъ ихъ находится, по крайней мѣрѣ, на 5 футахъ высоты надъ землею. Крыша спускается очень низко и уже издали бросается въ глаза своими изящно изогнутами очертаніями. Веранды вокругъ домовъ нѣтъ, но зато у богатыхъ малайцевъ, по крайней мѣрѣ, стѣны домовъ украшены чрез-

вычайно красиво вырѣзанными арабесками яркихъ цвѣтовъ и съ блестящими металлическими орнаментами. Окна относительно малы, точно также не велика и дверь, къ которой ведетъ лѣстница. Особенно своеобразное впечатлѣніе производятъ болѣе богатые дома, окруженные многочисленными пристройками, изъ которыхъ каждая украшена такой же изящно изогнутой крышей. Обыкновенно нѣсколько хижинъ стоятъ вмѣстѣ и образуютъ деревню или „кампонгъ“, которая почти всегда содержитъ мечеть, также чрезвычайно живописной архитектуры. Очертанія мечети у основанія квадратны; затѣмъ крутой пирамидой поднимается крыша и расчленяется на нѣсколько этажей. Смотря по богатству кампонга, мечеть съ большей или меньшей роскошью украшается снаружи арабесками, вырѣзанными или изъ мрамора, или изъ дерева. Часто по близости отъ мечети или отъ хижинъ деревни располагаются пруды, въ которыхъ разводится рыба. Кромѣ того, почти въ каждой болѣе или менѣе крупной деревнѣ находится нѣчто въ родѣ клуба; это въ большинствѣ случаевъ длинная постройка, замѣтная издали по отверстіямъ въ стѣнахъ. Очень украшаютъ деревни находящіяся около каждаго дома кладовки для храненія риса; это квадратныя постройки на высокихъ столбахъ, расширяющіяся кверху, увѣнчанныя выгнутой крышей и украшенныя пестрыми орнаментами. Онѣ выглядятъ положительно изящно.

Архитектура домовъ и расположеніе ихъ большими или маленькими деревнями станутъ понятны, когда мы познакомимся съ нѣкоторыми чертами изъ жизни обитателей Падангскаго плоскогорья.

Главная основа малайскаго государства тѣснѣйшія семейныя узы. Каждый домъ, малъ онъ или великъ, представляетъ изъ себя жилище отдѣльной семьи, въ которомъ обитаютъ не только ближайшіе члены этой семьи, но и болѣе далекіе родственники. Средняя большая комната у самаго входа служитъ мѣстомъ собранія всѣхъ обитателей, гдѣ въ то же время спятъ дѣти и неженатые члены семьи, тогда какъ боковыя помѣщенія, которыхъ не болѣе 6-ти, занимаются женатыми. Въ виду того, однако, что количество членовъ семьи нерѣдко гораздо больше, вблизи первоначальнаго дома пристраиваются другіе дома той же семьи и, въ концѣ концовъ, получается уже небольшая деревенская община, которая и носитъ названіе „кампонга“.

Главою каждаго семейнаго союза является „пангулу“—по большей части старшій братъ матери, которому всѣ остальные члены семьи выказываютъ глубочайшее уваженіе. Самый старшій изъ пангулу избирается старостой деревни и, наконецъ, старшій изъ старостъ является начальникомъ округа, объединяющаго нѣсколько деревень.

Всѣ малайцы Падангскаго плато раздѣляются на нѣсколько родовъ, которые считаютъ себя происшедшими не отъ общаго родоначальника, а отъ одной родоначальницы. Всѣ члены одного рода отвѣтственны за

дѣйствія другихъ своихъ сочленовъ. Ихъ „пангулу“ образуютъ совѣтъ округа, который рѣшаетъ всѣ судебныя дѣла, согласно со своимъ древнимъ обычнымъ правомъ. Голландское правительство поступило очень умно, сохранивъ эти старинныя отношенія: оно создало себѣ съ теченіемъ времени очень преданныхъ малайскихъ чиновниковъ, путемъ утвержденія предсѣдателей этихъ совѣтовъ, которымъ оно даже платитъ жалованье. Несмотря на свою принадлежность къ исламу, туземцы все еще держатся очень крѣпко за старинные порядки.

Не отецъ, а мать является центромъ семьи; семья въ тѣсномъ смыслѣ слова образуется изъ родственниковъ съ материнской стороны. Старшій братъ матери или старшій сынъ брата ея избирается въ пангулу и при всѣхъ возведеніяхъ въ высшій рангъ принимается во вниманіе всегда родство по отношенію къ матери. Мужъ никогда не принимается въ семейный союзъ своей жены: онъ остается членомъ своего рода, отъ котораго произошелъ. Лишь первое время послѣ женитьбы живетъ молодой мужъ со своей женой и помогаетъ ей при работахъ на рисовыхъ поляхъ, тогда какъ позднѣе онъ снова трудится на пользу своей собственной семьи, т.-е. своихъ сестеръ, и дѣтей сестеръ и посѣщаетъ лишь на короткое время свою жену и дѣтей. Количество остроконечныхъ верхушекъ на крышѣ дома указываетъ на число замужнихъ дочерей. Дѣти обыкновенно проявляютъ гораздо большую нѣжность къ къ главѣ семьи, т.-е. въ большинствѣ случаевъ къ своему дядѣ, чѣмъ къ своему отцу, связь съ которымъ у нихъ менѣе тѣсная.

Состояніе жены и дѣтей достается по смерти ихъ семейству жены, а не мужа. Мужъ, въ свою очередь, можетъ отказать своимъ дѣтямъ нѣкоторую часть имущества, часть, которая была добыта его собственными трудами, но обязанъ оставить другую часть своимъ сестрамъ и ихъ дѣтямъ. Любопытно, что даже исламъ не былъ въ состояніи повліять на значеніе и положеніе женщины; многоженства здѣсь также нѣтъ.

Что касается до характера здѣшнихъ малайцевъ, то о немъ трудно судить тому, кто пробылъ между ними такое короткое время. Бросается во всякомъ случаѣ въ глаза тотъ свободный и самоувѣренный способъ обращенія ихъ съ чужестранцами, который является полною противоположностью къ раболѣпію яванцевъ.

Чрезвычайно интересно наблюдать за жизнью и движеніемъ этой пестрой толпы туземцевъ, постоянно жизнерадостныхъ и не упускающихъ ни одного случая попраздновать, покочевать съ базара на базаръ, пошутить и посмѣяться, устроить пѣтушиный бой или состязаніе въ бѣгѣ. При какомъ-нибудь торжественномъ событіи, напримѣръ, при свадьбѣ, приходится любоваться чрезвычайно живописными нарядами, удивляющими своей роскошью. Серьезныя лица стариковъ, у которыхъ малайскій типъ выражается особенно рѣзко выдающимися скулами, короткимъ

и широкимъ носомъ и болѣе или менѣе толстыми губами при очень слабомъ развитіи бороды, составляютъ полный контрастъ съ пріятными и красивыми лицами черноволосыхъ дѣвушекъ, съ плутовскими черными глазами, блестящими изъ-подъ темныхъ бровей.

Голландское правительство обезпечило себѣ болѣе или менѣе мирное обладаніе Падангскимъ плато. Оно не упускаетъ ни одного случая вліять на населеніе воспитательнымъ образомъ и развивать туземцевъ, несомнѣнно даровитыхъ уже отъ природы. Даровитость эта сказывается въ архитектурѣ домовъ и въ художественныхъ украшеніяхъ ихъ и проявляется еще болѣе въ удивительной способности туземцевъ къ различному тонкому тканью, вышиванію, плетенію и филигранным работамъ. Кому приходилось любоваться на базарахъ изумительнѣйшими произведеніями чеканки по золоту, выполненной чрезвычайно примитивными инструментами, у того не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что народъ этотъ обладаетъ большими художественными способностями. Точно также вызываютъ изумленіе знатоковъ ихъ тонкія плетеныя работы изъ листьевъ пандануса и художественныя вышивки.

Впрочемъ, Суматра — страна контрастовъ: на сѣверѣ плоскогоріе примыкаетъ къ странѣ баттаковъ, которые еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ занимались людоѣдствомъ, а на югѣ и на востокѣ простираются такія обширныя, едва изслѣдованныя области, самостоятельность которыхъ признана самимъ голландскимъ правительствомъ.

На Явѣ.

(А. Краснова.)

22 сентября въ 8 ч. утра меня разбудилъ въ моей каютѣ вѣстовой парохода Годавери словами: „Monsieur, nous voilà à Priok“ *). Я живо одѣлся, вышелъ на палубу со своимъ небольшимъ дорожнымъ чемоданомъ и еще черезъ нѣсколько минутъ уже сидѣлъ въ вагонѣ поѣзда, мчавшаго меня изъ гавани Пріокъ, гдѣ останавливаются теперь всѣ суда, въ Батавію—исходный пунктъ моихъ экскурсій по Явѣ.

Ничто изъ окружавшей меня природы не говорило, что я попалъ въ страну, которую народы Востока считали за мѣсто эдема! Справа и слѣва изъ оконъ виднѣлись, куда хватаетъ глазъ, болота. Эти болота отъ времени до времени пересѣкались прямыми, какъ стрѣлы, каналами. Такой же точно каналъ тянулся вдоль полотна желѣзной дороги, и около него было проложено шоссе. Каналы эти, предназначенные для

*) „Господинъ, вотъ мы уже въ Пріокѣ“.

барокъ, не были однако оживлены судами. Надъ ихъ мутными желтоватыми водами возвышался кустарникъ, который затѣмъ, покрывая полузатопленныя пространства, тянулся куда хватаетъ глазъ, придавая болоту печальный однообразный видъ. Кустарникъ этотъ былъ, правда, кустарникъ тропическій, не тотъ, что привыкъ видѣть глазъ на болотахъ Сѣвера. Выше человѣческаго роста, онъ состоялъ по большей части изъ породъ съ толстыми кожистыми листьями, напоминающими листья нашихъ фикусовъ, но болѣе мелкими и густо сидящими. Онъ переплетался съ преобладавшими, на болѣе залитыхъ мѣстахъ, листьями низкорослыхъ пальмъ, перистыми, какъ у финиковыхъ, но выходящими прямо изъ земли. Въ этомъ сплетеніи не было ни красоты, ни правильности, ни изящества. Тамъ и сямъ торчали, какъ метлы, стволы кокосовыхъ пальмъ. Но, во всемъ уступая пальмамъ финиковымъ, онѣ мало оживляли ландшафтъ съ его не столько голубымъ, сколько сѣрымъ небомъ, тяжелымъ, давящимъ, хотя не столь мрачнымъ, какъ наши пасмурные дни Сѣвера, но не имѣвшимъ ни ясности, ни прозрачности. Прибавьте къ этому жаркую, чисто банную атмосферу, и вы получите первое ощущеніе человѣка, ступившаго на яванскую почву. Мало оно соотвѣтствуетъ рисуемому воображеніемъ феерически дивному тропическому міру.

Прежде суда останавливались на открытомъ рейдѣ. Пассажиры пересаживались въ мелкіе пароходы и лодки и по упомянутымъ выше каналамъ поднимались въ Батавію. Каналы держались въ порядкѣ, и голландецъ постепенно по этимъ обсаженнымъ деревьями водянымъ улицамъ, какъ въ Голландіи, въѣзжалъ въ такъ мало похожую на его отечественные города столицу острова. Теперь не то. Удобное устье Пріокъ даетъ судамъ возможность подходить прямо къ набережной, съ которой поѣзда недавно отстроенной желѣзной дороги мчатъ васъ, минуя каналы, въ Батавію, расположенную въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега, среди болотистой низменности и окруженную рощами кокосовыхъ деревьевъ.

Еще нѣсколько минутъ, и я былъ въ городѣ. Омнибусъ изъ Hôtel de Java, рекомендованнаго мнѣ еще на пароходѣ, избавилъ меня отъ непріятности искать гостиницы въ городѣ, гдѣ я не могъ говорить ни на одномъ изъ распространенныхъ въ немъ языковъ.

Батавія, какъ и всѣ голландскія колоніи, находится на особомъ положеніи. Въ колоніяхъ французскихъ и англійскихъ, даже въ Японіи, не говоря уже о Египтѣ, вы смѣло можете обратиться къ первому встрѣчному по-англійски. Если не пойметъ онъ васъ, пойметъ его сосѣдъ и переведетъ, что нужно. Не то у голландцевъ. Они не только не учили, но даже запрещали туземцамъ изучать свой языкъ, и потому, чтобы васъ могли понять на улицѣ, вы должны говорить по-ма-

лайски — языкъ, которымъ здѣсь владѣютъ всѣ живущіе въ колоніи европейцы; не зная его, вы безпомощны, хотя бы говорили на всѣхъ европейскихъ языкахъ, не исключая и голландскаго. Послѣдній для путешественника здѣсь почти излишенъ. Чуть ли не всѣ голландцы, живущіе на Явѣ, или говорятъ, или понимаютъ по-французски или понѣмецки. Но рано или поздно вы придете къ сознанію полной необходимости выучиться по-малайски, иначе роль ваша будетъ не лучше француза или нѣмца, попавшаго въ глубь русской провинціи. Поэтому, пріѣхавъ въ Батавію, я и поспѣшилъ пріютиться подъ крылышко французской гостиницы. Послѣ легкой закуски я попросилъ хозяина нанять мнѣ экипажъ къ русскому консулу, и такъ какъ послѣдній находился въ другомъ концѣ города, то вмѣстѣ съ тѣмъ я воспользовался случаемъ осмотрѣть Батавію.

Экипажи, употребляемые для ѣзды въ городахъ на Явѣ, крайне своеобразны и нельзя сказать, чтобы удобны. Это — одноколесные и двухколесные экипажи, крытые сверху небольшимъ навѣсомъ и съ однимъ общимъ сидѣньемъ. Кучеръ правитъ лошадью, вы же садитесь къ нему спиною и видите только тѣ части улицы, которыя миновали.

Всѣ дѣловыя учрежденія города находятся въ его сѣверной половинѣ, которая по внѣшности своей напоминаетъ мнѣ наши неблагоустроенные степные провинціальные города. Не вполнѣ правильныя, страшно пыльныя, немощеныя улицы, съ одноэтажными казарменными каменными зданіями неуклюжей архитектуры; выкрашенныя, какъ у насъ, въ бѣлую краску, по большей части не оттѣненныя зеленью, они заставляютъ васъ совершенно позабыть, что вы подъ тропиками, и переносятъ васъ въ родныя степи, а запахъ дегтя, мелочныя лавочки, колонны базарныхъ зданій и все застилающая пыль — дополняютъ эту иллюзію. Чтобы имѣть право разъѣзжать внутри острова, я долженъ былъ взять въ мѣстномъ полицейскомъ управленіи нѣчто въ родѣ вида на жительство (онъ здѣсь выдается всѣмъ пріѣзжимъ). Голыя бѣлыя стѣны казенной комнаты, толпа ожидающихъ лицъ, столъ съ забрызганнымъ чернилами сукномъ, два-три чиновника, по случаю жары, въ порядочномъ дезабилье и полицейскій у входа. Все это вмѣстѣ съ медлительностью въ производствѣ дѣла показалось мнѣ знакомо.

Въ колонію пролетаріатъ, люди безденежные, совсѣмъ не допускаются. Пріѣзжему голландцы сейчасъ же предъявляютъ вопросъ: „а на какія средства вы, милостивый государь, намѣрены здѣсь существовать?“ И въ случаѣ, если новоприбывшій не представитъ убѣдительныхъ доказательствъ, что онъ имѣетъ средства къ жизни, его немедленно высылаютъ съ первымъ же пароходомъ обратно.

Такимъ образомъ европейцы на Явѣ—люди болѣе или менѣе обезпеченные, нѣтъ между ними голи, нѣтъ поэтому и случаевъ, и проступ-

ковъ, роняющихъ престижъ бѣлаго человѣка въ глазахъ туземца. И, какъ мы увидимъ ниже, онъ здѣсь еще очень высокъ; только въ городахъ портовыхъ и въ гостиницахъ туземцу приходится видѣть во всей наготѣ слабости бѣлаго; здѣсь и отношеніе къ нему уже другое.

Къ югу отъ этой старинной и дѣловой Батавіи, соединяя ее съ Батавіею новой, тянется китайскій кварталъ города, — точно такъ же пыльные ряды бѣлыхъ одноэтажныхъ зданій, занятыхъ большею частью лавками съ ихъ всевозможными мелочными товарами. Специфическаго китайскаго запаха нѣтъ, и хотя черепичныя крыши зданій формою своею еще напоминаютъ стиль китайскихъ построекъ; онѣ по чистотѣ своей болѣе подходятъ къ европейскимъ. Характеръ товаровъ не носитъ ничего специфически китайскаго. Здѣсь китайцы вмѣсто своихъ шапочекъ носятъ европейскіе котелки, башмаки, панталоны, и только бѣлая кофта китайскаго покроя, усвоенная здѣсь и европейцами, является остаткомъ китайскаго костюма. Лица ихъ болѣе смуглыя, имѣютъ въ себѣ меньше монгольскаго, и даже косы какъ-то не хотятъ расти въ тропическомъ климатѣ Явы. Нигдѣ здѣсь я не видалъ тѣхъ длинныхъ, до полу болтающихся, черныхъ какъ смоль косъ, какъ въ собственномъ Китаѣ и Сингапурѣ. Здѣсь большая часть косы замѣнена вплетенными въ нее и какъ коса же заплетенными голубыми и розовыми шнурками.

Но что особенно отличаетъ китайскіе кварталы Батавіи, равно какъ и всѣхъ тѣхъ городовъ, которые я посѣщалъ впослѣдствіи, — это ихъ относительная чистота. Человѣкъ, бывавшій въ собственномъ Китаѣ, не можетъ себѣ представить китайскаго города безъ непролазной грязи, тѣсноты и вони. Таковы кварталы эти и въ другихъ странахъ. Ничего подобнаго здѣсь нѣтъ. Это такія же торговыя улицы, какъ и части европейскаго города. За китайскимъ кварталомъ слѣдуетъ новая жилая часть европейскаго города. Только здѣсь вы начинаете чувствовать, что вы подъ тропиками, да и то далеко не сразу.

Опять каналы, обнесенные аллеями изъ тамариндовъ съ мелкою рѣзною листвой. Но дома здѣсь уже не сплочены въ тѣсныя улицы. Это особняки, окруженные со всѣхъ сторонъ палисадниками. Фонъ этихъ палисадниковъ образуютъ пальмы и другія тропическія деревья. Спереди же въ довольно безобразныхъ горшкахъ полукругомъ на деревянныхъ табуретахъ разставлены кусты чахлыхъ розъ или посажены безобразные кусты пестролиста. Европеецъ не можетъ отстать отъ обычавъ, выработанныхъ въ бѣдной и жалкой природѣ его родины; окруженный здѣсь чудною и богатою растительностью, онъ попрежнему стремится имѣть передъ балкономъ своего дома тѣ же жалкіе палисадники — красивые въ туманной Голландіи, но далеко не производящіе эффекта здѣсь. Только роскошныя тропическія деревья оттѣняютъ фонъ

домовъ. Чѣмъ далѣе внутрь города, тѣмъ гуще и разнообразнѣе становится этотъ лѣсъ исполинскихъ деревъ, въ которомъ начинаетъ утопать городъ, пока не потонетъ совсѣмъ, превратившись въ роскошный паркъ, въ которомъ изъ-за деревъ выглядываютъ постройки европейца.

Въ этой блещущей растительностью части города живетъ большинство батавскихъ европейцевъ; здѣсь помѣщаются главныя достопримѣчательности города: дворецъ генералъ-губернатора, въ которомъ онъ, впрочемъ, не живетъ, нѣсколько памятниковъ, армянская церковь. Всѣ эти достопримѣчательности Батавіи, которыми гордятся яванцы, едва ли стоятъ вниманія туриста, видѣвшаго европейскіе зданія и памятники. Зоологическій и ботаническій сады города также, кромѣ развѣ крупныхъ орангъ-утанговъ, не представляютъ ничего замѣчательнаго.

Поэтому я поспѣшилъ, елико возможно, скорѣе покинуть пыльную и душную столицу и въ тотъ же день сѣлъ на поѣздъ, чтобы переѣхать въ Бейтензоргъ.

Путь изъ Батавіи до Бейтензорга беретъ около двухъ часовъ, но желѣзнодорожные пейзажи мало соотвѣтствуютъ тому, что мы привыкли ожидать отъ тропиковъ. Лѣса, когда-то одѣвавшіе сѣверный берегъ Явы, давно уже уничтожены. Большія деревья вырублены; на ихъ мѣстѣ остался вовсе не пзящный кустарникъ-полулѣсокъ. Рисовыя поля и плантаціи, напоминающія издали питомники нашихъ древесныхъ школъ, также не придаютъ изящества пейзажу. Мѣста невоздѣланныя покрыты травою вперемежку съ сорнымъ кустарникомъ столь любимой въ нашихъ купеческихъ домахъ лантаны; трава эта имѣетъ какой-то линялоблѣдно-зеленый цвѣтъ; нѣтъ ни дѣвственныхъ лѣсовъ, ни исполинскихъ ліанъ и орхидей, ни древовидныхъ папоротниковъ.

Станціи довольно часты. На нихъ толпятся малайцы—все пассажиры третьяго класса. Это смуглый, желто-коричневый народъ, обыкновенно одѣтый въ короткія, до колѣнъ, панталоны изъ тонкой цвѣтной матеріи. На бедрахъ у нихъ намотанъ широкій кусокъ пестрой матеріи, во время оно составлявшій, вѣроятно, весь костюмъ малайца и сохранившійся по традиціи. Сверху, застегнутая на одну пуговицу, коротенькая бѣлая курточка, дающая видѣть коричневое тѣло груди. На головѣ нѣчто въ родѣ небольшого тюрбанчика. Все это довольно тонкое и яркихъ цвѣтовъ, дѣлающее шумящую и болтающую толпу подобіемъ пестрыхъ попугаевъ. Ростъ малайца небольшой; черные глаза и черные, большею частью коротко остриженные, волосы напоминаютъ неаполитанца. Народъ этотъ болтливъ, общителенъ и смѣтливъ, какъ итальянцы, но ему, конечно, далеко до граціи послѣднихъ. Женщины, въ длинныхъ платьяхъ и кофтахъ съ заплетенными волосами, по костюму напоминаютъ болѣе европеекъ, хотя по граціи онѣ тоже далеки отъ нихъ.

Кромѣ малайцевъ, на промежуточныхъ станціяхъ никто не садился. Въ первомъ и второмъ классахъ ѣхали больше европейцы и нѣсколько знатныхъ, по-европейски одѣтыхъ, туземцевъ и китайцевъ. Число ихъ не велико и на весь поѣздъ былъ всего одинъ смѣшанный вагонъ перваго и второго класса.

Съ средины пути пошелъ проливной, чисто тропическій дождь. Цѣлые потоки воды лились съ неба, слышались раскаты грома, и все окружающее скрылось въ этихъ потокахъ.

Уже почти въ сумерки достигли мы Бейтензорга, и омнибусъ подъ дождемъ доставилъ насъ въ отель „Bellevue“, рекомендованный мнѣ консуломъ. Здѣсь я и остановился на нѣсколько недѣль.

Голландская гостиница на Явѣ, хотя бы то и былъ отель перваго ранга, мало походитъ на то, что мы разумѣемъ подъ этимъ именемъ въ Европѣ или другихъ европейскихъ колоніяхъ Азіи.

Жара, одинаковая лѣтомъ и зимой, дѣлаетъ пребываніе въ комнатѣ крайне непріятнымъ. Поэтому въ ней голландецъ проводитъ только время, посвященное спеціальной работѣ. Комнаты эти полутемныя и небогаты мебелью. Занимая внутреннюю часть зданія, онѣ окружены верандами, гораздо болѣе широкими, чѣмъ самая комната, на которыхъ и проводитъ свое время яванецъ. Веранды эти еще болѣе затѣняютъ спрятанныя внутри дома спальни и столовыя. На верандахъ стоятъ лонгшезы, кресла-качалки и круглые столики. Стѣны убраны обыкновенно висячими растеніями, рогами животныхъ, оружіемъ. Словомъ, это тѣ же комнаты. Сюда не достигаютъ лучи солнца и дождь, но васъ здѣсь со всѣхъ сторонъ обдуваетъ всегда теплый бархатистый тропическій воздухъ, и, лежа въ креслѣ и занимаясь чтеніемъ или разговоромъ на этой верандѣ, яванецъ проводитъ всѣ свои досуги.

Яванская гостиница выстроена по тому же типу. Длинное зданіе прячется за еще болѣе длинной и широкой верандой. Одноэтажная, какъ и всѣ дома на Явѣ, она состоитъ изъ множества дверей, ведущихъ въ маленькія, полутемныя комнатки, спальни, не имѣющія ничего, кромѣ постели съ пологомъ, умывальника, стола и нѣсколькихъ стульевъ. Передъ дверью веранды столъ, лонгшезъ и качалка. Надъ ними висячая лампа. Тонкая ширма отдѣляетъ васъ отъ сосѣдней двери съ точно такими же атрибутами.

Для иностранца, особенно для русскаго, въ первую минуту пребываніе въ подобной гостиницѣ кажется чрезвычайно неудобнымъ. Сидѣть въ комнатѣ и темно, и душно, и тѣсно. Выйти на балконъ — значитъ оказаться на виду у своихъ сосѣдей, которые слышатъ каждое ваше движеніе, слово, видятъ всѣ недостатки вашего костюма. Неудобство это однако скоро перестаетъ казаться ужаснымъ, разъ только вы освоитесь съ особенностями яванской жизни.

„Hôtel Bellevue“ справедливо заслуживаетъ своего названія. Выйдя на его веранду, вы можете любоваться роскошнымъ видомъ на городъ и его окрестности. На фонѣ картины, на тяжеломъ сѣроватомъ тропическомъ небѣ, вырисовываются столь же тяжелыя, неправильныя коническія формы господствующаго надъ мѣстностью вулкана. Онъ потухъ, не дымится, его склоны поросли лѣсами, но его коническая форма выдаетъ его происхожденіе. Пышная растительность склоновъ, неясною зеленою пеленой виднѣющаяся въ туманной дали, по мѣрѣ того какъ склоны становятся болѣе пологими, переходя въ равнину, выступаетъ все отчетливѣе и отчетливѣе. Выдѣляются верхушки и цѣлыя рощи пальмъ, пирамидальныя, какъ наши кипарисы или тополи, дамары, и вотъ подъ вашими ногами во всю ширь раскидывается восхитительная картина чуднаго тропическаго лѣса съ его безконечнымъ разнообразіемъ формъ, обрамляющаго оба берега не широкой, но быстрой рѣки съ мутными, желтоватыми водами, катящейся прямо подъ вашу веранду, исчезая подъ ея навѣсомъ, гдѣ виднѣется насыпь желѣзной дороги.

Широкіе, громадные листья зарослей банановъ, высокихъ и пышныхъ, занимаютъ болотистое побережье. За ними густой сводъ темной густой зелени, надъ которой, граціозно вздымаясь цѣлыми группами, колышутся вершины кокосовыхъ пальмъ, здѣсь пышныхъ и красивыхъ, не то, что на морскомъ побережьѣ. Отсюда же, съ балкона, вы можете разсматривать безконечное разнообразіе формъ древесной растительности лѣса. У самыхъ вашихъ ногъ, напоминая въ громадныхъ размѣрахъ наши азаліи, возвышается усыпанное цвѣтами дынное дерево. Внизу виднѣются рощи апельсиновъ, изъ-за темной глянцевитой зелени которыхъ подымается какое-то дерево съ листьями, какъ у мимозы, съ тою разницей, что каждый листъ его, выходящій изъ стебля, до 2 саженъ длиной. Тамъ, надъ водой, склонились темныя, какъ у финиковыхъ пальмъ, перистыя ваи низкорослыхъ пальмъ, дающихъ листья отъ земли. Еще далѣе крона сахарной пальмы, съ громадными гроздьями плодовъ. И все это на густой зелени вѣчно-зеленыхъ крупнолистыхъ деревьевъ.

Но гдѣ же городъ? Неужели содержатель отеля выстроилъ свое заведеніе на окраинѣ тропическаго лѣса? Ничуть. Городъ, читатель, у васъ подъ ногами. Вглядитесь, и вы увидите въ дѣвственномъ лѣсу тамъ и сямъ краснѣющую черепицу среди стеблей пальмъ или фикусовъ. Изъ-за листьевъ банана также чернѣетъ солома построекъ. Банановыя рощи обнесены загородками. Въ нихъ движутся люди. Они, сверху такіе маленькіе, нагіе, коричневые люди, купаются въ водахъ рѣки и, одѣвшись, скрываются въ жилищахъ, не видныхъ съ перваго взгляда подъ сводами буйной, бѣшеной растительности. Дома играютъ

здѣсь не большую роль въ панорамѣ, чѣмъ муравейники въ разсматриваемомъ издали лѣсу.

Панорама, мною описанная, обнимаетъ часть арабскаго и малайскаго кварталовъ Бейтензорга, группирующихъ свои дома по берегамъ рѣки, тогда какъ дома частей европейской и китайской выстроены на правомъ ея берегу и въ сторонѣ отъ русла.

Выйдя изъ отеля, вы попадаете на большую базарную площадь, которая тотчасъ же напоминаетъ вамъ, что вы въ Азіи. Рядъ лотковъ съ зеленью, фруктами, рыбой и мясомъ подъ навѣсами изъ пальмовыхъ листьевъ, защищающими провизію отъ солнца и дождя, удобными для туземца, но слишкомъ низкими для европейца, прежде всего останавливаетъ ваше вниманіе. И не напрасно. Сколько разъ я ни проходилъ по этому базару, у этихъ стоящихъ за лотками въ своихъ пестрыхъ платкахъ и курткахъ торговцевъ, болтающихъ и кричащихъ, какъ истые неаполитанцы, всегда я находилъ какіе-нибудь новые, интересные плоды. Больше всего вы увидите всегда банановъ, которые здѣсь такъ же обыкновенны, какъ у насъ картофель. Цѣлые углы базара бываютъ завалены громадными рядами съ этими, то ярко-желтыми, то темно-зелеными длинными или почти яйцевидными, плодами. Ихъ продаютъ гроздьями, длиною превосходящими человѣческій ростъ. Второе мѣсто занимаютъ ананасы; утромъ можно видѣть множество разносчиковъ, на длинныхъ кривыхъ коромыслáхъ несущихъ цѣлыя пирамиды изъ связанныхъ вмѣстѣ этихъ плодовъ.

Говоря о фруктахъ, продающихся на базарахъ, я не могу не упомянуть здѣсь и о торговцахъ прохладительными напитками, которые не только на базарѣ, но на всѣхъ перекресткахъ города кричатъ цѣлый день протяжнымъ голосомъ: „Ajier batu, Ajier batu!“ На столикѣ у такого торговца стоятъ нѣсколько широкогорлыхъ стеклянныхъ банокъ съ густымъ сахарнымъ сиропомъ и стакановъ, въ которыхъ лежатъ или нарубленные мелкими кусочками ананасы, или стружки кокосовыхъ орѣховъ, или большія полупрозрачныя сѣмена сахарной пальмы. За нѣсколько центовъ торговецъ приготовляетъ слѣдующаго состава лимонадъ. Въ особую жестянку, гдѣ у него лежатъ куски чистѣйшаго искусственнаго льда, онъ наливаетъ нѣкоторое количество сиропа. Сладковатая холодная жидкость наливается въ стаканъ, куда опускается ложка студенистыхъ сѣмянъ, расплывающихся въ водѣ, или стружекъ кокоса или ананаса. Все это перемѣшивается и получается весьма вкусный прохладительный напитокъ. Туземцы, дѣятельность которыхъ не прерывается въ жаркое время дня, весьма часто прибѣгаютъ къ этимъ прохладительнымъ напиткамъ.

Минуя площадь, гдѣ торгуютъ зеленью, овощами и мясомъ подъ навѣсами изъ травы, столь низкими, что европейцу приходится наги-

баться, проходя между лавками, вы подходите, наконецъ, къ каменному зданію типа нашихъ „гостиныхъ дворовъ“, гдѣ, совершенно какъ въ нашихъ базарныхъ рядахъ, вы проходите мимо торговцевъ краснымъ товаромъ, готовымъ платьемъ, косметиками и т. п.; кромѣ того, тутъ же готовый столъ, въ которомъ главную роль играетъ рисъ.

Когда поѣздъ желѣзной дороги проноситъ васъ по плодороднымъ долинамъ острова, то вамъ кажется, что вы ѣдете по роскошному фантастическому парку съ ярко-зелеными лужайками нѣжной муравы и раскинутыми по нимъ рощами пальмъ и другихъ тропическихъ деревьевъ. Но то, что вы принимаете за рощи, это селенія или города туземцевъ. Въ нихъ вы не видите домовъ, — это сплошная густая масса листвы. Гордыя вершины кокосовыхъ пальмъ высятся надъ густою темною зеленью различныхъ деревьевъ, съ листьями то мелкими, какъ у тополя, то громадными, какъ у хлѣбнаго дерева, достигающими аршина длины. Опушку, бордюръ такого лѣса образуютъ эффектныя низкорослыя ваи перистой пальмы, такъ естественно со всѣхъ сторонъ обрастающей селенія, что иллюзія лѣса и его опушки получается полная. Подъ сѣнью этихъ деревьевъ, этой чащи, ютятся домики туземцевъ, и нынѣ, какъ и въ доисторическія времена, продолжающихъ жить въ сѣни лѣса. Деревья своею громадностью, густотою и безпорядочнымъ ростомъ настолько напоминаютъ лѣсъ, настолько мало они въ расположеніи своемъ стѣсняются заборами изъ бамбука, расположеніемъ дворниковъ и задворковъ населенія, что невольно думается, что дома его строились уже въ готовомъ густомъ лѣсу, а не наоборотъ, лѣсъ этотъ былъ разсаженъ между ними.

А между тѣмъ здѣсь нѣтъ ни одного дерева, которое бы выросло само и не играло важной роли въ хозяйствѣ малайца. Роскошная кокосовая пальма, съ громадными листьями бананы, красивыя съ разнообразною глянцевитою темною листвой померанцевыя, апельсинныя деревья, манги, мангустаны, дуріаны и вся серія плодовыхъ деревьевъ, произведенія которыхъ вы видѣли на базарѣ, — все это растетъ здѣсь безпорядочно, едва давая мѣсто для маленькихъ, какъ грибы пріютившихся у подножія этихъ деревъ, домиковъ.

Въ нѣсколькихъ направленіяхъ такую деревню - лѣсъ пересѣкаютъ прекрасныя шоссированныя дороги, по которымъ вы можете кататься, какъ по самому лучшему фантастическому парку. Остальныя части селенія перерѣзаны узкими, только для пѣшехода пригодными, улицами.

Но именно онѣ-то, огороженныя тыномъ или, гораздо чаще, живою изгородью изъ бамбука, и достойны того, чтобы ихъ посѣтили. Тутъ подъ тройнымъ слоемъ листвы банановъ, какъ лопухи вытягивающихъ свои выше человѣческаго роста листья, молодыхъ побѣговъ сахарной пальмы и мангъ вы незамѣтно приходите къ ручью, гдѣ полощутся ре-

бятишки, полунагія женщины моютъ бѣлье въ текущей по бамбуковымъ стволамъ водѣ. Берега такихъ ручьевъ покрыты, какъ сводомъ, стеблями исполинскихъ бамбуковъ, своею изящною, нѣжною блѣдно-зеленою листвой особенно привлекательныхъ послѣ густой, темной глянцевитой дубравы. Еще лучше, если вы попадете къ окраинѣ оврага, выходящаго на берегъ рѣки, на которой расположенъ Бейтензоргъ. Не столько папоротники, сколько различные арумы и орхидеи покрываютъ его склоны. Изящные стрѣловидные листья этихъ растеній, какъ простой бурьянъ растущихъ подъ ногами, могли бы привести въ восторгъ любого цѣнителя этихъ эффектныхъ оранжерейныхъ растеній.

Самыя жилища какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ жителей весьма своеобразны. Довольно помѣстительныя у богатыхъ и маленькія у бѣдныхъ, они носятъ тотъ же характеръ. Это избы-корзинки, тѣ избушки на курьихъ ножкахъ, о которыхъ слышишь въ сказкахъ. Дѣйствительно на четырехъ сваяхъ (иногда ихъ и больше), на высотѣ около 2-хъ футовъ надъ землей, у вай возвышается домикъ, стѣны котораго представляютъ изъ себя такую же плетенку, какъ у корзинъ. Плетенка эта дѣлается изъ пластинокъ бамбука, а иногда просто изъ пальмовыхъ листьевъ. Такія сквозныя стѣны избушки при нѣкоторомъ усиліи легко пробить палкой и онѣ продуваются вѣтромъ. Полъ избы— такая ж.. хотя и болѣе прочная, но все же подающаяся подъ ногами цыновка. Такимъ образомъ маленькій домикъ малайца напоминаетъ собой карточный домикъ или клѣтку на ножкахъ, какіе иногда дѣлаютъ дѣти для насѣкомыхъ. Изящныя окна со ставнями и плетеныя изъ рисовой соломы или пальмовыхъ листьевъ крыши придаютъ всей постройкѣ весьма изящный, картинный видъ, особенно когда такой домикъ со всѣхъ сторонъ окруженъ вайми пальмъ, листвой банановъ и другихъ тропическихъ деревьевъ.

Гораздо болѣе праздничный видъ имѣетъ китайскій кварталъ Бейтензорга. Это улица бѣлыхъ зданій, безъ всякой зелени, одноэтажныхъ, съ черепичатою кровлей и широкимъ входомъ, черезъ который видно внутреннее убранство единственной комнаты, уставленной европейскою мебелью и съ домашнимъ, напоминающимъ дачный каминъ, жертвенникомъ въ глубинѣ. Рѣдко одно-два дерева возвышаются на улицѣ. Китайцы, какъ и въ Батавіи, кромѣ косы и бѣлыхъ кофтъ, ничѣмъ не отличаются по костюму отъ голландцевъ, и въ ихъ домашней утвари вы увидите массу европейскихъ принадлежностей.

Арабскій кварталъ города живописнѣе; онъ, подобно туземному, тонетъ въ зелени деревьевъ, но домики бѣлѣе, палисаднички больше, все выглядитъ аккуратнѣе. Наконецъ, европейскія части Бейтензорга во всѣхъ отношеніяхъ напоминаютъ лучшія части новой Батавіи.

Улицы города, въ какую бы часть вы ни пришли, оживлены наро-

домъ. Китайцы, малайцы, арабы чаще всего попадаются вамъ на глаза. Европейца вы увидите обыкновенно въ экипажѣ,—пѣшкомъ его встрѣтите лишь въ европейскомъ кварталѣ.

Большинство встрѣчающихся на улицахъ малайскихъ крестьянъ одѣты весьма легко. Ихъ костюмъ состоитъ только изъ упомянутыхъ короткихъ панталонъ, опоясанныхъ платкомъ, за которымъ, какъ кинжалъ у нашихъ горцевъ, торчитъ въ деревянныхъ ножнахъ ножъ. На голову они часто надѣваютъ необыкновенно широкополыя шляпы, плетеныя изъ пальмовыхъ листьевъ, или деревянныя, лакированныя. Поля такихъ шляпъ раза въ три превосходятъ поля нашихъ соломенныхъ, и издали толпа людей въ такихъ шляпахъ походитъ на группу грибовъ, выросшихъ въ тропическомъ лѣсу. Часть же тѣла выше пояса остается обыкновенно обнаженною. На тѣнистыхъ улицахъ-аллеяхъ города вы встрѣчаете самыя разнообразныя группы, а также и погонщиковъ, гонящихъ передъ собою запряженныхъ въ двухколесную арбу плоскорогихъ буйволовъ — обычное животное для обработки полей и перевозки тяжестей. Это движеніе, эта пестрота типовъ, а главное — волшебная, фантастическая декорація изъ чудныхъ тропическихъ растеній дѣлаютъ прогулку по улицамъ наслажденіемъ, конецъ которому можетъ положить лишь самая послѣдняя степень усталости.

Я однако принужденъ былъ въ первый день моего пребыванія въ городѣ ограничиться лишь небольшею прогулкой по его улицамъ-аллеямъ, такъ какъ предвѣстники дождя заставили меня поспѣшить возвращеніемъ домой. Конецъ сентября стараго стиля, когда я прибылъ на островъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ концомъ яванскаго лѣта, яванскаго сухого времени года и началомъ зимнихъ дождей. Хотя островъ и находится въ южномъ полушаріи, его климатическій режимъ напоминаетъ намъ времена года сѣверныхъ странъ, и яванская зима, если можно такъ назвать ея зимнее дождливое время, совпадаетъ по времени съ нашею зимой. Солнце, переходя на зиму въ южное полушаріе, сильно грѣетъ Австралію и окрестныя моря и обусловливаетъ возникновеніе дожденосныхъ, постоянно дующихъ с.-з. вѣтровъ, создающихъ здѣсь мѣстами непрерывные, недѣлями длящіеся ливни. Извѣстный изслѣдователь Явы Юнгхунъ описываетъ эти ливни, какъ нѣчто ужасное. Цѣлые дни не переставая, говоритъ онъ, струятся потоки дождя. Отъ ихъ шума невозможно слышать разговора въ комнатѣ. Рѣки превращаются въ бурные потоки, выходятъ изъ береговъ и разливаются по окрестности. Ява становится непроходима. Но дѣло въ томъ, что Ява, какъ и всякая гористая страна, въ зависимости отъ положенія горъ имѣетъ десятки варіантовъ основного климата. Они носятъ свой мѣстный характеръ, и Бейтензоргъ именно принадлежитъ къ числу такихъ пунктовъ. Обыкновенно — и такъ бываетъ круглый годъ — солнце встаетъ

въ розоватой дымкѣ тумана, отражая лучи свои въ тысячахъ неуспѣвшихъ просохнуть капель дождя, висящихъ на стволахъ и листьяхъ пальмъ, банановъ и другихъ омытыхъ свѣжею влагой растеній. Пріятная прохлада господствуетъ въ воздухѣ. Зари нѣтъ. Ровно въ 6 часовъ, можно сказать, выскакиваетъ дневное свѣтило, чтобы разлить свои грѣющіе лучи на эту мокрую растительность. Небо безоблачно; оно нѣжнаго сѣро-голубого цвѣта, цвѣта акварельной картины и на немъ вырисовываются силуэты залитыхъ пурпурными цвѣтами тропическихъ деревьевъ и нѣжная двоякоперистая зелень кокосовыхъ пальмъ тонущаго въ садахъ города. Легкій вѣтерокъ колышетъ ваями пальмъ и ихъ листочки трепещутъ подъ его дыханіемъ. Въ это время просыпается европеецъ; въ бѣломъ тропическомъ костюмѣ отправляется онъ на работу.

Температура мягкаго іюльскаго дня петербургскаго лѣта не стѣсняетъ движеній. Вѣтерокъ освѣжаетъ лицо, принося благоуханія то отъ изгородей, усѣянныхъ бѣлыми, какъ лиліи, крупными цвѣтами древовидныхъ датуръ, то изъ залитыхъ цвѣтами померанцевыхъ рощъ, то отъ увитого жасминами окна. Въ это время можно забыть, что находишься подъ тропиками. Между тѣмъ солнце медленно движется по направленію къ зениту. Температура медленно повышается. Нѣжные, крупные листья начинаютъ блекнуть. На небѣ появляются неясныя, сливающіяся съ его сѣроватымъ фономъ, облака. Къ полудню наступаетъ настоящая жара; солнце палитъ, и горе тому европейцу, который рискнетъ гулять съ обнаженною головой: солнечный ударъ ждетъ неосторожнаго. Теперь все стремится домой. Главныя дѣла и занятія кончаются. Воздухъ послѣ полудня становится удушливъ. Температура не повышается, но воздухъ чувствительно для организма насыщается влагой. Малѣйшее движеніе вызываетъ испарину. Вы ходите въ настоящей атмосферѣ оранжереи — жаркой, влажной, гдѣ культивируютъ тепличныя формы. Наступаетъ полное затишье. Не движутся не только самые слабо прикрѣпленные листочки на ваяхъ высокихъ пальмъ, но не шелохнется буквально ни одинъ стебелекъ травы и около 2—3 час. вся растительность парится въ тепличномъ недвижномъ воздухѣ. Надъ вершинами вулкановъ Геде и Салакъ давно уже сгущавшіяся облака быстро расползаются по небу, все болѣе и болѣе превращаясь въ темно-свинцовую грозовую тучу, теперь уже облегающую полгоризонта, скрывающую, наконецъ, и солнце. Слышатся отдаленные раскаты грома. Вотъ пахнулъ вѣтерокъ, зашелестивши листьями деревьевъ; за нимъ еще и еще порывъ, сильнѣе и сильнѣе. Они подхватываютъ покраснѣвшіе листья даммаръ, несутъ, крутя въ вихрѣ, цѣлые, въ аршинъ длиною, оторванные листья хлѣбнаго дерева. Они нагибаютъ и колышутъ громадныя кроны кокосовыхъ пальмъ, расщепляютъ въ лохмотья

нѣжные листья банановъ. Упало нѣсколько капель дождя. Раздаются нѣсколько оглушительныхъ раскатовъ грома, сверкаютъ молніи и разражается такой ливень, котораго не могутъ себѣ представить не бывавшіе подъ тропиками. Самые сильные проливные дожди во время нашихъ лѣтнихъ грозъ — лишь жалкія пародіи на этотъ ливень. Раскаты грома, одинъ оглушительнѣе другого, почти непрерывно слѣдуютъ одинъ за другимъ. Цѣлыя вѣтки, громадныя вайи пальмъ, обламываясь подъ тяжестью струящейся съ неба воды, падаютъ съ трескомъ на землю; улицы и дороги превращаются въ настоящія рѣки. Горе тому, кто попадетъ подъ эти разверзшіяся небесныя хляби. При первыхъ капляхъ дождя все, что можетъ, спасается бѣгомъ, куда глаза глядятъ, и шагать подъ дождемъ рискуютъ развѣ немногіе только малайцы въ своихъ шляпахъ - зонтикахъ, иногда болѣе чѣмъ аршиннаго діаметра, сверху лакированныхъ — совершенно какъ шляпки грибовъ. Европейцы въ это время предаются обыкновенно кейфу на верандахъ домовъ, лежа въ креслахъ-качалкахъ и попивая чай со сливками, возбуждающій ихъ нервы послѣ полуденнаго сна. Дождь бушуетъ не болѣе часа. Затѣмъ онъ слабѣетъ, и передъ закатомъ вы уже можете свободно выходить изъ дому. Тихая, прохладная ночь слѣдуетъ обыкновенно за этимъ бурнымъ вечеромъ, и если есть луна, ея блѣдный свѣтъ производитъ поразительные эффекты, играя на увлажненныхъ дождемъ недвижныхъ силуэтахъ растеній. Ея свѣтъ блѣднѣе, чѣмъ въ наши малороссійскія ночи. Онъ тусклъ, какъ на сѣверѣ. Но проникая черезъ нѣжную фантастическую листву бамбуковъ, играя жемчугомъ на громадной листвѣ банана или вдругъ открывая фонъ свѣтлаго неба, гдѣ темными контурами рисуются пирамидальные, какъ кипарисы, даммары или кроны пальмъ, онъ производитъ чудный эффектъ. Затихшая во время дождя городская жизнь пробуждается вновь. Кричатъ продавцы прохладительныхъ напитковъ, зажегши фонарикъ у своихъ лотковъ; толпы малайцевъ спѣшатъ въ театръ или глазѣютъ подъ звуки музыки на свадьбу, толпясь подъ окномъ богатаго китайскаго дома; брызгая грязью, мчится фаэтонъ съ голландскою семьей, возвращающейся съ предобѣденной прогулки или визита. Но и для пѣшехода нѣтъ теперь опасности увязнуть въ грязи. Не вѣришь глазамъ, что идешь по тѣмъ улицамъ, гдѣ только что текли рѣки воды. Здѣсь о грязи нѣтъ и помину, и, не рискуя даже промочить ботинокъ, вы можете пройти по улицѣ. Причиною этому — характеръ здѣшнихъ почвъ, этихъ различныхъ разновидностей латерита или краснозема, который быстро вбираетъ весь избытокъ выпадающей на землю влаги. На другой день регулярно повторяется то же самое; круглый годъ тропическіе ливни выпадаютъ въ послѣполуденное время, орошая почву; круглый годъ по утрамъ сіяетъ здѣсь солнце.

Ботаническій садъ Бейтензорга является одною изъ главныхъ достопримѣчательностей Явы. Этотъ садъ привлекаетъ къ себѣ не только ботаниковъ, но и туристовъ, такъ какъ даетъ возможность въ расчлененномъ на отдѣльныя части видѣ наблюдать всѣ особенности пышной тропической растительности.

Первое, что бросается въ глаза при прогулкѣ по саду, это характеръ листвы здѣшнихъ деревьевъ, значительно отличающейся отъ нашей. Листва тропическихъ деревьевъ можетъ быть подведена подъ два типа. Это будетъ или глянцевидный, какъ у камеліи, кожистый листъ, варьирующій по величинѣ и по формѣ, или, напротивъ, нѣжный, перистый, мелкоразсѣченный, какъ у акаціи или мимозы. Эти два типа даютъ своеобразный обликъ тропической растительности и красивые темные оттѣнки лѣснымъ ландшафтамъ края.

Еще болѣе останавливаютъ вниманіе стволы здѣшнихъ деревьевъ. Многіе изъ нихъ на корѣ своей образуютъ бутоны, развивающіе цвѣты и иногда дающіе крупные плоды; другіе изъ этихъ стволовъ пускаютъ воздушные корни нерѣдко громадной величины.

Необыкновенно эффектна громадная аллея, ведущая вдоль окраины сада къ губернаторскому дому. Аллея эта образуется громадными старыми индійскими смоковницами. Каждая изъ нихъ представляетъ изъ себя маленькую рощу, такъ какъ горизонтально распростертыя вѣтви материнскаго дерева, пуская множество воздушныхъ корней, выросшихъ впослѣдствіи въ землю и утолстившихся, поддерживаются ими, какъ колоннами. У нѣкоторыхъ деревьевъ материнскій стволъ уже сгнилъ и виситъ на воздухѣ, древесная же семья живетъ и существуетъ на счетъ второстепенныхъ стволовъ, образовавшихся изъ воздушныхъ корней.

Громадныя кроны деревьевъ, подверженныя порывамъ тропическихъ урагановъ, требуютъ крѣпкой поддержки. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если тамъ, гдѣ нѣтъ воздушныхъ корней, подземные корни разрастаются въ широкія доскообразныя подпорки. У различныхъ фикусовъ (смоковницъ) такіе доскообразно - поднимающіеся отъ земли и змѣеобразно изогнутые пластинчатые корни иногда превышаютъ ростъ человѣка.

Но наиболѣе оригинальною формой стволовъ и корней отличаются смоковницы-удушители. Въ самомъ саду эти странныя деревья почти не представлены, но въ окрестностяхъ города они встрѣчаются не рѣдко.

Изъ маленькаго сѣмечка на вѣтви дерева вырастаетъ небольшое растеньице. Оно скоро пускаетъ длинный воздушный корень, свѣшивающійся съ вѣтви, достигающій земли и въ нее врастающій. Къ нему обыкновенно присоединяется другой, за ними слѣдуетъ третій, и скоро пріютившее такую смоковницу дерево окутывается мощными объятіями

становящихся все толще и толще корней. Мало-по-малу корни совершенно удушаютъ пріютившее растеніе, а надъ его кроной разрастается еще болѣе мощная и пышная крона фикуса-удушителя.

Другая не менѣе характерная черта, присущая стеблямъ многихъ тропическихъ растеній, — это способность образовывать длинные ползучіе деревенѣющіе побѣги. Такого рода вьющіяся деревья извѣстны подъ именемъ ліанъ. Образуя стволъ въ ногу толщиною, ліаны перебрасываются съ дерева на дерево, опутывая десятки деревьевъ. Формы ихъ стволовъ своеобразны. У однихъ они скручены, какъ штопоръ, у другихъ завязаны въ причудливые узлы. У самаго входа въ садъ, со стороны базарной площади, вы вступаете въ длинную тѣнистую аллею изъ высокихъ деревьевъ. Первыя 10 деревьевъ служатъ здѣсь естественными подпорками громадной ліаны, которая, гирляндами перебрасываясь съ дерева на дерево, вѣтвясь и образуя съ руку толщиной стволы-веревки, тянется на добрую сотню саженъ.

Но изъ всѣхъ ліанообразныхъ растеній въ ботаническомъ саду наибольшее вниманіе обращаютъ на себя пальмы-ротанги, особенно характеризующія Остъ-индскіе острова.

Въ молодомъ возрастѣ, по красотѣ и изяществу расположенія своихъ перистыхъ вай, ротанги безъ сомнѣнія превосходятъ всѣ красивѣйшія комнатныя пальмы. Становясь старше, онѣ образуютъ ползучій колѣнчатый стволъ, рѣдко превосходящій толщиною человѣческую ногу, обыкновенно же болѣе тонкій. Они ползутъ по землѣ и, достигши дерева, мало-по-малу всползаютъ по немъ. Они легко держатся между вѣтвями, такъ какъ необычайно длинныя въ этомъ возрастѣ ваи ихъ оканчиваются длинными, крѣпкими и эластичными жгутами, усаженными необыкновенно цѣпкими колючками. Въ такомъ видѣ эти ползучія пальмы достигаютъ вершинъ самыхъ высокихъ деревьевъ, стремясь къ свѣту и воздуху. Часто случается также, что сильный ураганъ срываетъ съ дерева такую пальму; гибкій колѣнчатый стволъ, падая внизъ отъ тяжести, свертывается въ десятки колецъ, какъ толстая змѣя, вершина же продолжаетъ расти и крона ротанга опять достигаетъ прежней высоты. Послѣ нѣсколькихъ такихъ, одно за другимъ слѣдующихъ, паденій земля покрывается сплошь узлами свернутыхъ въ кольца стволовъ, напоминающихъ безконечно длинную кишку пожарной машины. Въ Бейтензоргѣ есть ротанги болѣе 50 саж. длины.

Настоящія высокоствольныя пальмы представляютъ здѣсь необыкновенное разнообразіе. Въ громадной рощѣ отдѣленія пальмъ вы видите передъ собою всѣ типы листьевъ этого семейства — отъ громадныхъ круглыхъ вѣеровъ до перистаго листа кокосовой пальмы. Мы привыкли связывать представленіе о тропикахъ съ представленіемъ о пальмахъ. Между тѣмъ въ большинствѣ дѣвственныхъ лѣсовъ Явы пальмы не

играютъ видной роли, не кидаются въ глаза. Гордыя царицы растительнаго царства не выносятъ конкуренціи съ массою другихъ деревьевъ, и потому обыкновенно надъ темнымъ фономъ дѣвственныхъ лѣсовъ Зондскаго архипелага вы никогда не увидите пальмовой кроны.

Весьма любопытны здѣсь панданусы, тѣ самые, которые мы привыкли себѣ представлять въ видѣ горшечныхъ комнатныхъ растеній съ фонтанообразными ниспадающими длинными пильчатыми листьями; здѣсь они являются исполинскими деревьями, не ниже нашихъ березъ, съ толстыми стволами, пускающими болѣе чѣмъ въ ногу толщиной безобразные воздушные корни; на нихъ, какъ на подпоркахъ, и возвышается настоящій стволъ. На вершинѣ такой стволъ вѣтвится, и каждая вѣтвь на концѣ своемъ несетъ пучокъ громадныхъ, имѣющихъ остро-зубчатые, какъ у пилы, края листьевъ.

Еще интереснѣе здѣшніе бамбуки. Достаточно сказать, что колѣнчатые стволы многихъ видовъ толще туловища взрослаго мужчины, высота же злака, дающаго пышную крону, вдвое или втрое превосходитъ высоту самыхъ высокихъ изъ нашихъ деревьевъ.

Къ числу характерныхъ чертъ тропическаго міра принадлежатъ и такъ называемые эпифиты—растенія, развивающіяся на стволахъ и вѣтвяхъ другихъ деревьевъ.

Ботаническій садъ Бейтензорга позволяетъ такимъ образомъ ознакомиться съ рядомъ характернѣйшихъ для тропиковъ растеній.

У яванскаго императора.

(Бакунина.)

Я выѣхалъ 29 августа, въ 6 часовъ утра, изъ Батавіи со скорымъ поѣздомъ, шедшимъ въ Сурабайю, и къ 7-ми часамъ вечера прибылъ на ночлегъ въ Маосъ. Поѣзду желѣзной дороги на Явѣ ходятъ лишь днемъ отъ утренней до вечерней зари; послѣ же 7 часовъ вечера всякое движеніе прекращается, такъ что волею-неволею приходилось переночевать въ Маосѣ. Перспектива эта не представляла ничего привлекательнаго, такъ какъ станція Маосъ лежитъ на болотистой и безлюдной мѣстности, среди непроходимыхъ джунглей и „рава“ (трясинъ). Эта мѣстность слыветъ, и не даромъ, гнѣздомъ самыхъ тяжкихъ и опасныхъ лихорадокъ на всей Явѣ. Климатъ здѣсь до того нездоровъ, что голландцы вынуждены были удалить отсюда гарнизонъ и значительно сократить срокъ пребыванія тамъ своихъ резидентовъ, контролеровъ и прочихъ чиновниковъ.

За часъ до приближенія къ Маосу можно было наблюдать въ поѣздѣ

нашемъ оригинальное зрѣлище людей, которые заранѣе принимали мѣры предосторожности. Пассажиры одинъ за другимъ исчезали въ туалетной, гдѣ, какъ оказалось, они надѣвали на себя предохранительные фланелевые набрюшники, ибо первое и главное условіе состоитъ въ томъ, чтобы какъ-нибудь не простудить желудка, иначе, кромѣ маляріи, можно схватить еще дизентерію или холеру. Затѣмъ мужчины и дамы принимали—кто хинные порошки или пилюли, кто хинныя капли. Уже часа за два до Маоса начались лѣса и непроходимыя болота съ зарослями камышей и папоротниковъ, простыхъ и древовидныхъ. Отовсюду сильно пахло смѣсью разлагающагося торфа и специфическимъ, но непріятнымъ до тошноты запахомъ грибовъ, сырой земли и гнили. Густой бѣлесоватый паръ неподвижно стоялъ надъ сопными трясинами по обѣ стороны пути. Изъ болотъ доносился металлическій звонъ лягушекъ, которыя какъ-то гогочутъ, издавая звуки, схожіе съ ударомъ въ колоколъ. Вся эта южная часть Явы вообще очень жидко заселена вслѣдствіе именно своего чрезвычайно нездороваго климата.

Путешествіе по Явѣ въ прекрасныхъ и комфортабельныхъ вагонахъ представляетъ собою истинное удовольствіе. Оно не такъ утомительно, какъ бы того можно было ожидать при здѣшней тропической температурѣ, и это весьма просто объясняется: начиная отъ Батавіи, поѣздъ постоянно идетъ въ гору. Несмотря на палящее солнце, пыль и удушливый запахъ каменнаго угля, которымъ отапливаются паровозы, температура все-таки сравнительно свѣжая, продуваетъ отовсюду, здоровый горный вѣтерокъ освѣжаетъ и значительно разнится отъ того воздуха, который на берегу съ успѣхомъ проникаетъ въ наши легкія, будто проходя сквозь слой сырой ваты, герметически приложенной къ вашимъ устамъ.

Разнообразіемъ видовъ линія Батавія—Маосъ не изобилуетъ. Господствующая всюду нотка, отъ которой яванская природа рѣдко отступаетъ, это дѣйствительно не поддающееся никакому точному описанію изумительное богатство и роскошь растительности. Но отличительныя черты этого бьющаго черезъ край изобилія вѣчно и всюду тождественны: группы кокосовыхъ и иныхъ пальмъ, букеты изящныхъ бамбуковъ, аллеи изъ тамариндовъ или деревьевъ капари, раскидистыя гигантскія хлѣбныя деревья и индійская смоковница, растрепанные, съ будто изрѣзанными и полинявшими листами кусты банана, юкка, папоротники, полное отсутствіе цвѣтовъ или же ярко-красные цвѣты, растущіе на деревьяхъ на недосягаемой высотѣ. Въ сырыхъ мѣстахъ и низинахъ появляются еще элегантные древовидные папоротники, камышъ и иныя болотныя растенія. Порою безконечно вдаль и вширь тянутся рисовыя плантаціи. Онѣ расположены по обѣимъ сторонамъ пути террасообразно; своими выступами и каскадами со ступеньки на ступеньку переливаю-

чинается городъ Соло. Туземные базары жалкіе и бѣдные. Это — ряды бамбуковыхъ ларей съ товаромъ послѣдняго разбора. Улицы и площади кишатъ крайне неопрятнымъ народомъ. У всѣхъ какое-то тупое и сосредоточенно подавленное выраженіе лицъ; да оно и вполнѣ понятно: императоръ деретъ три шкуры со своихъ подданныхъ, и злополучные сурукатцы изнемогаютъ подъ бременемъ различныхъ налоговъ.

Улицы темны, узки и непомѣрно грязны, на нихъ свалены всякаго рода нечистоты, а жители и обыватели, съ своей стороны, посреди улицъ предаются своимъ обычнымъ домашнимъ занятіямъ, тоже чистотою не отличающимся. Не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ спеціально и специфически малайскомъ и яванскомъ упражненіи. Туземная женщина сидитъ у порога своей хижины, то-есть собственно говоря, на улицѣ, и усердно копается въ головѣ другой яванки, стоящей передъ нею на корточкахъ. Она ищетъ и, конечно, находитъ насѣкомыхъ; при этомъ яванка, вѣроятно въ видѣ компенсаціи за свой трудъ, съ очевиднымъ аппетитомъ и наслажденіемъ кушаетъ пойманныхъ насѣкомыхъ. Только и видны учащенные жесты руки, подносящей отъ головы ко рту лакомую, повидимому, добычу!

Улицы въ Соло окаймлены по сторонамъ открытыми лачугами, покосившимися на бокъ, такъ какъ стѣны давно дали трещину, а крыша протекаетъ, починить же не на что. Нѣкоторые болѣе другихъ жалкіе домишки изъ бамбука безъ штукатурки наполовину ушли въ землю. И всюду на площадяхъ и улицахъ передъ лачугами и въ самыхъ домахъ кишмя кишатъ оборванные яванцы. Таково предмѣстье Соло.

Въ центрѣ города много прилпчнѣе и лучше. По четыремъ фасамъ обширной площади, среди которой возвышается изъ-за высокихъ стѣнъ громада императорскаго кратона (дворца), обрисовался новый городъ.

Здѣсь же видишь безконечно длинныя и толстыя стѣны, окружающія кратоны принцевъ и министровъ. Въ кратонахъ этихъ живутъ десятки тысячъ празднаго люда, состоящаго изъ придворныхъ чиновъ, прислуги, стражи, музыкантовъ, кордебалета, рабочихъ и ремесленниковъ съ ихъ женами и дѣтьми. Весь этотъ безполезный народъ содержится на счетъ сусухунана и принцевъ и обходится весьма дорого, такъ что у императора никогда денегъ не бываетъ. Онъ, кромѣ того, весьма любитъ покупать брильянты и всякій европейскій хламъ, давать обѣды, ужины и балы съ европейскими угощеніемъ и выпивкою.

Тутъ же живутъ голландцы, почему эта часть города составляетъ пріятный контрастъ съ туземными кварталами. Здѣсь два отеля, кирка; европейскіе магазины, домики офицеровъ и чиновниковъ. Домъ резидента тутъ же, недалеко отъ лучшаго отеля.

Положеніе резидентовъ въ Сурукатѣ весьма деликатное, требующее вмѣстѣ энергіи и мягкаго такта; поэтому правительство предпочтительно

передъ другими личностями посылаетъ туда людей благовоспитанныхъ, такъ какъ сусухунанъ и яванскіе гранды, сами изучившіе и практикующіе всѣ тонкости этикета, особенно цѣнятъ приличное воспитаніе и изящныя манеры; резидентами при императорѣ обыкновенно назначаются люди интеллигентные и одаренные дипломатическими способностями и тактомъ.

Задача такого голландскаго представителя не легкая: онъ долженъ держать себя такъ, чтобы не дать почувствовать ни государю, ни его народу, что фактическая власть находится въ его, резидента, рукахъ. Въ дѣйствительности императору предоставлены одни лишь внѣшніе атрибуты власти: онъ лишь указываетъ и издаетъ декреты, не вмѣшиваясь собственною особою въ дѣла внутренняго управленія. Для этой цѣли существуютъ спеціальные сановники, на жалованьѣ изъ Батавіи; они служатъ посредниками между властителями, голландскимъ управленіемъ въ лицѣ резидентовъ и генералъ-губернаторомъ въ Бейтензоргѣ. Они вѣщаютъ народу державную волю его государей, они взимаютъ подати и налоги, назначаютъ и смѣняютъ туземныхъ чиновниковъ, судей и проч. Но при этомъ и они, подобно своему повелителю, сусухунану, состоятъ подъ контролемъ резидента.

Несмотря на внѣшній почетъ, которымъ даже голландскія власти стараются окружать сусухунана, императоръ, можно утверждать, живетъ узникомъ въ стѣнахъ своего обширнаго кратона. Такъ какъ азіатскій этикетъ вообще воспрещаетъ государю приходить съ своимъ народомъ въ болѣе близкое соприкосновеніе, то голландцы воспользовались этимъ древнимъ обыкновеніемъ съ тѣмъ, чтобы завладѣть священною особою сусухунана. Императоръ никуда не выѣзжаетъ, не предваривъ о томъ резидента; визиты онъ дѣлаетъ при строго соблюдаемомъ этикетѣ одному резиденту. Государь не можетъ даже выѣхать на побывку въ свою загородную дачу, въ часѣ разстоянія отъ города, не испросивъ сперва на то разрѣшенія у резидента. Отлучиться же вовсе изъ своей резиденціи и посѣтить хотя бы своего сосѣда, султана въ Джокджѣ, императоръ не имѣетъ права: это было бы противно яванскому обычаю.

Еще одна характерная особенность. Когда-то, во время оно, одинъ изъ императоровъ былъ отравленъ своими придворными или родственниками. Это въ Азіи, и вообще на востокѣ, явленіе обычное, и даже нынѣшній государь постоянно дрожитъ за свою жизнь. Преемникъ отравленнаго правителя, во избѣжаніе таковой же участи, попросилъ резидента дозволить, чтобы на будущее время кушанье для императора было приготовляемо на резидентской кухнѣ, откуда оно потомъ подъ конвоемъ отправлялось бы въ кратонъ. Голландцы пожелали и впослѣдствіи сохранить этотъ обычай, и нынѣ еще можно въ Соло наблюдать

слѣдующее любопытное зрѣлище: ровно въ полдень изъ воротъ кратона выступаетъ цѣлая процессія, медленно и торжественно направляясь къ дому, или, вѣрнѣе, въ сторону, гдѣ расположена кухня резидента.

Какими-то фантастическими чучелами одѣтые яванцы, въ конусообразныхъ цвѣтныхъ шапочкахъ (кулукъ) изъ рыбьяго пузыря, съ развѣвающимися саронгами и шароварами, съ криссами за спиною, несутъ серебряныя и золотыя блюда съ крышками; это мундшенки и тафельдекеры его величества. Надъ августѣйшими блюдами другіе чины двора въ такомъ же снаряженіи высоко держатъ императорскій желтаго шелка „пайонгъ“ (зонтикъ). Зонтики, какъ извѣстно, различно изукрашенные и расписанные, смотря по рангу собственника, составляютъ также и на Явѣ неизбѣжный внѣшній аттрибутъ офиціальныхъ лицъ и людей, власть имущихъ.

Голландцы для усиленія своего престижа усвоили этотъ обычай: ихъ сановники и чиновники также имѣютъ присвоенные ихъ рангу расписные пайонги и пайонгоносцевъ. Получивъ изъ кухни резидента императорскую порцію „наси“ (варенаго риса) и прочія кушанья, процессія тѣмъ же путемъ и порядкомъ возвращается обратно и исчезаетъ въ воротахъ кратона, которыя вслѣдъ за нею затворяются.

Императоръ получаетъ отъ правительства ежегодную субсидію до 800.000 гульд. (почти 625,000 рублей). На содержаніе принцевъ крови положено еще до 450.000 гульд. (около 350,000 р.) въ годъ. Къ тому же, такъ какъ сусухунанъ постоянно въ долгу, онъ то и дѣло испрашиваетъ авансы у правительства, которое не отказываетъ въ выдачѣ денегъ, но тѣмъ еще болѣе связываетъ сурукатскаго правителя по рукамъ и ногамъ.

Голландское правительство вознаграждаетъ себя за свои расходы по содержанію сусухунана и султана въ Джокджѣ отчасти тѣмъ, что взимаетъ въ краѣ пошлины съ поступающихъ податей, отдаетъ на откупъ соль, опіумъ и земельные участи для эксплуатаціи минеральныхъ богатствъ и проч.

Голландская власть въ провинціи Сурукатѣ въ лицѣ резидента,— губернаторскаго намѣстника, штата его и чиновниковъ вѣдаетъ административныя дѣла, судебные и прочіе интересы исключительно европейцевъ, китайцевъ и азіатовъ, не состоящихъ въ подданствѣ сусухунана. Дѣлами собственно подданныхъ его величества завѣдуетъ туземная верховная судебная комиссія, но совѣтъ этотъ подноситъ сперва всѣ судебные акты на разбирательство резидента и испрашиваетъ его подпись. Приговоры совѣта подлежатъ утвержденію резидента въ теченіе трехъ сутокъ послѣ состоявшагося рѣшенія. Для совершенія смертной казни надъ подданными сусухунана испрашивается спеціальное разрѣшеніе генералъ-губернатора.

Резидентъ предложилъ мнѣ представиться сусухунану въ тотъ же вечеръ въ 9 часовъ. Онъ пригласилъ меня въ слѣдующій высокоторжественный день къ себѣ на ужинъ и на балъ, удостоенные присутствія императора и его свиты.

— „Къ сусухунану надо явиться во фракѣ при орденахъ: онъ ужасно это любитъ, какъ вы будете имѣть случай въ томъ убѣдиться. За вами заѣдетъ командиръ лейбъ-драгунскаго полка. Бесѣдовать вамъ придется съ сусухунаномъ на малайскомъ языкѣ: онъ по-голландски не понимаетъ“.

Ровно въ 9 час. вечера мы въѣзжали во внутреннюю часть обширнаго, окруженнаго высокими стѣнами кратона, гдѣ подъ „пендоно“ (передняя крытая галлерея), довольно слабо освѣщенною тусклыми керосиновыми лампами, насъ ожидали братья его величества и другіе высокіе сановники его двора. На каменныхъ плитахъ на корточкахъ воссѣдали группами тѣлохранители, часовые и прочіе члены и чины многочисленнаго придворнаго штата. Всѣ они кланялись намъ по-явански, простирая впередъ отъ высоты лба руки, сложенныя ладонями вмѣстѣ. Исполняющіе должность церемоніймейстеровъ ввели насъ въ огромныхъ размѣровъ залъ, отдѣланный наполовину въ яванскомъ, наполовину въ сомнительномъ европейскомъ вкусѣ съ европейскою мебелью, люстрами, лампами, статуэтками изъ позолоченнаго гипса и прочею салонною обстановкою, собранною со всѣхъ концовъ Европы и немножко наугадъ. Въ глубинѣ залы, на эстрадѣ, въ раззолоченныхъ штофныхъ креслахъ подъ желтыми пайонгами, воссѣдали сусухунанъ и первая его супруга, „туанъ-рату“, окруженные безчисленными братьями, сыновьями и дочерьми. На мраморныхъ плитахъ, у подножія трона, застыли на корточкахъ въ безмолвно благоговѣйномъ созерцаніи императорскаго величія придворные кавалеры и фрейлины. Кавалеры были, согласно требованіямъ придворнаго яванскаго этикета, обнажены до пояса, дамы одѣты были менѣе легкомысленно: онѣ имѣли подъ саронгомъ, туго стянутымъ впереди на груди, совершенно обнаженныя руки.

Въ боковыхъ придѣлахъ залы и въ сосѣднихъ аппартаментахъ также неподвижно воссѣдали на полу чинныя бронзоваго цвѣта группы царедворцевъ, музыкантовъ, танцовщиковъ и танцовщицъ.

Приблизившись къ эстрадѣ, мы совершили предписанные этикетомъ три глубокихъ реверанса. Императоръ всталъ и, подойдя къ намъ, любезно раскланялся. Взявъ насъ за руки, онъ подвелъ и посадилъ меня по правую, а моего спутника по лѣвую сторону и тутъ же представилъ меня императрицѣ и членамъ своего семейства.

Сусухунанъ былъ въ яванскомъ костюмѣ съ необутыми ногами въ расшитыхъ золотомъ и брильянтами туфляхъ-шлепанцахъ, въ пестромъ саронгѣ и бархатной черной куркѣ, на которой сіяла звѣзда недавно

имъ полученнаго ордена Нидерландскаго Льва и еще какой-то орденъ, который оказался „домашнимъ орденомъ“, изобрѣтеннымъ его покойнымъ отцомъ.

Сусухунанъ Паку-Бувоно-Сенопати-Ингнаголого-Нгабдуръ-Рахманъ, Сайдинъ-Панотогамо — еще молодой человѣкъ, лѣтъ 27—28, высокаго роста, стройный, скорѣе красиваго типа лица, съ тонкими губами, подвижный, нервный, съ порывистою рѣчью и движеніями, съ безпокойно блуждающими во всѣ стороны глазами стального цвѣта. На лицѣ его толстыми черными чертами намалеваны были бородка клиномъ, брови и усы, уходившіе кверху остріемъ.

Пока императоръ ставилъ мнѣ обычные банальные вопросы: давно ли я въ Батавіи, откуда прибылъ и проч., слуги разносили угощеніе, состоявшее изъ чая, шампанскаго, ликера и неизбѣжной въ Индіи „голландской воды“ (айеръ вланда), т.-е. минеральной воды аполлинариса съ виски. Намъ подали также сигаръ и папиросъ. Изъ глубины второго зала доносились до насъ звуки „гамеланга“ (оркестра), между тѣмъ какъ впереди передъ нашими глазами выстраивались группы танцоровъ и миніатюрныхъ танцовщицъ въ богатыхъ цвѣтныхъ костюмахъ.

Танцующія—все дѣвочки отъ 10 до 13-лѣтняго возраста,—имѣли на головахъ тяжелыя золотыя діадемы, украшенныя гирляндами цвѣтовъ. На обнаженныхъ рукахъ и на щиколоткахъ необутыхъ ногъ красовались массивные золотые браслеты съ драгоцѣнными камнями. Все это были родныя дочери, племянницы и иныя родственницы самого императора. Эти же принцессы крови должны были на другой день у резидента, въ присутствіи сусухунана, танцовать національные яванскіе танцы.

Музыка полнаго гамеланга, состоящаго изъ 40—50 струнныхъ и ударныхъ инструментовъ — заунывная и монотонная. Долетающая до васъ изъ отдаленія и какъ бы подъ сурдинку мелодія яванскаго гамеланга имѣетъ своеобразную прелесть: иной разъ звуки еле уловимы, порою они даже какъ будто переходятъ совсѣмъ въ какой-то подавленный шопотъ.

Что же касается яванскихъ танцевъ, то врядъ ли можно въ строгомъ смыслѣ этого слова назвать танцами эти плавныя и медленныя движенія одного корпуса, это ритмическое топтаніе на одномъ мѣстѣ съ покачиваніемъ тѣла, съ неестественными вывихами наружу кистей и пальцевъ рукъ, почти безъ участія и безъ движенія ногъ. Это какое-то священнодѣйствіе, а не танцы.

Во время танцевъ сусухунанъ что-то очень часто посматривалъ на меня не то съ недоумѣніемъ, не то съ улыбкою; онъ что-то такое шепталъ своимъ приближеннымъ, указывая на свой орденъ, висѣвшій у него на шеѣ. Я, видя эти упорные взгляды, усомнился, нѣтъ ли какого

изъяна въ моемъ туалетѣ. И усомнился я не даромъ. Императоръ, наконецъ, не выдержалъ: ткнувъ своимъ коричневымъ перстомъ въ мой сербскій крестъ, онъ замѣтилъ мнѣ съ улыбкою: „орденъ этотъ надѣтъ не такъ, какъ слѣдуетъ“. Въ доказательство онъ велѣлъ себѣ принести альбомъ, въ которомъ изображены были всѣ ордена и декораціи вселенной и безошибочно разыскалъ въ немъ мой крестъ. Оказалось, что я впопыхахъ надѣлъ свой крестъ наизнанку, что не ускользнуло отъ зоркаго глаза сусухунана, который, очевидно, изъ изученія иностранныхъ орденовъ составилъ себѣ спеціальность.

Затѣмъ его величество сплюнулъ въ подставленную ему золотую плевальницу. Придворная фрейлина съ красными отъ жеванія „сири“ деснами приняла эту урну и, высоко держа надъ головою свою драгоцѣнную ношу, отковыляла въ сторону. Именно и буквально отковыляла, такъ какъ она, сидя на корточкахъ, такъ и осталась сидѣть и съ мѣста быстро поползла по мраморнымъ плитамъ, откидывая въ стороны необутыя ноги.

Сусухунанъ много разспрашивалъ меня о Россіи, полюбопытствовалъ узнать, какъ велико „негри“ (государство) Рюсландъ, сколько въ Россіи жителей и войска.

Изумленію его не было предѣловъ, когда онъ услышалъ, что мы можемъ выставить въ случаѣ войны до 4 милліоновъ воиновъ. Сусухунанъ началъ быстро и возбужденно шептаться со своими приближенными; онъ, очевидно, сообщалъ имъ, что во всей „негри Вланда“ (Голландіи) жителей столько, сколько въ Россіи однихъ солдатъ.

Послѣ аудіенціи, музыки и танцевъ, затянувшихся до 11 час. вечера, мы откланялись и возвратились во-свояси.

На слѣдующій день, въ 5 час. по-полудни, я былъ уже у резидента и засталъ полный домъ приглашенныхъ. Ровно въ $5^1/_2$ час. грянули съ форта салютные пушечные выстрѣлы въ честь императорскаго выхода изъ кратона. Сусухунану предшествовали различно и пестро костюмированныя группы тѣлохранителей съ пиками и щитами, носители почетныхъ зонтиковъ и золотыхъ августѣйшихъ плевальницъ, оруженосцы, царедворцы, конюхи, танцоры и проч. Нѣкоторые были въ яванскомъ костюмѣ, другіе, зеленые, красные и синіе, въ какомъ-то полуевропейскомъ облаченіи XVII вѣка, перенятомъ у португальцевъ, въ башмакахъ и короткихъ штанахъ въ обтяжку и въ шляпахъ съ перьями поверхъ національнаго шиньона волосъ и неизбѣжнаго „каинъ капала“ (головной платокъ). Гамеланъ и фрейлины сусухунана прибыли раньше.

Но вотъ является и самъ императоръ въ золоченой по всѣмъ швамъ огромной каретѣ на высокихъ рессорахъ, обитой краснымъ штофомъ, съ золочеными фонарями и высочайшими козлами, обтянутыми золотой

парчей. Два кучера въ ливреяхъ торжественно возсѣдали на своемъ сѣдалищѣ, шесть форейторовъ посажены были на шесть лошадей запряженныхъ цугомъ, а сзади на запяткахъ помѣщались двое лакеевъ съ открытыми надъ кузовомъ кареты желтыми императорскими зонтиками. Четверо скороходовъ рысцой бѣжали у дверецъ экипажа съ такими же желтыми зонтиками. Въ каретѣ неподвижно и важно, какъ идолъ, возсѣдалъ сусухунанъ. Вотъ раздаются звуки народнаго нидерландскаго гимна, и резидентъ въ фрачномъ шитомъ золотомъ мундирѣ спѣшитъ встрѣтить своего высокаго гостя у подъѣзда.

Оба—серьезный голландецъ и потѣшный азіатъ,—прежде всего раскланиваются другъ передъ другомъ медленно, церемонно, низко наклоняясь, затѣмъ резидентъ беретъ сусухунана подъ руку, подобно тому, какъ у насъ кавалеръ ведетъ свою даму къ обѣду, и оба направляются среди разступающейся и раскланивающейся публики въ парадный залъ, гдѣ на эстрадѣ, подъ бархатнымъ балдахиномъ съ золотымъ голландскимъ гербомъ, поставлены два совершенно тожественныхъ кресла. Резидентъ сажаетъ сусухунана рядомъ съ собою и усиленно слѣдитъ за тѣмъ, какъ бы его гость какъ-нибудь не подвинулся впередъ: чуть двинетъ свое кресло императоръ, резидентъ совершаетъ подобную же эволюцію. Свита размѣщается позади, по сторонамъ и впереди этой главной центральной группы, кто стоя, кто на корточкахъ на полу. Свита эта — невѣроятная, рѣжущая глаза и пестрая, въ саронгахъ съ узорами, широчайшихъ бумажныхъ шароварахъ съ разводами и въ разноцвѣтныхъ, смотря по рангу, конусообразныхъ шапочкахъ, изъ-подъ которыхъ въ заплетенныхъ волосахъ кавалеровъ сверкаютъ нити жемчуга и крупные брильянты, а въ шиньонахъ дамъ полукруглые гребни, усыпанные разноцвѣтными камнями.

По знаку сусухунана, далеко впереди у самой веранды размѣщенный на полу гамеланъ исполняетъ заунывное, однообразное приглашеніе къ танцамъ. Танцовщицы, все принцессы императорской крови, выдвигаются впередъ и плавно, медленно, съ неизбѣжными кривляніями и вывихами пальцевъ и суставовъ рукъ, исполняютъ національные яванскіе танцы.

Эти упражненія длятся полтора часа. Резидентъ сидитъ на своемъ тронѣ съ выраженіемъ на лицѣ тоски и покорности судьбѣ. Онъ изрѣдка за приложенною къ лицу рукой скрываетъ нервный зѣвокъ. Резиденту подобный спектакль—не въ рѣдкость, онъ видалъ виды и продѣлываетъ безъ всякаго увлеченія то же самое по нѣскольку разъ въ годъ въ экстренныхъ случаяхъ, потому что безъ этого въ торжественные дни обойтись нельзя. Голландская публика тоже относится равнодушно и позѣвываетъ отъ скуки.

Но вотъ ко всеобщему облегченію танцы окончились. Публика, утомленная однообразіемъ зрѣлища и продолжительнымъ сидѣніемъ, шумно

поднимается со своихъ мѣстъ и разсыпается по заламъ и по открытымъ галлереямъ, чтобы поразмяться и покурить. Императоръ подъ руку съ резидентомъ прогуливается и бесѣдуетъ на малайскомъ языкѣ съ болѣе выдающимися европейскими и туземными сановниками. Затѣмъ онъ садится рядомъ со своимъ хозяиномъ уже за обыкновенный столъ, куритъ и попиваетъ прохладительные напитки, изрѣдка сплевывая въ подставленную ему услужливою рукою государственную плевальницу. У императора въ рукахъ гирлянды живыхъ и сильно пахучихъ бѣлыхъ цвѣтовъ, которые онъ, въ знакъ благоволенія, раздаетъ окружающимъ. Послѣ 9 час. начинаются танцы, уже европейскіе, подъ звуки бальнаго оркестра, и самъ сусухунанъ принимаетъ въ нихъ живое участіе. Составляются кадриль и лянсье, его величество танцуетъ по очереди съ резидентшею, ея дочерью, полковницею и женою президента трибунала.

Сусухунанъ, высокій, стройный, изящно сложенный, весьма красивъ и представителенъ въ своемъ черномъ костюмѣ португальскаго покроя; онъ кажется живою фигурою, перенесенною изъ XVII столѣтія. На немъ короткая бархатная жакетка, какую носятъ испанскіе торреадоры. На куртклѣ рядъ крупныхъ брильянтовъ замѣняетъ собою пуговицы. Кушакъ также сверкаетъ брильянтами и драгоцѣнными камнями. За спиною вставленъ богатѣйшій криссъ (кинжалъ) въ золотыхъ ножнахъ, весь усыпанный алмазами. На головѣ императоръ имѣетъ необычайной формы черную поярковую шляпу; она внѣшнимъ видомъ своимъ напоминаетъ шапочки католическихъ священниковъ, но втрое выше. Бархатныя лосины въ обтяжку, черные шелковые чулки и башмаки съ алмазными пряжками довершаютъ этотъ оригинальный и эффектный костюмъ.

Ровно въ 12 час. начался ужинъ. Приготовлено было въ задней открытой галлереѣ четыре или пять столовъ на 200 челов., и все было безукоризненно и роскошно: обстановка веранды, установленной зеленью, цвѣтами и крупными пальмами, декорированной флагами и залитой огнями, прекрасная сервировка, буфетъ и разнообразіе выписаннаго цѣликомъ изъ Батавіи ужина. По всему видно было, что резидентъ привыкъ и умѣлъ принимать на широкую ногу.

Въ моментъ, когда разливали шампанское, хозяинъ дома и области всталъ и по-голландски произнесъ тостъ въ честь нидерландской королевы, а затѣмъ и въ честь своего высокаго гостя. Оркестръ заигралъ гимнъ. Сусухунанъ коротко отвѣтилъ на малайскомъ языкѣ.

Послѣ кофе и чая, сервированныхъ на передней верандѣ, возобновились прерванные ужиномъ танцы, и балъ оживленно продолжался до 4 час. утра. Въ пятомъ часу сусухунанъ откланялся хозяевамъ и публикѣ, подавъ тѣмъ сигналъ къ общему разъѣзду.

На островѣ Люсонѣ.

(М а р ш а).

9 сентября въ 5 часовъ вечера мы прибыли въ Манильскую гавань, одну изъ самыхъ красивыхъ и—главное—одну изъ самыхъ обширныхъ въ свѣтѣ.

Послѣ санитарнаго осмотра я впрыгнулъ въ пирогу и поѣхалъ на берегъ. Я помѣстился въ гостиницѣ „Fonda Francesa“, содержимой нѣкіимъ Лала-Ари. Этотъ Лала—индусъ по мнѣнію однихъ, малаецъ по мнѣнію другихъ; онъ говоритъ почти на всѣхъ языкахъ и отправилъ своего сына для занятій французскимъ языкомъ во Францію, англійскимъ—въ Англію. Его отель, говорятъ, лучшій въ Манильѣ. Что же подумать тогда объ остальныхъ? Здѣсь очень плохо и очень дорого. Но я скоро устроился другимъ образомъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ негоціантовъ предложилъ мнѣ свое гостепріимство, и я поселился у него.

Манилья, столица Филиппинскаго архипелага, расположена подъ 14° сѣверной широты и 118° долготы отъ Парижа на длинной и узкой полосѣ земли, вдающейся въ заливъ. Манилья защищена на протяженіи трехъ четвертей въ окружности высокими стѣнами съ глубокимъ рвомъ, наполняющимся водой во время прилива; съ другой стороны городъ защищенъ рѣкой Пазигъ. Стѣны красивы на видъ, но мало надежны; землетрясенія неоднократно разрушали ихъ. Одинъ каменный мостъ и два деревянныхъ соединяютъ городъ съ окраинами лежащими за рѣкой. Окраины гораздо обширнѣе самаго города и въ нихъ сосредоточена торговая жизнь Манильи. Манилья собственно, именно тотъ городъ, который окруженъ стѣнами, имѣетъ не болѣе 17 тысячъ жителей, но она окружена кольцомъ большихъ пригородовъ, туземныхъ селъ, что значительно увеличиваетъ общее число жителей. Напримѣръ, Бинондо-Санъ-Хозе имѣетъ 23 тысячи жителей, Квіанно—шесть тысячъ. Въ общемъ если всѣ пригороды и мѣстечки причислять къ Манильѣ, то получится солидная цифра — 116 тысячъ населенія, изъ котораго огромное большинство—тагальскаго происхожденія, остальное китайцы; кромѣ того, здѣсь живутъ европейцы въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Улицы, большею частью малооживленныя, съ тротуарами, которые находятся въ очень плохомъ состояніи; нѣкоторыя изъ улицъ вымощены большими плитами. Есть въ городѣ и широкія улицы, напримѣръ, улица С.-Фернанда, идущая отъ порта къ пригороду Бинондо, или улица Розаріо, гдѣ находятся лавки съ рѣдкостями, содержимыя китайцами; наконецъ, улица Эскольто, украшенная роскошными европейскими магазинами, которые мало-по-малу вытѣсняютъ китайскія лавчонки.

На улицахъ Эскольто и Розаріо много оживленія. Что ихъ отличаетъ отъ большинства другихъ улицъ Манильи — это то, что по нимъ можно ѣздить. Онѣ содержатся очень хорошо и вымощены. Этимъ результатомъ онѣ обязаны коммерсантамъ, населяющимъ ихъ. На общія средства они выписали изъ Китая плиты, а преступники, отбывающіе наказаніе, были отпущены начальствомъ и работали надъ замощеніемъ улицъ; правда, все это исполнено недостаточно хорошо, но все-таки это дѣлаетъ возможнымъ ѣзду въ этой части города даже въ періодъ сильныхъ дождей.

Дома высокіе, однообразные, обыкновенно имѣютъ каменный низъ, одинъ этажъ деревянный, крыши черепичатыя, что при легкомъ землетрясеніи вызываетъ много несчастныхъ случаевъ. Поэтому правительство теперь (послѣ несчастій въ 1880 году) запретило крыть дома чѣмъ-либо другимъ, кромѣ цинка и желѣза.

Низъ дома служитъ только для помѣщенія экипажей; только первый этажъ занятъ людьми. Фасадъ окаймленъ крытой галлереей съ жалюзи.

Видъ на рѣку Пазигъ очень красивъ; на ней царитъ большое оживленіе; между Испанскимъ мостомъ и моремъ плывутъ корабли и барки. Пригороды праваго берега, къ которому примыкаетъ этотъ мостъ, построены на небольшихъ островахъ; поэтому Манилья можетъ быть названа второю Венеціей; въ проливахъ плывутъ плоскія пироги, перевозящія товары въ магазины. Во время отлива эти каналы, какъ и въ Венеціи, непріятны для обонянія; однако болотныя лихорадки здѣсь сравнительно рѣдки.

На лѣвомъ берегу стоятъ одинъ возлѣ другого пароходы вблизи таможни; здѣсь именно производится выгрузка, такъ какъ всѣ товары должны пройти черезъ таможню и подвергнуться осмотру.

На правомъ берегу есть нѣсколько большихъ торговыхъ зданій и вдоль всей набережной стоятъ готовые къ отплытію пароходы и небольшіе пароходики, поддерживающіе сношеніе между Манильей и другими портами архипелага.

Предметами вывоза изъ Манильскаго порта служатъ: табакъ, сахаръ, кофе, индиго; ввозятъ сюда ткани, желѣзныя и мѣдныя издѣлія, парфюмерію, стеклянныя издѣлія, консервы, вино, пиво и т. п.

Церкви придаютъ много живописности Манильѣ; здѣсь, въ столицѣ ихъ архитектура очень разнообразна, въ противоположность провинціи, гдѣ каждая религіозная община въ постройкѣ своихъ храмовъ слѣдуетъ образцу, отъ котораго отступаетъ рѣдко. Соборъ, возобновленный послѣ землетрясенія, покрытъ желѣзомъ. Всюду надписи, украшенія—ими богаты церкви Манильи, какъ вообще всѣ церкви Испаніи и испанскихъ владѣній.

Названія высшихъ учебныхъ заведеній говорятъ, что они находятся въ рукахъ духовныхъ орденовъ, напримѣръ: коллегія св. Ѳомы—доминиканская, коллегія св. Іоанна Латранскаго, управляемая тѣмъ же орденомъ, пріютъ Милосердія для сиротъ, наконецъ коллегія іезуитовъ, которая имѣетъ обсерваторію, приносящую здѣсь, въ странѣ, подверженной ужаснымъ ураганамъ, много пользы. Директоръ этой обсерваторіи устроилъ нѣсколько станцій на сѣверѣ и югѣ Люсона, соединенныхъ телеграфомъ съ Манильей. Сопоставляя метеорологическія показанія на Филиппинахъ, Китаѣ и Японіи, онъ оказываетъ большія услуги пароходамъ, находящимся въ портахъ Люсона. Предупрежденные во время, они могутъ принять мѣры предосторожности отъ бури.

Утромъ рано можно видѣть молочницъ съ кувшинами съ молокомъ на головахъ, потомъ торговцевъ „сакатомъ“—небольшими связками травы для лошадей; наконецъ показываются китайскіе цырюльники, которые стригутъ, чистятъ носы и уши, и торговцы освѣжительными напитками.

Въ кафе, гдѣ пьютъ преимущественно лимонадъ и нѣмецкое пиво съ большимъ содержаніемъ спирта, служатъ тагальскіе лакеи въ бѣлыхъ панталонахъ и рубашкахъ того же цвѣта.

Здѣсь есть красивыя мѣста для гуляпья, обсаженныя деревьями; два раза въ недѣлю на этихъ бульварахъ, во время лѣтняго сезона, играетъ военная музыка. Въ воскресенье, во время музыки, эти мѣста переполняются публикой и экипажами. „Викторія“, ландо съ серебряными украшеніями, въ которомъ возсѣдаютъ, развалившись, крупные коммерсанты или богатыя метиски въ костюмахъ изъ шелка яркихъ цвѣтовъ, ѣдутъ бокъ-о-бокъ съ „калеза“ или скромными „каромата“—экипажами туземцевъ.

„Калеза“—родъ кабріолета съ верхомъ, который, свѣшиваясь впередъ, защищаетъ сѣдоковъ отъ солнца. Кучеръ помѣщается сзади на маленькомъ сидѣньи, упираясь ногами о рессоры экипажа. Когда верхъ откинутъ назадъ и покрывающая его кожа свернута и прикрѣплена ремнями къ его вершинѣ, кучеръ просовываетъ голову въ пустое пространство, образованное свиткомъ кожи.

„Каромата“ не имѣетъ сходства ни съ однимъ европейскимъ экипажемъ; она снабжена занавѣсками изъ кожи или изъ матеріи,—считается, что онѣ защищаютъ путешественника отъ дождя и солнца. Въ глубинѣ экипажа помѣщается очень низкое сидѣнье; сидящій на немъ можетъ свободно положить голову на свои собственныя колѣна. Для кучера есть мѣсто, но онъ предпочитаетъ усаживаться на одну изъ оглобель. Все это помѣщается на двухъ колесахъ, съ бамбуковыми или стальными рессорами; впереди бѣжитъ кляча, получающая больше ударовъ, чѣмъ корма. Внѣ Манильи въ упряжкѣ ходятъ по большей части двѣ лошади немного получше, что позволяетъ кучеру ѣхать по мало или совсѣмъ

неустроеннымъ дорогамъ со скоростью, опасной для цѣлости экипажа,— и такой способъ передвиженія доводитъ путешественника до полнаго истощенія.

Въ Манильѣ есть театры; въ одномъ выступаютъ европейскіе артисты; въ другихъ актеры, большею частью очень юные, играютъ на тагальскомъ языкѣ. Очень забавно смотрѣть на ихъ игру; но они считаютъ себя большими артистами.

Тагалы обладаютъ ясно выраженными художественными наклонностями; среди нихъ встрѣчаются рисовальщики, нѣсколько живописцевъ, искусные рѣзчики по дереву, отличающіеся скорѣе умѣньемъ подражать, чѣмъ талантомъ. Тагалы обожаютъ музыку и прибѣгаютъ къ ней по всякому поводу, но слишкомъ злоупотребляютъ фальцетомъ. Конечно, существуютъ исключенія, но чрезвычайно рѣдко.

Однажды я былъ въ обществѣ, — мужчины играли, а молодыя дѣвушки пѣли. Я сидѣлъ спокойно, поглядывая, какъ мой пріятель игралъ въ шахматы, какъ вдругъ одна молодая метиска безо всякаго предупрежденія запѣла „Bella Filipina“. Мы такъ изумились, что не могли не обернуться, чтобы посмотрѣть, кого тутъ душатъ; бѣдняжка, пѣвшая для насъ, замѣтила это движеніе и была крайне смущена.

„Bella Filipina“ одна изъ любимыхъ тагальскихъ пѣсенъ; она восхваляетъ красоту и грацію филиппинскихъ красавицъ, отличающихся болѣе или менѣе неопредѣленнымъ колеблющимся типомъ; въ этомъ уголкѣ земли произошло смѣшеніе многихъ племенъ — негритосовъ, малайцевъ, китайцевъ, выходцевъ изъ различныхъ мѣстностей Индіи и Индо-Китая, мексиканцевъ, испанцевъ и другихъ европейцевъ... Но для имѣющаго возможность наблюдать манильцевъ въ теченіе долгаго времени выдѣляется нѣкоторый общій типъ тагала,—разновидность малайскаго типа, происшедшая прежде всего отъ смѣшенія малайскихъ завоевателей съ негритосами, невысокими черными людьми, живущими здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Малайскій типъ особенно выраженъ на югѣ Люсона, на сѣверѣ встрѣчается японскій; что же касается смѣшаннаго китайско-тагальскаго типа, онъ встрѣчается повсюду.

Вечеромъ 24 декабря маленькое паровое судно отходило отъ Манильи вверхъ по Пазигу; въ сообществѣ нѣсколькихъ манильскихъ французовъ, я намѣревался посѣтить гаціенду Яла-Яла на берегу прелестнаго Байскаго озера. Оттуда я намѣревался отправиться на восточное побережье Люсона.

Благодаря темнотѣ ночи, я не могъ оцѣнить красоты береговъ Пазига; луна, взошедшая какъ разъ, когда мы подъѣхали къ мѣсту истока Пазига изъ озера, позволила мнѣ только полюбоваться великолѣпными рощами бамбуковъ отъ 20 до 30-ти метровъ высотою. Бамбукъ здѣсь (какъ и повсюду) — чудесное дерево, которое служитъ для всего, изъ

котораго дѣлаютъ все и которымъ нельзя достаточно нахвалиться. Чтобы оцѣнить его по достоинству, надо попутешествовать по тропическимъ странамъ.

Изъ бамбука строятъ цѣлые дома; иногда даже крыша дѣлается изъ расколотыхъ стволовъ бамбука вмѣсто черепицы. Изъ его стволовъ дѣлаются трубы для воды. Каждое утро и каждый вечеръ молодежь, особенно дѣти, отправляются со своими бамбуковыми ведрами метра въ два длиною къ рѣкѣ или къ сосѣднему ручейку за водой, необходимой для домашняго хозяйства. Во время засухи въ междоузліяхъ бамбука скопляется просачивающаяся въ его стволъ дождевая вода и путешественникъ сдѣлавъ проколъ, находитъ ее свѣжей и чистой. Чтобы добыть огня, достаточно взять два куска сухого бамбука, одинъ изъ которыхъ расщепленъ по длинѣ; въ эту щель вставляютъ щепки того же растенія и другимъ кускомъ трутъ первый до тѣхъ поръ, пока щепки не воспламенятся. Изъ бамбука дѣлаютъ повозки, сани, плоты, лѣстницы, подмостки, мостики черезъ ручейки, грубыя цыновки, разстилаемыя въ дождливое время по дорогамъ, сдѣлавшимся непроходимыми. Онъ служитъ для приготовленія дешевыхъ корзинъ и всякой хозяйственной и кухонной утвари. Изъ него же плетутъ корзины и цыновки, приготовляютъ копья и наконечники стрѣлъ.

Другой сортъ бамбука, гораздо болѣе низкаго роста, не выше полутора метра, идетъ на изготовленіе такъ называемыхъ манильскихъ шляпъ, изящныхъ, гибкихъ портсигаровъ и тонкихъ цыновокъ, расходящихся въ большомъ количествѣ.

Большую пользу приноситъ также другое растеніе — беюко (видъ тростника). Изъ него дѣлаютъ веревки, чтобы скрѣплять отдѣльныя части плотничьей работы; въ нѣкоторыхъ сооруженіяхъ эти веревки замѣняютъ гвозди. Туземецъ никогда не освѣдомляется, въ порядкѣ ли его экипажъ и въ полномъ ли составѣ сбруя. Въ случаѣ какого-нибудь несчастія онъ всюду найдетъ беюко, чтобы починить повозку или замѣнить сломанныя и затерянныя части сбруи.

Около 4-хъ часовъ утра мы подошли къ полуострову Яла-Яла, дѣлящему Байское озеро на двѣ неравныя части. Гаціенда на Яла-Яла стала образцовой фермой и первой, до сихъ поръ единственной на Филиппинскихъ островахъ плантаціей, имѣющей свою желѣзную дорогу для перевозки сахарнаго тростника. Рабочими въ гаціендѣ служатъ обитатели деревни Яла-Яла на западномъ берегу полуострова.

Деревня построена на участкѣ, принадлежащемъ хозяину гаціенды. Большинство населенія состоитъ изъ рабочихъ; въ деревнѣ есть деревянная досчатая церковь съ туземнымъ священникомъ и взводъ жандармовъ подъ командой сержанта.

Домъ хозяина гаціенды стоитъ около деревни; онъ отдѣляется отъ

нея бамбуковою изгородью. Это большое одноэтажное каменное строеніе, покрытое красной черепицей; около него стоятъ: паровая лѣсопилка, мельницы, также паровыя, и печи съ большими чанами, въ которыхъ кипятится сокъ сахарнаго тростника. Сзади этого строенія тянутся, теряясь изъ виду, до подошвы горъ поля сахарнаго тростника. Эти горы дѣлятъ полуостровъ на двѣ части по всей его длинѣ. На берегу есть и другая плантація, но меньшихъ размѣровъ.

Въ самый день нашего пріѣзда устроилась охота, въ которой я не могъ принять участія, благодаря состоянію моего здоровья. Охотники вернулись съ двумя оленями и однимъ кабаномъ. Эти животныя очень многочисленны на полуостровѣ; собаки и охотники уничтожаютъ ихъ каждую недѣлю штукъ восемь или десять. Изъ мяса этихъ животныхъ дѣлаютъ „тапа“, которую продаютъ въ Манильѣ.

Для приготовленія тапа рѣжутъ мясо на очень тонкіе кусочки и сушатъ его на солнцѣ. Высушивъ, его связываютъ въ небольшіе пучки и продаютъ въ Манильѣ метисамъ и индусамъ, предпочитающимъ тапа всякому свѣжему мясу. Тапа изъ оленины, пользуется особымъ предпочтеніемъ. Что касается до меня, — признаюсь, я не могу раздѣлять этого вкуса, и только отсутствіе другихъ кушаній заставило меня ѣсть тапа.

Индусы и метисы очень любятъ также насиженныя яйца, сваренныя какъ разъ передъ вылупленіемъ цыпленка. Эти яйца ввозятся въ большомъ количествѣ китайцами, которые ихъ также очень любятъ. Нѣкоторые путешественники увѣряютъ, что китайцы ѣдятъ испорченныя яйца. Эти яйца не испорчены, а только насижены; на 2-й день ихъ бросаютъ въ кипятокъ, насыщенный солью, гдѣ и кипятятъ долгое время. Приготовленныя такимъ способомъ, эти яйца сохраняются безконечно долго; нѣкоторые изъ моихъ пріятелей нашли это блюдо прелестнымъ; на мой взглядъ, эти маленькія, почти безформенныя животныя — далеко не лакомство.

Другое блюдо, обожаемое туземцами и внушающее мнѣ еще большее отвращеніе, — это маленькіе рачки, почти микроскопическіе, пролежавшіе болѣе или менѣе долгое время на солнцѣ и издающіе отвратительный запахъ.

Хорошенько отдохнувъ, я смогъ на слѣдующій день (27 декабря) принять участіе въ охотѣ на дикихъ буйволовъ, которыхъ здѣсь зовутъ „карабаосъ“. Задача состоитъ въ томъ, чтобы взять этихъ животныхъ живыми и приручить ихъ въ достаточной степени передъ тѣмъ, какъ отвести на рынокъ.

Ночью на мѣсто охоты посылали загонщиковъ и лошадей, а утромъ въ четыре часа мы сѣли въ „банка“ (нѣчто вродѣ пироги). Обогнувъ полуостровъ, мы ждали на условленномъ мѣстѣ доѣзжачихъ и собакъ

пришедшихъ сухимъ путемъ. Мы находились на большой равнинѣ; на краю ея мы встрѣтили своихъ людей съ лошадьми.

Намъ пришлось разыграть роль скорѣе зрителей, чѣмъ охотниковъ, такъ какъ одни туземцы въ состояніи гнаться за буйволами и набрасывать лассо имъ на рога. Это происходитъ отъ того, что маленькія мѣстныя лошадки не въ сплахъ выдержать долгой и быстрой ѣзды подъ европейскимъ всадникомъ, болѣе рослымъ и тяжелымъ, чѣмъ туземные, большею частью невысокіе, тонкіе и, слѣдовательно, болѣе легкіе наѣздники.

Передъ выѣздомъ охотники укрѣпляютъ на концѣ длиннаго бамбуковаго шеста веревку, заканчивающуюся мертвою петлей, которую надо набросить на рога животнаго. Другой конецъ веревки плотно прикрѣпленъ къ серединѣ шеста.

Въ десять часовъ доносятъ о появленіи буйволовъ; охотники устремляются къ одному изъ животныхъ, пытающемуся пересѣчь равнину. Долгое время наши охотники, пригнувшись къ лукѣ, преслѣдуютъ его и не могутъ догнать; наконецъ, одинъ изъ нихъ, скакавшій въ теченіе пяти минутъ почти бокъ-о-бокъ съ буйволомъ, ухитряется набросить свое лассо на рога животнаго и бросаетъ бамбукъ; буйволъ тащилъ бамбукъ за собою, пока не зацѣпился за кусты. Подъѣхали два другіе охотника, также набросили свои лассо на рога буйвола и привязали его къ дереву.

Иногда, поймавъ буйвола, охотники ограничиваются тѣмъ, что кладутъ на него мѣтку каленымъ желѣзомъ и выпускаютъ животное на свободу. Въ другихъ случаяхъ буйвола уводятъ, чтобы приручить; его привязываютъ къ другому, уже прирученному буйволу, который и ведетъ дикаго до корраля, гдѣ животное остается безъ ѣды нѣсколько дней. Когда буйволъ немного присмирѣетъ, его привязываютъ къ дереву или къ столбу и заостреннымъ концомъ бамбука пробиваютъ отверстіе въ носовой перегородкѣ; въ это отверстіе продѣваютъ желѣзное кольцо, помощью котораго управляютъ буйволомъ. Первымъ, кто подходитъ къ буйволу послѣ этой операціи, бываетъ обыкновенно ребенокъ, который вскакиваетъ ему на спину и съ помощью веревки, продѣтой въ носовое кольцо, дѣлаетъ изъ животнаго почти все, что хочетъ. Случается, хотя очень рѣдко, что преслѣдуемый и окруженный буйволъ оборачивается и рогами распарываетъ животъ лошади, преслѣдующей его; если всадникъ не поторопится влѣзть на дерево, его ждетъ та же участь.

Карабао почти необходимъ туземцу, особенно при культурѣ риса, хотя этотъ буйволъ не выноситъ и боится солнца. Онъ можетъ перевозить большія тяжести, но не долѣе двухъ часовъ подрядъ; на немъ ѣздятъ верхомъ, при чемъ онъ неутомимъ, но движется медленно, медленно и страстно любитъ валяться въ грязи; на свободѣ буйволъ всю

жизнь проводитъ въ грязи; покоренный, пользуется всякимъ случаемъ, чтобы погрузить своего всадника въ двухфутовый слой грязи, которыя здѣсь называютъ дорогой. Чтобы помѣшать его стремленіямъ, всадникъ держитъ одной рукой веревку, проходящую отъ кольца въ носу буйвола къ его хвосту. При малѣйшей попыткѣ животнаго всадникъ дергаетъ веревку и избѣгаетъ такимъ образомъ грязевой ванны.

Карабао почти всегда чернаго цвѣта, но встрѣчаются рыжеватые и даже довольно часто альбиносы. Эти послѣдніе имѣютъ очень бѣлую шерсть и нѣжно-розовую кожу. У дикихъ буйволовъ рога коротки и загнуты, у рожденныхъ на фермахъ они большею частью очень длинны и очень разнообразнаго вида. Что касается цѣны, быкъ стоитъ обыкновенно отъ двѣнадцати до шестнадцати піастровъ (около сорока рублей). Менѣе сильныя коровы продаются нѣсколько дешевле.

Убивать карабао на мясо запрещено, по крайней мѣрѣ безъ правительственнаго разрѣшенія. Когда буйволъ околѣваетъ, владѣлецъ долженъ заявить объ этомъ подъ угрозой значительнаго штрафа. Каждый годъ производится перепись этихъ животныхъ.

17-го января я покинулъ Яла-Яла. Мы поѣхали въ лодкѣ, обогнули полуостровъ и были застигнуты сѣвернымъ вѣтромъ, взволновавшимъ озеро. Нашъ путь лежалъ почти навстрѣчу вѣтру и пришлось лавировать, что было довольно трудно съ нашимъ судномъ и неопытными моряками. Наконецъ, послѣ восьмичасовой борьбы, мы пристали къ восточному берегу полуострова Яла-Яла.

Пока наши люди занимались приготовленіемъ обѣда, мы устраивали свои „батанги“ (балансиръ). Здѣшніе челноки, легко опрокидываются, особенно во время сѣвернаго вѣтра. Во избѣжаніе такихъ случаевъ туземцы устраиваютъ нѣчто вродѣ балансировъ по обѣимъ сторонамъ лодки параллельно ея борту; эти балансиры опираются своими концами на два бамбуковыхъ шеста, положенныхъ поперекъ судна. Все вмѣстѣ образуетъ родъ прямоугольника; бамбукъ берется болѣе или менѣе толстый, смотря по величинѣ пироги, въ центрѣ которой эти шесты прикрѣплены такимъ образомъ, что при равновѣсіи ея концы батанга едва касаются воды.

Всѣ эти суда имѣютъ слишкомъ высокія мачты и слишкомъ большіе паруса; при сильномъ вѣтрѣ матросамъ приходится бѣжать на конецъ батанга, и часто требуется нѣсколько человѣкъ, чтобы удержать лодку въ равновѣсіи. Они бѣгаютъ по бамбуковымъ шестамъ съ ловкостью обезьянъ, то удаляясь отъ лодки, то приближаясь къ ней— соотвѣтственно силѣ вѣтра. Если матросы замѣшкаются, имъ случается взять болѣе или менѣе основательную ванну.

Снабженное батангомъ судно рѣдко опрокидывается, если сильный порывъ вѣтра не сломаетъ одну изъ сторонъ балансира. Въ этомъ случаѣ судно, хотя и наполненное водой, удерживается на поверхности,

что позволяетъ экипажу спастись. Впрочемъ, всѣ прибрежные жители— превосходные пловцы.

Утромъ 18-го января, пользуясь затишьемъ, мы снова отправились въ путь по направленію къ мѣстечку Синилоану, куда и прибыли безъ всякихъ препятствій къ десяти часамъ утра.

Синилоанъ лежитъ на двухъ берегахъ маленькой рѣчки того же названія, и обѣ части его связаны мостомъ. Синилоанъ построенъ на заливныхъ, необычайно плодородныхъ, участкахъ, могущихъ дать двѣ-три жатвы риса въ годъ. Въ сухое время года рисовыя поля надвигаются на озеро; въ дождливое—туземцы ставятъ тони на отмеляхъ, между которыми съ трудомъ пробирается маленькая рѣчка Синилоанъ. Въ этой мѣстности Люсона держатъ много буйволовъ, служащихъ для обработки рисовыхъ полей и перевозки риса.

Мы посѣтили жилище богатаго туземца. Какъ вездѣ, подвальный этажъ каменный, самое строеніе деревянное, крытое черепицей. Зала представляетъ собою большую четырехугольную комнату съ изукрашенной раззолоченной колоннадой. Потолокъ и стѣны покрыты золотыми листьями. Здѣсь гостямъ предлагаютъ угощеніе. Спальни въ туземныхъ домахъ просто закоулки, гдѣ почти никогда нѣтъ кровати. Она замѣняется цыновками, которыя по вечерамъ разстилаются на полу и вмѣстѣ съ двумятремя подушками составляютъ всю постель. Въ хорошо устроенныхъ домахъ встрѣчаются настоящія кровати. Они состоятъ изъ рамы, поставленной на четыре стойки; тростниковый матрацъ натягивается на эту раму, замѣняя тюфякъ; сверхъ него кладутъ цыновку вмѣсто того, чтобы класть ее прямо на землю. Эти постели всего пригоднѣе для жаркихъ странъ, такъ какъ спать въ нихъ довольно свѣжо.

Остальная обстановка состоитъ изъ „батака“, родъ кушетки, употребляемой богатыми людьми, которые проводятъ въ ней большую часть своего существованія, стола, очень часто піанино или арфы. Комоды или шкафы встрѣчаются рѣдко, такъ какъ почти всѣ предметы туалета запираются въ сундуки.

Освѣщеніе составляютъ керосиновыя лампы и „vaso de luz“ (стаканъ свѣта), единственная лампа простого народа; это грубый ночникъ, состоящій изъ стакана большей или меньшей величины, наполненнаго водою пополамъ съ кокосовымъ масломъ. Сквозь тонкую полоску жести съ отверстіемъ посрединѣ продѣвается фитиль, единственная достопримѣчательность этого аппарата. Фитиль дѣлается не изъ хлопка, какъ у европейцевъ, а изъ бузинной сердцевины, привозимой изъ Китая подъ названіемъ „тинъ-тоинъ“. Горитъ этотъ фитиль превосходно и не стоитъ ничего. Китайскіе торговцы, у которыхъ прислуга дѣлаетъ свои покупки, даютъ бузинную сердцевину даромъ, не въ счетъ товара.

Исламъ.

(По В. Ирвингу и др.)

Религія, основанная Магометомъ въ VII в. по Р. Х. и распространившаяся весьма быстро по многимъ странамъ Азіи и Африки, насчитываетъ въ настоящее время около 170 милл. послѣдователей. Въ Азіи, кромѣ турецкихъ владѣній и Аравіи, она распространена въ Персіи, Афганистанѣ, Британской Индіи, отчасти въ Китаѣ и на островахъ Малайскаго архипелага.

Самъ Магометъ не считалъ себя основателемъ новой религіи, а говорилъ, что онъ только возстановляетъ въ первобытной чистотѣ вѣру, полученную людьми отъ самого Бога. Согласно съ этимъ, мусульмане признаютъ Моисея и Христа, но ставятъ ихъ, какъ пророковъ, ниже Магомета. Основы ученія Магомета изложены въ Коранѣ, священной книгѣ мусульманъ, представляющей собраніе различныхъ откровеній и проповѣдей, которыя были записаны приближенными и послѣдователями Магомета; самъ онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Встрѣчаются въ Коранѣ и заимствованія, преимущественно изъ Библіи и еврейскаго Талмуда; съ этими книгами Магометъ познакомился благодаря своимъ сношеніямъ съ христіанами и евреями. Коранъ содержитъ въ себѣ не только изложеніе догматовъ вѣры и религіозныхъ обрядовъ, но и цѣлый сборникъ различныхъ законовъ, принятыхъ во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ. У мусульманъ Коранъ считается еще болѣе священною книгою, нежели у христіанъ Библія; имъ клянутся мусульмане. Онъ состоитъ изъ многихъ главъ, каждая изъ которыхъ начинается словами „Бисмиллахъ“, что значитъ „во имя Бога всеблагого“. Мусульманинъ, входя куда-нибудь, садясь за столъ или принимая какую-нибудь, даже самую мелкую, услугу, непремѣнно скажетъ: „Бисмиллахъ!“

Первый и основной догматъ Корана: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога“,— утверждаетъ единство Божіе; отсюда произошло и самое названіе религіи „исламъ“, что по-арабски обозначаетъ покорность Богу. Вторая часть этого догмата: „и Магометъ пророкъ Его“, подтверждаетъ божественность откровеній, возвѣщенныхъ Магометомъ. Кромѣ Бога, Коранъ внушаетъ вѣру въ ангеловъ и пророковъ. Первые дѣлятся на добрыхъ и злыхъ; послѣднихъ очень много, до двухсотъ тысячъ, но главными признаются только шесть: Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей, Христосъ и Магометъ. Поклоненіе святымъ, иконамъ и картинамъ, ихъ изображающимъ, воспрещается, какъ и вообще всякое изображеніе живыхъ существъ. Мусульмане вѣруютъ также въ страшный судъ и воскресеніе мертвыхъ. Души пророковъ и праведниковъ тотчасъ послѣ смерти вступаютъ въ рай, при чемъ бѣдные имѣютъ преимущество надъ

богатыми; души невѣрныхъ находятся въ подземныхъ пещерахъ, ожидая съ трепетомъ суднаго дня. Въ день послѣдняго суда каждый человѣкъ долженъ будетъ отдать отчетъ въ своихъ поступкахъ, хорошихъ и дурныхъ. Послѣдуютъ испытанія посредствомъ вѣсовъ, на которыхъ будутъ взвѣшены всѣ хорошія и дурныя дѣла, послѣ чего всѣ должны будутъ переходить черезъ мостъ, узкій и острый, какъ лезвее меча; невѣрные попадаютъ въ пропасть, а правовѣрные вслѣдъ за Магометомъ вступятъ въ рай, гдѣ ихъ будутъ ожидать неизъяснимыя наслажденія. Мученія ада и райское блаженство описываются въ Коранѣ самымъ подробнымъ образомъ, въ яркихъ краскахъ истинно восточной фантазіи. Самая почва въ раю насыщена благовоніями и усѣяна вмѣсто песку жемчугомъ; источники чисты какъ хрусталь и текутъ среди цвѣтущихъ береговъ; есть ручьи и изъ молока, вина и меда, текущіе въ камфарныхъ берегахъ, покрытыхъ мохомъ и шафраномъ. Воздухъ тамъ нѣжнѣе благоуханнаго зефира и освѣжается искрометными фонтанами. Тамъ же растетъ и древо жизни такихъ громадныхъ размѣровъ, что самой быстрой лошади потребовалось бы сто лѣтъ, чтобы пересѣчь тѣнь, падающую отъ него.

Обитатели этого чуднаго сада носятъ одежды, сверкающія драгоцѣнными камнями, ходятъ въ золотыхъ вѣнцахъ, украшенныхъ жемчугомъ и алмазами, ѣдятъ самыя разнообразныя и изысканныя кушанья и напитки.

Въ воздухѣ носятся звуки чудныхъ пѣсенъ райскихъ дѣвъ. Даже въ шумѣ деревьевъ слышатся чудныя мелодіи, когда миріады колокольчиковъ, висящихъ на ихъ вѣтвяхъ, приводятся въ движеніе дуновеніемъ, исходящимъ отъ престола Аллаха.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ по своему значенію догматовъ ислама является вѣра въ предопредѣленіе, или фатализмъ, весьма много содѣйствовавшій распространенію мусульманства. По этому закону все, чему должно быть, прежде всѣхъ вѣковъ назначено неизмѣнною волею Божіей. Въ силу такой увѣренности мусульмане шли на войну безъ страха и боязни смерти. Правовѣрный, остававшійся живымъ, получалъ добычу, а убитый входилъ въ рай. Благодаря такому воззрѣнію, мусульмане такъ далеко распространили свои владѣнія въ сравнительно ничтожный промежутокъ времени. Но въ наше время это воззрѣніе способствуетъ упадку мусульманскихъ государствъ, такъ какъ оно заранѣе признаетъ тщетность всѣхъ человѣческихъ усилій и стремленій къ улучшенію своего существованія.

Кромѣ вѣры въ эти догматы, Коранъ предписываетъ своимъ послѣдователямъ совершать дѣла благочестія. Покорность волѣ Божіей, щедрость, правдивость, гостепріимство, постъ и молитва проповѣдуются во многихъ мѣстахъ Корана. Раздаваніе милостыни вмѣняется въ не-

премѣнную обязанность; каждый мусульманинъ обязанъ потратить десятую часть своихъ доходовъ на помощь бѣднымъ и несчастнымъ. О справедливости Коранъ говоритъ такъ: „Не поступай несправедливо съ другими и никто съ тобой не поступитъ несправедливо“; въ поступкахъ должно соблюдать честность и искренность.

Молитва составляетъ одно изъ религіозныхъ дѣлъ. Магометъ называетъ ее столпомъ вѣры и ключомъ отъ рая. Истинный мусульманинъ обязанъ молиться пять разъ въ день: утромъ, передъ восходомъ солнца, въ полдень, послѣ обѣда, передъ закатомъ солнца и отходя ко сну. Во всѣхъ этихъ молитвахъ повторяется одно хвалебное восклицаніе: „Богъ великъ! Богъ всесиленъ! Богъ всемогущъ!“ Нѣкоторые для большей точности читаютъ молитву по четкамъ. Она можетъ совершаться въ мечети и на всякомъ чистомъ мѣстѣ; во время молитвы лицо должно быть обращено по направленію къ священной Каабѣ, находящейся въ Меккѣ. Опредѣлено даже, какое нужно соблюдать положеніе тѣла во время молитвы, и самымъ торжественнымъ поклономъ считается, когда молящійся касается лбомъ до земли. Женщинамъ при молитвѣ предписывается не протягивать рукъ впередъ, а держать ихъ сложенными на груди. Имъ не полагается дѣлать такихъ глубокихъ поклоновъ, какъ мужчинамъ, и молиться онѣ должны нѣжнымъ, тихимъ голосомъ. Онѣ не могутъ молиться въ мечети одновременно съ мужчинами. Внѣшнее исполненіе одной лишь обрядной стороны, не сопровождаемое должнымъ вниманіемъ и истинною набожностью, не можетъ принести никакой пользы. Обращаться къ Богу правовѣрный долженъ со смиреніемъ, снявъ съ себя всѣ дорогія украшенія и роскошныя одежды. Передъ молитвой мусульманинъ долженъ омыть себѣ лицо, руки и ноги. Въ случаѣ недостатка воды для омовенія вмѣсто нея можно употреблять чистый песокъ; омовеніе это въ жаркомъ климатѣ имѣетъ важное гигіеническое значеніе.

Моленіе у мусульманъ совершается ежедневно, но по пятницамъ въ мечетяхъ говорится кромѣ того проповѣдь.

Всѣ истинно правовѣрные обязаны поститься ежегодно во время мѣсяца Рамазана, при чемъ отъ восхода и до захода солнца они не могутъ принимать никакой пищи и питья, должны воздерживаться отъ куренія табаку, употребленія духовъ и тому подобныхъ удовольствій. Въ турецкихъ земляхъ постъ этотъ заканчивается торжественнымъ праздникомъ, называемымъ малымъ Байрамомъ.

Наконецъ, послѣдняя религіозная обязанность, предписываемая мусульманамъ Кораномъ, есть посѣщеніе святыхъ мѣстъ. Каждый правовѣрный долженъ разъ въ жизни сходить въ Мекку или самъ лично, или поручивъ это другому лицу. Въ послѣднемъ случаѣ замѣститель его долженъ упоминать его имя въ каждой произнесенной имъ молитвѣ.

Передъ отходомъ изъ дома богомолецъ сдаетъ всѣ свои дѣла, общественныя и домашнія, какъ бы приготовляясь къ смерти. Въ назначенный для отправленія день онъ собираетъ своихъ женъ, дѣтей и домочадцевъ и набожно ввѣряетъ ихъ и всѣ свои дѣла въ руки Бога на время своего путешествія. Потомъ, пропустивъ одинъ конецъ чалмы подъ подбородкомъ на противоположную сторону головы и устроивъ такимъ образомъ уборъ въ родѣ монашескаго, онъ беретъ въ руки крѣпкій посохъ, прощается со всѣми домашними и выходитъ изъ комнаты, восклицая: „Во имя Бога я предпринимаю это святое дѣло, уповая на Его покровительство. Я вѣрую въ Него и ввѣряю въ руки Его мои дѣла и мою жизнь“. Выйдя изъ калитки, онъ обращается лицомъ къ Каабѣ и произноситъ извѣстныя мѣста изъ Корана. Наконецъ, онъ вдѣваетъ ногу въ стремя, садится на сѣдло, снова ввѣряетъ себя Богу и пускается въ путь. Время отъѣзда разсчитано обыкновенно такъ, чтобы поспѣть въ Мекку къ началу мѣсяца Дуль-Хаджи, предназначеннаго для путешествій на богомолье. Во время самаго путешествія богомолецъ долженъ избѣгать ссоръ, терпѣливо переносить всякую грубость и оскорбленіе, поддерживать миръ и добрыя отношенія между своими товарищами по каравану и раздавать милостыню.

Всѣ мусульмане дѣлятся на двѣ большія секты: суннитовъ и шіитовъ. Первые, кромѣ Корана, признаютъ еще рядъ преданій и сказаній о пророкѣ, предписывающихъ соблюденіе многаго, о чемъ не упомянуто въ Коранѣ. Собраніе этихъ добавленій называется Сунною, откуда сунниты и получили свое названіе. Шіиты, отвергая Сунну, расходятся съ суннитами еще въ вопросѣ о томъ, кому должна переходить власть пророка надъ обществомъ правовѣрныхъ. Сунниты полагаютъ, что власть эта можетъ переходить по выбору къ разнымъ лицамъ, тогда какъ шіиты считаютъ ея законными наслѣдниками потомковъ Али, зятя Магомета. Сунниты живутъ главнымъ образомъ въ турецкихъ владѣніяхъ и Афганистанѣ, шіиты—въ Персіи. Высшая духовная власть принадлежитъ калифу, которымъ въ настоящее время является турецкій султанъ, носящій титулъ „главы правовѣрныхъ“. Впрочемъ, какъ сказано выше, главенство его признается только одними суннитами. За калифомъ слѣдуетъ шерифъ Мекки, происходящій непремѣнно изъ племени корейшитовъ, которое у мусульманъ играетъ такую же роль, какъ левиты у евреевъ. За ними слѣдуютъ имамы или муллы, т.-е. священники. Наконецъ, у мусульманъ существуютъ и свои монашескіе ордена: дервиши, факиры и др. Всѣ они, равно какъ и имамы, отличаются грубымъ фанатизмомъ и приверженностью къ буквѣ закона. Они являются главными противниками реформъ, введеніе которыхъ необходимо для всѣхъ мусульманскихъ государствъ.

Аденъ.

(Зарубина).

Мы въ самомъ центрѣ троциковъ, подъ 12° сѣверной широты, на прекрасномъ, обширномъ Аденскомъ рейдѣ. Надъ нами необъятный шатеръ ярко-голубого, вѣчно-безоблачнаго неба. Тропическое, почти отвѣсно стоящее солнце шлетъ намъ свои горячіе лучи. Сзади насъ разстилается Индійскій океанъ, а прямо впереди стоитъ обгорѣлая руина черныхъ базальтовыхъ скалъ, „адъ съ потухшимъ огнемъ", Аденъ.....

Медленно подходили мы къ рейду Адена. Еще рано утромъ, далекія очертанія его скалъ показались предъ нами въ ясномъ, идеально-прозрачномъ воздухѣ; въ разныхъ мѣстахъ между ними, какъ сѣрый туманъ, легла извилистая полоса песчанаго берега. Мы съ нетерпѣніемъ смотрѣли на эту еще невиданную, неизвѣстную намъ землю. Самаго города долго нельзя было разсмотрѣть. Скалы каменнымъ кольцомъ окружили его почти со всѣхъ сторонъ и точно стерегли отъ нескромныхъ взоровъ. Въ разныхъ мѣстахъ отъ берега, точно громадныя птицы съ распущенными крыльями, неслись большія туземныя парусныя лодки: то рыбаки спѣшили въ море, пользуясь благопріятною погодой. Мы часто догоняли и перегоняли ихъ, но быстрый бѣгъ корабля едва позволялъ взглянуть на коричневыя, выразительныя, точно вылитыя изъ бронзы, атлетическія фигуры малайцевъ, раскинувшихся тамъ и сямъ по палубѣ въ небрежныхъ позахъ. Черезъ минуту они оставались уже далеко назади. Въ свою очередь, догоняя и перегоняя насъ, точно играя и рѣзвясь съ кораблемъ, гналась за нами огромная акула. На Аденскомъ рейдѣ акулъ множество, и встрѣча съ ними представляетъ самое обыкновенное явленіе. Акула то далеко обгоняла насъ, описывая широкіе круги вокругъ парохода, то появлялась близко около какого-нибудь борта, или плыла за кормой въ блестящей пѣнистой полосѣ, оставляемой винтомъ. Въ прозрачной водѣ, освѣщенной солнцемъ, ея бѣлое брюхо казалось нѣжно-голубого цвѣта. Начитавшись различныхъ разсказовъ путешественниковъ, непремѣнно описывавшихъ бой съ акулой и охоту за ней, я съ грустью видѣлъ, что мы будемъ лишены этого удовольствія: дѣйствительно, акула вскорѣ совершенно безнаказанно оставила насъ и скрылась изъ глазъ. Прежде, въ доброе старое время, когда парусныя суда попадали въ полосу безвѣтрія, или во время продолжительныхъ штилей,—конечно, отъ нечего дѣлать,—можно было предпринимать различнаго рода охоты, но съ борта парохода, бѣгущаго почти по 20 верстъ въ часъ, подобныя упражненія, къ сожалѣнію, невозможны.

Вотъ и весь Аденъ предъ глазами. Мы вошли на внѣшній рейдъ, и капитанъ отдалъ приказаніе уменьшить ходъ. Уже съ высокаго берегового утеса, господствовавшаго надъ окрестностью, дали сигналъ, означавшій, что идетъ русское судно; уже къ нашему пароходу присталъ на легкой изящной шлюпкѣ какой-то англичанинъ, не то лоцманъ, не то чиновникъ изъ порта, съ обычными оффиціальными вопросами; съ разныхъ сторонъ спѣшили къ намъ лодки съ поставщиками, переводчиками, продавцами и тому подобнымъ людомъ; уже матросы засуетились на бакѣ, готовясь къ отдачѣ якоря, а я все еще съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на разстилавшуюся передо мной окрестность и невольно спрашивалъ себя, неужели здѣсь выстроенъ городъ, неужели тутъ могутъ жить люди.

Дѣйствительно, трудно представить себѣ что-нибудь печальнѣе и безплоднѣе этого маленькаго полуострова, вдающагося на югѣ Аравіи въ обширныя воды Индійскаго океана..... Прошедшее этого мѣста почти не имѣетъ исторіи. Давно, въ тѣ отдаленные геологическіе періоды, о которыхъ ни исторія ни преданія не оставили намъ никакихъ воспоминаній, здѣсь былъ вулканъ. Вулканъ этотъ стоялъ на самомъ берегу, и массы расплавленной лавы стекали прямо въ бездны Индійскаго океана. Но онъ давно потухъ, и въ продолженіе многихъ вѣковъ, а можетъ-быть и тысячелѣтій, этотъ край оставался такимъ же дикимъ, мертвымъ и пустыннымъ, какимъ впервые вышелъ онъ изъ нѣдръ моря. Никто не рѣшался селиться здѣсь: и люди и звѣри въ страхѣ отступали предъ грозными, враждебными имъ силами природы. Только нѣкогда Каинъ, преслѣдуемый угрызеніемъ совѣсти, кончилъ здѣсь, по мѣстному преданію, свое печальное существованіе. Кажется, соединились всѣ условія, чтобы сдѣлать изъ этого края абсолютную пустыню. Здѣсь царствуетъ безпощадный зной, къ которому съ трудомъ привыкаютъ даже туземцы. Здѣсь нѣтъ временъ года: и лѣтомъ и зимой одинаково яркое безоблачное небо, и лѣтомъ и зимой страшная, палящая жара. Температура ночи и дня разнится на два, на три градуса, не болѣе; по силѣ зноя только пустыни Сахары соперничаютъ съ Аравіей. Здѣсь страна бездождія, такого же полнаго, какъ въ Сахарѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ Гоби. По послѣднимъ англійскимъ наблюденіямъ, здѣсь идетъ дождь одинъ разъ въ пять лѣтъ.

Ни одной рѣки, если не считать мелкихъ, ничтожныхъ и все-таки рѣдкихъ источниковъ, нѣтъ въ этомъ краѣ. Отсутствіе влаги вызвало отсутствіе растительности. Въ Аденѣ нѣтъ ни лѣсовъ, ни садовъ, ни отдѣльныхъ деревьевъ, ни кустовъ, ни травы. Положимъ, англичане развели около цистернъ маленькій и роскошный садикъ, но зато цѣной постоянной поливки. Говорятъ, что дальше, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Адена, въ горахъ прозябаетъ чахлая растительность,

дающая пропитаніе немногочисленнымъ стадамъ антилопъ, но вблизи его нѣтъ и этого; только песокъ и камни подъ ногами, да черные, неприступные, обожженные небеснымъ огнемъ утесы...

Теперь Аденъ—громадная станція, гдѣ запасаются углемъ суда, идущія въ Индію и Европу. Огромные угольные склады тянутся на большое разстояніе, и городъ, не имѣющій ни капли прѣсной воды, снабжаетъ ею корабли. День и ночь прѣсная вода добывается изъ морской, и найдена такимъ образомъ возможность существованія,—возможность, которую въ свое время тщетно искали арабы.

Только что мы успѣли стать на якорь, какъ нашъ пароходъ окружили туземныя лодки самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и фасоновъ, начиная отъ довольно большой, красивой, четырехвесельной шлюпки и кончая настоящею орѣховою скорлупкой, легкой малайской прау. Это кочевое населеніе Адена, малайцы и нубійцы съ африканскаго берега, пожаловало сюда въ надеждѣ поживиться. На палубѣ всюду раздавался топотъ множества босыхъ ногъ, и вездѣ виднѣлись высокія, выразительныя фигуры шоколаднаго цвѣта. Здѣшніе жители — настоящія амфибіи; они столько же принадлежатъ морю, сколько землѣ. На сушѣ они рѣдкіе гости, и ничто не привязываетъ ихъ къ ней; ихъ имущество — легкая лодка изъ древесной коры, ихъ одежда — кусокъ кисеи или какой-нибудь грубой шерстяной матеріи, обмотанной вокругъ бедеръ; ихъ пища—ракушки или рыба, которую они сами поймаютъ. Цѣлый день разъѣзжаютъ они по рейду на своихъ лодкахъ, а ночь застаетъ ихъ спящими въ той же лодкѣ, приткнувшейся гдѣ-нибудь въ углубленіи берега.

Явилось цѣлое собраніе различныхъ поставщиковъ продавцовъ, прачекъ и т. д. Были два или три англичанина, агенты здѣшнихъ торговыхъ фирмъ, остальные — туземцы, которые исполняютъ разныя комиссіи и достаютъ, что имъ поручаютъ. За ними полѣзли евреи со страусовыми перьями; этотъ родъ торговли сильно распространенъ въ Аденѣ, и почти въ каждомъ магазинѣ можно, между прочимъ, встрѣтить надпись: ostrich feathers; разносною же продажей преимущественно занимаются арабскіе евреи. Но что за лица! Боже, что за лица! Такъ и просятся въ иллюстраціи какого-нибудь текста Ветхаго завѣта. Нигдѣ, кромѣ развѣ Испаніи, нельзя встрѣтить такихъ типичныхъ еврейскихъ физіономій. Высокаго роста, съ длинною сѣдою бородой, съ пейсами или скорѣе съ цѣлыми локонами, спускающимися отъ висковъ вдоль щекъ, съ орлинымъ носомъ, съ хитрыми зоркими глазами, они невольно обращаютъ на себя вниманіе. У каждаго большой полотняный мѣшокъ со страусовыми перьями. Но у нихъ почти ничего невозможно покупать: во-первыхъ, всѣ безбожно запрашиваютъ и потомъ очень ловко умѣютъ обмѣнить купленныя перья на другія, низшаго достоинства.

Эти евреи въ то же время и мѣнялы. Всякій сыплетъ въ руку серебряныя монеты и норовитъ исключительно завладѣть вашей особой. Шумъ и гвалтъ стоятъ невообразимые, и все это до того надоѣло намъ, что евреевъ велѣно было наконецъ гнать; матросы живо и ловко принялись спроваживать ихъ по трапу, къ чему тѣ, какъ видно, уже давно привыкли и нисколько не обижались.

Десятка два самыхъ мелкихъ лодокъ съ ребятишками малайцами вертѣлись около нашего парохода. Самому старшему изъ этихъ ребятишекъ было не болѣе 10 лѣтъ. Они были похожи видомъ на шоколадныя фигурки, какія дѣлаютъ въ кондитерскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ были совершенно голы, у другихъ какой-то обрывочекъ кисеи мотался вокругъ поясницы. Надо было видѣть, съ какою ловкостью они управляютъ своею крошечною лодкой, въ сравненіи съ которой наша душегубка кажется настоящимъ кораблемъ. Каждая лодка имѣетъ только одного пассажира, и больше въ нее нельзя помѣстить ничего, кромѣ развѣ пары кокосовыхъ орѣховъ.

Этотъ молодой народъ явился тоже заработать что-нибудь. Они обгоняли другъ друга, брызгались водой или распѣвали во все горло „all right“ и „yes sir“—двѣ единственныя фразы, которыя имъ удалось перенять у англичанъ. Одинъ привезъ пучокъ какихъ-то овощей, другой блестящую раковину, третій, очевидно, только что поймалъ какую-то большую рыбу и нетерпѣливо жаждалъ обмѣнять ее на серебряную монету. Онъ всталъ и балансируетъ въ лодкѣ; пойманная рыба бьется и трепещетъ у него въ рукахъ, и онъ предлагаетъ ее намъ, поднявъ высоко надъ головой и крича во все горло.

Мы бросали имъ монеты въ воду. Проворство этихъ дѣтей моря изумительно; едва только монета коснется поверхности воды, какъ всѣ они кидаются за ней, бросая шлюпки на произволъ судьбы. Только сверкнетъ нѣсколько паръ голыхъ пятокъ, и потомъ на слегка взволнованной водѣ покачиваются однѣ опрокинутыя лодки. Но вотъ черезъ нѣсколько секундъ показывается одинъ ребенокъ, потомъ другой, третій; самый счастливый тотъ, кому досталась монета, кто поймалъ ее на глубинѣ, можетъ быть, нѣсколькихъ саженъ; онъ прежде всего нѣсколько разъ сильно и прерывисто вздыхаетъ, спѣша вознаградить себя за недостатокъ воздуха, потомъ показываетъ монету въ доказательство, что онъ досталъ ее, и наконецъ прячетъ ее за щеку, которая замѣняетъ у него кошелекъ и вообще, кажется, служитъ неистощимымъ складочнымъ мѣстомъ всевозможныхъ предметовъ.

Нѣкоторые проплывали подъ кораблемъ, бросаясь въ воду у одного борта и являясь на поверхности у противоположнаго, а корабль имѣетъ 30 футовъ ширины. Я нарочно посмотрѣлъ на часы; одинъ изъ нихъ былъ подъ водой 52 секунды. Одинъ разъ я бросилъ новенькій сере-

бряный гривенникъ, который остался у меня отъ Одессы. Монета сверкнула на солнцѣ и упала шагахъ въ двадцати отъ парохода. Мальчикъ лѣтъ пяти, не принимавшій до сихъ поръ участія въ ловлѣ и сидѣвшій неподвижно, какъ хорошенькая бронзовая статуэтка въ своей лодкѣ, не вытерпѣлъ на этотъ разъ и бросился въ воду. Надо было видѣть, съ какимъ недоумѣніемъ разглядывалъ онъ потомъ монету. Онъ догадывался, что это извѣстный денежный знакъ, но, не видавъ до сихъ поръ подобнаго, онъ не могъ опредѣлить его цѣнность и съ любопытствомъ показывалъ товарищамъ. Въ концѣ-концовъ все-таки отправилъ монету за щеку.

Черезъ часъ или два, убѣдившись, что отъ насъ не добьешься больше ничего, всѣ эти мальчуганы быстро покинули нашъ пароходъ, какъ стая вспугнутыхъ утокъ, и спустя нѣсколько минутъ ихъ шлюпки чернѣли маленькими точками на рейдѣ, и далеко въ тепломъ воздухѣ разносились ихъ звонкіе „all right“.

Такъ живутъ здѣсь весь свой недолгій вѣкъ эти дѣти природы, живутъ безъ начальства, безъ упорной дѣятельности мысли, безъ принудительной работы.

Думать имъ не о чемъ, работать не для чего; море, ихъ единственный властелинъ,—да и то не властелинъ, а скорѣе другъ и товарищъ,—кормитъ ихъ и даетъ имъ пристанище; а въ одеждѣ подъ этимъ солнцемъ, которое не грѣетъ, а жжетъ, они не нуждаются. Дни идутъ однообразно, какъ однообразенъ этотъ голубой сводъ неба у нихъ надъ головами. Только въ рѣдкихъ случаяхъ кому-нибудь изъ нихъ въ жизненной лотереѣ вынется другой билетъ и, попавъ въ Зондскій архипелагъ или на Формозу, онъ промѣняетъ спокойную дѣятельность мирнаго рыбака на тревожную жизнь малайскаго пирата.

Мы отправились въ портъ. Рейдъ Адена очень обширенъ, и намъ пришлось ѣхать болѣе версты. За внѣшнимъ рейдомъ слѣдуетъ еще небольшой внутренній рейдъ, гдѣ тоже качалось нѣсколько судовъ; кругомъ изъ воды, въ разныхъ мѣстахъ, поднимались остроконечныя, голыя, черныя скалы. На самомъ берегу тоже были разсѣяны возвышенности: всѣ онѣ увѣнчаны сильными фортами и вооружены орудіями большого калибра; масса вывѣтрившихся горныхъ породъ вулканическаго происхожденія, изъ которыхъ состоятъ эти возвышенности, нависла надъ городомъ, словно грозя обрушиться и поглотить его.

Портъ Аденъ, гдѣ живутъ исключительно англичане, расположенъ вдоль берега. Въ рейдъ вдается съ твердой песчаной набережной небольшая, но довольно высокая дамба, такъ какъ приливы значительны въ Аденѣ. На дамбу ведетъ каменная лѣстница. Во время прилива только нѣсколько верхнихъ ступенекъ выдаются надъ поверхностью воды. Тутъ ютятся шлюпки перевозчиковъ-туземцевъ, а на самой пристани—англійскіе извозчичьи экипажи.

Магазины въ Аденѣ, по необходимости, такъ же универсальны, какъ въ каждомъ портѣ или, пожалуй, какъ въ любомъ нашемъ уѣздномъ городѣ. Въ нихъ можно достать все, начиная отъ всевозможныхъ консервовъ и съѣстныхъ припасовъ и кончая полнымъ готовымъ костюмомъ и якорными цѣпями. Кромѣ того, въ каждомъ магазинѣ продаются страусовыя перья, страусовыя яйца и особенно кувшины изъ пористой глины, гдѣ налитая вода сохраняетъ на нѣсколько градусовъ низшую температуру противъ окружающаго воздуха.

Главное средство существованія Адена, самый важный предметъ его отпускной торговли, на который онъ имѣетъ монополію, есть кофе. Его отправляется ежегодно свыше милліона пудовъ, и онъ везется сюда изъ Мокки, находящейся въ 60 миляхъ отъ Адена въ Красномъ морѣ. Аравія—родина кофе и отсюда онъ постепенно перешелъ въ другія страны. Лучшіе сорта его родятся въ провинціи Іеменъ, но, къ сожалѣнію, эти высшіе сорта не попадаютъ даже въ Аденъ и всѣ скупаются у туземцевъ мѣстными шейхами, которые большую часть его употребляютъ сами, а небольшое количество посылаютъ въ подарокъ въ Константинополь.

Другіе хорошіе сорта идутъ изъ Адена въ Англію, а остальной Европѣ достаются, по выраженію Пальгрэва, „одни бобы“. Аденскій кофе считается по качеству гораздо лучше кофе другихъ странъ, но зато Бразилія, Цейлонъ и Ява значительно превосходятъ этотъ городъ количествомъ вывоза.

На другой день рѣшено было осмотрѣть цистерны и арабскій городъ. Собственно Аденъ расположенъ въ шести верстахъ отъ порта и, какъ я уже сказалъ выше, выстроенъ въ кратерѣ потухшаго вулкана. Котловина, или жерло кратера, имѣетъ около мили въ діаметрѣ и окружена со всѣхъ сторонъ кольцомъ каменныхъ скалъ.

Дорога, ведущая въ городъ изъ порта, отлично шоссирована и пролегаетъ сначала вдоль рейда, а потомъ заворачиваетъ въ глубь материка. Съ лѣвой стороны видны рейдъ и море, а съ правой встрѣчаются кое-гдѣ небольшіе домики малайцевъ. Вдали синѣютъ неясныя очертанія какихъ-то горъ, а за этими горами, какъ намъ передавали, уже идетъ безконечная песчаная пустыня. Различныя коричневыя племена, населяющія Аденъ, попадались намъ на дорогѣ. Непокрытая голова съ черными курчавыми волосами прямо выставлялась подъ солнце, и тѣло, обильно намазанное кокосовымъ масломъ, лоснилось и блестѣло какъ полированное. На однихъ былъ накинутъ какой-то длинный бурнусъ или халатъ изъ легкой матеріи, свободно распахивающійся на груди, на другихъ не было ничего, кромѣ куска полотна, обхватывающаго поясницу въ видѣ широкаго пояса и падающаго до колѣнъ. Женщины и дѣвушки ходятъ по большей части съ открытою грудью, на которой

перекрещиваются два какіе-то шнурка, поддерживающіе нижнюю коротенькую юбку. На нѣкоторыхъ находятся ожерелья изъ бусъ, другія украшаютъ себя большими мѣдными и серебряными кольцами, продѣтыми сквозь носъ, уши и верхнюю губу. Зато англичане неизмѣнны вездѣ и всегда: и у себя въ „туманномъ Альбіонѣ“, и здѣсь, подъ этимъ жгучимъ небомъ, всегда можно встрѣтить ихъ въ классическомъ, застегнутомъ доверху черномъ сюртукѣ, цилиндрѣ и галстукѣ. Непонятно, какимъ образомъ они могутъ выдерживать такую жару.

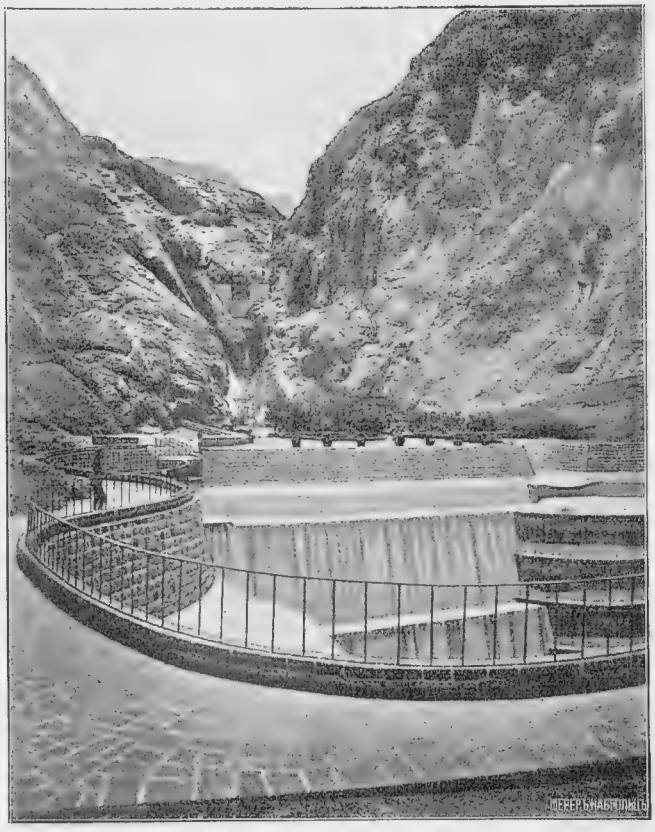
Черезъ полчаса съ небольшимъ мы добрались до наружнаго кольца кратера, и дорога пошла круто въ гору. По сторонамъ лежали глыбы вывѣтрившихся горныхъ породъ, массы базальта и лавы, но самая дорога содержалась въ отличномъ порядкѣ. Она шла зигзагами по горнымъ склонамъ и была великолѣпно шоссирована и обнесена перилами. Мы велѣли ѣхать сначала къ цистернамъ и свернули немного въ сторону. По мѣрѣ того какъ мы поднимались, открывался обширный видъ на рейдъ: и море, и бѣлые дома порта точно купались въ водѣ. Далеко на горизонтѣ вился легкою струей синеватый дымокъ: то какой-нибудь пароходъ спѣшитъ на стоянку въ Аденъ.

Приблизительно на половинѣ высоты открывается проходъ на внутреннюю сторону кольца. Здѣсь общая высота не превышаетъ 1.000 футовъ, но нѣкоторыя отдѣльныя возвышенности достигаютъ до 2.000 футовъ. Всѣ выдающіяся вершины превосходно вооружены: англичане вообще хорошо укрѣпили Аденъ, и взять его теперь почти невозможно.

Но вотъ показались и цистерны; онѣ идутъ по всей внутренней сторонѣ кратера и доходятъ почти до средины города. Обыкновенно предполагаютъ, что онѣ сооружены въ VI вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, но нѣкоторые идутъ дальше и утверждаютъ, что ихъ строили еще инженеры царя Соломона. Какъ бы то ни было, когда англичане взяли Аденъ, они нашли ихъ до половины разрушенными и заваленными пескомъ и мусоромъ. Много труда и денегъ употреблено было въ теченіе 20 лѣтъ, пока ихъ реставрировали, но зато теперь онѣ въ отличномъ состояніи. Цистерны состоятъ изъ ряда резервуаровъ, соединенныхъ каналами. Эти резервуары разной величины и неправильной формы, такъ какъ для сооруженія ихъ пользовались каждымъ естественнымъ углубленіемъ почвы: попадаются и овальные, и продолговатые, и четырехугольные. Всѣ они обложены каменною кладкой, оштукатурены известью и устроены такъ, что излишекъ воды изъ одной цистерны можетъ переливаться въ другую. Въ каждой цистернѣ есть каменная лѣстница для удобства добыванія воды. Теперь всѣ онѣ были пусты, и бѣлыя стѣны ослѣпительно блестѣли подъ лучами солнца. Но когда онѣ наполнены, то вмѣщаютъ въ себѣ въ общей совокупности до 30 милліоновъ галлоновъ

воды, что бываетъ совершенно достаточно для надобности города въ теченіе цѣлаго года.

Тутъ же неподалеку, въ углубленіи скалы, находится одинъ изъ складовъ для храненія воды, добываемой посредствомъ дистилляціи; около него постоянно стоитъ часовой съ ружьемъ, такъ какъ вода—сокровище, которое тщательно берегутъ въ Аденѣ. На одной изъ площадокъ разбитъ англичанами садикъ, и мы съ удовольствіемъ провели полчаса среди этихъ незнакомыхъ еще намъ представителей роскошной тропической природы. Садикъ тщательно охраняется полиціей и строго запрещено сорвать хоть одинъ цвѣтокъ; впрочемъ, одинъ изъ мѣстныхъ шейховъ, сопровождавшій насъ по саду, самъ нарушилъ правило и былъ такъ любезенъ, что далъ мнѣ большой пучокъ роскошныхъ, бѣлыхъ, пахучихъ цвѣтковъ кофейнаго дерева, за что я отблагодарилъ его рупіей. Садикъ тщательно поливается два раза въ день; воздухъ насыщенъ водяными парами, и это обиліе влаги породило даже на голыхъ скалахъ своеобразную растительность. Изъ каждой трещины пробивалась травка, и обнаженныя глыбы базальта и порфира были покрыты живописными гирляндами вьющихся растеній.



Цистерны въ Аденѣ.

Въ городъ въѣзжаютъ черезъ глубокую тѣснину, поперекъ которой тянется каменная стѣна; въ этой стѣнѣ продѣланъ родъ тоннеля съ

массивными воротами. Въ городѣ расположено нѣсколько полковъ въ большой красивой казармѣ. По большой улицѣ стояло нѣсколько чахлыхъ, тоненькихъ деревьевъ; листьевъ на нихъ почти совсѣмъ не было и всѣ попытки пересадить ихъ сюда, на эту безплодную каменистую почву, не удаются до сихъ поръ.

Только что мы въѣхали въ городъ, какъ сразу насъ охватилъ душный, спертый воздухъ, гдѣ чадъ отъ каменнаго угля смѣшивался съ запахомъ кокосоваго масла и ароматной смолы, добываемой изъ арабскаго можжевельника и составляющей самое распространенное душистое куреніе въ южной Аравіи. Все населеніе Адена постоянно кишитъ на улицахъ, хотя неизвѣстно, что оно дѣлаетъ тутъ. Здѣсь и сомалисы, и разныя негрскія племена, парсы, берберы и арабы. Въ самомъ городѣ нѣтъ рѣшительно ничего, на что стоило бы обратить вниманіе, да и весь онъ по виду похожъ на какую-то жалкую, заброшенную деревню.

23-го апрѣля мы вышли въ море и покинули Аденъ.

Аравійская пустыня и ея обитатели.

(Пальгрэва.)

Съ наступленіемъ ночи мы выступили за восточныя ворота Маана, въ то время какъ арабы, наши проводники и спутники, наполняли свои кожаные мѣхи водою изъ брызжущаго источника у самыхъ стѣнъ города и прилаживали сѣдла и вьюки своихъ верблюдовъ, приготовляясь къ длинному путешествію. Это было вечеромъ 16-го іюня; самыя крупныя звѣзды появились уже въ темно-синей глубинѣ безоблачнаго неба; недавно родившійся мѣсяцъ, высоко поднявшись на западѣ, сіялъ тѣмъ блескомъ, какимъ онъ обыкновенно сіяетъ на этихъ небесахъ, и обѣщалъ намъ свою помощь на нѣсколько часовъ нашего ночного пути. Скоро мы взобрались на своихъ тощихъ длинношеихъ животныхъ, „какъ будто,—по выраженію одного арабскаго поэта,—мы и наши люди находились на вершинѣ мачтъ“, обратясь лицомъ къ востоку. За нами массою темныхъ очертаній лежали стѣны и крѣпость Маана, его дома и сады, а въ глубинѣ за ними рядъ высокихъ обнаженныхъ горъ, сливавшихся съ прибрежною горною цѣпью Геджаса. Впереди и вокругъ насъ разстилалась обширная и плоская равнина, чернѣвшая отъ безчисленнаго множества базальтовыхъ и кремневыхъ камней, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ лунные лучи сіяли бѣлымъ свѣтомъ на небольшихъ промежуткахъ чистаго песка, или на желтоватыхъ полосахъ засохшей травы, скуднаго продукта зимнихъ дождей, теперь превратившагося въ сѣно. Надъ всѣмъ царило глубокое молча-

ніе, которое, повидимому, боялись нарушать даже наши арабскіе спутники. Они говорили полушопотомъ, ограничиваясь немногими словами, между тѣмъ какъ безшумный шагъ нашихъ верблюдовъ осторожно, но быстро подвигалъ насъ во мракѣ, не нарушая этой тишины.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя предосторожности не были излишними: та часть нашего пути, на которую мы теперь вступили, была далеко не безопасна. Мы направлялись въ Джоуфъ, ближайшій изъ обитаемыхъ округовъ средней Аравіи. Промежуточный трактъ представлялъ почти по всему протяженію двойную опасность: отъ разбойниковъ и отъ безводія, отъ шаекъ грабителей и отъ лѣтней засухи. Разстояніе, которое намъ предстояло пройти, составляло двѣсти миль по прямой линіи, и существовала вѣроятность, что различныя неизбѣжныя случайности сдѣлаютъ нашъ путь еще болѣе длиннымъ. Колодцы — эти межевые знаки путешественника въ Аравіи, съ которыми онъ долженъ сообразовать свой путь — расположены обыкновенно не съ математическою прямизной; и, кромѣ того, необходимость избѣгать областей, посѣщаемыхъ враждебными или подозрительными племенами, часто заставляетъ бедуина избирать необычный и обходный путь.

Нѣсколько часовъ скорой рыси унесли насъ далеко отъ Маána, и краснѣющій свѣтъ луны почти угасъ на западѣ, когда наши проводники остановились на небольшой, покрытой сухою травой, площадкѣ, среди темной каменистой равнины, и, обмѣнявшись между собою нѣсколькими словами, поставили верблюдовъ на колѣни, развьючили ихъ и пустили пастись на траву, между тѣмъ какъ одинъ изъ людей нашего каравана сталъ на часахъ, а остальные легли спать на нѣсколько часовъ возлѣ сложеннаго въ одну плотную груду багажа. Но это не былъ сонъ, а кратковременная дремота, и едва первая ясная полоса свѣта появилась на востокѣ подъ серебристою утреннею звѣздой, какъ мы уже встали, снова навьючили верблюдовъ и сѣли на нихъ для дальнѣйшаго путешествія.

Мы проѣхали много скучныхъ миль; было около десяти часовъ дня, и жара сдѣлалась въ высшей степени тягостною, когда мы увидѣли передъ собою нѣсколько разбросанныхъ малорослыхъ деревьевъ, служащихъ признакомъ близости воды, къ которымъ мы и направили свой путь. Когда мы находились еще въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста, одинъ изъ нашихъ бедуиновъ заставилъ своего верблюда пойти быстрѣе и описалъ на немъ кругъ, чтобы увѣриться, не таятся ли по сосѣдству колодцевъ какія-нибудь личности изъ враждебнаго племени. Но тамъ не оказалось ни друга, ни недруга; все было безмолвно, и разрушенныя стѣны оставленной деревушки, разсѣянныя тамъ и сямъ по песчанымъ склонамъ и у сухого русла зимняго потока, имѣли безнадежно пустынный видъ въ назойливомъ блескѣ полудня. Нѣсколько

неглубокихъ колодцевъ, изъ которыхъ иные были наполовину завалены камнями, а другіе представляли скудный запасъ грязной солоноватой воды, находились тутъ возлѣ колючихъ деревьевъ. Этою водой мы наполнили свои бурдюки *), совершивъ эту операцію тѣмъ болѣе тщательно и искусно, что впереди не предстояло найти въ теченіе пятидневнаго путешествія никакой другой воды, какъ бы мы ни спѣшили,— серьезное соображеніе, въ особенности въ послѣдніе дни іюня.

Когда все это было окончено, мы опять сѣли на своихъ верблюдовъ и направили ихъ прямо къ востоку. Я повернулся, чтобы окинуть взглядомъ обширный ландшафтъ. Синій горный хребетъ былъ еще виденъ, хотя почти исчезалъ въ отдаленіи, между тѣмъ какъ впереди и по обѣ стороны разстилалась скучная равнина въ черномъ однообразіи своей безжизненности. Только повсюду лежали озера миража, поддразнивая зрѣніе своими неясными и обманчивыми очертаніями, между тѣмъ какъ тамъ и сямъ темнѣла базальтовая скала, случайно появлялась среди равнины и увеличивалась въ своихъ размѣрахъ отраженіемъ знойной атмосферы до подобія какого-то фантастическаго утеса или нависшей горы. Печальная страна смерти, гдѣ даже лицо врага было бы почти отрадно среди столь полнаго уединенія! Но въ теченіе цѣлыхъ пяти дней маленькая ящерица долины, которая имѣетъ такой видъ, точно въ ея безобразномъ тѣлѣ никогда не бывало ни одной капли влаги, и *джербоаа*, т.-е. полевая крыса Аравіи, были единственными живыми существами для утѣшенія нашихъ взоровъ.

Это былъ переходъ, во время котораго мы готовы были бы раскаяться въ своемъ предпріятіи, если бы возможно было дать ходъ подобному чувству или поступить сообразно съ нимъ. День за днемъ мы гнали нашихъ верблюдовъ до ихъ наиболѣе скораго шага, по пятнадцати или шестнадцати часовъ въ сутки, подъ почти вертикальными лучами солнца. Затѣмъ кратковременная остановка, недостаточная для отдыха или сна, на какихъ-нибудь два или три часа, скоро прерываемая безпрестаннымъ предостереженіемъ: „если мы промедлимъ здѣсь, то всѣ умремъ отъ жажды“; далѣе—влѣзаніе на измученныхъ верблюдовъ, понуканіе ихъ среди ночной тьмы, при постоянной вѣроятности нападенія и ограбленія со стороны бродячихъ хищниковъ. Дни тянулись томительно, подобно горячечнымъ грезамъ, до того, что мы часто не сознавали почвы, по которой мы двигались, и путешествія, которое мы предприняли. Только единственная трава появлялась у нашихъ ногъ для приданія ландшафту подобія нѣкоторой жизни и разнообразія: это былъ горькій и ядовитый колоквинтъ пустыни.

Порядокъ нашего путешествія былъ слѣдующій. Задолго до разсвѣта

*) Кожаные мѣхи для воды.

мы были уже въ дорогѣ и шли до тѣхъ поръ, пока солнце, дойдя до половины пути между горизонтомъ и зенитомъ, обозначало моментъ остановки для завтрака. Мѣсто для него бедуины всегда старались найти въ какой-нибудь впадинѣ или низинѣ, въ видахъ предосторожности; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мы имѣли полную свободу выбора, потому что одна площадка, покрытая черными кремнями съ небольшимъ количествомъ песку и поблекшей травы въ промежуткахъ, была совершенно похожа на другую; о тѣни или кровѣ, или о чемъ-либо подобномъ было нечего и думать. Мы слѣзали съ своихъ верблюдовъ, и я съ своимъ товарищемъ складывали свой багажъ стѣною, чтобы сколько-нибудь укрыться отъ жгучихъ лучей солнца и прилечь на нѣкоторое время. Затѣмъ слѣдовали кулинарныя приготовленія, вполнѣ соотвѣтствовавшія нашимъ припасамъ, которые были довольно просты, а именно: мѣшокъ грубой муки, смѣшанной съ солью, и нѣсколько сушеныхъ финиковъ; никакого третьяго кушанья въ спискѣ нашихъ блюдъ не существовало. Мы брали нѣсколько горстей муки, и одинъ изъ бедуиновъ мѣшалъ ее своими немытыми руками или грязнымъ кускомъ кожи, обливая эту муку небольшимъ количествомъ мутной воды изъ бурдюка, и затѣмъ превращалъ это отмѣнное тѣсто въ большую круглую лепешку, толщиною въ одинъ дюймъ и въ пять или шесть дюймовъ въ діаметрѣ. Въ это время другой разводилъ огонь съ помощью сухой травы, колоквинтовыхъ корней и верблюжьяго помета, пока не добывалъ слоя пылающей золы. Туда бросали лепешку, тотчасъ же закрывали ее горячимъ пепломъ и оставляли тамъ на нѣсколько минутъ, затѣмъ вынимали, поворачивали и зарывали въ пепелъ снова до той минуты, когда, наконецъ, она, полувымѣшанная, полусырая, полуиспеченная и подгорѣвшая кругомъ, вынималась, раздѣлялась между голодною шайкой и была съѣдаема донельзя горячею; иначе остынувъ она могла бы превратиться въ нѣкоторое неописанное, кожеподобное вещество, гарантированное противъ самаго алчнаго аппетита. Глотокъ мутной воды былъ единственною приправой къ этому кушанью.

По окончаніи завтрака намъ снова безъ потери времени приходилось продолжать свой путь отъ миража къ миражу, и за часъ до заката солнца мы слѣзали съ своихъ верблюдовъ, чтобы приготовить вечерній пиръ того же свойства, какимъ отличался завтракъ, или же, что случалось чаще, изъ опасенія, какъ бы дымъ отъ нашего огня не привлекъ издали какого-нибудь бродягу, — довольствоваться сухими финиками и получасовымъ отдыхомъ на пескѣ. Затѣмъ мы опять садились на верблюдовъ и ѣхали при лунномъ или звѣздномъ свѣтѣ далѣе, чтобы къ полуночи лечь и забыться сномъ, достаточнымъ для того, чтобы подразнить, но не освѣжить.

Мы постепенно подвигались впередъ, какъ однажды случилось при-

ключеніе, которое чуть не положило конца и путешествію, и путешественникамъ. Это былъ самумъ.

Было около полудня, полудня лѣтняго солнцестоянія на безоблачномъ небѣ Аравіи, раскинувшемся надъ опаленною пустыней, когда внезапные и жгучіе порывы вѣтра начали дуть съ юга; въ то же время удушливость воздуха усиливалась съ каждымъ мгновеніемъ, такъ что я и мой товарищъ спрашивали другъ друга: что бы это значило и что можетъ изъ этого выйти? Мы повернулись, чтобы спросить проводника, но тотъ уже укуталъ свое лицо плащомъ и, припавъ къ шеѣ своего верблюда, не отвѣчалъ ни слова. Его товарищи, двое шераратскихъ бедуиновъ, сдѣлали то же и также молчали. Наконецъ, послѣ неоднократныхъ вопросовъ, проводникъ, вмѣсто того чтобы отвѣчать на нихъ прямо, указалъ на маленькую черную палатку, находившуюся, къ счастію, въ недальнемъ разстояніи впереди насъ, говоря: „попытайтесь добраться до *этого*; если мы доѣдемъ туда, то спасены“, и потомъ прибавилъ: „позаботьтесь, чтобы ваши верблюды не остановились и не легли“. Затѣмъ, давъ своему собственному верблюду нѣсколько сильныхъ ударовъ, онъ вновь погрузился въ молчаніе.

Мы съ безпокойствомъ смотрѣли по направленію къ палаткѣ; она была еще во ста или болѣе шагахъ отъ насъ. Между тѣмъ порывы вѣтра становились все жарче и сильнѣе, и намъ стоило большого труда заставить своихъ верблюдовъ идти впередъ. Горизонтъ быстро потемнѣлъ до фіолетоваго цвѣта и, казалось, охватывалъ насъ, подобно занавѣсу, со всѣхъ сторонъ, тогда какъ въ то же время удушающее дуновеніе точно изъ какой-то огромной печи, обращенной своимъ жерломъ какъ разъ на нашу дорогу, непрерывно обдавало насъ зноемъ среди этого сумрака. Наши верблюды, несмотря на всѣ наши понуканія, начали безпокойно вертѣться и склонять колѣни, чтобы лечь. Самумъ сильно дѣйствовалъ на нихъ.

Разумѣется, мы послѣдовали примѣру своихъ арабовъ, окутавъ свои лица, и ударами и пинками заставляли шатавшихся верблюдовъ идти впередъ, къ единственному близкому пристанищу. Атмосфера была такъ сильна, зной былъ до того жгучъ, что, казалось, самъ адъ поднялся изъ земли или хлынулъ на насъ сверху. Но мы еще имѣли время, и въ тотъ моментъ, когда ядовитый вѣтеръ достигъ наибольшей силы и сосредоточенности, мы уже всѣ лежали, растянувшись внутри шатра, укутавъ головы; мы почти задыхались, но находились въ безопасности. Наши верблюды лежали точно мертвые, вытянувъ свои длинныя шеи на пескѣ.

При нашемъ прибытіи мы нашли въ шатрѣ одинокую бедуинку, мужъ которой, со своими верблюдами, находился въ отсутствіи. Не говоря ни слова, проводникъ растянулся на полу. Всѣ молча послѣдовали его примѣру.

Въ такомъ положеніи мы оставались около пяти минутъ, во время которыхъ чувствовали только спокойный жаръ, точно раскаленное докрасна желѣзо медленно двигалось надъ нами. Затѣмъ стѣны палатки начали трепетать отъ возвратившихся порывовъ вѣтра, и это было признакомъ, что самая худшая сторона самума миновала. Полумертвые отъ истощенія, мы встали и открыли свои лица. Мои товарищи были похожи болѣе на трупы, чѣмъ на живыхъ людей; таковъ же, вѣроятно, былъ и я. Однако же, несмотря на предостереженіе, я не удержался отъ того, чтобы не выйти изъ шатра—посмотрѣть на верблюдовъ; они все еще лежали пластомъ, точно убитые. Воздухъ все еще былъ сумраченъ, но скоро просвѣтлѣлъ до своей обычной ослѣпительной ясности. Во все продолженіе дѣйствія самума атмосфера была совершенно свободна отъ песка и пыли, такъ что я не въ состояніи объяснить ея страшной темноты въ это время.

Поздно вечеромъ мы снова пустились въ путь, и на слѣдующій день рано вступили въ Уафе Серханъ, гдѣ характеръ нашего путешествія подвергся значительному измѣненію. Сѣверная часть аравійской пустыни, черезъ которую мы проходили теперь, несмотря на свое унылое однообразіе, представляетъ нѣкоторыя мѣста сравнительно лучшаго вида: тамъ больше воды и растительность не такъ скудна. Эти мѣста составляютъ любимыя убѣжища бедуиновъ и по нимъ направляется обыкновенный трактъ путешественниковъ, которые для торговыхъ цѣлей или по другимъ какимъ-нибудь побужденіямъ рѣшаются посѣтить эту пустыню. Эти оазисы, если только они заслуживаютъ такого названія, образуются легкимъ пониженіемъ окружающей ихъ поверхности пустыни и по временамъ принимаютъ форму длинной долины или продолговатаго клочка земли, гдѣ скалы и голые камни уступаютъ мѣсто легкой почвѣ, болѣе или менѣе смѣшанной съ пескомъ и скрывающей подъ своею поверхностью кое-какой запасъ влаги неглубоко подъ грунтомъ. Вслѣдствіе этого здѣсь растутъ кустарники, а трава если не зеленѣетъ круглый годъ, все-таки сохраняется дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; нѣкоторыя плодовыя растенія, достаточныя для скуднаго существованія бедуина, растутъ здѣсь сами собою,—словомъ, человѣкъ и звѣрь, не находя тутъ изобилія, имѣютъ однако же необходимый запасъ.

Нашъ путь не долго извивался между маленькими песчаными холмами, покрывающими эту низменную почву, когда мы вдали и вблизи увидѣли множество черныхъ палатокъ, имѣвшихъ очень печальный видъ. Дѣло въ томъ, что между жалкими племенами номадовъ, населяющихъ Аравію, шераратское племя самое жалкое. У него очень мало овечьихъ стадъ; лошади — рѣдкость; все богатство его состоитъ въ верблюдахъ, между тѣмъ какъ сѣверные бедуины имѣютъ большія стада овецъ и многочисленные табуны коней, дающіе имъ возможность жить если не

совсѣмъ подобно цивилизованнымъ людямъ, то по крайней мѣрѣ безъ лишеній и нищеты чисто дикаго существованія, печальной участи шераратскихъ арабовъ.

Разсыпанные по всему только что описанному нами поясу пустыни, шерараты не признаютъ надъ собою никакого начальника, никакого общаго вождя или главы. Они раздѣляются и подраздѣляются на безчисленныя шайки, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего отдѣльнаго начальника, во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго своихъ подданныхъ.

Мы миновали палатку за палаткой, оставивъ за собою много оборванныхъ бедуиновъ и пасущихся верблюдовъ, когда, наконецъ, проводникъ указалъ намъ на группу жилищъ, изъ которыхъ два или три казались болѣе обширными, чѣмъ остальныя, и сообщилъ намъ, что нашъ ужинъ въ эту ночь (день клонился къ вечеру) будетъ отнесенъ на счетъ этихъ жилищъ. „Адтауидъ“, то-есть благородные люди, прибавилъ онъ для ободренія насъ перспективой прекраснаго пріема. Разумѣется, намъ оставалось только положиться на его благоусмотрѣніе, и черезъ нѣсколько минутъ мы находились возлѣ черныхъ, сдѣланныхъ изъ козьяго волоса, покрышекъ шатра, гдѣ жили наши предполагаемые хозяева.

Оттуда вышелъ начальникъ и обмѣнялся нѣсколькими лаконическими словами съ проводникомъ. Послѣдній подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ мы остановились въ ожиданіи, отвелъ нашихъ верблюдовъ на нѣкоторое разстояніе отъ шатровъ, поставилъ ихъ на колѣни, помогъ намъ развьючить ихъ, и когда мы размѣстились на песчаной отлогости противъ жилищъ племени, посовѣтовалъ намъ зорко смотрѣть за своимъ багажомъ, такъ какъ между нашими хозяевами могли находиться хищники и воры, несмотря на то, что это были „адтауидъ“. Мы покорились своей участи и усѣлись на пескѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ результатовъ переговоровъ нашего проводника.

Нѣсколько времени насъ оставляли въ покоѣ, хотя и замѣтили. Группа арабовъ собралась вокругъ нашихъ спутниковъ у двери шатра, дѣлая имъ всевозможные разспросы, въ особенности относительно насъ и нашего багажа, который былъ предметомъ большого любопытства, чтобы не сказать жадности. Затѣмъ наступила наша очередь. Начальникъ, его семейство (за исключеніемъ женщинъ), его блестящая свита и около двадцати другихъ молодыхъ и старыхъ мужчинъ подошли къ намъ и, послѣ короткаго привѣтствія на бедуинскій манеръ, усѣлись передъ нами полукругомъ. У каждаго была въ рукахъ крючковатая палка для понуканія верблюдовъ, которою они жестикулировали во время разговоровъ и играли въ промежуткахъ. Младшіе члены этого общества, менѣе говорливые, вѣжливо употребляли свой досугъ на то, чтобы таращить на насъ глаза или дѣлать грязные шарики изъ песку и разбрасывать ихъ.

Но какъ мнѣ описать ихъ разговоръ, ихъ вопросы и отвѣты, ихъ манеры и жесты? Здѣсь вы можете видѣть человѣческую натуру на низшей или почти на низшей ступени ея. Одинъ валяется, растянувшись на пескѣ, другой концомъ своей палки проводитъ безсмысленныя линіи, третій скалитъ зубы, четвертый задаетъ безцѣльные или дерзкіе вопросы или отпускаетъ шутки, разсчитанныя на остроуміе, но въ дѣйствительности грубыя до крайности. Между тѣмъ мальчишки не стѣсняясь лѣзли впередъ и прерывали старшихъ безъ малѣйшаго уваженія или вниманія.

И однако же во всемъ этомъ нѣтъ никакого дѣйствительнаго намѣренія быть грубымъ, никакого желанія надоѣсть; совсѣмъ напротивъ. Они искренно желаютъ понравиться своимъ гостямъ, не стѣсняясь ихъ; мало того, готовы оказать имъ добрую услугу, какую могутъ, но только не умѣютъ приняться за дѣло. Если они нарушаютъ всѣ законы приличія и вѣжливости, то просто по невѣжеству, а не съ какимъ-нибудь злымъ намѣреніемъ; по временамъ они показываютъ признаки значительнаго врожденнаго такта и смышлености; въ то же время, несмотря на все непостоянство, свойственное людямъ, не привыкшимъ ни къ какимъ нравственнымъ или физическимъ стѣсненіямъ, у нихъ проявляются основныя черты мужественнаго и великодушнаго характера. Ихъ недостатки неразлучны съ состояніемъ ихъ цивилизаціи; выкупающія эти недостатки качества составляютъ ихъ собственность. Для лучшаго уясненія читателю характера туземцевъ я приведу образчикъ разговора съ бедуинами.

„Что вы такое? чѣмъ вы занимаетесь?“—таково обычное начало разговора безъ всякаго другого предисловія. На это мы отвѣчаемъ:—„Лѣкарь изъ Дамаска и занимаюсь тѣмъ, что Богу угодно будетъ поставить на нашемъ пути“. Затѣмъ слѣдуетъ вопросъ о нашемъ багажѣ, кто-нибудь ощупываетъ его палкой, чтобы привлечь вниманіе, и говоритъ: „Что это такое? Нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь вещицъ, чтобы продать намъ?“

Мы осторожно отклоняемъ предложеніе о продажѣ. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ они наконецъ отстаютъ отъ своихъ требованій. Другой, страдающій какимъ-нибудь тѣлеснымъ увѣчьемъ, въ родѣ, напримѣръ, высохшей руки или совершенно слѣпого глаза,—проситъ лѣкарства, которое, по его мнѣнію, тотчасъ же возстановитъ совершенно его здоровье и возвратитъ цѣлость его тѣлу. Я вѣжливо отклоняю просьбу. Онъ настаиваетъ; я избавляюсь отъ него шуткой.

„Йэ, уалейдъ—т.-е. „молодой парень“ (такъ они называютъ каждаго человѣка мужского пола отъ восьми до восьмидесяти лѣтъ безразлично)—не наполнишь ли ты мою трубку?“ говоритъ одинъ, который замѣтилъ, что моя трубка занята, и который, несмотря на то,

что онъ имѣетъ порядочный запасъ сухого табаку въ тряпкѣ, привязанной къ его грязному поясу, считаетъ минуту удобною для попрошайничества, послѣ того какъ оказалось невозможнымъ получить ни лѣкарства, ни товаровъ.

Но проводникъ, сидящій среди круга, дѣлаетъ мнѣ знакъ—не соглашаться. Поэтому я отклоняю просьбу. Однако же мой проситель не отстаетъ; его примѣру слѣдуютъ двое другихъ, изъ которыхъ каждый подставляетъ мозговую кость съ продѣланнымъ съ одной стороны отверстіемъ, которая исправляетъ должность трубки, или обыкновенный въ этой пустынѣ ноздреватый камень, нѣчто въ родѣ первобытной пѣнки, превращенный въ курительный снарядъ неуклюжаго вида.

Такъ какъ они становятся дерзкими, то я притворяюсь разсерженнымъ, чтобы разомъ покончить съ ними.

— Ахъ, бедуины! мы ваши гости, а вы не стыдитесь выпрашивать отъ насъ?

— Не обращайте вниманія, извините этихъ невѣждъ, невоспитанныхъ шутовъ и проч.,—вмѣшивается одинъ сидящій рядомъ съ начальникомъ, одѣтый нѣсколько лучше большинства личностей, составляющихъ собраніе.

— Не желаете ли вы *населить* трубку для своего маленькаго брата?—прибавляетъ самъ начальникъ, доставая свою трубку съ самымъ скромнымъ видомъ.

Языкъ бедуиновъ, подобно большинству восточныхъ языковъ, изобилуетъ довольно красивою образностью, и слово *населить* значитъ здѣсь *наполнить*. Проводникъ даетъ мнѣ знакъ—исполнить просьбу; я беру горсть табаку и кладу ее на длиный рукавъ рубашки просителя; тотъ завязываетъ ее, и лицо его сіяетъ необычайнымъ удовольствіемъ. По крайней мѣрѣ, ихъ легко удовлетворить, этихъ бедуиновъ.

Въ подобныхъ разговорахъ проходитъ часъ. Нѣкоторые встаютъ и уходятъ, другіе усаживаются, каждый дѣлаетъ свои замѣчанія или разспросы, и мы имѣемъ полную возможность познакомиться съ ихъ характеромъ, наклонностями и обычаями.

Начальникъ, добывъ себѣ запасъ табаку, что́—не ошибаясь можно сказать—было главною цѣлью его посѣщенія, ушелъ въ свою палатку отдать приказаніе насчетъ угощенія. Вскорѣ потомъ мы увидѣли кучку праздныхъ личностей, собравшихся нѣсколько на заднемъ планѣ, что́ служитъ признакомъ, что на этомъ мѣстѣ убиваютъ барана или верблюда для вечерняго пира. Вслѣдъ затѣмъ мы видимъ трупъ животнаго, распростертый у угла шатра, который будутъ разрѣзывать нѣсколько операторовъ среди толпы, глубоко заинтересованной этимъ процессомъ, потому что весь лагерь будетъ участвовать въ пиршествѣ, приготовленномъ по случаю прибытія гостей.

Мы остаемся теперь одни, такъ какъ стряпня—дѣло слишкомъ важное для того, чтобы какой-нибудь праздный сосѣдъ могъ при ней не присутствовать. Въ Европѣ говорятъ, что излишество въ поварахъ вредитъ бульону; но здѣсь процессъ стряпни слишкомъ простъ для того, чтобы ее можно было испортить. Развести огонь подъ огромнымъ котломъ, который никогда не чистится, вскипятить воду и затѣмъ бросить въ нее куски убитаго животнаго, чтобы они кипѣли въ своемъ собственномъ, не снятомъ жирѣ до тѣхъ поръ, пока они не сварятся на двѣ трети,—вотъ все кулинарное искусство и *nec plus ultra* бедуинскаго пира.

Однако же это требуетъ нѣкотораго времени: огонь, разведенный на открытомъ воздухѣ, дѣйствуетъ не такъ быстро, какъ въ печи и кухнѣ; а большія массы мяса не скоро могутъ быть доведены до приблизительно съѣдобнаго состоянія. Поэтому уже звѣзды появились на небѣ и ночной вѣтеръ охладилъ пески, прежде чѣмъ необычайная суматоха между присутствующими и внезапно появившаяся туча искръ показали, что котелъ снятъ наконецъ съ камней, служившихъ очагомъ. Вода была вылита, мясо свалено безпорядочной кучей въ огромную и очень грязную деревянную чашу и въ такомъ видѣ, безъ всякихъ другихъ прибавокъ или приправъ, поставлено на землѣ на полпути между нами и палатками.

Начальникъ или какой-нибудь полуодѣтый юноша изъ его семейства подходятъ къ намъ съ обычнымъ „тефаддалу“—„сдѣлайте намъ милость“, т.-е. принять наше приглашеніе. Мы приближаемся къ чашкѣ, но прежде чѣмъ мы занимаемъ свои мѣста, толпа со всѣхъ сторонъ бросилась уже къ общему центру притяженія, и большой кругъ молча ждетъ уже сигнала для начатія пира. Этотъ сигналъ подается начальникомъ, который снова повторяетъ формулу приглашенія, и проводникъ и мой товарищъ добываютъ большой кусокъ полусырого мяса и, таща за два противоположныхъ конца, разрываютъ его на болѣе удобные для ѣды куски. Тогда всѣ бросаются къ мясу. Въ чашѣ копаются болѣе тридцати немытыхъ рукъ, и черезъ какія-нибудь пять минутъ кости, обглоданныя слишкомъ начисто для того, чтобы представлять большую поживу для тощихъ собакъ, стоящихъ кругомъ и ожидающихъ своей очереди, составляютъ все, что остается отъ пира.

— Отчего ты не ѣшь?.. Ѣшь, принимайся-ка за работу. О, сто привѣтствій вамъ, достойные гости,—безпрестанно повторяетъ намъ хозяинъ, пролагая намъ путь своимъ собственнымъ хорошимъ примѣромъ. При этомъ я долженъ замѣтить, что если бы на нашемъ мѣстѣ былъ самъ султанъ, то и ему не было бы предложено болѣе разнообразнаго или отборнаго угощенія, по той простой причинѣ, что Шерератъ не имѣетъ ничего лучшаго.

Затѣмъ вода, съ сильнымъ амміачнымъ запахомъ, ходитъ въ круговую въ чемъ-то въ родѣ маленькаго ведра, которое въ Англіи нашло бы для себя надлежащее мѣсто у морды жеребенка. Тѣмъ не менѣе, въ то время какъ мы пьемъ этотъ священный напитокъ, нашъ ближайшій сосѣдъ говоритъ „хена“, т.-е. добраго здоровья. Онъ говоритъ это въ видѣ вѣжливости и вмѣстѣ намека, чтобы и ему былъ переданъ сосудъ.

Затѣмъ мы удаляемся на песчаный склонъ къ своему багажу, потому что у бедуиновъ, при ихъ первобытномъ образѣ жизни, не принято спать въ шатрѣ хозяина. Малый размѣръ жилища, гдѣ толпится семья всѣхъ половъ и возрастовъ и гдѣ нѣтъ никакихъ раздѣленій на отдѣльныя комнаты, вполнѣ объясняетъ и оправдываетъ этотъ обычай, который не имѣетъ ничего общаго съ недостаткомъ гостепріимства.

Ночной воздухъ въ этихъ пустыняхъ дышитъ жизнью и здоровьемъ. Мы спимъ крѣпко; насъ не тревожитъ мысль о раннемъ пробужденіи для дальнѣйшаго похода, потому что и люди, и лошади одинаково имѣютъ нужду въ отдыхѣ въ теченіе сутокъ.

Джидда.

(Перри-Фогга.)

На четвертый день по выходѣ изъ Суэца мы уже приближались къ Джиддѣ. Еще въ двадцати миляхъ оттуда показаны на картахъ длинные ряды коралловыхъ рифовъ, между которыми проходитъ фарватеръ, описывая самыя прихотливыя извилины. Маяковъ нѣтъ и никакое судно не рѣшится приблизиться ночью къ берегу. На нѣкоторыхъ изъ болѣе выдающихся рифовъ турецкое правительство поставило каменные бакены, покрытые бѣлой штукатуркой. Лоцманъ-арабъ велъ насъ постоянными зигзагами и заставлялъ пароходъ круто поворачивать, проходя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ близко отъ рифовъ, что можно бы было обмакнуть сухарь въ кипящія волны прибоя, пѣнившагося надъ измѣнническими коралловыми остріями, которыя такъ же легко могли бы проткнуть желѣзные листы парохода, какъ если бъ это была корка какого-нибудь паштета. Наконецъ, мы прибыли въ гавань и бросили якорь рядомъ съ дюжиной другихъ англійскихъ, турецкихъ и египетскихъ пароходовъ. На внутреннемъ рейдѣ, защищенномъ длинною песчаною косой, стоялъ цѣлый флотъ арабскихъ „бугало“, похожихъ на китайскія джонки, съ латинскими *) парусами и высокой палубой на носу.

*) Треугольный парусъ, верхняя сторона котораго длиннѣе другихъ.

Эти туземныя суда, отъ пятидесяти до двухсотъ тоннъ вмѣстимости, смѣло шныряютъ между рифами вдоль всего берега Краснаго моря. Нѣсколько сотъ бугало постоянно заняты перевозкой пилигримовъ, которыхъ изъ одной только Африки прибываетъ въ Джидду ежегодно до двадцати тысячъ.

Городъ со стороны моря имѣетъ довольно красивый видъ; его высокія, чистенькія на видъ, бѣлыя зданія расположены вдоль залива на протяженіи болѣе чѣмъ одной мили. На заднемъ планѣ подымается высокая горная цѣпь, за которою въ пятидесяти миляхъ далѣе въ глубь страны находится священный городъ Мекка. Джидда окружена высокими стѣнами съ башнями; на углахъ, обращенныхъ къ сторонѣ моря, построены два сильныхъ форта. На трехъ сторонахъ города ворота открыты для всѣхъ безразлично, но на восточной сторонѣ, обращенной къ Меккѣ, проходить чрезъ ворота разрѣшается только мусульманамъ.

Къ пароходу причалила лодка подъ турецкимъ флагомъ; прибывшій на ней чиновникъ санитарной полиціи подалъ оловянный ящикъ, въ который и были опущены корабельныя бумаги. Бумаги эти были окурены, затѣмъ осмотрѣны и найдены въ исправности, послѣ чего чиновникъ взобрался на пароходъ въ сопровожденіи морского фактора Юсуфа-эффенди, сообщившаго капитану, что триста пилигримовъ, или „хаджи“, желаютъ быть принятыми на пароходъ.

Юсуфъ-эффенди, хотя природный арабъ, говорилъ очень хорошо по-англійски, по-французски, по-итальянски и по-турецки и вѣжливо пригласилъ насъ воспользоваться его лодкой для того, чтобы съѣхать на берегъ. Какъ разъ въ тотъ самый день послѣ обѣда должна была происходить торжественная церемонія отвоза на турецкій военный корабль шелковой завѣсы, висѣвшей въ мекккской мечети передъ священною Каабою. Турецкій султанъ ежегодно приноситъ въ даръ новую завѣсу, прежняя же возвращается въ Константинополь, гдѣ ее разрѣзаютъ на мелкіе куски и раздаютъ правовѣрнымъ, которые смотрятъ на эти куски, какъ на самую драгоцѣнную святыню.

Мы пристали къ берегу какъ разъ во-время для того, чтобы видѣть процессію, проходившую по улицамъ въ сопровожденіи большого отряда войска, съ турецкимъ пашой во главѣ. Впереди шло около сотни верблюдовъ, покрытыхъ большими попонами, на которыхъ краснымъ шелкомъ и золотомъ были вышиты полумѣсяцъ и звѣзды. За ними слѣдовала длинная кавалькада всадниковъ и, наконецъ, тысячи „хаджи“ пѣшкомъ замыкали шествіе. Всѣ дѣла на базарѣ пріостановились и при проходѣ верблюдовъ съ священною завѣсой каждый мусульманинъ преклонялъ голову до земли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при подобномъ же случаѣ, произошелъ здѣсь между пилигри-

мами страшный взрывъ фанатизма, имѣвшій слѣдствіемъ избіеніе нѣсколькихъ сотъ христіанъ. Мы смотрѣли на процессію изъ окна верхняго этажа дома Юсуфа-эффенди и не подвергались ни малѣйшей опасности. На берегу священная завѣса была передана на баржу, расцвѣченную турецкими флагами, которая была взята шлюпками на буксиръ и приведена къ турецкому кораблю, салютовавшему ей пушечнымъ залпомъ.

Улицы и базары, чрезъ которые мы проходили, были опрятнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ изъ видѣнныхъ мною въ Аравіи городовъ. Большая часть зданій выстроена изъ камня; есть дома въ четыре и даже пять этажей. Стеколъ въ окнахъ нѣтъ, но вмѣсто нихъ вставлены деревянныя рѣшетки, чрезвычайно изящной рѣзной работы, допускающія свободную циркуляцію воздуха, но совершенно скрывающія внутренность зданій отъ нескромныхъ взоровъ. Торговые обороты Джидды въ значительной степени зависятъ отъ притока пилигримовъ, которыхъ въ теченіе года перебываетъ здѣсь круглымъ числомъ болѣе ста тысячъ. Коранъ поставляетъ каждому истинно вѣрующему въ обязанность совершать, если только обстоятельства и здоровье дозволяютъ, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ разъ въ жизни паломничество въ Мекку. Вѣрные стекаются сюда со всѣхъ магометанскихъ странъ земного шара: изъ Персіи и Индіи, съ южныхъ береговъ Средиземнаго моря и западныхъ береговъ Африки, при чемъ нерѣдко ихъ сопровождаютъ также жены и дѣти. Тысячи пилигримовъ на пути своемъ чрезъ пустыни терпятъ невѣроятныя лишенія и многіе погибаютъ въ дорогѣ; но они вѣруютъ, что смерть во время паломничества обезпечиваетъ немедленный входъ въ рай. Коранъ дозволяетъ имъ заниматься въ пути мелочною торговлей, въ размѣрѣ, необходимомъ для покрытія издержекъ путешествія. Но занятіе это не должно отвлекать пилигримовъ отъ самаго строгаго исполненія религіозныхъ обрядовъ. Съ прорытіемъ Суэцкаго канала облегчилась возможность ѣздить въ Мекку водянымъ путемъ, и англійскіе пароходы получаютъ отъ перевозки пилигримовъ порядочный заработокъ. Священный сезонъ Мекки совпадаетъ съ декабремъ и январемъ мѣсяцами, но такъ какъ въ Аравіи счисленіе ведется лунными мѣсяцами, то сезонъ этотъ въ христіанскихъ календарахъ является переходящимъ изъ года въ годъ.

На слѣдующій день мы отправились за городъ посмотрѣть на могилу Евы, праматери рода человѣческаго, которая, по преданію, погребена была здѣсь, какъ разъ по сосѣдству съ городской стѣной. По арабскому преданію, когда прародители наши извергнуты были изъ рая (находящагося на седьмомъ небѣ), они упали—Адамъ на островъ Цейлонъ, а Ева въ Аравію, неподалеку отъ нынѣшней Джидды. Осмотрѣнная нами могила Евы имѣетъ внутри шестьдесятъ футовъ длины и двѣнадцать ширины.

Пока мы осматривали городъ, туземныя лодки сновали взадъ и впередъ, привозя къ намъ пилигримовъ съ огромнымъ количествомъ багажа. Палуба была завалена большими, увязанными веревками, сундуками и узлами, такъ что пароходъ нашъ походилъ на эмигрантскій корабль, отправляющійся изъ Голландіи. По мѣрѣ прибытія пилигримовъ на пароходъ, старшій лейтенантъ отбиралъ у нихъ оружіе, состоявшее преимущественно изъ старинныхъ, оправленныхъ въ серебро сабель и кинжаловъ, у большинства которыхъ клинки оказались довольно плохими. Нѣкоторые изъ пилигримовъ съ видимой неохотой подчинялись этой мѣрѣ, необходимой тѣмъ не менѣе для предупрежденія возможныхъ случайностей; имъ объяснили, что, по прибытіи на мѣсто, оружіе будетъ возвращено каждому по принадлежности.

Мусульмане на молитвѣ.

Во время богомолья хаджи очень строго выполняютъ обряды омовенія и молитвъ съ колѣнопреклоненіями. Днемъ они расходятся въ разныя стороны и все время проводятъ въ томъ, что ѣдятъ, пьютъ, курятъ и читаютъ Коранъ. Въ часы, назначенные для молитвы, раздается рѣзкій голосъ муэдзина. Тутъ начинаются шумъ и суматоха. Спящіе просыпаются и протираютъ глаза, чубуки откладываются въ сторону, послѣ чего приносится вода для омовенія на ту часть палубы, которая отведена для „знатныхъ“, и слуги начинаютъ возливать ее на руки своихъ господъ. Расчесавъ бороду и окончивъ туалетъ, каждый раз-

стилаетъ предъ собой заранѣе приготовленный для этого чистый половичокъ или коверъ; потомъ всѣ устанавливаются рядомъ, оборотясь лицомъ къ Меккѣ. Мулла въ качествѣ главы правовѣрныхъ становится нѣсколько впереди, и по окончаніи всѣхъ приготовленій начинается церемонія. Сначала богомолецъ стоитъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, потупивъ голову, при чемъ время отъ времени прикладываетъ руки къ глазамъ, какъ бы для того, чтобъ изгнать изъ своихъ мыслей все земное. При совершеніи этихъ эволюцій каждый съ точностью подражаетъ всѣмъ движеніемъ муллы. Потомъ, закрывъ глаза съ видомъ глубокой набожности, всѣ начинаютъ повторять вполголоса формулу молитвы, предписанной въ первой главѣ Корана. Молитва эта для магометанъ имѣетъ такое же значеніе, какъ „Отче нашъ“ для христіанъ. Въ ней чаще всего повторяются слова: „единъ Богъ и Магометъ пророкъ его“. Сначала молитву читаютъ стоя прямо, потомъ наклонятся нѣсколько впередъ и опускаютъ руки внизъ; наконецъ, молящіеся падаютъ ницъ, прикладывая голову къ небольшему камешку, вывезенному каждымъ изъ Мекки. Черезъ нѣсколько минутъ опять встаютъ и читаютъ другую болѣе краткую молитву, которую тоже повторяютъ, распростершись по ковру. Вся церемонія продолжается около четверти часа, послѣ чего богомольцы встаютъ на ноги, открываютъ глаза, осматриваются кругомъ съ самодовольнымъ видомъ, какъ люди, выполнившіе свой долгъ и увѣренные въ томъ, что получатъ за это награду въ будущемъ мірѣ. Впрочемъ, наиболѣе набожные, а также тѣ, кто днемъ почему-либо не могъ съ должнымъ усердіемъ выполнить всѣ предписанные религіозные обряды, продѣлываютъ вечерній церемоніалъ по два и даже по три раза кряду. Менѣе же набожные выходятъ тѣмъ временемъ изъ рядовъ, бережно складываютъ коврики, и, закуривъ трубки, начинаютъ болтать между собой или съ невѣрнымъ „ховаджи“, съ любопытствомъ созерцавшимъ эту сцену, и затѣмъ ложатся спать.

Поѣздка въ Мекку.

(Султанова.)

19 апрѣля вечеромъ мы прибыли въ Ямбо, откуда караваны богомольцевъ направляются въ Медину.

Въ ожиданіи, пока сформируется караванъ, мы прожили въ Ямбо пять сутокъ, запасаясь всѣмъ необходимымъ для дальнѣйшаго продолжительнаго путешествія въ Медину на „корабляхъ пустыни“. Пріобрѣли шюрдюфы, т.-е. особаго рода приспособленія, весьма незатѣйливый экипажъ для ѣзды на верблюдахъ. Чтобы составить себѣ нѣкоторое поня-

тіе о шюрдюфѣ, представьте четыре деревянныхъ рамы, соединенныя такъ, что образуется клѣтка около 2 аршинъ длины, аршина ширины и такой высоты, что внутри можно сидѣть, чуть-чуть не доставая головой доверху; нижняя рама, оплетенная прутьями финиковой пальмы, составляетъ дно, къ которому придѣланы невысокія ножки и подпорки, упирающіяся въ бока верблюда. Двѣ такихъ клѣтки, соединенныя дугами, перекидываются черезъ сѣдло верблюда и сверху для защиты отъ солнечнаго зноя покрываются коврами, кошмами, либо цыновками, смотря по средствамъ путешественника.

Кромѣ шюрдюфовъ, запаслись мѣхомъ для воды, сдѣланнымъ изъ овечьихъ шкуръ, пористымъ глинянымъ сосудомъ съ горлышкомъ, необходимымъ для охлажденія воды. Пріобрѣли еще веревки изъ волоконъ финиковой пальмы, фонари, запасъ провизіи и угля, такъ какъ дорога отъ Ямбо до Медины идетъ по безлюдной пустынѣ. Уголья продаются въ видѣ связокъ или пучковъ, выжигаются они изъ прутьевъ колючаго кустарника около аршина длины и въ палецъ толщины, которые обжигаются лишь настолько, чтобы обуглились, не теряя своей формы, затѣмъ связываются въ пучки и въ такомъ видѣ поступаютъ въ продажу. Стоятъ они не дешево.

Верблюды для путешествія нанимаются у окрестныхъ бедуиновъ. Изъ описанія шюрдюфа уже видно, что на каждомъ верблюдѣ ѣдутъ двое, затѣмъ при каждыхъ двухъ пассажирскихъ верблюдахъ полагается одинъ вьючный; слѣдовательно, для четырехъ пассажировъ необходимо имѣть трехъ верблюдовъ. Плата за каждаго верблюда за разстояніе приблизительно 200 верстъ 14 рублей на русскія деньги.

Каждая группа паломниковъ входитъ въ соглашеніе съ бедуинами, владѣльцами верблюдовъ, такъ что составляется нѣсколько небольшихъ каравановъ, которые передъ выступленіемъ въ путь соединяются въ одинъ. Съ нами слѣдовало около 1.500 верблюдовъ, да, кромѣ того, около 1.000 верблюдовъ шло съ товаромъ. Выступленіе изъ Ямбо было назначено на 24 апрѣля. Въ этотъ день, послѣ полудня, весь караванъ собрался на площади. Тутъ я познакомился со своимъ караванъ-баши. Гатіатулла (имя его) оказался милымъ и веселымъ человѣкомъ; онъ былъ черный, лѣтъ сорока съ небольшимъ, бедуинъ, съ рѣдкими черными усами и жиденькою бородкой; Гатіатулла, подобно всѣмъ бедуинамъ, одѣвался просто: носилъ длинную синюю рубаху, на головѣ цвѣтной платокъ, подвязываемый мишурнымъ шнуромъ, на поясѣ кривой ятаганъ и патронташъ, черезъ спину перекинуто старое длинноствольное ружье, на ногахъ сандаліи. Гатіатулла увѣрилъ насъ въ томъ, что дорога безопасна, что верблюды смирные, просилъ не вѣрить пустымъ запугивающимъ росказнямъ и, пообѣщавши доставить въ Медину благополучно, удалился къ своимъ товарищамъ.

Около четырехъ часовъ вечера черезъ крѣпостныя ворота мы выступили въ путь по направленію къ священному городу.

Хотя въ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ верблюды шли по два и по три въ рядъ, тѣмъ не менѣе караванъ растянулся на нѣсколько верстъ.

Мѣстность между Ямбо и Мединой гористая, покрытая камнями чернаго цвѣта, какъ бы опаленными огнемъ, и почти лишенная признаковъ растительности. Безжизненность полная: нѣтъ ни дикихъ животныхъ, ни птицъ, ни насѣкомыхъ; за все время пути до Медины мы видѣли только одну единственную птицу, въ родѣ нашего скворца, и одинъ экземпляръ жука, безпокоящаго и раздражающаго верблюдовъ.

Дорога проходитъ лощиной, извивающейся межъ горъ, которыя мѣстами до того сближаются, что образуютъ ущелье, по которому можетъ пройти только одинъ верблюдъ. Грунтъ дороги твердый, песокъ какъ будто утрамбованный. Лощина, по которой идетъ дорога, представляетъ мѣстами незначительные пологіе подъемы и спуски; нѣтъ ни ручьевъ, ни овраговъ.

Первая остановка отъ Ямбо была у колодцевъ,—въ мѣстности, называемой Шагра, куда караванъ пришелъ въ 11 часовъ ночи. Верблюдовъ развьючили и помѣстили такъ, что они составили первую наружную линію, около нихъ расположились вожаки - бедунны, затѣмъ были поставлены шюрдюфы, вьюки, наконецъ размѣстились и путешественники. Подобный порядокъ расположенія каравана если и не всегда соблюдается во время дневныхъ остановокъ, то ночью обязателенъ, и дѣлается это для предупрежденія воровства, виновниками котораго являются бродячіе бедунны. Объ открытыхъ нападеніяхъ на караваны нынѣ слышно мало, но грабежи путешественниковъ, случайно отдалившихся отъ каравана, особенно ночью, бываютъ очень часто. Такого неосторожнаго путешественника бедуинъ - разбойникъ оглушаетъ ударомъ по затылку палицей, срываетъ съ него поясъ, въ которомъ обыкновенно носятъ деньги, и пока жертва придетъ въ чувство (смертельными такіе удары бываютъ рѣдко), грабитель успѣваетъ скрыться въ ближайшія горы. Вотъ почему нашъ караванъ-баши всякій разъ начиналъ сильно безпокоиться, если кто-либо изъ насъ нѣсколько отдалялся отъ табора, и громкимъ окрикомъ останавливалъ и предупреждалъ неосторожнаго объ опасности.

Караванъ сопровождался нѣсколькими вооруженными людьми на быстроходныхъ верблюдахъ. Этотъ конвой выходитъ вмѣстѣ съ караваномъ изъ Ямбо и сопровождаетъ его до половины пути, гдѣ встрѣчаетъ такой же конвой, высланный изъ Медины. Подъ охраной послѣдняго караванъ продолжаетъ путь, а первый возвращается въ Ямбо. Конечно, нѣсколько человѣкъ, хотя бы и хорошо вооруженныхъ, не

въ состоянiи были бы дать серьезнаго отпора въ случаѣ нападенiя на караванъ цѣлой шайки разбойниковъ, но, благодаря своимъ быстроходнымъ верблюдамъ, они могутъ сообщить о случившемся въ Ямбо или въ Мединy, откуда и можетъ быть выслана за грабителями погоня. Впрочемъ, караванъ и самъ по себѣ могъ оказать сопротивленiе грабителямъ, такъ какъ бо́льшая часть паломниковъ имѣла при себѣ огнестрѣльное оружiе и во время ночныхъ переходовъ постоянно раздавались выстрѣлы, дѣлаемые для того, чтобы пугать воровъ и поддерживать собственную храбрость.

Послѣ пятичасовой стоянки у колодцевъ Шагра караванъ тронулся въ дальнѣйшiй путь и до слѣдующей остановки шелъ непрерывно 20 часовъ. Поразительна выносливость бедуиновъ-погонщиковъ: одѣтые буквально въ однѣ рубахи, совершенно босые, съ открытою головой, съ длинными вьющимися, черными, какъ смоль, волосами, вѣчно потные отъ жары и суеты, они идутъ весь переходъ подъ палящимъ зноемъ аравiйскаго солнца, ни разу не присаживаясь на верблюда, какъ будто не чувствуя ни жары, ни усталости. Народъ этотъ высокаго роста, сухощаваго мускулистаго тѣлосложенiя, съ энергичнымъ лицомъ и орлинымъ взглядомъ. Бедуины добродушны и по-своему деликатны, какъ то можно было заключить по нашему верблюдовожатому и его товарищамъ, которыхъ я имѣлъ возможность наблюдать болѣе близко.

Если время остановокъ обусловливалось приходомъ каравана въ извѣстныя, разъ навсегда намѣченныя мѣста у колодцевъ, то для подъема его послѣ отдыха не было и подобiя чего-либо опредѣленнаго. Особенность бедуинскихъ каравановъ заключается въ совершенномъ отсутствiи въ нихъ организацiи; ни общаго караванъ-баши, ни кого-нибудь похожаго на начальство, ни распорядителя здѣсь нѣтъ. Сопровождающiе караванъ конвоиры ни во что не вмѣшиваются, а верблюдовожатые представляютъ изъ себя какъ бы караванъ-баши отдѣльныхъ маленькихъ каравановъ, входящiе какъ совершенно самостоятельныя части въ общiй большой караванъ. Эти отдѣльные караванъ-баши распоряжаться цѣлымъ караваномъ, конечно, не могли, поэтому и опредѣлять время подъема было некому; это дѣлалось какъ-то само собой. Караванъ спокойно расположился на отдыхъ и, повидимому, ничто не указываетъ на скорый подъемъ, но вотъ кто-нибудь начинаетъ вьючить верблюда, за нимъ другой, вскорѣ объ этомъ вѣсть разносится по всему табору, всѣ начинаютъ суетиться, навьючиваютъ животныхъ, и караванъ трогается въ путь.

Остановки въ общемъ были непродолжительны; караванъ шелъ и днемъ, и ночью; шагъ верблюда довольно большой, но при всемъ этомъ караванъ двигается медленно. Причина, замедляющая движенiе,— большая растянутость каравана; стоитъ остановить почему-либо одного

верблюда, должна остановиться слѣдующая за нимъ цѣлая цѣпь. Въ сутки мы проходили въ общемъ не болѣе 30—35 верстъ.

25 апрѣля вечеромъ съ закатомъ солнца мы приблизились къ Мединѣ. Караванъ ожилъ: всѣ зажгли фонари, факелы, началась пальба изъ ружей, одни пѣли священныя пѣсни, другіе читали наизусть Коранъ, громко переклпкались, а индійскія и египетскія женщины (феллашки) выдѣлывали горломъ очень странныя рулады.

Окрестности Медины представляютъ громадный оазисъ, около 20 верстъ въ поперечникѣ, окруженный на нѣкоторомъ разстояніи равниной, покрытой черными и сѣроватыми глыбами различныхъ величинъ, слѣдами древнихъ вулканическихъ изверженій, а за равниной со всѣхъ сторонъ высятся мрачныя голыя горы. Почва прекрасно воздѣлана, но сама по себѣ безплодна, и для обработки ея требуются громадныя усилія, о которыхъ нашъ земледѣлецъ не имѣетъ и понятія. Для этого прежде всего необходимо посредствомъ удобренія верхній слой сдѣлать плодороднымъ и затѣмъ искусственно оросить, добывая воду изъ колодцевъ. Впрочемъ, въ послѣднее время обработка земли подъ посѣвъ хлѣба все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто разведенію садовъ, занимающихъ нынѣ огромное пространство. Преимущественно разводится финиковая пальма, дающая, какъ говорятъ, лучшіе финики во всемъ мірѣ, которые обыкновенно поспѣваютъ въ іюлѣ съ появленіемъ жаркаго вѣтра самума.

Предметъ, привлекающій въ Медину сотни тысячъ паломниковъ,— это мечеть, въ которой находится гробница Магомета. Могила его—въ южной сторонѣ мечети; надъ ней устроено небольшое возвышеніе, одѣтое шелковымъ, богато вышитымъ покрываломъ, окруженное чугунною вызолоченною рѣшеткой, а высоко надъ крышей блеститъ куполъ. Рядомъ съ пророкомъ похоронены двое старшихъ преемниковъ его—халифы Абу-Бекръ и Омаръ, а далѣе дочь пророка, жена халифа Алія—Фатима.

Въ Мединѣ мы прожили пять недѣль, ожидая дамасскій караванъ, такъ какъ продолжать путешествіе съ бедуинскимъ караваномъ не рѣшались. Только въ концѣ мая прибылъ въ Медину турецкій правительственный караванъ, ежегодно снаряжаемый въ Дамаскѣ и отправляемый черезъ Медину въ Мекку съ обычными подарками къ меккскому шерифу, съ дарами для Каабы и мечетей и съ деньгами на содержаніе турецкихъ чиновниковъ.

На этотъ разъ караванъ состоялъ изъ двухъ тысячъ верблюдовъ и шелъ подъ начальствомъ паши, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ вооруженныхъ магазинками солдатъ, верхами на мулахъ. При караванѣ имѣлась пушка, такъ что въ отношеніи безопасности отъ нападанія дикихъ бедуиновъ караванъ былъ обезпеченъ вполнѣ.

Вечеромъ 30 мая нашъ караванъ выступилъ изъ восточныхъ воротъ Медины по дорогѣ, по которой бедуинскіе караваны не ходятъ, такъ какъ дорога эта длиннѣе обыкновенной.

На этотъ разъ караванъ шелъ исключительно днемъ, поднимаясь съ мѣста стоянки послѣ утренней молитвы, т.-е. часа за полтора до восхода солнца; онъ останавливался на четверть часа для совершенія полуденной молитвы (намазъ) и затѣмъ шелъ безпрерывно до заката солнца и останавливался уже на ночлегъ.

Ѣзда на верблюдахъ крайне несносна: качаетъ до невозможности; при каждомъ шагѣ животнаго отбрасываетъ въ разныя стороны, такъ что въ первые дни многіе подвергаются морской болѣзни; ѣзда эта одно время мнѣ надоѣла такъ, что я попросилъ верблюдовожатаго, сирійскаго араба, уступить мнѣ на денекъ свою верховую лошадь. Онъ согласился, хотя не совсѣмъ охотно, занялъ мое мѣсто въ шюрдюфѣ, откуда то и дѣло наблюдалъ за мной, прося ѣхать тише, хотя я вовсе и не думалъ гнать незнакомую лошадь...

Арабы въ высшей степени любятъ и цѣнятъ своихъ лошадей. Ни у одного другого народа нельзя найти такой привязанности къ этимъ животнымъ, столь необходимымъ для племени, преимущественно кочевого. Этой привязанности не чужды ни правители, ни простой народъ, ни женщины, ни дѣти. Много арабскихъ поэтовъ воспѣло лошадь; много есть доказательствъ любви и привязанности арабовъ къ ихъ товарищамъ по славѣ и несчастію—лошадямъ...

Путь отъ Медины до Мекки точно такой же, какъ и отъ Ямбо до Медины, за исключеніемъ того, что въ одномъ мѣстѣ встрѣтились солончаки, и затѣмъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ караванъ шелъ по мѣстностямъ, сплошь усѣяннымъ камнями различной величины и формы, разбросанными въ полномъ безпорядкѣ, такъ что не остается мѣста, гдѣ можно было бы стать ногой. Нужно было удивляться тому, какъ верблюды и погонщики ихъ арабы могли идти по такой адской мостовой, раскаленной жаркими и невыносимыми лучами солнца.

За два дня пути до Мекки караванъ перешелъ черту, окружающую Мекку со всѣхъ сторонъ въ видѣ неправильнаго кольца. За чертой этой, служащей незримою стѣной обособленности и недоступности христіанъ, начинается священная область Аравіи, вступая въ которую паломники снимаютъ свой обыкновенный костюмъ и надѣваютъ такъ называемый „ихрамъ“. „Ихрамъ“— странническая одежда, саванъ, надѣваемый въ знакъ отреченія отъ всего земного и обращенія всѣхъ чувствъ и помысловъ исключительно къ Богу. Онъ состоитъ изъ двухъ кусковъ бѣлой матеріи; надѣвается ихрамъ на чистое голое тѣло; первый кусокъ матеріи покрываетъ нижнюю часть тѣла и подвязывается на поясѣ, а второй—верхнюю часть его до плечъ. Ноги обуваются въ сандаліи или

въ мелкія туфли. Какіе бы то ни было головные уборы воспрещаются, но для защиты отъ солнца допускается употребленіе зонта.

Ихрамъ надѣвается потому, что въ сшивной одеждѣ нельзя вступать въ священной округъ, нельзя и совершать обряды паломничества. Паломнику, надѣвшему ихрамъ, воспрещается многое, въ томъ числѣ бритье и стрижка головы, обрѣзываніе ногтей и многое другое.

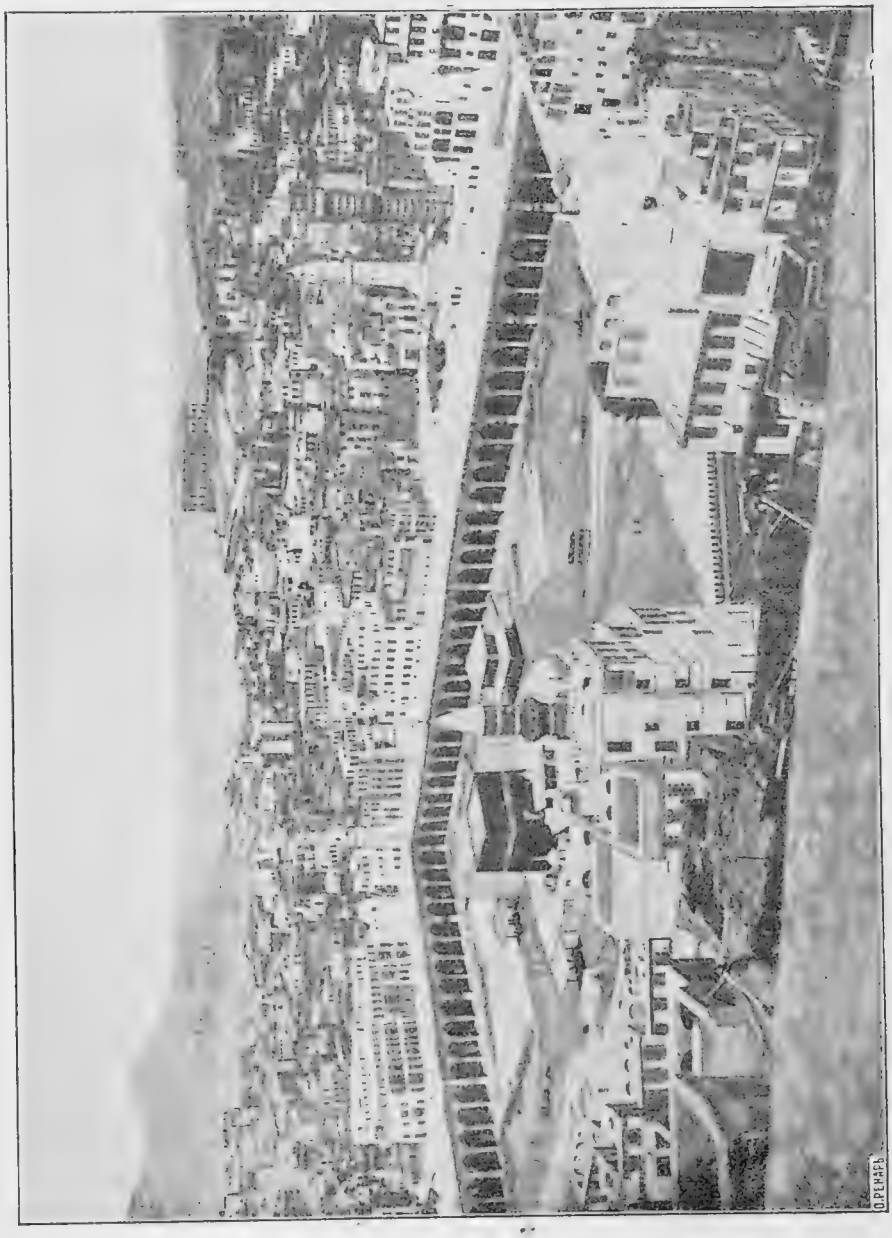
На одиннадцатый день вечеромъ нашъ караванъ подошелъ къ Меккѣ и остановился въ мѣстности Талада, куда вскорѣ явились такъ называемые „далили“, т.-е. руководители паломниковъ во время совершенія обрядовъ хаджа и во время посѣщенія священныхъ мѣстъ въ городѣ и его окрестностяхъ.

Прежде всего паломники отправляются къ Каабѣ. Знаменитая мекканская мечеть находится въ центрѣ города и занимаетъ довольно обширную площадь, окруженную стѣной, въ которой съ разныхъ сторонъ имѣется 19 громадныхъ каменныхъ воротъ. Изъ каждыхъ воротъ къ центру двора, гдѣ находится Кааба (Бейтуллахъ), ведутъ мраморныя дорожки. По внутренней сторонѣ стѣны тянется широкая крытая галлерея съ колоннадами и куполами, подъ которыми стоятъ молящіеся, обращаясь лицомъ къ Бейтуллѣ. Надъ террасой высоко возвышаются семь минаретовъ цилиндрической формы съ позолоченными полумѣсяцами на шпицахъ. Около мраморныхъ дорожекъ стоятъ рѣшетчатые лари съ корчагами, наполненными святою водой изъ колодца Земъ Земъ, а на нихъ лежатъ мѣдныя, индійской работы, чашки для питья; пить дозволяется каждому паломнику безъ всякой платы. У этихъ ларей часто можно встрѣтить мальчиковъ, продающихъ различныя сѣмена для кормленія голубей, что считается богоугоднымъ дѣломъ, хотя смотрители мечети не очень тому рады, потому что голуби пачкаютъ дворъ, усыпанный чистымъ пескомъ и содержащійся, какъ и вся мечеть, въ большой опрятности.

Въ серединѣ двора находится главная святыня—Кааба. Кааба представляетъ собой довольно высокій четырехугольникъ, съ плоскою крышей, безъ оконъ, приблизительно саженъ въ 6 длины, 4 ширины, 5 вышины; издали она кажется совершеннымъ кубомъ.

Въ Каабу ведетъ небольшая, обложенная серебромъ, дверь, устроенная съ сѣверной стороны на высотѣ около аршина отъ земли, такъ что во внутрь можно войти только съ помощью приставной лѣстницы. Зданіе не выдѣляется искусствомъ своей постройки; сложено оно изъ большихъ, неодинаковой величины, каменныхъ глыбъ сѣро-бураго цвѣта. Для стока съ крыши дождевой воды съ западной стороны имѣется желобъ; какъ разсказываютъ, желобъ этотъ золотой; стекающая по немъ вода считается цѣлебной отъ всѣхъ болѣзней. Помостъ, куда она стекаетъ, изъ разноцвѣтной мозаики. Здѣсь находятся гробницы пророка, прародителя сѣверо-арабовъ, Измаила и его матери Агари.

Бейтуллахъ покрывается черною атласною матеріей, спускающейся въ видѣ завѣсы, а крыша остается открытой. Посрединѣ этой матеріи



Кааба въ Меккѣ.

серебряными нитями вытканы слова основного догмата ислама: „Нѣтъ Аллаха, кромѣ Единаго Аллаха, Магометъ посланникъ Его“. Возобновлять это покрывало предоставляется только султану, какъ намѣстнику

пророка, а старое, изрѣзанное на мелкіе куски, отвозится въ Константинополь; изъ серебряныхъ нитей дѣлаютъ довольно оригинальныя кольца, которыя охотно пріобрѣтаются паломниками.

Знаменитый черный камень находится снаружи, въ сѣверо-восточномъ углу Каабы. Эта величайшая святыня мусульманъ вдѣлана въ стѣну на высотѣ приблизительно пяти футовъ отъ земли; камень обтянутъ овальною, огибающею стѣну, серебряною пластинкой, на виду же для цѣлованія паломниковъ оставлена только небольшая часть его. Величиной онъ долженъ быть невеликъ; цвѣтъ темно-кофейный; поверхность волнообразная. Камень этотъ считается небеснаго происхожденія, онъ принесенъ ангеломъ Гавріиломъ изъ рая Аврааму; первоначально, по преданію, онъ былъ ослѣпительной бѣлизны, но отъ поцѣлуевъ безчисленнаго множества грѣшныхъ пилигримовъ впослѣдствіи почернѣлъ; европейскіе ученые считаютъ его аэролитомъ, или метеоритомъ. Кааба, по преданію, строилась много разъ; первымъ строителемъ ея былъ Адамъ. Во время потопа она была взята ангелами на небо, а послѣ потопа зданіе было возобновлено Авраамомъ совмѣстно съ сыномъ Измаиломъ. Затѣмъ, спустя много лѣтъ, оно было осквернено язычниками черезъ идолослуженіе, пока не былъ посланъ Магометъ для возстановленія нарушенной истинной вѣры. Передъ кончиной міра, когда прекратится существованіе мечети, Бейтуллахъ вновь будетъ унесенъ на небо ангелами...

Полъ Бейтуллаха сложенъ изъ разноцвѣтныхъ мраморныхъ плитъ, стѣны изъ того же матеріала; стѣны и потолокъ обиты тонкою дамасскою красною матеріей, на которой золотомъ вышиты разнообразные цвѣты. Окопъ нѣтъ; освѣщается Кааба лампами съ оливковымъ масломъ.

Въ сѣверо-восточномъ углу двора, возлѣ Каабы, находится каменный желтый павильонъ колодца святой воды Земъ-Земъ. Земъ-Земъ—источникъ, спасшій въ пустынѣ отъ смерти томимаго жаждой Измаила. Вода въ немъ на вкусъ очень пріятна, химическій составъ ея неизвѣстенъ, но нѣтъ сомнѣнія, что она минеральная. Воду Земъ-Земъ паломники въ большомъ количествѣ везутъ на родину въ герметически закупоренныхъ жестяныхъ сосудахъ; она считается цѣлебной отъ многихъ недуговъ; хаджи пьютъ ее и умываются ею безпрестанно. Кромѣ того, они моютъ ею саваны, такъ какъ есть повѣрье, что обмакнутый въ Земъ-Земъ саванъ избавляетъ отъ адскаго огня.

По пріѣздѣ въ Мекку каждый паломникъ обязанъ семь разъ обойти Бейтуллахъ и семь разъ пробѣжать легкою рысцой между холмами Сафа и Мярфа (Сафа въ мусульманскихъ исторіяхъ упоминается какъ любимое мѣсто Магомета для проповѣди), находящимися по концамъ многолюдной главной улицы Эль-Маса. При исполненіи этихъ обрядовъ все

время читаются установленныя молитвы; въ случаѣ же незнанія ихъ, паломникъ повторяетъ слова за руководителемъ.

Мекка занимаетъ площадь, приблизительно версты четыре въ квадратѣ, окруженную со всѣхъ сторонъ голыми громадными скалами. Дома отъ двухъ до пяти этажей; всѣ они выстроены изъ каменныхъ глыбъ. Всѣхъ домовъ насчитываютъ до трехъ тысячъ. Квартиры крайне дорогія. Дороговизна объясняется тѣмъ, что дома приносятъ доходъ исключительно во время паломничества, а въ остальное время года они совершенно пустуютъ. Для бѣдныхъ паломниковъ существуетъ нѣсколько домовъ, пожертвованныхъ въ пользу паломниковъ богатыми мусульманами.

Городъ носитъ мрачный видъ; улицы кривы, узки и грязны. Главная улица превращается во время съѣзда паломниковъ въ многолюдную ярмарку. Здѣсь сыны пустыни продаютъ выдѣланныя кожи и вообще все то, что въ теченіе года даетъ имъ хозяйство, а на вырученныя деньги пріобрѣтаютъ домашнюю утварь и разнаго рода продукты цивилизаціи: украшенія, ткани и т. д. Паломники здѣсь покупаютъ финики, четки, индійскую посуду, ладанъ и проч. На этой ярмаркѣ можно найти почти всѣ европейскіе товары. Торгуютъ, кромѣ мѣстныхъ арабовъ, индусы, сирійцы, персіяне и турки.

Подобно тому какъ существованіе Медины, расположенной въ сравнительно плодоносной странѣ, основано на разведеніи финиковыхъ пальмъ, такъ существованіе Мекки, находящейся среди голыхъ скалистыхъ горъ, зависитъ исключительно отъ торговли, сдачи домовъ подъ квартиры и отъ щедрости паломниковъ за оказываемыя имъ услуги, безъ коихъ чужестранцу обойтись здѣсь невозможно.

Населеніе города живетъ въ общемъ нескучно. По праздникамъ устраиваются большія народныя гулянья съ каруселями и плясками въ особыхъ балаганахъ. На гуляньяхъ дѣйствуютъ кофейни, съѣстныя лавки, здѣсь же продаются мелочными торговцами всякія бездѣлушки, игрушки для дѣтей, устраивается, словомъ, праздничный базаръ. На гуляньяхъ собираются преимущественно женщины и дѣти въ пестрыхъ блестящихъ костюмахъ. Въ особенности поражаютъ непривычный глазъ фантастическіе костюмы дѣтей изъ парчи и кисеи. Они обвѣшаны съ головы до ногъ всевозможными ожерельями и серебряными монетами. Женщины хотя и ходятъ съ закрытыми лицами, но гуляютъ совершенно свободно, громко перекликаются въ толпѣ, разговариваютъ, смѣются; исключительно ими только и заняты каруселя. Онѣ усаживаются обыкновенно попарно, поютъ пѣсни, играютъ въ бубны. Мужчины чинно стоятъ въ сторонѣ и слушаютъ ихъ пѣсни и игру на бубнахъ.

На гулянья собирается публика со всего города. Здѣсь и офицеры, и чиновники, и солдаты; приходятъ также и паломники, торговцы, ка-

діи, имамы,—словомъ, представители всѣхъ классовъ городского общества и представители всѣхъ мусульманскихъ народностей земного шара. По вечерамъ обыкновенно пускаютъ ракеты, жгутъ разноцвѣтные бенгальскіе огни; повсюду гремятъ бубны и раздаются пѣсни женщинъ. Шумно, пестро, оживленно и крайне оригинально.

Красное море.

(А. Елисѣева.)

Плаваніе по Красному морю—одно изъ самыхъ утомительныхъ плаваній въ мірѣ. Прекрасная лазурь его, принимающая, въ зависимости отъ различныхъ степеней освѣщенія, самые разнообразные оттѣнки синяго и голубого цвѣтовъ, масса островковъ, коралловыхъ рифовъ и камней, разбросанныхъ на всемъ протяженіи моря, особенно вдоль его береговъ, богатство морской жизни, проявляющейся на поверхности моря, удивительные переливы цвѣтовъ, которыми отливаютъ береговыя скалы часто фантастическихъ очертаній, великолѣпное свѣченіе воды по ночамъ, — всѣ эти прелести не могутъ искупить тѣхъ страданій, которыми сопровождается утомительное плаваніе по этому длинному морю. Даже хорошіе океанскіе пароходы употребляютъ около пяти сутокъ для того, чтобы перейти отъ Суэца до Адена; пароходы же берегового плаванія проводятъ цѣлыя недѣли въ его водахъ. Путешественникъ, попавшій на одинъ изъ такихъ небольшихъ пароходовъ, подвергается всѣмъ лишеніямъ, которыхъ не могутъ искупить никакія красоты этого единственнаго во многихъ отношеніяхъ моря. Господствующими вѣтрами въ Красномъ морѣ являются сѣверные и южные. Но, не говоря уже о южномъ горячемъ вѣтрѣ, даже сѣверный вѣтеръ, проходящій черезъ пустыни Синайскаго полуострова, не можетъ освѣжить удушающей атмосферы, вѣчно висящей надъ Краснымъ моремъ. Оба же боковыхъ вѣтра—восточный и западный—являются настоящими вѣтрами пустыни, которыхъ мореплаватели боятся не менѣе, чѣмъ караваны, идущіе по берегамъ. Страшный самумъ, далеко залетая за предѣлы пустыни, несетъ въ море свое жгучее дыханіе, страшный зной и огромныя облака пыли, совершенно застилающія весь горизонтъ моря и взвѣшиваемыя въ тяжелой и насыщенной водяными парами атмосферѣ. Красновато-желтая мгла виситъ тогда надъ моремъ; солнца или совсѣмъ не видно, или оно представляется въ видѣ багрово-кровяного шара, и всѣ предметы на морѣ пріобрѣтаютъ кровавый колоритъ. Самая вода тогда кажется темною, какъ бы съ примѣсью крови. Путешественникъ съ ужасомъ смотритъ на эту густую непроницаемую мглу, кото-

рая заволакиваетъ днемъ и ночью весь горизонтъ. Удушливая всегда атмосфера Краснаго моря становится тогда совершенно негодною для дыханія, и непривычный человѣкъ задыхается въ этомъ горячемъ воздухѣ, пронизанномъ мельчайшею пылью. Солнечные удары, всегда частые въ Красномъ морѣ, учащаются до такой степени, что поражаютъ даже туземцевъ.

Ни одно море въ мірѣ (исключая развѣ Мертваго) не представляетъ столько благопріятныхъ условій для испаренія, какъ Красное море, и потому немудрено, что, по вычисленіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, изъ Краснаго моря ежегодно испаряется слой воды, равный нѣсколькимъ аршинамъ въ высоту. Если бы не существовало прилива воды изъ океана, то оно съ теченіемъ времени изсякло бы совершенно. Вся эта огромная масса испареній собирается въ атмосферѣ, лежащей надъ Краснымъ моремъ, и насыщаетъ ее до того, что намоченный платокъ, повѣшенный на бортъ парохода, не можетъ высохнуть. Въ теченіе ночи вся поверхность судовъ покрывается липкою соленою слизью, которая представляетъ не что иное, какъ осадокъ обильныхъ ночныхъ испареній. При такихъ условіяхъ, особенно при 30 — 40° жарахъ (нерѣдко даже въ полночь здѣсь бываетъ до 30°), понятно, что непривычный человѣкъ задыхается даже въ обыкновенное время, т.-е. при отсутствіи страшныхъ вѣтровъ пустыни. Цѣлыми сутками онъ чувствуетъ себя въ обильной, страшно истомляющей испаринѣ, чувствуетъ, что все бѣлье и одежда пропитаны клейкимъ потомъ или солеными испареніями моря, что въ груди не хватаетъ воздуха и что вся внутренность его пересыхаетъ отъ жажды.

Для моряка, кромѣ зноя и страшной духоты, въ плаваніи по Красному морю присоединяются и другія невзгоды, малоощутимыя пассажирами: страшные туманы, препятствующіе особенно ночнымъ наблюденіямъ, масса островковъ, рифовъ и камней, часто не обозначенныхъ даже на картѣ, и постоянная возможность столкнуться съ другими судами на „Большомъ проспектѣ“, какъ справедливо называютъ моряки Красное море, пересѣкаемое тысячами пароходовъ.

Наше плаваніе до Суакима, а потомъ далѣе, до Массовы, Адена и Джидды, продолжавшееся около двухъ недѣль, дало намъ полную возможность извѣдать всю прелесть Краснаго моря. Не доѣзжая дня пути до Суакима, мы встрѣтили въ морѣ массу погибшей красноватой саранчи. Громадныя тучи ея не могли перелетѣть съ аравійскаго берега въ Африку и погибли въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ египетскаго побережья. Повсюду въ морѣ виднѣлись цѣлые островки, образованные изъ плавающихъ труповъ саранчи, которую пожирали и рыбы, и птицы, но которой оставалось все-таки довольно, для того чтобы заражать воздухъ своимъ зловоніемъ. Масса этой саранчи была прибита къ корал-

ловымъ рифамъ, застряла въ плавающихъ водорослях, масса была выброшена на берега материка и безчисленныхъ островковъ моря. Жгучіе лучи солнца быстро сушили эту гніющую массу, но все-таки зловоніе ея было довольно ощутительно, особенно ближе къ берегу, и увеличивало еще болѣе тяготу нашего плаванія.

Чѣмъ южнѣе подвигались мы, тѣмъ ощутительнѣе дѣлались жаръ и духота. Слабое дуновеніе муссона, заходящаго и въ Красное море, мало освѣжаетъ горячій воздухъ; лѣниво раскинулось темно-голубое небо и раскаленный воздухъ трепещетъ надъ водяною пустыней. Порою проходишь скалистыми островами, и еще тяжелѣе становится при видѣ этихъ раскаленныхъ каменныхъ громадъ, на которыхъ играютъ лишь свѣтотѣни, но нѣтъ и признака растительной и животной жизни. Только стаи морскихъ птицъ рѣшаются останавливаться на этихъ уголкахъ ада, но и онѣ, немного отдохнувъ, спѣшатъ улетѣть подалѣе.

Зато въ безднахъ безконечнаго моря кипитъ могучая жизнь морской глубины, о колоссальномъ развитіи которой мы отчасти догадываемся по тѣмъ сравнительно немногимъ проявленіямъ ея, которыя выступаютъ на поверхность. Нѣсколько позднѣе, плывя на небольшомъ арабскомъ суденышкѣ вдоль аравійскаго берега, мы могли наблюдать все разнообразіе и роскошь жизни морской глубины. Я помню живо то впечатлѣніе, которое охватило меня еще въ первый день плаванія, когда, наблюдая за медленнымъ движеніемъ нашей лодки, я увидалъ впервые въ глубинѣ прозрачной, какъ кристаллъ, воды часть морского дна и уголокъ коралловаго рифа... Какое-то невѣданное и неиспытанное доселѣ чувство восхищенія сразу охватило меня при этомъ чудномъ зрѣлищѣ, которое надо видѣть и которое ни словами, ни красками нельзя описать. Жизнь бездны, животный и растительный міръ подводной глубины былъ во всемъ своемъ великолѣпіи, разнообразіи и неописуемой красотѣ передъ моими глазами, отдѣленный отъ нихъ лишь прозрачнымъ, какъ стекло, небольшимъ слоемъ воды. Вода Краснаго моря отличается особенною прозрачностью, быть можетъ, зависящей и отъ значительнаго содержанія въ нея солей; даже на значительныхъ глубинахъ можно видѣть абрисы и коралловыя образованія морского дна; на глубинѣ же нѣсколькихъ саженъ, особенно на отмеляхъ и на неглубоко сидящихъ коралловыхъ рифахъ, прозрачность воды до того велика, что позволяетъ разсматривать всѣ неровности дна, какъ будто бы онѣ были не подъ водою, а подъ тонкимъ стекломъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я впервые увидалъ съ такою ясностью морское дно, это послѣднее представляло сплошную поверхность мелкихъ коралловыхъ сооруженій, которыя своими вѣточками, отростками и стволами переплетались съ массою разноцвѣтныхъ водорослей, трепетавшихъ отъ незамѣтнаго движенія воды. На этомъ бѣломъ сталактитовомъ корал-

ловомъ образованіи разстилались разноцвѣтныя и разнообразныя группы великолѣпныхъ зоофитовъ. Морскіе цвѣты, представляемые животно-растеніями, носятъ по справедливости свое названіе. По формѣ, разнообразію и яркости окраски они могутъ вполнѣ соперничать съ земными цвѣтами, а легкое движеніе ихъ живыхъ лепестковъ придаетъ имъ еще болѣе прелести. Освѣщенныя яркими лучами солнца, пронизывающими толщу прозрачной воды, эти морскія лиліи, анемоны, астры блещутъ всѣми цвѣтами радуги, отсвѣчиваютъ металлическими красками, переливаются драгоцѣнными камнями... Среди этого волшебнаго міра водорослей и животно-растеній кипитъ не менѣе пестрая и разнообразная, богатая морская жизнь... Огромныя разноцвѣтныя медузы, представляющія какъ будто стеклянныя, но движущіяся существа, носятся, какъ прозрачныя тѣни, сквозь которыя просвѣчиваютъ кораллы и зоофиты. Великолѣпные трубчатники, голубыя нереиды, всевозможныя рыбы, блещущія золотою и серебряною чешуей, и сотни другихъ существъ самой причудливой формы двигаются и толкутся среди этихъ коралловыхъ лѣсовъ и чащи водорослей, тогда какъ морскіе раки и иглокожія ползаютъ по дну, усѣянному тысячами разнообразныхъ раковинъ.

Какъ ни роскошенъ мѣстами тропическій міръ на землѣ, особенно въ глубинѣ дѣвственныхъ экваторіальныхъ лѣсовъ, но міръ морской глубины, котораго лишь крошечные уголки удается увидѣть человѣку, превосходитъ его великолѣпіемъ и причудливостью своихъ красокъ и формъ. Глядя на эти подводные лѣса съ ихъ удивительною фауной, забываешь, что находишься на землѣ, а кажется, что созерцаешь могучее развитіе жизни гдѣ-нибудь внѣ земной сферы, на одной изъ планетъ солнечной орбиты. Можно цѣлыми днями любоваться на чудеса подводнаго міра и все-таки не налюбоваться ими, открывая въ каждое данное мгновеніе новыя его красоты.

Въ долгіе часы ночи, когда сонная поверхность моря превратится въ массу почти недвижнаго растопленнаго металла, подводные лѣса водорослей, коралловъ и зоофитовъ, не освѣщаемые лучами солнца, озаряются свѣтомъ бездны, фосфорическимъ сіяніемъ милліардовъ крошечныхъ существъ. Никакіе рои свѣтляковъ, даже въ лѣсахъ экваторіальной Америки и Цейлона, не могутъ дать понятія о томъ свѣченіи, которое издаютъ обитатели подводнаго міра. Здѣсь все свѣтится: и подводные лѣса, и морскіе цвѣты, и гирлянды переплетшихся водорослей, и всѣ живыя существа этого волшебнаго міра. Свѣтящіяся фосфорическимъ блескомъ тѣльца этихъ животныхъ, начиная отъ микроскопической величины и кончая цѣлыми дисками съ футъ и болѣе въ діаметрѣ, оставляющія при своемъ движеніи цѣлыя струи фосфорическаго сіянія, наполняютъ своимъ свѣтомъ темныя бездны и озаряютъ морскія глубины... Озаренная этимъ сіяніемъ, сама вода кажется живою,

особенно когда свѣтящіяся брызги и струи ея блестятъ на выступающихъ надъ поверхностью камняхъ, на носу и бортахъ тихо разрѣзывающаго ихъ корабля. Я простаивалъ цѣлые часы въ нѣмомъ восхищеніи передъ этимъ удивительнымъ зрѣлищемъ, и мнѣ казалось въ эти мгновенія, что весь блескъ небеснаго свода отразился и разлился въ морской глубинѣ...

Къ горѣ заповѣдей.

(Насонова.)

Солнце склонялось къ горизонту, и жаръ началъ уже спадать, когда мы сѣли на верблюдовъ и направились по ровной песчаной пустынѣ Эль-Ка'а, пересѣкая ее по направленію на востокъ, къ виднѣвшимся вдали грядамъ горъ. Было тихо; свѣжій вѣтерокъ едва-едва тянулъ съ моря, и нашъ караванъ слѣдовалъ спокойно по тропинкѣ, вытянувшись гуськомъ по равнинѣ. Мѣрно покачиваясь на спинѣ одногорбаго корабля пустыни, наслаждался я спокойнымъ и глубокимъ сѣрымъ тономъ, ложащимся на землю при закатѣ, и мирной тишиной, не нарушаемой ничѣмъ...

Не доходя до горъ, расположились мы на ночевку. Прислуга разбила палатки и разложила вокругъ нихъ костры. Началось развьючиваніе верблюдовъ, распаковка тюковъ съ провизіей, приготовленіе ужина. Затѣмъ мало-по-малу шумъ и крикъ, сопровождавшіе всѣ эти хлопоты, начали стихать, погонщики уложили верблюдовъ, задали имъ кормъ и улеглись рядомъ сами. Черезъ небольшой промежутокъ времени все наше становище погрузилось въ сонъ, и было слышно только мѣрное пережевываніе корма верблюдами. Ночью я вышелъ изъ палатки. Было холодно. Луна ярко освѣщала величественную и какъ бы призрачную картину. Пустыня казалась прозрачной и съ одной стороны сливалась съ небосклономъ, а съ другой — переходила въ легкіе силуэты горъ, едва очерченные сверху волнистою линіей. Ни звука, ни признака движенія въ воздухѣ!..

На другой день на разсвѣтѣ нашъ миніатюрный лагерь снялся, и мы направились въ горы. Черезъ нѣсколько часовъ мы вошли въ грандіозное ущелье съ колоссальными отвѣсными скалами по сторонамъ. Мѣстами ущелье суживалось до того, что едва можно было разойтись двумъ верблюдамъ, и небо видно было въ видѣ узкой полосы; мѣстами горы расходились, и ущелье расширялось въ небольшую долину. Дно его представляется высохшимъ русломъ гигантскаго потока. Верблюды идутъ большею частью по песку, но иногда дорога такъ завалена камнями, что приходится слѣзать съ верблюдовъ и силой заставлять ихъ

проходить опасныя мѣста. Тогда съ большою осторожностью идутъ они по каменнымъ глыбамъ, медленно переступая съ камня на камень. Если удивляются выносливости, неприхотливости и силѣ верблюда въ песчаной ровной пустынѣ, то здѣсь, въ горахъ, положительно можно проникнуться уваженіемъ къ нему. Для него положительно нѣтъ препятствій. Мѣрно выступаетъ онъ своимъ важнымъ шагомъ, не торопясь, одинаково спокойно какъ по ровной долинѣ и обломкамъ скалъ, такъ и на крутыхъ подъемахъ и почти отвѣсныхъ спускахъ; не оступится онъ на узкой тропинкѣ между отвѣсною скалой и обрывомъ; можно сидѣть на немъ совершенно увѣренно; онъ не бросится въ сторону отъ испуга, какъ это всегда можетъ быть съ лошадью, и не испугаетъ васъ никакимъ рѣзкимъ и неожиданнымъ движеніемъ.

Въ высшей степени дикую и однообразную картину представляетъ окружающая природа. Громады гранита, лишенныя всякой растительности, окрашенныя въ темные цвѣта и иногда блещущія своими какъ бы отполированными поверхностями, песокъ и камни, среди которыхъ торчатъ мѣстами пучки высохшей травы,—вотъ все, что видно кругомъ по пути въ теченіе нѣсколькихъ дней. Только изрѣдка, гдѣ есть хотя слѣдъ воды, появляются маленькіе островки ярко-зеленой травки и высокаго тростника; еще рѣже къ нимъ присоединяются группы тощихъ тамарисковъ или манныхъ деревьевъ.

Въ срединѣ слѣдующаго дня мы дѣлаемъ перевалъ черезъ небольшой хребетъ, и путь идетъ по долинѣ, совершенно засыпанной камнями различныхъ цвѣтовъ и величины, представляющими издали пеструю мозаику. Далѣе еще два перевала, при чемъ подъемы и спуски такъ круты, что приходится слѣзать съ верблюдовъ и карабкаться по тропинкѣ на отвѣсномъ краю пропасти. Меня поразила здѣсь безжизненность горъ. Я не видалъ ни разу даже ящерицъ. Насѣкомыхъ удалось добыть три-четыре вида; птицы попадаются крайне рѣдко. Безмолвіе въ горахъ мѣстами полное. Зимнее время, несмотря на очень теплую погоду, давало о себѣ знать. Начиная съ весны, здѣсь природа нѣсколько оживляется, особенно если идутъ дожди, но вотъ уже годъ, какъ ихъ не было совсѣмъ.

Путь становится очень утомительнымъ. Дикость и однообразіе окружающей природы дѣйствуютъ подавляющимъ образомъ на человѣка. Жара и продолжительное качаніе на верблюдѣ сильно ослабляютъ организмъ. Наконецъ спустились мы въ обширную долину, покрытую мѣстами высохшими кустами травы и огражденную невысокими горами. За противоположнымъ концомъ ея каменной ограды возвышается Синай, Джебель-Муза бедуиновъ. Съ этой стороны священная гора представляется стоящей одиноко, съ болѣе крутымъ спускомъ на западѣ и отлогимъ на востокѣ. На вершинѣ виднѣется бѣлая точка — это цер-

ковь, построенная монахами. Долина, ведущая къ подножію Синая, носитъ названіе Вади-эе-Себайіе. Здѣсь въ извѣстное время собираются пришедшіе на поклоненіе святымъ мѣстамъ евреи, располагающіеся въ долинѣ громаднымъ станомъ.

Солнце уже спряталось за горами, и хотя было недалеко до цѣли нашего путешествія, но караванъ рѣшилъ расположиться на отдыхъ и ночевку; только часть путниковъ безъ багажа направились ближайшею горною тропинкой къ монастырю св. Екатерины и позднею почью вошла въ его гостепріимныя ворота.

Если подъѣзжать къ монастырю съ юга, со стороны Хорива, ущельемъ между нимъ и Синаемъ, видна узкая лощина среди громадныхъ скалъ, вся усѣянная обломками камней. На днѣ ея видны высокія каменныя стѣны монастыря, слабо выдѣляющіяся на общемъ фонѣ скалъ и какъ бы придавленныя ими.

Монастырская ограда, въ видѣ неправильнаго четырехугольника, имѣетъ видъ крѣпостныхъ стѣнъ съ бойницами, изъ которыхъ мѣстами глядятъ еще жерла небольшихъ старинныхъ пушекъ. Большая часть монастырскихъ стѣнъ сохранилась со временъ Юстиніана. Передняя сторона, обращенная къ дорогѣ по долинѣ, имѣетъ въ верхней части, подъ бойницами, большія отверстія съ деревянными навѣсами снаружи. Чрезъ эти отверстія спускаютъ на блокахъ канаты. На нихъ въ давнее время поднимались въ особыхъ корзинахъ всѣ желающіе попасть внутрь монастыря. Только такимъ путемъ, въ видахъ безопасности, поддерживалось сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ. Теперь времена иныя, и на блокахъ поднимаютъ только грузы. Ворота въ стѣнахъ очень малы, служатъ только для пѣшеходовъ и имѣютъ видъ узкаго, извилистаго прохода, запирающагося двумя или тремя желѣзными затворами. Днемъ они отворены постоянно, но запираются рано, и съ шести часовъ вечера въ монастырь чрезъ нихъ можно проникнуть только съ особаго разрѣшенія. Съ той стороны, съ которой мы подъѣзжали, монастырь представляется очень мрачнымъ. Нѣсколько смягчается видъ его съ сѣверной стороны. Тамъ наверху стѣнъ видны окна келій; снизу примыкаетъ къ стѣнамъ дворъ и садъ съ низкой оградой, черезъ которую виднѣются стройные кипарисы, сѣрыя маслины, зелень апельсиновъ и купы миндальныхъ деревьевъ, осыпанныхъ, какъ снѣгомъ, бѣлыми цвѣтами и еще лишенныхъ листвы. Въ саду помѣщается сверкающая сквозь вѣтви деревьевъ своей яркой бѣлизной церковь съ плоской крышей и обширной террасой.

Главныя стѣны монастыря такъ высоки, что снаружи не видно ни колоколенъ, ни другихъ большихъ построекъ. Войдя въ ворота, направляешься по узкимъ неправильнымъ закоулочкамъ, среди некрасивыхъ построекъ большею частью обычнаго типа восточныхъ надворныхъ

Видъ на Синаѣ.

строеній съ террасами во всю длину зданія. Трудно на первое время оріентироваться среди трапезныхъ, церкви, мечети, библіотеки и рядовъ келій, соединенныхъ узкими переходами вверху и низкими проходами внизу. Невозможность строиться за предѣлами стѣнъ, внѣ ихъ защиты, заставляла дорожить каждою пядью земли, нагромоздить постройки, гдѣ только возможно, лишь бы только онѣ не превышали высоты ихъ каменной ограды.

Надъ постройками высятся стройная колокольня съ крестомъ и минаретъ мечети съ луною. Теперь уже въ мечети не происходитъ службы, и муэдзинъ, когда-то призывавшій съ высоты минарета правовѣрныхъ къ молитвѣ, служитъ теперь у монаховъ на кухнѣ.

Во время пребыванія въ монастырѣ я имѣлъ возможность осмотрѣть всѣ окрестности и взойти на вершину Синая. Восхожденіе на Синай совершается довольно легко по сравнительно отлогой тропинкѣ, мѣстами обдѣланной. По пути встрѣчается источникъ, вода котораго считается цѣлительной отъ болѣзни глазъ, и небольшая церковь пророка Иліи. Мѣстами тропинка завалена камнями; кое-гдѣ встрѣчаются группы кипарисовъ. Вышина горы Синая равняется 2.244 метрамъ, а монастырь лежитъ на высотѣ 1.528, такъ что подниматься приходится на высоту всего около 700 метровъ. Вершина Синая представляетъ довольно большую площадку, на которой помѣщаются: небольшая церковь и полуразвалившаяся мечеть. Эта гора, какъ и память Моисея, высоко чтятся мѣстными мусульманами. Видъ съ вершины Синая чудный и крайне своеобразный. Вы видите цѣлое море горъ съ его гигантскими волнами, изъ которыхъ своей вышиной выдѣляется одна—это гора св. Екатерины, имѣющая 2.600 м. вышины. Въ высшей степени величественная, подавляющая картина развертывается передъ вами. Весь Синайскій полуостровъ виденъ во всю его ширину. На краю горизонта съ востока и запада виднѣются синія полоски обоихъ заливовъ Краснаго моря, омывающихъ Синайскій полуостровъ. Остальныя окружающія возвышенности не представляютъ никакихъ интересныхъ особенностей. Это громады гранита, безжизненныя голыя скалы и груды камней, окаймляющія узкую долину, въ которой лежитъ монастырь.

Бродя по окрестностямъ, я изрѣдка находилъ становища бедуиновъ. Большинство ихъ въ это время кочевало далеко отсюда, въ мѣстахъ, болѣе обильныхъ водою, а слѣдовательно и кормомъ для скота. Палатки ихъ состояли изъ куска черной матеріи, натянутой наискось на колья. Передъ входомъ иногда отгораживался матами изъ тростника небольшой дворикъ; босоногіе, еле прикрытые ребята возились кругомъ и играли въ свои незатѣйливыя игры изъ наломанныхъ прутиковъ. Разложенный костеръ обыкновенно служилъ центромъ, вокругъ котораго

сосредоточивалась вся домашняя жизнь. Неподалеку бродили тощіе верблюды, предоставленные самимъ себѣ и питавшіеся высохшими былинками жесткой травы.

Изъ Яффы въ Іерусалимъ.

(Б. Корженевскаго.)

Яффа съ моря — зеленый садъ на каменистомъ отлогомъ холмѣ, сбѣгающій къ морю рядами извилистыхъ улицъ, бѣлыхъ домиковъ, куполообразныхъ крышъ съ изрѣдка поднимающейся надъ ними вышкою минарета. Зонты пальмъ уже оттѣняютъ мѣстами темную листву померанцевыхъ и апельсинныхъ рощъ, обступившихъ Яффу съ юго-востока. По узкимъ улицамъ пробираются цѣлые караваны осликовъ-водовозовъ, побрякивая мокрыми бочепками; по отлогимъ уступамъ улицы легко и плавно поднимаются группы женщинъ, ѣдутъ верхами арабы, красиво драпируясь широкими складками бурнусовъ. Двойной жгутъ кефіи *) темнымъ кольцомъ обвивается вокругъ головы, придерживая покрывало, замѣняющее шапку. Это „дѣти пустыни“—заіорданскіе бедуины. Сирійцы, рослые и стройные, съ бронзовымъ загаромъ на лицѣ, переговариваются на своемъ мягкомъ нарѣчіи. Босыя дѣвушки феллашки, граціозно подбоченясь правой рукой, идутъ къ колодцу. Типичный еврей въ длинномъ полосатомъ халатѣ-подрясникѣ, напоминающемъ нашихъ деревенскихъ дьячковъ, быстро проходитъ мимо, спѣша скрыться въ какую-то лачугу. Турецкій солдатъ въ фескѣ и безъ погоновъ, рваный и грязный, въ темносинемъ камзолѣ, съ тесакомъ безъ ноженъ, равнодушно слѣдитъ за „порядкомъ“. Добродушный стражъ Турціи беретъ подъ козырекъ при нашемъ появленіи—единственный знакъ вниманія, не требующій „бакшиша“ **) со стороны туриста.

Дорога изъ Яффы въ Іерусалимъ сначала идетъ садами, среди шпалеръ мелкой, глянцовитой зелени, покрытой бѣлымъ известковымъ налетомъ пыли. Темнозеленые плоды померанцевъ проглянули сквозь тонкіе сучья, какъ ядрами пробивъ шапковидную крону. Густою непроницаемою массой столпились апельсинныя деревья. Вмѣсто каменныхъ заборовъ сады во многихъ мѣстахъ обсажены громадными кактусами. Кактусъ этотъ, называемый опунція, служитъ лучшею изгородью. Его листья, имѣющіе видъ большихъ тарелокъ темнозеленаго цвѣта, соединены между собою ребрами и усѣяны пучками длинныхъ жесткихъ иглъ.

---

*) Головной уборъ.

**) На чай.

По голымъ желтобурымъ скатамъ полей бродятъ стада овецъ; качаясь, звеня бубенцами, нескончаемою вереницей идутъ караваны верблюдовъ. Громоздкій фургонъ, переполненный евреями, вяло плетется навстрѣчу. Арабы на осликахъ въ полосатыхъ плащахъ, бедуины верхами, съ длинными кремневыми ружьями, торопливо даютъ дорогу. На дальней чертѣ небосклона, въ вечернихъ лучахъ поднимаются кремнистыя горы Іудеи. Весь колоритъ этой чудной картины невольно напоминаетъ библейскія страницы, незатѣйливый бытъ пастушескаго народа.

Кое-гдѣ виднѣются темные силуэты одинокихъ башенъ. Арабъ-воз-

Яффа съ моря.

ница поясняетъ намъ ихъ назначеніе. Это сторожевые посты, откуда турецкіе солдаты наблюдаютъ за безопасностью проѣзжающихъ. Конные патрули постоянно разъѣзжаютъ на всемъ протяженіи отъ Яффы до Іерусалима—нововведеніе послѣднихъ лѣтъ, едва прекратившее постоянные разбои.

Мало-по-малу дорога поднимается на значительную высоту. Пейзажъ становится суровъ и пустыненъ: сѣрые камни, желтый сухой вереск, полное отсутствіе зелени и деревьевъ. Только кое-гдѣ пріжился чахлый кустарникъ. Иногда попадается арабская деревушка, вся утонувшая въ зеленой розеткѣ кактусовъ. У каменныхъ водоемовъ, едва высту-

пающихъ на поверхность земли, толпятся группы женщинъ, пришедшихъ за водой. Нагія дѣтишки, одного роста съ огромными кувшинами, тихо щебечутъ, оглядывая съ любопытствомъ проѣзжающихъ, и вдругъ бросаются бѣжать за коляской, протягивая руки съ требованіями „бакшиша“.

При подъемѣ на Іерусалимское плато, господствующее надъ всею окрестностью, дорога дѣлается еще круче. Голыя, сѣрыя скалы по бокамъ шоссе становятся все обрывистѣе. Онѣ то сжимаютъ его тѣсными ущельями, то вдругъ, разступившись, даютъ нежданно далекую перспективу: Средиземное море выступаетъ голубою полоской и на его берегу какъ будто пунктиромъ намѣченъ сѣрый квадратъ домиковъ Яффы. По тощей, полузасохшей травѣ шуршатъ пестрыя ящерицы. Козы и овцы бродятъ въ горныхъ впадинахъ и уступахъ; намъ навстрѣчу идутъ шумные караваны. Верблюды, качаясь, мѣрною поступью проходятъ по самому краю дороги надъ обрывомъ, уступая дорогу коляскѣ и фургонамъ. Чѣмъ ближе къ Іерусалиму, тѣмъ чаще попадаются разбросанныя по одиночкѣ оливковыя деревья. Коляска съ трудомъ одолѣваетъ крутые подъемы. Шоссе, огражденное каменными перилами, свивается кольцами, то исчезая подъ нами, то вдругъ появляясь вновь надъ нашею головой. Крутой поворотъ—и вдругъ передъ нами мгновенно предсталъ на песчаныхъ холмахъ Святой городъ.

Средневѣковыя стѣны съ четырехугольными башнями окружаютъ городъ, и среди плоскихъ безчисленныхъ крышъ поднимается осѣненная широкимъ куполомъ мечеть Омара. Но не къ ней стремятся взоры, не ея жаждетъ душа, а той міровой святыни, что скромно пріютилась на камняхъ Голгоѳы.

Мы въѣзжаемъ въ предмѣстье, минуемъ рядъ каменныхъ домовъ, полускрытыхъ въ зелени сада, и останавливаемся наконецъ передъ каменною башней съ воротами. Отсюда начинается Іерусалимъ съ его святынями.

Іерусалимъ.

(Коптева.)

Іерусалимъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ и имѣетъ фигуру неправильнаго четырехугольника, окруженнаго древнею стѣной съ семью воротами. Съ сѣверной и западной сторонъ къ нему примыкаютъ предмѣстья, площадь которыхъ уже почти равняется самому городу. Въ послѣднія десять лѣтъ предмѣстья эти начали особенно расширяться благодаря постройкѣ обширныхъ домовъ для богомольцевъ различныхъ христіанскихъ исповѣданій. Съ восточной, южной и западной сторонъ

городъ окруженъ глубокими оврагами, за которыми поднимаются крутые холмы, закрывающіе видъ на Іерусалимъ издалека. Городъ раздѣленъ пересѣкающими его двумя большими улицами на четыре части. Только самая незначительная часть его хорошо вымощена, а остальныя улицы немощеныя и содержатся грязно. Въ городѣ четыре квартала: христіанскій, армянскій, магометанскій и еврейскій. Послѣдняя часть города— самая грязная. Хотя главная улица, по направленію отъ Яффскихъ воротъ до Св. Храма, какъ и всѣ вообще іерусалимскія улицы, весьма узка, но все же отличается нѣкоторою чистотой, и на этомъ протяженіи, хотя изрѣдка, можно встрѣтить нѣсколько зданій, имѣющихъ подобіе дома, и нѣсколько незатѣйливыхъ магазиновъ. Въ остальныхъ улицахъ дома большею частью выходятъ только глухими стѣнами безъ оконъ, такъ какъ, по восточному обычаю, окна и двери жилыхъ комнатъ выходятъ во дворъ, гдѣ и сосредоточивается семейная жизнь мусульманъ. При незначительной ширинѣ улицъ нѣкоторыя изъ нихъ прикрыты сверху парусиною или рогожами для защиты отъ солнечнаго зноя; въ этихъ улицахъ невообразимая духота, такъ какъ всякое движеніе воздуха прекращается. Между тѣмъ, подъ этими навѣсами производится торговля разными съѣстными припасами. Тутъ же на открытомъ воздухѣ приготовляется пища, пекутъ хлѣбы и занимаются всякими работами.

Нельзя не упомянуть объ оригинальномъ способѣ печенія хлѣба: на камень накладываютъ „кизякъ“ (кирпичи изъ навоза, смѣшаннаго съ рубленою соломой), а иногда и просто сухой навозъ. Потомъ его зажигаютъ, и онъ горитъ до тѣхъ поръ, пока камень не нагрѣется хорошо; навозъ немедленно сгребаютъ прочь и на раскаленный камень накладываютъ приготовленное тѣсто тонкимъ слоемъ въ видѣ лепешки; потомъ тѣсто это прикрывается глинянымъ невысокимъ горшкомъ или широкою чашкою, снаружи обмазанною навозомъ, который опять зажигается; черезъ извѣстный промежутокъ времени навозъ сгребаютъ, снимаютъ чашку и хлѣбъ готовъ. Хлѣбъ этотъ, при его употребленіи, не рѣжутъ, а рвутъ кусками; онъ дурного качества и совсѣмъ не пропеченный.

Относительно пищи бѣдствуютъ всѣ сословія; часто не знаютъ, что приготовлять. Единственное мясо—это баранина, и ту трудно доставать; свѣжей рыбы совсѣмъ нѣтъ. Соленая и сушеная рыба хотя и продается, но по весьма высокимъ цѣнамъ.

Народонаселеніе Іерусалима считаютъ около 35.000. Къ этому надобно прибавить еще поклонниковъ, которыхъ ежегодно перебываетъ въ Святомъ Градѣ всѣхъ вѣроисповѣданій до 8.000, изъ числа которыхъ— до 4.000 русскихъ.

По климату Святой Градъ можно причислить къ числу здоровыхъ,

благодаря его высокому положенію. Съ ноября начинаются дожди и продолжаются до апрѣля. Въ это время всѣ городскія цистерны наполняются водою на цѣлый годъ. Въ зимніе мѣсяцы иногда выпадаетъ снѣгъ, но на самое короткое время и долѣе двухъ дней не лежитъ. Начиная съ мая мѣсяца устанавливается жаркая лѣтняя погода, и тогда, въ особенности въ центрѣ стараго города, духота бываетъ ужасающая. Относительно палестинскихъ жаровъ нужно сказать, что они и тамъ переносятся легче, чѣмъ жаркая пора у насъ въ средней и южной полосѣ Россіи.

Евреи изъ Іерусалима.

Въ Палестинѣ въ лѣтнее время все населеніе встаетъ до восхода солнца и дѣятельность продолжается часовъ до десяти, много одиннадцати. Потомъ всѣ удаляются въ комнаты съ запертыми жалюзи и остаются въ нихъ часовъ до четырехъ. Съ этого времени опять начинается дѣятельность до сумерекъ и потомъ—наслажденіе южною теплою ночью. Въ это время года дуетъ большею частью сѣверный вѣтеръ, что значительно прохлаждаетъ воздухъ. Во время сильныхъ жаровъ термометръ рѣдко достигаетъ до 30 градусовъ.

Лучшій видъ на Іерусалимъ—съ Елеонской горы. Съ восточной стороны глазъ видитъ нагроможденную массу іудейскихъ горъ, съ узкою лентой растительности по теченію рѣки Іордана, въ концѣ которой широкою площадью сверкаетъ Мертвое море. На западъ разстилается Іерусалимъ.

Но этотъ Іерусалимъ,—разоренный, бѣдный—далеко не тотъ, который былъ во времена Спасителя! Нѣтъ тѣхъ роскошныхъ дворцовъ и богатыхъ храмовъ съ золотыми крышами, нѣтъ великолѣпныхъ мраморныхъ башенъ, придававшихъ видъ торжества, могущества и величія этому городу.

Давно прошли тѣ времена, когда іудейскіе и языческіе путешественники останавливали на Елеонской горѣ своихъ коней и всегда съ восторгомъ нѣмого изумленія глядѣли на это дивное диво. Іерусалимъ въ то время считался однимъ изъ чудесъ міра и представлялъ изъ себя неизмѣримо болѣе великолѣпное зрѣлище, чѣмъ разоренный и ветхій городъ настоящаго времени. Все прежнее, все, что составляло величіе и славу этого города, разрушено, и, несмотря на протекшіе уже 19 вѣковъ, городъ лишенъ даже тѣни былой славы своей.

Храмъ Гроба Господня.

(Е. Маркова.)

Мы отправились пѣшкомъ. Русскія постройки очень близко отъ Яффскихъ воротъ; онѣ отдѣляются отъ нихъ только небольшою базарною площадью, всегда полною народа.

Ворота эти смотрятъ еще вполнѣ средневѣковымп: это цѣлое укрѣпленіе съ массивными стѣнами и сводами, съ тяжелыми желѣзными полотнищами на громадныхъ петляхъ. Турецкіе часовые постоянно сидятъ подъ ними у дверей своей караулки, сдѣланной въ толщѣ самыхъ воротъ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Яффскими воротами и замокъ св. Давида со своими зубцами, бойницами и рвами, самая величественная изо всѣхъ башенъ іерусалимской ограды, придающая совершенно воинственный видъ этому обращенному въ крѣпость „городу міра“.

Улицы Іерусалима тѣсны и грязны. Часто онѣ сплошь покрываются сводами домовъ. Множество лавчонокъ съ обычнымъ восточнымъ товаромъ, кухоньки, кофейни, цырюльни, бѣдныя мастерскія глядятъ по сторонамъ, совсѣмъ открытыя, изо всѣхъ полутемныхъ норъ...

Словомъ, это одинъ безконечный базаръ, какъ улицы Каира, Яффы и каждаго восточнаго города.

Не думаю, чтобы Іерусалимъ среднихъ вѣковъ и даже Ветхаго Завѣта особенно разнился отъ теперешняго.

Та же неприступность и непріютность тяжелыхъ каменныхъ ящиковъ безъ оконъ и безъ дверей, называемыхъ здѣсь домами, скорѣе похожихъ на башни и блокгаузы, тѣ же каменные и глиняные купольчики и плоскія крыши наверху, тѣ же вонючія, вьющіяся улицы, въ кото-

рыхъ десять человѣкъ могутъ остановить цѣлое войско. И, конечно, пестрая, разноплеменная, разноязычная толпа въ самыхъ невиданныхъ и живописныхъ одеждахъ, не прерывающаяся толкотня ословъ, лошадей, верблюдовъ, вездѣ оглушающій говоръ, крики и шумъ. Подумаешь, что это простой уголокъ каирскаго базара, и совсѣмъ забудешь о томъ, гдѣ ты въ дѣйствительности и куда теперь идешь... Арабская крикливая суета подавила здѣсь собою всѣ другіе обычаи и стерла всякій библейскій и евангельскій характеръ съ улицъ Давидова города.

И вотъ вы, разсѣянный, смущенный всею этою безпорядочною сутолокой людей и животныхъ, среди которой должны продираться, незамѣтно повернули съ базарной улицы въ какую-то узенькую щель между глухими стѣнами и черезъ нѣсколько шаговъ вдругъ неожиданно очутились на небольшой площадкѣ, отовсюду обставленной высокими строеніями, будто на днѣ глубокаго каменнаго ящика, передъ самымъ храмомъ Святого Гроба...

Ничто васъ не подготовляетъ къ нему, и тѣснота, которою онъ отовсюду задавленъ, эти отвернувшіяся къ нему спиною неопрятныя, полуразвалившіяся зданія изъ голаго камня, эта оскорбительная безцеремонность турецкихъ домовъ и мечетей, едва оставляющихъ ему мѣсто подъ голубымъ небомъ, производятъ на русскаго человѣка тяжелое впечатлѣніе.

Мраморный помостъ поднимается нѣсколькими ступенями къ подножію храма. Тутъ цѣлое торжище священными предметами Іерусалима: образками, крестиками, четками, картинами. Оно кажется тоже мало умѣстнымъ въ преддверіи того самаго храма, откуда Галилейскій Учитель вервіемъ изгналъ торгующихъ и опрокинулъ ихъ нечестивыя сѣдалища.

Направо отъ помоста высокій минаретъ халифа Омара. Онъ поставилъ его неусыпнымъ стражемъ надъ святынею христіанства, пощадивъ самую святыню. Уже грозный побѣдитель готовился войти со своими муллами въ двери христіанскаго храма, чтобы тамъ вознести благодарственную молитву Аллаху и обратить этимъ навсегда въ святилище ислама Вертепъ Гроба Христова, но его остановилъ на порогѣ храма патріархъ Софроній. Умный старецъ сумѣлъ убѣдить варвара, истребившаго Александрійскую библіотеку, что ему будетъ гораздо больше славы, если онъ возстановитъ въ прежнемъ блескѣ знаменитый храмъ премудраго Соломона, оставивъ въ покоѣ смиренный культъ распятаго Христа.

Преемникъ Магомета велѣлъ тогда разложить свой молитвенный коврикъ на наружномъ мраморномъ помостѣ храма, и Святой Гробъ былъ такимъ образомъ спасенъ... Одинъ только минаретъ остался навсегда

памятникомъ этой первой молитвы арабскаго халифа въ завоеванномъ имъ святомъ городѣ христіанъ.

Минаретъ этотъ не даромъ караулитъ такъ близко Гробъ Христовъ. Онъ служитъ вѣрнымъ символомъ того рабства, въ которомъ болѣе тысячелѣтія держали и отчасти держатъ еще мусульмане эту величайшую святыню христіанства. Не говоря уже о далекихъ отъ насъ временахъ, еще въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія каждый поклонникъ долженъ былъ уплатить турецкой стражѣ храма 24 лева *) за право входа. Еще въ 1830 году, уже послѣ разгрома Турціи на Балканахъ нашимъ побѣдоноснымъ воинствомъ, мусселимъ іерусалимскій сидѣлъ со своими солдатами и мытарями на помостѣ храма, передъ воротами его, и заставлялъ богомольцевъ пролѣзать подъ плетень, которымъ онъ перегородилъ доступъ къ храму, чтобы никто не могъ проскользнуть туда безъ установленной платы.

Храмъ тогда даже днемъ запирался на ключъ, и ключи хранились у сторожей — турокъ, по наслѣдству передававшихъ другъ другу это историческое право свое. У одного семейства хранился самый ключъ, у другого воскъ, у третьяго печать, у четвертаго веревка, у пятаго лѣстница. Необходимо было общее согласіе и участіе всѣхъ этихъ пяти наслѣдственныхъ обладателей Св. Гроба, чтобы отворить заповѣдную дверь, и, конечно, такое согласіе нужно было каждый разъ купить соотвѣтственною жертвой.

Впрочемъ, и теперь если не весь день, то съ семи часовъ вечера и до трехъ утра храмъ запирается на ключъ тѣми же наслѣдственными стражами, и проникнуть въ эти часы въ храмъ до сихъ поръ стоитъ порядочныхъ хлопотъ и расходовъ, какъ мы убѣдились потомъ собственнымъ опытомъ.

Храмъ Гроба Господня хотя и задвинутъ съ разныхъ сторонъ неуклюжими зданіями, не дающими возможности обойти его и составить цѣльное понятіе объ его архитектурномъ характерѣ, хотя онъ содержится снаружи въ самомъ жалкомъ видѣ, оборванный и въ каменныхъ заплатахъ, однако грандіозный фасадъ его производитъ большое впечатлѣніе.

Двѣ громадныя, изящно отдѣланныя арки, не столько готическаго, сколько мавританскаго стиля, изъ которыхъ одна, впрочемъ, заложена теперь неопрятною каменною стѣной, служатъ входами въ храмъ. Массивныя бронзовыя ворота закрываютъ другую арку. Надъ этими арками во второмъ ярусѣ двѣ другія, осѣняющія собою два большія готическія окна, единственныя съ этой стороны храма, и затѣмъ еще выше, на каменномъ уступѣ, круглый барабанъ съ частыми свѣтлыми окнами,

*) Монета.

поддерживающій знаменитый черный куполъ, нѣкогда связанный съ необыкновеннымъ искусствомъ изъ кедровыхъ стропилъ и покрытый свинцовыми листами. Снаружи храмъ смотритъ скорѣе мечетью, чѣмъ христіанскимъ храмомъ. Смиренный крестъ его едва замѣтенъ даже вблизи и его безъ труда смѣшаешь съ полумѣсяцемъ. Сейчасъ видно, что долгая и мучительная исторія заставляла его больше прятаться, чѣмъ торжествовать.

Множество всякихъ построекъ прилѣпилось и приросло со всѣхъ сторонъ въ теченіе долгихъ вѣковъ къ главному корпусу храма. Тутъ и греческій монастырь св. Авраама, и кельи католическія, и кельи коптскія и армянскія... Тутъ же около и зданіе патріархіи. Черезъ это храмъ обратился въ своего рода громадный замокъ, полный таинственныхъ подземелій, переходовъ, лѣсенокъ, башенъ, въ которомъ даже привычный человѣкъ не сразу найдетъ дорогу...

Съ невольнымъ сердечнымъ волненіемъ переступили мы завѣтный порогъ. Сначала васъ охватываетъ какая-то неясная полутьма, и то, что вы видите, такъ не похоже на привычную вамъ обстановку нашихъ православныхъ храмовъ, что вы теряетесь и не узнаете, куда обратить вашъ взоръ. Вы только съ негодованіемъ отворачиваете его отъ возмущающей васъ группы жирныхъ, богато разодѣтыхъ турокъ, увѣшанныхъ кинжалами, которые, поджавъ ноги, важно возсѣдаютъ въ особой ложѣ, налѣво отъ входа, куря кальяны и потягивая кофе. Это и есть пресловутые ключари и стражи Гроба Господня. Вамъ приходитъ въ голову, что Святой Гробъ и Голгоа даже черезъ двѣ тысячи лѣтъ не освободились еще отъ тѣхъ воиновъ Пилатовыхъ, что стерегли распятаго и погребеннаго Христа и съ поношеніями надѣвали на него вѣнецъ терновый...

Таинственный золотой балдахинъ впереди и посрединѣ храма, сіяющій спущенными сверху большими многочисленными лампадами, надъ богато украшенною мраморною доской, выдѣляется изъ полутьмы. Вокругъ него колѣнопреклоненная толпа. Это „камень миропомазанія“, на которомъ Іосифъ Аримаоейскій обвивалъ „въ плащаницы чистыя“ снятое со креста тѣло Іисуса, — первая вступительная святыня храма, которую мы въ волненіи своемъ приняли было за Святой Гробъ. Но это наружная круговая галлерея, охватывающая собою внутреннюю ротонду храма. Прежде она отдѣлялась отъ ротонды сквозными рядами колоннъ, а теперь разобщена сплошными, далеко не изящными перегородками, совсѣмъ ее затемнившими и очень сузившими громадный охватъ храма. Направо отъ камня миропомазанія, почти въ совершенной темнотѣ, чуть нарушаемой мерцающими лампадами, входы подъ Голгоу и лѣсенка на вершину ея. Налѣво обходъ по галлереѣ, мимо армянскаго алтаря, гдѣ при снятіи со креста стояла Пресвятая Дѣва; изъ галлереи

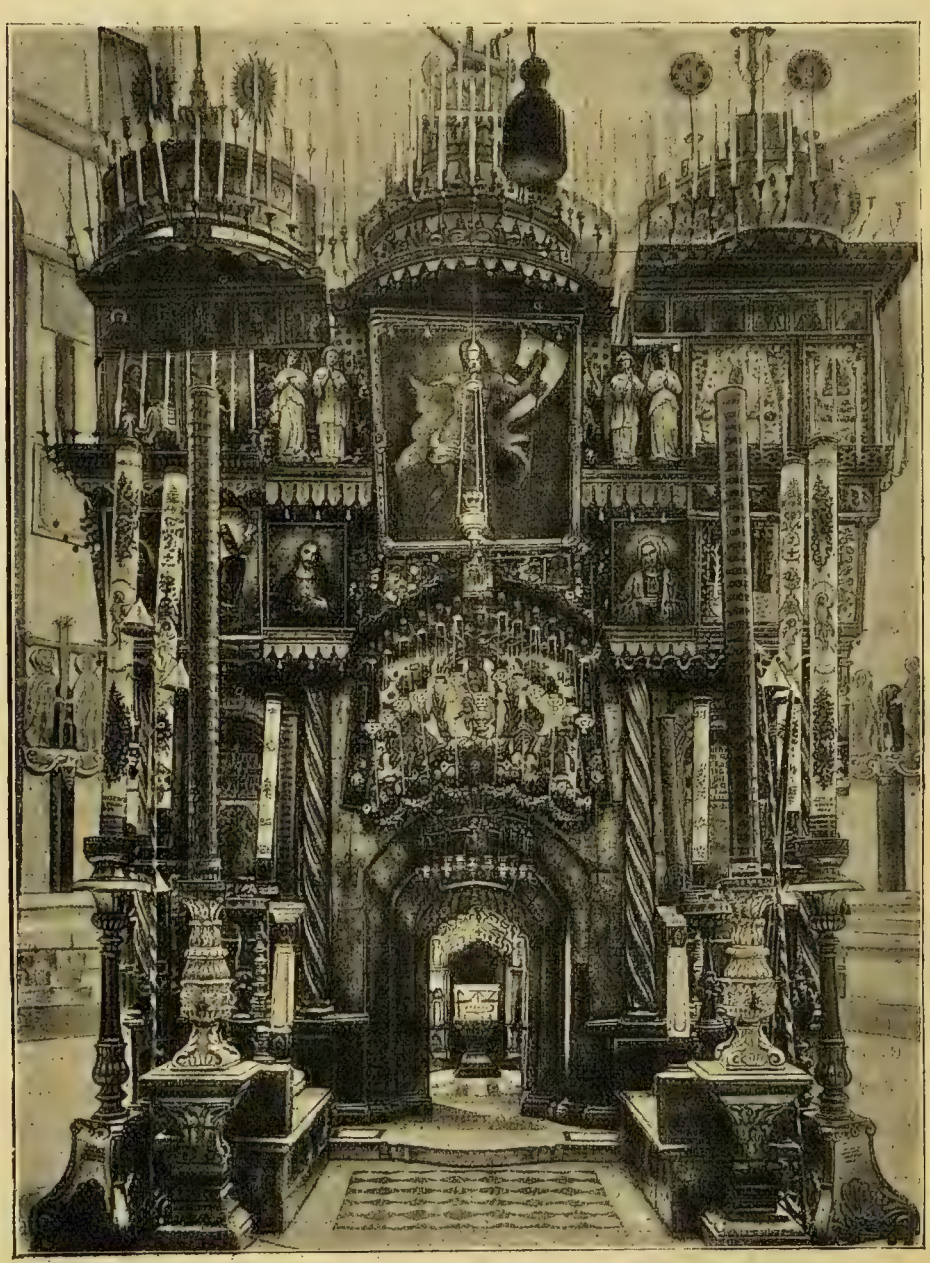
вступаютъ въ центральную ротонду храма какъ-то сбоку и словно тайкомъ... Это уже не та знаменитая ротонда царицы Елены, которую украшали Готфридъ и Балдуинъ. Страшный пожаръ 1808 года истребилъ древній артистическій куполъ изъ кедровыхъ стропилъ и разбилъ въ куски порфиры, мраморы и яшмы двухъярусной колоннады храма, сообщавшей ему такую художественную прелесть и воздушность. Теперь самые прозаическіе и уже далеко не воздушные каменные пилястры поддерживаютъ верхнюю башню храма, а ротонда обнесена сплошною стѣнкой, украшенной довольно аляповатою живописью, и только арки нижнихъ проходовъ да двойныя арки хоръ прорѣзываютъ эту неумѣстную ограду. Впрочемъ, и въ настоящемъ своемъ искаженномъ видѣ ротонда поражаетъ своею смѣлостью, своимъ художественнымъ вкусомъ. Громадное полушаріе цѣликомъ опрокинуто надъ вами, безъ всякихъ переметовъ и подпорокъ, какъ куполъ неба. Оно разрисовано удивительно удачно—радостною небесною лазурью, съ облаками и ангелами. Живая небесная лазурь, живое Божье солнце глядятъ, кромѣ того, съ его вершины въ круглое отверстіе купола и дышитъ оттуда на молящихся въ тѣснотѣ и духотѣ вольный воздухъ.

На самой срединѣ ротонды, прямо подъ отверстіемъ ея купола, стоитъ, какъ громадный престолъ этого великаго храма — его Святая Святыхъ—часовня Гроба Христова. Она имѣетъ видъ отдѣльнаго храма съ изящнымъ, какъ бы точенымъ куполомъ, и вся изъ рѣзныхъ мраморовъ желтовато-песочнаго тона.

Трудно разсмотрѣть всѣ ея скульптурныя украшенія, ея колонны, карнизы изъ-за гирляндъ висящихъ на ней лампадъ, горящихъ рядовъ свѣчей и множества установленныхъ на ней иконъ.

Мраморный полъ храма и его мраморныя скамьи передъ входомъ въ часовню покрыты молящимися. Цѣлыя толпы католическихъ патеровъ и монаховъ стоятъ на колѣняхъ, устремивъ воспламененные молитвою глаза въ таинственную мерцающую глубь гробового вертепа и, повидимому, забывъ весь міръ. Совѣстно пройти между ними и святою часовней; кажется, что сейчасъ же грубо порвешь эти незримо протянутыя къ одному общему центру духовныя нити, эти жаркіе лучи, льющіеся изъ умиленныхъ сердецъ ко Гробу Христову.

У входа въ часовню—цѣлый лѣсъ горящихъ свѣчей въ громадныхъ подсвѣчникахъ выше роста человѣческаго. Цѣлая сѣть большихъ и маленькихъ лампадъ, цѣпями въ нѣсколько ярусовъ, обвѣшиваетъ ея передній фасадъ, украшенный древними иконами. Мы тихо вошли во внутрь... Тамъ тоже яркое сіяніе лампадъ и свѣчей. Посрединѣ въ богато украшенной урнѣ, прикрытой золоченою доской, обломокъ камня, которымъ закрывался нѣкогда входъ въ могильную пещеру. Это „часовня ангела“, отвалившаго, по разсказу евангельскому, камень Гроба.



Часовня гроба Господня.

Камень этотъ служитъ теперь престоломъ во время литургіи, точно такъ же, какъ самый Гробъ Господень служитъ вполнѣ подходящимъ жертвенникомъ. Два маленькія окна продѣланы изъ этой часовни въ ротонду. Черезъ нихъ патріархъ въ заутреню Свѣтлаго Воскресенія передаетъ архіереямъ пучки свѣчей, зажженныхъ отъ таинственнаго огня Святого Гроба.

Необходимо подождать своей очереди въ часовнѣ Ангела, прежде чѣмъ вступить во святой Вертепъ. Здѣсь тоже молящіеся, простертые на полу, въ жаркихъ словахъ, съ глубокими вздохами; глаза ихъ въ торжественномъ самозабвеніи прикованы къ этой маленькой дверочкѣ, отдѣляющей отъ нихъ великую святыню. По очереди встаютъ они и тихо пригибаются подъ низенькій сводъ Вертепа, съ благоговѣйнымъ трепетомъ, будто приближаясь къ престолу страшнаго суда Божія... И долго еще видите вы ихъ тамъ лежащими лицомъ къ землѣ въ яркомъ сіяніи лампадъ, у подножія Христова Гроба. И никто не узнаетъ, какія тайны выкладываютъ они передъ нимъ въ этой нѣмой исповѣди, какія горькія скорби и страданія принесли они сюда, чтобы сбросить ихъ, какъ непосильное бремя, ко гробу Великаго Страдальца за міръ.

За низенькою дверочкой вы дѣйствительно попадаете въ отверстую пещеру гроба. Тѣсныя нѣдра скалы кругомъ васъ... Два человѣка здѣсь съ трудомъ умѣщаются вмѣстѣ. Углубленіе, высѣченное въ скалѣ въ видѣ ниши, пріосѣняетъ такое же высѣченное въ скалѣ каменное ложе. Это и есть Гробъ Спасителя. По обычаю евреевъ, тѣло умершаго, обвитое пеленами или плащаницею, клали безъ ящика прямо на каменномъ ложѣ пещеры и входъ въ нее заваливали камнемъ. Императрица Елена прикрыла доскою бѣлаго мрамора грубое Христово ложе изъ сырого камня. Теперь эта доска установлена рядами горящихъ подсвѣчниковъ, усѣяна цвѣтами. Множество древнихъ иконъ—однѣ въ богатыхъ окладахъ, сверкающія драгоцѣнными камнями, другія совсѣмъ простыя деревянныя доски, чуть не младенческой живописи — покрываютъ углубленіе ниши и стѣнки пещеры. Около 50-ти большихъ лампадъ, золотыхъ и серебряныхъ, опускаются цѣлымъ мерцающимъ лѣсомъ съ низенькаго свода, переливая своими разноцвѣтными огнями. Въ сіяніи этихъ безчисленныхъ огней, свѣчей и лампадъ тѣсная пещера Гроба Христова кажется какимъ-то пламеннымъ очагомъ среди полутьмы огромнаго храма. Черный камень первобытной пещерной скалы виденъ однако сквозь всѣ эти висящія сѣти золота и огня, изъ-за всѣхъ этихъ сверкающихъ иконъ. А въ самомъ верху пещеры сквозь круглое отверстіе часовни, которое приходится какъ разъ подъ отверстіемъ большого купола храма, дышитъ въ тѣсную гробницу Христову далекое голубое небо.

Гробъ Господень не принадлежитъ никому, и поэтому онъ раздѣленъ между всѣми. Ежедневно на немъ служатся по крайней мѣрѣ три обѣдни: греческая первая, вторая армянская и послѣдняя латинская.

Но кругомъ этой центральной святыни — за колоннами ротонды — церкви, престолы, часовни всѣхъ христіанскихъ исповѣданій шара земного.

Копты примкнули даже свой престолъ къ задней стѣнѣ часовни Святого Гроба, въ самой ротондѣ. Престолъ сирійцевъ сейчасъ же противъ нихъ, за колоннами. Черезъ него вы можете пройти въ самую толщу храмовой стѣны, къ отверстымъ могиламъ Іосифа Аримаѳейскаго и Никодима. Іосифу, богатому жителю Іерусалима, принадлежалъ загородный садикъ у подножія Голгоѳы, въ скалѣ которой онъ приготовилъ пещеру для гробницы своей. Ее онъ уступилъ потомъ распятому Христу, а самъ ископалъ себѣ другую, которую и показываютъ теперь подъ стѣною храма. Прямо передъ входомъ въ часовню святого Гроба, отдѣляясь грандіозною аркой отъ ротонды, главный храмъ Воскресенія. Онъ принадлежитъ грекамъ, какъ и большинство здѣшнихъ святынь. Храмъ очень обширенъ и богато убранъ. Иконостасъ въ 5 ярусовъ, писанъ по золоту, со множествомъ золотыхъ окладовъ, большею частью русскаго пожертвованія. Крытыя мѣста патріарха и его намѣстниковъ, каѳедра архидіакона,—старинной и изящной рѣзьбы изъ драгоцѣннаго дерева. По обѣимъ сторонамъ деревянныя же ложи для монаховъ. Мраморная урна посрединѣ собора — знаменитый въ разсказахъ паломниковъ „пупъ земли“. На этомъ мѣстѣ, по благочестивой легендѣ, Господь создалъ Адама. Голову Адама показываютъ въ пещерной часовнѣ подъ Голгоѳою, которая считается вмѣстѣ съ тѣмъ гробницею Мельхиседека, перваго царя и первосвященника Солимскаго. Католикамъ принадлежитъ часть храма направо отъ входа въ часовню Святого Гроба. Тамъ у нихъ нѣсколько престоловъ и древняя ризница.

Каждое мельчайшее событіе великой драмы Страстей Христовыхъ освящено особымъ придѣломъ, который носитъ названіе этого Евангельскаго событія. Въ одномъ изъ нихъ Марія Магдалина узрѣла воскресшаго Христа; въ другомъ Христосъ былъ привязанъ къ столбу и терпѣлъ поруганіе отъ воиновъ. Въ третьемъ на Него возлагали узы. Трудно пересчитать всѣ эти придѣлы, обнимающіе кольцомъ серединную ротонду храма, ютящіеся то съ одной, то съ другой стороны Голгоѳы.

Гора Голгоѳа—теперь очень небольшое возвышеніе, включенное въ общіе предѣлы храма. На него ведутъ двѣ полутемныя лѣсенки. Наверху Голгоѳы два придѣла,—одинъ ближній, гдѣ былъ утвержденъ крестъ, принадлежитъ грекамъ, другой, рядомъ съ нимъ, католическій.

Мѣсто утвержденія креста обозначено серебромъ и мраморомъ и находится подъ доскою престола. Подлиннаго креста уже давно не существуетъ, а около стоитъ изображеніе его. Въ католическомъ придѣлѣ статуя Mater Dolorosa, съ сердцемъ, пронзеннымъ кинжаломъ, вся обвѣшанная золотомъ, жемчугомъ и брильянтами благочестивыхъ жертвователей, скорбнымъ взоромъ глядитъ на Распятаго Сына.

Къ главному зданію храма, за алтаремъ собора Воскресенія и спрятанными сзади его придѣлами раздѣленія ризъ Христовыхъ и терноваго вѣнца,—примыкаетъ, позднѣе пристроенное и слитое теперь въ одно, зданіе храма Воздвиженія животворящаго креста Господня. Въ него спускаются по мраморной лѣстницѣ въ 50 ступеней. Храмъ этотъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ и оригинальныхъ въ числѣ святынь Гроба Господня. Его низкія, массивныя колоннады превосходнѣйшей и тончайшей мраморной рѣзьбы. Въ храмѣ царствуетъ таинственный полумракъ, вполнѣ подобающій подземному храму и его мрачному полуегипетскому стилю. Но это еще не самое мѣсто обрѣтенія Креста. Здѣсь только стояла и молилась благочестивая императрица Елена, созерцая производившіяся раскопки, и потомъ здѣсь былъ воздвигнутъ извлеченный изъ глубины Крестъ. Въ храмъ обрѣтенія Креста нужно спуститься еще ступеней на 15-ть внизъ. Тамъ уже царствуетъ полная ночь, освѣщаемая только рядами горящихъ лампадъ. Но и тамъ, въ нѣдрахъ земныхъ, тоже различные придѣлы различныхъ исповѣданій: одинъ, главный, греческій, и другой—армянскій.

Вообще выносится очень своеобразное впечатлѣніе отъ обзора этого храма. Это цѣлая лавра церквей и монастырей, прикрытая однимъ куполомъ. И ничего похожаго на обычный типъ, на обычное расположеніе частей нашихъ храмовъ. Иконостасъ, алтарь, клиросы—только въ одномъ большомъ соборѣ Воскресенія. Во всѣхъ остальныхъ никакого слѣда алтарей и иконостасовъ. Мраморная доска престола утверждается, гдѣ пришлось, въ углу свода, на обломкѣ историческаго столба. Народъ стоитъ вплотную къ этому маленькому престолику, и все таинство литургіи происходитъ на его глазахъ, тутъ же около него, въ простотѣ и тѣснотѣ первобытнаго богослуженія какихъ-нибудь римскихъ катакомбъ.

Въ одномъ углу служитъ армянинъ или грузинъ, и тутъ же рядомъ нѣмецкій пасторъ, католическій ксендзъ, абиссинецъ въ своемъ башлыкѣ, сирійцы, копты, одѣтые неподдѣльными азіатами и африканцами, бронзоваго цвѣта кожи и даже черные, какъ негры.

Всякій воспѣваетъ Бога на своемъ языкѣ, всякій выполняетъ свои собственные обряды.

Великій храмъ этотъ—дѣйствительно храмъ цѣлаго христіанства. Это истинный храмъ храмовъ, вмѣщающій подъ своимъ куполомъ, по-

добнымъ небу,—какъ подъ настоящимъ небомъ,—всѣ языки земли, не стѣсняющій вѣрующаго различіемъ обряда, наряда, нарѣчія. Храмъ поклоненія Христу, одинаково призывавшему къ себѣ эллиновъ и іудеевъ, рабовъ и свободныхъ, и не долженъ быть другимъ.

Но великій храмъ поразилъ меня и въ другомъ отношеніи. Въ немъ мраморъ, золото, порфиръ, художественная живопись, тончайшая рѣзьба перемѣшаны безъ всякаго разбору съ дикимъ камнемъ, растрескувшимися плитами, грубою штукатуркой, задѣлками и заплатами разнаго рода. Полутемныя, широкія галлереи кругомъ ротонды, гдѣ обыкновенно проводятъ цѣлыя ночи напролетъ толпы запертыхъ на замокъ богомольцевъ,—это скорѣе какой-то неопрятный, восточный караванъ-сарай, полный сырости и тяжкаго воздуха, чѣмъ притворъ христіанской святыни. Никто, кажется, не даетъ себѣ труда слѣдить здѣсь за чистотой, порядкомъ и благопристойностью. Пыльныя и потныя толпы въ своихъ дорожныхъ лохмотьяхъ, со своими убогими запасами провизіи, прямо располагаются подъ высокими колоннами и стѣнами, исчезающими въ полумракѣ сводовъ, какъ подъ деревьями вольнаго лѣса Божія, здѣсь мирно отдыхаютъ, здѣсь вкушаютъ свою скудную трапезу и совершаютъ всѣ свои несложныя путевыя надобности.

Въ этомъ отношеніи притворы храма служатъ бѣдному христіанину-богомольцу тѣмъ же самымъ даровымъ, всѣмъ открытымъ пріютомъ, какимъ обыкновенно бываетъ для мусульманскаго странника крытый дворъ его большихъ мечетей.

Нѣтъ сомнѣнія, что храмъ Гроба Господня унаслѣдовалъ этотъ характеръ всенароднаго убѣжища отъ далекихъ вѣковъ, отъ глубоко укоренившихся обычаевъ азіатскаго Востока, который даже палатку кочующаго разбойника сумѣлъ обратить въ священную сѣнь гостепріимства.

Въ свободѣ и простотѣ этого храма, доступнаго какъ вольный воздухъ, какъ вода ручьевъ, послѣднему бѣдняку,—смиренный поклонникъ, притащившійся сюда Богъ знаетъ изъ какой дали, чувствуетъ себя дѣйствительно дома и не боится, какъ въ иныхъ, слишкомъ уже парадныхъ святыняхъ, оскорбить своими странническими лохмотьями ничѣмъ ненарушимый блескъ Божьихъ чертоговъ. Эта смурая толпа въ пыли и лохмотьяхъ, приливающая несчетными волнами изъ всѣхъ странъ міра ко гробу своего Спасителя, это и есть то безпріютное стадо Его, которое возбуждало въ немъ столько любви и жалости, тѣ трудящіеся и обремененные, алчущіе и плачущіе, которые шли за Нимъ въ былые дни, полные сладкой надежды, въ лицѣ босоногихъ рыбарей и мытарей.

Раздача священнаго огня.

(А. Картавцева.)

Въ страстную субботу въ одиннадцать часовъ мы направились въ храмъ Гроба Господня, чтобы видѣть служеніе, заканчивающееся раздачею благодатнаго огня.

Та часть храма Гроба Господня, въ которой помѣщается Кувуклія, называется на Западѣ ротондой храма; она представляетъ правильную круглую форму и заканчивается высокимъ куполомъ съ многочисленными окнами. Въ стѣнахъ храма на высотѣ полутора человѣческаго роста, идетъ рядъ ложъ, надъ ними второй; надъ вторымъ рядомъ, подъ самымъ уже куполомъ, круговой ходъ, огражденный красивой и надежной рѣшеткой.

Самая Кувуклія или часовня Гроба Господня стоитъ въ серединѣ храма; въ передней ея комнатѣ, направо, если стоять лицомъ ко второй, гдѣ находится самый Гробъ Господень, есть отверстіе въ стѣнѣ, въ которое свободно можно просунуть руку. Въ это-то отверстіе и подается патріархомъ изнутри Кувукліи пукъ свѣчей, зажженныхъ благодатнымъ огнемъ.

Передъ уходомъ въ храмъ кавасъ *) принесъ каждому изъ насъ по пучку тонкихъ и длинныхъ свѣчей, перевязанному и перевитому лентой, и что-то въ родѣ шапочки, сдѣланной изъ бѣлой бумажной матеріи съ рисунками изъ священной исторіи на наружной сторонѣ и съ добрымъ комомъ ваты внутри.

Оказывается, на предстоявшее намъ богослуженіе всегда ходятъ съ пучкомъ изъ 33-хъ свѣчей, по числу лѣтъ земной жизни Іисуса Христа, а шапочка служитъ для того, чтобы моментально тушить свѣчи, прикрывая ихъ ватой и прижимая сверху.

Войдя въ храмъ и пройдя нѣсколько темныхъ коридоровъ, мы начали подниматься вверхъ. Изгибы подъема проходятъ надъ мѣстами, необходимыми при храмѣ, въ которомъ ночуютъ иногда сотни и тысячи богомольцевъ; что тутъ за смрадъ, уму непостижимо,—просто до дурноты дойти можно; миновавъ зараженное мѣсто это, мы прошли коридорами, въ которые выходятъ жилыя помѣщенія. Еще одинъ подъемъ,—и до насъ начинаетъ уже доходить глухой говоръ; вотъ открывается дверь, и насъ оглушаетъ шумъ тысячъ голосовъ. Мы входимъ въ широкое свѣтлое пространство, которое, какъ коридоры въ театрахъ, окружаетъ ложи; но отъ театральныхъ коридоровъ ложи отдѣлены стѣнами, здѣсь же стѣнъ нѣтъ, и чтобы попасть въ ложи, нужно подняться на нѣсколько ступенекъ.

---

*) Турецкіе полицейскіе при иностранныхъ консульствахъ.

Публики пока еще очень мало. Снизу несутся къ намъ крики, шумъ, гамъ и пѣніе безчисленныхъ голосовъ; но мы ничего не видимъ, такъ какъ ложи заслоняютъ намъ внутренность храма; мы внимательно вслушиваемся. Сначала шумъ оглушаетъ насъ, потомъ мы привыкаемъ къ нему, начинаемъ даже находить, что въ немъ есть, повидимому, опредѣленный ритмъ; еще немного—и мы поняли, что эти тысячи людей тамъ, внизу, не горланятъ безъ смысла и толку, а что-то поютъ однимъ гигантскимъ хоромъ, никѣмъ, впрочемъ, не руководимымъ. Пѣніе сопровождается мѣрнымъ хлопаньемъ въ ладоши и уже знакомымъ намъ гулоканьемъ женщинъ. Но вотъ на мгновеніе все какъ будто бы стихаетъ; затѣмъ опять начинается шумъ и говоръ голосовъ, на этотъ разъ уже безъ всякаго ритма; шумъ этотъ все растетъ и растетъ, пока не сливается въ одинъ протяжный стонъ. Тутъ снова проявляется ритмъ, снова слышимъ мы то могучій подъемъ вверхъ на самыя высокія ноты, то паденіе внизъ до густѣйшихъ басовыхъ. Теперь мы понимаемъ, что въ пѣніи былъ перерывъ, что начали пѣть что-то другое, что пока не запѣли вновь всѣ одно и то же, многіе шли кто въ лѣсъ, кто по дрова, и поэтому были минуты невѣроятной какофоніи; но теперь опять наладились и всѣ поющіе идутъ вмѣстѣ.

Наконецъ, мы увидѣли эту гудѣвшую внизу толпу. Правду сказать, было что посмотрѣть. Весь храмъ внизу залитъ народомъ. Нашихъ русскихъ богомольцевъ почти незамѣтно. Преобладаютъ мѣстные и сирійскіе арабы. Страстная суббота, день благодатнаго огня, ихъ главный годовой праздникъ. Въ сошествіи благодатнаго огня они видятъ знаменіе истиннаго Воскресенія Христова. Массами сходятся и съѣзжаются они къ этому дню въ Іерусалимъ; наканунѣ съ вечера заполоняютъ храмъ; все утро мольбами, пѣніемъ, криками, танцами и другими способами взываютъ ко Всевышнему, чтобы Онъ не отказалъ явить въ огнѣ образъ Сына Своего и Бога нашего. Когда благодатный огонь нисходитъ къ нимъ, великая цѣль представляется имъ достигнутой; довольные и спокойные откочевываютъ они домой и лишь немногіе остаются въ Іерусалимѣ на Свѣтлую заутреню и обѣдню.

Толпы этихъ арабовъ и сирійцевъ наполняли храмъ. Всѣ они въ лучшихъ праздничныхъ одеждахъ своихъ; цвѣта преобладаютъ яркіе, главнымъ образомъ разные оттѣнки краснаго; головы однѣ обнажены, другія въ фескахъ; есть кафіэ, а кто и въ чалмахъ. Женщины почти всѣ въ бѣлыхъ чадрахъ, и бѣлый цвѣтъ среди красныхъ костюмовъ мужчинъ еще болѣе выдвигаетъ живость и яркость послѣднихъ. Все залито сверху яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, льющимся изъ оконъ купола. Все движется: гдѣ подпрыгиваетъ, гдѣ подтанцовываетъ, а гдѣ просто шумитъ, кричитъ или поетъ. Ни одинъ, кажется, человѣкъ ни на минуту не остается на мѣстѣ.

Но вотъ что-то, повидимому, совсѣмъ несообразное. Нѣсколько дюжихъ молодцовъ—кто босой, а кто и въ тяжелой обуви—взобрались на плечи толпы и начинаютъ разгуливать по головамъ, словно по шашкамъ нашей торцовой мостовой. Толпа не только не протестуетъ, но видимо одобряетъ ловкачей этихъ; мало того, можно даже замѣтить, что тѣ, по головамъ которыхъ разгуливаютъ они, какъ будто стараются опять попасть имъ подъ ноги, и потому держатся сомкнутою кучкой, движущейся по тому направленію, куда идетъ молодецъ, взобравшійся на затылки и макушки ихъ и слегка подтанцовывающій тамъ. Вотъ одинъ изъ нихъ остановился; онъ вытянулъ руки вверхъ и начинаетъ сгибаться въ поясѣ; руки его уже доходятъ до головъ, онъ упирается въ нихъ, быстрымъ движеніемъ поднимаетъ ноги вверхъ, вытягивается вертикально и начинаетъ разгуливать по головамъ на рукахъ—головою внизъ, а ногами вверхъ; одобрительные веселые крики провожаютъ и встрѣчаютъ его; вотъ онъ быстро опускаетъ ноги на головы толпы и подымается на ногахъ, потомъ опять опускаетъ руки и становится на нихъ и т. д., быстро кувыркаясь на головахъ; еще веселѣе, еще громче привѣтствуютъ его сотни голосовъ.

Такихъ молодцовъ, бѣгавшихъ ногами и руками и кувыркавшихся по головамъ толпы, было постоянно четыре или пять; все ли это одни и тѣ же, или разныя лица, замѣтить намъ не удалось.

Но вотъ направо отъ насъ слышимъ мы протяжный, долгій крикъ и видимъ, что цѣлое море головъ поворачивается туда, откуда идетъ этотъ крикъ... Въ ближайшей къ намъ части храма все затихаетъ. Снова слышится тотъ же крикъ; сотни голосовъ отвѣчаютъ ему такимъ же протяжнымъ го-го-го, и въ храмѣ все стихаетъ. Въ третій разъ раздается все тотъ же одиночный крикъ; въ то же мгновеніе въ одномъ мѣстѣ храма подымаются вверхъ десятки рукъ и въ ту часть толпы, откуда поднялись руки, падаетъ человѣкъ съ высоты третьяго этажа; онъ опрокидываетъ нѣсколькихъ, другіе, ближайшіе къ упавшимъ, тѣснятся и нагибаются надъ ними; черезъ секунду раздается протяжное, но уже радостное го-го-го... Оказывается есть охотники прыгать на головы толпы со второго яруса ложъ храма, что̀ по высотѣ соотвѣтствуетъ третьему этажу нашихъ домовъ. Эти господа рискуютъ, конечно, переломать себѣ руки и ноги, пробить черепа или вывихнуть члены тѣхъ изъ толпы, на кого упадутъ они; иногда прыжки эти оканчиваются вполнѣ благополучно, иногда же бываетъ нѣсколько изувѣченныхъ; но и прыгающіе, и попадающіе подъ нихъ довольны; повредить или сломать себѣ руку, ногу, ключицу или ребро въ храмѣ въ день сошествія благодатнаго огня считается чѣмъ-то въ родѣ страданія за Христа,—дѣломъ, столько же угоднымъ Богу, какъ у мусульманъ пролитіе крови въ войнѣ противъ невѣрныхъ.

Уже часа полтора смотрѣли мы на волновавшуюся подъ нами толпу. Въ настроеніи ея мало-по-малу произошла перемѣна. Бѣганье и кувырканье на головахъ прекратилось, почти всѣ стояли, повернувшись къ Кувуклiи; шумъ, пѣніе, отдѣльные возгласы и крики пріобрѣли болѣе молящій и тревожный въ то же время оттѣнокъ; чувствовалось, что толпа становилась нервнѣе, казалось, что безпокойство овладѣвало ею; пѣніе было, повидимому, то же, то же было наростаніе и паденіе звуковъ и все же чувствовалось, что тревога овладѣвала толпой...

Поразительна заразительность чувствъ и мыслей толпы на отдѣльныхъ людей, даже внѣ ея стоящихъ. Мы сидѣли на много саженей выше толпы; мы, конечно, не могли испытывать то неопредѣленное щемящее чувство толпы, въ глубинѣ души которой зарождалось опасеніе — сойдетъ или не сойдетъ сегодня благодатный небесный огонь; мы знали, что огонь этотъ и нынче, какъ нѣсколько вѣковъ подъ рядъ, принесутъ въ Кувуклію и затѣмъ снабдятъ имъ всѣхъ, и все же внутренняя скрытая тревога толпы сообщалась и намъ,—наши нервы отзывались на нее и напряженное состояніе овладѣвало нами. Но вотъ толпа зашумѣла иначе, чѣмъ прежде. Показались пѣвчіе, монахи, хоругви, а за ними армянскій митрополитъ и патріархъ. Всѣ они обошли вокругъ Кувуклiи и затѣмъ остановились у входа въ нее. Патріархъ и армянскій митрополитъ разоблачились передъ Кувуклiей и остались въ тонкой бѣлой одеждѣ, перехваченной поясомъ; имъ подали по толстому пуку свѣчей и какіе-то продолговатые металлическіе цилиндры, на нижнихъ концахъ которыхъ были широкія утолщенія, а на верхнихъ — большіе, сверкавшіе на солнцѣ шары. Прочли краткую ектенію, что-то пропѣли, и патріархъ вмѣстѣ съ армянскимъ митрополитомъ вошелъ въ Кувуклію; двери ея затворились за ними.

Все замерло. Въ огромномъ храмѣ, вмѣщавшемъ нѣсколько тысячъ богомольцевъ и зрителей, была совершенная тишина. Недалеко отъ отверстія, откуда долженъ былъ показаться благодатный огонь, стоялъ могучій діаконъ, головою возвышаясь надъ толпой, но тѣсно сдавленный ею; у самаго отверстія, схватившись за карнизъ, висѣлъ на одной рукѣ, протянувъ другую къ отверстію, какой-то человѣкъ, снизу поддерживаемый тѣснившимся народомъ. Вся многочисленная толпа стояла, вперивъ глаза въ отверстіе; она уже не колыхалась, не волновалась болѣе, она будто замерла на мѣстѣ.

Прошло нѣсколько секундъ томительнаго ожиданія. Благодатный огонь не показывался.

Вотъ чей-то могучій свѣжій голосъ затянулъ молитву; толпа подхватила ее и вновь началось прежнее пѣніе и прежній шумъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ глуше и гуще становились звуки; но вотъ ихъ прерываютъ отдѣльные возгласы, а тамъ еще и еще... Общее стройное пѣ-

ніе распалось и со всѣхъ сторонъ стали какъ будто подступать къ Кувукліи звуки отдѣльныхъ огромныхъ хоровъ... Это было въ родѣ толчеи волнъ, съ разныхъ сторонъ наносимыхъ бурей на далеко выдавшійся въ море пустынный утесъ. То грусть и жалоба, то боль и досада слышались въ перебивающихъ и заглушающихъ другъ друга звукахъ.

Прошло минутъ десять... Состояніе толпы и наше съ нею сдѣлалось напряженнымъ въ высшей степени...

Вдругъ въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ, обливавшемъ стѣны Кувукліи, мелькнуло тусклое пламя; вписвшій надъ отверстіемъ стѣны Кувукліи человѣкъ чѣмъ-то махнулъ въ воздухѣ, а діаконъ, стоявшій тутъ же, очутился на рукахъ толпы, высоко держа надъ головою пукъ зажженныхъ свѣчей... Все это было дѣломъ одного мгновенія... Радостный, бѣшеный, дикій вопль раздался изъ той части толпы, которой было видно отверстіе Кувукліи; вопль этотъ слился съ пѣніемъ тѣхъ, которые были по другой ея сторонѣ. Черезъ мгновеніе пѣніе прекратилось и все слилось въ одинъ сплошной гулъ и ревъ. Передъ діакономъ очистилась дорога; десятокъ дюжихъ молодцовъ быстро несъ его въ храмъ Воскресенія, чтобы скорѣе зажечь благодатнымъ огнемъ лампады, подсвѣчники и люстры, а самъ онъ направо и налѣво подавалъ зажженныя свѣчи. Черезъ нѣсколько мгновеній каждый богомолецъ стоялъ съ горѣвшимъ уже пучкомъ въ рукахъ.

Никакими словами нельзя описать тотъ шумъ, гулъ, ревъ и стонъ, который наполнялъ теперь храмъ. Не было ничего подобнаго какому-нибудь совокупному выраженію радости: одни стояли, недвижимо устремивъ глаза вверхъ или въ Кувуклію, другіе прыгали, третьи неистово махали надъ головами пучками зажженныхъ свѣчей. Каждый пѣлъ, говорилъ, кричалъ какъ хотѣлъ, какъ умѣлъ и какъ могъ.

Вскорѣ патріархъ вышелъ изъ Кувукліи и, предшествуемый пѣвчими и духовенствомъ, направился для служенія въ храмъ Воскресенія.

Между тѣмъ арабы весьма добросовѣстно исполняли обычай, требующій, чтобы пучки свѣчъ, принесенные въ этотъ день въ храмъ, обжигались и тушились по три раза. Поэтому едва прошло какихъ-нибудь 10 минутъ послѣ появленія благодатнаго огня, и храмъ сталъ наполняться дымомъ и копотью. Сначала дымъ двигался облаками и, благодаря яркому солнцу, можно было разсмотрѣть, что дѣлается внизу; но прошло еще минутъ пять, и мы не только перестали различать отдѣльныя лица, мы даже не видѣли волнующуюся толпу, до насъ доходилъ только гулъ ея. Очевидно, оставаться наверху было нечего, и мы сошли внизъ.

Здѣсь въ темныхъ, широкихъ и высокихъ коридорахъ, окружающихъ храмъ, при свѣтѣ пучковъ свѣчей, горѣвшихъ въ рукахъ каждаго богомольца, мы долго наблюдали арабовъ.

Они считаютъ, что благодатный огонь — огонь холодный, который горитъ, но не жжетъ и очищаетъ все скверное и грѣховное; они поэтому водятъ зажженными пучками свѣчей вокругъ бороды и головы; черезъ тотъ же огонь продергиваютъ платки и другія мелкія вещи; зажженные пучки прикладываютъ къ платью и волосамъ сосѣдей мужчинъ и женщинъ; нерѣдко такимъ образомъ осмаливаютъ бороду, приводятъ въ негодное состояніе многія вещи, поджигаютъ платье. Но паники тутъ не бываетъ; загорѣвшееся быстро тушится и вѣра въ холодность благодатнаго огня остается въ прежней силѣ. Въ 1834 году подожгли большую группу женщинъ; огонь перешелъ, конечно, и на сосѣдей мужчинъ; въ храмѣ осталось 400 обгорѣлыхъ труповъ; но это нисколько не повліяло на вѣру спасшихся; съ тѣхъ поръ однако турецкія войска вводятся въ этотъ день въ храмъ и, когда загорается одежда на людяхъ, доблестные сыны пророка быстро охватываютъ горящихъ и тушатъ „холодный“ огонь.

Каждый изъ арабовъ, да и наши странники, считаютъ особеннымъ счастіемъ довезти до дому благодатный огонь, и на возвращающихся въ Константинополь пароходахъ можно видѣть паломниковъ, которые въ особо для того устроенныхъ фонаряхъ везутъ его на родину.

Мертвое море.

(Б. Корженевскаго.)

Еще ночь надъ землей... Шагомъ, верхами одинъ за другимъ, пробираемся мы черезъ предмѣстье Іерихона... Но вотъ звякнули подковы лошадей, захрустѣлъ песокъ и посыпались камни, — мы вступаемъ въ предѣлы великой пустыни. Темно-синяя мгла начинаетъ какъ будто рѣдѣть. Или, быть можетъ, глаза наши пріучились теперь различать очертанія предметовъ. Неохватная даль, безконечная ширь песчаной Содомской равнины чувствуется во всемъ своемъ величіи. Съ каждымъ шагомъ впередъ мы уходимъ все дальше и дальше въ эту мертвую страну, приближаемся къ грани вѣчно знойной Аравіи. Странное чувство испытывается въ пустынѣ Бахръ-Лута. Надо видѣть ее, чтобы понять красоту ея мощныхъ картинъ. Съ сѣвера къ югу, съ запада на востокъ золотистое море песковъ, камни, скалы, утесы. Ни деревца, ни травки, ни быстро бѣгущихъ ручьевъ, ни звѣря, ни птицы. Только тамъ, въ высотѣ, надъ головой яркія звѣзды пробили, мерцая, темный небесный шатеръ и, какъ будто разгораясь все ярче и ярче, глядятъ съ высоты на каменистую весь Іудеи. Когда разсѣется мгла и растаютъ въ розовомъ разсвѣтѣ послѣднія тѣни, а солнечный дискъ, ослѣпи-

тельно яркій, озаритъ пустыню, она выдѣлится изъ фіолетоваго тумана, но не забьется проснувшейся жизнью... Но пока еще ночь слабо борется съ разсвѣтомъ. Солнца нѣтъ еще и въ поминѣ, а пустыня уже дышетъ томительною истомой. Неуспѣвшіе остыть раскаленные камни, известковыя плиты, кремнистые пласты раздавшейся почвы, — все это испускаетъ теплоту, не успѣвъ охладиться въ короткій промежутокъ ночи. Мгла рѣдѣетъ все быстрѣе и быстрѣе, и, озаренная трепетнымъ матовымъ свѣтомъ, ярче начинаетъ обрисовываться передъ нами окрестность. Мы спускаемся по пологому скату къ Мертвому морю. Тускло сквозитъ оно впереди, въ глубинѣ безотрадной пустыни, какъ будто свинцовый дискъ застылъ среди камней.

Впрочемъ, Мертвое море не всегда выглядитъ безотрадно пустыннымъ. Въ палестинскомъ пейзажѣ, какъ вообще въ картинахъ Востока, все зависитъ отъ освѣщенія. Распредѣленіе тѣней и свѣта нигдѣ не производитъ такихъ неожиданныхъ превращеній, не даетъ такого обилія оттѣнковъ, какъ подъ этой опрокинутою чашей вѣчно голубого улыбающагося неба. Брызнутъ первыя огнистыя искры — и вы не узнаете окружающей обстановки.

На фонѣ слабо озареннаго горизонта всѣ предметы кажутся крупнѣе обыкновенныхъ. Караванъ нашъ вытянулся гуськомъ. Лошади идутъ мѣрнымъ шагомъ, то взбираясь по выпуклымъ мѣловымъ слоямъ, то спускаясь по ихъ уклонамъ. Бѣловатыя плиты известняка, сѣрые контуры холмовъ, какъ будто источенныхъ морскимъ прибоемъ, виднѣются справа и слѣва. Вся почва кругомъ изрыта. Въ провалахъ глубокой долины—ни дерева, ни растительности. Только мѣстами на безжизненномъ каменистомъ грунтѣ, среди растрескавшихся пластовъ, прижались голубоватые лишайники да какой-то сѣрый колючій кустарникъ. Его чахлый, безжизненный видъ придаетъ пустынѣ еще большую безотрадность. Стальная зеркальная гладь Бахръ-Лута (Лотова моря арабовъ), застывшая впереди, дразнитъ глазъ обманчивымъ миражемъ. Море кажется такъ близко, что хорошею рысью въ четверть часа легко достигнуть его извилистаго берега. Но проводникъ смѣется, когда я высказываю ему мое предположеніе.

— До Мертваго моря, — говоритъ онъ, — еще верстъ десять. Надо спѣшить,— бѣда, если насъ застигнетъ на взморьѣ полдень: жаръ спалитъ, а укрыться негдѣ.

Востокъ разгорается все ярче и ярче. Атмосфера томительно жгуча. Воздухъ какъ будто застылъ, — ни струи вѣтерка. Бѣловатые сланцы, пропитанные солью, асфальтомъ и нефтью, известковые бугры,—все это начинаетъ отражать непріятно рѣжущій глаза свѣтъ, широкимъ потокомъ разлившійся уже по горизонту. Еще нѣсколько минутъ, и—глядишь — раскаленный, какъ будто расплавленный дискъ солнца золоти-

стымъ краемъ прорѣзалъ небосклонъ и всплылъ, поднялся надъ истомленною землей. Куда ни окинешь глазомъ,—широко залегла безконечная пустыня, и только тамъ, въ далекой синевѣ, какъ будто стѣной встали сѣрые обрывы горныхъ ущелій. Слѣва, спускаясь по едва замѣтному уклону, каймой зеленѣетъ скудная растительность—это тамариски, извнякъ оплели берега Іордана. Онъ синѣетъ извилистою лентой, прихотливо бѣгущей среди желтой, плоской низины, снося свои быстрыя воды въ соленое море Бахръ-Лута.

Мертвое море.

Пятый часъ утра, а дышать уже нечѣмъ. Солнце жжетъ нестерпимо. Подъ пробковою англійскою каской голова начинаетъ горѣть какимъ-то особеннымъ лихорадочнымъ жаромъ, кровь приливаетъ къ лицу, губы синѣютъ, трескаются. Тщетно пытаетесь вы утолить постоянную жажду холоднымъ чаемъ. Мы выпиваемъ бутылку за бутылкой, но ничего не помогаетъ. Измѣряемъ температуру: $39^1/_2{}^0$ по Реомюру.

Два съ половиной часа ѣзды отъ Іерихона до Мертваго моря сильно насъ утомили. Мѣрный шагъ лошадей (карьеръ и рысь невозможны

вслѣдствіе неровности почвы) раздражительно дѣйствуетъ на нервы. Хочется поскорѣе добраться до цѣли поѣздки, слѣзть съ сѣдла, растянуться на буркѣ. А море все дразнитъ далекимъ миражемъ. Вдали, среди зеленыхъ кустовъ Іордана, временами появляются подозрительныя фигуры всадниковъ. Они какъ будто высматриваютъ нашъ караванъ и затѣмъ быстро снова исчезаютъ. Наконецъ, свинцовый овалъ Лотова озера сталъ замѣтно синѣть, постепенно переходя отъ густой окраски къ блѣдно-нѣжному голубоватому тону.

— Теперь уже близко!—весело говоритъ проводникъ.

Лошади дружнѣе идутъ внизъ по уклону. Размашистый шагъ переходитъ въ рысь, и, наконецъ, мы беремъ полнымъ карьеромъ, рискуя съ разбѣга вогнать коней въ топкую асфальтовую грязь, одѣвшую широкою оправой голубоватыя воды. Еще десять минутъ — и мы на берегу моря.

Странное впечатлѣніе производитъ оно на туриста. Что-то величаво зловѣщее чудится вамъ въ его стальномъ овалѣ, ушедшемъ въ туманную даль, къ подножію холмовъ Моавитскихъ. Въ плотно сдвинутыхъ отвѣсныхъ утесахъ, въ гранитныхъ скалахъ подъ обрывомъ камней дремлетъ оно, какъ въ очарованномъ снѣ, какъ будто ждетъ подземнаго удара. Глядишь на эту чашу, заполненную упругою жидкостью—смѣсью солей, горючихъ нефтяныхъ маслъ и смолы, и кажется — вотъ-вотъ загорится оно, вспыхнетъ зловѣщимъ пламенемъ. Таинственная долина Содома хранитъ на себѣ неизгладимую печать грандіознаго геологическаго переворота. Куда ни взглянешь — на всемъ отразился колоритъ титанической подземной работы. Соленая влага повсюду разъѣла солончаковую почву. По мѣловымъ плитамъ пролегли глубокія русла изсохшихъ зимнихъ потоковъ, рытвины, ямы, провалы. Берегъ покрытъ полуистлѣвшимъ тростникомъ. Коряги, почернѣлые сучья, пропитанные асфальтовымъ разсоломъ, постоянно выбрасываются Мертвымъ моремъ на его безжизненные берега. Когда глядишь на водную массу, какъ ртуть недвижно застывшую среди сѣрыхъ камней, кажется, что вулканическій процессъ далеко еще не законченъ. Эта мертвая гладь, чуждая зыби, волненья, вообще рѣзкихъ перемѣнъ своего верхняго пласта даже въ устьѣ Іордана, гдѣ онъ вливаетъ въ него свои воды, — поразительное явленіе. Мертвое море замкнуто отовсюду естественною преградой горъ и не имѣетъ возможности выдѣлять свои воды иначе, какъ испареніемъ. Отъ того надъ глубокою котловиной нѣкогда цвѣтущей долины Содома и Гоморы постоянно виситъ, слабо колыхаясь, густой, бѣловатый туманъ испареній.

Устье священной рѣки теперь виднѣется намъ какъ будто сдавленное подступившими къ нему высокою стѣной отрогами горъ Іудейскихъ. Іорданъ синѣющею лентой слился здѣсь со свинцово-голубою окраской

Содом и Гоморра

асфальтоваго моря, на всемъ протяженіи котораго глазъ не отыщетъ ни лодки, ни паруса. Даже птицъ не найдешь въ его бурыхъ тростникахъ, опаленныхъ жгучими солнечными лучами. Историческая рѣка, эта единственная живая артерія мертвой страны, только усиливаетъ поразительный контрастъ окружающей пустыни. Смерть витаетъ надъ моремъ, смерть царитъ надъ пустыней. Воды Бахръ-Лута не терпятъ живыхъ организмовъ. Вы не найдете въ нихъ ни рыбъ, ни инфузорій. Водяныя растенія, раковины, занесенныя Іорданомъ, тотчасъ же покрываются кристаллами разъѣдающихъ солей; все живое, попадая въ асфальтовый разсолъ, тотчасъ же гибнетъ и выбрасывается на берегъ. Да, это, дѣйствительно, „Мертвое“ море—въ полномъ значеніи слова. Горькосоленая влага сожжетъ горло, смолистый асфальтовый налетъ покроетъ лицо и руки при первомъ прикосновеніи. А между тѣмъ вода его на взглядъ кажется удивительно прозрачною, отражая даже на значительной глубинѣ сквозь призму синевато-зеленыхъ тоновъ дно и камни. Съ трудомъ вѣрится, что въ эту обширную чашу Іорданъ вливаетъ ежедневно до 35 милліоновъ пудовъ прѣсной воды, почти безслѣдно пропадающей въ нефтяномъ бассейнѣ.

На человѣка пребываніе вблизи Мертваго моря дѣйствуетъ вредно. Въ 1848 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, американская экспедиція Линча отправилась изъ Тиверіадскаго озера внизъ по р. Іордану въ Мертвое море въ двухъ металлическихъ лодкахъ. По мѣрѣ приближенія къ морю доносился до путешественниковъ ѣдкій, вонючій запахъ; вѣтеръ былъ довольно рѣзкій, противный, и при вступленіи въ море послѣднее сильно волновалось, несмотря на плотность сильно соленой воды. „Наши лица и платья,—разсказываетъ Линчъ въ своемъ дневникѣ,—быстро покрылись соляными кристаллами, производившими раздражительное дѣйствіе на глаза и кожу. При усилившемся вѣтрѣ казалось, что не волны, а какіе-то тяжелые молоты били о стѣны лодокъ. Въ продолженіе первыхъ двѣнадцати дней плаванія мы чувствовали себя хорошо, но потомъ явились признаки, внушающіе безпокойство. Всѣ мы стали походить на страдающихъ водянкою: тощіе пополнѣли, а толстые потолстѣли; блѣдныя лица стали свѣжими, а бывшія свѣжими стали багровыми; тѣло начало покрываться гнойными прыщами. Въ воздухѣ не было ничего вреднаго, его не могли портить разлагающіяся вещества, ибо по берегамъ растительность ничтожная, а сѣрный запахъ отъ сѣрныхъ источниковъ не считается особенно вреднымъ. Мы находили мертвыхъ птицъ, но онѣ, вѣроятно, погибали отъ истощенія, а не отъ вреднаго морского воздуха, который пропитанъ соляными газами и не дѣйствуетъ вредно на организмъ. Вокругъ насъ были черныя бездны и острыя скалы, подернутыя легкимъ туманомъ, а на 300 футовъ подъ нами лотъ касался погребенной Содомской долины, покрытой въ настоящее время грязью

и солью. Въ то время какъ мысли мои были обращены къ этому предмету, мои товарищи, будучи не въ состояніи осилить свою дремоту, заснули во всевозможныхъ положеніяхъ тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ. Въ эту минуту мной овладѣвалъ страхъ среди товарищей, погруженныхъ въ оцѣпенѣніе, волосы встали дыбомъ и моему воображенію представлялось что-то ужасное въ разгорѣвшихся и вздутыхъ лицахъ моихъ спутниковъ; казалось, страшный ангелъ смерти носился надъ ними. Одни спали, согнувшись, глубокимъ сномъ, и руки ихъ, лишенныя по кисть кожи отъ вреднаго дѣйствія воды, безжизненно висѣли на покинутыхъ веслахъ; другіе, закинувъ голову назадъ, съ растрескавшимися въ кровь губами, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ казались даже и во снѣ страдающими отъ жара и истощенія, тогда какъ иные, на лицахъ которыхъ играли отраженные водою лучи, походили на призраковъ, и ихъ забытье сопровождалось нервнымъ дрожаніемъ всѣхъ членовъ; время отъ времени они вскакивали, жадно припадали къ боченку съ водою и снова впадали въ оцѣпенѣніе". По окончаніи экспедиціи, чтобы дать людямъ оправиться, Линчъ со всѣми спутниками провелъ два мѣсяца въ Ливанскихъ горахъ. Болѣзнь долгое время мучила матросовъ, а три мѣсяца спустя одинъ изъ членовъ экспедиціи скончался; остальные же оправились и возвратились на родину *).

Жаръ стоитъ нестерпимый. Подъѣхавъ къ водѣ, мы тотчасъ же спѣшиваемся. Погонщикъ, всегда оживляющійся при остановкахъ, когда собственно начинается его дѣятельность, быстро разсѣдлываетъ нашихъ лошадей и, стреноживъ, пускаетъ на волю. Но бѣдныя животныя, измученныя зноемъ, не спѣшатъ воспользоваться своею свободой. Понуро опустивъ головы и тяжело дыша, они жмутся другъ къ другу и тщетно ищутъ тѣни.

Девятый часъ знойнаго палестинскаго утра. Сплъ нѣтъ дышать; голова болитъ, во всемъ тѣлѣ чувствуется какая-то разбитость.

Вдали амфитеатромъ синѣютъ Моавитскія горы, а за ихъ сѣроватою грядой спускается безоблачный куполъ небеснаго свода, сплошь залитый огнистыми лучами. Въ мертвенной тишинѣ воздуха голосъ звучитъ какъ-то странно, горло быстро пересыхаетъ и пухнетъ отъ ѣдкихъ соляныхъ испареній. Судьба забросила насъ на негостепріимные берега Мертваго моря въ іюлѣ, въ самый разгаръ палестинскаго зноя.

---

*) Разсказъ объ экспедиціи Линча заимствованъ изъ книги Е. Маркова: „По Святой землѣ".

Бейрутъ.

(Е. Маркова.)

Передъ нами по крутымъ широкимъ склонамъ гористаго берега сходилъ къ морю европейскій городъ, полный прекрасныхъ зданій, кишащій торговлею, Марсель или Генуя своего рода, но только утонувшій въ роскошныхъ садахъ юга. Какъ ни красивы вообще города Средиземнаго побережья, но рѣдкій изъ нихъ сравнится красотою съ Бейрутомъ. Его бѣлые каменные дома съ плоскими крышами изъ красной черепицы встаютъ безконечными уступами другъ надъ другомъ, сливаясь наверху съ цѣлою страной роскошныхъ садовъ и дачъ, уходящихъ въ прохладу горъ.

Старинная венеціанская башня средневѣкового стиля составляетъ характерный первый планъ этого стариннаго города торговли, выступая въ море вмѣстѣ съ полуразрушенною цитаделью, которую она вѣнчаетъ.

И эта башня-сторожъ, и эти когда-то воинственныя стѣны, и разноцвѣтные флаги агентствъ и консульствъ, торжественно вѣющіе надъ зданіями, и весь бѣло-красный амфитеатръ города, съ его мечетями, колокольнями и купами пальмъ, зелень его садовъ и величественные круги его горъ — все это цѣликомъ опрокидывается теперь въ затихшую, какъ зеркало, голубую бухту, которую весело бороздятъ снующіе взадъ и впередъ безчисленные лодочки, шлюпки, ялики и пароходики.

Мы хотѣли поближе познакомиться съ городомъ и сейчасъ же послѣ обѣда пошли побродить пѣшкомъ по его гористымъ улицамъ.

Живописный берегъ моря съ его мысами, заливчиками, обрывами скалъ и камнями, торчащими изъ воды, манилъ насъ къ себѣ и мы спустились къ нему по крутымъ тропинкамъ. Купальни, на высокихъ кольяхъ, совсѣмъ почти открытыя любопытству прохожихъ, оцѣпляютъ собою берега бухты, и масса голаго народа полощется въ вонючихъ волнахъ его, среди невообразимой нечистоты, наносимой морскимъ прибоемъ и городскими клоаками.

Наверху зато — полный порядокъ и чистота. Цѣлыя длинныя улицы большихъ европейскихъ домовъ съ венеціанскими арками и окнами, съ верандами, балкончиками, террасами и цвѣтниками; улицы отлично вымощенныя, широкія, какъ въ каждомъ порядочномъ домѣ Европы, и на этихъ улицахъ самое оживленное движеніе.

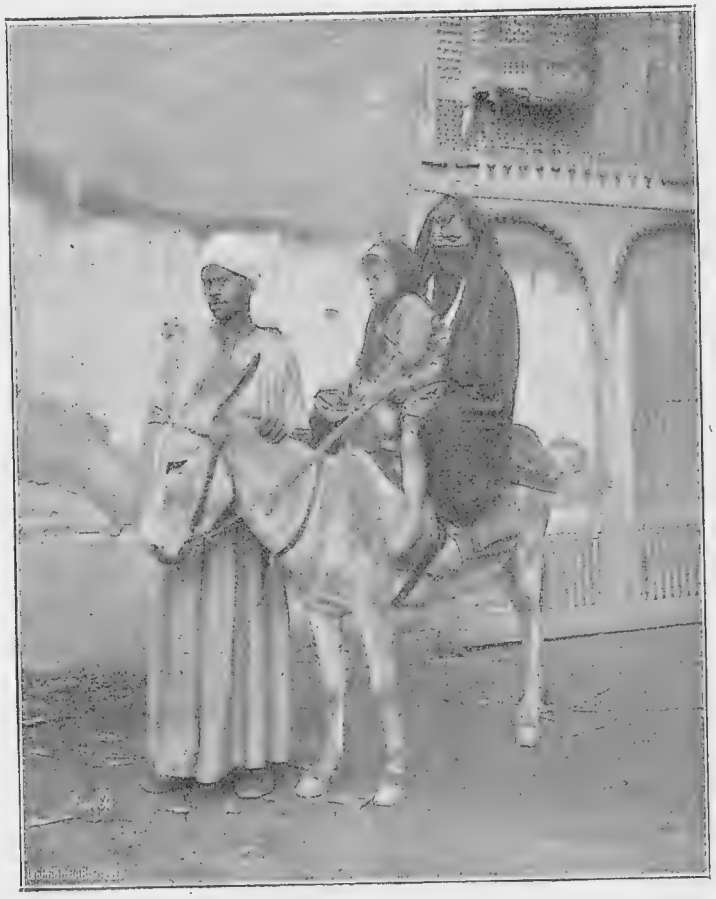
Европейскіе коляски и шарабаны, европейскіе магазины и рестораны; турецкаго — ровно ничего. Вамъ кажется, что вы гуляете не въ Сиріи, а въ какомъ-нибудь береговомъ городкѣ Италіи или южной Франціи.

Даже базары его — это обычное гнѣздилище всего, что есть характернаго, и всего, что есть нечистоплотнаго на азіатскомъ Востокѣ—гораздо чище и опрятнѣе каирскихъ и іерусалимскихъ. Словно и они пріодѣлись немножко въ европейское платье, подобно тому, какъ здѣшній зритель старается прикрыть европейскимъ пальто и бѣлыми воротничками свою сирійскую куртку и шаровары. Плоды самаго заманчиваго вида кишатъ на этихъ базарахъ, огромные бѣлые абрикосы, ароматичнѣе и сочнѣе всякаго персика, свѣжіе рожки, апельсины... Все это продается чуть не даромъ. Овощей кучи; открытыя кухни тоже со всякими сластями. Самый бѣдный житель можетъ безъ труда побаловать себя этими разнообразными плодами рая, которые ему стоятъ здѣсь меньше, чѣмъ русскому мужичку его вѣчная капуста и рѣдька. Вино тоже здѣсь свое, дешевое, и льется вольною рѣкой. Глядя на эту веселую и счастливую толпу, которую въ каждомъ другомъ мѣстѣ необходимо было бы признать толпою бѣдняковъ, невольно позавидуешь блаженнымъ странамъ юга, гдѣ, дѣйствительно, люди могутъ жить, по выраженію Евангелія, какъ птицы небесныя, не сѣять, не жать, не собирать въ житницы, и все-таки питаться отъ Отца своего небеснаго. Эта вѣчная жизнь на солнцѣ и воздухѣ, на краю необозримой водной чаши моря, эти постоянныя впечатлѣнія радости и красоты, охватывающія здѣсь человѣка съ первыхъ дней его рожденія, этотъ общій досугъ и достатокъ среди обильной природы, не прерывающей своей плодоносящей работы ни зимою, ни лѣтомъ, сдѣлали изъ прибрежныхъ сирійцевъ удивительно рослую и красивую расу.

Долго мы бродили, поглощенные шумною жизнью праздной и веселой толпы. Тутъ цѣлый народъ щеголей и щеголихъ; всѣ въ яркихъ, пестрыхъ, богатыхъ нарядахъ; каждый считаетъ себя въ правѣ отдыхать и наслаждаться наравнѣ съ другими. Солнце и море, и прекрасные плоды, и тепло воздуха, и красота горъ принадлежатъ одинаково всѣмъ. Шубы никому не нужны, дровъ тоже не нужно, вино и табакъ стоятъ грошъ. И вотъ самый послѣдній поденщикъ, едва зарабатывающій себѣ на хлѣбъ насущный, самоувѣренно садится на стулъ кофейни и важно требуетъ себѣ наргиле и чашку кофе, и громко судитъ и споритъ, и безпощадно критикуетъ со своими пріятелями проѣзжающихъ мимо городскихъ богачей...

На другой день мы наняли коляску и отправились за городъ. День былъ такой же восхитительный, какъ вчера, какъ и всегда, я думаю, въ эти лѣтніе мѣсяцы чудной сирійской природы. Прекрасно содержимое шоссе поднимало насъ все выше и выше вверхъ, мимо прелестныхъ виллъ съ висячими садами, террасами, балконами, кіосками; красныя пеларгоніи, желтые букеты воздушнаго жасмина, голубыя кисти Plumbago и всякіе другіе виданные и невиданные, вѣдомые и невѣдомые

цвѣты громадными кустами, яркими шапками, многоцвѣтными шпалерами, пестрыми гирляндами толпятся, стелются, ползутъ, висятъ надъ головой въ тѣни пальмовыхъ и кипарисовыхъ рощъ, подъ шатрами гранатниковъ, смоковницъ и банановъ. Какія-то большія, незнакомыя мнѣ деревья, похожія на акаціи, всѣ одѣты теперь сплошными лиловыми цвѣтами, въ родѣ колокольчиковъ, такъ что листа не видно на нихъ.



Сирійскій бедуинъ съ семействомъ.

На каменныхъ утесахъ живописныя группы пиній пріосѣняютъ собою спрятанныя во впадинѣ камня хорошенькія кофейни, откуда смотрятъ на насъ, спокойно куря свои наргиле, турки въ чалмахъ и арабы въ фескахъ. Эти пиніи — уже гости съ недалекаго Ливана, передовые стражи тѣхъ лѣсныхъ полчищъ, которыми темнѣютъ издали его нижніе склоны.

Вотъ изъ одной виллы смотрятъ на насъ сквозь проволочную рѣшетку двѣ стройныя газели, а за ними цѣлыя семьи утокъ и куръ. Это, очевидно, ферма какого-нибудь домовитаго и хозяйственнаго человѣка.

Видъ направо внизъ, въ глубокую, вѣтвистую долину, вдругъ раскрывшуюся у нашихъ ногъ, ни съ чѣмъ несравнимъ. Это громадный сплошной садъ шелковицы, апельсиновъ, рожковъ и гранатника. Шоссе сбѣгаетъ черезъ нихъ бѣлою прямою стрѣлой, обсаженное по обѣимъ сторонамъ тѣнистымъ айлантомъ; живописныя кавалькады всадниковъ, толпы пѣшеходовъ, щегольскія коляски, вереницы нагруженныхъ верблюдовъ, дилижансы, громоздкіе и громадные, какъ Ноевъ ковчегъ, нѣмецкія раскрашенныя фуры, запряженныя тремя рослыми мулами въ отличной упряжи, безконечною чредою двигаются по немъ и радостно пестрятъ его далекую перспективу. А по сторонамъ все сады и сады, башенки сторожевыхъ домиковъ, павильоны и дачи. Вездѣ оросительныя канавы, вездѣ фонтаны съ превосходною водой горныхъ ключей, вездѣ слѣды самой тщательной обработки и ухода. Стройныя купы перистыхъ финиковыхъ пальмъ, когда-то давшихъ свое имя этой древней финикійской странѣ, составляютъ на всякомъ шагу удивительно красивый и характерный первый планъ, на заднемъ фонѣ котораго высится вдали, заслоняя собою небо направо и налѣво, куда ни посмотришь, громадный хребетъ Ливанскихъ горъ, чудно освѣщенныхъ теперь склоняющимся къ западу солнцемъ во всѣхъ мельчайшихъ складочкахъ, впадинкахъ и выступахъ своихъ, словно они вдругъ, разомъ пододвинулись сюда къ Бейруту, хотя до Ливана отсюда добрыхъ 50 верстъ. Эти зеленые скаты Ливана тѣсно усѣяны весело бѣлѣющими городками, монастырями, деревеньками и хуторками.

Рѣдко гдѣ можно увидѣть такую широкую и полную картину радостнаго оживленія, многолюдства, обилія.

Развалины Баальбека.

(А. Елисѣева.)

Наконецъ, послѣ почти шестичасовой хорошей ѣзды, мы увидали впереди себя шесть гигантскихъ колоннъ Баальбека, рельефно вырисовывавшихся на ясномъ голубомъ небѣ и озаренныхъ лучами заходящаго солнца; сперва мы невольно остановились при этомъ чудномъ зрѣлищѣ, но потомъ еще сильнѣе погнали своихъ измученныхъ лошадей. Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ Баальбеку, тѣмъ грандіознѣе становились огромныя руины. Какъ ни склонны мы были уже заранѣе преувеличи-

вать ихъ размѣры, но дѣйствительность превосходила всѣ наши ожиданія: передъ нами высились не обыкновенныя руины, которыхъ мы много пересмотрѣли на Востокѣ, но что-то титаническое, несравнимое съ дѣлами рукъ обыкновеннаго человѣка... Только древніе памятники Египта можно сравнивать съ грандіозными развалинами Баальбека. „Въ памятникахъ Баальбека, — говоритъ одинъ изъ путешественниковъ, — самое огромное, что только могъ произвести человѣкъ, соединилось съ самымъ прекраснымъ его произведеніемъ. Храмы Ѳивъ по массивности приближаются къ храмамъ Баальбека, но они далеко не такъ прекрасны въ исполненіи; храмы Аѳинъ, быть можетъ, еще болѣе прекрасны, но далеко не такъ громадны; Баальбекъ—чудо древняго міра“.

Когда мы подъѣзжали къ этому „чуду древняго міра“ и лучи заходящаго солнца играли еще на уцѣлѣвшихъ колоннахъ, онѣ казались совершенно красными и еще рельефнѣе вырисовывались на голубомъ, уже поблекшемъ небосклонѣ. Храмъ Ваала, бога солнца, горѣлъ огнями заката, представляясь настоящимъ святилищемъ, стоящимъ у самаго подножія Антиливана, среди плодоносной зеленѣющей долины, напротивъ покрытыхъ снѣгами величайшихъ массивовъ Ливана. Небольшое поселеніе Баальбека стоитъ вмѣстѣ со своими садами среди величайшихъ руинъ древняго міра, и грязный „ханъ“ служитъ обыкновеннымъ пріютомъ большинства европейскихъ туристовъ, путешествующихъ налегкѣ, безъ палатокъ и цѣлаго обоза вещей. Къ нашему счастью, въ ханѣ Баальбека не было другихъ гостей, и мы могли расположиться довольно удобно. Юркій его хозяинъ, жившій единственно европейскими путешественниками и умѣвшій имъ угодить, успѣлъ своею любезностью совершенно изгладить первое непріятное впечатлѣніе, производимое убогою и грязною обстановкой его хана.

Когда совсѣмъ уже стемнѣло и повсюду загорѣлись огоньки, ко мнѣ пришелъ съ визитомъ шейхъ ближайшаго племени бедуиновъ и долго бесѣдовалъ со мною; я жалѣлъ, что мое малое знакомство съ арабскимъ языкомъ не позволяло мнѣ тщательно записать многочисленныя и любопытныя легенды, которыя разсказалъ мнѣ интересный гость. Огромнѣйшія развалины въ мірѣ, существующія съ незапамятныхъ временъ, поражаютъ умы туземцевъ даже въ такой странѣ великихъ развалинъ, какою представляется вся Сирія, и особенно область Ливана, богатая различными сказаніями и легендами. Довольно поздно ушелъ любопытный гость, пригласившій меня въ свое недалекое кочевье, но не позабывшій притомъ попросить бакшиша. Я вышелъ побродить вокругъ величественныхъ развалинъ и полюбоваться ими при волшебномъ освѣщеніи луны. Мягкій серебристый свѣтъ, заставлявшій свѣтиться снѣжныя верхушки Ливана, заливалъ стройныя колонны храма солнца, игралъ на ихъ узорчатыхъ капителяхъ и, обливая волшебнымъ сіяніемъ

одну сторону огромныхъ руинъ, погружалъ другую въ какую-то таинственную мглу. Мы подошли ко входу въ величественныя пропилеи древняго храма; на ихъ каменныхъ плитахъ горѣлъ огонь, разведенный шайкою бедуиновъ, слышались гортанныя пѣсни и рѣзкіе звуки деревянной свирѣли...

Весь слѣдующій день я посвятилъ самому бѣглому осмотру обширныхъ руинъ. Я бродилъ среди величественныхъ развалинъ, любовался ими, изумлялся, но, разумѣется, не могъ и думать о какомъ-нибудь ихъ изученіи. Для того, чтобъ описывать Баальбекъ, надо посвятить ему цѣлую книгу, да и тогда не опишешь всего того, что хотѣлось бы описать.

Древній Баальбекъ былъ не только величественнымъ храмомъ солнца, но и обширнымъ городомъ, посвященнымъ финикійскому богу Ваалу. Какъ ни обширны и ни любопытны остатки этого города солнца, но они кажутся ничтожными въ сравненіи съ остатками двухъ храмовъ, составляющихъ главную красоту Баальбека. Оба эти храма, вмѣстѣ съ нѣсколькими меньшими, обнесенными неприступною стѣною, вмѣщавшею въ себѣ жилища жрецовъ, различныя службы святилища и обширные сады, представляли своего рода священный акрополь, высившійся среди огромнаго города.

Современная стѣна, обходящая акрополь Баальбека, лишь въ немногихъ мѣстахъ представляетъ остатки массивной ограды, окружавшей святилище Ваала; вмѣсто нея на большей части окружности стала такъ называемая римская стѣна и ограда съ башнями, очевидно арабскаго происхожденія. Хотя эта послѣдняя стѣна и придаетъ особую живописность оградѣ, окружающей руины храмовъ, и хотя римская кладка поражаетъ насъ своею прочностью и красотою, тѣмъ не менѣе лишь предъ остатками древней стѣны святилища мы останавливаемся невольно, какъ передъ сооруженіемъ, достойнымъ баальбекскаго храма. Только съ сѣверной и западной стороны этого послѣдняго сохранились остатки циклопической кладки, гдѣ огромные камни, о которыхъ даже современное строительное искусство не имѣетъ никакого понятія, пригнаны одинъ къ другому, какъ ничтожные кирпичи. На сѣверной сторонѣ эта кладка состоитъ изъ ряда камней, имѣющихъ болѣе четырехъ саженъ въ длину; въ западной стѣнѣ среди огромныхъ глыбъ встрѣчаются такіе монолиты, передъ которыми кажутся ничтожными даже упомянутыя глыбы сѣверной части стѣны. Три знаменитыхъ камня, имѣющіе въ высоту болѣе $5^1/_2$ аршинъ, а въ длину болѣе девяти саженъ, и притомъ положенные на высотѣ почти трехъ саженъ, представляютъ самыя огромныя глыбы камня, когда-нибудь поднятыя человѣческою рукой. Какими ничтожными, сравнительно съ этими громадами, кажутся камни не только арабской, но и римской стѣны Баальбека!.. Послѣ

осмотра остатковъ этой стѣны нечего останавливаться передъ остальными частями ограды, замыкающей обширное поле руинъ. Ихъ огромные размѣры выясняются сразу при сравненіи съ рощами пирамидальныхъ тополей, поднимающихся вокругъ развалинъ Баальбека и кажущихся совершенно ничтожными передъ гигантскими колоннами древняго храма... Сюда черезъ груды развалинъ мы и направляемъ свои робкіе шаги послѣ невольной остановки передъ остатками циклопической стѣны.

Большой храмъ, единственные еще стоящіе остатки котораго составляютъ шесть огромныхъ колоннъ, находится въ такой степени разрушенія, что только съ большимъ трудомъ можно воспроизвести его древній планъ, стоя на самыхъ развалинахъ древняго храма. Поднятый надъ уровнемъ почвы долины почти на три сажени, храмъ Ваала имѣлъ впереди себя пропилеи, состоявшіе изъ 12 колоннъ, отъ которыхъ нынѣ остались одни пьедесталы. По сторонамъ этихъ пропилеевъ высились четырехугольныя башни, сложенныя изъ огромныхъ камней (болѣе трехъ саженъ въ длину) и вмѣщавшія довольно большія камеры; за этимъ первымъ портикомъ находился обширный первый дворъ, представлявшій видъ шестиугольника и обнесенный стѣною съ нѣсколькими камерами, входъ въ которыя прикрывался рядами небольшихъ колоннъ... Изъ перваго двора другой тройной портикъ ведетъ во второй обширный дворъ саженъ 60 въ длину при 50 саженяхъ въ ширину. Этотъ дворъ былъ также окруженъ высокою толстою стѣной съ рядомъ камеръ, отдѣлявшихся отъ площади двора, по всей вѣроятности, тоже колоннами. Масса огромныхъ нишъ, идущихъ двумя рядами и предназначенныхъ для помѣщенія статуй, украшаютъ камеры и внутренность двора. По серединѣ этого послѣдняго находится обширная платформа, на которой въ древности стояли ряды сфинксовъ, указывавшихъ входъ въ главное святилище храма. Это послѣднее шло сейчасъ за вторымъ дворомъ и состояло изъ внутренней обширной массивной камеры, образованной массивными стѣнами четырехугольнаго храма и украшенной со всѣхъ сторонъ 56 колоннами; каждая колонна имѣла около девяти саженъ высоты при обхватѣ почти въ десять аршинъ... Такимъ образомъ окруженный рядами колоннъ большой храмъ заключалъ самое святилище, поднимавшееся до огромной высоты; исполинскія колонны были связаны между собою сводами, образовывавшими общій потолокъ храма. Отъ всего этого прежняго величія въ настоящее время остались всего шесть колоннъ южной стороны да массивныя основанія всѣхъ перечисленныхъ частей храма.

Огромной величинѣ надземнаго храма вполнѣ соотвѣтствовали и обширныя подземелья, тянувшіяся двумя параллельными рядами, соединенными между собою ходами, на протяженіи почти 65 саженъ подъ

площадью большого второго двора. Эти подземныя камеры съ прекрасными сводами сложены изъ такихъ же массивныхъ камней, какъ и стѣны наружнаго храма, и несомнѣнно современны имъ по своей постройкѣ.

Въ противоположность большому храму солнца, малый баальбекскій храмъ сохранился гораздо лучше и представляетъ довольно массивную и компактную руину. По величинѣ онъ значительно уступаетъ первому, но превосходитъ его въ архитектурномъ отношеніи. Черезъ отверстіе, пробитое въ восточной сторонѣ, можно легко войти въ самую внутренность храма, заваленную камнями. При самомъ входѣ всякаго невольно поражаетъ висящій какъ бы на воздухѣ и готовый упасть каждое мгновеніе одинъ изъ камней косяка, который ждетъ одного удара землетрясеній, въ теченіе тысячелѣтій сильно попортившихъ руины Баальбека. Какое-то особенное впечатлѣніе охватываетъ каждаго, кто входитъ за таинственныя стѣны этого древняго храма и остается тамъ хоть на нѣсколько минутъ. Тысячелѣтняя развалина смотритъ на тебя изъ каждаго камня, изъ каждаго обломка колонны, и невольно кажется, что нѣтъ-нѣтъ — и поднимутся древнія руины, выпрямятся гигантскія колонны, встанетъ на свое мѣсто фризъ и появятся вновь внутри древняго храма, въ его нишахъ, многочисленныя статуи античныхъ героевъ и боговъ; тогда оживутъ безмолвныя и мрачныя руины, стройное пѣніе жрецовъ и звуки музыкальныхъ инструментовъ наполнятъ своды древнихъ храмовъ, и самъ великій Ваалъ заглянетъ снопами своего солнечнаго сіянія во внутренность святилища, заваленнаго камнями и испещреннаго слѣдами святотатственныхъ рукъ.

Послѣ великихъ развалинъ обоихъ храмовъ солнца не хочется даже смотрѣть всего остального. Я не могъ, однако, удержаться отъ того, чтобы не посѣтить еще одного изъ чудесъ города солнца—знаменитаго „камня юга“, лежащаго недалеко отъ большого храма и оставленнаго на пути изъ каменоломенъ словно для того, чтобы дать возможность позднѣйшимъ поколѣніямъ оцѣнить по достоинству титаническую мощь строителей Баальбека. Камень этотъ, частью вошедшій въ землю отъ своей тяжести, представляетъ огромный параллелепипедъ безъ малаго въ десять саженъ длины, при двухсаженной высотѣ и ширинѣ, и вѣсящій свыше 60 тысячъ пудовъ. Долго я стоялъ передъ этою громадною глыбой, обдѣланною, добытою и почти доставленною къ акрополю Баальбека руками древняго человѣка, недоумѣвая передъ тѣми способами, при помощи которыхъ было возможно сдѣлать въ отдаленной древности то, на что едва ли бы рѣшились и наши техники, вооруженные знаніями и силою пара и машинъ...

Пройдя отъ „камня юга“ къ каменоломнямъ древняго Баальбека, лежащимъ въ какой-нибудь верстѣ отъ акрополя, мы долго бродили

тамъ, изучая древній способъ вырубки и обдѣлки камня и осматривая наполовину извлеченныя и еще оставленныя приросшими къ толщѣ скалы гигантскія каменныя глыбы. Одна изъ этихъ глыбъ, еще не отдѣленныхъ вполнѣ, достигаетъ 14 саженъ въ длину.

Созерцая съ восторгомъ и изумленіемъ величественныя развалины Баальбека, я невольно перебиралъ въ своихъ мысляхъ всю прошлую исторію знаменитаго храма солнца. Былъ ли то храмъ истиннаго Единаго Бога или Ваала финикіянъ, но несомнѣнно одно, что въ немъ во времена отдаленной древности совершались величественныя богослуженія, соотвѣтствовавшія самому величію храма. Позднѣе, съ развитіемъ греко-римской культуры, храмы Баальбека были посвящены новымъ божествамъ и многочисленныя статуи ихъ украсили ниши и пространства между колоннами и портиками храмовъ. Прошло нѣсколько столѣтій, и свѣтъ, появившійся изъ горъ Іудеи, озарилъ лучами своего сіянія весь коснѣвшій въ язычествѣ древній міръ. При Константинѣ Великомъ святилище Баальбека было превращено въ христіанскій храмъ, а еще позднѣе мусульмане превратили его въ огромную крѣпость, его храмы стали помѣщеніемъ для солдатъ, а обширныя подземелья — великолѣпными конюшнями. Наконецъ, рядъ послѣдовательныхъ землетрясеній сокрушилъ величіе древняго храма и обратилъ его въ огромную руину, которой никогда не суждено уже подняться...

Въ гостяхъ у сирійскаго помѣщика.

(Б. Корженевскаго.)

Обстановка жилища арабскаго помѣщика немногимъ отличается отъ обычнаго убранства домовъ на Востокѣ. Богатство хозяина сказывается въ Сиріи не въ роскоши обстановки, обычной принадлежности богатаго люда въ Европѣ, а въ большихъ размѣрахъ дома, въ просторѣ комнатъ, сравнительной высотѣ потолка, да въ количествѣ ковровъ и циновокъ, покрывающихъ сидѣнья незатѣйливыхъ „диванов“ и глиняные или каменные полы „левана“. Васъ поразитъ относительная пустота этихъ „жилыхъ“ помѣщеній. Мебели въ европейскомъ смыслѣ почти не существуетъ, если не считать широкихъ деревянныхъ наръ, на четверть аршина не болѣе приподнятыхъ отъ пола и идущихъ почти непрерывнымъ квадратомъ вдоль внутреннихъ стѣнъ, тщательно выбѣленныхъ мѣломъ. Эти сплошныя нары накрываются мягкими тюфяками, по которымъ стелются толстые ковры различной цѣнности, глядя по состоянію. Въ углахъ кладутся еще плоскія подушки—„мутаки“, сдѣланныя изъ грубой шерстяной матеріи прихотливаго рисунка. Онѣ красятся обык-

повенно кошенилью, оставляя по фону бѣлый узоръ, что придаетъ восточнымъ диванамъ необыкновенную оригинальность. Въ большинствѣ матерій ярко-красный цвѣтъ чередуется съ темно-синимъ и на фонѣ этой излюбленной арабами окраски мѣстный ткачъ строитъ причудливыя композиціи своего рисунка. Мягкіе широкіе диваны — единственная меблировка туземныхъ домовъ, можетъ смѣло быть названа „универсальной“ по обширности своего примѣненія. Арабская софа—одинаковая принадлежность пріемной, спальни и дѣтской, не исключая и такъ называемаго „левана“, о которомъ будетъ сказано ниже. Въ небогатыхъ домахъ эти самодѣльныя кушетки обращаются ночью въ постель: ковры снимаются, стелется грубый холстъ—и ложе готово. Днемъ, окруженный пріятелями, хозяинъ на той же софѣ пьетъ кофе, лакомится шербетомъ, сластями. Здѣсь же творитъ онъ свою обычную ежедневную молитву, если только солнечный закатъ застанетъ его въ душныхъ стѣнахъ жилища. На пестромъ узорѣ ковра того же широкаго дивана туземцы любятъ играть въ шашки и домино или, поджавъ подъ себя ноги, курить любимое наргиле, утопая въ голубыхъ волнахъ пахучаго дыма. Турецкая софа—это единственная типичная мебель мусульманскаго Востока, если не считать низкаго рѣзного столика - табуретки шестигранной формы. На нее ставитъ мусульманинъ граненый кувшинъ своего кальяна и, отдавшись кейфу, вполнѣ довольствуется наличностью этихъ двухъ принадлежностей незатѣйливаго комфорта. Въ обстановкѣ богатаго помѣщика Сиріи я не нашелъ ничего болѣе, что можно было бы причислить къ разряду европейской мебели...

Черезъ нѣсколько времени послѣ нашего прихода низенькая стеклянная дверь, ведущая во внутренніе покои, отворилась и въ комнату вошелъ негръ-прислужникъ, низко кланяясь гостямъ. Хозяинъ привсталъ съ дивана, быстро надѣлъ туфли и, выпрямившись, обратился къ намъ съ рѣчью. Драгоманъ перевелъ его приглашеніе къ трапезѣ. Пока онъ вполголоса, какъ будто подсказывая, передаетъ витіеватое содержаніе рѣчи, гласящей, „что этотъ день посѣщенія отцовскаго дома знатными иностранцами будетъ вписанъ нѣжными строками въ его признательное сердце“, я стараюсь придумать что-нибудь въ томъ же духѣ. Привѣтствіе окончено, гости садятся и мы слѣдуемъ ихъ примѣру. Прислужники въ синихъ халатахъ, съ бѣлыми полотенцами черезъ плечо, быстро разносятъ въ металлическихъ кувшинахъ воду для омовенія. Каждый изъ насъ поочередно, вслѣдъ за хозяиномъ, наклоняется надъ мѣднымъ тазомъ своеобразной дамасской работы. Устройство его довольно замысловато: въ широкую чашу восточной умывальницы вставлено второе выпуклое дно, сплошь просѣченное сквознымъ рисункомъ. Въ центрѣ его припаяна небольшая чаша, въ которую кладется душистое мыло мѣстнаго производства, обладающее особенностью удивительно мягчить

кожу. Мыльная вода при омовеніи стекаетъ черезъ отверстіе верхняго дна, и такимъ образомъ внутренность умывальницы всегда чиста, покъ тазъ не переполненъ.

Арабъ считаетъ неприличнымъ подавать гостю сосудъ, въ которома были бы видны слѣды омовенія предшественника. Отеревъ руки полотенцемъ и слегка освѣживъ лицо, присутствующіе кланяются хозяину и затѣмъ каждый другъ другу. Молодой Саидъ-эфенди жестомъ приглашаетъ насъ въ столовую. Этикетъ требуетъ, чтобы мы, гости, шли впереди, а хозяинъ замыкаетъ шествіе. Я оглядываюсь — насъ пятнадцать человѣкъ, не считая трехъ слугъ и драгомана. Послѣдній становится у меня за стуломъ въ качествѣ переводчика. Размѣщаемся на мѣстахъ, указанныхъ хозяиномъ, хотя онъ предупреждаетъ, „что за его столомъ всѣ дорогіе гости одинаково близки его сердцу“.

Низкая, широкая скамейка, на которой садятся туземцы, поджавъ по восточному обычаю подъ себя ноги, покрыта грубымъ ковромъ. Длинный, сравнительно невысокій столъ безъ скатерти, чисто выскобленъ, вымытъ и какъ будто натертъ воскомъ. Деревянная посуда, оригинальныя блюда, плетеныя изъ пестрой соломы, ложки, двурогія вилки и полное отсутствіе ножей и солонокъ характеризуютъ арабскую трапезу. На столѣ, между глиняными кувшинами съ холодной водой, мнѣ бросились въ глаза только что срѣзанные зеленые померанцы, удивительно душистые. Фрукты эти предназначены для прохладительныхъ напитковъ, которыми арабъ имѣетъ обыкновеніе запивать почти каждый глотокъ пищи. Привыкшіе къ вину, мы замѣчаемъ со смущеніемъ, что на столѣ нѣтъ ни одной бутылки. По магометанскому закону, арабъ не долженъ пить ничего спиртнаго, и вѣжливость требуетъ, чтобы мы не упоминали въ гостяхъ о нашей пагубной европейской привычкѣ... Слуги подаютъ первое блюдо съ варенымъ мясомъ, приправленное по-туземному разварными бобами, зеленымъ горохомъ и тонкими ломтиками сельдерея. Размѣры заготовленнаго приводятъ насъ въ изумленіе; но, зная восточный обычай не давать гостю „послѣдняго“ куска и сосчитавъ глазами всю нашу компанію, я перестаю удивляться. Блюдо поставлено передъ хозяиномъ и онъ, къ немалому нашему изумленію, начинаетъ выбирать лучшіе куски къ себѣ на тарелку. Мой товарищъ смотритъ растерянно, мнѣ это кажется страннымъ. Однако, это только одинъ изъ видовъ хлѣбосольства, доведенный до изумительной тонкости. „Возьми, какъ другъ, лучшій кусокъ съ моей тарелки“, говоритъ улыбаясь молодой Магометъ-эфенди и быстро раскладываетъ каждому гостю отобранное себѣ мясо. Церемонія замысловатаго этикета окончена и блюдо обносится слугами, чтобы взялъ каждый себѣ сколько можетъ скушать, глядя по аппетиту.

Драгоманъ по-французски предостерегаетъ насъ не брать слишкомъ

много, такъ какъ перемѣнъ наготовлено пять или шесть. Не попробовать каждой считается неприличнымъ. Уже послѣ третьяго блюда я чувствовалъ только жажду, сознавая, что не созданъ обѣдать „по-арабски“. Жирный пловъ притупляетъ аппетитъ и моего товарища. „Я жажду! я жажду!“ восклицаетъ онъ по-русски, а добродушные арабы съ изумленіемъ глядятъ ему въ ротъ, не понимая, въ чемъ дѣло.

Я уговариваю его быть терпѣливымъ и скромнымъ. „Ты какъ хочешь терпи, а я сейчасъ пойду вина выпью,—говоритъ онъ,—и зачѣмъ они готовятъ на салѣ?“—„Помилуй, ты своимъ уходомъ обидишь хозяина“.—„Да я не въ силахъ, голубчикъ, хоть повѣсьте меня! Посмотри, Бога ради, тамъ опять что-то несутъ!—восклицаетъ онъ патетически,—вѣдь этакъ я съ лошади свалюсь или она подо мной ляжетъ!“ Туземцы переглядываются въ недоумѣніи. Хитроумный драгоманъ не дремлетъ. Съ наивнѣйшимъ видомъ умиленнаго простака онъ переводитъ хозяину и его гостямъ, что почтенный русскій ученый изумленъ безконечными щедротами Аллаха, дающаго правовѣрнымъ ежедневно столь обильную трапезу. Улыбка удовольствія озаряетъ лицо Магометъ-эфенди: онъ изумляетъ европейцевъ — это такъ лестно и сравнительно достигается пустяками! Обѣдъ близится къ концу, судя по только что поданному кушанью: пріторно-сладкія лепешки изъ какого-то страннаго тѣста, жареныя въ салѣ, обильно усыпаны коринкой. Арабы ѣдятъ ихъ съ наслажденіемъ, тщательно облизывая пальцы. Я замѣчаю, къ сожалѣнію, что насъ не угощаютъ прекрасными фруктами, лучшими въ эту пору года. Товарищъ былъ бы не прочь отвѣдать арбуза, а я такъ люблю румяные персики. „Якубъ, отчего не даютъ фруктовъ?“ — „Здѣсь это не принято, — полушопотомъ отвѣчаетъ драгоманъ, наклоняясь надъ моимъ ухомъ — развѣ можно угощать гостей тѣмъ, что не стоитъ на рынкѣ и одного піастра?“

Обѣдъ конченъ. Звякая мѣдными умывальницами, обходятъ насъ слуги. Одинъ льетъ воду, другой держитъ тазъ, а самъ хозяинъ, обтеревъ руки, передаетъ сосѣду свѣжее полотенце. Этикетъ требуетъ, чтобы всѣ слѣдовали его примѣру. И длинное, узкое полотно тянется по нашимъ колѣнямъ, пока мой товарищъ, сидѣвшій рядомъ съ хозяиномъ, не вытягиваетъ его цѣликомъ изъ-подъ носа сосѣда.

Добродушный арабъ-старичокъ предпочитаетъ утереться полами собственнаго халата, не рѣшаясь безпокоить „москова“. Мы возвращаемся въ пріемную, гдѣ насъ снова ждутъ кофе, шербетъ и душистые кальяны. Около часа проходитъ въ бесѣдѣ за довольно наивной политикой. Наконецъ, стараясь покончить съ щекотливыми темами, я прошу показать намъ устройство арабскаго дома, которое насъ, европейцевъ, очень интересуетъ. Хозяинъ любезно соглашается и, набросивъ на плечи шерстяной плащъ, выходитъ за нами во внутренній дворъ, огорожен-

ный строеніями. Бѣлые голуби стаей слетаютъ съ парапета плоской кровли, куры радостно привѣтствуютъ наше появленіе. Въ густой тѣни вдоль стѣнъ и заборовъ мирно отдыхаютъ сѣрые ослики. Черная длинноухая коза съ козленкомъ ощипываетъ здѣсь же свѣжіе побѣги курайтравы; ручной фазанъ обрушивается неожиданно съ вѣтки стараго сикомора, громкимъ хлопаньемъ крыльевъ спугивая козлиное семейство. Отпечатокъ довольства и достатка сквозитъ на всемъ хозяйствѣ. Мы съ любопытствомъ заглядываемъ во всѣ уголки, осматриваемъ конюшню безъ всякаго признака стойлъ или денниковъ, не пропуская даже каменнаго навѣса надъ ометомъ мансовой соломы. А молодой хозяинъ глядитъ на насъ, самодовольно улыбаясь, и наконецъ приглашаетъ на „леванъ“, куда слуги вынесли уже мягкіе ковры и мутаки.

Сирійскій домъ унаслѣдовалъ всѣ характерные признаки палатки номада. Онъ также простъ по обстановкѣ, также незамысловатъ по устройству. Обыкновенно продолговатый по формѣ, главный домъ зажиточнаго араба ставится такъ, чтобы дворъ и холодныя постройки примыкали къ нему, образуя отовсюду замкнутый четырехугольникъ. Стѣны, вершковъ семи толщиной, выводятся на высоту до шести аршинъ изъ грубо отесаннаго камня мѣстной ломки. Желтовато-сѣрый колоритъ зданія съ узкими прорѣзами оковъ, ревниво оберегаемыхъ жалюзи, и цѣпкая зелень плюща, заткавшаго всѣ карнизы, углы и балюстрады ползучими лопастями, перемѣшанными съ черными гроздьями ягодъ, придаютъ постройкѣ своеобразный колоритъ, несравнимый съ обычными постройками нашей европейской архитектуры. Сзади, къ стѣнѣ, обращенной въ глубину двора, примыкаютъ внутреннія жилыя комнаты, спальни, дѣтскія,— такъ называемая женская половина, святилище, недоступное ничьимъ взорамъ, кромѣ домовладыки и его семейства. Плоская терраса, замѣняя крышу, служитъ вмѣстѣ и прохладнымъ убѣжищемъ послѣ заката, гдѣ на мягкихъ коврахъ, наслаждаясь съ высоты панорамой, любятъ нѣжиться восточныя дамы, окруженныя играющими дѣтьми и прислужницами. Невидимыя для идущихъ и ѣдущихъ внизу по улицѣ, онѣ проводятъ здѣсь лучшіе часы своего досуга. Сбросивъ съ себя докучныя покрывала, женщины наблюдаютъ окружающую жизнь изъ черепичныхъ отверстій широкаго парапета, на аршинъ выведеннаго по карнизу террасы. Здѣсь же любитъ творить свой вечерній намазъ мусульманинъ, когда огненный дискъ обагритъ прощальными лучами золотистую даль небосклона. Бѣлые и сѣрые голуби слетаются сюда клевать разложенный для просушки рисъ или подвѣшенные къ тростниковымъ палочкамъ грозди вялящагося винограда. Восточная кровля—это излюбленный салонъ, предоставленный въ полное распоряженіе мусульманкѣ. Здѣсь она работаетъ, сучитъ пряжу, слушаетъ сплетни служанокъ и принимаетъ гостей—такихъ же затворницъ — подругъ, родственницъ и

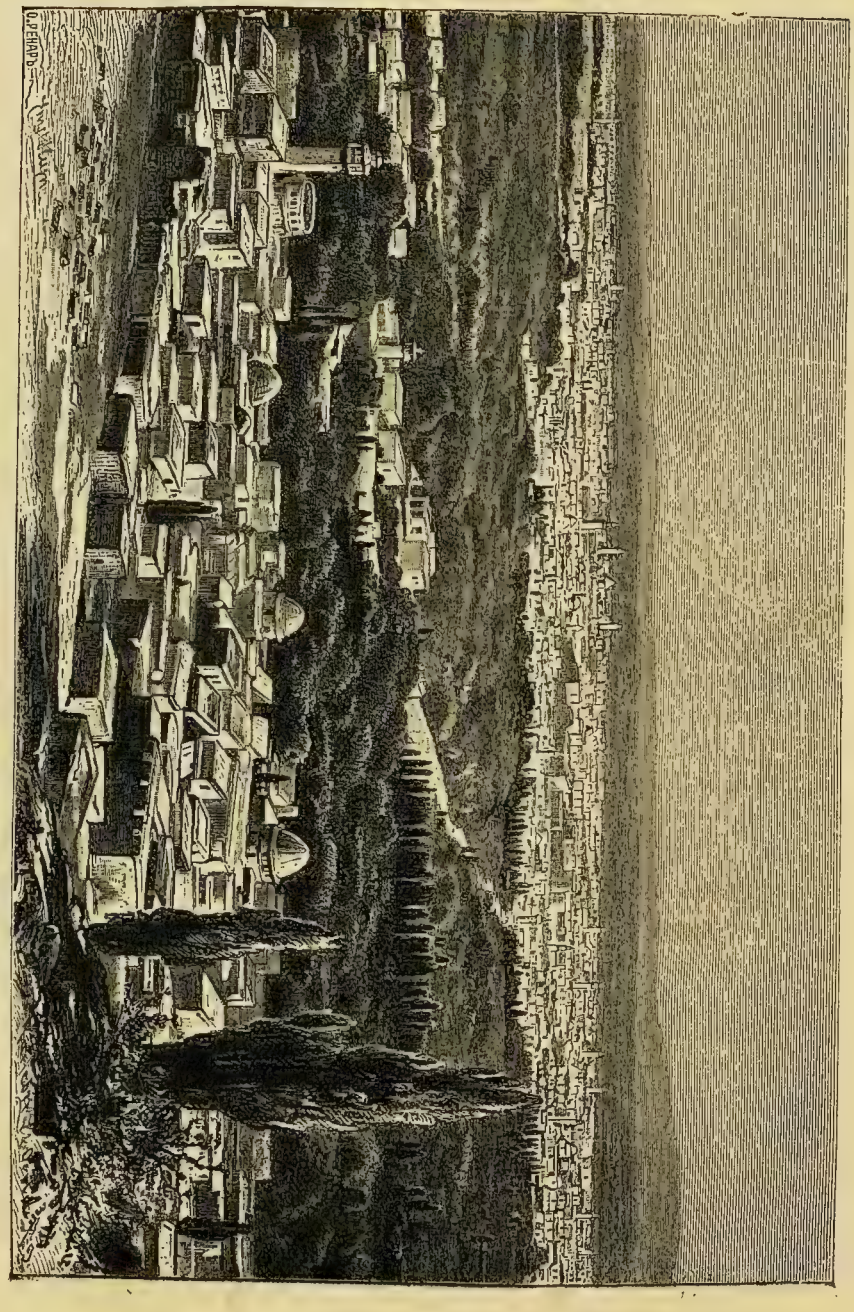
сосѣдокъ. Отсюда по вечерамъ долетаютъ до слуха прохожихъ тихія, монотонныя пѣсни арабскихъ дѣвушекъ, звонъ бубна или задорный смѣхъ подъ темнымъ покровомъ ночи. Можно съ увѣренностью сказать, что, въѣзжая въ любое селеніе въ часы близкіе къ закату, вы служите предметомъ наблюденія тысячи женскихъ глазъ, разбирающихъ вашу наружность, костюмъ, лошадей, вооруженіе прислуги во всѣхъ подробностяхъ. И это такъ естественно въ захолустьяхъ, гдѣ появленіе чужестранца и до сихъ поръ еще рѣдкость. Въ то время какъ женское населеніе мѣстечка наблюдаетъ жизнь съ кровли, мужчины любятъ выходить на „леванъ“, существующій почти въ каждомъ арабскомъ домѣ. „Леванъ“ — это родъ помоста на каменномъ сводѣ, приподнятый на аршинъ или на два надъ уровнемъ почвы. Онъ обыкновенно устраивается или передъ домомъ, или вблизи воротъ, на дворѣ, но такъ, чтобы съ него былъ виденъ хотя клочокъ пролегающей улицы.

Сирійка.

Полъ левана смазывается глиной и посыпается пескомъ для болѣе быстрой просушки въ дождливый періодъ года. Стоитъ взойти на леванъ и вы замѣтите, что къ нему по желтому фону заросшаго двора вьются протоптанныя дорожки отъ внутреннихъ жилыхъ комнатъ. Леванъ нашего хозяина красиво обрамленъ зеленью хмеля, цвѣтущихъ магнолій, ярко-малиновыми букетами пышно разросшагося олеандра.

Мы садимся на кожаныя подушки и опять пьемъ прохладительный шербетъ и горячій кофе. Часы бѣгутъ незамѣтно. Румяный закатъ обли-

ваетъ уже окрестность прихотливыми розовыми волнами мягкаго свѣта чарующаго, настраивающаго поэтически воображеніе. Усадьба Магомета-эфенди расположена на пологомъ холмѣ, близъ главной улицы широко раскинувшагося Дженина. Городокъ виденъ какъ на ладони съ высоты приподнятаго левана и весь тонетъ въ садахъ, пестрой зелени фиговыхъ деревьевъ. Изъ ограды гигантскихъ кактусовъ мѣстами поднимаются прекрасныя смоковницы. Темные чешуйчатые стволы ихъ красиво осѣнены зелеными раскидистыми перьями, образующими вѣерообразный зонтъ, едва отбрасывающій сквозныя тѣни. Бѣлая мечеть тонетъ въ букетахъ пальмъ, мирно осѣнившихъ ея крохотный каменный куполъ. За нею бѣлыя мазанки селенія, раскинувшіяся по пологому скату холмовъ, составляющихъ послѣдній отпрыскъ оставшихся позади горъ Самарянскихъ. А тамъ, въ зеленой глубинѣ, уже стелется безконечная ширь Ездрелонской равнины — историческое поле битвъ всѣхъ эпохъ и многихъ народовъ. Трудно представить себѣ болѣе восхитительную картину... А солнце, склонясь надъ моремъ, золотистыми потоками, радужными брызгами багритъ малиновый пологъ своей колыбели, и вся облитая розовымъ туманомъ живописная окрестность кажется еще болѣе сказачной и фантастичной. Эту чарующую панораму, этотъ восхитительный уголокъ Божьяго міра видитъ каждый день мой счастливый хозяинъ. Наблюдая за мною, за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на меня его родина, вольный сынъ безконечной равнины и самъ проникается восторженнымъ трепетомъ. Мы долго сидимъ, не спуская глазъ съ догорающаго свѣтила, будучи не въ силахъ оторваться отъ величавой картины, боясь проронить слово. Магометъ-эфенди уронилъ сафьяновый наконечникъ своего кальяна и, обхвативъ колѣни, недвижно слѣдилъ за тонкими кольцами дыма, что таютъ въ голубомъ сумракѣ, надвигающемся на насъ съ востока. Товарищъ мой застылъ въ художественномъ созерцаніи величественной панорамы окрестностей. Даже Якубъ, этотъ уравновѣшенный нѣмецъ, снялъ шляпу и, опершись на балюстраду, какъ будто прислушивается къ тихому гомону замирающей жизни. И всѣмъ хорошо, легко на душѣ и не хочется разстаться съ дивной иллюзіей... Но солнце померкло. На потемнѣвшемъ небѣ погасъ послѣдній отблескъ багрянаго сіянія. Сумракъ смѣшалъ очертанія предметовъ. Замигали въ селеніи первые огни, заискрились въ небѣ первыя звѣзды. День оконченъ и ночь наступила.

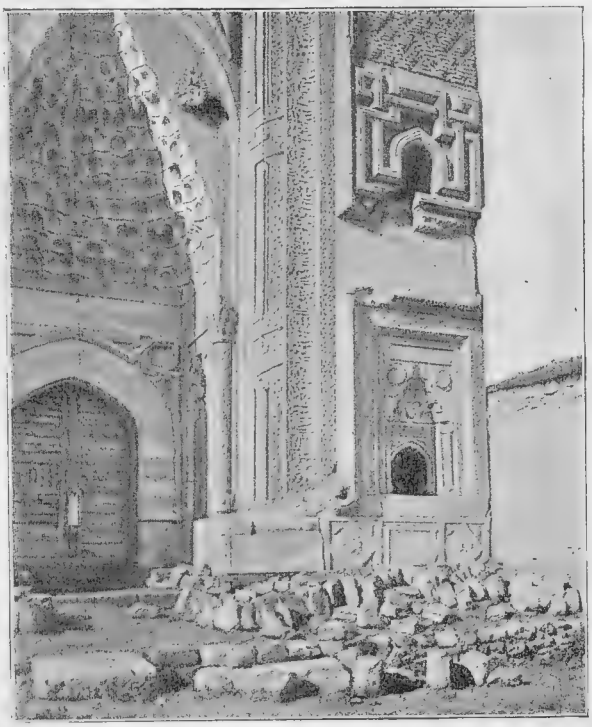


Дамаскъ.

По Малой Азіи.

(Г. Гроте.)

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, чтобы попасть съ берега во внутренность Малой Азіи требовалось утомительное двадцатидневное путешествіе на спинѣ верблюда, лошади или мула; въ настоящее же время желѣзная дорога въ два дня переноситъ путешественника въ Ангору или Конію, эти два культурные и хозяйственные центра, лежащіе внутри полуострова. Эта желѣзная дорога, протяженіе которой достигаетъ въ настоящее время 1.033 килом., носитъ офиціальное названіе „Chemin de fer ottoman d'Anatolie“ и была построена въ 1891—96 гг.



Порталъ мечети въ Коніи.

Желѣзнодорожный путь начинается на малоазійскомъ берегу, напротивъ Константинополя, и оттуда направляется внутрь страны, на малоазійское плоскогоріе. Въ Эскишерѣ, на 313 верстѣ отъ исходнаго пункта, дорога развѣтвляется: одна вѣтвь, сохраняющая восточное направленіе, идетъ въ Ангору, другая отклоняется къ югу и оканчивается въ Коніи.

Рѣдкое путешествіе представляетъ столько интереса, какъ поѣздка по Малой Азіи. Ни въ какой другой странѣ путешественника не охватываетъ такая масса историческихъ воспоминаній, какъ въ Малой Азіи. Поѣздка по этой странѣ, издавна представлявшей какъ бы мостъ между Среднею Азіей и Европой, гдѣ каждая народность оставила свои слѣды, является грандіозною экскурсіей въ область всемірной исторіи. Лидійцы, фригійцы, греки, римляне, византійцы, сельджуки, турки—всѣ оставили

здѣсь по себѣ многочисленные памятники: водопроводы, мосты, военныя дороги, крѣпости, дворцы, города, храмы, изваянія, высѣченныя въ скалахъ, саркофаги. Эти памятники, то забытые, заваленные мусоромъ, то разрушенные, въ видѣ жалкихъ обломковъ, или стройные и горделивые какъ останки прошлаго величія, усѣиваютъ всю поверхность Малой Азіи. Одно удивительное свойство отличаетъ эту страну—непобѣдимая способность обновленія. Гибли города, царства и народы, но люди соединялись снова въ общества, поля приносили новый плодъ, вновь расцвѣтали искусство и цивилизація. Кажется, и въ настоящее время за періодомъ оцѣпенѣнія и застоя наступаетъ пробужденіе. Вмѣстѣ съ новой желѣзной дорогой въ страну входитъ европейская цивилизація, открываются новые пути и источники благосостоянія. Западъ какъ-будто отдаетъ часть того, что нѣкогда взялъ у Востока.

Сѣрый предразсвѣтный сумракъ еще окутываетъ Константинополь, слабо рисуются очертанія домовъ... Но внезапно выплывающее солнце разгоняетъ короткія восточныя сумерки, разбрасывая золотые снопы лучей. Мечети и минареты сверкаютъ бѣлизной, широко раскинувшееся море домовъ блещетъ пестрыми красками, а въ гавани отчетливо виднѣется густой лѣсъ корабельныхъ мачтъ. На пристани шумъ и суета. Утро пробудило жизнь и движеніе.

Мы садимся на пароходъ и переѣзжаемъ на ту сторону Босфора, къ мѣстечку Гайдаръ-паша,—конечной станціи анатолійской желѣзной дороги. Уже на молахъ пристани мы видимъ длинные ряды товарныхъ вагоновъ, изъ которыхъ посредствомъ желобовъ перегружается зерно въ плоскія, продолговатыя турецкія лодки. Большія цилиндрическія корзины, наполненныя всевозможными овощами съ береговъ Исмидской бухты и озера Сабанджа, громоздятся на палубахъ судовъ. Могучіе клены осѣняютъ желѣзнодорожную станцію и прилегающую къ ней мѣстность.

Вагонъ, въ который мы садимся, поражаетъ насъ своею высотой и ослѣпительно бѣлою окраской. Крыша у него двойная. Воздухъ, свободно проходящій между верхнею желѣзной и нижнею деревянной крышей, въ соединеніи со свойствомъ бѣлой окраски отражать лучи, оказываетъ благотворное дѣйствіе, такъ что мы не очень страдаемъ отъ чувствительной уже майской жары.

За нами появляются въ качествѣ пассажировъ двое важныхъ турецкихъ сановниковъ съ большою мужскою и женскою свитой. Мы заглядываемъ въ вагоны перваго класса, устроенные анатолійскою дорогой для своей знатной магометанской публики; стѣны покрыты пестрыми обоями, вдоль продольныхъ стѣнъ роскошные диваны, на которыхъ съ удовольствіемъ можно посидѣть съ поджатыми ногами.

Анатолійская желѣзная дорога насколько возможно примѣнилась къ

банахъ, скрученныхъ изъ пестрой шали; кочевые курды въ ярко-красныхъ плащахъ, сапогахъ и брюкахъ; черкесы въ папахахъ, длинныхъ черкескахъ и узкихъ шароварахъ. Бѣлыя покрывала женщинъ сверкаютъ на солнцѣ. Широкіе, спускающіеся почти до щиколотки, шальвары турчанокъ и ихъ длинныя фереджэ (плащи) большею частью матово-сѣраго цвѣта, тогда какъ костюмы армянокъ и грузинокъ пестрѣютъ яркими желтыми и красно-розовыми тонами.

Коврикъ и сумка съ съѣстными припасами — рисъ, ячмень, лепешки, — вотъ все, что беретъ съ собою большинство здѣшнихъ пассажировъ. Долгіе сборы, большой запасъ денегъ не входятъ въ обычаи жителя востока. Съ удивительною легкостью въ душѣ идетъ онъ навстрѣчу неизвѣстному. Тамъ какой-нибудь старый другъ, а можетъ быть и новый окажетъ путнику гостепріимство, а Аллахъ уже пошлетъ ему счастіе и барыши. Вѣра его непоколебима. Поэтому житель востока такъ легко рѣшается на путешествіе и склоненъ къ нему, какъ никто другой. Не даромъ восточная пословица гласитъ: „не долгая жизнь учитъ человѣка, а долгое путешествіе“.

Мы ѣдемъ дальше вдоль берега. Высокія черпальныя колеса подымаютъ воду изъ цистернъ, осѣненныхъ густыми деревьями, въ длинные деревянные желоба. Около самыхъ рельсовъ виднѣются четырехугольные участки, огороженные кольями; они служатъ для складыванія урожая во время жатвы. А урожай дѣйствительно бываетъ очень великъ. Товарные поѣзда ходятъ тогда ночью, останавливаясь въ открытомъ полѣ для нагрузки. Благодаря мягкому климату крестьянинъ при хорошемъ орошеніи можетъ снять три, иногда четыре жатвы въ годъ.

Полоса садовъ тянется до самаго Исмида. Съ площадки своего вагона мы видимъ ряды домовъ, среди которыхъ есть нѣсколько строящихся новыхъ. Ихъ остовы съ легкими балками кажутся намъ огромными птичьими клѣтками. Ни способъ постройки, ни матеріалъ, изъ котораго строятся турецкія зданія, не отличаются особою прочностью. Остовъ изъ легкихъ балокъ образуетъ обычные два этажа; полъ опирается на гибкіе стволы и сучья, употребляемые въ дѣло въ томъ видѣ, какъ они привезены изъ лѣса. Такимъ образомъ остовъ дома представляетъ собою не что иное, какъ видъ плетня. Промежутки заполняются черепицей, сдѣланной по древне-вавилонскому или египетскому способу изъ глинистаго ила или изъ глины съ примѣсью рубленой соломы и высушенной на солнцѣ. Еще легкій слой глины сверху — и постройка готова. Въ городахъ дома покрываются известкой и раскрашиваются бѣлою или пестрою краской; въ деревняхъ они сохраняютъ скромную темную окраску глины. Чисто убранные, эти примитивно построенные домики съ низенькими, въ уровень съ землей, верандами, выступающими бал-

кончиками верхняго этажа и островерхими красными черепичатыми кровлями, производятъ чистенькое и пріятное впечатлѣніе.

За Исмидомъ характеръ страны измѣняется. Вмѣсто коричневыхъ, бѣдныхъ растительностью, склоновъ мелькаютъ зеленыя лѣсистыя горы. Мѣстность становится болѣе дикой и почти принимаетъ характеръ дѣвственнаго первобытнаго лѣса. Внизу растутъ клены и платаны, выше, по склонамъ, каштаны, буки, липы. Кусты рододендроновъ составляютъ подлѣсокъ, а сарсапарилла обвиваетъ стволы и вѣтви, напоминая тропическія ліаны. Немного уже осталось въ Малой Азіи такихъ лѣсовъ;

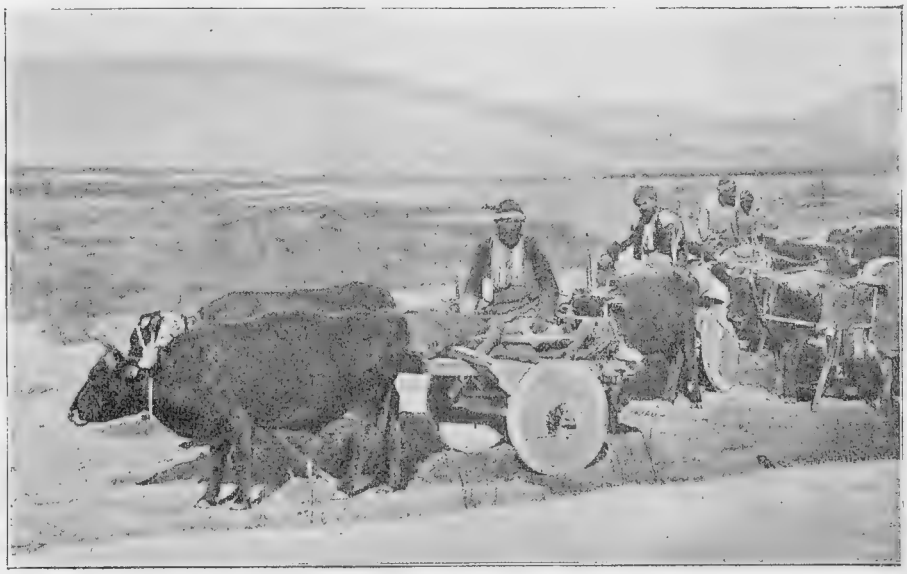
Въ долинѣ Саккаріи.

почти всюду они истреблены пожарами, безтолковыми порубками; молодыя деревца попорчены скотомъ, преимущественно козами, и значительнымъ прежде лѣснымъ богатствамъ Малой Азіи грозитъ скорый конецъ.

Въ зелени по склонамъ горъ часто мелькаютъ крыши и стѣны; это деревни черкесовъ, переселившихся сюда изъ Россіи.

Вскорѣ за Исмидомъ дорога поворачиваетъ прямо на югъ и идетъ по долинѣ рѣки Саккаріи. Мѣстные жители называютъ эту долину „Іешиль-денисъ“ — „зеленое море“. И дѣйствительно эта долина чрезвычайно плодородна и имѣетъ цвѣтущій видъ, несмотря на то, что обработка земли у большинства анатолійскихъ крестьянъ стоитъ на пла-

чевно низкой степени развитія и въ настоящее время производится тѣмъ же способомъ, что и нѣсколько столѣтій назадъ. Земледѣлецъ ограничивается почти одною деревянною сохой въ томъ видѣ, какъ ее употребляютъ арабы и берберы африканскихъ оазовъ; орудіе это способно только слегка расцарапать поверхность земли. Къ сохѣ посредствомъ палки припрягаютъ быковъ. Другое не менѣе жалкое орудіе должно замѣнять собою борону и катокъ. Удобреніе является чѣмъ-то необычайнымъ и употребляется въ гомеопатическихъ дозахъ. Другое, столь же первобытное, какъ и соха, орудіе служитъ для молотьбы. Это нѣчто въ родѣ саней, состоящихъ изъ доски, которая на нижней поверхности



Турецкіе крестьяне.

усажена острыми камнями. Самое поле служитъ токомъ; по разложенному на немъ хлѣбу ѣздятъ взадъ и впередъ упомянутыя сани, на которыхъ для тяжести возсѣдаетъ возница.

На дорогахъ, пролегающихъ вдоль желѣзнодорожнаго пути, замѣтны жизнь и движеніе. То видны узкія арбы, запряженныя волами или быками, пестро раскрашенныя, на желтыхъ колесахъ, съ низкою крышей, образующей родъ палубы; рядомъ съ ними съ шумомъ и скрипомъ тянутся нагруженныя товаромъ неуклюжія телѣги, поставленныя на одну ось съ двумя круглыми отрѣзками дерева вмѣсто колесъ. Длинные караваны верблюдовъ направляются къ желѣзнодорожнымъ станціямъ. Еще недавно эти медленные способы сообщенія были единственными въ этой странѣ.

Видъ каравана своеобразенъ и невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Во главѣ его выступаетъ осликъ, сѣменя ровнымъ, неутомимымъ шагомъ. На спинѣ ослика возсѣдаетъ „катарджи"—предводитель каравана. Ноги его, свѣшиваясь, почти касаются земли. Тюрбанъ, нѣсколько разъ обернутый вокругъ головы, плащъ изъ козьяго мѣха съ длинною шерстью, рѣзкія черты лица, мускулистые члены придаютъ этимъ людямъ какой-то дикій видъ. За осликомъ гуськомъ одинъ за другимъ шагаютъ верблюды со своею поклажей. У послѣдняго верблюда на шеѣ привязано нѣсколько бубенчиковъ; ихъ равномѣрное позвякиванье показываетъ проводнику, что всѣ животныя идутъ мирно и въ порядкѣ.

Караванъ въ пути.

Верблюдъ несетъ по 8, иногда по 10 пудовъ груза и ежедневно идетъ 8—10 часовъ, не мѣняя своего крупнаго неторопливаго шага.

Картина дѣлается еще оживленнѣе и разнообразнѣе, если съ караваномъ ѣдутъ еще путешественники верхомъ на лошадяхъ или мулахъ: знатный турокъ на иноходцѣ, развалившійся на выложенномъ подушками сѣдлѣ, какъ на диванѣ, въ сопровожденіи многочисленной прислуги; почтенный мулла, ученый, въ бѣломъ тюрбанѣ, верхомъ на мулѣ съ необыкновенно степеннымъ видомъ и задумчиво опущенною головой; странствующій дервишъ въ цилиндрической мѣховой шапкѣ и длинномъ плащѣ, сшитомъ изъ пестрыхъ лоскутовъ; греческіе и армянскіе купцы, поглощенные заботой и спорами о товарахъ и цѣнахъ. По временамъ

кто-нибудь изъ верблюдовожатыхъ затягиваетъ гнусливымъ голосомъ народную пѣсню, остальные подхватываютъ ее на половинѣ строфы.

Въ настоящее время сцены, подобныя описанной, вблизи анатолійской дороги можно видѣть все рѣже и рѣже. Направленіе желѣзнодорожнаго пути по большей части совпадаетъ съ знаменитыми старинными караванными дорогами, и караваны оттѣсняются могучею соперницей на второстепенныя проселочныя тропы. Порохъ, ружья и пушки уничтожили рыцарство, желѣзныя дороги мало-по-малу упразднятъ караваны.

Въ небольшомъ городкѣ Лефке мы прерываемъ наше путешествіе и изъ вагона отправляемся въ туземную гостиницу—„ханъ“. Двухъэтажное зданіе съ высокою крышей и выступающими балконами выглядитъ совсѣмъ недурно. Мы входимъ въ домъ черезъ обширныя высокія сѣни. „Ханджи“ (хозяинъ гостиницы), пожилой турокъ, принимаетъ насъ съ любезностью, исполненной достоинства и не имѣющей ничего общаго съ низкопоклонствомъ армянъ трактирщиковъ. Послѣ того, какъ мы съ благодарностью отклоняемъ его приглашеніе войти въ его собственную комнату, хозяинъ ведетъ насъ во второй этажъ, гдѣ находится номеръ. Мы взбираемся по довольно головоломной лѣстницѣ наверхъ и по верандѣ, опоясывающей домъ изнутри, со двора, проходимъ въ нашу комнату. Эта комната, чисто выбѣленная, выложенная соломенными цыновками, производитъ тоже довольно пріятное впечатлѣніе, а ея обстановка—диванъ, столъ, стулья, желѣзная кровать—нетребовательному человѣку можетъ показаться даже комфортабельной. Единственный недостатокъ здѣшнихъ гостиницъ, какъ и вообще жилищъ, составляетъ изобиліе всякихъ насѣкомыхъ, для которыхъ щели и скважины легкихъ здѣшнихъ построекъ представляютъ удобнѣйшій пріютъ. Сами жители Востока отличаются довольно толстою кожей и не чувствуютъ никакого отвращенія къ этимъ незваннымъ сожителямъ, а одному изъ самыхъ противныхъ насѣкомыхъ турки дали даже ласкательное названіе: „тахтакузу“, т.-е. „деревянный барашекъ“. Съ крытой галлереи, огражденной грубыми перилами, отлично виденъ обширный прямоугольный внутренній дворъ, охваченный „ханомъ“ со всѣхъ сторонъ. На дворѣ царятъ оживленная дѣятельность и суета. На землѣ лежатъ верблюды; запряженныя быками телѣги съ зерномъ стоятъ тѣсными группами, ржутъ лошади, дико кричитъ какой-то катарджи.

Самъ Лефке очень милый городокъ: привѣтливые, осѣненные платанами дома, довольно широкія улицы, надъ которыми по проволочной сѣткѣ вьются виноградныя лозы, перебрасывающіяся съ одной стороны улицы на другую, пестрыя выставки товаровъ передъ дверями... Въ верхнемъ кварталѣ, прилегающемъ къ горамъ, виднѣются многочисленныя двухъ- и трехъэтажныя строенія съ широкими сводчатыми окнами. Эти

полныя воздуха и просторныя зданія кажутся виллами зажиточныхъ горожанъ, въ дѣйствительности же служатъ пріютомъ высокочтимаго здѣсь существа—шелковичнаго червя.

Интересно заглянуть внутрь такого дома. Высокія деревянныя подмостки занимаютъ внутреннее пространство. На тонкихъ поперечныхъ перекладинахъ лежатъ вѣтки шелковицы, образуя густой рядъ зеленыхъ полокъ. На вѣтвяхъ сидятъ шелковичные черви, истребляющіе ежедневно цѣлыя груды листьевъ. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока черви не начнутъ окукливаться. Въ другихъ свѣтлыхъ помѣщеніяхъ, занимающихъ пристройку къ этому зданію, сидятъ женщины и дѣвушки, которыя разматываютъ шелкъ съ лежащихъ въ горячей водѣ коконовъ. Работницы, получающія, кстати сказать, очень незначительную плату, по большей части армянки. Отпечатокъ какой-то интеллигентности и кроткаго терпѣнія лежитъ на ихъ правильныхъ, почти красивыхъ лицахъ. Въ числѣ работницъ попадаются однако и турчанки; при нашемъ приближеніи онѣ плотно закутываютъ лицо откинутымъ во время работы покрываломъ.

Часто существованіе и привычки цѣлой семьи складываются въ зависимости отъ шелковичнаго червя. Члены семьи расползаются по угламъ и коридорамъ, чердакамъ и погребамъ, предоставляя остальное помѣщеніе шелковичному червю, приносящему въ ихъ домъ благословеніе Аллаха, т.-е. деньги. Въ окрестностяхъ Лефке и далѣе въ долинѣ рѣки Кара-су, куда сворачиваетъ желѣзная дорога, преобладаютъ плантаціи шелковицы; имъ жертвуется всякій клочокъ земли, всякій удобный склонъ холма.

За Беледжикомъ начинается уже горная желѣзная дорога, поднимающая насъ на анатолійское плоскогоріе; на 12,3 километрахъ разстоянія поѣздъ поднимается на 293 метра. Передъ нашими глазами бѣгутъ, смѣняя другъ друга, все новыя и новыя картины. Поѣздъ то жмется по горному склону, то повисаетъ въ воздухѣ на желѣзной настилкѣ мостовъ. Мы то погружаемся въ полумракъ, то попадаемъ подъ ослѣпительные солнечные лучи, льющіеся на голыя скалы. Изъ горныхъ расщелинъ струятся тонкія нити ручьевъ; склоны усѣяны кустами можжевельника. По временамъ мелькаетъ бѣшено рвущійся впередъ Карасу, и до насъ доносится его ревъ. Рядомъ съ нимъ виднѣется узкая сѣрая полоса—это старая большая дорога, которая ведетъ на верхнее плато.

Наконецъ, мы на верхнемъ плато. Рѣзкій, холодный вѣтеръ врывается въ окна вагона. Ясно чувствуется, что мы попали въ полосу другого климата. Это видно и по растительности. Тамъ, внизу, къ концу апрѣля царило прекрасное лѣто, а здѣсь, въ широкихъ впадинахъ долинъ, обрамленныхъ небольшими возвышенностями, мы видимъ

ещё зелёныя поля. Глазъ тщетно ищетъ садовъ и отдѣльно разбросанныхъ усадебъ. Въ татарскихъ и черкесскихъ деревняхъ дома тѣсно жмутся другъ къ другу. И самые дома меньше и бѣднѣе, чѣмъ внизу. Весь пейзажъ носитъ какой-то сѣрый оттѣнокъ.

Въ Эскишерѣ мы дѣлаемъ вторую остановку и попадаемъ на ярмарку. Вся площадь усѣяна телѣгами, повозками, лошадьми, ослами, темными палатками. Между животными суетятся ребятишки, которые тщательно собираютъ свѣжій навозъ и складываютъ его въ мѣшки. Дерево дорого на плоскогорьѣ, и высушенный навозъ является драгоцѣннымъ топливомъ. Изъ него дѣлаютъ плитки и сушатъ ихъ на солнцѣ. А лѣпятъ эти плитки прямо руками!

Мы идемъ далѣе. Вотъ навстрѣчу намъ съ монотоннымъ плачемъ торопится густая толпа. Подойдя ближе, мы видимъ гробъ, который несутъ бѣгомъ около дюжины мужчинъ. Носильщики и провожатые читаютъ, безконечно повторяя свой „текбиръ“— символъ вѣры. Въ головахъ гроба помѣщенъ деревянный шаръ, обвитый зеленымъ тюрбаномъ. Очевидно, покойникъ былъ „хаджи“, т.-е. совершилъ нѣкогда паломничество въ Мекку; поэтому-то и собралось такое множество правовѣрныхъ, чтобы проводить его къ мѣсту послѣдняго упокоенія. Торопливый бѣгъ носильщиковъ и провожатыхъ кажется не совсѣмъ соотвѣтствующимъ торжественности минуты, но у мусульманъ на это совершенно противоположный взглядъ.

Эскишеръ расположенъ почти на краю плато, которое простирается отсюда къ востоку до Ангоры, а къ юго-востоку до Коніи и имѣетъ почти всюду одинаковый видъ: волнистая мѣстность, на которой мѣстами поднимаются болѣе крупныя группы утесовъ. Такъ какъ въ теченіе лѣта, продолжающагося 6 мѣсяцевъ, дождя выпадаетъ мало, то страна въ значительной степени носитъ колоритъ пустыни. Коричневый, почти зеленоватый оттѣнокъ лѣтомъ, сѣрый—осенью, бѣлый—зимой—вотъ цвѣта, въ которые облечено плоскогорье. Больше пустырей, чѣмъ нивъ, деревень немного, зато много развалинъ изъ временъ погибшихъ цивилизацій. Когда лѣтній зной тяжко и недвижимо виситъ надъ голыми, почти безводными равнинами, онѣ кажутся оцѣпенѣлымъ царствомъ смерти. Однообразіе этого пустыннаго ландшафта нарушается только причудливыми очертаніями скалъ, да дальше на юго-востокъ соляными озерами, около которыхъ проходитъ желѣзная дорога, или видами городовъ. Дома послѣднихъ или прилегаютъ къ утесамъ, вздымающимся надъ плато, или лежатъ въ низинахъ среди равнины, но всегда окружены вѣнкомъ садовъ.

Около одного изъ такихъ городковъ—Афіунъ-Карашсеара—нашимъ глазамъ представляется великолѣпная картина. Весь городъ окруженъ полями мака, изъ котораго здѣсь добывается опіумъ. Теперь весна, и

цвѣточныя поля то тускло-лиловыя, то зеленовато-синія, то пламенно-красныя, то нѣжно-бѣлыя переливаются такими волшебными прелестными красками, что, кажется, видишь передъ собою огромный коверъ, вытканный рукою фен. Передъ такимъ зрѣлищемъ становится понятно, откуда восточные художники почерпаютъ тѣ живые переливы красокъ, которые поражаютъ насъ въ ихъ произведеніяхъ.

Сотни рабочихъ заняты добываніемъ изъ маковыхъ головокъ коричневатаго сока, служащаго для приготовленія опіума. Когда маковыя головки созрѣютъ наполовину, длинные ряды женщинъ и дѣтей проходятъ по полямъ. Такъ какъ при сборѣ маковыхъ головокъ силы не требуется, а нужно только терпѣніе, то мужчины рѣдко занимаются этой работой. Собранныя головки осторожно надрѣзаютъ ножичкомъ, вытекающій изъ разрѣзовъ сокъ черезъ нѣсколько часовъ застываетъ. Тогда похожая на смолу капля осторожно снимается деревянною палочкой. На рынокъ опіумъ приносятъ въ видѣ мелкихъ шариковъ, завернутыхъ въ виноградные листья. Каждая головка даетъ одну крохотную каплю, за которой нужно нагнуться два раза. Сколько же требуется терпѣнія, чтобы собрать килограммъ опіума, стоящій на мѣстномъ рынкѣ отъ 4 до 5 рублей!

Наши глаза долго не могутъ оторваться отъ красочнаго великолѣпія маковыхъ полей. Но какъ однообразны дѣлаются эти самыя поля, когда пестрые маковые цвѣты завянутъ и лѣтнее солнце сожжетъ ихъ стебли.

Наконецъ, на равнинѣ передъ нами выступаетъ плоская группа домовъ Коніи—конечнаго пункта нашей поѣздки.

Этотъ городъ въ настоящее время является центромъ торговли, мелкой промышленности и правовѣрнаго мусульманства. Здѣсь развито тканье ковровъ и художественныя работы изъ кожи. Промышленная жизнь города отражается на его многочисленныхъ базарныхъ улицахъ и на общей физіономіи населенія.

Уличная жизнь Коніи гораздо живѣе, чѣмъ въ сѣверо-восточныхъ городахъ Малой Азіи, не только по движенію, но и по краскамъ. Чернѣютъ только рясы и клобуки греческихъ священниковъ, которые встрѣчаются здѣсь часто, такъ какъ среди населенія Коніи довольно много грековъ. На первый же планъ въ одеждѣ выступаютъ свѣтлые и яркіе цвѣта. Фереджэ (плащъ турчанокъ), черный или сѣрый въ Константинополѣ и приморскихъ городахъ, здѣсь пестрѣетъ цвѣтами по красному или желтому полю. Длинный кафтанъ мужчинъ блеститъ бѣлыми и розовыми или бѣлыми и шафранно-желтыми полосами; платокъ, обвивающій феску, сверкаетъ золотою бахромой. За широкими кожаными поясами зажиточныхъ земледѣльцевъ, часто наѣзжающихъ въ городъ по дѣламъ или для развлеченія, поблескиваютъ богато изукрашенныя руко-

ятки пистолетовъ и кинжаловъ. Съ лѣвой стороны на поясѣ, по здѣшнему обычаю, виситъ пестрый, красиво вышитый платокъ. Тутъ же рядомъ яркія лохмотья кочующихъ въ Малой Азіи цыганъ и желтоватые, свалянные изъ козьей шерсти, плащи юрюкійскихъ пастуховъ.

Своеобразный оттѣнокъ общей картинѣ придаютъ широкіе темно-зеленые плащи и коричневыя, похожія на горшокъ, шапки дервишей изъ ордена Мевлеви.

Этотъ орденъ — самое сильное и извѣстное изъ всѣхъ духовныхъ братствъ, которыхъ въ Турціи имѣется значительное количество. Своею извѣстностью среди магометанъ Конія обязана славѣ этихъ дервишей. Члены братства называются „вертящимися“, такъ какъ ихъ служеніе

Улица въ Коніи.

Аллаху выражается въ особомъ танцѣ, при которомъ разрѣшается присутствовать и „невѣрнымъ“.

Мѣстомъ пребыванія дервишей въ Коніи служитъ „текке“ — хорошенькій монастырь; кругомъ его двора, усаженнаго цвѣтами, ютятся низенькія, обрамленныя зеленью, кельи.

Дервишъ вводитъ насъ въ четырехугольный залъ, заканчивающійся вверху полукуполомъ; скромныя сѣрыя стѣны лишены всякихъ украшеній. Глубокое молчаніе царитъ среди людей, собравшихся сюда для молитвенныхъ дѣйствій. Дервиши входятъ вмѣстѣ, скрещиваютъ руки на груди и подходятъ къ главѣ ордена, который ихъ благословляетъ. Флейта начинаетъ наигрывать однообразную, жалобную мелодію. Головы дервишей склоняются на правое плечо, руки вытягиваются перпендику-

лярно туловищу, и начинается медленное-медленное круговращательное движеніе по залу. Мало-по-малу дервиши кружатся все быстрѣе, все шире кругъ, описываемый ихъ развѣвающеюся длинною одеждой, все отрывочнѣе и невнятнѣе возгласы: „Единъ богъ—Аллахъ... когда же глаза наши увидятъ желаемаго?“ Звуки флейты все пронзительнѣе. Нѣкоторые шатаются, но съ безумными подергиваніями вновь пускаются въ танецъ, пока не упадутъ въ изнеможеніи, повторяя со стономъ: „Единъ богъ—Аллахъ“...

Такая дикая церемонія производитъ страшное впечатлѣніе, и все-таки въ основѣ этого верченія лежитъ глубокая возвышенная черта преданности идеѣ и вѣры въ Божіе откровеніе. Посторонній зритель глядитъ на эту пляску не только съ чувствомъ снисходительнаго состраданія, какъ на своеобразное чудачество,—его захватываетъ искренность этой, хотя бы и слѣпо выраженной, вѣры.

Въ жилахъ турецкаго населенія Малой Азіи сохранилось еще много крови туркменовъ, пришедшихъ сюда въ XIII вѣкѣ, но внѣшній обликъ ихъ измѣнился вслѣдствіе смѣшенія съ коренными обитателями страны—каппадокійцами, фригійцами, лидійцами. Стройныя фигуры мужчинъ и большіе глаза женщинъ напоминаютъ скорѣе аріицевъ, грековъ и черкесовъ, чѣмъ монголовъ. Но духовныя особенности этой расы не исчезли, не исчезли выносливость, спокойное мужество и неприхотливость пастушескаго народа. Для характеристики османскаго народа слѣдуетъ приводить въ примѣръ не безсовѣстныхъ чиновниковъ, живущихъ по пословицѣ: „казна — неистощимое море, кто не хлебаетъ изъ него—свинья“, и не тщеславныхъ, жаждущихъ наслажденій константинопольскихъ эфенди, а турецкаго земледѣльца, въ особенности жителя Анатоліи. Старинная азіатская пословица говоритъ: „арабъ — благороденъ, персъ — нѣженъ, турокъ — неуклюжъ“; но подъ этою неуклюжестью скрывается много честности и прямодушія. Упрекъ въ лѣности и нерадивости, который обыкновенно дѣлаютъ турку, несомнѣнно несправедливъ. Онъ добросовѣстно и неутомимо обрабатываетъ свое поле, но, конечно, и столь же неумѣло, какъ его предки. Кто видалъ маленькіе обработанные клочки на головоломныхъ крутизнахъ надъ Кара-су,—клочки, которые съ неимовѣрнымъ трудомъ покрываются землей, а если ливень нанесетъ съ горъ камни, терпѣливо исправляются вновь, тотъ почувствуетъ истинное уваженіе къ настойчивости и твердости анатолійскаго земледѣльца.

Конечно, вслѣдствіе созерцательности восточной натуры и стремленія къ мирнымъ наслажденіямъ, турку недостаетъ той безпокойной суетливости и пронырливости въ погонѣ за наживой, которыя такъ отличаютъ армянина. Армянинъ, какъ и грекъ, никогда не выступаетъ въ роли земледѣльца; онъ является исключительно посредникомъ въ торговлѣ,

глубины бокового ущелья поднимаются могучія древесныя вершины. Это буки, великолѣпные, густо-вѣтвистые красные буки; отдѣльныя группы ихъ подходятъ къ дорогѣ, и наконецъ насъ охватываетъ густой, высокій буковый лѣсъ, къ свѣтлой зелени котораго постепенно примѣшивается темная хвоя сосенъ. Настоящая картина высокой горной страны.

Еще дальше эти живописные пейзажи уступаютъ мѣсто суровымъ и унылымъ картинамъ армянскаго нагорья, гдѣ разбросаны рѣдкія армянскія деревушки. Тѣмъ не менѣе даже среди этой пустынной страны иногда попадаются развалины, свидѣтельствующія о томъ, что и здѣсь прежде цивилизація стояла на большой высотѣ.

Однажды, на третій день по выѣздѣ изъ Трапезунда, я свернулъ въ сторону съ дороги для осмотра такихъ развалинъ.

Кругомъ царила тишина. Голыя непривѣтливыя скалы приморскихъ горъ виднѣлись на сѣверѣ. Ледяной восточный вѣтеръ дулъ съ высотъ Лазистана, нагромождая надъ ними груды мрачныхъ облаковъ, составлявшихъ какъ бы вторую гигантскую горную цѣпь. Дыханіемъ пустыни, чѣмъ-то замкнутымъ, сжимающимъ сердце вѣяло отъ окружающаго пейзажа. Здѣсь армянское плоскогорье впервые представилось мнѣ въ своемъ настоящемъ видѣ.

Медленно, съ почтительнымъ привѣтствіемъ приблизились къ намъ два человѣка; одного изъ нихъ мы признали за армянскаго священника по его рясѣ, когда-то чернаго цвѣта, и цилиндрической шапкѣ. „Привѣтствуемъ тебя, господинъ; добро пожаловать на нашу землю. Не желаешь ли отдохнуть въ деревнѣ подъ моимъ кровомъ?“

Здѣсь поблизости жилье, цѣлая деревня? Я оглядѣлся вокругъ. Ни слѣда человѣческаго жилья. Священникъ показалъ на то мѣсто, гдѣ линія холмовъ понижалась. Тамъ виднѣлись отдѣльныя кучи земли около метра высотою, похожія на кротовыя норы. Кругомъ желто-коричневая глина, на ней свѣтлыя пятна травы. Представлялось загадкой, куда могла спрятаться деревня. Подойдя ближе, мы увидали тонкія струйки дыма надъ оригинальными земляными конусами; слѣдовательно, это были дымовыя трубы скрытыхъ зданій. Теперь мы подошли къ тому мѣсту, гдѣ небольшая возвышенность спускалась въ долину. Армянская деревня тянулась по склону, дома были построены въ самой землѣ. Мы стояли какъ разъ на плоской крышѣ верхняго дома. Строенія громоздились одно на другое, такъ что плоская крыша нижняго зданія служила терасой для выше стоящаго; дома прилегали другъ къ другу такъ близко, что рѣдко можно было видѣть кусокъ стѣны; оконъ не было, и нигдѣ не было замѣтно ни малѣйшаго уклоненія отъ квадратной формы. Ни сада, ни кустика, ни слѣда зелени не было видно между коричневыми ящиками домовъ. Эти напоминавшіе пещеры дома выглядывали звѣриными норами. Что, кромѣ страха, нужды, стремленія найти другъ у

друга помощь въ случаѣ нападенія, защититься отъ холода, поискать тепла въ глубинѣ земли, могло создать такое жилье? Восточная окраина Малой Азіи всегда была страной, гдѣ грубое право сильнаго предписывало законъ. Одинъ за другимъ проносились надъ нею набѣги народовъ. Мидяне, арабы, персы, монголы, сельджуки, турки—иногда нѣсколько народовъ вмѣстѣ, хозяйничали здѣсь, распоряжаясь покоренными армянами, какъ дойной коровой, а жизнью и имуществомъ отдѣльныхъ лицъ, какъ своимъ собственнымъ. Но армяне выдержали это, сохранили свою народность до настоящаго времени, благодаря своей религіозной солидарности и своему пассивному мужеству. Въ открытой борьбѣ они были бы уничтожены вслѣдствіе безпрестанныхъ нападеній; но они уступали каждому новому пришельцу, прятались отъ его произвола въ самыя непроходимыя дебри, цѣпляясь съ необычайной силой за суровую почву родимой страны.

Мы спустились внизъ, то ступая по камнямъ, то перепрыгивая съ одной крыши на другую. Изъ-за стѣнъ тамъ и сямъ выглядывали любопытныя лица и сейчасъ же исчезали. Пара дѣвушекъ бросила свои полные глиняные кувшины у колодца и убѣжала такъ быстро, что ихъ ярко-красные передники и масса мелкихъ косичекъ, переплетенныхъ бусами, развѣвались по вѣтру. Мужчины робко сторонились. Священникъ указалъ на сопровождавшаго насъ заптія, какъ на причину ихъ страха. Очевидно, во мнѣ подозрѣвали сыщика, сборщика податей или что-нибудь подобное. Я далъ знакъ заптію вернуться на дорогу, гдѣ оставались его товарищъ и проводникъ съ лошадьми.

Мы вошли въ узкую, неровную улицу и направились межъ низкихъ стѣнъ изъ нетесанаго камня, обмазанныхъ глиной.

— Здѣсь наша церковь, а тамъ—школа, господинъ.

Мозолистая рука священника открываетъ тяжелую обитую желѣзомъ дверь въ стѣнѣ, лишенной всякаго архитектурнаго украшенія. Пара ступенекъ, и насъ охватываетъ полная темнота. Понемногу мои глаза привыкаютъ къ темнотѣ, и я различаю въ крышѣ нѣсколько прорѣзовъ въ ладонь шириною, сквозь которые пробиваются блѣдные солнечные лучи. Миновавъ темный проходъ, подпертый толстыми бревнами, мы взбираемся ступеней на двѣнадцать вверхъ и входимъ въ узкую скрытую дверь. Передо мною открывается высѣченная въ скалѣ церковь, похожая на склепъ. Сырой, холодный воздухъ вѣетъ навстрѣчу. Таинственный полусвѣтъ, проникающій сквозь узкія рѣшетчатыя отверстія, струится внутри, дробится на сводахъ, скользитъ по сѣрымъ плитамъ, задерживается на деревянныхъ пилястрахъ низенькихъ хоръ, озаряетъ образа алтаря, писанные масляными красками, неуклюжіе мѣдные подсвѣчники и высокое серебряное Распятіе, единственный цѣнный предметъ въ этомъ священномъ мѣстѣ.

Чѣмъ долѣе гляжу я вокругъ, тѣмъ болѣе и болѣе уходятъ куда-то бѣдность и скудость церковнаго убранства. Эти стѣны вѣютъ мнѣ въ душу какимъ-то ужасомъ. Священникъ смиренно преклоняетъ колѣна передъ алтаремъ, и мнѣ кажется—подъ сводами храма слышатся вздохи всѣхъ, кто страдалъ здѣсь, чьимъ единственнымъ оружіемъ въ борьбѣ была молитва.

На другой сторонѣ сумрачнаго коридора, чрезъ который мы снова прошли назадъ, находится второе помѣщеніе—классъ для школьниковъ. Деревенскій учитель, робкій, блѣдный человѣчекъ въ большой фескѣ, привѣтствовалъ меня чуть не земнымъ „селямомъ“. Около шестидесяти мальчиковъ отъ пяти до четырнадцати лѣтъ сидѣли на длинныхъ деревянныхъ скамьяхъ и выжидательно смотрѣли на чужестраннаго посѣтителя. Учитель провелъ меня по проходу между скамьями къ стулу, напоминавшему тронъ, и заставилъ сѣсть на него. Четыре-пять высоко прорубленныхъ оконъ пропускали скудный свѣтъ. Направо и налѣво стояло по четыре ряда сдвинутыхъ скамеекъ, такъ что лица мальчиковъ были обращены къ величественному учительскому стулу, стоявшему на возвышеніи. Старшіе ученики сидѣли на стульяхъ около стѣны, держа при писаніи, по восточному обычаю, свой листъ бумаги лѣвой рукой на колѣняхъ.

Я сѣлъ съ подобающимъ достоинствомъ на учительскій тронъ. Разсматривая эту оригинальную подземную классную комнату, я увидѣлъ прелестную картинку. Изъ-за баллюстрады, проходившей по стѣнѣ надъ входною дверью, сверкаютъ всѣ цвѣта радуги: красныя ленты, желтые и синіе головные платки, курточки изъ пестрыхъ лоскутьевъ. Это дѣвочки, которыя присутствуютъ при обученіи, сидя тѣсной кучкой тамъ наверху, по большей части на корточкахъ. Онѣ глядятъ на меня сверху большими любопытными глазами, подталкиваютъ другъ друга локтями и тихо пересмѣиваются между собой. Среди нихъ виднѣется не одно нѣжное, меланхолически-очаровательное личико.

Учитель обратился ко мнѣ съ просьбой пропзвести экзаменъ. Я объяснилъ, что не знаю и сотни армянскихъ словъ. Но онъ, желая оказать мнѣ почтеніе, настоялъ на своемъ.

И вотъ началось дикое спряженіе и склоненіе. Въ нѣкоторыхъ безнадежныхъ крестьянскихъ головахъ, повидимому, царила отчаянная путаница. Большинство выпаливало безъ передышки пѣлый вихрь губныхъ и гортанныхъ звуковъ. Я не знаю другого языка, гдѣ было бы столько звуковъ, какъ въ армянскомъ. Этимъ можно объяснить тотъ фактъ, что армяне поразительно скоро изучаютъ чужіе языки. Ученики напряженно слѣдили за словами учителя, и можно было свободно наблюдать за ихъ лицами. Молодежь армянской деревни не представляла собою какого-нибудь одного типа. Многіе имѣли горбатый носъ и яркія губы, семи-

товъ, у другихъ выступали широкія скулы и черные жесткіе волосы монголовъ, третьи отличались чертами арійскаго племени: открытый лобъ, голубые глаза и волнистые бѣлокурые волосы.

Слухъ о моемъ прибытіи между тѣмъ распространился по деревнѣ съ быстротою молніи. Мой слуга объявилъ, что я докторъ, и жители со всѣхъ сторонъ устремились поглядѣть на европейскаго „хакима“ (врача), таща за собою слѣпыхъ, хромыхъ, эпилептиковъ, чахоточныхъ,— однимъ словомъ, всѣхъ больныхъ, которыхъ могли сдвинуть съ мѣста. Достойное жалости зрѣлище представляло собою это собраніе всѣхъ чахнувшихъ въ этихъ земляныхъ пещерахъ. Всѣ безвредныя и болеутоляющія средства моей походной аптечки истощились съ чрезвычайной быстротой.

Невѣроятно, съ какимъ довѣріемъ идетъ навстрѣчу европейцу житель Востока, какихъ чудесъ онъ ждетъ и требуетъ отъ его мудрости. Мои совѣты далеко не всегда встрѣчали одобреніе. Ко мнѣ привели мальчика съ явными признаками чахотки. „Выводите его на воздухъ, давайте молока, мяса, яицъ, сколько захочетъ“.—„Такія все простыя вещи? У тебя нѣтъ никакой мази, никакого порошка, чтобы поскорѣе помочь ему?“ И они отвели его въ сторону, разочарованные, почти негодующіе. Потомъ начались безконечныя просьбы зайти въ тотъ или другой домъ посмотрѣть лежащихъ тамъ больныхъ. Я увѣрялъ священника, что врачебное искусство мнѣ незнакомо.

— И все-таки ты лучше насъ знаешь, что имъ нужно, — былъ его постоянный отвѣтъ. Я рѣшился посѣтить больныхъ, пользуясь случаемъ, дававшимъ мнѣ возможность проникнуть во внутренность армянскаго жилища.

Одинъ молодой крестьянинъ особенно настойчиво выражалъ желаніе, чтобы я посѣтилъ его домъ. Предъ жилою частью дома здѣсь также находилось мрачное предверіе. Мой провожатый откидываетъ коверъ у стѣны; согнувшись, я пролѣзаю въ низкое отверстіе и передъ моими глазами открывается то помѣщеніе, въ которомъ живетъ цѣлая семья. Изъ круглаго, похожаго на дымовую дыру отверстія на середину комнаты падаетъ широкій снопъ свѣта; въ полумракѣ выдѣляется группа женщинъ, которыя хлопочутъ около очага, тлѣющаго въ углубленіи земляного пола. Двѣ стройныя юныя фигуры быстро скрываются въ закоулокъ, отдѣленный отъ остальной комнаты досчатой перегородкой въ человѣческій ростъ высотою. Запахъ теплаго навоза, фырканье и шорохъ животныхъ наглядно свидѣтельствуютъ, что прилегающій къ жилью хлѣвъ составляетъ главную заботу семьи. Вѣдь это скотъ „не даетъ пересыхать его устамъ“, какъ выражается про себя армянинъ, и грѣетъ его жилище.

Въ земляной полъ вколочены два толстыхъ необдѣланныхъ бревна,

поддерживающихъ поперечныя балки. Они несутъ на себѣ всю тяжесть крыши, сдѣланной изъ тростника и земли. У стѣнъ стоитъ длинный рядъ глиняныхъ горшковъ и кувшиновъ. На балкахъ висятъ мѣдныя кастрюли и рѣшета. Вотъ и вся хозяйственная утварь.

Пожилая женщина, мать моего провожатаго, лобъ и часть подбородка которой закрыты темнымъ, зашпиленнымъ на затылкѣ, платкомъ, узнавъ о цѣли моего посѣщенія, ведетъ меня къ небольшому возвышенію — общей постели всѣхъ членовъ семьи, гдѣ лежитъ больная, закутанная одѣялами. Въ то время какъ она обнажаетъ ногу, которая вздулась вслѣдствіе ушиба и представляетъ безформенную массу, старуха заботливо надвигаетъ ей на лицо головной платокъ, чтобы я не могъ ее видѣть.

Мало-по-малу въ домъ набираются сосѣди, прося кто лѣкарства, кто совѣта, кто приглашая къ себѣ въ домъ. Къ счастью, священникъ выручилъ меня, пригласивъ закусить къ себѣ въ домъ. Тамъ на кругломъ деревянномъ возвышеніи, около фута высотою, была уже приготовлена ѣда. Кругомъ возвышенія лежали цыновки. Дочь священника, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, но уже вполнѣ развитая физически, съ открытымъ лицомъ — по армянскому обычаю только невѣсты и молодыя женщины до рожденія перваго ребенка закрываютъ лицо длиннымъ покрываломъ въ присутствіи мужчины, не принадлежащаго къ семьѣ — помѣстилась около насъ, чтобы прислуживать отцу и гостю. На большой сковородѣ въ жирномъ желтомъ соусѣ плавало около полдюжины яицъ; рядомъ лежали тонкія лепешки величиною съ тарелку. Вилки и ножи, очевидно, считались въ этомъ домѣ излишнею роскошью. Нашъ хозяинъ самъ обрабатывалъ свое маленькое поле; въ тоже время онъ, какъ наиболѣе почтенное лицо, былъ избранъ въ священники и, послѣ короткой подготовки, посвященъ епископомъ.

Я нѣкоторое время ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ подносить ко рту яйца съ помощью лепешекъ; но, подражая хозяину, выпутался изъ этого затрудненія лучше, чѣмъ ожидалъ. Хозяинъ, отломивъ кусокъ лепешки, подводилъ его подъ яйцо и отправлялъ кусокъ въ ротъ; затѣмъ залитыя жиромъ руки вытиралъ объ лепешку вмѣсто салфетки. Точно также при второмъ кушаньѣ — ломтикахъ баранины, завернутыхъ въ капусту, — лепешками подцѣпляли кусочки мяса.

До сихъ поръ священникъ ни словомъ не коснулся политики. Я спросилъ наконецъ, пострадала ли деревня во время армянской рѣзни. Священникъ нѣсколько разъ пожалъ плечами, и лицо его приняло страдальческое выраженіе.

— Если хочешь знать, господинъ, — сказалъ онъ, — шайка лазовъ пришла по горамъ съ сѣвера и пробыла три дня у насъ. Я не буду надоѣдать тебѣ описаніемъ того, что случилось. Мы, армяне, страдаемъ

уже тысячу лѣтъ, и Господь хочетъ, можетъ быть, чтобы мы страдали всегда. Одно только теперь заботитъ и огорчаетъ меня. Нѣсколько нашихъ мужчинъ убѣжали на Кавказъ. Родные не смѣютъ слѣдовать за ними, а имъ самимъ запрещено возвращаться. Многія семьи голодаютъ, такъ какъ остались безъ кормильцевъ. Я долженъ отправиться въ Эрзерумъ и просить русскаго генерала—онъ подразумѣвалъ русскаго консула въ Эрзерумѣ, — чтобы онъ переправилъ дѣтей и женъ бѣглецовъ за границу къ мужьямъ и отцамъ...

Долго во время дальнѣйшаго пути стояли предо мною картины этого дня: коричневые дома, вросшіе въ такую же коричневую землю, полумракъ внутри ихъ, убожество и захудалость деревни, съ рѣзкими чертами лицо и мозолистыя руки священника и библейскія лица дѣвушекъ. Тѣ лукавые торговцы и раздувшіеся отъ чванства щеголи, которыхъ я встрѣчалъ въ Константинополѣ и приморскихъ городахъ, не внушаютъ симпатіи. Но когда передо мною встаютъ картины изъ жизни глухой крестьянской деревни на армянскомъ плоскогорьѣ, я не могу не пожалѣть этихъ неприхотливыхъ, трудолюбивыхъ людей, которые въ вѣчномъ страхѣ обрабатываютъ тощія поля своей родины и цѣлые вѣка стонутъ подъ гнетомъ насилія, нищеты и неволи.

Поѣздка въ Багдадъ.

(Перри-Фогга).

Двѣ великія рѣки, Тигръ и Евфратъ, вытекаютъ неподалеку одна отъ другой изъ горъ на сѣверѣ Малой Азіи, расходятся затѣмъ на далекое разстояніе и, пройдя болѣе тысячи англійскихъ миль къ югу, соединяются во ста миляхъ отъ Персидскаго залива въ одну большую рѣку, которую туземцы называютъ „Шатъ-эль-Арабомъ“, т.-е. рѣкой арабовъ. Обширныя, плодородныя равнины наноснаго образованія, лежащія между этими двумя рѣками, были извѣстны въ старину грекамъ подъ названіемъ Месопотаміи, или „междурѣчья“. Это междурѣчье было въ древности отлично воздѣлано и доставляло средства къ существованію огромному населенію.

Несмотря на то, что съ парохода, на которомъ мы плыли, не было видно земли, лоцмана арабы заявили, что мы находимся уже между рѣчными отмелями. Это казалось сперва невѣроятнымъ, но вскорѣ пришлось убѣдиться въ справедливости утвержденія лоцмановъ, такъ какъ пароходъ совершенно неожиданно ударился о невидимую отмель. Мы сидѣли на мели цѣлыхъ пять часовъ, пока наконецъ не сдвинуло насъ съ мѣста морскимъ приливомъ. Медленно и осторожно поплыли мы

вверхъ по теченію и вскорѣ увидѣли низменный берегъ, окаймленный пальмовыми деревьями. Рѣка при устьѣ имѣетъ болѣе мили въ ширину, теченіе ея быстрое и вода чрезвычайно мутная. На западномъ берегу рѣки, въ шестидесяти миляхъ отъ ея устья, расположенъ городъ Бассора. На всемъ этомъ протяженіи глубина рѣки весьма значительна, такъ что по рѣкѣ могутъ проходить самыя большія суда. Евфратъ, отъ своего устья до Бассоры, служитъ границей между Персіей и Аравіей. Рощи финиковыхъ пальмъ окаймляютъ оба берега рѣки до самой Бассоры. За этимъ бордюромъ пальмовыхъ деревьевъ тянутся необозримые роскошные луга, на которыхъ пасутся табуны лошадей и буйволовъ. Въ сорока миляхъ выше Бассоры, при сліяніи Тигра съ Евфратомъ, стоитъ Кернахъ. Намъ приходилось держаться правой стороны и подниматься вверхъ по Тигру, на берегу котораго расположенъ Багдадъ. Пароходъ нашъ держался ближе къ берегу, гдѣ теченіе было не такъ сильно, какъ по срединѣ рѣки. Рѣка очень извилиста, и часто въ крутыхъ изгибахъ мы подходили такъ близко къ берегу, что можно было бы, кажется, соскочить съ палубы на отмель. Вода стояла очень высоко: во многихъ мѣстахъ она заливала низкіе берега и образовала широкія лагуны, надъ которыми взлетали цѣлыя стаи утокъ, цапель и другой болотной дичи, испуганной нашимъ появленіемъ. Земледѣльцы, чтобы защитить отъ воды посѣвы пшеницы и ячменя, укрѣпляютъ плотины, которыми ограждены поля, глиной, смѣшанной съ жесткою травой и съ тростникомъ. Тутъ ужъ не видать бордюра финиковыхъ пальмъ, придающихъ столько прелести берегамъ Евфрата на протяженіи отъ залива до Кернаха. Вдоль рѣки тянутся плодородныя намывныя равнины, которыя, когда онѣ не воздѣланы, покрыты высокой жесткой травой. На этихъ равнинахъ пасутся огромныя стада рогатаго скота, овецъ съ грубою шерстью и буйволовъ; буйволы обыкновенно валяются въ грязи или стоятъ въ водѣ, погрузившись въ нее такъ, что наружу высовывается одна лишь голова. Деревни состоятъ изъ мазанокъ, все населеніе которыхъ — мужчины, женщины, дѣти и собаки высыпаютъ на берегъ смотрѣть на проходящій пароходъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега виднѣются черные шатры бедуиновъ съ пасущимися вокругъ нихъ лошадьми. Таковы были самыя характеристическія сцены, видѣнныя нами въ продолженіе первыхъ двухъ дней путешествія.

Въ одномъ мѣстѣ мы пристали къ берегу и посѣтили лагерь бедуинскаго шейха. Большіе и малые шатры, обтянутые войлокомъ изъ черной козьей шерсти, были раскинуты безъ всякаго опредѣленнаго порядка. Осторожно пробираясь, чтобы не споткнуться о шесты палатокъ, мы вошли въ жилище начальника, который встрѣтилъ насъ у входа, пригласилъ сѣсть на коверъ и угостилъ чернымъ кофе, козьимъ молокомъ, сыромъ и другими арабскими лакомствами, за которыми послѣдовала

неизбѣжная трубка. Палатки внутри оказались гораздо удобнѣе, чѣмъ это можно было предположить, судя по наружному ихъ виду, и были убраны лучше, нежели я ожидалъ. Верхняя часть шатра была подбита полосатой матеріей, а полъ устланъ коврами и цыновками; куржумы (сѣдельныя сумы), мѣдная утварь и оружіе были развѣшаны на стѣнахъ или лежали на полу близъ входа. Посѣщеніе наше продолжалось недолго, а разговоръ не могъ быть очень оживленъ, такъ какъ производился исключительно лишь знаками. Шейхъ вообще былъ очень вѣжливъ и любезенъ и постоянно кланялся, на что мы отвѣчали тѣмъ же.

Затѣмъ въ продолженіо трехъ дней мы плыли мимо необработанныхъ и почти ненаселенныхъ равнинъ. Иногда только появлялись большіе холмы, обозначавшіе мѣсто, гдѣ когда-то находились многолюдные города, теперь же бродили тамъ шакалы и дикіе звѣри пустыни. Цѣлая сѣть каналовъ, засыпанныхъ въ настоящее время пескомъ, дѣлала въ былыя времена эту страну чрезвычайно плодородной.

Дичи тутъ пропасть, такъ что стрѣльба съ палубы нашего парохода почти не прекращалась. Кромѣ взлетавшей во множествѣ водяной птицы, какъ-то: пеликановъ, журавлей, цапель, утокъ, были также дикіе кабаны, шакалы и антилопы. Зимой за дикимъ кабаномъ охотятся здѣсь верхомъ съ копьями, и это въ высшей степени возбуждающая и вмѣстѣ съ тѣмъ опасная забава.

Наконецъ, на шестой день послѣ отплытія изъ Бассоры, какъ разъ во время солнечнаго восхода, когда воздухъ былъ еще полонъ аромата померанцевыхъ цвѣтовъ, мы вошли въ длинное колѣно Тигра, по обоимъ берегамъ котораго построенъ Багдадъ, и передъ нами открылся „городъ калифовъ“ съ его сводчатыми куполами и высокими минаретами. На разстояніи нѣсколькихъ миль мы плыли мимо рощъ финиковыхъ пальмъ и померанцевыхъ деревьевъ, цвѣты которыхъ распространяли до удушливости сильный ароматъ. Тигръ имѣетъ тутъ около полумили ширины и представляетъ широкую, полноводную рѣку, омывающую по обѣимъ сторонамъ зданія и сады. Городъ до половины прячется въ пальмахъ, возвышающихся по всѣмъ направленіямъ надъ зданіями; но еще выше пальмъ возносятся куполы и минареты, украшенные арабесками изъ блестящихъ цвѣтныхъ черепицъ. Дома, расположенные по рѣкѣ, не отличаются ни высотой, ни затѣйливой архитектурой. Это, очевидно, нѣчто въ родѣ дачныхъ домиковъ, безъ всякихъ претензій на дѣловой характеръ. Многочисленныя рѣшетчатыя ставни и галлереи, выходящія на рѣку, придаютъ домамъ пріятный и живописный видъ. Передъ фасадами многихъ домовъ находятся садики съ благоухающими весенними цвѣтами и рѣшетчатыми бесѣдками изъ дерева или парусины, сидѣнья и диваны которыхъ такъ и манятъ, кажется, на покой.

Пройдя еще немного вверхъ по теченію, мы бросаемъ якорь близъ

таможни, гдѣ оба берега соединяются между собой пловучимъ мостомъ, устроеннымъ на судахъ. Насъ тотчасъ же окружаютъ лодки крайне оригинальнаго устройства, такъ называемыя гуфы, употребляющіяся тутъ съ самыхъ древнихъ временъ. Багдадская гуфа сплетена изъ мелкихъ древесныхъ вѣтвей и покрыта снаружи толстымъ слоемъ черной горной смолы, украшеннымъ иногда раковинами. Гуфы совершенно круглы, нѣсколько суживаются кверху и имѣютъ отъ 8 до 10 футовъ въ діаметрѣ. Для неопытнаго глаза гуфа кажется въ высшей степени неудобною лодкой; однако двое людей съ короткими веслами очень скоро переправляются въ ней черезъ быструю рѣку; кромѣ того, она представляетъ еще и то удобство, что, благодаря своей легкости, выноситъ относительно большія тяжести: такъ, въ ней можно перевозить столько людей, сколько ихъ вмѣстится стоя, до двадцати овецъ и иногда даже лошадей. Недалеко отъ насъ у берега стоялъ другой перевозочный снарядъ, исключительно употребляющійся на берегахъ Месопотаміи. Это плотъ изъ кожъ, такъ называемый „каллекъ“, который спустился сюда по Тигру изъ Моссула, расположеннаго на 500 миль выше. Лѣсъ и куски кожи, изъ которыхъ онъ построенъ, какъ и произведенія, составляющія его грузъ, привезены въ Багдадъ на продажу.

Виды на Багдадъ съ рѣки такъ своеобразны, что они невольно поражаютъ даже путешественника, видѣвшаго Каиръ, Дамаскъ и Константинополь; прелесть новизны продолжается тутъ долѣе, нежели въ другихъ городахъ Востока. Дома въ Багдадѣ по большей части двухъэтажные, съ рядами комнатъ, выходящими окнами въ скверъ или во внутренній дворъ. Въ комнатахъ подвальнаго этажа, называемыхъ „сердаубъ“, скрываются днемъ отъ нестерпимаго жара; на плоскихъ же кровляхъ ужинаютъ и проводятъ ночь. Ночной воздухъ тутъ всегда сухъ, а къ утру поднимается свѣжій вѣтерокъ, который утихаетъ вскорѣ послѣ солнечнаго восхода. На ночь туземцы не раздѣваются, а снимаютъ только верхнее парядное платье. Мужъ, проснувшись, молится, а потомъ садится на коверъ, гдѣ жена собственноручно подаетъ ему чубукъ и кофе; исполнивъ это, она удаляется на почтительное разстояніе и ждетъ, скрестивъ руки, иногда даже, принимая чашку или чубукъ, цѣлуетъ руку мужа — знакъ уваженія, очень распространенный на Востокѣ. Между тѣмъ какъ мужъ нѣжится на коврѣ или подушкахъ, наслаждаясь утренней трубкой, женщины обыкновенно молятся, соблюдая тѣ же обряды и поклоны, какъ и мужчины, дѣти же, моложе двѣнадцати лѣтъ, никогда не участвуютъ въ ихъ молитвахъ.

Улицы кривы и узки, но зато въ нихъ прохладно и тѣнисто. Стѣны домовъ имѣютъ очень прочный видъ. Строительнымъ матеріаломъ служитъ крѣпко обожженный кирпичъ свѣтло-коричневаго цвѣта. Округлившіеся углы кирпича показываютъ, что онъ уже много разъ былъ въ

употребленіи, что изъ развалинъ одного зданія его брали на постройку другого. Новые кирпичи, которые встрѣчаются, впрочемъ, очень рѣдко, можно тотчасъ же отличить. Узкія немощеныя улицы въ сырую погоду грязны и непріятны. Оконъ или другихъ отверстій, за исключеніемъ тяжелыхъ, окованныхъ желѣзомъ, дверей перваго этажа, мало, но зато много выдающихся оконъ, фонарниковъ, которые какъ бы висятъ надъ улицей и черезъ полузатворенныя рѣшетки которыхъ удается иногда замѣтить пару блестящихъ глазъ. Нѣкоторые изъ этихъ навѣсовъ пересѣкаютъ всю улицу и соединяютъ два противоложныхъ дома.

Если бросить взглядъ въ открытыя двери, то вы увидите квадратный дворъ, осѣненный померанцевыми и лимонными деревьями; часто надъ стѣной возвышается финиковая пальма, листья которой свѣшиваются на улицу. Эти пальмы, одиноко выросшія въ самыхъ населенныхъ частяхъ города, должны обладать особенною живучестью, чтобы процвѣтать въ подобныхъ мѣстностяхъ. Онѣ не даютъ много тѣни, но ихъ граціозныя формы и перистые листья пріятны для глаза.

Уличныя сцены, базары, рынки и кофейни въ Багдадѣ своеобразнѣе и любопытнѣе, нежели во всѣхъ другихъ видѣнныхъ мною городахъ Востока. Повсюду, на улицахъ и на базарахъ, встрѣчаются цѣлыя вереницы ословъ, нагруженныхъ мѣхами съ водой; для перевозки воды приходится употреблять многія сотни животныхъ, такъ какъ другого способа снабжать городъ водой съ рѣки не существуетъ. Цѣлыя улицы предназначены для торговли съѣстными припасами и фруктами. Огромныя количества риса, ячменя и пшеницы сложены въ одной изъ частей города, называемой „хлѣбнымъ рынкомъ“. Повсюду продается множество апельсиновъ, дынь, огурцовъ и другихъ плодовъ. Но ни одни изъ нихъ не играютъ такой важной роли въ народномъ продовольствіи и въ торговлѣ, какъ плоды финиковой пальмы. Фиников болѣе двадцати различныхъ сортовъ, лучшіе изъ нихъ полупрозрачны и прекраснаго янтарнаго цвѣта. Съ одной финиковой пальмы ежегодно получается отъ ста до трехсотъ фунтовъ плодовъ. Нѣкоторыя финиковыя рощи деревьевъ, тѣсно растущихъ одно возлѣ другого, почти не требуютъ ухода.

Въ Багдадѣ пестрыя одежды и яркіе цвѣта вообще видны исключительно на мужчинахъ. Уличный костюмъ женщинъ крайне безобразенъ и состоитъ изъ отвратительнаго чернаго или бѣлаго бумажнаго покрывала, закрывающаго ихъ съ ногъ до головы. Женщины носятъ на улицѣ, кромѣ того, особую черную маску, сплетенную изъ конскаго волоса. Маска эта вполнѣ закрываетъ лицо, но не мѣшаетъ свободному притоку воздуха и позволяетъ видѣть все окружающее. Подъ ея защитой молодость и старость, красота и безобразіе одинаково безопасны отъ любопытныхъ взглядовъ. Мнѣ всегда хотѣлось смѣяться, когда по какому-нибудь случаю распахивалось покрывало и изъ-подъ него появлялось

лицо еще чернѣе маски. Арабскія женщины, принадлежащія къ низшему классу общества, ходятъ съ непокрытымъ лицомъ. Онѣ очень безобразны, руки ихъ татуированы синей краской, а замужнія вдобавокъ носятъ еще въ ноздрѣ золотыя и серебряныя филигранныя украшенія въ родѣ большой пуговки; на рукахъ и ногахъ, смотря по средствамъ, надѣты серебряные или мѣдные браслеты.

Восточные народы любятъ яркіе цвѣта, и потому всѣ сборища представляютъ очень веселую и яркую картину, вездѣ мелькаютъ разноцвѣтныя развѣвающіяся одежды, шалевыя чалмы, серебряныя рукоятки кинжаловъ, шашекъ и пистолетовъ. Главные базары расположены тройнымъ рядомъ и защищены отъ солнца сводчатой кровлей изъ кирпича, сложенной на извести. Каждый родъ товаровъ и каждая отрасль торговли имѣетъ свое собственное отдѣленіе. Тутъ можно видѣть великолѣпныя произведенія Персіи и Кашмира, драгоцѣнности Индіи, пряности и духи Аравіи и болѣе знакомыя намъ мануфактурныя издѣлія Европы. Повсюду раздается говоръ на самыхъ разнообразныхъ нарѣчіяхъ.

Кофейни въ Багдадѣ очень многочисленны и ихъ большія скамьи, покрытыя цыновками, всегда полны посѣтителей. Я часто заходилъ одинъ въ эти кофейни; мнѣ тотчасъ же освобождали мѣсто на одномъ изъ диванovъ и приносили маленькую чашку, содержащую не болѣе столовой ложки крѣпкаго чернаго кофе, съ чуднымъ ароматомъ, а потомъ подавали кальянъ, которыхъ тутъ всегда имѣется нѣсколько штукъ наготовѣ. Эта трубка дѣлается здѣсь въ формѣ буквы V и не имѣетъ, какъ въ Константинополѣ и Дамаскѣ, длиннаго гибкаго чубука. Мундштукъ сдѣланъ изъ тростника, а вода, черезъ которую проходитъ дымъ, наливается въ большую скорлупу кокосоваго орѣха. Для кальяна берется особый родъ табаку, который обыкновенно передъ тѣмъ, какъ зажечь его раскаленнымъ углемъ, нѣсколько смачиваютъ. Дымъ, проходя черезъ душистую розовую воду, охлаждается и очищается. Кальянъ употребляется какъ туземцами, такъ и всѣми живущими здѣсь европейцами. Онъ подается каждый разъ послѣ ѣды и ставится на небольшой подставкѣ подлѣ посѣтителя. У богатыхъ онъ украшенъ серебромъ. Эти два предмета, кофе и табакъ, такъ тѣсно связаны съ жизнью Востока, что ихъ можно назвать главнымъ наслажденіемъ и самою существенною потребностью турокъ и арабовъ. Они играютъ важную роль въ общественныхъ сношеніяхъ и предлагаются каждому посѣтителю тотчасъ же послѣ его прихода.

Общественныя народныя развлеченія въ Багдадѣ, какъ и вообще во всѣхъ другихъ восточныхъ городахъ, весьма немногочисленны и несложны. Карты неизвѣстны, но въ кофейняхъ, а также и просто на открытомъ воздухѣ близъ рынковъ часто играютъ въ шахматы, въ шашки и въ игру, называемую „мангала“. Послѣдняя игра наиболѣе

распространена и состоитъ изъ стола или доски съ двѣнадцатью отверстіями, въ которыя игроки бросаютъ раковины или камушки. Домашними развлеченіями служатъ танцы, пѣніе и разсказываніе сказокъ. Особенно любятъ арабы послѣднее, поэтому искусный чтецъ или разсказчикъ можетъ всегда разсчитывать найти кружокъ внимательныхъ и любопытныхъ слушателей.

Невѣжественное магометанское населеніе Багдада чрезвычайно суевѣрно. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда, вечеромъ мы спокойно обѣдали на террасѣ, какъ вдругъ были поражены страшнымъ шумомъ. Мы замѣтили тогда, что произошло почти полное затменіе луны. Шумъ постепенно увеличивался, и скоро все населеніе Багдада высыпало на верхушки домовъ; всѣ были вооружены горшками, сковородами и другими кухонными принадлежностями, въ которыя ударяли изо всей силы. Къ этому присоединились еще пистолетные и ружейные выстрѣлы; все это продолжалось около часа, пока не удалось прогнать злого духа, завладѣвшаго луной. Происходившая предъ нами суета была въ высшей степени забавна. Наши слуги также заразились общимъ возбужденіемъ, такъ что, какъ мы узнали на слѣдующій день отъ нашего хозяина, они чуть не выбили дно у всей кухонной посуды.

Этимъ невѣжествомъ и склонностью къ суевѣрію пользуются факиры, дервиши и другіе нищенствующіе монашескіе ордена, ведущіе очень пріятную жизнь на счетъ общественной благотворительности. Эти мусульманскіе монахи, хотя и не отказываются отъ добровольныхъ приношеній, никогда не просятъ открыто; чтобы выманивать деньги, у нихъ есть другія средства, а именно мнимыя чудеса и продажа талисмана отъ болѣзней, ранъ и всевозможныхъ несчастій. Члены одной секты утверждаютъ, что неуязвимы для стали, члены другой—что несгораемы въ огнѣ. Арабы слѣпо вѣруютъ въ дѣйствительность чаръ и чернокнижія вообще. Никакія другія отрасли знанія не пользуются такимъ почетомъ, какъ эти тайныя науки, дающія множеству шарлатановъ средства къ существованію. Нѣкоторые изъ профессоровъ магіи выдаютъ себя за ясновидящихъ, другіе излѣчиваютъ больныхъ и изгоняютъ злыхъ духовъ возложеніемъ рукъ, третьи успокоиваютъ бури на морѣ, есть, наконецъ, даже такіе, которые утверждаютъ, что они могутъ, не трогаясь изъ своихъ жилищъ въ Багдадѣ, произносить полуденныя молитвы въ Меккѣ. Еще болѣе низкій классъ—нищенствующіе дервиши и муллы занимаются фиглярствомъ, въ которомъ достигаютъ высокой степени совершенства. Такъ, напримѣръ, изумленнымъ зрителямъ кажется, что они дѣйствительно прокалываютъ себѣ тѣло мечами, втыкаютъ остроконечныя копья въ глаза, или же, что, соскакивая съ кровель на колья, окованные желѣзомъ, пронзаютъ себѣ насквозь тѣло...

Багдадъ,—самый шумный изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ мною го-

родовъ. Единственное спокойное время — это полдень. Тогда на часъ или на два кажется, что все населеніе, за исключеніемъ мухъ и москитовъ, предается сну. Арабы говорятъ всегда очень громко, такъ что мнѣ сначала все казалось, что они ссорятся, между тѣмъ какъ они разговаривали самымъ миролюбивымъ образомъ. Въ теченіе дня, и часто до поздняго вечера, постоянно встрѣчаешь процессіи съ тамтамами и дульцимерсами (пронзительные духовые инструменты, напоминающіе рожки) во главѣ. Иногда это свадьбы или помолвки, а иногда погребенія. Въ послѣднемъ случаѣ покойника несутъ на плечахъ, а за нимъ слѣдуютъ родственники и наемныя плакальщицы, старающіяся превзойти одна другую. Прибавьте еще сюда офиціальныхъ городскихъ глашатаевъ, нищихъ и факировъ, просящихъ милостыню во имя Аллаха и пророка, муэдзиновъ, съ галлерей минаретовъ сзывающихъ правовѣрныхъ на молитву, наемныхъ пѣвцовъ, упражняющихъ свой голосъ, и наконецъ грохотъ барабана капельмейстера Абдаллы, который каждое утро ходитъ съ барабаннымъ боемъ по улицамъ, предлагая жителямъ услуги своего оркестра. Многіе изъ этихъ звуковъ, къ которымъ нужно присоединить еще лай собакъ и ревъословъ, продолжаются почти до полуночи. Но ко всему этому шуму легко привыкаешь, и послѣ первой же ночи онъ нисколько не мѣшалъ мнѣ спать.

Тегеранъ.

(В. Ми—рскаго).

Еще издали сталъ я напрягать глаза, чтобы разсмотрѣть вдали столицу царства „Льва и Солнца“, къ которой лежалъ мой путь. Верстахъ въ 50-ти направо виднѣлась мощная шапка желтоватыхъ снѣговъ Демавенда; ближе, налѣво, поднимались сѣро-коричневые безлѣсные отроги прикаспійскихъ горъ, подъ однимъ изъ которыхъ, называемымъ Шемиранъ, и расположенъ Тегеранъ.

Стѣны города по восточному обычаю глинобитныя и окружены довольно широкимъ рвомъ. Двѣнадцать воротъ съ разныхъ сторонъ открываютъ доступъ въ городъ. Сложены они изъ поливныхъ кирпичей и были бы довольно красивы, если бы по сторонамъ ихъ не торчали безобразно палки. Стѣны воротъ покрыты изображеніями: съ подвигами Рустема чередуются стоящіе на вытяжку „идеальные“ солдаты въ современной формѣ, краснощекіе и съ поднятыми усиками. Образцомъ художнику, очевидно, послужила какая-нибудь мишень, привезенная европейскими инструкторами.

Черезъ рядъ немощеныхъ, кишѣвшихъ толпой улицъ, обсаженныхъ

деревьями, сѣрыми отъ густой, тонкой пыли, мой возница привезъ меня къ „Англійской гостиницѣ“, находящейся на улицѣ, которая носитъ среди европейцевъ гордое названіе „Boulevard des Ambassadeurs“.

„Бульваръ посланниковъ“ получилъ свое названіе оттого, что здѣсь расположена большая часть европейскихъ миссій*). Тутъ же находится громадное помѣщеніе, садъ, амбары и квартиры служащихъ русскаго учетно-ссуднаго банка, тогда какъ частный московскій международный банкъ, равно какъ и филіальное отдѣленіе учетнаго помѣщаются для удобства на базарѣ. Русское посольство расположено отдѣльно, въ чертѣ туземнаго стараго города.

Лѣтомъ всѣ, кто можетъ, разъѣзжаются въ горы, и жгучее солнце жаритъ всѣхъ несчастныхъ, привязанныхъ къ Тегерану.

Въ концѣ мая наступаютъ жары и длятся до сентября. Днемъ ходить по улицѣ — опасный подвигъ для европейца, даже прикрытаго англійскимъ пробочнымъ шлемомъ, но персы расхаживаютъ свободно. Ночью раскаленная земля и жилища не успѣваютъ остывать, и часто просыпаешься ночью оттого, что нечѣмъ дышать, съ налитой головой, пересохшимъ горломъ, чувствуя во всѣхъ дыхательныхъ органахъ цѣлый слой ѣдкой мельчайшей пыли, которая является однимъ изъ наиболѣе противныхъ условій жизни въ Персіи, забиваясь во всѣ щели и создавая вѣчное ощущеніе какой-то неопрятности.

Насколько южное побережье Каспійскаго моря обильно влагой и осадками, настолько лишена ихъ центральная и южная Персія. Недалеко за первой заставой русскаго шоссе показываютъ въ горахъ мѣсто, за которымъ уже кончается линія дождя. Если налетитъ на Тегеранъ грозовая туча, что случается разъ въ нѣсколько лѣтъ, то ее загонитъ вихрь съ далекаго океана. Тогда трещатъ деревья, отъ молній стоитъ мерцающій свѣтъ, дождь льетъ какъ изъ ведра. Но пройдетъ нѣсколько часовъ, земля жадно впитаетъ всѣ слѣды ливня, и опять можно идти въ однихъ башмакахъ.

Несмотря на высоту мѣстности, вѣроятно положеніе Тегерана подъ горой сказывается въ сильныхъ лихорадкахъ. Лихорадка—самыхъ разнообразныхъ формъ и проявленій: то она сопряжена съ кровотеченіями носомъ, то выражается желудочными припадками, то жаромъ до забытья. Не гарантировано отъ лихорадокъ и персидское населеніе. Неоднократно приходится видѣть, какъ мучаются простолюдины въ припадкѣ внезапно налетѣвшей „ноубѐ“ **). Лихорадка вызывается, навѣрное, и отсутствіемъ хорошей питьевой воды. Есть только одинъ порядочный водопроводъ, такъ называемый „шахскій“, но онъ даетъ не-

*) Посолъ въ Тегеранѣ только одинъ—турецкій.

**) Буквально: „очередь, чередъ“—перемежающаяся лихорадка.

много воды, и получить ее очень трудно. Къ тому же водоносы таскаютъ воду въ бурдюкахъ, вывороченныхъ шерстью внутрь. Можно представить, какая грязь скопляется въ нихъ. На сырую воду взглянуть страшно; чай получается мутный, густой, а въ отварной водѣ немедленно заводится масса какихъ-то насѣкомыхъ, рѣзвая веселость которыхъ отобьетъ охоту пить даже у очень храбраго человѣка.

Одно изъ наиболѣе занимательныхъ развлеченій на Востокѣ — наблюдать уличную жизнь. Съ ранняго утра начинается движеніе, которое нѣсколько замолкаетъ отъ полуденнаго зноя, а къ вечеру опять бьетъ полнымъ ключомъ. Тянутся продавцы льда, который навьюченъ глыбами на крошечныхъ страдальцевъ-осликовъ; спѣшатъ на базаръ покупать наряды старыя и молодыя „ханумъ“, одинаково запрятанныя въ свой безобразный черный коконъ, съ бѣлымъ покрываломъ на лицѣ, въ широкихъ шароварахъ и въ зеленыхъ туфляхъ безъ задковъ; еврей „деллялъ“ тащитъ на продажу европейцамъ ковры и поддѣльныя антикварныя вещи; развалясь въ коляскѣ, ѣдетъ вельможа, а спереди и сзади скачутъ черные отвратительные евнухи и слуги, у одного изъ которыхъ къ стременамъ привязаны два сосуда: съ углями и съ водой для кальяна; дальше плетется нѣсколько оборванныхъ солдатъ въ опоркахъ, съ арбузами подъ мышкой; каменщикъ стоитъ наверху возводимой стѣны и тонкимъ голосомъ поетъ что-то печальное; но прислушайтесь, и станетъ ясно, что онъ просто кричитъ внизъ своему помощнику: „Бедех-мэн“ („Подай мнѣ скребокъ, подай два кирпича“ и т. д.), и безъ промаха ловитъ часто на большой высотѣ всѣ бросаемые ежесекундно предметы. Таковъ пестрый и картинный, но вялый и однообразный Востокъ. Все это было такъ и сотни лѣтъ тому назадъ, будетъ еще многіе годы, только коляска напоминаетъ о какой-то чуждой культурѣ, идущей отдѣльно гдѣ-то тамъ, за моремъ.

„Что очищаетъ несмотря на собственную нечистоту?“ спрашиваетъ одинъ персидскій авторъ и отвѣчаетъ: „Проведенная вода“. Въ опредѣленные часы дважды въ день особые „водяные начальники“ (мираб) пускаютъ живительную влагу, которая чистыми струями стекаетъ съ горъ, пробѣгаетъ нѣсколько верстъ въ особыхъ подземныхъ ходахъ (кэнат) и разбѣгается въ городѣ по открытымъ канавамъ, сметая всю пыль и нечистоты, скопившіяся за день, и становясь грязной и вонючей. Трудно описать, какъ любятъ персы воду. Нерѣдко на выжженномъ мѣстѣ у городской стѣны можно увидѣть большое общество, усѣвшееся кружкомъ. Почти съ увѣренностью можно угадать, что тутъ прорвался водопроводъ, и коричневая мутная жидкость струится гдѣ-нибудь внизу, а публика жадно ловитъ прохладу, булькая своими наргиле. Когда придетъ урочный часъ и по улицамъ запѣнится и зажурчитъ вода съ горъ, всѣ правовѣрные стремглавъ бросаются къ канавамъ, лѣзутъ въ нихъ

съ ногами, плещутся, умываются. Тутъ бываютъ такія сцены: грязный, потный носильщикъ моетъ свои корявыя ноги, а нѣсколько шаговъ ниже женщина изъ горсточки пьетъ ту же воду, боязливо придерживая покрывало; дальше мальчикъ пробуетъ неудачно кататься на ящикѣ вмѣсто плота, мать его стираетъ тряпки, солдатъ усиленно чиститъ себѣ указательнымъ пальцемъ зубы и десны! Нужно ли удивляться обилію накожныхъ болѣзней, страшныхъ язвъ, парши и т. д.?

Кое-гдѣ на улицѣ видны школы, какъ театръ не имѣющія четвертой стѣны. На переднемъ планѣ сидитъ мулла въ чалмѣ и съ очками на носу, а кругомъ ребята на цыновкахъ во все горло читаютъ Коранъ по-арабски, не понимая ни слова. Едва показавъ азбуку, учитель сразу даетъ Коранъ и говоритъ: „Вотъ написано: во имя Господа Милосердаго, Многомилостиваго“ и т. д., и ребенокъ читаетъ пять словъ цѣлыми часами, пока начертанія ихъ цѣликомъ не западутъ ему въ голову. Несмотря на ужасный методъ, дѣтская воспріимчивость и память берутъ свое, и механизмъ чтенія усвоивается съ поразительнымъ совершенствомъ. Года два дѣтской жизни тратятся на усовершенствованіе почерка, и немудрено, что мальчики лѣтъ 10—12-ти съ непостижимою правильностью выводятъ труднѣйшіе штрихи мусульманскаго письма. Иногда неспособный малышъ чего-нибудь долго не понимаетъ, и тогда прибѣгаютъ къ старому, какъ міръ, способу внушенія. Учитель дѣлаетъ знакъ рукой; тотчасъ старшій ученикъ, называемый „халифе“ *), бросается къ провинившемуся, валитъ его на спину и, впрягшись, какъ въ оглобли, въ его ноги, подтаскиваетъ его къ учителю. Другой мальчикъ подаетъ тонкіе моченые прутья и орудіе пытки, именуемое „фелеке“. Состоитъ оно изъ палки, къ серединѣ которой привязана петля; въ нее вставляются ноги, затѣмъ она подкручивается, и мулла, словно священнодѣйствуя, бьетъ розгами по пяткамъ крѣпко привязанныхъ къ палкѣ ногъ. Несчастный преступникъ уже заранѣе начинаетъ орать благимъ матомъ, взывая къ сочувствію, но школьники попрежнему безучастно выкрикиваютъ свои уроки; разъ, разъ звучитъ въ воздухѣ, и экзекуція кончена. Наказаннаго, который съ трудомъ можетъ ходить, опять оттаскиваютъ на спинѣ, и отвѣты продолжаются.

Медленно выступая, идетъ караванъ косматыхъ, облѣзлыхъ верблюдовъ; кричатъ ослы, о которыхъ справедливо замѣчаетъ арабское изреченіе: „Поистинѣ, сквернѣйшій изъ голосовъ—голосъ осла“; иногда на тѣсной улицѣ появляется гигантская тѣнь, и всѣ съ испугомъ разбѣгаются передъ шахскимъ слономъ, который совершаетъ свою прогулку, сосредоточенно размахивая отъ стѣны къ стѣнѣ своимъ хоботомъ, а сзади него скачутъ грязные ребятишки, захлебываясь отъ восторга и

*) Замѣститель (учителя).

взвизгивая: „филь, филь!“ (слонъ). Потомъ вся стая разомъ поворачиваетъ въ сторону и присоединяется къ кучкѣ, собравшейся вокругъ укротителя змѣй. Около колышка, къ которому привязана на веревкѣ мускусная мышь, стоитъ ящикъ со змѣями и скорпіонами. Толстый персъ въ чалмѣ тщетно упрашиваетъ публику расщедриться и, держа въ рукѣ мелкую монету, усиленно кричитъ, жестикулируя, точно хочетъ изъ кожи вылѣзть. Публика равнодушна. Несмотря на уговариванія моего спутника-перса, убѣждающаго меня, что неприлично стоять со всякимъ сбродомъ въ толпѣ, я бросаю въ кругъ серебряную монету, чѣмъ привожу толстяка въ изступленіе. Схвативъ ее, онъ вертитъ ею надъ головой, прыгаетъ и, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, стыдитъ публику, что „кафѣръ“ (невѣрный) далъ лепту, а мусульмане скупятся. Падаютъ нѣсколько мѣдяковъ, и представленіе начинается. Худой оборвышъ-индусъ со страшными гримасами начинаетъ произносить „имена змѣй“, т.-е. заклинать ихъ, затѣмъ вытаскиваетъ ихъ по одиночкѣ, обвиваетъ себѣ шею, дразнитъ ихъ и, когда змѣя поднимется на хвостѣ, подставляетъ ей руку для укуса, беретъ въ ротъ зеленаго скорпіона и т. д. Я усомнился было въ ядовитости змѣй, но вся толпа кругомъ принимается меня убѣждать; по требованію симпатизирующаго мнѣ „ферраша“ (полицейскаго) индусъ приноситъ змѣю и, раскрывъ ей перочиннымъ ножомъ ротъ, выдавливаетъ изъ-подъ зуба какую-то жидкость. Впечатлительная публика трепещетъ, а заклинатель съ гордымъ видомъ убираетъ свой звѣринецъ въ ящикъ, гдѣ раздаются зловѣщее шипѣнье и стуканье хвостовъ о стѣнки.

Покровительствуемые исламомъ, который предписываетъ милостыню (садака), какъ одну изъ главныхъ обязанностей вѣрующаго, нищіе, т.-е. дервиши всякаго рода, равно какъ и простые попрошайки и увѣчные, бродятъ толпами по улицамъ. Подъ вечеръ четверга можно видѣть длинныя вереницы слѣпцовъ, которые идутъ, держась другъ за друга. Передній поетъ: „Вотъ канунъ пятницы, благо вамъ будетъ, если подадите слѣпцамъ, простится вамъ сто грѣховъ на этомъ свѣтѣ и тысяча— на томъ“, а затѣмъ всѣ несогласнымъ хоромъ кричатъ „аминь“. Съ гордымъ видомъ бредутъ дервиши, одѣтые въ причудливые костюмы: у одного чуть не весь нарядъ—его длинные спутанные волосы, у другого на плечахъ барсова шкура, за плечомъ — сѣкира; сбоку на цѣпочкѣ болтается „кешкуль“, чашка изъ тыквы для сбора подаяній. Съ дикимъ видомъ, съ глазами, лихорадочно блестящими отъ частаго употребленія наркотиковъ, они идутъ, не обращая вниманія на то, что имъ подаютъ. Я видѣлъ въ Мазандеранѣ дервиша, который, путешествуя, регулярно останавливался черезъ двадцать шаговъ и произносилъ славословіе Богу. Нѣкоторые изъ этихъ юродивыхъ дѣйствительно слѣдуютъ старымъ завѣтамъ дервишества, отреченію отъ міра и богатствъ, чтобы раз-

мышленіемъ о Богѣ, изнуреніемъ плоти привести себя въ экстатическое состояніе единенія съ Божествомъ.

По временамъ на улицахъ можно видѣть длинную процессію „табаг-кешей“, несущихъ свадебные подарки жениха на большихъ подносахъ. Тутъ и стеклянныя лампы, и ткани, и браслеты, и сласти, и зеркала,— цѣлое счастье для невзыскательной невѣсты. Слуги идутъ степенно и важно, точно въ театрѣ.

Бываютъ и печальныя процессіи проводовъ „въ дальнюю дорогу, путниками которой мы всѣ сдѣлаемся“, какъ выражается одинъ турецкій письмовникъ. Вообще у мусульманъ погребеніе совершается безъ особыхъ церемоній, и даже нести покойника рекомендуется „скорымъ шагомъ“. Провожаютъ лишь самые близкіе; впрочемъ иногда, когда умираетъ молодой человѣкъ, нанимаютъ толпу простонародья, чтобы она шла за гробомъ, ударяя въ тактъ ладонями по обнаженной груди.

Мнѣ пришлось однако видѣть очень торжественныя похороны важнаго генерала. Еще задолго до выноса передъ домомъ стали строиться войска: оборванная пѣхота, — кто съ отвернутымъ погономъ, кто безъ султана на дырявой каскѣ,—и бравые казаки, которыхъ обучаютъ русскіе инструкторы. Офицеры одѣты какъ русскіе сотники и есаулы, а солдаты — въ красныхъ кумачныхъ рубашкахъ и высокихъ бараньихъ шапкахъ. Казаки — единственное дисциплинированное войско. Большею частью они набираются изъ сѣверо-западныхъ провинцій, заселенныхъ тюрками, болѣе храбрыми и вѣрными защитниками единоплеменной имъ династіи Каджаровъ, чѣмъ трусливые персы, не забывающіе, что живутъ подъ властью чуждыхъ имъ по крови завоевателей.

Вслѣдъ за солдатами размѣстились „ѣдекъ“. Такъ называются лошади, которыхъ водятъ въ поводу во время религіозныхъ процессій и мистерій, даваемыхъ въ мѣсяцъ Мохарремъ въ воспоминаніе смерти Хасана и Хусейна, сыновей дочери пророка Фатимы и четвертаго халифа Алія, котораго шіиты чтутъ больше Магомета, а нѣкоторыя секты даже считаютъ за воплощеніе Божества. Лошади покрыты длинными попонами, которыя закапаны краской, изображающей кровь, и утыканы красными стрѣлами, шуршащими на ходу. Верхомъ сидятъ дѣти съ непокрытыми головами въ одеждахъ, замазанныхъ такими же пятнами. Они должны усиливать скорбь зрителей воспоминаніемъ о катастрофѣ семейства, идеализированнаго народною фантазіей.

Наконецъ, выносятъ черный гробъ, имѣющій форму ящика; за нимъ идетъ группа дѣтей изъ основанной покойнымъ сердаромъ школы для сиротъ: всѣ—въ черномъ, вороты разстегнуты, и траурные шарфы наброшены на шею въ знакъ печали. Опустивъ головы, дѣти бьютъ себя въ грудь и громко рыдаютъ, вѣроятно искренно; плачутъ родственники, идущіе за ними, плачутъ многіе въ толпѣ любопытныхъ, и даже

у грязныхъ солдатъ видны слезы. Персы вообще очень чувствительны и слезливы, и тутъ торжественное и грустное зрѣлище, безпокойная мрачная мелодія „Хумаюнъ“, которую играетъ военная музыка, смерть сердара, котораго многіе хорошо знали, — все это наэлектризовываетъ народъ, и черный гробъ „словно Ноевъ ковчегъ качается на волнахъ моря слезъ“, какъ, приблизительно, выразился одинъ старинный персидскій поэтъ. Похоронили сердара въ его школѣ, въ особой комнатѣ, которую устлали коврами; самую могилу задѣлали и уставили разными украшеніями, лампами, лампіонами. Родственники долго еще ѣздили ежедневно въ усыпальницу и, усаживаясь вокругъ могилы, плакали, вели разговоры и попивали чай.

Персидскій базаръ.

(Уильса).

Европейское понятіе о базарѣ совершенно не примѣнимо къ базарамъ восточнымъ. Базаръ на Востокѣ есть узкая крытая улица съ лавками по бокамъ. Крыша защищаетъ прохожихъ отъ жаркаго лѣтняго солнца, отъ зимнихъ дождей и снѣговъ, ибо зонтики въ Персіи употребляются только богатыми. Этимъ путемъ избѣгается также зимняя грязь и лѣтняя пыль. Иногда архитектура восточныхъ базаровъ отличается большимъ великолѣпіемъ, какъ, напримѣръ, базары въ Тегеранѣ и въ Ширазѣ, которые достигаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 60 фут. вышины. Но эти базары являются скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ; обыкновенно сводчатая кирпичная крыша начинается прямо надъ низенькими лавками. Рядомъ съ крупными базарными центрами устраиваются каравансараи, гдѣ помѣщаются конторы купцовъ и оптовыхъ торговцевъ. Нѣкоторыя зданія каравансараевъ построены съ большимъ изяществомъ и приноровлены для помѣщенія купцовъ и для склада товаровъ.

На Востокѣ принято, чтобы каждое ремесло, каждый родъ торговли занималъ свой отдѣльный базаръ. Лавки сапожниковъ помѣщаются подъ одною аркадой, кузнецы—подъ другою, портные—подъ третьей; лавки мѣдниковъ и котельщиковъ не трудно найти, благодаря гаму и звону молотковъ и наковаленъ. Такое устройство базара представляетъ покупателю не мало удобствъ, ибо среди восточныхъ купцовъ чрезвычайно развитъ духъ соревнованія. Кромѣ того, на Востокѣ покупатель не покупаетъ вещь сразу, а предварительно справляется о цѣнѣ у входа всѣхъ лавокъ и затѣмъ долго торгуется. Обособленіе различныхъ торговыхъ отраслей бываетъ также полезно продавцу хорошихъ товаровъ,

привлекающихъ къ нему наибольшее количество покупателей. Такой способъ торговли примѣняется только къ нѣкоторымъ производствамъ и ремесламъ. „Дукканы“ (лавки или прилавки) разнятся между собой только по величинѣ. Передъ сводчатымъ входомъ каждаго дуккана устроена небольшая платформа изъ кирпичей, фута четыре въ ширину. Лавка представляетъ небольшой квадратикъ безъ оконъ, съ чистыми бѣлыми стѣнами; ставни грубой работы закрываютъ на ночь входъ въ лавку. Посреди платформы на коврѣ сидитъ содержатель лавки, окруженный кипами товаровъ. Восточный торговецъ любитъ выставлять свой товаръ напоказъ и обладаетъ искусствомъ показать этотъ товаръ лицомъ. Сзади каждой лавки есть темная каморка, въ которой купецъ хранитъ самый цѣнный товаръ. Персидскаго купца можно всегда увидѣть сидящимъ по-турецки передъ своимъ дукканомъ, съ кальяномъ въ зубахъ. Если въ лавку приходитъ покупатель или знакомый, купецъ спѣшитъ предложить ему кальянъ, который обыкновенно охотно принимается. Въ зимнее время купецъ закутывается въ теплую мѣховую шубу изъ Афганистана или въ бараній тулупъ мѣстнаго издѣлія, ставитъ около себя небольшую жаровню для отогрѣванія рукъ, затягивается кальяномъ и ждетъ покупателей. На базарѣ цѣлый день раздается неумолкаемый говоръ; если нѣтъ покупателей, купецъ заводитъ разговоръ съ сосѣдями или съ прохожими. У каждаго владѣльца лавки есть приказчикъ или ученикъ, котораго онъ обучаетъ своему искусству и содержитъ; по большей части такимъ приказчикомъ служитъ какой-нибудь родственникъ, ибо въ Персіи многія ремесла передаются отъ отца къ сыну, оставаясь въ одной и той же семьѣ.

Таджиры или купцы живутъ въ каравансараяхъ, примыкающихъ къ базару; лавочники, ремесленники и приказчики — въ самомъ базарѣ, и только днемъ. Торговля на Востокѣ немыслима безъ споровъ, продолжительныхъ прицѣниваній и торговъ. На всякую вещь у торговца есть нѣсколько цѣнъ; prix-fixe, т.-е. опредѣленная цѣна на вещь, персіянамъ неизвѣстна. Зато базарные продавцы держатся очень хорошаго правила: если вы купили вещь, которая вамъ почему-нибудь не понравится, вы въ теченіе 24 часовъ можете ее вернуть въ магазинъ и получить деньги обратно. Нѣкоторыя лавки убраны съ большимъ вкусомъ: всюду видны букеты живыхъ цвѣтовъ; почти передъ каждою лавкой стоятъ большія чаши съ холодною водой для утоленія жажды прохожихъ и покупателей. Къ потолку лавки или надъ входомъ повѣшены клѣтки съ попугаями, соловьями и жаворонками; эти птицы не продаются, а служатъ лишь развлеченіемъ для владѣльцевъ. Въ семь часовъ утра (лѣтомъ раньше) лавки открываются. При заходѣ солнца (зимою раньше) лавки обязательно закрываются. Черезъ полчаса послѣ закрытія лавокъ закрываются большія базарныя ворота, и единственными обита-

телями базара остаются сторожа и собаки. Собаки эти живутъ на базарѣ и питаются отбросами и помоями; днемъ онѣ спятъ и не лаютъ, зато ночью страшно свирѣпы и шумны.

Часть базара, гдѣ сосредоточилась торговля золотыми и серебряными издѣліями, представляетъ, конечно, наибольшій интересъ для иностранца. Всѣ выставленныя вещи сдѣланы изъ чистаго, безъ всякой примѣси, серебра и золота. Древнія монеты и другіе антики продаются въ лавкахъ мѣнялъ; впрочемъ, древность ихъ не всегда достовѣрна.

Въ лавкахъ ювелировъ выставлены серебряные и золотые чубуки, покрытые драгоцѣнными камнями и эмалью, кофейники и чайники, браслеты, ожерелья и домашняя посуда. Драгоцѣнные камни, служащіе для инкрустаціи, обыкновенно съ изъяномъ и вообще невысокаго качества; дѣйствительно хорошіе камни рѣдко выходятъ изъ кармановъ своихъ владѣльцевъ. Отдѣлъ базара, занимаемый оружейниками, плотниками, рѣзчиками на деревѣ и металлахъ, отличается большимъ оживленіемъ. Но самая большая толпа сосредоточивается обыкновенно около булочниковъ, продавцовъ кебаба *) и фруктовъ. Горы дынь, гранатовъ, разныхъ овощей и цвѣтовъ наполняютъ воздухъ пріятнымъ ароматомъ. По узкому проходу, отъ 6 до 10 футовъ въ ширину, ежеминутно проходятъ цѣлые караваны нагруженныхъ верблюдовъ, муловъ, лошадей. Повсюду торгуются и болтаютъ, но все это дѣлается съ добродушіемъ и веселостью. Торговцы москательныхъ товаровъ и красокъ и аптекаря выставили все, что у нихъ есть, напоказъ. Продавцы ковровъ сидятъ окруженные кипами своихъ соблазнительныхъ товаровъ. Параллельно торговлѣ осѣдлой, идетъ торговля бродячая, взадъ и впередъ по базару прогуливаются продавцы стараго платья и всякаго хлама, выкрикивая громко достоинства своего товара, при этомъ чѣмъ сомнительнѣе вещь, тѣмъ громче они ее расхваливаютъ. Вотъ человѣкъ въ длинной красной одеждѣ ведетъ за собою несчастнаго на веревкѣ, продѣтой черезъ его ноздри; ему помогаютъ два здоровенныхъ полицейскихъ. Этотъ человѣкъ—палачъ, а слѣдующій за нимъ—плѣнникъ-воръ, которому онъ только что отрубилъ руку. Помощники палача, на основаніи существующаго обычая, собираютъ съ купцовъ и съ лавочниковъ нѣсколько пенсовъ по случаю поимки вора. За этою непріятною группой идутъ продавецъ трубокъ и чайный разносчикъ; они усердно расхваливаютъ свой товаръ. Дервиши въ эксцентричныхъ нарядахъ и толпы нищихъ просятъ милостыню. Повсюду слышится болтовня закутанныхъ покупательницъ, загораживающихъ всѣ проходы базара. Въ это время появляется верхомъ на конѣ губернаторъ со свитою; торговцы быстро вскакиваютъ со своихъ мѣстъ и привѣтствуютъ его „салямами“ **),

*) Жареное мясо.

**) Будьте здоровы!

Вдругъ раздается трубный звукъ и слышенъ возгласъ: „закрывайте лавки!“ Начинается общій переполохъ и суетливость; лавочники спѣшатъ убрать товары, закрыть дукканы ставнями и повѣсить большіе замки русскаго издѣлія. Черезъ полчаса послѣ этого въ опустѣвшемъ базарѣ остаются одни лишь сторожа и стаи свирѣпыхъ и голодныхъ собакъ.

Бытъ и нравы персіянъ.

(Бѣлозерскаго).

Нѣтъ ничего печальнѣе персидскихъ городовъ. Улицы всѣ безъ исключенія узки, грязны. По сторонамъ послѣднихъ рѣдко можно видѣть что-нибудь другое, кромѣ безобразныхъ высокихъ глиняныхъ стѣнъ; ни одного окна, и только попадающіяся миніатюрныя двери говорятъ еще о существующей здѣсь жизни. Отсутвіе выходящихъ на улицу фасадовъ домовъ придаетъ городу видъ какого-то кладбища. Двери для входа на дворъ обыкновенно не выше двухъ аршинъ, двустворчатыя, плохія, съ желѣзными гвоздями на обѣихъ половинахъ. У знатныхъ и богатыхъ лицъ онѣ обыкновенно выше и лучше и украшены большими гвоздями съ громадными посеребренными шляпками: обыкновенно на каждой половинкѣ штуки по три, по четыре сверху да по стольку же снизу и вбиты по горизонтальной линіи одинъ за другимъ. Говорятъ, что очень высокія ворота есть знакъ того, что владѣлецъ ихъ царскаго происхожденія. За рѣдкими исключеніями, всѣ дома въ одинъ этажъ и построены изъ высушеннаго на солнцѣ кирпича. Конечно, постройки изъ подобнаго матеріала держатся благодаря сухости воздуха; въ нашемъ климатѣ онѣ не выдержали бы и года. Благодаря всюду употребляемой глинѣ на улицахъ такъ много пыли, что достаточно сдѣлать сто шаговъ, чтобы „посѣдѣть“.

Иногда вмѣсто улицъ служатъ караванъ-сараи—длинные, шириною аршинъ въ 10—15, коридоры подъ глиняными полукруглыми крышами, съ цѣлою массой маленькихъ лавочекъ по обѣимъ сторонамъ. Всѣ караванъ-сараи обыкновенно начинаются и оканчиваются воротами въ арабскомъ стилѣ, съ цвѣтными изразцами. Цвѣта изразцовъ подобраны съ замѣчательнымъ вкусомъ; преобладающіе—синій и зеленый съ розовымъ и желтымъ. Почти передъ каждыми такими воротами расположена небольшая площадь съ бассейномъ воды, откуда берутъ воду и гдѣ чистые правовѣрные моютъ руки. Днемъ въ караванъ-сараяхъ обыкновенно мало жизни, зато подъ вечеръ, особенно въ рамазанъ, все оживаетъ и кафе интересно освѣщаются: для этого передъ входомъ, посрединѣ комнаты, ставятъ столъ, уставленный зажженными лампами съ

разноцвѣтными колпаками, что въ темнотѣ производитъ замѣчательно хорошее впечатлѣніе. Почти въ каждомъ кафе есть по крайней мѣрѣ одинъ перепелъ, токованье котораго съ особымъ щелканьемъ ужасно забавляетъ персіянъ. Внутри караванъ-сараевъ и при воротахъ обыкновенно сидитъ какой-нибудь слѣпой или глухой и во всю глотку выкрикиваетъ стихи изъ Корана. Оборванцы-дервиши блуждаютъ, прося подаянія. Все это продаетъ, покупаетъ, пьетъ, ѣстъ, говоритъ, кричитъ и поетъ. Прибавьте къ этому пестроту костюмовъ, важную осанку идущихъ и ѣдущихъ лицъ, массу двигающихся лошадей, ословъ и муловъ, съ ихъ погонщиками, то и дѣло кричащими: „хавардаръ!“ (берегись! дорогу!), и вы поймете всю привлекательность восточной толпы.

Персидскій городъ.

Самые дома извнѣ напоминаютъ какіе-то короба. Черезъ маленькую дверь вы попадаете на открытый дворъ, въ богатыхъ домахъ обыкновенно съ маленькимъ садикомъ и бассейномъ съ водой. Обыкновенно дома одноэтажные; наверху дома есть плоская терраса, гдѣ лѣтомъ и въ хорошую погоду спятъ. Окна дома такой же величины, какъ и двери, и состоятъ изъ маленькихъ разноцвѣтныхъ стеклышекъ, обыкновенно грязныхъ. Во всякомъ домѣ есть „бируни“, нѣчто въ родѣ гостиной для пріема гостей. Кромѣ того, есть еще „эндерунъ“ — женское отдѣленіе, собственно гаремъ, куда посторонній не смѣетъ проникнуть; но бываетъ, хотя и рѣдко, что хозяинъ изъ особаго располо-

женія къ гостю вводитъ его туда. Для многочисленной прислуги обыкновенно имѣется особое помѣщеніе, довольно грязное. Въ зажиточныхъ домахъ полъ покрытъ толстымъ войлокомъ, сверхъ котораго посреди комнаты разстилается коверъ, не достигающій стѣнъ; около стѣнъ, гдѣ проходятъ, и около оконъ, гдѣ сидятъ, обыкновенно стелется пестрая бумажная матерія, бѣлое съ спинмъ. У знати ковры стелятся во всю комнату. У бѣдняковъ глиняный полъ ничѣмъ не покрывается, а только разстилается небольшой войлокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сидятъ. Въ караванъ-сараяхъ на полъ стелется иногда какая-то плетенка изъ соломы, зато войлоковъ или ковровъ и въ поминѣ нѣтъ. Такъ какъ персіяне сидятъ поджавши ноги, то, очевидно, устаютъ; чтобы предупредить эту усталость, они кладутъ къ стѣнѣ длинныя диванныя подушки—„муттака“, набитыя обыкновенно хлопкомъ, рѣдко пухомъ, и опираются на нихъ спиною и лѣвымъ локтемъ. Пусто и неуютно кажется въ персидскихъ комнатахъ, потому что нѣтъ никакой мебели: ни стола, ни стульевъ, ни шкафа, ни одного гвоздя, ни одного крючка — хоть шаромъ покати. Зато въ углахъ комнаты лежатъ большіе свертки; это постели и подушки, свернутыя въ трубку и лежащія такъ цѣлый день до ночи, пока они понадобятся снова. Въ стѣнахъ комнаты есть только углубленія въ видѣ оконъ, иногда идущія въ два ряда, гдѣ кладутся разныя вещи и ставятся кувшины съ водой и большія чашки для воды изъ поддѣльнаго китайскаго фарфора, фабрикуемаго въ Лондонѣ.

Какъ ни неудобны персидскіе дома лѣтомъ, но все же можно жить, ибо жары такъ велики, что безразлично, гдѣ ни лечь, лишь бы было прохладно. Зато зимой совсѣмъ другое дѣло: всюду холодно, всюду сквозитъ и негдѣ укрыться. Какъ же согрѣваются персіяне зимой? Хотя у нихъ и есть камины въ комнатахъ, но это только для вида; они никогда ихъ не топятъ по причинѣ крайней дороговизны топлива, зато грѣются чрезвычайно оригинальнымъ и дешевымъ способомъ: въ глиняномъ полу комнаты сдѣлано углубленіе, куда кладутся раскаленные уголья, надъ ними ставится нѣчто въ родѣ стола, такъ около трехъ четвертей аршина вышины, на который кладется довольно широкій коверъ. Лица, желающія грѣться, ставятъ свои ноги къ столику и покрываютъ себя ковромъ до пояса.

Чистота дома при такихъ условіяхъ немыслима: и дѣйствительно, пыль и грязь всюду проникаютъ и лежатъ на всемъ. Можетъ быть, это также зависитъ отъ сравнительно незначительнаго участія персидской женщины въ веденіи хозяйства.

День для персіянъ опредѣляется двумя моментами: восходомъ и заходомъ солнца. Поэтому у нихъ выработалась особая формула назначать время для визитовъ и разныхъ свиданій за „столько-то часовъ до восхода или до захода солнца“. Персіяне начинаютъ день очень рано:

они обыкновенно встаютъ до восхода солнца и умываются безъ мыла, только водой: о какихъ бы то ни было умывальникахъ они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Слуга подаетъ воду прямо на руки изъ глинянаго или металлическаго кувшина съ узкимъ горлышкомъ. Затѣмъ совершается утренняя молитва. Въ это время скатываются въ свертокъ постели и готовится чай: гдѣ-нибудь въ углу комнаты стелютъ небольшую салфетку, ставятъ на нее подносъ, а на подносъ самоваръ. Персіяне заимствовали чай, очевидно, отъ насъ, потому что называютъ чай по-нашему *чаемъ*, самоваръ — *самоваромъ* и стаканъ — *истаканомъ* (*и* прибавляется потому, что персидское слово не можетъ начинаться двумя согласными). Самовары обыкновенно русской работы изъ Тулы или Москвы, хотя теперь начинаютъ дѣлать ихъ и въ Персіи. Посуда чайная большею частью тоже русская, при чемъ употребляются стаканы удивительно маленькихъ размѣровъ, такъ что питье изъ нихъ даже раздражаетъ русскаго человѣка: такъ они малы. Въ богатыхъ и важныхъ домахъ для чая есть особый слуга, который называется „чаидаръ“, по-нашему чаечерпіемъ. Самоваръ долженъ кипѣть постоянно, и во все время чаепитія чайникъ долженъ стоять на самоварѣ; персіяне обыкновенно пьютъ очень крѣпкій, перекипѣлый чай, похожій на сусло или жидкій деготь: въ этомъ случаѣ ихъ вкусъ сходится съ англійскимъ. Замѣчательно, что чай вошелъ во всеобщее употребленіе не больше 25—30 лѣтъ. До этого въ Персіи пили черный душистый кофе въ маленькихъ фарфоровыхъ чашечкахъ; кофе и кальянъ были единственными развлеченіями персіянъ, къ которымъ они прибѣгали во всякое время дня и ночи, теперь же въ Персіи не умѣютъ больше варить кофе.

Выпивши стаканъ или два чаю, персіянинъ принимается за свое дѣло или ремесло, или же идетъ въ свою жалкую лавчонку, безъ которой его вообще трудно представить себѣ: такъ велика у нихъ страсть къ торговлѣ. Въ это же время до обѣда онъ устраиваетъ свои домашнія дѣла: или самъ побываетъ тамъ-сямъ и узнаетъ всѣ новости, или къ нему кто зайдетъ и разскажетъ ихъ. Человѣкъ, имѣющій доступъ къ шаху или намѣстнику, успѣетъ побывать и тамъ. Такъ проходитъ время до обѣда, между десятью-двѣнадцатью часами дня. Обѣдъ накрывается слѣдующимъ образомъ. Посреди комнаты на коврѣ разстилается цвѣтная бумажная скатерть, по краямъ которой иногда выбиты черною краской изреченія изъ Корана. По числу обѣдающихъ на эту скатерть раскладываютъ огромныя лепешки, начиная съ угловъ скатерти, чтобы она не сбивалась. Посрединѣ ея ставятъ двѣ чашки съ шербетомъ, который пьютъ прекрасно вырѣзанными деревянными ложками съ надписями стиховъ изъ любимыхъ поэтовъ. Около этихъ чашекъ ставятъ подносъ съ двумя сортами плова, т.-е. просто риса и риса съ шафра-

номъ и бараниной. Изъ персидской кухни это самое капитальное, самое вкусное, хорошо приготовляемое блюдо. Затѣмъ кругомъ подноса ставятся какіе-то безобразно кислые соусы, прѣсный овечій сыръ, пряныя травы, далѣе — фрукты, жидкій кипяченый медъ, шербетъ изъ меда и напитокъ изъ разведеннаго водой квашенаго молока, или вода съ разведеннымъ въ ней сахаромъ. Вообще персіяне въ чаѣ и напиткахъ употребляютъ большое количество сахара.

Когда все поставлено и приготовлено, одинъ слуга объявляетъ: „нагаръ хазыръ астъ“ (обѣдъ готовъ!), а другой подходитъ съ тонкими и высокими кувшинами въ видѣ металлическаго вопросительнаго знака, поставленнаго на полоскательную чашку съ сѣткой сверху, въ родѣ нашей металлической песочницы. Если гость очень важенъ, то онъ не встаетъ, и ему подносятъ кувшинъ, а менѣе важный встаетъ самъ и гдѣ-нибудь въ сторонѣ моетъ безъ мыла правую руку, прижимая нѣсколько разъ пальцы къ ладони, и обтираетъ ее о платье или объ усы и бороду. Послѣ этого всѣ становятся на колѣни, каждый передъ своимъ хлѣбомъ, и, присѣвъ на пятки и опершись лѣвою рукой на лѣвую ногу, правою рукой начинаютъ ѣсть; для этого каждый своею рукой беретъ горстями съ блюда пловъ и кладетъ его къ себѣ на лепешку хлѣба, затѣмъ запускаетъ пальцы въ многочисленные соусы, уставленные вокругъ плова, и что поймаетъ, кладетъ себѣ тоже на лепешку въ пловъ, все той же рукой мѣшаетъ это въ одну массу, беретъ ее на правую ладонь, мнетъ еще пальцами и спускаетъ большимъ и указательнымъ пальцами въ ротъ,— этого безусловно требуетъ этикетъ персидской благовоспитанности. Не персіянину христіанину подаютъ отдѣльно; при этомъ требуется, чтобы подносъ, тарелки и блюда были или металлическіе, или глиняные, но ни за что не деревянные, ибо въ послѣднемъ случаѣ они считались бы опоганенными, такъ какъ христіанская поганость впитывается въ дерево, но не пристаетъ къ металлу или фарфору. Христіанинъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ класть себѣ съ общаго блюда самъ; иногда, впрочемъ, бываетъ, что хозяинъ, чтобы показать свое уваженіе и расположеніе къ гостю, своими грязными руками кладетъ пловъ на тарелку.

Ѣда проходитъ въ совершенной тишинѣ: опять по этикету никто не долженъ говорить ни слова, и только ужасное чавканье нарушаетъ эту тишину.

Обѣдъ кончился. Слуги сейчасъ уносятъ подносы и снимаютъ скатерть съ пола, затѣмъ приносятъ кальянъ и подаютъ его самому важному лицу въ компаніи. Тотъ беретъ кальянъ и начинаетъ предлагать его каждому по одиночкѣ, хотя бы компанія состояла изъ двадцати человѣкъ, со словами „бисмилля“ — во имя Божіе, т.-е. пожалуйста, или „захматэ-шома“, т.-е. къ вашимъ услугамъ. Это очень важная статья

въ персидскомъ этикетѣ: хотя предлагающій заранѣе знаетъ, что никто не посмѣетъ взять отъ него кальянъ, но все же предлагаетъ, — такова несокрушимая сила обычая. Иногда посреди компаніи ставится общій кальянъ съ длинною трубкой, составленной наподобіе змѣи изъ кожаныхъ колечекъ; въ такомъ случаѣ кальянъ остается неподвиженъ, а передается только одна трубочка.

Послѣ обѣда, на сытый желудокъ, персіяне ужасно любятъ потолковать о политикѣ, при чемъ обнаруживаютъ иногда смѣлыя до комизма комбинаціи и большое невѣжество въ географическомъ и политическомъ положеніи государствъ, о которыхъ они ведутъ рѣчь. Обыкновенно же послѣ обѣда персіяне спятъ, затѣмъ опять чай, а за чаемъ ужинъ съ тѣми же пріемами и подробностями, какъ и обѣдъ.

Какъ ни болтливы персіяне, однако же языкомъ нельзя всего замѣнить; поэтому у нихъ есть свои развлеченія исключительно послѣ ѣды, т.-е. послѣ обѣда или ужина. Кто-нибудь читаетъ нараспѣвъ, постоянно покачиваясь взадъ и впередъ, а всѣ другіе внимательно слушаютъ и при всякомъ хорошемъ стихѣ или выраженіи громко выражаютъ свое одобреніе или восклицаніемъ: „ба, ба, ба!“, или словами: „барикъ алля“, въ такомъ же смыслѣ, какъ мы иногда говоримъ: „ей-Богу, хорошо!“ или: „доростъ, доростъ!“—вѣрно, вѣрно! И эти восклицанія повторяются во все время чтенія. Персіяне не имѣютъ понятія о музыкѣ и живописи въ нашемъ смыслѣ и смотрятъ на нихъ не больше какъ на безполезную забаву; зато поэзія составляетъ важнѣйшій отдѣлъ въ ихъ образованіи. Поэтому неудивительно, что они знаютъ наизусть цѣлыя тысячи стиховъ и декламируютъ ихъ при всякомъ случаѣ. Поэзія—ихъ незамѣнимое развлеченіе.

Персидскій языкъ пріятенъ и пѣвучъ; обыденные разговоры легко выучиваются европейцами, но усвоить литературный языкъ чрезвычайно трудно, для этого необходимо сначала знать по-арабски. Знаніе письма считается обязательнымъ для каждаго образованнаго человѣка; но выучиться писать хорошо и грамматически правильно невѣроятно трудно, это удается немногимъ персамъ, и тогда они получаютъ право ставить передъ своимъ именемъ титулъ „мирза“ (позади имени это слово означаетъ „принцъ“). Образчики краснваго письма въ Персіи цѣнятся очень высоко, какъ у насъ картины или другія произведенія искусства; пишутъ справа налѣво. Письма содержатъ въ себѣ множество любезностей и только въ концѣ, какъ бы вскользь, упоминается суть дѣла; вмѣсто подписи прикладывается печать, которую персы всегда носятъ при себѣ; богатые персы держатъ постоянныхъ секретарей, носящихъ при себѣ письменныя принадлежности.

Народное образованіе стоитъ на низкой степени развитія; хотя въ городахъ и многихъ деревняхъ есть школы, но онѣ всѣ частныя и въ

нихъ учатъ лишь арабскому языку, чистописанію и чтенію поэтовъ. Въ Тегеранѣ есть университетъ и въ нѣкоторыхъ городахъ семинаріи („медрессе“) для образованія муллъ и ученыхъ; здѣсь проходятъ толкованіе Корана, богословіе, ариѳметику, астрономію, алхимію, медицину, фармакологію, законовѣдѣніе, исторію и географію. Астрологія играетъ большую роль въ Персіи; передъ началомъ всякаго важнаго предпріятія спрашиваютъ совѣта астрологовъ. Историческія познанія персовъ ничтожны, имъ извѣстна только исторія царствованія послѣднихъ шаховъ; о могуществѣ своихъ предковъ они не имѣютъ понятія. Изъ географіи они хорошо знаютъ магометанскія земли и часто разстоянія между персидскими городами. Печатныхъ книгъ встрѣчается не много — это по большей части кораны, молитвенники, произведенія поэтовъ, разсказы изъ тысяча и одной ночи и другихъ сказокъ.

Развлеченій въ нашемъ смыслѣ у персіянъ не существуетъ: ни театровъ, ни баловъ, ни концертовъ, ни разнообразныхъ игръ. Отсутствіе театра замѣняется у нихъ разыгрываніями въ лицахъ духовной мистеріи, представляющей смерть Али, что, конечно, нужно разсматривать какъ начало театра. Кромѣ того, на площадяхъ передъ толпой поэты декламируютъ свои стихи или разсказываютъ съ выразительными жестами о національныхъ персидскихъ геройхъ, или грязные, полуголые дервиши передъ этой же толпой воспѣваютъ въ стихахъ свою черноокую красавицу, хотя ни одна женщина не взглянетъ на такого урода, и хорошее вино, котораго онъ навѣрно во всю жизнь свою не видалъ въ глаза и не пробовалъ. Замѣчательно, что народъ ужасно любитъ эти сцены и вообще страстный охотникъ до тамаша—зрѣлищъ. Стоитъ иностранцу раскрыть ротъ, и сотни любопытныхъ лицъ и открытыхъ ртовъ уставятся на него. Понятно, что такое любопытство является слѣдствіемъ отсутствія серьезнаго труда и интересныхъ развлеченій.

Что касается нравовъ и характера персіянъ, то они замѣчательно внимательны и любезны съ иностранцами, особенно съ европейцами. Кромѣ того, они замѣчательно гостепріимны. Впрочемъ, въ странѣ съ такими убійственными путями сообщенія и семейною обособленностью нельзя обойтись безъ гостепріимства: сверни съ большой дороги и, при рѣдкости населенія да безъ знакомыхъ, умрешь съ голоду. Безъ сомнѣнія, религія поддерживаетъ въ сильной степени эту черту на Востокѣ. „Гость—даръ Божій“, говоритъ народъ.

Тѣмъ не менѣе въ манерѣ персіянъ обращаться съ гостемъ есть тысяча пріемовъ, которые легко могутъ подкупить и обмануть неопытнаго человѣка; есть тысяча предложеній съ ихъ стороны, которыхъ ни подъ какимъ видомъ не нужно принимать, иначе рискуешь непоправимо и навсегда попасть въ списокъ абсолютныхъ невѣждъ: напр., никогда не вѣрьте фразамъ: „весь домъ и все, что есть въ немъ, къ вашимъ

— Да не уменьшится тѣнь ваша, сахибъ; я буду васъ ожидать. Это для меня большая честь!—Говоря это, Хассанъ собралъ свои принадлежности и, взявъ подъ мышку свою аба [1]), съ достоинствомъ распрощался.

— Вы, конечно, сэръ, къ нему не пойдете, — замѣтилъ мой слуга Малекъ-Мохаммедъ, подавая мнѣ полотенце.

— Нѣтъ, пойду. Отчего же мнѣ не пдти? Мнѣ хочется видѣть внутреннюю жизнь персидской цырюльни.

— Ну, вашего брата, сахиба, всегда проведутъ. Развѣ вы не понимаете, зачѣмъ онъ пригласилъ васъ на завтра?

— Нѣтъ, не понимаю. Вѣрно для того, чтобы видѣли, что я ему покровительствую?..

— Совсѣмъ нѣтъ; онъ будетъ разсказывать, что вы приходили къ нему учиться.

Этотъ доводъ показался мнѣ чрезвычайно оригинальнымъ и затронулъ мое любопытство. Напрасно человѣкъ мой старался меня отговорить,—я рѣшилъ идти, тѣмъ болѣе, что цырюльня находится въ моемъ кварталѣ, почти на той же улицѣ. Я былъ хорошо извѣстенъ въ Ширазѣ,—слишкомъ хорошо, чтобы бояться натолкнуться на какую-нибудь непріятность.

На другой день, въ четвергъ, оказавшійся кануномъ магометанскаго праздника, слѣдовательно самымъ шумнымъ базарнымъ днемъ, въ 2 часа послѣ восхода солнца я направился въ лавку Мешеди-Хассана.

Лавка была вычищена и прибрана; глазъ отдыхалъ на бѣлыхъ стѣнахъ и кирпичномъ полу небольшой четвероугольной комнатки. Посреди нея красовалась небольшая цвѣточная клумба, съ низенькою восьмиугольною колонной, на которой былъ укрѣпленъ небольшой сосудъ съ водою. Эта вода употреблялась Хассаномъ при бритьѣ, а бритье считается въ Персіи очень важнымъ дѣломъ; побриться на языкѣ персіянина не значитъ только сбрить бороду, такъ какъ они бреютъ обыкновенно всю голову. Впрочемъ, молодые люди оставляютъ на затылкѣ *какель* [2]); эта прядь волосъ никогда не сбривается и достигаетъ иногда значительной длины. Она старательно свертывается узломъ и скрывается подъ бѣлой вышитой ермолкой. Магометане думаютъ, что послѣ смерти пророкъ притягиваетъ вѣрныхъ за эту косичку въ рай. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей не бреютъ волосъ подъ височною костью. Но остальная часть головы обривается обыкновенно одинъ разъ въ недѣлю, и обычай этотъ надо считать весьма разумнымъ, если не со стороны изящества, то со стороны удобства, такъ какъ климатъ въ Персіи очень жаркій,

---

[1]) Длинное пальто изъ верблюжьей шерсти.

[2]) Небольшая прядь волосъ.

и вы никогда не увидите никого съ непокрытой головой. Люди среднихъ лѣтъ также бреютъ голову и отпускаютъ бороду. Вообще бороды въ Персіи носятся очень длинными и достигаютъ иногда почтенныхъ размѣровъ. Борода почитается неприкосновенною; схватить кого-нибудь за бороду значитъ нанести ему величайшее оскорбленіе. Ее обыкновенно красятъ въ красный или черный цвѣтъ. Эта процедура производится въ хаммамѣ (банѣ).

Персидскій врачъ.

Подходя къ лавкѣ Хассана, я увидѣлъ здороваго крестьянина, сидящаго на площадкѣ передъ входомъ и грѣющагося на солнцѣ. Онъ имѣлъ довольно забавный видъ: борода его казалась покрытою комками желтой глины и была обернута капустными листьями, чтобы помѣшать слишкомъ скорому высыханію. Его соотечественники, конечно, не находили въ этомъ ничего смѣшного, но я едва могъ удержаться отъ смѣха, замѣтивъ сонное любопытство, съ которымъ онъ меня оглядѣлъ. Онъ сейчасъ же опять закрылъ глаза и задремалъ въ ожиданіи того пріятнаго момента, когда голова его и борода окрасятся въ ярко-оранжевый цвѣтъ.

Хассанъ встрѣтилъ меня бурными изъявленіями радости.

— Да будутъ счастливы шаги ваши, привѣтствую васъ; вы дѣлаете честь моему заведенію.

Мнѣ тотчасъ же предлагаютъ стулъ, на которомъ я располагаюсь въ углу комнаты; закуриваю кальянъ, наполненный пахучимъ табакомъ, и приготовляюсь наблюдать и слушать. Я замѣтилъ выше, что пріемная комната отличается необыкновенною чистотой; въ двухъ стѣнныхъ тахчахъ (нишахъ, углубленіяхъ) виднѣются всѣ принадлежности восточнаго цырюльника: ножницы, ланцеты, ручныя зеркала, четырехугольныя и овальныя, пара огромныхъ щипцовъ для вырыванія зубовъ, нѣсколько желѣзныхъ инструментовъ для прижиганія и гребешки изъ чернаго дерева, — щетокъ въ Персіи совсѣмъ не употребляютъ. Кромѣ упомянутыхъ профессіональныхъ вещей моего друга цырюльника, тамъ же красовались четыре букета цвѣтовъ. Персіянинъ, при всей своей практичности и простотѣ, имѣетъ склонность къ цвѣтамъ; вотъ почему вы въ Персіи повсюду встрѣтите цвѣты. Два букета составлены изъ пахучихъ нарцисовъ. На каждый цвѣтокъ надѣто колечко изъ разноцвѣтной бумаги, вставленное между лепестками, что, конечно, придаетъ цвѣтамъ довольно оригинальный видъ. Полъ покрытъ небольшимъ, но хорошимъ ковромъ, предназначеннымъ для богатыхъ и почтенныхъ кліентовъ Хассана. Я самъ охотно бы расположился на этомъ коврикѣ, но, къ несчастію, не могъ этого сдѣлать, ибо, несмотря на долгое пребываніе на Востокѣ, не научился обходиться безъ стула.

Хассанъ, или Ага *) Хассанъ, — какъ его называли посѣтители,— мужчина довольно красивой наружности. Роскошная некрашеная каштановая борода обрамляетъ веселое лицо. Костюмъ его состоитъ изъ длиннаго коленкороваго кафтана розоваго цвѣта, широкихъ шальваръ и изъ пары бѣлыхъ гиве (обуви); рукава рубашки засучены, чтобы не мѣшать свободѣ движеній. На поясѣ болтается круглая мѣдная бутылка для воды—необходимая принадлежность странствующаго цырюльника въ странѣ, гдѣ вода попадается очень рѣдко; рядомъ съ бутылкой виднѣется ремень для точенія бритвъ и сумка, въ которой хранятся остальныя принадлежности. На груди небольшое зеркало, въ которомъ посѣтитель видитъ себя по окончаніи операціи бритья или окрашиванія. На головѣ шебъ-кулохъ (ночная ермолка) изъ стеганаго ситца, носимая персіянами дома.

Кромѣ Мешеди-Хассана, въ лавкѣ суетился его молодой сынъ; онъ брилъ головы поселянъ, недостойныхъ искусства его отца, побуждалъ къ работѣ двухъ тощихъ молодыхъ учениковъ и набивалъ кальяны для почетныхъ посѣтителей.

Вотъ входитъ почтенный и повидимому богатый купецъ, страдающій параличомъ руки. Сынъ Хассана съ необыкновенною быстротой и ловкостью приступаетъ къ массированію руки, напѣвая въ то же время

*) Господинъ.

пѣсню о любви Юсуфа и Зюлейки. Другой купецъ, въ свѣтло-зеленомъ платьѣ, садится на коверъ, и Мешеди-Хассанъ въ нѣсколько минутъ придаетъ его головѣ гладкость и блескъ бильярднаго шара. Между тѣмъ разговоръ, поддерживаемый Хассаномъ, принимаетъ весьма оживленный характеръ. Всѣ присутствующіе, даже побрившіеся и вымывшіеся, продолжаютъ болтать и курить. Въ самомъ дѣлѣ, куда имъ спѣшить; вѣдь они живутъ въ странѣ, гдѣ время не имѣетъ никакого значенія и тѣмъ болѣе въ такой день, какъ четвергъ. Предметомъ разговора служитъ политика, городскіе слухи и сплетни: такой-то женился, другой намѣренъ развестись; этому грозитъ банкротство, иной отправляется на поклоненіе святынѣ. Говорятъ также о цѣнахъ на зерно и опіумъ; все это пересыпается цитатами изъ популярныхъ поэтовъ и обращеніями къ ференгу (къ франку, т.-е. ко мнѣ) за справками.

Поселяне и простой народъ бреются на улицѣ передъ лавкою, — тамъ же производится кровопусканіе. Какому-то крестьянину, страдавшему зубами, Хассанъ выдернулъ зубъ въ три пріема и, показывая мнѣ корень, торжествующе замѣтилъ: „вотъ гдѣ скрывалась боль!“ Паціентъ заплатилъ и удалился, держась рукой за щеку. На смѣну ему появляется человѣкъ, одержимый ревматизмомъ. Мешеди-Хассанъ накаливаетъ добѣла желѣзный инструментъ и, призвавъ благословеніе Магомета и святыхъ Хассана и Хуссейна, прижигаетъ поясницу пацієнта. Страдалецъ геройски выдерживаетъ операцію и, заплативъ, уходитъ. Я также ухожу, вполнѣ удовлетворенный видѣннымъ. Хассанъ провожаетъ меня до дверей дома, разсыпаясь въ благодарностяхъ. Мой слуга Малекъ-Мохаммедъ встрѣчаетъ меня выраженіями печали и гнѣва: „О сахибъ, сахибъ! Вѣдь я васъ предупреждалъ! Эта собака, — да будутъ осквернены могилы его семи предковъ, — сдѣлалъ то, что я вамъ говорилъ! Онъ сказалъ двумъ купцамъ, которыхъ вы лѣчите, что вы пришли къ нему научиться, какъ выдергивать зубы!“ Я улыбнулся и подумалъ, что цырюльникъ во всякомъ случаѣ оказался ловкимъ малымъ.

Религіозныя мистеріи въ Персіи.

(Уильса)

Насталъ Моххаремъ—траурный мѣсяцъ. Всѣ до послѣдняго бѣдняка одѣлись въ темное. Даже женщины облеклись въ темные цвѣта, а нѣкоторыя, самыя благочестивыя изъ нихъ, надѣли синія и черныя рубашки. Такъ какъ персіяне довольно экономный народъ, то большинство извлекаетъ выгоду изъ стараго платья, окрашивая его въ черный

Во время шествія гремитъ музыка, звучатъ трубы, стучатъ барабаны, но весь этотъ шумъ покрывается ревомъ десятитысячной толпы и криками: „Хассанъ! Хуссейнъ!“ Наконецъ показываются актеры. Дикіе арабы въ короткихъ туникахъ, вооруженные мечами и пиками; Іезидъ, царь невѣрныхъ, Шемръ, изображающій убійцу Хуссейна, окруженный дворомъ и свитою. Онъ въ шлемѣ и бронѣ, потрясая саблею, гарцуетъ на любимомъ конѣ губернатора. При проѣздѣ Шемра мужчины посылаютъ ему вслѣдъ проклятія, а женщины отплевываются. Сзади Шемра сѣменитъ мелкими шажками ангелъ Гавріилъ, Божій посланецъ; его изображаетъ бородатый мужчина съ покрываломъ на лицѣ и въ перчаткахъ. Играющіе ангеловъ, пророковъ, святыхъ и женщинъ являются всѣ съ закрытыми лицами. Затѣмъ проѣзжаютъ нѣкоторыя второстепенныя лица пьесы, также верхами; за ними толпа солдатъ; еще нѣсколько всадниковъ; оркестръ музыки, свирѣпо наигрывающій ужасный мотивъ. Затѣмъ слѣдуетъ стадо верблюдовъ, на которыхъ въ корзинкахъ сидятъ жены, дѣти и внуки мученика. За ними на красивомъ конѣ — Казимъ, молодой племянникъ Хуссейна; при его появленіи въ толпѣ раздается плачъ и вздохи сожалѣнія по поводу его близкой смерти. Хассанъ, братъ мученика, слѣдуетъ за Казимомъ. Въ это время раздается громкій звукъ трубы, и послѣднимъ показывается на безцѣнномъ конѣ главное лицо трагедіи, въ тюрбанѣ и въ халатѣ темно-зеленаго цвѣта (священный цвѣтъ пророка и его потомковъ). Присутствующіе при его появленіи бьютъ себя въ грудь кулаками и начинаютъ

Персидскій мулла.

кричать: „Хуссейнъ! О Хуссейнъ! Несчастный Хуссейнъ!“ Вся процессія трижды обходитъ сцену при возгласахъ и крикахъ симпатіи и сожалѣнія толпы, доведенной до фанатическаго воодушевленія и слившейся въ густую траурную массу для того, чтобы взирать на многочисленныя дѣйствія священной драмы.

Содержаніемъ драмы служатъ главныя событія священной исторіи: грѣхопаденіе Адама и Евы, Каинъ и Авель, жертвоприношеніе Исаака, Агарь и Измаилъ. Все это служитъ только прологомъ главнаго момента драмы—смерти Хуссейна, его товарищей и семейства.

Въ драмѣ нѣтъ никакихъ претензій на сценичность, но персіяне умѣютъ передавать древнія событія съ чрезвычайнымъ реализмомъ формы. Плѣнные, напримѣръ, закованы въ цѣпи или колодки, наглядно показывающія ихъ несчастное положеніе. Свадьба злополучнаго Казима совершается съ должной торжественностью. Битвы и схватки производятъ впечатлѣніе полнѣйшей иллюзіи. На сценѣ ставится огромная палатка Хуссейна, а его жены и дѣти пріѣзжаютъ на верблюдахъ. Актеры не простые любители: они предаются игрѣ съ самаго дѣтства и унаслѣдовали всѣ преданія національной драмы отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Когда они были дѣтьми, ихъ заставляли изображать дѣтей Хуссейна; мальчикъ (женщины вовсе не принимаютъ участія въ представленіи), изображающій нѣжную Рукію *), черезъ годъ или два будетъ играть роль Казима; позднѣе ему будутъ поручены другія болѣе серьезныя роли, пока наконецъ ему не придется выдержать на своихъ плечахъ трудныхъ и отвѣтственныхъ ролей Шемра, Іезида, Гавріила или даже самого Хуссейна. При этомъ для исполненія нѣкоторыхъ ролей полагается по два и по три актера. Въ общемъ эти актеры играютъ недурно, но многіе изъ нихъ держатъ въ рукѣ тетрадку съ ролью, къ которой прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда память имъ измѣняетъ. Такая простая система имѣетъ свои преимущества въ драмѣ, которая длится двѣ недѣли, играется разъ въ годъ и по величинѣ равна толстому тому. Дѣйствіе никогда не задерживается; явленія и выходы совершаются съ большою правильностью и гладкостью. Стихи пьесы произносятся вообще съ большимъ толкомъ и чувствомъ, а иногда съ неподражаемымъ талантомъ. Самое обширное поле для декламаціи предоставлено актерамъ, играющимъ роли „тирановъ“, каковы Шемръ и Іезидъ. Описаніе убійства Хуссейна Шемромъ и укоровъ его совѣсти чрезвычайно чувствительно. Понимая языкъ и грустное содержаніе пьесы, почти невозможно бываетъ избѣжать возбужденія, которое овладѣваетъ всѣми зрителями.

Представленіе начинается троекратнымъ обхожденіемъ сцены всѣми

*) Сестра Хуссейна.

актерами; почти всѣ они верхомъ на богато убранныхъ лошадяхъ; два оркестра играютъ кто въ лѣсъ, кто по дрова. Затѣмъ на сцену выходятъ нѣсколько юношей, обыкновенно сыновья мѣстныхъ мелкихъ лавочниковъ, становятся полукругомъ и затягиваютъ фальцетомъ гимнъ въ честь шаха, его семьи и всей династіи. На сценѣ показывается Али-Акбаръ *), полный жизни и воинственной энергіи; станъ его облегаетъ стальная броня, а голова защищена круглой каской восточныхъ воиновъ; на ногахъ высокіе сапоги и въ рукамъ круглый щитъ. Онъ обращается съ рѣчью къ своимъ солдатамъ и къ врагамъ, коихъ на сценѣ собираются цѣлыя полчища. Кровожадный Шемръ ему отвѣчаетъ, послѣ чего начинается поединокъ. Али-Акбаръ вскорѣ повергаетъ Шемра на землю и собирается нанести ему смертельный ударъ, но подоспѣвшіе воины Іезида освобождаютъ его и окружаютъ Али-Акбара. Послѣдній творитъ чудеса храбрости и обращаетъ въ бѣгство всѣхъ нападающихъ. Раненый, измученный битвою Али-Акбаръ опирается на вѣрный мечъ и произноситъ краткій монологъ. Появляется Хуссейнъ; они бросаются другъ другу въ объятія и объясняютъ свое безвыходное положеніе. Въ то же время приходитъ толпа плачущихъ женщинъ и дѣтей. Али-Акбаръ съ ними прощается; беретъ изъ рукъ одной матери младенца и цѣлуетъ его (въ рядахъ женщинъ зрительницъ раздаются вопли и визгъ). Затѣмъ Али-Акбаръ говоритъ, что долженъ умереть. Въ знакъ горести женщины и дѣти покрываютъ головы пригоршнями соломы (солома замѣняетъ посыпаніе пепломъ). Послѣ этого всѣ уходятъ кромѣ Хуссейна и Али-Акбара. „О мой господинъ,—говоритъ Али-Акбаръ,— дайте мнѣ одежду, въ которой я бы могъ пойти навстрѣчу вѣрной смерти“. Хуссейнъ исполняетъ эту просьбу, надѣваетъ на него бѣлый саванъ, показывающій, что восточный воинъ не ждетъ и не проситъ пощады и готовъ умереть. Барабаны громко гремятъ; мужчины и женщины бьютъ себя въ грудь, вскрикивая: „горе, горе Али-Акбару!“ Хуссейнъ уходитъ. Появляется нѣсколько десятковъ солдатъ Іезида. Али-Акбаръ, сказавъ имъ нѣсколько словъ, производитъ нападеніе, которое солдаты отражаютъ воображаемыми стрѣлами. Происходитъ всеобщая свалка, масса солдатъ падаетъ отъ руки Али-Акбара; самъ герой на минуту исчезаетъ и показывается вновь, покрытый стрѣлами, въ окровавленной одеждѣ и лишь съ одной рукой. Онъ выступаетъ впередъ нетвердыми шагами и упавшимъ голосомъ вызываетъ на бой своихъ противниковъ, нерѣшительно столпившихся въ углу сцены. Они опять на него нападаютъ; онъ убиваетъ нѣкоторыхъ и убѣгаетъ со сцены, крича: „Хуссейнъ! О Хуссейнъ!“ Затѣмъ происходитъ довольно смѣшной пассажъ. Али-Акбаръ появляется безъ рукъ, держа

*) Сынъ Хуссейна.

саблю въ зубахъ. На него бросается солдатъ, котораго онъ убиваетъ, но подоспѣвшая толпа его окружаетъ и обезоруживаетъ. Ему отрубаютъ голову и сажаютъ ее на колъ. Оркестръ гремитъ маршъ, и процессія солдатъ съ тѣломъ Али-Акбара проходитъ по сценѣ. Зрители плачутъ, колотятъ себя въ грудь и вопятъ. Этимъ заканчивается дневное представленіе.

Въ день „катля“, или убійства Хуссейна, театръ кишитъ народомъ. Сцена умерщвленія Хуссейна напоминаетъ только что описанное умерщвленіе Али-Акбара. Намъ эти сцены могутъ показаться дѣтскими, но на персіянъ онѣ производятъ сильное впечатлѣніе. Не видно ни одного сухого глаза, а груди зрителей покрыты синяками отъ нанесенныхъ ударовъ. Когда персіянинъ любуется драмой, онъ вспоминаетъ, что принадлежитъ къ шіитамъ и проклинаетъ суннитовъ, убійцъ его святыхъ. Въ странѣ, гдѣ не дается другихъ пьесъ, кромѣ этой, вполнѣ понятенъ преувеличенный энтузіазмъ, который она возбуждаетъ въ населеніи. Когда европеецъ впервые видитъ это зрѣлище, многое въ немъ кажется ему смѣшнымъ; позднѣе, когда онъ выучивается языку и узнаетъ народъ, онъ уже не относится съ прежнею насмѣшливостью, а испытываетъ впечатлѣнія другихъ зрителей.

Изданія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, въ Москвѣ.

Народы Европейской Россіи. Наброски перомъ и карандашомъ. Рисунки Л. Л. Бѣлянкина. Текстъ подъ редакціей проф. Н. Ю. Зографа. Три выпуска формата in-folio, содержащихъ въ себѣ художественно исполненныя фототипическимъ способомъ свыше 200 фигуръ типовъ народовъ населяющихъ Европейскую Россію, дающихъ наглядное и вѣрное представленіе о наружномъ, видѣ народностей, изображеніе ихъ жилищъ, одеждъ, бытовыхъ и этнографическихъ особенностей, домашней обстановки и характерныхъ сценъ изъ народной жизни.

Цѣна за всѣ три выпуска 1 руб. 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв вып. 1-ый одобренъ для ученическихъ библіотекъ высшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и всѣ три включены въ каталогъ книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Де-Фо, Даніэль. Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо, іоркскаго моряка, разсказанныя имъ самимъ. Полный переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго. *Одобрено* Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ портретомъ автора и 100 прекрасными иллюстраціями въ текстѣ. Клише исполнены въ Лондонѣ. М. 1888 г. Цѣна за 2 тома 4 руб., пересылка по разстоянію за 3 фунта. Въ роскошномъ переплетѣ цѣна 5 руб.

Лермонтовъ, М. Ю. Сочиненія. Художественное изданіе. Текстъ вновь пересмотрѣнъ и исправленъ по рукописямъ поэта, согласно указаніямъ извѣстнаго библіографа П. А. Ефремова. Біографія поэта и критическая статья объ его произведеніяхъ написаны И. И. Ивановымъ. Рисунки исполнены исключительно для этого изданія художниками: И. К. Айвазовскимъ, В. М. Васнецовымъ, А. М. Васнецовымъ, М. А. Врубелемъ, Е. Е. Волковымъ. Н. М. Дубовскимъ, С. В. Ивановымъ, К. А. Коровинымъ, В. К. Менкъ, В. Е. Маковскимъ. В. Д. Поленовымъ, Л. О. Пастернакомъ, И. Е. Рѣпинымъ, К. А. Савицкимъ, В. А. Сѣровымъ, В. И. Суриковымъ, К. А. Трутовскимъ и И. И. Шишкинымъ. 3 тома. М. 1891—1899 г. Цѣна 6 р. Въ двухъ роскош. переплетахъ цѣна 7 р. 50 к. **Томъ третій** (приложеніе къ 1 и 2 томамъ. М. 1899 г.) продается отдѣльно, цѣна 1 р., въ переплетѣ 1 р. 65 к.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествіе Лемьюэля Гулливера. Полный переводъ П. Канчаловскаго и В. Яковенко, съ біографіей Свифта и примѣчаніями Вальтеръ Скотта, Шеридана, Кука, Тейлора, Теккерея и др. Томъ I. Путешествіе въ Лилипуту и Бробдиньягъ. Томъ II. Путешествіе въ Лапуту и въ Гуигнгнамъ. Съ 164 рисунками, рѣзанными въ Лондонѣ. М. 1890 г. За 2 тома цѣна 4 р. 40 к. Пересылка по разстоянію за 3 фун. Роскошный переплетъ 1 р.

Тысяча одна ночь. Арабскія сказки. Новый полный переводъ Ю. Доппельмайеръ, съ 450 рисун. въ текстѣ, въ трехъ томахъ. При второмъ томѣ помѣщена статья академика А. Н. Веселовскаго, написанная для этого изданія (пересылка каждаго тома за 3 фун. по разстоянію). Томъ I, изд. 2-е. Ц. 3 р. 15 к. Томъ II. Ц. 2 р. 75 к. Томъ III. Ц. 2 р. 75 к. (за переплеты по 50 к. за каждый томъ).

Тиндаль. Теплота, разсматриваемая какъ особый родъ движенія. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей проф. А. Шимкова, съ 120 рисун. въ текстѣ. Книга рекомендована Мин. Нар. Просв. для фундамен. и ученич. библ. муж. и жен. гимназій, реал. училищъ и учител. семинарій, а также для библіотекъ учит. институтовъ и городскихъ училищъ. Изданіе 2-е. М. 1889 г. Цѣна 2 р. (вмѣсто 3 р. 75 к.).

Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Перев. съ 4-го англ. изданія подъ ред. проф. А. И. Кирпичникова. Содержаніе: Введеніе.—Вліяніе Англіи на міросозерцаніе Вольтера.—Его литературная дѣятельность.—Жизнь въ Берлинѣ.—Борьба съ католицизмомъ.—Вольтеръ, какъ историкъ.—Жизнь въ помѣстьѣ „Ферне“. М. 1889 г. Ц. 2 р.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или новая Элоиза, или письма двухъ любовниковъ, живущихъ въ маленькомъ городкѣ у подножья Альпъ. Пер. П. Канчаловскаго. Съ портретомъ Ж.-Ж. Руссо и рисунками. М. 1892 г. Цѣна 2 р.

Жоржъ-Зандъ. Сочиненія. Томъ I. Замокъ Вильпрэ. (Le compagnon du tour de France). Перев. Ю. В. Доппельмайеръ. М. 1892 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ (популярная физика). Содержаніе: Кн. I. Фонографъ. — Телефонъ. — Телефонографія. — Телефотъ.— Кн. II. Электрическая энергія.— Кн. III. Свѣтовая энергія.—Физическіе опыты безъ аппаратовъ. М. 1892 г. 516 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Главный складъ изданій при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° **въ Москвѣ:** Пименовская, соб. д.; и отдѣленіяхъ: **въ С.-Петербургѣ:** Фонтанка, 117, типогр. М-ва Путей Сообщенія; **въ Кіевѣ:** Караваевская, 5.

Цѣна 2 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,

Москва, Пименовская ул., с. д., телефонъ № 526,

и отдѣленіяхъ: **С.-Петербургъ**, Фонтанка, 117, и **Кіевъ**, Караваевская, 5.

38